

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

11-12
1897

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о,
Писемская ул., собств. домъ.

1897.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Ен. Лѣтковой. . .	1
II. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гемлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго. <i>Продолженіе</i>	63
III. ВЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича.	114
IV. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Вернголя. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i>	145
V. СКУЧНЫЙ ГОРОДЪ.—Д. В. Григоровича	187
VI. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА».—Н. Н. Случевского	203
VII. НАЧАЛО ПЕРЕДѢЛОВЪ ЗЕМЛИ НА СѢВЕРѢ РОССИИ.—В. В.	1
VIII. МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ.—И. Озерова.	33
IX. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ БЕССАРАБІИ.—Н. Я. Бы- ховскаго	49
X. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.— В. П. Вахтерова.	79
XI. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ГРАМОТНОСТИ.—Г.	97
XII. ВОПРОСЪ О НАЕМНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХО- ЗЯЙСТВѢ. <i>Окончаніе</i> .—Е. Варбъ.	104
XIII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . .	126
XIV. ПОЛЬКА. Элизы Ожешковой. Переводъ съ польск. В. М. Л. . .	143

LIBRARY OF
UNIVERSITY OF TORONTO

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1897.

70 1111
A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Москва, типо-литогр. ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва М. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. дворъ.

AP50
R875
v. 18:11-12
MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. (Повѣсть). <i>Окончаніе</i> .—Ек. Лѣтковой. . .	1
II. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гэмлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго. <i>Продолженіе</i>	68
III. КЛЮЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича.	114
IV. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Верніоля. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i>	145
V. СКУЧНЫЙ ГОРОДЪ.—Д. В. Григоровича	187
VI. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА».—Н. Н. Случевского	203
VII. НАЧАЛО ПЕРЕДѢЛОВЪ ЗЕМЛИ НА СѢВЕРѢ РОССИИ.—В. В.	1
VIII. МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ.—И. Озерова	33
IX. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ ВЪ БЕССАРАВІИ.—Н. Я. Бы- ховскаго	49
X. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ.— В. П. Вахтерова.	79
XI. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ГРАМОТНОСТИ.—Т. . . .	97
XII. ВОПРОСЪ О НАЕМНЫХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХО- ЗЯЙСТВѢ. <i>Окончаніе</i> .—Е. Варбъ.	104
XIII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . .	126
XIV. ПОЛЬКА. Эскизы Ожешковой. Переводъ съ польск. В. М. Л. .	143

XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Телеграмма Государя Императора графу Д. А. Милютину. — Школа и вѣротерпимость. — Дѣло кн. Ухтомскаго съ <i>Новымъ Временемъ</i> . — Къ вопросу объ отмѣнѣ телѣснаго наказанія. — Трудъ проф. Яснопольскаго. — Новокрѣпостники въ Чернскомъ уѣздѣ. — Двадцатипятилѣтіе общества распространенія народнаго образованія въ Нижегородской губерніи. — Юбилей М. М. Стасюлевича	172
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	184
XVII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театр»: <i>Питомка</i> , комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, И. В. Шпагинскаго. — <i>Невѣрная</i> , комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Роберта Бракко, переводъ В. К. Мюлле (Васильева). — <i>Джентльменъ</i> , комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, кн. А. И. Сумбатова.—Ан.	191
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика. — Педагогика. — Критика и публицистика. — Исторія, исторія литературы, біографія. — Естествознание. — Народныя изданія. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь. — «Новое Слово», сентябрь. — «Міръ Божій», октябрь. III. Слѣсокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1897 г.	481
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ *).

(Повѣсть).

10 июля.

Ничего не могу дѣлать. Сажу и смотрю вдаль. Вотъ воробей налетѣлъ на бабочку и принялся клевать ее. Она бьется подъ его клювомъ. Прилетѣлъ другой воробей, отнялъ бабочку и упорхнулъ куда-то... Чувствуешь ли она что-нибудь?...

10 июля, 8 часовъ вечера.

Прождала весь день. Устала, измучилась... Не могла ничего дѣлать, все время прислушивалась, не ѣдутъ ли. И вдругъ стукъ колесъ. У меня духъ захватило и ноги отказались двигаться... Я слышала, какъ подѣхали къ дачѣ и остановились. Я едва овладѣла собой и сдѣлала равнодушное лицо. На террасѣ стояла мамá. Что-то досадливое, почти злое, шевельнулось во мнѣ. Одну секунду, правда, но я не хочу лгать и притворяться. Я разсердилась, что это мамá, а не... Какая я злая, отвратительная! Мать очень измѣнилась, стала такая худенькая и маленькая, точно ребенокъ.

— Мамá, какая ты блѣдная! — не могла не вскрикнуть я.

Она такъ горько заплакала, что я все поняла.

— Почему ты не приходишь? Подумай... Почти три недѣли... Я все ждала тебя, все ждала... И за что разсердилась? За кого?

Я сама не отдала бы себѣ отчета, почему такъ долго не была у мамá. Я такъ была поглощена своими мыслями, что ни разу и не подумала, какъ страдала она все это время отъ того, что я, живя такъ близко — не бывала у нея. Меня просто не тянуло къ ней, не тянуло dans son salon basbleuesque, какъ говорить Дмитрій Александровичъ. Мнѣ ни разу не пришло въ голову, что я доставляю такое страданіе моей бѣдной, милой матери.

* Русская Мысль 1897 г., кн. X.

— Я — эгоистка, безсердечная, жестокая!
 — Довно, Деля. Всѣ дѣти безсердечны относительно своихъ родителей. Всѣ счастливые люди эгоистичны. Любовь и счастье усыпляютъ, заслоняютъ собою весь миръ.

Мнѣ хотѣлось сказать ей, что я несчастна, что я страдаю, и слова не шли у меня съ губъ. Я просто отвыкла быть откровенной съ матерью, отучила себя съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ противъ ея воли. Я прижалась къ ея плечу такъ, какъ дѣлала это, когда была маленькая, и слезы противъ воли потекли изъ моихъ глазъ.

— Ты знаешь, я не могу жить безъ тебя, говорила мамѣ. Мы можемъ расходиться въ нѣкоторыхъ взглядахъ, можемъ спорить, но въ основныхъ вопросахъ мы — единомышленники. Ты никогда не покраснѣешь за меня. Я никогда не отрекусь отъ тебя. Ты — моя и не измѣнишь моимъ принципамъ... Ты знаешь, ты у меня одна.

Я была счастлива, плакала и цѣловала мамѣ. И вдругъ мнѣ стало страшно, что войдетъ Дмитрій Александровичъ и увидитъ насъ. Я знаю, что онъ не любитъ мамѣ; онъ не сочувствуетъ ея дѣятельности, ея простому и строгому отношенію къ жизни и людямъ. Да и мамѣ не симпатизируетъ Дмитрію Александровичу. Вѣдь мы изъ за него же въ послѣдній разъ чуть не поссорились съ нею. Я плакала и цѣловала мамѣ, а сама посматривала на дверь и ловила себя на этомъ и презирала себя.

— Пойдемъ ко мнѣ въ комнату! наконецъ, сказала я.

Когда мы вошли ко мнѣ, я видѣла, какъ мамѣ оглянулась кругомъ и точно пересчитала всѣ цвѣты, заполнявшіе мою комнату.

— Какъ ты себя разстраиваешь нервы этими! — сказала мамѣ.

А въ ея голосѣ я читала упрекъ за эту роскошь. И мнѣ хотѣлось повернуть все въ шутку.

— А сколько бы семей можно накормить этими цвѣтами? — сказала я.

— Не знаю, — сухо отвѣтила мать. — Я никогда въ жизни не покупала такихъ громадныхъ букетовъ... А подарковъ я не принимала.

И опять точно что-то оборвалось между нами, но я чувствую, что она права, что она святая. Да вѣдь не всѣ же могутъ быть святыми. Я не въ мамѣ. Господи, какъ я устала!... Солнце закатилось. Золотистыя облака застыли надъ землей. Вѣтеръ утихъ. Не буду ждать... Устала... Измучилась... Бто - то подѣхалъ... Онъ!...

3 часа ночи.

Какъ хорошо жить, какъ страшно жить!... Окно открыто. Зеленыя листья трепещутъ и шепчутъ о чемъ-то. Выходитъ солнце. Бужетъ все розово: розовы легкія облачка, розовы стволы березъ, весь воздухъ розовый, веселый.

Дмитрій Александровичъ пріѣхалъ часовъ въ девять. Вчерашнего веселья какъ не бывало. Онъ вошелъ молча, молча поцѣловалъ у меня руку и сѣлъ въ дальній уголокъ террасы. Я тоже молчала. Онъ грустно смотрѣлъ на меня и мнѣ вдругъ стало такъ жалко его, такъ захотѣлось подойти къ нему и, какъ маленькаго, успокоить, приласкать, что я поскорѣе отвернулась и сказала:

— Что подѣлываете?

— Вы знаете, Елена Борисовна, что я ничего не дѣлаю. И, конечно, вы, какъ и вашъ мужъ, презираете меня за это.

Онъ всталъ и заходилъ изъ угла въ уголокъ.

— Зачѣмъ вы такъ говорите?—сказала я.

Онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ теплѣе и ласковѣе.

— Вы только не сердитесь на меня. Я самъ не знаю, зачѣмъ я говорю такъ, зачѣмъ ѣзжу къ вамъ. Не нужно ничего этого. Вы счастливы. Влюблены въ мужа. Онъ молодой, красивый, симпатичный. Я знаю, что совсѣмъ не нуженъ вамъ. Знаю, что лишній... И ничего не могу сдѣлать съ собой... Весь міръ вдругъ померкъ. Никого мнѣ не надо. Ничего не надо. Одну васъ... Да, да! Сердитесь, браните меня. Но что же мнѣ дѣлать? Я совершенно сознательно полюбилъ васъ.

— Дмитрій Александровичъ!—пыталась я остановить его.

— Да... Сознательно... Много же я видѣлъ женщинъ на своей вѣку. Увлекался... Влюблялся быть можетъ. Но такъ сознательно полюбилъ въ первый разъ. И въ этой любви вся моя жизнь. Что я дѣлаю?—я люблю васъ! О чемъ я думаю?—о васъ. Чего хочу?—васъ. Чего жду?—васъ... Бромъ этого ничего въ мірѣ не существуетъ для меня.

Я не знала, что со мной сдѣлалось. Мнѣ вдругъ стало такъ весело, такъ легко, хорошо, что я чуть не закричала отъ радости. И вмѣстѣ съ тѣмъ я сознавала, что не могу поддаваться этому настроенію, не имѣю права на это счастье, что должна бѣжать отъ него. И я вскочила съ кресла и убѣжала съ террасы.

«Надо все обдумать,—говорила я себѣ, уткнувшись носомъ въ подушку, какъ это дѣлала всегда въ дѣтствѣ.—Надо обдумать. Нельзя такъ. Нельзя! Нельзя, нельзя...»

А сердце билось такъ сильно, что я чувствовала его глухіе удары и они не давали мнѣ сосредоточиться.

«Надо обдумать. Какъ бьется сердце!... Причемъ тутъ сердце? Даже въ вискахъ отдается. Что же надо сказать?... Да... Ахъ, какъ хороша можетъ быть жизнь, если... Какой онъ милый, красивый, изящный! Какъ ласково и бережно онъ относится ко мнѣ!»

Я хотѣла думать о другомъ: о мужѣ, о долгѣ, а сама радовалась, что мужа нѣтъ дома, и не могла уяснить себѣ, что такое долгъ, когда такъ хорошо чувствовать себя любимой и дорогой.

Не помню, какъ я снова оказалась на террасѣ. Дмитрій Александровичъ сидѣлъ, опершись локтями о колѣни, и держалъ голову обѣими руками. Въ его позѣ было столько печали и какого-то одинокаго горя, что мнѣ опять неудержимо захотѣлось приласкать его; я подошла къ нему и тихо сказала:

— Хотите пройтись?

Мнѣ казалось необходимымъ переимѣнить обстановку, а вмѣстѣ съ нею и настроеніе. Я искренно вѣрила, что нашъ разговоръ не возобновится, и была довольна собою, что сумѣла найти исходъ изъ труднаго положенія. И я подумала: «Всегда зависитъ отъ женщины поставить мужчину такъ или иначе».

Было уже часовъ десять, но еще совсѣмъ свѣтло и очень тепло. Пахло колосающейся рожью, васильками и травой. Мы зашли куда-то очень далеко и молчали. Я не знаю, гуляла ли я когда-нибудь въ этомъ мѣстѣ. Какая-то скамейка съ покатою спинкой, небольшой темный прудъ, высокія деревья. Дмитрій Александровичъ сѣлъ близко ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и чему-то улыбнулся. Мнѣ вдругъ показалось, что въ этой тишинѣ, вдали отъ всѣхъ людей и условностей, можно говорить обо всемъ, не взвѣсивая, зачѣмъ и къ чему это поведетъ.

— За что вы могли полюбить меня?—спросила я.

— Какъ за что?—быстро отвѣтилъ онъ, точно ждалъ этого вопроса.—Да подобной вамъ я не только никогда не встрѣчалъ, но и встрѣтить не могу, потому что такой, какъ вы, нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Посмотритесь въ воду. Какіе у васъ глаза, какая вы стройная, изящная, тоненькая... Но все это не то. Я знаю, въ чемъ ваша главная прелесть, что меня держитъ въ постоянномъ очарованіи. Можно сказать?

— Говорите.

— Это необычайная чуткость вашей природы. Я сейчасъ же, какъ увидалъ васъ, понялъ чуткость вашего ума и сердца. Но тогда... вечеромъ, пятого апрѣля, я понялъ и вашу чуткость въ...

Простите... не буду. Но какъ мнѣ сказать это вамъ, я не встрѣчалъ такой гармоніи. У женщинъ всегда перевѣшиваетъ или психологія, или фізіологія. Вы единственная. И я положительно съ ума схожу. Вы разсердились на меня за то, что я будто бы полюбилъ васъ послѣ поцѣлуя, а поцѣловалъ не любя. Нѣтъ. Я и тогда любилъ. Иначе не ходилъ бы къ вамъ, не сидѣлъ бы часами, не смотрѣлъ бы на васъ. Только послѣ поцѣлуя я увидѣлъ, какъ все гармонично въ васъ, а выше гармоніи нѣтъ ничего на землѣ.

Я не знаю, что онъ говорилъ дальше, я опомнилась, когда почувствовала его горячія губы на моихъ дрожащихъ губахъ.

Когда мы шли назадъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Лёля! Лёля! Лёля!... Все въ этомъ словѣ. Слышишь: я тебѣ говорю Лёля и ты!... Да, ты, Лёля!...

Онъ уѣхалъ. Я осталась одна и сѣла писать это. Что мнѣ дѣлать теперь? Какъ дальше жить? Я хочу объ этомъ думать и не могу. Хочу казнить себя, каяться, а сердце бьется радостно и быстро. Кругомъ все спитъ. Ни души, ни звука. Солнце взошло только для одной меня: ясное, веселое, побѣдное; взошло и рассыпалось миллиардами золотыхъ искръ по росистой травѣ, по мокрымъ листьямъ, по моей душѣ.

12 іюля.

Я съ ума схожу. Я не смѣю сама себѣ признаться. Я жду приѣзда мужа, чтобы броситься передъ нимъ на колѣни, чтобы рассказать ему всю правду. Я не могу такъ жить, я не хочу лжи и обмана.

13 іюля.

Сегодня долженъ былъ пріѣхать мужъ и не пріѣхалъ. Я не знаю, какъ посмотрю на него. Минутами я ненавижу его за тѣ муки, какія я испытываю изъ-за него, за то, что онъ меня постоянно бросаетъ одну, за то, что онъ такъ ушелъ въ свою службу, въ свои интересы, за то, что ему точно и дѣла нѣтъ до меня. Порою мнѣ жаль его, какъ безпомощнаго ребенка, и я плачу отъ жалости къ нему и мучаюсь еще больше. Хоть бы скорѣе онъ пріѣхалъ, чтобы мнѣ вымолить его прощенье, чтобы избавиться отъ мучительнаго сознанія моей преступности.

Какъ часто я слышала и повторяла, что такая-то измѣнила мужу... И мнѣ никогда не приходило въ голову, сколько мужъ она пережила... Я еще никогда въ жизни такъ не мучилась, хотя... и никогда въ жизни не была такъ счастлива.

14 іюля.

Мужъ не былъ и сегодня. Я могу умереть, онъ и не побезпокоится, точно ему все равно... Отъ Д. А. каждый день письма.

Онъ не можетъ дня прожить безъ вѣстей о моемъ здоровьѣ, о моемъ душевномъ состояніи... Умоляетъ пріѣхать въ Петербургъ... Что же Владиміръ не ѣдетъ? Я просто съ ума схожу отъ муки, отъ счастья, отъ волненія.

15 іюля.

Я вся похолодѣла, когда услышала вздрагиванье бубенчиковъ на дворѣ дачи. Я пріѣхала изъ Петербурга до того переполненная счастьемъ и нѣжной жалостью ко всему міру, что свиданіе съ мужемъ совсѣмъ вышло не такое, какого я ждала.

— Вы что забыли въ Петербургѣ?—спросилъ онъ меня шуточно-радостнымъ тономъ.

Я стала слишкомъ торопливо и слишкомъ подробно разсказывать о дантистѣ, о моихъ зубахъ. Какъ онъ не замѣтилъ моего волненія, моего смущенія? Онъ беззаботно засмѣялся и сказалъ:

— Ты бы поменьше возилась со всѣми этими дантистами, здоровѣе была бы... Бери примѣръ съ меня.

.И онъ блеснулъ своими синевато-бѣлыми крупными зубами.

Вечеромъ пріѣхали товарищи мужа, и мы до разсвѣта праздновали именины Владиміра.

17 іюля.

Вчера была въ Павловскѣ у мамѣ. Весь день у нея кто-нибудь сидитъ и все пьютъ чай. Когда бѣдная мамѣ находитъ время работать? Сидитъ до разсвѣта... Я пріѣхала такая счастливая, что мнѣ было стыдно... Ужъ подходя къ террасѣ я услышала, что «спорятъ». Вѣдь, кажется, единомышленники, а все спорятъ.

— Наивысшее счастье,—говорила сотрудница мамѣ по изданію народныхъ книжекъ, Громова,—сознаніе, что участвуешь въ жизни вселенной... А это сознаніе дается только дѣторожденіемъ. Только рожденіе ребенка уясняетъ смыслъ всего прожитаго и пережитаго.

— Это своего рода эгоизмъ... Какое дѣло ребенку, что вы найдете въ его рожденіи наивысшее счастье и смыслъ прожитаго вами?—сказала я.

— Но за это я даю ему высшее благо—жизнь.

— Ну, это какъ сказать!—угрюмо вступился Бувшиновъ.

— А если онъ когда-нибудь упрекнетъ васъ, что вы дали ему это «благо», дали ему страданія? Что тогда?—горячо спросила я.

— Я напомню ему тогда, что человѣкъ на то и человѣкъ, чтобы имѣть всегда возможность избавиться отъ страданій и отъ жизни... Должно быть она, то-есть этасамая жи знь, сама по себѣ

благо, потому что всё такъ держатся за нее. Вѣдь людей—милліарды, а самоубійць—десятки.

— Конечно, боязнь и нежеланіе имѣть дѣтей—явленіе анти-соціальное,—серьезно и грустно сказала мамá.

— Оно безчестно, оно позорно! И женщина, для которой ея галія и флирты дороже радостей материнства, достойна только презрѣнія.

Весь вечеръ и всю ночь мнѣ было очень тяжело. И опять меня мучилъ «споръ сердца съ головой», какъ опредѣляла всегда мамá мою вѣчную тревогу... Я никогда и ничему не могла отдаваться всецѣло: голова парализовала чувство, сердце мѣшало головѣ... И въ этомъ моя мука.

19 іюля.

Какая прелесть Петербургъ лѣтомъ! Ни пыли, ни жары... Тихо, пусто. Точно городъ спящей царевны; все остановилось, все ждетъ пробужденія.

Вчера, возвратясь изъ города, я опять поѣхала къ мамá. Вотъ святая! Добрая, умная, какіе у нея гуманные, честные взгляды.

Пишу совсѣмъ не то, что хочется писать. А о *томъ* писать не умѣю.

20 іюля.

Какъ это тяжело! Владиміръ постоянно спрашиваетъ о Дмитріи Александровичѣ. Зачѣмъ ему? Сегодня опять сказалъ:

— А Львовъ такъ и пропалъ?

Я чувствовала, что мнѣ не произнести ни слова,—въ горлѣ точно застряло что-то.

— Должно быть махнулъ за границу... Въ деревнѣ ему не высидѣть.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не подозрѣваетъ возможности пребыванія Дмитрія въ Петербургѣ.

26 іюля.

Я живу какъ во снѣ... Постоянныя поѣздки въ Петербургъ, цѣлые часы, цѣлые дни вдвоемъ, въ тишинѣ, въ ласкѣ.

Когда Дмитрій сказалъ мнѣ, что не можетъ бывать у меня на дачѣ,—я и обидѣлась, и разсердилась... Теперь я вижу, что онъ и тутъ поступилъ умно и тонко. Дача—улица. Всѣмъ кругомъ есть до васъ дѣло, всѣ судятъ, всѣ хватаютъ грязными руками вашу радость, ваше счастье. Мнѣ было страшно, что кончатся наши прогулки, значить кончатся и наши долгія, тихія бесѣды гдѣ-нибудь въ тиши, на берегу пруда, когда не видно, гдѣ начинается вода и ругопасть берегъ, а только въ глубинѣ темнѣютъ туманныя отра-

женія деревьевъ и облаковъ, точно прислушиваясь, что дѣлается тамъ, въ этомъ таинственномъ мирѣ...

Я сначала не соглашалась поѣхать къ Дмитрію. Но, конечно, поѣхала... И тутъ онъ опять правъ. Дача—это предрасудокъ! Пыль, сѣрыя березы, террасы съ парусиной, разносчики, жара, непрошенные гости, несносные сосѣди...

Тамъ—громадная комната съ громадными окнами; нижняя половина ихъ затянута плотной матеріей и это даетъ особенное пріятное освѣщеніе всей комнатѣ, или atelier, какъ зоветъ ее Д. Огромный Будда спокойно смотритъ со своей высокой подставки на выцвѣтшія ткани, разбросанныя и развѣшанныя кругомъ, на начатую вопію лѣваго угла Prima Vega'ы Ботичелли, на старинное оружіе, на деревянную Мадонну, на мраморную Венеру.

Вторая комната поменьше, со сводами и громаднымъ каминомъ. Множество книгъ въ пожелтѣвшихъ бѣлыхъ кожаныхъ переплеткахъ, старыя картины въ старыхъ рамахъ, темныя стѣны, темныя портьеры, венеціанскій фонарь. Цѣлая стѣна занята превосходными снимками шести дней творенія Бёрнъ-Джонса: длинныя красивые ангелы изумленно смотрятъ своими широко-раскрытыми глазами на дверь, завѣшанную тяжелой, зеленовато-сѣрой матеріей, на которой вышито готическими буквами: «Qui n'est que juste—est dur, qui n'est que sage—est triste». Широкій, низкій диванъ, подъ балдахиномъ, покрытъ чернымъ блестящимъ мѣхомъ. Мягкія подушки, полусвѣтъ, тишина, тонкій запахъ духовъ, шепотъ, счастье, ласка, радость жизни, трепеть любви.

28 июля.

Я никогда не видѣла такихъ горькихъ слезъ, такого беззвучнаго горя, какъ сегодня. Пріѣхала Ольга Совѣтова—блѣдная, худая, страшная.

— Что съ тобой?—испуганно спросила я.

Она бросилась ко мнѣ и громко, неудержимо разрыдалась.

— Да что съ тобой? Расскажи мнѣ все откровенно,—сказала ей я.

Я уже приготовилась услышать рассказъ о какой-нибудь новой измѣнѣ княгини и внутренне смѣялась надъ «горемъ» Ольги. Оказалось хуже. Совѣтовъ недѣли двѣ тому назадъ уѣхалъ въ Харьковъ «на защиту», а вчера Ольга получила отъ него письмо изъ Парижа. Онъ пишетъ ей какъ товарищу, какъ другу, что отыскалъ княгиню въ Парижѣ, что она здорова и все ея весеннее недомоганіе объяснилось ожиданіемъ прибавленія семьи. Весь тонъ письма такой счастливый, такой жестоко-счастливый по от-

отношенію къ женѣ, что я не могла дочитать до конца. Ольга плакала горькими, тихими слезами.

— Тебя собственно что огорчаетъ такъ?—наконецъ сказала я.—Ты и раньше знала про отношеніе твоего мужа къ этой женщинѣ! Тутъ нѣтъ ничего новаго.

— Какъ нѣтъ новаго? А этотъ ребенокъ? Теперь Боля на всю жизнь ея рабъ, навсегда потерявъ для меня... Я думала дать ему развлеченіе и радовалась, что жизнь не была для него такой прѣсной, какъ для всѣхъ насъ. Теперь же не то... И потомъ—тутъ обманъ... Вѣдь онъ уѣхалъ будто по дѣлу... Поѣхалъ въ Харьковъ... Я туда ему пять писемъ до востребованія послала. А онъ въ Парижѣ, съ ней... Этого нельзя простить... Этого нельзя перенести.

Я молчала. Мнѣ невольно вспомнилось, какъ плакала Ольга, когда думала, что княгиня недостаточно любитъ ея Болю. А теперь плачетъ, что слишкомъ полюбила. Но когда я взглянула на ея съжившуюся фигурку, на ея горячія слезы, мнѣ стало искренно жаль ея.

— Еслибъ ты только знала, какъ я жалѣла его... какъ мы вмѣстѣ плакали съ нимъ, когда уѣхала княгиня... Сколько безсонныхъ ночей мы провели вмѣстѣ... И вотъ что онъ сдѣлалъ!... Обманулъ, уѣхалъ...

И она опять начала рыдать громко и болѣзненно.

— Я уѣду... заберу дѣтей и уѣду... Много я плакала, много переносила... Но этого перенести не могу... Леля, милая, научи меня что дѣлать!...

Что я могла сказать ей? Читать нравоученія было поздно и бесполезно. Утѣшать? Чѣмъ? Я видѣла, что ея горе слишкомъ искренне, слишкомъ остро, чтобъ успокоивать его банальными фразами и всѣмъ извѣстными словами.

2 августа.

Я замѣчаю, что съ нѣкоторыхъ поръ мамѣ точно избѣгаетъ говорить о Дмитріи Александровичѣ. А у меня какъ нарочно просто потребность постоянно вспоминать о немъ, хоть только называть его имя, хоть вскользь сказать одно слово, касающееся его. Такъ было и вчера. Я сидѣла на дачѣ у мамѣ и была очень довольна, что, наконецъ, застала ее одну. Передъ ней лежали корректурные листы, всѣ пестрые отъ поправокъ. Она ихъ перечитывала «начисто», какъ она говорила. Я предложила помочь ей и только что прочла первую строчку, «нужна чистота чело-

вѣку или нѣтъ?» — какъ вспомнила Дмитрія и совершенно невольно заговорила о немъ:

— А вотъ, мамѣ, Львовъ...

Мать перебила меня:

— Да, Леля, мнѣ давно хочется поговорить съ тобой объ этомъ господинѣ...

И въ ея голосѣ и въ тонѣ, какъ она произнесла «объ этомъ господинѣ», послышалось то раздраженіе, которое всегда заставляетъ меня съезживаться нравственно. Но я поборола себя и, стараясь быть спокойной, спросила:

— О какомъ господинѣ? О Дмитріи Александровичѣ?

— Да... О немъ... Что онъ, собственно, изъ себя изображаетъ?

Я не поняла ея вопроса.

— Вѣдь ты много разъ видала его, — сказала я.

— Да, видала и слышала... Но это все слова, слова и слова... Его товарищъ по университету, Ершовъ, рассказывалъ, что Львовъ кончилъ однимъ изъ первыхъ, былъ надеждой университета, поѣхалъ за границу писать диссертацию, да такъ и пропалъ.

— Да, правда! Онъ готовился на кафедру всеобщей исторіи... Увлекался средними вѣками... Писалъ диссертацию нѣсколько лѣтъ и бросилъ.

— Почему же?

— Она не удовлетворила его... У него слишкомъ большія требованія къ себѣ... Да, кромѣ того, въ Германіи его стала отвлекать отъ науки музыка... Онъ уѣхалъ въ Байретъ, да такъ и застрялъ тамъ... У него громадныя музыкальныя способности.

— И что же онъ сдѣлалъ изъ нихъ?

— Какъ что сдѣлалъ?

Я не знала, что отвѣтить мамѣ и мучительно хотѣла отвѣтить ей.

— Онъ отлично играетъ на фортепiano... А главное — онъ *понимаетъ* музыку, а это такъ рѣдко.

— Поэтому бросился въ живопись? — насмѣшливо спросила мать. — Онъ самъ сказалъ, что живетъ въ Италіи для живописи.

— Да... Онъ почти десять лѣтъ прожилъ въ музеяхъ... смотрѣлъ, учился, копировалъ... Онъ такъ изучилъ XIV и XV вѣка, что даже въ Европѣ былъ бы замѣтенъ.

Мать насмѣшливо улыбнулась и ничего не сказала. Замолчала и я. Мамѣ ходила по террасѣ и курила папиросу за папиросой, что всегда было у нея признакомъ большого волненія.

— Мама, давай читать корректуру,—сказала я, чтобы прервать это тягостное молчаніе.

Она точно не слышала меня и, какъ бы отвѣчая на свои мысли, сказала:

— Такое громадное имѣніе... Сколько бы можно сдѣлать... Сколько вліянія имѣть, сколько свѣта внести...

— Ахъ, мама! Ты опять про свое...

— Конечно! Я не могу ни на минуту забыть этого «своего»... Особенно когда вижу такого Львова... Богатый, здоровый, образованный и на что тратитъ жизнь?—Двѣ зимы копировалъ лѣвый уголъ «Весны» Ботичелли!... Ахъ, Фра Беато Анжелико! Ахъ, Гирландо!... Ахъ, «Quattrocentisti»!... Типичный дилетантъ!

— Мама!—сказала я,—который разъ ты говоришь это про Дмитрія Александровича...

— И опять скажу!... И онъ не одинъ!... Дилетантовъ у насъ народились тысячи... Въ разныхъ отрасляхъ, подъ разными масками этотъ дилетантизмъ наполнилъ нашу жизнь... Взгляни: въ литературѣ — дилетантизмъ, въ живописи — дилетантизмъ, на сценѣ, на баездрѣ—вездѣ пролѣзли дилетанты... И это—страшное зло... И надо бороться съ нимъ...

Мать замолчала. Молчала и я. И вдругъ она заговорила совсѣмъ другимъ тономъ, точно даже другимъ голосомъ:

— Я давно хотѣла съ тобой поговорить по этому поводу, Леля, да все не случалось... Оглянись ты на себя... Перебери свою жизнь... Опять тотъ же дилетантизмъ...

Я хотѣла отвѣчать, но мать заговорила еще горячѣе и нервнѣе:

— Ты шла въ гимназіи одной изъ первыхъ, но вѣчно бросаешься отъ одного увлеченія къ другому: то сидѣла ночи надъ сочиненіями по русской литературѣ, то начинала работать по исторіи; послѣ гимназіи бросилась на политическую экономію... Мнѣ хотѣлось направить твои способности, и ты страстно отдалась моему дѣлу... Какъ удачны вышли твои первыя книжечки для народа!... Ты сразу нашла вѣрный тонъ, безъ сладости, безъ поддѣлки подъ народный говоръ, безъ всей этой фальши... Я думала, что это твое настоящее призваніе... Мнѣ казалось, что ты тоже искренно отдалась этому дѣлу... Мы работали съ тобой такъ бодро, такъ весело. Вдругъ почему-то ты стала сомнѣваться... Откуда-то взялись сомнѣнія въ пользѣ нашего дѣла, заговорила о томъ, что народу не нужны наши книжки, что онъ не читаетъ ихъ... Ты постоянно повторяла, что мы носимъ воду рѣшетомъ, и я видѣла, что тебѣ стало тяжело дѣлать дѣло, въ которое у тебя не было

вѣры... И я ни слова не сказала тебѣ, когда ты перестала помогать мнѣ. Я видѣла, что ты «ищешь»... Я видѣла, что пока ты не уяснила себѣ своего пути и ждала. Налетѣла любовь... Пожалуйста, не перебивай меня... Да, любовь, влюбленность, — я не знаю этихъ тонкихъ градацій... Ты выбрала себѣ товарища на всю жизнь—вышла замужъ... Но развѣ я не вижу, что ты давно уже недовольна твоей жизнью?... Развѣ я не вижу, что ты постоянно раскаиваешься въ твоёмъ замужствѣ? И опять мечешься и чего-то ищешь...

Она замолчала и послѣ нѣкотораго усилія сказала:

— А теперь это увлеченіе иностранною поэзіей и эстетизмомъ. Точно ничего въ русской жизни тебя больше не трогаетъ, ты вся ушла въ звуки и краски... Бругомъ дѣлаются вопіющія вещи, ты постоянно слушаешь о нихъ, но не слышишь, — тебѣ нѣтъ никакого дѣла ни до чего, ни до кого... Ты говоришь о «новыхъ словахъ, о новыхъ формахъ, о новыхъ идеяхъ», но подъ всѣмъ этимъ чувствуется неисправимый дилетантизмъ... И ты чужая этимъ «новымъ формамъ», и онѣ чужія для тебя... И опять ты не удовлетворена, опять тревожна... Опять ищешь...

Въ другое время все, что говорила мамѣ, очень бы взволновало меня. Теперь же я слушала ее не то съ сожалѣніемъ, не то съ снисхожденіемъ. Она точно почувала это, потому что вдругъ горячо сказала:

— И вѣдь хуже всего то, что вы не только не дѣлаете дѣла, а относитесь свысока ко всѣмъ работающимъ людямъ... Смотри Львовъ... Онъ просто презираетъ всякій трудъ, всякую идейность. А ужъ къ литературѣ «съ тенденціей» прямо относится какъ къ чему-то низменному... На служеніе народу смотритъ какъ на недомыслие, какъ на работу ограниченныхъ и низменныхъ натуръ... И Львовъ не одинъ. Такихъ, какъ онъ, много... И они имѣютъ вліяніе на молодежь... Въ этомъ ихъ вредъ и состоитъ...

Мать говорила еще долго и горячо. Но странно, меня не взволновали ее слова: какая-то снисходительная жалость къ ней наполнила меня...

10 августа.

Сегодня или завтра окончатся большіе маневры, и мужъ приѣдетъ на дачу на нѣсколько дней... Я рѣшила все рассказать ему. Нельзя такъ существовать... Я ни одного дня, ни одного часа не бываю покойна. Дмитрій тоже съ ума сходитъ. Пока мы живемъ врозь: мужъ въ лагерь, я на дачѣ,—я могу проводить цѣлые дни у Дмитрія и никто не знаетъ, гдѣ я. Скоро всѣ съѣдутся въ го-

одъ; по одной лѣстницѣ съ Дмитріемъ живутъ Быстринскіе. Я встрѣчаюсь съ ними у Леонтьевыхъ. Мнѣ нельзя будетъ бывать у Дмитрія. Онъ ужъ и теперь въ постоянной тревогѣ...

12 августа.

Мужъ пріѣхалъ. Я больше недѣли не видала его. Маневры кончились вчера. Я ждала его съ какимъ-то болѣзненнымъ волненіемъ. Игъ было жаль его, жаль до слезъ. Когда я возвращалась изъ Петербурга, вся переполненная милыми словами, утонченными ласками, любовью, не признающей ничего и никого, кромѣ меня, — я вдругъ представляла себѣ моего бѣднаго Владиміра на жарѣ, въ пыли, усталого, замученнаго, несчастнаго... Онъ пріѣхалъ веселый, шумный, счастливый. На его загорѣломъ, совсѣмъ коричневымъ лицѣ сверкала улыбка, сверкали зубы, сверкали глаза. Онъ радовался свиданію со мной, радовался моему здоровому и счастливому виду, но больше всего радовался своей радости, — той радости, какую даетъ сознаніе исполненнаго подвига. А онъ смотритъ на результатъ маневровъ, какъ на подвигъ своего «корпуса». Онъ съ блескомъ въ глазахъ сталъ сейчасъ рассказывать мнѣ, какъ они, узнавъ, что противникъ ожидаетъ подкрѣпленій изъ Ропши, рѣшили занять оборонительную позицію; тогда «непріятель» приказалъ авангарду завладѣть переправами и устроить на томъ берегу «тетъ де поны» и занять ихъ...

На его мужественномъ лицѣ играла дѣтская улыбка, радостная и довѣрчивая, и я смотрѣла на него и радовалась его радости, съ тѣмъ чувствомъ, какъ старшій радуется невиннымъ забавамъ младшаго. «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало»... Онъ съ такимъ восторгомъ рассказывалъ, какъ началась атака, какъ стали дебушировать ихъ резервы и пошли на встрѣчу непріятелю, точно въ самомъ дѣлѣ отечество было въ опасности и теперь спасено...

Я слушала, слушала его и невольно подошла, взяла его за голову и поцѣловала.

И ничего не рассказала ему.

Чего я медлю? Я обѣщала Дмитрію быть свободной и не могу рѣшиться сказать мужу. Почему? Развѣ я его люблю? — Нѣтъ. Но онъ такой *свой*, такой довѣрчивый, добрый, милый, такой безпонищный, несмотря на свой мужественный видъ, что нѣтъ у меня силъ, нѣтъ рѣшимости такъ ужасно огорчить его.

Опять малодушіе, опять безволіе и вѣчная двойственность.

2 сентября.

Вотъ уже недѣля, что я въ городѣ, недѣля, что я очнулась... Вся вторая половина лѣта была сплошнымъ сномъ. Тепло, ласково,

весело, ярко и молодо. Все засвѣтилось, заискрилось вдругъ. Въ-сто одной жизни жилось сотней жизней. Всюду—въ чтеніи, въ музыкѣ, въ пѣснѣ слышались знакомые звуки, знакомыя волненія. До сихъ поръ я совершенно не обращала вниманія на то, какъ любовь пронизала и освѣтила всѣ великія произведенія человѣческаго гения. И лучшіе умы понимали это.

А вотъ Владиміръ не понимаетъ. Когда я сказала разъ, что если стѣдуетъ жить, то только для любви, онъ пришелъ въ ужасъ.

— А долгъ? А честь? А родина?...

Мнѣ не хотѣлось говорить на эту тему, но онъ какъ-то особенно злобно продолжалъ:

— Бульть любви проповѣдуютъ ничего не дѣлающіе люди... Намъ, чернорабочимъ, некогда охать да вздыхать.

— Благодарю тебя... Зачѣмъ же ты женился на мнѣ? — сказала я и шутила, и раздраженно.

— Оттого и женился, что считалъ всякіе романы да свиданія только потерей времени... Жена и любовь къ женѣ—совсѣмъ другое дѣло... Кажется, у Толстого гдѣ-то сказано очень хорошо на этотъ счетъ... Память у меня плоха на прочитанное... Но, помню, онъ такъ опредѣлилъ: жена—ноша, привязанная къ спинѣ: и нести можно, и руки развязаны... Ну, а «культъ любви»—это совсѣмъ иное... Тутъ надо празднаго человѣка... Мужичу некогда культивировать любовь, онъ и беретъ себѣ жену—работницу, помощницу...

— Безъ любви?... Значитъ и ты не любишь меня?—спросила я, почти обрадованная, что можно, наконецъ, выяснить наши отношенія.

— Неужели ты не понимаешь?—живо отвѣтилъ Владиміръ. — Ты—жена... Я ужъ тебя не могу отдѣлить отъ себя... Люблю ли я мою голову?... Должно быть люблю, потому что если кто покуситъ на нее, то не отдамъ даромъ. Точно такъ же и тебя... Я и представить себѣ не могу, что бы я сдѣлалъ, еслибы кто-нибудь захотѣлъ отнять тебя у меня... Искалѣчилъ бы, убилъ... не знаю, что сдѣлалъ бы... Должно быть люблю, но это не та любовь, о которой ты говорила сейчасъ... Я даже не замѣчаю, красива ты или нѣтъ? Не замѣчаю твоихъ глазъ, твоихъ волосъ... Ты — жена. И все въ этомъ словѣ... И я долженъ, еслибы понадобилось, отдать жизнь за тебя, и сдѣлалъ бы это безъ колебанія.

— А еслибы ты полюбилъ кого-нибудь?—спросила я.

— Этого не можетъ быть... Во-первыхъ, мы, Бармины, всѣ однолюбы; а во вторыхъ, я убѣжденъ, что всегда можно побороть въ себѣ чувство... На что же и данъ разумъ человѣку?

— Должно быть это не такъ легко... Сколько мы видимъ настоящихъ драмъ изъ-за любви.

— Не изъ-за любви, а изъ-за распушенности... Не желаютъ бороться...

Бороться! Я всю жизнь не плакала столько, сколько плакала нынѣшнимъ лѣтомъ... Я боролась и видѣла, что безсильна; я рѣшала бѣжать отъ любви — и съ радостью отдавалась ей, я старалась найти смыслъ жизни въ исполненіи долга — и только озлоблялась и противъ этого долга, и противъ всѣхъ ближнихъ... Все кругомъ казалось мрачно и бессмысленно жестоко. Самое существованіе потеряло смыслъ. Наконецъ, у меня не стало силъ бороться, не стало воли бѣжать отъ счастья. Мнѣ казалось блаженствомъ только увидѣть Дмитрія, услышать его, и я цѣлыми ночами плакала отъ горя, отъ жалости къ себѣ. Кому нужно мое страданіе? Во имя чего я, любя одного, буду отдавать жизнь другому? Единственный смыслъ моей жизни въ Дмитріи, и я ради какихъ-то придуманныхъ принциповъ жила вдали отъ него... И я безъ думъ, безъ сомнѣній бросилась съ головою въ счастье любви. Я поняла, что стоило родиться, стоило жить! И если мнѣ были суждены только эти два мѣсяца любви и счастья, я все-таки скажу, что стоило родиться... Я себя не оправдываю, и ничего не извиняю. Можетъ быть, я безнравственная женщина, отвратительная жена... Я ничего не знаю... Я только знаю, что я должна была полюбить Дмитрія, я не могла не полюбить его. Теперь я даже и представить себѣ не могу, какъ я могла бороться и бѣжать отъ него? Онъ такъ умѣетъ любить, что невозможно не отвѣчать ему. Дмитрій — весь любовь; вся его жизнь — любовь. Я каждую секунду чувствую, что этотъ человѣкъ всецѣло принадлежитъ мнѣ, что у него нѣтъ ни одной мысли, ни одного желанія, ни одного стремленія помимо меня и внѣ меня, что во всемъ мірѣ существую для него только я. Я читаю и въ его глазахъ, и въ его голосѣ, что онъ видитъ только меня, слышитъ меня одну. Онъ все во мнѣ находитъ красивымъ и я каждую минуту чувствую, что онъ любитъ мною. А какое счастье чувствовать, что любимый человѣкъ любитъ вами! Я до сихъ поръ не испытала этого. Владиміръ женился на мнѣ по любви, но онъ всегда говорилъ мнѣ, что я слишкомъ мала ростомъ, чтобы быть красивой, и что женщина съ сѣрыми глазами не можетъ назваться красавицей. Дмитрій говорить, что онъ не можетъ представить себѣ никого красивѣе меня, что онъ не измѣнилъ бы ни одной черты во мнѣ.

— А ростъ? — спросила я его.

— Женщина должна быть маленькой. Это даетъ ей такой милый, беспомощный видъ.

Я, конечно, не вѣрю этимъ словамъ и все-таки мнѣ пріятно ихъ слышать.

— Я люблю тебя именно за то, что ты такая, а не иная... И иную бы я не могъ любить такъ, какъ люблю тебя...

Дмитрій повторялъ мнѣ это постоянно, и я стала вѣрить его любви, — я не могла не вѣрить ей; я видѣла, какъ онъ жилъ моею жизнью, точно у насъ была одна душа съ нимъ. Онъ никогда не покоробилъ меня ни однимъ словомъ; онъ умѣлъ угадывать мое настроеніе: когда я была грустна, онъ былъ тихъ; когда я была весела, онъ сіялъ радостью и весельемъ. Никогда ни съ кѣмъ мнѣ не было такъ легко и радостно, какъ съ нимъ. И мало-по-малу я вся — помыслами, желаніями, надеждами, всѣмъ моимъ существомъ — стала принадлежать ему. Я дышала воздухомъ, наполненнымъ имъ, его любовью и не могла отдѣлится отъ него. Я знала, что ему тяжело говорить со мной о мужѣ, и я чувствовала, что онъ страдаетъ. Мы рѣшили отложить вопросъ о разводѣ до осени. Я была слишкомъ счастлива, чтобы рѣшиться разбить жизнь и сердце Владиміра. Я знаю, что это убьетъ его. Онъ пріѣзжалъ лѣтомъ рѣдко, я была веселая, счастливая, здоровая. Мой бодрый видъ радовалъ мужа, и онъ говорилъ, что я ему никогда такъ не нравилась, какъ теперь.

— Ты посвѣжѣла очень... — какъ-то сказалъ онъ мнѣ.

— Я пью молоко...

Я терпѣть не могу молока, но Дмитрій просилъ меня пить его, и я пила усиленно. И мнѣ было особенно пріятно сказать мужу о томъ, что я это дѣлаю. Владиміръ очень хорошо зналъ, что докторъ настаивалъ на молокѣ, и не упрасивалъ меня пить его. Мнѣ пріятно было упрекнуть мужа, хотя не для него же я хочу быть здоровой, какъ не для него одѣваюсь, не для него перемѣнила прическу, не для него дышу, не имъ живу... И вмѣстѣ съ этимъ мнѣ постоянно жаль его, каждую минуту стыдно передъ нимъ... Я чувствую, что я никогда не была такъ добра къ нему, какъ теперь, и онъ цѣнить это. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе сказать. А сказать необходимо. И такъ жаль разрушать все, такъ страшно приступать къ катастрофѣ...

2 сентября.

Вчера проводила мать. Докторъ послалъ ее въ Крымъ поправиться. Она нисколько не отдохнула за лѣто, совсѣмъ заработалась, но не хотѣла признавать этого, и я съ большимъ трудомъ

уговорила ее уѣхать. Ей точно совѣстно пожить хотя немного для себя, для своего здоровья. Взяла съ собой работу и, конечно, не отдохнетъ... У нея такая бодрость духа, такая ясность головы, что мнѣ и отрадно, и завидно смотрѣть на нее.

5 сентября.

Нѣтъ, нельзя такъ жить, надо рѣшиться... Мужъ постоянно дома, Дмитрій не въ духѣ, видаемъ урывками. Надо на что-нибудь рѣшиться... Владиміръ ничего не замѣчаетъ; онъ веселъ и доволенъ, онъ счастливъ, что мы опять вмѣстѣ, что началась снова наша «хорошая, зимняя жизнь».

— Въ первый и въ послѣдній разъ я поселилъ тебя отдѣльно на дачѣ, — какъ-то сказалъ онъ мнѣ.

— А что?

— Соскучился очень... Дошелъ до того, что чуть ли не ревновать началъ...

Я чувствовала, что вся поблѣднѣла и поторопилась переменить разговоръ. Тутъ бы мнѣ надо сказать, что я люблю Дмитрія, хочу быть его женой и прошу мужа дать мнѣ разводъ... А я глупо заговорила о Леонтьевыхъ, о Царскомъ, чуть ли не о погодѣ... Чего я боюсь? Боюсь горя мужа? Я знаю, что наносу ему ужасное оскорбленіе, обманывая его, но пока онъ не знаетъ, онъ не страдаетъ, а я должна своей рукой нанести ему этотъ ударъ и не рѣшаюсь, и малодушно отдаляю минуту объясненія.

Мужъ не привыкъ всматриваться въ меня и, конечно, не замѣчаетъ моей внутренней работы. Иначе онъ долженъ былъ бы облегчить мнѣ объясненіе, долженъ бы помочь мнѣ, разрубить этотъ узелъ. Будь онъ поумнѣе, а главное—потоньше въ нравственномъ отношеніи, онъ увидѣлъ бы, какой адъ у меня въ сердцѣ...

6 сентября.

Мужъ постоянно дома, увлекается передѣлкой квартиры, перестановкой мебели и покупкой новыхъ вещей. Не только читать, — сказать двухъ словъ съ Дмитріемъ негдѣ. Я не могу бывать у него. Я не хочу рисковать и давать на посмѣяніе имя мужа. Какъ глупы и несправедливы люди! Жена дѣлаетъ гадость, а смѣются надъ мужемъ! Гдѣ логика? Дмитрій не можетъ часто бывать у меня; онъ слишкомъ страдаетъ и отъ того, что долженъ лгать и быть любезнымъ съ Владиміромъ, и отъ того, что не можетъ выносить нѣжнаго отношенія ко мнѣ мужа. Стоитъ Владиміру взять меня за руку, чтобы Дмитрій блѣднѣлъ какъ смерть. И мнѣ жаль его, жаль и мужа, — онъ такъ любитъ меня, такъ вѣритъ мнѣ. И я не могу рѣшиться нанести ему страшное горе, какъ не рѣшилась бы ударить ребенка...

8 сентября.

Какъ это вышло? Съ чего началось? Да! Вчера за обѣдомъ я спросила мужа:

— Что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я сказала, что не люблю тебя?

Онъ, смѣясь, отвѣтилъ мнѣ:

— Сказалъ бы: на здоровье!

А потомъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, прибавилъ:

— Ужъ не влюбилась ли въ Львова?

И опять, вмѣсто того, чтобы сказать «да» и серьезно все объяснить, я ускользнула отъ правды и опять отдала рѣшительную минуту.

— Пожалуй!—продолжалъ мужъ.—Женщины, вѣдь, не любятъ простой, здоровой пищи. Имъ давай съ перцемъ и чтобы *faisandé*, вотъ какъ тотъ рябчикъ...

Я воспользовалась этою фразой, чтобы заговорить о провизии, о прислугѣ. И сама ненавидѣла себя за эту лживость и трусость.

А Владиміръ, какъ человѣкъ, любящій дисциплину и порядокъ въ хозяйствѣ, съ удовольствіемъ перешелъ на домашніе дѣла. Я отвѣчала ему, кажется, впопадъ, а сама думала о своемъ.

Вотъ чѣмъ милъ Дмитрій! Онъ живетъ выше всего этого... Съ нимъ просто стыдно было бы говорить о кухаркахъ... Онъ все время выше всѣхъ этихъ житейскихъ дрызгъ.

А въ это время мужъ перешелъ почему-то на излюбленную имъ тему о трудѣ и говорилъ:

— Трудъ облагораживаетъ человѣка... Что можетъ быть хуже тунеядца? Вотъ Львовъ, на примѣръ...

Я встрепелась.

— По моему, Львовы такъ же нужны обществу, какъ и рабочіе люди.

— Чѣмъ же это? — съ нескрываемымъ раздраженіемъ спросилъ Владиміръ.

— Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ... Мы всѣ слишкомъ погрязли въ работѣ... И не столько въ работѣ, сколько въ заработкѣ... Это угнетаетъ душу... опошляетъ общество... Необходимы люди безъ мѣщанскихъ добродѣтелей, вродѣ трудолюбія... Львовъ, во всякомъ случаѣ, на сто головъ выше какого-нибудь Сѣдлецкаго.

— Миръ двигается не болтовней, а дѣломъ...

— Зависитъ, какимъ дѣломъ...

— Да вотъ хотя бы тотъ же Сѣдлецкій... Понадобится родинѣ его жизнь—онъ отдастъ ее... Не задумается—отдастъ. А Львовъ ни однимъ своимъ полированнымъ ногтемъ не поступится...

Мы вышли изъ-за стола оба раздраженные и сердитые. Мужъ поѣхалъ къ маман. Я черезъ двадцать минутъ была у Дмитрія.

— Ты? Какими судьбами? — вскрикнулъ онъ, отворяя мнѣ двери.

Я не могла говорить отъ страха, отъ волненія, отъ счастья, что я опять у него, что я опять съ нимъ.

Дмитрій усадилъ меня на диванъ, далъ выпить какого-то питья, сѣлъ на коверъ у моихъ ногъ, цѣловалъ мои руки и ждалъ, чтобъ я первая начала говорить.

— Что ты дѣлалъ? — спросила я наконецъ.

— Ждалъ тебя.

Не знаю отчего, этотъ отвѣтъ наполнилъ меня такою радостью, что я забыла все на свѣтѣ и заговорила совсѣмъ не о томъ, съ чѣмъ пришла.

Только когда я уже собралась уѣзжать, онъ спросилъ меня:

— Какъ ты, наконецъ, рѣшилась придти ко мнѣ?

— Отъ злости.

— Я думалъ отъ любви, — грустно проговорилъ онъ.

— Да и любовь и злоба... Слушай...

И я рассказала ему мой разговоръ съ мужемъ. Дмитрій весело и радостно разсмѣялся.

— Теперь ты поняла, зачѣмъ мнѣ нужна свобода? Поняла? Ждать тебя. Ждать твоего зова, твоего прихода... Быть свободнымъ всегда, когда бы ни позвала ты меня... Какое удовлетвореніе тщеславія, какія деньги могутъ замѣнить это? Вдругъ ты мнѣ скажешь: я приду завтра въ два часа... А я тебѣ на это: извини, пожалуйста, я дежурный... Или: у меня засѣданіе... Да я не могу себѣ представить ничего подобнаго.

— Такъ я приду завтра въ два, — сказала я шутя.

— Приходи, приходи! Милая!... Мы сегодня не говорили о главномъ.

«Главное» — это разводъ, и Дмитрій всегда осторожно приступалъ къ разговору о немъ. Какой онъ чуткій!

Мужъ вернулся отъ маман, какъ всегда, ровно въ десять. Онъ прямо прошелъ ко мнѣ въ комнату и, какъ ни въ чемъ не бывало, ласково поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Маман хотѣлось бы тебя видѣть... Поѣдемъ къ ней завтра о мной... За что обижать старуху? Она такъ высоко ставитъ тебя.

И я, чувствуя внутри себя свою виновность передъ мужемъ, была ласкова съ нимъ и общалась поѣхать къ маман.

9 сентября.

Всю ночь мнѣ грезилась уютная комната со сводами, съ темными портьерами, съ громаднымъ каминомъ и венеціанскимъ фонаремъ. Сегодня утромъ я не могла отдать себѣ отчета, какъ я рѣшилась вчера поѣхать къ нему? И еще обѣщала придти сегодня въ два часа!! Не могу рѣшиться. Послала ему книгу съ запиской. Въ постскриптумѣ приписала: «Сегодня въ два часа мы у шапа». Ждала его весь день. Онъ не пришелъ.

Хорошая жена, любящая мать... Неужели это заслуга? Нѣтъ, любовь, идущая противъ предрассудковъ—заслуга! Любовь, требующая жертвъ и страданій—заслуга. А никто этого знать не хочетъ, никто не желаетъ считаться съ сердцемъ человѣческимъ. Установили законы, узаконили предрассудки, заковали себя цѣпями и думаютъ, что такъ надо. Точно жизнь для правилъ, а не правила для жизни.

11 сентября.

«Мы у шапа. У насъ гости...» Еслибъ вы знали, что значать эти слова для меня, вы бы не говорили такъ,—сказалъ мнѣ вчера Дмитрій.—Вы въ этихъ словахъ не отдѣляете себя отъ *него*, вы показываете мнѣ, что у васъ общая жизнь, общіе интересы... Тогда какъ вы моя и не могу я, чтобъ у васъ была отдѣльная отъ меня жизнь... Не могу»...

Что мнѣ дѣлать? Я чувствую, что дальше такъ нельзя и не знаю, что дѣлать. Я сознаю, что должна сказать мужу и мнѣ жаль убивать его, и минутами я готова отказаться отъ собственного счастья, чтобы не дѣлать несчастнымъ этого добраго, довѣрчиваго человѣка. Онъ такъ радуется всѣмъ моимъ желаніямъ, такъ стремится «побаловать» меня, что я нѣмѣю передъ нимъ и мучаю себя и мучаю Дмитрія.

13 сентября.

Получила письмо отъ Дмитрія. «Сегодня одинъ знакомый сказалъ мнѣ, что встрѣтилъ васъ съ мужемъ въ каретѣ. Вы о чемъ-то весело разговаривали. Не могу, не могу примириться. Когда я вижу васъ съ нимъ въ обществѣ, я забываюсь, стараюсь не думать... Но знать, что вы вдвоемъ—это невыразимое мученіе. И я никогда къ этому не привыкну и могу быть счастливъ только, когда этого не будетъ. Не думайте, что это чувство пройдетъ во мнѣ. Нѣтъ, я съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, какъ выше и лучше вы всѣхъ на свѣтѣ».

Бѣдный мой, милый Дмитрій!

15 сентября.

Мнѣ до слезъ хочется его видѣть. Вчера ждала весь день, весь вечеръ. Мужъ старался развлечь меня, просилъ ѣхать съ нимъ въ театръ. Я не могла отвѣчать. И чѣмъ ласковѣе онъ былъ, тѣмъ несчастнѣе я себя чувствовала, тѣмъ больше мнѣ было жаль себя. Сегодня утромъ я послала книгу Дмитрію и письмо, одну строчку: «Почему забыли?» Онъ отвѣтилъ: «Сижу дома:—нездоровится да и не могу я бывать у васъ... Не могу! Закрою глаза и вижу васъ, мою маленькую, мою обожаемую рядомъ съ нимъ... И страдаю невыносимо... Безконечно жажду быть съ вами... Вы необходимы мнѣ. Скучаю по вашимъ милымъ ручкамъ съ тонкими пальчиками. Придите, милая, любимая!»

Мужъ ни на минуту не отходитъ отъ меня.

17 сентября.

Маша серьезно заболѣла. У нея инфлуэнца, осложненная процессомъ въ легкихъ. Мужъ голову потерялъ. Все свободное время онъ проводитъ у матери, забѣгаетъ домой на минуту, ласковый, кроткій.

Отчего здоровые и веселые люди становятся какъ-то особенно жалки и беспомощны, когда на нихъ налетитъ горе?

Я цѣлые дни одна съ моими книгами, съ моими думами.

Дмитрій не приходитъ. Я отъ слезъ потеряла и волю, и силы... Измучилась, устала... Устала ждать, устала лгать, устала жить.

20 сентября.

Вотъ недѣля, что я его не видала. Мужъ сдѣлался еще ласковѣе, еще добрѣе и милѣе. Точно онъ чутьемъ угадалъ, какъ мнѣ тяжело... Или его собственное горе—болѣзнь матери—такъ подѣйствовало на него? Не знаю... Но меня мучаетъ его любовное отношеніе ко мнѣ и мнѣ жалко его, какъ беспомощнаго ребенка, который погибнетъ безъ меня. Вчера онъ такъ искренно, такъ горько плакалъ, рассказывая мнѣ, что доктора находятъ положеніе маша очень опаснымъ. Я смотрѣла на его широкія, вздрагивающія отъ рыданій плечи, на его красивое, свѣжее лицо, все лоснящееся отъ слезъ, и мнѣ стало такъ жаль его, что я сама чуть не расплакалась надъ нимъ. Какъ бы я была счастлива, еслибъ онъ былъ жестокъ и несправедливъ ко мнѣ!...

23 сентября.

Ничего не хочется дѣлать. Тоска гнетущая. Тишина давитъ на меня. Мужъ уѣхалъ къ мамѣ, и я опять одна, совсѣмъ одна. Дмитрій не хочетъ бывать у насъ. И это доводитъ меня до отчаянія. Я не могу спокойно говорить съ Владиміромъ. Иногда все въ немъ

раздражаетъ меня: и его здоровый видъ, и громаднѣйшій аппетитъ, и громкѣйшій голосъ—все. Когда я счастлива, когда я знаю, что Дмитрій меня любитъ—я люблю мужа, т.-е. не то что люблю, а хорошо отношусь къ нему. Я не знаю, какъ объяснить это. Совѣстно мнѣ что ли, жалко ли—не знаю,—но тогда онъ меня не раздражаетъ ни сколько. А какъ только я рѣшаюсь ради него отказаться отъ Дмитрія, отъ счастья, отъ единственной радости жизни—мужъ мнѣ становится невыносимъ. И когда я смотрю, какъ онъ спокойно уходитъ изъ дому и оставляетъ меня одну, мнѣ хочется рассказать ему всю правду, измучить его этою правдой. А какъ только онъ начинаетъ подозрѣвать, я всѣми силами стараюсь разсвѣять его подозрѣнія. И теперь, видя, что Дмитрій почти не бываетъ у насъ, мужъ совсѣмъ успокоился. Господи, какъ скучно жить на свѣтѣ! Какъ бессмысленно всю жизнь отъ самаго рожденія мучиться, мучить другихъ, дѣлать подлости и страдать, страдать безъ конца! Мама бы сказала, что мои страданія грошевыя, личныя. Да! И тѣмъ они ужаснѣе. Нѣтъ даже утѣшенія въ сознаніи величія своихъ страданій. Скучно мнѣ безпросвѣтно и все невыносимо кругомъ. Невыносима наша квартира съ двумя гостинными и дубовою столовой, невыносима вся обстановка, невыносимы всѣ знакомые... Конечно, еслибъ я была женою Дмитрія, жизнь бы шла умнѣе и ярче въ тысячу разъ. И права была мама, что не хотѣла моего брака съ Владиміромъ. Правъ Дмитрій, не желая быть въ нашей скучнѣйшей гостиной. Одна я неправа. Неправа въ томъ, что полюбила Дмитрія, что нѣтъ у меня смѣлости сказать всему міру, что я люблю не мужа.

1 октября.

Я не видала Дмитрія больше двухъ недѣль и не могу больше. Я чувствую, что несправедлива къ мужу и мучаю его моими капризами, моею раздражительностью, моею ненавистью къ нему. Сегодня онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ Дмитрія у тата, и прибавилъ: «Такой цвѣтущій!» И мнѣ захотѣлось броситься на мужа и задушить его!...

2 октября.

Я упросила Дмитрія подождать, переждать. Что переждать—я не сама не знаю... Я застала его вчера такимъ измученнымъ, такимъ блѣднымъ, такимъ жалкимъ (а мужъ сказалъ: «цвѣтущій!»), что я не могла не обѣщать ему всего, что онъ потребовалъ отъ меня: развестись, уѣхать съ нимъ за границу и не разставаться больше никогда, никогда... Я обѣщала, но не знаю, какъ исполнить это. Мнѣ кажется, что все должно устроиться само собою, и не вижу,

как же это может устроиться. Может быть, Владиміръ влюбится?... Едва ли... Может быть, умереть... Господи, какой ужас!... До чего я дошла!...

Дмитрій далъ слово ждать исхода болѣзни татап. Онъ понимаетъ, что теперь безтактно говорить съ Владиміромъ. Онъ такъ огорченъ, такъ пришибленъ болѣзнью матери, такъ измученъ бессонными ночами и постоянными переходами отъ надежды къ отчаянію... Онъ такъ нѣжно, такъ беззавѣтно привязанъ къ матери... И Дмитрій «уважаетъ» въ немъ это.

Я общалась бывать у Дмитрія, упросила его бывать у насъ.

Какое счастье любить и знать, что любима! Нѣтъ, ничто не сравнится съ этимъ!

16 октября.

Никогда я не была такъ счастлива, никогда! Правда, что въ жизни все условно, кромѣ любви... Любовь—вотъ настоящая радость жизни; когда проснешься утромъ и еще не успѣешь ничего сообразить, а уже радуешься чему-то, когда духъ замираетъ отъ одного воспоминанія о вчерашнемъ днѣ, когда ноги подкашиваются при видѣ милаго человѣка. Вотъ это счастье, не выдуманное людьми, не созданное воображеніемъ, а настоящее, жгучее счастье. И ничто не замѣнить его, и все можно претерпѣть за него!...

22 октября.

«Мы живемъ выше средствъ, мы не умѣемъ хозяйничать, жизнь становится все дороже и дороже»... Господи, какъ мнѣ надоѣло все это! Я знаю, что мужъ правъ, когда онъ ворчитъ, и все-таки не могу не сердиться на него и не сравнивать его съ Дмитріемъ. Тамъ, у него, я отдыхаю душой, тамъ я никогда не слышу слова «рубли» и забываю о нашей сѣрой, маленькой жизни. И развѣ я виновата, что я только и живу той минутой, когда я отъ «семейнаго очага» попаду туда, на мягкій диванъ, покрытый чернымъ мѣхомъ, къ человѣку, который ради меня готовъ отдать не только всѣ свои деньги, но покой, душу, жизнь.

Наши свиданія слишкомъ тревожны и коротки. Такъ много надо сказать другъ другу, такъ много передать... Тревоги ожиданія, безнѣгойство, что не приду, и радость, что пришла—вотъ обыкновенно въ чемъ проходитъ большая часть бесѣды... А затѣмъ опять ильбы о свободѣ... Я безповоротно рѣшила при первой же возможности сказать все мужу, а тамъ будь, что будетъ.

5 ноября.

Мнѣ кажется иногда, что я съ ума сойду... Свиданія урывками, истовыми и грустными... При разставаніи каждый разъ упреки,

мольбы, бѣшеная ревность и дѣтскія слезы... Дома—вѣчная комедія, двойная жизнь: говоришь одно, думаешь другое, смѣешься, когда хочется плакать, ломаешь себя каждую секунду... Нѣтъ, дольше такъ жить нельзя.

7 ноября.

И правда, изъ-за чего я терзаюсь? Почему не сломать все разомъ и не уйти къ Дмитрію? Уваженіе общества? То-есть собственно кого? Общество—туманное слово. Надо имена. М-ше Р—ва? Всѣ, кромѣ ея мужа, знаютъ, кто отецъ ея послѣдняго ребенка, всѣ говорятъ объ этомъ и никому въ голову не придетъ клеймить ее за это; напротивъ, если приглашаютъ Р—ву, непременно приглашаютъ и Бурова... Малыгины? Онѣ карьеристы, пресмыкающійся передъ сильными міра сего и дѣлающій карьеру съ помощью жены, она—не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы «вывести мужа въ люди»... Утесовъ? Вѣкъ свой проживающій на чужой счетъ: чужой обѣдъ, чужая жена, чужая ложа... М-ше Салина? Она вышла замужъ за богатаго человѣка безъ любви, прямо продала ему свою молодость и свободу и теперь кокетничаетъ направо и налево... И всѣ ухаживаютъ за ней, ѣздятъ къ ней, ѣдятъ вкусные обѣды и ругаютъ мужа, который всѣмъ въ тягость... Превосходительные биржевики, тайные полигамы, тартюфы, маски добродѣтели на пошлой испорченности и мелкомъ себялюбіи, грошевая проповѣдь морали и грошевое лицемѣріе—вотъ наше общество! Зачѣмъ мнѣ его уваженіе? И неужели оно стѣбитъ хоть какой-нибудь жертвы? Вчера Дмитрій сказалъ мнѣ:

— Подумай только, какой вздоръ ставишь ты выше счастья: уваженіе общества, которое ты не уважаешь, долгъ, который ты нарушаешь каждый день, каждую минуту... Ты не можешь быть хорошей женой, любя другого,—не можешь!... А главное—ты уже не замѣчаешь, какъ мы съ тобой погрязаемъ въ банальныхъ, мѣщанскихъ мелочахъ, въ унижительной ежеминутной лжи.

Я ничего не могла отвѣтить, я сама сознаю, что нельзя приносить жизнь въ жертву мѣщанскимъ требованіямъ.

Почему же я медлю? Не знаю... Мнѣ жаль Владимира, мнѣ страшно за будущее... Иногда нѣтъ мнѣ человѣка ближе Дмитрія, и я все готова отдать ради него, иногда онѣ мнѣ кажется такимъ чужимъ...

Мамап стало лучше. Ей велѣно перемѣнить воздухъ, и Владимиръ повезетъ ее на-дняхъ въ ея имѣніе.

15 ноября.

Завтра утромъ возвращается мужъ. Пять дней мы съ Дмитріемъ

были одни и какъ-то забыли, что Владиміръ вернется, что опять начнется прежнее.

Сегодня вечеромъ Дмитрій вдругъ сталъ нервный и тревожный.

— Деля, — нерѣшительно началъ онъ, — когда же?

— Не говори пока объ этомъ.

— Да скажи, чего ты ждешь? На что надѣешься? Чтобы все устроилось само собою? Какъ это по-женски, какъ это жестоко!

— Жестоко?

— Знаешь, когда я возвращаюсь отъ тебя и оставляю тебя съ нигъ, — я съ ума схожу отъ горя... Иногда я боюсь вернуться къ себѣ домой... Иногда мнѣ стоитъ страшныхъ усилій не возвратиться къ тебѣ, не надѣлать чего-нибудь безумнаго, но искренняго.

20 ноября.

Порою мнѣ кажется, что вся ревность Дмитрія сводится къ его самолюбію... Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что больше всего боится очутиться въ пошломъ положеніи. Вчера онъ прямо сказалъ мнѣ:

— Не мученія страшны мнѣ, — я все перенесу, даже, если нужно, разрывъ, — но я не перенесу пошлости... А положеніе любовника замужней женщины всегда пошло... Пошла эта тайна съ мелкими увертками и мелкимъ страхомъ, пошлы компромиссы... все пошло... И когда я дойду до того, чего вы желаете, то — есть буду совершенно доволенъ моимъ положеніемъ, вы будете имѣть полное право назвать меня пошлякомъ. И мнѣ это будетъ самое лучшее возмездіе за все.

— За что «за все»?

— Всю жизнь я боялся банальной исторіи съ женщиной. Я допускалъ все, что угодно, но не такое унижительное условіе.

— Что ты говоришь? — не могла я не вскрикнуть.

— Да, — сказалъ онъ. — Унижительно краснѣть, унижительно бояться, унижительно врать!

Я разрыдалась.

22 ноября.

Вчера Дмитрій былъ у меня, пришелъ Владиміръ и поцѣловалъ меня, какъ всегда... Дмитрій поблѣднѣлъ и закашлялъ. Я знаю его нервный кашель при каждомъ волненіи: радости, горѣ, удивленіи... Онъ всталъ и ушелъ такъ рѣзко, что я думала мужъ замѣтитъ. Но у Владиміра въ полку «исторія» и онъ хотѣлъ поскорѣе рассказать ее мнѣ и такъ радъ былъ, когда мы остались вдвоемъ, что ничего не замѣтилъ. Сегодня письмо Дмитрія. Я обыкновенно рву всѣ его письма, чтобъ они не попались мужу. Но я не могу расстаться

съ ними, — слишкомъ они дороги мнѣ. Я рѣшила списывать ихъ въ эту тетрадь.

«Я ревную васъ безумно и знаю, что это васъ озлобляетъ противъ меня. Что-жъ дѣлать? Не буду любить — не буду ревновать. Вы думаете, я примирился съ моимъ положеніемъ? Нѣтъ, никогда! Я молчу, но мысль, что ты не моя — вѣчно, вѣчно болитъ въ моемъ мозгу. Ты мнѣ говоришь: Неужели тебѣ мало знать, что я люблю тебя? Да, мало, мало. Мнѣ надо, чтобы ты вся, вся была моя, моя и ничья больше...

«Въ худшемъ случаѣ мужъ можетъ подозрѣвать жену. «Другъ» не подозрѣваетъ: онъ *знаетъ*, что любимая женщина принадлежитъ другому. Не можетъ не знать. И мириться съ этимъ постыдно.

«Иногда мнѣ страшно, чтобы эта мысль не привела меня къ ненависти... Когда я думаю, что все зависитъ отъ одной тебя (да, отъ одной тебя!), я ненавижу тебя, я не нахожу достаточно рѣзкихъ словъ, чтобы сказать тебѣ, какъ ты жалка въ твоей нерѣшительности, какъ ты жестока къ моимъ мученіямъ... Увижу тебя — все забуду. Твои глаза, губы, твой голосъ, твои духи, вся ты для меня — опьяненіе и безуміе. И я становлюсь пьянымъ, безумнымъ и готовъ идти на все, что ты прикажешь... Но пойми ты, что такое положеніе оскорбительно и некрасиво, что оно постыдно и мучительно. Позволь мнѣ все сказать Владиміру Степановичу. Вѣрь, что я сумѣю сдѣлать все порядочно и чисто».

Я рѣшила все «устроить» не медля.

Ночь.

Завтра или послѣ завтра я съ мужемъ ѣду въ деревню къ шатап. Когда Владиміръ вернулся сегодня со службы, швейцаръ подалъ ему телеграмму, и онъ, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ ко мнѣ. Въ телеграммѣ стояло: «Чувствую, что ухожу отъ васъ. Умоляю тебя, Hélène, приѣхать проститься».

Мать».

У меня не хватило духу отказать мужу ѣхать съ нимъ.

23 ноября.

Сейчасъ отъ него. Онъ не ждалъ меня и совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости меня видѣть. Онъ цѣловалъ меня, называлъ нѣжными именами, показывалъ мнѣ какія-то новыя книги и увражи, полученные имъ. Я ничего не видѣла и мысль объ отъѣздѣ больно билась въ моемъ мозгу.

— Что случилось? — вдругъ спросилъ онъ. — Ты что-то скрываешь отъ меня.

И въ его голосѣ было столько неподдѣльнаго испуга и горя, что я не могла скрывать ни минуты больше.

— Матап умираетъ... Просить пріѣхать...

— Ты ѣдешь?

— Да.

— Съ нимъ?

— Съ нимъ...

Дмитрій поблѣднѣлъ и заходилъ по комнатѣ.

— Это разрывъ?—спросилъ онъ.

Я не поняла его вопроса.

— Это конецъ, —уже утвердительно сказалъ онъ.—Мы больше не увидимся.

— Какъ? Почему?

— Неужели вы не понимаете? Я могъ мириться съ нашимъ ужаснымъ положеніемъ, потому что каждый день надѣялся измѣнить его. Понадобилась бы дуэль—вы знаете, я не отказался бы и отъ дуэли... Но я не могъ успокоиться на томъ, чтобы продолжать такъ всю жизнь: обманывать, лгать, красть, притворяться. Это пошло, подло, отвратительно... А вы? Вы уѣзжаете съ мужемъ съ тѣмъ, чтобы вернуться и начать прежнее.

— Дмитрій!—закричала я.

— И неужели вы думаете, что я могу примириться съ этимъ; знать, что вы тамъ, вдвоемъ, въ семейной обстановкѣ, въ семейномъ горѣ, и ждать, что вы вернетесь и начнутъ опять наши мимо-летныя встрѣчи и тайные поцѣлуи... Неужели вы думаете, что я пойду на это? Нѣтъ, ни за что! Лучше разрывъ, лучше смерть, чѣмъ прежній позоръ. Да, да, позоръ! И уѣзжайте съ мужемъ, и будьте счастливы съ нимъ, но не рассчитывайте, что васъ ждетъ прежняя «забава»!

Я видѣла, что онъ страдаетъ невыносимо, и не находила словъ отвѣчать.

— Почему вы не сказали ему всей правды? Чего вы ждали? Жалѣли, щадили? Все это жестокая сентиментальность. Да, жестокая сентиментальность!... И совершенно женская. Мы или любимъ, или не любимъ. Одно изъ двухъ. А вы можете любить такъ, любить иначе—на всѣ лады и въ одно время. Можете любить и не любить, жалѣть и пытаться—и опять-таки въ одно и то же время.

— Кто это «вы»?—уже злобно спросила я.

— Вы—женщины.

— Не говори такъ про всѣхъ женщинъ... Не смѣй такъ гово-

рить! Если я порочная, если я не умѣю любить, если я хочу и люблю лгать—твое несчастіе, что ты попалъ на такую.

— Вы не порочная... Вы не любите... Это все не то... Но вы не умѣете уяснить себѣ, чего вы хотите, къ чему вы стремитесь, чего вамъ надо... Вы даже не умѣете выяснитъ себѣ ваше чувство къ мужу... Вы сами не знаете—любите вы его или нѣтъ, какъ не знаете—любите ли меня. Ваше вѣчное безволіе дѣлаетъ несчастной и васъ, и тѣхъ, кто васъ любитъ. Неужели вы не видите, что оно дѣлаетъ васъ рабой... рабой всѣхъ и всего? Неужели вы не чувствуете, какъ это унижительно?

Я ужъ не помню, что онъ говорилъ дальше, я бросилась къ нему и поклялась быть свободной.

2 февраля. Венеція.

Давно я не брала въ руки эту тетрадь. Слишкомъ я изволновалась, слишкомъ изстрадалась... Не до писанія было... Чего только не пережила я за эти мѣсяцы... Сломала все старое, убила въ себѣ жалость, вырвала изъ сердца привычку и добилась своего. Всѣмъ теперь могу сказать: я принадлежу тому, кого люблю.

Мы съ Дмитріемъ въ Венеціи второй мѣсяць. Сегодня онъ въ первый разъ уѣхалъ безъ меня (отправился въ Торчелло смотрѣть какую-то византійскую базелику) и мнѣ захотѣлось опять, какъ бывало, сѣсть за мою милую тетрадь.

Отчего тянетъ писать только когда грустно? Если очень счастливъ или очень веселъ—писать не хочется... Почему же меня потянуло къ этой тетради? Развѣ я несчастна? Нѣтъ, я очень, очень счастлива... Очень...

Просто мнѣ сегодня скучно безъ Димы и я захандрила.

Наша жизнь съ нимъ какой-то сплошной сонъ. Кажется, нигдѣ нельзя такъ жить—любить, желать и мечтать, какъ въ Венеціи,—здѣсь ничто не нарушаетъ гармоніи и тишины... Мы живемъ въ старинномъ палаццо съ высокими комнатами, съ потемнѣвшими плафонами... Подъ окнами тихо батится и плещется Canal Grande. Налѣво искрится перламутровая вода взморья. Я не знаю, въ какое время дня или ночи въ Венеціи лучше. Утромъ, когда встанешь и отворишь ставни, кажется, нѣтъ лучше времени какъ утро... Голубое небо, голубая вода и воздухъ голубой, голубой. Мы идемъ на Пьяццу, и я кормлю голубей; они здѣсь какіе-то особенно милые: доврчивые, ласковые, точно дѣти. Они садятся мнѣ на плечи, на руки, на колѣни. Дмитрій смотритъ на меня и любовно улыбается, и мнѣ кажется, нѣтъ человѣка счастливѣе меня и страшно, что вотъ-вотъ сейчасъ это кончится.

День проходить въ храмахъ, во дворцахъ, въ восхищеніи и созерцаніи... Въ шести часамъ мы уже непременно возвращаемся на Пьяццу любоваться розовыми сумерками. Когда я въ первый разъ пришла на эту единственную въ мірѣ площадь, у меня просто ноги подкосились отъ восторга. Былъ часъ заката; розовый Святой Маркъ, радостный и торжествующій, розовая стѣна дворца Дожей, —веселая толпа, громкая, побѣдная музыка.

— Это наша жизнь съ тобою, —сказалъ Дмитрій, —розовая, радостная, побѣдная.

И каждый день это первое впечатлѣніе повторяется во мнѣ — и я дорожу имъ и ловлю его, и опять страшно, что оно не вѣчно, что оно сейчасъ пройдетъ.

Вечеромъ мы садимся въ гондолу и тихо плывемъ по каналу. Кружевной дворецъ Дожей, Пьяцетта, мраморъ, купола, левъ съ раскрытой книгой, изящный Жа d'Ого, каждый разъ вызывающій въ моей памяти образъ несчастной, любящей Джіоконды... Что-то неопредѣленное и таинственное въ освѣщеніи, въ контурахъ... Забываешь землю, заботы и мелочи жизни и плывешь точно въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ... Страшно не только заговорить, а даже и подумать о сугробахъ выше избъ, о вѣчномъ врагѣ, холодѣ и голодѣ... Вдали видѣются розовые, голубые, красные, желтые и зеленые фонари «серенадъ», слышатся теплые итальянскіе голоса и страстные мелодіи... Черныя гондолы безшумно скользятъ по водѣ... Доносятся шутки, тихій смѣхъ, поцѣлуи. И опять мнѣ страшно, страшно, что все это уйдетъ и потонетъ гдѣ-то, навсегда.

Дмитрій больше всего любитъ венеціанскія ночи. И меня онъ научилъ любить ихъ. Мы отворимъ окно и сидимъ молча цѣлыми часами. Все спитъ; снятъ дворцы; снятъ храмы. Не слышно ни серенадъ, ни уканья гондольеровъ. Каналы тихо шепчутъ что-то, море шлетъ издали теплый и бодрящій ароматъ; золотыя звѣзды мигаютъ и ясный глубокій куполь неба говоритъ о чемъ-то таинственномъ. Въ возбужденіи рисуются рыжія красавицы съ черными глазами, бархатъ съ какими-то необыкновенными отсвѣтами, желтоватое кружево, статные юноши, сказочныя гондолы, безумная любовь, смерть отъ упоенья, отъ счастья. И нѣтъ силъ уйти отъ окна, нѣтъ воли разстаться съ этими видѣніями.

Ну, какъ я напишу все это мамѣ? Я такъ и вижу ее съ гладко зачесанными наверхъ волосами, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, въ ея аскетической обстановкѣ. Съ какимъ уворомъ покачаетъ она головой и подумаетъ: «Леля, Леля! Развѣ на это я тебя вос-

питала! Мучилась, сомнѣвалась, искала правды, чтобы внушить ее дочери... Да, мам! Я знаю, стыдно такъ жить! Но прости меня, прости за то, что я счастлива, что я люблю не всѣхъ людей, а одного человѣка.

27 февраля.

Какъ бы смѣялся Дима, еслибы прочиталъ то, что я написала вчера. Онъ навѣрное бы сказалъ:

— Какъ это по-русски! Какъ пахнетъ всякими «вопросами» и стриженными волосами.

Онъ постоянно шутить надъ моей «гражданской скорбью».

— Только русская женщина отравлена этою скорбью, — говоритъ онъ. — Ни французенка, ни нѣмка, ни итальянка не способны «скорбѣть»... Она или наслаждается жизнью, или дѣлаетъ дѣло. А чаще всего бессознательно живетъ день за днемъ... И право это не хуже нашихъ «скорбящихъ».

Я всегда рада, что мам! не слышитъ такихъ словъ. Она наговорила бы дерзостей Дмитрію. А для меня это было бы ужасно мучительно.

3 марта.

Мнѣ совсѣмъ здѣсь некогда писать. День уходитъ за днемъ въ какомъ-то снѣ, въ какомъ-то постоянномъ восторгѣ... Я только въ Венеціи нашла это настроеніе, только здѣсь я успокоилась... Какъ-то отдыхаешь въ этомъ свѣтѣ и теплѣ, подъ яснымъ покровомъ голубого свода. Задумчивая красота милой Венеціи проникаетъ все. И волны, и даль, и поэтическая тишина нѣжатъ и ласкаютъ. Неуловимыя краски и тѣни, тихая радость жизни и сладкія волненія отогнали куда-то далеко, далеко все, что еще такъ недавно мучило и волновало. Часто мнѣ приходится въ голову мужъ... Сердце сожмется отъ жалости и безпокойной грусти, и я стараюсь стереть воспомнанія и иду съ Димой «смотреть и восхищаться».

26 марта.

Красавица Венеціа нарядилась по-праздничному. Всюду съ балконовъ вывѣшены нарядные ковры, старинныя матеріи. Вчера прѣхалъ король. Городъ встрѣтилъ его разноцвѣтными гондолами: свѣтлоголубая бархатная, съ гондольерами въ костюмахъ пажей, съ длинными свѣтлыми локонами; розовая съ восемью неграми въ розовыхъ кафтанахъ; темнокрасная бархатная, зеленая, желтая... За каждой гондолой волочится громадное знамя, купающаясь въ голубыхъ водахъ взморья. Музыка, крики, ярко, весело... Точно балетъ. Мы съ Дмитріемъ были весь день на улицѣ, а

вечеромъ ѣздили въ гондолѣ за большой «серенадой», устроенной въ честь короля. Громадная барка - бесѣдка, украшенная молочными фонариками; сотни гондолъ слѣдуютъ за ней и сталкиваются съ глухимъ стукомъ; музыка несется по всему Большому каналу и подхватываетъ всѣхъ за собою. Въ ночи я такъ устала, что, какъ подкошенная, свалилась на постель. И когда я закрыла глаза, то у меня все спуталось: негры-гондольеры, громадные сѣдые усы Гумберта, тысячи флаговъ и знаменъ, красавица итальянка, бросившая букетъ королю, крики и пѣніе тысячи голосовъ.

Я почти всю ночь не спала.

27 марта.

Почему меня такъ взволновало это письмо?... Почему?... Я рада, что Владиміръ успокоился... Можетъ быть ему суждено тоже полюбить и быть счастливымъ... Мама пишетъ: «Встрѣтила Владиміра Степановича; онъ ѣхалъ по Невскому съ какой-то юной дѣвицей и придерживалъ ее за талію, хотя теперешнія дрожки и не требуютъ этой заботливости... Очень можетъ быть, что это Маруся Коноплина? Мама совсѣмъ не знала нашихъ знакомыхъ... Да если и не она, если какая-нибудь новая знакомая... Что-жъ? Владиміръ достоинъ счастья. И я не понимаю, почему это такъ взволновало меня? Неужели мнѣ было бы непріятно узнать, что Владиміръ счастливъ? Вѣдь я же ушла отъ него, не онъ меня бросилъ. Ушла, — значитъ не любила. А не любила, значитъ ревновать невозможно. Да, все это такъ, а внутри что-то гложетъ и жожитъ. И слезы подступаютъ къ глазамъ. Да неужели же я не желаю счастья такому доброму, хорошему человѣку, какъ Владиміръ? Вздоръ! Не такая же я злая! Я такъ благодарна ему, такъ благодарна, что... Не знаю, почему слезы душатъ меня... Не могу писать... И каждый разъ, какъ я вспомню наше рѣшительное объясненіе, наше разставанье, я плачу, какъ надъ близкимъ умершимъ. О чемъ я плачу? О счастья? Но теперь я такъ счастлива, какъ никогда и не мечтала... О любви? Я люблю Дмитрія, люблю его одного.

Какъ это все случилось? Какъ-то очень просто и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжело... Я боялась сценъ, боялась драмы и все откладывала минуту объясненія... Въ концѣ ноября у Владиміра умерла мать. Я не поѣхала съ нимъ хоронить ее, я не хотѣла огорчать Дмитрія... Мужъ пріѣхалъ послѣ похоронъ и грустный, и удрученный всякаго рода заботами; онъ остался единственнымъ наследникомъ матери, имѣніе оказалось очень запутаннымъ, но гораздо

болѣе цѣннымъ, чѣмъ онъ ожидалъ... Онъ пріѣхалъ и сейчасъ же заговорилъ о томъ, что выйдетъ въ отставку и мы съ нимъ поѣдемъ въ деревню, гдѣ онъ нашелъ «воровство вопіющее»... Онъ рѣшилъ сейчасъ же положить этому конецъ, забрать все въ свои руки и все поставить по-своему. Мнѣ хотѣлось дать хоть немного улечься его «горю», переждать, и тогда все сказать ему. Но онъ самъ помогъ мнѣ въ этомъ... Я очень хорошо помню то мрачное декабрьское утро, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по моей комнатѣ и говорилъ шепотомъ, но очень внятно:

— Ты думаешь, я не вижу, какъ ты страдаешь? Давно вижу... Еще въ Царскомъ понялъ, что ты сама не своя. Только думалъ, что это «такъ», отъ скуки... надѣялся, что все пройдетъ... Думалъ: переѣдешь въ городъ, начнется наша петербургская шумная жизнь, и ты опять станешь прежней... Вѣдь лѣтомъ ты совсѣмъ ч не видала его.

Я поняла, что онъ говорилъ о Дмитріи, и вся похолодѣла; я почувствовала, что наступила рѣшительная минута.

— А переѣхали въ городъ—стало еще хуже... Ты сдѣлалась какая-то чужая... Я понимаю, что ты увлеклась имъ... Онъ постоянно говорилъ тебѣ о томъ, что отрываетъ отъ обыденной обстановки, окружалъ тебя какими-то особенными полуувядшими цвѣтами съ какимъ-то раздражающимъ запахомъ, читалъ тебѣ звучные стихи... Мужъ ничего этого не дѣлалъ... Понятно, твоя безпокойная головка закружилась... Къ несчастью, я замѣтилъ это уже поздно.

Помню, я взглянула на Владиміра и испугалась: онъ былъ совсѣмъ бѣлый, и его губы постоянно дергало на правую сторону. Онъ страдалъ до боли, но я поняла, что онъ дойдетъ до конца. И мнѣ хотѣлось закричать, броситься передъ нимъ на колѣни и вымолить у него прощенье... Но, къ счастью, онъ меня спасъ отъ этого неразумнаго шага. Онъ старался быть спокойнымъ и сказалъ мнѣ:

— Уѣдемъ въ деревню, заживемъ вдвоемъ, и ты опять полюбишь меня, забудешь твою блажь.

Помню, какъ это слово кольнуло меня и растопило ледъ, которымъ былъ скованъ мой языкъ. Я стала говорить мужу о томъ, какъ люблю Дмитрія, и никогда, никогда не разлюблю. Я говорила безо всякой жалости къ мужу. Онъ выслушалъ молча и, наконецъ, сказалъ просто и трогательно:

— Насильно милъ не будешь.

И я видѣла, какъ двѣ крупныя слезы застряли на его длинныхъ рѣсницахъ.

— Я вѣрю, что ты не обманывала меня... Ты не такая... Я дамъ тебѣ разводъ, выходи за него замужь... Только не обманывай меня, не трепли по грязи мое имя.

И мнѣ почему-то не было жаль мужа, мнѣ было обидно, что онъ такъ скоро и сравнительно спокойно смирился съ тѣмъ, что я сказала ему, и я невольно думала: «какъ бы безумствовалъ въ подобномъ случаѣ Дмитрій. Никогда бы не поставилъ онъ на первомъ планѣ личное самолюбіе и свое имя».

— Я возьму вину на себя... Я все сдѣлаю, чтобы ты стала его женою,—говорилъ Владиміръ.—Только одно условіе ставлю тебѣ: пока разводъ не окончится,—живи у матери... Не позорь себя и меня.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, крутилъ усы и говорилъ глухимъ и какимъ-то чужимъ для меня голосомъ... Говорилъ долго и много, но я не слыхала, я вся была наполнена сознаниемъ, что свободна, и едва сдерживала себя, чтобы сейчасъ же не броситься къ Дмитрію.

Когда я пріѣхала къ нему, онъ лежалъ на диванѣ совсѣмъ больной, разбитый.

— Свободна!—объявила я ему.

Этой минуты я не забуду никогда въ жизни! Тутъ только я поняла, какъ меня любить этотъ человѣкъ.

— Теперь я никому, никому тебя не отдамъ. Каждый часъ, каждую минуту я буду съ тобой... Ни одна твоя радость, ни одно твое горе, ни одна твоя мысль не минуютъ меня... Я отдамъ тебѣ каждую секунду моего существованія... Буду обожать тебя постоянно, постоянно молиться на тебя.

Когда я сказала ему, что должна переѣхать къ матери и ждать развода, онъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Опять рамки! Опять никому не нужныя глупыя цѣпи! Зачѣмъ? Уѣдемъ сейчасъ же, завтра за границу... Уѣдемъ навсегда изъ Россіи... Можетъ быть, тамъ ты прозришь, увидишь, какъ много ненужныхъ условностей въ жизни... Не отдамъ я тебя теперь никому... И не пущу отъ себя ни на минуту... Если бы ты знала, какъ я изстрадался... Сколько сомнѣній, подозрѣній, оскорбительнаго страха!... А главное, я все время долженъ былъ играть такую-некрасивую роль... Еще немного—и я не выдержалъ бы: явился бы къ твоему мужу и сказалъ бы, что люблю тебя!... Пусть убилъ бы...

Я все-таки хотѣла убѣдить Дмитрія сдѣлать мужу хоть эту уступку.

— И это говоришь ты? Ты, вѣчно проповѣдующая независимость и свободу!... Ты говорила, что эта жажда свободы привела тебя къ разногласію съ матерью... Вѣдь могла ты бороться съ десятичленимъ катехизисомъ шестидесятихъ годовъ? Почему же теперь ты считаешься съ буржуазными требованіями твоего супруга, со страхами за его ния?... Это смѣшно и непослѣдовательно.

И правда, опять у меня разладъ между словомъ и дѣломъ! Опять двойственность! Я всю жизнь можетъ быть безсознательно, а можетъ и *сознательно*, боролась противъ всякихъ цѣпей, я постоянно повторяла, что «покорность условности—рабская черта», и вдругъ теперь, когда передо мной, наконецъ, раскрывалась свобода и полное отсутствіе условности, я чуть было опять сама, своими руками не отказалась ото всего.

Я въ тотъ же вечеръ написала мужу, что мнѣ не надо развода на тѣхъ условіяхъ, на какихъ онъ предлагалъ мнѣ его... Если же онъ желаетъ, я возьму вину на себя... Онъ разсердился, написалъ мнѣ сухое и дѣловое письмо, гдѣ «требовалъ», чтобъ я до окончанія развода жила у моей матери и только по выходѣ замужъ за «господина Львова» могла переѣхать къ нему. Иначе «онъ отказывался дать мнѣ видъ на жительство». Дмитрій выхлопоталъ мнѣ паспортъ помимо мужа, и мы сейчасъ же уѣхали за границу.

Теперь, можетъ быть, Владиміръ благодаренъ мнѣ, что я оставила ему свободу, что онъ можетъ жениться.

Почему это волнуетъ меня? Должно быть, нельзя совершенно вычеркнуть изъ сердца человѣка, съ которымъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жила одной общей жизнью, отъ котораго имѣлъ ребенка.

30 марта.

Бороль уѣхалъ. Празднества кончились. Стало типше. Я очень довольна. Я устала отъ красокъ и звуковъ. Устала отъ ласокъ и нѣги. Устала отъ несмолкаемаго біенія сердца, отъ постоянной радости жизни... Мы съ Дмитриемъ часто молчимъ цѣлыми часами. Иногда мнѣ страшно: неужели мы въ полгода уже все переговорили? Иногда мнѣ очень хорошо. Нигдѣ какъ въ Венеціи нельзя такъ хорошо молчать и мечтать. И Дмитрій можетъ молчать цѣлыми часами. Иногда мнѣ кажется, что ему скучно, скучно со мной, скучно отъ этого постоянного любованія и искусственнаго удаленія отъ жизни, ото всего живого. Ничего не интересуется насъ, ничѣмъ мы не волнуемся кромѣ красоты и произведеній искусства, и не современнаго, а переживавшаго вѣка и вѣка! Разъ я сказала объ этомъ Димѣ.

— Вижу, что не доросли вы еще до этого, — сказалъ онъ мнѣ, я въ его голосѣ я опять услышала то же раздраженіе, какое проскальзывало у него уже нѣсколько разъ, когда онъ говорилъ со мною. Я, стараясь быть мягкой, спросила шутливымъ тономъ:

— «Вы!»

— Да, вы, женщины!

(У Дмитрія, какъ и у мужа, постоянно чувствуется затаенная борьба мужчины съ женщиной. У него это проскальзываетъ на каждомъ шагу. Неужели не можетъ существовать сожителства безъ этой глухой, но вѣчной борьбы «двухъ половъ?»)

— Вамъ понятно банальное веселье толпы, а высшіе восторги недоступны... Какая женщина понимаетъ, напримѣръ, архитектуру? Картинки съ сюжетомъ—это доступно ей, а архитектура—нѣтъ.

— Почему же?

— Это слишкомъ высокое искусство для нея... Въ какомъ-нибудь памятникѣ отразились чувства и мысли цѣлаго народа, въ какомъ-нибудь завиткѣ—цѣлый символъ... Гармонія линий—сложная симфонія... Гдѣ же вамъ, съ дѣтства искажающимъ глаза на турнирахъ, осиныхъ таліяхъ и рукавахъ пузырями, постичь эту гармонию?

Онъ ласково взялъ мою руку и сказалъ:

— Признайся, что тебѣ скучно безъ разговоровъ о несправедливостяхъ, о бѣдствіяхъ, о голодѣ, о необходимости реформъ, о народномъ образованіи. Сознайся...

Я хотѣла разсердиться на него, но онъ съ такой любовью посмотрѣлъ на меня, что я все простила ему.

3 апрѣля.

Пора уѣзжать отсюда. Становится жарко и слишкомъ людно. На Пляцѣ только и слышишь англійскій и русскій языкъ. Я не люблю англичанокъ и бѣгу отъ русскихъ. Бѣгу, сама хорошо не знаю почему. Мнѣ, въ сущности, все равно, какъ они отнесутся къ моему «нелегальному» положенію, но мнѣ кажется, что Дмитрію неприятны встрѣчи съ русскими, онъ точно боится за меня. Я видѣла, какъ вчера онъ поблѣднѣлъ отъ выходки Сноповыхъ... Мы вошли въ Café Quadri и заняли одинъ изъ столиковъ. Рядомъ съ нами сидѣла какая-то пара, но я и не взглянула на нихъ. Дмитрій нѣсколько разъ холодно и вызывающе обертывался и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Ты знаешь этихъ господъ?

Я обернулась и увидала одного изъ нашихъ офицеровъ съ же-

ной. Я никогда не была особенно близка съ нашими полковыми дамами, но, конечно, была знакома со всѣми ими. Тутъ ш-ше Снопова сдѣлала видъ, что не знаетъ меня, а ея мужъ поторопился заплатить за нетронутые макароны и уйти изъ кафе. Меня это разсмѣшило и развеселило. Дмитрій же поблѣднѣлъ и весь вечеръ былъ злой и молчаливый. Меня мучаетъ: неужели въ немъ говорить тѣ рабски-иѣщанскія чувства, противъ которыхъ ратовалъ онъ? Я спросила Дмитрія, почему его такъ взволновала встрѣча со Сноповыми, и онъ горячо и искренно отвѣтилъ мнѣ:

— Я за тебя, мою маленькую, былъ оскорбленъ, разозленъ, испуганъ. Чуть не бросился на этого идиота.

И мы весело и ласково заговорили о другомъ.

4 апрѣля.

Мы рѣшили, пока не очень жарко, съѣздить въ Сицилію. Дмитрію хочется поскорѣе побывать въ Сиракузахъ, «поклониться» сиракузской Венерѣ, а главное—онъ хочетъ показать мнѣ эту статую, внушить мнѣ благоговѣніе къ ея красотѣ. Онъ не можетъ простить мнѣ одного моего вопроса. Дмитрій въ Петербургѣ много говорилъ мнѣ о красотѣ этой Венеры и жалѣлъ, что я не видѣла хотя бы снимка съ нея. Когда я пришла къ нему въ первый разъ, мнѣ бросилась въ глаза громадная фотографія статуи: толстая женщина безъ головы, съ одной рукой, съ толстыми ногами и слишкомъ круглыми бедрами.

— Неужели это она?—спросила я.

— Да... Взгляните, какая прелесть.

— Что же она изображаетъ?

— Какъ что? Женщину... Красоту... Тѣло...

— Да... Но... какой смыслъ?

Дмитрій пришелъ въ неописуемый ужасъ отъ этой фразы.

— Я отвѣчу вамъ словами Мопассана: «*Elle est divine, non pas parcequ'elle exprime une pensée, mais seulement parcequ'elle est belle*». Неужели этого мало... «*C'est un corps de femme qui exprime toute la poésie réelle de la caresse*». Вотъ въ чемъ смыслъ и прелесть этой статуи. А вамъ гражданскую идею нужно?

— Нѣтъ... Но я не нахожу и красоты въ ней... Нѣтъ головы... Одна рука...

— И отлично... Это придаетъ ей еще больше символизма... Она женщина и вмѣстѣ съ тѣмъ она символъ... *Le symbole de la chair*,—какъ сказалъ Мопассанъ.

Дмитрій такъ возмущился моимъ отношеніемъ къ искусству,

что, помню, въ его голосѣ даже появились жесткія ноты. Но онъ сейчасъ же и самъ почувствовалъ это и сказалъ:

— Впрочемъ, можетъ быть, женщинѣ трудно понять красоту этой Венеры... Она слишкомъ плотская, слишкомъ волнующая... Все: формы, поза, цвѣтъ мрамора смущаютъ и пѣвнютъ... Но ты должна понять это... Я такъ тебя люблю, что мнѣ хочется, чтобы у насъ съ тобою были одни взгляды и одни вкусы.

Какъ только мы поѣхали съ нимъ за границу, онъ сейчасъ вспомнилъ этотъ разговоръ и рѣшилъ «свезти» меня въ Сиракузы.

4 апрѣля.

Сегодня мы уѣзжаемъ изъ Венеціи. Я оглянулась назадъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я уѣхала изъ Россіи... Четыре мѣсяца счастья, восторговъ и нѣги!... Отъ мамѣ получаю милыя письма, ея программа выполняется блестяще, нашлись преданные дѣлу сотрудники и сотрудницы, ея кружокъ разросся, и они уже выпустили въ свѣтъ все, что считали нужнымъ дать народу по вопросу о гигиенѣ жилища. Теперь перешли къ «уходу за собою»... работаютъ дружно и бодро. Въ письмахъ матери слышится столько вѣры въ свое дѣло, въ «полезность» его, что нельзя не сочувствовать ей. И оттого ей такъ легко жить... Она не любила, когда я говорила ей, что она дня не прожила для себя. А вѣдь это правда: сначала фольной мужъ, затѣмъ—дочь и дѣло... Вся душа ушла на любовь къ ближнему... А я-то!...

И затѣмъ я завела себѣ эту тетрадь? Она—мое зеркало и только мучаетъ меня. Я счастлива и хочу отдаваться этому счастью безъ анализа, безъ самобичеванія.

2 октября. Римъ.

Не писала цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ... Вчера, по прїѣздѣ въ Римъ, разбирала вещи и наткнулась на эту тетрадь и опять меня потянуло писать...

Полгода!... Какъ они прошли,—я и сама не знаю. Тогда, въ Венеціи, наступила такая жара, что Дима испугался (онъ не выноситъ жары), и мы поѣхали въ Парижъ.

Цѣлое лѣто мы блуждали, искали хорошей погоды, красивыхъ мѣстъ, удобнаго жилья. Дима врагъ «курортовъ», и я понимаю его... Мы жили вездѣ понемногу: и во Франціи, и въ Швейцаріи, и на итальянскихъ озерахъ.

Все лѣто мы жили совсѣмъ одни, безъ знакомствъ; много читали, много гуляли, много бесѣдовали... Мы какъ-то все забыли,—

забыли, что кромѣ хорошаго климата, вкусной ѣды, комфортабельной обстановки, хорошихъ книгъ, нашей любви и нашего здоровья—существуетъ еще что-нибудь на свѣтѣ... Мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто счастливые, довольные... Дмитрій говорилъ, что боялся, чтобъ я не соскучилась, и тревожно искалъ, гдѣ бы мнѣ было пріятно и весело... Мнѣ же казалось порой, что Дмитрій скучаетъ и бѣжать отъ своей скуки. Мнѣ постоянно припоминаются слова матери: «Для любви такимъ Львовымъ нужна обстановка, трепеть ожиданія, таинственность, мимолетныя свиданія, обостренныя со-знаніемъ опасности. Нормальныя условія для нихъ прѣсны»... И я постоянно боюсь, чтобы Дмитрію не было скучно со мной.

Теперь мы въ Римѣ, и я очень довольна. Дмитрій такъ любитъ этотъ городъ, здѣсь такъ много пищи для его художественнаго чувства, здѣсь у него такъ много знакомыхъ.

Отчего онъ не захотѣлъ остановиться во Флоренціи?

Римъ, 6 октября.

Какъ бы мнѣ хотѣлось все это описать: храмъ св. Петра съ бронзовой статуей, у которой поцѣлуями стертъ большой палецъ на ногѣ (сколько вѣрующихъ устъ должно было пригосннуться къ нему?). Ватиканъ, ложи Рафаэля, круглый дворикъ съ Аполлономъ и Лаокоономъ... Но я не могу писать путевыхъ записокъ... Не привыкла... А о себѣ писать не хочу.

8 октября.

Вчера мы съ Дмитріемъ были въ Ватиканскомъ музеѣ, онъ объяснялъ мнѣ... Какой-то маленькій, плохо одѣтый человѣчекъ услышалъ русскій языкъ и быстро обернулся... Я сообразила, что это соотечественникъ, и поторопилась уйти и въ десятый разъ остановилась передъ Аполлономъ Бельведерскимъ.

— Вотъ гдѣ красота и наслажденіе своей красотой,—сказалъ мнѣ Дмитрій.

— Елена Борисовна!—услышала я нерѣшительный окликъ.

Я оглянулась. Маленькій человѣчекъ робко подходилъ ко мнѣ.

— Федоровъ!—радостно и почти противъ воли вскрикнула я.

— Матушки мои, да какъ я радъ! Сто лѣтъ не видалъ васъ!

Онъ крѣпко жалъ мои руки и съ непритворной радостью смотрѣлъ на меня.

— Да... давно... Позвольте васъ познакомить... Иванъ Ивановичъ Федоровъ... Дмитрій Александровичъ Львовъ.

Дмитрій подалъ ему руку и выразительно посмотрѣлъ на меня. Я поняла, что онъ звалъ меня уйти.

— Ужъ какъ я радъ, не повѣрите... Во-первыхъ, въ чужихъ

краяхъ всегда радъ землягу... А, во-вторыхъ, васъ-то больно радъ видѣть... должно быть лѣтъ пять не видалъ... Да... Пять лѣтъ... Съ самаго окончанія курса... Ну, Настасья Петровна какъ?

— Мама здорова... Ничего... Работаетъ...

— Изданія процвѣтаютъ?

— Отлично.

— Ну, дай ей Богъ... Человѣкъ-то золотой она. Мы,—онъ обратился къ Дмитрію,—т.-е. я и еще три товарища-медика—прямо всѣмъ обязаны Настасья Петровна... Она изъ насъ людей сдѣлала... Вы вѣдь знаете ее? Что за человѣкъ! Какая доброта, какая ширина взглядовъ!... Мы студентами къ ней бывало придемъ и всю душу выложимъ... Базните или милуйте... И ко всякому она, какъ къ сыну родному... Право... И пожурить, и раскритичить, и исходъ угадать... Еслибъ не она, никогда бы я въ деревню не пошелъ.

Я чувствовала, что весь этотъ разговоръ непріятенъ Дмитрію, но мнѣ такъ было радостно говорить о мамѣ, что я съ какимъ-то безсердечіемъ подумала:

«Пусть поскучаетъ... И мнѣ не всегда весело въ двадцатый разъ смотрѣть на то, что его восхищаетъ».

— А мать ваша что?

— Она въ Москвѣ... Сестра тамъ въ гимназіи.

— Да, Маша! Ну, какъ она?

— Бончаетъ гимназію въ нынѣшнемъ году и на курсы...

Пусть поучится...

— А вы... все тамъ же? Въ М-мъ земствѣ?

— Тамъ же... Тамъ же, работаемъ помаленьку. Да вотъ не знаю, что приключилось: работала-работала, да и стопъ. Ни тпру, ни ну... Послали отдохнуть.

— Заработались? — спросилъ Дмитрій, стараясь быть любезнымъ.

— Нѣтъ, скорѣе издергался... Земскій пунктъ, гдѣ я работаю, находится въ самомъ бѣдовомъ мѣстѣ... Шляпочники все... Понимаете. Вотъ шляпа на васъ, фетровая она, а дѣлается изъ чего? Изъ всякой дряни... Старье... Мѣхъ какой-нибудь грязный. Гдѣ, гдѣ онъ ни побывалъ. Дошелъ до толкуна, наконецъ. Съ толкуна въ избу къ шляпочнику, — вотъ и зараза всей семьѣ... и ничего не подѣлаешь. Придетъ зеленый, худой, глаза лихорадочные... Шляпочникъ! Ну, вижу—туберкулезъ. Спасенья нѣтъ. Дамъ креозоту—и успокоюсь.

Онъ захохоталъ горькимъ смѣхомъ.

— Вотъ пять лѣтъ такъ. Дошелъ до какого-то унизительнаго

состоянія. До того иногда это сознание безсилія одолеваетъ—хоть все бросай. Возмутительно вѣдь! Вижу, плохо дѣло. Надо встряхнуться. А, вѣдь, нашъ братъ ежели встряхнуться, то—за границу. Вотъ я и махнулъ въ Италію, да и позастрялъ немного. Хочу и во свояси.

— Что такъ?

— Довольно. Знаете, какъ-то зазорно безостановочно илѣтъ «передъ святыней красоты». Работать надо. А то странно какъ-то себя чувствуешь. Вонъ Лаокоонъ... Вѣдь какъ, бѣдняга, страдаетъ, въ конвульсіяхъ. А мы стоимъ и любуемся.

— Вы не смотрите на него... Вотъ Аполлонъ, — этотъ не страдаетъ.

— Да я-то страдаю. Этакая силища, этакое здоровье,—и все даромъ. Нашему бы мужику все это... Не страшно за Россію было бы!

Я, не смотря на Дмитрія, видѣла, какъ презрительная улыбка промелькнула на его губахъ. Я уже давно замѣтила, какъ онъ осматривалъ короткій суконный сюртукъ Федорова, его узкіе панталоны и маленькую круглую шапочку безъ полей.

— Вотъ что, Иванъ Ивановичъ, приходите какъ-нибудь къ намъ. Чайку выпьемъ.

— Съ восторгомъ... Спасибо! Когда же?

— Да вотъ какъ-нибудь.

— Я—когда прикажете. Хоть сейчасъ.

— Нѣтъ, сейчасъ мы не домой. А вотъ вечеромъ... Хотите сегодня вечеромъ?

— Ладно. Непремѣнно явлюсь... Непремѣнно.

Я дала ему адресъ, и мы разстались.

— Вотъ типъ!—сказалъ Дмитрій.—Прекрасный specimen російскаго интеллигента вообще и салона Настасьи Петровны въ частности.

— Ахъ, Дмитрій, онъ удивительный человѣкъ! Ты знаешь, онъ съ пятнадцати лѣтъ матери помогалъ. Бѣднякъ... Сердце золотое. Кончилъ академію—сейчасъ же поѣхалъ въ деревню... Лѣчитъ мужиковъ, воспитываетъ сестру... Слышалъ, мы про Машу говорили? Это его сестра. Милая дѣвушка.

Я почувствовала, что говорю торопливо, виноватымъ тономъ, будто желаю что-то загладить или извинить. И мнѣ стало неприятно въ себѣ это чувство, и я сразу замолчала.

— Отчего всѣ эти «удивительные люди, идеальные сыновья, прекрасные братья» какъ-то необыкновенно неопытны и тупоум-

ны? Какой бредь сумасшедшаго его отношеніе къ искусству? Я бо-
 ялся, что Ватиканъ провалится подъ нами.

Я не отвѣчала. Федоровъ такъ живо напомнилъ мнѣ то время,
 когда я кончала гимназію, и онъ съ товарищами-студентами бы-
 валъ у насъ чуть не каждый вечеръ и читались хорошія книгѣ, и
 говорились хорошія слова. А теперь? Мать продолжаетъ свое дѣло,
 Федоровъ пошелъ въ деревню, его другъ Гопаченко умеръ въ борь-
 бѣ съ холерой, другіе товарищи также дѣлають свое невидное, но
 большое дѣло... Одна я измѣнила. Ушла, вся отдалась личному
 счастью и ни до чего, ни до кого мнѣ и дѣла нѣтъ... Помню, какъ
 въ первый годъ моего замужства меня мучило это отреченіе отъ
 всего, чѣмъ я жила прежде, это наслажденіе личнымъ счастьемъ,
 и я какъ-то призналась въ этомъ мужу. Онъ подѣловалъ меня и
 съ комическимъ паесомъ пропѣлъ:

«За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
 Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ!...»

Съ тѣхъ поръ каждый разъ, какъ я начинала говорить о чемъ-ни-
 будь подобномъ, онъ пѣлъ:

«За каждый свѣтлый день...»

А затѣмъ, когда пришла любовь настоящая, слѣпая, безум-
 ная—борьба между чувствомъ долга и жаждой счастья, тайныя
 свиданія, неизвѣданныя ласки и новый для меня міръ искусства
 совсѣмъ овладѣли мной и заслонили всякія стремленія и сомнѣнія.
 Зачѣмъ же теперь это опять всплыло въ душѣ? Отчего опять заня-
 ло внутри, отчего опять стало и стыдно, и больно?

— Деля! что ты затуманилась?—спросилъ Дима.

Я взглянула на него, увидала его ласковые глаза, милую
 улыбку, бѣлые зубы, любящее лицо, и покорно и любовно село-
 нилась къ нему на плечо.

Я почувствовала, что хотя и стыдно, но хорошо жить на
 свѣтѣ. И мнѣ почему-то сдѣлалось непріятно, что я пригласила
 къ себѣ Федорова.

Рязь, 10 октября.

Сколько новыхъ неизвѣданныхъ впечатлѣній. Мнѣ не хочется
 ѣхать дальше... Эти дни Дима въ духѣ, и я счастлива.

Меня беспокоило, почему онъ не хотѣлъ остановиться во Фло-
 ренціи. Онъ говорилъ, что мы тамъ проживемъ на обратномъ пути.
 Но онъ такъ нервно и раздражительно отнесся къ этому, что у
 меня въ сердце запало подозрѣніе... И я не знала, какъ выяснить

его. И вдругъ, — какъ это часто бываетъ, — все выяснилось само собою. Дмитрій знакомъ со всѣмъ флорентійскимъ обществомъ: съ русскимъ, которое во Флоренціи очень большое, и иностраннымъ. Всюду — въ казино, на улицахъ, въ музеяхъ — я могла бы встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ Дмитрія и рисковала бы, какъ говорить Дмитрій, что мнѣ не подадутъ руки. Я очень добродушно приняла это объясненіе. Тогда Дмитрій осторожно сказалъ мнѣ, что и въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько зимъ, у него очень большое знакомство.

— Ты мнѣ сдѣлаешь большую радость, если будешь по-прежнему ухаживать за твоими дукессами и принцессами, — весело сказала ему я, и Дмитрію видимо это понравилось.

Онъ тоже не выносить никакихъ путей и, конечно, не я буду связывать его.

Вчера мы весь вечеръ съ нимъ вдвоємъ сидѣли на Пинчіо; онъ декламировалъ своихъ любимыхъ авторовъ, рассказывалъ мнѣ про свою молодость, про свои увлеченія, про свои стремленія. Онъ говорилъ мнѣ про молодыхъ итальянскихъ писателей метерлинковскаго склада, рассказывалъ о таинственныхъ собраніяхъ у нихъ съ какими-то странными молитвами и заклинаніями. И я опять ушла куда-то далеко-далеко ото всего живущаго и страдающаго...

Римъ, 12 октября.

Федоровъ «забѣгаетъ» каждый день. Онъ обрадовался мнѣ со всею искренностью «хорошаго русскаго человѣка», и я не могу его оттолкнуть. Его маленькая, испитая фигурка внушаетъ мнѣ жалость, и я не могу выносить въ Дмитріи его презрительнаго отвращенія къ бѣдному Ивану Ивановичу.

— Авортонъ! Такихъ, по-настоящему, въ дѣтствѣ душишь надо... Зачѣмъ онъ человѣчество портить будетъ!...

Для меня Федоровъ — чужой человѣкъ, я давно его не видала, можетъ быть, никогда не увижу, но меня искренно огорчаетъ и возмущаетъ такое отношеніе къ нему Дмитрія. И огорчаетъ не за Федорова, а за самого Дмитрія... Неужели, въ самомъ дѣлѣ, только красота и изящество имѣютъ право на существованіе? Вѣдь это возмутительно!... Мнѣ больно ссориться съ Дмитріемъ, но я не прошу ему такого отношенія къ людямъ. Оно возмущаетъ меня до злобы.

Римъ, 13 октября.

Дмитрій не въ духѣ. Съ утра ушелъ куда-то, захватилъ съ собою акварельныя краски и альбомъ, — значить ушелъ надолго... Когда онъ хочетъ показать, что я не нужна ему, что онъ хочетъ

остаться одинъ, — онъ уходитъ съ красками: будетъ «работать». И за что онъ раздражился такъ?

Вчера я въ самомъ мирномъ настроеніи бесѣдовала съ Федоровымъ о Россіи... Мы вспоминали старыхъ друзей, говорили о новыхъ «врагахъ». Пришелъ Дмитрій. Онъ обѣдалъ у Ториджіани и вѣхалъ веселый, довольный. Я еще засмотрѣлась, какой онъ былъ красивый и молодцеватый во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, съ гарденіей въ петлицѣ.

Онъ сейчасъ же сталъ говорить, какъ «въ Европѣ» умѣютъ ѣсть, умѣютъ одѣваться, умѣютъ наслаждаться жизнью, не то, что въ нашей бѣдной Россіи. Я видѣла, что Федорову стало сразу скучно отъ этихъ словъ. Но Дмитрію не было до этого дѣла и онъ горячо сталъ говорить о плечахъ маркизы Бельмонти и о «камняхъ» княгини Ториджіани.

— Рубины... кабошоны... совсѣмъ вишни, — обращался онъ къ Федорову.

Тотъ сидѣлъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него.

— А сколько вкуса въ обстановкѣ, сколько пониманія! Не то, что у насъ, въ милой Россіи... Въ барскихъ домахъ — безвкусица, «просто и мило»!... Полное отсутствіе даже комфорта... Въ буржуазіи *bric-à-brac* какой-то... Въ гостиныхъ пройти нельзя: тутъ восточный табуретъ, тамъ маленький столикъ, здѣсь кресло допотопное рядомъ съ карликомъ стуломъ... Все поддѣлка подо что-то: подъ бронзу, подъ древнее, подъ роскошное... Однимъ словомъ, все не настоящее, а «подъ настоящее»... Здѣсь же буда ни взгляни: коверъ, картина, люстра — все *chefs d'oeuvre*ы... Въ углу стоитъ какой-нибудь *chaise à porteurs*, что за живопись, что за линія! Надъ дверью *dessus de porte*... Въ любой музей... Глазъ радуется, душа отдыхаетъ.

Я сочувствовала тому, что говорилъ Дмитрій, но меня злилъ его тонъ. Онъ съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на доктора, точно хотѣлъ сказать: «Да вѣдь ты, русскій интеллигентъ, ничего въ этомъ не смыслишь, ни о чемъ подобномъ понятія не имѣешь».

Когда онъ замолчалъ, Федоровъ добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Все это прекрасно, Дмитрій Александровичъ, да доступно то лишь горсточкѣ людей.

Дмитрій съ снисходительною усмѣшкой отвѣтилъ ему:

— Неэстетическая обстановка оскорбляетъ всякаго развитого человѣка.

Я поторопилась переменить разговоръ. Дмитрій всталъ, какъ-то особенно жестко взглянулъ на меня и ушелъ къ себѣ.

Почему онъ такъ часто раздраженъ противъ меня? Отчего онъ не можетъ выносить, чтобъ у меня была своя жизнь, свои интересы? Ему хотѣлось бы, чтобъ я думала его думами, говорила бы его словами... Онъ объясняетъ это любовью... Миѣ же слышится подъ этимъ какое-то чувство собственности, сознаніе властелина.

Я стала замѣчать это съ первыхъ же недѣль нашей совмѣстной жизни... Прежде, когда я тайно ѣздила къ нему, я не подмѣтила ни одной подобной ноты, — а я очень чувствительна къ нимъ; довольно я настрадалась отъ нихъ... Теперь же это проскальзываетъ въ спорахъ и даже въ ласкахъ.

Рязь, 14 октября.

Бѣдная, бѣдная мамѣ. Какъ я ее люблю и какъ миѣ ее жалко. Любила ли она когда-нибудь? Должно быть, любила моего отца, потому что когда онъ умеръ, ей было всего тридцать два года, а она осталась вѣрна его памяти и никогда никѣмъ не увлекалась. Дѣло и дочь — вотъ чему она отдала себя. Бѣдная, милая мамѣ. Сегодня я получила отъ нея письмо. Я пошла въ почтамтъ одна; я знаю, что письма матери всегда вызываютъ въ Дмитріи презрительное раздраженіе. Не читать ихъ ему вслухъ я не могу потому, что я читаю ему всѣ мои письма. Утро было ясное, горячее. Квадратный дворикъ почтамта съ сочными пальмами и яркими цвѣтами весело грѣлся подъ яснымъ синимъ небомъ. Я встала въ сторонѣ, у одной изъ колоннъ, и быстро пробѣжала письмо мамѣ. Рядомъ со мной какая-то брюнетка съ дрожью въ рукахъ читала синій листокъ почтовой бумаги.

Вотъ письмо матери:

«Дорогая моя, милая Леля.

«Повторяю въ сотый разъ: я счастлива, если ты счастлива, но я совершенно убита твоимъ рѣшеніемъ не возвращаться въ Россію. И не одно эгоистическое чувство страдаетъ во мнѣ. Ты знаешь мои взгляды, — значить, миѣ нечего объяснять тебѣ, какъ я смотрю на обязанности всякаго человѣка относительно своей родины. И вообще ты отлично знаешь всѣ мои убѣжденія. Не знаю, кто виной, что я оказалась въ положеніи курицы, высидѣвшей утенка. Утенокъ поплылъ въ воду, а я осталась на берегу и должна быть счастлива, что моему птенцу хорошо. Конечно, не твоя вина, что тебя тянетъ въ воду. Не мало я думала надъ этимъ... Я такъ вѣрю въ педагогигу, на моихъ глазахъ прошло такъ много примѣровъ значенія воспитанія, что я

положительно становлюсь въ тупикъ, глядя на тебя... Я старалась и словомъ, и дѣломъ внушить тебѣ любовь къ труду, чувство долга относительно страдающихъ ближнихъ, презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ и эгоистическому существованію. Тебѣ лучше всѣхъ судить, что вышло изъ всего этого. Вѣрь, милая, я не упрекаю тебя въ томъ, что ты счастлива. Я сама не знаю, зачѣмъ пишу все это... Должно быть затѣмъ, чтобъ услышать отъ тебя, что ты осталась все тѣмъ же хорошимъ человѣкомъ, какою была, когда еще жила со мною, когда стремилась учиться, приносить пользу, и даже приносить жертвы... Мнѣ хотѣлось бы слышать отъ тебя, что кромѣ наслажденій есть обязанности, кромѣ ощущеній—мысль, кромѣ звучныхъ риемъ и риемованныхъ звуковъ есть идеи и ученія. Мнѣ хотѣлось бы слышать, какъ бывало прежде, что праздность — явленіе общественное и что естественное и нормальное условіе каждаго существа — трудъ; хотѣлось бы знать, что ты не хочешь и не можешь думать только о себѣ, о своихъ радостяхъ, о своемъ горѣ, о своей любви, о своихъ желаніяхъ, о своихъ наслажденіяхъ — и не видѣть ничего дальше своихъ личныхъ чувствъ и ощущеній»...

Я оглянулась вокругъ. Брасавица брюнетка со счастливой улыбкой пересчитывала синій листокъ. Какая-то женщина въ траурѣ съ заплаканными глазами спрашивала: «гдѣ отправляютъ заказныя письма»? Пробѣжалъ какой-то толстякъ съ громаднымъ пузатымъ портфелемъ. У всѣхъ была своя жизнь, свои заботы, своя радость, свое горе. А сипее небо равнодушно раскинулось надо всѣми и латаніи тихо и лѣнливо колыхали свои широкіе листья.

Я не хотѣла показывать Димѣ письмо матери, но онъ, какъ увидалъ меня, сейчасъ же спросилъ:

— Что случилось?

— Ничего. А что?

— У тебя такой разстроенный видъ. Блѣдная. Скажи скорѣй.

Получила письмо?

— Да. Но ничего въ немъ нѣтъ.

— Отъ кого? Не мучь меня. Скажи скорѣй.

— Получила только одно письмо. Отъ матери.

— Что-нибудь неприятное?

— Да нѣтъ же. Хочешь прочти.

Дима радостно и благодарно обнялъ меня и сказалъ:

— Нѣтъ. Ты знаешь я терпѣть не могу разбирать чужой почеркъ. Прочитай мнѣ вслухъ.

И я должна была прочесть. Пока я читала, Дима нервно ходил по комнатѣ и дѣлалъ вслухъ свои замѣчанія:

— Боже, какъ это все старо... Ну да, да... «Праздность есть мать всѣхъ пороковъ». Мы въ классѣ чистописанія это выучили. «Обязанности». Выдуманная и никому не нужныя. «Своя радость, свои желанія». А ея книжки, ея мужичье—моя радость что ли? Развѣ не для себя, не для своего удовлетворенія она работаетъ?... Тотъ же самый эгоизмъ, только задрапированный въ альтруистическій плащъ и потрясающій обветшалымъ знаменемъ самоотверженія и долга... Господи! Какъ это все узко и никому не нужно.

Мнѣ больно, больно это слушать.

16 октября.

Дима все не въ духѣ. Третьяго дня его разсердило письмо мамѣ, вчера—визитъ Ѳедорова. Добрый докторъ пришелъ открыть намъ свое наболѣвшее сердце, онъ получилъ «изъ дому» длинное письмо, совершенно разстроившее его. Онъ довѣрчиво и наивно цѣлый вечеръ рассказывалъ намъ о своей работѣ, о розахъ и шипахъ жизни въ деревнѣ, о невѣжествѣ народа и безплодныхъ страданіяхъ хорошихъ людей. Дмитрій молчалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, наконецъ взялъ шапку и ушелъ. Мы съ Ѳедоровымъ проговорили почти до часу ночи. И я позавидовала ему, что дней черезъ десять онъ будетъ дома, за работой, дающей ему право смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ и вся.

Сегодня Дима спросилъ меня:

— Какъ ты выносишь этого пошляка въ такихъ большихъ дозахъ?

— Пошляка?—съ изумленіемъ спросила я.

— Да... Общія мѣста всегда признакъ пошлости человѣка... А вѣдь онъ только и изрекаетъ общія мѣста.

Огня открыты. Горячій итальянскій вечеръ раскинулся надъ Римомъ. Лиловыя гроздья глициній обвили балконъ. Какъ скучно одной въ такой вечеръ.

Меня не сердить, не огорчаетъ, а только удивляетъ это прелоненіе Дмитрія передъ «бѣлой костью». Только въ аристократіи онъ видитъ утонченность вкусовъ, пониманіе высокаго искусства, настоящую культуру... Мнѣ даже кажется, что онъ какиль-то особеннымъ голосомъ говоритъ о своихъ «духахъ» и причипессахъ. Я чувствую, что онъ съ ними какъ рыба въ водѣ и въ такія минуты я сознаю, что я ему чужая. И тогда сознание томительнаго одиночества охватываетъ меня... Говорить съ нимъ объ этомъ—толь-

ю вызывать раздраженіе. Я не забуду, какъ онъ сказалъ мнѣ на мой отказъ познакомиться съ графиней Бельмонтэ, съ которой мы встрѣтились на Палатинѣ.

— Да. Вѣдь ты научена презирать все это... Все то, отъ чего ~~мнѣ~~ тошнить: потная толпа, запахъ человѣческаго труда, грязь, вонь—все это вызываетъ ваше «уваженіе»... Это называется у насъ «демократическими принципами»... Вѣдь такъ?

Я больше не возобновляла съ нимъ этой темы. Я не выношу этого тона и страдаю отъ него; не отъ шутокъ страдаю, а отъ чего-то очень сложнаго: отъ того, что мы такъ различны съ Дмитриемъ по нашимъ взглядамъ, отъ того, что онъ не хочетъ, а можетъ быть и не можетъ, серьезно относиться ко мнѣ, въ моимъ убѣжденіямъ и, наконецъ (и кажется больше всего), страдаю отъ того, что этими «вышучиваніями» онъ мнѣ постоянно напоминаетъ мужа, и это невыносимо терзаетъ меня.

Неаполь, 20 октября.

Вотъ, когда я жалѣю, что не умѣю писать. У меня на палитрѣ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ красокъ, какія требуются здѣсь. И въ гимназіи, и потомъ для маминыхъ книжекъ—мнѣ приходилось обходиться только сѣрыми тонами. Вотъ и не умѣю описать того, что вижу. Помню у одного русскаго литератора сказано, что для описанія Неаполя никакихъ словъ не хватитъ, что нужно писать лучами солнца, лазурью неба, изумрудомъ волны, бѣлизною ея пѣны; нужно украсть у природы ея воздушную, прозрачно-золотистую даль, которая кажется самой безконечностью. Гдѣ же взять все это русской гимназисткѣ, воспитанной на мрачныхъ картинахъ мрачной дѣйствительности?...

Какъ я рада, что мы уѣхали изъ Рима. Въ послѣднее время посѣщенія Федорова стали для меня невыносимы. Онъ являлся мнѣ живымъ укоромъ въ моемъ эгоистическомъ счастьѣ. Дмитрія это злило, и я не знала, что дѣлать. Кромѣ того Дмитрій постоянно уѣзжалъ къ своимъ знакомымъ, катался съ своими причипессами на Пинціо, а я сидѣла одна, тосковала, а можетъ быть и ревновала... Когда онъ возвращался и начиналъ мнѣ рассказывать о какой-нибудь garden-party, я раздражалась, раздражался и онъ и кончалось тѣмъ глухимъ недовольствомъ, которое мучительнѣе всякой ссоры... Здѣсь мы опять одни... Дмитрій почти не уходитъ отъ меня, и я совершенно счастлива... Здѣсь нѣтъ Федорова, и я точно стала свободнѣе. Я могу безъ боязни, безъ утайки наслаждаться красотой Неаполя, этой дѣйствительной сказочной красотой. Ласковыя, голубыя волны залива, желтые паруса, мягкое изяще-

ство линий, смѣлость и гармонія красокъ... Я понимаю того араба, который, увидя Неаполь, спросилъ Пророка: «Что же послѣ того ты мнѣ можешь показать въ своемъ раю?» И я въ моемъ бѣдномъ репертуарѣ словъ не нахожу другого опредѣленія: это рай. И Дима такой милый, такой добрый ко мнѣ. Но онъ не сочувствуетъ моему восхищенію Неаполемъ и говоритъ, что этотъ «рай» скоро прійдется мнѣ. Можетъ быть. Но сегодня я очень счастлива. Какъ жестоко, какъ несправедливо что человѣкъ долженъ умереть...

22 октября.

Я цѣлыми часами сижу у окна и слушаю... Подъ нашимъ отелемъ мрачный, сѣрый Капель дель Ово врѣзался въ зеленатоватую воду. Глубокая синева моря уходитъ куда-то въ небо. Съ Капри и Сорренто несется горячее дыханіе апельсиновыхъ рощъ... Дима устааетъ отъ слишкомъ синяго неба, отъ жгучаго солнца, отъ страшнаго шума на улицахъ Неаполя. Брени, пѣсни до глубокой ночи, безшабашныя гитары, беззаботный смѣхъ утомляютъ его. А мнѣ хочется думать, что здѣсь всѣ счастливы, что здѣсь всѣмъ хорошо живется.

23 октября.

Вчера передъ обѣдомъ мы пошли съ Димой въ старый городъ смотрѣть на живописную нищету Неаполя. Мы останавливались на углахъ и перекресткахъ, и вездѣ Дима находилъ такой «пунктъ», откуда можно полюбоваться картиной. Узкія улицы чернѣли точно ущелья; солнце никогда не проникало въ нихъ, грязь копилась въ-каки; въ этой грязи возились полуголые, черноглазые ребятишки.

— Посмотри, какъ это просится на полотно, — сказалъ Дмитрій. Даже эта испитая женщина какъ стати... Интересное пятно.

На черномъ порогѣ мрачнаго чернаго дома сидѣла худая женщина и кормила сухой грудью мальчика лѣтъ двухъ. Онъ жадно тянулъ изъ матери молоко, но его, повидимому, было очень мало, и ребенокъ напрасно мучился самъ и мучилъ мать.

— Какая нищета! — искренно сказала я.

— Да... Въ Неаполѣ около пятидесяти тысячъ официальныхъ нищихъ, да столько же, если не больше, неофициальныхъ... вотъ такихъ... Они цѣлыми годами не видятъ горячей пищи... Бьютъ frutti di mare и всякую гадость, ходятъ полуголые и даже голые.

— Какой ужасъ!

— А ты думаешь, это только здѣсь? А въ Лондонѣ? А въ Петербургѣ лучше?

— Я знаю... Тѣмъ хуже, что вездѣ такъ много несчастныхъ...

— Несчастливых? Почему ты знаешь, что они несчастнее тебя? Въ нихъ, можетъ быть, гораздо больше гармоніи со всѣмъ окружающимъ міромъ: и съ синимъ небомъ, и съ грязной мостовой, тѣмъ у тебя.

— Можетъ быть.

— У нихъ въ душѣ, конечно, нѣтъ ада, умошеннаго благими намѣреніями,—сказалъ уже шутя Дмитрій и посмотрѣлъ на меня.

Я почувствовала, какъ поблѣднѣла. Онъ не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— А вѣдь правда: одни хорошія намѣренія безъ дѣлъ—адъ?

Если бы онъ зналъ, какъ эти шутки жгутъ меня въ самый мозгъ, онъ не говорилъ бы такъ. Если бы онъ зналъ, какъ я страдаю отъ моего противорѣчія между словомъ и дѣломъ, если бы только могъ подозрѣвать, какъ я презираю себя за то, что всю жизнь отдала личному счастью, бесполезному эгоистическому существованію.

24 октября.

Какъ хочется все записывать, но не могу—устаю, и не умѣю. Впрочемъ, я пишу не путевыя записки, а то, что переполняетъ душу, то, что я не могу или не хочу сказать Д.

Вчера мы шли съ Дмитріемъ по набережной.

Заходило солнце, мягкій свѣтъ окутывалъ и зеленую «Villa», и пестрый амфитеатръ города, и грозный Везувій прозрачной розовой пеленой. Дмитрій спросилъ меня, отчего я грустная. Я совершенно искренно отвѣтила ему:

— Я нахожу, что все это слишкомъ красиво, слишкомъ празднично и поэтому не въ гармоніи съ тѣмъ, на что обречены люди, большіе и маленькіе, молодые и старые—всѣ. У всякаго—горе, страданія и обиды, а эта вѣчно ликующая природа равнодушно смотритъ на все и продолжаетъ ликовать.

Дмитрій засмѣялся надо мной.

— Опять гражданская скорбь! Миѣ казалось, что ты у меня поразвилась немного... Я думалъ, что тебѣ не нравится Неаполь потому, что онъ не можетъ нравиться человѣку со вкусомъ.

Я съ изумленіемъ посмотрѣла на него. Какъ могутъ не нравиться эти переливы тѣней, эта прихотливая и изящная игра красокъ, эта лиловая даль, лиловыя горы и прозрачныя волны?

— Розовое варенье!—сказалъ онъ. Избитыя контуры, чистыя краски... Все это банально до невозможности... И какъ все банальное—наводитъ скуку...

Онъ нѣжно прижалъ мою руку и сказалъ ласково, но обычнымъ насмѣшливымъ тономъ:

— А ты, моя бѣдная, навѣрное всю исторію призвала, чтобы дать пищу твоей русской скорби: тутъ и насилія, и рѣки крови за обладаніе красавцемъ Неаполемъ, и подати, и несправедливости, и ссылки, и преслѣдованіе честной мысли и свободного слова.

Я молчала.

— Ну, не сердись! — любовно сказалъ онъ, и мнѣ захотѣлось все забыть.

25 октября.

Дмитрій цѣлыми часами пропадаетъ въ музеѣ. Я брожу по городу. Я хожу не по Via Toledo, не по Villa Nazionale, а по узкимъ, темнымъ переулкамъ, гдѣ живетъ неаполитанская голь.

Такъ какъ здѣсь вся жизнь проходитъ на улицѣ, — то весь ея ужасъ особенно рѣзко бросается въ глаза. Грязь хуже хлѣва, лохмотья, голодные лица пузатыхъ ребятешекъ, больныя старухи... И все это на фонѣ роскошной, ликующей природы. Когда я прихожу домой, въ ушахъ моихъ стоитъ дѣтскій плачъ, упреки, жалобы, стоны, ругань, проклятья... И я не могу, не смѣю сказать этого Димѣ.

28 октября.

У насъ въ отелѣ — какъ, впрочемъ, во всѣхъ хорошихъ отеляхъ Италіи — очень много англичанъ. Сегодня за завтракомъ въ общей столовой я сказала Димѣ:

— Бавія безстрастныхъ, довольныхъ собою лица... Помнишь у Толстого гдѣ-то сказано про англичанъ за table d'hôte'омъ, какъ они ни съ кѣмъ не знакомятся, а наслаждаются «одинокимъ довольствомъ въ удобномъ и пріятномъ удовлетвореніи своихъ потребностей»... мнѣ кажется не только у англичанъ, а и у всѣхъ туристовъ такое выраженіе, что всѣмъ имъ спокойно, удобно, чисто и легко жить на свѣтѣ, у всѣхъ ихъ и въ движеніяхъ и въ лицахъ — равнодушіе ко всякой чужой жизни и увѣренность въ томъ, что они имѣютъ право на свое благосостояніе, на наслажденіе жизнью...

— А по-твоему надо при каждой устрицѣ пускать по слезѣ о голодныхъ братьяхъ? Каждый кусокъ ростбифа приправлять гражданскою скорбью? Почему же ты не дѣлаешь этого? Прекрасно проглотила дюжину устрицъ, запила отличнымъ виномъ, съ аппетитомъ скушала цыпленка, макаронъ и сыру и не подумала, сколько человѣкъ могли бы сегодня быть сыты на это.

Я молчала. Что я могла ему сказать на это? Я сознавала, что онъ правъ.

— Взгляни въ окно, — ласково заговорилъ онъ опять. — Посмотри какое безстрастіе въ природѣ, какое наслажденіе собственною красотой и этою спокойной, ясною картиной, игрой свѣта, прозрачною лазурью. Все это твое, никто не отнимаетъ отъ тебя наслажденія этимъ. Или пойдемъ въ музей. Сядь и смотри на какую-нибудь Венеру Callipiga, учиись у нея любоваться красотой и быть счастливой отъ созерцанія красоты.

Дмитрій закончилъ это уже съ раздраженіемъ. И я почувствовала себя виноватой передъ нимъ.

Подъ окномъ неумолчно дребезжать гитары и теплые, нѣжные голоса поютъ: *Addio, bello Napoli... Addio!*...

27 октября. Вечеръ.

Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ Дмитрій и сказалъ:

— Завтра уходитъ хорошій пароходъ въ Палермо. Пойдемъ.

Я благодарно взглянула на него; мнѣ показалось, что онъ понялъ мою тоску, понялъ, что меня мучаетъ.

— Эта олеографія — Неаполь — для меня невыносима, — прибавилъ онъ, точно желая какъ можно скорѣе разочаровать меня.

Опять на первомъ планѣ его художественное чувство. Вотъ это, правда, невыносимо. Всю жизнь говорить объ этомъ чувствѣ и никогда ничего не сдѣлать.

Вчера рано утромъ мы опять пошли по Неаполю. Солнце грѣло привѣтливо, но не жгуче, свѣтло-зеленныя волны ласкались къ берегу. Небо точно улыбалось, глядя на Неаполь, какъ мать улыбается, глядя на любимаго ребенка. Изъ Сорренто и Бастеламаре несея сладкій запахъ апельсиновыхъ цвѣтовъ.

Мы шли близко другъ къ другу, точно проникнутые этою ласковою красотой, этою радостью жизни. Мнѣ было такъ хорошо, что даже страшно заговорить. Подъ зелеными вѣтвями «Виллы» было прохладно и уютно. Бѣлыя статуи сверкали на утреннемъ солнцѣ. Мы съ Дмитриемъ сѣли на одну изъ скамеекъ близъ храма Виргилія. Густой платанъ свѣсилъ надъ нами.

— Ты счастлива? — вдругъ спросилъ меня Дмитрій.

— Конечно... Почему ты спрашиваешь?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Тогда я, скорѣе шутя, чѣмъ серьезно, спросила его:

— А ты счастливъ?

— Я? Да, счастливъ.

Но въ его голосѣ мнѣ послышалась грустная нотка. Я взглянула на него и была удивлена, какъ много у него появилось морщинъ подъ глазами и на вискахъ; въ длинной шелковистой бородѣ серебрилась сѣдина. Онъ мнѣ показался усталымъ, больнымъ.

— Ты здоровъ?—спросила я.

— Еще бы. Это не гнилой Петербургъ... Развѣ тутъ можно быть больнымъ?

Но мнѣ показалось, что это совсѣмъ не тотъ человѣкъ, который годъ тому назадъ такъ молодо и весело встрѣчалъ меня въ своемъ петербургскомъ уютномъ гнѣздышкѣ.

Палермо, 1 ноября

Не умѣю я описывать. Да Сицилія и описана тысячи разъ, ничего новаго не скажешь. А какъ хорошо-то! Какая-то страстная ласка плаваетъ въ воздухѣ. Дима въ духѣ, видѣлъ свою любимую *Sarella Palatina* и въ восторгѣ. Онъ радъ, что мнѣ нравится Палермо, нравится Монреале, нравится палатинская капелла... Мы цѣлыми часами сидимъ на балконѣ въ какой-то сладкой истомѣ.

И мнѣ кажется, я совершенно счастлива.

2 ноября, 2 часа ночи.

Какой рай—вечеръ въ Палермо! Луна осыпала землю и море серебряными искрами. Мы долго гуляли съ Д. по виллѣ Джулія. Громадныя финиковыя пальмы точно замерли въ тепломъ душистомъ воздухѣ. Фонтаны журчали свою безконечную пѣсню. Было жарко и какъ-то особенно отраднo. Мы вспоминали съ Д., какъ годъ тому назадъ мы тосковали, любя другъ друга, какъ мучились и ложили себя. Изъ-за чего? Потому онъ говорилъ мнѣ, какъ ревновалъ меня къ мужу, какъ ужасно мучился. Теперь все это прошло, теперь мы виѣсть на всю жизнь. Какъ ужасно, что человѣку мало суждено жить. Какой-нибудь дубъ живетъ сотни лѣтъ и никому не расскажетъ, что онъ видѣлъ, что испыталъ... А человѣкъ копить, копить богатства ума, чувства, пониманія и уносить все куда-то, уносить безвозвратно.

— Такъ хорошо, что даже стыдно.

— Опять?... Что стыдно?

— Стыдно жить.

— А еще стыднѣе всю жизнь говорить такъ и ничего не дѣлать.

Да. Вотъ онъ настоящій-то стыдъ въ чемъ. И я очень хорошо понимаю это. Почему же не могу жить такъ, какъ считаю нужнымъ жить? Почему все свое существованіе отдала личному счастью? Почему при такомъ громадномъ, совершенно незаслуженномъ мною

счасти я постоянно терзаю себя сомнѣніями и упреками? Я не могу такъ жить, ничего не дѣлая, никому не нужная. Не могу. И живу, и минутами ничего не хочу, кромѣ любви Д., кромѣ его ласки.

Палермо, 5 ноября.

Все смотрѣть, все любоваться... Д. можетъ цѣлыми часами говорить объ искусствѣ, о его высокихъ цѣляхъ, о его высшемъ значеніи въ жизни. И самъ никогда ничего не дѣлаетъ. Разъ послѣ одного изъ нашихъ частыхъ споровъ о «морализированіи», которое такъ ненавидитъ Д., онъ сказалъ мнѣ словами Ренана: «Dans la morale comme dans l'art dire n'est rien, faire est tout». Какъ часто хочется мнѣ сказать ему то же самое, немного переставя слова: «Dans l'art comme dans la morale dire n'est rien, faire est tout». Но мнѣ жаль его, мнѣ страшно попасть ему въ больное мѣсто.

Помню, какъ я разсердилась, когда мать назвала Д. «Безпечальный эстетикъ». А теперь я часто вспоминаю это прозвище.

Палермо, 3 ноября.

Всѣ мы представляемъ себѣ Сицилію прежде всего страной апельсинновъ, цвѣтущимъ садомъ, напоеннымъ сладкимъ ароматомъ. Нѣкоторые изъ насъ знаютъ про «латифундіи» — это безконечныя владѣнія сицилійскихъ помѣщиковъ, про сѣрныя копи, гдѣ работаютъ женщины и дѣти, про голодъ и непосильные налоги... Но для большинства Сицилія — это «жемчужина Средиземнаго моря», желанная красавица, за обладаніе которой вѣками дрались самые разнообразныя народы.

И дѣйствительно, красота всюду, и въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства. А рядомъ съ этимъ: стоны и жалобы безъ конца.

— Почему ты все грустная? Все грызешь себя... Вѣдь у насъ все есть, чтобы быть счастливыми... Смотри, какое море, какое солнце, какая красота... И все это наше... А ты вмѣсто наслажденія создаешь себѣ страданія... Впрочемъ, ты всегда была такая, дѣвушкой, окруженная шестидесятниками, ты думала объ офицерахъ... Теперь, среди роскошнѣйшей въ мірѣ природы, болѣешь о нищихъ и голодныхъ.

6 ноября.

Откуда является это раздраженіе? О чемъ бы мы ни заговори-

ли, оно подпазываетъ какъ-то незамѣтно и отравляетъ всѣ наши бесѣды съ нимъ.

8 ноября.

Обыкновенно говорятъ: «Онъ добрый» или «она добрая», та-кимъ тономъ, точно хотѣть сказать: «онъ глухой». Я и сама прежде такъ же думала. Мнѣ хотѣлось слыть умной, а не доброй. Теперь я вижу, что безъ доброты челоувѣкъ—пустыня. Д. умный, любить меня, но у него нѣтъ доброты и онъ отъ этого никогда ничего въ жизни не сдѣлаетъ. Христось, помимо ума, силенъ своею добротой. Онъ всѣхъ любилъ, всѣхъ жалѣлъ: и дѣтей, и блудницъ, и молодыхъ, и старыхъ, всѣхъ несчастныхъ, безпомощныхъ. Д. никого не жалѣ. Онъ смѣется надъ жалостью, онъ жестокъ къ чужимъ страданіямъ, онъ совершенно нечувствителенъ ко всему, что не касается лично его. Онъ, одинъ только онъ—центръ всего мірозда-нія. Иногда мнѣ кажется, что и меня онъ любитъ только для себя, постольку, поскольку я пріятна ему. Собственно до меня, до моей души—ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ не понимаетъ меня, не хочетъ понять. Онъ даже и не считается со мной, хотя и говоритъ, что обожаетъ меня. И минутами я вижу, вѣрю, что дороже меня для него никого нѣтъ. И я бываю такъ счастлива отъ этого созна-нія, что кажется готова отказаться отъ всего въ мірѣ и жить толь-ко этою любовью. Иногда же отчаяніе и пустота охватываютъ меня; стыдно за Д., стыдно за себя, жить только для поцѣлуевъ, для на-слажденія, для созерцанія. Я чувствую, что надоѣдаю этимъ Д. Еще сегодня онъ шути сказалъ мнѣ:

— Еслибъ я зналъ, что ты не женщина съ нервами, съ поро-бами, съ прихотями, даже съ капризами, а книжка съ прописной моралью—я бы годъ тому назадъ убѣжалъ отъ тебя.

— Я никогда не обманывала тебя, я всегда была тѣмъ, что я есть.

— Но ты сочувствовала моимъ взглядамъ... раздѣляла мои мысли.

— И увидала, что они бесплодны, какъ Сахара.

Онъ испугался, что разговоръ этотъ принимаетъ острый харак-теръ, какъ почти всѣ наши разговоры теперь, и торопливо вышелъ на балконъ. Море ясное, лазурное, спокойно покачивалось и ухо-дило куда-то далеко, далеко, въ объятія яснаго и лазурнаго неба и сливалось съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое. Я подошла къ Д. Онъ жестко посмотрѣлъ на меня. И вдругъ мнѣ представилось, что мы совсѣмъ чужіе другъ другу. И опять то же сознание пронизало меня: при такой безпредѣльной близости—такая полная отчужденность.

Палермо.

Нигдѣ въ Италиі женщина не играетъ таковой роли, какъ въ Сициліи. Она работаетъ на пользу народа неустанно и съ яснымъ сознаниемъ своего долга... Въ газетахъ постоянно попадаютъ сообщенія о митингахъ, собираемыхъ женщинами... Онѣ устраиваютъ народные школы, врачебную помощь, учредили общество взаимопомощи... Онѣ идутъ въ деревни и копи... Я познакомилась съ одной изъ нихъ: точно моя мать въ молодомъ видѣ. Такая же ясная, такая же вѣрующая въ свое дѣло, такая же негодующая и знающая, чего она желаетъ.

Мама мнѣ пишетъ, что видѣла Ольгу Совѣтову... Она совсѣмъ завяла. Мужъ съ нею въ Петербургѣ... Значить, княгиня прогнала его.

9 ноября.

Завтра мы уѣзжаемъ въ Сиракузы, — «поклониться» Венерѣ.

Отчего мама мнѣ не пишетъ? Вотъ уже почти мѣсяцъ, что я не получила отъ нея ни строчки. Бѣ ней хотѣлъ заѣхать Федоровъ. Интересно, что онъ ей рассказалъ про насъ.

Не знаю, почему мнѣ такъ грустно... Д. все время недоволенъ мною, я сама сознаю, что я «не на высотѣ» и не могу быть иной, устала быть не самой собой... Вчера я не могла и прямо сказала Д.:

— Какъ ты могъ полюбить меня, если такъ не сочувствуешь моимъ идеямъ, такъ раздражаешься моими взглядами?

— Да развѣ можно считаться съ тѣмъ, что говорятъ женщины? Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало.

Мнѣ надобны эти постоянныя шутки, и я сказала совершенно серьезно:

— Нѣтъ, ты отвѣть мнѣ: за что же ты полюбилъ меня?

— Неужели ты думаешь, что женщину любятъ за высокія идеи, за ученость или гражданскія доблести? Нисколько. Любовь является неизвѣстно какъ, но, несомнѣнно, на физиологической почвѣ... И дѣло не въ красотѣ... А такъ, въ чемъ-то неувидимомъ. Температура рукъ, запахъ волосъ, звукъ голоса... Все это физиологія.

— Это цинизмъ... Для женщины такая любовь обидна.

— Опять морализированіе. Какой же цинизмъ? Это законъ природы и надо считаться съ нимъ... Еслибъ я не поцѣловалъ тебя тогда... пятого апрѣля, я, весьма возможно, никогда не полюбилъ бы тебя.

— А поцѣловалъ не любя?

— Можеть быть.

Я вся покраснѣла отъ ужаса. Д. засмѣялся и сказалъ:

— Конечно, не любя... И еслибы зналъ, что этотъ поцѣлуй такъ привяжетъ меня къ тебѣ, — обѣжалъ бы отъ тебя.

— Зачѣмъ же поцѣловалъ?

— Меня бессознательно тянуло къ тебѣ и тянуло не отъ того, что ты когда-то писала «листовки», а потомъ съ удовольствіемъ слушала Бодлера, а потому, что въ нашихъ физическихъ организаціяхъ было, должно быть, что-нибудь подходящее, и ни одна женщина не была такъ мила мнѣ, какъ ты.

Прежде такая фраза заставила бы меня все забыть, а вчера она покорила меня.

Отчего такъ грустно, такъ безысходно грустно? Хочется плакать. Передъ окномъ раскинулась голубая скатерть моря, налѣво желтѣетъ живописный Пеллегрино. Все залито яснымъ теплымъ солнцемъ. А на душѣ мракъ и холодъ.

Палермо, 12 ноября.

Вотъ уже четыре дня, какъ Д. уѣхалъ, а я не скучаю... Нѣтъ, можеть быть и скучаю, но не страдаю. Напротивъ, я чувствую какое-то освобожденіе. Любовь всегда рабство, но любовь, основанная на физиологіи, на одной только физиологіи, — самое голое, самое постыдное рабство. И все — долгъ, убѣжденія, симпатіи — все приносится ему въ жертву. Все въ жизни забывается ради него, все заслоняется имъ.

Я не поѣхала съ Д... Мнѣ надо было остаться одной.

Въ день отъѣзда Д., когда уже у насъ все было уложено, чтобы ѣхать въ Сиракузы, а затѣмъ въ Сегесту, Батанію и Таормине, я стала читать *Giornale di Sicilia* и сказала искренно и горячо:

— Послушай, Дима, что тутъ творится: «Въ деревнѣ Кіарамонте назначена на 26 ноября распродажа имущества ста двадцати человѣкъ, не уплатившихъ подати. Сумма недоимки рѣдко превышаетъ двадцать лиръ; у многихъ она не достигаетъ и десяти лиръ, а у семерыхъ она меньше пяти лиръ...» Дима! Пять лиръ... вѣдь это меньше двухъ рублей?!

Д. ничего не отвѣчалъ мнѣ и только улыбался холодно и насмѣшливо... И вдругъ что-то прорвалось во мнѣ, и я все высказала ему...

— Я не знаю, зачѣмъ говорю тебѣ все это... — сказала я, — я все забываю, что ты равнодушенъ не только къ страданіямъ и радостямъ ближнихъ, но и къ нравственнымъ законамъ... Я забываю или, вѣрнѣе, хочу забыть, что для тебя не существуетъ ни

порока, ни добродѣтели, а только красота и уродство... и ты для меня невыносимъ этимъ.

— А ты мнѣ смѣшна,—высокомѣрно и злобно произнесъ Д.

— Ты только и дѣлаешь, что смѣешься надо мною...

— Да какъ же не смѣяться? Противорѣчія всегда вызываютъ смѣхъ... А ты всю жизнь путаешься въ противорѣчяхъ: говоришь одно, а дѣлаешь другое... Еслибъ я видѣлъ всѣ твои благородныя стремленія и великодушныя чувства не на словахъ, а на дѣлѣ, я не посмѣлъ бы смѣяться...

И вотъ четыре дня, какъ эти слова звучать у меня въ душѣ. Я оглянулась на себя и ужаснулась... Какъ я живу? Въ чемъ проходитъ день за днемъ? И это не переходное состоянiе, не стремленiе къ чему-нибудь лучшему, болѣе разумному, а вершина счастья, достигнутая цѣль жизни... Я не только не стремлюсь быть полезной, жить не для одной себя, я даже разучилась «смѣть»,—смѣть говорить, что думаешь, смѣть дѣлать, что хочешь... Я часто боюсь сказать «хорошее слово», боюсь насмѣшки, боюсь разстроить Д. Эта боязнь разстроить, огорчить или разсердить Д. доходитъ у меня до болѣзни. Неужели эта боязнь — любовь? Неужели это рабство — счастье? Нужно освободиться. Лучше жить безъ радостей любви, но не рабой. Я устала влечь цѣпи. Мнѣ стыдно такъ жить. И каждый разъ, какъ Д. скажетъ мнѣ, что я «готова на великiе подвиги на словахъ, а не на дѣлѣ», я прихожу въ отчаянiе и хочу бѣжать отъ него, и не имѣю силъ бѣжать... Взгляну на его усталое лицо, на ласковые глаза и все забуду и рѣшаюсь идти на всѣ компромиссы, лишь бы видѣть, какъ улыбается мнѣ этотъ милый ротъ съ бѣлыми зубами, какъ протягиваются ко мнѣ эти руки съ тонкими длинными пальцами... Теперь, когда я одна, я сознаю весь стыдъ моего существованiя, весь ужасъ моего нравственнаго одиночества. Теперь, когда Д. уѣхалъ, я точно освободилась отъ гипнотическаго состоянiя и почувствовала себя человѣкомъ. Какъ странно: я съ самаго начала нашего знакомства съ Д. испытала это присутствiе гипнотической силы: когда я не видала его, я освобождалась... Когда онъ бывалъ со мною, я становилась его рабой, его вещью... И онъ не можетъ меня уважать за это...

15 ноября.

«Еслибъ я видѣлъ всѣ твои благородныя стремленія и великодушныя чувства не на словахъ, а на дѣлѣ—я не посмѣлъ бы смѣяться!...» Онъ правъ... Надо уѣхать. Цѣлые сутки я думаю... Все, все говоритъ мнѣ объ этомъ. Уѣду и освобожусь отъ этого стыда жизни, который съѣдаетъ меня. Поцѣлуй, нѣга, любова-

ніе...—такъ жить нельзя, стыдно такъ жить. Уѣду и освобожусь отъ моего душевнаго одиночества. Когда человѣкъ одинъ, онъ не чувствуетъ того ужаса одиночества, какъ когда онъ вдвоемъ, когда онъ всю душу готовъ отдать, все сердце свое вынуть и положить къ ногамъ и чувствуетъ, что совсѣмъ этого не надо, что каждый живетъ самъ по себѣ, а до того, что дѣлается въ вашей душѣ, никому нѣтъ дѣла...

Черезъ часъ.

Получила письмо отъ Д. Онъ описываетъ Сегесту, восхищается храмомъ, вспоминаетъ эллиновъ, говоритъ объ умномъ и разумномъ пониманіи смысла жизни, о томъ гармоническомъ впечатлѣніи, какое производятъ на утонченнаго человѣка произведенія человѣческаго духа... И во всемъ этомъ, отъ начала до конца, слышится я, я и я... Можетъ быть, я притираюсь къ нему? Господи, какъ бы я хотѣла оказаться несправедливой!... Нѣтъ. Перечитала письмо и опять это же впечатлѣніе ужаснаго эгоизма... Я и раньше видѣла, и мать говорила мнѣ, что Д.—эгоистъ. Я видѣла, какъ онъ стремился все и всѣхъ подчинить своей власти, я знала, что онъ сознаетъ свое нравственное превосходство надъ окружающими, и находила это совершенно естественнымъ. Помню, я такъ и сказала матери, а она мнѣ отвѣтила на это:

— Неужели ты не видишь, что это просто влюбленность въ себя?...

Я тогда разсердилась на мать.

Да, влюбленность въ себя, любовь только къ себѣ... И рядомъ съ этимъ—проповѣдь жертвы во имя любви, полного самоотверженія, всепрощенія... Но все это, по словамъ Д., нужно для женщины. Для мужского самолюбія это постыдно. И постоянно онъ ставитъ такія рамки: для женщины нужно то-то, для мужчины—то-то; наприм., онъ говоритъ, что разумъ возвышаетъ человѣка, стоитъ на стражѣ его человѣческаго достоинства. А когда я какъ-то сказала, что основной принципъ человѣчества—разумъ, онъ серьезно и горячо сказалъ:

— Это не касается женщинъ, разумъ—не женская добродѣтель, и чѣмъ больше разума у женщины, тѣмъ она антипатичнѣе.

И это его искреннее убѣжденіе; я вижу, какъ онъ блѣднѣетъ, какъ жестко смотритъ на меня, когда я говорю, что торжество чувства надъ разумомъ всегда губительно.

— Въ чемъ это?—спросилъ онъ какъ-то меня.

— Оно убиваетъ волю, а воля—главная сила человѣка..

— Но не женщины... На что ей воля? Женщина во всѣ вѣна

была содержанкой мужчины: отца, брата, мужа, любовника — все равно, но мужчины. А для этого воли не надо.

Онъ говорилъ это безъ злобы, но съ убѣжденіемъ.

И теперь, когда Д. нѣтъ здѣсь, когда я свободна отъ обаянія его голоса, всего того «неуловимаго» вліянія, которымъ онъ обуславливаетъ любовь, — я могу, можетъ быть, разобраться въ своихъ чувствахъ, понять себя и свои побужденія.

Я дошла до полного подчиненія Д., — значить, дошла до униженія. Что бы сказала мама, всю жизнь толковавшая мнѣ, что долгъ человѣка — огражденіе своей личности отъ подчиненія: чело-вѣку ли, чувству ли — безразлично.

Говорятъ, нѣкоторые находятъ счастье въ такомъ подчиненіи. Не знаю, я не могу быть счастливой въ рабствѣ; сознательная жажда свободы, сознательная потребность сбросить цѣпи и освободить душу отъ рабскихъ оковъ мучаютъ меня. И виѣстъ съ этимъ я дошла до того, что когда говорю съ Д. или спорю съ нимъ, то мнѣ такъ страстно хочется быть ему милой, пріятной, что я иногда (и очень часто) кривлю душой... И это заставляетъ меня страдать. Я чувствую съ каждымъ днемъ все больше и больше, какъ моя воля поработается, какъ я тону въ компромиссахъ... Но только теперь, безъ него, я увидала, что потеряла даже смѣлость сужденій, разучилась «смѣть».

Господи! Да еслибъ это дало намъ счастье, я можетъ быть и смирилась бы. Но ни я, ни онъ не можемъ быть счастливы. Наши души — чужія одна другой. Пока ему милы мои глаза или, какъ онъ говоритъ, «температура рукъ», «запахъ волосъ», онъ, можетъ быть, будетъ счастливъ, несмотря на всю разницу нашихъ взглядовъ и убѣжденій. Пройдетъ это, — кромѣ тоски и раздраженія не останется ничего. Не лучше ли разорвать во-время? Изъ сегодняшняго письма очень ясно, что и я ему не нужна. Онъ нѣсколько разъ шутилъ, что женщина въ жизни мужчины всегда тяжелая ноша въ рукахъ и оковы на ногахъ. И эта шутка — искреннее убѣжденіе Д. Совмѣстная жизнь требуетъ непрестанныхъ уступокъ, мелкихъ, можетъ быть, едва замѣтныхъ, но все-таки уступокъ. Д. слишкомъ эгоистиченъ для этого. Если я уѣду отъ него теперь, онъ перенесетъ это легко. Оскорбленное самолюбіе, боязнь быть смѣшнымъ въ глазахъ общества будутъ, какъ всегда, на первомъ планѣ и заслонять ему горе. А я...

Я, можетъ быть, буду тосковать, буду плакать, но за то я освобожусь, получу возможность жить такъ, чтобы не краснѣть за себя передъ хорошими людьми, буду имѣть возможность не только

на словахъ, но и на дѣлѣ проводить свои убѣжденія. И тогда Д. не посмѣетъ смѣяться надо мной. Но для этого я должна сбросить съ себя оковы, должна освободить мою поработченную душу, должна жить по правдѣ, не для одной себя, но и для ближнихъ. Пусть Д. глумится надъ моею «мѣщанской добродѣтелью», — я не могу больше жить по-прежнему, я не могу всю жизнь искать... Я должна дѣлать что-нибудь. Рабство страсти, рабство физиологiи — самое постыдное изъ рабствъ, и разъ сознаешь его въ себѣ, надо какой бы ни было цѣной побороть его, добиться полной независимости и стать человѣкомъ. Только бы мнѣ уѣхать отсюда до возвращенія Д. Боюсь, увижу его и все забуду и пойду опять на ложь, на компромиссы... Онъ имѣетъ полное право не уважать меня: я на его глазахъ отреклась отъ матери, отъ моихъ убѣждений, отъ всего, что я любила, во что вѣрила... Надо освободиться... надо... надо!...

16 ноября.

Сегодня утромъ получила письмо изъ Сиракузъ. Д. призываетъ завтра утромъ. Я телеграфировала мамѣ, что выѣзжаю къ ней сегодня. Скорѣе уѣхать, чтобы не видѣть его. Слезы застилаютъ глаза. Не могу собрать двухъ мыслей. Надо написать Д., надо объяснить ему... Но что писать?...

«Дмитрій!

«Я оставляю тебѣ эту тетрадь... Я завела ее для того, чтобы имѣть возможность разбираться въ самой себѣ, постоянно слѣдить за борьбой разума съ чувствомъ, постоянно ловить себя на двойственности моей несчастной природы. Ты здѣсь увидишь всю меня; въ этой тетради нѣтъ думы затаенной, ни одного слова неискренняго. Когда ты прочтешь ее, я буду далеко... Не могу писать тебѣ, что я испытываю... ты самъ все поймешь... Ты поймешь, какъ я люблю тебя, ты поймешь также, что при *такой* любви я не могу быть счастливой, не могу и тебѣ дать счастье... У насъ чужія души, у насъ разныя дороги. Зачѣмъ же мы будемъ портить жизнь другъ другу, зачѣмъ будемъ мѣшать другъ другу дѣлать то, что каждый изъ насъ считаетъ нужнымъ дѣлать?»

«Я уѣзжаю въ Россiю; не знаю, на что я окажусь пригодной тамъ, но я ѣду съ безграничной готовностью приносить пользу ближнимъ, съ непоколебимой вѣрой въ то, что человѣкъ можетъ найти счастье только въ альтруизмѣ... Ты всегда встрѣчалъ съ насмѣшкой такія слова; можетъ быть засмѣешься и теперь, но ты знаешь, что я говорю совершенно искренно: жить такъ, какъ я

жила съ тобой, стыдно. И этотъ стыдъ не даетъ мнѣ покоя, не даетъ возможности и тебѣ дать счастье.

«Неужели ты опять скажешь, что все это фразы, неужели ты не поймешь, какихъ страданій стоить моя разлука съ тобой? А при страданіяхъ не до фразъ. Еслибъ я только знала, что моя душа, все участіе нужны тебѣ, я не уѣхала бы, я отдала бы тебѣ всю жизнь. Но я убѣдилась, что я не только не нужна тебѣ, но я раздаю тебя каждую минуту, и чувствую, что я для тебя тяжелой обуза. И я должна тебя освободить отъ себя.

«Ты былъ правъ, говоря, что я смѣшна съ моими противорѣчїями. Я дошла до того, что искренно стремилась выработать въ себѣ полное равнодушіе къ вопросамъ нравственнымъ и политическимъ; я, чтобы быть прїятной тебѣ, стала говорить, что все совершается по естественнымъ законамъ причинной связи, и надо смиряться... И вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала, что стыдно смиряться, больно смиряться... Я чувствовала, что надо фактически участвовать въ торжествѣ добра, способствовать ему... Жить день за днемъ для себя и оправдываться, что законъ причинной связи изменить нельзя—постыдно. Много разъ говорила я съ тобой объ этомъ и ты всегда смѣялся... Въ послѣдній разъ ты объяснилъ мнѣ причину твоего смѣха. «Еслибъ я видѣлъ это не на словахъ, а на дѣлѣ...» Ты правъ. И послѣ этого я уже не могу оставаться здѣсь... Я уѣзжаю домой, на родину. Не знаю, что я буду тамъ дѣлать, но знаю, что жить такъ, какъ я жила до сихъ поръ, я уже не могу... Все это очень сложно, и я слишкомъ волнуюсь, чтобы ясно изложить все... Хочу думать, что ты поймешь... и хоть на этотъ разъ не засмѣешься надо мной.

Елена».

Ев. Лѣткова.

ТРЕТЬЯ ПАЛАТА *).

Романъ Гэшлинъ Гарленда.

IV.

Бреннанъ представлялъ собою продуктъ нашего социальнаго положенія, такой же точно, какъ электрическая дорога, телефонъ или молочный синдикатъ. Такихъ, какъ онъ, можно встрѣтить въ коридорахъ всѣхъ отелей. Онъ пріѣзжаетъ въ городъ на пароходѣ или по желѣзной дорогѣ въ девять часовъ утра, читая котировки биржи. Въ своемъ бюро онъ сидитъ обыкновенно, приставивши къ уху телефонную трубку или перебирая пальцами торопливо ленту телеграфнаго аппарата. Его голова занята исключительно расчетами. Его руки не что иное какъ грабли для захватыванія денегъ.

Несправедливо было бы сказать, что у Бреннана совсѣмъ нѣтъ совѣсти. Есть вещи, которыя онъ не согласится сдѣлать ни за что въ мирѣ. Но дѣло въ томъ, что въ его средѣ не имѣютъ никакого значенія обыкновенныя нравственныя понятія. А потому онъ отнюдь не считалъ себя негодяемъ. Затѣянное имъ покушеніе на честность сенатора представлялось ему простымъ и вполне дозволеннымъ актомъ дипломатіи. Взятый самъ по себѣ, не обусловленный необходимостью, такой поступокъ могъ бы показаться не совсѣмъ «благовиднымъ», но въ виду обстоятельствъ, сложившихся извѣстнымъ образомъ, онъ не вызывалъ въ молодомъ человѣкѣ ни малѣйшихъ укоровъ совѣсти.

Бѣднякъ ирландецъ поневолѣ долженъ быть ловкимъ и изворотливымъ, если хочетъ выйти въ люди. Бреннанъ началъ съ того, что былъ отличнымъ ученикомъ въ школѣ, потомъ сталъ отлич-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1897 г.

ишь мелкими служащими у торговаго комиссіонера. Его большіе зоркіе глаза все подмѣчали, его чуткія уши все слышали, и память удерживала, какъ грубыя выраженія, такъ и циническую философію, общепринятая въ этомъ кругу.

Подобное воспитаніе не могло выработать изъ него ничего иного, какъ смѣлаго, быстрого, ничѣмъ не стѣсняющагося обдѣлистаго чловѣка. Дэвисъ обратилъ на него вниманіе около двѣнадцати лѣтъ назадъ. Знаменитый Желѣзно-дорожный Герцогъ взялъ его на службу, оцѣнилъ его способности, счелъ его достойнымъ довѣрія, которое съ года на годъ настолько увеличивалось, что Бреннану, болѣе, чѣмъ кому другому, сдѣлались извѣстны всѣ, самыя секретныя дѣла хозяина.

По совѣту патрона, Бреннанъ принялся за изученіе правовѣдѣнія и превратился въ ловкаго стряпчаго, когда Дэвисъ началъ давать ему щекотливыя порученія пробираться въ кулуары Палаты и хлопотать объ интересахъ желѣзно-дорожной линіи.

И вотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на Бреннанѣ лежала обязанность «проваливать» неудобные для линіи законы и не менѣе важная забота подсовывать желательныя постановленія. Онъ достигъ того, что зналъ всѣхъ, кого нужно было, и, въ частности, самыя сокровенныя тайны каждаго изъ нихъ, чѣмъ и пользовался въ случаѣ надобности оказать на кого-нибудь давленіе.

Занимался онъ этимъ совершенно такъ, какъ шахматный игрокъ, рассчитывающій свои дальнѣйшіе ходы. Никакихъ злостныхъ и преступныхъ намѣреній онъ не имѣлъ, но не существовало для него и никакихъ моральныхъ соображеній. Ему извѣстна была слабая сторона сенатора Уарда, и на эту сторону онъ направилъ свои удары, спокойно, безъ признака неприязни.

Послѣ ухода Фукса, онъ подошелъ къ молодому конторщику, сидѣвшему въ первомъ бюро, — Робертъ былъ его братъ по матери.

— Робъ, я жду сенатора Уарда. Вы, разумѣется, будете такъ заняты своимъ дѣломъ, что его не увидите и не услышите.

Легкая усмѣшка скользнула по лицу Роберта.

— Я хочу затащить старика въ нашъ лагерь. Вы знаете, на чью онъ ослабѣлъ. Всѣ средства хороши въ любовныхъ дѣлахъ... и въ политикѣ.

И Бреннанъ запѣлъ.

Робертъ принялся за свою работу. Онъ былъ немного глухъ, что усиливало его холодность и методичность. Не ради этого недостатокъ взялъ его на службу Дэвисъ, но это былъ превосходный недостатокъ, что и оцѣнилъ Дэвисъ. Одаренный такимъ же острымъ

и расчетливымъ умомъ, какъ Томъ, Робертъ былъ слишкомъ невозмутимъ для того, чтобъ увлекаться честолюбиемъ. Его глухота рано удалила его отъ молодежи, и вѣв конторы онъ велъ замкнутую жизнь.

Послышался звонъ телефона. Бреннанъ подошелъ къ аппарату.

— Кто говорить?... А, это вы, старина!... На скачки сегодня? Ну, нѣтъ..., слишкомъ жарко... А кто милыя созданія?... Ахъ вы, безстыдники!... Говорю, не могу и дѣлу конецъ... Убирайтесь вы и не приставайте... Прощайте...

Бреннанъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ только что вошедшимъ сенаторомъ Уардомъ.

— А, здравствуйте, сенаторъ! Безконечно радъ васъ видѣть! Садитесь, пожалуйста. Жара-то какая.

— Очень жарко. Сидѣть у васъ мнѣ некогда, — сказалъ Уардъ.

— Все-таки побудьте. Какъ здоровье мистрисъ Уардъ и Эвелины?

Уардъ сухо отвѣтилъ.

— Благодарю, очень хорошо.

— Садитесь, сенаторъ, и выпейте стаканъ шампанскаго. Оно прямо со льда и холодно, какъ Гренландія.

Онъ налилъ полный стаканъ и поднесъ Уарду. Тотъ взялъ его нерѣшительно.

— Благодарю Я страдаю въ нынѣшнемъ году болѣе, чѣмъ когда-либо.

Повидимому, онъ былъ уже немного на-веселѣ. Бреннанъ замѣтилъ это тотчасъ же.

— Я видѣлъ вашу дочь сегодня... очаровательна, какъ июньская роза. Не хотите ли сигару?

Уардъ отказался отъ сигары и тяжело опустился на стулъ.

— Да, она сегодня въ городѣ. Полагаю, однако, что вы пригласили меня не для разговоровъ о моей семьѣ, — проговорилъ онъ, мѣняя тонъ. — По какому дѣлу вы желали переговорить со мной?

— О, не торопитесь съ дѣлами, отдохните и освѣжитесь, немного, — сказалъ Бреннанъ съ отѣвкомъ ирландской насмѣшливости. — Позвольте налить вашъ стаканъ. Это вино совершенная вода, сенаторъ.

Уардъ не отказался и принялся пить въ то время, какъ Бреннанъ продолжалъ:

— Освѣжаетъ великолѣпно, хотѣлось бы пить его, не переставая... Какъ идутъ дѣла у васъ въ высшихъ сферахъ?

— Не особенно бойко въ такую жару, — отвѣтилъ Уардъ.

— Когда; по вашему мнѣнію, дойдетъ очередь до проекта закона о Консолидированномъ обществѣ?

— Вѣроятно, въ понедѣльникъ... и никакъ не позднѣе вторника.

— Вы противъ этого закона?

— Да, — сказалъ Уардъ съ отгѣнкомъ сенаторской важности. — Я полагаю, что давно пора урѣзать эти громадные монополіи.

Бреннанъ усѣлся поудобнѣе на своемъ креслѣ.

— Въ принципѣ вы правы, и я держусь одного съ вами мнѣнія. Но, въ частности, я думаю, что публикѣ было бы очень выгодно, еслибъ привилегія осталась за нами... Выпейте еще стаканъ.

Онъ налилъ вина, подагъ гостю и бойко продолжалъ:

— Ни одно общество не можетъ выстроить дорогу такъ скоро, ни одно не можетъ довольствоваться настолько низкими тарифами потому, что ни у одного нѣтъ такой сѣти, какъ наша. Въ принципѣ вы правы, но не настало время прилагать его на практикѣ. Когда государство будетъ готово выкупить наши линіи, мы будемъ готовы продать ихъ... за подходящія цѣны, разумѣется. Но дѣло это еще не созрѣло.

— Это, положимъ, вѣрно, но принципъ требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ, — сказалъ Уардъ, замѣтно пьянѣя. — Публика требуетъ...

— Публика! — воскликнулъ Бреннанъ, необыкновенно презрительно. — Вотъ и отлично, подавайте голосъ противъ Консолидированной дороги, и, когда человѣку придется платить десять центовъ тамъ, гдѣ онъ могъ бы заплатить только пять, или пробывать въ пути лишній часъ, вы увидите, какъ относится публика къ принципамъ. Много она смыслить, и очень ей нужны ваши принципы!

— Ну, ну, вы преувеличивасте, Томъ. Публика достаточно понимаетъ.

— И требуетъ, чтобы законодатели раздѣляли воѣ ея заблужденія. Она требуетъ законовъ, послѣдствій которыхъ сама не предвидитъ, и отправить къ чорту своихъ представителей за то, что они исполнили ея желаніе. Самой эту публику къ чорту! Нельзя же говорить серьезно объ исполненіи ея капризовъ.

— До нѣкоторой степени, вы правы.

Его голова качнулась и глаза закрылись, но лишь на одну секунду. Бреннанъ сообразилъ, что пора нанести послѣдній ударъ, слегка наклонился, хлопнулъ сенатора по колѣнкѣ и сказалъ:

— Такія-то вотъ дѣла... А своими-то, сенаторъ, какъ я слышалъ, вы не особенно довольны.

— Бто... кто вамъ это говорилъ?—воскликнулъ Уардъ, поднимаясь со стула.

— Я понялъ это изъ словъ мистрисъ Уардъ... Но если чѣмъ-нибудь я могу быть вамъ полезенъ... Вы знаете, мистрисъ Уардъ относится ко мнѣ, какъ къ старому другу.

— Да, по правдѣ говоря, Томъ, дѣла складываются очень плохо. Мнѣ необходимо найти шестнадцать тысячъ долларовъ къ первому юля, и этимъ я озабоченъ. Вы знаете, я связался съ мѣдью.

— Понимаю. Но почему вы не хотите обратиться ко мнѣ и дозволить мнѣ васъ выручить?

— Вы это сдѣлаете, Томми?

— Непремѣнно сдѣлаю, сенаторъ.

— Хорошій вы человекъ, Томми, отличный вы малый. Только, вѣдь, я не могу дать никакого обезпеченія.

— Объ этомъ не заботьтесь. Я достану вамъ десять тысячъ наличными сегодня же.

— Правда? На какихъ условіяхъ?

— Я даю ихъ вамъ даже не взаймы. Я попрошу васъ только не быть нашимъ противникомъ и замолвить за меня доброе слово, когда это понадобится. Это ровно ни къ чему васъ не обязываетъ, разумѣется.

Уардъ хотѣлъ возражать.

— Подождите, подождите и не горячитесь! Подумайте хорошенько, и, если вамъ нужно больше, положитесь на меня, какъ на родного сына.

Уардъ кое-какъ овладѣлъ собой и застегнулъ свой сюртукъ на всѣ пуговицы.

— Послушайте, Бреннанъ, ничто не даетъ вамъ права такъ говорить со мной. Не такой я человекъ, какъ вы думаете, меня нельзя купить за десять тысячъ долларовъ.

— Да я васъ и не покупаю. Не уходите же такимъ сердитымъ!

— Но вы хотите купить мой голосъ, что совершенно одно и то же.

— Совсѣмъ нѣтъ. Позвольте, разберите хладнокровно. Дѣло вотъ въ чемъ; я прошу васъ подать голосъ за проектъ закона, который самъ по себѣ хорошъ. Съ этимъ вы согласны, и противъ этого нельзя спорить. Вы были противъ проекта и могли ошибаться. Измѣнить мнѣніе и подать голосъ за насъ вамъ ничего не стоитъ, а для насъ это очень важно. Мы добиваемся привилегіи, существенно необходимой для народа.

— Но право-то на эту привилегию принадлежить народу.

Онъ пускался въ споръ, Бреннанъ понявъ, что сенатору не вырваться изъ его рукъ.

— Не такъ это. Оно принадлежить намъ, если мы можемъ его получить. Утилизировать его народъ можетъ только при нашемъ посредствѣ. Будьте же благоразумны и подавайте голосъ за насъ.

Уардъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Всѣ условія въ томъ, чтобы вы помогли мнѣ немного.

— Какъ это, Томми? Я не совсѣмъ понимаю.

— Не предпринимайте ничего противъ нашего проекта закона.

Уардъ пристально посмотрѣлъ на него, молча и медленно раздумывая. Потомъ онъ всталъ, пошатываясь и пытаясь выказать благородное негодованіе.

— По-просту, вы хотите меня подкупить? Въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Подождите, присядьте. Дѣло идетъ совсѣмъ не о подкупѣ. Позвольте вамъ объяснить.

Онъ положилъ руку на плечо сенатора, но не столько это давленіе, сколько голосъ Бреннана заставилъ старика сѣсть на мѣсто.

— Это только одна изъ причинъ моего предложенія. Я лично заинтересованъ въ дѣлахъ этой дороги. Вы, вѣроятно, не знали этого?

— Да не все ли это равно? Принципъ отъ того...

— Это лишь одна изъ причинъ, и, притомъ, наименѣе для меня побудительная,—продолжалъ Бреннанъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.—Видите ли, сенаторъ, я такъ восхищаюсь вашей дочерью и... на мистрисъ Уардъ я смотрю почти какъ на родную мать. Вы понимаете теперь, почему я...

— Неужели это правда, Томъ?

Онъ былъ удивленъ и обезоруженъ такою дьявольскою ложью.

— Правда, совершеннѣйшая правда! Мнѣ просто невыносимо было бы видѣть ихъ горе. Онѣ не должны страдать...—онъ вынулъ изъ кармана пачку денегъ.—Вотъ десять тысячъ долларовъ наличными. Я владу ихъ въ этотъ ящикъ и ухожу на минуту въ ту юнату. Я не передаю ихъ вамъ въ руки.

— Блянусь, я умру скорѣе, чѣмъ пойду на подкупъ!

Наступило тревожное молчаніе, во время котораго Бреннанъ прямо смотрѣлъ въ глаза сенатора, причемъ его лицо приняло выраженіе, отнимавшее у него всѣ признаки молодости и добродушія.

— А, вы предпочитаете смерть?—сказалъ Бреннанъ.

— Да, лучше умереть честнымъ человѣкомъ.

— И разорить семью?

— Да,—отвѣтилъ Уардъ, видимо колеблясь,—и семья моя предпочтетъ.

— Умирать не такъ-то весело, какъ вамъ кажется. Вы, слѣдовательно, отказываетесь отъ моего предложенія?

— Отказываюсь... Разумѣется, еслибъ я могъ, не нарушая правилъ...

— Десять тысячъ долларовъ пустяки, по-вашему?

— Не возьму... ни десяти, ни пятидесяти тысячъ.

— Очень хорошо.

Бреннанъ навлонился и тихо сказалъ нѣсколько словъ Уарду, оцѣпенѣвшему отъ ужаса и стыда.

— О, это не преступленіе, сенаторъ, но для газетъ это дастъ хорошенькій матеріалъ.

— Боже милостивый! Томъ... вы не захотите... Кто вамъ сказалъ?

Бреннанъ не спускалъ глазъ съ Уарда.

— Не все ли это равно для васъ? Мнѣ рассказалъ Мебъ, содѣжатель наемныхъ экипажей. Моя специальность знать всѣ такія штучки, это даетъ человѣку удачу и ходъ на бѣломъ свѣтѣ. Захочу ли я опубликовать? Можете прозаглядывать свою жизнь за то, что я не опушу ни малѣйшей подробности. Повторяю вамъ, мнѣ нужно, чтобы проектъ закона былъ принятъ, и я добьюсь честными средствами, если возможно, или какими придется, если это окажется необходимымъ. Въ дѣлахъ не до разборчивости. Итакъ, что же вы намѣрены дѣлать теперь? Не кипятитесь, будьте благодарны, пораздумайте серьезно.

— Не... не... торопите, Томъ. Дайте мнѣ хоть немного времени.

Бреннанъ видѣлъ, что не вырваться старику изъ петли, и немного ослабилъ веревку.

— О, конечно, сенаторъ... только проектъ будутъ обсуждать скоро.

— Хорошо, Томъ, хорошо, но... это же настолько важно.

Изъ перваго бюро смотрѣлъ на нихъ Дэвисъ, котораго Уардъ, обратившись къ Бреннану, не могъ видѣть.

— Эхъ, сенаторъ, не современный вы человѣкъ!... Вѣдь, это рѣшительно все равно, что на улицѣ поднять, и думать объ этомъ не стоить. Такъ я могу на васъ рассчитывать?

— Посмотрю, подумаю,—сказалъ Уардъ и пошелъ изъ комнаты, пошатываясь.

— Отлично, до свиданія, до завтра.

Бреннанъ послѣдовалъ за сенаторомъ до двери и вернулся къ своему письменному столу, поручивши Роберту проводить гостя до подъемной машины.

Въ ту минуту, когда Дэвисъ вышелъ изъ конторы Фукса, Бреннанъ въ шляпѣ и съ сигарой во рту сидѣлъ за столомъ и быстро писалъ. На заговорившаго Дэвиса Томъ взглянулъ черезъ плечо съ совершенно новымъ выраженіемъ лица, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

— А, это вы, патронъ? Я думалъ, что вы уже дома.

— Я и хотѣлъ уѣхать, но встрѣтилъ Биннея. Измучили они меня, и мнѣ нужно сказать вамъ объ этомъ дѣлѣ нѣсколько словъ одинъ-на-одинъ.

Усмѣшка Бреннана образовала ямочки на его круглыхъ щекахъ, но взглядъ нисколько не соответствовалъ его молодежавому виду, какъ улыбка выходящаго на бой боксера не соответствуетъ его сдвигающимся бровямъ и судорожно сжатымъ кулакамъ. Въ голосѣ звучали рѣзкія ноты, незнакомыя Дэвису.

— Ну, и я въ восторгѣ отъ того, что вы вернулись. Мнѣ тоже нужно сказать вамъ нѣсколько словъ,—проговорилъ молодой человекъ вызывающимъ тономъ. — Я нахожу, что наступило время намъ съ вами объясниться толкомъ, какъ слѣдуетъ,—добавилъ онъ, поворотившись лицомъ къ Дэвису и положивши локти на столъ. — Я изъ босоногой команды, но не имѣю намѣренія оставаться въ босоногихъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Садитесь и узнаете! — отвѣтилъ Бреннанъ съ такимъ выраженіемъ, которое ставило ихъ на равную ногу. — Десять лѣтъ назадъ вы взяли меня въ эту контору и тѣмъ дали мнѣ возможность выбраться на хорошую дорогу. За это я вамъ глубоко благодаренъ и т. д., и т. д., но осмѣливаюсь думать, что я даю больше, чѣмъ получаю. Теперь я ваше довѣренное лицо и вашъ закулисный дѣлъ мастеръ, вашъ стряпчій на жалованьи въ десять тысячъ долларовъ... не считая того, что перепадетъ. Но пора, наконецъ, чего-нибудь добиться, и наступило время, что босоногій своего добьется.

Дэвисъ смотрѣлъ на него, багровѣя отъ бѣшенства и полагая, что угадываетъ намѣренія Бреннана.

— Развѣ я не согласился на ваше предложеніе?

— Да, согласились на всё предложенія, которыя я считалъ нужнымъ дѣлать вамъ въ присутствіи третьяго лица. Вамъ доподлинно извѣстно, что мы ввязались въ такія дѣла, которыя, по законамъ Соединенныхъ Штатовъ, называются преступленіемъ.

— Разумѣется, извѣстно! — воскликнулъ Дэвисъ, выходя изъ себя. — Потому-то, именно, я...

Онъ не договорилъ, точно осыпаясь.

— Ничего, продолжайте! — сказалъ Бреннанъ съ злобнойironicой. — Потому-то вы остаетесь въ сторонѣ, а въ дѣло втискиваете меня. Такъ я же вамъ сказалъ, дѣйствовать я готовъ, но хочу получить за это соразмѣрную плату.

— Ладно, ладно! Говорите, какія ваши условія. Полагаю, что вы къ этому рѣчь ведете. Сколько вамъ нужно?

Бреннанъ поднялся съ мѣста и заговорилъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я желаю быть возведеннымъ изъ скромнаго, хотя и доходнаго, положенія члена Третьей Палаты въ достоинство товарища въ дѣлѣ Дэвиса и компаніи.

— Что вы хотите сказать? — удивленно воскликнулъ Дэвисъ.

— Я хочу сдѣлаться акціонеромъ Консолидированной желѣзной дороги.

— Любезный мой, мы отклоняемся отъ вопроса.

— Нисколько. Лауренсъ Б. Дэвисъ легко можетъ это сдѣлать. Но это не все: я хочу быть главнымъ директоромъ этой линіи и зятемъ предсѣдателя ея правленія.

Дэвисъ вскочилъ съ кресла, его лицо пылало.

— Что, что такое? Вы съ ума сошли!

Голосъ Бреннана еще понизился, сдѣлался жестоко, какъ сталь.

— Я въ полномъ и здоровомъ умѣ и говорю очень серьезно. Я знаю, чего хочу, и знаю, какъ получить то, что мнѣ желательно. Босоногій своего добьется...

— Вы... вы говорите, какъ идиотъ!

— Я окажусь превосходнымъ директоромъ.

— Скорѣе я васъ убью, чѣмъ допущу это, — заревѣлъ Дэвисъ.

Улыбка исчезла съ лица Бреннана, полузакрытые глаза смотрѣли мрачно.

— А я васъ упрячу въ тюрьму, если вы не опомнитесь и не станете сдержаннѣе.

— Не задумали же вы...

— Именно, задумалъ! — возразилъ Бреннанъ съ холодной злобой. — Я отправлю васъ въ адъ, если нужно будетъ, и я могу это

сдѣлать. Я слишкомъ далеко зашелъ въ этомъ дѣлѣ, и устранить меня уже нельзя.

Дэвисъ молча смотрѣлъ на него, удивленный и испуганный.

— Это ужъ шутки!—сказалъ онъ, овладѣвая собой.—Ничего вы мнѣ сдѣлать не можете. Ваши слова, противопоставленные моимъ словамъ, не будутъ имѣть никакого значенія. Вы погубите себя и только.

— Попробуйте и увидите, патронъ... Лучше этого не дѣлайте, помните, что вы отецъ. Мнѣ было бы крайне прискорбно начать борьбу съ тестемъ.

— Проглятая каналья!—кричалъ Дэвисъ, дрожа отъ ярости.— Не видать вамъ ее, какъ ушей своихъ.

— Васъ тоже нельзя назвать столпомъ добродѣтели,—усмѣхнулся Бреннанъ,—а, вѣдь, можете вы, однако, меня опозорить.

Они молча стояли другъ противъ друга, Бреннанъ опять спокойно улыбался, Дэвисъ усиливался вновь овладѣть собой. Онъ дрожащими руками принялся убирать бумаги, разбросанныя на его письменномъ столѣ, и оглядывался на Бреннана, приходя въ бѣшенство отъ его улыбки.

— Съ какимъ бы удовольствіемъ я размозжилъ вамъ голову, —ворчалъ онъ, стискивая зубы.

Его немовѣрно злило плутовство Бреннана, обратившееся противъ него самого.

— Перестаньте горячиться и обдумайте все спокойно. Я, генералъ, хорошій солдатъ, но когда я беру приступомъ баррикаду и припошу захваченное мною знамя, я требую себѣ чинъ, а не прибавку жалованья. Босоногіи добьется своего.

Дэвисъ направился къ двери, не говоря ни слова. Его лицо поблѣднѣло и точно окаменѣло. Онъ сказалъ сквозь зубы:

— Завтра я отвѣчу вамъ, негодяи!

Бреннанъ бросился впередъ и прислонился къ двери. Его лицо приняло звѣрское выраженіе, голосъ звучалъ грозно.

— О, чертъ возьми! Вы отвѣтите сейчасъ, сію минуту, не выходя отсюда! Понимаете?... Вы ловко вели все это дѣло, но и я не напрасно слѣдилъ за вашими продѣлками. Вы воображаете, что я не могу ни въ чемъ васъ уличить?

— Отворите дверь!—вопилъ Дэвисъ, не помня себя отъ безсильной злобы.

— Я вамъ другую отворю,—возразилъ Бреннанъ, не двигаясь съ мѣста.—Я могу доказать, что вы заплатили пять тысячъ долларовъ сенатору Холь...

— Лжете! Ничего вы не знаете...

— Я не знаю? Я достаточно знаю для того, чтобы завтра же в утренних газетах появилось на первой страницѣ ваше имя въ заголовкѣ короткаго сообщенія, и клянусь всѣмъ святымъ я это сдѣлаю, если вы со мною не столкуетесь.

На старика вдругъ напала необыкновенная слабость. Онъ почувствовалъ, что коса нашла на слишкомъ опасный камень.

— Чего вы хотите?—проговорилъ Дэвисъ, хриплымъ голосомъ.

— Я уже сказалъ и васъ спрашиваю: миръ или война?

Дэвисъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и едва смогъ выговорить:

— Миръ! Чтобы глухихъ шутокъ не было!

Бреннанъ отворилъ дверь. Дэвисъ вышелъ, и ирландецъ послѣдовалъ за нимъ, говоря холоднымъ тономъ:

— Добрый вечеръ, патронъ. Ни о чемъ не беспокойтесь, я позабочусь, чтобы дѣло шло, какъ должно.

Онъ притворилъ дверь, подошелъ къ столу и дрожащею рукой налилъ себѣ стаканъ вина. Потомъ прошелъ къ брату и, садясь противъ него, прошепталъ:

— Проклятая раздражительность, только нервы себѣ разстраиваешь. Скоро надо будетъ ѣхать въ Европу поправлять здоровье.

— Вы что говорите?

— Говорю, что надо идти къ Гайльярду взглянуть, что тамъ дѣлается,—отвѣтилъ Томъ, вставая съ мѣста и собираясь уходить.

V.

Множество народа толпилось въ сѣняхъ и въ ресторанѣ Гайльярда. Полная развязность всѣхъ этихъ людей, взрывы ихъ хохота и вниманіе, съ которымъ они слѣдили за разговорами, показывали ясно, что здѣсь мѣсто ихъ обычныхъ свиданій послѣ засѣданій Палаты.

Слуга,—въ своемъ родѣ лицо не послѣднее,—подавалъ напитки и вытиралъ прилавокъ, привѣтливо улыбаясь не безъ нѣкоторой аффектаціи. Его всѣ знали, и его шуточки очень нравились почтеннымъ законодателямъ, сновавшимъ взадъ и впередъ мимо цѣлыхъ баттарей стакановъ. Надо всѣмъ царила атмосфера свободы, беззаботнаго веселья и бойко идущей жизни.

Всѣ посѣтители были хорошо одѣты, тщательно выбриты. У многихъ были красивыя лица, но немного грубоватыя и не особенно выразительныя. Большинству этихъ господъ не было сорока лѣтъ, и лишь тамъ и сямъ человѣкъ за пятьдесятъ лѣтъ, съ раскраснѣв-

лился лицомъ, съ тонкими губами и порѣдѣвшими сѣдыми волосами, одобрительно посмѣивался, слушая не совсѣмъ пристойные рассказы болѣе молодого собесѣдника.

На большинствѣ лицъ напряженныя вены свидѣтельствовали о всякихъ жизненныхъ излишествахъ, что подтверждалось выдающеюся округлостью, стянutoю жилетою. Въ глазахъ свѣтились колузатаенные огоньки ненасытныхъ аппетитовъ.

Мягкая сѣрая шляпа, тяжелая золотая цѣпочка, щеголеватая свѣтлая пара и яркій галстухъ составляли обычный ихъ костюмъ. Ихъ руки, украшенные перстнями, въ которыхъ сверкали странные камни, держали сигары, и заключительное словечко пикантнаго анекдота произносилось обычно послѣ нѣкоторой паузы въ то время, какъ мизинцемъ осторожно стряхивался пепелъ сигары.

Большинство этихъ людей играло на биржѣ, пускало въ оборотъ разныя акціи, занималось аферами. Были тутъ законодатели изъ тѣхъ, кого можно подкупить или, по меньшей мѣрѣ, на кого можно вліять. Были еще странствующие торговые агенты, ловкіе молодцы, умѣющіе завязывать сношенія и не упускающіе случая ими пользоваться. И среди этого люда, въ ихъ случайныя группы, втирались члены Третьей Палаты, тайные, закулисные законодатели страны.

Ихъ выдавали не столько ихъ костюмы, сколько манеры держать себя. Каждый изъ нихъ былъ непременно центромъ небольшой группы слушавшихъ его депутатовъ. Они оживленно говорили, широко жестикулируя.

У конторки стояли три человѣка, четвертый, очень высокій и красивый, давалъ хозяину какое-то таинственное приказаніе. Въ углу сидѣлъ маленькій господинъ въ короткомъ вестонѣ и смѣялся, недвигая глаза на окружавшую его группу. Полное лицо и бакки котлетами дѣлали его похожимъ на разжирѣвшаго англійскаго пастора. Вблизи нѣсколько человѣкъ громко хохотали надъ рассказомъ про одного сенатора, котораго доставили домой изъ нѣкоего заведенія «безъ цента денегъ въ карманѣ и безъ единого вставного зуба во рту».

Далѣе, въ группѣ, очевидно, состоящей изъ членовъ Второй и Третьей Палаты, обсуждался проектъ раздѣленія города Бредфорда на кварталы, — очень удобное для мошенниковъ, — и не было недостатка въ людяхъ, сердито сдвигавшихъ брови и недовольныхъ такими злоупотребленіями.

Ресторанъ и прилегающая къ нему кофейная, пропитанные запахомъ вина, были полны гуломъ, разговоромъ, не прерывающимся

шумомъ шаговъ, постояннымъ движеніемъ прибывающихъ изъ сѣней и идущихъ въ нихъ обратно.

Вся сцена имѣла характеръ исключительно американскій и современный. На это обратилъ вниманіе Тётля Редбурнь, усѣвшійся въ кофейной противъ дверей, отворенныхъ въ сѣни.

— Это у насъ засѣданіе Третьей Палаты, — отозвался Тётль.

— Обсуждается, вѣроятно, ожидаемое съ вашей стороны нападеніе?

— Да, — сказала Тётль, улыбаясь, — я думаю, что среди этихъ разговоровъ и обо мнѣ идетъ рѣчь. — Онъ сидѣлъ за столомъ близъ двери, обратившись къ ней спиной. — А потому, — продолжалъ онъ, — я предпочитаю сѣсть спиной къ стѣнѣ. Ихъ несколько не тревожитъ назначеніе слѣдственной комиссіи, котораго я добился, но меня-то, я полагаю, они все-таки терпятъ не могутъ.

— Понимаю. Такъ вотъ какова ваша Третья Палата?

— Да. Видите господина съ сѣдыми баками въ короткомъ вестонѣ и въ свѣтломъ галстукѣ?

— Вижу. Но сами-то вы какъ можете его видѣть?

— «Духовными очами, Гораціо»... Это старый сенаторъ. Послѣ Тома Бреннана онъ самый крупный изъ нашихъ закулисныхъ плутовъ. Видите ли, чѣмъ вліятельнѣе политическій дѣятель, тѣмъ болѣе онъ драгоценный членъ для Третьей Палаты. Это республиканецъ, но въ кулуарахъ это не имѣетъ значенія. До партій имъ нѣтъ никакого дѣла... Видите маленькаго человѣка съ полнымъ лицомъ и баками въ формѣ котлетъ?

— Сейчасъ видѣлъ, онъ куда-то исчезъ.

— Это Бобъ Мерритъ, меръ Сѣнкока, представитель графства того же имени... и такъ далѣе. Глядя на окружающую его веселую группу и слушая ихъ разговоры, вы ни за что не повѣрите, что это такіе негодяи, которыхъ давно слѣдовало бы засадить въ тюрьму.

— Ихъ взгляды на мошенничество, конечно, не сходятся съ вашими. Они считаютъ себя жуирами и весельчаками. Ихъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ отеляхъ Америки. Я достаточно-таки изучилъ ихъ, и вы, разумѣется, тоже. Полагаю, что ночи они проводятъ не въ укорахъ другъ друга за негодяйства.

— Надо думать, что такъ, — сказала Тётль, смѣясь. — Да возьмите вы самого Тома Бреннана... Я встрѣчаю его у нашихъ общихъ друзей и нахожу его лично пресимпатичнымъ малымъ, хотя отлично знаю, что онъ точь-въ-точь такой же, какъ эти весельчаки. Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ подлѣй-

нихъ сдѣлавахъ съ добродушнымъ лицомъ и съ милою улыбкой, съ миссисъ угостить васъ хорошею сигарой.

— Что въ особенности приводитъ меня въ ужасъ, Тэтль, это— нравственная атмосфера, въ которой живутъ эти люди: она развращаетъ молодыхъ, очень благонамѣренныхъ законодателей, какъ малярия заражаетъ и губитъ людей Сѣвера, попадающихъ въ болотистыя мѣста Юга. Многіе адвокаты, многіе коммерсанты вступаютъ въ этотъ политическій міръ съ искреннимъ желаніемъ послужить народу, а не сторонникамъ монополіи, и весьма скоро утрачиваютъ ясныя представленія о правѣ и справедливости. За четыре года, проведенные мною въ Вашингтонѣ, я не разъ видѣлъ это. Для многихъ людей правда и справедливость обусловливаются не ихъ личными убѣжденіями, а опредѣляются вліяніемъ среды, и такое-то сборище плутовъ пагубно для общественной нравственности.

— Тѣмъ не менѣе, они счастливы, — сказалъ Тэтль задумчиво, — все имъ удастся, и это дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ. Такъ у насъ дѣла дѣлаются. Успѣхъ дается легче тому, кто идетъ не прямою дорогой. — Его лицо стало печальнымъ. — Имъ никогда не удалось бы выбраться въ люди, какъ то сдѣлалъ Бреннанъ, одинъ, безъ поддержки, безъ образованія. Онъ далеко поидетъ, если не попадетъ въ руки правосудія... Онъ далеко поидетъ, и именно такими средствами, ничѣмъ не стѣсняясь, по прищипкѣ. Вотъ что всего хуже, и это-то отнимаетъ у меня бодрость!

Редбурнъ окинулъ взглядомъ сѣни.

— Эти люди, — возразилъ онъ, — не болѣе, какъ продукты промслаго. Въ ихъ кругу можно наблюдать послѣдніе пережитки общей борьбы за существованіе. Тутъ уже нѣтъ мѣста ни жалости, ни совѣсти, они знаютъ только вождѣнія и алчность. Въ жизни для нихъ все—предметъ глумленія и ироніи, а самая жизнь есть арена, гдѣ, удушивши или заколотивши противника по извѣстнымъ правиламъ, вы не подвергаетесь ни малѣйшему порицанію. Они не имѣютъ понятія ни о какой философіи, кромѣ жестокаго цинизма проходивцевъ и игроковъ.

— И такіе-то люди женятся и плодятъ дѣтей, — добавилъ Тэтль.

— Да, а жены этихъ людей живутъ на деньги, ими наворованныя и награбленныя, и никогда не спрашиваютъ, откуда эти деньги берутся. Совѣсть женщинъ пробуждается лишь тогда...

Въ ресторанѣ раздались громкіе возгласы.

— Навѣрное пришелъ Бреннанъ, — сказалъ Тэтль.

— Вошелъ красивый малый, очень приличный, съ большими темными усами...

— Это Бреннанъ, король Третьей Палаты.

Тамъ уже тѣснились вокругъ Бреннана, слышны были веселыя восклицанія:

— Ну, что новаго, Томъ?

— Выпьемъ, Томъ!

— Скажите, вамъ извѣстенъ планъ Тётля?

— Нѣтъ. Какой такой планъ?

— По его настояніямъ назначена коммиссія для произведенія слѣдствія о дѣйствіяхъ Консолидированнаго общества прошедшею зимою.

— А! Только-то?—сказалъ Бреннанъ равнодушно.—Нѣтъ, я ничего пить не стану.

Онъ отошелъ отъ прилавка, голосъ его не былъ уже слышенъ.

На лицѣ Тётля появилось выраженіе рѣшительности.

— Видите, какъ онъ увѣренъ въ себя? Они хорошо организованы, укрѣплены всѣ пункты, которые имъ предстоитъ защищать. Моя единственная надежда—найти въ ихъ же средѣ человека, могущаго открыть мнѣ дверь.

Редбурнъ взглянулъ на часы.

— Мнѣ бы хотѣлось остаться и помочь вамъ, но я не могу, долженъ уѣхать съ этимъ поѣздомъ. Буду внимательно прочитывать въ газетахъ, какъ вы управитесь съ этимъ.

— Я бы очень желалъ увезти васъ ко мнѣ за городъ, но если вамъ необходимо ѣхать...

— Совершенно необходимо. Итакъ, до свиданія,—онъ протянулъ свою сильную руку, и Тётль пожалъ ее, глядя на его серьезное и суровое лицо.—Продолжайте упорно ваше дѣло. Пробовали ли вы когда-нибудь сдвинуть съ мѣста тяжело нагруженную фуру? Вы упираетесь въ нее плечомъ и напрягаете всѣ мускулы до того, что они вотъ-вотъ лопнуть. Фура неподвижна, какъ скала. Но подождите, стойте крѣпко на своемъ, и тихо, непримѣтно скала начинаетъ подаваться. Заключение выводите сами. До свиданія!

И Редбурнъ удалился быстрыми шагами, дѣлая ему рукой прощальный жестъ.

Тётль вышелъ на улицу и направился къ пароходу. Въ воздухѣ немного посвѣжѣло, и людской потокъ двинулся къ желѣзнодорожнымъ станціямъ и къ пристанямъ. Подъ впечатлѣніемъ пожатія руки Редбурна Тётль думалъ: «Еслибы онъ только могъ оказать мнѣ содѣйствіе!...»

Онъ сознавалъ всю тяжесть предпринятаго имъ дѣла и готовъ былъ рисковать оказаться осмѣянными, но неудача теперь была равнѣсильна провалу на двадцать пять лѣтъ. Если Консолидированное общество получить привилегію, тогда конецъ законодательству, соотвѣтствующему интересамъ народа.

Странно и необычайно пріятно было послѣ удручающей духоты города, съ его сутолокой и гуломъ коммерческой борьбы, очутиться на водяномъ просторѣ, гдѣ пароходы бодро всплывають воду вокругъ своихъ пристаней. Видъ воды, ея красивые желтовато-зеленые тоны и легкій освѣжающій вѣтерокъ согнали выраженіе тревоги съ лица Тѣтля. Онъ облегченно вздохнулъ полною грудью, всѣ заботы куда-то исчезли.

VI.

Необыкновенные жары іюня мѣсяца побудили всѣхъ достаточныхъ людей перебраться ранѣе, чѣмъ всегда, въ *Waterside* *), большинство коттеджей было занято, женщины и дѣти расположились въ нихъ на лѣто. А мужья и отцы, не знающіе никогда отдыха, сновали непрерывно между берегомъ и городомъ, гдѣ дѣловая лихорадка не знаетъ ни жаровъ, ни холодовъ.

Такіе люди, какъ Дэвисъ, пріѣзжали иногда домой пообѣдать часовъ въ восемь или въ девять, переночевать и позавтракать раннимъ утромъ, глядя на море, но отдыхать они сдѣлались уже неспособны. Они уже не могли отстать отъ привычки къ своимъ занятіямъ и съ восьмичасовымъ пароходомъ возвращались на работу, читая биржевой бюллетень, не теряя ни минуты на то, чтобы полюбоваться природой.

Но Бреннанъ былъ еще молодъ и не утратилъ способности порою отбрасывать въ сторону свой цинизмъ и свои стремленія распорядиться людьми и капиталами. Ему случалось увлекаться прелестями моря, цвѣтовъ и вонючей Элленъ. Въ такія минуты онъ чувствовалъ, что на душѣ у него легко, какъ у ребенка.

Въ гостиницѣ, ближайшей къ дачѣ Дэвиса, онъ нанималъ комнату и былъ, повидимому, въ наилучшихъ отношеніяхъ со всѣми, начиная съ мальчика при подъемной машинѣ и кончая старою одинокою вдовой, распугивавшей отъ себя всѣхъ рассказами о своихъ болѣзняхъ и горестяхъ, жалобными повѣствованіями о покойникахъ и похоронахъ.

*) „Берегъ моря“.

Во время коротких отлучекъ изъ города онъ буйвально отправлялъ къ чорту воѣ дѣла, пѣлъ, учился играть на *баньо* *), не пропускалъ случая потанцевать, помогалъ дѣтямъ поправлять сломяныя игрушки, располагалъ къ себѣ всѣхъ отъ малаго до стараго.

Waterside представляетъ собою старинный городокъ, въ которомъ нѣкоторыя улицы, странныя, кривыя, низко лежащія, заливаются иногда моремъ. На верхнихъ улицахъ до сихъ поръ еще удѣляли большіе дома съ плоскими крышами и съ верандами. Вдоль берега, на мѣстѣ прежнихъ рыбацкихъ хижинъ, красовались изящныя виллы.

Дэвисъ выстроилъ свою тутъ же рядомъ съ дачей сенатора Уарда. Ранѣе этого, много лѣтъ сряду, семья «Желѣзнаго Герцога» проводила каждое лѣто въ старомъ домѣ, принадлежавшемъ тестю сенатора. Тутъ-то и возникла дружба между Эвелиной и Эленъ.

Вильсонъ Тэтль и его старушка мать наняли коттеджъ на той же улицѣ, какъ разъ противъ виллы Дэвиса, потому что молодой человѣкъ желалъ быть поближе къ Эленъ. Мать помогала ему скрывать такое желаніе и увѣряла, что всегда ей хотѣлось пожить на берегу моря и что эта мѣстность ей особенно нравилась.

Бреннанъ вышелъ изъ своего отеля, держа въ рукахъ ракетку для игры въ теннисъ. Поясъ изъ матеріи яркаго цвѣта стягивалъ гибкій и сильный станъ молодого человѣка, легонькая шляпа и небрежно повязанный галстукъ дополняли его превращеніе. Онъ измѣнялся, какъ актеръ, и съ переменною костюма становился другимъ человѣкомъ. Теперь онъ беззаботно напѣвалъ и казался лучше, чѣмъ красивымъ малымъ: въ его лицѣ виденъ былъ характеръ, его темные глаза свѣтились отвагой и весельемъ, въ нихъ засверкала восторгъ, когда встрѣтившаяся ему Эленъ опустила глаза и покраснѣла.

Многочисленная группа была уже на лужайкѣ, отдѣлившей домъ сенатора Уарда отъ виллы Дэвиса.

— А! мистеръ Бреннанъ, — заговорила Эленъ, — какъ вы поздно.

— Сожалѣю, но раньше не могъ. Дѣла, какъ вамъ извѣстно... Я готовъ, впрочемъ, исправить это. Идемте! — сказалъ онъ, какъ бы овладѣвая такимъ образомъ дѣвушкой. — Мы съ вами въ одной партіи. Кто играетъ противъ насъ?

— Эвелина и мистеръ Тэтль, если пожелаешь играть, — отозвалась Эвелина.

*) Любимый инструментъ американскихъ негровъ, похожій на гитару.

— Попробую,—сказала Тётль,—только я не особенно...

— Усовершенствуетесь съ лѣтами,—разсмѣялся Томъ и перепрыгнулъ черезъ сѣтку.

Тётль былъ тоже въ костюмѣ для тенниса, только безъ яркаго пояса и въ менѣе эффектномъ галстукѣ. Тётль былъ въ очкахъ, его движенія были проворны, но неловки.

Другіе молодые люди сидѣли на скамейкахъ въ тѣни деревьевъ. Тамъ и сямъ раздавались звуки баньо, по заливу скользили лодки на парусахъ, позолоченныхъ лучами заходящаго солнца. Всюду слышались пѣсни и смѣхъ. Вечерній часъ и мѣстность были волшебны.

Все это было восхитительно далеко отъ сѣней гостиницы и отъ Третьей Палаты, и Бреннанъ весь отдавался веселью съ тою способностью приспособляться, которая во всей его дѣятельности представлялась Тётлю непонятною и завидною. Онъ игралъ въ теннисъ такъ же точно, какъ велъ дѣла,—легко, развязно и очень ловко.

Отъ игры его отвлекала только Эленъ, дивно хорошенькая въ костюмѣ изъ тонкой фланели, въ маленькой голубой шапочкѣ, бойко сдвинутой на ухо, не безъ умысла, вѣроятно. Шапочка Эвелины была надѣта совершенно прямо и крѣпко, точно каска полисмена.

Тётль изъ всѣхъ силъ старался не отстать отъ Бреннана, по крайней мѣрѣ, на этомъ поприщѣ, въ то время, какъ Эленъ весело смѣялась надъ его промахами, а Эвелина улыбалась, когда, пытаясь поднять мячъ, онъ чуть не разбивалъ свою ракетку о землю.

Милсдой человѣкъ смутно сознавалъ, что его знакомство съ литературой и знаніе языковъ не имѣютъ ровно никакой цѣны въ глазахъ хорошенькой дѣвушки, смѣявшейся такъ весело и беззаботно по ту сторону сѣтки.

Наконецъ, Бреннанъ положилъ свою ракетку на плечо и тихо сказалъ Эленъ:

— Съ меня, кажется, довольно, пойдемте сядемъ тамъ и уступимъ мѣсто другимъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами.

Эленъ знала, о чемъ пойдетъ рѣчь, но ее увлекало любопытство послушать, какъ Томъ поведетъ свое дѣло, къ тому же, при врожденномъ кокетствѣ, она сама еще не могла доподлинно рѣшить, кто ей больше нравится, Томъ Бреннанъ или Вильсонъ Тётль. Бреннанъ такъ красивъ въ костюмѣ для тенниса! Вильсонъ окруженъ въ эту минуту другими игроками... Во всякомъ случаѣ, отъ ея разговора съ Бреннаномъ никто не страдаетъ.

— Пойдемте,—настаивалъ Томъ,—цѣлую недѣлю я не имѣлъ случая говорить съ вами.

Элень немного колебалась, поглядывая на домъ.

— Мнѣ слѣдовало бы побыть съ отцомъ. Онъ совсѣмъ одинокъ тамъ... Повидимому, его съ нѣкоторыхъ поръ что-то очень тревожить. Вы знаете, что?

— О! вѣроятно, дѣло желѣзной дороги. Но вамъ-то беспокоиться не о чемъ. Я все устрою.

Элень оперлась на ручку ракетки и задумчиво смотрѣла на море.

— Какъ очаровательно море, освѣщенное послѣдними лучами солнца.

— Восхитительно... но я знаю лицо одной дѣвушки, неизмѣримо болѣе очаровательное.

Элень лукаво взглянула на него, не поднимая головы.

— Вамъ не очень тяжело раздумывать объ этомъ?

— Нѣтъ, не очень. А что?

— Въ противномъ случаѣ я бы стала беспокоиться за васъ. Съ нѣкоторыхъ поръ вы слишкомъ много говорите объ этомъ... Шутя, разумѣется?

— Нисколько, — возразилъ Бреннанъ, улыбаясь.

Одинъ изъ игроковъ перебросилъ мячъ черезъ сѣтку, ограждающую площадку. Тѣтъ побѣждалъ вернуть его и нагнулся было поднять его рукой. Бреннанъ живо крикнулъ:

— А правило забыли?

Тѣтъ покраснѣлъ, какъ провинившійся школьникъ.

— А я не зналъ, что вы участвуете въ игрѣ.

Онъ попытался поднять мячъ ракеткой и промахнулся имъ на потѣху.

— Bravo! — воскликнула Элень, аплодируя руками, когда Тѣтлю удалось вернуть мячъ.

— Какъ идетъ костюмъ для тенниса мистеру Тѣтлю, — обратилась она къ Бреннану. — Я нахожу, что для близорукаго онъ играть очень хорошо. Вы съ этимъ не согласны?

— Ничего не могу сказать, такъ какъ самъ никогда близорукимъ не былъ. Я бы желалъ, чтобы онъ посвящалъ все свое время только теннису, онъ сталъ бы играть лучше и намъ отъ того было бы лучше.

Элень вскинула на него большіе удивленные глаза, точно ребенокъ.

— Почему вы это говорите? Я думала, что вы добрые пріятели, были школьными товарищами и такъ далѣе.

— Да, были... но, — продолжалъ онъ тономъ мелодрамы, —

мѣнь онъ становится на моей дорогѣ? Зачѣмъ онъ пытается ограбить меня, отнять у меня мое сокровище? Такъ берегись же онъ у меня!

Элень сдѣлала видъ, будто вздрогнула.

— О, какъ страшно! Точно слышишь злодѣя въ англійской палатѣ.

— Отлично. Такое впечатлѣніе я и хотѣлъ произвести... Да, способенъ играть роль злодѣя, но жемаль бы болѣе понравиться мнѣ въ роли влюбленнаго, Элень!— договорилъ онъ серьезно.

Элень поднялась съ мѣста и приняла гордый видъ.

— Мистеръ Бреннанъ, съ чего же вы взяли?... Какъ вы сѣдете?...

Бреннанъ захопалъ руками и засмѣялся.

— Превосходно! Естественно неподражаемо!

— Я не понимаю васъ,— сказала она строго.

— *Ingénie!* Все какъ по-писанному, до непониманія человека, когда онъ рѣшается на объясненіе, котораго добивались отъ него въ теченіе трехъ актовъ.

Элень невольно смѣялась.

— Это что же такое, репетиція?

— Нѣтъ, это предложеніе, Элень.

Его голосъ звучалъ такъ искренно, что дѣвушка опустила глаза и покраснѣла.

— Вашъ отецъ далъ свое согласіе. Теперь рѣшайте вы, Элень. Вы не хотите даже взглянуть на меня?

Бреннанъ не усомнился въ томъ, что Пьерсъ, какъ разъ въ эту минуту, перекинулъ свой мячъ черезъ ограду съ единственною цѣлю отправить за нимъ Тѣтлю, который крикнулъ:

— Эй Бреннанъ!... Бросьте мнѣ мячъ, прошу васъ.

Какъ бы ни было, Томъ поднялъ мячъ и перебросилъ его Тѣтлю а тотъ попытался ударить мячъ ракеткой, промахнулся и остановился, глядя на Элень, вертѣвшую свою ракетку на носѣ башмака.

— Сказать по правдѣ, Томъ, я предпочла бы не слышать отъ васъ ничего подобнаго,— сказала она, когда Бреннанъ вернулся.

— Почему?— спросилъ онъ, садясь опять рядомъ съ нею.

— Потому, что я не могу отвѣтить такъ, какъ бы вы желали. Вы мнѣ нравитесь, Томъ, но о томъ, чтобы выйти замужъ за кого бы то ни было, я не думала... до сихъ поръ.

— Не думали? Я восхищенъ этимъ. Будьте же добры, общайтесь начать съ меня. Я только объ этомъ и прошу.

— Не могу я, Томъ. Я не достаточно люблю васъ для этого. Зачѣмъ вы испортили этимъ все наше удовольствіе?—сказала она, недовольнымъ тономъ, стараясь скрыть слезы.—Точно не могли вы помолчать! Теперь я не посмѣю оставаться наединѣ съ вами ни на одну минуту изъ опасенія, что вы начнете опять...

— Глубоко огорченъ и впередъ не буду, но выдерживать дольше я не могъ. Я молчалъ, пока силъ хватало, но... этотъ блескъ солнца на вашихъ волосахъ, этотъ нарядъ, эта шапочка, эти маленькія ножки... Нѣтъ, не могу я, не могу!...

— Томъ Бреннанъ, вы съ ума сошли!

— Отъ любви! Да, совершенно вѣрно.

Затѣмъ онъ добавилъ серьезно:

— Я ничего не говорилъ раньше потому, что мое положеніе не было достаточно опредѣленнымъ, достаточно блестящимъ. А теперь, вы знаете, я начальникъ штаба Желѣзнаго Герцога.

— Да, знаю. Папа очень цѣнитъ васъ, не дальше какъ вчера высказывалъ это... И я тоже... но не настолько, чтобы позволить что-либо, подобное тому...

— Хорошо, — сказалъ Томъ весело, — не торопитесь, я могу подождать.

— Пожалуй, вамъ придется ждать долго, — разсмѣялась Эленъ.

— Что же дѣлать? Я по-неволѣ умѣю быть терпѣливымъ. Этою маленькою добродѣтелью я прикрываю мои большіе недостатки... Куда же вы уходите? — спросилъ онъ, видя, что Эленъ поднялась съ мѣста.

— Пойду къ отцу. Хотите идти со мной?

— Неужели вы сомнѣваетесь? Разумѣется, съ вами... Но подождите, вы забыли нѣчто... нѣчто, очень важное.

— Что такое?

— Обычное обѣщаніе.

— Обѣщаніе?

— Да, — отвѣтилъ Бреннанъ смѣло, — обѣщаніе быть отнынѣ мнѣ сестрою.

Они оба разсмѣялись такъ непринужденно, что изъ-за сѣтки тенниса показался цѣлый рядъ любопытствующихъ лицъ.

— Сестрою быть обѣщаю.

— Не вѣрю.

— Почему?

— Потому, что вы, быть можетъ, передумаете...

Онъ увидалъ лица играющихъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; они исчезли.

Въ ту минуту, какъ Эленъ собиралась удалиться, Тётль торопливо подошелъ къ ней.

— Вы идете домой?—спросилъ онъ съ серьезнымъ, почти умоляющимъ взглядомъ.—Я бы хотѣлъ поговорить съ вами.

Эленъ отдала свою ракетку Бреннану.

— Отнесите домой, Томъ, я сейчасъ приду.

Въ ту минуту, какъ Эленъ обратилась къ Тётлю, чтобы заговорить съ нимъ, съ моря донеслось пѣніе катающихся въ лодкѣ молодыхъ людей и разрослось въ величественный хоръ, которому разстояніе придавало необычайную прелесть. Вильсонъ Тётль молча стоялъ передъ хорошенькою и милою дѣвушкой, освѣщенной послѣдними лучами заката, и ему казалось, будто заурядная площадка для тенниса превращается въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ бархатныхъ луговъ, которые воспѣты въ старинныхъ романсахъ. Эленъ заговорила первая о только что смолгнувшемъ пѣньѣ:

— Какъ прелестно это! Жизнь порою такъ хороша, что даже грустно становится. Случалось вамъ испытывать такое чувство?

— Да, иногда. Происходить это отъ контраста между тѣмъ, чѣмъ она могла бы быть, и тѣмъ, что она въ дѣйствительности.

Хоръ раздался снова, и они оба смолгли до тѣхъ поръ, пока голоса не затерялись вдали. Эленъ вздохнула, а Тётль проговорилъ медленно и тихо:

— Передъ красотою, подъ звѣздами мысль человѣка превращается въ любовь.

— Это чье? — лукаво спросила Эленъ, какъ бы готовясь къ отпору.

— Это Жана Поля.

Затѣмъ онъ серьезно и нѣсколько рѣзко продолжалъ:

— Я видѣлъ, какъ Бреннанъ разговаривалъ съ вами и, кажется, ухаживалъ. Вѣрно это? Я видѣлъ, какъ вы подали ему руку. Можетъ быть и сердце отдали?

— Я не думаю, чтобы вы имѣли право задавать мнѣ подобные вопросы, — сказала Эленъ довольно сухо.

— Если вы не жокетка, то я имѣю на это право. Вы мнѣ его дали, не словами, правда, но вашими поступками.

— Я вамъ дала право? — спросила Эленъ удивленно.

— Да, Эленъ.

Она подняла брови.

— Гдѣ? Когда?

Тётль улыбнулся.

— Неужели вы хотите, чтобъ я далъ на это опредѣленный и точный отвѣтъ?

— О, конечно, нѣтъ! — возразила она, слегка краснѣя. — Я сама не знаю, что говорю.

— Что же значить ваша короткость съ Томомъ Бреннаномъ? Вотъ что хотѣлъ бы я уяснить себѣ, послѣ года такихъ отношеній между нами, которыя были... не простою только дружбой. Неужели вы?...

Эленъ поднялась съ мѣста, готовая заплакать.

— Я не знаю, — проговорила она слабо. — Онъ очень милъ, вамъ я ничего серьезно не общала, и онъ... никогда не журить меня...

— Развѣ я журю, когда прошу васъ быть правдивою? Вы ничего мнѣ не общали, но я боюсь увидать въ васъ нѣчто такое, что ненавистно мнѣ въ женщинѣ, боюсь увидать легкомысліе. Такое несчастье невольно пугаетъ меня. — Эленъ не смѣла уже взглянуть ему въ глаза. — И я знаю, что Томъ Бреннанъ плутъ и негодяй.

— Мистеръ Тэтль, какъ смѣете вы говорить мнѣ такія вещи и, къ тому же, про секретаря моего отца? Это уже изъ границъ выходить.

— Я смѣю говорить потому, что это правда, и потому, что я убѣжденъ въ этомъ. Я хочу, чтобы и вы это знали, чтобы не сгубили вы себя съ этимъ мерзавцемъ.

— Вы слишкомъ добры и очень скромны! — перебила его Эленъ презрительно.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Да, я болѣе честный человѣкъ, чѣмъ Бреннанъ. Еслибы не такъ это было, клянусь, я бы повѣсился! Въ немъ нѣтъ ни признака совѣсти. Это типъ современнаго дѣльца, у котораго, за ненадобностью, конечно, атрофировались всѣ понятія о добрѣ и злѣ. Мнѣ невыносимо видѣть, какъ этотъ человѣкъ подчиняетъ васъ себѣ своею смѣлостью и ловкою вкрадчивостью. Я обязанъ высказать вамъ, что я думаю, хотя бы рисковалъ оскорбить васъ этимъ. Я предостерегаю васъ.

Эленъ была растрогана его искренностью, его правдивостью, но не хотѣла показать этого.

— Благодарю васъ. Неужели вы полагаете, что мой отецъ сталъ бы держать при себѣ такого человѣка, еслибы...

— Нѣтъ, я этого не думаю. Я слишкомъ уважаю Желѣзнаго Герцога для того, чтобы повѣрить этому, но я убѣжденъ, что Бреннанъ злоупотребляетъ его довѣріемъ и что Фуксъ еще опаснѣе.

Этот втягивает ихъ обоихъ въ преступное дѣло, которое васъ всѣхъ погубить.

— Перестаньте, Томъ настоящій ребенокъ!—воскликнула она, пытаясь разсмѣяться. — Онъ просто не можетъ... онъ слишкомъ веселъ для того, чтобы быть злымъ. Это несодѣянность.

— Вы знаете его лишь съ одной стороны, со стороны свѣтской. Онъ способенъ быть ужаснымъ. Я готовъ согласиться, что онъ можетъ казаться блестящимъ гдѣ угодно. Но еслибы вы могли его видѣть, какъ я вижу, въ атмосферѣ виски и табачнаго дыма, въ роли закулиснаго воротилы, онъ нагналъ бы на васъ ужасъ. Чтобы быть вожакомъ Третьей Палаты, необходимо обладать большою хитростью, веселымъ нравомъ и такою же силой. — Тѣтъль пережѣнилъ тонъ и заговорилъ съ умоляющимъ жестомъ: — Эленъ, не покидайте меня ради такого человѣка потому только, что я не могу вамъ льстить, не хочу дѣлать гримасъ, притворяться и расточать любезности.

Эленъ порывисто встала.

— А я не желаю слушать долѣе ваши проповѣди!

Онъ остановилъ ее жестомъ и словомъ:

— Подождите!

Спустя секунду онъ заговорилъ тономъ глубокой грусти:

— Теперь я вижу, что вы только забавлялись со мной. Для меня вы потеряны, но съ тѣмъ большею свободой я могу говорить. Томъ Бреннанъ любитъ васъ, и въ этомъ я признаю за нимъ и вкусъ, и искренность...

Она улыбнулась и шутливо наклонила голову.

— Благодарю.

— Но я предупреждаю васъ, что онъ безъ малѣйшаго колебанія погубить вашего отца, если это нужно будетъ для того, чтобы самому возвыситься. Насколько такой человѣкъ можетъ оказаться надежнымъ мужемъ... Подождите!—остановилъ онъ ее вторично. — Не уходите, удаюсь я. Теперь я сказалъ все, что считалъ нужнымъ сказать. Прошу, умоляю васъ не сомнѣваться въ моей искренности...—Его голосъ слегка срывался, въ его глазахъ, устремленныхъ на Эленъ, свѣтились сила и увѣренность въ своей правотѣ. — Не удаляйтесь отъ меня окончательно. Попробуйте поступить такъ, какъ будто я ничего не говорилъ. Было бы ребячествомъ ссориться и перестать говорить. Избавьте меня отъ этого.

Эленъ опустила на скамью и закрыла лицо руками.

— Это ужасно, что вы сказали, совершенно ужасно! Вы испортили весь нашъ вечеръ. Я никогда не прощу вамъ этого!

Эвелина тихо переходила лужайку, не видя Эленъ. Она замѣтила ее лишь въ ту минуту, когда приблизилась къ Тётлю, и на ее лицѣ отразились удивленіе и тревога.

— О!—воскликнула она, дѣлая шагъ назадъ.—Надѣюсь, что я не... Я думала, что вы одни, мистеръ Тётль, васъ я не видала, Эленъ.

— Ничего, оставайтесь, я уйду...—говорилъ Тётль, и, послѣ неловкаго молчанія, стараясь принять свой обычный тонъ, онъ обратился къ Эленъ:—Я привезъ новую мелодію. Хотите, мы сыграемъ ее? Если угодно, я схожу за нотами?

— Разумѣется,—отвѣтила Эленъ, не глядя на него, со слезами на глазахъ.

— Хорошо, я сейчасъ иду.

Эвелина проводила его взглядомъ, потомукъ сѣла рядомъ съ Эленъ.

— Что случилось, милая? Вы поссорились?

— Хуже того!—отвѣтила Эленъ, уступая первому проявленію сочувствія.—Онъ меня бра... бранилъ и... рассказывалъ ужасы про... Тома.

— Про Тома? Почему? Что такое?

— Отвратительныя вещи, онъ называлъ его негодяемъ и сказалъ, что я... флиртую съ нимъ.

— А, понимаю. Онъ просто ревнуетъ. Не обращайте вниманія на это. До оно и вполнѣ естественно: оттуда, гдѣ мы были, всѣмъ могло казаться, что Томъ ухаживаетъ за вами.

— Я не знаю, что сдѣлалось съ Тётлемъ. Это такъ не похоже на него. Онъ былъ всегда такой спокойный и такой добрый, и это мнѣ такъ нравилось въ немъ... И вдругъ онъ говоритъ теперь какъ... какъ какой-нибудь... ужъ и не знаю, кто!

— Боже мой! неужели это было настолько зло? А вы все-таки не обращайте вниманія на эту вспышку. Онъ нѣжно васъ любить, человекъ онъ выдающійся и совершенно искренній, я убѣждена въ этомъ. Онъ горячо, очень горячо васъ любить.

Она старалась подыскать слова, способныя утѣшить милую пріятельницу.

— Томъ тоже... тоже любить меня.

Эвелина зорко посмотрѣла на нее.

— Почему вы это знаете?

— Онъ самъ сказалъ мнѣ сегодня.—Эленъ встала, замѣтно раздражаясь.—Я ненавижу, когда мнѣ дѣлаютъ замѣчанія, а Тётль дѣлаетъ мнѣ ихъ постоянно. Я не позволю ему этого!

Невдалекѣ слышались голоса. Эленъ проговорила торопливо:
— Уйдите, я не хочу встрѣчаться съ папа теперь.

Едва онѣ зашли за уголъ дома, какъ на площадкѣ появились Дэвисъ и Фуксъ, каждый со стуломъ въ рукахъ. Дэвисъ несъ пачку газетъ. Онъ видимо былъ не въ духѣ, голосъ его звучалъ сердито.

— О, эти газеты! Онѣ настолько ничтожны, — говорилъ Фуксъ.

— А я вамъ говорю, что эти маленькіе листки сильно вредятъ намъ. Они-то и фабрикують общественное мнѣніе.

— Не можемъ же мы, однако, привлечь весь міръ на свою сторону, — возразилъ Фуксъ, садясь на стулъ и окидывая взглядомъ море.

— Надо попробовать! Надо заполучить эти листки такъ же точно, какъ большія ежедневныя газеты. Въ массѣ они представляютъ собою огромную силу.

Фуксъ повернулся къ Дэвису и проговорилъ съ гримасой:

— Вы замѣтили, какъ измѣнились статьи въ *Вечерней Звездѣ*?

— Да. Не правда ли, это странно?

— Очень странно, — отвѣтилъ Фуксъ, покашливая. — Для меня непонятно даже.

— Что же касается Тэтля и его проклятой комиссіи, то я наирѣнъ объясниться съ нимъ сегодня, сейчасъ же.

— Не дѣлайте этого, Лауренсъ. Тэтль — опасный чловѣкъ. Лучше предоставьте мнѣ...

— Позвольте ужъ мнѣ самому вести свои дѣла! — воскликнулъ Дэвисъ, приходя въ бѣшенство. — Я не ребенокъ.

Фуксъ всталъ болѣе разсерженный, чѣмъ когда-либо. Его терпѣніе, — повидимому, неистощимое, — окончательно лопнуло.

— Хорошо. Больше мнѣ говорить нечего. Я предупреждаю васъ, что положеніе стало критическимъ.

— Ну, полно, полно, садитесь, — сказалъ Дэвисъ, смягчась. — Я вовсе не хотѣлъ... Да садитесь же. Развѣ я не обращался всегда къ вамъ за совѣтами?

— Да, но за послѣднее время... Я всегда восхищался вашими хладнокровіемъ, Лауренсъ, но за послѣднее время, по той или иной причинѣ, вы разучились владѣть собой. Вы сдѣлались нервыи, и, говоря по правдѣ, я боюсь, какъ бы вы не напортили намъ въ одинъ изъ такихъ приступовъ раздражительности. И надо сознаться въ томъ, что настоящее дѣло вы вели не съ обычною вашъ ловкостью.

Дэвисъ опустил голову и задумался.

— Вы правы, Фуксъ, я уже не такъ владѣю собой. Моя стыч-

на съ Бреннаномъ служить тому доказательствомъ. Я становлюсь раздражительнымъ. И если я выпутаюсь изъ этой исторіи, тогда конецъ, никогда въ жизни не пущусь я въ подобную борьбу. Не выношу я этого, становлюсь старъ и... признаюсь, даже сплю плохо. Выберусь изъ этой гадости, заберу съ собой Эленъ и уѣду въ Европу.

Почти жалко было смотрѣть на его озабоченное и мрачное лицо.

Приходь Тётля заставилъ его очнуться.

— Добрый вечеръ, господа, — сказала Тётль, поровнявшись съ ними.

Дэвисъ протянулъ ему одну изъ газетъ.

— Скажите, что значить весь этотъ шумъ, который вы подняли противъ меня въ Палатѣ?

— Противъ васъ, мистеръ Дэвисъ, я не поднималъ никакого шума, насколько мнѣ извѣстно, — возразилъ Тётль, глядя ему прямо въ лицо.

— Ну, я хочу сказать, противъ Консолидированнаго общества. Чего вы добиваетесь, въ сущности?

— Оставьте это, — отвѣтилъ Тётль спокойно. — Добиваюсь я только раскрытія правды. И мнѣ очень непріятно хотя бы тѣмъ чего-либо Неблаговиднаго...

Дэвисъ развернулъ газету и, указывая на первую страницу, продолжалъ:

— Я бы хотѣлъ доподлинно знать, что вы говорили. Вѣренъ ли этотъ отчетъ о засѣданіи? Чѣмъ сумѣли вы вызвать всѣ эти сенсаціонные заголовки?

— Я говорилъ, — отвѣтилъ Тётль съ нѣкоторою торжественностью, — что до моего свѣдѣнія дошли нѣкоторые факты, маряющіе честь законодателей, факты настолько убѣдительные, что я вывелъ изъ нихъ такое заключеніе: Консолидированная желѣзная дорога, стараясь удержать за собою привилегію, пустила въ ходъ деньги для привлеченія на свою сторону членовъ обѣихъ Палатъ. А такъ какъ мнѣ сообщены были имена сенаторовъ, воспользовавшихся...

— Все это ложь, чистѣйшая ложь!

— Это и выяснится, такъ какъ назначена комиссія, которая сумѣетъ оградить честь законодателей. Я принялъ на себя личную отвѣтственность за тѣ обвиненія, которыя я предъявилъ, и завѣряю васъ въ томъ, что переберу я все это до послѣдняго зерна, до полной очевидности.

— Вы переберете!—сказаль Дэвисъ презрительно.—Переберите, не найдете ничего. Никогда ни цента не заплатилъ я ни одному изъ членовъ Сената или нижней Палаты.

— Этому я вѣрю, мистеръ Дэвисъ,—сказаль Тётль горячо и искренно.—Это-то я и хочу доказать ради вашей дочери... и ради моего собственнаго спокойствія.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Я хочу сказать,—продолжалъ Тётль ораторскимъ и торжественнымъ тономъ,—что ваша честь—честь отца Эленъ и моего личного друга—миѣ дорога, какъ моя собственная. Я предъявилъ обвиненія и радуюсь назначенію комиссіи потому, что, по моему убѣжденію, вы не принимали прямого участія въ этомъ дѣлѣ и что ваше незапятнанное имя выйдетъ изъ этого испытанія безупречно чистымъ. Это испытаніе огнемъ, но его требуетъ честь нашего Сената.

Дэвисъ стоялъ сильно взволнованный, опустивши глаза, въ то время, какъ Фуксъ прохаживался тихими шагами.

— Да, мой милый,—сказаль Дэвисъ со вздохомъ,—это испытаніе огнемъ.

— Испытаніе, молодой человекъ,—вмѣшался Фуксъ,—никуда не годное между дѣловыми людьми. Оно шкуру сдираетъ.

Дэвисъ положилъ руку на плечо Тётля, его голосъ слегка дрожалъ.

— Вильсонъ, я постоянно слѣдилъ за вами съ выхода вашего изъ школы. Я радовался вашимъ успѣхамъ. Правда, я немного потѣшался надъ вашими дебютами на политическомъ поприщѣ и, тѣмъ не менѣе, я отдавалъ должную справедливость вашей непримонности и вашей честности. Но вы не можете понять, какая тяжесть лежитъ на плечахъ такого человекъ, какъ я. Нѣтъ никакой возможности всегда и во всемъ поступать такъ, какъ бы хотѣлось. Я далеко еще не рѣшился разстаться съ Эленъ, но, говоря прямо, я не знаю ни одного молодого человекъ, которому бы я довѣрилъ ее болѣе охотно... еслибы...

— Благодарю васъ! Ваши похвалы дороги миѣ. Я неизмѣнно старался быть полезнымъ.

— Но, видите ли, это слѣдствіе—нехорошее дѣло. Похороните все это какъ можно скорѣе. Это можетъ только повредить намъ, и повредить непременно.

— Чѣмъ, мистеръ Дэвисъ?

— Тѣмъ, что мы лишимся нашей привилегіи. Толпа всегда съ жадностью навидывается на исторію о подкупахъ. Монополіи и при-

вилегіи приводить ее въ бѣшенство даже тогда, когда онѣ приносятъ пользу народу. И стало быть, Вильсонъ, слѣдствіе сильно повредить намъ.

— Если Консолидированное общество таково, какъ вы полагаете, то слѣдствіе его оправдываетъ. Его необходимо продолжать.

Тонъ Тэтла начиналъ раздражать Дэвиса.

— Нѣтъ, его необходимо прекратить.

— Слѣдствіе будетъ продолжаться, и остановить его нельзя. Прекратить его я не могу.

— Необходимо, говорю я, и вы должны отказаться отъ вашихъ обвиненій.

— Этого я не сдѣлаю.

— Это необходимо, вы должны отказаться отъ своихъ обвиненій.

— Они не мною выдуманы. Я только формулировалъ ихъ, когда они дошли до меня, и потребовалъ ихъ опроверженія, дабы оградить честь моихъ товарищей и вашу честь.

Фуксъ вступился еще разъ. Онъ говорилъ медленно и раздраженно.

— Вы необыкновенно щекотливы, какъ только рѣчь заходитъ о чести, Тэтль. Точно сами-то вы не знаете...

— Вы насъ разорите, только этого и добьетесь!—воскликнулъ Дэвисъ съ возрастающимъ гнѣвомъ.— Ваше слѣдствіе разоритъ насъ!

— Если внесенный въ ваши дѣла свѣтъ разоритъ васъ,—возразилъ Тэтль своимъ ораторскимъ тономъ,—то и прекрасно, пусть такъ и будетъ. Мы не можемъ допустить, чтобы желѣзно-дорожное общество, при наилучшихъ своихъ намѣреніяхъ, распорядилось законодательствомъ страны или вліяло на него подкупами!

— Стало-быть вы обвиняете меня въ подкупахъ?—спросилъ Дэвисъ.

— Я никого не обвиняю. До моего свѣдѣнія дошло отъ людей, достойныхъ полного довѣрія, что Консолидированное общество пользуется безграничнымъ вліяніемъ на законодательство, касающееся желѣзныхъ дорогъ. Надо освободить нашъ Капитолій отъ Третьей Палаты, необходимо возстановить честь Капитолія, и влянуть—это будетъ сдѣлано, какихъ бы жертвъ ни стоило.

Голосъ Дэвиса зазвучалъ грозными нотами:

— Такъ я же вамъ ручаюсь, что мнѣ не бывать вашею жертвой! Продолжайте ваше несчастное слѣдствіе, но когда наступитъ время новыхъ выборовъ въ Палату, вы узнаете, что я въ силахъ

сдѣлать. Поймите, что вамъ меня не побороть. А затѣмъ—попробуйте! Дѣлайте, что вамъ угодно!

Элень, слышавшая съ террасы разрастающійся шумъ голосовъ, подбѣжала къ отцу.

— Папа, что съ вами? Вильсонъ, надѣюсь вы не ссоритесь съ моимъ отцомъ?

Вильсонъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Ни одинъ порядочный человекъ не пострадаетъ отъ того, что слѣдствіе будетъ продолжаться, и продолжаться оно будетъ или я подамъ въ отставку. Новичокъ въ политикѣ можетъ быть безумцемъ, но за принципы онъ станетъ биться до конца. Боже правый! атмосфера залъ нашихъ засѣданій наводитъ на меня ужасъ. Надъ принципами глумятся и, при случаѣ, пускаютъ ихъ въ ходъ только въ видѣ прикрасы къ широковѣщательнымъ рѣчамъ, а затѣмъ выкидываютъ за борты!

— Слушайте, молодой человекъ, — прервалъ его Дэвисъ страш-но серьезнымъ тономъ, — вы завтра же возьмите назадъ ваши обвиненія.

— Никогда этого не будетъ, — отвѣтилъ Тэтль непоколебимо.

Они стояли другъ противъ друга, стиснувши зубы. Наконецъ, Дэвисъ заговорилъ опять:

— Я буду бороться и скорѣе умру, чѣмъ уступлю побѣду.

— Что все это значитъ? — вступилась Элень въ ужасѣ. — Что случилось? Папа, вы не хотите сказать мнѣ?

Дэвисъ грубо отстранилъ ее.

— Уходите, вы этого понять не можете. Это наше мужское дѣло... А впрочемъ, нѣтъ, вы поймете, — продолжалъ онъ, хватаясь за отвратительную мысль. — Видите вы этого молодого человека? Онъ обвиняетъ меня въ подкупахъ и грозитъ мнѣ арестомъ.

Элень вскрикнула въ ужасѣ.

Тэтль не шевельнулся и продолжалъ въ упоръ смотрѣть на Дэвиса.

— Онъ заявилъ уже противъ меня обвиненія, — говорилъ Дэвисъ. — Онъ радъ бы былъ посадить меня въ тюрьму, еслибъ могъ.

— О, нѣтъ... Вы этого не сдѣлаете! Вѣдь, это не правда?

Она умоляла Вильсона.

— Это правда, онъ не можетъ отрицать, что это правда, — сказалъ Дэвисъ.

— Правда это, Вильсонъ? — спросила Элень.

Тэтль выходилъ изъ себя, но все еще сдерживался.

— Я повторяю, что внесъ обвиненіе противъ Консолидирован-

ной желѣзной дороги. Такъ скажите же вашей дочери, чего вы боитесь.

— Если я сдѣлаю это, то вооружу ее противъ васъ.

— Нѣтъ, да и не въ этомъ дѣло! Я повторяю, что васъ, мистеръ Дэвисъ, увлекають въ страшную пропасть плуты, безсовѣстные люди. Отдѣляйтесь отъ этого человѣка, — продолжалъ онъ, указывая на Фукса, — отдѣляйтесь отъ Бреннава. Отправьте къ чорту всю Третью Палату. Въ особенности же удалите Бреннава.

— Этого я не сдѣлаю, не могу сдѣлать.

— Вы *не можете*? Желѣзный Герцогъ *не можетъ*?

— Да чортъ же васъ возьми! За что вы меня преслѣдуете? Не могу я и не хочу. Только при удачѣ я сохраню то, что мною приобрѣтено.

Наступило молчаніе. Тѣтль глубоко обдумывалъ все слышанное. Когда онъ заговорилъ снова, голосъ его звучалъ рѣшительно и страстно.

— Теперь я заявляю окончательно и неизмѣнно, что слѣдствіе будетъ произведено и что я выступлю свидѣтелемъ.

Эленъ смотрѣла то на молодого человѣка, то на отца, съ выраженіемъ тревоги и страха. Изъ-за кустовъ вышелъ Бреннавъ, прислушиваясь къ ихъ разговору.

— Вы не станете свидѣтелемъ противъ моего отца и противъ Тома, — сказала Эленъ.

— Противъ Консолидированной желѣзной дороги, — повторилъ Тѣтль.

— Консолидированная дорога — это я, — сказалъ Дэвисъ.

— Въ такомъ случаѣ, противъ васъ.

— Стало быть вы сошли съ ума, — проговорилъ Бреннавъ, — и ничего изъ этого не выйдетъ, кромѣ безумія.

Онъ бросилъ свою сигару и съ аффектированной рѣшительностью сталъ рядомъ съ Дэвисомъ.

— Что меня касается, на жизнь и смерть я съ Желѣзнымъ Герцогомъ.

— Слышите, что онъ говоритъ? — обратилась Эленъ къ Тѣтлю.

— О, Боже мой, Эленъ! Неужели вы не видите, что мы именно его-то и преслѣдуемъ, что онъ-то и есть голова и душа всего этого дѣла? Вы не видите, изъ-за чего онъ...

— Я знаю, что онъ за моего отца, — возразила Эленъ въ своемъ упорномъ ослѣпленіи, — и знаю я, что вы противъ насъ.

— Такъ и вы мнѣ не довѣряете... и вы тоже! — воскликнулъ Тѣтль въ отчаяніи. — И это потому, что я поступаю честно! А ему

врите, когда онъ является съ театральными, безстыдными фразами!

— Ему вѣрю,—отвѣтила Эленъ, дѣлая движеніе въ сторону отца и Бреннана.

Послѣ минутнаго молчанія, Тэтль овладѣлъ собой и гордо подыгнулъ голову.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—мерзкая попытка повліять на сѣнь будетъ раскрыта, все дѣло будетъ обслѣдовано. Прощайте.

Въ то время, какъ онъ удалялся въ наступившемъ вечернемъ суграбѣ, Эленъ обвила руками шею отца.

Фуксъ отвелъ Бреннана въ сторону и сказалъ:

— Довко сыграно, Бреннанъ.

— Не правда ли? Я удачно выбралъ моментъ для сценическаго эффекта.

Въ тиши наступающей ночи вновь раздалось далекое пѣніе хора, игравшіе въ теннисъ расходились по домамъ.

Бреннанъ, довольный собой, взялъ подъ руку Фукса, и они вмѣстѣ направились къ гостиницѣ.

VII.

Сенаторъ Уардъ родился въ деревнѣ и въ говорѣ сохранилъ извѣстную простоту, граничащую съ народнымъ языкомъ, что, вмѣстѣ съ робостью манеръ, изобличало его происхожденіе. Онъ былъ типичнымъ шотландцемъ Новаго Свѣта: высокій, худой, съ длинною бородой, тонкимъ носомъ и восхитительными сѣрыми, глубокими глазами. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ и умѣлъ удержать за собою уваженіе всѣхъ своихъ знакомыхъ, несмотря на свою ужасную слабость. Какъ у многихъ другихъ, слабость эта была проявленіемъ неумолимаго закона наследственности.

Въ доброе старое время «рома и выпивокъ въ сараяхъ», его отецъ, ремесломъ плотникъ, былъ добрымъ малымъ, про котораго всѣ говорили: «Хорошій человекъ, только выпить любить».

Онъ былъ не только хорошимъ человекомъ, но и человекомъ очень умнымъ, и сыну передалъ, вмѣстѣ съ прискорбнымъ порокѣмъ, выдающіяся способности: отличный ораторскій талантъ и надежный умъ, который могъ бы высоко выдвинуть Руфа Уарда на дѣловомъ и политическомъ поприщѣ въ его новомъ отечествѣ.

Но необходимость водить дружбу съ политиками въ залахъ ихъ обычныхъ собраній, пропитанныхъ испареніями алкоголя, сдѣлала его скоро рабомъ наследственнаго порока. Товарищи посмѣи-

вались надъ Уардомъ, говорили, что «это ничего не значить», но хорошо понимали, что это дастъ имъ въ руки надежное орудіе противъ него въ томъ случаѣ, еслибъ ему вздумалось раскрыть нѣкоторыя изъ ихъ гадкихъ продѣлокъ. Вслѣдствіе этого еще болѣе возросла его природная робость.

Въ дѣлахъ онъ былъ безупреченъ, и укорить его можно было только за его несчастную слабость. Его жена, уроженка Новой Англіи, была женщина совершенно необразованная, но отъ природы необыкновенно умная, весьма почтенная и добрая, съ прямыми и сильными, почти мужскими, характеромъ.

Когда сенаторъ вернулся домой, послѣ свиданія съ Бреннаномъ, она встрѣтила его такъ, какъ будто его мутныя глаза, багровое лицо и ослабѣвшія ноги не свидѣтельствовали ни о чемъ иномъ, кромѣ большой жары. Добрая супруга поспѣшила увести мужа въ его комнату, молча освѣжила ему лицо и голову холодною водою, раздѣла его и уложила въ постель.

— Отецъ вернулся?—спросила Эвелина, когда г-жа Уардъ затворила дверь и вернулась въ гостиную.

— Да, онъ тутъ.

Въ ея глазахъ не было замѣтно слезъ, и голосъ ея былъ спокоенъ. Время горя и рыданій давно миновало. Эвелина вздохнула, обняла мать и припала головой къ ея плечу. Она все понимала, безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Бѣдная мама!...

Онъ говорили мало,—въ такія вечера имъ было не до разговоровъ. Эвелина сидѣла задумчивая, опустивши голову. Ея чудные глаза,—глаза ея отца,—были печальны въ эту минуту, когда она прислушивалась къ шуму веселья, доносившемуся снаружи. Тамъ играли въ теннисъ, по заливу скользили лодки, раздавалось пѣніе молодыхъ голосовъ подъ ритмическій плескъ легкаго морского прибора.

Онъ сидѣли одиѣ, вдали отъ всѣхъ, подавленные своими заботами.

— Надѣюсь,—проговорила госпожа Уардъ,—что скоро наступитъ конецъ засѣданіямъ въ Капитоліи, тогда отцу можно будетъ оставаться съ нами.

— Я тоже думаю. Уже первая недѣля іюня, нельзя же тянуть долѣе.

И онъ опять смолкли.

— Добрый вечеръ, — послышался изъ окна знакомый голосъ.

— А, мистеръ Тэтль, войдите!—воскликнула Эвелина, и ея

лицо освѣтилось прелестною улыбкой, тотчасъ же исчезнувшюю, когда молодой человекъ отвѣтилъ:

— Благодарю васъ. Сенаторъ дома?

— Да, но онъ не совсѣмъ здоровъ. Если дѣло не особенно важное, то я предпочла бы...

— О, нѣтъ. Я подожду до завтра, не беспокойте его.

Они быстро обмѣнялись взглядами. Тѣтль сообразилъ, въ чемъ дѣло; она поняла, что онъ угадалъ истину.

— Не хотите ли прогуляться? Плохой я игрокъ въ теннисъ, — сказалъ онъ, помолчавши немного.

— Съ удовольствіемъ... если я не нужна вамъ, мама.

Вопросъ этотъ имѣлъ такой смыслъ для госпожи Уардъ: «Если мы обѣ не нужны отцу?»

— Нѣтъ, милая, ты мнѣ не нужна, а тебѣ пройтись хорошо будетъ.

Эвелина знала, что принесетъ ей эта прогулка: часъ очаровательной бесѣды и новый приливъ чувствъ, которыя не дадутъ ей спать, — и все-таки у нея не достало силъ отказаться. Она прошла въ свою комнату прикраситься лентой или цвѣткомъ и на секунду остановилась передъ зеркаломъ, безъ горечи въ сердцѣ, но съ нѣмымъ и неопредѣлимымъ сожалѣніемъ о томъ, что не одарена она красотой.

Они направились къ берегу, гдѣ влюбленные пары, молодыя женщины и няньки прогуливались по гладкому и твердому песку, гдѣ серебристою пѣной разсыпались зеленоватыя волны моря. Вдали видѣлись позолоченные закатомъ паруса лодокъ, бѣгущіе мимо пароходы оставляли въ воздухѣ длинныя полосы темнаго дыма.

Тѣтль былъ задумчивъ и, чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ становился серьезнѣе. Онъ былъ человекъ громадной начитанности, глубокаго энтузіазма, увлекавшаго его собесѣдниковъ.

Эвелина была неразговорчива, но она отлично умѣла вызывать лучшія мысли своихъ друзей, и Тѣтль говорилъ съ нею всегда какъ съ добрымъ товарищемъ. Ея отвѣты, ея замѣчанія, какъ ни были они коротки, показывали ясно, насколько пріятна ей бесѣда съ нимъ и какъ сознательно она слѣдитъ за всѣмъ, имъ высказаннымъ.

Вернувшись, часъ спустя, въ свою комнату, она упала на диванъ, не щадя цвѣтовъ на корсажѣ. Она едва помнила, что онъ говорилъ ей, — остались только впечатлѣнія музыки, молодыхъ и веселыхъ голосовъ, стройныхъ силуэтовъ, рокота океана, и среди всего этого, надъ всѣмъ этимъ звуки серьезнаго и мягкаго мужского голоса, ласкавшаго ея слухъ.

Она не поддавалась никакимъ иллюзіямъ, знала, что онъ не покинетъ Эленъ и не сблизится съ нею.

«Я правлюсь ему, но любить онъ Эленъ». Такова была фраза, повторявшаяся въ ея умѣ съ такою отчетливостью, точно она вслухъ говорила это матери.

Было около полуночи, когда она раздѣлась истомленная и легла въ постель, давая себѣ слово никогда не поддаваться подобному искушенію.

На слѣдующій день, за первымъ завтракомъ, сенаторъ Уардъ былъ блѣденъ и молчаливъ. Жена и дочь старались казаться веселыми. Мистрисъ Уардъ поставила передъ мужемъ чашку очень вѣрникаго кофе, которую тотъ выпилъ залпомъ.

— Вы лучше сдѣлали бы, Руфъ, еслибъ не ѣздили сегодня въ Капитолій. День будетъ страшно жаркій.

— Мнѣ необходимо быть тамъ, мать,—отвѣтилъ онъ.—Наступили рѣшительныя минуты, всякій хлопокъ о томъ, чтобы какъ-нибудь проскользнули проекты законовъ, и нельзя мнѣ тамъ не быть. Но все же я вернусь рано, тотчасъ по окончаніи засѣданія.

— Въ такомъ случаѣ, не утомляйтесь, безъ особенной крайности не ходите по этимъ раскаленнымъ улицамъ.

— Нѣтъ, я пройду прямо домой.

Обѣ женщины заботливо снаряжали Уарда, одна завязывала его галстукъ, другая чистила шляпу.

— Эви, мнѣ кажется, будто вамъ нездоровится,—сказалъ онъ, собираясь уходить.

— О, я совершенно здорова, отецъ, быть можетъ, устала немного. А теперь торопитесь, если не хотите опоздать на пароходъ, не то принуждены будете ѣхать въ невыносимо душномъ вагонѣ. Уходите, уходите!—добавила она съ улыбкой, похлопывая его руки.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее.

— Милая ты, дочка моя. Я вернусь рано, дамъ въ томъ слово.

Не весело было въ домѣ и послѣ его ухода. Мистрисъ Уардъ занималась хозяйствомъ,—она не могла сидѣть спокойно, Эвелина шила прилежно, какъ портниха. Два или три раза она откидывала, однаго, голову къ спинкѣ стула и закрывала глаза, какъ бы отъ утомленія. Мистрисъ Уардъ замѣчала это, но не рѣшалась сказать ни слова. Въ одну изъ такихъ минутъ она увидала, какъ изъ-подъ закрытыхъ рѣсницъ Эвелины выкатились двѣ слезинки. Этого мать уже не могла вынести и удалилась изъ комнаты, оставивши дѣвушку одну

VIII.

Утреннія газеты въ воскресенье были почти исключительно заняты слѣдствіемъ: нѣсколько столбцовъ отведено было стенографическимъ отчетамъ о работахъ слѣдственной комиссіи, и чуть не вся остальная часть листовъ была наполнена мнѣніями вождей партій, политическихъ дѣятелей и собственными разсужденіями редакцій. Но тонъ статей значительно измѣнился. Въ первые два дня, когда начался допросъ свидѣтелей, большинство газетъ, даже враждебныхъ Тётлю, слегка опопчалось противъ «крупныхъ предпринимательскихъ компаній, оказывающихъ нежелательное вліяніе на наши законодательныя собранія», очень многія газеты одобрительно отзывались «о молодомъ радикалѣ, имѣвшемъ смѣлость раскрывать, въ чемъ кроется на самомъ дѣлѣ пресловутая власть Третьей Палаты».

Часть прессы шла еще дальше и говорила: «Если правда, что Третья Палата, существованіе которой признаютъ всѣ законодатели, созершала злоупотребленія, въ которыхъ ее обвиняютъ, то самыя строгія кары должны постигнуть людей, покушающихся на общественную нравственность».

Но это добродѣтельное негодованіе стало быстро стихать, и въ нѣкоторыхъ воскресныхъ газетахъ Тётль прочелъ, что его обзываютъ «молодымъ осломъ, полнымъ самолюбія, осмѣлившимся на основаніи сплетенъ, пущенныхъ мошенниками и пройдохами, вовлечь Сенатъ въ глупѣйшее слѣдствіе, которое несомнѣнно сдѣлаетъ весь законодательный корпусъ посмѣшищемъ американскаго народа».

Даже въ партіи самого Тётля нашлись журналисты, высказывавшіе сожалѣнія о томъ, что онъ, не имѣя достаточно твердой почвы подъ ногами, затѣялъ столь серьезную борьбу противъ очень крупной компаніи. Они съ негодованіемъ опровергали возможность предположенія, будто когда-нибудь сами были сторонниками слѣдствія и преданія суду, и оставляли на одномъ Тётлѣ всю тяжесть отвѣтственности за исторію, начатую имъ «вопреки совѣтамъ его друзей».

Прочитывая такіе оскорбительные эпитеты и предательскія увертки, Тётль блѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Вотъ видите, — говорилъ онъ за завтракомъ Гилу, одному изъ людей, оставшихся вѣрными ему, — даже наши газеты начинаютъ нападать на меня. Вотъ что значить сила денегъ. Я не хочу сказать, что онѣ прямо подкуплены, но, какъ только у нихъ яви

лось сомнѣніе въ успѣхѣ, онѣ становятся на сторону сильнаго и покидаютъ человѣка, дружба съ которымъ имъ менѣе выгодна.

Гиль склоненъ былъ смотрѣть на все съ мрачной стороны.

— Бросьте вы это, Тэтль... ничего нельзя подѣлать! Публика не подготовлена къ тому, чтобы насъ поддерживать. Оставьте эту проклятую исторію. Мы можемъ это сдѣлать безъ вреда для себя, такъ какъ публика, повидимому, сама жаждетъ прекращенія дѣла.

— Не отступлю я! — воскликнулъ Тэтль, и въ его взглядѣ сверкнула непреклонная воля. — Я пойду до конца!

— Ничего не выйдетъ, если только вамъ не удастся заручиться такимъ представителемъ, который показалъ бы подѣ присягой, что ему были дѣлаемы предложенія...

— Еслибъ я могъ скомпрометировать Бреннана или Фукса... Этого, навѣрное, заговорилъ бы, какъ только увидалъ бы, что самъ попался. Тогда публика...

— О, тогда публика живо очутилась бы на вашей сторонѣ... Я полагаю, что намъ слѣдовало бы напасть на Морихема или на кого-нибудь другого...

Для членовъ Третьей Палаты воскресенье было днемъ усиленной работы. Съни Гайльярда были полны людьми, разсуждавшими о парламентскомъ слѣдствіи. Въ кабинетъ Бреннана собрался военный совѣтъ.

Бреннанъ былъ въ своемъ обычномъ расположеніи духа, Фуксъ немного нервничалъ, а достопочтенный Робертъ Бейни, ихъ адвокатъ, имѣлъ серьезный видъ. Это былъ господинъ небольшого роста, плѣшивый, очень способный дѣлецъ и отличный знатокъ законовъ.

— А теперь подождите, очень-то много мнѣ не разсказывайте, — проговорилъ онъ, прерывая Бреннана. — Иногда бываетъ неудобно знать слишкомъ много... Вы считаете возможнымъ признать, что давали деньги Третьей Палатѣ... Это я понимаю. Ничего противузаконнаго вы не видите въ этомъ. А что тамъ дальше дѣлалось, вамъ, конечно, неизвѣстно.

— Такова моя мысль, — сказалъ Бреннанъ.

— Великолѣпно. Позвольте сообразить немного.

Ловко и цѣлесообразно было показать адвокату истинное положеніе дѣла лишь настолько, чтобы онъ увидалъ его слабыя стороны, но отнюдь не въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы его могли обвинить въ сообщничествѣ. По милости долголѣтней практики, Бейни привыкъ къ такимъ изворотамъ и отлично понималъ положеніе тѣмъ выдающимся чутъемъ, которое сдѣлало его однимъ изъ

знаменитѣйшихъ адвокатовъ. Подобно множеству своихъ собратій, онъ дошелъ до того, что гордился своимъ умѣньемъ сбивать съ толку судей.

— Вы должны дѣйствовать, — сказалъ онъ, наконецъ, — такъ, какъ поступаютъ сурки: сидѣть въ своей норѣ и предоставить собакамъ рыть землю. Вы и сидите спокойно, выжидайте, что отъ нихъ будетъ.

— Роль настолько пассивна, что лично мнѣ она совсѣмъ не по характеру. Въ данномъ случаѣ это хорошо, но гадко дѣйствуетъ на нервы таяться въ норѣ и слушать, какъ скребетъ собака.

— Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что вамъ придется покориться такой необходимости, — сказалъ Бейни, уходя изъ комнаты.

Оставшись втроемъ, они заговорили свободнѣе. Дэвисъ былъ сильно возбужденъ.

— Съ какимъ бы удовольствіемъ отпразднелъ я всю эту исторію къ чорту! — сказалъ онъ.

— Ну, нѣтъ! — возразилъ Фуксъ. — Вы, просто, утомлены немного, и только, а потому хорошо бы сдѣлали, еслибъ отправились къ себѣ на дачу и отдохнули бы. Томъ и я заручимся остальными и подучимъ ихъ, такъ какъ ихъ будутъ допрашивать въ качествѣ свидѣтелей. Это я обдѣлаю... Наша система состоитъ въ признаніи, что мы давали деньги Третьей Палатѣ, и въ оправданіи себя тѣмъ, что мѣра эта была вызвана настоятельною необходимостью.

— Бъ тому же это правда! — перебилъ его Дэвисъ.

— Разумѣется, правда! — повторилъ Фуксъ. — Все идетъ хорошо. Томъ и я позаботимся о томъ, чтобы не была разорвана наша боевая линия. Каждый свидѣтель будетъ хорошо подготовленъ. Ни одинъ изъ нихъ не сумѣетъ выпутаться изъ дѣла, но нѣтъ ничего легче, какъ провести несчастную публику.

Въ то время, какъ эта «наивная и несчастная публика» читала въ воскресенье утреннія газеты или отправлялась въ храмы съ женами и дѣтьми, Третья Палата готовилась къ бою, работала надъ средствами защиты съ тѣмъ рвеніемъ, которое превращаетъ всякое усиліе въ наслажденіе и обезпечиваетъ успѣхъ. Толпа, безнечная и болтливая, преданная рутинѣ, остается вѣчно неорганизованною, нѣтъ у нея ни энергіи, ни стойкости, ни единства дѣйствія, тогда какъ дурные элементы общества сплочены крѣпко, постоянно на-сторжѣ и дѣйствуютъ дружно, какъ одинъ человѣкъ. Дѣло почти невозможное застать ихъ врасплохъ или захватить въ минуту ослабленія.

Тётль отлично видѣлъ положеніе защиты и, спя въ креслѣ, послѣ завтрака, внимательно изучалъ поле предстоящаго боя. Онъ стискивалъ зубы, рѣшившись во что бы ни стало доказать свою правоту: разъ его выставляютъ лично отвѣтственнымъ за обвиненія, которыя въ дѣйствительности были заявлены всѣми, онъ и оставляетъ за собою честь доказать, насколько эти обвиненія основательны.

Цѣлый день онъ обдумывалъ свой планъ, стараясь найти такой способъ нападенія, который не былъ бы абсолютно безнадежнымъ.

Нѣкоторые друзья заходили къ Тётлю, но они не могли существенно помочь ему, и большинство совѣтовало прекратить дѣло.

— Они только вышутятъ васъ, Вильсонъ, и ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Насколько возможно, они сведутъ все на политическій споръ и попытаются погубить васъ во мнѣніи вашихъ избирателей.

Но Тётль закусилъ удила.

— И пусть! Я буду бороться до послѣдняго вздоха. А! еслибы только вы были заодно со мной!... Вы убѣждены въ ихъ виновности?

— Нисколько не сомнѣваюсь.

— Почему же вы не хотите поддержать меня?

Они пожимали плечами.

— Еслибы только вы дѣлали то, что должны дѣлать... вы и многіе другіе, — страстно восклицалъ Тётль, — мы справились бы съ Консолидированнымъ обществомъ и съ какою угодно мною компаніей. А вотъ, когда люди сторонятся...

— Какъ же, однако, не сторониться, когда нѣтъ въ рукахъ доказательствъ? И вы ровно ничего не раскроете, если не найдете кого-нибудь, кто бы выступилъ свидѣтелемъ противъ своихъ сообщниковъ. А найти такого совершенно невозможно.

Послѣ ихъ ухода Тётль принялся ломать голову надъ вопросомъ: гдѣ и какъ добыть неотразимаго свидѣтеля? Отправляясь послѣ полудня на пароходъ въ Ватерзейдъ, онъ не переставалъ мучительно думать объ этомъ.

Онъ уже почти остановился на мысли отправиться къ Шехену и предложить ему денегъ за то, чтобъ онъ выступилъ свидѣтелемъ. Тётль былъ готовъ пожертвовать на это половину своего маленькаго состоянія. «Вотъ негѣпость!...» Онъ началъ терять голову, онъ сознавалъ это и пытался дать своимъ мыслямъ иное направленіе, окидывая взоромъ ослѣпительно свергающую гладь моря, съ

одной стороны замкнутую зелеными холмами, но отделиться от гнетущей думы не могъ. Нѣсколько человѣкъ подошло къ нему, его спрашивали о ходѣ слѣдствія, на него указывали, и ему казалось, будто надъ нимъ уже насмѣхаются.

Одинъ изъ спрашивавшихъ его, торговый агентъ, остался около него въ то время, какъ всѣ другіе отошли прочь.

— Почему, — сказалъ онъ, — вы не налегаете посильнѣе на стараго сенатора Уарда? Я слышалъ, какъ онъ третьяго дня высказывалъ довольно громко весьма компрометирующія ихъ вещи. Правда, онъ былъ выпивши, но говорилъ онъ это отнюдь не потому, что выпилъ лишнее... Въ этомъ дѣлѣ я нисколько не заинтересованъ непосредственно, — я, вѣдь, не здѣшній. Но, чертъ же ихъ возьми, не могу я равнодушно смотрѣть, какъ цѣлый городъ чуть не съ кулаками накидывается на человѣка, когда я голову прозакладую за то, что этотъ человѣкъ правъ.

— А почему вы знаете, что я правъ? — спросилъ Тѣтль.

— По самому характеру дѣла... Человѣкъ, ополчающійся противъ монополіи подобнаго рода, долженъ быть правъ, вотъ и все. Мы всѣ противъ нихъ, но ни у кого изъ насъ не хватаетъ смѣлости вступить съ ними въ борьбу. Если была сдѣлана попытка какимъ-либо образомъ повліять на сенатора, то выспросить его слѣдуетъ, и, во всякомъ случаѣ, этимъ нельзя пренебрегать.

— Какимъ же способомъ, однако, могу я побудить сенатора Уарда обвинить себя самого? — возразилъ Тѣтль съ отѣвкомъ ироніи.

— Я не думаю, что старикъ на самомъ дѣлѣ подкупленъ, но полагаю, что подкупить его пытались... и что ему извѣстны тѣ, относительно которыхъ это удавалось. Иначе говоря, въ его рукахъ настоящій, быть можетъ, конецъ нитки. Вотъ вамъ и слѣдуетъ захватить этотъ конецъ, онъ васъ и доведетъ до самой сердцевины влукба. Человѣкъ, подвергшійся обвиненію, примется самъ обвинять другого.

Эти слова произвели на Тѣтля глубокое впечатлѣніе. Во все остальное время переѣзда онъ только и былъ занятъ обдумываніемъ этого опредѣленнаго плана. Если не удастся заполучить такого человѣка, какъ Уардъ, то все пропало.

Тѣтль рѣшилъ пойти къ нему тѣмъ же вечеромъ.

IX.

Солнце скрывалось за темную, рѣзко очерченную тучу, и су-пракъ уже окутывалъ море, когда сенаторъ Уардъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ очень просто меблированномъ салонѣ.

Вѣтеръ дулъ, не престаивая, и волны набѣгали на берегъ съ оглушительнымъ шумомъ. Далекія молоньи отъ времени до времени освѣщали неяснымъ блескомъ сѣдую голову старика.

Онъ только что писалъ что-то, но бюварь соскользнулъ на полъ, и глаза Уарда задумчиво были устремлены на горизонтъ, гдѣ тучи и волны сливаются въ одну неопредѣленную массу. Какая-то тяжелая дума угнетала старика, и онъ казался измученнымъ, необыкновенно слабымъ, дрихлымъ и приниженнымъ.

Онъ раздумывалъ о своемъ будущемъ, представлявшемся ему почти въ отчаянномъ видѣ. Онъ въ сотый разъ обстоятельно разбиралъ свое положеніе и приходилъ къ тому заключенію, что платить нечѣмъ,—предстоитъ принудительная распродажа всего имущества, столь полное разореніе, что вновь подняться нѣтъ уже никакой возможности. Тогда въ головѣ его мелькала бесѣда съ Бреннаномъ, но онъ не могъ въ точности припомнить, что было говорено, все оставалось въ какомъ-то туманѣ.

На полу валялись утреннія газеты, въ которыхъ были воспроизведены какъ его показанія передъ слѣдственной комиссіей, такъ и показанія многихъ другихъ. Онъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, и читать уже нельзя было. Мистрисъ Уардъ вошла зажечь лампу, взглянула на мужа и остановилась въ нерѣшительности, начать говорить съ нимъ или удалиться молча.

— Боже мой, Руфъ, какъ вы тихо сидите! Что вы дѣлаете? Я и не подозрѣвала, что вы здѣсь.

— Я писалъ, моя милая.

— Почему же вы не расположились въ библиотекѣ?

— Самъ не знаю... Миѣ, просто, хотѣлось смотрѣть на море.

Мистрисъ Уардъ сѣла рядомъ съ мужемъ.

— Вы все еще продолжаете тревожиться, Руфъ, а намъ вы обѣщали быть спокойнымъ.

— Да, я тревожусь, Жозефина, но волнуютъ меня не мои дѣла и совсѣмъ не то, что вы думаете.

— Надѣюсь, васъ беспокоить не слѣдственная комиссія.

— Именно, она, если говорить правду.

— Но, вѣдь, вы уже дали показаніе. Развѣ это не все, что могутъ потребовать отъ васъ, мой другъ?

— Нѣтъ, Жозефина, это не все. Я былъ бы обязанъ... но я... я не могу, смѣлости у меня не хватаетъ.

Онъ поднялся съ мѣста и принялся ходить по комнатѣ.

— Успокойтесь, Руфъ, сядьте, я не хотѣла васъ тревожить. Лучше бы этотъ Вильсонъ Тѣтль на свѣтъ никогда не родился.

— Нѣтъ, мать, вы этого не думаете.

— Думаю, думаю. Онъ только и дѣлаетъ, что всюду вносить смуту.

— Онъ правъ, мать. Онъ дѣлаетъ то, что обязанъ дѣлать. Еслибъ не онъ настоялъ на этомъ слѣдствіи, то кто-нибудь другой...

— О! да я совсѣмъ не объ этомъ говорю... совсѣмъ не объ этомъ.

— Такъ о чемъ же?

— Неужели вы ничего не знаете, ничего не видите?—спросила она живо.

— Нѣтъ. Что такое? Я ничего не замѣчалъ.

— А, другъ мой!... Мужчины рѣшительно понятливы только въ своихъ дѣлахъ!—воскликнула она съ отчаяніемъ.—Эви за эту недѣлю всѣ слезы выплакала изъ-за этого упряма, изъ-за этой ходячей энциклопедіи! Я не могу ее убѣдить...

Уардъ поднялъ на жену недоумѣвающій, печальный взоръ.

— Не хотите же вы сказать, будто она...

— Именно, это-то я и хочу сказать... Это я говорю.

— Какъ?... Я опасался, что она, если можно такъ выразиться, отличаетъ Тома Бреннана.

— Тома Бреннана!—воскликнула мистрисъ Уардъ.—По-истинѣ, сенаторъ Уардъ, я васъ не понимаю! Я думала, что у васъ въ головѣ немного побольше здраваго смысла... Томъ Бреннанъ! Да она боготворитъ Тѣтля, чуть не молится на эту библиотечную крысу! Она только и дѣлаетъ, что прогуливается съ нимъ по берегу, учить его играть въ теннисъ... А вы ничего не видите!... Она, естественно, вынуждена сдерживаться изъ боязни, что онъ неравнодушенъ къ Эленъ Дэвисъ, а я увѣрена, что на самомъ дѣлѣ онъ любитъ Эленъ, а она-то, Эленъ, любитъ Бреннана, но за что любить, этого я уже понять не могу. Очень онъ сладокъ, прикидывается слишкомъ добрымъ малымъ. Онъ напоминаетъ мнѣ Сай Уильямса. Меня нисколько не удивитъ, если онъ въ одинъ прекрасный день удеретъ въ Канаду, подобно Уильямсу... Онъ сейчасъ сидитъ въ маленькой гостиной съ Эленъ, но, кажется, скоро уберется отсюда. Съ своей стороны, я бы очень желала, чтобъ онъ и глазъ къ намъ не показывалъ никогда!

— И вы думаете, что Эви...

— Не думаю, а знаю. Не такой у нея характеръ, чтобъ она выдала свою тайну, но я вижу, какъ она страдаетъ, не хочетъ ни чего мнѣ сказать и меня слушать не хочетъ.

Ея голосъ оборвался, на глаза набѣжали слезы.

— Точно все перевернулось на бѣломъ свѣтѣ, Руфь. Послѣ такихъ трудовъ, послѣ столькихъ лѣтъ бережливости...—она оставилась, чтобы не разрыдаться.—А, еслибъ вы не пускались въ политику, мы были бы въ лучшемъ положеніи, въ неизмѣримо лучшемъ.

Уардъ глубокимъ вздохомъ призналъ справедливость ея упрека.

— Вы правы, Жозефина.

Затѣмъ тономъ, какъ бы вызывающимъ одобреніе, онъ спросилъ:

— Но такъ какъ я въ политику пустился, то я обязанъ вѣрною и правдою служить моей странѣ, не такъ ли?

— Разумѣется. Иначе служить вы и не можете... Еслибъ послѣ столькихъ жертвъ, принесенныхъ нами, вы перестали вѣрно служить вашей странѣ, всякій вправѣ былъ бы свазать про васъ, что вы—банкротъ... Уайтъ старшій всегда говорилъ: «Пока человекъ остается честнымъ, нѣтъ банкротства. Правительство можетъ оказаться банкротомъ, честный человекъ—никогда!»

Уардъ застоналъ и опустил голову на руки.

— Что съ вами, Руфь? Что же я такое сказала?

— Ничего, мать... Бѣда въ томъ, что я сказалъ и что я сдѣлалъ!... Я передъ вами оказался банкротомъ и васъ опозориваю.

— Ни того, ни другого не было, Руфь Уардъ. Не смѣйте говорить такъ!

— Еслибъ я могъ вырваться, навсегда бы отказался я отъ политики. Боюсь только, что мнѣ уже не выпутаться.

— Перестаньте, Руфь, перестаньте, довольно вы намучились сегодня.

Въ глазахъ бѣдной женщины стояли слезы. Она нѣжно положила руку на плечо мужа. Послышался смѣхъ: Эленъ и Бреннанъ, проходя мимо, вмѣстѣ съ Эвелиной, остановились у растворенной двери.

— А! мы, кажется, помѣшали объясненію въ любви! — воскликнулъ Бреннанъ. — Я увѣренъ даже въ этомъ, они оба краснѣютъ.

— Я не вѣрю,—сказала Эленъ, смѣясь.—Краснѣютъ только сѣдые волоса сенатора... такъ это, просто, отъ свѣта лампы. Я бы не желала испортить вашъ романъ.

— Въ наши годы чаще выдаются случаи поспориться, чѣмъ говорить нѣжности,—возразила госпожа Уардъ очень серьезно,—и нашъ романъ давно поконченъ.

Блескъ молоньи освѣтилъ комнату, вскорѣ за тѣмъ послышался раскатъ грома.

— Ахъ, какая страшная молонья! — воскликнула Эленъ. — Томъ, ведите меня скорѣй домой, я ужасно боюсь грозы.

— Я очень люблю провожать молодыхъ дѣвушекъ во время грозы, — сказала Бреннанъ, обращаясь къ Уарду. — Онѣ становятся такими доврчивыми, прицѣпляются къ вашей рукѣ, какъ плющъ къ дереву. Идемте, бѣгомъ отправимся. Добрый вечеръ.

Уардъ проводилъ ихъ до двери и, остановившись на порогѣ, смотрѣлъ вслѣдъ, пока они перебѣгали черезъ площадку.

— Какъ она весела, — сказала госпожа Уардъ Эвелинъ. — Нѣтъ у нея заботъ ни о долгахъ, ни о слѣдственной комиссiи. А тутъ, этими днями точно все поднялось, чтобы удручать вашего отца!

— Эленъ нисколько не счастливиѣе отъ этого. Она старается быть веселою, но я не думаю, чтобы на самомъ дѣлѣ ей было весело.

— Почему вы такъ думаете?

— Она поссорилась съ Вильсономъ, вѣрнѣе сказать, она со всѣмъ порвала съ нимъ.

— Быть не можетъ! Изъ-за чего же это вышло?

— Изъ-за этой же комиссiи.

— Боже милостивый! Я думаю, что Вильсонъ Тэтль убѣжденъ въ своей правотѣ, такъ какъ нападки сыплются на него со всѣхъ сторонъ... Такъ вотъ почему она такъ любезничаешь съ Томомъ Бреннаномъ! И отлично... Теперь не видать вамъ Тэтля ни той, ни другой.

— Заболчите, мама, подумайте, что вы говорите!... Да и вообще прошу васъ совсѣмъ не говорить со мной объ этомъ... Во всемъ этомъ дѣлѣ онъ ведетъ себя очень благородно. Все это онъ объяснилъ мнѣ. Онъ борется только за правду и за справедливость. Даже газеты признаютъ это.

— Ну, и желаю, чтобы Эленъ стояла тѣхъ непрiятностей, которыя онъ навязалъ себѣ. Только съ мужчинами его сорта всегда такъ бываетъ, изъ десяти человѣкъ девять влюбляются въ пусто-головыхъ дѣвчонокъ.

Эвелина остановила ее еще разъ.

— Не говорите этого, мама. Эленъ совсѣмъ не такая ничтожная, какой кажется. У нея прекрасное сердце, и съ нимъ она была бы доброю, хорошею женою.

— Все это вздоръ! На всю жизнь она останется вѣтряною мельницей. Умишка у нея не хватаетъ стать чѣмъ-нибудь инымъ.

Сердце матери возмутилось, наконецъ, противъ хода событій.

— О, мама, какъ вы можете говорить такіе ужасы!

За дверью послышался голосъ Уарда, говорившаго кому-то:

— Входите, входите!

— Бъ нашъ гости. Намъ лучше скрыться, — сказала мистрисъ Уардъ. — Не такъ мы обѣ настроены, чтобы показываться постороннимъ людямъ.

Уардъ вошелъ съ Дэвисомъ, зоркіе глаза котораго подмѣтили бѣгство обѣихъ женщинъ.

— Надѣюсь, мой приходъ никого не испугалъ?

— О, нѣтъ. Садитесь, я зажгу вторую лампу.

— Не надо, не надо. Хорошо и такъ. Это самое подходящее освѣщеніе для двухъ стариковъ, собравшихся побесѣдовать о прошломъ.

Онъ былъ въ особенно миломъ настроеніи, почти нѣженъ. Въ томъ, какъ онъ держалъ себя, и намека не было на его положеніе крупнаго капиталиста, казалось даже, что онъ нисколько не думаетъ о находящейся въ его рукахъ монополіи. Спокойно откинувши голову къ спинкѣ кресла, онъ благодушно бесѣдовалъ, какъ добрый сосѣдъ. Онъ тоже родился въ деревнѣ и зналъ, что ничѣмъ такъ не расположить къ себѣ хозяина, какъ самую простую фамильярностью.

Уарда это заинтересовало, однако. Хотя они уже два года были сосѣдами, Дэвисъ никогда не заходилъ къ нему иначе, какъ по дѣламъ. Они конечно видались часто то на пароходахъ, то въ вагонахъ, разсуждали о событіяхъ дня, но вотъ такія сосѣдскія отношенія были совершенною новостью, способною кого угодно обезоружить, а со стороны Желѣзнаго Герцога подобная короткость являлась неодолимо чарующею. Но Руфъ все-таки отлично зналъ, что Дэвисъ ни передъ чѣмъ не остановится, когда ему нужно чего-нибудь добиться.

— Да, вотъ штука-то, сенаторъ, мои ноги далеко уже не тѣ, что были прежде. Я, вѣдь, кажется, постарше васъ? Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, стало-быть, года на два или на три больше, чѣмъ вамъ, если не ошибаюсь.

— Мнѣ пятьдесятъ девять.

— Вы имѣете очень удрученный видъ, сенаторъ, — сказалъ Дэвисъ, помолчавши съ секунду. •

— Да, я утомленъ. Съ нѣкоторыхъ поръ дѣла меня беспокоятъ немного.

— Слышалъ я про это. Да и я тоже не совсѣмъ спокоенъ, по

ности этого дѣла въ Капитоліи. Говоря по правдѣ, даже порядочно встревоженъ. Не люблю я той манеры, съ которою публика отнесется къ этому... Что тамъ у васъ дѣлалось сегодня? Въ какомъ положеніи маленькій фарсъ, затѣянный Тетлемъ?—спросилъ онъ съ равнодушнымъ видомъ.

— Сдѣлано не особенно много, — отвѣтилъ Уардъ уклончиво. — Спрошено нѣсколько свидѣтелей, далеко не важныхъ.

— Ну, а сенатъ какъ на это смотритъ?

Уардъ нѣсколько насторожился.

— Полагаю, что я не вправѣ говорить объ этомъ.

Дэвисъ наклонился къ нему и, какъ бы въ порывѣ откровенности, сказалъ:

— Признаюсь вамъ, сенаторъ, я чортъ знаетъ до чего встревоженъ. Это, вѣдь, можетъ лишить насъ нашей привилегіи... Но мы, сенаторы, должны принять въ соображеніе, что только мы одни въ силахъ выстроить линію. Въ этомъ и заключается настоящее основаніе для спора. Никакая другая комбинація не можетъ быть настолько выгодною для публики. Мы сооружаемъ лучшіе пути и устанавливаемъ тѣ же тарифы. Если вы работаете на общее благо, вы должны стоять за насъ, обязаны за насъ стоять.

— Съ вашей точки зрѣнія, быть можетъ, это такъ, но съ моей...

— Вы не можете становиться на другую точку зрѣнія, такъ какъ вы представитель публики. Если вы отказываетесь поддерживать насъ, вы, просто-на-просто, отсрочиваете на десять лѣтъ постройку линіи. Теперь давайте разсуждать...

Уардъ всталъ съ кресла.

— Разсуждать со мною бесполезно, Дэвисъ. Я все обсудилъ, и толковать больше не о чемъ.

— О, нѣтъ, сенаторъ, толковать есть о чемъ и сказать можно многое... Я бы вотъ хотѣлъ сдѣлать вамъ одно предложеніе. Вы сидите... Знаете, противодѣйствіе проекту этого рода является сущою недѣльностью. Наша публика ничего не видитъ дальше своего носа. Она не понимаетъ собственной выгоды. Будь это иначе, намъ не предстояло бы такихъ хлопотъ... Перейдемъ теперь къ сенаторамъ. Это, по большей части, старые болтуны, мелкіе, одряхлѣвшіе адвокаты. Вы это отлично знаете, и необходимо, чтобы руководили ими такіе люди, какъ вы. Итакъ, если вы хотите... если хотите идти съ нами, я принимаю на свой счетъ половину вашего дѣла, выдаю вамъ акціи линіи на такую же сумму. Раздумывать нечего, такъ дѣлаются нынче всѣ дѣла. Это вполне законно. Я обращаюсь не къ сенатору, а къ вамъ лично, къ моему сосѣду.

Бъ тому же, если вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ прошу, то вы окажете огромную услугу публикѣ.

Любо послушать было, какъ все это представлялось полезнымъ, необходимымъ, почти благороднымъ, какою искренностью и честностью звучали убѣжденія Дэвиса.

— Дайте мнѣ время подумать, Дэвисъ,—слабо проговорилъ Уардъ.—Нельзя же такъ сразу требовать отвѣта.

Дэвисъ наклонился опять и, дотрогиваясь до его колѣна, продолжалъ:

— Сенаторъ, мы съ вами не молоденькіе, давайте играть въ открытую. Утрата привилегіи можетъ разорить нашу дорогу. Мы сдѣлали громадныя затраты, въ нынѣшнемъ году мы сдѣлали крупныя займы. Еслибы произошло малѣйшее измѣненіе, способное поколебать довѣріе публики,—то-есть капитала,—къ этой линіи, или вѣрнѣе, ко мнѣ, то мѣсяца не пройдетъ, какъ мы очутимся въ рукахъ ликвидаторовъ. Это было бы вопіющею несправедливостью въ отношеніи насъ и, въ особенности, нашихъ мелкихъ акціонеровъ и служащихъ. Представьте же себѣ положеніе, если насъ удастся провалить... Теперь будемъ же работать за одно, а?... Ну, что вы скажете?

Дэвисъ выжидалъ, Уардъ раздумывалъ, опустивши голову.

— Подождите, Дэвисъ, не торопите меня... Я... я ничего не могу рѣшить сейчасъ.

— Хорошо. Только, вѣдь, скоро и вотировать будутъ. Слѣдствіе не приведетъ ни къ чему, оно крайне неприятно, но не представляетъ ни малѣйшей опасности. Не можете ли вы рѣшить вопросъ завтра?

— Да, постараюсь... Но полагаю, что ни на кого повліять не въ состояніи.

— Я беру все на себя, сенаторъ,—сказалъ Дэвисъ, вставая и протягивая руку, которую Уардъ пожалъ не безъ колебанія.—Я увижу васъ завтра вечеромъ. Въ пять часовъ заходите ко мнѣ въ контору, и мы вернемся вмѣстѣ. Покойной ночи.

Х.

Уардъ вернулся къ столу и сѣлъ въ кресло. Онъ глубоко вздохнулъ, потомъ всталъ и направился къ окну. Въ то время, какъ онъ стоялъ, всматриваясь въ темноту ночи, изрѣдка прорѣзываемую далекими молоньями, раздался стукъ въ дверь, и послышался голосъ Эвелины.

— Могу я войти, отецъ?

— Да, моя милая.

— Вы одни? — сказала она, окидывая глазами комнату.

Эвелина всматривалась въ лицо старика.

— Теперь не одинъ, дорогая, вы со мной.

Онъ обнялъ рукою талю дочери.

— Вильсона желаетъ васъ видѣть, папа, — проговорила она серьезно.

— Меня видѣть? Нужно ему поговорить со мной о чемъ-нибудь одинъ-на-одинъ?

— Думаю, что нужно, но навѣрное не знаю.

— Позовите его, — сказалъ Уардъ, послѣ короткаго молчанія.

Эвелина подошла къ двери.

— Мистеръ Тѣтль, отецъ одинъ теперь.

Это легкое измѣненіе имени «Вильсона» на «мистера Тѣтля» не ускользнуло отъ сенатора, предупрежденнаго женой, и онъ забылъ о собственныхъ тревогахъ, думая о печали дочери.

Тѣтль вошелъ, держа въ рукахъ шляпу и трость. Хозяинъ и гость поклонились другъ другу довольно холодно. Уардъ подвинулъ гостю стулъ.

— Вы хотѣли поговорить со мной?

— Да, нужно поговорить съ вами одними, — отвѣтилъ Тѣтль, все еще стоя.

— О, въ такомъ случаѣ, я удаляюсь, — сказала Эвелина.

Уардъ остановилъ ее жестомъ. Базалось, ему необходимо было присутствіе дѣвушки.

— Нѣтъ, моей дочери извѣстны всѣ мои дѣла. Между нами нѣтъ секретовъ. Говорите, чѣмъ могу служить?

Эвелина стояла рядомъ съ отцомъ, ей сердце страшно билось.

Тѣтль поклонился, сѣлъ и началъ важнымъ, слегка ораторскимъ, тономъ, звучавшимъ точно эхо недавно произнесенныхъ имъ рѣчей:

— Сенаторъ, когда я всталъ въ Палатѣ, чтобъ обвинять Сенатъ въ недостойныхъ его поступкахъ, я объявилъ, какъ вы помните, вѣроятно, что дѣлаю это въ надеждѣ услышать полное опроверженіе обвиненій, которыя, къ тому же, не отъ меня исходили. Газеты и очень многіе люди громкими криками требовали публичнаго и правдиваго изложенія ихъ увѣреній и инсинуацій. Я зналъ, разумѣется, что ни васъ, ни вашихъ товарищей ни въ чемъ нельзя упрекнуть, и что вы, какъ безукоризненно честные люди, сами желаете слѣдствія. Въ прошедшій вторникъ ваши показанія передъ

коммиссией были таковы именно, какихъ я ожидалъ отъ васъ. Но, четыре дня спустя, коммиссія, не найдя ничего, положительнаго подтверждающаго факты подкуповъ, раскрыла для публики и для меня самого, что Консолидированная желѣзная дорога смѣло и рѣшительно пускала въ ходъ деньги, чтобы довести свое дѣло до того положенія, въ какомъ оно находится теперь.

— Не предполагаете же вы, — спросила Эвелина, — будто мистеръ Дэвисъ...

— Я не могу сказать навѣрное, знаетъ ли онъ про эти плутни, но Фукса и Бреннана я считаю людьми опасными. Теперь публика обращается противъ меня за то, что я не могу привести точнаго и доказательнаго факта. Мы, конечно, всё знаемъ, что, будь виновные здѣсь передъ нами, единственный способъ ихъ защиты состоялъ бы въ огульномъ отрицаніи всего...

Онъ смолкъ на минуту, пристально взглянулъ на Уарда и тихо сказалъ:

— Сенаторъ, я полагаю, что миссъ Уардъ сдѣлаетъ лучше, если оставить насъ однихъ.

— Нѣтъ, теперь я хочу остаться и выслушать васъ до конца, — возразила Эвелина.

Сенаторъ Уардъ вздрогнулъ, точно на него пахнуло холодомъ.

— Пусть остается. Продолжайте.

— Извольте. Я долженъ сказать вамъ, что клевета коснулась и вашего имени.

— Моего имени? Что же говорить про меня?

— Какъ осмѣливаются клеветать на него? — спросила Эвелина, и на ея лицѣ появилось выраженіе глубокаго негодованія.

Тѣтъ машинально всталъ подъ вліяніемъ усиливающагося волненія.

— Говорятъ, будто вамъ извѣстны сенаторы, позволившіе себѣ соблазниться на взятки. Говорятъ, что, выпивши лишнее...

Уардъ вскинулъ глаза на Эвелину и тотчасъ же отвернулся къ окну. На лицѣ старика отразилась тревога, тронувшая Тѣтлю до слезъ.

— Простите меня, сенаторъ, — сказалъ онъ съ искреннимъ сочувствіемъ, — я только повторяю чужія слова.

Уардъ взглянулъ ему прямо въ лицо.

— Продолжайте, я понимаю.

— Негодяи! какъ могутъ они?... — воскликнула Эвелина.

Ея глаза наполнились слезами.

Тѣтъ продолжалъ медленно:

— Говорять, будто вы хвалились тѣмъ, что вамъ предлагали деньги черезъ одного изъ агентовъ Консолидированной дороги, что вы, еслибъ захотѣли, могли бы вашимъ свидѣтельскимъ показаніемъ дать намъ возможность справиться съ безстыдными негодяями, которые пытаются запрятать обѣ Палаты въ свой карманъ. Сенаторъ, — продолжалъ онъ голосомъ, полнымъ мольбы, — я пришелъ къ вамъ сегодня за тѣмъ, чтобы сказать: если вы можете нанести вѣрный ударъ этимъ людямъ, вы должны сдѣлать это изъ любви къ Богу и къ правдѣ.

Уардъ, глубоко взволнованный, смотрѣлъ куда-то въ сторону и проговорилъ тихимъ, нетвердымъ голосомъ:

— Предать моихъ товарищей!

— Если вы не сдѣлаете этого, вы предадите вашъ народъ! — возразилъ молодой человѣкъ. — Этого требуетъ общественное благо. Общественная нравственность требуетъ этого. Если намъ не удастся разорвать эту сѣть лживыхъ отрицаній, мы ничего не докажемъ... А! еслибы мы могли за что-нибудь схватиться... еслибы могли мы заставить какого-нибудь члена Третьей Палаты сказать все...

— Отецъ, я понимаю! — воскликнула Эвелина, лицо которой освѣтилось энтузіазмомъ Тѣтя. — Если вы можете представить какое-нибудь доказательство, то сдѣлать это есть ваша обязанность передъ народомъ.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— Нѣтъ ни одной газеты въ Соединенныхъ Штатахъ, которая не говорила бы про инерцію нашего великаго государства, задавленнаго этою компаніей монополистовъ. Ее надо уничтожить. Меня въ ужасъ приводитъ мысль, что не удастся внести свѣтъ въ это дѣло, — настолько зло глубоко укоренилось. Еслибы могъ быть доказанъ одинъ фактъ подкупа, совершенный Консолидированнымъ обществомъ, вся ихъ громадная махинація рухнула бы сразу. Сенаторъ, — говорилъ онъ, протягивая руки какъ бы въ послѣдней мольбѣ, — въ вашемъ показаніи передъ коммиссіей мнѣ почудилось какъ будто что-то недосказанное. Если я завтра потребую вторичнаго вызова васъ, скажете ли вы все, что вы знаете?

— Несомнѣнно, скажетъ все, — сказала Эвелина, положивши руку на плечо отца.

Прошла минута тяжелаго молчанія.

— Предположите, что мнѣ пришлось бы пожертвовать очень близкимъ другомъ, — тихо проговорилъ Уардъ.

— И сдѣлайте это, отецъ, прошу васъ, сдѣлайте. Другого средства нѣтъ.

— Предположите, что этимъ будутъ отняты послѣднія средства существованія у его жены и у дѣтей.

— Вопросъ въ томъ, что справедливо, а не въ томъ, что выгодно,—возразилъ Тётль съ неумолимою логикой моралиста.

Когда Уардъ заговорилъ снова, его голосъ сталъ громче и заиѣтно дрожалъ:

— Предположите, что этимъ будетъ разбита репутація чело-вѣка, состарившагося на службѣ государству.

— Правда никогда не вредна такому лицемѣру,—воскликнула Эвелина,—она ему на пользу послужитъ! Отецъ, стойте за правду. Я бы это сдѣлала, еслибъ была на вашемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ такой дорогой жертвы, принести которую не стоило бы въ данномъ случаѣ, сенаторъ. Подумайте только, какое вліяніе это окажетъ на законодательство въ будущемъ!

Вновь наступило молчаніе.

— Хорошо. Вы возлагаете на меня страшно-тяжелое дѣло. Болѣе тяжелаго я никогда не видалъ... Можете меня вызывать, я покажу всю правду.

Онъ опустилъ голову и захватилъ ее руками.

— Опять я вижу моего добраго отца, моего честнаго пуританина!—сказала Эвелина, лаская рукой его шею.

Уардъ поднялъ голову. Его глаза были неподвижны, говорилъ онъ медленно, обрывающимся голосомъ.

— Вы сами не знаете, чего требуете отъ меня, Эвелина. Такъ я поваю вамъ это въ новомъ освѣщеніи. Существуетъ монополія, болѣе сильная, чѣмъ вы себѣ представить можете, и протягиваетъ свои безчисленныя лапы, точно спрутъ, захватывая и людей, и ихъ карманы. Повсюду во главѣ ея стоятъ люди безъ совѣсти и, не глядя ни на что, дѣйствуютъ подкупами. Ихъ злую, развращающую силу уничтожить нельзя, не пожертвовавши чело-вѣкомъ, у котораго есть жена, дѣти и друзья, любящіе его, вѣрящіе ему. Если я заговорю, то погублю многихъ, сенаторы будутъ преданы суду...

— И заговорите, отецъ, вы должны говорить! Сила, которую вы описали, приводитъ меня въ ужасъ. Если вы можете разбить стѣну, за которою укрываются эти грабители, разбивайте ее, не задумываясь надъ тѣмъ, насколько можетъ пострадать отдѣльная личность.

— Предположите, что личность эта—я.

— Что вы хотите сказать? Не вы это... не можете вы...

— Боже мой, сенаторъ! Не хотите же вы сказать, что на самомъ дѣлѣ получили...

Уардъ посмотрѣлъ на нихъ обоихъ, поднявши блѣдное, скорбное лицо.

— Я не болѣе, какъ старый человѣкъ, обезчещенный, погибшій. Помогите же мнѣ исполнить мой долгъ.

И изъ его груди вырвался глухой стонъ, похожій на рыданіе. Эвелина обвила руками шею отца съ такою заботой, съ какою птица прячетъ подъ крыло своего птенца. Во взглядѣ дѣвушки было выраженіе горькаго укора, въ ея движеніи была нѣжная жалость.

Тѣтъль всталъ и стремительно вышелъ изъ комнаты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.

Первыя двѣ главы «записокъ» А. А. Стаховича были напечатаны въ журналѣ *Русская Старина* (апрѣль и май 1896 г.) подъ заглавіемъ *Клочки воспоминаній*. Подъ тѣмъ же заглавіемъ, вполне подходящимъ къ характеру повѣствованій почтеннаго автора, мы продолжаемъ начатое въ *Русской Старинѣ* произведеніе г. Стаховича, страстнаго любителя театра, искренняго цѣнителя артистовъ и большого знатока сцены. Въ первой главѣ своихъ воспоминаній авторъ говоритъ: «Въ Москвѣ въ 1836 году, пятилѣтнимъ мальчикомъ, меня повезли смотрѣть драму Букольника *Рука Всевышняго отечество спасла*». Въ памяти ребенка, конечно, очень немногое сохранилось отъ этого дебюта его въ качествѣ будущаго увлеченнаго театрала. Но съ тѣхъ поръ минуло шестьдесятъ лѣтъ, и передъ авторомъ прошли многіе блестящіе годы русской сцены съ такими великими артистами, каковы были Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій, С. Васильевъ, Мартыновъ, Шумскій, Самойловъ, его сестра Вѣра Васильевна Самойлова и мн. др. Почти всѣхъ ихъ много разъ и въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ видалъ А. А. Стаховичъ, живо вспоминаетъ и мастерски разбираетъ ихъ игру; многихъ изъ нихъ онъ зналъ лично, съ нѣкоторыми былъ въ добрыхъ и дружескихъ отношеніяхъ, и вотъ эти-то *Клочки воспоминаній*, оживленные видѣнными авторомъ сценами, слышанными имъ разсказами, достовѣрными и анекдотическими, представляютъ не меньшій,—если только не большій интересъ,—чѣмъ передаваемые имъ подробности игры нашихъ славныхъ артистовъ.

Мы не перепечатаваемъ первыя двѣ главы воспоминаній, но не лишнимъ находимъ познакомить читателей съ ихъ содержаніемъ въ короткомъ пересказѣ. А. А. Стаховичъ, девятилѣтнимъ ребенкомъ, видѣлъ всего одинъ разъ въ жизни Мочалова въ драмѣ Полевого *Купецъ Изюжикъ*, и вспоминаетъ о великомъ трагикѣ по разсказамъ С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, П. М. Садовскаго и своего старшаго брата М. А. Стаховича. Какъ ни интересны эти,—такъ сказать, отраженные,—воспоминанія, они не прибавляютъ почти ничего новаго къ характеристикѣ Мочалова, какъ артиста и человѣка. Но для характеристики времени и нравовъ, преимущественно те-

атрального міра, они даютъ не мало любопытнаго, нынѣ почти забытаго, огромному большинству людей, еще не старыхъ, совсѣмъ неизвѣстнаго.

Во второй главѣ воспоминаній рассказы о театрѣ и артистахъ отступаютъ на второй планъ, первый планъ занимаютъ такіе выдающіеся люди, какъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и Николай Филипповичъ Павловъ, а затѣмъ нѣкоторыя черты помѣщичьяго житія стародавнихъ «крѣпостныхъ» временъ. Необыкновенно живо передано посѣщеніе архіереемъ матушки Хомякова въ ея деревнѣ и негодованіе уважаемой помѣщицы на сына, который совсѣмъ «отбилъ» у нея пресвященнаго, завладѣвши его вниманіемъ въ бесѣдахъ—сначала объ обрядахъ у западныхъ славянъ, потомъ о хозяйствѣ и, наконецъ, объ охотѣ съ борзыми!... Хозяйка дома «ушамъ своимъ не вѣрить... А архіерей заслушался». На прощаніе владыка «расцѣловался съ Алексѣемъ Степановичемъ, на крыльцѣ опять его облобызалъ и, очень довольный, уѣхалъ». Вечеромъ мамаша задала сыну головоломку «и нотація читалась до самаго ужина». Тутъ въ имѣющемся у насъ печатномъ оттискѣ воспоминаній рукою автора сдѣлана слѣдующая приписка: «Бывали и такія сцены, когда Алексѣй Степановичъ жилъ въ Москвѣ. У него гости, до спальни его матери доходитъ глухой говоръ оживленныхъ споровъ. Громче другихъ слышится крикливый голосъ Кошелева. Старушка начинаетъ сердиться, уже два раза ошиблась въ пасьянсѣ.—Марья Андреевна,—говоритъ она приживальцѣ,—ступайте въ кабинетъ и скажите Алешѣ, что онъ дуракъ.—Приживалка уходитъ. Хомякова перестаетъ раскладывать пасьянсъ и прислушивается. Черезъ минуту говоръ въ кабинетѣ умолкаетъ. Посланица возвращается.—Сказали?—Сказала-съ.—Гости всѣ слышали?—Слышали-съ.—И крикунъ Кошелевъ слышалъ?—Какъ-же-съ.—Ну, садись...—и пасьянсъ начинался снова».

Въ 50-хъ годахъ А. А. Стаховичъ бывалъ у Хомякова и проводилъ съ нимъ вечера у Елагиныхъ. Зашла какъ-то рѣчь объ арестѣ Бакунина въ Саксоніи и о препровожденіи его въ Россію. «Кто-то рассказывалъ при Хомяковѣ, что изъ Лейпцига до Вѣны и оттуда до нашей границы Бакунина конвоировалъ чуть ли не цѣлый эскадронъ, а на границѣ его приняли и благополучно доставили въ Петербургъ всего два жандарма.—Я вамъ больше скажу,—серьезно замѣтилъ Хомяковъ,—когда Бакунина заперли въ казематъ, его даже оставили одного».

П. А. Васильчиковъ передавалъ автору, что въ апрѣлѣ 1854 года онъ, ужиная у А. И. Кошелева *), сидѣлъ рядомъ съ Хомяковымъ. Было много гостей. Н. Ф. Павловъ нѣсколько разъ обращался къ Алексѣю Степановичу, говоря, что грома войны воодушевляли поэтовъ и писателей, что стихи и статьи на современные событія наполняютъ всѣ журналы и что безполюствуетъ одинъ Хомяковъ... «Алексѣй Степановичъ все молчалъ, но вдругъ глаза его блеснули, онъ всталъ, и раздались восторженные строфы:

„Тебя призывалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,

*) Въ одинъ изъ его *отрывковъ*, еще памятныхъ москвичамъ.

Тебѣ дать силу роковую,
 Да сокрушишь ты волю злую
 Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
 За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
 Черезъ волны гнѣвнаго Дуная
 Туда, гдѣ, землю огибая,
 Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни, быть орудьемъ Бога
 Земнымъ созданьямъ тяжело:
 Своихъ рабовъ Онъ судить строго,—
 А на тебѣ—увы!—какъ много,
 Грѣховъ ужасныхъ налегло.

Черна въ судахъ неправдой черной,
 Ты игомъ рабства клеймена,
 Порочной лести, жи глетворной
 И гнѣи мертвой и позорной,
 И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
 Ты избрана! Скорѣй омой
 Себя водою покаянья,
 Да громъ двойного наказанья
 Не гранетъ надъ твоей главой!

Съ душой когѣвнпреклоненной,
 Съ главой, лежащею въ пыли,
 Молись молитвою смиренной
 И раны совѣсти растлѣнной
 Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ, вѣрна призыванью,
 И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчь,
 Борись за братьевъ крѣпкой дланью,
 Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
 Разя мечомъ,—то Божій мечъ!

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело это стихотвореніе тогда, въ 1854 году. Но это только отрывокъ изъ значительно большаго произведенія Хомякова, которое до сихъ поръ нигдѣ цѣлкомъ не напечатано и едва ли можетъ быть напечатано скоро, если даже оно уцѣлѣло въ спискахъ или въ памяти людей, восторгавшихся имъ сорокъ три года назадъ. Н. Ф. Павловъ говорилъ Хомякову:—«Неужели святая война не нашла отклика въ вашемъ славянскомъ сердцѣ? Когда же раздастся вашъ вѣщій голосъ?»—И вотъ Хомяковъ откликнулся, его голосъ раздался тогда на всю Россію, насколько мы знаемъ и помнимъ, и то былъ *стихій* голосъ:—«недостойная избранья» была тогда на самомъ дѣлѣ—

Черна въ судахъ неправдой черной
 И игомъ рабства клеймена...

и только много лѣтъ спустя, освобожденная отъ «ига рабства», отъ «неправды черной» въ закрытыхъ судахъ, отъ «гнѣи мертвой и позорной»,

«страна родная» оказалась достойною стать «орудьемъ Бога», достаточно емально держать «Божій стягъ», «сокрушить злую силу» и освободить своихъ братьевъ за Дунаемъ...

Это дѣла прошлыхъ, давно минувшихъ дней, но забывать ихъ не слѣдуетъ,—забывать нельзя ни того ужаснаго клейма, ни той «неправды черной», о которыхъ вдохновенно говорилъ Хомяковъ. Объ этихъ временахъ напоминаетъ А. А. Стаховичъ въ той же второй главѣ своихъ воспоминаній, передавая рассказъ М. С. Щепкина объ одномъ курскомъ помѣщикѣ «начала нынѣшняго столѣтія»,—о помѣщикѣ, «въ своемъ родѣ не послѣднемъ», впрочемъ, ибо пишущій эти строки могъ бы, съ своей стороны, рассказать кое-что подобное не изъ начала столѣтія, а изъ годовъ, близко предшествовавшихъ чудному времени великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ.

У А. А. Стаховича зашла рѣчь съ М. С. Щепкинымъ о томъ, насколько правдоподобно, что такой «проныра и бывалый человекъ», какъ городничій Сквозникъ - Духановскій, принялъ Хлестакова «не только за ревизора, но и за особу». И вотъ въ доказательство справедливости пословицы, что «у страха глаза велики», Щепкинъ рассказалъ, какъ одинъ очень богатый курскій помѣщикъ принялъ какого - то Хлестакова за важнаго чиновника, присланнаго изъ Петербурга для разслѣдованія о поступкахъ этого крупнаго барина. И въ просакъ - то попалъ не одинъ курскій помѣщикъ, но, съ нимъ вмѣстѣ, и откупщикъ, и вдвоемъ они вручили «ревизору», предшественнику Хлестакова, двадцать тысячъ рублей. Хлестаковъ уѣхалъ, его и слѣдъ простылъ, а вскорѣ пріѣхалъ «настоящій»... А баринъ былъ, несомнѣнно, «большой». Кромѣ курскихъ имѣній, у него было еще имѣніе въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ всѣмъ управлялъ безграмотный бурмистръ, получавшій иногда отъ барина короткіе, но очень оригинальные приказы, вродѣ слѣдующаго:—Трофимъ! Съ полученіемъ сего, отправляйся въ Петербургъ и смѣни губернатора. Надоѣлъ.—Трофимъ собиралъ оброки, ѣхалъ съ ними въ Петербургъ... и губернатора смѣняли» Вотъ этотъ-то Трофимъ и донесъ своевременно барину, «что довѣренное лицо министра ѣдетъ *инкогнито* въ Курскъ производить тайныя дознанія о смерти архитектора (вѣрнѣе всего, утопившагося отъ жестокостей барина), о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, употребляемыхъ для каторжныхъ работъ, о дворовой дѣвкѣ (барской любовницѣ), засѣченной розгами, объ отпѣваніи борзой собаки, о травлѣ людей медвѣдями, о закупаніи до смерти въ колодезѣ пьянаго засѣдателя, о дѣлѣ, десять лѣтъ находящемся въ уѣздномъ судѣ, объ осадѣ усадьбы помѣщика секундъ-майора такого-то, причѣмъ стрѣляли изъ пушекъ, хотя и холостыми зарядами, но отъ выстрѣловъ было сожжено гумно, а въ домѣ побиты всѣ стекла, секундъ-майору сломали руку, силою похитили жену его, и гдѣ она нынѣ находится—незавѣстно, и прочее, и прочее, и прочее.

Пріѣхалъ «настоящій» слѣдователь, и «выплыла такая уголовщина, что запахло каторгой не для одного помѣщика, но и для всѣхъ, дрожавшихъ

передъ нимъ и потворствовавшихъ ему блюстителей закона»... «Настоящій» слѣдователь «велъ себя героемъ, не останавливали его ни подметныя письма, ни покушенія на его жизнь»... Но «предложенная мзда была неслыханная—сто тысячъ!... Герой «соблазнился, передѣлалъ все слѣдствие, поѣхалъ въ Петербургъ и не доѣхалъ... застрѣлился въ Москвѣ. Совѣсть заговорила»... Черезъ годъ, неожиданно для всѣхъ, явился новый слѣдователь. «Но тутъ уже дворянство цѣлаго уѣзда и всѣ власти подъ присягой показали, что никогда ничего подобнаго не было; раздались громкія жалобы о томъ, что всѣ эти вымыслы оскорбительны не только для несчастнаго, оклеветаннаго дворянина, но они позорятъ дворянство цѣлой губерніи, возстановляютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, грозятъ бунтами и порождаютъ зловерные толки»... Въ концѣ концовъ это дѣло было предано забвенію.—«Однѣмъ графъ Фолкенштейнъ,—добавилъ Щепкинъ,—мой бывшій баринъ, не присягнулъ и не возмущался»...—Читатели знаютъ, конечно, что М. С. Щепкинъ былъ крѣпостнымъ гр. Фолкенштейна, что крѣпостными были Тар. Гр. Шевченко, знаменитый художникъ Тропининъ, академикъ Никитенко... Были крѣпостные оркестры (у Ліона, у Горяинова), крѣпостные хоры пѣвцовъ (у кн. Ю. Н. Голицына), были крѣпостные актеры, живописцы, лѣкаря, архитекторы, управляющіе, землемѣры... цѣлыя гаремы, «одалиски которыхъ назывались просто *канарейками*»... И все это было въ 1861 году, всего 36 лѣтъ назадъ! И то ли еще было?... Какъ же, вмѣстѣ съ А. А. Стаховичемъ не сказать: «вѣчная память» императору Александру II, Освободителю?... Только рука такого Царя можетъ

„Держать стягъ Божій крѣпкой дланью“!...

Приступая теперь къ печатанію продолженія воспоминаній А. А. Стаховича, мы еще разъ повторяемъ ихъ заглавіе: *Ключи воспоминаній*—и предупреждаемъ читателя, что ничего послѣдовательнаго въ нихъ нѣтъ, но за то—въ нихъ все правдиво, искренно, проникнуто горячею любовью къ людямъ и къ тому, что даетъ людямъ высшее наслажденіе,—къ искусству. Анекдотическая, такъ сказать, но опять-таки вѣрная дѣйствительность, сторона этихъ воспоминаній даетъ живыя и яркія картины нашего прошлаго, показывающія намъ, чѣмъ мы были, чѣмъ мы стали, и чѣмъ мы быть должны, куда должны сами идти и направлять за нами слѣдующее поколѣніе.

Любовался я Щепкинымъ въ «Игрокахъ». Когда онъ сыгралъ С. И. Утѣшительнаго, я понялъ, что къ Степану Ивановичу, по пословицѣ: «по Сенькѣ—шапка», пришла въ эта фамилія: ужъ дѣйствительно *утѣшилъ* онъ (въ игрѣ Щепкина) и Ихарева, и публику. Съ перваго его выхода было видно, что Утѣшительный—душа общества, гдѣ бы онъ ни появлялся, откровенно и горячо онъ заявлялъ, что безъ общества жить не можетъ, что человекъ при-

надлежитъ обществу. На замѣчаніе Кругеля: — «Принадлежитъ, но не весь». — Щепкинъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и зарапоровался.

— Нѣтъ, я докажу! Это обязанность... это, это долгъ! Это... это... это...

Взглянувъ на Ихарева, Утѣшительный прочелъ на его лицѣ, что *тотъ* думаетъ о подобной горячности, и сразу Щепкинъ переѣхалъ тактику и тонъ, сталъ спокоенъ, степененъ: и въ откровенномъ объясненіи съ Ихаревымъ, что «рыбакъ рыбака изда-лека видитъ» (какъ ловко провелъ Щепкинъ всю щекотливость этого объясненія); и въ полныхъ жизни и правды разсказахъ о всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ пустилъ *въ обращеніе* карты собственнаго приготовленія; о триумфѣ, когда удалось пустить въ ходъ голоды даже у Аркадія Антоновича Дергунова, который «*за вѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитанные—камергеры... Словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова*».

Какимъ дѣловымъ тономъ знатока говорилъ Щепкинъ, разсматривая *Аделаиду Ивановну* (голоду бартъ), отъ трудовъ созданія которой едва не лишился зрѣнія Ихаревъ, и, восхваляя ея достоинства, сообщилъ, что теперь подобная египетская работа очень упрощена: теперь стараются изучить блочъ рисунка обратной стороны и т. д.

Какое убѣжденіе звучало въ голосѣ Щепкина, когда онъ воскликнулъ:

— Эти люди не понимаютъ игры! Въ игрѣ нѣтъ лицепрятій! Игра не смотритъ ни на что!

И какъ просто сказалъ онъ выводъ изъ этого всликаго правила:

— Пусть отецъ сядетъ со мной въ карты—я обыграю и отца: не садись.

Какъ сдѣланъ былъ вопросъ Швохневу:

— Что? У тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

И когда ничего не подозревающій Швохневъ отвѣчаетъ: — «Есть, да...» (*останавливается*)—Щепкинъ такъ сказалъ: —Знаю я, на кого ты мѣтишь, — что, разгоряченный волчьимъ голодомъ пожрать сворѣе жертву, Ихаревъ спросилъ (*съ живостью*):—А на кого? На кого? Кто это?

И было видно, что съ этой минуты Ихаревъ не минуетъ капкана и попадетъ въ него навѣрное.

Какъ тонко, осторожно ухаживалъ Щепкинъ за Гловымъ отцомъ, зная, что старики подозрительны. Въ сценахъ съ молодымъ Гловымъ была видна даже своего рода торжественность, съ которою

посвящалъ старый кавалеристъ будущаго юнкера во всё прелести гусарской жизни, какъ сочувствовалъ Утѣшительный, въ исполненіи Щепкина, и гусарскому товариществу, при согласіи Глова помочь, еслибы Степанъ Ивановичъ вздумалъ увезти его сестру. Какъ было сказано Щепкинымъ благословеніе Глову быть:

«Первымъ рубакой, первымъ волокитой, первымъ пьяницей, первымъ... словомъ, пусть его будетъ что хочетъ!»

Хоръ.—Пусть его будетъ что хочетъ! (*Пьютъ.*)

А картина самаго боя? Нужно было такъ естественно завлечь, подпойть и обыграть Глова, положимъ, пижона, но вѣдь при Ихаревѣ, чтобъ и онъ, и вся публика убѣдилась, что это не комедія, а жизненная правда, *подвигъ!*

Какъ передавалъ Щепкинъ реплики, фразы Утѣшительнаго во время метки немногихъ талій, пока длилась игра; какое выразилъ сочувствіе къ выигрышу гусара, когда онъ, наконецъ, весь свой выигрышъ загнулъ на пароле-пе; и воспоминаніе о брюнеткѣ Швохнева, которую тотъ называлъ пиковою дамой:

— Гдѣ-то она теперь, сердечная! Чай, пустилась во всё тяжкія...

И послѣ этого грустнаго воспоминанія карты всѣхъ убиты... гусаръ тоже лопнулъ.

Надобно было видѣть Щепкина, чтобы понять, какъ блистательно выигралъ онъ это сраженіе и какъ руководилъ впоследствии всѣми атаками на Ихарева. Ну, Наполеонъ, да и только!

Просто, естественно онъ высказалъ *внезапно* осѣнившую его мысль, для которой такъ тонко, такъ ловко была разыграна вся эта комедія, съ распределеніемъ, какъ *въ политической экономіи работъ*, между Гловымъ отцомъ и сыномъ и Замухрышкинымъ.

— Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ слѣзнуть пока еще незачѣмъ. Деньги у тебя восемьдесятъ тысячъ... Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова.

Ни одинъ мускулъ въ лицѣ Щепкина не измѣнилъ ему, не дрогнула ни рука, ни голосъ, когда хладнокровно, мѣрнымъ обычнымъ тономъ, принявъ отъ Ихарева деньги и отдавая ихъ Бругелю, Утѣшительный сказалъ:

— Бругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки.

Еслибъ хоть малѣйшее движеніе радости, нотка волненія въ голосъ (какъ играютъ въ этой сценѣ Утѣшительнаго другіе актеры) выдали бы его въ эту минуту, Ихаревъ, какъ волчица, у которой

отымають дѣтей, кинулся бы душить его, перегрызъ бы ему горло... и живой не отдалъ бы своихъ восемьдесятъ тысячъ!

Тутъ-то и былъ (при тонкой, чудной игрѣ Щепкина), какъ говорить потомъ самъ Ихаревъ:

— Но только какой дьявольскій обманъ!...

Дѣло ведено такъ ловко, что въ эту рѣшительную минуту и травленный волкъ Ихаревъ не почувалъ обмана; Щепкинъ въ этой сценѣ роли Утѣшительнаго былъ великъ, какъ Наполеонъ, уже третій... Седанскій герой лучше, храднокровиѣе не провелъ бы этой сцены... а на что былъ мастеръ!

Какая гениальная комедія «Игроки»! По своему спеціальному сюжету она не достаточно еще оцѣнена. Не говоря уже о блестящихъ типахъ Утѣшительнаго, Замухрышкина, Гловыхъ, — одинъ Ихаревъ чего стоить!

Не пришлось мнѣ ни разу его видѣть на сценѣ хоть бы только прилично переданнымъ. Вотъ кого долженъ былъ играть Мартыновъ.

Гоголь подчеркнулъ въ этой комедіи общую способность русскихъ людей вообще передразнивать. Покажите только русскому человѣку нѣмецкую штуку, онъ сейчасъ сдѣлаетъ такую же и даже лучше, чѣмъ изобрѣтатель. Подражательность — первая степень актерской способности, которая такъ развита во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Вторую степень у даровитыхъ людей является способность создавать типъ; развивая эту способность образованіемъ, трудомъ, вырабатывается актерскій талантъ. Какими лицами оказались въ «Игрокахъ» и Иванъ Елимычъ Бриницынъ, *изъ ихъ же компаніи* (какъ характерно выразился Гловъ сынъ), такъ прекрасно сыгравшій старика Глова; каковъ режиссеръ и актеръ бывший кавалеристъ Степанъ Ивановичъ Утѣшительный, а отставной пѣхотный штабсъ-капитанъ Фролъ Семеновичъ Мурзафейкинъ, такъ гениально изобразившій чиновника изъ приказа Псоа Стахича Замухрышкина, что Ихаревъ послѣ появленія сего доблестнаго служителя приказа общественнаго призрѣнія окончательно рѣшился отдать свои восемьдесятъ тысячъ за векселя Глова!

«Игрокami» хотѣлъ доказать Гоголь, сколько есть первоклассныхъ актерскихъ способностей во всѣхъ слояхъ русскаго общества, между людьми не только не помышляющими о сценѣ, но даже и не бывающими никогда въ театрѣ. Я самъ въ мою долгую жизнь встрѣчалъ и важнаго тайнаго совѣтника, и семинариста-письмоводителя становаго пристава, и серьезнаго массона, и развеселыхъ офицеровъ... Всѣ эти люди не оцѣняли своихъ рассказовъ, своей

мимики и не сознавали, что выказывали въ нихъ такое дарованіе, которому могли бы позавидовать многіе присяжные артисты.

Чего стоить, что за чудо застольныя импровизаціи И. Ѳ. Горбунова, *изъ ихъ же компаніи*, т. е. изъ кружка Молодого Москвитянина пятидесятихъ годовъ. Не говорю уже о разсказахъ и сценахъ Ивана Ѳедоровича, которымъ въ Парижѣ завидовалъ Левасеръ и которые, кромѣ того, что полны жизни и правды въ художественномъ исполненіи автора, имѣютъ еще и литературное значеніе *).

А не кончившій курса московскій студентъ, потомъ капитанъ волжскаго пароходства *изъ ихъ же компаніи*, того же кружка Молодого Москвитянина, знаменитый мимъ и разсказчикъ, подъ конецъ жизни извѣстный провинціальный актеръ И. В. Болюбакинъ, такъ рано погибшій для русскаго драматическаго искусства **). А

*) Не могу не записать анекдота о звукоподражательности Горбунова. Въ пятидесятихъ годахъ у моихъ дѣтей была гувернантка, такая важная и чопорная англичанка, что въ ея глазахъ сама королева Викторія, какъ она выражалась, была une petite princesse d'Allemagne. Разъ эта достопочтенная миссъ разсуждала о томъ, какъ рѣдко встрѣчала она у русскаго чистый англійскій выговоръ. „Вотъ надняхъ у васъ былъ,—говорила она,—одинъ господинъ, который произноситъ какъ настоящій англичанинъ“.

Мы никакъ не могли догадаться, о комъ она говорила. „Тотъ самый господинъ,—показала гувернантка,—который весь вечеръ разсказывалъ и всё много смѣялся“.

Оказался Иванъ Ѳедоровичъ, который за чаемъ въ присутствіи миссъ Юзъ вспомнилъ эпизодъ, бывшій съ А. Н. Островскимъ во время ихъ общаго пребыванія въ Лондонѣ.

Какъ-то вернулись они домой послѣ часа ночи и долго тщетно стучали у подъезда. Дверь не отворяли. Островскій былъ въ отчаяніи; неожиданно является полицменъ. Лишенные крова иностранцы обращаются къ нему за помощью.

— I do'nt un derstand (я не понимаю),—отвѣчаетъ блискитель порядка.

— Да объясните же ему, Иванъ Ѳедоровичъ, — горачится Островскій, нервно сжимая снизу вверхъ свою бороду, — что я человекъ больной, не могу же я простоять всю ночь подъ дождемъ на улицѣ.

— Да я не ужью,—отвѣчаетъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— У васъ жена ѣдика, вы должны знать!

— Она полька.

— Это все равно.

— You live here (вы живете здѣсь),—наконецъ понялъ полицменъ.

— Что онъ говорить? — переспрашиваетъ Островскій и энергическимъ жестомъ показываетъ, что нужно отворить дверь.

— The porter will not open (привратникъ не отпереть), — хладнокровно отвѣчаетъ полицменъ и предлагаетъ перемочевать въ участіе.

Произношеніе этихъ немногихъ англійскихъ словъ такъ вѣрно схватилъ и передалъ въ простомъ разговорѣ Горбуновъ, не зная вовсе англійскаго языка, что курстка англичанка нашла, что Иванъ Ѳедоровичъ говоритъ по-англійски какъ истый англичанинъ.

**) Давно прошедшею радостною молодостью повѣяло на меня отъ прекрасныхъ воспоминаній г. Максимова объ А. Н. Островскомъ. Какъ живые востали предо

Юпитеръ громовержець *изъ ихъ же компаніи*, офицеръ Мальцевъ, изображавшій изъ своего лица блескъ молніи, пронизавшей черныя тучи, постепенно затихавшую грозу, подражая голосомъ отдаленнымъ раскатамъ грома... пока не проглядывало въ его медленно открывавшихся глазахъ и широкой улыбкѣ, озарявшей лицо, блестящее и преглутое солнце!

Послѣ блестящей, художественной игры Щепкина въ роли Утѣшительнаго, руководителя всей компаніи, Наполеона побѣдителя, явился на одно только явленіе, даже и не Маршалъ, а одна изъ дружинъ этой махинаціи, чиновникъ изъ приказа Замухрышкинъ — Садовскій, и поблекло (не передъ игрой Садовскаго, ея и не было, а былъ живой Замухрышкинъ) даже исполненіе Щепкинымъ Утѣшительнаго.

Тутъ я въ первый разъ въ жизни увидалъ... и *понялъ*, что такое былъ Садовскій!

Съ дѣтства страстно любя сцену, я сотни разъ читалъ и перечитывалъ Гоголя, обдумывалъ разныя роли и, болѣе или менѣе, сознавалъ, какъ можно или должно понимать и играть ихъ. Но чтобы возможно было *такъ* исполнить Замухрышкина, какъ исполнилъ Садовскій, схватить и перенести на подмостки чуть ли не нѣсколькими словами, движеніями, мимикой *вполнѣ* живое лицо, знакомое и мнѣ изъ провинціального чиновничьяго мірка, воплотить его характеръ, его самого цѣликомъ въ короткомъ явленіи и фигурой, и голосомъ, каждымъ жестомъ, — однимъ словомъ, чтобы такъ

ной и самъ великій писатель, и Агаѣя Ивановна, Григорьевъ, Эдельсовъ, Алмазовъ, Садовскій, Дютъ, Баклевскій (товарищъ по университету моего брата), Горбуновъ, Колубакинъ, милѣйшіе Алексѣй и Сергій Семеновичи Кошеверовы, ихъ задушевное гостепримство и дома, и вездѣ, гдѣ бывалъ ихъ племянникъ „Проша“ (П. М. Садовскій) и его друзья. Вспомнились мнѣ всѣ неистощимыя ласкательныя и поощрительныя поговорки Сергѣя Семеновича для каждой предлагаемой имъ рюмки вина или водки и финальная фраза „*Не задерживайте-съ!*“, чтобы кончили одну серію выписки или задушевный гость и переходили бы къ слѣдующимъ. Эту обычную фразу Кошеверова (отчасти и его самого) помѣстилъ Ал. Ник. въ лицѣ купца, въ комедіи „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

Садовскій подарилъ В. Н. Алмазову свою литографію въ роли Любима Торцова, съ надписью: „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Островскій озаглавилъ этой поговоркой новую свою комедію (въ которой тоже игралъ Садовскій), и этикъ невольно измѣнилъ дорогой для Бориса Ник. смыслъ надписи, сдѣлавъ имъ Садовскимъ. Можно было предположить, что надпись относилась не къ старому другу (Алмазову), а обозначала роль Садовскаго въ пьесѣ этого имени. Часто при трапезахъ, послѣ многочисленныхъ возгласовъ Сергѣя Кошеверова „не задерживайте-съ“, Алмазовъ (не любившій задерживать) при этой фразѣ вспоминалъ названіе не ой пьесы, измѣнившей смыслъ надписи на портретѣ Садовскаго, и горько на это изъ юзался.

можно было сыграть Замухрышкина, какъ его сыгралъ Садовскій, я не только не ожидалъ, но мнѣ и въ голову не могло прійти, что я когда-нибудь увижу что-либо подобное на сценѣ!

Вотъ приблизительно то первое впечатлѣніе, которое произвела на меня игра Садовскаго въ 1849 году, а передъ тѣмъ, какъ я увидѣлъ его въ первый разъ, я уже видѣлъ и Мартынова въ Подколесинѣ, и Щепкина въ Городничемъ, Кочгаревъ, Утѣшительномъ, въ Фамусовѣ и другихъ лучшихъ роляхъ Михаила Семеновича, и все-таки вынесъ это впечатлѣніе объ игрѣ Садовскаго, которое и осталось у меня на всю жизнь. Ни одного первокласснаго актера, котораго я видѣлъ въ роляхъ Садовскаго (за весьма немногими исключеніями, въ иныхъ только сценахъ, а не въ исполненіи всей роли), я не могу сравнить съ нимъ; у другихъ актеровъ была превосходная, мѣстами гениальная игра, *исполненіе*, полное правды, жизни, а Садовскій на сценѣ не игралъ, а жилъ.

Съ 1849 года, когда я въ первый разъ видѣлъ Садовскаго въ «Игровахъ», до семидесятыхъ годовъ, когда я въ послѣдній разъ любовался имъ въ «Горячемъ сердцѣ», комедіи Островскаго, прошло около двадцати пяти лѣтъ. Сколько въ этотъ періодъ времени доставилъ мнѣ великій артистъ невыразимаго наслажденія въ безсмертныхъ типахъ Гоголя, въ пьесахъ Островскаго, въ комедіяхъ Бальдерона и даже въ пустыхъ французскихъ водевиляхъ. Много утѣкло съ того времени лѣтъ, много воспоминаній совершенно изгладилось изъ моей памяти, а Садовскій какъ живой стоитъ предо мною!... Вотъ выглядываетъ изъ дверей голова Замухрышкина; слышу его говорящаго такимъ тономъ: «Да я чиновникъ изъ приказа...» — точно всѣ должны были это знать заранѣе, или написано оно у него на лбу.

Какъ спокойно, съ какимъ сознаньемъ, что безъ него и его братіи не выдадутъ денегъ изъ приказа, на слова Утѣшительнаго, чтобъ онъ не забылъ о *благодарности*, отвѣчалъ Садовскій:

— Все это пріемлется, какъ это позабыть?

На шутовскій тонъ вопроса: — Ну, какъ васъ зовутъ? Какъ? Фентафлей Перепентьячъ, что ли? — послѣ небольшой паузы, серьезно отвѣтилъ онъ: — Псой Стахичъ-съ.

Тонкомъ выговоренныхъ со вздохомъ словъ: — Да что служба? Извѣстное дѣло — *служимъ*, — обрисовалъ Садовскій и быть, и всѣ нравственныя доблести всѣхъ жрецовъ Феиды и блюстителей общественнаго призрѣнія.

Утѣшительный продолжаетъ:

— Ну что, какъ въ приказѣ у васъ, скажите откровенно:— всѣ хапуги?

Добродушный Псой Стахичъ привыкъ, чтобъ веселые господа подтрунивали надъ нимъ, но, сознавая, что онъ имъ теперь нуженъ, Замухрышкинъ-Садовскій, съ чувствомъ собственного достоинства, отпарировалъ обычныя шутки о взяткахъ, разсужденъемъ: что кто и повыше тоже ими не брезгаютъ, только подъ другими названьями.

Какъ передалъ Садовскій: — Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего, я ужъ, батюшка, промлъгъ свое.

И дѣйствительно, глядя на исполненіе Садовскаго, видно было, что Псой Стахичъ прожилъ «свое». Видалъ онъ виды, прошелъ не рошца и тернистый путь жизни чиновника, не возгордится и въ счастья, и заслуженно успокоится подъ старость въ свитомъ долготѣйшей службой теплою гнѣздышкѣ, на лонѣ семейства, подготавливая въ дѣтяхъ такихъ же доблестныхъ и безкоростныхъ отечественныхъ дѣятелей, какъ онъ самъ! Замухрышкинъ прототипъ Юсова (въ комедіи А. Н. Островскаго «Доходное мѣсто») и такъ же, какъ и гоголевскій городничій *«въ стѣнѣ твердъ, и каждое воскресенье бываетъ у обѣдни!»*

Но вотъ подаетъ Утѣшительный Псою Стахичу бокалъ шампанскаго.

Садовскій всталъ, польщенный аттенціей (да и вообще Замухрышкинъ не прочь выпить) и залпомъ выпилъ бокалъ.

Но утроба Псою Стахича не принимаетъ заморскія вина, ей болѣе милъ національный «очищенный» напитокъ. Замоталъ головой Садовскій, махнулъ рукой, съ гримасой проглотилъ вино и, послѣ паузы, упираясь руками на колѣна, началъ онъ повѣствованіе, какъ онъ угостить дорогихъ гостей чаемъ, такого: «у губернатора не сыщите, прямо изъ Бяхты», и какъ получилъ онъ его: «купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться... заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ—взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ?»—разсказываетъ, что купецъ въ половинѣ устроилъ фабрику съ помѣщикомъ Фракасовымъ, заложившимъ для этого предпріятія имѣніе, за которое скорѣй нужно было получить изъ приказа деньги.

— Языка развѣ не могъ придержать?

И какъ ушелъ Садовскій, обнадеживъ новыхъ пріятелей многозначительнымъ:

— Да ужь *сказано*... будемъ стараться!

Да, была игра! Кончу словами изъ роли Расплюева, которая обязана своею славой болѣе исполненію ея Садовскимъ, чѣмъ даже автору.

Никогда не забуду перваго появленія Садовскаго въ «Свадьбѣ Бречинскаго».

Неподвижный стоялъ онъ у авансены, не сгибая избитыхъ рукъ; не будучи въ состояніи повернуть шеи онъ, какъ волкъ, обораживался всѣмъ корпусомъ. Вижу его измятую шляпу и лицо, со слѣдами жестокаго *боя*, слышу его глубокой вздохъ и первые слова монолога:

— Ахъ ты... жизнь!

При одномъ взглядѣ на фигуру вошедшаго неудачника понятенъ былъ зрителю отвѣтъ Садовскаго на вопросъ слуги: Бакова была игра?

— *Была игра*,—ну, ужь могу сказать: была игра!

Потомъ шло простодушное, полное тихой грусти, повѣствованіе о неудачно подмѣненной колодѣ:

— Ну, онъ и ударъ, и разъ и два,—соглашался Расплюевъ.— А это что-жъ такое? Вѣдь до безчувствія.

Какъ наивно удивлялся Садовскій, что даже не участвовавшій въ игрѣ, а только зритель инцидента господинъ Семипядовъ, тоже принялъ участіе въ расправѣ.

— Кулачище—во!

Садовскій при этомъ раставлялъ руки (показывая размѣръ кулака) чуть не на поларшина; было понятно, что когда въ лицо Расплюева направилъ свой кулакъ господинъ Семипядовъ, отъ ужаса онъ показался Расплюеву величиною съ пушечное ядро!

— Я, говорить, изъ него и дровъ и лучины нащеплю.—Ну, и нащепалъ...

Съ грустнымъ вздохомъ оканчивалъ рассказъ Садовскій.

Осталось у меня въ памяти игра двухъ великихъ артистовъ, Садовскаго и Мартынова, въ томъ мѣстѣ этой роли, когда по приказанію Бречинскаго, слуга не выпускаетъ изъ комнаты Расплюева, и онъ, въ ожиданіи появленія полиціи, проситъ слугу дать ему возможность бѣжать.

Мартыновъ, умоляя слугу, схватывалъ чемоданъ, чтобъ уложить свой бѣдный скарбъ, и послѣ слезныхъ просьбъ и напоминаній о несуществующихъ дѣтяхъ, безъ него долженствующихъ погибнуть, оттолкнутый отъ двери, падалъ Мартыновъ посреди сцены на чемоданъ (по пьесѣ: *Расплюевъ кидается въ отчаяніи*

на чемоданъ). Тутъ за сценой раздавался звонокъ. Съ воплемъ: «полиція!» — инстинктивно старался Мартыновъ спрятаться въ чемоданъ... какъ настигаемый врагами страусъ прячетъ въ песокъ пустыни свою голову!

Иначе велъ эту сцену Провъ Михайловичъ.

Послѣ всѣхъ жаркихъ моленій, чтобъ выпустилъ его Федоръ, послѣ чистосердечнаго признанія. «*Какой онъ дворянинъ? Пикотый король въ дворянѣ жаловалъ—вотъ и все*», — въ отчаяніи кидался Садовскій на слугу; но у героевъ вродѣ Бречинскаго камердинеръ (про всякой случай) обладаетъ всегда не малой силой, Расплюевъ опрокинуть на диванъ и, тяжело дыша, сидитъ на немъ. Раздается звонокъ. Садовскій только схватился руками за верхъ спинки дивана, проговорилъ упавшимъ голосомъ: «по-ли-ці-я» — и замеръ! Долго потомъ не могъ онъ прийти въ себя, когда вмѣсто ожидаемой законной кары — вошелъ Бречинскій. Какъ въ исполненіи Прова Михайловича преобразился Расплюевъ, получивъ деньги отъ Бречинскаго, экипировавшись и завившись для предстоящаго вечера; пообѣдавъ въ Троицкомъ трактирѣ, всхрапнувши часокъ, другой, явился онъ счастливый, возрожденный какъ фениксъ изъ пепла, отдавать патрону отчетъ въ возложенныхъ на него порученіяхъ.

Надобно было тоже видѣть, чтобы судить, какъ превосходно вели между собою сцену Щепкинъ (Муромскій) и Садовскій, которому Бречинскій у себя на вечеръ поручилъ занимать Муромскаго. Какъ хорошо было вступленіе. На вопросъ Муромскаго:

«— Въ военной службѣ изволи служить или въ статской?»

— Въ ста... въ стат... въ воен... въ статской... не зная какъ удобнѣе соврать, отвѣчалъ Садовскій; какъ на иголкахъ сидѣлъ онъ кушая чай, тоже опасаясь какъ бы не провратъ на разспросы: о хозяйствѣ, объ уѣздномъ предводителѣ, — съ которыми обращался къ нему Муромскій. Какъ неподражаемо хороши были во время всей бесѣды постоянныя обращенія Садовскаго къ Бречинскому; не могу забыть на разные лады, разными тонами повторяемые возгласы:

— «Михалъ Василичъ... Михалъ Василичъ!» — которыми, какъ утопающій хватающійся за соломинку, просилъ помощи Садовскій. Но вотъ разговоръ переходитъ на одно изъ (предполагаемыхъ) имѣній Бречинскаго, по которому ему сосѣдъ Расплюевъ, Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда. Муромскій замѣчаетъ, что Ардатовъ въ Нижегородской губерніи. Садовскій прыснулъ отъ притворнаго смѣха, поперхнулся, облился горячимъ чаемъ... и не зная, совралъ

ли онъ, или нѣтъ, въ опредѣленіи, гдѣ находится несуществующее имѣніе; съ добродушнымъ смѣхомъ (а у самого скребутъ на сердцѣ кошки) опять обращается къ Бречинскому:

— Михайль Василичъ!... Они говорятъ, что Ардатовскій уѣздъ въ Нижегородской губерніи.

И какъ успокоился Садовскій, и съ какою увѣренностью повторялъ разъясненіе Бречинскаго, что есть два Ардатова, одинъ Нижегородской, другой Симбирской губерніи.

Но вотъ и развязка. Явилась наконецъ и полиція. Надобно было видѣть, что дѣлалось съ Садовскимъ, видѣть его мимичеу; онъ обмеръ, ретировался за рѣзной трельяжъ, старался спрятаться хоть за его прозрачнымъ узоромъ, но полицейское око увидало его и спрашиваетъ его фамилію?

— У меня нѣтъ фамиліи,—бормочетъ Расплюевъ.

Полицейскій повторяетъ вопросъ.

— Что-жь мнѣ дѣлать, когда у меня нѣтъ фамиліи?—чуть не плача, въ свою очередь, вопрошаетъ Садовскій...

Да, была игра... могу сказать, была игра!

Другой такой не увидать.

Вотъ и послѣднее воспоминаніе о Садовскомъ, въ послѣдней роли, въ которой я его видѣлъ въ «Горячемъ сердцѣ».

Вижу убѣленного сѣдинами почтеннаго главу города... допился и доспался онъ до того, что ему все кажется, что небо валится!

«Такъ вотъ и валится, такъ вотъ и валится... вотъ и угадай поди, что теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ!»—разсуждаетъ съ просонѣмъ, появившійся на крыльцѣ своего дома, градскій голова, и нѣтъ никого, чтобы точно узнать о времени дня, и спать ли онъ, или бодрствуетъ? Во снѣ или на яву видѣлъ онъ изготовленные дрова и *мурину*, для мученія грѣшниковъ? Чувствовалъ запахъ смолы... а теперь слышатся звуки (игралъ на гитарѣ приказчикъ), или струнные, или трубные? И что:

— «... ежели вдругъ теперь свѣтопредставленіе? Ничего мудренаго нѣтъ!»

Каковъ типъ? И какъ гениально, безъ *малѣйшаго фарса*, передавалъ его Провъ Михайловичъ, выражая весь ужасъ, который могъ испытывать при подобной обстановкѣ врасплохъ застигнутый грѣшникъ!

Бьютъ на соборѣ часы. Мѣрно считалъ удары Садовскій; часы пробили восемь, но шумъ въ головѣ у головы продолжается, онъ все считаетъ и считаетъ:

— Тринадцать... вона, вона куда пошло!—ужасался Садовскій

чудеса, совершавшимся вокруг него въ природѣ... Досчиталъ до пятнадцати... умолять; и заговорилъ послѣ паузы:

«До чего дожили? Пятнадцать! Да еще мало по грѣхамъ напимъ... Еще то ли будетъ? Ежели пойти выпить... для всякаго случая? Да, говорятъ, въ такомъ разѣ (т.-е. во время свѣтопредставленія) хуже, а надобно, чтобъ человекъ съ чистой совѣстью».

Только въ исполненіи Садовскаго можно было оцѣнить всю прелесть подобнаго душевнаго состоянія и приготовленія къ послѣднему концу. Надобно было слышать его разпросы у дядюшки (живущаго у него же въ дворникахъ).

— Живы всё покуда?... и домочадцы, и всё православные христіане?

И хотя нѣсколько успокоенный тѣмъ, что свѣтопредставленіе еще не началось, все-таки (на всякій случай) запѣлъ Садовскій церковную пѣснь. «Но яко...» хотя сразу оборвалъ ее житейскими вопросамъ:

— Ты ворота заперъ?

И снова затянулъ. «Но яко...» и опять не кончилъ, согласившись съ доводомъ дворника, чтобъ шелъ онъ (голова) ужинать.

— Такъ ужинать, ты говоришь?— Послушался онъ и ушелъ.

Кто видѣлъ въ этой роли Садовскаго, тотъ понималъ, что для него одного писалъ ее авторъ. Понятно тоже, что послѣ смерти Прова Михайловича не дають болѣе ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ «Горячее сердце»,— послѣ Садовскаго болѣе некому изображать городского голову Буралесова.

Какъ вѣрно былъ имъ задуманъ, отдѣланъ и исполненъ безъ малѣйшаго фарса этотъ трудный типъ представителя города, который *серьезно* просить городничаго сказать ему: треснуло ли небо, и не пора ли его посадить въ сумасшедшій домъ, или еще оставить на свободѣ,—съ его злобою на музыкальныя наклонности, и инструменты приказчиковъ, которые (инструменты) онъ разбивалъ объ ихъ головы. Какъ сознательно давалъ Садовскій совѣтъ дядюшкѣ-дворнику унять расходившуюся жену его, городского головы (и при супругѣ):

— А ты метлой ее.

И тутъ же приказывалъ своей дочери покориться мачихѣ...

Какъ прекрасенъ былъ Садовскій, въ сценѣ слѣдствія о воровствѣ у Буралесова денегъ. Прежде всего онъ предложилъ городничему:

— Давай, Серапионъ Мардарычъ, выпьемъ теперича подь древомъ.

Сколько презрѣнія было въ его окрикѣ на жену:

— Брысь подь лавку!—когда та съ умысломъ мѣшала слѣдствію и не давала слушать прелюдію къ оному, рассказъ городничаго о томъ, какъ онъ воевалъ съ туркой.

Какъ спокойно давалъ Садовскій благоразумный совѣтъ городничему:

— Ты не гляди на нее... сядь къ ней задомъ.

Какъ удивлялся онъ, что можно съ бабой разговаривать.

— Диви бы дѣла не было!

А то дѣло было передъ ними:

— Вотъ она зауска-то. А онъ еще съ бабой разговариваетъ!— и всѣ послѣдующія реплики, касавшіяся его супруги.

— Обернись къ ней задомъ... брось ты ее.

На замѣчаніе городничаго, чтобы Куралесовъ останавливалъ бы жену, какъ пояснилъ Садовскій:

«Пробовалъ—*хуже*... А вотъ одно дѣло: дать ей произволь, мели что хочешь, а слушать и отвѣчать, молъ, не согласны. Устанеть—перестанеть... я тебѣ подлинно объясню, что съ ней нельзя разговаривать. Вотъ попробуй, такъ я тебѣ чѣмъ хочешь отвѣчаю, что безпримѣнно ты черезъ полчаса либо съ ума сойдешь, либо по стѣнамъ начнешь метаться, зарѣжешь кого-нибудь *чужого*... совсѣмъ неповиннаго».

Особенно поражала мимика Садовскаго въ сценѣ кутежа у откупщика Хлынова, который, доказывая городничему, что онъ ему совсѣмъ не страшенъ, говорилъ, что въ случаѣ чего, поѣдетъ въ губернію къ самому; и при замѣчаніи на жалобы о безобразіяхъ творимыхъ имъ, Хлыновымъ, переведетъ нить разговора на необходимые передѣлки въ острогъ, что все это Хлыновъ сдѣлаетъ исправно и безвозмездно. Ну, послѣ этого самъ только посмѣется на всѣ жалобы и больше ничего. А потомъ къ губернаторшѣ. Вотъ матушка, ваше превосходительство, имѣю такое желаніе выстроить домъ для вашего пріюта...

...Ну, что послѣ всего этого подѣлаетъ съ нимъ городничій?

Благодарную роль Хлынова хорошо исполнялъ умный артистъ Дмитревскій, городничаго игралъ несравненный буфъ В. И. Живокини, а Садовскій въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ гербовыми пуговицами, въ цилиндрѣ, молча сидѣлъ на авансценѣ, отдувался, слушая похвалы Хлынова, споръ его съ городничимъ, и только поглядывалъ то на того, то на другого... а весь театръ, не

обращая вниманія на рѣчь Хлынова, возраженія городничаго, глядѣль на одного только Садовскаго, отъ мимической игры котораго хохотъ не перерывался, и по окончаніи акта безсчетно разъ вызывали молчавшаго Садовскаго... По пьесѣ, въ началѣ этой сцены Буралесовъ послѣ двухъ - трехъ репликъ уѣзжаетъ, Садовскій съ разрѣшенія автора оставался до окончанія явленія; молчалъ, сидѣль, слушалъ и приводилъ «однимъ своимъ молчаніемъ» въ восторгъ всю публику.

Знаменитый французскій комикъ Лемениль былъ очарованъ провъ Садовскаго, котораго онъ видѣль въ Петербургѣ въ комедіи Островскаго «Бѣдность не порокъ». Не понимая языка, вовсе не зная изображаемаго въ пьесѣ быта, ни характерныхъ типовъ вроде Торцова, Лемениль не могъ оцѣнить достоинство комедіи, но поняль и вполне оцѣнилъ въ игрѣ Садовскаго глубоко драматическое положеніе шута, сохранившаго въ своемъ паденіи, въ грязи, благородныя чувства и порывы челоуѣна!

Дѣйствительно Садовскій въ Любимѣ Торцовѣ былъ такъ же великъ, какъ Леметръ въ роли Донъ Цезаря-де-Базанъ.

Ольриджъ, увидавъ Садовскаго на сценѣ, наговорилъ ему кучу любезностей и комплиментовъ, которыхъ тотъ не поняль, не зная англійскаго языка. Провъ Михайловичъ рассказывалъ мнѣ про оригинальный ужинъ съ африканскимъ трагикомъ, на которомъ они, солидно выпивъ, съ чувствомъ пожимали другъ другу руки, лбызались и вели долго оживленную бесѣду... не понимая другъ друга.

Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ мнѣ не пришлось видѣть Ольриджа; случайно прѣхавъ въ Воронежъ, я любовался имъ въ «Отелло» и въ «Лирѣ» (въ своемъ мѣстѣ упомяну о впечатлѣніи, которое оставила во мнѣ его игра). Зная, что въ Москвѣ Ольриджъ игралъ «Отелло» съ русской труппой Малаго театра, меня очень интересовало, оцѣнилъ ли онъ громадный талантъ и мимику Л. П. Босницкой, которая, какъ я предполагалъ, должна была съ нимъ играть Дездемону. Но я разочаровался вполне. Ольриджъ не понимль фамиліи актрисы, игравшей съ нимъ эту роль, и кстати разсказалъ, будто артистка (игравшая въ Москвѣ съ нимъ Дездемону) была смущена пущеннымъ о немъ слухомъ, что въ пылу игры были случаи, что, исполняя Отелло, Ольриджъ задушилъ de facto нѣсколькихъ Дездемонъ.

— Все это преувеличено, — серьезно продолжалъ трагикъ, — я въ мою жизнь сыгралъ болѣе трехсотъ разъ эту роль, и во все это время, можетъ быть, дѣйствительно, задушилъ двухъ, много

трехъ Дедемонъ, зарѣзалъ, кажется, одну; согласитесь; изъ трехъ-сотъ разъ процентъ небольшой, — не изъ чего было такъ волноваться московской Дедемонъ.

Послѣ этого сообщенія я больше не спрашивалъ пылкаго трагика объ игрѣ съ нимъ московскихъ актеровъ.

Въ концѣ пятидесятихъ или началѣ шестидесятихъ годовъ, въ петербургскихъ и московскихъ циркахъ былъ замѣчательный клоунъ, англичанинъ Эдвардъ, въ балаганныхъ шутовствахъ котораго, минутами, были проблески таланта высокаго комика; лучшаго клоуна я не видалъ. Разъ, встрѣтивъ его въ Московскомъ Маломъ театрѣ, гдѣ въ этотъ вечеръ играли Садовскій и Сергій Васильевъ, я сказалъ Эдвардсу, что меня очень интересуеъ его мнѣнiе, какъ талантливаго комика, объ игрѣ этихъ артистовъ.

— Вы хотите знать мое мнѣнiе? — грустно отвѣтилъ онъ. — Они превосходные актеры... а я передъ ними шутъ и гаеръ!

Я узналъ послѣ, что Эдвардъ былъ актеромъ, но ему не повезло на сценѣ, и онъ попалъ въ клоуны. Сохранившаяся въ душѣ его искра не заблеставшаго, можетъ быть по обстоятельствамъ, таланта и актерское чутье помогли высоко-даровитому гаеру, хотя и не понимавшему русскаго языка, одѣнить, все-таки, игру великихъ актеровъ!

Недавно прочелъ я въ газетахъ, что сборъ на памятникъ Гоголю превысилъ шестьдесятъ тысячъ рублей. Доживу ли я до того, что Москва, имѣющая уже монументъ Пушкина, еще украсится памятникомъ великаго современника и поклонника Пушкина.

Лицо Пушкина превосходно удалось Опеушину, что важнѣе всего для памятника. Жаль только, что даровитый художникъ упустилъ изъ виду, что Пушкинъ былъ малъ ростомъ и широкоплечъ. Еслибъ при тѣхъ же размѣрахъ фигуры сдѣлать ее шире въ плечахъ, то при теперешней монументальности сохранена была бы жизненная правда. Пушкинъ не казался бы такимъ гигантомъ. Положимъ, для грядущихъ поколѣнiй не будетъ самымъ важнымъ сходство фигуры великаго писателя съ его памятникомъ. «Мѣдный Пушкинъ» будетъ для нихъ веллбаномъ мысли; задумчивый ликъ его наклоненной главы притягиваетъ теперь и вѣчно будетъ притягивать къ себѣ наши взоры и взоры нашихъ потомковъ. Недаромъ онъ самъ пророчествовалъ о себѣ:

*«Нитъ, весь я не умру! Душа въ заветной лири
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ...
И славы буду я, доколъ въ подмунномъ мирѣ
Жизъ будетъ хотъ одна нитъ...»*

Но злополучная мягкая шляпа, которую сзади держать Пушкинъ въ рукѣ, какое ея назначеніе? Для чего изображена она, какъ ложка дегтя, портищая бочку меда? Пожалуй, черезъ нѣсколько столѣтій, какой-нибудь археологъ, по поводу сей мягкой шляпы, можетъ вывести такое предположеніе:

Во времена Пушкина, отставные военныя, и особливо дворяне, въ провинціи любили носить при партикулярномъ платьѣ форменныя фуражки. Мягкая шляпа, изображенная на памятникѣ Пушкину въ Москвѣ, не есть ли камеръ-юнкерская вице-шляпа тогдашняго времени? Можетъ быть, великій поэтъ не чуждъ былъ модѣ своихъ современниковъ при обыкновенной одеждѣ носить форменный головной уборъ?

А что надпись на монументѣ, взятую изъ *нерукотворнаго* памятника, который *воздвигъ* себѣ самъ великій поэтъ превыше *Александрійскаго столпа*, не могли начертать безъ передѣлки, по неволѣ сдѣланной Жуковскимъ, это узнаютъ и не въ столь отдаленномъ времени; ужъ знаютъ и теперь всѣ, кто читаютъ сочиненія Пушкина въ современныхъ изданіяхъ. Вотъ какъ написалъ эту строфу Пушкинъ:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мѣй жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ».

Для цензуры конца тридцатыхъ годовъ (уже по смерти поэта) принужденъ былъ измѣнить эту строфу Жуковскій и въ слѣдующей его передѣлкѣ впервые появилась она въ печати, и такъ первыя двѣ строки увѣковѣчены на памятникѣ:

«И долго буду тѣмъ *народу* я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что *прелестью живой стиховъ* я былъ полезенъ
 И милость къ падшимъ призывалъ».

Неужели цензура съ 1887 года, пропустившая въ печать эту строфу (безъ ампутаціи Жуковскаго), наложила снова свое *вето*, не допустивъ ее начертать на вѣчную скрижаль подножія памятника Пушкину? Не позволили этого почти черезъ двадцать лѣтъ по освобожденіи крестьянъ, отъѣны тѣлеснаго наказанія и другихъ великихъ дѣяній царствованія Императора Александра Второго, о которыхъ въ свой жестокий вѣкъ только *мечталъ* Пушкинъ!

Ежели нашли, что нельзя безъ передѣлки написать на мону-

ментъ эти стихи, слѣдовало выбрать для надписи другое стихотвореніе, а нельзя позволить себѣ исказить на памятникѣ Пушкина его слова *о самомъ себѣ* и объ особенностяхъ своего гения!

Въ мастерской покойнаго Пименова видѣлъ я модель его памятника Пушкину. Поэтъ былъ поставленъ на скалѣ, со сложенными на груди руками, въ той самой позѣ, по словамъ художника, въ которой разъ Пушкинъ сталъ передъ Пименовымъ при разговорѣ съ нимъ о своемъ бюстѣ или статуѣ. У ногъ поэта, на пьедесталѣ, изображенъ былъ летящій гений, съ развернутымъ полнымъ спискомъ стихотворенія:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный».

А внизу — русскій крестьянинъ, въ одной рубахѣ — снятый имъ армякъ лежитъ на землѣ — вычеканивая надпись

«Пушкину — Россія»

высвѣщаетъ послѣднюю точку.

Въ крестьянинѣ Пименовъ, который былъ большого роста и очень красивъ, изобразилъ себя. Общее впечатлѣніе памятника было превосходно; не знаю, сохранилась ли эта модель, и у кого она теперь?

А что за срамота памятникъ Пушкину, воздвигнутый градомъ Санктъ-Петербургомъ, на Пушкинскоу улицѣ! Небольшая узкая куболка, точное изображеніе аляповатыхъ статуэтокъ поэта, которыхъ въ моеи дѣтствѣ носили на лоткахъ разносчики, вмѣстѣ съ выкрашенными въ зеленую краску алебастровыми попугаями, съ колѣнопреклоненными амурами и лошадей барона Кюдта.

Неужели дума не могла, вмѣсто статуи, гораздо менѣе природы, поставить хорошій грудной Виталиевскій бюстъ поэта? Сѣверъ, въ которомъ стоитъ памятникъ, не великъ, его тѣснятъ окружающіе дома, и слѣдовало бы вмѣсто небольшой статуйки поставить художественно исполненный большой грудной бюстъ Пушкина.

Вѣроятно, черезъ столѣтіе, а можетъ быть немного и раньше, найдутся въ будущихъ петербургскихъ думахъ и управахъ гласные, которые исправятъ погрѣшности своихъ предшественниковъ въ увѣковѣченіи памяти Пушкина въ томъ самомъ Петербургѣ, который такъ любилъ и такъ чудно воспѣлъ великій поэтъ.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвелъ на меня сорокъ лѣтъ назадъ, во Франкфуртѣ, памятникъ Гёте. На роднѣи я только видѣлъ монументы царей и полководцевъ, и вдругъ очутился у подножія бронзоваго гиганта — царя поэзіи, полководца

мысли! Съ юношескимъ восторгомъ глядѣлъ я впервые на колоссальный памятникъ поэту среди улицы, взиравшего съ высоты своего величія на городъ... и тутъ же, почти у подножія памятника, купилъ его сочиненія.

Въ Петербургѣ до 1855 года единственнаго поэта — «дѣдушку Крылова» — посадили въ Лѣтнемъ саду, — не посреди главной аллеи, — слишкомъ много было бы чести, — а въ сторонѣ сдѣлали площадку, *чтобъ кругомъ его шрали бы дѣти*. Будто Крыловъ былъ только дѣтскимъ писателемъ и его басни — достояніе однихъ дѣтей.

Каковъ-то будетъ памятникъ Гоголю?

Слѣдовало бы поставить его на Никитскомъ бульварѣ; вблизи его жилъ Толстой, въ квартирѣ котораго скончался Гоголь. Давно пора прибить къ этому дому доску съ надписью, что въ 1852 году въ немъ умеръ великій писатель; не мѣшало бы тоже московской думѣ ходатайствовать о переименованіи Никитскаго бульвара въ бульваръ Гоголя, ежели для памятника выберутъ этотъ бульваръ, первый отъ Тверского, гдѣ стоитъ памятникъ Пушкину, ибо, кажется, никакого историческаго воспоминанія не связано для Москвы съ названіемъ «Никитскаго» и для имени Гоголя можно имъ пожертвовать, какъ и Тверской бульваръ давно слѣдовало бы назвать Пушкинскимъ.

Какую-то выберутъ надпись изъ твореній Гоголя для его монумента?

Какъ просится и на его памятникъ стихъ изъ пророчества Іереміи, начертанный на могильномъ камнѣ Гоголя:

«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюсь».

Мнѣ кажется, что подъ пьедесталомъ, на которомъ будетъ статуя Гоголя, должны съ четырехъ угловъ стоять четыре современные ему великіе актеры, превосходно исполнявшіе типы его бессмертныхъ комедій. Такіе актеры, какъ Садовскій, Мартыновъ, Щепкинъ и Сергій Васильевъ, вполне заслужили честь вѣчно поддерживать пьедесталъ памятника Гоголю, какъ при ихъ жизни они поддерживали славу его произведеній на сценѣ. Щепкинъ игралъ: городничаго въ «Ревизорѣ», Подколесина и Кочарева въ «Женитьбѣ», Утѣшительнаго въ «Игрокахъ», Бурдюкова въ «Тяжбѣ», дворецкаго въ «Лакѣйской». Щепкинъ былъ, къ тому же, большимъ пріателемъ Гоголя, который давалъ ему для его бенефисовъ почти всѣ выше названныя пьесы.

Въ развязкѣ «Ревизора», написанной послѣ переворота въ

жизни и твореніяхъ Гоголя, онъ въ дѣйствующихъ лицахъ этой сцены называлъ *перваго комическаго актёра*—*Михайло Семеновичъ Щепкинъ* и заставлялъ другихъ актёровъ въичать его на сценѣ:

«Входитъ толпа актёровъ и актрисъ. Другой актёръ съ вѣнкомъ въ рукѣ: Михайлъ Семеновичъ! Это ужъ не публика; это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ, достается отъ нея и не за большіе успѣхи; но если своя братія-товарищи, которые подчасъ и завистливы, и несправедливы, если своя братія-товарищи поднесутъ съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человекъ точно достоинъ вѣнка» *).

Это — приговоръ самого Гоголя.

Садовскій игралъ: городничаго, Осипа въ «Ревизорѣ», Подколесина, Анучкина въ «Женитьбѣ», Замухрышкина въ «Игрокахъ». Гоголь не видалъ его въ городничемъ, Провъ Михайловичъ, уже послѣ смерти автора, сыгралъ Антона Антоновича еще лучше Щепкина и ближе къ чудному чтенію этой роли самимъ Гоголемъ. Въ другихъ вышепоименованныхъ комедіяхъ Гоголь видѣлъ и восхищался Садовскимъ **).

Кромѣ исполненія гоголевскихъ ролей, почти однимъ Садовскимъ, даже и въ блестящее время Московскаго Малаго театра держались на сценѣ лучшія произведенія другого великаго драматурга А. Н. Островскаго, чему служить доказательствомъ то, что со смертью Садовскаго сошли со сцены комедіи: «Свои люди—сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Бѣдность не порождетъ», «Горячее сердце», «Доходное мѣсто», «Картинка семейнаго счастья». Хотя и во всѣхъ пьесахъ Островскаго до сихъ поръ незамѣнимъ Садовскій, но вышеназванныхъ комедій безъ него играть невозможно, оттого ихъ почти перестали давать въ Москвѣ.

А. Е. Мартыновъ игралъ: Хлестакова, Осипа въ «Ревизорѣ»,

*) Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 281.

***) Въ концѣ пятидесятихъ, или въ началѣ шестидесятихъ годовъ, на Московскомъ Маломъ театрѣ давали «Ревизора». Городничаго игралъ Щепкинъ, Хлестакова—Шумскій, Осипа—Садовскій. Черезъ нѣсколько оцать шель, бывало, «Ревизоръ» съ городничимъ—Садовскимъ, Хлестаковымъ—Сергѣемъ Васильевымъ. Вотъ было время процвѣтанія русскаго драматическаго искусства!

Слыхалъ я и оперы въ слѣдующемъ составѣ монополиителей. Разъ, кажется, въ 1851 или 1852 году, по болѣзни Тамберлика отиѣнниа „Вильгельма Теля“ и замѣнили его „Донъ-Жуаномъ“, котораго пѣлъ Тамбурина, Лепорелло былъ Лаблашъ, донъ-Октавіо—Маріо, донна-Анна, если не ошибаюсь,—Гриси, Церлина—Віарло; даже и второстепенную партію Мазетто повопвалъ Ронконн. „Вы, нынѣшніе,—итко?“—невольно спросишь, какъ Фамусовъ, современниковъ.

Подголосина въ «Женитьбѣ», Пролетова въ «Тяжбѣ». Графъ Левъ Николаевичъ Толстой видѣлъ въ Казани, какъ исполнялъ Хлестакова Мартыновъ; его игра въ этой роли такъ поразила студента Толстого, что Левъ Николаевичъ ставитъ Мартынова (котораго онъ послѣ видѣлъ и въ Петербургѣ въ драматическихъ роляхъ) первымъ изъ всѣхъ когда-либо имъ видѣнныхъ актеровъ *).

Кромѣ исполненія гоголевскихъ типовъ, великъ былъ Мартыновъ и въ пустыхъ водевиляхъ, и въ «Скупомъ» Мольера, въ слабыхъ драмахъ Чернышева, въ которыхъ заставлялъ плакать зрителей, и въ «Чужомъ добрѣ» Потѣхина, и въ «Грозѣ» Островскаго.

Неужели Мартыновъ не достоинъ стать у подножія Гоголя?

Сергѣй Васильевъ, ежели не ошибаюсь, сыгралъ только одну гоголевскую роль, но она была—Хлестаковъ! И одно превосходное исполненіе этой трудной роли стоитъ памятника.

Я не имѣлъ счастья видѣть въ ней великаго артиста, но понимающій и *строгий* судья, П. М. Садовскій, говорилъ мнѣ, что С. Васильевъ былъ прекрасенъ и *единственный* Хлестаковъ, котораго Провъ Михайловичъ когда-либо видѣлъ. Садовскій не видалъ Мартынова, который сыгралъ Хлестакова только въ Казани, гдѣ его видалъ, еще юношей, Левъ Николаевичъ Толстой.

Не буду распространяться объ игрѣ С. Васильева въ пьесахъ А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина, и объ исполненіи имъ другихъ ролей; мнѣ пришлось бы говорить обо всемъ его репертуарѣ. Позволю себѣ сказать одно: въ то незабвенное время пятидесятихъ годовъ, когда на сценѣ Московскаго Малаго театра блистали такія первой величины звѣзды, что каждая изъ нихъ была бы теперь современнымъ солнцемъ, Сергѣй Васильевъ занималъ, послѣ Садовскаго, первое мѣсто, и едва ему было болѣе сорока лѣтъ, когда онъ ослѣпъ и сошелъ со сцены. Что бы еще могъ создать Васильевъ!

Въ Парижѣ «въ домѣ Мольера», давно стоятъ статуи великихъ

*) Левъ Николаевичъ рассказывалъ мнѣ про ужинъ, которымъ чествовали Мартынова петербургскіе литераторы, послѣ исполненія имъ роли Михайлы въ драмѣ А. А. Потѣхина «Чужое добро въ прозѣ не идетъ». Въ памяти Толстого осталась скромность, добродушіе Мартынова, который былъ страшно сконфуженъ обстановкою и похвалами, обрушившимися на него. Мартыновъ былъ неразговорчивъ, его, видимо, стѣсняла роль-триумфатора. Увидавъ Мартынова въ первый разъ близка, Толстого еще болѣе, чѣмъ на сценѣ, поразила подвижность лица артиста. Мнѣ случилось поодлу ужинать съ Алек. Евстаф. и въ ресторанахъ, и у него послѣ его бенефиса; тутъ былъ онъ другой и чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ. Что за прелесть были его рассказы, какъ онъ иллюстрировалъ ихъ мимикой, иногда однимъ жестомъ, который объяснялъ и допоялъ все. Я еще вернусь къ его рассказамъ.

французскихъ актеровъ нынѣшняго вѣка; — не пора ли у насъ хоть «въ концѣ вѣка» у подножія памятника Гоголю, поставить статуи гениальныхъ исполнителей безсмертныхъ типовъ его комедій, актеровъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ бывшихъ красою и гордостью русскаго театра?

Есть прекрасный бюстъ Щепкина, работы профессора Рамазанова, и очень схожіе бюсты Садовскаго и Сергѣя Васильева, сдѣланные ученикомъ Рамазанова еще въ 1853 году. Кажется, нѣтъ бюста Мартынова, не знаю, была ли снята съ него маска послѣ его смерти; но остались превосходныя, весьма схожія его фотографіи, даже еще дагеротпы работы Левицкаго. Великіе живописцы Рѣпинъ и Айвазовскій, въ даръ Александринскому театру, написали сообща огромное полотно—Пушкинъ на берегу Чернаго моря; Рѣпинъ подарилъ тоже театру портретъ во весь ростъ Щепкина, написанный имъ съ фотографіи. Можетъ быть русскіе скульпторы дадутъ себѣ трудъ, по оставшимся портретамъ Мартынова, увѣковѣчить въ статуѣ, у подножія памятника Гоголю, и этого великаго артиста.

II.

Перехожу къ другимъ ролямъ Щепкина. Фамусовъ, въ его исполненіи, былъ далеко не аристократъ; да и могъ ли имъ быть управляющій казеннымъ мѣстомъ Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ? А каковъ былъ аристократъ его дядя, его гордость, можно судить изъ словъ самого Фамусова:

«Когда же надо прислужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ».

И далѣе:

«Упалъ онъ больно—всталъ здорово...»

Чему вполне сочувствуетъ и племянничекъ. Барства, чванства много должно быть въ достойномъ родственникѣ «Максима Петровича», и именно такимъ московскимъ баринкомъ двадцатыхъ годовъ былъ въ этой роли Щепкинъ. Онъ одинъ вполне создалъ этотъ типъ, и, къ сожалѣнію, со Щепкинымъ умеръ и Фамусовъ. Важнымъ, сосредоточеннымъ *) былъ Щепкинъ и съ лакеемъ (въ душѣ), чиновникомъ Молчалинымъ, и со своими крѣпостными лакеями. Какой барскій гнѣвъ слышался въ словахъ:

*) Даже во время ухаживанія за Лизой, что онъ дѣлалъ съ легкимъ оттѣнкомъ галантности турецкаго паши.

*«Въ работу (подразумѣвается каторжная)
васъ, на поселенье васъ...»*

Полная сдержанность—при обращеніи съ дочерью и съ гостями; любезенъ Павелъ Аванасьевичъ съ однимъ Скалозубомъ (нельзя же, желанный женихъ), да пасуетъ еще передъ Хлестовой. Превосходно велъ Щепкинъ сцены 2-го акта съ Чацкимъ и Скалозубомъ. Въ его монологахъ не слышно было стиховъ, а плавно лилась восторженная рѣчь о всѣхъ достоинствахъ дорогой Фамусову Москвы; и не одно сочувствіе, но и уваженіе выражалъ онъ къ раболѣпству и низкопоклонничеству его героевъ, бывшихъ

*«Въкъ при дворъ, да при какомъ дворъ!
Тогда не то, что нынѣ.
При государынь служилъ—Екатерины!»*

А другихъ чувствъ и стремленій въ людяхъ того времени Фамусовъ-Щепкинъ не признавалъ, да и не могъ ихъ знать или понять. Очень хорошъ былъ Щепкинъ въ III дѣйстви. Онъ тонко отбѣивалъ, въ своей надутой любезности хозяина, разную категорію гостей. Въ сценѣ съ Хлестовой, сначала сдержанно, велъ онъ споръ о количествѣ душъ Чацкого, но, не выдержавъ, подъ конецъ восклицалъ:

«Охъ, спорить голосиста!»

Щепкинъ съ торжественностью шелъ въ польскомъ, во время дивертисмента, который, —увы!—и до сихъ поръ существуетъ на всѣхъ сценахъ, при исполненіи «Горе отъ ума». По пьесѣ, въ концѣ III акта, передъ окончаніемъ монолога «Французикъ изъ Бордо», раздаются на сценѣ не громкіе звуки вальса; при послѣднемъ словѣ монолога: «Глядь»—Чацкій оборачивается и, увидавъ, что давно его никто не слушаетъ, всѣ кружатся въ вальсѣ, онъ поспѣшно уходитъ. Занавѣсъ падаетъ. На сценахъ же императорскихъ театровъ тутъ начинается форменный балъ, который открываетъ польскимъ Фамусовъ съ Хлестовой; вслѣдъ за нимъ танцуютъ французскую кадрили. Дивертисментъ кончается мазуркой; въ первой парѣ отличается Скалозубъ; онъ встряхиваетъ густыми эполетами, щелкаетъ шпорами, выдѣлываетъ разныя фигуры, становится на одно колѣно и т. п. Существуютъ до сихъ поръ два традиціонныя условія, необходимыя для роли полковника Скалозуба, а именно—говорить хриплымъ басомъ и ловко танцовать мазурку.

Въ обращеніи Фамусова къ сыну его покойнаго друга Андрея Ильича—къ Чацкому—тонъ Щепкина былъ не только ирониченъ,

но почти презрителенъ. Постоянно слышалась ненависть къ противнику и взглядовъ, и всѣхъ понятій почтеннѣйшаго Павла Аванасьевича. Какъ сейчасъ вижу на искаженномъ злобою лицѣ Щепкина, какая появилась презрительная улыбка, я вижу жестъ его рукъ, когда Чацкій произносилъ:

«Я сватаньемъ не угрожаю вамъ».

Ясно помню превосходную игру Мухомла Семеновича въ 4-мъ дѣйствіи. Убѣдившись изъ вопля страданій Чацкаго, что онъ окончательно рехнулся, Фамусовъ начинаетъ спокойно говорить Софьѣ:

«Ну, что! Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?»

Скажи серьезно?

Безумецъ, что онъ тутъ за чепуху молоть.

Низкопоклонникъ тестъ и про Москаю такъ грозно».

Но совершившійся въ его домѣ скандалъ вдругъ вспоминается Фамусову, и подъ гнетомъ будущихъ сплетенъ и пересудовъ наклоняя Щепкинъ свою, еще недавно гордо поднятую напудренную голову и изъ его груди вырывался вопль фамусовскихъ страданій!

«Моя судьба еще ли не плачевна!

Ахъ, Боже мой! Что станеть говорить

Клѣтница Марья Алексѣвна!...»

Совершенство игры Щепкина навело меня на мысль, что во многихъ роляхъ великихъ драматическихъ произведеній бываетъ слово, которое рельефно опредѣляетъ характеръ лица: однимъ словомъ обрисовывается вся роль.

Подобное «слово» въ роли Фамусова подсказалъ мнѣ Щепкинъ своимъ исполненіемъ 4-го акта. За сценой шумъ, раздается голосъ Фамусова:

«Сюда, за мной скорѣй, скорѣй!

Свѣчей побольше, фонарей.

Гдѣ домовые?»

Фамусовъ видитъ Чацкаго и Лизу.

«Ба! Знакомыя всѣ лица».

Увидавъ дочь:

«Дочь! Софья Павловна, странница,

Безстыдница! Гдѣ, съ кѣмъ!»

Это «съ кѣмъ...» ключъ ко всей роли! Будь на мѣстѣ Чацкаго (совсѣмъ не желательнаго жениха, не богатаго, не служащаго челоуѣка, да еще вдобавокъ *либерала*) другой подходящій, хотя бы

полковникъ Скалозубъ, Фамусовъ прошелъ бы мимо, ничего не замѣтивъ: *домовой пришелся бы къ дому*. Павелъ Аванасьевичъ сдѣлалъ бы это потому, что дочка назначила любовное свиданіе чело­вѣку, годному въ женихи. Онъ отвернулся бы, какъ, вѣроят­но, отварачивался и прежде, не желая видѣть походовъ *«покой­ницы жены»*, про которую при проступкѣ дочери онъ такъ дели­катно воспоминаетъ.

*«...Ни дать ни взять, она
Какъ мать ея, покойница жена!
Бывало я съ дрожайшей половиной
Чуть врозь—ужъ идъ-нибудъ съ мужчиной»*

Но застаеть Софью съ Чацкинь, дѣло другое, Фамусовъ кри­чать, волнуется; онъ оскорбленъ... онъ въ сенатъ подасть

«...къ министрамъ, къ государю!»

Въ труднѣйшей роли русскаго репертуара въ Хлестаковѣ, по моему мнѣнію, есть тоже не договоренное *«словцо»*, которое впло­нѣ обрисовываетъ несравненнаго Ивана Александровича.

Въ порывѣ вранья, — какъ Плевія на треножникѣ, — онъ воспа­меняется, пророчествуетъ... вретъ, вретъ и доходитъ до производ­ства въ фельдмаршалы. Въ предыдущемъ періодѣ этой импровиза­ціи Хлестаковъ, описывая игру въ вистъ съ посланниками, го­ворить:

«И ужъ такъ уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвер­тый этажъ, скажешь только кухаркѣ: на, Маврушка, ши­мель. Что-жъ я вру, я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница...»

Такъ и не повѣдалъ потомству Иванъ Александровичъ, что сто­ить его лѣстница, или какъ и чѣмъ она изукрашена. Воображеніе съ лѣстницы перелетѣло въ переднюю, гдѣ еще до его пробужде­нія графы князья толкуются и жужжать какъ шмели... иной разъ и министръ...

Вотъ этотъ рѣзкій переходъ, новый приливъ вдохновенья, не давшій досказать фразу о лѣстницѣ — *«ключъ»* къ пониманію и изученію Хлестакова. Только одинъ Гоголь и могъ вложить въ уста, именно Хлестакова, еще одну фразу:

«Мы удалимся подъ спль струй!»

Если актеръ, играющій «Ревизора», скажетъ эту предель, не подчеркивая ее, а просто, *натурально*, какъ должна она выдѣться

у самого Ивана Александровича, то онъ можетъ сыграть эту трудную роль. А въ роли Кочкарева? Если исполнитель сумѣетъ вѣрно сказать первую фразу Кочкарева, при первомъ его появленіи:

«Что Подколесимъ?»—

попадетъ въ настоящій тонъ,—все пойдетъ какъ по маслу. Самъ Кочкаревъ не знаетъ, кому онъ дѣлаетъ этотъ вопросъ, а въ немъ онъ выразился весь; въ этихъ словахъ отпечатался весь характеръ роли выбивающагося изъ силъ, безкорыстнаго хлопотуна по чужимъ дѣламъ, который самъ говоритъ о себѣ:

«Изъ какого дьявола, изъ чего, я хлопочу о немъ; не знаю себя покоя, нелегкая прибрала бы съо совѣсть. А просто чортъ знаетъ изъ чего? Поди ты спроси иной разъ человека, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ».

Какъ жаль, что Щепкинъ игралъ Фамусова съ выпусками, искаженными тогдашней цензурой; но я слышалъ всю роль, безъ пропусковъ, въ превосходномъ чтеніи Михаила Семеновича.

Послѣ Щепкина игралъ Фамусова, и говорятъ—слабо, Садовскій; я не видалъ его въ этой роли, а помню Прова Михайловича прекраснымъ Горичевымъ. Видѣлъ я въ Фамусовѣ Самарина: онъ былъ сладокъ, даже когда горячился;—на Александринскомъ театрѣ—старика Брянскаго въ пудрѣ, чулкахъ и башмакахъ: онъ былъ грозенъ—и поразилъ меня толщиной своихъ икръ. Помню еще актера Григорьева 1-го, который игралъ всегда солдатъ и всѣхъ мужей, обожавшихъ наше дорогое отечество, къ какому бы чину или званію они ни принадлежали *). Помню его то слѣпымъ бояриномъ, сидящимъ одиноко на табуретѣ посреди сцены и оплакивающимъ невзгоды «смутнаго времени», то инвалидомъ, чиновникомъ, военнымъ, купцомъ—и во всѣхъ сихъ видахъ Григорьевъ выражалъ свою безпредѣльную и пламенную любовь къ матушкѣ Россіи. И сей постоянный любовникъ Руси изображалъ тоже Фамусова; но скорѣе былъ похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Тряпичкину Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чѣмъ даже на управляющаго казеннымъ мѣстомъ **). Высоко даровитый

*) Въ тогдашнемъ репертуарѣ почти въ каждой пьесѣ появлялись, кстати и не кстати, подобные патриоты.

***) Былъ еще въ то же время актеръ Григорьевъ 2-й, который въ водевилляхъ специально изображалъ купцовъ. Его мѣткія, къ злобѣ дни относящіяся импровизации очень нравились и публикѣ, и еше... Но разъ онъ пересолил. Вскорѣ по возобновленіи послѣ пожара Зимняго дворца, когда щедрою рукой были осыпаны наградами участники этой постройки и даны даже медали купцамъ и подрядчикамъ, въ какомъ-

современный Фамусовъ, В. Н. Давыдовъ—въ этой роли только управляющій казеннымъ мѣстомъ, а не баринъ.

Былъ я на любительскомъ спектаклѣ, который очень давно давали въ пользу какихъ-то пріютовъ; шло «Горе отъ ума». Объ этомъ спектаклѣ много было толковъ и воспоминаній, а отчасти по игрѣ исполнителей, а больше отъ того, что, вслѣдствіе этого спектакля, устроилась одна великосвѣтская свадьба. Софью любезно взялась играть В. В. Мичурина, создавшая эту роль на Александринскомъ театрѣ, когда Вѣра Васильевна, до замужства, подъ дѣвичьей фамиліей Самойловой 2-й, была на сценѣ.

Никто изъ дамъ и дѣвицъ общества не захотѣли играть Лизу, горничную Софьи, разъ Софью играетъ бывшая (хотя и перво-классная) актриса! «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...» Распорядители были въ отчаяніи,—нѣтъ Лизы да и только; хотъ откладывая спектакль. Вдругъ является неожиданное спасеніе; пріѣзжаетъ изъ провинціи никому не извѣстная молодая красавица-вдова, съ чудными бѣлокурыми волосами, и соглашается играть Лизу; но такъ какъ срокъ траура еще не кончился, то на афишѣ не выставили фамилін, а поставили три звѣздочки (они оказались путеводительницами къ ея блестящей жизни). Распорядители не знали какъ благодарить судьбу; спектакль состоялся; успѣхъ полный, сборъ, въ пользу пріютовъ, громадный. А судьба наградила исполнительницу роли Лизы. Ея покойный мужъ нѣмъ, какъ и большинство дворянъ, только одну фамилію; на спектаклѣ же влюбился въ Лизу одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, графъ, и уже *съ двойной фамиліей*.

Скоро сыграли свадьбу; влюбленный мужъ передалъ въ жизненное владѣніе женѣ все свое громадное состояніе—и умеръ. Вдова вышла снова замужъ и стала носить одно изъ первыхъ русскихъ историческихъ именъ, съ титулами: княгини, графини, и при всемъ этомъ уже *три фамиліи*! Всѣ эти благополучія даетъ судьба этой женщинѣ изъ общества, которая одна рѣшилась на любительскомъ спектаклѣ играть роль горничной, когда госпожу играла тоже женщина изъ общества, жена гвардейскаго офицера, но... бывшая прежде хотя знаменитой и всѣми уважаемой, но все-таки актрисой!

Мнѣ дорого это представленіе потому, что въ этотъ вечеръ,

то воденгѣ, игралъ купца, Григорьевъ 2-й явился съ медалью въ петлицѣ и на во-просъ: за что получалъ награду, отвѣтилъ: „Мусоръ вывозилъ изъ Зимнаго...“ За это ѧ прогрозъ посадили Григорьева на гаушвахту и на время лишили дара импрови-

я снова и въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ несравненную Софью, тоже умершую со смертью В. В. Самойловой—Мичуриной.

Фамусова въ этотъ спектакль игралъ преображенскій офицеръ Б. М. Ушаковъ, бывший мой товарищъ по юнкерской школѣ. Я видѣлъ его еще на школьныхъ спектакляхъ въ водевилѣ «Чиновникъ по особымъ порученіямъ», гдѣ Ушаковъ, копируя Сосницкаго, игралъ самого чиновника. Въ Фамусовѣ Ушаковъ былъ снова чиновникомъ особыхъ порученій, со всѣми подобающими для водевиля штучками. Недавно, тоже на любительскомъ спектаклѣ, видѣлъ я въ Фамусовѣ гр. Н. А. А., не знавшаго твердо роли и поневолѣ принужденнаго иногда выражаться собственными словами. Понятно, что это вольное или невольное стѣсненіе мѣшало ему вполне выразить характеръ роли. Но въ исполненіи этого любителя Фамусовъ былъ *баринъ* въ полномъ смыслѣ слова.

Хорошо читалъ эту роль покойный А. Н. Апухтинъ, который рассказывалъ мнѣ, какъ онъ перешелъ многія ступени ролей въ «Горе отъ ума».

Въ первый разъ въ любительскомъ спектаклѣ онъ игралъ лакея Чацкаго. Его роль состояла всего изъ двухъ репликъ: «Бу-чера нигдѣ вишь не найдуть» и потомъ въ другомъ явленіи «Барре...» Чацкій не давалъ ему договорить слова.

Первую фразу Апухтинъ прозвѣвалъ, за него ее сказалъ другой актеръ; ему удалось-таки начать Барре... Чацкій зажалъ ему ротъ.

Значитъ въ первый свой дебютъ въ «Горе отъ ума» Апухтинъ сказалъ только полслова. На повтореніи спектакля онъ не пропустилъ ничего, т. е. сказалъ уже нѣсколько словъ. Впоследствии Апухтинъ игралъ господина Д.; говорить пришлось еще больше,—такъ и договорился онъ постепенно до Фамусова.

А. Стаховичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верноля.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Ла-Бюртъ уже три мѣсяца какъ занималъ квартиру въ четыре комнаты во второмъ этажѣ стараго дома на улицѣ Поръ-Маонъ. Онъ часто повторялъ, что день, когда онъ снялъ эту квартиру, былъ «лучшимъ въ его жизни». Это скромное событіе онъ связывалъ съ окончаніемъ испытаній, характернымъ почти для всякаго начала литературной дѣятельности. Для него, однако, эти испытанія были не слишкомъ тяжелыми и продолжительными. Хотя онъ и не рассчитывалъ сразу покорить Парижъ и, уѣзжая изъ Рошфора, приготовился терпѣть и холодъ, и голодъ, тѣмъ не менѣе онъ воспользовался благосклонностью судьбы.

Ненавидя цыганщину даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она именуется «забавной прихотью» или «пріятной безпечностью», онъ поспѣшилъ при первой возможности, какъ только его комедія была поставлена въ «Одеонѣ», покончить съ меблированными комнатами и губительными для здоровья ресторанами. Послѣ жизни въ провинціи онъ не выносилъ шума, большихъ разстояній, безконечныхъ лѣстницъ и потому избралъ эту, сравнительно тихую, улицу и близъ бульвара. Его четыре, довольно высокія и большія, комнаты выходили окнами во дворъ. Онъ поручилъ своей матери трудную задачу — найти ему прислугу, настоящую хозяйку, здоровую, терпѣливую, преданную и безмолвную, которая относилась бы къ нему съ родственнымъ расположеніемъ и полнымъ уваженіемъ. Нашлась

*) Русская Мысль, кн. X, 97 г.

бодрая сорокалѣтняя вдова рабочаго, служившаго при портѣ. Она смѣшила его своимъ накрахмаленнымъ бѣлымъ чепчикомъ, дѣловымъ видомъ и забавнымъ негодованіемъ по поводу суеты на улицахъ и безстыжихъ выходовъ кухарокъ и поставщиковъ. Такимъ образомъ онъ устроилъ свою жизнь методично и практично, не уступая самому заядлому буржуа.

Ла-Бюртъ зналъ, что успѣхъ кратковремененъ и что первая побѣда, какъ бы она ни была незначительна, влечетъ за собою опасную зависть. Неизвѣстность начинающаго бываетъ подчасъ такъ же выгодна, какъ и вредна. Противъ начинающаго не возстаютъ потому, что и безъ того дѣло можетъ кончиться поражениемъ. Но если онъ является побѣдителемъ и если, къ тому же, не удовлетворяется достигнутымъ успѣхомъ, а мечтаетъ о большемъ, то его новое произведеніе будетъ встрѣчено съ завистью и тогда поднимется настоящая борьба. Авторъ «Сыну воды» все это зналъ и не спѣша работалъ надъ драмой, заранѣе принятой директоромъ театра Одеонъ, а пока обезпечилъ свое существованіе журналисткой, которую презиралъ.

Скоро онъ приобрѣлъ опытность и не составлялъ себѣ никакихъ иллюзій относительно преданности и дружбы въ литературномъ мѣрѣ. Онъ зналъ, что лучший его сообщникъ—это онъ самъ и самъ заботился о томъ, чтобы составить себѣ имя. Въ немъ чувствовались подъ мягкой оболочкой твердая воля, непоколебимая энергія и твердо намѣченное рѣшеніе не переносить ни оскорбленія, ни неудачъ. Въ немъ соединялись ловкость дѣловаго человѣка съ законной гордостью артиста.

Ла-Бюртъ окружалъ свою работу таинственностью, но рекламировалъ ея результаты. Онъ хотѣлъ, чтобы его слава была основана только на его личныхъ заслугахъ, но она должна была ихъ превышать. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ и уравновѣшенныхъ современныхъ писателей: отзывчивый, съ благородными порывами, онъ, однако, умѣлъ ихъ сдерживать. Охотно оказывалъ услуги, ясно подчеркивая, что не ждетъ за нихъ благодарности, чтобы никто не боялся этихъ услугъ; страстный и разсчетливый, безкорыстный и эгоистичный, пользующійся какъ чужими, такъ и своими пороками и добродѣтелями для достиженія своихъ цѣлей, онъ часто бывалъ обманутъ, несмотря на всю осторожность. Онъ добивался достигнуть званія академика для того, чтобы бойчѣе пошла его книга и чтобы передъ нимъ были открыты двери всѣхъ театровъ, былъ и патриотомъ, потому что родина вѣнчаетъ лаврами знаменитыхъ гражданъ.

Дружба между Ла-Бюртомъ и Дютрейлемъ устояла, несмотря на время, разлуку и перемѣны жизни. У Ла-Бюрта (съ тѣхъ поръ, что онъ жилъ въ Парижѣ) эта дружба носила характеръ немного разсудочный и покровительственный, у Дютрейля—покорный и не лишенный зависти. Въ самые тяжелые дни, несмотря на усидчивую работу, Ла-Бюртъ посвящалъ своего друга въ свои планы, попытки, надежды и успѣхи,—всегда отвѣчалъ на его письма съ откровенными изліяніями, ободрялъ его и поддерживалъ, надѣдалъ Дабуди и такъ горячо отстаивалъ «Квартирмейстера», какъ никогда не сталъ бы этого дѣлать съ собственнымъ произведеніемъ. Для него отчаяніе Мориса было истиннымъ горемъ, на которое, однако, онъ смотрѣлъ какъ на временное, какъ пароксизмъ, вызванный одиночествомъ и безсиліемъ. Еще раньше Ла-Бюртъ принципиально возставалъ противъ рѣшенія Дютрейля жить въ провинціи. Теперь же, когда его опасенія сбылись, звалъ его къ себѣ въ Парижъ и въ этомъ видѣлъ его спасеніе, какъ доктора—въ перемѣнѣ обстановки больного и климата.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что изъ его товарища и друга долженъ выйти такой же извѣстный беллетристъ, какъ онъ—драматургъ, что они, въ одно и то же время идя по разнымъ дорогамъ, должны придти къ той же славѣ, и если этого не случилось до сихъ поръ, то только потому, что помѣшала какая-нибудь случайность, ошибка Дютрейля.

II.

Когда Ла-Бюртъ встрѣтилъ Дютрейля на вокзалѣ, они бросились другъ другу въ объятія и, пока Дютрейль успѣлъ получить по квитанціи багажъ, они нѣсколько разъ нашли случай пожать другъ другу руку. Когда же сѣли въ карету и поѣхали на улицу Поръ-Маонъ, имъ не вѣрилось, что они не видѣлись шесть лѣтъ. Между ними возникла прежняя близость и воспоминанія прошлаго воскресали съ поразительной силой и ясностью. Дютрейль спросилъ: «а твоя мать здорова?» такъ, точно онъ ее видѣлъ наканунѣ. Только пять минутъ спустя онъ замѣтилъ, что тотъ обросъ бородой, и ему казалось, что ничего не измѣнилось, что ему нечего сообщать и не о чемъ разспрашивать. Наклонившись къ дверкѣ кареты, онъ *узнавалъ* памятники по дорогѣ, но Парижъ не удивлялъ его и не вызывалъ въ немъ того, что онъ ожидалъ—волненія, дрожи. Однако высота домовъ, ширина улицъ, масса экипажей, лица, походка, голоса прохожихъ, сновавшихъ по улицамъ въ этотъ чуд-

ный, ясный сентябрьскій день, — все это его очаровывало. Эта масса незнакомцевъ, горячо отдававшихъ работѣ или удовольствіямъ, не знала *его* сомнѣній, *его* неудачъ! Дютрейль почувствовалъ симпатію къ этой толпѣ и самъ, глядя на нее, точно ожилъ, точно избавился отъ гнетущихъ его оковъ. Парижъ на него дѣйствовалъ, кровь прилиwała къ вискамъ, онъ усиленно дышалъ и воля его брѣсла. О, ничто бы не могло въ эту минуту его удержать и заставить пасть духомъ предъ намѣченной цѣлью! Онъ разсѣянно слушалъ Ла-Бюрта и на всѣ его вопросы отвѣчалъ, пожимая руку:

— Я такъ счастливъ, милый другъ... такъ счастливъ.

Когда же послѣ обѣда Ла-Бюртъ говорилъ съ нимъ о своей работѣ, о своихъ планахъ, опьяненіе Мориса внезапно исчезло. Ла-Бюртъ говорилъ просто, совершенно не имѣя намѣренія ослѣпить своего собесѣдника, а Морисъ съ каждой фразой замѣчалъ, какъ между ними вырастала пропасть. Онъ слушалъ его съ удивленіемъ и болью. Ла-Бюртъ говорилъ о томъ уваженіи, съ которымъ къ нему относятся, называлъ громкія имена, игравшія роль въ его жизни, упоминалъ о нихъ вскользь; небрежно говорилъ о такихъ событіяхъ, которыя Дютрейля привели бы въ неописанный восторгъ: статья, помѣщенная въ выдающемся журналѣ, похвалы извѣстнаго критика, предложенія директора театра... все то, что ему, жившему вдали и не знавшему сути дѣла, представлялось высшимъ счастьемъ, началомъ славы. Все болѣе и болѣе удивляясь, Дютрейль осыпалъ его вопросами: «Ты знакомъ съ такимъ-то?... ты это сдѣлалъ?... Неужели Х... сказалъ тебѣ то-то?» — заставлялъ Ла-Бюрта возвращаться къ разнымъ мелочамъ, о которыхъ тотъ упоминалъ вскользь. По тому, какъ Ла-Бюртъ произносилъ нѣкоторыя имена, какъ судилъ о произведеніяхъ, нисколько не подозрѣвая, что его отзывы производятъ такое впечатлѣніе, глаза Дютрейля открывались на грустную, забытую имъ на время, дѣйствительность. Удивленіе и благоговѣніе, боязнь и злоба.— все это смѣшивалось и превращалось въ острую, давящую скорбь. Какая разница между ними! Что онъ, Дютрейль, въ сравненіи съ Ла-Бюртомъ, прежде *равнымъ* ему! Сердце его сжималось; послѣдняя надежда рушилась и наступала увѣренность въ неисправимомъ горѣ. Онъ понималъ, что *все кончено*. Скоро онъ уже проклиналъ свою поѣздку въ Парижъ. Въ Монтаньякѣ онъ могъ себя обманывать, увѣрять себя, что его преслѣдуетъ судьба и что этому когда-нибудь придетъ конецъ, а теперь печальная дѣйствительность была слишкомъ ясна ему...

— Довольно заниматься моими дѣлами, — сказалъ между тѣмъ Ла-Бюртъ, — поговоримъ о твоихъ...

Дютрейль предвидѣлъ необходимость откровеннаго признанія. Онъ жаждалъ его, рѣшая ничего не скрывать и не смягчать, а, напротивъ, скорѣе преувеличивать свою бѣду, чтобъ утѣшеніе ему показалось болѣе сладкимъ. Но съ той минуты, какъ съ его глазъ спала повязка и онъ чувствовалъ приближеніе признанія, онъ испытывалъ стѣсненіе и стыдъ преступника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія. Какъ сознаться въ неувѣдѣнности своихъ попытокъ, въ своей трусости и несостоятельности? Онъ хотѣлъ говорить, сознавая, что молчать невозможно, но самолюбіе останавливало его. Еслибъ онъ долженъ былъ высказаться передъ незнакомцемъ или такимъ же неудачникомъ, какъ онъ самъ... Но передъ Ла-Бюртомъ!... Что онъ подумаетъ? Будетъ, конечно, его презирать. Онъ попробовалъ выкрутиться: «ничего, дѣло идетъ... медленно... тяжелый періодъ... переутомленіе... одиночество...», но потомъ почувствовалъ, что не въ силахъ больше притворяться, и воскликнулъ:

— Ахъ, мой дорогой Гастонъ!... я очень несчастенъ!...

Онъ признался во всемъ.

На другой день онъ почувствовалъ облегченіе. Ла-Бюртъ его успокоилъ, какъ убаюкиваютъ ребенка. Зачѣмъ отчаиваться? Потому, что работа для него была трудной и медленной!... Потому, что онъ шелъ ощупью, искалъ вѣрной дороги?... Потому, что маленькое утомленіе, столь естественное при напряженной работѣ, отражается на его творчествѣ и заставляетъ сомнѣваться въ себѣ?... Экая важность! Кто не прошелъ черезъ это! Романистъ Верменусъ, теперь извѣстный своей плодovitостью, затратилъ четыре года упорнаго труда на свою книгу. Драматургъ Дю-Брюкуа пятнадцать разъ передѣлывалъ третье дѣйствіе одной изъ своихъ пьесъ и такъ и не справился съ нимъ. И сколько другихъ! А онъ самъ, Ла-Бюртъ... въ первое время! Всѣ проходятъ или прошли черезъ это. Все равно, что съ больными, воображаемыми больными! Не надо принимать кратковременное, пустячное нездоровье за неизлѣчимый недугъ. Нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ быть всегда недовольнымъ собой, преслѣдовать недостижимый идеалъ. Желая сдѣлать слишкомъ много, ничего не сдѣлаешь. Отдыхъ, разумные совѣты, благотворный примѣръ и, главное, вѣра въ себя—вотъ настоящія лѣкарства въ подобныхъ случаяхъ. И это онъ, конечно, найдетъ въ Парижѣ. Но отступать при первой неудачѣ... что скажутъ въ Рошфорѣ?...

Однако Ла-Бюртъ не былъ введенъ въ заблужденіе. Опытность его была не велика, но сколько ему уже пришлось видѣть натуръ

высоко одаренныхъ и признававшихъ вдругъ свое истощеніе, отказывающихся отъ борьбы. Но Дютрейль складывалъ оружіе слишкомъ быстро, не вступая въ бой, — утомленный, ожесточенный, опустившийся и тѣломъ и душой, съ истощеннымъ воображеніемъ и разбитой волей, быть можетъ такъ же неспособный мыслить, какъ и творить. Ла-Бюртъ не могъ ошибиться въ этомъ. А раньше онъ, значить, заблуждался на его счетъ? Теперь всякое заблужденіе было невозможно. Какъ могла произойти такая переменна? Ла-Бюртъ приписывалъ это разрушительному дѣйствию провинціи, которая немногихъ умиротворяетъ, а у большинства атрофируетъ творческій нервъ.

Онъ старался помочь горю, не думая о томъ, что беретъ на себя серьезную отвѣтственность. Онъ замѣтилъ, что дружба его въ Дютрейлю, до сихъ поръ соединенная съ чувствами жалости и нѣкотораго презрѣнія, никогда не была такъ нѣжна и искренна, какъ теперь. Онъ любилъ его, какъ немощное существо, дни котораго сочтены.

Ла-Бюртъ пробовалъ просвѣщать Дютрейля и возбуждать въ немъ энергію, введя его въ тотъ кругъ, въ который тотъ мечталъ попасть. Но это только поддерживало заблужденія и тщеславіе Дютрейля.

Чтобы не казаться въ глазахъ Ла-Бюрта слишкомъ несостоятельнымъ, онъ драпировался въ нетерпимость. Во всемъ находилъ поводъ къ негодованію. Мстилъ однимъ ударомъ и своему безсилію, и литературѣ. Старался убѣдить другихъ, и самъ начиналъ въ это искренно вѣрить, что онъ жертва судьбы и людей, а не своихъ собственныхъ ошибокъ. Въ Парижѣ въ этомъ столкновеніи съ литературнымъ кружкомъ онъ не почерпнулъ ожидаемой опытности и главное — спокойствія, — напротивъ, находился постоянно въ раздраженномъ состояніи. Участвуя въ бесѣдахъ, онъ принималъ рѣзкій и докторальный тонъ, несправедливо черня всѣхъ и вся и дѣлая себя смѣшнымъ. Онъ любилъ, чтобы ему рассказывали о скандальной хроникѣ, недостаткахъ и порокахъ знаменитыхъ писателей. Ни въ одномъ изъ произведеній онъ не находилъ достоинствъ ни въ формѣ, ни въ мысли; во всемъ видѣлъ одно плутовство.

— Можешь ты мнѣ объяснить, — обратился онъ къ Ла-Бюрту, выходя изъ театра, — успѣхъ этой плоской пьесы? Въ ней все отсутствуетъ, — характеры, умъ, веселость. Однако она дѣлаетъ сборы, и въ Монтаньякѣ я читалъ о ней хвалебную рецензію.

— Это никому не мѣшаетъ и зрителю предоставляется право оставаться при своемъ собственномъ мнѣніи. Развѣ ты газетныя

статьи принимаешь за слова Евангелія? Нужно, чтобъ пьеса была нигуда негодной, или чтобъ она была написана ненавистнымъ авторомъ, чтобъ ее сразу задушили. Видно, что ты прямо прѣвхалъ изъ Монтаньяка.

— Какое же тогда средство узнать истину въ какомъ-нибудь Монтаньякѣ? Мы только и можемъ судить по отчетамъ свидѣтелей, пока мы не уличили ихъ во лжи. Я только удвляюсь, какъ директора театровъ, издатели газетъ и журналовъ, принимаютъ подобную чушь, отъ которой я бы покраснѣлъ, еслибъ имѣлъ несчастье ее написать.

— Можетъ быть ты откажешься отъ *Квартирмейстера*?

— Мой бѣдный *Квартирмейстеръ*!... Какъ онъ ни былъ плохъ, онъ все же лучше половины всего того, что печатается. Онъ былъ не хуже произведеній Гарона, Мон-лора, Верселя, Фаржиса, вошедшихъ въ списокъ хорошихъ писателей и находящихся себѣ издателей и читателей.

— Это ошибка, я согласенъ, но прежде всего нужно правильно смотрѣть на вещи. Ты думаешь, достаточно сотрудничать въ *Фигаро*, быть изданнымъ Олендорфомъ или Кальманомъ Леви, рекламировать о себѣ въ такомъ родѣ: «Весь Парижъ захочетъ прочесть новый шедевръ нашего знаменитаго сотоварища Верселя...» (такая реклама оплачивается обыкновенно по 25 фр. со строчки)—для того, чтобъ стать любимымъ и уважаемымъ авторомъ?... Все это не имѣетъ никакого значенія. Слава писателя, насколько я знаю, не измѣряется (конечно, что касается силы его таланта) количествомъ читателей. Въ противномъ случаѣ кто бы могъ соперничать съ фельетонистами *Petit Journal*?

— Зачѣмъ работать надъ увеличеніемъ этой славы?

— Ахъ, мой другъ, ты возстаешь противъ легковѣрія, распространеннаго въ публикѣ, существовавшаго, какъ я себя представляю, всегда,—противъ рекламы, явленія болѣе новаго, но не вводящаго никого въ заблужденіе! Что касается товарищескихъ отношеній, поддержки другъ друга въ литературѣ, то это объясняется само собой. Для того, чтобъ достигнуть успѣха, нужно помогать другъ другу: это—законъ природы. Коллегѣ приписываешь то, что онъ при удобномъ случаѣ тебѣ же воздастъ съ лихвой. А реклама!... Ты можешь сѣтовать только на собственную наивность, идетъ ли дѣло о романѣ, или о лепешкахъ отъ глистовъ, безразлично, тебя изумляетъ. А «*клака*» въ оперѣ? Она какъ бы составляетъ часть *mise en scène*, скажу больше: партитуры. Она иногда мѣшаетъ зрителямъ, но не вводитъ ихъ въ заблужденіе; и большинство должно

ей быть обязано, даже тѣ, кто на нее жалуется. Благодаря ей, ихъ вниманіе было обращено на ту красоту, которой они можетъ быть безъ «кляки» и не замѣтили бы.

— А ты прибѣгалъ къ рекламѣ?

— Я?... Безъ сомнѣнія, какъ и всѣ—и больше, чѣмъ этого заслуживаютъ мои дарованія. Рекламѣ я обязанъ моею нѣкоторой извѣстностью. Подумай, еслибъ у меня и былъ талантъ, да никто бы этого не отмѣтилъ?... Помнишь въ школѣ наши вкляты предъ звѣзднымъ небомъ! Долой подкупные аплодисменты, продажная слава! Мы были чисты, горды, неприступны, неподкупны!... На эту тему есть хорошіе стихи, мы ихъ учили въ классѣ. Въ тотъ день, когда я найду талантъ у другихъ, его найдутъ и у меня. Дѣло въ томъ, что о немъ нужно говорить, но не слишкомъ громко, заставляя останавливаться прохожихъ, излишній шумъ мнѣ не нравится... Я считаю его вреднымъ, или бесполезнымъ... нужно дѣлать это умѣло, идя навѣрняка. У меня нѣтъ друзей, но есть множество товарищей, сообщниковъ, содѣйствіе которыхъ я завоевалъ постольку, поскольку я служу имъ самъ и поскольку они меня боятся. Я вмѣстѣ съ тобою провозглашаю, что реклама зло. Но, увы, это зло времени, зло неизлѣчимое, неизбежное. Бѣда не въ томъ, что рекламируютъ, а въ томъ, что недостаточно рекламируютъ тѣхъ, кто этого заслуживаетъ... Вотъ почему Дабади не издалъ *Квартирмейстера!*... Одинъ я не могъ этому способствовать, этого было недостаточно. Ахъ, еслибъ ты меня послушался!...

— Не будемъ говорить о «Квартирмейстерѣ»! Но почему же директора театровъ, издатели журналовъ, на задачѣ которыхъ лежитъ образовывать вкусъ публики, не принимаютъ вещи, кажушіяся имъ достойными, могущія нравиться, даже тогда, когда авторъ ихъ не принадлежитъ къ числу извѣстныхъ? Неизвѣстный!... Всякій начинается съ этого.

— Потому что авторъ отсутствуетъ, какъ это было съ тобой; потому что онъ одинокъ, слабъ, не имѣетъ опоры, кредита, лишень возможности дѣйствовать, не способенъ защищать свои интересы и отбиваться отъ нападокъ соперниковъ. Потому что литература—это охота, гдѣ добыча достается самому сильному и ловкому, побѣждающему и опережающему своихъ соперниковъ. Ахъ, начинающимъ не легко! Еслибъ возможно было въ данномъ случаѣ примѣнить расчетъ вѣроятности, то я сказалъ бы, что, принимая во вниманіе равный талантъ, теперь писатели, чтобы выдвинуться, имѣютъ пять шансовъ на сто вмѣсто пятидесяти, какъ это было двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ. Причины этого многочислен-

ны. Я вижу двѣ главныхъ: возрастающее равнодушіе публики къ литературѣ и страшное, усиленное развитіе литературной производительности. Литература, — если я употребляю это слово, то это потому, что нѣтъ другого болѣе подходящаго, — теперь не что иное какъ одинъ изъ наиболѣе легкихъ, скорыхъ и пріятныхъ способовъ зарабатывать деньги. Себя я прежде всего въ этомъ обвиняю.

Статистика показала, что число пишущихъ увеличилось за послѣдніе полвѣка въ десять разъ. Нужно ли изъ этого заключить, что талантовъ такое обиліе? По-моему, въ этомъ главнымъ образомъ, и можетъ быть исключительно, виновата журналистика. Вліяніе газетъ, благодаря ихъ численности, очень возросло. Онѣ всюду проникаютъ, все захватываютъ, извращаютъ и загрязняютъ, подъ предлогомъ, что дѣлаютъ для насъ доступнымъ жизненный матеріалъ.

Слѣдовательно журналистикѣ нуженъ большой, разнообразный и постоянно мѣняющійся контингентъ сотрудниковъ, такъ какъ на этомъ дѣлѣ люди скоро расходуются, а публика требовательна и капризна. За то этотъ трудъ хорошо оплачивается, открываетъ всѣ двери, позволяетъ пользоваться удовольствіями и, между прочимъ, устраивать разныя выгодныя аферы. Сколько «блестящихъ фельетонистовъ» занимается болѣе «дѣлами», чѣмъ фельетонами! Сколько молодыхъ людей вмѣсто того, чтобъ сидѣть за прилавкомъ, или въ конторѣ, ссылась на призваніе, мараютъ бумагу. Призаніе! И какая у нихъ благородная вывѣска «пресса»!... Что стоитъ написать книгу? пустяки! Не нужно ни подумать, ни потрудиться, — вся разница только въ томъ, что одинъ ее напишетъ въ пять минутъ, а другой въ три мѣсяца.

— Что тебѣ сдѣлала журналистика?

— Меня она кормить, но она же атрофировала не мало способныхъ людей. Она создала Гарена, Ребю, Монлора, Верселья, и всѣ они — прихлѣбатели. Она же создала наши законы, обычаи, идеи, всю эту гниль, въ которой мы погрязли. Однако, на прессу опирается невѣжественная публика въ своихъ вкусахъ и сужденіяхъ. Книга, какъ и театръ, не можетъ теперь обойтись безъ журналистики. Журналистика по отношенію къ книгѣ играетъ ту же роль, какъ въ магазинѣ приказчикъ по отношенію къ товару. Она должна приманивать, убѣждать покупателя, расхваливая товаръ, выставленный въ витринѣ. Рвеніе приказчика оплачивается его жалованьемъ. А журналистика? Что ей за дѣло, или какая ей выгода хвалить незнакомца, неизвѣстнаго? Напротивъ, это хорошій случай заброситься на несчастнаго, показавъ свою преданность другому,

дружба котораго выгоднѣе. Зачѣмъ принимать участіе въ человѣкѣ,—будь онъ даже гений,—проживающемъ въ какомъ-то Монтаньякѣ, никогда не бывающемъ въ Парижѣ, котораго никто не видитъ и не знаетъ, отъ котораго нечего ждать—ни протеста, ни безпокойства, ни мести? Какія выгоды извлечь изъ отшельника, не имѣющаго ни друзей, ни покровителей, ни вліянія?... Ахъ, еслибъ все это у него было... или когда это будетъ!... Вотъ тебѣ, для болѣе яркой характеристики, пословицы, выбирай любую: «отсутствующіе всегда неправы», «даютъ взаймы только богатымъ». Вотъ резюме, пригодное не только для литературнаго міра. «Для того, чтобы кто-нибудь сталъ извѣстнымъ, нужно, чтобы о немъ говорили, а для того, чтобы о немъ говорили, нужно, чтобы онъ былъ извѣстенъ». Когда ему больше никто не будетъ нуженъ, всѣ будутъ ему предлагать свои услуги. Это—заколдованный кругъ, все это нелѣпо, гнусно, несправедливо, но это тоже общій законъ и...

— Ты ему подвергался?

— Какъ и всѣ прочіе.

— А еслибъ нашлось талантливое произведеніе, подающее надежды, еслибъ неизвѣстный авторъ, положившій на него всю душу и много лѣтъ упорнаго труда, нуждался въ поддержкѣ, ждалъ, какъ милостыни, поддержки, похвалы?...

— Конечно, и чудеса бываютъ. Но будемъ справедливы: нельзя все знать и все читать, и такъ какъ нужно дѣлать выборъ, то почему же не руководствоваться чувствами дружбы и привычки? Но какъ грустно подумать, что еслибы теперь была выпущена *Мадамъ Бовари*, то первое изданіе, можетъ быть, валялось бы у книгопродавцевъ покрытое плѣсенью!...

III.

Дютрейль вернулся въ Монтаньякъ до назначеннаго имъ срока. Его настроеніе съ каждымъ днемъ дѣлалось сумрачнѣе. Хотя онъ и сознавалъ его безпричинность, но не умѣлъ съ нимъ справиться. Онъ надѣялся почерпнуть силы и отдохнуть вблизи Ла-Бюрта, но успѣхъ его друга, искренно его радовавшій, только увеличилъ горечь, вызванную собственной неудачей. Онъ сравнивалъ то, что сдѣлалъ, съ тѣмъ, что долженъ былъ бы сдѣлать. Счастье однихъ раздражало его столько же, сколько заботило несчастье другихъ. Сколько настоящихъ и великихъ талантовъ, неизомъстно почему, остаются непризнанными! Онъ волновался, спѣшилъ приняться за

свою работу, боясь съ нею не справиться. Что ему дала поѣздка въ Парижъ? Это вѣдь послѣдняя попытка, какъ послѣдняя карта, на которую игрокъ возлагаетъ всѣ надежды, въ которую вѣрить, пока она не сыграна. *Чего-то* ему доставало. Въ Парижѣ съ Ла-Бюртомъ, въ обществѣ его «умныхъ братьевъ», онъ чувствовалъ себя одинокимъ и лишнимъ больше, — да, больше, — чѣмъ въ Монтаньякѣ. Нѣсколько разъ откладывая отъѣздъ со дня на день, онъ, наконецъ, дѣйствительно, уѣхалъ, несмотря на настойчивыя просьбы Ла-Бюрта продлить пребываніе въ Парижѣ. Онъ бѣжалъ, какъ изгнанныкъ, страшась своего безсилія, стараясь ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать, на все закрывая глаза.

Возвращеніе въ Монтаньякъ подѣйствовало на него успокоительно. Ему доставило истинное наслажденіе пройти по улицамъ, увидѣть знакомыя вещи и лица. Онъ обрадовался своей комнатѣ, своему письменному столу, своимъ сослуживцамъ и даже мадамъ Пужэ, старавшейся ему угодить и считавшей своимъ долгомъ доложить ему обо всемъ, что произошло въ его отсутствіи. Обѣдалъ онъ съ аппетитомъ и не безъ волненія вошелъ во *Французское кафе*, занятый мыслью: «Какъ они будутъ удивлены!...» И онъ не ошибся. Брюандэ встрѣтилъ его съ улыбкой, расплывшейся по широкому красному лицу, и воскликнулъ: «Ахъ, наконецъ!...» Человѣкъ бросился къ нему, готовый исполнить его приказанія, но самъ хозяинъ, несмотря на головную боль, отстранилъ его, чтобы лично налить Дютрейлю рюмочку шартрѣза. Скоро пришли Манурн, Лабатіеръ, Дюбо, Фегароль. Даже Гонселанъ, никогда не посѣщавшій вечеромъ кафе, пришелъ потому, что разнесся слухъ о возвращеніи Дютрейля. Дю-Фусса, увидя его, выпучилъ глаза, опустил руки по швамъ, подражая новобранцамъ, что онъ послѣднее время дѣлалъ съ большимъ успѣхомъ. Дютрейлю говорили, что его внезапный и таинственный отъѣздъ возбудилъ много толковъ. Когда узнали о его возвращеніи изъ «столицы», куда онъ ѣздилъ съ исключительной цѣлью повидать старыхъ друзей, всѣ осыпали его вопросами, и Гонселанъ былъ очень удивленъ, не получивъ никакихъ свѣдѣній относительно рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ. Дютрейля окружили со всѣхъ сторонъ, подходили случайные посѣтители, завсегдатаи, окончившіе игру. Пожимали его руку, радовались его возвращенію, только Понъ-Каналь, ударивъ его по плечу, обратился къ нему съ упрекомъ:

— Что же вы сдѣлали? Вы уѣхали въ такую минуту, когда баллотировали Сериньяка. Однимъ голосомъ больше или меньше,

конечно, безразлично, но вашъ голосъ стоить двадцати. Хорошо, что я ему откопалъ другіе голоса.

Сериньякъ, дѣйствительно, былъ избранъ, почти единогласно, прошлымъ воскресеньемъ.

— Это побѣда, мой другъ!... Реакціонеры и не пытались вступать въ борьбу!... Теперь онъ хозяинъ города, онъ можетъ дѣлать, что захочетъ... И я тутъ встать, не правда ли?

Всѣ выражали свою радость по поводу приѣзда Дютрейля. Манури, желая отпраздновать это радостное событіе, предложилъ вистъ. Дютрейль согласился, проигралъ и рано пошелъ домой, чтобы наверстать бессонную ночь, проведенную въ вагонѣ. Когда онъ проходилъ по площади, ему пришло въ голову зайти въ *Фило*. Тамъ его тоже приняли прекрасно. Серейжоль и Берсеголь проводили его до дому. Давно онъ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. Онъ примирился съ самимъ собою, съ жизнью, начиналъ смотрѣть на все снисходительнѣе и былъ полонъ широкихъ замысловъ. Онъ былъ тронутъ, чувствовалъ благодарность къ Монтаньяку. Онъ сравнивалъ этотъ простой, сердечный приемъ здѣсь съ радушіемъ и плохо скрываемою неприязнью друзей Ла-Бюрта. «Они любятъ меня», — думалъ онъ, вспоминая о своихъ товарищахъ по кафѣ и по клубу, и они славные люди. Можетъ быть это то *что-то*, недостававшее ему въ Парижѣ?

Онъ хорошо выспался и проснулся бодрый, въ отличномъ расположеніи духа. На его настроеніи слегка отозвался лишь холодъ, который ему дала почувствовать мадамъ Гарадель. Она не освѣдомилась ни о цѣли, ни о результатахъ его поѣздки, слушала его съ поддѣльнымъ равнодушіемъ и совершенно не замѣчала его намековъ.

«А! — сказалъ онъ себѣ, — это досада влюбленнаго и женское тщеславіе... придетъ и мой чередъ!»

Даже гипотеза возможнаго разрыва ему казалась легкой, такъ какъ возвращала ему свободу. Въ томъ, какъ она открыто защищала Сериньяка, онъ видѣлъ измѣну литературѣ въ пользу политики. Сериньякъ, раньше шумливый и нахальный, со вступленіемъ въ новую должность сталъ торжественнымъ и безмолвнымъ. Господу Гарадель онъ посѣщалъ каждый вечеръ. Однажды Дютрейль видѣлъ, какъ онъ зашелъ къ ней въ 5 часовъ пополудни.. часъ, въ который, въ былое время, онъ бывалъ у нея.

Дютрейль вернулся къ *Сумеркамъ*, заброшеннымъ имъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, разсматривалъ ихъ такъ, какъ бы онъ поступилъ съ произведеніемъ незнакомаго ему автора, и не *узналъ*

ихъ. Даже тѣ мѣста, — а ихъ-то было немного!, — которые раньше удовлетворяли его, когда въ умственномъ возбужденіи, слѣдующемъ за творчествомъ, онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ перечитывалъ еще теплыя страницы и повторялъ: «Это, въ самомъ дѣлѣ, недурно», — даже эти мѣста теперь казались ему болѣе чѣмъ посредственными. Мысли, образы, слогъ — все это тяжело, несвязно, темно, плоско или напыщенно. «Какъ я могъ это написать?...» — изумленно шепталъ онъ въ отчаяніи. Онъ уничтожилъ все, что имъ было раньше написано. И потому ли, что онъ сумѣлъ болѣе ловко распорядиться матеріаломъ и расположилъ его въ другой послѣдовательности, но онъ уже не сталкивался съ прежними препятствіями. Онъ передѣлалъ въ три недѣли то, на что раньше ему потребовалось четыре мѣсяца. Идя такими быстрыми шагами, онъ уже былъ высочайшаго мнѣнія о своей опытности, считалъ себя излѣченнымъ и написалъ объ этомъ Ла-Бюрту въ торжественныхъ выраженіяхъ.

Увы! Онъ споткнулся на первомъ же шагу, какъ только приступилъ къ дальнѣйшему. Онъ натолкнулся на тѣ же препятствія, столь же многочисленныя и ужасныя, какъ и раньше, но на этотъ разъ онъ уже не надѣялся ихъ преодолѣть. Развѣ онъ не пробовалъ? Не истощилъ всѣ средства?... Онъ опять почувствовалъ безсиліе и, не останавливаясь на причинахъ, не могъ больше дѣлать надежды побороть его. Нѣтъ больше средствъ, нѣтъ вѣры въ будущее, вѣры въ успѣхъ; осталась только горечь воспоминаній и предчувствіе неизбѣжной катастрофы.

Онъ ухватился за страхъ. Не онъ ли главный виновникъ его неудачи? Не сдѣлалъ ли онъ самъ свой идеалъ недосыгаемымъ, ставя его слишкомъ высоко? Не былъ ли онъ къ себѣ слишкомъ требовательнымъ? Чрезмѣрное усердіе иногда вреднѣе небрежности. Не въ мѣру напрягая умъ, онъ часто затемняетъ и высушиваетъ его. Зачѣмъ создавать себѣ такія пытки? Почему всегда быть неудовлетвореннымъ? Эта страница, эта фраза, такъ тщательно отдѣланная, ему бы хотѣлось, чтобъ она была элегантна, гениальна, нова, безъ малѣйшей погрѣшности, не стоила бы ему цѣлаго часа или дня работы, — онъ считалъ ее скверной, — но Гаранъ, Ребю, Версель и т. д. не были ли бы счастливы, не гордились ли бы ею? Быть Монлоромъ! А почему же нѣтъ? Развѣ лучше быть ничѣмъ?... «Да!» — восклицала возмущенная гордость. «Нѣтъ!» — шептала надломленная воля. Но невѣжество и цинизмъ, создающіе Монлоровъ, не являются по заказу. Литературная порядочность Дютрейля не допускала уступокъ: онъ не терпѣлъ посредственности.

Онъ потерялъ способность отличить правду отъ ошибки, хорошее отъ дурнаго, и блуждалъ какъ въ потемкахъ, опять уничтожалъ все написанное, чтобы передѣлывать снова. Всѣми силами старался онъ вызвать въ себѣ ясность и энергію; онъ говорилъ себѣ, что если сдастся, тогда все неминуемо потеряно, что жизнь его поставлена на карту. Онъ молился невѣдомымъ богамъ, умолялъ судьбу сжалиться надъ нимъ. Въ эти минуты онъ работалъ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Онъ шелъ и шелъ впередъ, безъ оглядки, пользуясь безъ разбора подвертывавшимися ему мыслями и словами, силясь находить ихъ пригодными. Ему казалось, что все спасено, когда счастье улыбалось ему на часъ, и что все пропало, когда ему не везло. Въ такія минуты онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ. Онъ въ отчаяніи застывалъ неподвижно надъ письменнымъ столомъ, или убѣгалъ съ восклицаніемъ: «Я не могу!... Я не могу!...»

Онъ впадалъ въ полное уныніе. Значить, онъ ошибся! Онъ былъ обманутъ призракомъ, мечтами, поддерживаемыми не только имъ, но и Ла-Бюртомъ. Какъ школьникъ, получивъ награду за рисованіе, мнитъ себя Рафаэлемъ, такъ и онъ потому только, что любилъ литературу, потому что былъ одаренъ (экое рѣдкое достоинство!) нѣкоторой чуткостью, потому что любилъ и чувствовалъ прекрасное, думалъ, что въ немъ есть искра Божья, считалъ себя гениемъ.

Онъ изнемогалъ подъ гнетомъ самаго низкаго и смѣшнаго чувства: безсилія. Какъ смѣются надъ тѣми, кто не умѣетъ держать оружія въ рукахъ, а любить болтать о войнѣ и побѣдахъ, такъ посмѣются и надъ его неудачей.

Въ немъ произошла рѣзкая перемена. Все ему опостылѣло. Онъ опять сдѣлался сумрачнымъ и раздражительнымъ. Цѣлыя недѣли проходили въ полномъ бездѣйствіи какъ въ кошмарѣ, прерываемомъ припадками гнѣва. На службѣ онъ о чемъ-то мечталъ; за обѣдомъ, въ кафѣ, говорилъ мало и всегда рѣзкимъ, раздраженнымъ тономъ, точно искалъ случая поссориться. То вдругъ исчезалъ, не говоря ни слова, и уединялся въ своей комнатѣ, гдѣ его преслѣдовали и изводили воспоминанія. Вечера проводилъ въ клубѣ и съ возвращеніемъ зимы сталъ навѣщать знакомыхъ. Но общество друзей или встрѣчи съ незнакомыми были ему не менѣе тяжелы, чѣмъ одиночество, а развлечения болѣе неприятны, чѣмъ ничегонедѣланіе. Недовольный собой, онъ перенесъ свою злобу на Монтаньякъ. И раздувалъ въ себѣ эту злобу. Она возвышала его въ собственныхъ глазахъ и онъ восклицалъ: «какіе звѣри!»—точно вырвавшееся ругательство могло ему служить ищченіемъ, извиненіемъ!

IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ Дютрейль поселился въ Монтаньякѣ, онъ систематично лишалъ себя театра, — удовольствія, которое ему было, однако, дорого и которымъ въ другомъ городѣ онъ бы широко пользовался. Онъ появлялся въ театрѣ только тогда, когда пріѣзжала на гастроли извѣстная парижская труппа и ставились пьесы Ожье, Дюма или пьесы, составлявшія «послѣдній громадный успѣхъ театра Vaudeville или Comédie-Française». Онъ не посѣщалъ театра и потому, что постоянная труппа Монтаньяка была слишкомъ посредственна и требованія его были выше, отчасти же и потому, что онъ принципиально воздерживался отъ воѣхъ публичныхъ развлеченій, грубыхъ удовольствій, недостойныхъ его. Бриссару, Бернесу, спрашивавшимъ его: «Вы пойдете сегодня вечеромъ?» — онъ часто пренебрежительно отвѣчалъ: «Вотъ еще!» или «Съ какой стати!» Его обвиняли въ пристрастїи. Но вотъ Манури предложилъ ему кресло, взятое имъ для двоюроднаго брата, которымъ тотъ не могъ воспользоваться. Манури ожидалъ отказа. Дютрейль, однако, принялъ предложеніе, слѣдуя потребности не слишкомъ предаваться одиночеству. Впослѣдствїи, однако, это было истолковано совершенно иначе.

Въ этотъ вечеръ труппой былъ назначенъ третїй дебютъ. Сезонъ начался неудачно. Первые представленія прошли скандально. Первый теноръ долженъ былъ по требованію публики порвать контрактъ; нѣкоторымъ другимъ пѣвцамъ и пѣвицамъ грозила та же участь. Говорилось о заговорѣ, предвидѣлись ссоры, дѣлались предсказанія, держались пари. Программа состояла изъ оперетки въ трехъ дѣйствїяхъ и комедїи въ четырехъ. Публика, вѣдь, любить и зобиліе, случается иногда, во время ярмарки или мѣстнаго праздника, что занавѣсъ обязательно опускается только на двѣнадцатомъ дѣйствїи, въ два часа ночи. Директоръ театра счастливъ лишь тогда, когда партеръ считаетъ, что посмотрѣлся «на всѣ деньги!»

Около восьми часовъ публики стала собираться на площади у главнаго входа театра, — это большое квадратное зданіе, выдѣленное известкой, ни старое, ни новое, безъ всякой архитектуры. Кромѣ театра, въ немъ помѣщается военный судъ, аукціонный залъ и пожарное депо. На двухъ углахъ площади съ одной стороны *Кафэ человеческихъ правъ* и съ другой — *Современная пивная* были ярко освѣщены. Передъ подъездомъ двѣ торговки на лоткахъ, тускло освѣщенныхъ свѣчкой, защищаемой отъ вѣтра

желтой бумажкой,—расположили свой товар: апельсины и леденцы.

Между тѣмъ какъ Брюанде, Лабатіеръ, Дю-Фусса и нѣсколько офицеровъ поднимались по лѣстницѣ въ первый ярусъ, Манури и Дютрейль пробирались въ кресла по узкому проходу, такому узкому, что двое посѣтителей самаго обыкновеннаго сложенія не могли идти рядомъ. Дю-Фусса, остановившись на одной изъ площадокъ, крикнулъ имъ:

— Баково тутъ въ случаѣ пожара!

Несмотря на звонокъ, музыканты еще не были въ сборѣ. Глухой шумъ шелъ со сцены, гдѣ доканчивали ставить декорации. Отъ дрожащей занавѣси подымались маленькія волны пыли.

Дютрейль положилъ свое пальто и шляпу, запачканныя о бѣлую стѣну, на незанятое кресло (вещей не кому было сдать), и, прислонясь къ низкой перегородкѣ, отдѣлявшей оркестръ отъ кресель, принялся разсматривать залу.

Въ креслахъ онъ узналъ майора Сабурѣна, банкира Сирейголя, адвоката Баррусель,—все они были членами *Фило*,—доктора Шамбаріеръ, лѣчившаго рабочихъ предмѣстья, заставляя ихъ платить за совѣтъ впередъ, Малишева, редактора одной изъ газетъ. Дамъ было мало, *общество* позволяло себѣ эту вольность только когда шла опера (четыре дня въ сезонъ, во время ярмарки). Нѣсколько супружескихъ паръ рѣшились пойти противъ этикета, но скрывались въ темныхъ бенуарахъ. Мадамъ Белюгу и мадамъ Эсгарисъ, объявивъ, что имъ нечего бояться послѣ бала Моранъ-Шассана, расположились въ первомъ ряду. Первая щеголяла голубымъ платьемъ съ широкими розовыми полосками, вторая—шляпой съ отдѣлкой изъ колибри и цвѣтовъ.

Балконъ, поддерживаемый двадцатью плохонькими колонками (фонарными столбами, не бывшими въ употребленіи) заканчивался выступомъ, обитымъ полоской краснаго бархата, а по бокамъ грубо, клеевой краской, были нарисованы гирлянды цвѣтовъ. Лагъ, которымъ они были покрыты, превратился, подъ вліяніемъ газа, пыли и сырости, въ какую-то клейкую массу,—ни дать, ни взять какъ это бываетъ со ставнями, въ магазинахъ, съ полвѣна подвѣргающихся вліянію непогоды. Что-то вродѣ ниши выступало на галлерей, это было мѣсто полицейскаго, призваннаго въ спорныхъ случаяхъ возвѣщать отсюда какъ съ каеэдръ, принять или отвергнуть дебютантъ. Было много офицеровъ, между ними помѣстился Дю-Фусса. Его мягкая шляпа была надѣта на бокъ, воротникъ пиджака приподнятъ, чтобы скрыть бѣлье не первой свѣжести. Онъ

разсказывалъ непристойныя и веселенькія анекдоты. За нимъ сидѣлъ Брюандэ, смѣясь во весь ротъ. Дальше аптекарь Ринажи старался удрать отъ Гонселэна. Послѣдній пользовался вечерами, проводимыми въ театрѣ, для того, чтобы высказывать передъ толпой свои республиканскіе взгляды. Обратившись къ несчастному аптекарю, который пришелъ въ театръ исключительно, чтобы аплодировать своей любовницѣ, хористкѣ Рашель, Гонселэнъ такъ громко посвящалъ его въ содержаніе своей статьи, должествующей появиться завтра, что слова «Республика...» долетали до оркестра. На томъ же балконѣ рядомъ со своей прислугой сидѣла знаменитая Нини Гурбюръ, — она уже десять лѣтъ абонировала эти мѣста. Прислуга, молчаливое животное, съ деревяннымъ лицомъ, сосредоточенно смотрѣла впередъ. Нини, единственная представительница высшего демимонда въ Монтаньякѣ, прославляемая за какіе-то подвиги и чары въ газетахъ, сидѣла, скрестивъ руки на колѣняхъ, и напоминала собой жирную индѣйку, выставленную въ мясной лавкѣ. Это было веселое существо, успѣвшее воспитать уже два поколѣнія. Больше всего ее занимало, когда ей удавалось поймать направленные на нее исподтишка завистливыя и возмущенныя взгляды честныхъ женщинъ и цѣломудренныя мины мужей, этихъ господъ въ *Фило*, еще наканунѣ сажавшихъ ее къ себѣ на колѣни или собравшихся проводить съ нею слѣдующую ночь.

Во второмъ ярусѣ размѣстились подпоручики и солдаты, вытянувшіеся въ рядъ какъ на парадѣ, но съ растегнутыми мундирами и поясами. Было много мужиковъ, рабочихъ, достаточно испорченныхъ для того, чтобы за вечеръ спустить часть дневного заработка. Надъ ними въ полумракѣ висѣлъ третій ярусъ, раекъ. Тамъ публика сидѣла облокотившись на желѣзную рѣшетку, бывшую единственной опорой для зрителей.

Въ партерѣ была страшная толкотня, толпа задѣвала за перегородки, отдѣляющія бенуары, тѣснилась въ проходахъ и вѣчно-открытыхъ дверяхъ. Въ Монтаньякѣ не существуетъ никакого порядка на этотъ счетъ, всякій имѣетъ право войти въ отворенную дверь. Часто приходится видѣть, стоящими въ проходѣ, малыя группы людей, или, какъ теперь, по 30 человекъ на скамейкахъ, рассчитанныхъ на пятнадцать. Скамейки трещать, зрители другъ друга толкають, ссорятся, бранятся. Женщины кричатъ, дѣти плачуть, а запоздалые посѣтители, тщетно испробовавъ пробить себѣ локтями дорогу, стоять среди толпы, не имѣя возможности двинуться ни впередъ, ни назадъ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ маленькыхъ городкахъ и въ особенности въ Монтаньякѣ, который

очень любить театр, т.-е. скорѣе его шумъ, — партеръ посѣщается самую типичною частью населенія. Рабочихъ здѣсь мало. Публику составляютъ мелкіе торговцы, привазчики, служащіе въ конторахъ и кассахъ. Они разиѣщаются группами по роду занятій; всѣ другъ друга знаютъ на ты, разговариваютъ, вричатъ, стучать ногами, поютъ, дерутся, выражаютъ презрѣніе музыкантамъ, актерамъ, публикѣ, занимающей дорогія мѣста и даже полицейскому. Здѣсь они дома, никого и ничего не боятся; они приводятъ въ ужасъ директора театра и актеровъ, главнымъ образомъ, во время дебютовъ, такъ какъ ихъ восторги такіе же дикіе и нелѣпые, какъ и ихъ злоба. Многіе доканчиваютъ здѣсь обѣдъ, такъ что когда эту берлогу подметають, то попадаются корки хлѣба, куски сыра, кости, засаленныя бумажки и обгрызки фруктовъ. Такъ какъ мѣста въ театрѣ не номерованы, то во время антракта зрители привязываютъ къ нимъ свои носовые платки. Они приводятъ съ собою женщинъ, матерей, сестеръ, любовницъ, которыхъ ничто не удивляетъ и не шокируетъ, ни бранныя слова, ни непристойныя шутки, ни самое ужасное неприличіе, ни сосѣдство другихъ женщинъ, — на половину работницъ, на половину проституткокъ, которыя, находясь здѣсь среди своихъ добрыхъ знакомыхъ, ведутъ себя какъ дома, дозволяя всякія вольности. Онѣ, живя на одной улицѣ, не презирають другъ друга, и когда случай сближаетъ ихъ, болтають между собою, оказываютъ другъ другу услуги, предлагаютъ кусочекъ апельсина и не отказываются отъ карамельки.

Однако давно было пора начать. Публика приходила въ нетерпѣніе. Въ партерѣ и въ верхнихъ ярусахъ она такъ стучала объ полъ ногами и желѣзными наконечниками палокъ, что подымалась пыль. Кричали: «начало! начало!» Музыканты поспѣшили занять свои мѣста, и звуки скрипокъ, піанино, ясныя гаммы трубъ и руды флейты покрыли шумъ сапогъ. Внезапно изъ люстры, висѣвшей на потолокѣ между вентиляторами, давно отказавшимися дѣйствовать, былъ пущенъ свѣтъ, встрѣченный радостными восклицаніями: «а!... аа!...» Капельмейстеръ ударилъ смычкомъ по пюпитру, призывая музыкантовъ къ вниманію, повернулъ голову направо, нагѣво, вытянулъ руку и движеніями плечъ началъ отбивать первые такты.

Разговоры прекратились, кто-то крикнулъ: «сидѣть!... шляпы!...» Занавѣсъ медленно поднялся, со сцены пахнуло сыростью.

Дютрейлю достаточно были знакомы непоколебимые законы оперетки и онъ заранѣе приготовился увидѣть хоръ крестьянъ (или

вельможъ, старыхъ воиновъ), расположившійся въ харчевнѣ (или въ лагерѣ, — или въ роскошной залѣ дворца), прославляющихъ въ пѣснѣ вино, любовь и войну, или какого-нибудь капитана, вельможу (который женится, побѣдилъ враговъ, или возвращается изъ дальняго путешествія). На этотъ разъ это были крестьяне, харчевня и свадьба. Мужчины въ ихъ выпцвѣтшихъ мишурныхъ костюмахъ были смѣшны серьезнымъ отношеніемъ къ роли и хотя и похвальными, но помичными стараніями не сбиться съ такта.

Они не желѣли собственнаго голоса. А женщины! Одѣтыя въ яркія платья, — голубой и красный цвѣта преобладали, — онѣ неподвижно стояли, скрестивъ руки на животѣ, опутивъ глаза или уставившись на капельмейстера и слѣдя за каждымъ его движеніемъ руки и палочки. А какія у нихъ лица!... Вина ли это директора, или таковъ ужъ отпечатокъ профессіи? Увидшія, истасканныя, въ морщинахъ, которыя не скрашивалъ плохо наложенный гримъ, въ трико, дававшимъ возможность судить о кривыхъ колѣняхъ и высокихъ икрахъ. Одна показывала свои красныя, шершавыя и угреватыя руки прачки. Другая, подслѣповатая; такъ зачернила себѣ вѣки, верхнюю часть щеки и носа, что лицо ея казалось покрытымъ шрамами. Въ послѣднемъ ряду, несмотря на ея старанія спрятаться, Дютрейль разыскалъ старушку, — старую, престарую! — беззубую, съ усами, съ полинявшими бровями и потухшими глазами, одѣтую въ зеленую юбку и желтые полосатые чулки. Вниманіе партера было всецѣло обращено на нее, надъ нею потѣшались, подчеркивали ее выходы, и стоило ей произнести слово, пропѣть четверть куплета, чтобъ ее заставляли повторять. Ей постоянно угрожали оваціи и аплодисменты, какъ другимъ свистки.

Хоръ, разставленный въ два ряда, пѣлъ «да здравствуетъ» и, выражая радость, махалъ шапками. Изъ-за кулисъ появилась пара, теноръ и контральто: только что была отпразднована ихъ свадьба. Хористы низко кланялись, привѣтствуя молодыхъ. При ихъ выходѣ все смолкло, въ залѣ мгновенно наступила какая-то зловѣщая тишина и вслѣдъ за этимъ раздались неистовые свистки. Дютрейль обернулся. За нимъ большинство зрителей партера и второго яруса ожесточенно свистѣли, не давая себѣ времени передохнуть и обливаясь потомъ. Разъяренный теноръ, безуспѣшно попробовавъ пропѣть нѣсколько тактовъ, осторожно отошелъ отъ своей подружки, а эта, вѣроятно, предвидя грозу, совершенно спокойная, сложила руки, ждала.

— Это заговоръ? — сказалъ Дютрейль.

— Скорѣе казнь.

— За что?

— Говорятъ, что она любовница директора, пригласившаго ее въ этомъ сезонѣ, несмотря на то, что ее не приняли въ прошломъ. Она жила съ сыномъ Эспиталу, вѣрно его спровадила, а этотъ куда-жъ мститъ. Ее вѣдь никто не защищаетъ.

Офицеры попробовали протестовать, но напрасно; послышалось кое-гдѣ: «довольно! довольно!...»

Публика въ креслахъ и ложахъ выказывала свое презрѣніе сначала сдержанностью, но, понемногу заразившись шумомъ и общимъ движеніемъ, присоединилась къ недовольнымъ. Въ райкѣ бѣсновались. Кто-то изображалъ пѣтуха, потомъ корову. Полицейскій смотрѣлъ на все безучастно, хористы спокойно переговаривались, а теноръ, желая снискать симпатіи партера, коварно улыбался.

Музыканты-«любители», днемъ торгующіе свѣчами или сидящіе надъ столбцами цифръ въ конторахъ,— между ними было только два-три настоящихъ музыканта изъ военнаго хора,— тайно раздѣляли негодованіе публики. Флейтистъ перемпгивался съ самыми рьяными свистунами и подзадоривалъ ихъ повторяемыми «к'сс... к'сс». Капельмейстеръ машинально переворачивалъ страницы партитуры.

— Бѣдная дѣвушка!... — прошепталъ Дютрейль.

— Ахъ!... Она привыкла и вы видите она совсѣмъ не волнуется.

Наконецъ, истощивъ всѣ силы, протестующіе смолкли. Актриса, лицо которой продолжало оставаться спокойнымъ, подошла къ рампѣ и спокойнымъ голосомъ начала свой куплетъ.

— Бѣдовая женщина! — сказалъ Дютрейль.

Ему захотѣлось вознаградить ее за храбрость. Бромѣ того онъ испытывалъ потребность пойти наперекоръ залѣ, вооружившейся противъ несчастной женщины. Онъ видѣлъ въ этомъ низость. Наконецъ, ему хотѣлось стряхнуть съ себя давящее чувство неловкости и показать, что онъ не принадлежитъ къ этой грубой толпѣ. Онъ зааплодировалъ. Публика сначала увидѣла въ этихъ аплодисментахъ иронію, но когда Дютрейль повторилъ ихъ, то возобновились ожесточенные свисты и со всѣхъ сторонъ послышались крики негодованія. Женщины привставали чтобы разсмотрѣть дерзкаго противника.

Манури, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, не имѣя возможности удалиться, покраснѣлъ; мадамъ Белюгу надулась и выражала свое презрѣніе. Позади Дютрейля посмѣивались, со второго яруса раздался голосъ:

— Чѣмъ ты ему заплатила?...

— Забудьте, — пробормоталъ испуганный товарищъ прокурора. — Вы заставите ее перестать пѣть и ей придется порвать контрактъ.

Удивленная актриса искала глазами своего защитника. А когда увидѣла съ удивленіемъ, что это какой-то незнакомецъ, — поняла опасность своего положенія, и начала бросать на него умоляющіе взгляды.

Онъ умолялъ и ей дали допѣть благополучно. Тогда Дютрейль принялся разсматривать свою протезу. Она показалась ему довольно хорошенькой и свѣженькой. Она играла свободно и игра ея не была лишена ума. Изъ афиши онъ узналъ, что ее зовутъ Режина Баранси. «Она, право, не такъ плоха», — подумалъ онъ. Теноръ худой, длинный, неловкій и претенціозный, съ раздутой и глупой физиономіей и желтымъ парикомъ, рассчитывалъ на успѣхъ. Онъ лѣзъ изъ кожи, надрывалъ свой тонкій, кислый, плохо поставленный голосъ, его верхнія ноты заканчивались какимъ-то хрипѣніемъ. Кромѣ того онъ не зналъ роли и невѣрно подавалъ реплику, старался поправиться, принимая смѣлый и побѣдоносный видъ, но только подчеркивалъ свои недостатки и становился смѣшнымъ. Онъ бѣсновался, таращилъ глаза, расточалъ улыбки. Все это явно раздражало публику. Онъ спѣлъ, кривляясь съ непопозвоительною миной, романсъ, нѣсколько мужиковъ ему поаплодировали, но ихъ заставили замолчать, и Кабатинъ, сложивъ ротъ сердечкомъ и приготовившись уже раскланываться, удивленный этою строгостью, поднялъ руки вверхъ, и какъ бы призывая небеса въ свидѣтели.

Онъ ушелъ со сцены и актъ кончился спокойно, благодаря комику Сантъ-Люнеру, любимцу партера, три сезона подъ рядъ удерживавшему его въ Монтаньякѣ. Какъ только онъ вышелъ съ своими задранными вверхъ усами, носомъ похожимъ на трубу, крючковатымъ подбородкомъ и длинными ногами, онъ пользовался тѣмъ же необычайнымъ расположеніемъ, съ какимъ публика встрѣтила его на первомъ дебютѣ. Онъ веселилъ самыхъ угрюмыхъ и спасалъ самыя опасныя положенія. Ему все прощалось и все позволялось, и Понъ-Каналь влялся, «что лучшаго комика нѣтъ въ Парижѣ». На его счетъ ходили легенды. Рассказывали, что онъ изъ хорошей семьи, пошелъ на сцену, слѣдуя неудержимому призванію, онъ и бакалавръ, и музыкантъ, и поэтъ. Онъ меньше вращался въ средѣ товарищей, чѣмъ въ средѣ жителей Монтаньяка. И дѣйствительно онъ былъ единственнымъ выдѣлявшимся своею веселостью и искусствомъ среди этого грубаго шаржа.

Во время антракта Дютрейль охотно бы остался на своемъ мѣстѣ, но Дю-Фусса вызвалъ его, дѣлая знаки руками. Въ это время товарищъ прокурора шелъ раскланиваться съ женой судьи, сидѣвшей въ бенуарѣ. Въ коридорѣ онъ посторонился, чтобы дать дорогу толпѣ, хлынувшей волной изъ партера; она напѣвала только что слышанные мотивы и спѣшила закурить папиросы, — отъ этихъ людей съ трудомъ можно было добиться, чтобы они не курили въ залѣ. Около дверей стоялъ сынъ Эспиталу, обруженный друзьями; онъ былъ очень доволенъ успѣхомъ. Они поздравляли другъ друга съ побѣдой, раздували этотъ инцидентъ такъ, что, слушая ихъ, можно было подумать, что благодаря имъ цѣлый баталіонъ обратился въ бѣгство. Дютрейлю показалось, что они перешептывались и пересмѣивались на его счетъ. Онъ вошелъ въ *Современную пивную*; посѣтителей была масса. Въ маленькой гостиной мадамъ Белюгу и мадамъ Эсгарасъ въ длинныхъ перчаткахъ пили маленькими глотками сиропъ, предложенный имъ Малишекомъ. Мадамъ Белюгу лукаво улыбалась и аплодировала кончиками пальцевъ. Дю-Фусса, сидя у конторки съ вучкой офицеровъ и Брюандэ, всталъ и, разводя руками, воскликнулъ:

— Блянусь честью, храбрые военные!... Вы хитры. Женщины любятъ такихъ героевъ, какъ вы. И Баранси, конечно, стоитъ нѣсколькихъ «браво».

Дютрейль, замѣтивъ направленные на него улыбки, громко отвѣтилъ:

— Что мнѣ за дѣло до этой Баранси!... Но я пашель низкимъ такое ожесточеніе противъ женщины, слишкомъ талантливой для этихъ звѣрей!...

— Ахъ! Вы увидите, она докажетъ вамъ свою благодарность.

Дютрейль хотѣлъ возразить, но побоялся быть смѣшнымъ, придавая этому пустому происшествію большую важность. Онъ промолчалъ и рѣшилъ до звонка терпѣливо не отвѣчать на всѣ шутки. Бъ нему подошелъ Малишекъ.

— Поздравляю васъ, мой другъ! — сказалъ онъ.

— Ахъ, ради Бога, довольно на эту тему!

— Однимъ словомъ, если вы только захотите, дѣло въ вашихъ рукахъ.

— Я такъ мало этого хочу, что съ удовольствіемъ отправился бы домой.

— Оставайтесь. Можетъ встрѣтиться еще что-нибудь смѣшное!

— Вы предполагаете, что они опять начнутъ?

— Съ Региной?... Нѣтъ. Она получила свое. Но я не хотѣлъ

бы быть въ шкурѣ тенора. Вотъ этотъ не состарѣтся въ Монтаньякѣ!

Малишегъ, самъ коренной житель Монтаньяка, разыгрывалъ изъ себя пресыщеннаго парижанина, какъ только онъ находился не въ обществѣ земляковъ. Никто тогда такъ жестоко не подсмѣивался надъ городомъ. Онъ передразнивалъ акцентъ, жесты, манеры, но смѣясь надъ другими, былъ смѣшонъ и самъ, такъ какъ ничуть не отличался отъ нихъ.

— А вѣдь все это недурно, — продолжалъ онъ. — Сознайтесь, что не всѣ умѣютъ такъ свистѣть. Жалко, что вы не присутствовали на какомъ-нибудь торжественномъ спектаклѣ, когда чувствуютъ великаго артиста. Тогда поздравляютъ другъ друга, пожимаютъ руки, цѣлуются, восклицая: «Наконецъ у насъ теноръ!»... Мы вѣдь страстные любители, цѣнители искусства. Говорятъ о Тулузѣ!... Но нужно прѣхать въ Монтаньякъ, чтобы наблюдать за всѣми этими *бисами*, вызовами и проводами!... За то мы не терпимъ посредственности, плутовства, презрѣнія и капризовъ. Вы не знаете исторіи между Монтаньякомъ и одной извѣстною актрисой, которая подъ предлогомъ болѣзни отказалась, заканчивая свое турнѣ, играть у насъ. О, послѣ этого она была у насъ, выражала сожалѣнія! Но ее хорошо наказали, встрѣтили густымъ театромъ!... Примиреніе произошло только тогда, когда вмѣсто одного спектакля она играла въ двухъ. Сколько людей, не глупѣе многихъ, не понимаютъ, что правительство не можетъ намъ присылать каждый годъ, на три мѣсяца, напимѣръ, лучшія силы опернаго и французскаго театровъ, — и что увѣчанные лаврами консерваторцы не обязаны основываться въ Монтаньякѣ. Изъ нихъ бы мы сдѣлали хорошихъ артистовъ; вѣдь это мы создали Фора и Мунѣ-Сюлли.

Малишегъ былъ болтливъ, и когда Дютрейль вошелъ въ залу, первый хоръ уже кончился. Во время антракта распространился слухъ, что выступившій теноръ совсѣмъ не тотъ, о которомъ такъ торжественно раньше было объявлено директоромъ. Этотъ былъ второстепенный пѣвецъ, не принятый ни въ Монтобанѣ, ни въ Багорѣ. Возбужденная публика готовилась жестоко отомстить за такую продѣлку. Первые сцены прошли, однако, благополучно, благодаря комикку Сантъ-Люнеру, — никогда еще ему такъ не аплодировали. Ахъ, эти возбужденныя лица, расширенныя глаза, открытыя рты, волнующіяся ноздри!... Это — звѣри, но ослѣпленные и покоренные звѣри, и ихъ одобрительное рычанье можетъ быть пріятнѣе очаровавшихъ ихъ паяцамъ, чѣмъ великимъ артистамъ одобрительный шепотъ тонкой публики.

Бъ несчастію, теноръ, ревнуя Сантъ-Люнера и предупрежденный о намѣреніяхъ публики, хотѣлъ выдвинуться. Онъ оставался на сценѣ до конца акта и долженъ былъ исполнить бравурную и трудную арію, требующую звонкаго и гибкаго голоса. На немъ былъ надѣтъ сборный старый костюмъ трубадура: перья на шапочкѣ, бархатная мантия, трико, перчатки съ крагами, шарфъ, мандолина и хлыстъ! Сначала его самодовольство, дѣланная увѣренность и манеры великаго непонятаго артиста вызвали движеніе въ публикѣ. Онъ улыбался, надъ нимъ смѣялись; онъ скорчилъ обиженную фізіономію, публика озлилась. Онъ почувствовалъ, что дѣла его плохи, и пошелъ на-проломъ. Во весь голосъ взялъ онъ высокую ноту, — она могла бы спасти, южане любятъ горловыя ноты, — но голосъ сорвался, эффектная нота превратилась въ неисправимое *кванъ*. Тотчасъ поднялся страшный хохотъ, дикіе крики. Со всѣхъ сторонъ кричали: «Довольно!... порвать контрактъ!... вонъ!...»

Ужасный шумъ стоялъ въ залѣ. Нѣкоторые встали со своихъ мѣстъ и стучали объ полъ ногами. Другіе ругали несчастнаго, угрожая ему кулаками, готовясь перепрыгнуть черезъ рампу, а онъ, не сдаваясь, метался по сценѣ, дѣлая то свирѣпые, то умиленные глаза; онъ былъ смѣшонъ въ этомъ поединкѣ съ разнузданною публикой.

Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Ну, Голиаезъ!... Уничтожь тенора!...

Вотъ чудная мысль и справедливая! Она имѣла успѣхъ. Вся эта ничѣмъ не сдерживаемая публика была охвачена новымъ припадкомъ безумія. «Уничтожь тенора, Голиаезъ! уничтожь тенора!...» Весь партеръ стучалъ ногами, махалъ шляпами и платками и тянулся къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Голиаезъ. Не понимая, въ чемъ дѣло, мужики все же поддержали партеръ. Элегантные мужчины и дамы, обрадовавшіеся непредвидѣнному развлеченію, снисходительно улыбались и поощряли манифестацію кивкомъ головы. Капельмейстеръ напрасно старался увлечь своихъ музыкантовъ. Они отложили въ сторону свои инструменты и вторая скрипка, очень опытный старикъ, считая все конченнымъ, незамѣтно улизнулъ. Никто больше не интересовался тѣмъ, что дѣлалось на сценѣ, по которой блѣдный теноръ метался, какъ звѣрь въ клеткѣ. На шумъ сбѣжались актеры изъ-за кулисъ и показалось въ одной изъ дверей испуганное лицо директора. Только Регина Баранси не потеряла спокойствія и упорно смотрѣла на Дютрейля, относившагося съ отвращеніемъ ко всему происходившему..

Голякозъ, знаменитый и всѣмъ извѣстный въ Монтаньякѣ чистильщикъ сапогъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любитель театра, ошеломленный стоявшимъ гуломъ, еще глубже забрался въ нишу, гдѣ находилось его мѣсто. Онъ не сознавалъ, что происходитъ. Сосѣди насильно вытащили его впередъ, къ желѣзной рѣшеткѣ. Испуганными и скромными глазами смотрѣлъ онъ внизъ на эту шумящую толпу, сознавая, что онъ долженъ пѣть, что его отказъ вызоветъ еще большее волненіе, и онъ уступилъ. Пригладивъ свои волосы, растегнувъ куртку, откашлявшись, ставъ въ позу съ достоинствомъ и торжественностью, достойной пророка, онъ разбитымъ, но горячимъ и сильнымъ голосомъ пропѣлъ арію тенора, закончивъ ее чудной верхней нотой. Капельмейстеръ машинально отбивалъ тактъ.

Восторгамъ не было конца. Самые заядлые кричали «бисъ!», но пѣвецъ, раскланявшись во всѣ стороны, благоразумно сѣлъ на свое мѣсто. Майоръ Сабурень, съ видомъ знатока кивнувъ головой, сказалъ мадамъ Белюгу:

— У этого малаго въ самомъ дѣлѣ славный голосъ!

— Да. Жаль, что онъ не учился, — отвѣтила она.

Когда волненіе стихло и вниманіе снова было обращено на сцену, тенора уже не оказалось. Его бѣгство вызвало такое же бѣшенство, какъ нѣсколько минутъ раньше вызывало его присутствіе. Какъ! этотъ мерзавецъ позволяетъ себѣ уйти прежде, чѣмъ его прогонятъ!... Какое оскорбленіе!... И директоръ его соучастникъ? Можно ли допустить такую дерзость?... Что же это — насмѣшка? Развѣ публика обречена вмѣсто первоклассныхъ пѣвцовъ изъ Бордо или Тулузы подбирать отбросы Монтобана и Багора!... Куда же идетъ субсидія? На любовницъ этого вора?

Злоба съ тенора теперь перешла на директора и послышались крики: «Директора!... директора!...» Появился режиссеръ, согласно обычаю, поклонился три раза, началъ говорить, но дальше чѣмъ «милостивыя государыни и милостивые государи» онъ не пошелъ. Въ нему на выручку подоспѣлъ директоръ, въ попыхахъ надѣвъ сюртукъ. Объ былъ блѣденъ и нервно крутилъ въ рукахъ старыя перчатки.

— Милостивыя государыни, милостивые государи... извините, что я въ такомъ видѣ предсталъ предъ вами... — имѣю честь доложить, что, убѣдившись въ непригодности г. Малишева, я поспѣшилъ порвать съ нимъ контрактъ. Мы вынуждены прервать представление, деньги будутъ возвращены въ кассѣ. Позвольте мнѣ доавить, что подобные инциденты не будутъ повторяться.

Кто-то насмѣшливо сказалъ: «прекрасно, прекрасно!», но другой голосъ возразилъ:

— Нѣтъ! А теноръ?... Другой теноръ?

Партеръ поспѣшилъ поддержать:

— Да, да... Другой теноръ!

— Милостивыя государыни, милостивые государи... — директоръ, видимо стараясь казаться крайне вѣжливымъ, еще смягчилъ свой голосъ.—Я не останавливался ни предъ какими жертвами, чтобы пригласить г. Жакодэна изъ Тулузы, но въ послѣднюю минуту дѣло разстроилось. Я началъ новые переговоры съ г. Маріюсъ изъ Марселя. Но временно и чтобы васъ не лишать театра...

— Все-таки нужно было его выписать!...

— Однако, милостивые государи... — онъ поправился:—милостивыя государыни и милостивые государи... Я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что въ послѣднюю минуту г. Жакодэнъ... Я только вчера получилъ телеграмму... въ самомъ дѣлѣ, это не моя вина...

Оправданіе показалось страннымъ. Недовѣрчивый шепотъ пошелъ по залѣ и все тотъ же голосъ крикнулъ:

— Покажите эту телеграмму!

— Господа, клянусь вамъ...

— Телеграмму! телеграмму!...

Несчастный импрессарио пытался избѣгнуть этого оскорбленія. Онъ хотѣлъ говорить, дѣлалъ движенія руками, чтобы остановить поднявшійся гамъ, но ничто не помогало, тогда съ видомъ человѣка, рѣшающагося на крайнюю мѣру, онъ пошелъ за кулисы, и спокойствіе было восстановлено лишь тогда, когда онъ оттуда вернулся съ голубой бумажкой въ рукѣ и прочелъ слѣдующее: «Невозможно принять ваше предложеніе.—Жакодэнъ». Казалось, доказательство было достаточно убѣдительнымъ, но все-таки публика сомнѣвалась и кричала: «Покажите!»

Директоръ сомкалъ бумажку какъ бы для того, чтобы бросить ее въ партеръ, но онъ счелъ болѣе дѣйствительнымъ посредничество «авторитета» и потому, не имѣя возможности протянуть ее полицейскому, насадивъ телеграмму на кончикъ оружія одного изъ фигурантовъ, онъ передалъ ее судѣ.

— Это вѣрно, — сказалъ судья. — Дѣйствительно написано: «Невозможно принять ваше предложеніе.—Жакодэнъ». И телеграмма изъ Тулузы.

Публика не слушала директора, прижимавшаго руку къ сердцу и снова выражавшаго свои сожалѣнія, извиненія и пылкое жела-

не удержатъ за театромъ Монтаньяка его старую репутацію. Какъ бороться противъ судьбы? Директоръ опять повторилъ готовность вернуть деньги, надѣясь, что ему повѣрятъ до будущей недѣли... замѣчательный спектакль... сегодняшніе билеты будутъ дѣйствительны... Все это не успокоило публику, продолжавшую требовать общанный спектакль, несмотря на спущенный занавѣсъ и потушенную рампу. Чтобы спасти свамейки, зловѣщій трескъ которыхъ уже раздавался, полицейскій объявилъ, что администраціей сдѣлаво все и публикѣ остается только разойтись.

Стали медленно расходиться, но раздраженіе не унималось, создавались новые планы мщенія.

У.

Дютрейль оставался равнодушнымъ къ шуточкамъ, вызваннымъ его заступничествомъ за Регину Баранси. Онъ не могъ предположить, чтобы общественное мнѣніе было занято этимъ инцидентомъ. Онъ ошибался. Гонселенъ въ *Патріотъ* подпустилъ тонкій намекъ насчетъ «горячаго протеста», вызваннаго чрезвычайной жестокостью партера. Во *Французскомъ кафэ* Дютрейлю сдѣлали овацію.

Дю-Фусса справился о положеніи его дѣлъ съ Баранси и предложилъ свои услуги быть посредникомъ. Брюанде напомнилъ о всѣхъ историческихъ примѣрахъ женской благодарности. Въ *Фило* Дютрейля встрѣтили шуточками и поздравленіями. Ему казалось, что этотъ тонъ былъ не совсѣмъ искреннимъ, въ особенности когда банкиръ Сирейголь воскликнулъ: «Какъ хороша молодость!» Ему показалось, что во всѣхъ этихъ шуткахъ сквозила зависть. Дютрейль улыбался и пожималъ плечами.

Во всякое другое время онъ остался бы равнодушенъ ко всей этой исторіи, но настоящее расположеніе духа настраивало его на приключенія и ничто не могло ему, новичку въ этомъ дѣлѣ, дать большого спокойствія и забвенія, чѣмъ любовная интрига. Въ немъ понемногу возникла мысль о связи, которую такъ же легко будетъ завязать, какъ и порвать. Она возбуждала его любопытство, подстрекала умъ, обѣщала ему облегчить новый кризисъ, который онъ переживалъ. Но Дютрейля еще долго останавливала бы робость, если бы Баранси, смущенная молчаніемъ своего незнакомца, не позаботилась сама выразить свою признательность. Матрона, принявшая на себя эту миссію, хотя и смущенная переменною ролей, съ такимъ успѣхомъ ее исполнила, что Дютрейль не могъ найти

никакой отговорки. Потому онъ даже сожалѣлъ о потерянномъ времени, убѣдившись, что двадцати минутъ было достаточно для его побѣды.

Актриса, въ силу случайности, Регина Бѣранси не была постоянно занята своимъ «искусствомъ», рѣдко говорила о поднесенныхъ ей лаврахъ, не лишала своихъ любовниковъ счастья для сохраненія *si-bemo!* и никогда, въ минуты забвенія, не угощала ихъ тирадами изъ третьяго акта. Она не задумывалась надъ тѣмъ, чтобъ исполнить какой-нибудь капризъ, такъ какъ счастливые дни слишкомъ рѣдки, чтобы не пользоваться ими. Оказалось, что сердце ея свободно и что она чувствовала потребность дать ему заговорить. Все это она явно показывала Дютрейлю, и наивность молодого человѣка ее очаровала. Онъ настолько былъ непохожъ на всѣхъ ея любовниковъ, что она должна была съ нимъ перемѣнить обычную тактику, это ей нравилось, — актрисы, вѣдь, очень охотно берутся за исполненіе непривычныхъ имъ ролей.

Такъ какъ вмѣстѣ съ зимою начался театральнй сезонъ, то Регина спѣшила показать Дютрейлю всю сладость своей кратковременной любви. Дютрейль, анализируя свои чувства, долженъ былъ сознаться, что она была ему пріятна. Если онъ и *не любилъ* ее, то былъ польщенъ привязанностью, которую она ему выражала. Не было больше покровительственнаго тона, совѣтовъ, разсужденій, педантизма и неловкости, неудовлетворявшей его близости; въ замѣнъ этого — безобидная болтовня, иногда забавная, полное уваженіе къ его затаеннымъ мыслямъ, заразительная безпечность, неистощимая угодливость и пылкость, которая не могла объясняться исключительно искусствомъ и опытностью. Регина открывала ему *женщину* и онъ былъ ей благодаренъ за страсть, которую она въ немъ пробудила. Онъ чувствовалъ, что не будетъ страдать при разлукѣ, ожидалъ ее безъ особой тоски, но не хотѣлъ бы ни на одну минуту ускорить эту разлуку, такъ какъ, несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ забыть прошлаго.

Забудь?... Увы! это было невозможно. Несмотря на всѣ достоинства, Регина не была въ состояніи зажечь въ груди своего любовника пламя, которое уничтожило бы все прошлое! Онъ ничего не забылъ!... ни надеждъ, такъ долго желѣнныхъ, ни твердо намѣченныхъ плановъ, ни своей неспособности привести эти планы въ исполненіе и всѣхъ мукъ вызванныхъ этой увѣренностью. Въ отсутствіи Регины онъ не вспоминалъ о ней и у него оставалось достаточно времени, чтобы думать о грустномъ и тяжеломъ. Но если, ни о чемъ не забывая, онъ ни отъ чего и не отказывался,

вѣря еще въ возможность перерожденія, то во всякомъ случаѣ онъ становился все менѣе и менѣе дѣятельнымъ. *Изъ чему?*—говорилъ онъ себѣ часто.

Въ перепискѣ съ Ла-Бюртожъ, очень дѣятельной съ начала его возвращенія въ Монтаньякъ, произошелъ перерывъ. И въ самомъ дѣлѣ что онъ могъ сообщить ему, кромѣ своей новой неудачи? Ла-Бюртъ догадывался о причинѣ его молчанія, онъ это предвидѣлъ и былъ искренно огорченъ. Самъ онъ былъ очень занятъ комедіей, которую готовилъ на Французскій театръ, и тоже пересталъ писать Дютрейлю; это молчаніе принесло Дютрейлю истинное облегченіе.

Въ октябрѣ Бернесъ, сослуживецъ Дютрейля, получилъ другое мѣсто и уѣхалъ. Этимъ воспользовался Дютрейль, чтобы порвать отношенія и съ другими сослуживцами, обѣдавшими съ нимъ за отдѣльнымъ столомъ. Теперь онъ обѣдалъ за табльдотомъ въ обществѣ Брюандѣ и Гонселѣна. Этимъ, однако, онъ не избѣгнулъ бѣды и только промѣнялъ плохіе каламбуры сослуживцевъ на козни журналиста.

По окончаніи завтрака, кончавшагося чаще *послѣ* двѣнадцати, чѣмъ *до* двѣнадцати, такъ-какъ Гонселѣнъ доѣдалъ все до послѣдней винной ягоды, или орѣшка, — всѣ три собесѣдника направлялись во *французское кафэ*. *Каждый день* по дорогѣ Брюандѣ заходилъ въ табачную лавочку и покупалъ, порывшись въ ящикъ, десятисантимную сигару, а въ это время Дютрейль, поставивъ ногу на все тотъ же камень, разсматривалъ иллюстраціи, выставленныя въ будочкѣ для газетъ. *Каждый день* все за тѣмъ же столикомъ человекъ наливалъ имъ все то же питье, упорно именуемое *кофеемъ*. *Каждый день* они заставали тамъ Манури, Дюбоса и Лабатіера, обѣдавшихъ въ другой гостиницѣ. Встрѣчали они тамъ многихъ другихъ и, между прочимъ, Дю-Фусса, когда онъ, тщетно прождавъ въ военномъ собраніи угощенія кружкой пива со стороны какого-нибудь неопытнаго подпоручика, разочарованный, приходилъ сюда. Дютрейль разсѣянно читалъ парижскія газеты, тѣ же глупости подъ разными названіями и, дочитавъ какой-нибудь рассказъ, или хронику, съ горечью вспоминалъ о своихъ неудачныхъ попыткахъ и о своей трусости.

Онъ надѣялся, что Брюандѣ будетъ для него нѣкоторымъ ресурсомъ; любилъ его веселость и хорошее расположеніе, но ошибся. Брюандѣ обладалъ той узкой эрудиціей и умомъ, какіе такъ часто встрѣчаются у профессоровъ. Манури дѣлался разговорчивымъ, только когда искалъ повода поссориться. Лабатіеръ не по-

шелъ дальше *Монтъ-Кристо* и театра Лабигъ, а Дю-Фусса проявлялъ баснословное невѣжество въ плоскихъ шуткахъ, заимствованныхъ изъ подвиговъ Рамало, составлявшихъ всю его библіотеку. Между половиной второго и двумя часами Бюго слѣшилъ къ себѣ, Гонселонъ въ типографію, Манури въ судъ, Дю-Фусса въ казармы. Брюанде вставалъ, неизбѣжно напѣвалъ понравившійся ему мотивъ изъ оперетки: «Нужно взяться за хомутъ», и направлялся въ лицей. Лабатіеръ находилъ партнеровъ и Дютрейлю оставалось только вернуться на службу.

Онъ слѣшилъ закончить текуція однообразныя дѣла, напминавшія ему его школьныя работы. Если репетиція задерживала Регину въ театрѣ, если дождь или вѣтеръ мѣшали ему пойти на набережную, если онъ не вспоминалъ внезапно, что въ этотъ день принимаютъ мадамъ Белюгу или Тумазо и что онъ имъ долженъ визитъ, то онъ шелъ въ *Фило*. Туда же забирался онъ еще вечеромъ послѣ длиннаго и шумнаго обѣда, болѣе шумнаго, чѣмъ бывали завтраки, ожидалъ тамъ, пока Регина допоеетъ свой послѣдній куплетъ.

Театральный сезонъ кончился въ концѣ марта. Дютрейль не имѣлъ средствъ содержать Регину, и она, говоря, что самыя сильныя удовольствія въ то же время самыя короткія, — уѣхала безъ огласки, безъ неприятныхъ просьбъ, безъ дѣланныхъ слезъ, безъ вглядыванія въ вѣчной любви. Оба признались, что сохранять добрую память другъ о другѣ. Дютрейль обольщалъ себя надеждой, что эту разлуку перенесетъ легко, однако, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что она создала пустоту, которую трудно было заполнить. Онъ опять впалъ въ одиночество, показавшееся ему на этотъ разъ неизлѣчимымъ. Завязать новую интригу, конечно, было не трудно, но присутствіе мадамъ Гарадель заставляло его отказаться отъ этого въ «обществѣ», а женщины, для которыхъ это составляло профессию, звѣзды *café-concert*, или соперницы Нини Брандадъ, вызывали въ немъ отвращеніе. Наконецъ, всякая связь, какъ бы она ни была легка и коротка, требовала отъ него затраты энергій, чего онъ боялся пуще всего. Онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что могъ бы лучше употребить свое время, чѣмъ тратить его на эти пустяки, и только инерція казалась ему заманчивой, создавая неопредѣленное положеніе. Длинные утра, по воскресеньямъ, проводимыя имъ въ постели въ дивномъ оцѣпенѣніи, слѣдующемъ за сномъ и составляющемъ, такъ сказать, сознательный сонъ; музыка на набережной или на площади съ прогулкой по модной аллеѣ съ обмѣномъ поклонами, съ пожатіями руки, съ критической оцѣн-

кой туалетовъ и «хорошенькихъ женщинъ», которыхъ при встрѣчѣ онъ осматривалъ съ головы до ногъ; чашка чаю у мадамъ Рейнуаръ, вечеринка у мадамъ де-Гирессъ—все это сдѣлалось для Дютрейля дѣйствительными развлеченіями, потому что не требовало никакого усилія и потому что его душа оставалась ко всему этому холодна. Онъ искалъ того, что могло охладить его чувства, усыпить его умъ. Онъ боялся сильныхъ волненій. Чтеніе, раньше его очаровывавшее, приводившее его въ восторгъ, теперь не трогало и оставляло неудовлетвореннымъ. Всѣ его чувства соединились въ одно жгучее утомленіе: желаніе покоя и невозможность когда-нибудь его достигнуть. Онъ страдалъ и только увеличивалъ свои страданія, желая ихъ скрыть.

— Что вы хотите?...—говорилъ онъ съ притворной искренностью и принужденной улыбкой.—Я дѣлаюсь умнѣе... Я старѣю!...

Онъ дѣлалъ видъ, будто все ему опротивѣло и тоска его безотчетна. Онъ любилъ, чтобъ его жалѣли, спрашивали и утѣшали: «Это ничего... всѣ прошли черезъ это»...

Однажды мадамъ Гарадель, у которой онъ снова бывалъ, въ отвѣтъ на его жалобы, сказала ему:

— Ахъ, все это очень просто!... Вамъ нужно жениться.

VI.

Легко себѣ представить, что, живя два года въ Монтаньягѣ, Дютрейлю приходилось много разъ выслушивать намеки на его женитьбу. Часто мадамъ Брузазъ и мадамъ Белюгу вели съ нимъ разговоры, чтобы позондировать, каковы его намѣренія:

— Вы собираетесь жениться, не правда ли! Нѣтъ?... Однако въ вашемъ возрастѣ одиночество уже становится тягостнымъ...

— Всякому своѣ чередъ. Вы поступите, какъ и всѣ...

Дютрейль всегда защищался улыбаясь. Жениться?... Господи! И онъ вѣрно къ этому придетъ, такъ какъ это общій законъ. Но въ настоящую минуту онъ не чувствуетъ никакого тяготѣнія къ семьѣ.

И потомъ, кто его возьметъ? Его положеніе не позволяетъ ему этой роскоши.

Несмотря на его осторожность, его нѣсколько разъ провозглашали женихомъ барышни, которой онъ поклонился на улицѣ, или съ которой онъ танцевалъ наканунѣ. Говорили, что онъ влюбленъ, что будто бы *видѣли*, какъ онъ являлся съ букетами, назначали

цифру приданого или день будущей свадьбы. Такъ ужъ это водится въ маленькихъ городишкахъ. Дютрейлю все это было извѣстно и онъ добродушно принималъ поздравленія, не выражая ни досады, ни злобы.

Однако, какъ обманчиво было его равнодушіе, сбившее съ толку пронизательность мадамъ Белюгу, лучшую «сваху» Монтаньяка! Жениться, ему, Дютрейлю!... А - а!... Почему же не продать холстъ; или сальные свѣчи?... Его не останавливали заботы, связанные съ бракомъ, скромная и трудовая жизнь, воспитаніе дѣтей, ни эта тысяча мелочей, заставляющая хорошихъ супруговъ съ неба опускаться на землю. Съ другой стороны, его не прельщала и холостая жизнь съ ея грубыми радостями. Пропитанный знаменитыми теоріями, несмотря на знаменитые примѣры, онъ проповѣдывалъ, что артистъ долженъ отстранять отъ себя всѣ узы и въ особенности поддерживаемыя закономъ и предразсудками, тяжесть и продолжительность которыхъ предвидѣть нельзя.

Никогда ему такъ настойчиво не говорили о бракѣ, и эта дерзость, которая бы ему просто не понравилась въ незнакомомъ, въ устахъ его бывшей любовницы, его раздражала. Что мадамъ Гарадель совершенно забыла о своемъ притворномъ чувствѣ къ Дютрейлю, это его мало трогало, но онъ не могъ ей простить, какъ она, выслушавшая его признанья, раздѣлявшая его надежды, жепщина, которую онъ старался возвысить до себя, считала его готовымъ, способнымъ на такое паденіе. Эта мысль была для него нестерпимой. Развѣ онъ такъ низко палъ, что заслуживаетъ только презрѣнія, — да презрѣнія, соединеннаго съ обиднымъ сожалѣніемъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ мадамъ Гарадель, чтобы не понять, что въ бракѣ она видѣла единственную возможность упрочить его будущее счастье, единственный родъ счастья, доступный ему.

Онъ не ошибался.

Дютрейль женатъ, Дютрейль, всю свою жизнь подсчитывающій столбцы для процвѣтанія государственнаго казначейства, ахъ! А его шедевры, о которыхъ онъ мечталъ?

— Дютрейль «монтаньякизированный»!... Эта гипотеза занимала мадамъ Гарадель.

Онъ, несчастный, хотя и смѣшонъ, но его горе нужно уважать. Увы! иногда лучшія побужденія имѣютъ самыя пагубныя послѣдствія. Осуждать дурную мысль, стараться въ ней оправдываться, убѣждать себя въ томъ, что она не была дурной, въ концѣ концовъ этому начинаешь вѣрить, и чѣмъ больше надъ этимъ задумываешься, тѣмъ мысль эта кажется безобиднѣе и даже похвальнѣе.

Женщины изощряются въ подобной работѣ, потому что онѣ соединяютъ сентиментальность съ казуистикой. Мадамъ Гарадель считала паденіе Дютрейля полнымъ, неисправимымъ.

Тогда она рѣшила, что онъ достоинъ сожалѣнія. Это сочувствіе должно было стать болѣе гибельнымъ, чѣмъ ненависть.

«Да, — заключила она, все хорошо разсчитавъ и взвѣсивъ, — для него покой и счастье возможны только въ бракѣ, это его настоящее и *единственное призваніе...*»

Не должна ли это сдѣлать именно она, скорѣе, чѣмъ *кто-нибудь другой?*...

Великія души мстятъ только благодѣяніями.

Итакъ, судьба Дютрейля была рѣшена.

Оставалось только разставить сѣти и приготовить приманку. Предположить, что мадамъ Гарадель будетъ легко это сдѣлать и что ей представится только слишкомъ большой выборъ, значило бы мало знать маленькіе городишки. «Здѣсь больше не женятся», — сказалъ Барсеголь своему другу на балѣ Морена-Шассана.

Мадамъ Гарадель были извѣстны требованія Дютрейля, знала она также, на что онъ вправѣ разсчитывать. Она избѣжала всѣхъ трудностей, которыя могли помѣшать осуществленію ея плана, благодаря тому, что съ одной стороны очень хорошо знала нравы своихъ земляковъ, а съ другой — была убѣждена, что знаетъ Дютрейля лучше, чѣмъ онъ самъ, — его физическую и интеллектуальную сторону. Она перебирала невѣсть и изъ кандидатовъ включала одну — за пустоту, другую за то, что та казалась смѣшной, третью за недостаточный умъ, другихъ за ихъ характеръ, происхожденіе, среду. «Эта ему не подходитъ, говорила она; я знаю, что ему нужно». — Послѣ многихъ сравненій, взвѣшиваній и обсужденій она, наконецъ, остановила свой выборъ на Эмили Сирейголь, единственной дочери банкира.

Сирейголь родился на улицѣ Бефруа, которая въ Монтаньякѣ тоже, что Сити въ Лондонѣ, предместье Монмартръ въ Парижѣ. Онъ былъ маклеромъ, совершалъ сдѣлки то съ виномъ, то съ жемчугомъ, то съ хлѣбомъ, онъ же былъ складчикомъ различныхъ товаровъ, агентомъ страхового общества и хвастался знаніемъ законовъ, на томъ основаніи, что по каждой своей специальности судился. Неожиданное наслѣдство упрочило его положеніе. Онъ давалъ деньги подъ закладъ, потомъ сдѣлался банкиромъ. Совершалъ очень ловкія операціи, дерзкія и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожныя, какія умѣютъ совершать дѣльцы южане. Думаешь, что они пускаются, въ пылу увлеченія, въ безумныя предпріятія, а въ сущности они ни-

чѣмъ не рискуютъ, или кажется, что они вѣрочають миллионами, когда у нихъ въ кассѣ пусто. Спекуляціи его шли успѣшно, и Сирейголь сумѣлъ доказать, что онъ достоинъ своего положенія. Онъ измѣнилъ привычки, манеру говорить и держать себя. Онъ незамѣтно сближался съ мѣстною аристократіей, льстилъ ей, слѣпо во всемъ подражалъ ей и пріучилъ ее къ себѣ. Стоило ему проникнуть, правда, не безъ нѣкотораго труда въ *Фило*, какъ тамъ онъ сумѣлъ сдѣлать изъ себя необходимаго члена. Онъ развѣтывался во-всю, поражалъ своею веселостію, пылкимъ воображеніемъ, вкусомъ, жаждой къ удовольствіямъ, шикомъ, импонируя молодымъ членамъ, обществомъ которыхъ дорожилъ. Несмотря на пятьдесятъ два года безпокойной жизни, у него были густые и черные волосы, свѣжій цвѣтъ лица и блестящіе глаза. «Я моложе васъ»,—говорилъ онъ Фѣгаролю, и продолжалъ это доказывать, иногда прерывая свой рассказъ восклицаніемъ: «Будьте снисходительны, мой милый, не забывайте, что я отецъ взрослой дочери, которой пора замужъ...

Въ тридцати годахъ, въ припадѣ безумія, онъ женился на шведѣ, такой нравственной и упрямой, что онъ только послѣ брака добился всего. Къ счастью, это кроткое существо скончалось, подаривъ ему дочь Эмилию. Сирейголь отослалъ стѣснявшаго его ребенка въ деревню къ двоюродной сестрѣ жены, а потомъ въ пансіонъ-монастырь въ Тулузу. Онъ изрѣдка навѣщалъ ее, а каникулы она проводила у той же двоюродной тетки. Когда ей минуло восемнадцать лѣтъ, банкиръ понялъ, что дольше не можетъ держать ее вдали отъ себя, и взялъ ее. Сперва онъ побаивался тайныхъ наблюденій съ ея стороны, стѣсненія, необходимости ограничивать себя и тѣмъ болѣе былъ въ восторгѣ, когда встрѣтилъ въ дочери всегда ровное и хорошее расположеніе духа и сдержанность. Эмилиа мало выѣзжала, у нея было мало подругъ. Она занялась домашними дѣлами не только ради исполненія долга, или ради удовольствія, но какъ бы исполняя естественное призваніе ея пола. Не жеманная, не глупая, не невѣжественная, скорѣе умная, она производила такое впечатлѣніе, какъ будто все ея поведеніе инстинктивно, а не результатъ ясно и твердо намѣченныхъ желаній. Въ томъ уединеніи, въ которомъ она жила, она выработала взглядъ на мужчину, какъ на существо высшее, съ возвышенными мыслями и сильными волненіями, въ которыхъ жена должна принимать участіе только тогда, когда ее на это вызываютъ. Она своему супругу принесетъ красоту, здоровье, нѣжное сердце и умъ, нарочно закрытый «для нѣкоторыхъ вещей». Однимъ словомъ, она была одной изъ такихъ женщинъ, о которыхъ говорятъ: «Неужели и эта когда-нибудь об-

манеть своего мужа?»... Мадамъ Гарадель знала ее давно и, можетъ быть, потому, что та была полной ея противоположностью, была къ ней искренно расположена. Она рѣшила, что, выдавъ ее замужъ за Дютрейля, она создастъ ихъ общее благополучіе, и принялась за это дѣло съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи.

VI.

Привести въ исполненіе намѣченный планъ было не такъ-то легко. Не давая этого почувствовать Дютрейлю, мадамъ Гарадель боялась съ его стороны какой-нибудь неоправимой выходки. Заручившись согласіемъ Эмилии и ея отца, она должна такъ искусно разставить сѣти, чтобы Дютрейль, не замѣчая ихъ, неминуемо попалъ въ нихъ. Что банкиръ благосклонно отнесется къ замыслу выдать дочь замужъ, не было сомнѣній: ея бракъ позволить ему еще шире пользоваться своею свободою. Онъ часто говорилъ, что не будетъ противиться выбору дочери, лишь бы ему не пришлось краснѣть за сюртуки зятя. Но такое безкорыстіе и снисходительность, заранѣе высказываемыя, очень часто кончаются большою требовательностью, этого и опасалась мадамъ Гарадель. Въ точности ей не были извѣстны средства Дютрейля, но она помнила, какъ онъ часто жаловался на то, что ему приходится зарабатывать.

Въ то время, какъ Сирейголь совершалъ операціи съ хлѣбомъ, у него завязались дружескія отношенія съ г. Гарадель, онъ былъ нѣсколькими годами моложе послѣдняго. Его краснорѣчіе, увѣренность, властолюбіе дѣйствовали на простоватаго и скромнаго муко-торговца и вліяніе это увеличилось съ увеличеніемъ его средствъ. Сирейголь съ уваженіемъ относился къ его здравому смыслу, проникался его убѣжденіями и вмѣстѣ съ нимъ считалъ мадамъ Гарадель «отшельницей». Онъ ранъше имѣлъ на нее виды, но очень скоро отсталъ, убѣдившись, что она женщина «не его типа». Онъ зналъ, что мадамъ Гарадель принимала большое участіе въ его дочери, часто ее навѣщала, звала къ себѣ, сочувствовала ея уединенному образу жизни. Поэтому Сирейголь не удивился, когда г. Гарадель предупредилъ его о томъ, что его жена должна поговорить съ нимъ о «серьезныхъ вещахъ».

Мадамъ Гарадель легко перевела разговоръ на Эмилию, пользуясь случаемъ лишній разъ похвалить ее: «Ласковая, преданная, милая, душка! Вотъ была бы вѣрная подруга жизни, хорошая хозяйка! И развѣ ей уже не двадцать второй годъ? Нужно было бы ей поскорѣе найти мужа,—она родилась для замужества—хорошаго малаго, который бы ей далъ заслуженное счастье...»

— Послушайте, милая мадамъ Гарадель, — прервалъ ее Сирейголь, отлично понимая въ чемъ дѣло, — назовите же его. О комъ вы говорите?

— Какъ вы торопитесь!... О *нашемъ* молодомъ другѣ, г. Дютрейль... Вы его знаете?

Дютрейль? Конечно, банкиръ его зналъ! Онъ почти ежедневно видѣлъ его въ *Фило* отъ пяти до семи. Правда, онъ очень милъ, образованъ, положительный, умный, хотя немного странный и желчный, только, только... какъ зять!... Во-первыхъ, есть ли у него положеніе? Не великое жалованье онъ получаетъ на службѣ! А повышеніе!... Потомъ понравится ли онъ Эмилиі?... Понятно, онъ никого не будетъ навязывать дочери и не посмотритъ на состояніе. Но все-таки нужно, чтобы все было безъ обмана. Эмилија такъ молода и такъ мало выѣзжаетъ, гдѣ ей сравнивать и выбирать?... Потомъ Дютрейль — не здѣшній. Можетъ быть, онъ и не захочетъ основаться въ Монтаньякѣ; можетъ быть у него даже на родинѣ есть невѣста?

Мадамъ Гарадель убѣдительнымъ голосомъ разбивала всѣ возраженія банкира. Она говорила, что если положеніе Дютрейля нельзя назвать какъ принято выражаться «блестящимъ», то во всякомъ случаѣ оно приличное и прочное, въ будущемъ можетъ улучшиться, — семья его (по крайней мѣрѣ его воспитаніе и вкусы позволяютъ такъ думать) пользуется нѣкоторымъ достаткомъ. Дютрейль не уроженецъ Монтаньяка? Что же изъ этого! Тѣмъ лучше, онъ будетъ держаться внѣ всѣхъ этихъ дразгъ и сплетенъ. Ему неизвѣстны такія-то и такія-то мелочи изъ жизни самого Сирейголя, но онъ не отнесетъ съ предубѣжденіемъ и порицаніемъ ни къ его происхожденію, ни къ средѣ. Г. Брюбелейсь, бывший товарищъ прокурора, развѣ онъ не сбѣжалъ наканунѣ свадьбы съ мадемуазель Газинн, племянницей и единственною наслѣдницей мѣнялы, потому что ея дядюшка двадцать лѣтъ тому назадъ былъ замѣшанъ въ постыдной исторіи?...

Сирейголь слишкомъ много судился, чтобы не почувствовать всей силы этого возраженія. У мадамъ Гарадель оставалось въ запасѣ одно еще болѣе сильное возраженіе. Конечно, трудно будетъ примириться съ пустотой, которую почувствуетъ банкиръ по выходѣ дочери замужъ, но съ другой стороны это дастъ ему свободу. Присутствіе же дома молодой дѣвушки заставляетъ приносить многія жертвы, нужна осторожность... Насколько пріятнѣе жить по своему, не отдавая никакого отчета!... И Сирейголь все это зналъ. Въ это время онъ повровительствовалъ одной маленькой хорист-

къ, плѣненный ея лувавыми глазами и дерзкими губами. Эта шутка, отъ которой онъ думалъ отдѣлаться въ три недѣли, грозила обратиться въ страсть. Онъ ее задержалъ въ Монтаньягѣ послѣ отъѣзда труппы, она почувствовала свою силу и требовала, чтобы къ ней относились какъ къ объявленной любовницѣ.

Наступить минута выбирать зятя. Почему же не сейчасъ?... Почему не Дютрейля?... Этого не окажется требовательнымъ... а хор сгба Розетта чертовски мила!... Банкиръ общалъ все держать въ тайнѣ, не дѣлать никакихъ намековъ, вполнѣ полагаясь на мадамъ Гарадель въ веденіи этого дѣла.

Въ согласіи Эмилии мадамъ Гарадель не сомнѣвалась. И дѣйствительно, дѣвушка отнеслась безъ удивленія и безъ отвращенія къ первымъ ея изліаніямъ. Она давно готовилась къ браку, — не изъ желанія самостоятельности, не изъ любопытства или скуки, но потому, что женщина *должна* выйти замужъ, это ея назначеніе, — и она ничего не имѣла противъ того, чтобы мужъ ея былъ не изъ здѣшнихъ. Она такъ мало жила въ Монтаньягѣ, что для нея это выраженіе: «сынъ такого-то», — которое для жителей маленькаго городка равняется цѣлому столѣтію мѣстной хроники, — не имѣло никакого смысла. Она не знала Дютрейля, но довѣряла госпожѣ Гарадель, сознавая, что она занялась ея судьбой отъ нечего дѣлать. А госпожа Гарадель увѣряла, что Дютрейль очень заинтересованъ ею (онъ, вѣрно, видѣлъ ее на набережной) и неуловимо выдавалъ себя — явный признакъ любви. Мадемуазель Сирейголь могла только пообѣщать свое безпристрастіе. Она созналась, что не чувствуетъ «къ этому господину» ни влеченія, ни инстинктивной гадливости. Она была ему благодарна за вызванное въ немъ чувство, и если потомъ, когда ее объ этомъ спроситъ отецъ, ей нужно будетъ высказаться, то она будетъ вполнѣ откровенна. Больше ничего и не было нужно госпожѣ Гарадель.

Въ теченіе двухъ недѣль она нѣсколько разъ видѣлась съ Дютрейлемъ, и онъ ни о чемъ не догадывался. Госпожа Гарадель, эта домохозяка, проявила какое-то особенное рвеніе къ визитамъ. Дружба къ Эмилии ясно демонстрировалась и всѣ у нея справлялись о ея протѣжѣ. Она всегда отвѣчала обычными банальностями. Съ этого времени, при имени дѣвушки, ея лицо озарялось радостной и какъ бы невольной улыбкой, несмотря на всѣ усилія ее сдерживать. Она переводила разговоръ на другую тему и дѣлала такъ, что наименѣе прозорливыя подружки что-то подозрѣвали. «Ишь, ишь!... — говорили онѣ. — Ахъ, тутъ что-то есть...» Онѣ настаивали, умоляли ее сказать, въ чемъ дѣло.

— Ну, да!—признавалась она, долго оправдываясь и дѣлая видъ, что больше не можетъ скрывать этой тайны,—ну, да... есть что-то и я очень счастлива, потому что Эмилія очень мила. Ничего на свѣтѣ я не желаю такъ сильно, какъ ея счастья. Говорять о ея замужствѣ съ г. Дютрейль, — фамилія была упомянута съ поразительнымъ искусствомъ, — очень почтенный молодой человекъ, какъ говорятъ. Но это такъ неопредѣленно, рѣшеннаго еще ничего нѣтъ. Понимаете, Сирейголь колеблется. Единственную дочь отдать чужеземцу, ничѣмъ не связанному съ нашимъ краемъ... И я прошу васъ, не говорите объ этомъ никому. Я это говорю *вамъ*, зная, что вамъ это доставитъ удовольствіе (доставитъ удовольствіе мадамъ Паскэ, которую никто не освободилъ отъ ея трехъ дочерей, причемъ старшей было уже подъ тридцать!). Я рассчитываю на вашу скромность. Моя маленькая подруга и ея отецъ будутъ очень недовольны, если этому придадутъ огласку. Вы повѣялись, не правда ли?...

Само собою разумѣется, что не прошло и недѣли, какъ этотъ слухъ пронесся повсюду за предмѣстья города. Немногіе этому не повѣрили. Друзья Сирейголя, не привыкшіе къ такой сдержанности, мысленно упрекали его въ скрытности. Часто онъ наблюдалъ, что за нимъ слѣдятъ, но оставался непроницаемымъ. Часто замѣчалъ, какъ его о чемъ-то хотѣли спросить и въ глазахъ онъ читалъ молчаливый упрекъ: «Чего ты ждешь? Мы все знаемъ!» Однажды вечеромъ, въ читальнѣ *Фило*, Бугуль не выдержалъ и воскликнулъ:

— Послушайте, наконецъ это смѣшно. Вѣдь Эмилія выходитъ замужъ за Дютрейля?

— Кто это сказалъ?

— Ахъ! Всѣ говорятъ! Ты секретничаешь съ нами. За кого ты насъ принимаешь?

— Держу пари, что это мадамъ Белюгу...

— Но вы дали согласіе!

— Онъ ухаживаетъ!

— Ждутъ отца къ свадьбѣ!

— Та, та, та! И вы этому вѣрите? Басни!...

— Какъ! Ничего нѣтъ?

Сирейголь понялъ, что для успѣха нужно было держать любопытныхъ въ мучительной неизвѣстности:

— Нельзя сказать, чтобы ничего не было, — отвѣтилъ онъ. — Миѣ говорили, что г. Дютрейль, — будь я повѣшенъ, если я знаю, какъ ему это пришло въ голову! — добывается руки моей дочери. Это очень лестно, но неопредѣленно. Миѣ нечего было высказы-

ваться, потому что онъ не объяснялся. Конечно, я объ этомъ скажу вамъ первымъ, если дѣло наладится.

На слѣдующій день была предпринята контръ-атака.

Дютрейль шелъ на службу. Услыша вдругъ: «Эй! эй! эй, вы!...» — онъ обернулся. Это былъ Понъ-Каналь, выходявшій изъ почтовой конторы. Нагнавъ Дютрейля, онъ взялъ его за руки и сжимая ихъ въ своихъ, всегда влажныхъ, сказалъ:

— А, милый другъ, очень радъ васъ встрѣтить... поздравляю васъ, сердечно поздравляю...

— По какому поводу?

— По поводу вашей свадьбы! Я былъ всю недѣлю въ деревнѣ, а то бы я васъ давно поздравилъ, — я не хотѣлъ дольше отгладывать...

«Какой комаръ его укусилъ? — подумалъ молодой человекъ. — Опять эти плоскія шутки». Онъ сухо отвѣтилъ:

— Очень вамъ благодаренъ. Но будьте же настолько добры мнѣ сказать, на комъ я женюсь?

— На комъ?... Ишь!... Шутникъ!... на маленькой Сирейголь! Ишь, вы на руку охулки не положете. На Эмилии... извиняете, да?... Я ее видѣлъ совсѣмъ маленькой... Эмилиа очень миленькая, а у папаша деньги. Скрытничаетъ!... Онъ хочетъ спокойно насладиться...

— Блянусь вамъ...

— Это извѣстно, любите скромность!... Не бойтесь. До свадьбы мы объ этомъ говорить не будемъ. Простите, вотъ Сериньякъ, онъ меня ищетъ...

«Что это значить? — спрашивалъ себя Дютрейль. — Я бы васъ уже поздравилъ, еслибъ я не былъ въ деревнѣ... Значить, объ этомъ говорить?... Мадемуазель Сирейголь, дочь банкира?... Я даже не помню, видѣлъ ли ее когда-нибудь... Какой-нибудь дуракъ пустилъ эту утку... Воображаютъ, вѣроятно, что это меня взволнуетъ!»

Этотъ день и слѣдующій прошли безъ происшествій. Но затѣмъ Дютрейль принялъ предложеніе Брюанде на партію въ пикетъ, проигралъ, заупрямился, проигралъ еще и сталъ жаловаться на свое несчастье.

— Другъ мой, — сказалъ шутливо профессоръ, — вы знаете поговорку: «Несчастный въ игрѣ...»

— Вы жалуетесь?... — подхватилъ Манури. — Это неблагодарность. Вы наверстываете въ другой игрѣ, — товарищъ прокурора любилъ ставить точки, — а въ любви вы берете большой шлемъ.

Тогда Бюго, Лабатьеръ, Фёгароль, всё бросились его поздравлять, увѣряли въ преданности, осыпали цѣлымъ потокомъ спутанныхъ словъ, огорошившихъ Дютрейля. Онъ поблѣднѣлъ и пробормоталъ:

— Блянусь вамъ...

Но они возражали. Зачѣмъ отрицать очевидность? Значить, онъ имъ не довѣряетъ... друзьямъ, товарищамъ?... Это дурно! Развѣ онъ думаетъ, что они завидуютъ его счастью? Они ему радуются, напротивъ. Вѣдь эта тайна—кукольная комедія!... Они это знаютъ, знаютъ и не сомнѣваются...

Мысль объ этомъ бракѣ возникла у мадамъ Белюгу. Первое свиданіе произошло тамъ, и онъ, Дютрейль, съ перваго раза понравился дѣвушкамъ. Потомъ разспрашивали отца, и онъ не отрицалъ. И что въ этомъ такого, что можетъ ему быть неприятнымъ?... Мадемуазель Эмилія очень мила, хорошо воспитана, серьезна, хорошая хозяйка. Сирейголь дастъ ей приданое въ тридцать тысячъ—и не въ панамскихъ акціяхъ!... Со своимъ жалованьемъ и съ тѣмъ, что молодые получаютъ отъ родителей, положеніе Дютрейля будетъ обезпеченное. Наконецъ, у его невѣсты есть очень вліятельный двоюродный братъ въ министерствѣ. Въ наше время этимъ пренебрегать нельзя.

Они замолкли, думая, что довели Дютрейля до признанія.

— Кончено?—отвѣтилъ онъ.—Я больше не возражаю вамъ, я вѣрю, что вы искренно убѣждены во всемъ, что говорите, но знайте, что васъ обманули, это ложь, клевета... Я не просилъ,—я даю въ этомъ честное слово,—руки мадемуазель... дѣвушки, о которой вы говорите. Я даже, кажется, ея не знаю... и, вдобавокъ, я не хочу жениться.

И онъ добавилъ, чтобы прекратить безконечные разговоры:

— Эта тема для меня крайне тяжела, и я былъ бы вамъ очень обязанъ, еслибъ вы больше ея не касались въ моемъ присутствіи.

Они не настаивали, но Дютрейль понялъ, что онъ ихъ не убѣдилъ. Скоро онъ увидѣлъ вокругъ себя искусно сплетенный заговоръ. Какъ его пресѣчь?... Обратиться къ банкиру,—онъ, конечно, объ этомъ знаетъ, недоволенъ и, можетъ быть, подозрѣваетъ молодого человѣка въ томъ, что тотъ самъ тайно работаетъ надъ успѣхомъ интриги? А если это ему не извѣстно?... И какъ завести объ этомъ разговоръ? Какъ доказать свою невиновность?... Какъ сказать отцу: «Увѣряютъ, что я намѣренъ жениться на вашей дочери... это вздоръ!» Положеніе было затруднительное. Морисъ об-

думывалъ, рассчитывалъ, соображалъ и не находилъ другого исхода, какъ предоставить это времени. Поговорить объ этомъ недѣли двѣ, мѣсяцъ и прекратятъ. Для себя онъ считалъ самымъ лучшимъ—терпѣніе, такъ какъ гнѣвъ рѣдко бываетъ убѣдительнымъ.

Эти рѣшенія нѣсколько успокоили Дютрейля. Мадамъ Гарадель ихъ предвидѣла, но была совершенно увѣрена въ успѣхъ своего предпріятія. По ея совѣту, Сирейголь нисколько не мѣнялся въ обращеніи съ Дютрейлемъ. Это давало не малое развлеченіе другимъ. Слѣдили, какъ эти два человѣка встрѣчались, незамѣтно наблюдая другъ за другомъ и обмѣниваясь за карточнымъ столомъ или въ чашечкѣ банальностями. Если Дютрейлю не приходилось больше защищаться отъ непосредственныхъ нападеній, то онъ не могъ спастись отъ разныхъ колкостей. Избѣжать ихъ было невозможно, нельзя было на нихъ и обижаться, не дѣлаясь смѣшнымъ. Тогда онъ сбѣжалъ изъ *Фило*, гдѣ «милые друзья», имена которыхъ ему едва были знакомы, считали своимъ долгомъ его поздравлять. Онъ пересталъ бывать въ семейныхъ домахъ послѣ того, какъ мадамъ Тумазо объявила, что «нѣкоторые люди должны были бы брать примѣръ съ него». Что отвѣчать на сердечныя изліянія г. Дюпюшъ? Какъ оставаться равнодушнымъ къ притворной любезности портного, парикмахера и г. Сушара-сына? И мадамъ Пужэ была не изъ послѣднихъ, преслѣдовавшихъ его своими поздравленіями. Причѣмъ старуха дѣлала это такъ нескромно, что Дютрейль долженъ былъ ей пригрозить тѣмъ, что отъ нея съѣдетъ. «Какой оригиналъ! — говорила она сосѣдямъ. — Нужно согласиться, что есть люди съ очень страннымъ характеромъ!...» — и, чтобъ ему отомстить, она говорила, что ея жалець «все время торчитъ у маленькой Сирейголь». На улицѣ Дютрейль замѣчалъ, какъ на него указывали пальцемъ; онъ ловилъ улыбки и слышалъ, какъ говорили: «Это онъ!... женихъ... въ самомъ дѣлѣ?...» Однажды онъ остановился у витрины книгопродавца и вдругъ замѣтилъ, какъ, стоя на порогѣ, три модистки внимательно разсматриваютъ его. Одна изъ нихъ сказала: «У него слишкомъ длинный носъ... Я предпочитаю Юри». «Хорошо! теперь я уже чудо!» подумалъ онъ. Не выходитъ изъ комнаты? Невозможно! Да и не убѣжишь отъ рекламы лакированныхъ, ювелировъ, товары которыхъ предлагались ему по исключительной цѣнѣ, «въ всякой конкуренціи».

Подъ этими повторяющимися ударами, отъ которыхъ онъ не могъ защититься, разбивалось его невозмутимое спокойствіе. Онъ приходилъ въ ярость, сѣтовалъ на преслѣдующую его судьбу, желая отомстить... — кому? чему? — Нѣтъ, нѣтъ, онъ не женится!

Тысячу разъ нѣтъ!... Спокойствіе, наступившее послѣ такого припадка гнѣва, было не спокойствіе, а изнеможеніе, еще болѣе опасное для Дютрейля. Мысли его больше не покидали мадемуазель Сирейголь. То ему казалось, что она сама соучастница этой интриги, то онъ представлялъ себѣ ея негодование, оскорбленное самолюбіе, гнѣвъ и проклятія, обращенные на него. Онъ отказался отъ мысли переѣхать служить въ другой городъ, даже отъ отпуска, временнаго отсутствія, отъ поѣздки въ Рошфоръ, къ которой его склонялъ отецъ, все это для того, чтобъ его не подозрѣвали въ бѣгствѣ. Ему хотѣлось, чтобы случай столкнулъ его съ Эмилией, но онъ избѣгалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы могъ съ нею встрѣтиться. «Что она думаетъ? Чего она желаетъ? — спрашивалъ онъ себя. — Говорятъ, что она добрая и скромная... *Можетъ быть, она была бы не прочь, чтобы все это оказалось не однимъ только сномъ?*» «Что скажутъ?» его уже занимало меньше, чѣмъ «что скажетъ она?» Въ концѣ концовъ ненавистная или симпатичная дочь банкира не была ему безразлична.

(Продолженіе слѣдуетъ)

СКУЧНЫЙ ГОРОДЪ.

„Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ“.

Пушкинъ.

Что бы тамъ ни говорили, но названіе «Сѣверная Пальмира», данное Петербургу, совсѣмъ къ нему не подходитъ. Эпитетъ этотъ появился первый разъ въ *Сѣверной Пчелѣ* — и сочиненъ Булгаринъ; по всей вѣроятности, такое пынное сравненіе пришло въ голову Булгарину лѣтомъ, въ солнечный день, при переѣздѣ его черезъ Неву въ увеселительный садъ его пріятеля Излера, и было особенно вызвано видомъ исполинскаго кактуса, воздвигнутаго на площадкѣ и довольно искусно исполненнаго изъ крашенаго картона.

Быть можетъ также въ энтузіазмѣ почтеннаго сотрудника *Сѣверной Пчелы* было много искусственнаго, умышленно преувеличеннаго; ему хотѣлось попросту польстить генералу Бокоскину, бывшему въ сороковыхъ годахъ оберъ-полицеймейстеромъ столицы.

Не будь Бокоскина и излеровскаго кактуса, Булгаринъ выразился бы, можетъ быть, скромнѣе, — именно назвалъ бы Петербургъ «Веселымъ городомъ»; тогда, пожалуй, можно было бы еще съ нимъ согласиться.

Въ сороковыхъ годахъ, Петербургъ для тѣхъ, кто его поинить въ то время, дѣйствительно былъ веселѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы. Онъ былъ веселѣе уже потому, что какъ нравственно, такъ и внѣшнимъ своимъ видомъ былъ проще, добродушнѣе, привѣтливѣе, наивнѣе, — если можно такъ выразиться.

Мостовыя, правда, были куда хуже теперешнихъ; снѣгъ къ Святой не расчищали, такъ что, вмѣсто теперешней пыли, стояли лужи и приходилось часто попадать по щиколку въ талый грязный снѣгъ; извозчичьи дрожки, — такъ называемыя «гитары» представляли нѣчто подобное узенькому диванчику и садиться можно было

только верхомъ или бокомъ; улицы освѣщались масляными фонарями на деревянныхъ столбахъ; съ наступленіемъ сумерекъ начинали откуда-то выползать прикрытыя рогожей, сгорбленныя фигуры фонарщиковъ, придерживавшихъ одною рукой фонарь, другой — лѣстницу. Даже на главныхъ улицахъ нерѣдко можно было видѣть деревянные дома, окрашенные въ буро-желтую краску, и сѣрые длинные заборы. На перекресткахъ улицъ, въ главныхъ пунктахъ, — тамъ, гдѣ стоить простоять двѣ минуты, чтобы простудиться на два мѣсяца, — возвышались полосатыя будки съ низенькою дверью, изъ которой, время отъ времени, выходилъ полицейскій стражъ въ казакинѣ изъ сѣраго сукна толщиною въ мизинецъ и съ алебардой въ рукѣ. Алебарда служила эмблемой полицейской власти; самъ блюститель порядка проживалъ въ будкѣ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и велъ самое патріархальное существованіе. Поговаривали, что будки служили иногда пристанищемъ безпаспортныхъ и всякаго рода бѣдняковъ; все это могло быть, такъ какъ въ то время не было помину о ночлежныхъ пріютахъ, и потому стражу, получавшему десять рублей ассигнаціями жалованья въ мѣсяць, необходимо было чѣмъ-нибудь кормиться и питать семью.

Видъ алебарды, надо полагать, былъ тогда достаточенъ для внушенія населенію порядка; строгость направлена была больше къ тому, чтобы не курили на улицахъ, чѣмъ къ другимъ проявленіямъ уличной жизни. Рѣдко, впрочемъ, доходили слухи о грабежѣ и убійствахъ; но это потому, можетъ быть, — что тогда не было еще репортеровъ и газетамъ дозволено было ограничиваться извѣстіемъ о томъ, кто пріѣхалъ въ столицу и кто изъ нея выѣхалъ.

Все это, надо сказать, далеко не отвѣчало сходству съ Пальмирой, — если судить по ея описаніямъ и величественнымъ монументальнымъ остаткамъ древняго города. Но внѣшняя мизерность сѣверной столицы выкупалась съ другой стороны: жилось привольнѣе! Во-первыхъ, всѣ матеріальныя потребности жизни были втрое дешевле; духъ спекуляціи, лихорадки, наживы, биржевая игра, процентныя бумаги, тотализаторъ, — и другія, болѣе или менѣе возбуждательныя и волнующія, изобрѣтенія новаго времени, — тогда не существовали; во всемъ Петербургѣ извѣстенъ былъ только одинъ государственный банкъ, куда отдавали на храненіе деньги. Роскошью отличались только нѣкоторые аристократическіе дома, остальная часть населенія довольствовалась самою скромною обстановкой, — играла въ карты «по маленькой» и проводила вечеръ, упражняясь въ лото, считавшееся тогда въ числѣ первыхъ удовольствій.

Въ то время, какъ высшіе слои общества услаждали свой слухъ пѣніемъ Воробьевой въ оперѣ «Жизнь за Царя», восхищались нѣмецкою оперой, восторженно аплодируя въ «Жидовкѣ» и «Фенелль» Брейтингу, Голланду и г-жѣ Нейрейтеръ,—а молодежь увлекалась балетомъ, влюблялась въ танцовщицу, дѣлилась на двѣ враждующія партіи,—одна за Андрианову, другая—за Смирнову, похищала воспитанницъ театральной школы, рискуя эполетами и ссылкой на Кавказъ,—лица средняго сословія бились у кассы Александринскаго театра, чтобы еще разъ посмотрѣть на Баратыгина въ драмѣ «Уголино», пролить искреннія слезы надъ судьбою Вероники, или, наоборотъ,—хотятъ до упаду, хотятъ безъ удержа—до показанія коренныхъ зубовъ въ глубинѣ рта, когда давались невинные водевили и игралъ не только Мартыновъ,—но даже Прусковъ и Марковецкій.

Невыскаательность требованій была чертою тогдашняго общества. Скромность желаній, сравнительное благосостояніе невольно приводили къ болѣе спокойному, беззаботному расположенію духа, отражавшемуся, въ свою очередь, на домашнемъ быту, въ театрахъ, на гуляньяхъ, на улицѣ.

Невскій проспектъ былъ тогда въ полношъ своемъ блескѣ. Обсаженный прекрасными липами отъ полицейскаго моста до Аничкова, онъ служилъ любимымъ мѣстомъ для прогулки; ему предпочитали Англійскую и Дворцовую набережныя. Сюда отъ двухъ до четырехъ часовъ (обѣдали тогда въ пять) собиралось положительно все петербургское общество. Можно было здѣсь встрѣтить всю аристократію, министровъ, посланниковъ съ женами и семействомъ. Тогдашніе щеголихи и щеголи являлись сюда показывать свой туалетъ. Тротуаръ былъ узокъ, но это, повидимому, никому не мѣшало; не мѣшали также многочисленныя пѣшеходы другихъ классовъ и простой народъ, проходившій по своимъ дѣламъ. Контрастъ изящныхъ, дорогихъ туалетовъ съ бараньими тулупами и чуйками придавалъ только живописность общей картинѣ.

Оживленіемъ отличался не только Невскій проспектъ, но остальные, даже отдаленныя улицы. Буда бы вы ни направлялись, васъ всюду почти встрѣчала музыка. Вы удивляетесь?... Да, музыка бродячихъ небольшихъ оркестровъ, игравшихъ внутри дворовъ, пѣніе уличныхъ пѣвцовъ и звуки шарманокъ, сопровождавшіеся дребезжающимъ говоромъ *Петрушки* — русскаго пультинелло. Не было дома въ Петербургѣ, гдѣ бы разъ въ день, на дворѣ, не происходило представленія кукольной комедіи, привлекавшей ра-

достную толпу обывательскихъ дѣтей, дворниковъ, бухароѣ и даже проходившихъ мимо воротъ зѣваѣ.

Замѣчательно, что, при тогдашней суровой, строгой власти, люди эти свободно ходили по улицамъ, посѣщали безпрепятственно дворы домовъ, никѣмъ не преслѣдовались подъ предлогомъ нарушенія тишины и порядка.

То же самое, впрочемъ, происходило относительно толпы на народныхъ гуляньяхъ, которыхъ было гораздо больше и которыя отличались необыкновеннымъ оживленіемъ.

Каждый годъ, перваго мая, праздновалось, по преданію, открытіе весны въ Екатерингофѣ. Здѣсь можно было видѣть всю царскую семью, весь дворъ, всѣхъ сановниковъ, все высшее общество и значительную часть населенія. Нескончаемая процессія въ нѣсколько рядовъ роскошныхъ экипажей двигалась посреди стотысячной толпы. Вокругъ, въ разныхъ концахъ, гремѣли оркестры музыки, раздавались звуки шарманоѣ; сотни мелкихъ торговцевъ выкрикивали свой товаръ; сновали сбитеньщики, торговцы квасомъ, разносчики съ лотками на головѣ; дымились самовары на живьемъ сколоченныхъ столахъ. Тутъ, конечно, находилось достаточное количество полицейскихъ и жандармовъ, но они, главнымъ образомъ, наблюдали за порядкомъ на проѣздахъ; толпа почти безпрепятственно передвигалась, шумѣла и веселилась по-своему.

Екатерингофское гулянье и Дуковъ день, когда все среднее и мелкое купечество наполняло Лѣтній садъ—*смотришь невѣсть*, какъ тогда говорилось, — служили какъ бы предисловіемъ къ другому народному празднику, несравненно больше еще людному и торжественному; онъ происходилъ въ Петергофѣ 1 іюля. Здѣсь еще замѣтнѣе предоставлялось больше свободы двигаться и веселиться. Признаки гулянья обнаруживались еще за три дня на Петергофскомъ шоссе. Извозчицы кареты, рыдваны, тарантасы, линейки, простые телѣги, биткомъ набитые семействами мелкаго купечества, мѣщанства, служащихъ всякаго рода, нагруженные кромѣ того узлами съ провизіей и разнымъ домашнимъ скарбомъ, — гуськомъ тащились одинъ за другимъ; между пѣшеходами, по сторонамъ шоссе, выступали разносчики и бѣдный людъ, придерживающій на головѣ скамьи, лѣстницы, столы для будущихъ зрителей, по двѣ копейки съ персоны. Съ противоположной стороны шоссе, по взморью, неслись цѣлыя флотиліи яликовъ, парусныхъ лодоѣ, уснащенныхъ также людьми и съѣстными припасами. Можно было думать, все петербургское населеніе поднялось вдругъ и перекочевываетъ въ

Петергофъ. Мѣстомъ пристанища служило громадное поле, занимаемое теперь кадетскимъ лагеремъ. Прїѣзжающіе селились куда ни попаало, — гдѣ только находилось свободное мѣсто; кто былъ запасливѣе и богаче, тотъ раскладывалъ палатку; другіе помѣщались въ экипажахъ, третьи безцеремонно устраивались подъ телѣгами и тарантасами, заслонивъ себя съ одной стороны простыней, одеяломъ, коврикомъ, чтобы скрывать отъ любопытныхъ взглядовъ во время туалета. Въ первому іюля все это пространство изъ конца въ конецъ представляло сплошной, разнообразный лабиринтъ, весьма близко схожій съ цыганскимъ шумнымъ таборомъ и представленный самому себѣ, потому что нѣсколько полицейскихъ благоразумно предпочитали оставаться зрителями, чѣмъ соваться въ разгулявшуюся стотысячную толпу.

Въ числѣ народныхъ увеселеній тогдашняго времени не послѣднюю роль игралъ праздникъ преимущественно нѣмецкихъ мастеровыхъ и ремесленниковъ въ перемежку съ русскимъ мѣщанствомъ, такъ называемый «Кулербергъ». Онъ происходилъ на Брестовскомъ островѣ; толпа въ нѣсколько тысячъ стекалась сюда болшею частью пѣшкомъ, но также съ провизіей, палатками и домашнимъ скарбомъ. Пированье начиналось наканунѣ, продолжалось весь слѣдующій день и всю ночь.

Народныя увеселенія не только не стѣснялись, но какъ будто даже поощрялись высшею властью; во всякомъ случаѣ на нихъ смотрѣли снисходительно. Гулянье *подъ балаганами* на Масляницѣ и Святой происходило на Адмиралтейской площади между Зимнимъ дворцомъ и конногвардейскимъ манежемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинутъ Александровскій садъ. Извѣстно, какая возня, какой грохотъ происходить при постройкѣ балагановъ: возять бревна, таскають доски, топоръ и молотъ не перестаютъ стучать съ утра до вечера; для окрестныхъ обывателей въ этой вознѣ ничего не было прїятнаго; никто, однакожъ, особенно не жаловался; находили, что такъ ужъ установлено обычаемъ, чтобы въ это время народъ веселился. Затѣмъ, когда въ теченіе двухъ недѣль вся площадь покрывалась народомъ и надъ нею носился неумолкаемый говоръ толпы, шумъ отъ оркестровъ, визгливое пѣніе на каруселяхъ, пушечные выстрѣлы внутри балагановъ, когда къ этому присоединялся грохотъ сотенъ экипажей, слѣдовавшихъ рядами, — также не было ничего привлекательнаго для слуха и зрѣнія; но и здѣсь всѣхъ примирялъ обычай, установленный годами.

Въ высшихъ сферахъ общества балы, приемы, вечера шли непрерывною цѣпью въ теченіе всего сезона, начинавшагося въ октябрѣ.

Видное мѣсто занимали тогда маскарады въ Большомъ театрѣ. Ихъ посѣщаль самъ императоръ Николай I, придворные, военные и штатскіе, и затѣмъ безразлично всѣ имѣвшіе возможность надѣть фракъ, цилиндръ и перчатки. Публики собиралось иногда до трехъ тысячъ. Увеселенія не мѣшали Петербургу жить также широко умственными интересами. Существовали такъ называемые: *салоны*, ихъ было много; въ одномъ у кн. Б. собирались преимущественно дипломаты; другіе служили центромъ интересной бесѣды, оживляемой прїѣзжей своей или чужеземной знаменитостью и т. д. Были, наконецъ, дома, въ которыхъ, разъ въ недѣлю, въ опредѣленный день собиралось самое разнообразное интеллигентное общество, — дамы большого свѣта, сановники, музыканты, литераторы, актеры. Новый талантъ, къ какой бы онъ области искусства ни принадлежалъ, — находилъ здѣсь первое поощреніе. Здѣсь Глинка пѣлъ свои романсы и игралъ отрывки изъ «Руслана»; здѣсь читали комедію Островскаго «Банкротъ» до ея появленія въ печати; здѣсь графъ А. Б. Толстой и А. Н. Майковъ читали свои стихи и т. д. Радужіе и привѣтливость встрѣчали здѣсь каждаго безъ различія его свѣтскаго положенія. Вечеръ оканчивался обыкновенно скромнымъ ужиномъ, — говорю скромнымъ, по отсутствію въ немъ всякой претензіи на хвастливое угощеніе; хозяйева къ тому же не отличались особеннымъ богатствомъ, хотя и носили знатныя фамиліи; роскошь замѣняли остроуміе, живые рассказы, веселость, общее благодушное настроеніе. Признаки просвѣщенной жизни выражались также въ стремленіи къ изящной обстановкѣ дома, собранію картинъ, цѣнныхъ художественныхъ предметовъ. Одна за другою открывались галереи картинъ. Между богатыми людьми, — страстными любителями художествъ, были, конечно, лица, подражавшія имъ изъ тщеславія; но результатъ все-таки былъ хорошій; Петербургъ обогащался художественными произведеніями. Выставки, устроенныя въ 1852 г. герцогомъ Лейхтенбергскимъ и еще въ 1864 г., поражали посѣтителей своимъ богатствомъ; глазамъ не вѣрилось, чтобы въ Петербургѣ, помимо Эрмитажа, находилось въ частныхъ рукахъ столько художественныхъ сокровищъ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ общественной жизни Петербурга, точно также какъ въ наружномъ видѣ города, начали обнаруживаться отбѣнки чего-то совершенно новаго. Точно вѣтеръ, дув-

шій постоянно съ юга, измѣнилъ своему направленію и потянулъ съ сѣвера. Всѣ развлечения, которыми столько лѣтъ безпрепятственно пользовались петербуржцы, стали какъ бы помѣхой въ строе общественнаго порядка; даже то, что радовало слухъ и зрѣніе—и то стало считаться неумѣстнымъ.

Прежде всего помѣшали липы на Невскомъ проспектѣ; въ одинъ прекрасный день ихъ начисто срубили! Онѣ такъ было хорошо разрослись, бросали такую славную тѣнь на тротуаръ; но это, по ивѣнью спешниковъ, и послужило ихъ гибели: ихъ быстрый ростъ и гордый видъ показались вдругъ почему-то знакомъ своеволія и явнымъ порывомъ къ свободѣ.

Затѣмъ помѣшали шарманчики, уличные оркестры, акробаты, «Петрушки». Вышло строжайшее запрещеніе давать представленія на дворахъ и вообще показываться имъ на улицахъ. Въ чемъ провинились несчастные шарманчики и «Петрушки», куда они дѣвались — неизвѣстно, извѣстно только, что съ тѣхъ поръ у дѣтей стало одной радостью меньше и слухъ ихъ вмѣсто «Лучинушки» и веселаго писка «Петрушки», собиравшихъ вокругъ себя веселую толпу, долженъ былъ ограничиться на тѣхъ же дворахъ унылымъ голосомъ татарина: «Халаты хорошъ, халаты»... Вскорѣ помѣшали также балаганы на Адмиралтейской площади (тогда не было еще помину отдать ее подъ Александровскій садъ),—ихъ перевели на Царицынъ лугъ. Открытіе весны перваго мая въ Екаторингофѣ, праздникъ столь популярный и оживленный, ни въ какомъ уже случаѣ никому не мѣшалъ; его сочли почему-то лишнимъ и также прекратили. Съ нимъ вмѣстѣ прекратилось гулянье перваго іюля въ Петергофѣ. Года два спустя рѣшена была судьба веселаго Булгерберга, мѣшавшаго, какъ увѣряли, владѣльцу Брестовскаго острова косить въ этомъ мѣстѣ траву. Лѣтній садъ въ Духовъ день посѣщался годъ отъ году рѣже купечествомъ и наконецъ праздникъ этотъ также отошелъ въ область преданій.

Признаки оживленности, исчезая такимъ образомъ одинъ за другимъ, ничѣмъ больше не замѣнялись; оставался увеселительный садъ Излера, котораго за храбрость устоять и за доброе намѣненіе продолжать увеселять петербуржцевъ прозвали въ стихахъ и прозѣ чародѣемъ, волшебникомъ, чуть ли не спасителемъ челоуѣчества... Ему пѣли съ эстрады театра:

«Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный,
Несчастныхъ другъ и другъ честныхъ людей,
Надолго будешь жить ты въ памяти народной»...

и т. д. Но Излеръ былъ далеко отъ Петербурга, по крайней мѣрѣ, верстъ на пять; городъ отъ него мало выигрывалъ; онъ продолжалъ погружаться въ тишину, уподобляясь кораблю, въ нижней части котораго открылись трещины.

Въ городѣ видимо водворялся желанный порядокъ, но вмѣстѣ съ нимъ, въ большей еще степени, убавлялось оживленія и прибавлялось скуки съ приправой чего-то апатического и холодно-равнодушнаго.

Холодность и апатія высказались—чего же лучше!—даже въ великій день освобожденія. Нашлись добрые люди, которые подумали, что такой сильный толчокъ разбудить жизнь Петербурга, — горько ошиблись. Радостное чувство, охватившее тогда всю Россію, выразилось въ Петербургѣ слабѣе, чѣмъ когда позволено было курить на улицахъ. Правда, Петербургъ слишкомъ далеко отодвинутъ отъ остальной части страны, не имѣетъ съ ней кровной, коренной, сердечной связи, ограничивается съ нею перепиской и посылкой ей дѣловыхъ отношеній, но все-таки событіе было само по себѣ достаточно знаменательно, чтобъ оживить если не сердца, то, по крайней мѣрѣ, улицы. Въ день обнародованія манифеста одинъ изъ сановниковъ, кн. О., вышелъ на Невскій проспектъ въ восемь часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, «посмотрѣть на русскую революцію»... Онъ остался при своемъ ожиданіи. День прошелъ такъ, что можно было сказать: тишь да гладь, да Божья благодать!

Во всякомъ случаѣ, освобожденіе болгаръ отъ турецкаго угнетенія произвело въ городѣ бѣльшее впечатлѣніе. Бывшій градоначальникъ Ф. Ф. Треповъ, давно привыкшій ничему не удивляться, не даромъ разводилъ руками, рассказывая: «Ничего не понимаю! Какія-то толпы штатскихъ собираются на площади Александринскаго театра: развѣваются знамена; бьютъ барабаны... Выносятъ иконы... Благословляютъ, цѣлуются; нѣкоторые плачутъ, другіе восторженно кричатъ... Ничего не понимаю!»... Отправка добровольцевъ на защиту «братушекъ», воодушевленіе, ихъ сопровождавшее, тѣмъ болѣе удивительны, что, казалось бы, Россія все-таки ближе къ Петербургу, чѣмъ Болгарія, и должна была бы больше интересоваться ее, чѣмъ послѣдняя.

Освобожденіе крестьянъ, не ознаменовавшееся въ Петербургѣ явными народными манифестаціями, имѣло однакожъ важныя послѣдствія на его общественную жизнь. Это особенно стало замѣтно въ высшихъ сферахъ. Годъ отъ году балы и приемы дѣлались рѣже; ихъ замѣняли небольшіе танцевальныя вечера и утра, ско-

рѣе для молодежи, чѣмъ для взрослыхъ. «Салоны» исчезали одинъ за другимъ. Послѣдній изъ нихъ, у кн. Т., по четвергамъ, продержался еще три года, послѣ чего также заперъ свои двери; сама хозяйка дома вскорѣ переселилась за границу. О гостепріимныхъ домахъ, куда собиралось интеллигентное общество, не стало помину. Уиственная жизнь салоновъ замѣнилась журналами и газетами, безъ которыхъ можно было бы дойти до самоубійства отъ унынія. Общество, жившее прежде широкой общественной жизнью, видимо распадалось на отдѣльные кружки, дѣлавшіе другъ другу визиты, и этимъ ограничиваясь... «Какое счастье! Были въ пяти... домахъ, и никого не застали дома!» — «Какое горе: сдѣлали три визита и, какъ нарочно, всѣхъ застали дома!» Въ такую форму вылилась искренность общественныхъ отношеній. Кружки замкнулись, держались только своихъ и ближайшихъ знакомыхъ.

Отъ прежняго оставалось еще нѣсколько богатыхъ лицъ, дававшихъ изысканные обѣды и ужины; но здѣсь уже главнымъ руководителемъ было тщеславіе и интересъ сосредоточивался не на политикѣ, литературѣ и искусствѣ, но на качествѣ повара, толщину спаржи и величину тюрбо...

Унылый аккордъ общественной жизни видимо повліялъ на внѣшній видъ города. Въ извѣстные часы Невскій проспектъ былъ также людень, но это была уже совсѣмъ другая публика. Безпечно гуляющихъ замѣтно было меньше противъ озабоченныхъ дѣлами и службой. Самая улица утрачивала постепенно свой прежній видъ. Многіе двухъэтажные дома повышались на два и три этажа, украшались лѣпною работою, цѣльными зеркальными стеклами въ окнахъ; многіе дома разрушались до основанія и на ихъ мѣстѣ возникли новыя многоэтажныя зданія съ архитектурными претензіями. Но странно было: сколько ни соперничали между собою гг. архитекторы на всемъ Невскомъ, домъ графа Строганова у Полицейскаго моста оставался все-таки единственнымъ настоящимъ архитектурнымъ зданіемъ; онъ оставался единственнымъ потому еще, что сохранился во всей неприкосновенности, какимъ былъ въ концѣ прошлаго столѣтія, тогда какъ остальные дома Невскаго спѣшно перестраивались для коммерческихъ цѣлей.

Одновременно съ этими перестройками фасады ихъ покрывались небывалыми до того вывѣсками банкирскихъ домовъ, банкирскихъ конторъ, банковъ, ссудныхъ кассъ, — словомъ, всѣхъ тѣхъ учреждений, гдѣ обдѣлываются весьма выгодныя дѣла на чужія деньги. Въ промежуткахъ появлялись вывѣски торговыхъ домовъ и

магазиновъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи иностранной промышленности, преимущественно нѣмецкой. Дайте себѣ трудъ пройтись изъ конца въ конецъ Невскій проспектъ, Большую Морскую, не считая Казанской, Вознесенскаго, Гороховой и т. д., чтобы убѣдиться, что на одну вывѣску съ русскимъ именемъ встрѣчаются не менѣе ста съ названіемъ иностранной фирмы. Если предположить, что въ одну ночь отъ разрыва сердца или другихъ причинъ умерли бы всѣ иностранные негодіанты Петербурга, налицо остались бы только булочникъ Филипповъ и братья Елисеѣвы; послѣдніе, впрочемъ, также торгуютъ иностранными товарами.

Городское управленіе, соревнуя съ частными лицами, принесло также свою лепту для украшенія города. Лепта состояла въ тротуарѣ вдоль Невскаго противъ Казанскаго собора. Въ совѣщаніяхъ и многочисленныхъ комиссіяхъ, собиравшихся по этому важному предмету, найдено было убыточнымъ обсаживать новый тротуаръ липами, по примѣру, какъ это было когда-то на тротуарѣ противоположной стороны; деревья рѣшено было скромно замѣнить цѣпями, привѣшенными къ тумбамъ. Нѣкоторые изъ членовъ краснорѣчиво возставали противъ тумбъ, считая ихъ лишнимъ расходомъ, остаткомъ варварства, предметомъ совершенно бесполезнымъ, не существующимъ ни въ одномъ европейскомъ городѣ; но большинство энергически стояло за тумбы, утверждая, что Петербургу нѣтъ никакого дѣла до Запада, что тумбы какъ прежде, такъ и теперь служатъ прекраснымъ украшеніемъ тротуара, что уничтоженіе тумбъ повлечетъ неизбежно разореніе многихъ промышленныхъ центровъ, изготовляющихъ тумбы изъ гранита, отливающихъ ихъ изъ чугуна, высѣкающихъ ихъ изъ камня; послѣднее соображеніе одержало верхъ и тумбы были утверждены.

Въ видахъ экономіи, заботливое городское управленіе рѣшило соединить пріятное съ полезнымъ и приспособило множество тумбъ къ снабженію столицы водою для поливки улицъ. Послѣднее это рѣшеніе нельзя было назвать очень удачнымъ. Верхушки такихъ тумбъ оказались вскорѣ отбитыми, обнаруживая въ глубинѣ удѣлѣвшейся части мѣдный клапанъ, туго обернутый грязной тряпкой заботливымъ дворникомъ, изъ опасенія, чтобы вода не залила тротуаръ.

Въ тумбномъ вопросѣ произошло, однако-жъ, замѣтное улучшеніе: ихъ перестали къ праздникамъ обмазывать саломъ съ сажей, что было крайне неудобно для панталонъ и юбокъ.

Тротуаръ городского управленія не много способствовалъ украшенію Невскаго проспекта, — и это очень жаль, потому что эта

часть улицы представляетъ ей парадную, казовую половину; все, что за Аничкинымъ мостомъ къ Невскому монастырю, считается уже нѣкоторымъ образомъ какъ бы провинціей.

Коренной петербургскій житель, никогда во всю жизнь не выѣзжавшій изъ города дальше Павловска, считающій Петербургъ своимъ отечествомъ, сосредоточившій на немъ все пристрастіе горячаго патріота, питаетъ твердое убѣжденіе, что Невскій проспектъ — самая великолѣпная улица въ Европѣ. Относительно ея протяженія онъ можетъ быть правъ. Что же касается другихъ условій, способствующихъ великолѣпію улицы, Невскому проспекту нечѣмъ особенно похвалиться; нельзя не согласиться, что архитектура его домовъ, его магазины, движеніе и единственные два посредственные ресторана, Доминика и Лейнера, изъ которыхъ въ первомъ окна глухо завѣшены съ улицы, а второй, помѣщающійся во второмъ этажѣ, подъ красно-багровой вывѣской питейнаго заведенія, далеко не выдерживаютъ сравненія съ главными улицами Парижа, Лондона, Берлина и Вѣны. Невскій и Большая Морская — еще туда-сюда; но стѣбитъ повернуть въ сосѣднія улицы, чтобы прійти къ прискорбному заключенію, что многое еще мѣшаетъ имъ, чтобы стать на-ряду съ европейскими улицами.

Прежде всего мѣшаютъ нескончаемые обозы, всегда черезъ нѣру нагруженные и затрудняющіе уличное движеніе; одинъ видъ самихъ возницъ въ прорванныхъ, вывороченныхъ на изнанку тулупахъ, сумрачныхъ и встрепанныхъ, скорѣе напоминаетъ дикихъ сиверцевъ, чѣмъ европейцевъ. Не знаю, были ли въ употребленіи у сиверцевъ банныя шайки, но онѣ въ большомъ употребленіи у петербуржцевъ для поливки улицъ. Это происходитъ оттого, что многіе просвѣщенные домовладѣльцы находятъ — очень натурально — выгоднѣе запастись шайкой, чѣмъ резиновой кишкой съ мѣднымъ наковечникомъ. Способъ мощенія улицъ надо отнести также къ первобытнымъ. Съ появленіемъ весны, на улицахъ можно видѣть группы мужиковъ въ пять-шесть человѣкъ и между ними всегда одного или двухъ мальчиковъ (они дешевле), копающихъ булыжникъ; отбросятъ одинъ, приставятъ другой, подсыплютъ пескомъ, стѣнутъ по немъ молоткомъ — и дѣло готово. Замѣчательно, что и стѣнута такимъ образомъ не вся улица, а участками, — то передъ однимъ домомъ, то передъ другимъ, оставляя промежутки, мощеніе въ другое время. Просвѣщенныхъ домовладѣльцевъ до сихъ поръ никакъ не могутъ привести въ соглашеніе и убѣдить, что улица, вымощенная сразу, гораздо прочнѣе и глаже. Передъ ка-

занными домами обыкновенно уже выбрасываетъ изъ дровель; въ этомъ ихъ преимущество.

Не по-европейски также живутъ дворники, помѣщаемые болѣею частью въ подвальный этажъ, въ тѣсной каморкѣ, гдѣ грязь и духота служатъ единственнымъ удобствомъ. Швейцарамъ живется не лучше, даже въ такихъ домахъ, которые даютъ значительный доходъ владѣльцамъ; въ видахъ экономіи мѣста, швейцару съ его женой и дѣтьми отводится обыкновенно помѣщеніе подъ лѣстницей; тамъ, въ этомъ пріютѣ, наполовину занятомъ столомъ и кроватью, семейству предоставляется полная свобода рожать, крестить и жарить, — что особенно пріятно жильцамъ верхнихъ этажей въ посту, когда главное питаніе швейцара состоитъ изъ жареной корюшки.

Не по-европейски также содержатся извозчицы кареты; обитыя внутри и выкрашенныя снаружи при ихъ конструкціи, онѣ никогда уже потомъ вновь не обиваются и не перекрашиваются; наружная чистка производится самымъ простымъ способомъ: изъ шайки плеснуть нѣсколько разъ водою по колесамъ, — и достаточно. Простоты держатся также при одѣваньи кучеровъ: кафтанъ и шапка, разъ сшитые, переходятъ безразлично отъ одного къ другому, не взирая на разницу роста и возраста; главная забота въ томъ, чтобы задняя часть кучера на козлахъ казалась какъ можно шире. Когда въ свободное время извозчики на биржѣ вспоминаютъ, что надо поить лошадей, они не долго церемонятся: у каждой биржи — если она по каналу — хранится шайба, привязанная къ веревкѣ; ее опускаютъ въ воду и поятъ животное, не обращая вниманія, что въ двадцати шагахъ находится по канавѣ стокъ изъ бани; такъ, по крайней мѣрѣ, постоянно практикуется по Екатерининскому каналу у Вознесенскаго моста.

Хорошую также картинку для живописца народныхъ сценъ представляютъ тѣ мѣста на улицахъ, гдѣ конка пристегиваетъ лишнюю лошадь для подъема на мостъ. Запасныя эти лошади, до подъема на мостъ и послѣ подъема, дожидаются своей очереди посреди улицы, охраняемыя мальчиками въ огромныхъ сапожищахъ, очевидно, съ большой ноги, въ неуклюжихъ тулупахъ съ чужого плеча и случайныхъ шапкахъ, лѣзущихъ имъ на глаза. Въ дождь, метель, суровый морозъ съ вѣтромъ, несчастные эти мальчики, корчась отъ стужи, осуждены ждать здѣсь прибытія конки и раздѣлять горькую участь лошадей, тоскливо стоящихъ съ поджатымъ хвостомъ и понурою головой.

Въ европейскихъ городахъ на такихъ мѣстахъ выстроены

вдоль тротуара плотные, красиво выкрашенные навѣсы, служащія прикрытіемъ какъ для публки, ожидающей конки, такъ и для лошадей и прислуги.

Но мало ли какихъ еще удобствъ не достаетъ Петербургу, чтобы подойти къ европейскому устройству. Всего не перечтешь.

Достаточно сказать, что Петербургъ, такъ долго муштруемый во имя цивилизаціи, въ одномъ отношеніи не уступаетъ главнымъ столицамъ Европы, — можно даже сказать, перещеголялъ ихъ, — именно: въ дороговизнѣ всего, къ чему ни прикоснешься. Оно и понятно: такъ какъ торговля все больше и больше переходитъ въ руки иностранцевъ, — имъ, конечно, нечего жалѣть русскихъ денегъ; забота ихъ въ томъ, чтобы наколотить ихъ какъ можно больше, — благо такой просторъ отъ конкуренціи мѣстной торговли, — и отправиться затѣмъ въ свой Faterland.

Коренной петербуржець гордится не только Невскимъ проспектомъ, — у него есть еще два другіе пункта гордости: видъ города со взморья и Нева. Первый пунктъ, очевидно, спорный, потому что существуютъ еще виды съ моря на Неаполь, Константинополь, Венецію, Палермо, Геную и, наконецъ, хотя и не съ моря, а съ Воробьевыхъ горъ, видъ на Москву, — видъ, готовый поспорить въ живописности съ петербургскимъ, растянувшимся на плоской, болотной мѣстности.

Что же касается Невы, она дѣйствительно великолѣпна въ хорошій лѣтній солнечный день. Но часто ли бываетъ солнце? Въ обыденные дни, когда небо сѣро, городъ подернутъ сырой мглой и моросить, на Неву смотрѣть не хочется, — такимъ вѣтъ онъ нея холодомъ, такъ все въ ней непривѣтливо, уныло и мрачно; Петропавловская крѣпость, съ возвышающимся надъ ней золоченымъ шпилемъ, не въ состояніи разсѣять тоскливаго чувства. Наконецъ, Невой можно восхищаться только шесть мѣсяцевъ, остальное время года она покрыта льдомъ и исчезаетъ подъ снѣгомъ.

Но красота Невы, длина и ширина Невского проспекта и другія прелести Петербурга все-таки не спасаютъ его отъ скуки. Туманъ и влажная мгла, такъ часто его окутывающіе, какъ бы нарочно посылаются съ тѣмъ, чтобы не видно было, какъ сильно скучаютъ обыватели, несмотря даже на изобиліе городскихъ, старающихся развлекать публику своимъ усердіемъ. На нихъ, — надо сказать, — возложена весьма трудная обязанность: способствовать движенію и въ то же время ставить ему препятствія. Такъ, напримѣръ въ Александровскаго сада шесть входовъ, три входа

заперты, а при открытыхъ стоять всегда городовые и жандармъ; пройти въ садъ можно только по усмотрѣнiю этихъ лицъ. Случается подойти мѣщанину, мужику, мастеровому: «Ступай вокругъ!» — «Батюшка, мнѣ на пароходъ, въ тѣ ворота...» — «Ступай вокругъ, говорятъ, здѣсь не показано!» Въ Лѣтнемъ саду еще больше входовъ и выходовъ, но открыты только два: противъ Инженернаго замка и противъ Невы, — и также ихъ строго охраняютъ городовые и жандармы, на обязанности которыхъ пропускать по усмотрѣнiю только чисто одѣтыхъ. По Дворцовой набережной тѣ же препятствiя для проходящихъ, не имѣющихъ пальто и пиджаковъ. «Ступай вокругъ по Миллионной!» Въ извѣстные часы дня тѣ же препятствiя для извозчиковъ стоятъ по Вознесенской, Невскому и Большой Морской. Словомъ, прежнiй перiодъ, когда все кому-то мѣшало, — начиная съ липы на Невскомъ проспектѣ, — смѣнился перiодомъ препятствiй.

Москва, помимо своей живописности и своихъ сорока сороковъ церквей, — имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что движенiе въ ней встрѣчаетъ меньше затрудненiй. Тамъ передвигаютъ ноги хотя не такъ спѣшно и озабоченно, какъ въ Петербургѣ, но за то свободнѣе. Тамъ народъ словно у себя дома, чувствуетъ почву подъ ногами, тогда какъ въ Петербургѣ онъ точно въ гостяхъ, выступаетъ съ оглядкой, безо всякой увѣренности. Вообще говоря, Москва какъ бы остановилась на томъ самомъ положенiи, въ какомъ находился Петербургъ въ сороковыхъ годахъ. Въ ней сохранилось больше простодушия, простоты, общечеловѣчности, гостепрiимства. Знакомый москвичъ, встрѣчая васъ на улицѣ, издали еще сжимаетъ губы въ трубу, радостно подходитъ и, обнявъ, трижды цѣлуетъ въ обѣ щеки, — иногда прямо въ губы и въ засосъ. Петербуржцы при встрѣчѣ жмутъ только руку, давая чувствовать особенно искуснымъ нажатiемъ въ сторону, опасенiе, чтобы не начали громко изъяслять свои восторги и цѣловаться съ нимъ на улицѣ.

Только въ Москвѣ найдете вы знакомаго, который, увидавъ васъ на улицѣ, высунется по поясъ изъ кареты и весело крикнетъ: «Не забудьте, въ субботу уха!» намекая на обѣдъ въ Англiйскомъ клубѣ. Въ Петербургѣ этого случиться не можетъ; петербуржецъ привыкъ къ выдержкѣ, къ церемонности.

Въ Москвѣ больше размаха, больше простора для широкой русской природы, выражающейся въ томъ, чтобы въ общественномъ мѣстѣ пустить графиномъ въ зеркало и ни за что, ни про что дать

встрѣчному онлеуху. Тамъ грѣха не къ чему: случается это и въ Петроградѣ, но гораздо рѣже, потому, во-первыхъ, что здѣсь больше осторожныхъ нѣмцевъ; а во-вторыхъ, русскихъ удерживаетъ опасность повредить себѣ въ глазахъ начальства. Половина московскихъ жителей живетъ въ трактирахъ, упивается чаемъ до полного одуренія,—или ѣсть селянку изъ бѣлорыбицы и слушаетъ соловья; большая половина петербуржцевъ проводитъ день въ канцеляріяхъ и департаментахъ, гдѣ также накурено и душно, какъ въ трактирахъ, но далеко не такъ весело. Откормленному москвичу тяжело перейти улицу и онъ нанимаетъ извозчика; петербуржецъ норовитъ проѣхать на конкѣ, но дѣлаетъ видъ, какъ будто попалъ туда случайно, для курьеза, для пробы. Въ Москвѣ старинные аристократическіе дома скупаются богатымъ купечествомъ, отдѣлываются заново съ прибавкой позолоты и широко раскрываются для пировъ на удивленіе городу. Въ Петербургѣ купцовъ-милліонеровъ можно сосчитать по пальцамъ; они живутъ скромно въ своихъ домахъ и если строятъ новые, то съ экономической цѣлью, для увеличенія дохода. Въ Петербургѣ аристократическіе дома не продаются; но фасады ихъ съ окнами парадныхъ комнатъ никогда почти не освѣщаются огнями; владѣльцы вмѣстѣ съ семействомъ помѣщаются въ уютныхъ жилыхъ комнатахъ, давая небольшіе обѣды и приглашая только родственниковъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ.

Въ Москвѣ на каждомъ шагу встрѣчаются откормленные веселыя лица; въ Петербургѣ на сто прохожихъ едва ли найдется одно веселое лицо—и то скорѣе блѣдно-сѣраго вида, чѣмъ дышащаго здоровьемъ и свѣжестью. И въ самомъ дѣлѣ, придетъ ли на умъ веселость, когда съ одной стороны, тяжелыя служебныя обязанности, съ другой—возня съ процентными бумагами! Въ Москвѣ процентныхъ бумагъ столько же, если еще не больше; но онѣ въ рукахъ коммерсантовъ и капиталистовъ; въ Петербургѣ нѣтъ почти человѣка, у котораго не было бы пятипроцентнаго билета въ выигрышахъ, купленнаго часто въ долю тремя, четырьмя лицами.

Трепетное ожиданіе выигрыша, возбуждаемое,—шутка сказать!—четыре раза въ году, неотступная мысль выдвинуться, сдѣлать карьеру, получить выгодное назначеніе или повышеніе, награду къ Святой или Новому году,—все это безъ сомнѣнія, должно отражаться на печени и затѣмъ и въ чертахъ лица и придавать ему выраженіе удрученной озабоченности.

Обставленный со всѣхъ сторонъ банкми и банкирскими конторами, встрѣчая ежедневно людей бѣдныхъ накануне и вдругъ

разбогатѣвшихъ, ничего не дѣлая, вдыхая постоянно, вѣбствѣ съ сыростью, атмосферу спекулятивной лихорадки, тѣснымъ дороговизной, окруженный препятствіями въ своемъ движеніи, угнетаемый домохозяиномъ и квартирнымъ налогомъ, — характеръ петербуржца не могъ не измѣниться противъ того, какимъ онъ былъ въ сороковыхъ годахъ.

Электричество съ каждымъ годомъ распространяется, гремятъ конки и дилижансы; гремятъ кареты и линейки, снуютъ велосипеды, мостовая улучшается, начинаютъ, слава Богу, сажать деревья вдоль тротуаровъ, городъ, видимо, становится болѣе европейскимъ, — но все-таки чего-то недостаетъ... Всѣ эти усовершенствованія мало, повидимому, вліяютъ на самую жизнь, мало вносятъ въ ней оживленія и веселости...

Что тамъ ни говорятъ, но пока еще «Сѣверная Пальмира» — скучный городъ!

Д. Григоревичъ.

ПѢСНИ ИЗЪ «УТОЛКА».

Усть-Нарова. 1897 годъ.

I.

Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ, —
Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
Что ни къ чему теперь негоденъ,
Что полуслѣпъ, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ
Меня не въ силахъ сокрушить,
Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья
Всѣхъ прежнихъ силъ, на склонѣ лѣтъ,
Святое чувство примиренья
Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ, —

Не такъ-ли въ рухляди, подъ хламомъ,
Изъ перегной и трухи,
Растутъ и дышать ениамомъ
Цвѣтовъ, красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
Пусть все безумно въ злобѣ дня, —
Доброжелательной улыбки
Имъ не лишитъ теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ, —
Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
 Что всё должны быть прощены,
 Я добрь—умомъ, я утѣшаю
 Тѣмъ, что въ безсилъѣ всё равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
 Вошелъ мой тихій «Уголокъ» —
 Возросшій въ горахъ перегна
 Очаровательный цвѣтокъ...

II.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
 Везувій мнѣ въ глаза дымилъ,
 Я вдоль по тундрѣ Безземельной
 Въ сѣяньи полночи скользилъ.

Я слышалъ много водопадовъ
 Различныхъ силъ и вышины,
 Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой степи,
 Въ Байдарахъ—тихий звукъ зурны.

Я посѣтилъ въ лѣсахъ Урала
 Печали жаргихъ рудниковъ,
 Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
 По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

Я рѣзалъ трупы съ анатомомъ,
 Въ наукахъ много зналъ свѣтилъ,
 Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
 Я дни въ вертепахъ проводилъ...

Я говорилъ порой съ царями,
 Глубоко надалъ и вставалъ,
 Я Богу пламенно молился,
 Я Бога страстно отрицалъ!

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
 Любилъ, страдалъ, возрастилъ семью
 И—не скажу, чтобы безъ страха—
 Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я зналъ труда большую тяжесть,
 Услады, радости труда;
 Я никого не ненавидѣлъ,
 Но презиралъ почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
 Могу порой совѣтъ подать,
 Какъ меньше пользоваться счастьемъ,
 Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатого сруба
 Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,
 Гдѣ мирно такъ шумить Нарова,
 Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка,—
 Я не ношу веригъ земли...
 Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
 Все принижается вдали.

III.

Въ молчаньи осени сыпаются листы,
 Въ вѣтвяхъ являются нежданные просвѣты,
 И незамѣченные прежде силуэты,
 И новыя вдали красивыя черты...

Не тоже-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
 Съ невзгодами судьбы, осилена тщетой,
 Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
 Вдругъ небывалую заблещетъ красотой!...

IV.

Въ лиственномъ лѣсѣ шумливо,
 Если найдетъ вѣтерокъ;
 Шепчетъ по-своему живо,
 Каждый, — да, каждый листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шума,
 Ежели дрогнетъ хвоя!
 Въ каждой иглѣ — своя дума,
 Въ каждой—и пѣсня своя.

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
 Радостнымъ чувствомъ объять,
 Слушаешь, ищешь разгадки,
 Что тебѣ иглы шумять?

Пѣсенъ тѣхъ—тѣмъ, мириады,
 Сверху звучать, со сторонъ!

Тысячи ротиковъ рады
Пѣть и съ тобой въ унисонъ.

Вотъ отъ того-то средь шума
Вѣчно зеленой хвои

Тихо такъ двигаетъ дуна
Свѣтлыя волны свои.

V.

Въ темяотѣ осенней ночи —
Ни луны, ни звѣздъ кругомъ,
Но ослабнувшія очи
Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
Память вздумала играть,
Какъ бенгальскими огнями —
Начала вдругъ въ ночь стрѣлять, —

Синій, красный, снова синій...
Скорострѣльная пальба!
Сколько пламенныхъ въ ней линій, —
Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова,
Все погасить, все залить, —
Даже облика Петрова
Не падить, не бережетъ,

Загашаетъ... Но упорна
Память царственной руки,
И пожалованье Горна
До сихъ поръ звучить съ рѣки.

VI.

Люблю я время увиданья,
Повсюду валятся листы,
Лишась убора, умаляясь,
Въ ничто скрываются кусты;

И обмирающія травы,
Пригнувшись, въ землю уходя,
Какъ-будто шепчуть, исчезая:
«Мы всё вернемся, погода!

«Тамъ подъ землею мы потолкуемъ
 О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
 Для собесѣдованій этихъ
 Необходима тишь земли!»

VII.

Бѣлый мохъ здѣсь порастаетъ
 Вдоль по розовымъ пескамъ;
 Любовь онъ, какъ коверъ персидскій,
 Слабоногимъ старичкамъ.

Воздухъ такъ смолисть, такъ тононь,
 Что почтенный старичокъ,
 Подышавъ имъ, замышляетъ
 Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
 Что ни сутки—то бойчѣй,
 Отравляя воздухъ чистый
 Смирадомъ кухонь и печей.

Что-жь? Иначе быть не можетъ,—
 Воздухъ, какъ и мы, живетъ...
 Счастливъ, кто не опоздаетъ
 И отъ чистыхъ струй глотнетъ.

VIII.

Всюду ходятъ привидѣнья...
 Появляются и тутъ;
 Только всѣ они въ dospѣхахъ,
 Въ шлемахъ, въ панцыряхъ снуютъ.

Было время,—вдоль по взморью,
 Шедшимъ съ запада сюда
 Грознымъ рыцарямъ Нарова
 Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
 Такъ подумала рѣка,—
 Не спугнуть-ли мнѣ припешальцевъ,
 Не помять-ли имъ бока?»

«Стойте, братцы!—говорить имъ,—
Чуть впередъ—узрите вы
Надъ дремучими лѣсами
Страшный ликъ царя Москвы!

«Сѣлъ, схизматикъ, за стѣнами!
Сотни, тысячи звонницъ
Вкругъ гудятъ колоколами,
А народъ весь прахомъ—ницъ!

«У него-ль—не изувѣрства,
Всякой нечисти просторъ,
И повсюдный вѣчный голодъ
И всегдашній, страшный моръ.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ.
Шли до Ямы и Бопорья,
Видятъ—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то сраженья!
Изъ трясинъ лѣсовики
Насѣдаютъ, будто черти,
Лѣзутъ на смерть чудаки!

Какъ подъ Дурбѣномъ вѣстонцы
Не сдаются въ плѣнъ живьемъ
И, совѣмъ не по уставамъ,
Варомъ льютъ и кипяткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Наровой,
На границѣ вьюгъ и пургъ!»
Сѣли и прозвали замки—
Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
Бъ худобѣ и къ голоданью
Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
Ходятъ здѣсь и до сихъ поръ,
Но для легкости хожденья
Ходятъ всѣ они безъ шпоръ...

IX.

Съ высоты горы высокой
 За рѣкой и вдоль рѣки,
 Въ темнотѣ ночной глубокой
 Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснуть,
 Будто имъ горѣть не впрокъ,
 Будто малыя завѣсы
 Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горять и въ жизни нашей
 Огоньки отъ юныхъ дней,
 Всѣ ихъ къ сроку гасить время...
 Смотришь: больше нѣтъ огней!

Вотъ завѣшаны надежды,
 Вотъ задвинуты мечты,
 Скрылась бодрость, скрылись силы...
 Огонекъ, да гдѣ-же ты?...

Все завѣсы, да завѣсы,
 Все темнѣть... А потомъ?
 Саванъ бѣлый... Тотъ завѣситъ.
 Человѣка — цѣликомъ.

X.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
 Рѣшетъ мачтой небеса;
 Лебединой бѣлой грудью
 Онъ подъ вѣтромъ налился.

Море тихо, волны кротки
 И кругомъ — вездѣ лазурь!
 Не бываетъ въ сердцѣ горя,
 Не бываетъ въ небѣ бурь!...

Я плыву въ сянни солнца.
 Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
 Я совсѣмъ не старъ, я молодъ.
 И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизнь былая,
 Ты осталась молода

И красавицей, какъ прежде,
Снизойшла ко мнѣ сюда.

Вѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
Свѣтлый часъ, блаженный часъ!...

По плечамъ твоимъ высокимъ
Солнце блескъ разлило свой,
И знакомыя мнѣ косы
Льнуть къ волнамъ своей волной.

Усть дыханье ароматно!
Грудь, какъ прежде, высока...
Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
И къ молениямъ старика!

Что? Ты плачешь?—Иль пугаетъ
Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
Юность! О, прости, голубка...
Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

Н. Случевскій.

Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи.

I.

Относительно происхожденія земельной общины въ Россіи въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, циркулируютъ два мнѣнія. По одному изъ нихъ, современная община есть продуктъ народнаго творчества, одна изъ стадій естественной эволюціи народнаго землевладѣнія,—по условіямъ исторической жизни нашей страны,—избѣжавшаго юридическаго закрѣпленія на той ступени развитія, когда оно имѣло форму свободнаго индивидуальнаго пользованія «Божьимъ» даромъ и перешедшаго затѣмъ въ слѣдующую стадію—уравнительнаго владѣнія. По другому мнѣнію, порядки современной великорусской общины первоначально введены владѣльцами крестьянъ (помѣщичьихъ, монастырскихъ, дворцовыхъ) на принадлежащихъ имъ земляхъ и затѣмъ уже были перенесены правительствомъ въ сферу отношеній крестьянъ свободныхъ (однодворцевъ, черносошныхъ и т. п.). «Русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія», говоритъ, наприм., г. П. Милюковъ. Древняя русская община была тяглою, а не хозяйственной единицей. Ея задачей было уравниеніе платежей съ размѣрами участковъ ея членовъ,—участковъ, «остававшихся неизмѣнными» и находившихся въ свободномъ наследственномъ владѣніи отдѣльныхъ семей. Ограниченіе права собственности на эти участки, распоряженіе ими третьихъ лицъ, «напоминающее современную общину», впервые встрѣчается «на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Распоряжается при этомъ не община, а приказчикъ частнаго владѣльца; если же передѣломъ участковъ распоряжается община, то это—по спеціальному разрѣшенію или приказанію владѣльца. Такимъ образомъ, *хозяйственная* община нашего времени впервые появляется въ предѣлахъ частнаго и, притомъ, болѣе или менѣе крупнаго хозяйства: на земляхъ монастырей или князя. Уже въ XVI вѣкѣ свободное хозяйственное распоряженіе крестьянскими участками, повидимому, входитъ въ обычай на владѣльческихъ земляхъ средней Россіи. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьян-

ство русских окраинъ»; «но окончательно эта цѣль была достигнута уже въ XIX вѣкѣ» *).

Историческимъ основаніемъ приведеннаго взгляда служить то обстоятельство, что наиболѣе ранніе, извѣстные намъ факты уравнительнаго пользованія землей относятся къ владѣльческимъ крестьянамъ (въ томъ числѣ монастырскимъ и дворцовымъ), и что хотя на земляхъ, подчиненныхъ вотчинному праву, передѣлы были обычнымъ явленіемъ въ теченіе всего XVIII и даже XVII вѣковъ, среди казенныхъ крестьянъ уравнительное пользованіе землей утвердилось лишь въ концѣ XVIII и преимущественно даже лишь въ теченіе XIX вѣка.

Указанное обстоятельство не можетъ, однако, считаться серьезнымъ основаніемъ мнѣнія объ искусственномъ происхожденіи русской общины и о зависимости появленія этой формы владѣнія землей исключительно или даже главнымъ образомъ отъ усмотрѣнія вотчинниковъ и правительства.

1. Если порядки уравнительнаго пользованія и появились впервые на земляхъ вотчиннаго владѣнія, то это можетъ быть объяснено и помимо предположенія о насильственномъ введеніи ихъ вотчинниками. Недостаточность обычая свободной заимки пустующихъ земель и свободного распоряженія состоящими въ пользованіи домохозяевъ участками, и потребность въ принятіи специальныхъ мѣръ для уравнинія землепользованія членовъ общины обнаруживается и возникаетъ при извѣстной густотѣ населенія; и такъ какъ вотчинное право распространилось на гуще населенныя, центральныя мѣстности Россіи, а свободные крестьяне въ XVI—XVIII вв. размѣщались на сѣверной (черносошныя) и южной (однодворцы) рѣдко-населенныхъ окраинахъ нашего отечества, то и при свободномъ развитіи общиннаго землевладѣнія передѣлы раньше должны были появиться среди владѣльческихъ и позже среди государственныхъ крестьянъ. Вліяніе указаннаго обстоятельства (густоты населенія) на форму пользованія землей усматривается изъ того факта, что и вотчинные крестьяне, находившіеся въ районѣ распространенія крестьянъ государственныхъ, въ отношеніи порядковъ владѣнія землей, отличались отъ остальныхъ вотчинныхъ крестьянъ и приближались къ государственнымъ. Такъ, нѣсколько десятковъ тысячъ дворцовыхъ крестьянъ Архангельской, Вологодской и Пермской губерній до самаго конца XVIII и даже до начала XIX вѣка не знали уравнительнаго пользованія состоявшими за ними угодьями.

2. Земля, находившаяся въ пользованіи владѣльческихъ крестьянъ, считалась принадлежавшею владѣльцамъ. Это обстоятельство препятствовало юридическому закрѣпленію сдѣлокъ между крестьянами по куплѣ-продажѣ ихъ участковъ и внѣдренію внутрь крестьянской общины постороннихъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего осуществленіе идеи уравнинія землепользованія крестьянъ—когда этому настало время—на земляхъ вотчиннаго владѣнія

* *Очерки по исторіи русской культуры*, ч. I, стр. 188 — 189. *Русская Мысль* 1890 г., кн. V, *Русская аграрная политика прошлаго века*.

встрѣчало менѣе препятствій, нежели на земляхъ свободнаго крестьянскаго пользованія.

3. Но принимая даже, что передѣлы земли среди вотчинныхъ крестьянъ появились не безъ вліянія со стороны вотчиннаго управленія, нельзя утверждать, что соотвѣтствующіе порядки созданы вотчинниками, а не крестьянами. Идея уравниенія, если она представляетъ извѣстныя выгоды вотчинникамъ, могла бы получать поддержку съ ихъ стороны даже въ томъ случаѣ, если впервые она появилась въ сознаніи крестьянъ; а поддержка такого важнаго фактора, конечно, оказала не маловажныя услуги дѣлу распространенія этой идеи и ея фактическаго осуществленія.

Разсматриваемое нами мнѣніе о крѣпостномъ происхожденіи великорусскаго типа общины представляется пока не доказанной гипотезой, для возможнаго обоснованія которой надлежало бы, между прочимъ, объяснить, почему крѣпостное право привело въ одной части Россіи къ такимъ формамъ пользованія землей, какія не были имъ созданы въ другой части нашей страны и въ Западной Европѣ, и показать, какимъ образомъ вотчинникамъ удалось навязать крестьянамъ форму уравнительнаго пользованія землей, противорѣчащую, будто бы, ихъ чувствамъ, сознанію и исконнымъ обычаямъ; ибо насильственное введеніе такой мѣры не могло не сопровождаться сопротивленіемъ населенія, о чемъ должны были сохраниться свидѣтельства въ различныхъ историческихъ актахъ.

Возникнувъ на почвѣ вотчинныхъ отношеній, уравнительное пользованіе землей, согласно разсматриваемой гипотезѣ, было затѣмъ распространено государствомъ на остальные разряды крестьянъ. Мотивомъ къ такому распространенію служило обезземеленіе массы крестьянъ, какъ результатъ свободнаго обращенія среди нихъ земли, и передоженіе многоземельными крестьянами непропорціональной части государственныхъ платежей на малоземельныхъ, имѣвшее слѣдствіемъ несправное поступленіе государственныхъ податей и дальнѣйшее обезземеленіе населенія. Для предупрежденія этихъ явленій правительство пришло къ мысли ввести и среди государственныхъ крестьянъ уравнительную разверстку земли и платежей.

Спрашивается, однако, есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частнонаслѣдственнаго владѣнія землей, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей (исчисляемыхъ въ общей суммѣ по числу душъ мужскаго пола, занесенныхъ въ ревизскія сказки) производилась внутри общины (тяглою) не по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, а по количеству владѣмой каждымъ земли,—система, извѣстная населенію по прежней практикѣ? И если вмѣсто упрощенія этой системы простого сообразованія платежей каждаго двора съ размѣрами его землевладѣнія (что неоднократно предписывалось администраціей, но оставалось неисполненнымъ), государство громадно усложнило дѣло, потребовавъ, чтобы, вмѣстѣ съ передоженіемъ платежей (внутри общины) съ душъ на землю, было произведе-

дено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ,—то не произошло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ; что, предписывая передѣлы крестьянскихъ угодій, правительство удовлетворяло не только требованіямъ фиска, но и выяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія?

И дѣйствительно, изъ крестьянскихъ наказовъ въ екатерининскую комиссію для составленія уложенія видно, что мысль объ уравненіи землепользованія крестьянъ циркулировала въ половинѣ прошлаго вѣка въ средѣ крестьянъ, владѣвшихъ землею на наследственномъ правѣ. Хотя эти наказы, безъ сомнѣнія, составлялись подъ сильнымъ вліяніемъ богатыхъ членовъ даннаго района и потому въ нихъ получили лишь слабое выраженіе пожеланія малоземельныхъ крестьянъ, шедшія въ разрѣзъ съ интересами большеземельныхъ, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ наказовъ все-таки высказывается мысль о необходимости уравнительнаго передѣла земель. Такая мысль встрѣчается, наприм., въ наказѣ черносопныхъ крестьянъ Мольской волости, Тотемскаго уѣзда, однодворцевъ Керенскаго уѣзда и Курской губерніи. Въ гораздо большемъ числѣ наказовъ черносопныхъ крестьянъ заявлялось о необходимости отобранія и передѣла по душамъ лишь земель, отчужденныхъ въ разное время крестьянами въ руки постороннихъ общинѣ лицъ *).

Въ виду такого рода данныхъ, врядъ ли не слѣдуетъ признать крайне одностороннею мыслью о томъ, что осуществленіе уравнительныхъ передѣловъ однодворческихъ и черносопныхъ земель есть дѣло исключительно правительства. Не касаясь того, что имѣло мѣсто въ текущемъ вѣкѣ,—когда первые передѣлы однодворческихъ земель въ большинствѣ случаевъ происходили по инициативѣ самихъ крестьянъ,—и обращаясь лишь ко времени первыхъ извѣстныхъ намъ заявленій идеи объ измѣненіи формы наследственнаго пользованія землями черносопныхъ крестьянъ и однодворцевъ въ уравнительную,—строго держась при этомъ почвы фактовъ (скажемъ, кстати, пока очень мало намъ извѣстныхъ),—мы вправѣ сдѣлать лишь то заключеніе, что идея объ уравненіи землепользованія названныхъ разрядовъ крестьянъ въ прошломъ вѣкѣ развивалась одновременно и въ крестьянской массѣ, и среди правительственныхъ лицъ.

Необходимость содѣяствія самихъ крестьянъ для осуществленія передѣла земли и слѣдовательно необходимость въ ихъ сочувствіи къ этой мѣрѣ усматривается изъ того соображенія, что у правительства не было средствъ самому практически выполнять предписанія этого рода. Въ этомъ, вѣроятно, и надлежитъ искать объясненіе того обстоятельства, что многія преждевременныя распоряженія правительства о раздѣлѣ крестьянскихъ земель (напримѣръ, въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ) не получили фактическаго осуществленія. Эта же мысль находить себѣ подтвержденіе въ исто-

* *Русск. Старина* 1879 г.—В. И. Семевскою: „Казенные крестьяне при Екаторинѣ II“.

рпн введенія передѣловъ земельныхъ угодій (въ концѣ XVIII вѣка) среди казенныхъ крестьянъ Вологодской губерніи. Хотя эти передѣлы начались лишь послѣ распоряженія о томъ подлежащаго начальства, но, во-первыхъ, сами эти распоряженія вызваны были ходатайствами малоземельныхъ крестьянъ; во-вторыхъ, фактическое выполненіе этихъ распоряженій обязано главнымъ образомъ настоянію малоземельныхъ членовъ общинъ.

Существующія въ нашей литературѣ разногласія по вопросу о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи обуславливаются, главнымъ образомъ, крайнимъ недостаткомъ относящагося сюда фактическаго матеріала. Всякій новый фактъ въ этой области, поэтому, способствуетъ нѣкоторому разсѣянію мрава, окружающаго вопросъ, и потому нельзя не считать имѣющими извѣстное значеніе и находящіяся въ нашихъ рукахъ матеріалы о первыхъ передѣлахъ крестьянскихъ земель въ Вологодской губ. Предлагаемая вниманію читателя статья составлена на основаніи этихъ матеріаловъ.

II.

Въ настоящее время твердо установленъ тотъ фактъ, что крестьяне сѣверныхъ губерній первоначально распоряжались состоявшими въ ихъ пользованіи участками земли (обыкновенно расчищенными ихъ личными усиліями изъ-подъ лѣса), какъ своею собственностью, свободно продавая, закладывая и передавая ихъ по наслѣдству. Фактъ этотъ признается всѣми, пишущими по данному вопросу, и не находится въ противорѣчій съ мнѣніемъ объ исконномъ и естественномъ происхожденіи общиннаго владѣнія землей. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что на первыхъ стадіяхъ развитія общины, — когда задачей поселенцевъ на данной территоріи было приведеніе въ культурное состояніе дикихъ земель, и когда, по причинѣ рѣдкости населенія, каждый нуждающійся въ землѣ членъ союза имѣлъ возможность расчистить подъ поле или сѣнокосъ свободные участки лѣса, — что при такихъ условіяхъ община не считала нужнымъ стѣснять своихъ членовъ въ пользованіи расчищенными ими участками, каковая политика благоприятствовала быстрому обращенію дикихъ пространствъ въ культурныя.

Продолжительное (въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній) примѣненіе крестьянами сѣвера Россіи обычая свободного распоряженія землями (причемъ совершаемыя сдѣлки купли-продажи участковъ нерѣдко закрѣплялись законнымъ порядкомъ и приобретали такимъ образомъ юридическую силу), въ концѣ-концовъ, однако, настолько укрѣпило его въ чувствахъ и сознаніи крестьянъ, что когда, благодаря размноженію населенія, ясно почувствовалось утѣсненіе въ землѣ и настало время регулированія, въ интересахъ всѣхъ, пользованія ею, сѣверная община, составленная изъ множества самыхъ мелкихъ поселковъ и не успѣвшая поэтому развить такую въ своей средѣ солидарность, какая гораздо легче образуется въ сплошныхъ крупныхъ поселкахъ, — сѣверная община, говоритъ, оказалась не въ силахъ свое-

временно сама справиться со всеми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли, и потому, несмотря на развитіе въ ея средѣ сознанія необходимости такого акта, для скорѣйшаго осуществленія послѣдняго понадобилось вмѣшательство правительства. Между тѣмъ какъ первые передѣлы земли среди однодворцевъ центральной Россіи—населеніе которой размѣщалось по территоріи крупными селами и деревнями—носили гораздо болѣе характеръ самостоятельнаго явленія.

Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, фактъ свободнаго распоряженія крестьянами состоявшими въ ихъ пользованіи землями вовсе не доказываетъ принадлежности послѣднихъ отдѣльнымъ семьямъ и не есть выраженіе права полной ихъ собственности на землю. Высказанное мнѣніе находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что свободное распоряженіе примѣнялось сѣверными крестьянами въ прошломъ вѣкѣ не только въ тяглымъ (вотчиннымъ) землямъ, но и къ участкамъ казенной земли, состоявшимъ въ арендномъ (быть можетъ только безпереоброчнымъ) пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ. Такъ, согласно заявленію С. Козьмина императрицѣ Еватеринѣ II въ 1765 г., въ Архангелогородской и Великоустюжской провинціяхъ у черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ имѣлись двоякаго рода земли: «тяглыя, написанныя по писцовымъ книгамъ за волостями, а потомъ издревле раздѣленныя по крестьянству, и оброчныя, написанныя по тѣмъ же писцовымъ книгамъ точно поиманно за крестьянами, а не за волостями. За первыя государственныя подати платятся въ волость; за вторыя оброчныя деньги вносятся въ канцелярію. И тѣ двухъ наименованій земли, по написанію въ писцовыхъ книгахъ, черносошныя и дворцовыя крестьяне владѣютъ и другъ другу производятъ продажу, яко же и помѣщики продаютъ» *).

Какъ это видно изъ приведенной выписки, дворцовыя крестьяне сѣверныхъ губерній, несмотря на ихъ вотчинный характеръ, пользовались землей, какъ и черносошныя, неуравнительно. Въ Вологодской губ., въ концѣ прошлаго вѣка, такихъ крестьянъ насчитывалось 23,320 ревизскихъ душъ, въ томъ числѣ въ Вельскомъ уѣздѣ 15,470 душъ, въ Сольвычегодскомъ—4,850 душъ и Тотемскомъ—3,000 душъ. Въ пользованіи этихъ крестьянъ, при передачѣ ихъ въ вѣдомство Удѣловъ, состояло, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, 28,500 дес. пашенной и 15,000 дес. сѣнокосной земли, что составитъ на ревизскую душу 1,22 дес. пашни и 0,65 дес. сѣнокоса, а всего вмѣстѣ съ неудобною около 5 дес.

Что же касается вопроса о томъ, въ какой степени равномерно общая площадь крестьянскихъ земель была распределена между домохозяевами, то на этотъ счетъ у насъ имѣется очень немного данныхъ. Такъ, изъ вѣдомости, относящейся къ верхнему концу Верхотомской волости, Сольвыче-

*) *Вѣстн. Евр.* 1878 г., № 5. — В. И. Семевскій: „Крестьяне дворцоваго вѣдомства“.

годскаго у., видно, что здѣсь числилось 276 земельныхъ домохозяевъ въ числѣ 858 ревизскихъ душъ, владѣвшихъ въ суммѣ 1,000 дес. пахатной земли и сѣнокосами, дававшими около 28 тыс. копенъ сѣна. До раздѣла земель домохозяева этой общины по размѣрамъ ихъ участковъ распадались на слѣдующія группы: не болѣе какъ 1 дес. пашни владѣли 4 хозяина, отъ 1 до 2 дес.—29 хоз., отъ 2 до 3 дес.—98 хоз., отъ 3 до 4 дес.—70 хоз., отъ 4 до 5 дес.—41 хоз., отъ 5 до 6 дес.—18 хоз., отъ 6 до 7 дес.—7 хоз., отъ 7 до 8 дес.—5 хоз. и отъ 8 до 9 дес.—4 домохозяина. Образова болѣе крупныя группы, окажется, что число семей, имѣвшихъ не болѣе 3 дес. пашни, составляло 47%, всѣхъ домохозяевъ волости; такой же процентъ приходился и на домохозяевъ, имѣвшихъ отъ 3 до 6 дес.; болѣе же крупныя владѣльцы составляли всего 6% общаго числа хозяевъ общины.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ разсказу о первоначальномъ происхожденіи уравнительнаго пользованія участками среди казенныхъ крестьянъ разсматриваемаго района.

Въ 1795 г. (годъ производства 5-й переписи) «многіе» казенные крестьяне Вологодской губ. обращались въ экспедицію вологодскаго директора экономіи *) съ просьбой объ «удовольствованіи ихъ землею по числу душъ» 5-й ревизіи. Внимая этимъ просьбамъ, экспедиція директора экономіи 28 мая послала «надлежащія (?)» предписанія волостнымъ присудамъ Вологодской области; а такъ какъ крестьяне Вельскаго и Тотемскаго округовъ и Устюжской области имѣвшуюся въ ихъ владѣніи землю, доставшуюся имъ частью по наслѣдству, частью по купчимъ закладнымъ и другимъ сдѣлочнымъ письмамъ, «почитаютъ своею собственностью», то вологодская казенная палата нашла нужнымъ черезъ нижніе земскіе суды сдѣлать распоряженіе (18 іюня 1795 г.) о раздѣлѣ тяглой пашенной и сѣнокосной земли «по числу написанныхъ въ 5 ревизіи душъ и работниковъ». Такъ описывается начало этого дѣла въ одномъ оффиціальномъ документѣ конца прошлаго вѣка. На что разсчитывали крестьяне, ходатайствуя объ «удовольствованіи ихъ землею по числу душъ», чѣмъ они руководствовались при возбужденіи этого ходатайства (извѣстно, что въ различныхъ правительственныхъ актахъ прошлаго времени какъ бы принималось за нормальный крестьянскій надѣлъ 8 и 15 дес. на душу; быть можетъ это и имѣли въ виду крестьяне, о которыхъ идетъ рѣчь), и какія это «надлежащія» предписанія (кромѣ предписанія относительно общаго раздѣла земель) даны были сельскимъ властямъ—осталось неизвѣстнымъ. Изъ послѣдующей же исторіи этого дѣла не видно, чтобы, кромѣ уравниній, принимались и другія мѣры надѣленія малоземельныхъ крестьянъ.

При совершеніи предписаннаго раздѣла предполагалось обращать особенное вниманіе на то, чтобы каждая семья получила столько земли, сколько она была въ силахъ обработать «и не довести до запустѣнія»; а на волостное на-

*) Съ 1775 г. казенные крестьяне поступили въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ, а непосредственное заведываніе ими поручено было директору экономіи.

часть возлагалась обязанность наблюдать за малоземельными семьями, получавшими, по числу ревизских душ, крупные участки, и при первых признаках запусканія ими земли—оставлять имъ ее по числу работниковъ, а излишекъ передавать другимъ домохозяевамъ за податц. Раздѣлу по душамъ не должны были подлежать крѣпостныя земли; но еслибы многоземельные хозяева представили такія крѣпости или закладныя, которыя «нигдѣ не явлены, или партикулярныя письма, не представа въ доказательство законныхъ крѣпостей, показавъ, что оныя утрачены», или если бы она стали утверждать, что земля приобрѣтена ими послѣ межевой инструкціи (запрещавшей отчужденіе крестьянами земель), «то всѣ таковыя земли, на основаніи изданныхъ узаконеній уничтожая, полагать въ раздѣлъ».

Издавая это распоряженіе, казенная палата поясняла, что раздѣленіе земли предпринимается «для общественной пользы на таковой единственно предметъ, чтобы малоземельные крестьяне въ пропитаніи семействъ не могли терпѣть крайнюю нужду, а многоземельные, напротивъ того, будучи не въ силахъ обрабатывать свои участки, не могли отдавать ихъ въ наемъ».

Это постановленіе казенной палаты въ разныхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. приведено было въ исполненіе не сразу и не одновременно и—какъ это естественно ожидать для первыхъ случаевъ уравнительнаго раздѣла земель, до тѣхъ поръ состоявшихъ въ наследственномъ пользованіи—предписанные начальствомъ передѣлы сопровождались ссорами, недоразумѣніями и жалобами крестьянъ.

Одного распоряженія казенной палаты о передѣлѣ было, повидимому, недостаточно для того, чтобы уравниеніе крестьянъ въ пользованіи землями начало осуществляться фактически; и это сдѣлается совершенно понятнымъ, разъ мы будемъ имѣть въ виду, что передѣлы должны были совершаться при посредствѣ сельскихъ властей и «лучшихъ и добросовѣстныхъ крестьянъ», и что такіе крестьяне «внимали повелѣнію о раздѣлѣ съ болѣзнью, потому что должны были отдѣлять отъ себя землю, удобряваемую великими трудами», во владѣніе малоземельныхъ домохозяевъ. Обыкновенно сельскія власти приступали къ раздѣлу земель не раньше того, какъ малоземельные крестьяне, не получая удовлетворенія своей нужды въ угодьяхъ, обращались съ жалобами по начальству и отъ послѣдняго посылались повторительныя объ этомъ распоряженія. Такія жалобы приносились, наприм., въ 1797—98 г. двумя крестьянами деревень Черновской и Черносошной, Содейской волости, Красноборскаго округа (просившими, «чтобы въ ихъ деревняхъ пашенную и сѣнокосную землю приказать раздѣлить по числу душъ»), въ 1796 г.—крестьянами дворцовыхъ деревень: Ивановской, Пижименской волости, Городища и Филиевской Устьевельской десятины, Вельскаго округа, и т. п.

Такъ какъ уравниеніе въ земляхъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ общая мѣра, производилось въ данномъ районѣ впервые, и среди крестьянъ не было выработано приемовъ для наиболѣе удобнаго выполненія этого дѣла, то естественно, если начальствующія надъ крестьянами учрежденія вмѣ-

Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи.

шивались въ подробности предстоявшаго раздѣла земель и давали на этотъ счетъ тѣ или другія предписанія. Такъ, нижній вельскій судъ, усматривая изъ жалобъ крестьянъ, что передѣлъ земли сопровождается многими ссорами, и находя причину этого въ томъ, что «волостные начальники, по нерадѣнію своему объ общемъ спокойствіи крестьянъ, не входятъ, какъ должно, въ ихъ крестьянскія подробности», постановилъ, чтобы «къ будущему лѣту неминуемо должно въ раздѣлъ по душамъ земель взять пристойныя мѣры», и въ этихъ видахъ 16 апрѣля 1798 г. разослалъ въ подвѣдомственные ему волостные присуды наставленіе о производствѣ раздѣла земель слѣдующаго содержанія.

Раздѣлъ земли и провѣрка сдѣланныхъ уже разверстоковъ («порядочно ли оныя земли прежнимъ старостой раздѣлены») должны производиться волостнымъ старостой вмѣстѣ съ выборными (по одному на деревню), «присягою утвержденными людьми», причемъ обязанность старосты — «только пешись, дабы земли были раздѣлены безобидно, со всего согласія, по присяжной совѣсти, а не по пристрастію и не по родству»; выборные же должны были прежде всего измѣрить пахотную и сѣноносную землю каждой деревни, составить измѣреннымъ землямъ вѣдомость по данной формѣ, опредѣлить общую площадь названныхъ угодій для всей волости, исчислить средней надѣлъ на душу «и потомъ уже въ которой деревнѣ есть излишекъ—велѣть отдать другой деревнѣ». За несоблюденіе предписанія о предварительномъ составленіи вѣдомости измѣреннымъ землямъ по каждой деревнѣ старостѣ и выборнымъ грозило преданіе суду.

Въ вѣдомости должна была быть показана отдѣльно площадь пахоты и сѣнокоса вотчинныхъ, крѣпостныхъ и состоящихъ въ оброкѣ (т.-е. казенныхъ) утѣхъ или другихъ лицъ. Передѣлу по душамъ подлежали только вотчинныя полевая пашни и сѣнокосы.

Эти угодья должны были дѣлиться по числу душъ («добрую и худую пашню пополамъ; ... сѣнокосы—десятинами, полосами или проймами»), «однако же по рассмотрѣнію общаго мірскаго согласія, можетъ ли крестьянинъ, принявшій пахотную землю, ее обработать, т.-е. не малолѣтны ли у него дѣти, или хотя и малолѣтны, да можетъ быть въ силахъ обработать; землю не запускаетъ и подати исправно платить». Запольную же пашню и чищенники (сѣнокосы), «кои лѣтъ или отецъ, или самый нынѣшній владѣлецъ расчищалъ, отнюдь въ раздѣлъ не полагать»; но еслибы первая оставалась безъ заѣва больше трехъ лѣтъ, а съ расчищеннаго въ лѣсу сѣнокоса владѣлецъ не снималъ сѣна «лѣтъ съ десять», то заброшенные такимъ образомъ участки предоставлялось занять всякому другому крестьянину послѣ предварительнаго письменнаго заявленія объ этомъ въ присудъ и полученія отъ послѣдняго письменнаго же удостовѣренія. Если такой крестьянинъ оставитъ взятый имъ участокъ пахоты въ теченіе года безъ заѣва, то ее предоставлялось занимать всякому другому домохозяину.

Раздѣлу по душамъ подлежали и удобныя для расчистки подъ пашню лѣсныя пространства. Что же касается новыхъ расчистокъ подъ сѣнокосы,

то ихъ дозволялось производить (съ вѣдома волостныхъ присудовъ) всякому крестьянину, а еслибы на удобныя для этого мѣста явилось нѣсколько претендентовъ, «то староста долженъ тѣ мѣста раздѣлить по разсмотрѣнію работниковъ или семействъ».

Крѣпостныя пахотныя земли, «на кои у крестьянъ есть до изданной межевой инструкціи крѣпости и пошрины съ оныхъ были заплачены, отнюдь въ раздѣлъ не полагаютъ *)» впредь до указа правительствующаго сената, а владѣть тому самому или наследникамъ; но и наследникамъ крѣпостную землю раздѣлить по числу душъ». При этомъ если бы количество приходящейся на душу крѣпостной земли оказалось не ниже средняго, то такой крестьянинъ уже не долженъ былъ получать вотчинной пахоты (полевой) и сѣнокоса (кромя запольныхъ и чищобъ, которые остаются за нимъ, какъ изложено выше); а если крѣпостной земли у него недостаточно, то ему дѣлается добавленіе по числу душъ на общемъ основаніи. «Буде кто крѣпостныя свои земли предъ сими кому-либо заложилъ, то нынѣ можетъ выкупить; или бы послѣ отца остались сыновья или же законные наследники, то и они могутъ выкупить и раздѣлить по числу наследниковыхъ душъ». Оброчныя земли впредь до особаго распоряженія должны оставаться за настоящими ихъ держателями, за исключеніемъ случая, когда онѣ находились въ рукахъ лицъ, имѣвшихъ излишекъ крѣпостной земли, и когда онѣ должны быть обращены въ общую разверстку по душамъ.

Участки земли, доставшіеся по раздѣлу семьямъ, — по увѣчью или малолѣтству ихъ членовъ, не могущимъ ихъ обработать, — должны быть отданы по мірскому приговору (подписанному «почетными крестьянами» въ количествѣ не менѣе 20 человекъ), на срокъ до совершенности малолѣтнихъ, лицамъ, которыя въ силахъ ихъ обработать, съ возложеніемъ на нихъ обязательства платить сполна подати «и всякія мірскія требы»; «за малолѣтними же и увѣчными имѣть старостѣ должное призрѣніе».

При уравнианіи пахотныхъ земель различныхъ деревень, если послѣднія находятся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи (наприм. 20—40 вер.), надлежитъ переводить на житье изъ одной деревни въ другую одну душу или болѣе, смотря по относительному количеству принадлежащихъ деревнямъ земель. «Если же у переводимаго крестьянина въ прежнемъ жилищѣ остается менѣе, чѣмъ на поддесятины пахоты, то этотъ остатокъ раздѣлить на всю деревню, а того не дѣлать, что у переводимаго здѣсь будетъ на поддуши и тамъ на поддуши, потому что на пахотную землю не способно по дальности возить навозъ. А гдѣ есть версть пять деревня отъ деревни, то отнюдь не дѣлать, чтобъ одни владѣли пахотой подъ домами, а

*) Въ прошеніи 13-ти крестьянъ Спасскаго и Шевденицкаго приказовъ, Тотемскаго округа, поданномъ въ 1815 г., между прочимъ, объясняется, что когда, въ концѣ прошлаго вѣка, крестьяне названнаго района были переведены изъ Вельскаго округа въ Тотемскій, то земскій судъ предписалъ, чтобъ и покупныя земли раздѣлять по числу душъ. Это предписаніе, по жалобѣ просителей, было отмѣнено губернскимъ правленіемъ.

одного спихнули въ другую деревню; но надобно, чтобы всею деревней прибавочною землею (въ другой деревнѣ) владѣли и обрабатывали». Правило о переводѣ крестьянъ изъ деревни въ деревню относилось только къ случаямъ, когда одной деревнѣ въ районѣ другой нарѣзывалась пахотная земля, потому что на далекомъ разстояніи «неспособно возить навозъ»; что же касается сѣнокосовъ, то деревнѣ не рекомендовалось принимать какія-либо мѣры для сокращенія разстоянія между землею и ея владѣльцемъ, такъ какъ «сѣно можно возить и за тридцать верстъ».

III.

Предписаніе вологодской казенной палаты объ уравниеніи землепользованія крестьянъ касалось всѣхъ разрядовъ казенныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ и крестьянъ дворцовыхъ; и такъ какъ передача послѣднихъ въ вѣдѣніе удѣловъ состоялась въ то время (въ 1797—8 гг.), когда постановленіе палаты далеко еще не было приведено въ исполненіе, то дальнѣйшій ходъ этого дѣла въ бывшихъ дворцовыхъ волостяхъ въ значительной степени зависѣлъ отъ того, какъ отнеслось бы къ уравниенію земель вновь учрежденное вѣдомство удѣловъ. Удѣльная же администрація въ первое время не имѣла опредѣленнаго взгляда на вопросъ, и его настоящее отношеніе къ предмету опредѣлилось постепенно, подъ вліяніемъ фактическаго хода этого дѣла.

Первыя донесенія по этому предмету департаментъ удѣловъ получилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1798 г., тотчасъ послѣ приѣма въ свое вѣдѣніе дворцовыхъ имѣній въ Вологодской губерніи. Одно изъ этихъ донесеній, касавшееся Вельскаго уѣзда, сдѣлано было по тому случаю, что въ маѣ мѣсяцѣ 1798 года,—послѣ приѣма дворцовыхъ имѣній Вельскаго округа товарищемъ совѣтника архангельской удѣльной экспедиціи (въ вѣдѣніи которой состояли удѣльныя имѣнія Вологодской губерніи), Бестужевымъ,—въ вельскомъ нижнемъ земскомъ судѣ возникъ вопросъ (вѣроятно, по поводу распоряженія вологодскаго губернатора о раздѣлѣ земель, вызваннаго жалобами малоземельныхъ крестьянъ дворцовой Устьвельской десятины) о томъ, обязательны ли для удѣльныхъ крестьянъ изданныя постановленія о раздѣлѣ земель, и такъ какъ «земскій судъ на отмѣну прежнихъ предписаній ни отъ кого повелѣній не имѣетъ, да и по требованію исправника г. Бестужевъ на сей случай о раздѣлѣ земель никакого отъѣзда не далъ», то судъ считъ своей обязанностью послать въ удѣльныя волости указы о томъ, чтобы въ отношеніи раздѣла земель удѣльные крестьяне поступали по прежде изданнымъ постановленіямъ.

Получивъ такой указъ, староста Устьвельской волости, гдѣ предписанія о раздѣлѣ земель не были еще приведены въ исполненіе, обратился къ бывшему въ то время на мѣстѣ товарищу совѣтника Бестужеву съ запросомъ о томъ, какииъ образомъ поступать ему въ случаяхъ какъ настоящаго, такъ и впредь могущихъ быть предписаній разнаго рода со сто-

роны земскаго суда и исправника. Бестужевъ въ свою очередь обратился въ департаментъ удѣловъ съ запросомъ — предоставить ли раздѣлъ земли произвести самимъ крестьянамъ, или ожидать назначенія землемера, такъ какъ, по его мнѣнiю, «въ уравненiи между крестьянами земель безъ землемера обойтись никакъ не можно, и сами собой крестьяне при раздѣлѣ чинять большiя ссоры и разстройства, черезъ что не произошло бы между ними дракъ и смертнаго убiйства». Департаментъ удѣловъ уклонился отъ категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ и, находя, что дѣло подлежитъ разсмотрѣнiю мѣстныхъ органовъ удѣла, «какъ требующее изслѣдованiя на мѣстѣ», 21 iюля препроводилъ относящiеся сюда документы въ архангельскую удѣльную экспедицiю. Прежде, однако, нежели полученъ былъ отвѣтъ послѣдней, департаментъ нашелъ себя вынужденнымъ сдѣлать по этому предмету опредѣленное общее распоряженiе.

А именно, почти одновременно съ донесенiемъ Бестужева, въ департаментъ удѣловъ поступило донесенiе другого совѣтника архангельской экспедицiи, Григоркова, касавшееся уже Сольвычегодскаго округа, Вологодской губернiи.

Со словъ крестьянъ всѣхъ пяти волостей этого округа Григорковъ объяснялъ, что до 1796 г. крестьяне названнаго района спокойно пользовались участками земля, расчищенными ими изъ-подъ лѣса, и прилагали немало усилiй къ надлежащему ихъ удобренiю; а кто не питалъ къ хозяйству особенной склонности, тотъ отправлялся на сторону и тамъ зарабатывалъ сколько нужно для годового содержанiя и уплаты податей. «Таковой изъ самыхъ древнихъ временъ заведенный порядокъ доставлялъ имъ способы быть всегда исправными плательщиками казенныхъ повинностей, — продолжалъ Григорковъ излагать объясненiя крестьянъ, — такъ что за сими волостями никогда и ни въ какое время доимки не оставалось и всѣ были своею участiю довольны. Но когда въ одной казенной волости, по просьбѣ только двухъ человекъ, вологодская директорская экспедицiя приняла на иѣренiе учинить раздѣлъ земли по числу душъ, въ ревизiю написанныхъ, то необходимо ужъ изъ сего слѣдовао, что и прочихъ волостей крестьяне, находяще въ томъ свои выгоды и подстрекаемые сдѣланною одинажды потачкою, усугубили о томъ свои просьбы, желая получить обработанную трудами ближняго землю, не стыдясь своей наглости и забывъ то, что и они столько же могли бы имѣть земли, еслибы прилежали болѣе къ расчищенiю, нежели къ питейнымъ домамъ. Почему въ 1796 г. и велѣно было этой палаты учинить раздѣлъ по душамъ, написаннымъ въ послѣднюю ревизiю, самимъ между собою посредствомъ лучшихъ и добросовѣстныхъ крестьянъ; но какъ всѣ лучшiе и добросовѣстнiе крестьяне внимали такому повелѣнiю съ болѣзнiю, потому что должны были отдѣлать отъ себя землю, удабриваемую великими трудами, и отдавать таковымъ, у которыхъ нѣтъ ни способности къ хозяйству, ни скота, чѣмъ бы пахать и удобрять оную, то во всѣхъ почти волостяхъ и понынѣ никакого начинанiя къ тому не сдѣлано, кромѣ одной, Пучежской, гдѣ большая часть земли

раздѣлена, и по тому раздѣлу пришлось на душу пашенной земли только 2,220 сажень, да сѣнного покосу съ небольшимъ по десятинѣ». При этомъ хотя многодушные хозяева и получили крупные участки, но такъ какъ взрослые члены ихъ семей находились на заработкахъ и сельскимъ хозяйствомъ никогда прилежно не занимались, то доставшаяся имъ земля въ большинствѣ случаевъ осталась незасѣянной, въ чемъ крестьяне-просители предлагали удостовѣриться, ходатайствуя вмѣстѣ съ тѣмъ «объ уничтоженіи дѣлежа земель учинить послѣднѣйшее распоряженіе, дабы они, вѣдая свой жребій, могли нынѣ свои обнаженные поля засѣять озимымъ хлѣбомъ».

«Не опровергая принятаго палатой распоряженія относительно раздѣленія земель, которое можетъ быть и съ добрымъ намѣреніемъ сдѣлано», — добавлялъ къ сказанному совѣтникъ Григорковъ уже лично отъ себя — онъ тѣмъ не менѣе считалъ своимъ долгомъ обратить вниманіе департамента удѣловъ на то обстоятельство, что послѣдствія предположенной мѣры далеко не оправдали ожиданій. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ владѣніе землей оставалось по-старому, крестьяне «пробываютъ хотя не въ излишнемъ, но въ приличномъ для нихъ довольствѣ; напротивъ того, Пучужская волость, которая предъ симъ была изъ лучшихъ, въ теченіе одного только года пришла чрезъ раздѣленіе земель въ совершенное разореніе, и ежели скорого поворота на прежнее положеніе не будетъ сдѣлано, то неминуемо выйдетъ неопытная недоника. Здѣсь, гдѣ пашенной земли не приходится на душу и по одной десятинѣ и гдѣ самый лучший и прилежнѣйшій крестьянинъ имѣетъ не болѣе трехъ десятинъ на душу, — раздѣленіе земель не можетъ принести пользы, ибо все имѣютъ въ ней недостатокъ. Поэтому, казенной палатѣ, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало рѣшаться на такую сильную въ крестьянахъ перемѣну безъ донесенія вышему начальству». Кромѣ указанныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, уже, по словамъ Григоркова, обнаружившихся въ дѣйствительности, начатое уравненіе земель, по его мнѣнію, будетъ имѣть и много другихъ вредныхъ послѣдствій. Такъ, совѣтникъ архангельской экспедиціи считалъ несомнѣннымъ, что послѣ раздѣла земель прекратится новая ихъ расчистка и «обсушиваніе низкихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ при разлитіи рѣкъ ежегодно уносить или засыпать пескомъ не малое количество земли. Кромѣ того, пашенная земля, не имѣя настоящаго хозяина, лишится того многотруднаго удобренія, котораго здѣшнія песчанья мѣста требуютъ и каковымъ каждый крестьянинъ до сего времени питалъ принадлежащую ему часть, признавая ее своею собственностью»; а безъ такого удобренія «всякое хлѣбородіе въ непродолжительномъ времени должно исчезнуть».

Такимъ образомъ, сто лѣтъ тому назадъ Григорковъ высказывалъ тѣ же самыя возраженія на вводимую среди казенныхъ крестьянъ форму уравнительнаго пользованія землей, какія противниками общины повторяются и по настоящее время. И въ первый моментъ эти возраженія оказали свое дѣйствіе. Не имѣя основанія не довѣрять своему агенту, будучи, повидимому, мало освѣдомленнымъ (какъ увидимъ ниже) о порядкахъ крестьян-

скаго землевладѣнія на сѣверѣ вообще и не составивъ еще себѣ опредѣленнаго мнѣнія о значеніи предположеннаго чужимъ вѣдомствомъ раздѣла крестьянскихъ земель, департаментъ удѣловъ послалъ 2 августа 1798 г. архангельской экспедиціи предписаніе о томъ, «чтобы въ случаѣ необходимости въ раздѣлѣ земель по числу душъ до общаго уравниенія онымъ департаментомъ *), имѣла экспедиція особливо въ виду, чтобы тѣ изъ поселянъ, кои окажутся прилежнѣйшими, имѣли преимущество въ полученіи большаго количества земель; нерадивыхъ же и по мірскому приговору таковыми признанныхъ не сравнивала землями съ рачительными, а потому и раздѣлъ, сдѣланный земскимъ судомъ, уничтожила, наблюдая однако же, чтобы у тѣхъ, кои, получа симъ раздѣломъ должныя участки, отличались трудолюбіемъ въ земледѣліи, не были отняты въ пользу другихъ». Это распоряженіе было послано не только въ архангельскую, но и во всѣ прочія экспедиціи «для подобнаго исполненія, гдѣ недостатокъ въ земляхъ **).

Изложенное распоряженіе департамента удѣловъ, отмѣняющее недавній предписанія казенной палаты о раздѣлѣ земель, только усугубило замѣшательства, возникшія при исполненіи этого предписанія. Тѣ домохозяева, которымъ этотъ раздѣлъ былъ невыгоденъ, требовали возвращенія назадъ своихъ земель или отмѣны состоявшихся приговоровъ о передѣлѣ, а мѣстами прямо завладѣвали отошедшими отъ нихъ участками. Крестьяне же, получившіе или имѣвшіе получить по раздѣлу крупныя участки, настаивали на осуществленіи предположеннаго уравниенія.

Но и тамъ, гдѣ раздѣлъ земель происходилъ безъ большихъ споровъ, возникали замѣшательства изъ-за того, что начатыя раздѣлы были послѣ указа приостановлены и домохозяева частію земли стали владѣть по-старому, а частію—по душамъ послѣдней ревизіи. Всѣ недовольные и обиженные начали обращаться съ жалобами и въ приказы, и въ экспедицію, а приказы въ свою очередь доносили экспедиціи о возникшихъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Имѣя въ виду, что, предписывая (распоряженіемъ отъ 2 августа 1798 года) отмѣну произведеннаго уже раздѣла земель, департаментъ удѣловъ въ то же время требовалъ, чтобы трудолюбивые крестьяне не были лишены доставшихся имъ по раздѣлу участковъ, и, заключая по имѣющимся свѣдѣніямъ, что раздѣлъ земли начатъ былъ или уже законченъ во всѣхъ удѣльныхъ приказахъ Вологодской губерніи и что этотъ раздѣлъ совершенъ по мірскимъ приговорамъ и по любовному соглашенію,—архангельская удѣльная экспедиція въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1799 г. рѣшила объявить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей селеніямъ, во-первыхъ, что сдѣланные

*) По силѣ ст. 116 „Учрежденія объ Императорской фамиліи“, удѣльныя земли должны быть приведены въ такое положеніе, чтобы каждый крестьянинъ получилъ по 3 дес. въ полѣ, причемъ недостающее количество земли предполагалось приобретать покупкой въ казнѣ или у частныхъ лицъ.

**) На это всѣ экспедиціи (кроме архангельской) отвѣтили, что „по оному указу такое исполненіе учинено будетъ“ (нѣкоторые къ этому добавляли: „въ потребныхъ случаяхъ“).

уже раздѣлы угодій впредь до особаго распоряженія не должны быть отнимемы, за исключеніемъ случаевъ, когда домохозяева не обрабатываютъ доставшихся имъ участковъ, и когда дозволялось, по мірскимъ приговорахъ и съ разрѣшенія экспедиціи, отбирать у нихъ землю и передавать другимъ крестьянамъ; во-вторыхъ, что крестьянамъ предоставляется подвергать уравненію «съ доброй воли всѣхъ жителей» и земли, еще не обращенныя въ раздѣлы. «Если же за сими откроется гдѣ-либо какое въ раздѣлѣ земель неудовольствіе, а особливо отъ тѣхъ, которые согласились на раздѣлъ земли, — таковыхъ, какъ бунтовщиковъ и возмутителей общаго спокойствія, заковавъ въ кандалы, держать подъ стражею, а между тѣмъ, съ прописаніемъ ихъ замысловъ и нагlostей, для отдачи подъ судъ, присылать немедленно въ экспедицію ясныя и правильныя рапорты».

Доводя о своихъ распоряженіяхъ до свѣдѣнія департамента удѣловъ, архангельская экспедиція вмѣстѣ съ тѣмъ представляла, что для «отвращенія неурядицъ и взаимныхъ между селеніями распрій», отъ которыхъ могутъ послѣдовать «буйства и дальнѣйшія опасныя непріятности», необходимо произвести уравненіе земли «по количеству ревизскихъ душъ, съ которыхъ платятъ подати, до размежеванія», несмотря на закладныя и купленныя по неутвержденнымъ сдѣлкамъ земли, а также не исключая изъ раздѣла расчищенные участки, какъ потому, что, по давности времени пользованія, крестьяне съ лихвой окупили сдѣланныя на нихъ затраты, такъ и по причинѣ того обстоятельства, что «вообще можно полагать, что никому свободныхъ полей по мѣстоположенію лѣсному отводимо не было, а всѣ суть расчищенные».

Въ оправданіе своего представленія архангельская экспедиція поясняла, что хотя распоряженіе департамента удѣловъ объ отимѣннѣ раздѣла земель издано на основаніи сообщенія совѣтника Григоркова о томъ, что крестьяне, получившіе крупныя участки, будто бы ихъ запускаютъ, но сама экспедиція никакихъ донесеній отъ приказовъ и волостного начальства объ этомъ предметѣ не получала. Но за то у экспедиціи имѣются свѣдѣнія о томъ, что распоряженіе департамента относительно отимѣны только что произведенныхъ раздѣловъ земель послужитъ на пользу «однихъ богатыхъ крестьянъ вмѣстѣ съ начальниками приказовъ, ибо, отнявши у бѣдныхъ землю подъ видомъ нерадѣнія о хлѣбопашествѣ, они присвоиваютъ оныя себѣ и черезъ то доводятъ бѣдныхъ до порабощенія, кои въ таковой крайности, конечно, принуждены будутъ, лишась своихъ участковъ, будучи имъ равныя, идти въ нимъ же въ работники за самую низкую плату» и не приобретутъ достаточно средствъ для уплаты государственныхъ повинностей, падающихъ на бѣдныхъ въ томъ же размѣрѣ, что и на богатыхъ.

Жалобы на отнятіе полученныхъ по раздѣлу участковъ поступали и непосредственно отъ крестьянъ въ центральныя учрежденія удѣловъ, и это обстоятельство, въ связи съ представленіями экспедиціи, побудило департаментъ въ отимѣну ея распоряженія отъ 2 августа 1798 г. издать новый указъ (11 августа 1799 г.) слѣдующаго содержанія. Департаментъ

уничтожилъ раздѣлы земель, вызванные предписаніемъ вологодской казенной палаты, по убѣдительнымъ представленіямъ совѣтника Григорькова, предполагая, что, посѣтивъ лично для пріема имѣнія удѣльные селенія, онъ имѣлъ случай на мѣстахъ убѣдиться въ неудобствахъ сдѣланнаго раздѣла. Но экспедиція съ очевидностью обнаружила какъ происшедшія отъ этого замѣшательства, такъ и притѣшенія бѣдныхъ крестьянъ со стороны богатыхъ. Откуда департаментъ заключаетъ, что «предназначенный имѣніемъ совѣтника Григорькова новый раздѣлъ въ земляхъ произошелъ отъ пристрастнаго его разсужденія, въ которомъ имѣютъ участіе и самые старшины сельскихъ приказовъ. Вслѣдствіе этого архангельской удѣльной экспедиціи предписывается: 1) Что департаментъ къ крайнему удивленію, получая изъ одного мѣста и объ одномъ предметѣ взаимно-противныя донесенія, долгомъ почитаетъ замѣтить, что экспедиція не имѣетъ общаго вниманія на дѣла, къ ея обязанности относящіяся и общаго ея заключенія требующія; 2) въ уваженіе обстоятельствъ, описанныхъ въ послѣднихъ донесеніяхъ экспедиціи, департаментъ соглашается оставить землю во владѣніи крестьянъ, на основаніи сдѣланнаго раздѣла по числу ревизскихъ душъ и предписываетъ экспедиціи принять законныя мѣры къ прекращенію происходящей между крестьянами вражды. А какъ по первому представленію совѣтника Григорькова сдѣланы отъ департамента предписанія о раздѣлѣ земель всѣмъ экспедиціямъ, то въ предупрежденіе, чтобы не могли последовать подобныя сему неудобства,—о помянутомъ положеніи департамента къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію предписываетъ и прочимъ удѣльнымъ экспедиціямъ» *).

22 сентября архангельская экспедиція увѣдомила департаментъ удѣловъ, что во исполненіе послѣдняго указа ею сдѣланы (21 сентября) слѣдующія распоряженія.

Во всѣ семь удѣльныхъ приказовъ Вологодской губ. посланы объявленія о томъ, что департаментъ удѣловъ утверждаетъ раздѣлъ земель на основаніи опредѣленія вологодской казенной палаты «для собственной пользы крестьянъ». Старшинамъ приказовъ предписано объявить департаментскій указъ на мірскомъ сходѣ въ каждомъ селеніи съ тѣмъ, чтобы по выслушаніи его «сдѣланный на случай раздѣла земель мірской приговоръ, утвержденный по миролюбивому согласію общимъ всей волости лучшихъ крестьянъ подписаніемъ, приведенъ былъ немедленно къ исполненію», причемъ крестьянамъ, лишившимся участковъ, полученныхъ по первому раз-

*) Удѣльные экспедиціи отвѣчали о полученіи этого указа приблизительно такъ же, какъ и о полученіи указа 2 августа 1798 г., за исключеніемъ вятской экспедиціи, извѣщавшей департаментъ, что она опредѣлила, по содержанію этого указа, «чинить должное исполненіе, а для такового исполненія съ прописаніемъ изъ него подлежащаго, послать во всѣ подвѣдомые приказы съ такимъ предписаніемъ, чтобы по оному указу равнялись и владѣли удѣльные крестьяне землями неспремѣнно по числу ревизскихъ душъ». Это распоряженіе экспедиціи, повидимому, не имѣло никакихъ послѣдствій.

дѣлу, таковыя должны быть возвращены обратно. Если въ какой-либо волости уравниеніе земель еще не начато и мірскихъ приговоровъ по несоглашенію крестьянъ не сдѣлано, то старшины приказовъ должны отобрать отъ крестьянъ приговоры о томъ, желаютъ ли они произвести раздѣлъ въ своемъ селеніи или не желаютъ, и не принуждая ихъ ни къ тому, ни къ другому, донести о томъ экспедиціи. Во избѣжаніе же того, чтобы старшины сельскихъ приказовъ, заинтересованные въ раздѣлѣ земель и лично, и по родственнымъ связямъ, не злоупотребляли своею властію,—экспедиція предписала, чтобы при мірскихъ собраніяхъ непремѣнно находились и во всѣхъ разборахъ участвовали старшины двухъ сосѣднихъ приказовъ. На всѣхъ этихъ старшинъ возлагалась обязанность внушать крестьянамъ, чтобы во время уравниенія земель они оказывали послушаніе сельскимъ выборнымъ и не противились общимъ мірскимъ приговорамъ; въ случаѣ же неповиновенія, а особенно нарушенія спокойствія, виновныхъ слѣдуетъ отсылать подъ стражу, а въ случаѣ надобности приказы должны обратиться къ содѣйствію нижняго земскаго суда.

Распоряженіе департамента удѣловъ отъ 11 августа вызвало объясненіе со стороны обвиняемаго въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ совѣтника Григорькова. Согласно этому объясненію, къ представленію объ отиѣвѣ раздѣла земель побудили его въ числѣ другихъ причинъ и соображенія о томъ, что предписаннымъ вологодскою казенною палатою раздѣломъ лишлись бы нѣкоторой части земли такіе крестьяне, «изъ которыхъ одни владѣли оными по разнымъ древнимъ правостямъ, а другіе имѣли трудъ удобривать ихъ прежде». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Григорьковъ отрицалъ, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствовался пристрастіемъ къ богатымъ.

Департаментъ на это отвѣтилъ, что если послѣднее утвержденіе Григорькова и можетъ быть признано справедливымъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣлая предложеніе объ отиѣвѣ раздѣла земель, онъ не принялъ во вниманіе: 1) «что повинности платятся съ ревизскаго числа душъ, слѣдовательно самая справедливость обязываетъ, чтобы каждый поселенинъ и земляки, и угодьями воспользовался по мѣрѣ того числа душъ, за которыя онъ очищаетъ повинности; 2) что подъ видомъ лѣности и убожества лишать поселенина земель—значитъ привести его въ бѣдственную крайность; 3) что подъ сими двумя предлогами злоупотребленіемъ сельскихъ старшинъ и достаточныхъ поселенъ могли лишиться земельныхъ участковъ и такіе крестьяне, которые все пропитаніе свое получали отъ земельного своего участка, что и открылось въ дѣйствительности; 4) что симъ порядкомъ, учреждая раздѣлъ земли, теряется всякая равномѣрность между поселенями, ибо всѣ тѣ, которые немущественны, должны вмѣстѣ со своими участками отдаться въ волю богатаго по сему одному только праву; 5) что же принадлежитъ до древнихъ правостей, упоминаемыхъ совѣтникомъ, по которымъ нѣкоторые поселеные имѣли во владѣніи излишнія земли, принадлежащія по общему мірскому положенію другимъ, то права сіи ни что иное

ость, какъ купчин и закладныя, собственно между крестьянами сдѣланныя, которыя уничтожаются законами, слѣдовательно на нихъ плана своего основывать г. совѣтнику было предосудительно».

IV.

Выше было замѣчано, что, принимая въ свое завѣдываніе бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ, департаментъ удѣловъ не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно вопроса объ уравниніи крестьянскихъ земель, и что онъ обладалъ даже очень смутными понятіями о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ вообще. Сказанное подтверждается распоряженіями департамента по данному предмету, сдѣланными по разнымъ случаямъ вскорѣ послѣ изданія его указа отъ 11 августа 1799 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1799 г. въ департаментъ удѣловъ поступило прошеніе крестьянина Меньшикова о возвращеніи ему покосовъ, проданныхъ въ 1723 г. его прадѣдомъ крестьянину Пашкову, въ виду того обстоятельства, что проситель при 11 душахъ имѣетъ около 15 дес. земли, а Пашковъ сравнительно вдвое больше, и что Пашковъ владѣетъ землей его, Меньшикова, прадѣда по купчимъ, которыя «яко на государственныя земля, не дѣйствующи», будучи уничтожены по силѣ межевой инструкціи. Прежде нежели войти съ ходатайствомъ въ департаментъ удѣловъ, Меньшиковъ обращался съ просьбой въ совѣтнику архангельской экспедиціи, Григорькову, а затѣмъ и въ самую ту экспедицію. Первый далъ по этому дѣлу три противорѣчивыя предписанія: 1) О возвратѣ Пашковымъ Меньшикову искомой земли съ тѣмъ, чтобы послѣдній въ свою очередь возвратилъ уплаченныя за нее деньги; 2) о раздѣлѣ этой земли между спорящими сторонами поровну; 3) объ оставленіи спорнаго участка во владѣніи Пашкова. Архангельская экспедиція передала (въ декабрѣ мѣсяцѣ 1798 года) этотъ вопросъ на разсмотрѣніе міра; но прежде, нежели состоялось рѣшеніе послѣдняго, Меньшиковъ обратился съ жалобой въ департаментъ.

Сдѣлавъ совѣтнику экспедиціи выговоръ за то, что, вопреки положенію объ удѣлахъ, запрещающему экспедиціи «входить въ разбирательство внутреннихъ дѣлъ поселянскихъ кои до судовъ коснуться могутъ»,—онъ собственною властію разрѣшилъ вопросъ, принадлежавшій «до разбора мірскаго и до суда», департаментъ удѣловъ по существу дѣла постановилъ (въ октябрѣ мѣсяцѣ 1799 г.) удовлетворить просителя «наравнѣ съ прочими поселянами на основаніи указа департамента отъ 11 августа 1799 г.», въ виду того соображенія, что этимъ указомъ будто бы предписано раздѣлить земли между крестьянами по числу ревизскихъ душъ «съ наблюденіемъ совершеннаго равенства, включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ или закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону» и не дающимъ владѣльцамъ право имѣть особыя участки.

Получивъ такое распоряженіе, въ которомъ не было проведено различія между купчими законо-утвержденными и документами не имѣющими

юридической силы, почему оно какъ бы уничтожало законную силу купчихъ крѣпостей, совершенныхъ до 1765 г. (время указа о генеральномъ межеваніи), архангельская экспедиція обратилась въ департаментъ удѣловъ съ запросомъ специально по этому предмету. Департаментъ въ февралѣ мѣсяцѣ отвѣчалъ, что «по точности предписанія отъ 11 августа» въ раздѣлѣ должны быть включены лишь тѣ земли, которыя предназначены къ раздѣленію вологодскою казенною палатою и на раздѣлѣ коихъ постановлены мірскіе приговоры, въ томъ числѣ земли, приобретенныя по купчимъ крѣпостямъ, «которыя по самымъ законамъ уничтожаются». Въ виду этого департаментъ предписалъ экспедиціи оцѣнить законную силу купчихъ, находившихся у Пашкова, а вмѣстѣ съ тѣмъ рассмотреть вопросъ о томъ, почему крестьяне Архангельской губерніи имѣли въ прежнее время право продавать и закладывать земли, «принадлежащія вообще къ селенію, а не лично каждому поселянину».

Послѣ этого разъясненія архангельская экспедиція весной 1800 г. подтвердила приказамъ о невключеніи въ раздѣлѣ участковъ, приобретенныхъ по законно утвержденнымъ крѣпостямъ. Но если у кого-либо изъ домохозяевъ, владѣющихъ подобными участками, «будутъ оставаться еще таглы земли по числу душъ въ излишество, то бы сіи послѣдніе непременно были назначаемы къ раздѣлу, кому они по мірскимъ приговорамъ слѣдовать будутъ». По интересующему же департаментъ вопросу о правѣ крестьянъ продавать находившіеся въ ихъ пользованіи участки, Архангельская экспедиція отвѣтила разъясненіемъ, что до изданія Высочайшаго манифеста 19 сентября 1865 г. о межеваніи казенныя крестьяне свободно продавали и закладывали свои участки и соответствующіе акты свидѣтельствовались въ подлежащихъ учрежденіяхъ. Когда же межевою инструкціе сдѣлки на крестьянскія земли были запрещены, то хотя такія сдѣлки не были совершенно прекращены фактически, но потеряли юридическую силу. На этомъ-то основаніи, въ постановленіи вологодской казенной палаты о раздѣлѣ земель, изъ раздѣла исключены лишь участки, на которые существуютъ законно-утвержденные купчія или закладные документы. Что же касается вопроса о правѣ свободного распоряженія крестьянъ участками, принадлежащими вообще селенію, а не лично каждому поселянину, то экспедиція, справясь со всѣми по этому предмету узаконеніями и не находя нигдѣ яснаго предписанія, чтобы казеннымъ и дворцовымъ крестьянамъ позволено было продавать и закладывать ихъ участки, приписываетъ такое «ввращеніе между здѣшними крестьянами въ прежніе годы употребленіе деревенскихъ ихъ участковъ слѣдующему вѣщболѣ обстоятельству».

Архангельская губернія и особенно Важскій уѣздъ, будучи въ прежнее время мало населены, заключали большею частью лѣсныя и пустыя необработанныя пространства, которыя по своему расположенію вблизи рѣкъ и хорошему качеству заключающагося «въ ихъ нѣдрахъ грунта» обѣщали въ будущемъ хорошіе доходы отъ пахотныхъ и сѣнокошныхъ земель.

«Новгородцы и другіе посторонніе жители, удостовѣрясь о пользѣ сихъ земель, переселялись на оныя по позволенію начальствъ своихъ въ разные годы цѣлыми семействами, гдѣ стараніемъ своимъ время отъ времени распростирали деревенскія ихъ угодья и обзаводясь домами, составили на послѣдокъ цѣлыя деревни и волости. Но чтобы таковыя расчищенные трудами ихъ пашни и луга остались навсегда въ неотъемлемомъ ихъ владѣніи, то они, отлучаясь въ Москву, по ходатайству своему, получали на тѣ владѣныя ими земли грамоты, по которымъ, присвоивъ ихъ, якобы къ своей собственности или въ число недвижимаго имѣнія, именовали себя чрезъ то настоящими вотчинниками». Впослѣдствіи времени дѣти и внуки упомянутыхъ переселенцевъ, вступивъ во владѣніе по наслѣдству доставшимися имъ земельными участками, и, не захотѣвъ иные изъ нихъ «по назначенію своему оныя обрабатывать, большую часть ихъ уступали родственникамъ своимъ и сосѣдямъ, или во всегдашнему ихъ содержанію, или токмо на время»,—на что были законнымъ порядкомъ совершаемы соответствующіе акты. А по ихъ примѣру «производили таковыя поля и пожень своихъ въ другія руки по крѣпостнымъ письмамъ передачи и прочіе крестьяне, которые хотя грамоту у себя подобно первымъ и не имѣли, но въ разсужденіи, что продаваемыя ими земли были подлинно наслѣдственные, что предки ихъ на расчиству тѣхъ земель прилагали свои труды съ немалыми на усовершенствованіе оныхъ издержками, или что другіе участки поступили во владѣніе ихъ по купчимъ же или закладнымъ,—позволялось равномерно и симъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ выдавать для безпрепятственного новымъ хозяевамъ уступаемой землею владѣнія подлежащія крѣпости. Какъ-то перепродажа между поселянами тяглыхъ ихъ земель съ платежемъ за то въ казну пошлины годъ отъ году увеличиваясь, и продолжалась даже по самый 1765 г., въ которомъ, при изданіи манифеста о генеральномъ межеваніи, а также и въ послѣдующіе годы многіи уже строжайшіе послѣдовали воспрещенія».

У.

Не ограничиваясь предписаніемъ 21 сентября 1799 г. приказамъ Вологодской губ. о производствѣ раздѣла земель, и дополнительнымъ разъясненіемъ по этому предмету въ началѣ 1800 г., Архангельская удѣльная экспедиція въ виду поступавшихъ къ ней многихъ просьбъ о раздѣлахъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1800 г. поручила одному изъ своихъ членовъ, чтобы «при бытности его въ селеніяхъ предполагаемый вологодскою казенною палатою въ земляхъ раздѣлъ приказалъ немедленно привести въ окончанію и, разсмотря учиненные на то мірскіе приговоры, буде они справедливы, велѣлъ при наступленіи весны непремѣнно выполнить самимъ дѣломъ. А ежели въ какихъ-либо селеніяхъ мірскихъ приговоровъ на поравненіе земель вовсе не было постановлено, а дѣлить землю нѣкоторые изъ поселянъ согласны, другіе же несогласны,—въ такомъ случаѣ строго сдѣ-

затѣ приказнымъ должностнымъ, сельскимъ выборнымъ и мірскимъ обществамъ понужденіе къ постановленію таковыхъ общесогласныхъ приговоровъ».

Равнымъ образомъ и въ 1801 г., командуя своего члена для осмотра удѣльныхъ селеній, архангельская экспедиція поручила ему настоять, чтобы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ раздѣлъ полей еще не законченъ, онъ былъ приведенъ въ исполненіе согласно мірскимъ приговорамъ.

Эти мѣры, однако, не привели къ желательному умиротворенію крестьянъ и продолжающіяся среди нихъ несогласія и разныя другія неудобства, обнаружившіяся при практическомъ выполненіи общаго раздѣла земель, побудили архангельскую экспедицію войти въ 1802 г. въ департаментъ удѣловъ съ предложеніями, которыя она объясняла и мотивировала слѣдующимъ образомъ.

1. Многие усердные къ земледѣлію крестьяне владѣли хорошо обработанными крупными участками земли, но, имѣя малыя семьи, были вынуждены при передѣлахъ отдавать излишнія по числу душъ угодыя такимъ домохозяевамъ, которые мало обращали вниманія на хлѣбопашество и не только не принимали никакихъ мѣръ (напримѣръ, расчистокъ) для расширенія площади своего владѣнія, но и запустошали раздѣланныя поля, если они не отличались особенно выгоднымъ расположеніемъ, надѣясь, что запущенная пашня будетъ при передѣлѣ исключена изъ расчета, а они сами получатъ лучшіе участки. Другіе домохозяева недавно продали или заложили свои участки, а третій занимаются промыслами и торговлею и очень мало земледѣлютъ; и тѣмъ не менѣе и тѣ, и другіе при общемъ раздѣлѣ требовали себѣ земли по числу ревизскихъ душъ, которая и отводилась имъ отъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ, хотя бы и многодушныхъ, но съ преобладаніемъ лицъ женскаго пола, «на каковыхъ по общему положенію тягло не назначается, чрезъ что дома сихъ послѣднихъ и должны въ короткое время приходить въ неминуемое разстройство». Въ отвращеніе всѣхъ этихъ неудобствъ, архангельская экспедиція находила умѣстнымъ воспользоваться приѣмомъ, практиковавшимся при передѣлѣ земель въ нѣкоторыхъ волостяхъ Вологодской губ. и испрашивала разрѣшенія департамента удѣловъ причислять на участки «рачительныхъ земледѣльцевъ, въ случаѣ недостатка у нихъ ревизскихъ душъ, по мірскимъ приговорамъ, выбылыя разными случаями малосильныя души отъ другихъ семействъ,—что самое съ одной стороны вѣще одобритъ ихъ трудолюбіе, а съ другой—поселяне, отъ коихъ для платежа податей перейдутъ къ земледѣльцамъ ревизскія души, воспользуются чувствительною по части сей льготою».—2. Разныя крестьянскіе по дѣлу о раздѣлѣ земель споры и неудовольствія, по предписаніямъ и указамъ департамента удѣловъ, препоручаются мірскому разбирательству съ постановленіемъ по каждому случаю общественнаго приговора. Но изъ текущихъ дѣлъ открывается, что на мірскихъ сходахъ очень часто обнаруживается разногласіе, причѣмъ постановляются два различныя приговора, вслѣдствіе чего обиженная сторона нѣрѣдко остается

неудовлетворенной, а въ концѣ концовъ выигрываетъ дѣло лицо, рѣшившееся во что бы то ни стало продолжать споръ. Довода объ этомъ до свѣдѣнія департамента, архангельская экспедиція испрашивала его постановленія о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ обнаруженнаго разногласія на сходѣ: «по тѣмъ ли приговорамъ дѣлать исполненіе, подъ коими подписалось болѣе мірскихъ рукъ, или, въ соблюденіе лучшей справедливости, препровождая къ рассмотрѣнію тѣ и другіе предварительно въ экспедицію».—3. Вологодскою казенною палатою сдѣлано распоряженіе, чтобы крѣпостныя земли въ раздѣлъ не полагались. Это правило приводитъ иногда къ большимъ неудобствамъ. Не говоря о неравномѣрности землевладѣнія, какъ результатъ примѣненія этого положенія, — «во многихъ крѣпостяхъ не означено проданнымъ угодьямъ мѣра и количество, но написаны одѣй токмо смежности, каковыя по времени уже перемѣнились и распознать ихъ нынѣ невозможно. Настоящіе же владѣльцы, равно какъ и предки ихъ, пользуясь этимъ, приумноживъ тѣ крѣпостныя угодья расчисткою или покупкою уже послѣ 1765 г. въ смежныхъ съ ними мѣстахъ, называютъ всю ту землю вообще крѣпостною» и исключаютъ ее такимъ образомъ изъ раздѣла. «Также крѣпостные документы разными случаями и особенно по приданнымъ за дочерями, переходя отъ одного владѣльца къ другому, хранятся теперь совсѣмъ уже въ другихъ семьяхъ; а нѣкоторые крестьяне, получившіе земли по наслѣдству, живутъ иногда въ отдаленныхъ деревняхъ. Всѣ такіе участки, какъ принадлежащіе по крѣпостямъ, крестьяне власть въ раздѣлъ удерживаются». Разсматривая время отъ времени крѣпостныя купчи и закладныя, экспедиція убѣдилась въ томъ, что угодья, къ которымъ они относятся, суть тѣ же тяглыя земли, принадлежащія къ общественнымъ крестьянскимъ дачамъ. «Слѣдовательно, когда во всѣхъ селеніяхъ производится генеральный крестьянскимъ угодьямъ раздѣлъ, не исключая и земли, расчищенной собственными настоящихъ владѣльцевъ трудами, то по справедливости слѣдовало бы включить въ общее уравненіе и покупныя по прежнимъ крѣпостямъ земли; ибо расчистки, въ недавнее время сдѣланныя, въ отношеніи употребленныхъ на это трудовъ и другихъ расходовъ, заслуживаютъ болѣе вниманія», нежели участки, доставшіеся по купчимъ и закладнымъ, совершеннымъ обыкновенно въ очень давнее время, причемъ за землю въ большинствѣ случаевъ уплачена очень незначительная сумма, съ избыткомъ уже покрытая долговременнымъ пользованіемъ землями.

Въ виду всего изложеннаго, архангельская экспедиція считала правильнымъ принять на будущее время, «дабы владѣмая удѣльными крестьянами по крѣпостнымъ купчимъ и закладнымъ земля, яко издревле тяглая и къ дворцовымъ селеніямъ принадлежащая, положена была въ общій съ прочими крестьянскими угодьями по числу ревизскихъ душъ раздѣлъ, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыхъ крѣпостныхъ угодій состоитъ въ большомъ количествѣ, а слѣдующихъ въ надѣлъ недостаточнымъ крестьянамъ отперется малая токмо противу того часть».

Департаментъ удѣловъ не согласился съ предложеніями экспедиціи, а для устраненія описанныхъ въ ея донесеніи неудобствъ и безпорядковъ 17 ноября 1802 г. предписалъ слѣдующія мѣропріятія: 1) Поселянъ, нерадящихся о земледѣліи, по силѣ § 182 «Учрежденія объ Императорской фамиліи», поручать особому надзору сельскихъ выборныхъ; 2) по тѣмъ мірскимъ приговорамъ, гдѣ обнаружится раздѣленіе голосовъ, наряжать для разбора дѣла старшинъ изъ двухъ сосѣднихъ приказовъ, а въ случаѣ невозможности ихъ отлучки—посылать и рядовыхъ крестьянъ, извѣстныхъ своей честностью и справедливостью. Самой же экспедиціи по силѣ § 168 «учрежденія» во всякія между поселянами дѣла входить не должно; 3) уявчюжать законно-утвержденныя вѣрности и закладныя департаментъ себя вправѣ не считаетъ, а для прекращенія происходящихъ между поселянами споровъ и къ удовлетворенію недостаточныхъ изъ нихъ землями, департаментъ предписалъ экспедиціи осмотрѣть всѣ впускъ лежащія при селеніяхъ удѣльныя земли и, оцѣнивъ вмѣстѣ съ свѣдущими крестьянами ихъ качество, тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны удобными подъ пашни или сѣнокосъ, приказать расчислить общими силами селеній и изъ расчисленныхъ пространствъ прежде всего удовлетворить малоземельныхъ крестьянъ, а излишки раздѣлить по душамъ. «Ибо если большеземельные домохозяева не хотятъ добровольно сдѣлать товарищамъ своимъ пособія своею землею, то должны къ общему ихъ долгу взять участіе въ расчислѣтѣ полей, потому что легко можетъ случиться, что одинокій поселянинъ, имѣющій у себя малолѣтнихъ дѣтей, собственными силами увеличить площадь своего участка расчислѣткою не въ состояніи»; 4) при предписанномъ департаментомъ осмотрѣ земель слѣдовало собирать свѣдѣнія о томъ, нѣтъ ли по близости удѣльныхъ селеній казенныхъ пустопорожныхъ земель, которыя департаментъ могъ бы «истребовать въ удѣльное вѣдомство для заселенія малоземельными крестьянами».

Исполненіе этого департаментъ предлагалъ поручить преимущественно извѣстному своимъ усердіемъ совѣтнику архангельской экспедиціи Карюкину.

Совѣтникъ Карюкинъ лѣтомъ 1803 года объѣхалъ почти всѣ волости Вологодской губ., осмотрѣлъ, согласно указу департамента, крестьянскія угоды и составлялъ (на сходахъ) вѣдомости о распредѣленіи земли между домохозяевами, стараясь оставлять большеземельныхъ хозяевъ при старыхъ участкахъ, причисляя къ нимъ для платежа чужія души. Малоземельные же крестьяне удовлетворялись частью отводомъ земли отъ многоземельныхъ, частью назначеніемъ запольной земли въ расчислѣтѣ, причемъ къ участію въ расчислѣтѣ предполагалось привлечь и многоземельныхъ хозяевъ, каковыми «пособіемъ расчислѣтки избавятся они и отелонять отъ себя всякій могущій быть впредь землямъ раздѣлъ».

Для характеристики исполненія Карюкинымъ возложеннаго на него порученія, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его донесеній.

Пучужская волость Сольвычегодскаго уѣзда была одна изъ первыхъ

дворцовыхъ волостей, приступившая къ раздѣлу земель. Съ давнихъ лѣтъ эта волость была раздѣлена на три части—верхнюю, среднюю и нижнюю, съ отдѣльнымъ для каждой изъ нихъ владѣніемъ; и такъ какъ покосы, принадлежащіе двумъ послѣднимъ третямъ, были постепенно смываемы водой, вслѣдствіе чего на 552 души по 5-й ревизіи у нихъ находилось всего 383 дес. сѣнокоса, а верхняя треть при 343 душахъ пользовалась 538 дес. этого угодья, то вологодская казенная палата, при посредствѣ нижняго земскаго суда, произвела разслѣдованіе этого дѣла, результатомъ котораго явилось заручное письмо отъ 13 августа 1797 г. выборныхъ и добросовѣстныхъ крестьянъ верхней трети волости объ отведеніи двумъ другимъ третямъ «на число поступившихъ въ 5 рев. душъ и наличныхъ работниковъ» 100 десятинъ покоса. Въ это же время было произведено и уравненіе домохозяевъ волости по владѣнію пахотными землями, которая, впрочемъ, между отдѣльными частями волости и до того была распределена довольно равномерно.

Едва крестьяне средней и нижней третей успѣли вступить въ пользованіе отведенными имъ землями, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1798 года крестьяне верхней трети взяли вышеупомянутые покосы обратно. И хотя въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, по распоряженію архангельской экспедиціи, Боревскимъ приказомъ при постороннихъ старожиллахъ и понятыхъ людяхъ было произведено разбирательство этого дѣла, причемъ, за средней и нижней третями признано право на спорныя земли, а 1 апрѣля 1800 года въ присутствіи совѣтника Степанова, крестьянами Пучужской волости постановленъ былъ подтвердительный приговоръ о раздѣлѣ всѣхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель волости по числу ревизскихъ душъ (безъ взысканія съ прежнихъ владѣльцовъ за своевольное снятіе съ отошедшихъ было отъ нихъ участковъ сѣна и хлѣба); но многоземельные крестьяне (преимущественно верхней трети) не только не допускали приведенія этого приговора въ исполненіе, но и брали обратно раньше отданные малоземельнымъ крестьянамъ пашенные участки, причемъ обращеніе архангельской экспедиціи къ нижнему земскому суду оказалось безрезультатнымъ, потому что судомъ «въ приведеніи неповорныхъ въ должное при раздѣлѣ послушаніе не учинено никакыхъ вспоможеній».

Такое положеніе дѣлъ (по словамъ архангельской экспедиціи, происшедшее «не отчего другого, какъ единственно отъ уничтоженія раздѣла земель», сначала предписаннаго, а затѣмъ отмѣненнаго департаментомъ удѣловъ) продолжалось до 1803 г., когда Карюкинъ объѣзжалъ удѣльныя селенія съ цѣлью окончанія споровъ, вызванныхъ раздѣломъ земель.

Прибывъ въ Пучужскую волость и собравъ прежде всего на сходъ крестьянъ, въ числѣ около 140 человекъ, Карюкинъ рассмотрѣлъ при нихъ волостную вѣдомость, по которой въ волости значилось 983 рев. душъ, 2,264½ дес. тяглыхъ пашенныхъ и сѣнокосныхъ угодій (сюда вошли и сѣнокосы, взятые крестьянами въ видѣ оброчныхъ статей, но считавшіеся вмѣстѣ съ тяглыми), и 3,934 дес. лѣсопородныхъ и подъ скотинными

выпусками, въ числѣ которыхъ имѣлись расчистые пашенные участки и мѣста, годныя для разработки подъ сѣнокосы. Затѣмъ Карюкинъ выслушалъ жалобу большеземельныхъ, но малосемейныхъ хозяевъ (преимущественно изъ верхняго конца) на то, что, при «сдѣланномъ волостными начальниками съ угнетеніемъ» раздѣлѣ земель, ихъ участки отошли къ малоземельнымъ, но многодушнымъ крестьянамъ, «по нерадивости ихъ къ трудолюбію» запустившимъ свои пашенные участки, нерасчищавшимъ сѣнокосы, не содержавшимъ въ исправности изгородей, отчего ихъ сѣнокосные участки обратились въ покотинны.

Осмотрѣвъ съ выборными и нѣкоторыми другими крестьянами волостныя земли и убѣдившись въ томъ, что дѣйствительно у многихъ крестьянъ— въ томъ числѣ и у присяжныхъ, производившихъ разверстку—оказались запущенныя полосы, вмѣсто которыхъ «сдѣланы отводы изъ внутреннихъ полевыхъ отъ большеземельныхъ», Карюкинъ пришелъ къ заключенію, что крупныя участки однихъ домохозяевъ «неприсвоены насиліемъ, а трудолюбіемъ, а у другихъ праздною и нерадѣніемъ потеряны». Придя къ этому заключенію Карюкинъ постановилъ «начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить и рекомендовать удовлетворить въ недостающемъ изъ пустопорожныхъ земель съ помощью отъ большеземельныхъ». «Нынѣ засѣянный и взрощенный хлѣбъ предоставить снять тѣмъ, кто засѣялъ, а землю впредь обратить кому слѣдуетъ по владѣнію» *).

Нѣсколько позже Карюкинъ прибылъ въ Верхотоемскую волость, Сольвычегодскаго округа, выдающуюся среди другихъ удѣльныхъ волостей большимъ количествомъ у крестьянъ поульныхъ земель. Въ верхнемъ концѣ этой волости, составлявшемъ особую земельную единицу, отъ многихъ хозяевъ Карюкину принесены были жалобы на то, что по раздѣлу 1800 г. они лишены лучшихъ своихъ участковъ, взявъ которыхъ получили дополненіе изъ земель «пустопорожныхъ и отведенныхъ отъ другихъ владѣльцевъ худыхъ и изъ-подъ лѣсовъ. Подобно сему и крѣпостныя земли... по усильству буйныхъ, обращены на раздѣлы, такъ что не успѣвали и приказныя старшины отъ этого остановиться». По «личнымъ испытаніямъ» Карюкина на мѣстѣ, «ничто другое открылось, какъ отъ одного до другого въ притязаніи земель насиліе, и не оставался почти ни одинъ въ своемъ печищѣ или деревнѣ при участкѣ, въ каковомъ бы то числѣ владѣть ему по раздѣлу не доводилось». Побуждаемый «многими просьбами и воплями лишенныхъ своихъ участковъ», Карюкинъ рѣшилъ произвести заново разверстку между крестьянами земли. Вытребовавъ для этого «поземельную вѣдомость прежняго владѣнія» и удостовѣрившись, что, согласно отзывамъ крестьянъ, средній надѣлъ пахоти составлялъ 1 дес. 400 саж. на душу, Карюкинъ «при всемъ собраніи крестьянъ» назначилъ, сколько и кто именно изъ многоземельныхъ домохозяевъ долженъ уступить

* Въ другихъ донесеніяхъ Карюкина говорится, что такое рѣшеніе земельного вопроса въ Чучужской волости сдѣлано съ согласія крестьянъ.

другимъ изъ своего участка (причемъ отрѣзка должна была производиться тамъ, гдѣ укажетъ самъ владѣлецъ подлежащаго сокращенію участка); кто изъ нихъ долженъ былъ принять на себя платежи за убылыхъ и маломочныхъ душъ и кому слѣдовало дополнить надѣлъ изъ запольныхъ земель. Сдѣлавъ это расчисленіе, Барюкинъ «рекомендовалъ приказу держаться сего разводу и утвержденія каждому земель, какъ гласно при всѣхъ учиненнаго».

Это относилось къ пахотной землѣ; что же касается сѣнокосовъ, о коихъ крестьяне объявили, что всѣ въ совокупности дали въ 1802 году по 29 копенъ на душу, то въ нихъ «никакъ нельзя обойтись безъ раздѣла: одни имѣютъ избыточно, а другіе—вовсе мало, и мѣсть на расчистку нѣтъ». Поэтому Барюкинъ призналъ, что и впредь крестьяне должны уравниваться покосами соразмѣрно урожаю каждаго года, исключая только изъ раздѣла вѣрностныя владѣнія и оброчныя статьи и принимая въ расчетъ «уносные и засыпанные песками участки; въ чемъ въ присутствіи Барюкина и обязались подпискою».

Департаментъ удѣловъ вообще одобрилъ дѣятельность Барюкина и указомъ 29 октября 1803 г. предписалъ архангельской экспедиціи, чтобы «для всегдашняго наблюденія за точнымъ исполненіемъ сельскими приказами о вновь расчищенныхъ земляхъ она собирала отъ нихъ ежегодно свѣдѣнія и во время объѣзда члена поручала ему на мѣстахъ свидѣтельство-вать».

Но насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, распоряженія Барюкина о расчисткахъ врядъ ли осуществились въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ.

У насъ нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній и о томъ, насколько вообще сдѣланное при участіи Барюкина распределеніе земли между семьями было приведено въ исполненіе и какое значеніе имѣлъ этотъ бумажный раздѣлъ при рѣшеніи споровъ крестьянъ о земляхъ. Врядъ ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что предначертанія Барюкина въ большинствѣ случаевъ остались невыполненными; по крайней мѣрѣ раздоры среди крестьянъ продолжались и послѣ объѣзда Барюкина, и ревизовавшій въ 1804 г. удѣльныя имѣнія чиновникъ Марковъ доносилъ департаменту, что къ нему поступало очень много просьбъ о землѣ, что раздѣлъ земель въ Вологодской губ. «учиненъ безъ всякаго порядка и для прекращенія споровъ и другъ другу обидѣ необходимо нужно всѣмъ крестьянскимъ землямъ сдѣлать повѣрву и безпристрастный раздѣлъ на число ревизскихъ душъ поровну». Въ виду такого заявленія департаментъ удѣловъ въ началѣ 1805 г. предписалъ архангельской экспедиціи изслѣдовать это дѣло «дабы всякій изъ обиженныхъ получилъ ему принадлежащее, основываясь на прежде сдѣланныхъ отъ департамента предписаніяхъ». Архангельская экспедиція затребовала отъ приказовъ свѣдѣній о томъ, во всѣхъ ли селеніяхъ произведенъ раздѣлъ земельныхъ угодій и если гдѣ-либо мірскіе приговоры о раздѣлѣ не приведены въ исполненіе, то требовалось объяснить причины

этого явленія и представить «реестры всѣмъ селеніямъ и семействамъ, гдѣ уравниеніе почему-либо продолжается».

Отвѣтъ на этотъ запросъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ.

VI.

Выше было сказано, что раздѣлъ земли въ Вологодской губ. начать былъ не тотчасъ послѣ распоряженія о томъ казенной палаты и что во многихъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ требовалось нѣсколько предписаній начальства (по жалобамъ малоземельныхъ крестьянъ) для того, чтобы побудить многоземельныхъ домохозяевъ и поддерживающее ихъ сельское начальство приступить къ уравниенію земли. Въ 1795 г. мірскіе приговоры о поравненіи земель были постановлены быть можетъ только въ одной-двухъ дворцовыхъ волостяхъ Вологодской губ.; въ 1796 г. сдѣланы были приговоры о передѣлѣ, напримѣръ, въ Верховошенской волости, Тотемскаго округа, въ 1797 г. въ Уствельской десятинѣ, въ Булойско-Покровской и въ Пяженской волостяхъ, Вельскаго округа, въ Пучужской волости, Сольвычегодскаго округа и т. д. Но и постановленіе мірскаго приговора о передѣлѣ земли еще не обезпечивало своевременнаго приведенія его въ исполненіе, и этой причинѣ слѣдуетъ вѣроятно приписать, наприм., тотъ фактъ, что изъ 5 волостей Сольвычегодскаго уѣзда, въ четырехъ въ 1798 г., по предмету раздѣла земель «никакого начинанія не было сдѣлано».

Но и примирившись съ мыслью объ уравниеніи отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ, многоземельные хозяева естественно стремились по возможности сохранить за собой прежнія владѣнія и однимъ изъ средствъ для достиженія этой цѣли было принятіе ими на себя платежа податей за малоземельныхъ домохозяевъ или причисленіе на свои участки выбылыхъ и маломощныхъ душъ изъ другихъ семей. Такой пріемъ примѣнялся, напримѣръ, въ Сидорослободской волости, Вельскаго округа. По составленному первоначально приговору о раздѣлѣ, участки «доставались не по числу наличныхъ въ семьѣ душъ, а съ присоединеніемъ отъ другихъ домовъ для иждивенія токмо прежнимъ владѣльцамъ большей части земли». Какъ общее правило, этотъ пріемъ примѣнялся также въ Булойско-Покровской волости, Вельскаго округа, въ Верхотоемской волости, нижнемъ концѣ (изъ рассмотрѣнія вѣдомости о земельномъ владѣніи 65 крестьянъ этой волости, подававшихъ коллективную жалобу на отводъ отъ нихъ земли, видно, что 24 домохозяина платили за большее число душъ, нежели у нихъ числилось по ревизіи, и сохранили у себя пахотной земли даже больше, нежели имъ слѣдовало по расчету платимыхъ душъ) и, быть можетъ, въ болѣе узкихъ предѣлахъ, въ Теринской десятинѣ того же округа.

Иногда такая система уравниенія не вызывала противъ себя протеста; въ другихъ же случаяхъ ею оставались недовольны малоземельные домохозяева, какъ это было, наприм., въ Булойско-Покровской волости, гдѣ «назначены были земли во владѣніе къ прежнимъ ихъ хозяевамъ съ издѣльствомъ, но съ платежомъ только отъ нихъ повинности за недостаточ-

ныхъ крестьянъ, которые, однако же, не желая сего, просили причитающееся имъ количество отвести въ свое владѣніе».

Удѣльная администрація первоначально возставала противъ описаннаго пріема, считая его не соответствующимъ принципу уравнинія крестьянъ землями по числу душъ, предписываемаго указомъ департамента удѣловъ отъ 11 августа 1799 г. Такъ, совѣтникъ архангельской экспедиціи, Степановъ, на котораго было возложено приведеніе начатыхъ раздѣловъ земель къ окончанію, побудилъ въ 1800 г. крестьянъ Сидорослободской волости—въ отиѣну своего первоначальнаго рѣшенія объ оставленіи за большеземельными хозяевами ихъ старыхъ участковъ, съ переводомъ на нихъ платежей за малоземельныя семьи—поставить приговоръ о раздѣлѣ земли по числу ревизскихъ душъ; и при слѣдующемъ посѣщеніи имъ этой волости (въ 1801 г.), по просьбѣ крестьянъ, была составлена «подробная для безобиднаго ихъ въ земляхъ уравнинія» вѣдомость (при этомъ на наличную душу мужского пола пришлось по волости по 1 дес. 10 $\frac{1}{2}$ с. пашни и 6 $\frac{1}{4}$ возовъ сѣновоса). Тѣмъ же совѣтникомъ Степановымъ былъ уничтоженъ аналогичный приговоръ и въ Кулойско-Покровской волости, Вельскаго округа.—Вскорѣ, однако, отношеніе удѣльной администраціи къ этому вопросу нѣсколько измѣнилось. Убѣдившись въ томъ, насколько затруднительно вообще произвести уравниненіе землепользованія крестьянъ и какія неудобства проистекаютъ отъ шаблоннаго примѣненія въ данномъ дѣлѣ одного начала, экспедиція начала мириться съ способомъ выполненія недостатка земли у однихъ семей и излишка ея у другихъ путемъ перенесенія платежей отъ первыхъ къ послѣднимъ, и этотъ приемъ, какъ мы видѣли, широко примѣнялся въ 1802 г. совѣтникомъ Барскимъ при разборѣ жалобъ крестьянъ на раздѣлъ земель и упорядоченіи этого послѣдняго. Въ томъ же году архангельская экспедиція входила, какъ намъ извѣстно, въ департаментъ удѣловъ съ представленіемъ о разрѣшеніи такого перевода платежныхъ душъ изъ одной семьи въ другую, уже какъ общей мѣры, примѣняемой впрочемъ по мірскимъ приговорамъ. Департаментъ удѣловъ, однако, своего разрѣшенія на это не далъ. А въ 1806 г., поручая своему чиновнику произвести нѣкоторыя подготовительныя работы для уравнинія земель среди крестьянъ, прибрѣтенныхъ удѣломъ отъ кн. Шаховской (составившихъ Кузнецовскій приказъ въ Вологодской губ.), уравниненія, о которомъ просили эти крестьяне,—сама архангельская экспедиція предписывала «наблюдать, дабы отнюдь не могло быть, какъ иные крестьяне въ предприемомъ раздѣлѣ уже заключали, выравнивать платежомъ денегъ взыманіемъ таковыхъ за излишнее владѣніе сѣномъ, что весьма отаготвительно и противно пользѣ крестьянской».

Въ концѣ концовъ, однако, способъ перенесенія платежныхъ душъ изъ однихъ семей въ другія сдѣлался очень распространеннымъ средствомъ уравниненія въ выгодахъ землевладѣнія среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губ. Такъ, въ 1812 г., во время производства передѣла земель по душамъ 6 ревизіи, управляющій вологодскою конторой, сообщая департаменту удѣ-

ловъ, что, кромѣ «обыкновенныхъ крестьянскихъ участковъ», многіе домохозяева имѣютъ покупныя и расчистныя земли «приносящія имъ выгоды», къ сказанному прибавляютъ: «добровольное соглашеніе крестьянъ раздѣляло пользу сіи, частно каждымъ найденныя и уменьшало недостатки другихъ, истекающія отъ малочисленности въ семействахъ ихъ работниковъ, такимъ образомъ, что буде кто владѣлъ большимъ количествомъ земель, тѣмъ сосѣдъ его, тотъ принималъ на себя обязанность оплачивать души постороннія, немущія, за малолѣтствомъ или старостью, возможности доставить что-либо своею работою». Управляющій вологодскою конторой находилъ, что «нельзя безъ нарушенія справедливости допустить, чтобы общества самовластно налагали на излишки владѣній къ оплачиванію постороннія души,—развѣ добрая и непринужденная воля не будетъ тому препятствіемъ», откуда слѣдуетъ заключеніе, что переносъ на участки многоземельныхъ крестьянъ лишнихъ платѣжныхъ душъ производился не всегда съ согласія первыхъ. И дѣйствительно, въ 1813 г., наприм., малоземельные крестьяне Спасскаго и Шведеницкаго приказовъ жаловались управляющему вологодской конторой на то, что хотя ихъ крѣпостныя и расчистныя земли не были пущены въ общій раздѣлъ, но «мірскія общества накладывали на нихъ постороннія малоземельныхъ крестьянъ души, съ коихъ они и платили государственныя подати, удѣльные доходы и всякіе мірскіе поборы и магазинный хлѣбъ» и просили объ уничтоженіи этого обыкновенія. Управляющій предписалъ крестьянамъ не примѣнять описываемой мѣры привлеченія большеземельныхъ къ отбыванію излишнихъ тягостей, сверхъ числящихся за ними ревизскихъ душъ.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ заключеніе, что, несмотря на дозволеніе со стороны начальства произвести уравнительный раздѣлъ земли—первый опытъ такого уравниенія былъ очень несовершененъ. Земельные участки отдѣльныхъ крестьянъ далеко не были приведены въ соотвѣтствіе съ ихъ семейнымъ составомъ, и не только потому, что многоземельные хозяева часто соглашались скорѣе брать на себя платежи за излишнее число душъ, нежели отказаться отъ своей земли: отсутствіе точнаго уравниенія обязано было также неточностямъ въ измѣреніи земель, невыработанности техники этого дѣла и наконецъ полюбившимъ сдѣлкамъ лицъ, которымъ предстояло лишиться части своего участка, съ тѣми хозяевами, участки которыхъ подлежали расширенію. Такъ, наприм., крестьяне д. Аргуновской, Устьвельской десятины владѣли сѣнокосами «не каждый по числу ревизскихъ душъ, но иной болѣе, а другой менѣе, безъ всякаго спора и несогласія, ибо малоземельные не стараясь приурочить къ себѣ сѣнокосовъ въ сравненіе съ другими, не имѣя большого недостатка, получаютъ себѣ выгоды и поддерживаютъ хозяйство отъ разныхъ промысловъ». Нѣкоторые домохозяева Верхотоемской волости нижняго конца, вмѣсто назначенной имъ къ отводу отъ другихъ крестьянъ земли, соглашались получить опредѣленную сумму деньгами и т. д.

Нѣкоторыя волости даже вовсе не приступали къ раздѣлу своихъ угодій. Сказанное относится, наприм., къ Аванасьевской боярщинѣ (1100 ревизскихъ душъ): при объѣздѣ удѣльныхъ селеній совѣтникомъ Барюкинымъ на мірскомъ сходѣ этой общины ему было заявлено, что крестьяне рѣшили остаться каждый при старомъ владѣніи, и хотя представители дер. Нефедьевской сначала было протестовали противъ этого, но впоследствии и они подчинились общему рѣшенію, объяснивъ, что «о раздѣлѣ земли по душамъ они имѣли просьбы въ теченіи 10 лѣтъ, но не видѣли между собою спокойствія, кромѣ одного на другого вчиняемыхъ исконъ». Несогласными оказались всего два крестьянина, которымъ общество и общало общими силами расчитать участки ихъ запольныхъ мѣстъ.

Земельная единица, въ предѣлахъ которой должно было происходить уравниеніе во владѣемыхъ крестьянами угодьяхъ, совпадала съ платежнымъ округомъ; въ большинствѣ случаевъ она носила названіе «волости», но нѣкоторыя такія территоріи назывались «боярщинами», «десятинами» и др.

Приговоръ объ уравниеніи земли и вся предварительная работа по раздѣлу производились присягою утвержденными выборными отъ всѣхъ деревень, составляющихъ данную волость, боярщину или десятину. На обязанности выборныхъ лежали измѣреніе и учетъ земель и распредѣленіе послѣднихъ между деревнями, — т.-е. назначеніе того, сколько нужно — сообразуясь съ числомъ душъ и площадью владѣнія каждой деревни, — отдѣлать земли отъ одной деревни въ пользу другой, — а также принятіе иныхъ мѣръ для удовлетворенія заинтересованныхъ сторонъ.

Надлежащее уравниеніе между членами волости общей площади земли встрѣчало внѣшнія и внутреннія препятствія. Первые заключались въ трудности опредѣленія средствами крестьянъ точной мѣры всѣхъ ключевъ отдѣльныхъ владѣній и оцѣнки ихъ качества; въ томъ, что одни участки постоянно подвергались размыву водой или засыпанію песками; что одни крестьяне продолжали дѣлать новыя расчистки, а другіе запускали свои поля и покосы и т. п. Внутреннія препятствія уравниенію земель истекали изъ естественнаго нежеланія многоземельныхъ крестьянъ отказаться въ пользу другихъ отъ части своихъ участковъ, т.-е. отъ части своихъ доходовъ. Повинуясь этому мотиву, они принимали разнообразныя мѣры къ удержанію за собой своихъ земель, а малоземельные крестьяне протестовали противъ такого образа дѣйствій и въ свою очередь изыскивали средства заставить первыхъ подѣлиться съ ними частью волостной земли. Архангельская удѣльная экспедиція (въ 1804 г.) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ настроеніе крестьянъ при первыхъ передѣлахъ земли въ Вологодской губерніи и тѣ волненія, которыя при этомъ возникали.

«Боль скоро отъ одного отходитъ земля къ другому, то первый, лишаясь стариннаго своего владѣнія, старается доказать, что у него меньше земли, нежели это показано выбранными къ тому людьми, а у его соперника, къ которому переходитъ его участокъ, много запустошенныхъ отъ нерадѣнія

полей, которыя однако въ общій счетъ не были полагаемы. Другой, также стараясь остаться при прежнемъ участкѣ, съ позволенія волостныхъ выборныхъ приписываетъ на владѣмую имъ землю постороннія выбылыя души изъ платежа за нихъ податей; его сосѣдь съ большимъ числомъ мужичинъ-работниковъ и малымъ участкомъ жалуется на это обстоятельство, заявляя, что приписка душъ сдѣлана безъ мірскаго согласія, единственно къ обидѣ и притѣсненію малотяглыхъ крестьянъ. Въ другихъ селеніяхъ большеземельные, владѣя угодьями по купчимъ крѣпостямъ, подводятъ подъ тѣ крѣпостныя земли и прочіе своего владѣнія тягловые участки; но тѣхъ же самыхъ деревень крестьяне, нуждаясь въ пашнѣ и сѣнномъ покосѣ, доказываютъ впоследствии несправедливость такого присвоиванія тяглыхъ земель. Особенно много жалобъ поступаетъ на сельскіе приказы, на волостныхъ выборныхъ, присяжныхъ, такъ называемыхъ довѣренныхъ и самыхъ полюбовно съ обѣихъ сторонъ избираемыхъ посредниковъ, которые дѣйствительно иногда избобляются въ пристрастномъ разбирательствѣ и дѣлещѣ; но другіе изъ нихъ, дѣйствуя справедливо, навлекаютъ на себя неудовольствіе многоземельнаго хозяина, отъ котораго земляной участокъ отчуждается во владѣніе другого». Считающіе себя обиженными крестьяне, не ограничиваясь жалобами, прибѣгаютъ и къ мѣрамъ самоуправства, «часто одинъ другого либо пожню съ травой отнять, или снятое уже сѣно самовольно къ себѣ увозить, либо поле не принадлежащее ему огораживать и насѣвать своими сѣменами, или сжатыя уже настоящими владѣльцами хлѣбъ насильно въ свой амбаръ отвозить, причѣмъ нерѣдко случаются большіе споры, шумъ и даже драки. За такія дерзости виновные предаются уѣздному суду и хотя по рѣшенію суда и уголовной палаты часто подвергаются наказанію, но это не удерживаетъ отъ своеволія другихъ крестьянъ, а иногда и тѣхъ самихъ, которые уже подверглись наказанію».

Изъ того, что было только что сказано, видно, что первое общее уравненіе земель въ Вологодской губ. должно было вызвать многочисленныя жалобы недовольныхъ раздѣломъ лицъ. И такъ какъ уравненіе земель происходило, во-1-хъ, между отдѣльными деревнями данной волости и, во-2-хъ, между домохозяевами одного и того же поселенія, то и жалобы приносились цѣлыми деревнями, либо отдѣльными лицами. Жалобы на всю волость были сравнительно рѣдки; чаще этого сторона, считающая себя обиженной, жаловалась на сельскихъ начальствующихъ лицъ; всего же чаще жалобы приносились на отдѣльныхъ домохозяевъ или на отдѣльныя деревни, не отдававшія въ пользованіе обиженнаго присужденныя ему угодья или силою забравшія его сѣно, его хлѣбъ, потому что они считали ихъ вырощенными на принадлежавшихъ имъ участкахъ.

Удѣльная администрація, какъ общее правило, въ разборъ жалобъ непосредственно не входила и не поручала такого разбора исключительно начальствующимъ лицамъ. Только въ случаяхъ многократныхъ жалобъ

одной и той же стороны, или когда многочисленность жалоб приводила къ мысли о принятіи какихъ-либо общихъ мѣръ для предупрежденія дальнѣйшихъ ссоръ, удѣльная экспедиція командировала чиновниковъ въ самыя селенія; но и здѣсь чиновникъ производилъ разборъ претензій не одинъ, а при помощи выборныхъ отъ тяжущихся сторонъ или отъ всей волости, которыя и постановляли по спорному дѣлу свое рѣшеніе, представлявшееся затѣмъ на утвержденіе экспедиціи. Въ обыкновенныхъ случаяхъ архангельская экспедиція поручала разборъ тяжбъ старшинамъ двухъ сосѣднихъ приказовъ, какъ не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, совмѣстно съ довѣренными лицами отъ тяжущихся сторонъ.

В. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Муниципальные хозяйственные предприятия въ англійскихъ городахъ.

За последнее время въ европейскихъ городахъ ясно обнаружилось стремленіе къ расширенію своихъ хозяйственныхъ функций, т.-е. къ переводу нѣкоторыхъ предприятий въ свои собственные руки. Это теченіе особенно сильно теперь въ американскихъ и англійскихъ городахъ. Газеты каждый день приносятъ намъ новыя свѣдѣнія, говорящія о быстромъ прогрессѣ въ этой области.

На встрѣчу этому теченію идетъ и циркуляръ нашего министерства финансовъ прошлаго года, обращающій вниманіе нашихъ городовъ на этотъ источникъ средствъ, что и дало намъ поводъ ознакомиться съ результатами этого движенія на Западѣ.

Мы здѣсь остановимся лишь на городахъ Англій и съ этою цѣлью главнымъ образомъ на нѣсколькихъ типичныхъ единицахъ и лишь кратко затѣмъ отмѣтимъ такое же параллельное теченіе и въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи.

Для нѣсколькихъ городовъ (Бирмингэма, Глазгова и друг.) мы дадимъ описаніе этого процесса въ его послѣдовательномъ развитіи.

Въ Англій *Бирмингэмъ* былъ первымъ городомъ, который началъ переводить въ свое собственное завѣдываніе нѣкоторыя отрасли хозяйственной жизни, бывшія до того времени въ частномъ управленіи, и потому справедливо говорятъ, что муниципальные реформаторы такъ же тянутся къ Бирмингэму, какъ глаза правозѣрныхъ обращены къ Меккѣ *). Конечно, теперь онъ уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отсталъ, потерялъ свое первенство, но онъ первый смѣло и широко поднялъ знамя новой эры общиннаго хозяйства. Честь этого почина принадлежитъ Чэмберлену, бывшему мэру города. Чэмберленъ, будучи только что избранъ въ мэры, предложилъ выкупить газовыя заводы у частной компаніи и передать городу. Онъ такъ удачно защищалъ свой планъ, что только 2 противъ 54 въ городскомъ совѣтѣ были противъ его плана. По вычисленіямъ Чэмберлена, городъ въ

*) *Dolman*: „The municipalities at work“, 1895.

первый же годъ долженъ былъ получить прибыль въ 15—20,000 ф. ст., т.-е. 150—200 тыс. руб., а чрезъ 14 лѣтъ онъ долженъ будетъ получить, по его словамъ, 700 тыс. рублей. Его предсказанія болѣе чѣмъ оправдались: въ первый же годъ городъ получалъ прибыль въ 34,122 ф. ст., а въ 1884 г., т.-е. черезъ 14 лѣтъ послѣ операціи продажи, 70,337 ф. ст., а въ теченіе 17 лѣтъ, протекшихъ со времени выкупа газовыхъ заводовъ, городъ получилъ прибыли 714,000 ф. ст. (около 7.000,000 руб.), т.-е. въ среднемъ ежегодно по 42,000 ф. ст. Слѣдовательно, финансовый результатъ выкупа газоснабженія для города былъ какъ нельзя болѣе блестящимъ: городъ нашелъ здѣсь очень крупный источникъ средствъ. Но это далеко не все. Жители также, помимо того, что эта прибыль отъ газовыхъ заводовъ дала возможность понизить налоги, выиграли еще на пониженіи цѣны на газъ; такъ, средняя цѣна на газъ въ 1875 г. была около 3 ш. 1 п., а въ слѣдующемъ году она была сведена до 2 ш. 10 п., въ 1879 г.—до 2 ш. 7 п., въ 1881 г.—до 2 ш. 4 п., въ 1884 г.—до 2 ш. 2 п., въ 1885 г.—до 2 ш. 1 п., а за періодъ 1887—93 гг.—до 2 ш. 2 п. Сверхъ того, были сдѣланы сбереженія на освѣщеніи улицъ. Итакъ, и городъ, и потребители выиграли отъ этой политикѣ; мало того, и на третьей группѣ, рабочихъ, эта политика отразилась самымъ благоприятнымъ образомъ, а именно въ 1889 г. былъ введенъ 8-ми часовой рабочей день для всѣхъ (1,500—2,000) рабочихъ, занятыхъ на газовомъ заводѣ, безъ уменьшенія заработной платы. За выкупомъ газовыхъ заводовъ слѣдовалъ въ 1876 г. выкупъ водоснабженія, которое до того времени также находилось въ частныхъ рукахъ. Городъ съ самаго начала не хотѣлъ получать крупной прибыли отъ воды, этого предмета первой потребности, и потому прибыль употреблялась на пониженіе стоимости воды и улучшеніе водопроводныхъ сооружений.

И дѣйствительно, потребление воды, благодаря ея дешевизнѣ, болѣе чѣмъ удвоилось въ періодъ съ 1876—1893 гг. Въ 1876 г., при населеніи въ 380,000, оно равнялось 3,031 милл. галлоновъ, т.-е. среднее дневное потребленіе составляли 8,30 галл., а въ 1893 г. среднее потребленіе возрасло до 16,74 галлоновъ *). Въ 1893—94 г. вода дала прибыли 4,091 ф. ст.

Не прошло еще двухъ лѣтъ со времени выкупа водоснабженія, какъ въ 1878 г. городъ снова принялся за новую грандіозную работу по предложенію того же неутомимаго Чэмберлена. Въ центрѣ Бирмингама былъ обширный кварталъ, переполненный рабочимъ населеніемъ. Конечно, здѣсь не было и рѣчи о соблюденіи какихъ-либо правилъ гигиены, и самое это мѣсто не даромъ называлось «slum area», т.-е. грязное, зараженное мѣсто, и, конечно, всякій благомыслящій гражданинъ не могъ не видѣть большой опасности для города въ существованіи такого мѣста. Чэмберленъ предложилъ скупить эти дома и построить новые, съ соблюденіемъ всѣхъ гигие-

*) Dolman, l. c., p. 8,

нических предписаний. «Здѣсь,—говорилъ онъ,—должна пройти такая же широкая дорога, какъ любой парижскій бульваръ». Предложеніе Чамберлена было принято съ большимъ одушевленіемъ, и на покупку почти 4,000 домовъ и перестройку ихъ было затрачено городомъ въ 1889 г. около 1.657,000 ф. ст. Выполненіе этого плана какъ нельзя лучше отразилось на населеніи: въ то время, какъ въ теченіе 3 лѣтъ, предшествующихъ этой сломкѣ и перестройкѣ, процентъ смертности достигалъ здѣсь 53 на 1,000, послѣ же перестройки ихъ онъ упалъ до 21.

Въ финансовомъ отношеніи эта операція также оказалась не безвыгодной.

Бирмингамъ ту же политику расширяетъ теперь и на средства передвиженія, а именно на трамвайныя компаніи. До сихъ поръ линіи строились частными обществами, и имъ предоставлялось право эксплуатаціи ихъ на известныя сроки, такъ что до истеченія этого срока бирмингамскому городскому управленію приходится ждать. Срокъ эксплуатаціи одной линіи истекаетъ въ 1903 г. Но городской совѣтъ рѣшилъ теперь на будущее время *самъ строить* всѣ трамвайныя линіи или непосредственно *подъ своимъ заведываніемъ отдавать эту постройку предпринимателямъ*. Такимъ образомъ городъ построилъ уже 33 мили трамвайной линіи, и онѣ сданы въ аренду на 14 лѣтъ. Въ 1892—93 гг. доходъ города отъ трамваевъ превышалъ расходъ на 5,743 ф. ст., а по истеченіи срока найма городъ получить въ свое владѣніе всю сѣть.

Далѣе Бирмингамъ затратилъ около 70,000 ф. ст. на муниципальныя бани, которыя теперь, благодаря своей дешевизнѣ, всѣмъ доступны: такъ, здѣсь холодное обмываніе стоитъ только 1 пенни, т.-е. 4 копейки, пользование бассейномъ для плаванія для школьныхъ дѣтей стоитъ 1½ пенса, т.-е. 6 коп. Правда, благодаря этой дешевизнѣ, издержки не покрываются доходами: городъ тратитъ на бани 7,000 ф. ст., а получаетъ 5,500 ф. ст.

Въ собственности же городского управленія находятся шесть рынковъ, которые даютъ городу теперь чистой прибыли 5,000—6,000 ф. ст. Наконецъ, въ сентябрѣ 1894 г. Бирмингамъ открылъ муниципальное питейное заведеніе (public house), но съ очень строгой регламентаціей. Женщинамъ доступъ въ него совсѣмъ не дозволяется, а мужчинамъ лишь съ 18 лѣтъ. Въ утренніе часы никто не получаетъ болѣе одной кварты, а вечеромъ двухъ спиртныхъ напитковъ. Но въ первую половину года была уже получена прибыль въ 140 ф. ст., которая и была употреблена на устройство читальни.

Въ другомъ англійскомъ городѣ, Бадфордѣ, въ 1854 г. перешло въ руки городского управленія водоснабженіе, въ 1869 г.—газовые заводы, въ 1865 г. рынки сдѣлались городской собственностью. Городъ самъ строитъ здѣсь трамвайныя линіи; далѣе, городъ имѣетъ свое собственное электрическое освѣщеніе, свои бани и прачечныя.

При выкупѣ городомъ газовыхъ заводовъ изъ рукъ частныхъ компаній, эти послѣднія были очень довольны условіями выкупа, и даже ком-

нанія устроила банкеты въ честь представителей города. Но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Dolman (I. c., p. 90), еслибы компанія сознавала только тотъ огромный ростъ газоваго дѣла, который имѣлъ мѣсто позднѣе, то, конечно, она не радовалась бы такъ.

Дѣйствительно, городъ съ 1871 г. по 31 марта 1894 г. получалъ отъ газовыхъ заводовъ чистой прибыли 373,609 ф. ст., т.-е. въ среднемъ по 16,000 ф. ст. въ годъ (около 160,000 руб. ежегодно). Въ то же время и цѣна на газъ была значительно понижена: такъ, она еще въ 1873 г. была 3 шил. 6 пенс. за 1,000 куб. фут., а затѣмъ была постепенно понижена до 2 ш. 2. Сверхъ того на счетъ газоваго завода даромъ освѣщались городскія улицы, покупались лампы для освѣщенія города и даже уплачивалось жалованье фонарщикамъ, и, несмотря на все это, городъ получалъ очень высокую прибыль, какъ я уже указывалъ выше. Для газовыхъ заводовъ былъ заключенъ долгъ въ размѣрѣ 488,623 ф. ст., и уже 115,667 ф. ст. теперь уплачено. По балансу газоваго завода активъ показывается свыше 600,000 ф., а пассивъ всего 164,922 ф. ст.

Въ 1890 г. городъ ввелъ свое собственное электрическое освѣщеніе, и оно сдѣлалось теперь могучимъ источникомъ дохода. Такъ, въ 1892 году чистый доходъ равнялся 1,385 ф. 1 ш. 10 п., въ 1893 г. — 1,623 ф. 15 ш. 10 п. и въ 1894 г. — 2,138 ф. 19 ш. 4 п., что составляетъ 10% на затраченный капиталъ. Цѣны на электрическое освѣщеніе гораздо ниже по сравненію съ цѣнами, установленными частными компаніями: такъ, цѣна здѣсь простирается до 5 п. per unit., а у частныхъ компаній—въ Ливерпулѣ 7 п., въ Вестминстерѣ 6 п., Eastbourne Company 9 пенс.

Городъ въ 1866 г. взялъ на 999 лѣтъ въ аренду рынки и теперь также имѣетъ чистой прибыли въ годъ отъ 20,000 до 30,000 ф. ст. Въ своей заботливости о чистотѣ населенія городъ не только не получаетъ никакой прибыли отъ бань, но даже убытокъ, за то тарифъ и въ муниципальных баняхъ очень низокъ: такъ, входъ въ плавательный бассейнъ стоитъ всего 1 п., ванна—2—3 пенс.

Третій англійскій городъ—*Глазгоу*—явился за самое послѣднее время смѣлымъ новаторомъ въ области трамвайнаго передвиженія. Онъ первый взялъ въ свои руки всю трамвайную сѣть. Глазгоу, какъ и Ливерпулъ и Манчестеръ, также самъ строилъ трамвайныя линіи, но послѣ постройки онъ отдавалъ ихъ въ аренду частной компаніи. Срокъ аренды истекъ въ 1894 году. Правда, аренда не была безвыгодна для города: такъ, послѣдній до 1891 г. всего затратилъ 345,000 ф. ст., а получилъ отъ компаніи 488,000 ф. ст. и, вѣроятно, контрактъ былъ бы возобновленъ, еслибы компанія лучше относилась къ своимъ служащимъ. Но 14—16-часовой рабочий день и низкая заработная плата привела рабочихъ къ стачкѣ, которая, конечно, вскрыла для публики эту тяжелую картину трудовой жизни служащаго, и общественное мнѣніе было противъ компаніи. Тѣмъ не менѣе городъ хотѣлъ продолжить контрактъ съ обществомъ, но подъ условіемъ сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ. Когда же компанія отказалась со-

гласиться на это, то, подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія, городу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ взять въ свои руки трамваи, что онъ и сдѣлалъ. Конечно, положеніе служащихъ было улучшено, рабочіе часы были сокращены, жалованье повышено; кромѣ того, линія была расширена, и такса за передвиженіе понижена *). Теперь можно ѣхать цѣлую милю за 1/2 пенса и при увеличеніи разстоянія тарифъ понижается, такъ что за 1 пенни можно ѣхать цѣлыхъ три мили. Это сильно повысило число пассажировъ: такъ, когда за 4 недѣли (кончая 31-мъ мая) 1894 года было перевезено пассажировъ частною компаніей 4.428,518, за тѣ же четыре недѣли въ 1895 г. было перевезено на муниципальных трамваяхъ 6.114,789, т.-е. на 38% болѣе **).

Въ Глазговѣ было затрачено 130,000 ф. ст. на жилища рабочихъ (artisans dwellings). И здѣсь, въ этихъ муниципальных домахъ, можно получить комнату хорошо обставленную даже за 4 ф. 10 ш. въ годъ, т.-е. около 45 руб.,—что, конечно, по англійскимъ цѣнамъ баснословно дешево, а двѣ комнаты за 6 ф. 16 ш. При домахъ устроена прачечная съ платой за пользованіе въ 1 пенни за часъ (4 коп.) и рекреационный залъ для дѣтей на то время, когда матери заняты работой. Главнѣйшій контингентъ жильцовъ составляютъ рабочіе, полицейскіе, клерки и мелкіе лавочники. Иногда нижній этажъ занятъ лавками, которыя также сдаются въ наймы ***). Въ Глазговѣ же выстроены такъ-назыв. «муниципальный семейный домъ» (municipal family house). Онъ имѣетъ 160 комнатъ и стоитъ 13,000 ф. ст. Домъ назначенъ для вдовъ или вдовцовъ съ дѣтьми, но онъ не есть благотворительное учрежденіе. Недѣльная плата за комнату съ человѣка, съ однимъ ребенкомъ—3 ш. 2 пенса, съ двумя дѣтьми—3 ш. 10 п. и т. д. Домъ имѣетъ общую столовую, большой залъ, но нѣкоторые помѣщенія снабжены и отдѣльными столовыми. Все помѣщеніе освѣщено электричествомъ. По весьма дешевой цѣнѣ можно получать здѣсь обѣдъ (4 пенса—16 коп.), завтракъ 2 1/2 пенса ****).

При домѣ имѣются особыя няньки, на попеченіи которыхъ остаются дѣти въ отсутствіе ихъ родителей. Рабочія жилища построены также и въ Лондонѣ, причемъ затрачено около 3 милл. руб. (296,184 ф. ст.), всего 760 отдѣльных помѣщеній (tenements) съ 2,000 комнатъ. То же самое мы видимъ въ Бирмингамѣ, Манчестерѣ, Ливернулѣ, Wexford'ѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Водоснабженіе въ Глазговѣ также находится въ рукахъ города. Несмотря на сильное пониженіе таксы на воду, доходы отъ водоснабженія очень крупны: такъ, въ 1890—91 гг. они простирались до 43,000 ф. ст., а въ 1889—90 г. даже превзошли 50,000 ф. ст.

Городъ имѣетъ свои бани и прачечныя. На бани затрачено около

*) *Dolman*, l. c., 67.

**) *The Municipal Year book* 1897 г., стр. 355.

***) *Ibidem*, стр. 368.

****) *Ibidem*, стр. 369.

100,000 ф. ст., и здѣсь, какъ и въ Лидсѣ, какъ мы укажемъ ниже, отъ бань городъ не только не получаетъ прибыли, но даже убытки (около 1,000 ф. ст.). За послѣднее время былъ внесенъ въ городской совѣтъ планъ относительно устройства бань и прачечныхъ въ концѣ каждой улицы, чтобы сдѣлать такимъ образомъ баню доступной для всѣхъ. Авторы проекта выставляютъ всю полезность принятія послѣдняго и въ то же время указываютъ, что и въ финансовомъ отношеніи это предпріятіе будетъ покрываться отъ доходовъ съ него и, слѣдовательно, не потребуетъ лишнихъ затратъ отъ города. Любопытно отмѣтить здѣсь одну черту въ организационнѣ городскихъ прачечныхъ, а именно—муниципалитетъ не только предоставляетъ свои прачечныя для стирки, но даже самъ беретъ бѣлье въ стирку, которое и стираютъ здѣсь особо нанятые служители. Въ этихъ прачечныхъ за 2 пенса женщина получаетъ право стирать въ теченіе цѣлаго часа, пользуясь всѣми усовершенствованіями *).

Рынки, электрическое освѣщеніе, газъ—все это въ рукахъ города. Послѣдній не мало получаетъ прибыли отъ этихъ предпріятій: такъ, отъ газа онъ получаетъ 29,500 ф. ст., т.-е. около 290,000 рублей, отъ рынковъ 3,300 ф. ст. (въ 1893 г.).

Любопытно отмѣтить здѣсь одну область, которую городъ беретъ въ свое вѣдѣніе: это—музыку. Въ теченіе зимы въ двухъ большихъ помѣщеніяхъ по субботамъ даются «муниципальные концерты». Входная плата очень низка: 3 п. и 1 п., т.-е. 12 коп. и 4 коп. Несмотря на столь низкую плату, городу ничего не приходится приплачивать на содержаніе этихъ концертовъ, хотя для нихъ и приглашаются профессиональные артисты.

Есть сожалѣнію, у меня нѣтъ болѣе подробныхъ данныхъ объ этой любопытной сторонѣ муниципальной жизни, и я укажу здѣсь на другой городъ, о которомъ Dolman приводитъ болѣе подробныя свѣдѣнія: это—Нью-кестль на Тайнѣ. Здѣсь муниципальные концерты возникли въ 1882 г., въ среднемъ они посѣщаются около 1,670 лицами въ вечеръ, хотя и всего-то зала можетъ вмѣстятъ немного болѣе, а именно 1,700 человекъ. Плата и здѣсь очень низкая: 3 п. и 6 п., т.-е. 12 и 24 к.; приглашаются также профессиональные артисты, какъ-то: signor Feli, Carrodus, Clara Samuel и др., и, несмотря на все это, городу не только не приходится прикладывать изъ своихъ средствъ, но даже остается отъ концертовъ нѣкоторый чистый излишекъ въ его пользу: такъ, въ теченіе 11 лѣтъ отъ этихъ концертовъ было получено около 9,000 ф. ст., израсходовано около 8,000 ф. ст.

Перейдемъ далѣе къ Лидсу.

Въ Лидсѣ также находятся въ рукахъ города водоснабженіе, газовые заводы, трамвай. Въ 1893 — 4 г. перевѣсъ доходовъ надъ расходами по водоснабженію превышалъ 24,434 ф. ст., изъ которыхъ 17,000 ф. ст.

*) *Albert Slaw*: „Municipal gouvernement in great Britain“. London, 1895 г., стр. 109—110.

были употреблены на погашение долга и 7,000 ф. ст. на уменьшение налогов. Газовые заводы находятся в руках города уже более 25 летъ. Городъ долженъ былъ заплатить двумъ компаниямъ, эксплуатировавшимъ ихъ, почти 700,000 ф. ст. и сверхъ того, $\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. на расширение дѣла, теперь же по балансу чистый активъ равняется 215,227 ф. ст., и сверхъ того прибыль въ 1892—93 гг. равнялась 13,259 ф. ст. Трамваи съ 1894 г. также находятся в руках города. На выкупъ трамвайныхъ линий городъ сдѣлалъ заемъ въ 130,000 ф. ст. За 8 мѣсяцевъ эксплуатаціи чистая прибыль по уплатѣ % на занятый капиталъ и по отчисленіи на амортизацію равнялась 1,552 ф. 4 ш. 6 п. *). Въ то же время городъ увеличилъ жалованье служащимъ, понизивъ рабочее время,—все это увеличило издержки по эксплуатаціи на 3,000 ф. сравнительно съ частными компаниями, в рукахъ которыхъ до того времени были трамваи. Отъ 3 рынковъ и хлѣбной биржи городъ получаетъ въ среднемъ ежегодно около 12,000 ф. ст., что составляетъ болѣе $4\frac{1}{2}$ % на затраченный капиталъ (262,103 ф. ст.). Здѣсь надо отмѣтить очень любопытное явленіе, а именно покупку городомъ земли съ цѣлью сдачи ея въ аренду рабочимъ мелкими участками, такимъ образомъ бѣдный людъ въ свободные часы можетъ заполнить свой досугъ здоровою земледѣльческою работою и нѣсколько пополнить свой бюджетъ. Такъ въ 1892 г. было куплено городомъ около 46,700 кв. ярдовъ земли, и этотъ участокъ былъ раздѣленъ на 104 дѣлянки въ размѣрѣ отъ 243 до 550 кв. ярдовъ, затѣмъ былъ купленъ еще кусокъ земли въ 28,000 кв. ярдовъ и также разбитъ на 77 участковъ размѣромъ отъ 252 до 519. Размѣръ ренты установленъ очень низко, а именно въ 6 пенс. за кв. ярдъ. Городъ затратилъ на эту покупку около 7,000 ф. ст., финансовые результаты еще неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ, по словамъ компетентныхъ лицъ, издержки будутъ вполне покрыты.

Въ *Манчестерѣ* область городского хозяйства не уже, если не шире, чѣмъ въ *Бермингамѣ* и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ ушелъ даже послѣдняго. Такъ городъ здѣсь является собственникомъ канала, соединяющаго городъ съ моремъ. Постройка этого канала находилась въ рукахъ частнаго общества, но компания, истративъ свои средства— $10\frac{1}{2}$ милл. ф. ст., не могла довести дѣла до конца, и тогда-то муниципалитетъ, сдѣлавъ заемъ, далъ на окончаніе работы по проведенію канала $4\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. Теперь городъ имѣетъ право назначать большинство директоровъ по управленію каналомъ. Рынки и трамваи, газоснабженіе и электрическое освѣщеніе также въ рукахъ города и даютъ крупныя прибыли. Какъ особенность *Манчестера*, отмѣтимъ здѣсь постройку за самое послѣднее время особой гидравлической станціи для снабженія населенія водною силой.

До сихъ поръ каждый самъ заботился объ обезпеченіи себя водною силой, и сильное развитіе пользованія послѣдней вызвало образованіе

*) Хотя номинально здѣсь былъ убытокъ въ 404 ф. ст., такъ какъ въ резервнѣй фондъ было зачислено 1,966 ф. ст.

особой частной компаніи, но городъ взялъ это дѣло въ свои руки. Это предпріятіе обѣщаетъ быть очень выгоднымъ какъ для потребителей, такъ и для города.

Въ *Ливерпулѣ* въ рукахъ города находится водоснабженіе, рынки, бани, прачечныя, но газоснабженіе находится въ рукахъ частной компаніи, за то газъ и стоитъ здѣсь (3 ш. 4 п.) гораздо дороже, чѣмъ въ Манчестерѣ (2 ш. 6 п.), хотя въ послѣднемъ газомы заводы даютъ еще населенію около 60,000 ф. ст. въ годъ.

Широкое развитіе муниципальных предпріятій заставило, конечно, города производить и многіе нужные предметы въ своихъ собственныхъ мастерскихъ.

Какъ всякое частное предпріятіе имѣетъ свои мастерскія для производства побочныхъ предметовъ, такъ и англійскіе муниципалитеты: такъ въ Манчестерѣ городской совѣтъ самъ за свой счетъ производитъ щетки, Лондонъ—телеги, сбрую, подковы.

И такъ, одно за другимъ разнаго рода хозяйственныя предпріятія переходятъ изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки общественныхъ предпріятій. По исчисленію Сиднея Вебба, всего вложено въ англійскія муниципальныя предпріятія не менѣе 400.000,000 ф. ст. капитала. Въ одно водоснабженіе вложено 60.000,000 ф. ст.; около 168 городскихъ и 500 мелкихъ общинъ (только въ Англии и Уэльсѣ) имѣютъ свое собственное водоснабженіе, и теперь существуетъ только 150 частныхъ водопроводныхъ компаній въ Англии. Но нѣкоторые изъ крупныхъ городовъ еще находятся въ рукахъ частныхъ компаній, какъ-то: Лондонъ, Бристоль, Нью-Кэстль, Портсмутъ, Норвичъ и нѣкоторые другіе. Въ газовомъ дѣлѣ вложено теперь 24.000,000 ф. ст. Не только крупнѣйшіе города, какъ Бирмингамъ, Манчестеръ, Эдинбургъ, имѣютъ свои газовыя заводы, но и очень малые, имѣющіе не болѣе 100—200 потребителей. Но изъ большихъ городовъ: въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Дублинѣ, Бристолѣ, Шеффилдѣ, Гулль, Портсмутѣ, Плимутѣ—газовые заводы еще находятся въ рукахъ частныхъ предпринимателей.

Теперь уже мѣстные муниципальныя учрежденія,—говоритъ Веббъ въ другомъ мѣстѣ,—имѣютъ въ своемъ завѣдываніи капиталъ въ 25 разъ большій, чѣмъ все англійское кооперативное движеніе, и они влагаютъ ежегодно въ ихъ предпріятія новый капиталъ на сумму большую, чѣмъ весь капиталъ, находящійся въ распоряженіи англійскаго и шотландскаго общества оптовыхъ закупокъ (*English and Scottish Coop. Wholesale Societies* *).

Какъ быстро растутъ муниципальныя хозяйственныя предпріятія, даетъ понятіе слѣдующая таблица за періодъ 1882—3 по 1893—4 гг. **)

Годы.	Число муницип. газовыхъ заводовъ.	Количество затрачен. капиталовъ въ нихъ.	Число потребителей.
1882—3	148	17.326,183 ф. ст.	916,962
1893—4	192	23.619,082 » »	1.226,332

*) *Sydney Webb* L. L. B. „Some facts and considerations about municipal socialism“ въ *The cooperative Wholesale Societies Limited Annual*, 1896, стр. 320.

**) См. ст. Webb'a въ *The Coop. Wholesale Societ. Annual*, 1896, стр. 299.

Въ 1895—96 гг. число муниципальных газовыхъ заводовъ поднялось до 203. Тогда какъ чистая прибыль за уплатой всѣхъ издержекъ въ 1882 году простиралась до 510,268 ф. ст., т.-е. до 5 м. р., въ 1894—5 г. она достигла 622,366 ф. ст. *).

Муниципальные газовые заводы въ Англии вездѣ имѣли блестящій успѣхъ,—говорить Albert Shaw **). «И всѣ эти муниципальные предприятия, за исключеніемъ впрочемъ лишь рынковъ, которые иногда со среднихъ вѣковъ были въ рукахъ городовъ, говорятъ только что вышедшее въ первый разъ сводное изданіе о муниципальной жизни въ Англии ***), совершенно новаго происхожденія. 60 лѣтъ тому назадъ лишь немногіе города имѣли свое водоснабженіе, а теперь ихъ свыше 200. Только 30 лѣтъ тому назадъ какъ началась муниципализація газа. Электрическое освѣщеніе еще позднѣе начало переходить въ руки муниципалитетовъ, а теперь уже въ широкой степени оно находится въ рукахъ города. Трамваи быстро переходятъ въ руки публичныхъ властей, муниципальные жилища для рабочихъ всего считаютъ за собой нѣсколько лѣтъ исторіи и общають сильное развитіе».

Англійское законодательство долго не разрѣшало муниципалитетамъ эксплуатаціи трамваевъ. Актъ 1870 года далъ право муниципалитетамъ строить за свой счетъ трамвайныя линіи, но требовалъ непремѣнной сдачи въ аренду изъ эксплуатаціи. Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ была дозволена эксплуатація, и теперь многія общины сами эксплуатируютъ трамваи (наприм., Huddersfield, который явился инициаторомъ на этомъ поприщѣ и въ видѣ исключенія получалъ еще право на эксплуатацію трамвайной линіи въ 1882 г., затѣмъ Плимутъ, Дандъ, Шеффилдъ, Дувръ, Гуль и т. д.). Изъ 153 предприятий 37 принадлежатъ муниципалитетамъ, но часть ихъ сдается въ аренду ****).

«Каждую недѣлю,—говоритъ *Daily Chronicle* отъ 27 августа этого года (1897) приходятъ извѣстія о расширеніи муниципальных предприятий въ области трамваевъ, которыя должны пристыдить Лондонъ. Последнее извѣстіе идетъ изъ Dundee,—продолжаетъ газета.—Хотя еще до истеченія срока осталось 8 лѣтъ, но городской совѣтъ рѣшилъ произвести выкупъ всего трамвайнаго состава: потребность въ улучшеніи и растяженіи трамвайнаго передвиженія сильно чувствуется, и резолюція въ пользу выкупа прошла огромнымъ большинствомъ голосовъ. Если такъ дѣло продолжится,—пишетъ далѣе *Chronicle*,—то Лондонъ скоро очутится въ почетномъ одиночествѣ въ качествѣ одного крупнаго британскаго муниципалитета,

*) Gas undertakings (local authorities). London (Parlam. Papers), 1896. Return rebating to all authorized gasundertakings in the united Kingdom belonginy to local Authorities... стр. 44—45.

***) *Albert Shaw*: „Municipal Gouvernement in Great Britain“ 1895, стр. 208.

****) The municipal Year book of the united Kingdom for 1897 by R. Donald, стр. VII

****) См. *Municipal Year book*, 1897, стр. 348—362.

который отказывается идти въ уровень со временемъ въ развитіи трамвайнаго дѣла *)).

Электрическое освѣщеніе стало серьезно переходить въ руки муниципалитетовъ лишь въ 1882 г., и въ концѣ 1896 г. изъ 112 предпріятій уже 64 были въ рукахъ муниципалитетовъ и только 48 въ рукахъ частныхъ компаній, затѣмъ 19 строилось за счетъ муниципалитетовъ и только 7 компаніями.

Вообще, говорится въ упомянутомъ уже ежегодникѣ, снабженіе электричества частными компаніями остановилось и ограничивается лишь той площадью, гдѣ оно успѣло пустить корни **) (новыхъ разрѣшеній на устройство электрическаго освѣщенія было въ рукахъ муниципалитетовъ въ 1896 г.—76, а въ рукахъ компаній лишь 11).

И веденіе этихъ предпріятій является крупнымъ финансовымъ ресурсомъ: такъ Болтонъ ежегодно отъ одного газа получаетъ 20,000 ф. ст., отъ воды 10,000 ф. ст., отъ рынковъ 3,000, и теперь устраивается здѣсь электрическое освѣщеніе, которое также будетъ давать доходъ. Эти доходы дали возможность понизить налоги на 1 ш. 6 пенсовъ на фунтъ. Газовый заводъ здѣсь былъ муниципализированъ въ 1873 г. и по 1896 г. онъ успѣлъ дать для пониженія налоговъ 261,404 фун. ст., а въ резервный фондъ было отчислено 208,375 ф. ст., а съ заемнаго капитала списано 36,754 ф. ст. ***) и все это при одновременномъ пониженіи цѣны на газъ (съ 3 ш. 4 п. за 1,000 куб. футовъ до 2 ш. 6 п.).

Нѣкоторыя общины, особенно шотландскія, стремятся къ пониженію цѣны услугъ, доставляемыхъ муниципальными предпріятіями. Но многія пользуются увеличеніемъ своихъ доходовъ на устройство госпиталей, библиотекъ и развитіе техническаго образованія. *Публичная библиотеки—одна изъ главныхъ заботъ городскаго управленія.* Такъ Ноттингемъ съ населеніемъ въ 229,000 имѣетъ одну центральную библиотеку съ читальной залой и 13 другихъ публичныхъ библиотекъ, также съ читальными залами. Брайфордъ (230,000 жителей) имѣетъ 10 библиотекъ и расходуетъ ежегодно около 5,000 ф. ст., Лидсъ (402,449)—23 библиотеки и 38 отдѣленій специально для юношескаго возраста и тратитъ на нихъ больше 5,000 фун. ст. въ годъ. Въ Манчестерѣ (534,299 жителей) одна центральная библиотека, 11 окружныхъ и 4 читальныхъ залы. Библиотеки имѣютъ 258,000 томовъ, выдаютъ въ годъ для чтенія 2.100,000, а одно содержаніе библиотекъ стодитъ въ годъ 18,000 ф. ст., т.-е. почти 180,000 руб. Англійскіе города вполне удовлетворительно снабжены теперь публичными библиотеками.

Любопытно въ этомъ отношеніи свидѣтельство англійскаго кооперативнаго союза. Какъ извѣстно, потребительныя общества въ Англии удѣляютъ

*) *Daily Chronicle*, 1897, 27 авг.

**) *The municip. Year Book*, 338—348.

***), *Municipal Year Book*, 326 и VIII.

значительныя суммы на улучшение народнаго образованія и много тратятъ, между прочимъ, на устройство библиотекъ или субсиди уже существующимъ библиотекамъ. Особый комитетъ, назначенный кооперативнымъ союзомъ (Coop. Union) для изслѣдованія вопроса, какъ лучше расходовать эти суммы, пришелъ къ заключенію, что устройство библиотекъ въ виду широкой сѣти муниципальных библиотекъ больше уже не является необходимою и потому рекомендуетъ направить главное вниманіе на организацію спеціальнаго преподаванія принципамъ коопераціи и ея исторіи и т. д. *).

Другая задача, на которую муниципалитеты затрачиваютъ средства, — это *техническое образованіе*. На учрежденіе техническихъ школъ было затрачено англійскими муниципалитетами за послѣднія 6 лѣтъ не менѣе 1.500,000 ф. ст., а ежегодно теперь тратится не менѣе 800,000 ф. ст. **). На эту дѣль тратится большинство суммъ, которыя получаютъ Союзу Councils отъ правительства въ силу акта 1890 г., а кромѣ того значительныя суммы затрачиваются или изъ общихъ средствъ муниципалитетовъ, или изъ средствъ, полученныхъ путемъ спеціальнаго обложенія. Въ значительной степени эта возможность затрачивать большія суммы на техническое образованіе объясняется усиленіемъ финансовыхъ средствъ муниципалитетовъ благодаря развитію хозяйственныхъ предприятий за свой счетъ. Эта заботливость о техническомъ образованіи въ Англии вынуждается теперь все болѣе и болѣе усиливающейся конкуренціей Германіи, которая по постановкѣ технического образованія стоитъ гораздо выше Англии.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ послѣдній отчетъ англійскихъ комиссіонеровъ, посланныхъ для ознакомленія въ Германіи съ техническимъ образованіемъ ***). Отчетъ опубликованъ очень недавно. Комиссіонеры въ своемъ отчетѣ говорятъ, что они были поражены (greatly impressed) промышленными успѣхами Германіи съ 1882 г. Хотя возможно, говорятъ комиссіонеры, что общая цифра иностранной торговли Германіи сравнительно съ Англійей была преувеличена, но нѣтъ сомнѣнія, что англійское господство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ серьезно поколеблено. Германія дѣлаетъ большіе успѣхи и особенно въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ играютъ роль *знаніе, техническое искусство*, въ особенности это имѣетъ мѣсто въ электрическомъ и печатномъ дѣлѣ. «Относительно нѣкоторыхъ отраслей Баварія, наприм., говорятъ комиссіонеры, когда мы впервые посѣтили ее въ 1882 г., была еще въ состояніи дѣтства. Теперь же мы нашли здѣсь обширныя фабрики съ тысячами рабочихъ. Прежде Баварія получала все нужныя ей машины изъ Англии, теперь она все болѣе и болѣе производитъ ихъ сама. Среди многихъ причинъ, которыя содѣйствовали развитію нѣмецкой индустріи, мы въ особенности должны указать на *постановку технического образованія*». Они указываютъ множество примѣровъ, какъ Гер-

*) „Report on the Cooper Congress in Perth“. 1897, Manch, стр. 7—10.

***) *The municipal Year Book*. 1897, стр. 273 и passim.

***) „Report on a visit to Germany with a purpose of ascertaining the recent progress of technical education in that country“. London, 1896.

манія не жагѣть денегъ на расширение и улучшение и открытіе новыхъ техническихъ школъ, лабораторій и т. д. Нѣмцы убѣждены—продолжаютъ комиссіонеры—что *та нація, которая имѣетъ лучшія школы, наилучше подготовлена къ индустриальной борьбѣ*. Крупная промышленность, говорятъ комиссіонеры, болѣе зависитъ теперь отъ *успѣшнаго приложенія послѣднихъ открытій къ обыкновеннымъ процессамъ производства* и, наоборотъ, менѣе и менѣе отъ такихъ фактовъ, какъ обладаніе страной угля, жѣлѣза и другихъ сырыхъ матеріаловъ: дешевизна и быстрота путей сообщенія ставятъ теперь всё страны почти въ одинаковыя условія относительно естественныхъ источниковъ. Улучшенныя орудія и машины лишаютъ значенія ручную ловкость индивидуальнаго рабочаго, на которую мы, англичане, прежде полагались, и почти всѣми выгодами, которыми мы прежде гордились, теперь владѣютъ всё наши конкуренты въ большей или меньшей степени, но *все это немного значитъ сравнительно съ научнымъ знаніемъ и приложеніемъ его къ нуждамъ промышленности*. Въ Германіи все болѣе и болѣе растетъ сознаніе о необходимости большаго развитія рабочихъ, и мы въ особенности поражены,—продолжаютъ комиссіонеры (*especially impressed*),—тѣмъ фактомъ, что предприниматели въ Германіи широко поощряютъ учениковъ (*apprentices*) посѣщать вечерніе классы, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ученики имѣютъ *два свободныхъ послѣобѣденныхъ дня для посѣщенія промышленныхъ классовъ*. Любопытно заявленіе комиссіонеровъ, что они были также поражены (*struck*) улучшениями въ положеніи рабочаго класса въ Германіи и развивающейся все болѣе и болѣе тенденціей къ сокращенію рабочаго времени. Болѣе и болѣе,—говорятъ они,—среди фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ развивается мнѣніе, что есть извѣстный максимальный «рабочій день» («*labour day*»), и всякое увеличеніе числа рабочихъ часовъ сверхъ этого *maximum'a* вредно какъ для качества, такъ и количества продукта (см. *ibid.*, стр. 4). Далѣе комиссіонеры цитируютъ слова Монаганъ'a, американскаго консула въ Хемницѣ, который сопровождалъ ихъ по одной ткацкой школѣ въ Германіи; онъ говорилъ, что если Америка и Англія въ техническомъ образованіи не послѣдуютъ за Германіей, то въ скоромъ времени (*in the course of a few years*) и та, и другая страна должны будутъ вынуждены предоставить Германіи первое мѣсто во всѣхъ высшихъ и болѣе выгодныхъ вѣтвяхъ промышленности и торговли *). Сознаніе этой развивающейся конкуренціи Германіи и заставляетъ Англію заботиться теперь о техническомъ образованіи **).

Мы не будемъ здѣсь входить въ описаніе того процесса, каковыя совер-

*) *Ibidem*, 12; см. объ этомъ же: „*Made in Germany Eng. Williams*“.

***) О постановкѣ техническаго образованія въ Англіи, о своеобразной организаціи такъ назыв. англійскихъ политехникумовъ, гдѣ такъ прекрасно оплетается социальная сторона (литературные и экономическіе клубы, *debating societies*, лекція по разнаго рода общественнымъ вопросамъ и т. д.) съ техническимъ преподаваніемъ, мы надѣемся поговорить въ другой разъ.

шлась переходъ частныхъ предприятий въ руки города; часто первоначально община пыталась контролировать частное предприятие, таксировать цѣну продуктовъ и только въ концѣ-концовъ, когда эти палліативы были мало действительны, совершался полный переходъ предприятия въ руки города, — таковъ былъ процессъ въ Глазговѣ съ трамваями и во многихъ американскихъ городахъ съ газовыми заводами *).

Такъ въ Англии уже Gas Works Clauses Act. 1847 г. ограничилъ прибыль газовыхъ компаній 10% на уплаченный (paid up) капиталъ, но съ оговоркой, что избытки прибыли одного года могутъ употребляться на покрытие дефицитовъ въ другіе.

Кромѣ того, въ Англии введена была такъ называемая Sliding Scale, а именно, известный варьирующійся по мѣстностямъ размѣръ цѣны (standard of price) и со всякимъ лишнимъ пенсомъ сверхъ этой цѣны дивидендъ понижается на 10%, а со всякимъ пониженіемъ цѣны ниже этого standard'a на 1 пенни дивидендъ подымается на 1%. Слѣдовательно, это уже ставило извѣстные предѣлы эксплоатации публическихъ компаній. При этомъ принимаются предосторожности, конечно, противъ уплаты процентовъ на «разводненный» капиталъ (inflated or watered stock) и иногда разрѣшается разводненіе на 100%, но съ пониженіемъ дозволеннаго процента съ 10 на 5% **). Этотъ процессъ намъ напоминаетъ исторію перевода желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, гдѣ также первоначально стремились сгладить дурныя черты частнаго хозяйствованія путемъ регламентаціи и лишь затѣмъ уже перешли къ выкупу ихъ государствомъ.

Но муниципалитеты, расширяя сферу своей хозяйственной дѣятельности, не только прокладываютъ самымъ этимъ фактомъ новую эру въ экономической и финансовой жизни городовъ, но и тѣмъ принципомъ, на которомъ они строятъ свои отношенія къ рабочимъ, занятымъ въ муниципальныхъ предприятияхъ.

Отношеніе города Бирмингама къ рабочимъ газоваго завода мы уже видѣли. Вообще же эта картина такова. Въ Бирмингамѣ лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ рабочіе часы въ 1893 г. превосходили 60 въ недѣлю а часто они были ниже 53, сверхурочная работа оплачивалась въ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ раза сверхъ обычной. 82 лица получали пенсію *всестло* изъ городскихъ суммъ въ размѣръ 3,840 ф. 14 ш. 11 пенс. (т.-е. около 38,400 р.) и 140 изъ суммъ, въ образованіи которыхъ они сами участвовали. Торговый Бирмингамскій совѣтъ говорилъ, что городъ относится къ рабочимъ fairly well, т.-е. справедливо.

Въ Манчестерѣ также, по словамъ секретаря торговаго совѣта, отношенія муниципалитета къ рабочимъ очень удовлетворительны «fairly satisfac-

*) См. въ „Sammlung der nationalök. und statistisch. Abhandl. des staatswirtsch. Semin. zu Halle, herausgeg. von prof. Conrad, VIII B., 4 Heft.

Sohn H. Gray: „Die Stellung der privaten Beleuchtungsgesellschaften zu Stadt und Staat, 1893.

**) The municip. Year Book, 323—324.

toгу». Въ мартѣ 1891 г. городъ здѣсь включилъ во всѣ контракты требованіе «fair wages», т.-е. обязательной уплаты заработной платы въ размѣрѣ, принятомъ въ данномъ рабочемъ союзѣ. Манчестеръ ввелъ обязательное сбереженіе для всѣхъ рабочихъ и служащихъ, получающихъ менѣе 30 ш. (15 руб.) въ недѣлю, и добровольное для всѣхъ остальныхъ рабочихъ. При этомъ рабочій уплачиваетъ 3³/₄% со своего жалованья, а городъ уже отъ себя прибавляетъ 1¹/₄%. Эти суммы числятся на счету у каждаго рабочаго, но онъ не можетъ ими располагать или взять, пока онъ состоитъ на службѣ у города, и лишь при достиженіи 65 лѣтъ или сдѣлавшись неспособнымъ къ труду, рабочій получаетъ эти деньги вмѣстѣ съ наросшими % изъ 4 (сложныхъ). Эта организація вошла въ силу съ 1 октября 1892 г., но въ концѣ 1894 г. уже участниковъ этой кассы было 1,587 человекъ (изъ 6,837) *).

Многіе муниципалитеты въ Англіи требуютъ отъ *предпринимателей, имѣющихъ городскіе подряды*, чтобы они платили рабочимъ заработную плату, установленную рабочими союзами, какъ этого требуетъ Лондонъ, притомъ здѣсь въ видахъ контроля предприниматели обязаны показывать списки съ рабочими часами и заработной платой и въ случаѣ отказа подвергаются штрафу въ 3 ф. ст. **), и въ Англіи уже около 200 городскихъ общинъ требуютъ отъ своихъ предпринимателей уплаты заработной платы, определенной Trade Unions ***). Эту же практику мы видимъ и въ городахъ Бельгіи ****), Германіи *****), Швейцаріи. Такъ въ Винтертурѣ минимальная заработная плата опредѣлена въ 4 фр., а рабочій день—10 часовъ *****).

Еще ранѣе муниципалитеты при заключеніи *контрактовъ съ частными компаниями* включали условія относительно положенія рабочихъ: такъ Бирмингамъ, наприм., требовалъ отъ трамвайной компаніи, чтобы рабочій день не превосходилъ 10 час., Лондонъ требуетъ отъ North Metropolitan Tramway Company специальныхъ рабочихъ омнибусовъ съ пониженной таксой и чтобы положеніе рабочихъ относительно жалованья и часовъ работы не было хуже, чѣмъ на какой-либо другой частной компаніи въ Лондонѣ *****).

Развитіе хозяйственныхъ предпріятій за свой счетъ также быстро идетъ и въ Германіи. Такъ въ большинствѣ нѣмецкихъ крупныхъ городовъ (съ населеніемъ свыше 80,000) теперь только муниципальные газовые заводы, за исключеніемъ лишь Берлина, Лейпцига и Кельна, гдѣ вмѣстѣ съ городскими заводами есть еще по частному заводу, а во Франкфуртѣ даже два частныхъ. Финансовые результаты муниципальнаго газоснабженія очень хороши: такъ Берлинъ получаетъ чистаго дохода 5.132,760 марокъ (доходы

*) *Dolman*, стр. 134.

***) Soc. Prax.* № 20. 1896.

****) Soc. Prax.* V Jahrg. № 4.

*****) Soc. Prax.* IV Jahrg., стр. 993 и 852, № 31.

******) Soc. Prax.* V Jahrg. № 52.

******) Soc. Prax.* V Jahrg. № 16.

******) The municip. Year Book*, 1897, 359—360.

18.922,372 и расходы вместе съ %, и погашениемъ 13.789,612), Гамбургъ — 2.644,415 м., Бреславль — 615,743 м., Лейпцигъ — 783,214 м., Кельнъ — 701,851 м., Дрезденъ — 861,196 м., Магдебургъ — 357,151 м. *).

Во Франціи также многіе газовые заводы въ рукахъ муниципалитетовъ, но преимущественно это имѣетъ мѣсто въ мелкихъ городахъ **), такъ какъ крупныя связаны съ компаниями долгосрочными контрактами. Результаты муниципальнаго газоснабженія весьма удовлетворительны: такъ жители города Тагсоингъ, несмотря на то, что они имѣютъ чистой прибыли 300,000 фр., платятъ за газъ въ половину менѣе, чѣмъ въ Нанси, гдѣ газовые заводы находятся въ частныхъ рукахъ ***).

Точно также и водоснабженіе находится въ рукахъ городского управленія. Нефе относительно рентабельности водоснабженія приводитъ слѣдующія данныя: Берлину водоснабженіе даетъ 11,1% (вездѣ % даны на капиталъ, какъ онъ числится въ данномъ году по балансу за отчисленіемъ на амортизацію и погашеніемъ долга) ****).

Мюнхену	9,1 проц.
Бреславлю	15,7 >
Кельну на Рейнѣ	12,2 >
Дрездену	12,6 >
Магдебургу	11,5 >
Хемницу	8,7 >
Бремену	6,6 >
Страссбургу	9,0 >
Бармену	7,5 >
Галле	21,2 >
Висбадену	16,1 >
Дунебергу	17,6 >
Лакену	12,4 >
Вилю	5,6 >

Въ абсолютныхъ цифрахъ нѣмецкіе города получили прибыли отъ водоснабженія:

Берлинъ	5.367,000 м.
Гамбургъ	1.558,128 >
Лейпцигъ	672,500 >
Мюнхенъ	745,564 >
Бреславль	850,624 >
Кельнъ на Рейнѣ	790,502 >
Дрезденъ	907,439 > и т. д.

Какъ мы видимъ, суммы очень значительныя. Далѣе нѣкоторыя нѣмецкіе

*) Neefe: „Statist. Jahrbuch deutscher Städte“, 1894, стр. 333.

**) Tournon, Sorlat, Nicolas de Port, Villeneuve sur Sonne и др.

***) Statistisches Jahrbuch deutscher Städte. Breslau, 1894, стр. 351, IV E, Spalte 9.

****) Statist. Jahrbuch 1892 г., стр. 88.

города имѣютъ свои собственные кирпичные заводы (Opfern), и кирпичный заводъ здѣсь далѣ въ 1894—95 г. чистой прибылн 10,500 мар.

Любопытно, что въ Дартмундѣ 3 марта при постройкѣ одного правительственнаго зданія, въ виду высокихъ цѣнъ на кирпичъ, вызванныхъ синдикатомъ предпринимателей, былъ поднятъ вопросъ о постройкѣ своего кирпичнаго завода, но проектъ былъ отклоненъ. Но здѣсь въ первый разъ обсуждался вопросъ въ городскомъ совѣтѣ о борьбѣ съ синдикатами *путемъ устройства своихъ собственныхъ предприятий* *). Лейпцигъ и Гамбургъ имѣютъ свои *пекарни* (собственно для цѣлей Armenverwaltung).

Бреславль, Кёльнъ, Людвигсгафенъ и другіе имѣютъ свои собственные аптеки. Кёльнскія аптеки въ 1891—92 гт. отпустили лѣкарствъ по 89,761 рецепту. Многие города взяли въ свои руки устройство бань и купаленъ (такъ Берлинъ и др.). По тому же пути идутъ и швейцарскіе города. Такъ Цюрихъ заключилъ контрактъ съ частнымъ обществомъ о переходѣ конки (Pferdebahn) въ руки города съ 31 декабря 1896 г. (за 1.750,000 фр.) **).

Однимъ словомъ, стремленіе современной муниципальной политики можетъ быть выражено словами: «*Approvisionnement der Stadt durch die Kommune selbst mit Ausschluss des Zwischenhandels* ***), т.-е. *снабжение города за свой собственный счетъ безъ услугъ посредниковъ*. И этотъ процессъ идетъ очень быстрыми шагами. Переводъ частныхъ предприятий въ руки муниципалитетовъ является средствомъ борьбы съ синдикатами. Съ другой стороны *муниципализация* не сопровождается тѣми опасностями, съ какими соединенъ при извѣстныхъ условіяхъ переходъ частныхъ предприятий въ руки государства (давленіе на служащихъ при выборахъ въ конституціонныхъ странахъ, наприм., Пруссія).

Въ сферѣ муниципальныхъ предприятий съ расширеніемъ ихъ, вѣроятно, *будетъ совершаться тотъ же процессъ, какой мы видимъ теперь въ государственныхъ предприятияхъ*. Эти послѣднія первоначально эксплуатировались государствомъ лишь въ цѣляхъ полученія какъ можно больше дохода, но затѣмъ это начало отступаетъ на второй планъ, и нѣкоторыя предприятия ведутся иногда теперь даже по «принципу чистаго расхода» (телеграфъ, почта).

Мы уже видѣли, что нѣкоторые муниципалитеты, стараясь удешевить пользованіе банями, ведутъ дѣло съ убыткомъ для себя.

Нельзя не пожелать, чтобы наши города энергичнѣе взялись за эксплуатацію за свой счетъ нѣкоторыхъ предприятий, находящихся теперь въ частныхъ рукахъ ****).

Ив. Озеровъ.

*) *Sociale Praxis*, Jahrg. V, № 2.

**) *Schweizerische Blätter für Wirtschafts und Socialpolitik* 1894 г., стр. 357.

***) *Sociale Praxis*, V Jahrg., № 9.

****) И теперь уже Москва, наприм., получила за 1896 годъ чистаго дохода отъ одѣжъ боенъ 175,000 руб. См. *Русскія Вѣдомости* 1897 г., № 224.

Экономическій кризисъ въ Бессарабіи.

Бессарабія, какъ извѣстно, уже съ давнихъ поръ считается одною изъ богатѣйшихъ окраинъ Россіи; она занимаетъ второе мѣсто по виноградарству и винодѣлію въ Россіи и замѣчательна также по развитію садоводства и разведенію табаку. До самаго послѣдняго времени ей принадлежало также одно изъ первыхъ мѣстъ среди губерній, производящихъ пшеницу, и неудивительно поэтому, что ее еще до сихъ поръ называютъ краемъ винограда, фруктовъ, вина и пшеницы.

И дѣйствительно, еще сравнительно весьма недавно Бессарабія вполне заслуживала такое лестное мнѣніе о себѣ, такъ какъ она обладала почти всѣми условіями, необходимыми для богатой и плодородной страны. Прекрасный, мягкій климатъ, отличная почва и удобное географическое положеніе, богатство произведеній природы—все это сложилось весьма и весьма благоприятно для этой области и способствовало упроченію за ней такой славы. Еще въ началѣ 50-хъ годовъ въ Бессарабіи было болѣе 300,000 десятинъ лѣса *), а немного раньше этого времени громадныя пространства земли представляли еще дѣвственные степи, покрытыя коврами густой и высокой травы. «Ни одна изъ провинцій, входящихъ въ составъ Россійской имперіи, — такъ начинается III томъ *Записокъ Бессарабскаго статистическаго комитета*, изданный въ 1868 году, подъ редакціей недавно скончавшагося статистика А. Н. Егунова, — не отличается такимъ богатствомъ естественныхъ произведеній природы, такимъ прекраснымъ климатомъ и такимъ счастливымъ положеніемъ, какъ Бессарабія. Примиыкая къ австрійскимъ владѣніямъ, Бессарабія на всемъ протяженіи своемъ до Чернаго моря ограничивается замѣчательными рѣками, которыя представляютъ величайшія удобства для скорого и вѣрнаго сбыта произведеній страны въ отдаленныя мѣста, приближаютъ всѣ пункты края посредствомъ судоходства на нихъ къ важнымъ торговымъ пунктамъ: Одессѣ, Измаилу, Галацу и Браилову, представляя, такимъ образомъ, всѣ условія для цвѣтушаго состоянія страны и быстраго развитія народа».

*) *Новорос. Календарь 1893 г.*

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ и, главнымъ образомъ, благодаря обильному земельному простору, въ Бессарабію уже съ давнихъ поръ, со времени присоединенія ея къ Россіи, устремились тысячи и десятки тысячъ переселенцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ великой Россіи и даже изъ-за границы, преимущественно изъ христіанскихъ провинцій Турціи, а позднѣе и изъ Германіи и Австріи. Въ этотъ благодатный край стремились многіе изъ тѣхъ, кому по тѣмъ или инымъ причинамъ невозможно было ужиться на родинѣ. Здѣсь находили себѣ пріютъ и бѣглецы крѣпостные мужики, которые не могли вынести ярма крѣпостного положенія, и разные сектанты, какъ изъ центральныхъ русскихъ губерній, такъ и изъ Австрійской Буковины, какъ-то: раскольники-липоване, молокане, субботники, скопцы и другіе, которые здѣсь могли безпрепятственно совершать свои обряды и вѣровать по-своему; сюда стремились также и выходцы изъ разныхъ турецкихъ областей, не могшіе уже выносить ига турецкаго деспотизма,—среди нихъ были болгары, сербы, греки, армяне и румыны,—и, наконецъ, сюда же направлялись многіе нѣмецкіе эмигранты, которымъ не хватало земли и мѣста на родинѣ. И всѣхъ ихъ принимала Бессарабія, почти всѣ они впоследствии устроились здѣсь, основали цвѣтущія колоніи и зажили, до поры до времени, спокойною жизнью. Последнія волны переселенческаго движенія въ Бессарабію затихли еще весьма недавно.

Но вотъ не прошло еще и тридцати лѣтъ со времени изданія *Записокъ Бессарабскаго статистическаго комитета*, цитированныхъ нами выше, и въ настоящее время, по крайней мѣрѣ здѣсь, уже никто не говоритъ, что Бессарабія—это цвѣтущій край, никому и въ голову не придетъ называть ее благословенной областью. Напротивъ, теперь чуть ли не на каждомъ шагѣ приходится убѣждаться, что Бессарабія переживаетъ тяжелый и продолжительный экономическій кризисъ и что въ послѣдніе годы она впала въ бѣдственное положеніе. Всѣ экономическія явленія послѣднихъ годовъ свидѣтельствуютъ объ этомъ кризисѣ, и не нужно даже особенной наблюдательности, чтобы убѣдиться въ этомъ. Область, которая еще такъ недавно сама служила центромъ переселеній изъ другихъ мѣстъ, теперь не въ состояніи прокормить своего коренного населенія, и сотни поселянъ ея принуждены теперь идти въ батраки къ частнымъ владѣльцамъ за ничтожную плату или искать себѣ «новыхъ мѣстовъ». Что касается *пеллагры*,—болѣзни, зависящей отъ употребленія плохой кукурузы и едва ли известной даже многимъ специалистамъ, то на ней мы предполагаемъ остановиться потому. Теперь прибавимъ ко всему этому еще нашествіе въ послѣдніе годы различныхъ хлѣбныхъ паразитовъ: сусликовъ, саранчи, пруса и др., которые въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уничтожили тысячи десятинъ хлѣбовъ, и, наконецъ, появленіе съ 1886 года страшнаго бича винодѣлія—филлоксеры, которая съ каждымъ годомъ распространяется все больше и больше,—и вамъ стануть болѣе или менѣе понятны современное положеніе Бессарабіи и переживаемый ею теперь экономическій кризисъ.

Большинство здѣсь видитъ главную причину нынѣшняго тяжелаго эконо-

номическаго положенія губерніи въ неурожаихъ, которые продолжаются вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ, и объясняютъ ихъ засухами, градобитіями, появленіемъ хлѣбныхъ паразитовъ и прочими явленіями, неблагоприятно отзвѣвавшимися на мѣстномъ земледѣліи. Въ послѣднія 5—6 лѣтъ не проходило почти года, чтобъ одинъ или чаще всего нѣсколько уѣздовъ не пострадали отъ неурожая. Исключеніе составляетъ только одинъ 1893 г., когда урожай былъ выше средняго. Но, конечно, не нужно быть особенно дальновиднымъ и проникательнымъ, чтобы понять, что причины этого печальнаго явленія лежатъ гораздо глубже и что сами неурожаи имѣютъ совсѣмъ не такой случайный характеръ, какъ кажется нѣкоторымъ, а зависятъ отъ малоземелья и истощенія почвы.

Малоземелье есть главная причина бессарабскаго экономическаго кризиса *). «Земельныя нужды мѣстныхъ хлѣбопашцевъ, — пишетъ одинъ изъ знатоковъ мѣстнаго быта, — вопіютъ изъ года въ годъ все съ большей и большей силою и въ то же время эти нужды продолжаютъ, какъ и во всей Бессарабіи, оставаться безъ удовлетворенія... Въ Хотинскомъ уѣздѣ изъ данныхъ земской статистики оказывается, что даже среди болѣе зажиточныхъ крестьянъ существуетъ значительное число такихъ, у которыхъ не только не продается хлѣбъ, но которые принуждены даже сами покупать его, но есть и такіе крестьяне, которые не имѣютъ даже посѣвовъ и, значитъ, своего хлѣба» **). Въ сожалѣнію, въ Бессарабіи еще до сихъ поръ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ о размѣрахъ землевладѣнія, какъ не существуетъ еще и многихъ другихъ статистическихъ изслѣдованій, потому что бессарабское земство избѣгаетъ «статистическихъ увлеченій» и почти ровно ничего не сдѣлало въ этомъ отношеніи. Исключеніе составляетъ одно лишь хотинское уѣздное земство, которое издало весьма цѣнный *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду 1886 г. и Обзоръ Хотинскаго уѣзда за 1887 г.* Въ этихъ трудахъ приходится прибѣгать всякому желающему познакомиться съ экономическимъ положеніемъ Бессарабіи, такъ какъ большинство явленій, отмѣченныхъ тамъ, присуще и всѣмъ другимъ уѣздамъ губерніи. Такимъ образомъ, въ виду отсутствія земскихъ данныхъ, приходится прибѣгать къ другимъ источникамъ о размѣрахъ землевладѣнія въ губерніи. Вся площадь Бессарабской губерніи равна 3.876,854 десятинамъ. По роду владѣнія эта земля распределяется слѣдующимъ образомъ:

Принадлежать казнѣ	90,177 дес.
» монастырямъ и церквамъ	208,184 »
» городамъ	89,708 »
» части компаніямъ, обществъ и др. учр.	62,332 »

*) Мы говоримъ только объ экономическомъ кризисѣ, переживаемомъ бессарабскими поселенцами, а изслѣдованіе кризиса, переживаемаго частными землевладѣльцами, въ нашу задачу не входитъ.

**) Д. Суручанъ: «Продовольственныя нужды». Бес. В. 1896 г., 30 августа.

Принадлежить частным владѣльцам	1.564,479 дес.
» крестьянамъ: 1) надѣльной	474,710 ¹ / ₂ »
» » 2) въ общин. влад.	1.129,272 ¹ / ₂ »
» » 3) купленной	312,876 » *).

Всего, значить, крестьянамъ принадлежитъ 1.916,859 дес. и не крестьянамъ остальные 2.014,880 дес., т.-е. первые имѣютъ меньше вторыхъ на 98,021 дес. Въ 1 января 1892 г. крестьянское населеніе губерніи достигло 1.170,363 душъ обоюго пола **) (въ настоящее время оно, конечно, еще больше), такимъ образомъ на каждую душу приходится немного болѣе 1¹/₂ дес., именно 1,63 дес. При такомъ незначительномъ размѣрѣ земельнаго надѣла едва ли возможно вести сколько-нибудь рациональное хозяйство. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне имѣютъ еще меньшіе надѣлы. Въ Сороковомъ уѣздѣ, наприм., въ среднемъ на душу приходится всего до 1¹/₄ дес., въ Бѣлецкомъ уѣздѣ—1¹/₂ дес., въ Оргѣвскомъ—меньше одной десятины на душу ***). Изъ нижеслѣдующей таблички можно видѣть, насколько крестьянское населеніе губерніи обеспечено землей и хлѣбомъ. Въ ней все крестьянское населеніе раздѣлено на группы, соответственно размѣрамъ надѣльной земли у нихъ.

Общины бывшихъ владѣльческихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ съ надѣломъ на ревизскую душу.

Имѣющихъ отъ	0—2 дес.	2—3 дес.	3—4 дес.	4—5 дес.	5—6 дес.	6—8 дес.	Богѣе 8 дес.	Общины крестьянъ прочихъ разрядовъ.
Полн. душъ об. пола	812	1,522	203	203	4,667	17,248	21,002	968,923
У нихъ земли	457	1,373	259	333	7,615	33,580	67,668	1.427,985
Земли на душу	0,56	0,90	1,23	1,64	1,63	1,95	3,22	1,47
Зерна на душу	8,4	13,5	19,2	24,6	24,5	29,3	48,8	22,2

****).

Изъ этого можно убѣдиться, что только самая незначительная часть крестьянскаго населенія губерніи имѣетъ болѣе 3 десятины на душу, остальное же громадное большинство, составляющее около милліона, имѣетъ всего отъ 0 до 2 десятины. Самая значительная 8-я группа, составляющая «общины крестьянъ прочихъ разрядовъ», почти 83% всего населенія губерніи, имѣетъ всего 1,47 дес. на душу. Въ этомъ отношеніи Бессарабская губернія стоитъ не только ниже южныхъ губерній,—Екатеринославской, Херсонской и Таврической,—но даже ниже нѣкоторыхъ великорусскихъ губерній—Костромской, Саратовской и Самарской.

*) Новороссійскій Календарь 1893 г.

**) Вліяніе урожаевъ и албыхъ цѣнъ. Т. I, стр. 75.

***) Б. Кривичъ: «Бессарабская неурядица». Нов. Сл. 1896 г., кн. 12, стр. 127—128.

****) Заимствуемъ изъ книги Вліяніе урожаевъ и албыхъ цѣнъ на рынокъ стороны русскаго народн. хозяйства, т. I, стр. 88.

ГУБЕРНІИ.	Наличн. душъ об. пола въ этой 8-й группѣ.	Земли на душу.
Екатеринославская	133,166	4,03 дес.
Херсонская	377,922	2,37 »
Таврическая	144,369	3,31 »
Бостромская	230	3,81 »
Саратовская	161,900	2,74 »
Самарская	286,383	4,23 » *).

Если раздѣлить все количество удобной земли въ губерніи на число жителей, то тогда мы получаемъ всего немного больше двухъ десятицѣ на душу.

Царане, т.-е. бывшіе помѣщичьи крестьяне, получили по реформѣ 14 іюля 1868 года по 8—9 десятицѣ на каждую крестьянскую семью; въ настоящее же время на семью приходится въ среднемъ около 3—5 дес. Между тѣмъ, для обезпеченія жизни средней крестьянской семьи необходимо имѣть одной лишь пахотной земли не менѣе 5 десятицѣ. Резешши **) еще менѣе обезпечены, чѣмъ царане, такъ какъ всѣ реформы, относившіяся къ крестьянамъ Бессарабіи, 1868—1870 гг. почти вовсе не коснулись массы резешшей. «Въ послѣднее время на каждую резешскую семью приходится въ среднемъ отъ $\frac{1}{4}$ до 5 десятицѣ всѣхъ угодій» ***). При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, конечно, если громадное большинство поселянъ ****) вынуждено не давать отдыха своей землѣ и ежегодно засѣвать ее. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ послѣдніе годы, поселянская земля вовсе не находится подъ паромъ. А послѣдствіемъ такого положенія вещей является полное истощеніе почвы и уменьшеніе урожайности до минимума. Изъ нижеслѣдующей таблицы, цифры для которой мы взяли изъ книги *Вліяніе урожая и цѣны на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*, можно видѣть, насколько урожайность разныхъ хлѣбовъ въ Бессарабской губерніи ниже урожайности другихъ губерній. Для сравненія мы беремъ по 3 губерніи юго-западнаго, средне-черноземнаго, сѣверно-черноземнаго, восточнаго и юго-восточнаго и сѣвернаго нечерноземнаго районовъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ находятся въ книгѣ.

*) Цифры заимствованы изъ книги *Вліяніе урожая и проч.*, т. I, стр. 88—91.

**) Происхожденіе бессарабскихъ резешей такое же, какъ и четвертныхъ владѣльцевъ въ коренной Россіи; они были служилыми людьми у молдаванскихъ господарей (см. Д. Суручанъ: „Происхожденіе резешскихъ общинъ“. *Жизнь Юга* 1897 г., кн. 2).

***) Д. Д. Суручанъ: „Бессарабское земство и земельныя нужды“. *Бес. В.* 1896 г., № 180.

****) Считаю нужнымъ оговориться, что подъ поселянами мы подразумеваемъ не только царанъ, но и резешей, цыганъ, колонистовъ и др., которые сами обрабатываютъ свою землю.

Средній урожай за 11 лѣтъ (1883—1893 н.) по даннымъ центральнаго статистическаго комитета въ четвертяхъ съ десятины.

ГУБЕРНІИ.	Ржи.	Озимой пшен.	Яровой пшен.	Ячменя.	Овса.	Картофеля.
Бессарабская . . .	5,0	5,9	3,2	5,8	8,1	19,7
Кіевская	5,7	5,9	4,6	5,8	9,1	43,5
Подольская	5,3	5,0	3,8	5,2	7,3	32,4
Волынская	4,0	4,9	3,6	4,9	5,8	33,6
Воронежская	4,7	4,5	2,9	4,2	6,7	32,1
Харьковская	4,2	4,1	2,8	4,5	6,7	29,5
Полтавская	5,1	4,5	4,4	5,5	7,5	39,4
Тульская	4,9	6,0	—	5,4	7,4	44,8
Рязанская	5,2	5,5	3,9	4,1	7,0	27,8
Орловская	4,7	6,1	4,7	4,7	6,8	41,6
Казанская	4,4	—	3,3	5,0	5,8	27,7
Сибирская	5,0	—	3,5	5,4	6,7	33,5
Самарская	3,8	—	2,8	3,2	4,8	25,1
Архангельская	4,7	—	6,1	6,5	7,3	36,2
Вологодская	5,1	—	4,7	6,3	7,6	34,9
Олонецкая	4,5	—	4,7	5,7	6,8	35,0 *)

Отсюда мы видимъ, что урожайность нѣкоторыхъ хлѣбовъ какъ, наприм., озимой пшеницы, яровой пшеницы и даже ржи въ Бессарабской губ. ниже не только урожайности нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній, но ниже даже урожайности сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній, а урожай картофеля съ десятины въ среднемъ въ два раза меньше нежели въ выше перечисленныхъ губерніяхъ. Хотя пониженіе урожайности происходитъ также и на частно-владѣльческихъ земляхъ, но главнымъ образомъ оно замѣчается на земляхъ поселянъ. По изслѣдованіямъ проф. Кюссовскаго, который пользовался выводами изъ отчетовъ министерства земледѣлія, урожай на земляхъ поселянъ Бендерскаго уѣзда ниже урожая частно-владѣльческихъ земель: ржи на 13%, озимой пшеницы на 7%, овса на 20%, ячменя на 6% и яровой пшеницы на 2% **).

Пониженіе урожайности происходитъ, главнымъ образомъ, на поселянскихъ земляхъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ земскихъ статистическихъ данныхъ объ урожайности поселянскихъ и частно-владѣльческихъ земель по всѣмъ уѣздамъ губерніи не даетъ намъ возможности болѣе рельефно показать это, но и имѣющіяся у насъ данныя объ урожайности въ четырехъ уѣздахъ изъ восьми, приведенныя въ нижеслѣдующей таблицѣ, могутъ дать объ этомъ болѣе или менѣе ясное представленіе.

*) Вліяніе урожая и проч., стр. 44—69 приложенія т. II.

***) Отчеты Бендерскаго земства за 1895 г., стр. 3.

Число десятины, засеянныхъ хлѣбами у частн. влад. и поселянъ.

	Годъ.	Озим. пшен.	Ржи.	Яров. пшен.	Кукур.	Ячмен.	Оса.
Бендерскій уѣздъ.							
У част. влад.	1895	23,710	16,400	139,440	18,480	15,505	4,340
У поселянъ	"	27,990	16,042	65,955	47,507	41,517	1,090 *)
Бѣлецкій уѣздъ.							
У част. влад.	"	25,731	3,081	2,009	22,944	15,319	12,708
У поселянъ	"	19,629	7,016½	1,576	53,512	18,332½	6,405 **)
Клишиневскій уѣздъ.							
У част. влад.	"	4,730½	2,257½	2,870	15,482	2,902	1,752½
У поселянъ	"	7,375½	6,217	3,373	87,349	7,827½	1,504***)
Хотинскій уѣздъ.							
У част. влад.	1895—96	?	665	2,638	27,455½	7,300	4,363
У поселянъ	"	12,268	1,740½	1,328	53,065	21,240	6,636****)

Урожай у частн. владѣльцевъ и у поселянъ съ десятины.

	Годъ.	Озим. пшен.	Ржи.	Яров. пшен.	Кукур.	Ячмен.	Оса.
Бендерскій уѣздъ.							
У част. влад. пудовъ	1895—96	21	31	17	26	26	13
У поселянъ "	"	20	27	16	24	24	10
Хотинскій уѣздъ.							
У част. влад. "	"	?	33	42	70	50	43
У поселянъ "	"	36	27	88	60	40	37
Бѣлецкій уѣздъ.							
У част. влад. четвертей	1894—95	8,4	9	14,4	19	10	15,5
У поселянъ "	"	6,3	9	7,1	5,9	8	10,5
Клишиневскій уѣздъ.							
У част. влад. "	"	7,5	7,5	7,5	—	9,2	9
У поселянъ "	"	6,6	8,9	7,7	—	8,5	5,3

Въ то время какъ частные землевладѣльцы получили въ 1894 — 95 сельско-хозяйственномъ году, въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, съ 2,009 дес. яровой пшеницы 28,980 четвертей, поселяне получили съ 1,567 дес. всего 11,196 четвертей, т.-е. первые получили въ 2½ раза больше вторыхъ, несмотря на то, что засеяли всего на 442 десятины больше поселянъ. Ячменемъ въ томъ же году и въ томъ же уѣздѣ было засеяно 18,332½ дес., а частными землевладѣльцами 15,919 дес., т.-е. меньше на 2,413½ дес., а между тѣмъ поселяне получили всего 146,386 четвертей, а частные земле-

*) Тамъ же, стр. 13—14.

***) Отчеты Бѣлецкаго земства за 1895 г.

****) Отчеты Клишиневского земства за 1895 г.

*****) Привода здѣсь и въ другихъ мѣстахъ цифры изъ земскихъ докладовъ и отчетовъ мы должны сказать, что онѣ далеко не всегда отличаются точностью, потому что большей частью онѣ получаются изъ волостныхъ правленій, земская же статистика, какъ намъ приходилось уже указывать здѣсь, находится въ эмбриональномъ состояніи. Но если признавать даже приблизительную вѣрность этихъ цифръ, то и тогда можно прийти на основаніи ихъ только къ тѣмъ выводамъ, въ которыхъ пришли мы.

владельцы 160,884 четв., т.-е. больше на 14,498 четв. нежели поселяне. Количество десятины, засеянных овсом, у частных землевладельцев было всего в два раза больше нежели у поселян, а получили они на 130,224 четверти больше поселян. В особенности же поразительна разница в урожайности поселянских и частно-владельческих кукурузных полей. В то время как поселяне засевают в $2\frac{1}{2}$ раза больше десятины кукурузой, чем частные владельцы, они собирают все-таки на 119,530 четвертей меньше, т.-е. в три раза меньше с десятины, нежели частные землевладельцы. А между тем ведь кукуруза составляет главное питательное средство бессарабских поселян *), и понятно, что такая низкая урожайность этого хлеба на поселянских землях сильно отражается на населении губернии. Низкая урожайность кукурузы объясняется главным образом тем, что в виду малоземелья поселяне из года в год засевают свои поля этим хлебом, между тем как частные землевладельцы имеют возможность давать отдых своей земле. То же самое явление замечается и в других уездах Бендерском, Кишиневском и Хотинском, с тою только разницей, что там оно не так сильно выражено. Последний неурожайный 1895 — 96 г. хотя и отразился неблагоприятно как на поселянских так и на частно-владельческих землях, тем не менее главная тяжесть его пала все-таки на поселян, и из живущих здесь свидетелей только о двух из пострадавших уездов, Хотинском и Бендерском, видно, что частно-владельческие урожаи были в этом году выше урожая на землях поселянских. Из нижеследующей таблицы можно видеть, насколько % частно-владельческие урожаи разных хлебов больше или меньше урожая поселянских в 4 уездах—Бендерском, Хотинском, Бялецком и Кишиневском, о которых имеются земские статистические данные **).

	Овс. пшен.	Рж.	Яров. пшен.	Ячм.	Кукур.	Овс.
Въ Бендерск. у.	+ 2%	+13%	+ 2 %	+ 6%	—	+20% ***)
Въ Хотинск. у.	—	+21%	+ 11,5%	+25%	+ 11,7%	+16%
Въ Бялецк. у.	+32%	=	+160 %	+25%	+216 %	+30%
Въ Кишинев. у.	+12%	-16%	- 3 %	+ 8%	—	+80%

Кроме того, из приведенных цифр замечается еще и другое явление: в то время, как частные землевладельцы засевают большую часть

*) Из 3.690,000 четвертей кукурузы, получаемой во всей России, более $\frac{2}{3}$ — 2.780,000—получается в Бессарабии (см. Д. Морев: „Очерк коммерческой географии и статистики России“, изд. 3-е, 1893 г., стр. 141).

**) Знак + означает, что частные владельцы получают больше на столько-то %, а—меньше на % нежели поселяне, знак =, что урожай одинаков у тех и других.

***) Для Бендерского уезда мы пользуемся цифрами проф. Люссоевскою, на которого мы уже ссылались.

своей земли дорогами хлѣбами, идущими на рынокъ, яровой и озимой пшеницей, овсомъ и отчасти ячменемъ, поселяне засѣвають большую часть своихъ полей кукурузой, рожью и ячменемъ, т.-е. хлѣбами, служащими для собственнаго потребленія. И притомъ болѣе всего засѣвается кукурузой (50,3%—63,1%) *) и только въ болѣе благоприятномъ Бендерскомъ уѣздѣ площади кукурузныхъ посѣвовъ у поселянъ занимаютъ только около $\frac{1}{3}$ (23,7%) всей площади поселянскихъ посѣвовъ. Изъ нижеслѣдующей таблицы можно видѣть, какъ распределяется посѣвная площадь разныхъ хлѣбовъ, въ процентномъ отношеніи у частныхъ землевладѣльцевъ и у поселянъ.

	Озим. пшениц.	Рож.	Яров. пшениц.	Ячмен.	Кукур.	Овесъ.	Итого.
Въ Бендерскомъ уѣздѣ.							
У частн. землевлад.	11 %	7,1%	64,3%	7,1%	8,5%	2 %	} 100%
У поселянъ	13,9%	8 %	33 %	20,8%	23,7%	0,5%	
Въ Хотинскомъ уѣздѣ.							
У частн. землевлад.	—	1,6%	6,2%	17,2%	64,7%	10,3%	} 100%
У поселянъ	—	2,1%	1,6%	23,3%	63,1%	7,9%	
Въ Бѣлѣцкомъ уѣздѣ.							
У частн. землевлад.	31,5%	3,8%	2,5%	18 %	23,6%	15,5%	} 100%
У поселянъ	18,4%	6,6%	1,5%	17,2%	50,3%	6 %	
Въ Кишиневскомъ уѣздѣ.							
У частн. землевлад.	15,8%	7 %	9,3%	9,4%	51,6%	5,9%	} 100%
У поселянъ	11,6%	9,8%	5,3%	12,3%	58,6%	2,4%	

Въ этой таблицѣ характерно еще то, что, поселяне, имѣющіе, въ общемъ, конечно, много больше скота, чѣмъ частные землевладѣльцы, подъ овесъ отдають самую незначительную часть своихъ полей (отъ 7,9% до 0,5%), а частные владѣльцы засѣвають овсомъ (отъ 2% до 15,5%) всей площади посѣвовъ. Происхожденіе этого явленія вполне понятно, потому что поселяне вынуждены засѣвать возможно больше хлѣбами, идущими на собственное потребленіе, а на долю скотины остается солома, кукурузные листья и проч. Помѣщики же засѣвають овесъ не только для собственнаго скота, но и для продажи.

Разумѣется, что при такихъ условіяхъ крестьянской скотинѣ мудрено поправиться и что къ веснѣ отъ нея большею частью остается, что называется, кожа да кости. Ниже мы увидимъ, что въ отношеніи луговъ и

*) Большой % кукурузной площади у частныхъ владѣльцевъ Хотинскаго уѣзда (64,7%) объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что большая часть арендуемой у нихъ земли засѣвается кукурузой, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, благодаря невѣдѣности, сколько занимаетъ у нихъ площадь озимой пшеницы, при вычисленіи изъ общей площади посѣвовъ, на долю кукурузы получается такой большой % посѣвовъ. По даннымъ Ермолинскаго, въ 1887 г. въ этомъ уѣздѣ у поселянъ кукуруза занимаетъ 39% площади всѣхъ посѣвовъ и 56% площади яровыхъ посѣвовъ, а у частныхъ владѣльцевъ кукуруза занимаетъ 18% общей площади всѣхъ посѣвовъ и 46% площади яровыхъ посѣвовъ (см. *Ермолинскій*: „Обзоръ Хотинскаго уѣзда за 1887 г.“, стр. 32—33).

пастбищъ поселяне Бессарабіи еще болѣе обездолены, нежели въ отношеніи полей. Посѣвная площадь въ 1894 году равнялась во всей губерніи 1.453,687 десятинамъ, причеиъ площадь крестьянскихъ посѣвовъ занимала 1.029,175 дес. и частныхъ владѣльцовъ 424.500 дес., т.-е. первая составляла 70,8%, а вторая 29,2%. Собрано же было съ поселянскихъ земель 3.977,342 четвер. всѣхъ хлѣбовъ, а на частно-владѣльческихъ 2.725,131 четвер. *). Итакъ, значить посѣвная площадь относится какъ 70 къ 29, а урожай какъ 59 къ 40. Иначе говоря, съ каждой десятины поселяне получаютъ 3,8 четвер. хлѣба, а частные землевладѣльцы 6,4 четвер., т.-е. на 2,6 четвер. больше, чѣмъ поселяне. И это несмотря на то, что культура въ частныхъ хозяйствахъ здѣсь довольно низкая. Урожай на крестьянскихъ земляхъ долженъ бы быть 6.606,432 четвер., т.-е. больше на 2.669,070 четвер., чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ **). Въ урожайномъ 1893—94 году посѣвная площадь губерніи равнялась 1.262,532 дес., собрано было 15.050,151 четвер. хлѣба ***). Въ 1894 — 95 г. вся посѣвная площадь губерніи составляла 1.453,687 дес., а собрано было 6.702,473 четвер.—въ 2½ раза меньше. При такихъ условіяхъ неудивительно, конечно, что поселянамъ не хватаетъ на пропитаніе своего собственнаго хлѣба и большая часть ихъ принуждена покупать хлѣбъ весною и даже зимой и прибѣгать къ арендѣ частно-владѣльческихъ земель. Для продовольствія крестьянскаго населенія требуется въ годъ 22.230,000 пудовъ разнаго хлѣба, для корма скота требуется 10.948,000 пуд., всего, значить, 33.178.000 пуд., между тѣмъ какъ чистый сборъ всѣхъ хлѣбовъ въ среднемъ за 10 лѣтъ (1883—1892 г.) достигаетъ только 27.808,000 пуд. ****). «Земля съ каждымъ годомъ дорожаетъ, неурожаи подрываютъ въ конецъ благосостояніе поселянъ, даже у надѣльных зачастую не хватаетъ то на обмененіе, то на продовольствіе и ¼ Бессарабіи на основаніи земскихъ данныхъ находятся въ состояніи хроническаго «недостатка продовольствія» *****). Надо еще прибавить къ этому, что въ Бессарабіи замѣчается то же, что и въ другихъ губерніяхъ, а именно громадная часть поселянъ вынуждена продавать свой хлѣбъ за малую цѣну сейчасъ же послѣ снятія урожая съ поля, чтобъ уплатить разныя повинности. Хлѣбъ, являющійся собственностью производителя, быстро уходитъ изъ его рукъ на рынокъ, чтобы затѣмъ въ концѣ или даже въ серединѣ зимы опять попасть къ нему, но ужъ, конечно, по гораздо большей цѣнѣ.

Поставленный въ такія печальныя условія бессарабскій поселянинъ вынужденъ прибѣгать къ арендѣ частно-владѣльческихъ земель. И ужъ, конечно, по закону спроса и предложенія, чѣмъ больше онъ нуждается въ этой землѣ, тѣмъ больше онъ за нее платитъ. Въ этомъ отно-

*) 1894—95 сельско-хозяйственный годъ былъ для значительной части губерніи весьма неблагоприятнымъ.

**) См. „Бессарабія“, календарь 1896 г., стр. 91.

***) См. „Бессарабія“, календарь 1895 г., стр. 95.

****) *Вліяніе урожая и проч.*, статья Л. Н. Мареса, т. I, стр. 76 и 77.

*****) *Жизнь Юга* 1897 г., № 9.

шеніи судьба сравняла всѣхъ: царянь, резешей, русскихъ крестьянъ и другихъ поселянъ. Въ Хотинскомъ уѣздѣ вполне обезпечены лишь бывшіе государственные крестьяне съ надѣломъ не менѣе 8 десят., но и тѣ и другіе составляютъ лишь 27% всѣхъ поселянъ, дефицитъ же остальныхъ 73% поглощаетъ избытокъ этихъ, и въ общемъ по всему уѣзду хлѣба не хватаетъ *). Хозяева, арендующіе земли въ этомъ уѣздѣ, составляютъ 37% всѣхъ поселянъ въ уѣздѣ. Изъ нихъ за деньги арендуютъ 14,7%, и исполу 24,2% **). Денежная арендная плата достигаетъ здѣсь 13 р. 40 к.—13 р. 80 к. за десятину въ волостяхъ съ недостаточными надѣлами, въ другихъ же волостяхъ, гдѣ надѣлы больше, она доходитъ лишь до 6—7 р. за десятину ***). Но особенной невыгодностью для поселянъ отличается исполная аренда, которая встрѣчается здѣсь въ двухъ формахъ. Первая, когда исполщнику дается только земля, причеиъ онъ долженъ вспахать ее, засеять своими сѣменами, два раза выпрашевать, сжать, свезти, очистить и всыпать въ кошницу, и тогда владѣлецъ земли въ большинствѣ случаевъ получаетъ $\frac{1}{2}$ зерна, а иногда сѣмщикъ долженъ еще исполнить въ пользу владѣльца какую-нибудь работу, въ среднемъ на 1 р. 37 к. съ фальчи (соотвѣтственно поденной платѣ) ****). Вторая форма аренды характеризуется тѣмъ, что вспашка поля и посѣвъ производится самимъ владѣльцемъ, а сѣмщикъ выполняетъ уже остальную работу. Въ этомъ случаѣ сѣмщикъ получаетъ даже часто не $\frac{1}{2}$ урожая, а $\frac{1}{3}$, и еще долженъ отработывать или доплачивать въ среднемъ 2 р. 28 к. отъ фальчи. Какъ мы уже видѣли, при денежной арендѣ владѣлецъ получаетъ въ среднемъ 17 р. 40 к. за фальчу, при исполной же въ первомъ случаѣ, когда сѣмщикъ самъ засеиваетъ арендуемую землю, 33 р. 46 к. за фальчу (фальча=1,3 дес.) и во второмъ случаѣ, когда земля засеивается владѣльцемъ, 39 р. 64 к., т.-е. больше на 53%, нежели при денежной арендѣ *****). Иначе говоря, въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ получаетъ не только арендную плату за землю, но и значительную часть прибавочной стоимости, которая при другихъ условіяхъ осталась бы въ рукахъ непосредственнаго производителя. При сравненіи дневного заработка сѣмщика за деньги и исполу получимъ въ первомъ случаѣ 80 к. въ день, а во второмъ, при посѣвѣ сѣмщика, 60 к. въ день и при посѣвѣ владѣльца земли всего лишь 35 к. въ день. При обыкновенномъ урожаѣ владѣлецъ земли получаетъ въ среднемъ по уѣзду 33 р. съ фальчи, въ томъ случаѣ, когда сѣмщикомъ производится вся работа, и 40 р. когда сѣмщику сдается уже засеянная земля, т.-е., иначе говоря, въ первомъ случаѣ владѣлецъ получаетъ 47% урожая, а во второмъ случаѣ 57% урожая *****). При этомъ надо замѣтить еще, что

*) Б. Кричній: „Бессарабская неурядица“. *Новое Слово*, декабрь 1896 г., стр. 128.

**) Ермолинскій: „Обзоръ Хотинскаго уѣзда за 1887 г.“, стр. .

***) Въ настоящее время аренда (на одинъ посѣвъ) достигаетъ 18—20 р. за дес.

****) Тамъ же, стр. 70.

*****) Тамъ же, стр. 72.

*****) Тамъ же, стр. 71

главная часть арендуемой земли, 79%, засѣвается кукурузой, т.-е. самымъ необходимымъ для населенія хлѣбомъ, который нуженъ ему для его собственнаго потребленія, а не для продажи. Для частныхъ землевладѣльцевъ это именно обстоятельство и представляетъ значительную выгоду. Они стараются сдавать въ аренду поселянамъ преимущественно кукурузныя поля, потому что обработка ихъ, особенно «прашовка» хозяйственнымъ путемъ обходится очень дорого. Отдавать же въ аренду эту землю и получать отъ 47% до 57% урожая въ свою пользу, представляетъ для нихъ лишь своеобразную, но очень выгодную форму найма рабочихъ. Изъ переписи всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, сдѣланной въ 1883—84 г., оказалось, что изъ 37,432 хозяйствъ было уже тогда 8,570 безземельныхъ и 12,455 безъ рабочаго скота. Распределение земли здѣсь крайне неравномерное: въ то время, какъ одни поселяне имѣютъ до десяти и болѣе десятинъ, другіе имѣютъ только до двухъ десятинъ и даже меньше *). Это, конечно, указываетъ на весьма важную метаморфозу, происходящую въ деревнѣ: съ одной стороны централизацию земли въ немногихъ рукахъ—развитіе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, а съ другой дробленіе ея—развитіе земледѣльческаго пролетаріата, безземельныхъ и безлошадныхъ. «Число безземельныхъ въ этомъ уѣздѣ достигаетъ 23% общаго числа дворовъ, т.-е. почти $\frac{1}{4}$ всѣхъ хозяйствъ **). Нужда поселянъ этого уѣзда въ сѣнокосахъ и пастбищахъ еще болѣе сильна, нежели нужда въ пахотной землѣ, потому что сѣнокосныя угодья у поселянъ составляютъ всего лишь около 4% общаго количества принадлежащей имъ земли, а у частныхъ землевладѣльцевъ она составляетъ до 10%. У первыхъ 17,000 дес., у вторыхъ—65,000 дес. Нуждаясь сильно въ выгонахъ, поселяне, волей-неволей, должны выгонять скотъ на свои покосы,—въ особенности весной, когда всѣ зимніе запасы корма истощаются уже. Поэтому они принуждены косить гораздо позже частныхъ землевладѣльцевъ, косить тогда, когда трава уже перезрѣваетъ и терлетъ свое качество ***). Арендная плата сѣнокосовъ въ Хотинскомъ уѣздѣ достигала въ 1887 г. 14—15 руб. за дес., а теперь она еще больше и доходитъ до 25 р. Во многихъ мѣстахъ поселяне вынуждены отдавать на выпасъ скотъ, причемъ плата за выпасъ коровы доходитъ иногда даже до 12 р., за вола до 8 р., за лошадь до 6 р., за овцу отъ 40 к. до 1 р. 25 к. ****).

Неудивительно поэтому, что въ то время, когда пара воловъ изъ частновладѣльческихъ экономій стоитъ здѣсь до 71 р., пара поселянскимъ воловъ стоитъ только 60 р., поселянская лошадь стоитъ въ среднемъ только 26 р., частновладѣльческія лошади стоятъ 31 р. Осенью и зимою, вслѣдствіе недостатка въ кормѣ, поселяне сбываютъ молодой скотъ, въ особенности рогатый. Поэтому здѣсь въ это время всѣ базары переполнены скотомъ и

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду. 1886 г.

***) Тамъ же.

****) Еремеевскій: «Обзоръ Хотинскаго уѣзда за 1897 г.», стр. 121—122.

*****) Тамъ же, стр. 129—130.

цѣны на него падаютъ до минимума, въ особенности въ неурожайные годы, какъ было и въ послѣднемъ 1896 году, когда средняя цѣна крестьянской лошади въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ доходила лишь до 15—20 р., а пары воловъ до 35—45 р. Благодаря высокимъ цѣнамъ за выпасъ скота и недостаточности пастбищъ и сѣнокосовъ, наблюдается повсемѣстная загиба воловъ лошадьми и иногда на село въ 50 дворовъ приходится всего 3—4 пары воловъ *). Такъ обстояло дѣло въ 1887 году, въ этомъ уѣздѣ. Въ настоящее время процессъ этотъ пошелъ, конечно, гораздо глубже и дальше, но, къ сожалѣнiю, у насъ нѣтъ *точныхъ* данныхъ объ экономическомъ состоянiи Хотинскаго уѣзда за послѣднiя 10 лѣтъ, такъ какъ земство еще не предприняло такого изслѣдованiя, но всѣ отчеты земства утверждаютъ, что положенiе поселянъ этого уѣзда съ каждымъ годомъ ухудшается и что явленiя, замѣченныя десять лѣтъ тому назадъ, продолжаютъ существовать и прогрессировать.

Мы остановились долго на Хотинскомъ уѣздѣ, потому что этотъ уѣздъ былъ довольно тщательно изслѣдованъ земскими статистиками 10 лѣтъ тому назадъ, благодаря чему у насъ имѣется о немъ болѣе цѣнныхъ и точныхъ свѣдѣнiй, нежели о другихъ уѣздахъ.

Остальныя уѣздныя земства, какъ и губернскае, не предпринимали еще такихъ изслѣдованiй, и потому мы имѣемъ объ этихъ уѣздахъ только отрывочныя свѣдѣнiя изъ отчетовъ уѣздныхъ земскихъ управъ и изъ другихъ источниковъ. Но и тѣ скудныя свѣдѣнiя, которыя имѣются у насъ, ясно указываютъ, что положенiе поселянъ въ этихъ уѣздахъ нисколько не лучше, чѣмъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, а мѣстами еще и хуже, и что процессъ обезземеленiя поселянъ и увеличенiя среди нихъ сельскаго пролетарiата — безземельныхъ и безлошадныхъ — существуетъ во всей Бессарабiи.

Такъ въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, какъ мы уже упоминали, въ среднемъ на душу приходится всего только 1,3 дес. Арендная плата здѣсь въ среднемъ равняется 10 рублямъ за десятину, но нерѣдко она доходитъ до 12 и 14 рублей и больше. Сравнительно низкая арендная плата объясняется здѣсь значительнымъ предложенiемъ земли частными владѣльцами. Въ Сорокскомъ уѣздѣ земли на душу въ среднемъ приходится всего лишь 1¹/₇ дес. Аренда пахотной земли здѣсь достигаетъ до 14—15 руб. за дес. и даже доходитъ до 20 р. Аренда здѣсь преимущественно исполная, т.-е. именно та форма аренды, которая болѣе выгодна для владѣльцовъ и ужь, конечно, наименѣе выгодна для поселянъ. Но и аренда не помогаетъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ «своего хлѣба все-таки не хватаетъ для населенiя и значительная часть его принуждена покупать хлѣбъ осенью или даже зимой. Недостаточность сѣнокосовъ и пастбищъ заставляетъ поселянъ этого уѣзда отдавать скотъ на выпасъ за отработки или же платить за выпасъ пары воловъ по 12 р. и больше. Частнымъ владѣльцамъ, конечно, выгодиѣ первое,

*) Такъ же, стр. 131.

потому что это обезпечиваетъ имъ рабочія руки лѣтомъ, когда существуетъ сильная нужда въ нихъ, да притомъ еще по самымъ дешевымъ цѣнамъ *).

Въ Бишиневскомъ уѣздѣ земля на душу приходится всего только немного болѣе 1 десятины, благодаря чему урожайность земли доходить здѣсь до минимума и даже въ урожайный 1893 годъ урожай съ десятины доходилъ только до 5 четвертей; въ другіе годы урожай въ среднемъ равняется только 4 четвертямъ. Хлѣба почти ежегодно не хватаетъ почти во всемъ уѣздѣ и $\frac{3}{4}$ населенія его постоянно нуждается. Это зависитъ еще отчасти и отъ неблагоприятныхъ климатическихъ и орографическихъ условій, въ которыхъ находится этотъ уѣздъ, постоянно страдающій то отъ ливней, то отъ засухъ. Арендная плата здѣсь достигаетъ 17—18 руб., а иногда даже и болѣе за дес. Въ этомъ уѣздѣ замѣчается то же явленіе, что и въ Хотинскомъ, а именно: съ одной стороны развитіе сельскаго пролетаріата, а съ другой стороны—развитіе мелко-буржуазныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, благодаря переходу земли отъ первыхъ ко вторымъ. Количество пахотной земли, сданной въ аренду владѣльцами, равняется 35—40%, всѣхъ помѣщичьихъ запасекъ и 13%, поселянскихъ запасекъ. Аренда за сѣнокосы доходить до 15—20 руб. за дес., но чаще всего они сдаются исполу за $\frac{3}{8}$ сбора въ пользу владѣльца и $\frac{1}{8}$ въ пользу исполщика **).

Въ Аккерманскомъ уѣздѣ, благодаря супесчано-суглинистой почвѣ и неблагоприятнымъ климатическимъ условіямъ (частые запалы), земля требуетъ тщательнаго ухода за ней и обработки, а между тѣмъ, въ виду недостаточности скота и другихъ причинъ, удобренія здѣсь нѣтъ почти никакого на поселянскихъ земляхъ, земля почти вовсе не находится подъ паромъ, обработка чуть ли не первобытная. Благодаря всему этому урожайность этого уѣзда такая же низкая, какъ и Бишиневского уѣзда. Урожай пшеницы въ среднемъ 45 пуд. съ десятины, ржи—40—45 п., ячменя—35—40 п., овса—40—45 п. и кукурузы—45—60 пуд. съ десят., но бываетъ и ниже. Озимыхъ хлѣбовъ иногда совсѣмъ не бываетъ ***). Арендная плата за десятину доходить здѣсь до 13—14 руб.; аренда сѣнокосовъ доходить до 15—18 руб. за десятину, а при съемкѣ не за деньги, а исполу—еще дороже ****). Пониженіе урожайности и частновладѣльческихъ земель уменьшаетъ спросъ на рабочихъ и потому здѣсь рабочая плата очень низкая, доходящая зимой до 30 и даже 20 к. въ день и до 6—7 рублей въ мѣсяцъ женщины въ самую горячую пору въ июлѣ и августѣ *****). Оранка и посѣвъ десятины

*) См. Б. Кричній: „Бессарабская неурядица. Нов. Сл. 1896 г., декабрь, стр. 127.

**) Тамъ же, стр. 128.

***) По даннымъ департамента земледѣлія средней (за 5 лѣтъ) урожай съ десятины до 1893 г. въ Аккерманскомъ уѣздѣ былъ слѣдующій: озим. пшен.—33 п. 20 ф., яров. пшен.—27 п. 7 ф., ржи—29 п. 3 ф., ячменя—35 п. 4 ф., овса—33 п. 10 ф., кукурузы—4,75 четверти.

****) Тамъ же, стр. 196.

*****) См. Отчетъ Бессараб. губерн. земской управы съ 1 октября 1895 г. по 1 октября 1896 г., стр. 224—229.

въ мартѣ и апрѣлѣ въ среднемъ стоятъ частнымъ землевладѣльцамъ только 3 р. 50 к., уборка десятины сѣнокоса въ июнѣ въ среднемъ обходится частнымъ землевладѣльцамъ всего только въ 1 р. 75 к. За оранку и посѣвъ одной десятины въ августѣ платятъ въ среднемъ 2 р. 80 к. *).

Въ Оргѣвскомъ уѣздѣ земли на душу приходится меньше 1 десятины, дающей въ урожайный годъ 5 четвертей, а въ средній—4—4½ четверти. Процентъ пахотной поселянской земли, по отношенію ко всей удобной землѣ, доходить до 90%, и даже до 99%, 2 **). Малоземелье и недостатокъ въ хлѣбѣ заставляють поселянъ этого уѣзда, какъ и другихъ уѣздовъ, прибѣгать къ арендѣ. Денежная аренда колеблется здѣсь между 15—16 руб. за десятину, но доходить иногда даже до 20 р. Сѣнокосы сдаются, главнымъ образомъ, исполу, причемъ и здѣсь владѣлецъ беретъ себѣ ½ сбора, а остальную ½ получаетъ исполнительъ. Денежная аренда сѣнокосовъ доходить иногда даже до 35—40 руб. за десятину, что, конечно, не удивительно, когда пахотная земля составляетъ 90—99,2% всей поселянской земли. «Наконецъ, выпасъ скота на владѣльческихъ экономіяхъ обходится въ 14—15 р. за пару воловъ, 7 р. за корову и т. д. При этомъ корма также часто не хватаетъ; экономіи дальнія, а иногда, если приходится расплачиваться натурой, поселяне за каждую штуку рогатаго скота платятъ рублемъ по 10. Исторія въ Гиджіенской экономіи, гдѣ выпасъ одной коровы обходился въ 14 руб., когда и молока-то отъ нея получалось всего рублей на 6, не единственный случай въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, гдѣ неясности контрактвъ ведутъ иногда къ еще болѣе смѣлымъ операціямъ гг. владѣльцевъ» ***).

Въ Бендерскомъ уѣздѣ дѣла также не блестящи. Хотя арендная плата здѣсь и не такъ высока и доходить только до 8—9 р. за дес., но малоземелье и неравномѣрность распредѣленія земли между поселянами довели поселянъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ покидаютъ дѣльныя села и уходятъ куда глаза глядятъ, благодаря невозможности существовать тамъ. «Въ 1893 году бендерское земство писало про село *Блюменталь* въ послѣдній разъ: Блюментальская шеола закрыта, такъ какъ поселяне-колонисты есъ покинули это село и въ настоящее время оно не значится даже официально» ****). Въ настоящее время отъ этого села остался только одинъ *пустырь* и поселяне со страхомъ проѣзжаютъ мимо него ночью, такъ какъ уже сложилась легенда, что иногда тамъ ночью слышать «словно плачетъ кто-то; а то словно возы ѣдутъ, скрипятъ, а то не иначе громада шумить... Было цѣлое село и теперь нѣтъ его» *****).

*) Тамъ же, стр. 230—232.

***) С. А. Короленко: „Вольнонаемный трудъ въ хозяйствахъ земледѣльческихъ и передвиженіе рабочихъ, въ связи съ статистико-экономическимъ обзоромъ Европейской Россіи, въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ“. 1892 г.

****) Нос. Сл. 1896 г., декабрь, стр. 124—129.

*****) А. Б. „По Бессарабіи“. *Жизнь Юга*, № 9.

*****) Тамъ же.

И вѣдь не надо же забывать, что Блюменталь—это нѣмецкая колонія и что нѣмецъ едва ли кто упрекнетъ въ неумѣнн вести хозяйство или въ пьянствѣ, въ чемъ такъ часто упрекаютъ нашего русскаго мужика. Какъ же могло случиться въ самомъ дѣлѣ, что нѣмецкіе колонисты, отличающіеся прилежаніемъ, трезвостью и прочими достоинствами, якобы отсутствующими у русскаго мужика, принужденны были въ концѣ-концовъ бросить насиженное мѣсто, бросить старое пепелище, съ которымъ связано столько дорогихъ воспоминаній, гдѣ потрачено столько трудовъ и заботъ, и пуститься куда-то въ поиски «за новыми мѣстами»? Вотъ какой отвѣтъ даетъ на этотъ вопросъ авторъ статьи цитированной нами выше. «Знаете вы, что такое «передвижная деревня»? Это, кажется, чисто-бессарабское изобрѣтеніе. Главный контингентъ сельскаго населенія ея, какъ извѣстно,—царане, резеши и всяческіе колонисты. У резешей изстари была своя земля, колонисты надѣлялись ею иногда даже черезчуръ щедро. Царане, правда, своей земли прежде не имѣли, и за оброкъ или барщину должны были брать ее у крупныхъ землевладѣльцевъ. Но въ концѣ 60-хъ годовъ и они получили «соотвѣтствующіе» надѣлы. По крайней мѣрѣ, когда бессарабское дворянство въ 1894 году хлопотало о сохраненіи за нимъ пропинаціоннаго и вотчиннаго права, оно съ гордостью указывало на то, что по желанію Царя Освободителя оно уже принесло невыразимую жертву, уступивъ царанамъ надѣлы (хотя и за крупный выкупъ) и что поэтому пропинаціонное и вотчинное права даже должны быть сохранены за ними, ибо эти права—исконныя и неотъемлемыя права бессарабскаго дворянства. Но, въ силу какихъ-то причинъ, при всемъ этомъ вышло, что у многихъ колонистовъ и у многихъ царанъ земли все-таки не оказалось—или сразу, или немного погодя, совсѣмъ, и вотъ, переимѣнивъ барщину на современную аренду, эти поселяне *должны даже хатки свои строить по-прежнему на чужой землѣ*. Эта земля снимается на опредѣленные промежутки времени, и каждый разъ договоръ аренды долженъ возобновляться. Чѣмъ дальше, тѣмъ сроки сокращаются все болѣе и теперь есть общества, арендующія землю всего на 5, даже на 3 года. И всякій разъ, какъ аренда возобновляется, поселяне все набавляютъ и набавляютъ аренду, до тѣхъ поръ, пока не освободятся отъ послѣднихъ «парали» (грошей). Тутъ слѣдуетъ новая надбавка аренды, поселяне отказываются отъ уплаты ея и немедленно оказываются между небомъ и землей. И пахотная, и усадебная земля сдаются другимъ и начинается благополучно новое повышеніе аренды. А прежніе поселяне собираютъ свой скарбъ и могутъ отправляться куда угодно. То же самое было и съ Блюменталемъ. Было село—и нѣтъ его. Но такъ какъ, вдобавокъ, на старомъ мѣстѣ никто почему-то не поселился, то надъ покинутымъ селомъ немедленно и взвилась грустная, тяжелая легенда».

«Таковы,—говоритъ авторъ этой интересной статьи,—результаты земельныхъ порядковъ въ Бессарабіи. И это не одно село въ такомъ положеніи, не десятокъ-другой даже. Ихъ можно считать дюжинами. Мы

лично знаемъ, что такъ живутъ въ с. Шабалать (имѣніе Арсеньевыхъ, Аккерманскаго уѣзда), въ Ново-Сергіевкѣ того же уѣзда (имѣніе Фокулича), почти половина Бассіенъ Кишиневскаго уѣзда, (гдѣ помѣщается тотъ прословутый ремесленный классъ, въ которомъ одинъ выпущенный ученикъ стоилъ 11,000 р.), что въ Бужорѣ (этого же уѣзда), кажется, поселяне пока только удержались неизвѣрнымъ поднятіемъ арендныхъ цѣнъ, что богатѣйшая прежде колонія Сеймены (Аkkerманскаго уѣзда) была окончательно разорена такимъ образомъ и жители ея, также какъ и блюментальцы, отчасти разбрелись во всѣ стороны, отчасти эмигрировали въ Америку, и отъ села осталось одно имя, теперь, быть можетъ, тоже исчезнувшее даже изъ официальныхъ списковъ *)).

Если такъ обстоятъ дѣла въ нѣмецкихъ колоніяхъ, которыя ставятся всегда примѣромъ для нашихъ сель, если нѣмцамъ, которые умѣютъ вести рациональное хозяйство и которые обладаютъ большимъ умѣньемъ и большими капиталами, нежели молдаване, приходится въ концѣ-концовъ оставлять насиженныя мѣста, то что уже говорить о молдаванахъ, у которыхъ нѣтъ преимуществъ, имѣющихся у нѣмцевъ. И, дѣйствительно, положеніе ихъ гораздо хуже положенія нѣмецкихъ колонистовъ. Такихъ «передвижныхъ» деревень, какія описаны выше, не мало въ каждомъ уѣздѣ. Рассказываютъ, что нѣкоторые бессарабскіе помѣщики, провѣдавши заблаговременно въ концѣ 60-хъ годовъ о томъ, что правительство окончательно рѣшило надѣлать царя землей, предложило имъ освобожденіе отъ всѣхъ повинностей, съ тѣмъ только, чтобы царане окончательно оставили деревни, въ которыхъ они жили и ушли на всѣ четыре стороны. Царане, конечно, мало знали о готовящейся реформѣ и потому многіе изъ нихъ согласились на это предложеніе, и цѣлыя деревни были оставлены своими жителями. Рассказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ еще сохранились пустыри, свидѣтельствующіе о томъ, что когда-то на этихъ мѣстахъ стояли села. Помѣщики же такимъ образомъ отдѣлались отъ обязанности отрѣзать своимъ царанамъ земли.

Намъ пришлось здѣсь рассмотреть всѣ уѣзды Бессарабіи, кромѣ Измаильскаго, составляющаго такъ-называемую «Новую Бессарабію», присоединенную къ Россіи послѣ послѣдней русско-турецкой войны. Этотъ уѣздъ не имѣетъ еще земскихъ учреждений и о немъ имѣются весьма немногія свѣдѣнія. Мы видѣли, что вездѣ существуетъ здѣсь *малоземелье*, въ однихъ уѣздахъ большее, въ другихъ меньше, что земля вездѣ истощена и не въ состояніи прокормить своего производителя, что населенію не хватаетъ своего хлѣба на пропитаніе и большая часть поселянъ принуждена добывать его «со стороны». Недостаточность своей земли заставляетъ населеніе прибѣгать къ арендѣ частновладѣльческихъ земель. Арендная плата почти вездѣ очень высокая и притомъ господствующею формою аренды является самая невыгодная для арендаторовъ форма аренды *исполу*. Самое

*) Тамъ же.

снятіе земли обыкновенно производится передъ посѣвомъ. Чтобы брать аренду за деньги, необходимо уплачивать впередъ часть арендной платы или даже половину ея, если не всю, а гдѣ же у бѣднаго молдавана или другого бессарабскаго поселяннина, находящагося въ постоянной нуждѣ и не имѣющаго, что называется, гроша за душой, гдѣ у него эти деньги? Гдѣ ему достать ихъ, при мѣстныхъ условіяхъ кредита, когда иногда и 50% роста поселяне считаютъ благодѣяніемъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря отсутствію кредита, особенно послѣ неурожайныхъ годовъ, поселяне вынуждены даже сокращать запашки! Поэтому они принуждены брать аренду исполу, которая обходится имъ почти въ два раза дороже, чѣмъ аренда за деньги. Примѣръ такой мы видѣли въ Хотинскомъ уѣздѣ, когда при сравненіи дневного заработка арендатора за деньги и исполу получаемъ въ первомъ случаѣ 80 к. въ день, а во второмъ, если арендаторъ самъ засѣваетъ землю, 60 к., а если беретъ землю уже засѣянную помѣщикомъ, то только 35 к. въ день.

Плохое и недостаточное питаніе населенія, — почти полное отсутствіе мяса въ его бюджетѣ, потому что громадное большинство поселянъ питается почти исключительно кукурузой, — мало-по-малу ослабляетъ организмъ, уменьшаетъ его живучесть и дѣлаетъ его менѣ устойчивымъ противъ всякихъ болѣзней и эпидемій. Коэффициенты заболѣваемости въ губерніи колеблются между 13,2% (1890 г.) и 24,8% (въ 1892 г.). Въ среднемъ же въ годъ оно достигаетъ 15,6%, причемъ около 90% заболѣваній падаетъ на крестьянское населеніе. Въ сосѣдней Херсонской губерніи на крестьянское населеніе падаетъ только 79,3% заболѣваній. Заразные болѣзни составляютъ 33,36% всѣхъ заболѣваемыхъ, между тѣмъ какъ въ Херсонской губерніи они составляютъ только 19,3%, т.-е. $\frac{1}{3}$, а въ Московской губерніи 8,34%, т.-е. $\frac{1}{10}$ всѣхъ заболѣваній *).

Изъ нижеслѣдующей таблицы можно видѣть, насколько приростъ населенія въ Бессарабской губерніи ниже прироста другихъ южныхъ губерній и Донской области.

Приростъ населенія за 4-лѣтіе съ 1892 г. по 1895 г. (включительно) на 100 жителей:

	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	Годовая (средняя) естественная прибавка населенія на 100 жителей за 25 лѣтъ 1870—1897 г.
Екатеринославская губ.	1,56	2,20	2,34	2,28	1,98
Таврическая губ.	1,48	2,03	2,03	2,28	2,02
Донская область	0,46	2,68	2,56	2,7	2,11
Херсонская губ.	1,60	1,94	2,00	1,93	1,70
<i>Бессарабская губ.</i>	0,77	1,25	1,58	1,73 *)	1,56

*) См. брошюру *М. Раиновича*: „Матеріалы для санитарной оцѣнки Бессарабін“. 1895 г.

**) Цифры заимствованы изъ статьи *Покровскаго*: „Вліяніе колебаній урожая въ хлѣбныхъ цѣнахъ на естественное движеніе населенія“, въ книгѣ „Вліяніе урожая въ хлѣбныхъ цѣнахъ“, т. II, стр. 197 и 361, таблица IV, 1.

Изъ этого мы видимъ, что приростъ населенія въ Бессарабской губерніи ниже прироста другихъ южныхъ губерній; если же онъ все-таки еще выше прироста сѣверныхъ и другихъ губерній, то это, очевидно, потому, что здѣсь болѣе благоприятныя климатическія и географическія условія.

Недостатокъ сѣнокосовъ и пастбищъ заставляетъ поселянъ отдавать скотъ на выпасъ въ частновладѣльческія экономіи за деньги или за отработки. Плата за выпасъ очень высокая, доходящая, какъ мы видѣли, до 14—15 рублей за пару воловъ и до 7 рублей за корову. Но отдача скота на выпасъ за отработки еще болѣе невыгодна для поселянъ, потому что они вынуждены работать у частныхъ владѣльцевъ за самую низкую плату и выполнять ихъ работы раньше своихъ. Недостатокъ въ кормѣ для скота, а также нужда въ деньгахъ на неотложныя нужды и потребности заставляетъ многихъ поселянъ продавать зимой и осенью скотъ и, кромѣ того, замѣнять воловъ лошадьми. Раньше Бессарабія занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи по скотоводству, которое составляло одну изъ главныхъ частей благосостоянія ея населенія. Изъ Бессарабіи скотъ сбывался не только во внутреннія губернія имперіи, но даже экспортировался за границу, а теперь Бессарабія занимаетъ, въ отношеніи скотоводства, одно изъ послѣднихъ мѣстъ и сама уже нуждается въ привозномъ скотѣ. Надо замѣтить, что отчасти этому способствовала и чума рогагаго скота, бывшая здѣсь довольно долго. Количество скота въ губерніи ежегодно уменьшается. Въ 1882 г. безлошадныхъ дворовъ было 76,832 (41,4%), а въ 1891 г. 113,482 двора, т.-е. 46,1% *). Вотъ цифры ежегоднаго уменьшенія скота въ губерніи съ 1888 г., когда началось страхованіе скота:

Уменьш. въ 1889 году на	4,786	головъ.
» » 1890 » »	43,656	»
» » 1891 » »	60,348	»
» » 1892 » »	66,363	»
» » 1893 » »	189,820	»
» » 1894 » »	229,629	» **).

Всего за шесть лѣтъ до 1895 года количество скота уменьшилось на 594,202 гол., т.-е. болѣе чѣмъ на полмилліона. Когда въ концѣ 1894 г. министерство земледѣлія предложило земствамъ высказаться о мѣстныхъ нуждахъ сельскаго хозяйства, почти всѣ уѣздныя земства указывали на упадокъ скотоводства въ губерніи, весьма неблагоприятно отражающійся а мѣстномъ населеніи. Въ докладѣ своемъ губернскому земскому собранію кьерманское земство писало: «Въ южной Бессарабіи и въ особенности въ кьерманскомъ уѣздѣ еще недавно процвѣтало скотоводство, овцеводство коневодство, но съ того времени, какъ посѣвная площадь увеличилась

*) Конская перепись 1882 г., изд. 1884 г. „Своихъ матеріаловъ“, изд. канцелярій отчета министровъ 1894 г.

***) Отчеты бессарабской губ. земской управы за 1895 г.

въ ущербъ выпаса, скотоводство пало не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, а потому на улучшеніе этой отрасли необходимо обратить серьезное вниманіе со стороны земства и правительства *)). Бендерское земство писало: «Скотоводство Бендерскаго уѣзда всегда было однимъ изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства; въ настоящее же время, въ моментъ переживаемаго тяжелаго экономическаго кризиса, оно является необходимою промышленностью, способною оказать нашему земледѣлю существенную помощь... Въ настоящее же время эта отрасль хозяйства пришла настолько въ упадокъ, что для своего развитія крайне нуждается въ мѣропріятіяхъ со стороны общественныхъ учрежденій» **). Другія земства, какъ и губернское, также указывали на упадокъ скотоводства, какъ на одну изъ причинъ тяжелаго экономическаго положенія губерніи.

Уменьшается также площадь табачныхъ плантацій, составлявшихъ еще очень недавно одну изъ важнѣйшихъ отраслей мѣстнаго сельскаго хозяйства, дававшихъ работу тысячамъ нуждающихся поселянъ. Въ 1880 году площадь, засѣянная табакомъ въ Бессарабіи, равнялась 4,087¹/₂ дес., на которыхъ было 10,920 плантацій; въ одномъ Оргѣвскомъ уѣздѣ табаку отводилось 2,617 дес. Въ 1893 году площадь эта равнялась уже только 2,046 дес., составлявшая 6,165 плантацій. Собрано было 115,376 пудовъ табаку. Въ 1894 году площадь подъ табакомъ занимала 2,159 дес., составлявшая 5,921 плантацію, а собрано было только около 75 тыс. пуд. Раньше цѣна табака колебалась между 25 и 50 рублями за пудъ, а теперь она понизилась до 15 рублей ***). Пониженіе цѣны зависитъ отчасти отъ ухудшенія его качества, а отчасти вызывается конкуренціей на рынкѣ табака изъ другихъ мѣстностей. Вотъ что, наприм., пишутъ изъ с. Бравичи, Оргѣвскаго уѣзда, которое раньше славилось своими табачными плантаціями: «Невеселую картину представляетъ это нѣкогда цвѣтущее и богатое село. Источники благосостоянія населенія съ каждымъ годомъ уменьшаются, вслѣдствіе сокращенія нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ культуръ, какъ, наприм., табаководства, и уменьшенія спроса на рабочія руки со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Еще дѣтъ 6 — 7 тому назадъ можно было встрѣтить вокругъ Бравичи многочисленныя табачныя плантаціи, принадлежавшія или мѣстнымъ резешамъ, или постороннимъ предпринимателямъ, дававшимъ населенію хорошій заработокъ. *Теперь же вы не встрѣтите ни одного кустика табаку* ****). Сокращеніе площади табачныхъ плантацій въ значительной степени зависитъ также отъ малоземелья и необходимости засѣвать всю землю хлѣбомъ. Упадокъ этой отрасли сельскаго хозяйства зависитъ также и отъ акциза, установившаго разницу между сортами, что стѣсняетъ, по мнѣнію хозяевъ, культуру его, а нако-

*) См. Доклады бессар. губ. земской управы 1896 г., стр. 604.

**) Тамъ же, стр. 612—13.

***) См. „Бессарабія“, *Кал. на 1896 г.*, стр. 94.

****) См. *Бес. В.* 1897 г., № 19.

нець и отъ монополизациі торговли табакомъ крупными капиталистами. Значительное сокращеніе культуры табака—почти вдвое противъ 1880 г.—и пониженіе цѣны его оставило громадную часть населенія, занимавшихся этимъ промысломъ, безъ дѣла и работы, не говоря ужъ о пониженіи заработной платы.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ пчеловодствомъ. Такъ, съ 1886 г. до 1892 г. оно уменьшилось на $\frac{1}{4}$. Раньше во всей губерніи было около 5,000 пасякъ, а въ 1892 г. только около 4,000 п. Въ 1886 г. добывалось около 14—15 тысячъ пудовъ меду и около 4 тыс. пуд. воску, а въ 1892 г. около 7 тыс. п. меду и около 3 тыс. п. воску.

Но въ особенно плачевномъ состояніи находится винодѣліе, составляющее одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія мѣстнаго населенія. Какъ извѣстно, Бессарабія занимаетъ *второе* мѣсто по виноградарству и винодѣлію въ Россіи *)). По послѣднимъ даннымъ одесскаго филлоксернаго комитета число десятинъ земли, занятыхъ виноградниками въ Бессарабіи, достигаетъ 60,437, которыя находятся въ 1,279 населенныхъ пунктахъ губерніи. Эта важная отрасль сельскохозяйственной дѣятельности мѣстнаго населенія съ каждымъ годомъ все болѣе ухудшается, съ каждымъ годомъ количество винограда и добываемаго изъ него вина все болѣе уменьшается и дѣло это все больше и больше идетъ на убыль. Одной изъ важныхъ причинъ этого явленія здѣсь также является малоземелье у поселянъ и отсутствіе матеріальныхъ средствъ для веденія этого дѣла. Поселяне болѣею частью стараются посадить по возможности больше кустовъ на клочкѣ земли, а это, конечно, уменьшаетъ урожайность виноградниковъ; но, кромѣ этого, они еще часто умудряются и между этими густо посаженными кустами посѣять еще кукурузу, картофель или что-нибудь другое, которыя не даютъ возможности нормально развиваться и питаться кустамъ. Конечно, поселянамъ это хорошо извѣстно, но все-таки недостатокъ въ землѣ и нужда въ хлѣбѣ заставляютъ ихъ прибѣгать къ этому весьма невыгодному способу пополненія недостатка. Кромѣ того, виноградники требуютъ ежегодно значительныхъ расходовъ на колья (ораги), къ которымъ привязываются вѣтви кустовъ. Благодаря недостатку лѣса, колья эти здѣсь довольно дороги и далеко не всѣ поселяне имѣютъ возможность поставить свои виноградники на ораги, такъ что нерѣдко можно встрѣтить виноградники, лежащіе прямо на землѣ. Отъ этого листья и плоды гниютъ и сохнутъ, виноградъ получается часто кислый и вино изъ него имѣетъ непріятный горькій вкусъ. Почти всѣ поселянскіе виноградники состоятъ изъ самыхъ простыхъ и дешевыхъ сортовъ виноградныхъ лозъ; заграничныхъ сортовъ, за самыми ничтожными исключеніями, нѣтъ почти ни у кого изъ поселян **). Но особенно вредно отражается на виноградарствѣ и ви-

*) Первое мѣсто принадлежитъ Кавказу, гдѣ виноградники занимаютъ болѣе 91 тысячи десятинъ. Въ Бессарабіи виноградники занимаютъ около 66 тыс. дес. (см. Д. Моретъ: „Очеркъ эконо. геогр. и статист. Россіи“, стр. 173—4).

**) См. *Промышленные силы Россіи*, изд. мѣн. финансовъ, подъ ред. В. И. Ковалева, отд. „Виноградарство“, стр. 33.

подѣлія края неумѣлый и нерациональный уходъ за виноградниками и за виномъ. Поселяне до сихъ поръ употребляютъ чуть ли не допотопные способы приготовления вина,—способы, унаследованные ими еще отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Общая картина крестьянскаго винодѣлія въ Бессарабіи въ высшей степени жалкая и печальная. Винодѣліе, какъ извѣстно, требуетъ знанія, требуетъ значительныхъ матеріальныхъ затратъ для правильного веденія его, требуетъ, наконецъ, самаго рациональнаго ухода не только за виноградниками, но и за сборомъ винограда и въ особенности за приготовленіемъ вина. Ничего этого нѣтъ у громаднаго большинства разношерстныхъ поселянъ Бессарабіи. Многіе поселяне, а можетъ быть и большинство ихъ, не имѣютъ вовсе прессовъ для выдавливанія винограда и потому многіе дѣлаютъ это просто ногами *). Нужда въ деньгахъ для уплаты разныхъ повинностей и проч. заставляетъ ихъ собирать виноградъ очень рано, еще до полнаго его созрѣванія. Почти вездѣ виноградъ срѣзывается, когда въ немъ еще не сформировалось достаточное количество сахара, которое можетъ получаться при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ. Въ Бендерскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстностяхъ такимъ недозрѣвшимъ, чуть ли не зеленымъ виноградомъ наполняются холщевые мѣшки, чистота которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна, потому что нерѣдко на нихъ замѣтны даже цѣлые слои грязи, мѣшки завязываются, кладутся въ борыта, чистота которыхъ также подвержена очень сильному сомнѣнію, и затѣмъ на нихъ становится молдаванъ и начинаетъ танцовать своими грязными ногами... Изъ этого получается жидкость часто съ запахомъ и вкусомъ уксусной кислоты. Потому жидкость эта сливается въ плохую бродильную бочку и послѣ броженія получается скоро портящееся вино, имѣющее нерѣдко видъ грязнаго сусла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смѣшиваютъ вмѣстѣ черный и бѣлый виноградъ, виноградъ болѣе ранній и болѣе поздній. Нерѣдко бочки оставляютъ открытыми для броженія на 1—2 недѣли подъ открытымъ небомъ и, конечно, туда попадаютъ насѣкомыя, пыль, дождь, пометъ отъ пролетающихъ птицъ и проч. Молодое вино, часто еще не снятое съ дрожжей, везутъ уже въ городъ на базаръ, потому что нужда въ деньгахъ не позволяетъ больше ждать, и вино это продается положительно за безцѣнокъ. Цѣна вина въ урожайные годы до того понижается, что оно становится дешевле деревянной бочки, въ которой помѣщено **).

Для большей наглядности приводимъ таблицу цѣнъ на молодое поселянское и частновладѣльческое вино въ 1896 году:

	Ц высшая.	В низшая.	Н средняя.	Ы:
Кишиневскій у.	{ у частн. влад. за ведро 2 р.		30 к.	1 р. 15 к.
	{ у поселянъ » » — » 70 к.		20 »	— » 45 »

*) Тамъ же, отд. „Фабрично-завод. промышл.“, стр. 78.

***) Тамъ же, отд. „Виноградарство“, стр. 88.

Хотинскій у.	{ у частн. влад. » »	3 » — »	60 »	1 »	80 » *)
	{ у поселянъ » »	3 » — »	50 »	1 »	75 »
Аккерманскій у.	{ у частн. влад. » »	2 » 50 »	40 »	1 »	45 »
	{ у поселянъ » »	1 » 50 »	40 »	— »	95 »
Соровскій у.	{ у частн. влад. » »	2 » — »	60 »	1 »	30 »
	{ у поселянъ » »	2 » — »	40 »	1 »	20 »
Оргѣвскій у.	{ у частн. влад. » »	3 » — »	35 »	1 »	67 ¹ / ₂
	{ у поселянъ » »	1 » 20 »	25 »	— »	72 ¹ / ₂
Вълецкій у.	{ у частн. влад. » »	1 » 50 »	70 »	1 »	10 »
	{ у поселянъ » »	1 » 40 »	50 »	— »	95 »
Бендерскій у.	{ у частн. влад. » »	не имѣется свѣдѣній.			
	{ у поселянъ » »	1 » 50 »	30 »	— »	90 » **)

Изъ этой таблицы мы видимъ, что, за исключеніемъ Хотинскаго уѣзда (въ которомъ нѣтъ почти совсѣмъ виноградниковъ—всего около 150 дес.), гдѣ цѣны на частновладѣльческія и поселянскія вина почти одинаковы, во всѣхъ другихъ уѣздахъ поселяне продаютъ свое вино гораздо дешевле, чѣмъ помѣщики: такъ, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, какъ мы видѣли, средняя цѣна за ведро частновладѣльческаго вина болѣе чѣмъ въ два раза выше цѣны поселянскаго вина (1 р. 77 к. и 72¹/₂ к.). Въ Кишиневскомъ уѣздѣ средняя цѣна частновладѣльческаго вина выше цѣны поселянскаго вина почти въ 2¹/₂ раза (1 р. 15 и 45 к.). Въ Аккерманскомъ уѣздѣ она выше на ³/₄. Въ остальныхъ уѣздахъ разница хотя и не такъ велика, какъ въ предъидущихъ, но все же довольно значительна. Въ общемъ по губерніи, кромѣ неземскаго Измаильскаго уѣзда и Бендерскаго, изъ котораго не имѣется свѣдѣній о цѣнахъ на частновладѣльческое вино, частные землевладѣльцы получаютъ за свое вино, въ среднемъ, на 41% больше, нежели поселяне.

Кромѣ того, урожаи вина на поселянскихъ виноградникахъ очень низки, какъ мы уже упоминали, и нерѣдко они бывають въ полтора раза, и даже болѣе, ниже урожаявъ, которые даютъ частновладѣльческіе виноградники. Къ сожалѣнію, отсутствіе точныхъ статистическихъ данныхъ лишаетъ насъ возможности доказать это цифрами, но здѣсь это явленіе известно всѣмъ и каждому. За послѣднія пять лѣтъ въ одномъ Соровскомъ уѣздѣ количество виноградниковъ уменьшилось чуть ли не наполовину. До 1885 г. количество добываемаго ежегодно вина достигало приблизительно до 9 милліоновъ ведеръ; въ 1891 году было добыто только около 7 милліоновъ ведеръ, а въ 1892 году только около 5 милліоновъ **).

*) Полныя свѣдѣнія имѣются только изъ двухъ волостей.

**) Цифры заимствованы нами изъ отчетовъ бессарабской губ. земской управы въ 1896 г., стр. 206—220.

***) Собственно говоря, точныхъ свѣдѣній о количествѣ добываемаго вина ежегодно въ Бессарабіи мы нигдѣ не нашли. Въ данномъ случаѣ мы пользуемся цифрами изъ статьи г. Кричаго, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ наиболее вѣролнм. Самый же фактъ ежегоднаго пониженія урожая виноградниковъ въ Бессарабіи повѣстенъ и имѣтельно всѣмъ и является неоспоримымъ.

Не малый вред мѣстному виноградарству приносятъ и филлоксера, захватывающая съ каждымъ годомъ все большій и большій районъ. Въ первомъ году, когда была открыта филлоксера въ Бессарабiи ею было заражено всего только около 20 десятинъ *). Это было въ 1886 году, а въ 1896 году филлоксера захватила около 477 десятинъ **), и это несмотря на энергичную борьбу съ ней, безъ которой она захватила бы, вѣроятно, въ десять разъ большее пространство, какъ это случилось въ сосѣдней Румынiи, гдѣ филлоксера захватила около 44,310 гектаровъ. Многие хозяева лишились окончательно своихъ виноградниковъ, у другихъ же они медленно высыхаютъ, особенно на филлоксерныхъ очагахъ, въ Кишиневскомъ и Измайлскомъ уѣздахъ.

Рядомъ съ этимъ замѣчается ежегодное уменьшенiе лѣсныхъ пространствъ губернiи. Еще сравнительно очень недавно здѣсь даже не знали, что значить продажа дровъ на вѣсь, а теперь это практикуется всюду и уже не вызываетъ никакого удивленiя. Недостатокъ дровъ ощущается поселянами почти всѣхъ уѣздовъ. Продажа дровъ на базарахъ крестьянами, какъ это бываетъ въ другихъ губернiяхъ, здѣсь встрѣчается довольно рѣдко въ послѣднiе годы.

Въ 1852 году составители военно-топографической карты Бессарабiи опредѣлили всю лѣсную площадь губернiи (включая скода и кустарники) въ 312,480 дес. За пятнадцать лѣтъ, съ 1853 до 1868 г., было вырублено 30,181 дес., т. е. въ среднемъ около 1,500 дес. въ годъ. Въ слѣдующiя 12 лѣтъ съ 1868 до 1880 г. было истреблено во всей губернiи около 53,829 десят., т. е. около 5,383 д. въ годъ. Въ 1885 г., по земскимъ даннымъ, лѣсная площадь губернiи равнялась 207,127 десят. ***). Сравнивая эту цифру съ цифрой 1880 г. — 228,470 десят., найдемъ, что за пятилѣтiе лѣсная площадь сократилась на 21,343 десят., т. е. ежегодно истреблялось болѣе 4,000 десят., а за время съ 1853 г. лѣсная площадь сократилась почти на $\frac{1}{3}$.

По даннымъ министерства земледѣлiя, всего лѣсовъ въ Бессарабской губ. въ настоящее время 236,400 десят., изъ нихъ казнѣ принадлежатъ 8,600 десят. (3,6%), частнымъ владѣльцамъ—210,800 десят. (89,2%) и крестьянскимъ обществамъ—17,000 дес. (7,2%) ****). Въ этомъ отношенiи Бессарабская губ. стоитъ ниже даже степной Херсонской губ., гдѣ крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ 13,0% всѣхъ лѣсовъ. Вотъ таблица распредѣленiя лѣсовъ въ 4-хъ южныхъ губернiяхъ и въ Донской области.

*) По даннымъ одесскаго филлоксернаго комитета.

**) „Особое мнѣнiе предсѣдателя распорядительной комиссiи одесскаго филлоксернаго комитета И. В. Кристи, по вопросу о способѣ защиты виноградниковъ Бессарабiи“ 1897 г., стр. 14.

***) Цифра эта значительно меньше цифры мин. земледѣлiя, приводимой ниже.

****) См. *Производительныя силы Россiи*, изд. мин. финансовъ подъ редакц. В. И. Ковалевскаго, отд. VI, стр. 7.

	Вся лѣсная площ. равн.	Казенныхъ.	Част. влад.	Крест. общ.	Удѣловъ.
Бессарабск. г.	236,400 д.	8,600 д.	210,800 д.	17,000 д.	— д.
Херсонская »	91,500 »	37,900 »	38,800 »	12,300 »	2,500 »
Тавричesk. »	313,400 »	82,600 »	126,500 »	103,800 »	500 »
Екатеринос. »	149,900 »	15,300 »	86,800 »	47,800 »	50 »
Донская обл.	346,700 »	— »	92,800 »	253,900 »	— *)

Считая число поселенъ въ губерніи 1.170,000 душъ обоего пола, получимъ на каждую душу около 0,015 дес. Недостатокъ дровъ еще и теперь ощущается во многихъ мѣстахъ, а что будетъ дальше, уже легко предвидѣть.

Особенно хищнически истреблялись лѣса въ имѣніяхъ, принадлежащихъ различнымъ монастырямъ, какъ преклоненнымъ, такъ и непреклоннымъ восточнымъ церквамъ. Монастырямъ этимъ принадлежитъ болѣе 200,000 дес. земли въ губерніи. Предчувствуя, что правительство неоднократно обращавшее вниманіе на беспорядки, злоупотребленія и хищничество, существовавшіе въ имѣніяхъ, а также на произволъ въ отношеніи употребленія доходовъ, наконецъ наложитъ на нихъ свой контроль, управляющіе имѣніями, греческіе монахи, продавали лѣса за безцѣнокъ и отдавали землю въ долгосрочную аренду. Такъ въ имѣніи Тодорештахъ была продана на срубъ лѣсная площадь въ 1,189 дес. по 2 р. 40 к. за дес.! Въ имѣніяхъ Копанка и Кицканы до 10,000 дес. были отданы въ аренду за 14,600 р. въ годъ съ правомъ вырубкн ежегодно до 80 дес. строевого лѣса, т.-е. *меньше чѣмъ по 1 руб. 50 к.* за дес. въ годъ. Имѣніе Костюжены—768 дес.—было отдано за 1,100 р. въ годъ **). Вырубленные громадныя лѣсныя пространства никѣмъ не оберегались и вытравлялись скотомъ. По нѣкоторымъ изъ этихъ контрактовъ рубка лѣсовъ до сихъ поръ продолжается ***). Вообще исторія и система управленія этими имѣніями, которыя были подарены монастырямъ еще въ древнія времена съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ были употреблены на богоугодныя и благотворительныя дѣла, на устройство больницъ, пріютовъ, школъ и проч.—въ высшей степени интересна. Изъ подробнаго доклада бессарабской губернской земской управы, можно видѣть, что ни больницъ, ни школъ и никакихъ другихъ подобныхъ учрежденій при монастыряхъ не было и доходы съ имѣній всецѣло попадали въ руки греческаго духовенства ****). Объ этомъ свидѣтельствуеъ и официальный отчетъ о пріемѣ монастырскихъ земель въ казну въ 1873 г. *****).

Хищническое истребленіе лѣсныхъ пространствъ въ свою очередь не могло не отразиться на урожайности почвы и еще болѣе способствовало

*) Тамъ же.

**) См. „Доклады Бессар. губ. зем. управы за 1895 г.“, стр. 263.

***) Тамъ же.

****) Тамъ же, стр. 253 и слѣдующая.

*****) Тамъ же.

ея истощенію. А ко всему этому еще присоединились и разные хлѣбные паразиты, какъ, напримѣръ, суслики, прусъ, саранча и проч. Такъ въ одномъ Бѣлецкомъ уѣздѣ въ 1896 году суслики занимали пространство въ 33,059 дес., что составляетъ 8%, всей облагаемой земли этого уѣзда. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ было заражено сусликами около 15,430 дес. Въ Бишиневскомъ уѣздѣ, въ томъ же году было заражено ими около 5,000 дес. *). Во всѣхъ другихъ уѣздахъ суслики также очень распространены, хотя и не въ такой сильной степени, какъ въ вышеуказанныхъ уѣздахъ. Надо замѣтить еще, что суслики появились здѣсь еще въ началѣ 90-хъ годовъ.

Что касается пруса, то въ Аккерманскомъ уѣздѣ онъ существуетъ уже съ 1893 г. и въ настоящее время занимаетъ уже около 5,135 десат. **). Въ другихъ уѣздахъ онъ хотя и не такъ распространенъ, но все же занимаетъ болѣе или менѣе значительныя пространства. Саранча, гессенская муха и другія вредныя для хлѣбовъ насѣкомыя также чуть ли не ежегодно появляются то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ разомъ.

Но, конечно, все это только второстепенныя причины, вліяющія на уменьшеніе сбора хлѣбовъ и, вредъ, приносимый ими, въ значительной степени зависитъ также отъ истощенія поселянскихъ земель, потому что густые и здоровые колосья хлѣбовъ, растущихъ на удобренной и неистощенной почвѣ, болѣе могутъ бороться съ вредными насѣкомыми, нежели слабые и рѣдкіе колосья, растущіе на истощенной почвѣ, лишенной всякаго удобренія ***). Главныя же причины неурожаевъ, повторяющихся чуть ли не ежегодно съ 1891 г., не такого случайнаго происхожденія. Причины эти, какъ мы уже мы видѣли, заключаются главнымъ образомъ въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ существованія бессарабскихъ поселянъ, о которыхъ мы говорили выше. Условія эти таковы, что при нихъ урожай можетъ быть только *исключительнымъ* явленіемъ, а неурожай долженъ считаться явленіемъ нормальнымъ.

Истощаясь годъ отъ году все болѣе, почва дала наконецъ неурожай прошлаго 1896 г., который во многихъ отношеніяхъ былъ даже хуже и тяжелѣе неурожая печальнаго 1891—2 г., потому что населеніе было и такъ уже обездолено предшествующими неурожайными годами. Хотя официально неурожай этотъ или игнорировался вовсе или назывался скромно «недородомъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи», но на самомъ

*) См. „Отчеты бессар. губ. зем. управы за 1896 г.“, стр. 240—250.

***) См. „Отчеты бессар. губ. зем. управы за 1896 г.“, стр. 278.

***) Извѣстный энтомологъ проф. К. Э. Линдеманъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ гессенскою мухой пришелъ къ двумъ выводамъ, а именно: что „гессенская муха бываетъ на хлѣбахъ слабыхъ и рѣдкихъ, и напротивъ, встрѣчая густую здоровую рожь или пшеницу, не одолеваетъ ея. Протачивая нѣкоторые стебли не наноситъ имъ однако большого вреда; рана въ здоровомъ организмѣ заживаетъ. Третье поле (кн. Васильчикова), хотя и окруженное крестьянскими полями, гдѣ гессенская муха приноситъ огромный вредъ, даю урожай по важности очень удовлетворительный. Цитируемъ по книгѣ Николая—она *Очерки нашего пореформен. обществен. хозяйства*, стр. 62

дѣлѣ это былъ поистинѣ «голодный годъ», нисколько не уступавшій по своимъ послѣдствіямъ памятому 1891—2 г., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже превзошедшій его. Впослѣдствіи уже и столичная печать заговорила о немъ *). Въ 1896 г. отъ неурожая пострадала почти большая половина губерніи. Изъ нижеслѣдующей таблицы, заимствованной нами изъ отчетовъ бессарабской губернской управы, — гдѣ сравнивается урожайность 1896 г. съ урожайностью 1895 г., который для нѣкоторыхъ уѣздовъ былъ также неурожайнымъ, — можно видѣть, насколько послѣдній годъ былъ хуже даже 1895 года для Бессарабіи:

1894—5 г.			
	Ржи.	Озим. пш.	Итого.
Посѣяно озимыхъ . . .	118,453 д.	223,835 д.	342,288 д.
Собрано было	4.872,329 п.	18.767,835 п.	23.640,164 п.

1894—5 г.			
	Пшен.	Ячменя.	Овса.
Посѣяно дес. яровыхъ.	190,397 д.	212,484 д.	57,752 д.
Собрано было пудовъ .	7.375,536 »	11.853,880 »	3.853,671 »

1895—6 г.			
	Ржи.	Озим. пш.	Итого.
Посѣяно озимыхъ . . .	109,269 д.	221,681 д.	330,258 д.
Собрано было	3.059,145 п.	10,620,300 п.	13.679,445 п.

1895—6 г.			
	Пшен.	Ячменя.	Овса.
Посѣяно дес. яровыхъ.	220,925 д.	234,533 д.	39,299 д.
Собрано было пудовъ .	3.229,868 п.	5.526,900 п.	1.580,382 п.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, несмотря на то, что въ 1895—6 г. было засѣяно больше, чѣмъ въ 1894—5 г. на 71,030 дес., урожаемъ озимыхъ былъ меньше урожая 1894—5 г. на 9.960,719 п., а яровыхъ на 12.745,937 п., или на 55%, меньше того, что было собрано въ 1895 г. Вслѣдствіе неурожая много блага хлѣба, въ особенности ярового и почти весь овесъ былъ также скошенъ на траву. Кукуруза также сильно пострадала отъ неурожая. Сѣна также не уродило. Благодаря этому еще въ началѣ осени почти во всей губерніи обнаружился сильный недостатокъ кормовъ для скота. Уже въ сентябрѣ пудъ сѣна доходилъ до 40 к. и тогда уже можно было предвидѣть, что громадная часть сельскаго населенія будетъ нуждаться въ пособіи какъ на продовольствіе, такъ и на обсеменение полей. Уже въ сентябрѣ и октябрѣ цѣны на скотъ сильно понизились, такъ какъ крестьяне сильно спѣшили заблаговременно сбыть иногда даже послѣднюю скотину, въ виду невозможности прокормить ее зимой, и поэтому базары бывали переполнены разнымъ скотомъ, который продавался за безцѣнокъ. Даже здѣсь, въ Кишиневѣ, можно было видѣть какъ молдаванъ или молдаванку со слезами на глазахъ вели въ базарные дни продавать послѣднюю пару быковъ или послѣднюю корову. Въ особенности сильно

*) *Міровые Отголоски* 1897 г. № 1, телеграмма изъ Кишинева.

пострадали уѣзды Аккерманскій, Бендерскій, Оргѣвскій, часть Кишиневскаго и Сорокского. Во многихъ мѣстахъ въ этихъ уѣздахъ не были даже возвращены сѣмена. Въ Аккерманскомъ уѣздѣ изъ посѣвной площади въ 367,157 дес. было получено сбора всего 5.224,724 п. разнаго рода хлѣба. Между тѣмъ какъ на удовлетвореніе населенія необходимо было по исчисленію аккерманской уѣздной земской управы на 46,565 семействъ, состоящихъ изъ 242,512 душъ, считая минимумъ по 12 п. на душу, въ теченіе шести мѣсяцевъ 4.396,095 п. и на обсеменение полей 1.735,585 п., т.-е. всего минимумъ 6.131,680 п. *). Слѣдовательно, въ общемъ недоставало въ Аккерманскомъ уѣздѣ 906,956 п.

Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ селахъ этого уѣзда еще сохранились кое-какіе продовольственные запасы изъ прошлыхъ годовъ, то по расчетамъ управы необходимо было выдать на посѣвы ржи 4,660 пуд. пшеницы—12,265 п., ячменя—72,213 п. и кукурузы—4,280 п. и на продовольствіе населенія кукурузы 118,870 п. и ржи 400. На покупку этого требовалось 103,323 р. Сумму эту аккерманская уѣздная земская управа просила выдать ей изъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала. Кроме этого въ числѣ пострадавшихъ отъ неурожая было нѣсколько поселеній этого уѣзда, находящихся на владѣльческихъ земляхъ. Положеніе этихъ аренда торовъ было безвыходное, такъ какъ въ виду того, что среди нихъ не существуетъ круговой поруки, они почти не могли даже рассчитывать на помощь земства и въ одномъ изъ такихъ селеній земскій начальникъ даже отказался засвидѣтельствовать нужду населенія «изъ опасенія, что нуждающіяся въ помощи лица съ окончаніемъ аренднаго срока разбредутся по разнымъ мѣстамъ и взысканіе долга по ссудамъ представится затруднительнымъ» **). Но губернская земская управа нашла все-таки возможнымъ выдавать ссуды и этимъ селеніямъ, съ тѣмъ однако, чтобы аккерманская уѣздная земская управа позаботилась принять мѣры къ исправному возврату заемщиками продовольственныхъ ссудъ. Въ Бендерскомъ уѣздѣ, по расчетамъ уѣздной управы для помощи населенію необходимо было приобрести 13,053 п. кукурузы и 11,197 п. ячменя, на что была нужна сумма въ 11,155 р. Въ Оргѣвскомъ уѣздѣ нужно было выдать на продовольствіе, считая по 1 п. въ мѣсяць кукурузы на душу, 9,134 п. кукурузы и на посѣвъ: ячменя 3,539 п., кукурузы 2,715 п. и ржи—1,305 пуд. Такъ какъ продовольственная нужда въ августѣ и сентябрѣ не была еще выяснена, то оргѣвская земская управа просила разрѣшить ей закупить разнаго рода хлѣба для населенія примѣрно на 30,000 р. ***). О положеніи дѣла въ Сорокскомъ уѣздѣ можно судить хотя бы изъ слѣдующей корреспонденціи: «Неурожай послѣднихъ лѣтъ не только подорвали матеріальное положеніе сельскаго населенія уѣзда, но и крайне вредно отразился на состояніи его здоровья. Неблагопріятныя экономическія условія

*) См. „Доклады бессар. губ. земск. управы за 1896 г.“, стр. 227—328.

**) См. доклады бессар. губ. зем. управы за 1896 г., стр. 210—276.

***) Тамъ же.

значительно уменьшили потребность рабочихъ рукъ и населеніе, добывавшее средства къ жизни физическимъ трудомъ находилось въ крайней нуждѣ». Въ послѣднемъ году «кромѣ недостатка хлѣба былъ неурожай и всѣхъ овощей и вслѣдствіе того, что населеніе питалось исключительно кукурузой (мамалыга-малай), цынга нашла себѣ благопріятную почву.

Независимо отъ медицинскаго помощи земская управа закупила *картофеля, буракова, луку, соленыхъ огурцовъ и капусты и все это разстлала въ пораженные цынгой пункты*; на борьбу съ цынгой въ отчетномъ (1896) году израсходовано 4,800 руб. Въ Сорокахъ была устроена дешевая столовая, изъ коей крайне немущимъ выдавались чай и пища бесплатно. Въ этомъ же году необыкновенно развилась и *пеллагра*, болѣзнь, зависящая отъ употребленія въ пищу испорченной кукурузы. Теченіе стало болѣе острое, съ частыми исходами къ *сумасшествію* *). Для борьбы съ этою болѣзнію былъ даже созванъ особый съѣздъ врачей Сорокского уѣзда **). Вліяніе экономическихъ условій на развитіе и распро-

*) Едва ли кому изъ читателей извѣстно, что такое пеллагра и какую страшную болѣзнь она представляетъ. Еще сравнительно недавно и здѣсь, въ Бессарабіи, о ней очень мало знали, даже въ медицинскій литературу, до самаго послѣдняго времени, о ней почти ничего не говорилось. Только 10 лѣтъ тому назадъ на нее впервые здѣсь обратили вниманіе мѣстные земскіе врачи, а на послѣднемъ съѣздѣ врачей Бессарабской губ., состоявшемся въ январѣ 1897 г., были прочитаны два обширныхъ доклада о распространеніи этой болѣзни и о ея клиническомъ теченіи. Помимо того, что докладъ эти, по общему мнѣнію, составляютъ цѣнный вкладъ въ науку, проливая свѣтъ на эту совершенно неизученную болѣзнь, о которой встрѣчаются только кое-какія свѣдѣнія у итальянскихъ врачей, главнымъ образомъ у Ломброзо, они имѣютъ еще то важное значеніе, что раскрываютъ предъ нами картину и условія быта бессарабскаго сельскаго населенія. Въ особенности это относится къ докладу женскимъ-врача М. П. Рашковичъ. Болѣзнь эта зависитъ отъ особыхъ грибовъ, находящихся въ недоброкачественной кукурузѣ, а такъ какъ кукуруза составляетъ для бессарабскаго поселенія то же, что картофель для ирландца и притомъ ее еще часто не хватаетъ не только въ неурожайные, но даже и въ урожайные годы, то понятно, что ему трудно отдѣлать хорошую кукурузу отъ испорченной. Неудивительно также, что число пеллагрозныхъ больныхъ все болѣе и болѣе увеличивается и въ особенности въ неурожайные годы. Докладъ доктора Коссаковского, шесть лѣтъ изучавшаго пеллагру въ Бессарабіи, нарисовалъ намъ яркую картину этой ужасной болѣзни. Она поражаетъ головной и спинной мозгъ, поражаетъ всѣ органы чувствъ, разстраиваетъ всѣ физиологическія и психическія отправленія организма. Начинаясь чаще всего постепенно легкимъ расстройствомъ физиологическихъ отправленій организма и психической сферы, и пораженіемъ кожи, она потомъ все болѣе и болѣе осложняется, доходя до паралича нѣкоторыхъ органовъ и до полного расстройства умственныхъ способностей,—буйнаго помѣшательства, т.-е. до такого состоянія, когда больной уже не можетъ находиться среди здоровыхъ людей. Нерѣдко также слѣдствіемъ этой ужасной болѣзни является смерть. Положеніе этихъ больныхъ медленно лишавшихся разума, а также и ихъ окружающихъ, которые должны присутствовать при этомъ, не удучи въ состояніи помочь больному, поистинѣ ужасное. Въ этомъ отношеніи болѣзнь эта еще болѣе ужасная, нежели эрготизмъ, происходящая вслѣдствіе отравленія спорыней и чаще всего наблюдаемая въ центральныхъ губерніяхъ въ особенности въ неурожайные годы.

**) См. *Бессар. Вѣст.* 15 декабря 1896 г.

страненіе пеллагры несомнѣнно. «Во всѣхъ уѣздахъ мы встрѣчаемъ классъ населенія экономически необезпеченнаго, который бываетъ вынужденъ питаться испорченной кукурузой, если она отъ тѣхъ или другихъ причинъ пришла въ такое состояніе... Пеллагра находится въ полной зависимости отъ питанія населенія кукурузой при условіяхъ порчи ея, но въ Бессарабіи нѣтъ уѣзда и даже части уѣзда, гдѣ населеніе не питалось бы въ той или другой степени кукурузой. При ближайшемъ изслѣдованіи наиболѣе пораженнаго пеллагрой уѣзда Сорокского оказалось, что изъ числа имѣющихся въ немъ 196 населенныхъ пунктовъ пеллагра обнаружена въ продолженіе четырехъ изслѣдуемыхъ лѣтъ съ 1892—95 г. въ 180 пунктахъ; слѣдовательно можно сказать, что за эти 4 года не было почти селенія, гдѣ пеллагры не существовало» *). Кроме Сорокского уѣзда пеллагра еще сильно распространена въ Бѣлцкомъ, Оргѣвскомъ, Хотинскомъ и Бендерскомъ уѣздахъ.

Съ каждымъ годомъ пеллагра все больше и больше распространяется. Число пеллагрозныхъ больныхъ въ настоящее время считается уже тысячами, а въ неурожайные годы число ихъ особенно увеличивается. Въ теченіе 1892—1893 гг. было зарегистрировано до 3,807 больныхъ одними земскими врачами **). За 9 лѣтъ (съ 1883 по 1896 г.) зарегистрировано было въ губерніи 9,735 пеллагрозныхъ больныхъ, что въ среднемъ на одинъ годъ составляетъ 1,082 больныхъ. Изъ этого общаго числа пеллагрозныхъ больныхъ $\frac{2}{5}$ —4,104 больныхъ падаетъ на 1892 голодный годъ. А сколько остается безъ лѣченія? Цынга также ежегодно поражаетъ то тѣ, то другіе уѣзды. Такъ въ 1892 и 1893 гг. число зарегистрированныхъ больныхъ, страдавшихъ цынгой, достигало 3,459 ***). Въ послѣднемъ 1896—7 г., когда значительная часть населенія существовала впроголодь и кормилась различными суррогатами (вѣдь не могло же хватить *одного нуда* въ мѣсяцъ, отпущеннаго земствомъ), число такихъ больныхъ, вѣроятно, особенно увеличилось. Этотъ послѣдній годъ, вѣроятно, надолго останется памятнымъ населенію, потому что многіе, какъ мы уже говорили, лишились послѣдней коровы и послѣдней лошади. А вѣдь извѣстно, что лишеніе домашняго и главнымъ образомъ земледѣльческаго скота сразу превращаетъ крестьянина въ пролетарія.

Изъ всего сказаннаго, очевидно, что экономическое положеніе поселянъ Бессарабіи плачевно. Есть ли возможность выйти изъ того заколдованнаго круга, въ который попали десятки и даже сотни тысячъ мѣстныхъ поселянъ? На это можно отвѣтить, что улучшеніе положенія возможно только при совершенномъ измѣненіи существующихъ нынѣ условій быта поселянъ, а всякія частичныя улучшенія будутъ только палліативами.

Н. Быховскій.

*) См. М. Рашковичъ: „Пеллагра въ Бессарабской губерніи“. 1897 г., стр. 17—18, также *Пеллагра*, докладъ д-ра В. Л. Коссаковского. 1897 г.

**): Врачебная хроника бессараб. губерніи. земства 1892 и 1893 г.

***): Тамъ же.

Общеобразовательныя задачи народной школы *).

Съ точки зрѣнія экономической образованіе народа является могущественнымъ факторомъ матеріальнаго благосостоянія общества. II-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по профессиональному и техническому образованию цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, подавляющею массою фактовъ и цифръ—доказалъ, что даже простая грамотность значительно увеличиваетъ продуктивность труда рабочихъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи, сберегаетъ траты на надзоръ за работами и уменьшаетъ убытки отъ поврежденія машинъ и орудій. Установить путемъ статистическихъ изслѣдованій эту зависимость между образованіемъ народа и національнымъ богатствомъ было большою заслугой съѣзда. Значеніе этого аргумента такъ велико, что передъ нимъ обыкновенно пасуютъ люди, руководимые самыми узкими точками зрѣнія. Передъ этимъ доводомъ отступаютъ даже мракобѣсы, для которыхъ не существуетъ никакихъ другихъ соображеній въ пользу всеобщаго начальнаго образованія и широкаго распространенія просвѣщенія среди взрослого населенія. Но, признавая всю важность подобныхъ выводовъ, надо остерегаться ставить во главу угла экономическую точку зрѣнія на народную школу. Нельзя проводить аналогіи между начальною школою и профессіями, имѣющими своею цѣлью богатство страны. Нельзя разсуждать, напримѣръ, такимъ образомъ: большинство профессій имѣетъ въ виду увеличеніе народнаго богатства или же доставленіе населенію тѣхъ или другихъ жизненныхъ удобствъ; слѣдовательно и начальный учитель долженъ ставить себѣ тѣ же задачи. Профессіи, ставящія себѣ цѣли перваго порядка, имѣютъ дѣло съ матеріалами совсѣмъ другого рода. Природа матеріала, надъ которымъ работаетъ учитель, не такова, какъ природа матеріаловъ, надъ которыми работаютъ, напримѣръ, садовникъ, земледѣлецъ, скотоводъ, пчеловодъ. Я приведу можетъ быть грубый, но, мнѣ кажется, подходящий примѣръ, если для болѣе нагляднаго выраженія, каковы должны быть цѣли народной школы, я сопоставлю съ начальнымъ учителемъ для контраста содержателя цирка или поводыря мед-

*) Докладъ, читанный въ Московскомъ Обществѣ Грамотности.

вѣдей. Поводырь дрессируетъ животное для постороннихъ цѣлей; учитель развиваетъ ребенка, развиваетъ всё его способности, развиваетъ не въ видахъ постороннихъ внѣшнихъ цѣлей, а для блага самого ученика, для общества, для народа. Содержателю цирка нѣтъ дѣла до того, какъ будетъ чувствовать себя дрессируемое имъ животное, поводырю нѣтъ дѣла до того, какъ отразится его дрессировка на природѣ медвѣдя. Ему нужна эта дрессировка не въ интересахъ медвѣдя, а въ интересахъ публики, оплачивающей его труды. Поводырь медвѣдя развиваетъ не тѣ изъ природныхъ качества животнаго, развитіе которыхъ необходимо для самого звѣря, и подавляетъ не тѣ, какія вредны для него; все это поводырь дѣлаетъ, соображаясь съ посторонними цѣлями, чтобы произвести наилучшій эффектъ въ публикѣ. Учитель имѣетъ въ виду только благо самого ребенка, требованія его природы. Но, опираясь на природныя качества ребенка, онъ развиваетъ не всё въ равной мѣрѣ. Одни изъ этихъ качествъ онъ развиваетъ болѣе, потому что ихъ развитіе требуется благомъ самого ребенка, развитіе другихъ онъ задерживаетъ, потому что они повредятъ благосостоянію воспитываемаго имъ человѣка, повредятъ обществу, народу.

Чтобы судить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ навязываніе народной школѣ внѣшнихъ, постороннихъ задачъ, мы рассмотримъ нѣсколько наиболѣе типичныхъ видовъ начальной школы. Примѣръ узкаго взгляда на народную школу представляютъ средніе вѣка. Школьное образованіе тогда цѣнилось не само по себѣ, а имѣло скорѣе профессиональный характеръ, — не развитіе умственныхъ и нравственныхъ качествъ преслѣдовало оно, а носило служебный характеръ; оно существовало для постороннихъ цѣлей, какъ теперь, напримѣръ, для другихъ цѣлей существуетъ ученичество въ мастерскихъ. Богатый матеріалъ по этому вопросу находимъ мы въ интересной книгѣ г. Сперанскаго *Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ*. «Приходскіе священники, — говоритъ Везонскій соборъ 529 г., — должны брать къ себѣ въ домъ молодыхъ учениковъ, воспитывать ихъ, чтобы приготовить себѣ изъ нихъ достойныхъ преемниковъ». «Приходскіе священники, — говоритъ Сентъ-Омерскій синодъ 1640 года, — должны заботиться о школахъ, въ которыхъ воспитываются тѣ, кому нѣкогда придется править обществомъ». Другого значенія школы, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ, средніе вѣка не знаютъ. «Священники должны часто напоминать прихожанамъ, чтобы они усердно и аккуратно посылали своихъ дѣтей въ школы, такъ какъ тотъ, кто не знаетъ грамоты, не можетъ быть допущенъ къ пользованію бенефіціями», — говоритъ уставъ Суанской епархіи отъ 1230 года, и такъ же говорятъ всѣ другія дошедшія до насъ постановленія о школахъ вплоть до XVII вѣка.

«Итакъ, общій характеръ этихъ школъ, — говоритъ г. Сперанскій *), — не оставляетъ никакого сомнѣнія. Это были мочки корней, которые католическое духовенство пустило въ самые глубокіе слои общества, извлекая

*) Сперанскій: „Очерки по исторіи нар. школъ“

оттуда соки, нужные для питанія какъ іерархіи, такъ и свѣтскаго правительства, такъ и класса служителей науки. Одни изъ ея учениковъ уходили въ большія школы, и въ этомъ случаѣ она являлась приготовительнымъ классомъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; другіе шли прямо въ священники и тогда она оказывалась нашей духовной семинаріей; третьи, выучившись въ ней писать, становились специалистами - переписчиками, и тогда ей надо искать аналогіи въ типографскомъ ученичествѣ и т. д. Однимъ словомъ, она была всѣмъ, чѣмъ угодно; однимъ только она никогда не была—и это именно народной школой».

Цѣль, какую ставили средніе вѣка народной школъ, опредѣляла и предметы обученія. Чтобы приготовить клириковъ, народная школа должна была прежде всего учить латыни. Синодика веронскаго епископа Ратерія (документъ относящійся къ половинѣ X вѣка) довольно подробно опредѣляетъ требованія отъ тогдашняго священника:

«Каждый изъ васъ,—пишетъ Ратерій,—долженъ по возможности имѣть у себя рукопись Символа Вѣры и Молитвы Господней, согласную православному преданію, и вполне ее понимать; по ней, если онъ умѣетъ, пусть онъ ревностно наставляетъ въ проповѣди ввѣренный ему народъ; если же нѣтъ, то пусть онъ, по крайней мѣрѣ, держитъ эти молитвы у себя въ голѣвѣ и вѣритъ».

«Молитвы за обѣдней надо хорошо понимать, а кто не можетъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ знать ихъ на память и отчетливо выговаривать».

«Евангеліе и Посланія надо умѣть хорошо читать, и о, еслибъ вы могли передавать, по крайней мѣрѣ, дословный ихъ смыслъ!»

«Слова псалмовъ надо знать на память и надо умѣть ихъ пѣть на обыкновенные напѣвы».

«Надо знать наизусть проповѣдь епископа Аванасія о Таинствѣ Св. Троицы, которая начинается словами: *quisinque vult* *)».

Въ полномъ согласіи съ этими требованіями каждый ребенокъ, поступившій въ школу, не зная ни одной буквы, не приступая къ азбукѣ, долженъ былъ выучить наизусть на чуждомъ ему, латинскомъ, языкѣ Отче нашъ, молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтараста псалмовъ. Что за бѣда для тогдашней школы, что латинскій языкъ былъ для ребенка мучою, что онъ не понималъ въ немъ ни единого звука, что эта учеба требовала чрезмѣрнаго напряженія памяти, что она забивала ребенка, что она была посягательствомъ на его природу, на его способности: профессиональная школа не хотѣла знать ребенка, считаться съ его естественными потребностями, силами, задатками. Ей были поставлены другія внѣшнія цѣли и ихъ только она и имѣла въ виду. Расположеніе матеріала, методы и приемы обученія—все было направлено къ тому, чтобы возможно скорѣе была достигнута главная цѣль обученія въ школъ—приготовить клирика. Я вспоминаю при этомъ свой разговоръ съ однимъ изъ началь-

*) Ibid.

никовъ учебныхъ заведеній по поводу современной школы. Когда я доказывалъ ему, что защищаемая имъ система забиваетъ дѣтей, онъ соглашался со мною, но говорилъ, что именно это-то и хорошо, что эта система забьетъ 20 человекъ, но двадцать перваго закалитъ настолько, что онъ одинъ будетъ стоять сотенъ людей средняго уровня. Приблизительно такъ же рассуждали и средневѣковые педагоги. Ихъ система могла забить десятки людей, но должна была дать известное число латинистовъ, безъ ошибокъ читающихъ богослужебныя книги.

Другая профессиональная задача, какую ставили средніе вѣка народной школѣ,—это приготовить пѣвчихъ. Гюнъ изъ Ареццо справедливо писалъ въ XI вѣкѣ, что не было въ то время глупѣе народа, чѣмъ пѣвцы. И действительно, если мы представимъ себѣ, къ чему собственно сводилось обученіе пѣнію въ то время, когда пѣвчіе пѣли, не понимая въ томъ, что они поютъ, ни единого слова и не зная нотъ. Но какое дѣло было школѣ того времени до того, что такая учеба фабриковала идиотовъ. У ней была одна цѣль—приготовить пѣвчихъ, приготовить во что бы ни стало, несмотря ни на что. Не ученикъ, не его способности и развитіе имѣлись въ виду: этого никто не требовалъ отъ школы. Имѣлась въ виду внѣшняя цѣль и на нее одну было обращено все вниманіе педагоговъ того времени. То же самое мы могли бы сказать и о приготовленіи средневѣковой школой переписчиковъ и юристовъ. И тамъ весь матеріалъ, всѣ методы и пріемы преподаванія обуславливались не законами развитія способностей учениковъ (объ этомъ ничто не заставляло ихъ думать), а лишь тою постороннею задачею, какую потребности тогдашняго времени ставили школѣ.

Словомъ, средневѣковая школа не была общеобразовательною школою. Цѣли ея были спеціальными цѣлями: это была профессиональная школа. Начальное образованіе цѣнилось не само по себѣ, а имѣло въ виду либо приготовить клириковъ, либо лицъ пригодныхъ для замѣщенія административныхъ должностей и т. п. Воспитатели и учителя сообразовались не съ природою ученика, имѣли въ виду не гармоническое развитіе его способностей, а только спеціальныя практическія цѣли, которымъ должна была удовлетворять тогдашняя народная школа. Эта школа не сама примѣнялась къ силамъ и потребностямъ дѣтей, а путемъ искусственнаго подбора, путемъ массовыхъ исключеній всѣхъ дѣтей, чьи силы не могли вынести ея требованій, она приспособляла живую среду учащихся къ своимъ узкопрактическимъ цѣлямъ. Она не хотѣла поступиться ни одною буквою своей программы, ни языкомъ обученія, ни учебникомъ, ничѣмъ, хотя тысячи фактовъ ежедневно убѣждали средневѣковыхъ педагоговъ въ томъ, что ни ихъ система, ни ихъ методы не отвѣчаютъ природѣ дѣтей, ихъ запросамъ, ихъ силамъ, ихъ способностямъ.

Но забвеніе природы ребенка истить за себя малою успѣшностью, лѣнью, отвращеніемъ къ занятіямъ. Отсюда — какъ необходимое слѣдствіе — своеобразная, единственная въ своемъ родѣ воспитательная система. Нельзя придумать ничего ужаснѣе и безчеловѣчнѣе тѣхъ пріемовъ

дисциплины и воспитанія, какія безгранично царили въ средне-вѣковой школѣ. Обращеніе плантаторовъ съ неграми — со всѣми его ужасами — ничто по сравненію съ тогдашними школьными порядками. Вотъ что было послѣдствіемъ общаго въ средніе вѣка взгляда на школу, существовавшую не въ интересахъ учащихся, не для ихъ развитія, а для достиженія узкихъ практическихъ и партійныхъ цѣлей.

«По-истинѣ къ мученикамъ должны мы приравнять дѣтей, которыя живутъ въ невинности и охотно учатся», говоритъ въ 13-мъ вѣкѣ Цезарій изъ Гейстербаха.

Съ мучениками, молитвы которыхъ особенно угодны Богу, сравниваетъ школьничковъ и Готье, авторъ одной латинской сатиры (12-й в.), откуда въ названной нами книгѣ авторъ приводитъ нѣсколько строкъ:

«Это свое произведеніе я посвящаю дѣтямъ, чтобъ они, прочтя его, своими молитвами избавили меня отъ цѣпей и дали мнѣ подняться въ обители святыхъ. Пусть оно пойдетъ въ руки начинающихъ школьничковъ, спины которыхъ сгибаютъ отъ побоевъ и нещадно изрѣзаны трехвостными плетками. Пусть читаютъ его мальчики, кожа которыхъ ежечасно бороздится розгами и ремнями. То, надъ чѣмъ я потрудился, я приношу мальчикамъ, которые еще не освободились отъ сѣченія, лица которыхъ мокры отъ слезъ и омыты рыданіями. Я пишу для мальчиговъ, веселія дѣтскія лица которыхъ искажены горемъ, скулы которыхъ дрожатъ передъ пощечинами и нѣжныя шеи трепещутъ передъ затрещинами. Склоняя передъ вами вью, я прошу васъ, нѣжные младенцы, читая эту страничку, вспоминайте о бѣдномъ Готье».

Лютера въ Монсфельдской школѣ за одно счастливое утро успѣли крѣпко высѣчь пятнадцать разъ. «Татары и мавры лучше обращаются со своими невольниками, — восклицаетъ его современникъ Рабле, — чѣмъ наши учителя со своими учениками. Будь я королемъ въ Парижѣ, я подложилъ бы огонь подъ знаменитый нашъ коллежъ и сжегъ бы тамъ и ректора, и учителей за ихъ безчеловѣчность».

Были извѣстные дни въ году, когда дѣтей сѣкли не за тѣ или другіе поступки, а всѣхъ безъ разбора, какъ бы для того, чтобы произвести общее очищеніе всѣхъ сдѣланныхъ за извѣстное время грѣховъ. Какъ непоколебима была между тогдашними педагогами вѣра въ спасительное дѣйствіе тѣлеснаго наказанія, видно изъ того, что мудрые воспитатели искренно изумлялись, если побоя не исправляли дѣтей. «Что это значитъ?—спрашивалъ Ансельма Кентерберійскаго († 1109 г.) одинъ знакомый аббатъ. — День и ночь бьютъ мы порученныхъ намъ мальчиговъ, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже, и въ концѣ концовъ изъ нихъ вырастаютъ тупоумные и порочные монахи». До чего доводили учащихся эти истязанія, видно, напримѣръ, изъ заявленія Эразма: «Сколько юношей съ прекраснѣйшими способностями, подававшихъ самую блестящую надежду, на моихъ глазахъ умерли или сошли съ ума, не выдержавъ ужасной дисциплины той знаменитой парижской школы, гдѣ я учился», жалуется Эразмъ.

Эта роль учителя-палача естественно отталкивала от педагогического поприща всякаго мягкаго, добраго человека, любящаго дѣтей, и привлекала по преимуществу людей жестокихъ. Эта звѣрская система воздѣйствія путемъ угрозъ и всевозможныхъ видовъ побоевъ то единичныхъ за вину, то массовыхъ безъ всякаго повода поселяла въ дѣтяхъ недовѣріе, подозрительность, страхъ, ненависть и злобу и къ учителямъ, и къ школь; эта система уродовала дѣтей нравственно.

Отдавая должное грубости, дикости тогдашнихъ педагоговъ, остаткамъ варварства, характеризующимъ средніе вѣка, мы не можемъ однако игнорировать, что эта система обученія и воспитанія была логическимъ выводомъ изъ взгляда на народную школу, какъ на профессиональную по своимъ задачамъ. Педагоги ставили своею цѣлью выучку тому, чего требовали отъ нихъ практическія задачи вѣка, и забывали объ ученикѣ. Приемы преподаванія, расположеніе учебнаго матеріала выводились не изъ анализа природы ученика, согласовались не со свойствами и способностями учащихся, а были результатомъ анализа (удачнаго или нѣтъ — все равно) предметовъ, какіе надо было преподавать дѣтямъ. Но анализъ предмета очень часто даетъ расположеніе матеріала обратное тому, чего требуетъ природа дѣтей, ихъ способности, ихъ интересы. Это естественное при такомъ взглядѣ на школу забвеніе природы учащихся приводитъ къ тому, что ученіе становится мукою, внушаетъ отвращеніе дѣтямъ. Отсюда — необходимость въ розгѣ и другихъ видахъ тѣлеснаго наказанія, чтобы заставить дѣтей учиться тому, что внушаетъ ужасъ въ дѣтяхъ. По мѣрѣ того, какъ дѣти привыкаютъ къ наказаніямъ, низшія степени этихъ наказаній перестаютъ дѣйствовать, наступаетъ необходимость усиливать ихъ все болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока учителя не превратятся, по вѣрному выраженію гуманистовъ эпохи возрожденія, въ разбойниковъ, мясниковъ, палачей, тирановъ. Вотъ естественный, логически-неизбѣжный результатъ навязыванья народной школь постороннихъ задачъ, забвенія природы, силъ и способностей ребенка, привычки выводить методы и приемы преподаванія не изъ анализа душевныхъ силъ ребенка, а изъ анализа предметовъ преподаванія.

Но мало-по-малу люди приходятъ къ мысли, что начальное образованіе само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ профессиональнымъ и партійнымъ цѣлямъ, имѣетъ значеніе. Для характеристики этого движенія такъ часто ссылаются на Коменскаго, Руссо и Песталоцци, что я позволю себѣ сослаться на другіе источники. Уже въ 18-мъ вѣкѣ выступаетъ за эту идею цѣлый рядъ выдающихся людей, какъ Раховъ. Къ непоколебимому убѣжденію въ томъ, что все благополучіе страны зависитъ отъ состоянія народнаго образованія, что народу необходимы хорошіе учителя, привалъ его личный опытъ. Во время голода и повальныхъ болѣзней 1771 и 1772 гг. онъ старался помогать, чѣмъ только могъ, бѣдному населенію; онъ приглашалъ врачей, раздавалъ лѣкарства, совѣтовалъ, какими мѣрами остановить распространеніе заразы. «Но гибельные предрасудки, — пишетъ самъ Раховъ, — лѣность и жалкое суевѣріе, виждь съ совершеннымъ не-

знаніемъ грамоты, дѣлали всѣ мои благія намѣренія безплодными. Поселяне брали отъ меня лѣкарства, но не принимали ихъ; имъ даже лѣнь было пройти малую милю до Бранденбурга, гдѣ жилъ врачъ, чтобы сообщать ему о ходѣ болѣзни и вообще о состояніи пациентовъ. Въмѣсто того они тайно употребляли всѣ нелѣпныя средства: бѣгали къ колдунамъ, ворожеямъ, такъ-называемымъ знахаркамъ, пастухамъ, мельникамъ и т. д., платили имъ деньги и умирали. Въ глубокомъ смиреніи, хотѣлъ бы я такими яркими, раздражающими всю душу примѣрами вложить въ самое сердце правителейъ царствъ все неизреченное, безконечно-благодатное значеніе истиннаго просвѣщенія народа посредствомъ настоящихъ училищъ! Какія великія невозвратимыя утраты поносить государственные доходы, вся производительность страны, вслѣдствіе обезлюденія земель, и сколь много выигрываютъ отъ сохраненія и благоденствія разумныхъ людей! Уже одни неисчислимыя выгоды въ финансовомъ отношеніи отъ просвѣщенія народа останавливаютъ всѣ возраженія нелѣпныхъ враговъ его. Или развѣ для успѣшности каждаго дѣла, ремесла, труда, не нужно предварительнаго сужденія и размышленія о немъ? Глупецъ-невѣжда не думаетъ ни прежде, ни послѣ; не сумѣетъ помочь себѣ, не можетъ оцѣнить полезнаго совѣта и только по этимъ причинамъ становится жертвою обстоятельствъ» *).

Раздумывая надъ причинами, создавшими такое положеніе народа, Раховъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Крестьянинъ, — пишетъ онъ, — вырастаетъ какъ животное между животными. Обученіе его ничего не производитъ добраго, путнаго; грубѣйшій механизмъ господствуетъ въ его училищахъ. Его проповѣдникъ говоритъ высокимъ, а онъ низкимъ нарѣчіемъ, и потому никакъ не можетъ понять длинныхъ періодическихъ проповѣдей: онъ не просвѣщаетъ разсудка, не согрѣваетъ сердца бѣднаго простолюдина. Никто не потрудится облагородить душу дѣтей. Учителя ихъ, по слову Христа, вожди слѣпые; и страдаетъ же все государство при такомъ состояніи народа! Всѣ заботы и улучшенія правительства находятся въ постоянной упорной борьбѣ со всеопустошающимъ и всеразрушающимъ варварствомъ отъ нелѣпаго, крайняго невѣжества. Да, отъ него государство болѣе поноситъ утратъ и глубже завертывается въ черную одежду, чѣмъ отъ самыхъ продолжительныхъ войнъ!»

Къ числу горячихъ поборниковъ той же идеи мы должны отнести, напримѣръ, Гизо. «Распространеніе начальнаго обученія есть, — говоритъ онъ, — долгъ справедливости относительно народа и необходимое условіе для развитія благосостоянія націи». «Какая первая задача государственной политики? — спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: — народное образованіе; какая вторая задача политики? — народное образованіе. Какая послѣдняя задача политики? — народное образованіе». Ему же принадлежитъ высокая честь проведенія закона 28 іюня 1833 г., обязывающаго каждую общину устроить училище.

*) Вессель: „Историческій очеркъ общеобразовательныхъ училищъ“.

Смыслъ этого могущественнаго теченія позднѣйшихъ временъ, опрокидывающаго по пути своемъ всѣ препоны, заключается въ томъ, что народное образованіе цивилизованные народы начинаютъ разсматривать не какъ средство къ достиженію тѣхъ или другихъ политическихъ, религіозныхъ, практическихъ, экономическихъ и т. п. задачъ; они приходятъ къ мысли, что развитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ народа само по себѣ представляетъ задачу такой огромной важности, что дѣло это необходимо поставить внѣ различныхъ классовыхъ и утилитарныхъ соображеній, постороннихъ и партійныхъ вліяній и выше ихъ. Школа была подчиненнымъ учрежденіемъ, а теперь она стремится стать независимой. Она была орудіемъ въ рукахъ другихъ учреждений, а теперь она сама ставитъ себѣ свои цѣли и съ этихъ школа поднимаетъ свои задачи—таково плодотворное значеніе великой идеи—до высоты, до которой едва достигали самыя пылкія мечты величайшихъ геніевъ, жившихъ въ вѣка, намъ предшествующіе. Мало этого: именно съ этихъ поръ школа, прогрессируя въ высоту, быстро распространяется и въ ширь. Раньше она была дѣломъ благотворительности; теперь—это одна изъ важнѣйшихъ обязанностей общества и государства. Начальное образованіе дѣлается всеобщимъ, общедоступнымъ, даровымъ и обязательнымъ; оно становится не только общественнымъ, но и всенароднымъ; общегосударственнымъ дѣломъ.

То самое, что мы отиѣтили въ народнообразовательномъ движеніи Западной Европы, происходило и у насъ почти на нашихъ глазахъ. Движеніе 60-хъ годовъ въ области обученія и воспитанія слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно, чтобы надо было подробно на немъ останавливаться. Достаточно только напомнить о немъ, чтобы подтвердить тотъ же самый выводъ, къ которому приходишь, изучая исторію западной школы.

Справедливо говорятъ, что новое движеніе въ школьномъ дѣлѣ началось со статьи Пирогова. Пирогова и Ушинскаго называли отцами русской педагогіи. Но смыслъ этого движенія, поднятаго Пироговымъ, и заключался именно въ томъ, чтобы общая школа не преслѣдовала никакихъ другихъ задачъ, кромѣ одной: воспитать человѣка. Кто изъ насъ не читалъ его *Вопросы жизни?* Кто не помнитъ его эпитафію? «Къ чему вы готовите вашего сына?—Быть человѣкомъ»,—отвѣчаетъ Пироговъ. Правда, ему возражаютъ, что человѣка собственно нѣтъ, что это—простое, праздное отвѣщеніе, что намъ необходимы негодянты, солдаты, мѣханики, мастера, юристы, чиновники, а не люди. Но мы помнимъ, какъ гениально разбилъ Пироговъ своихъ оппонентовъ. «Не ищи ничего въ школѣ, какъ быть человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И эта мысль стала лозунгомъ широкаго движенія въ области обученія и воспитанія.

Мы хорошо знаемъ, каковы были послѣдствія этого движенія, этого принципа. Что такое была русская школа до статьи Пирогова?—Казарня съ ея порядками, розгами, зубристикой, дрессировкой, вселявшими ужасъ въ дѣтяхъ. Чѣмъ стала школа, гдѣ руководились идеями Пирогова?—Ра-

достью дѣтей, мастерской гуманности. Прежде нужны были палки старшинъ, чтобы загонять дѣтей въ народную школу. А послѣ Пирогова и Ушинскаго школьныя стѣны не выѣщали всѣхъ дѣтей, желающихъ учиться. Дѣти шли туда не изъ-за правъ, не изъ-за выгодъ, какъ это имѣло бы мѣсто въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: народная школа не даетъ правъ. Они шли не по принужденію родителей, иногда даже препятствовавшихъ обученію дѣтей. Они шли добровольно, иногда замерзая отъ холода, питааясь черствымъ хлѣбомъ по цѣлымъ недѣлямъ. Отчего не было этого раньше? Какая чудодѣйственная сила могла въ нѣсколько лѣтъ народную школу, устроенную по типу казармы и бурсы, справедливо сравнимую нашимъ талантливымъ критикомъ съ «Мертвымъ домомъ» Достоевскаго, превратить въ любимое мѣсто для дѣтей? Это чудо сдѣлала идея о томъ, что у общеобразовательной школы не должно быть никакихъ другихъ задачъ кромѣ одной — приготовить человѣка.

И всякій разъ, когда эта мысль становится ясною среди педагоговъ и среди общества, мы можемъ констатировать и фактами, и цифрами усиленное движеніе въ пользу народного образованія, его быстрое развитіе вверхъ, но въ то же время не менѣе замѣтное распространеніе вширь; мы можемъ установить быструю перемену въ отношеніяхъ къ школѣ не только взрослого населенія, но и учащихся. И наоборотъ, каждый разъ, когда забываются эти великія слова, когда на школу начинаютъ смотрѣть какъ на орудіе къ достиженію постороннихъ цѣлей (я не одни профессиональныя знанія имѣю въ виду), школьное дѣло замираетъ, перестаетъ привлекать къ себѣ сочувствіе и со стороны общества, и со стороны народа, и, прежде всего, со стороны дѣтей. Общеобразовательную школу можно съ успѣхомъ защищать даже съ утилитарной точки зрѣнія.

Отъ правильной постановки общаго образованія выигрываетъ и промышленность, и торговля. Нигдѣ высшая школа не стояла ближе къ идеалу общеобразовательной школы, нигдѣ она такъ мало не заботилась о техническихъ и профессиональныхъ знаніяхъ, даже объ учености, какъ въ Англіи. И однако же нѣтъ народа, который бы превзошелъ англичанъ и въ дѣлѣ наукъ, и въ дѣлѣ техники, промышленности и торговли. Приготовляй человѣка, а все остальное прійдетъ само собою. Вотъ выводъ, который напрашивается при этомъ примѣрѣ. Нѣтъ такой профессіи, въ которой бы не требовалось отъ человѣка того, что ставитъ себѣ общеобразовательная народная школа. И земледѣльцу, и столяру, и сапожнику, и фабричному рабочему нужны и развитая память, и умѣнье сосредоточивать свое вниманіе на вопросахъ, какія выдвигаетъ передъ ними жизнь, и наблюдательность, и здравый, и развитой разумокъ, и свѣтлое, разумное міросозерцаніе. Жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Она двигается впередъ и видоизмѣняется, ставя передъ людьми все новыя и новыя требованія и задачи. А чтобы угадать запросы времени и умѣть отвѣтить на нихъ, для этого одного профессиональнаго или спеціальнаго образованія мало.

Но въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ намъ часто приходится встрѣчаться съ довольно распространеннымъ явленіемъ въ области обученія и воспитанія, какъ старыя, отошедшія, казалось бы, въ область преданій, мнѣнія и обычая вдругъ черезъ сто-двѣсти лѣтъ возрождаются какъ бы изъ пепла, имѣютъ временный успѣхъ, чтобы потомъ снова сойти въ могилу исторіи. Точно такъ съ 80-хъ гг. и до нашихъ дней стоитъ дѣло и съ вопросомъ объ общеобразовательномъ значеніи школы. Лѣтъ 15 тому назадъ общеобразовательная народная школа стала изображать собою крѣпость, осаждаемую со всѣхъ сторонъ. Одни хотѣли, чтобы народная школа приготавлила пахарей, другіе—огородниковъ, садоводовъ, пчеловодовъ, шелководовъ, третьи—столяровъ и сапожниковъ, четвертые—пѣвчихъ и церковныхъ чтецовъ, пятые—писцовъ и счетоводовъ и т. д. «Народная школа, какъ назначенная исключительно почти для земледѣльческаго населенія, должна быть,—говоритъ предсѣдатель одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ Курской губерніи, г. Энгельгардтъ,—сельско-хозяйственной, она обязана проводить въ народъ сельско-хозяйственныя знанія и, главнымъ образомъ, должна служить нагляднымъ примѣромъ, образцовой фермой для крестьянъ, которые такимъ образомъ могли бы убѣдиться въ полезности этого учрежденія... Надѣливъ школу землею, урожай съ которой поступали бы на пополненіе продовольственныхъ запасовъ, можно надѣяться, что школы будутъ поставлены прочно, и крестьяне не будутъ смотрѣть на нихъ какъ на лишнюю обузу». Уржумское земство (Вятской губерніи), на вопросъ о нуждахъ народнаго образованія, записываетъ свою подробную записку объ этомъ слѣдующими словами: «Наша начальная школа не даетъ никакихъ приложимыхъ къ практической жизни знаній; выходящіе изъ нея или скоро вовсе забываютъ пройденное въ школѣ, или стремятся выдти изъ своей среды. Для благосостоянія народа недостаточна одна только грамотность, а нужно, чтобы, сверхъ того, крестьянскія дѣти воспитывались прямо на трудѣ, примѣнимомъ въ ихъ жизни, т.-е. на сельскомъ хозяйствѣ, ремеслахъ, или техническихъ производствахъ».

Корреспондентъ Московскаго комитета грамотности изъ Бузулукскаго уѣзда пишетъ, что всѣ свѣдѣнія по предметамъ должны имѣть приложеніе къ жизни и дѣятельности. Чѣмъ больше ихъ знанія будутъ имѣть эти приложенія, тѣмъ больше и охотнѣе крестьяне будутъ стремиться къ обученію дѣтей, тѣмъ ревностнѣе будутъ радѣть о благоустройствѣ школъ. Обученіе дѣтей разнымъ ремесламъ, рукодѣлію, пѣнію будетъ способствовать увеличенію сочувствія къ школамъ и возвышенію въ ихъ мнѣніи значенія школъ. Цѣль образованія (пишутъ изъ Саратовской губерніи)—сдѣлать болѣе производительнымъ трудъ; наука должна облегчить борьбу съ природою, доставить возможно большее количество благъ народонаселенію при наименьшей затратѣ труда. Чтеніе и писаніе, какъ чистое искусство,—бездѣльно, ибо они принесутъ пользу только тогда, когда есть возможность читать и писать то, что благоприятствуетъ цѣли образованія; этого нѣтъ сейчасъ, и чистое искусство—неблагодарная работа. Нужно въ программу

школы ввести, кромѣ того, что преподается въ одноклассныхъ: географію, естественныя науки, исторію отечественную, знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ, но не на поляхъ, огородахъ и садахъ, а по учебникамъ».

«Желательно было бы (писать однимъ изъ корреспондентовъ Сибирской губ.) приобретеніе свѣдѣній по сельскому хозяйству».

Я привелъ здѣсь нѣсколько мнѣній за введеніе въ курсъ народной школы свѣдѣній профессиональнаго характера, но я могъ бы цитировать ихъ десятками. Всѣ помнить, какое широкое движеніе въ 80-хъ годахъ поднялъ г. Мещерскій, предлагавшій ввести въ начальныя школы практическій курсъ земледѣлія. Хорошо извѣстны цѣлыя уѣзды, гдѣ однимъ изъ главныхъ требованій къ сельской школѣ ставится огородничество. На курсахъ, устраиваемыхъ для учителей церковно-приходскихъ школъ въ текущемъ году, сельское хозяйство и другіе предметы чисто-профессиональнаго характера занимали одно изъ главныхъ мѣстъ. Хорошо извѣстенъ, наконецъ, циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, изданный всего два-три года назадъ, о томъ, чтобы директора и инспектора народныхъ училищъ въ своихъ отчетахъ по обзорнѣю учебныхъ заведеній сообщали, при какихъ училищахъ существуютъ садоводство, огородничество, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ занятій указывали причины отсутствія и излагали принятыя инспекціей мѣры по введенію этихъ занятій тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

О томъ же забвеніи основныхъ общеобразовательныхъ задачъ народной школы свидѣтельствуютъ такъ часто раздающіеся голоса за сокращеніе продолжительности курса начальной школы (у насъ теперь считается болѣе 30 тысячъ школъ, гдѣ по самому закону курсъ продолжается только 2 года), за сокращеніе программы преподаванія, за то, наконецъ, чтобы въ школахъ было обращено главное вниманіе не на умственное и нравственное развитіе ребенка, а на механизмъ чтенія и письма, на упражненія пальцевъ, глазъ, голосовыхъ связокъ.

Корреспондентъ, для котораго райономъ наблюденій служили Борзенскій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды Черниговской губерніи, сообщаетъ московскому комитету грамотности: «Какое мнѣніе у другихъ мѣстныхъ дѣятелей по краткости службы въ своемъ районѣ не знаю, но, по моему мнѣнію, народная школа болѣе не можетъ, но можетъ и должна научить грамотѣ въ предѣлахъ программы, точно определенной Положеніемъ 1874 года о народныхъ училищахъ (ст. 3), но грамотѣ прочной, не допускающей мысли о рецидивѣ безграмотности; однако, къ сожалѣнію, и эта скромная задача народной школы весьма рѣдко достигается: изъ болѣе 50 школъ, мной осмотрѣнныхъ, въ 2—3 развѣ и чтеніе, и письмо, и счетъ, и Законъ Божій въ равной мѣрѣ позволяютъ надѣяться, что грамота школы даже при неблагоприятныхъ условіяхъ не забудется окончившими школу подростками. Но это происходитъ не отъ краткости времени обученія (3-хъ лѣтній курсъ), а отъ ошибочныхъ приемовъ преподаванія, направленныхъ на умственное развитіе учащихся, безъ достаточнаго личнаго упражненія

каждаго ученика подъ руководствомъ учителя въ чтеніи, письмѣ и счетѣ; ученики больше слушаютъ лекціи учителя, чѣмъ работаютъ собственнымъ языкомъ, голосомъ, горломъ и кистью руки (въ письмѣ)».

Нѣсколько лѣтъ назадъ начальство харьковскаго учебнаго округа выработало проектъ программы для народныхъ школъ. Каковы требованія этого проекта, видно, между прочимъ, изъ того, что, по мнѣнію составителей харьковскаго проекта, «при обученіи чтенію главное вниманіе должно быть обращено на механизмъ чтенія. Стремленіе нѣкоторыхъ педагоговъ дать дѣтямъ возможно большій запасъ свѣдѣній и большее развитіе, къ сожалѣнію, сопровождалось на практикѣ тѣмъ, что ученики плохо выучивались читать. Между тѣмъ, умѣнье читать твердо и бѣгло и по выходѣ изъ школы учащихся не только спасаетъ ихъ отъ рецидивизма, но будетъ служить средствомъ и къ приобрѣтенію знаній».

Въ центральныхъ управленіяхъ народными школами тоже въ 90-хъ годахъ серьезно обсуждался проектъ о сокращеніи курса народной школы до двухъ лѣтъ. При этомъ, по мнѣнію составителей проекта, «двухлѣтная продолжительность курса совершенно достаточна для наученія тому, что требуется училищными уставомъ и положеніями, при условіи, конечно, если требованія сихъ узаконеній, т.-е. обученіе по книгамъ церковнымъ и гражданской печати и обученіе письму, а равно обученіе четыремъ дѣйствіямъ ариметики будутъ понимаемы въ прямомъ и буквальномъ ихъ смыслѣ, а не въ томъ, что будто подъ видомъ обученія чтенію и письму и по поводу ихъ можно и даже должно сообщать учащимся всевозможныя свѣдѣнія и знанія, научить ихъ подвергать читаемое всевозможнымъ разборамъ и логическому, и этимологическому, и синтаксическому, и вещественному, и орфографическому и т. д., и, наконецъ, научить учащихся писать сочиненія, а подъ видомъ и по поводу изученія первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики будто можно и должно изучать дроби и именованныя (простыя и составныя) числа и измѣреніе площади и т. д.».

Съ пережитками, идущими изъ глубины среднихъ вѣковъ, мы встречаемся не только въ дѣлѣ программъ преподаванія въ народныхъ школахъ, но, что еще важнѣе, и въ современныхъ методахъ преподаванія. На примѣрѣ средневѣковой школы легко видѣть, къ чему ведетъ обычай строить методы преподаванія на одномъ анализѣ учебнаго предмета. Къ сожалѣнію, въ послѣднія десятилѣтія мы въ нашей дидактической литературѣ встречаемся все чаще и чаще съ попытками снова воскресить схоластику среднихъ вѣковъ, обосновать и распредѣленіе учебнаго матеріала, и методы преподаванія на одномъ анализѣ учебныхъ предметовъ.

Напрасно современные, иногда очень популярныя составители учебниковъ для народныхъ школъ, предлагая тѣ же средневѣковые приемы, маскируютъ ихъ фразой: «то, что даетъ анализъ учебнаго предмета, то, самое будетъ въ пору ученику, потому что законы мышленія всеобщы». Нѣтъ, законы мышленія не настолько всеобщы, какъ думаютъ авторы современныхъ учебниковъ для народныхъ школъ. Взрослые люди, двигающіе науку,

мыслить отвлеченными понятиями, а ребенку нужны образы, формы, краски, звуки, наглядные предметы. Люди науки в совершенствѣ владѣютъ дедуктивными методами мышления, а ребенку дедукція чужда и непосильна. Эти замѣчанія одинаково относятся и къ средневѣковой школѣ, но до известной степени и къ современной школѣ. Ни для кого не тайна, что съ 80-хъ годовъ наша народная школа дѣлаетъ попытки порвать съ традиціями 60-хъ и 70-хъ гг., съ традиціями Ушинскаго, и поворачиваетъ назадъ—ко временамъ схоластики. Признаки этого движенія мы видимъ не только въ такихъ откровенныхъ требованіяхъ, какъ, напримѣръ, хорошо известное требованіе, чтобы въ воскресныхъ школахъ ограничивались механическимъ чтеніемъ и программю 28 года, или же другое, насчетъ изгнанія изъ школы «возявокъ». Мы видимъ ихъ не только въ тамбовскихъ мордобояхъ-учителяхъ, хотя всѣ эти явленія представляютъ логически-необходимое слѣдствіе забвенія главной основной и единственной задачи народной школы. Еслибы дѣло ограничивалось только такими признаками, то намъ справедливо возразили бы, что такія фразы и факты свидѣтельствуютъ лишь объ исключительной невоспитанности, грубости ихъ авторовъ и полнѣйшемъ невѣдѣніи того, что такое народная школа. Намъ справедливо указали бы, что всеобщее негодованіе, презрѣніе и смѣхъ, вызванный такими фактами, лучше всего доказываютъ, что это совершенно исключительныя явленія. Но надо бояться не того, о чемъ всѣ кричатъ. Надо бояться того, что замалчивается, какъ самое обыкновенное явленіе, съ чѣмъ всѣ свылились и противъ чего не слышно громкихъ протестовъ. Опасность гораздо болѣе серьезная начиная съ 80-хъ годовъ надвигается съ другой стороны. Учебныя книги, явившіяся на смѣну Ушинскаго,—и я постараюсь доказать это въ другой своей работѣ,—представляютъ иногда откровенный, а чаще замаскированный поворотъ къ принципамъ схоластической школы. Въ нихъ также отправною точкой служить не ученикъ съ его способностями и интересами, а только одинъ анализъ предмета. Опасность представляется еще серьезнѣе, если вспомнить, какую роль играютъ экзамены въ народной школѣ. Благодаря имъ большая часть учителей также вынуждена вести обученіе не въ интересахъ самого ученика, не въ виду всесторонняго и гармоническаго развитія его способностей, а ради достиженія чисто-внѣшнихъ, совершенно постороннихъ цѣлей. Приготовить къ экзамену—вотъ задача, которую ставятъ себѣ большая часть учителей.

Приготовленіе къ экзамену, какъ главная цѣль обученія въ народной школѣ, анализъ учебнаго предмета, какъ единственный критерій при распредѣленіи матеріала и при выборѣ методовъ и приемовъ преподаванія, требованіе, чтобы въ школѣ обращалось вниманіе не на умственное развитіе ученика, а на работу голоса, горла, кисти руки,—навязываніе народной школѣ профессиональныхъ задачъ, попытки сократить до 2 лѣтъ и безъ того незначительный курсъ современной народной школы,—все это явленія одного и того же порядка и какъ заключительный шутовской актъ этого попятнаго движенія, какъ грязный хвостъ его,—требованія механи-

ческаго чтенія, программа 28 года въ воскресныхъ школахъ, изгнаніе изъ начальной школы глобуса и «козявокъ» и тамбовскія избіенія дѣтей. Всѣ эти явленія возможны только при полномъ непониманіи того, что умственное и нравственное развитіе народа не средство къ достиженію какихъ-либо другихъ постороннихъ цѣлей, а само по себѣ представляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени, что начальная школа должна сама ставить себѣ задачи, что она не орудіе въ рукахъ тѣхъ или другихъ группъ для достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, а самостоятельное, независимое отъ постороннихъ соображеній, учрежденіе. Еслибъ эта мысль проникла во всѣ слои русскаго общества и прежде всего въ педагогическую профессію, то при выборѣ матеріаловъ для преподаванія руководились бы не тѣмъ, какіе изъ этихъ матеріаловъ нужны земледѣльцу, ремесленнику, плательщику податей, солдату, купцу и т. п., или же требуются какими-либо другими соображеніями, а только тѣмъ, какіе матеріалы лучше всего содѣйствуютъ умственному и нравственному развитію ребенка. Тогда бы расположеніе этого матеріала по годамъ обученія, методы и приемы преподаванія выводились не изъ анализа предметовъ, поставленныхъ въ программахъ, а изъ анализа природы ребенка, его способностей, наклонностей, интересовъ. Тогда бы школа, отдавая должное развитію глаза и кисти руки, обратила бы самое главное вниманіе на знанія и упражненія, развивающія мыслительныя способности ребенка. Тогда бы открытіе новыхъ школъ мотивировалось не тѣмъ только, что крестьянину надо уметь написать и прочесть письмо, расписку, повѣстку и т. д., а тѣмъ, главнымъ образомъ, что и крестьянину, и мѣщанину, какъ и всякому другому человѣку, прежде всего необходимо умственное и нравственное развитіе, — безусловно необходимо не только потому, что оно лучше поможетъ каждому выполнить всѣ его и общественныя, и семейныя обязанности, поможетъ лучше устроить свою личную жизнь, но необходимо само по себѣ, какъ цѣль, къ которой мы должны стремиться. Тогда начальная школа, поднявшись на высоту, какой до сихъ поръ она у насъ еще никогда не достигала, въ то же время получила бы болѣе быстрое распространеніе, потому что чѣмъ выше ея цѣли, чѣмъ шире ея значеніе, чѣмъ возвышеннѣе осуществляемые ею стремленія, тѣмъ сильнѣе все это импонируетъ на мнѣнія людей, будитъ общественную и частную инициативу, возбуждаетъ энергію въ общественныхъ дѣятеляхъ.

Я не принадлежу къ числу противниковъ профессиональнаго образованія народа. Напротивъ, тамъ, гдѣ и до сихъ поръ царитъ трехпольная система сѣвооборота, соха и деревянная борона, гдѣ не знаютъ употребленія молотилки, сѣялки и льбомялки, гдѣ кустарные промыслы такъ не развиты, гдѣ фабричныя продукты такъ дороги и такъ плохи, гдѣ люди и не подозреваютъ о массѣ удобствъ, которыя даетъ современная техника, гдѣ трудъ рабочаго такъ мало продуктивенъ, — тамъ профессиональное образованіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ даннаго времени. Но есть возможность и время и для общаго образованія и для распростра-

ненія профессиональныхъ знаній въ народѣ. Общее образованіе не исключаетъ, а напротивъ помогаетъ профессиональному. Для профессиональнаго образованія должна быть своя система учебныхъ заведеній, согласованная съ системою общеобразовательныхъ школъ. Прекрасную работу въ этомъ направленіи представляетъ докладъ профессора Стебута въ IX секціи II съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Если бы представить защищаемую г. Стебутомъ идеальную схему учебныхъ заведеній въ видѣ чертежа, то мы имѣли бы на одной сторонѣ всѣ ступени общеобразовательной школы, а параллельно съ ними тѣ же ступени профессиональныхъ школъ. Изъ каждой общеобразовательной школы, по ея окончанію, слѣдовало бы дать безпрепятственный ходъ безъ вступительныхъ экзаменовъ въ соответствующую техническую или специальную и высшую общеобразовательную школы. Изъ каждой профессиональной школы должна быть точно также открыта, казалось бы, дорога въ высшую профессиональную школу.

Каждый человѣкъ долженъ получить общее образованіе, чтобы стать человѣкомъ въ высокомъ смыслѣ этого слова; но каждый въ это же время и долженъ избрать для себя какую-нибудь профессію и, стало-быть, получить профессиональное образованіе. Профессиональныя званія, кромѣ сѣти профессиональныхъ учебныхъ заведеній могутъ быть и должны быть распространяемы путемъ устройства народныхъ библиотекъ, путемъ передвижныхъ и специальныхъ курсовъ, читаемыхъ агрономами и техниками для народа, путемъ воскресныхъ школъ и повторительныхъ классовъ, путемъ музеевъ и опытныхъ полей. Но по какому-то странному недоразумѣнію, тѣ самые органы печати, гдѣ всего чаще встрѣчались нападенія на общеобразовательный характеръ народной школы и гдѣ громче всѣхъ раздавались требованія превратить начальную школу въ профессиональное учебное заведеніе,—съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла отстаиваютъ затрудненія, встрѣчающіяся при устройствѣ народныхъ чтеній, бесплатныхъ библиотекъ и воскресныхъ школъ. А между тѣмъ всѣ подобныя учрежденія, не забывая образовательныхъ цѣлей, могли бы оказать огромную, незамѣнимую услугу въ дѣлѣ распространенія профессиональныхъ и техническихъ знаній въ народѣ, какъ это уже и теперь доказано сотнями неоспоримыхъ фактовъ и десятками компетентныхъ свидѣтельствъ.

У начальной школы и безъ того такъ много важныхъ задачъ, что она никакъ не можетъ брать на себя осуществленіе цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ ея основными требованіями. Но школа путемъ чтенія въ классѣ подходящихъ статей, руководясь исключительно общеобразовательными цѣлями, сообщаетъ дѣтямъ нѣкоторыя свѣдѣнія по естественной исторіи, по физикѣ и гигиенѣ, и они пригодятся крестьянамъ для пониманія книгъ и по сельскому хозяйству, и по скотоводству и т. п. На урокахъ ариметики учитель въ тѣхъ же видахъ общаго образованія сообщаетъ ученикамъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ измѣреніи поверхностей и это можетъ пригодиться крестьянамъ при землѣмѣрїи. Наконецъ, школа, нисколько не посту-

паясь общеобразовательными цѣлями, можетъ брать подходящій матеріалъ, напримѣръ, для ариметическихъ задачъ, изъ трудовой крестьянской жизни.

Начальная школа занимаетъ совершенно особое мѣсто въ ряду другихъ учебныхъ заведеній. Если профессиональная школа имѣетъ въ виду снабдить учениковъ знаніями, необходимыми въ практической жизни, если общая школа на высшихъ своихъ ступеняхъ стремится удовлетворить свободному безкорыстному стремленію человѣка къ знанію, если профессиональная школа стремится развить до возможно высокой степени известныя одностороннія способности съ тѣмъ, чтобы каждый возможно дальше проникъ въ глубь изучаемаго имъ предмета, если общее образованіе на высшихъ ступеняхъ стремится развить всѣ способности, чтобы каждый возможно шире охватилъ всю сумму человѣческихъ знаній, стремится соединить въ одно гармоническое, неразрывное цѣлое всѣ отдѣльныя профессіи, всѣ отдѣльные роды жизненныхъ занятій; если профессиональное образованіе дѣлаетъ человѣка слишкомъ узкимъ, а общее безличнымъ, то начальное образованіе избавлено отъ этихъ крайностей. Оно служитъ фундаментомъ одинаково и для того, и для другого. Оно даетъ ученику доступъ и къ воспріятію профессиональныхъ знаній, какія хранятся въ популярной технической литературѣ, какія сообщаются въ профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какія могутъ быть пріобрѣтены путемъ опыта и наблюденій. Но оно въ то же время дѣлаетъ доступнымъ для человѣка общую популярную литературу, которая въ нашъ вѣкъ широкаго и все расширяющагося развитія книжнаго производства, конечно, дѣлаетъ для общаго развитія гораздо больше, чѣмъ какія бы ни было учебныя заведенія.

Этихъ задачъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы не задаваться никакими другими посторонними цѣлями. Мы видѣли уже на примѣрѣ среднихъ вѣковъ, что бываетъ, когда общеобразовательное учебное заведеніе превращаютъ въ профессиональное, какое развивается тогда отношеніе къ самому ученику, къ его природѣ, къ его личности.

Начальная школа—это общеобразовательное учебное заведеніе; оно не имѣетъ другой цѣли, кромѣ цѣлесообразнаго, полнаго, гармоническаго развитія всѣхъ способностей, таящихся въ зародышѣ въ душѣ ребенка. Станетъ онъ взрослымъ, выберетъ себѣ известную профессію, и тогда сама жизнь постарается нарушить равновѣсіе, въ какомъ воспитывала его способности школа; сама жизнь и сама профессія будутъ усиленно культивировать тѣ изъ его способностей, какія нужны для той или другой специальности. Но и тогда даже въ профессиональномъ смыслѣ въ тысячу разъ лучше для человѣка, если ему на помощь придутъ и другія способности, кромѣ тѣхъ, на какія опирается его профессія. И тогда въ высшей степени важно для человѣка, специализовавшагося на какой-нибудь одной профессіи, если онъ будетъ въ состояніи взглянуть на свое дѣло не съ одной узкой точки зрѣнія специалиста, а еще съ другой—общечеловѣческой. Да и можно ли сказать навѣрное, чѣмъ со временемъ станетъ ребенокъ, котораго мы учимъ, какія изъ его способностей понадобятся

ему болѣе, нежели другія. Народная школа служить не для того, чтобъ учить знаніямъ, нужнымъ для какого-нибудь ремесла или профессіи. Знаніямъ этого рода ученикъ станетъ обучаться уже по окончаніи курса народной школы и внѣ ея. Правда, обученіе въ народной школѣ дѣлаетъ крестьянина лучшимъ земледѣльцемъ, а горожанина лучшимъ ремесленникомъ, но школа можетъ достигнуть этого результата не тѣмъ, что станетъ обучать перваго огородничеству или садоводству, а втораго—столярному или слесарному ремеслу, а лишь тѣмъ, что дастъ тому и другому известное умственное развитіе и известныя навыки. Общее образованіе дѣлаетъ еще больше. Отъ того, каково это образованіе, прежде всего зависитъ, какое употребленіе сдѣлаетъ ученикъ изъ профессиональныхъ знаній, приобрѣтенныхъ по выходѣ изъ школы, будетъ ли онъ добросовѣстнымъ ремесленникомъ или будетъ злоупотреблять своимъ ремесломъ. Каждый человѣкъ, прежде всего человѣкъ, а потомъ уже земледѣлецъ, ремесленникъ, солдатъ, и потому первое, на что надо обратить вниманіе, главная задача народной школы, это—приготовить человѣка, и эта задача общеобразовательной школы вообще и начальной въ частности. И никакой другой задачи у начальной школы нѣтъ и быть не должно.

Школа должна готовить къ самообразованію и расширять кругозоръ—это въ отношеніи умственномъ, снабдить въ предѣлахъ возможности умъ великодушными идеями и образами, развить по возможности общественныя чувства и совѣсть и чувство долга—это въ отношеніи нравственности, сохранить здоровье—это въ отношеніи физическомъ. И эти важныя цѣли забываютъ тѣ, кто хочетъ навязать начальной школѣ постороннія задачи, носить ли онѣ техническій, сельско-хозяйственный или какой бы то ни было другой характеръ.

Чтобъ освѣтить вопросъ о программахъ народной школы со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, я разработалъ матеріалы, касающіеся этого вопроса, собранные московскимъ комитетомъ грамотности. Здѣсь я ограничусь общимъ выводомъ, къ какому привела меня разработка этого матеріала.

Изъ обзора отвѣтовъ о программахъ народныхъ школъ видно, во-первыхъ, что огромное большинство корреспондентовъ высказалось за общеобразовательный характеръ народной школы, за умственное и нравственное развитіе ученика, за развитіе въ нихъ любви къ чтенію, за подготовку ихъ къ самообразованію, для сообщенія имъ возможнаго, при существующей краткости курса народныхъ школъ, количества знаній изъ исторіи, географіи и естествознанія, за увеличеніе или, по крайней мѣрѣ, за сохраненіе нынѣшней продолжительности курса народной школы; во-вторыхъ, что эти требованія представлены намъ гораздо болѣе обоснованными, подтверждаемыми и рядомъ солидныхъ соображеній, и рядомъ наблюденій, выхваченныхъ изъ самой жизни, тогда какъ доводы противниковъ поверхностны и слабы.

Эти матеріалы, правда, еще не вполне мною разработанные, приводятъ меня къ убѣжденію въ томъ, что въ нашемъ обществѣ и прежде

всего въ лучшихъ, наиболѣ развитыхъ и ближе стоящихъ къ народу людяхъ начался поворотъ отъ схоластики и профессионализма, начавшихъ было дѣлать завоеванія въ народной школѣ въ 80-хъ годахъ, опять къ идеаламъ Коменскаго, Песталоцци, Пирогова и Ушинскаго, отъ зубристики и безсмыслия къ развитію и сознанію, отъ казарменной дисциплины былыхъ временъ къ добрымъ, семейнымъ, полнымъ взаимнаго довѣрія отношеніямъ между учащими и учащимися безъ тѣни чего-либо давящаго, устрашающаго ученика.

И давно пора бы начаться этому движенію: ужъ слишкомъ нагло выступаютъ на сцену мордобои-учителя, слишкомъ нахально раздаются требованія за возвращеніе къ порядкамъ 1828 года, съ ихъ зубристикою, буквоѣдствомъ и казарменною дисциплиною.

Но у возрождающагося прогрессивнаго движенія не мало враговъ. И оно нуждается въ энергичной, искренней и всесторонней поддержкѣ и литературы, и общественныхъ организацій, вродѣ комитетовъ грамотности, комиссій по техническому образованію, и учителей, и земцевъ, и всего лучшаго русскаго общества.

В. Вахтеровъ.

Въ Московскомъ Обществѣ грамотности.

16 истекшаго октября состоялось первое послѣ лѣтнихъ каникулъ чрезвычайное общее собраніе членовъ Московскаго Общества Грамотности, посвященное слушанію докладовъ и текущимъ дѣламъ Общества *).

Первымъ шелъ докладъ дѣйствительнаго члена В. К. Ермакова: *Памяти О. И. Буслаева*. Отмѣтивъ въ началѣ своего интереснаго сообщенія заслуги покойнаго академика по изслѣдованію народной словесности, докладчикъ остановился на выясненіи того значенія, какое имѣли эти изслѣдованія въ дѣлѣ изученія народнаго міросозерцанія, что, въ свою очередь, будило интересъ и вызывало сочувствіе со стороны образованнаго класса общества къ темному и еще закрѣпощенному тогда народу. «Указавъ съ безпощадною строгостью и правдивостью вѣковую вину высшихъ классовъ общества передъ народомъ, который былъ беспомощенъ и одинокъ въ своей духовной нищетѣ и страстной жаждѣ истины, Буслаевъ,—говоритъ докладчикъ,—тѣмъ самымъ не мало способствовалъ къ пробужденію совѣсти въ образованномъ человѣкѣ, ясному сознанію своего долга передъ нимъ и, прежде всего, сознанію глубочайшей, настоятельной необходимости просвѣтить этотъ умный и добрый народъ, дѣлясь съ нимъ плодами нашей мысли и знанія, чтобы тѣмъ самымъ приобщить его къ той цивилизаціи, которою столь эгоистически пользовались мы на его счетъ въ теченіе столь долгаго времени». Вліяніе Буслаева на русское общество было тѣмъ сильнѣе, что онъ не принадлежалъ къ типу кабинетныхъ ученыхъ, скрывающихъ свои знанія отъ «толпы непосвященныхъ»: въ его лицѣ счастливо соединились ученый и гражданинъ, съ горячею любовью и живѣйшимъ интересомъ относящійся ко всему, въ чемъ проявлялась душа русскаго человѣка, въ чемъ сказывались его силы и таланты, его мысль и сердце». Переходя затѣмъ къ заслугамъ Буслаева въ дѣлѣ народнаго образованія, докладчикъ совершенно справедливо говоритъ: «Горько сознаться, а между

*) Ко дню засѣданія составъ Общества представлялся въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ членовъ 240, изъ нихъ почетныхъ—4, пожизненныхъ—31, дѣйствительныхъ—196 и сотрудниковъ—9.

тѣмъ это истинная правда, что русское общество и русская педагогическая среда забыли объ одной огромной исторической заслугѣ Ѳ. И. передъ народнымъ образованіемъ. Мы привыкли думать, что все хорошее, что было сказано и сдѣлано по отношенію къ нашему начальному образованію, относится къ недавнему сравнительно времени, къ 60-мъ годамъ. Отцомъ начального образованія принято считать Ушинскаго. Вспомнимъ же хотя теперь, слѣдуя пословицѣ: «лучше поздно, чѣмъ никогда», что еще болѣе полувѣка тому назадъ, въ 42 году, Буслаевымъ было составлено, по порученію графа Строганова, «Руководство къ первоначальному чтенію *по звуковой методѣ*». Этого мало. Исслѣдованія показали, что Буслаевъ же явился у насъ родоначальникомъ и другого еще болѣе важнаго, самаго существеннаго предмета начального образованія—объяснительнаго чтенія, методику котораго, какъ видно изъ его книги «*О преподаваніи отечественнаго языка*», онъ первый установилъ на тѣхъ неизбѣжныхъ началахъ, на которыхъ она покоится и до сихъ поръ. Интересенъ взглядъ Буслаева на школьную грамматику. Ему дикимъ казалось засаживать ребенка, едва научившагося машинальному чтенію, за мучительнѣйшую для него схоластику, именуемую у насъ школьной грамматикой,—предметъ въ высокой степени отвлеченный и доступный для пониманія ума болѣе подготовленнаго къ серьезной дисциплинѣ. Таково мнѣніе чловѣка, обладавшаго «обширнѣйшей педагогической и философской эрудиціей». Къ сожалѣнію, наши руководители народного образованія и до сихъ поръ держатся противоположнаго взгляда на этотъ предметъ, иначе «они не терзали бы пытливыхъ юныхъ головки безвѣчныхъ, докучными грамматическими упражненіями и диктантами, которые въ значительной степени уменьшаютъ ту пользу, которую могла бы приносить народная школа, еслибъ эти схоластическія пути не связывали ея руки въ конецъ». Остановливаясь далѣе на характеристикѣ личности покойнаго академика со стороны его необыкновенной добросовѣстности и трудолюбія въ изысканіи научныхъ истинъ и проведеніи ихъ въ жизнь, г. Ермиловъ не безъ основанія замѣчаетъ, что плодотворность трудовъ покойнаго Буслаева находитъ себѣ объясненіе также и въ томъ подъемѣ русскаго общественнаго самосознанія, которымъ характеризуется эпоха 60-хъ годовъ. «Какъ бы ни былъ извѣстный дѣятель самъ по себѣ талантливъ и отзывчивъ на все хорошее, его дѣятельность только тогда приметъ надлежащія, соответствующія его силамъ, размѣры, когда онъ найдетъ въ окружающихъ его условіяхъ жизни благоприятную для себя обстановку. Время подъема всѣхъ силъ нашего общества, эпоха реформъ, вызвала и въ нашемъ ученомъ высшій подъемъ духа, ознаменовавшійся въ дѣломъ рядъ самыхъ цѣнныхъ, капитальнѣйшихъ его работъ. Видя кругомъ себя включомъ кипящую общественную жизнь, такой живой и чуткій чловѣкъ, какъ Буслаевъ, не могъ не отозваться на живые вопросы времени, не могъ не присоединить къ общей работѣ и своего авторитетнаго, сочувствующаго голоса отъ имени своей науки». «Но еще болѣе большая заслуга Буслаева въ томъ, что онъ не переставалъ прислушиваться къ голосу времени, къ мите-

ресамъ окружающей умственной жизни, даже и тогда, когда наша общественная жизнь въ значительной степени затихла и мало способствовала пробужденію энергіи въ комъ бы то ни было». И въ это время Буслаевъ оставался вѣренъ и правдѣ, и наукѣ и никогда не отдѣлялъ одной отъ другой. Въ этомъ заключается его право на долгую память и благодарность потомства и на высокую заслуженную имъ славу великаго ученаго, образцоваго педагога, неподкупно-честнаго сына своей родины и друга своего народа.

По выслушаніи доклада г. Ермилова, по предложенію г. предѣдателя, собраніе почтило память Ѳ. И. Буслаева вставаніемъ и единогласно постановило поручить правленію представить свои соображенія объ увѣковѣченіи памяти Ѳ. И. Буслаева или назначеніемъ премии за книжку для народа изъ области знанія, которой Ѳ. И. посвящалъ свои силы, или устройствомъ народной бібліотеки его имени.

Далѣе слѣдовали доклады: Н. В. Тулупова: *Положеніе учителей народныхъ училищъ въ Казанской губерніи* и В. А. Гольцева: *По разработкѣ вопроса о положеніи учащихся въ народныхъ школахъ по сѣвѣніямъ, полученнымъ бывшимъ комитетомъ грамотности*. Оба доклада вызвали оживленный обменъ мнѣній. Въ заключеніе преній, въ которыхъ принимали участіе В. В. Быховскій, В. А. Гольцевъ, С. Г. Смирновъ, В. А. Федотовъ и В. Е. Ермиловъ, собраніе постановило просить комиссію объ учителяхъ, по окончаніи разработки собраннаго ею матеріала о положеніи учащихся въ народныхъ школахъ по всѣмъ губерніямъ, приступить къ выработкѣ мѣръ, которыя необходимо принять для удовлетворенія насущныхъ потребностей учителей народныхъ училищъ и выяснить, съ какими ходатайствами общество могло бы обратиться въ подлежащія сферы для улучшенія быта народныхъ учителей; вмѣстѣ съ тѣмъ просить комиссію теперь же обратиться къ обществу съ приглашеніемъ сдѣлать пожертвованія книгами и періодическими изданіями, которыя потомъ и разсылать какъ по учительскимъ бібліотекамъ, такъ и по отдѣльнымъ учителямъ, нуждающимся въ матеріалѣ для чтенія *).

Послѣ непродолжительнаго перерыва секретаремъ былъ прочитанъ докладъ правленія объ экспонатахъ бывшаго комитета грамотности для нижегородской выставки. Интересна исторія этого вопроса. Въ годичномъ засѣданіи общества, 30 апрѣля сего года, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ о судьбѣ экспонатовъ московскаго комитета грамотности, бывшихъ на Всероссийской Нижегородской выставкѣ 1896 года. Экспонаты эти, по словамъ заявлявшаго члена (нынѣ оставившаго общество), безъ всякой на нихъ помѣтки, указывающей на принадлежность ихъ комитету, были выставлены въ отдѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія; до сихъ поръ они не возвращены по принадлежности, и никому

* Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи бібліотеки Общества (уголъ Тверской и Охотного ряда, д. Комиссарова).

неизвестно, гдѣ они находятся въ настоящее время. Вслѣдствіе означеннаго заявленія, общимъ собраніемъ было постановлено поручить правленію выяснитъ черезъ сношеніе съ министерствомъ, почему означенные экспонаты не возвращены обществу, и на какихъ условіяхъ они были переданы. Приступая къ исполненію этого постановленія общаго собранія, правленіе прежде всего рѣшило выяснитъ вопросъ о томъ, кому изъ членовъ бывшаго совѣта было поручено устройство экспонатовъ на Нижегородской выставкѣ. По справкамъ, сдѣланнымъ въ журнальныхъ постановленіяхъ совѣта, оказалось, что завѣдываніе перевозкой экспонатовъ и устройство ихъ на выставкѣ было поручено бывшему секретарю комитета грамотности И. Н. Сахарову (нынѣ выбывшему изъ состава общества), въ распоряженіе котораго была ассигнована сумма въ размѣръ 200 р. Правленіе, убѣдившись, такимъ образомъ, что отвѣтственность за судьбу экспонатовъ лежитъ на И. Н. Сахаровѣ, рѣшило довести объ этомъ до свѣдѣнія общаго собранія, прося послѣднее рѣшить, слѣдуетъ ли для отысканія экспонатовъ входить въ сношеніе съ министерствомъ.

Въ виду того, что И. Н. Сахаровъ, какъ это видно изъ доклада правленія, не только не указалъ, гдѣ находятся въ настоящее время экспонаты комитета, но и сложилъ съ себя всякую отвѣтственность за ихъ судьбу, утверждая, что устройство экспонатовъ взялъ на себя членъ правленія В. П. Вахтеровъ (что, между прочимъ, не подтвердилось никакими журнальными постановленіями), собраніе единогласно постановило обратиться къ завѣдывавшему XIX отдѣломъ выставки Е. П. Ковалевскому съ просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ разъяснитъ, гдѣ находятся экспонаты бывшаго комитета грамотности. Что всего любопытнѣе во всей этой исторіи, такъ это то, что вопросъ о судьбѣ экспонатовъ былъ поднятъ группою членовъ общества, оставившихъ послѣднее изъ - за разногласія съ остальными членами.

Остальная часть засѣданія была посвящена текущимъ дѣламъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ объ изданіи на средства общества брошюры: *О нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ и о мѣрахъ, которыми населеніе старается облегчить дѣтямъ, отдаленныхъ отъ школы мѣстностей, пользование училищами.*

Брошюра эта представляетъ сводку матеріаловъ, поступившихъ въ комиссію по всеобщему обученію бывшаго московскаго комитета и касается вопроса о желательномъ школьномъ районѣ и о мѣрахъ, проектируемыхъ въ видахъ облегченія дѣтямъ отдаленныхъ отъ школы селеній пользоваться училищемъ. Изданіе ея представляется весьма желательнымъ въ настоящее время, когда во многихъ земствахъ вопросъ о всеобщемъ обученіи начинаетъ получать практическое осуществленіе. При составленіи школьной сѣти, какъ извѣстно, мало знать только число дѣтей школьнаго возраста и нормальное число дѣтей на одну школу или на одного учителя, необходимо также принять въ расчетъ и географическія условія мѣстности, необходимо опредѣлитъ школьный районъ и условія, при наличности кото-

рыхъ тотъ или другой районъ дѣлаетъ школу доступною всему населенію. Названная брошюра представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ разработки матеріаловъ по данному вопросу, касающихся различныхъ мѣстностей Россіи. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь тѣ выводы, къ которымъ приходятъ составители брошюры, на основаніи фактовъ и мнѣній, въ ней приведенныхъ.

«Большія школьныя разстоянія сокращаютъ количество учащихся, а особенно количество учащихся дѣвочекъ.

«Отдаленность школы вынуждаетъ населеніе къ большимъ расходамъ; поэтому дѣтямъ бѣдныхъ родителей меньше возможности поступать въ отдаленную школу.

«Большія школьныя разстоянія вынуждаютъ къ большей тратѣ времени на переходы и къ большей затратѣ неокрѣпшихъ дѣтскихъ силъ; въ дурную погоду нарушается правильнѣйшій ходъ учебныхъ занятій. Отдаленность школы—одна изъ причинъ преждевременнаго оставленія школы.

«Наконецъ, населеніе, не имѣющее вблизи себя школы, гораздо позднѣе начинаетъ отдавать своихъ дѣтей въ школу, чѣмъ при школѣ, находящейся или въ самомъ селеніи, или не вдалекѣ.

«Что касается отвѣтовъ о желательномъ разстояніи, то взглядъ на трехверстное разстояніе, какъ вполне достаточное, т.-е. не ведущее къ сокращенію числа учащихся изъ дѣтей школьнаго возраста и не вызывающее никакихъ неправильностей въ ходѣ учебнаго дѣла, нельзя считать вполне обоснованнымъ. Значительное количество отвѣтовъ говоритъ за разстояніе меньшее трехъ верстъ, а разсужденія и факты, приводимые отвѣтами этой категоріи, убѣждаютъ въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ школьный районъ долженъ быть меньше трехверстнаго. Вообще же трехверстную норму можно разсматривать лишь какъ уступку существующимъ условіямъ народнаго образованія.

«Что касается способовъ, облегчающихъ пользованіе отдаленною школой, то на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ на палліативы, требующіе нерѣдко большихъ затратъ, но все же не замѣняющіе собой устроенной вблизи и правильно организованной школы.

«Въ тѣхъ же малонаселенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ для таковой школы не найдется достаточнаго количества учениковъ, слѣдуетъ открывать школы грамоты, находящіяся подъ наблюденіемъ и руководствомъ учителя ближайшей земской школы, въ которую могли бы переходить ученики по окончаніи курса въ школѣ грамоты. Система большихъ училищъ, хотя бы и снабженныхъ ночлежными пріютами, нежелательна, потому что ночлежные пріюты могутъ выѣстить далеко не всѣхъ нуждающихся въ пріютѣ, что заставляетъ большинство подвергаться всѣмъ, указаннымъ выше, невыгоднымъ слѣдствіямъ отдаленности школы.

«Желательна организація школьныхъ столовыхъ, снабжающихъ учащихся горячею пищею. Необходимость этого признана населеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

«Желательна организациа школьных попечительствъ, снабжающихъ дѣтей бѣдныхъ родителей или сиротъ всѣми необходимыми средствами для посѣщенія школы. Только при наличности указанныхъ условій школа будетъ доступна для всѣхъ слоевъ населенія; въ ней найдется мѣсто для дѣтей бѣднака безлошаднаго или безземельнаго крестьянина, для сиротъ.

«Наконецъ, при такихъ условіяхъ въ ней гораздо больше будетъ учиться дѣвочекъ.

«Только при такихъ условіяхъ школа будетъ всеобщей, и будетъ достигнута возможность для всеобщаго обученія».

Собраніе единогласно постановило издать означенную брошюру на средства общества. Единогласно также принято предложеніе правленія о переизданіи обществомъ слѣдующихъ книжекъ для народнаго чтенія, изданныхъ ранѣе бывшимъ комитетомъ грамотности: 1) «Александръ II, Царь-Освободитель», 2) «Полное житіе Θεодосія Печерскаго» и 3) «Избранныя сочиненія Лермонтова». Слѣдующія три книжки постановлено издать вновь: 1) «Добрые люди древней Руси» В. Ключевскаго, 2) «Святою ночью» А. П. Чехова и 3) «Мечты» его же.

Секретаремъ доложенъ списокъ пожертвованій, поступившихъ въ общество съ 14 мая по 15 октября 1897 года: 1) отъ пожизненнаго члена общества Б. Т. Солдатенкова 80 томовъ издаваемой имъ библіотеки экономистовъ, на сумму 80 руб.; 2) отъ пожизнен. чл. общ. В. М. Лаврова 100 экзempl. романа Сенкевича «Камо грядеши», на сумму 150 руб.; 3) отъ действит. чл. А. П. Чехова 50 томовъ его сочиненій, на сумму 50 р.; 4) отъ д. ч. И. Д. Сытина—предложеніе бесплатно печатать въ его типографіи бланки, отчеты и списки, необходимые для общества 5) отъ редакціи *Дѣтскаго Чтенія* изданныхъ ею книгъ на сумму 457 р. 15 коп.; 6) отъ д. ч. А. П. Чехова — право на изданіе двухъ его рассказовъ; 7) отъ В. Г. Короленка — право на изданіе его рассказа «На закатѣ»; 8) отъ В. Д. Карчагина—5 экз. изданной имъ книги кн. А. В. Шаховскаго: «Два похода за Балканы». Съ театра войны 1877—78 гг. Изд. 2-е. Цѣна 2 руб., на сумму 10 руб.; 9) черезъ контору редакціи *Русскихъ Вѣдомостей*—7 р. 50 коп. на сельскія библіотеки; 10) д. ч. М. Г. Комисаровъ предоставилъ бесплатное помѣщеніе для библіотеки и склада общества въ своемъ домѣ, находящемся на Тверской улицѣ, близъ Охотнаго ряда; 11) отъ издателя *Дѣтскаго Отдыха* А. И. Мамонтова — разныхъ изданій на сумму 200 руб.; 12) отъ г-жи Бабушкиной—30 руб. на сельскія библіотеки. Собраніе единогласно постановило благодарить жертвователей.

Притокъ пожертвованій въ общество деньгами и книгами является въ настоящее время не только желательнымъ, но и крайне необходимымъ въ виду значительнаго количества просьбъ, поступившихъ и продолжающихся поступать въ общество о бесплатной высылкѣ школьныхъ и народныхъ библіотекъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ серьезнаго вниманія данныя о числѣ неудовлетворенныхъ просьбъ, представленныхъ собранію завѣдывающимъ

сношеніями по дѣламъ библіотечной комиссіи С. Г. Смирновымъ. Всего не удовлетворенныхъ просьбъ до настоящаго времени насчитывается 809, изъ нихъ 382—на школьныя библіотеки и 427—на народныя. Въ виду того, что многія просьбы о библіотекахъ идутъ отъ земствъ, училищныхъ совѣтовъ и другихъ учрежденій, высказывающихъ желаніе получить библіотеки для нѣсколькихъ школъ или селеній, число библіотекъ, подлежащихъ высылкѣ, доходитъ до 1,000—школьныхъ и 500—народныхъ.

Нужно надѣяться, что русское общество, всегда чуткое и отзывчивое на нужды народныя, и на этотъ разъ не останется глухо и отглызнется пожертвованіемъ необходимыхъ средствъ на удовлетвореніе столь значительныхъ просьбъ о высылкѣ книгъ въ глухую русскую деревню.

Въ заключеніе упомянемъ о благодарности, полученной Обществомъ Грамотности отъ XXXIII очереднаго епифанскаго уѣзднаго земскаго собранія за высланныя обществомъ библіотеки и книги для продажи изъ земскаго книжнаго склада.

Р. С. Настоящая замѣтка была уже набрана, когда сдѣлался извѣстенъ отвѣтъ мин. нар. просв. на представленіе правленія общества, которое еще лѣтомъ нынѣшняго года ходатайствовало предъ министерствомъ о содѣйствіи съ его стороны къ тому, чтобы періодическая печать не была стѣснена въ своихъ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ общества. Въ настоящее время разъяснено, что мин. внутр. дѣлъ своими распоряженіями ни мало не посягало на принадлежащее печати право обсужденія дѣйствій общества.

Вопросъ о наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ *).

Изображенныя въ предшествовавшей статьѣ отношенія не единственныя, встрѣчаются и совершенно ныныя. «Иногда рабочіе сами приходятъ къ знакомому землевладѣльцу, но для опредѣленія цѣны они отправляютъ отъ себя одного или двухъ человекъ на Каховскую ярмарку. Такіе случаи повторяются очень часто **). Одна экономія Елизаветградскаго уѣзда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ нанимаетъ рабочихъ въ селѣ Кореливкѣ, Киевской губерніи. Весной экономія безъ означенія платы и приложенія денегъ на задатовъ пишетъ въ кореливскую сельскую расправу, что нужно столько-то и такихъ-то рабочихъ; и рабочіе являются всегда въ еще большемъ, чѣмъ требуется, числѣ ***). Заслуживаетъ вниманія еще одинъ оригинальный, хотя и единичный, вполнѣ исключительный способъ найма, практикуемый другою экономіею того же уѣзда: это, — по выраженію владѣльца, —наемъ «черниговскихъ жуликовъ», дающій блестящіе результаты. Нарочито посылаемый въ Черниговскую губернію приказчикъ собираетъ всевозможныхъ пьяницъ и гулякъ, «а можетъ быть и воровъ», и привозитъ ихъ въ экономію. Между «жуликами» женскаго пола можно здѣсь встрѣтить и такихъ, которые носятъ фальшивые шпильоны. Люди эти, въ общемъ, представляютъ собой такой сбродъ, отъ котораго отказалась бы всякая другая экономія. «Но такъ какъ землевладѣлецъ, нанимающій ихъ, обладаетъ громаднымъ ростомъ и соответственной силой, а кромѣ того всегда ходитъ съ ясеновой палкой, соответствующей его росту, то всѣ работы у него выполняются исправно и своевременно. Наемъ такихъ «жуликовъ» у этого землевладѣльца практикуется уже 4 года, и онъ всегда ими остается доволенъ» ****).

*) *Русская Мысль*, кн. X, 97 г.

***) *Материалы для оценки земель Херсон. губ.* Т. VI. „Херсонскій уѣздъ“. Херсонъ, 1890 г., стр. 264.

****) *Материалы для оценки земель Херс. губ.* Т. II. „Елизаветградскій уѣздъ“. Херсонъ, 1886 г., стр. 192.

*****) *Ibidem*, стр. 192—193.

Но писанные договоры ужь совсѣмъ непримѣнны при наймѣ поденныхъ рабочихъ и на сравнительно короткіе сроки. Почему это такъ, понять не трудно. «День или два, или даже недѣля поденной работы представляютъ такого рода условія, при которыхъ возиться съ писаніемъ договоровъ бываетъ некогда и убыточно. Въ горячую пору бываетъ не до того. Такъ, наприм., на станичныхъ и сельскихъ рынкахъ Кубанской и Терской области, Земли Донского Войска, Ставропольской, Екатеринославской и другихъ губерній поденщики часто скопляются сотнями и тысячами. Гдѣ же при такихъ сборищахъ рабочаго люда писать условія для всѣхъ, продѣлывая это въ каждый праздникъ или воскресенье, когда поденщики обыкновенно нанимаются на работы?» *).

Завѣдывавшій Березовскимъ (Херсонской губерніи) лѣчебно-продовольственнымъ пунктомъ санитарный врачъ въ своемъ отчетѣ рисуетъ съ натуры такую картинку заключенія съ пришлыми рабочими договоровъ о наймѣ на земледѣльческія работы. «Толпа рабочихъ, окруживъ нанIMATEЛЯ, передаетъ ему одинъ за другимъ паспорта, часто черезъ головы другихъ; паспорта собраны, сосчитаны и наемъ состоялся; рабочіе садятся на гарбу и отправляются въ сопровожденіи приказчика сейчасъ же въ экономію» **). Гдѣ же возиться тутъ съ письменными условіями? Да кому они нужны? Письменнымъ договорамъ о наймѣ рабочихъ договоры словесные потому ужь должны быть предпочтены, что по самому характеру своему «исключаютъ всякое принужденіе той или другой стороны въ ущербъ ея интересамъ; пока взаимныя отношенія сторонъ не выходятъ изъ рамокъ обычая—того, что принято считать необходимымъ и практикуется всѣми—выполненіе словеснаго договора производится точно и исправно; но разъ нарушается въ томъ или другомъ отношеніи обычай, договоръ нарушается самъ собою, становится необязательнымъ для той или другой стороны» ***). Совершенно иначе стоитъ дѣло съ договорами писанными, по самому характеру своему представляющими много условнаго и исключительнаго. «Каждый хозяинъ въ каждомъ случаѣ можетъ преслѣдовать свои исключительные интересы и при этомъ всему тому, что будетъ идти въ разрѣзъ съ разумнымъ и справедливымъ обычаемъ, придавать обязательный характеръ простымъ оформленіемъ своего желанія на бумагѣ. Болѣе слабая изъ договаривающихся сторонъ всегда въ такихъ случаяхъ можетъ попасть въ зависящее, ненормальное положеніе. Нужда въ регулирующемъ вліяніи писаннаго закона, слѣдовательно, для такихъ случаевъ очевидна». Но задача закона состоитъ здѣсь единственно «въ установленіи нормальныхъ договоровъ и въ воспрещеніи всего того, что составляетъ посягательство

*) Ф. Щербина: „Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе?“ *Сверскій Вѣстн.* 1886 г., № 5, стр. 71.

**) Н. И. Телъковъ: „Сельскохозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора“, стр. 65.

***) Ф. Щербина: „Въ какихъ законахъ нуждаются сельскіе рабочіе?“ *Сверскій Вѣстн.* 1886 г., № 5, стр. 71.

на чужой интерес и тѣмъ болѣе личность»¹⁾. Задача эта Положеніемъ 12 іюня 1886 года разрѣшена далеко не удовлетворительно. Равновѣсіе между интересами хозяевъ и рабочихъ постоянно нарушается и всегда во вредъ нанимаемымъ. Особенно характернымъ является различіе въ отношеніяхъ закона къ личности рабочихъ и къ личности хозяевъ. За грубость противъ нанимателя и членовъ его семейства, а также за неповиновеніе нанимателю или лицу, которому ввѣренъ надзоръ за рабочими, сельскіе рабочіе подвергаются аресту до одного мѣсяца²⁾. Кромѣ того, нанимателю предоставляется за грубость подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы въ размѣрѣ двойной подневной платы³⁾. И нанимателю, правда, закономъ предписывается кротко обходиться съ рабочими; но соблюденіе этого требованія оставлено безъ санкціи, и грубое обращеніе даже не упомянуто въ числѣ законныхъ поводовъ къ оставленію рабочимъ хозяина до срока найма; такимъ поводомъ оскорбленіе рабочаго является тогда лишь, когда оно выразилось въ обидѣ дѣйствіемъ, вообще въ насильственныхъ поступкахъ со стороны нанимателя, членовъ его семейства или лицъ, завѣдующихъ работами⁴⁾. Нанимателю за нарушеніе интересовъ или правъ рабочаго Положеніе грозитъ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, лишь денежнымъ штрафомъ⁵⁾, рабочему же за нарушеніе интересовъ хозяина оно часто угрожаетъ лишеніемъ свободы⁶⁾. Подобная кара постигаетъ нанимателя только за нарушеніе интересовъ другого нанимателя.

И въ другихъ отношеніяхъ рѣзко бросается въ глаза предпочтеніе, отдаваемое Положеніемъ интересамъ хозяевъ передъ интересами рабочихъ. Въ нанимателямъ, вообще, законъ чрезвычайно снисходителенъ, когда они нарушаютъ интересы *только* рабочихъ. Строгость по отношенію къ нанимателямъ является на сцену тогда лишь, когда дѣйствія ихъ угрожаютъ опасностью интересамъ другихъ нанимателей. Такъ, ограждая рабочихъ, законъ въ одномъ единственномъ случаѣ, а именно за принужденіе сельскихъ рабочихъ плату наемную получать, вмѣсто денегъ, хлѣбомъ, товаромъ или другими предметами, подвергаетъ нанимателя денежному взысканію до ста рублей⁷⁾; въ то же время за дѣяніе, врядъ ли болѣе опасное для государства и общества, нежели сейчасъ упомянутое, именно за наемъ сельскаго рабочаго, завѣдомо связаннаго условіемъ съ другимъ нанимателемъ по договорному листу, виновный подвергается аресту до трехъ мѣсяцевъ и денежному взысканію до 300 руб.⁸⁾.

1) Ibidem, стр. 71—72.

2) П. 4 ст. III мн. гос. сов. 11 іюня 1886 г.

3) Ст. 50 и 51 Положенія о наймѣ на сельскія работы.

4) П. 8 ст. 59 Полож. о наймѣ на сел. работы.

5) П. 2 ст. III мн. гос. совѣта 11 іюня 1886 г. и ст. 67 и 104 Положенія о наймѣ на сел. работы.

6) Пп. 4, 5, 6 и 7 ст. III мн. гос. сов. 11 іюня 1886 г. и ст. 103 Положен. о наймѣ на сел. работы.

7) П. 2 ст. III мнѣнія государ. совѣта 11 іюня 1886 г.

8) П. 3 ст. III мнѣнія государств. совѣта 11 іюня 1886 г.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что послѣднее правило на практикѣ имѣетъ очень слабое значеніе. Дѣло въ томъ, что при необязательности договорныхъ листовъ доказать фактъ завѣдомости дѣйствій второго нанимателя довольно трудно. Но установить этотъ фактъ тѣмъ болѣе трудно тогда, когда укрывателями являются вліятельные владѣльцы большихъ экономій и ихъ управляющіе. «Горькимъ опытомъ дознано, что сбѣжавшій рабочій можетъ дѣлое лѣто прожить у вашего сосѣда, и полицейскій урядникъ заявляетъ кому слѣдуетъ, что разыскиваемого работника никогда здѣсь не было и не существуетъ. Подобныя заявленія дѣлаются даже и въ томъ случаѣ, когда урядникъ прекрасно знаетъ о мѣстопребываніи преслѣдуемаго лица». Подкладка подобнаго укрывательства становится вполне понятной, когда вспомнишь «о современномъ положеніи нашей сельской полиціи, находящейся по большей части въ матеріальной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ» *). Эта точка зрѣнія господствуетъ также и въ проектѣ Звегинцевской комиссіи. Впрочемъ, всѣ эти драконовскія, для нашего времени, правила являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ основного положенія о безусловной обязательности рабочей книжки. За нарушеніе этого главнаго правила, являющагося краеугольнымъ камнемъ всего «урегулированія», и рабочій, и наниматель подвергаются аресту до трехъ дней; за наемъ рабочаго, связаннаго другимъ договоромъ, наниматель подвергается двухнедѣльному аресту; за невозвращеніе рабочему книжки хозяинъ альтернативно платитъ сто рублей штрафа или арестуется на мѣсяць, кромѣ уплаты двойного вознагражденія за все время удержанія книжки.

Въ силу договора личнаго найма одно лицо за вознагражденіе приобретаетъ право временнаго пользованія трудомъ другого лица; какъ всякій двусторонній договоръ, онъ предполагаетъ свободное соглашеніе сторонъ. Особенность этого договора, сообщающая ему широкое общественное значеніе, заключается въ томъ, что объектъ его, человѣческій трудъ, не отдѣлимъ отъ его носителя, и приобретаемое активной стороною право пользованія первымъ можетъ распространиться и на второго. Вотъ та сторона договора личнаго найма, которая допускаетъ возможность вмѣшательства государственной власти, основною задачей которой является охраненіе важнѣйшихъ интересовъ личности. Въ договорѣ о личномъ наймѣ законодательство ставитъ предѣлъ частной волѣ, когда она въ самоопредѣленіи своемъ проявляется въ ущербъ неотчуждаемымъ прерогативамъ человѣческой личности. Такъ, государство запрещаетъ личный наемъ на всю жизнь, безъ срока или на очень продолжительное время, такъ какъ это могло бы повести къ установленію рабства. Государство опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня и условія обстановки труда. Государствомъ въ соответствующихъ случаяхъ устанавливаются нормы, которымъ должны удовлетворять жилища рабочихъ и даваемая имъ пища. Публичною же властью

*) Недѣля 1897 г., № 26. Дешевыя руки.— Письмо изъ Новороссіи—Д. О., стр. 825.

опредѣляются какъ права заболѣвшаго рабочаго, такъ и права его и его семьи въ случаѣ полной или частичной потери обычной трудоспособности отъ несчастій во время работы; публичною же властью нормируются условия труда несовершеннолѣтнихъ. Вотъ въ какихъ формахъ современныя законодательства цивилизованныхъ народовъ знаютъ вмѣшательство государства въ занимающую насъ область гражданскаго права. И въ Положеніи 12 іюня 1886 года «государственнаго вмѣшательства» много, но направлено оно не въ ту сторону. Общее правило ¹⁾, запрещающее заключеніе найма на срокъ свыше пяти лѣтъ и даже въ Германіи введенное впервые лишь новымъ гражданскимъ уложеніемъ, не можетъ составить гордость закона 12 іюня 1886 года, какъ давно уже извѣстное нашему гражданскому законодательству ²⁾. То же самое слѣдуетъ сказать и о правилѣ, по которому задолженность рабочаго нанимателю не можетъ явиться препятствіемъ къ прекращенію договора по желанію рабочаго ³⁾. Для того, чтобы быть оригинальнымъ и прогрессивнымъ, Положеніе должно было пойти дальше 1-й части X тома. И дѣйствительно, въ Положеніи находимъ слѣдующія относящіяся сюда правила, составляющія, несомнѣнно, шагъ впередъ. Воспрещается заключеніе договоровъ, исполненіе которыхъ должно начаться черезъ годъ и болѣе ⁴⁾. Воспрещается также наниматься подъ условіемъ заживы сдѣланнаго рабочимъ у нанимателя долга на срокъ болѣе одного года ⁵⁾. Этими правилами значительно уменьшается тяжесть кабалы, принимаемой на себя рабочими подъ гнетомъ нужды. Было бы цѣлесообразнѣе годовой срокъ уменьшить, по крайней мѣрѣ, на половину; мѣра эта, сдѣлавъ невозможными тѣ ростовщическіе въ сущности договоры, которые заключаются крестьянами осенью, во время усиленнаго взысканія податей и недоимокъ, на работы предстоящаго лѣта, была бы для крестьянъ по-истинѣ благотѣльна. Договоръ о наймѣ на срокъ болѣе одного года можетъ быть прекращенъ по желанію одной изъ сторонъ каждый годъ, съ предвареніемъ другой стороны не менѣе какъ за два мѣсяца до наступленія годичнаго срока найма ⁶⁾. Что касается договоровъ, заключенныхъ на срокъ неопредѣленный, то они прекращаются по желанію одной изъ сторонъ, съ предвареніемъ другой не менѣе, какъ за двѣ недѣли, *если въ самомъ договорѣ не было условлено для предваренія другою стороною*; нанимателю предоставляется удалять рабочаго и безъ предваренія, съ выдачей ему дополнительнаго платежа за двѣ недѣли ⁷⁾. Оба приведенныя постановленія, начерпнутыя отчасти изъ правилъ 1863 г., вполне справедливы и практичны. Въ отношеніямъ по личному найму

1) Ст. 23 Положенія о наймѣ на сельск. раб.

2) Ст. 2214 и 2215 т. X ч. I.

3) Ст. 64 Пол. о наймѣ на сельск. раб.

4) Ст. 24 Пол. о наймѣ на сельск. раб.

5) Ст. 25 Пол. о наймѣ на сельск. раб.

6) Ст. 64 Пол. о наймѣ на сельск. раб.

7) Ст. 65 Пол. о наймѣ на сельск. раб.

нельзя примѣнять во всей полнотѣ и послѣдовательности строгія цивилизныя догмы, ибо безповоротное отчужденіе нанявшимся права собой располагать на продолжительный срокъ можетъ легко повести къ эксплуатаціи слабыхъ и бѣдныхъ богатыми и сильными. Кромѣ того, обыкновенно при наймѣ между контрагентами возникаютъ очень близкія отношенія; разъ они чѣмъ-либо рѣзко нарушены, гораздо практичнѣе прекратить договоръ, хотя бы на продолженіи его и наставала одна изъ сторонъ. Но оговорка: «если въ самомъ договорѣ не было условлено для предваренія другого срока» — значительно умаляетъ достоинство вообще рациональнаго правила. Дѣло въ томъ, что въ договорѣ можетъ быть назначенъ для предваренія срокъ полуторогодичный или годичный, и въ этомъ случаѣ положеніе рабочаго, нанявшагося безсрочно, окажется худшимъ положеніемъ рабочаго, заключившаго договоръ долгосрочный. Установленный закономъ, какъ гарантія рабочиыхъ противъ эксплуатаціи нанимателей при наймѣ на неопредѣленное время, короткій срокъ предваренія не можетъ подлежать измѣненію по волѣ сторонъ; допуская противное, законъ неизбежно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. О продолжительности рабочаго дня Положеніе 12 іюня 1886 г. не даетъ никакихъ постановленій. Если особенности сельско-хозяйственныхъ работъ значительно затрудняютъ установленіе нормальнаго рабочаго дня, то все-таки нѣтъ основанія отказываться совершенно отъ всякихъ опредѣленій, запрещающихъ понужденіе нанявшихся къ работамъ, чрезмѣрнымъ по своей продолжительности и необходимому напряженію силъ. Нѣтъ сомнѣній, что вмѣшательство государства необходимо для общаго опредѣленія нормальныхъ условій, которыми работа земледѣльца должна быть обставлена во время его производства въ предупрежденіе заболѣваній и несчастій. Вотъ, для примѣра, характеристика условій наемнаго земледѣльческаго труда на югѣ Россіи, даваемая извѣстнымъ санитарнымъ врачомъ Н. И. Тезяковымъ: «Рабочій день экономическаго рабочаго начинается съ равнаго утра, часто до восхода солнца, и продолжается до поздняго вечера, съ незначительными перерывами для завтрака, обѣда и полдника, на что въ общемъ тратится не болѣе 2¹/₂ часовъ (на обѣдъ и отдыхъ 1¹/₂ часа). Въ общемъ рабочій день сельскаго рабочаго продолжается отъ 12¹/₂ до 15 часовъ *)». При этомъ «всѣ сельскія работы производятся подъ открытымъ небомъ, въ жаркое время, — слѣдовательно, подъ постояннымъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, дѣйствіе которыхъ, отражаясь на измѣненіи въ кровообращеніи мозга, часто вызываетъ у рабочиыхъ мозговья заболѣванія (insolatio); рѣзкія и столь частыя температурныя колебанія, при отсутствіи для работъ въ степи какихъ-либо помѣщеній, гдѣ бы они могли укрываться отъ холода и дождя, при недостаткѣ у рабочиыхъ теплаго платья, обуславливаютъ такъ частыя въ средѣ рабочиыхъ ревматическія заболѣванія и пораженія дыхательныхъ органовъ **).

*) Н. И. Тезяковъ: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 92.

***) Ibidem, стр. 92, 93.

Не лучше, въ отношеніи продолжительности рабочаго дня и степени напряженности труда, положеніе рабочихъ на Кубани, въ особенности косарей. «Косарь,—говоритъ Ф. А. Щербина,—принимается за косу часомъ раньше восхода и часомъ позже захода солнца заканчиваетъ косьбу, т.-е. рабочій день его равняется 17 часамъ. Исключивъ отсюда 2 часа на объѣсъ отдыхомъ, по $\frac{3}{4}$ часа на завтракъ и полдникъ, по 10 минутъ на три привала во время работъ, окажется, слѣдовательно, что косарь машетъ косою по 13 часовъ въ сутки» *). Но при сѣнокосеніи работы косари менѣе тяжелы, чѣмъ при уборкѣ хлѣба, который въ Кубанской области обыкновенно также скашивается. «Особенно же онѣ обременительны въ первую недѣлю, въ началѣ, когда косарь только «втягивается еще въ косьбу». Мускулы отъ непривычки бываютъ въ это время до того раздражены, что косарь косить даже во снѣ, ворочая сонный ногами и руками. Въ это же время чаще бываетъ расстройство пищеваренія, сильнѣе приливы къ головѣ крови и больше вообще риска заболѣть. Втянувшись въ работу при обычномъ ходѣ дѣла, косарь какъ-то костенѣетъ, если можно такъ выразиться, превращается въ своего рода машину» **). Въ общемъ получается такое распредѣленіе рабочаго дня: «13 часовъ косарь работаетъ, 1 часъ употребляетъ для переходовъ отъ мѣста работъ къ табору (8 переходовъ), $2\frac{1}{2}$ часа ѣсть (4 раза въ день), $\frac{1}{2}$ часа отдыхаетъ на привалахъ, $1\frac{1}{4}$ ч. послѣ объѣда спитъ (или, вѣрнѣе, 1 ч. спитъ и $\frac{1}{4}$ ч. «отбиваетъ» косу), $\frac{3}{4}$ часа тратитъ на приготовленіе постели, одѣванье, раздѣванье, умыванье, молитву и пр., и 5 часовъ на сонъ ночью» ***).

Но тяжесть положенія земледѣльческихъ рабочихъ часто осложняется еще многими специальными причинами. Рабочіе, занятые при введенныхъ во всѣхъ экономіяхъ на югѣ конныхъ и паровыхъ молотилкахъ, подвергаются часто заболѣванію глазъ и дыхательныхъ органовъ ****). А въ одной Херсонской губерніи, по приблизительному расчету, число занятыхъ молотью рабочихъ должно быть опредѣлено болѣе чѣмъ въ 200,000 человекъ *****). «Вообще, мнѣніе древнихъ,—замѣчаетъ г. Тезяковъ,—говорившихъ, что трудъ земледѣльца — «самое пріятное и полезное занятіе», въ настоящее время, когда въ области сельскаго хозяйства царитъ капиталистическій духъ, мало вѣроятно. Съ введеніемъ въ сельско-хозяйственную дѣятельность машинной обработки санитарныя условія земледѣльческаго труда не улучшились, но измѣнились къ худшему. Машинная обработка внесла въ область сельскаго хозяйства до того мало знакомую здѣсь спеціализацію труда, что сказалось развитіемъ въ средѣ сельскаго насе-

*) Ф. А. Щербина: „Рабочіе на Кубани“. Дѣло 1884 г., „Современное обозрѣніе“, стр. 12 и 13.

**) Ibidem, стр. 13.

***) Ibidem, стр. 13 и 14.

****) Тезяковъ: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 93.

*****) Ibidem, стр. 94.

ленія профессиональныхъ болѣзней и массою серьезныхъ травматическихъ поврежденій *).

«Примѣненіе машинъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ, по крайней мѣрѣ на югѣ Россіи, приняло въ настоящее время очень широкіе размѣры. Но приложеніе машинъ къ сельско-хозяйственному производству, увеличившее выгоды землевладѣльцевъ повышеніемъ урожайности земли и удешевленіемъ стоимости рабочаго труда, неблагоприятно отражается какъ на матеріальномъ положеніи, такъ и на здоровьи всей той многомилліонной рабочей массы, которая живетъ наемными сельско-хозяйственными работами». Широкое распространеніе машинъ повысило также число несчастныхъ случаевъ среди сельско-хозяйственныхъ рабочихъ **). Такъ, по Херсонской губерніи травматическія поврежденія регистрируются пропорціонально усиленію напряженности сельско-хозяйственныхъ работъ и находятся въ прямой зависимости отъ распространенія машинъ, особенно конныхъ и паровыхъ молотилокъ. «Въ годы урожайные травматическія поврежденія повышаются въ зависимости отъ болѣе продолжительнаго сезона молотбы и большей поспѣшности въ самыхъ работахъ, которыя нерѣдко производятся по ночамъ, при лунномъ освѣщеніи, при факелахъ. Такъ, въ Елизаветградскомъ уѣздѣ земскія больницы и приемныя покои во время этого срока наполняются почти исключительно травматическими больными со сложными переломами, тяжелыми обширными ранами, оторванными конечностями и пр. Въ это время земскія лѣчебницы являются своего рода полевыми лазаретами для постоянно выбывающихъ изъ строя огромной арміи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, жертвъ безпощадной, разрушительной дѣятельности сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій» ***). И въ Беатеринославской губерніи поврежденія рабочихъ земледѣльческими машинами такъ часты, что, по словамъ мѣстнаго врача д-ра Сочинскаго, «подчасъ сельскія больницы походятъ на какой-то перевязочный или бивуачный пунктъ, куда свезены тяжело раненые въ бою» ****). Число несчастныхъ случаевъ среди сельскихъ рабочихъ, — категорически утверждаетъ этотъ врачъ, — изъ года въ годъ увеличивается, и почти всѣ получающіе поврежденія — люди въ полномъ расцвѣтѣ здоровья и лѣтъ; иногда между ними попадаются и малолѣтніе. «Еще сегодня рабочій, поступившій на работу совершенно здоровымъ, назавтра уходитъ калѣкою, не получивъ даже чиншею копейки сверхъ заработанныхъ» *****). Д-ръ Войцѣховскій, производившій въ теченіе долгаго времени осмотры самаго цвѣтущаго возрастнаго состава населенія, для опредѣленія годности его къ военной

*) Ibidem, стр. 94.

***) Н. И. Тезляковъ: «Объ огражденіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отъ поврежденій сельско-хозяйственными орудіями». *Вѣстникъ Обществ. Гигіены, Судебн. и Практич. Медицины*. Т. XXXI, книга 2, августъ 1896 г., стр. 82.

****) Ibidem, стр. 82 и 83.

*****) Ibidem, стр. 83.

*****) Ibidem.

службѣ, изъ опросовъ забракованныхъ новобранцевъ успѣлъ убѣдиться въ происхожденіи ихъ болѣзней всего чаще отъ поврежденій, полученныхъ во время земледѣльческихъ работъ отъ машинъ. Впрочемъ, «помимо травматическихъ поврежденій, производимыхъ исключительно машинами, много увѣчій получается отъ удара копытами лошадей, отъ паденія съ высоконагруженной хлѣбомъ телеги, отъ придавливанія перевернувшимися тяжестями и проч.» *). Въ статистикѣ поврежденій, полученныхъ во время полевыхъ работъ, по Херсонской губерніи за 1895 годъ, изъ общаго числа травматическихъ на долю женщинъ приходится 10,3%; болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ поврежденій дали дѣти не старше 15 лѣтъ, въ томъ числѣ дѣти отъ 3 до 10 лѣтъ—8,1% всѣхъ поврежденій. Хотя малолѣтніе часто подвергаются поврежденіямъ во время работъ въ собственныхъ хозяйствахъ при конныхъ молотилкахъ, гдѣ участіе принимаетъ обыкновенно вся семья, но не мало дѣтей, начиная съ 7-лѣтняго возраста, появляются и въ крупныхъ хозяйствахъ въ качествѣ наемныхъ погонщиковъ лошадей **). Многие изъ пострадавшихъ остаются калѣками на всю жизнь, а подчасъ лишаются и самой жизни. Болѣе или менѣе постоянная цифра смертности составляетъ 4,6% изъ общаго числа пострадавшихъ ***).

Въ скорбной лѣтописи разрушительнаго дѣйствія сельско-хозяйственныхъ машинъ первая роль принадлежитъ коннымъ молотилкамъ; во избѣжаніе частыхъ несчастій, приводы у нихъ должны быть тщательно закрыты, причѣмъ передаточный валъ необходимо окружать деревяннымъ футляромъ. «Къ сожалѣнію такія предосторожности, при отсутствіи положительныхъ на то требованій, встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе ****). Множество несчастій, происходящихъ съ рабочими, подающими снопы въ барабанъ, могло бы быть предотвращено устройствомъ болѣе длинной площадки передъ столомъ; однако, у большинства видѣнныхъ авторомъ молотилокъ площадки передъ столиками очень коротки *****). При работахъ съ жатками, рабочіе, правящіе передними лошадьми, срываются и неизбежно попадають подъ ножи и подвергаются ампутаціи; паденію способствуютъ недостаточно удобныя сидѣнья *****). Наиболѣе частыми причинами несчастій съ рабочими являются: прежде всего, полное отсутствіе со стороны работодателей заботъ о безопасности и здоровьи рабочихъ и повальное невниманіе съ устройствомъ машинъ, затѣмъ неосторожность самихъ рабочихъ, ихъ усталость и переутомленіе и рѣдко нетрезвое состояніе. Неосторожностью и неумѣніемъ обращаться съ машинами отличаются особенно

*) Н. И. Тезляковъ: „Объ огражденіи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отъ поврежденій сельско-хозяйственными орудіями“. *Вѣстникъ Общества. Гіиены*, августъ 1896 г., стр. 83.

**) Ibidem, стр. 84.

***) Ibidem, стр. 87.

****) Ibid., стр. 95, 96.

*****) Ibid., стр. 96.

*****) Ibid., стр. 96, 97

рабочіе-дѣти, они же всего болѣе страдаютъ отъ разрушительнаго дѣйствія сельско-хозяйственныхъ машинъ. Переутомленіе—неизбѣжное послѣдствіе чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня, доходящей до 13—16 часовъ. Несчастія отъ нетрезвости болѣею частью случаются съ крестьянами, работающими собственными машинами. Нетрезвое состояніе наемныхъ рабочихъ, находящихся при машинахъ, создается иногда самими хозяевами, которые, желая подбодрить рабочихъ, вызвать у нихъ рвеніе къ дѣлу, выставляютъ имъ водку *).

Отсутствіе въ законѣ положительныхъ требованій о принятіи землевладельцами мѣръ къ защитѣ сельскихъ рабочихъ отъ поврежденій машинами побудило земство сдѣлать нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Инициатива, естественно, принадлежала врачамъ, частымъ свидѣтелямъ самыхъ ужасныхъ картинъ уродованія и убійства машинами людей. Но, рѣшеніе вопроса можетъ быть достигнуто лишь въ законодательномъ порядкѣ. Насколько упомянутая выше ст. 46 Положенія о наймѣ на сельскія работы является слабой гарантіей здоровья и жизни рабочихъ, видно изъ того, что, несмотря на значительныя цифры травматическихъ поврежденій отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, о случаяхъ, когда бы владельцы ихъ привлекались къ ответственности за причиненныя рабочимъ увѣчья, вовсе не слышно. «Такъ д-ръ Сочинскій на основаніи своей 13-тилѣтней практики, заявляетъ, что ему не извѣстенъ ни одинъ случай, гдѣ бы хозяинъ молотилки за увѣчья рабочихъ былъ бы привлеченъ къ ответственности» **).

Отсутствіе въ законѣ правилъ о помѣщеніи рабочихъ является огромнымъ недостаткомъ,—тѣмъ болѣе, что въ проектѣ 1876 года прямо было выражено, что жилище рабочихъ должно быть достаточное, сухое и теплое. Какъ поставленъ вопросъ этотъ на практикѣ, объ этомъ находимъ любопытныя свѣдѣнія у такъ часто цитируемаго нами врача Н. И. Тезякова, производившаго въ 1889 и 1890 годахъ изслѣдованіе многихъ экономій Елизаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ Херсонской губерніи. Изъ осмотрѣнныхъ тридцати экономій только въ четырнадцати оказались специально построенныя для рабочихъ казармы. Во всѣхъ же остальныхъ помѣщеніями для рабочихъ служатъ обыкновенныя экономическія кухни, не всегда достаточно пригодныя и для своей специальной цѣли ***); есть такія экономіи, «гдѣ о какихъ-либо специальныхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ нечего и спрашивать. Въ этихъ экономіяхъ казармами для рабочихъ служатъ такъ называемыя черныя хозяйскія кухни, размѣры которыхъ очень невелики» ****). Въ одной, въ другихъ отношеніяхъ образцовой, экономіи черная кухня, служащая жилищемъ для рабочихъ, помѣщается въ старомъ липячномъ зданіи, крытомъ соломой;

*) Ibid., стр. 97.

**) Ibid., стр. 101.

***) Н. И. Тезяковъ: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 87.

****) Н. И. Тезяковъ: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 87.

при совершенно недостаточномъ количествѣ воздуха и свѣта, полъ земляной съ глубокими выбоинами; полуразрушенный потолокъ грозитъ постоянно обваломъ; нары, расположенныя по одной сторонѣ казармы, — узкія и грязныя *). Въ другой экономіи, гдѣ рабочихъ бываетъ 200 — 300 человекъ, имѣется казарма лишь для 20 человекъ, и только для семейныхъ рабочихъ даются особыя помѣщенія рядомъ со свинюшниками и даже подъ одной съ ними крышей **). Всего проще жилищный вопросъ разрѣшенъ въ одной экономіи Елизаветградскаго уѣзда, въ которой лѣтомъ работаетъ нѣсколько сотъ человекъ, а на зиму остается около ста годовыхъ и срочныхъ рабочихъ; здѣсь для рабочихъ не существуетъ никакого помѣщенія ***).

Но даже тамъ, гдѣ устроены для рабочихъ казармы, онѣ всегда страдаютъ такимъ недостаткомъ, какъ присутствіе въ нихъ варистыхъ печей. «При варкѣ пищи въ значительныхъ размѣрахъ образуется паръ, который, постоянно сгущаясь на холодныхъ стѣнахъ помѣщеній, поддерживаетъ въ послѣднихъ влажность. Если при этомъ припомнить еще, что здѣсь же надъ нарами рабочіе развѣшиваютъ свое грязное мокрое платье для просушки, то не трудно себѣ представить пропитанную невозможными миазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда и сырымъ кожукомъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневною работою, нерѣдко мужчины и женщины рядомъ ****).

Одну изъ своихъ статей Положеніе о наймѣ на сельскіе работы посвящаетъ вопросу о питаніи рабочихъ. «Если рабочіе наняты съ продовольствіемъ отъ нанимателя, то приготовляемая для нихъ пища или выдаваемые припасы должны быть хорошаго качества и соответствовать, по составу и количеству, пищѣ, употребляемой по мѣстнымъ обычаямъ въ крестьянскихъ семьяхъ средняго достатка *****). Но значеніе этого гуманнаго правила парализуется отсутствіемъ гражданскаго или уголовнаго взысканія за его нарушение, — серьезнымъ суррогатомъ котораго не можетъ, понятно, служить предоставленное рабочему право оставить хозяина, если пища неудовлетворительна по количеству или качеству *****). На практикѣ положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ этомъ отношеніи оказывается довольно печальнымъ, несмотря на тотъ фактъ, что большая часть недоразумѣній между хозяевами и рабочими возникаетъ изъ-за харчей. «Доброкачественные и обильные харчи играютъ очень видную роль въ отношеніяхъ хозяина къ рабочему. Почти во всѣхъ письменныхъ условіяхъ найма оговаривается, что «продовольствіе для насъ, рабочихъ,

*) Ibidem.

***) Ibidem.

****) Ibidem.

*****) *Н. И. Тезяковъ*: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 90.

*****) Ст. 32 Положенія о наймѣ на сельск. работы.

*****) П. 1 ст. 60 Положенія о наймѣ на сельск. работы.

должно быть отъ экономіи довольное и хорошее, насколько требуется для жизни человека».

Въ словесныхъ договорахъ при наймѣ срочовыхъ рабочихъ ставится условіемъ со стороны экономіи, чтобы рабочіе харчами не перебрили («харчами не вередуваты» *).

На вопросы производившихъ изслѣдованіе статистиковъ: бросаютъ ли экономію рабочіе среди года?—землевладѣльцы обыкновенно отвѣчали: «Нѣтъ, у меня харчи хорошіе, —чего имъ меня бросать». И рабочіе главной причиной ухода отъ хозяевъ выставляютъ неудовлетворительные харчи: тамъ, говорятъ они, варятъ борщъ «съ собачкой» (безъ всякаго навару, такъ что собака, заглянувшая въ котелъ, отражается на поверхности борща), а хлѣбъ такой, что только «концы лѣпить» (недопеченый **). Вообще, хозяева стараются довести расходы на содержаніе рабочихъ до возможнаго минимума.

Вотъ еще одно гуманное правило, рѣшительно ничѣмъ не санкціонруемое и имѣющее поэтому значеніе моральнаго совѣта, лишеннаго обязательной юридической силы: «Наниматель обязанъ оказывать заболѣвшему рабочему возможно, по имѣющимся средствамъ, домашнее пособіе и, въ случаѣ необходимости, содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу» ***). Практика жизни показываетъ, насколько хозяева слѣдуютъ благому совѣту законодателя. За рѣдкими исключеніями, въ экономіяхъ, гдѣ число рабочихъ достигаетъ 100 человекъ и болѣе, «не поднимался даже вопросъ объ организаціи медицинскон помощи. На губернскомъ совѣщаніи врачей Херсонской губерніи въ мартѣ 1893 г. делегатами отъ всѣхъ уѣздовъ было указано на полное отсутствіе въ экономіяхъ изоляціонныхъ помѣщеній для больныхъ и запаса лѣкарствъ. Врачъ Березовскаго междууѣзднаго участка Трутовскій на одесскомъ стѣздѣ врачей въ іюлѣ 1893 года заявилъ, что экономическіе рабочіе, тяжело больные или получившіе на работѣ раненія, часто не доставляются и даже не направляются въ больницы на излѣченіе, а прямо изгоняются изъ экономіи. Въ оправданіе подобныхъ жестокостей, хозяева не рѣдко ссылаются на неправильно ими толкуемую и еще болѣе неправильно пригнѣваемую статью 58 Положенія о наймѣ, по пункту 7 которой нанимателю предоставляется право до срока найма односторонне прекратить договоръ, если у рабочаго обнаружится «прилипчивая или заразная болѣзнь». По общему смыслу закона, право уволить рабочаго нисколько не освобождаетъ въ этомъ случаѣ хозяевъ отъ обязанности возлагаемой на нихъ статьей 33 Положенія. Д-ръ Тезяковъ указываетъ еще на такого рода вопіющую несправедливость, практикуемую хозяевами въ отношеніи заболѣвшихъ рабочихъ: это—вычетъ изъ срочовой платы за дни, проведенные

*) *Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Т. II. Елизаветградскій уѣздъ. Херсонъ, 1886 г., стр. 205.*

**) *ibid.*, стр. 205.

***) Ст. 33 Полож. о наймѣ на сельск. раб.

рабочимъ въ дѣлѣницѣ. «Вычеты эти дѣлаются за прогульные дни не по средней стоимости дня, опредѣленной изъ общей срочковой платы, что еще было бы допустимо, а по поденной цѣнѣ того времени, въ продолженіе котораго рабочій находился въ больницѣ» *).

Законъ 12 іюня 1886 г. не забылъ и о несовершеннолѣтнихъ рабочихъ и въ огражденіе ихъ здоровья и духовныхъ интересовъ предписываетъ нанимателю «не возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ», и «не только не препятствовать, но и побуждать ихъ къ посѣщенію церкви и школы въ свободное отъ занятій время» **). Но неисполненіе этого прекраснаго предписанія, опять-таки оставленнаго безъ санкціи, не сопряжено ни съ какими невыгодными для нарушителя послѣдствіями.

Положеніе о наймѣ обязываетъ нанимателя, по винѣ котораго рабочій получить поврежденіе въ здоровьѣ, «вознаградить его, а если вслѣдствіе поврежденія рабочій лишится возможности снискивать пропитаніе трудомъ или умереть, то тѣхъ членовъ семейства рабочаго, существованіе которыхъ было обезпечено его трудомъ». Но при этомъ «рабочій не имѣетъ права на вознагражденіе, если поврежденіе здоровья произошло отъ его собственнаго нерадѣнія, безпечности или причинъ случайныхъ» *). Законъ этотъ не является нововведеніемъ и не создаетъ для рабочихъ никакихъ новыхъ гарантій сравнительно съ тѣми, которыя даются нашимъ общимъ гражданскимъ законодательствомъ о вознагражденіи вреда и убытковъ, причиненныхъ чужими дѣяніями или упущеніемъ ****). Въ какой мѣрѣ, затѣмъ, законами нашими интересы заболѣвшихъ или получившихъ поврежденіе рабочихъ ограждаются на дѣлѣ, фактически, это мы видѣли выше.

Всѣ эти вопросы, несомнѣнно, представляютъ чрезвычайно благодарное поле для реформирующей дѣятельности. Но въ проектѣ Звегинцевской комиссіи не находимъ никакихъ новыхъ постановленій о продолжительности рабочаго дня, о предупрежденіи несчастій съ рабочими отъ машинъ, о лицѣ и помѣщеніи рабочихъ, о груди малолѣтнихъ и женщинъ и т. п. Эта сторона вопроса о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ проектомъ или вовсе игнорируется, или оставляется *in statu quo ante*.

Ограждая рабочихъ отъ произвола хозяевъ въ злоупотребленіи вычѣтами, Положеніе 12 іюня 1886 года запрещаетъ включеніе въ договоры «условій о производимыхъ нанимателемъ взмысканіяхъ и вычетахъ съ рабочихъ, не предусмотрѣнныхъ въ законѣ» *****), а именно: вычеты изъ заработной платы допускаются за прогуль, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу *****).

*) Н. И. Теляковъ: „Сельско-хозяйственные рабочіе“, стр. 96.

***) Ст. 34 Полож. о наймѣ на сельск. раб.

****) Ст. 46 Полож. о наймѣ на сельск. раб.

*****) Ст. 684 и 661 т. X, ч. I.

*****) 28 ст. Полож. о наймѣ на сельск. раб.

*****) 50 и 51 ст. Полож. о наймѣ на сельск. раб.

Въ этихъ постановленіяхъ прежде всего поражаетъ право хозяина собственною властью производить вычеты, въ увеличеніи числа и размѣра которыхъ онъ самъ заинтересованъ. Кромѣ того, совершенно не выдерживаетъ критики признаніе поводами къ вычету грубости и неповиновенія, не ведущихъ къ имущественному убытку, рядомъ съ порчею работы или имущества, утратой вещей и прогуломъ, результатомъ которыхъ является прямой матеріальный ущербъ. Вычеты за грубость могутъ явиться источникомъ обогащенія хозяевъ: «Стоитъ только рабочему три раза въ мѣсяцъ повысить тонъ въ разговорѣ съ хозяиномъ или повернуться къ нему спиною—и наемная плата за мѣсяцъ можетъ уменьшиться на дѣлю пятую часть». Хозяевамъ мало чувствительнымъ къ брани даже выгодно вызывать рабочихъ на грубость и неповиновеніе *). Проектъ Звегинцевской комиссіи также предоставляетъ хозяину право дѣлать у рабочаго вычеты, между прочимъ, за грубость и неповиновеніе; вычеты въ такихъ случаяхъ избавляютъ рабочаго отъ преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ, могущаго завершиться арестомъ на срокъ до одного мѣсяца. На практикѣ правомъ вычетовъ хозяева пользуются нерѣдко, какъ средствомъ досрочнаго увольненія рабочихъ, нанятыхъ слишкомъ дорого, съ лишеніемъ ихъ большей или меньшей части уже заработанныхъ денегъ.

Приведенные выше соображенія и факты могутъ, полагаемъ, служить достаточнымъ оправданіемъ той мысли, что основная задача, преслѣдовавшаяся изданіемъ закона 12 іюня 1886 года, заключалась въ усиленіи социально-экономическаго значенія дворянско-землевладѣльческаго класса, созданіемъ для него особыхъ преимуществъ и правъ въ отношеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Отсюда происходятъ всѣ важнѣйшія особенности Положенія, не находящія себѣ никакого другого объясненія. Этими особенностями являются: рядъ постановленій уголовного характера, угрожающихъ одной лишь изъ участвующихъ въ договорѣ сторонъ, именно рабочимъ; чрезмѣрное затрудненіе для послѣднихъ досрочнаго нарушенія договора, при отсутствіи въ законѣ для нанимателя хоть сколько-нибудь серьезныхъ препятствій прекратить договоръ по первой фантазій; право нанимателя собственною властью производить у рабочаго вычеты по такимъ, между прочимъ, поводамъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ сферой имущественныхъ отношеній,—мы имѣемъ здѣсь въ виду досудебные вычеты за грубость и неповиновеніе; ограниченіе рабочихъ въ правѣ судебной защиты,—и безъ того для нихъ крайне ограниченномъ *de facto*,—такимъ правиломъ, какъ абсолютное приравненіе неуспѣшнаго хожденія по дѣлу къ прогулу; договорные листы, создающіе привилегированный видъ найма, благоприятный для нанимателей и несомнѣнно одіозный для нанимаемыхъ; отсутствіе правилъ, ограждающихъ здоровье и жизнь сельско-хозяйственныхъ рабочихъ во время исполненія договора о наймѣ и т. д.

Генетически Положеніе 12 іюня 1886 года является отчасти сокращен-

*). *Вѣстникъ Европы* 1886 г., № 9, стр. 369.

ной и отчасти смягченной редакціей проекта правилъ о наймѣ на сельскія работы, внесеннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на законодательное разсмотрѣніе въ 1886 году. Проектъ этотъ, за нѣкоторыми мало существенными исключеніями, проводилъ тѣ же самыя начала, на которыхъ построенъ извѣстный намъ проектъ саратовскаго дворянства, составленный П. А. Кривскимъ. Государственнымъ совѣтомъ однако отвергнуты были наиболѣе кричащія нѣры, предлагавшіяся министерскимъ проектомъ, какъ-то: предоставленіе помѣщикамъ права договоренныхъ рабочихъ — помимо ихъ согласія — по письменнымъ приказамъ посылать на работы въ чужія мѣстна; принудительный приводъ черезъ полицію рабочихъ, до срока найма оставившихъ нанIMATEЛЯ; отнесеніе мелкихъ проступковъ рабочихъ во время исполненія договора къ вѣдомству волостного суда, въ карательной политикѣ котораго розги играютъ такую видную роль. Кроме того, къ сильному разочарованію всѣхъ ожидавшихъ настоящаго «урегулированія» рабочаго вопроса, отвергнута была также и безусловная обязательность рабочей книжки, — договорные листы были введены лишь факультативно.

При такихъ обстоятельствахъ скорѣйшая реформа крестьянскаго самоуправления и, вмѣстѣ, мирового института начала выставляться какъ нѣра, вызываемая настоятельной необходимостью. Въ совѣщаніяхъ комиссіи, учрежденной тамбовскимъ дворянствомъ для обсужденія способовъ «улучшенія положенія дворянъ-землевладѣльцевъ», однимъ изъ членовъ ея, г. Жихаревымъ, высказано было на этотъ счетъ слѣдующее мнѣніе: «Какъ бы ни были хороши законоположенія, предусматривающія и разрешающія всевозможные случаи столкновенія между нанIMATEЛЯМИ и нанIMATEЛИМИ, но всѣ они останутся мертвою буквою, доколѣ и прежде всего не будетъ установлена власть, снабженная достаточною силою, чтобы эти законоположенія примѣнять и немедленно приводить въ исполненіе... Не о введеніи въ законоположенія того или иного параграфа слѣдуетъ ходатайствовать, а о скорѣйшемъ установленіи, по дѣламъ сельскаго управления, сильной, т.-е. непременно единоличной власти» *). По поводу тѣхъ отношеній, которыми должны сложиться между нанIMATEЛЯМИ и рабочими при подобной единоличной власти, облеченной одновременно и судебными, и административными полномочіями и избираемой изъ среды дворянъ, внутренней обозрѣватель *Вѣстника Европы* писалъ: «Принудительное водвореніе станетъ тогда обычнымъ послѣдствіемъ самовольнаго ухода, — а самовольнымъ будетъ считаться чуть ли не всякій уходъ безъ разрѣшенія хозяина. Односторонній отказъ отъ исполненія договора сдѣлается для рабочаго почти невозможнымъ, для нанIMATEЛЯ до крайности легкимъ. Вычетами и штрафами не будетъ ни конца, ни границы. Отвѣтственность хозяевъ гражданская и уголовная обратится въ мертвую букву; отвѣтственность рабочихъ дойдетъ до такой степени, при которой правильнѣе будетъ назвать ее прямою зависимостью отъ нанIMATEЛЯ. Юридическая факультативность договорныхъ

* *Вѣстникъ Европы* 1886 г., № 9, стр. 375.

листовъ окажется вполне совмѣстной съ фактической ихъ обязательностью» *). Введеніе земскихъ начальниковъ лишь отчасти оправдало надежды однихъ и опасенія другихъ. Институтъ земскихъ начальниковъ всего менѣе оказался способнымъ къ «урегулированію» отношеній по найму тамъ, гдѣ оно является особенно важнымъ для представителей дворянско-земледѣльческаго класса, именно въ южномъ и юго-восточномъ районахъ. Совершающееся ежегодно стихійное передвиженіе миллионовъ рабочаго люда на лѣтнія работы изъ центральныхъ губерній на югъ—явленіе слишкомъ грандіозное и сложное; оно-то въ настоящее время и сдѣлалось центральнымъ узломъ, къ которому привязаны важнѣйшія нити рабочаго вопроса. Сдѣлалось очевидно, что упорядоченіе его не можетъ быть достигнуто одними паліативами, а тѣмъ болѣе бумажными мѣрами, заранее обреченными оставаться мертвою буквой. Теперь уже никто не сомнѣвается въ необходимости широкой программы положительныхъ экономическихъ мѣръ, независимо отъ рациональной постановки какъ цивильной, такъ и другихъ сторонъ сельскохозяйственнаго рабочаго вопроса, которыя требуютъ государственныхъ мѣръ, аналогичныхъ фабричному законодательству. Подкрѣпленіемъ этой,—единственно, правильной,—точки зрѣнія служатъ также и данныя, которыя находимъ въ подготовительныхъ трудахъ Звегинцевской комиссіи.

Бъ сожалѣнію, не эти, повидному, труды послужили основаніемъ выработанному комиссіей проекту. Выше ужъ намъ приходилось знакомиться съ отдѣльными постановленіями этого проекта и убѣдиться въ томъ, что *plus ça change plus ça reste la même chose*. Дѣйствительно, при сравненіи новаго проекта съ Положеніемъ 12 іюня 1886 года мы видимъ, что вся реформаторская дѣятельность составителей первого заключается лишь въ слѣдующихъ сомнительнаго достоинства правилахъ. Во-первыхъ, рѣшеніе суда, налагающее на рабочаго денежное взыскаіііе, вписывается въ договорную книжку (какъ извѣстно, безусловно обязательную для обѣихъ сторонъ); послѣдующій наниматель, подъ страхомъ отвѣтственности за неисполненіе, обязанъ изъ первой причитающейся рабочему платы удержать присужденныя съ рабочаго въ пользу предыдущаго нанимателя деньги и переслать ихъ въ учрежденіе, выдавшее договорную книжку. Мы не будемъ говорить ужъ о томъ, что мѣра эта, — заимствованная изъ проекта саратовскаго дворянства, возлагающая на частныхъ лицъ совершенно несвойственныя имъ функціи, присвоиваемыя обыкновенно судебнымъ приставамъ или общей полиціи, и обращающая послѣдующаго нанимателя въ невольнаго повѣреннаго по взиманію долговъ въ пользу предыдущихъ нанимателей,—представляется вообще нераціональной; она не выдерживаетъ критики и въ смыслѣ практичности своей. Такъ какъ «въ громадномъ большинствѣ разнообразныхъ нанимателей бываютъ и недобросовѣстные, то очень вѣроятно, что многіе деньги взыщутъ, а «предыдущимъ» не отправятъ, и тогда возникнутъ взаимныя счеты и судбища между самими нанн-

* Ibid., стр. 377

мателями, причѣмъ явится надобность въ какихъ-либо новыхъ гарантіяхъ взаимнаго интереса нанимателей, такъ какъ нельзя же полагаться на одну нанимательскую аккуратность*)). По этому поводу въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ симбирскому совѣщанію для обсужденія вопроса о пересмотрѣ Положенія 12 іюня 1886 года,—находимъ слѣдующія вполне резонныя соображенія: «Установленіе закономъ обязанности нанимателей удерживать изъ заработной платы рабочаго сумму, присужденную съ него въ пользу предшествующаго нанимателя и записанную въ договорную книжку, повлекло бы за собой большія стѣсненія, какъ для нанимателей, такъ и для рабочихъ. Первымъ пришлось бы производить расчеты съ прежнимъ и, можетъ быть, съ нѣсколькими нанимателями, удерживая деньги у рабочихъ и тѣмъ возбуждая среди нихъ противъ себя неудовольствія и жалобы. Въ отношеніи же рабочихъ мѣра эта окажется еще болѣе стѣснительной: всякій наниматель будетъ по возможности избѣгать подобныхъ рабочихъ, нанимая ихъ при крайней необходимости. Если и допустить, что такіе рабочіе будутъ принимаемы нанимателями, все-таки рабочіе, особенно обремененные крупными взысканіями въ размѣрѣ, наприм., годового заработка сроковыхъ рабочихъ, лишены будутъ возможности наниматься на лѣто или на цѣлый годъ, такъ какъ у нихъ, за вычетомъ всего заработка въ уплату предшествовавшимъ нанимателямъ, ничего не останется на содержаніе семьи и на повинности. Такимъ образомъ рабочіе, въ договорныя книжки которыхъ вписаны будутъ болѣе или менѣе крупныя взысканія, по необходимости должны будутъ оставить сельско-хозяйственныя работы, которыми они ранѣе существовали, и вести бродячую жизнь».

Возросшая энергія помѣщичьихъ требованій выразилась, затѣмъ, въ проектѣ Звегинцевской комиссіи, какъ мы видѣли выше, въ признаніи договорной книжки безусловно обязательной и, кромѣ того, въ усиленіи наказаній за нарушенія договора о наймѣ, множество случаевъ которыхъ карается арестомъ. «Арестантскія» увлеченія проекта, не шадящаго, какъ извѣстно, и нанимателей, удивительны; по поводу этой стороны проекта совершенно справедливо замѣчаетъ газета *Неделя*, что если во всей полнотѣ примѣнять его статьи объ арестахъ, налагаемыхъ за каждую мелочь, то «едва ли у насъ окажется столько арестныхъ помѣщеній, сколько потребуется», и что «некому будетъ арестовывать виновныхъ». Всѣ эти кары и письменныя гарантіи, безъ которыхъ не допускается даже наемъ на поденную работу, постулируютъ предположеніе, что «на каждомъ мѣстѣ существуетъ судебное учрежденіе, готовое во всякую минуту разбирать возникающіе споры и что обѣ стороны непремѣнно грамотны. Но то ли бываетъ на дѣлѣ? Масса работъ идетъ въ деревняхъ, находящихся на большомъ разстояніи отъ города или даже квартиры земскаго начальника,—гдѣ же тутъ разбираться во всякомъ недоразумѣніи! А что бываетъ въ степяхъ, особенно въ горячую страдную пору? Время ли

*) *Неделя* 1897 г., № 21, стр. 645.

туть развѣзжать съ жалобами и какой власти докличешься во-время?» Вслѣдъ за проектомъ саратовскаго дворянства, объявляющимъ факты, записанные въ договорную книжку, неопровержимыми, разъ по прошествіи трехъ дней со времени ихъ отиѣтки не послѣдовало жалобы о невѣрности ихъ, и Звегинцевскій проектъ придаетъ договорной книжкѣ силу судебного доказательства наравнѣ съ совершенными явочнымъ порядкомъ актами. Въ правилѣ этомъ не было бы ничего неудобнаго, еслибъ пониманіе и исполненіе юридическихъ формальностей одинаково были доступны и нанимателямъ, и нанимаемымъ. Но этого нѣтъ, и рабочая книжка во многихъ случаяхъ легко обратится въ очень опасное орудіе для угнетенія рабочихъ. Кромѣ условій найма, въ рабочую книжку вносятся также отиѣтки объ исполненныхъ и недоделанныхъ работахъ. «Но есть ли гарантіи противъ неправильности подобныхъ отиѣтокъ, когда одна сторона грамотна, а другая неграмотна и не можетъ имѣть понятія о томъ, дѣйствительно ли въ ея книжку записываютъ, что слѣдуетъ. Правда, можно изъ-за всего этого судиться, но кому, кромѣ вляузишниковъ, удобно подобное хожденіе, и будетъ ли для этого имѣть время пришлый рабочий, которому по окончаніи заказа надо спѣшить куда-нибудь далеко? Подобныя условія могутъ свести къ нулю все обиліе опредѣленій задуманныхъ правилъ» *).

Въ томъ видѣ, какъ онъ извѣстенъ теперь, проектъ Звегинцевской комиссіи врядъ ли окажется пригоднымъ къ урегулированію чего бы то ни было. Неблагопріятное впечатлѣніе еще болѣе усиливается при сопоставленіи проекта Звегинцевской комиссіи съ трудами ея по вопросу «Объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ промыслахъ». Собранные ею матеріалы давали право ожидать болѣе солиднаго результата, чѣмъ легкій, влекетически набросанный уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на контрагентовъ за неисполненіе заключенныхъ между ними договоровъ о наймѣ на сельскія работы. Слѣбовъ думать, что это самое подходящее для проекта названіе.

Въ программѣ вопросовъ, предложенныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ особымъ совѣщаніемъ, отсутствуютъ такіе вопросы, которымъ несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто въ подготовительныхъ изслѣдованіяхъ, задающихся цѣлью собрать матеріалъ для законодательныхъ соображеній при выработкѣ правилъ, нормирующихъ отношенія между сельскими хозяевами и наемными рабочими. Получилъ ли установленный Положеніемъ 12 іюля 1886 г. способъ найма на срокъ по договорнымъ листамъ замѣтное распространеніе, а если онъ примѣняется мало, то чѣмъ именно объясняется это? Не представляется ли цѣлесообразнымъ установленіе правила о томъ, что договоры найма на сельскія работы должны быть заключаемы не иначе, какъ по особымъ договорнымъ книжкамъ подъ угрозой уголовной ответственности, какъ нанимателя и рабочего, виновныхъ въ нарушеніи этого правила, такъ равно и лица, виновнаго въ наймѣ рабочего, связаннаго на то же время договоромъ съ другимъ нанимателемъ?

*) Недѣля 1897 г., № 21, стр. 645.

Отрицательные отвѣты на означенные вопросы подрываютъ, очевидно, главную основу Звегинцевскаго проекта. Но вотъ и другіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ извѣстномъ смыслѣ отниметъ у проекта всякое значеніе, сведетъ его на нуль.

Въ достаточной ли мѣрѣ обеспечивается нынѣ отвѣтственность сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, виновныхъ въ нарушеніи договоровъ о наймѣ, предоставленіемъ нанимателю альтернативнаго права преслѣдовать нарушителей договора уголовнымъ порядкомъ или искать съ нихъ вознагражденія за убытки? Возможно ли установить въ законѣ правило, по которому взысканія, присужденныя съ рабочаго въ пользу нанимателя, должны заноситься въ договорную книжку, а на послѣдующихъ нанимателей возлагается обязанность удерживать присужденную сумму изъ заработной платы рабочаго?

Цѣлесообразно ли сохраненіе установленнаго Положеніемъ 12 іюля 1886 года порядка привода рабочаго къ нанимателю въ случаѣ самовольнаго его ухода? Мы уже выше говорили о томъ, что Положеніе 12 іюля въ сущности никакого привода не знаетъ, а допускаетъ какую-то прелюдію къ водворенію, заключающуюся въ производимыхъ полиціею розыскахъ и кончающуюся, въ случаѣ нежеланія рабочаго добровольно вернуться, передачей въ руки суда для преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ. Въ чести Звегинцевскаго проекта, о принудительномъ приводѣ не упоминается въ немъ вовсе. Но вотъ оказывается, что мѣра эта не только не продана забвенію, но что она имѣетъ шансы ожить и расцвѣсти. Теперешній порядокъ привода недостаточенъ, — отвѣтять особня совѣщанія; въ такомъ случаѣ необходимо ввести иной порядокъ полицейскаго привода, который бы дѣйствительно соответствовалъ своему названію. Теперешній порядокъ представляется достаточнымъ и цѣлесообразнымъ; этимъ отвѣтомъ спасена будетъ мѣра, которая во всякомъ случаѣ, особенно въ умѣлыхъ рукахъ, можетъ оказаться довольно полезнымъ оружіемъ одностороннихъ интересовъ нанимателей. Однимъ словомъ, каковъ бы ни былъ отвѣтъ, онъ долженъ повести къ пополненію того недостатка Звегинцевскаго проекта, который является единственнымъ достоинствомъ его.

Что касается вопросовъ о продолжительности рабочаго дня, объ обстановкѣ труда, о пищѣ и помѣщеніи рабочихъ и т. п., то они совершенно отсутствуютъ въ программѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ программу включены и такіе вопросы, которые даютъ основаніе думать, что сами составители проекта считаютъ его только предварительнымъ наброскомъ, не претендующимъ на полноту и законченность и не исключающимъ возможности совершенной переработки. Нѣкоторые пункты программы вызываютъ сомнѣніе относительно того даже, рѣшенъ ли уже, хоть въ принципѣ, вопросъ объ измѣненіи и дополненіи Положенія 12 іюня 1886 года. Въ такомъ случаѣ роль особыхъ совѣщаній пріобрѣтаетъ серьезный и самостоятельный характеръ и задача ихъ существенно расширяется. Остановимся на слѣдующихъ пунктахъ про-

граммы. Какія общія или мѣстныя условія должны быть признаны причиною существующаго неустройства въ дѣлѣ найма на сельскія работы? Въ частности какіе недостатки обнаружались въ Положеніи 12 іюня 1886 г. на практикѣ за десятилѣтній періодъ его примѣненія, и вызываютъ ли эти недостатки и пробѣлы необходимость законодательнаго пересмотра означеннаго Положенія съ цѣлью его измѣненія и дополненія? Послѣдній вопросъ не нуждается въ комментаріяхъ. Но ужъ первый изъ нихъ имѣетъ такую широкую постановку, что обстоятельный отвѣтъ на него можетъ обнять рѣшительно всѣ стороны сельско-хозяйственнаго рабочаго вопроса. Въ отвѣтѣ этомъ, между прочимъ, умѣстны были-бъ и такія указанія: *Назрѣла ли необходимость въ учрежденіи сельско-хозяйственной инспекціи на подобіе уже существующей фабричной инспекціи? Нуждаемся ли мы въ положительныхъ экономическихъ и законодательныхъ мѣрахъ по урегулированію мѣткою рабочаго движенія, направленныхъ къ предупрежденію ежедневной растраты народнаго труда и болѣе правильному распредѣленію рабочихъ рукъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ? Есть ли надобность въ специальномъ законѣ, распространяющемъ *verbis expressis* дѣйствіе закона о преслѣдованіи ростовщичества и на тѣ сдѣлки между землевладѣльцами и сельскими рабочими, которыя по существу своему являются ссудо-займовыми на непростыхъ процентахъ и всегда сопровождаются со стороны заимодавца заведомою эксплуатаціей нужды и безысходнаго положенія своего контрагента?*

Выше мы уже высказали свой взглядъ на особыя совѣщанія, на то, чего можно ожидать отъ нихъ, и упомянули о замѣтномъ оживленіи, проявленномъ нижегородскимъ совѣщаніемъ съ первыхъ же дней. Нѣкоторые результаты его дѣятельности уже стали извѣстны. Нижегородское совѣщаніе,—по словамъ газеты *Недѣля*,—къ проекту Звегинцевской комиссіи отнеслось довольно отрицательно и высказало, что «извѣстныя строгія правила 1886 года остаются совѣмъ безъ примѣненія, такъ какъ пользоваться ими не желаютъ обѣ стороны. Рабочія книжки если встрѣчаются, то неофициальныя, а частныя. Уклоненія отъ рабочихъ договоровъ бывають преимущественно въ горячую пору при сильныхъ колебаніяхъ рабочей платы, но гдѣ эта плата высока, тамъ самовольныхъ уходовъ нѣтъ и увольненіе рабочихъ считается наказаніемъ. Возвращать ушедшаго рабочаго принудительно не желаютъ сами хозяева, считая такой возвратъ безполезнымъ и даже вреднымъ. Предоставляемое хозяину право преслѣдовать самовольно ушедшаго уголовнымъ порядкомъ или взыскивать съ него убытки не имѣетъ, по мнѣнію нижегородцевъ, никакого значенія» *).

Воронежское особое совѣщаніе въ единственномъ, какъ намъ извѣстно, до конца августа засѣданіи своемъ, между прочимъ, постановило: войти въ сношеніе съ гг. предводителями дворянства, прося ихъ обсудить со-

*) *Недѣля*, 1897 г., № 31, стр. 973.

вмѣстѣ съ извѣстными имъ болѣе выдающимися мѣстными хозяевами вопросы: какъ производился наемъ рабочихъ до изданія Положенія 12 июня 1886 г. и послѣ? Какъ смотрять на Положеніе тѣхъ хозяева, которые нанимають рабочихъ по договорнымъ листамъ и тѣ, которые практикуютъ наемъ рабочихъ безъ договорныхъ листовъ? На основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя уже имѣлись на-лицо, воронежское особое совѣщаніе находить возможнымъ утверждать, что рабочіе не всегда охотно идутъ на работы по договорнымъ листамъ; хотя наниматели рѣдко практикуютъ привлеченіе рабочихъ за нарушеніе договоровъ въ суду, въ особенности уголовному, такъ какъ это рѣдко бываетъ въ экономическомъ отношеніи полезно, и кромѣ того, создаетъ непріязненные отношенія къ нанимателю со стороны рабочихъ. Замѣчено также, что рабочіе, нанимающіеся по договорнымъ листамъ, берутъ за работу дороже, нежели нанимающіеся по словеснымъ договорамъ.

Затѣмъ въ протоколѣ того же засѣданія констатируется, что «уклоненіе рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ съ ними договоровъ найма встрѣчается не какъ общее явленіе, а только въ частныхъ случаяхъ, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ причинъ; не всѣ рабочіе бросаютъ работы до срока, при этомъ у однихъ нанимателей явленіе это замѣчается чаще, у иныхъ и совсѣмъ не замѣчается». «Нарушеніе договоровъ,—читаемъ дальше въ протоколѣ,—случается чаще всего въ рабочую пору, въ особенности у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые нанимають рабочихъ зимою по дешевой цѣнѣ, и въ тѣ же годы, когда урожай хлѣба увеличиваетъ требованія на рабочія руки, и землевладѣльцы переманиваютъ къ себѣ рабочихъ отъ сосѣднихъ хозяевъ, обѣщая за работу болѣе выгодныя условія. Нарушаютъ договоры, главнымъ образомъ, только сроковые рабочіе; съ рабочими поденными и сдѣльными недоразумѣній въ общемъ почти не встрѣчается.

Наиболѣе частою причиною оставленія рабочими до срока нанявшихъ ихъ землевладѣльцевъ является дурное содержаніе рабочихъ вообще и въ особенности недоброкачественная пища.

Какой послѣ этого ироніей звучать слѣдующія слова воронежскаго особаго совѣщанія: «Причины нѣкотораго неустройства въ дѣлѣ найма на сельско-хозяйственныя работы заключаются не въ Положеніи, а съ одной стороны въ несовершенствѣ человѣческой природы (sic!) и некультурности русскаго рабочаго, который иногда по бѣдности и невѣжеству не въ состояніи достаточно усвоить себѣ сознаніе нравственнаго долга въ отношеніи принятыхъ на себя условій, а съ другой—встрѣчающихся, хотя не часто (!), неправильностей въ отношеніи къ рабочимъ со стороны самихъ нанимателей». Съ подобными размышленіями, не лишенными значительной дозы помѣщичьяго добродушія, интересно сопоставить здравыя разсужденія гласнаго екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія Миклашевскаго, участвовавшаго въ обсужденіи вопроса объ упрядоченіи отношеній между землевладѣльцами и сельско-хозяйственными рабочими: «Надо

знать, — говорилъ онъ, — не вызывается ли нарушеніе договора самимъ нанимателемъ, который, можетъ быть, плохо кормить рабочихъ... Стоитъ хорошо кормить ихъ, и они будутъ уходить очень рѣдко. Полезно также привязывать ихъ къ мѣсту обѣщаніемъ, сверхъ заработной платы, небольшого вознагражденія, удвоивая его на другой годъ при урожаѣ, если они опять придутъ и пробудутъ до конца срока, *что уже практикуется нѣкоторыми нанимателями*. Слѣдовало бы обязать хозяевъ давать нанимаемымъ пріютъ во время болѣзни *)). Законодательство, стремящееся къ обезпеченію интересовъ обѣихъ сторонъ, должно держаться именно такого пути.

Е. Варбъ.

*) Г. П. Сазоновъ: „Обзоръ дѣятельности земства по сельскому хозяйству“. Спб., 1896 г., т. II, стр. 887.

Очерки провинціальной жизни.

Однимъ изъ вновь созданныхъ путей для распространенія просвѣщенія въ народѣ являются попечительные о народной трезвости комитеты. Съ цѣлью уменьшенія пьянства въ задачи ихъ входитъ устройство школъ, библиотекъ, народныхъ читаленъ, народныхъ театровъ и другихъ разумныхъ развлеченій. Этому отдѣлу дѣятельности попечительствъ уставъ предоставляетъ очень широкое поле, а министерство финансовъ ассигнуеть въ распоряженіе комитетовъ довольно порядочныя средства. И вотъ такое важное дѣло было испорчено въ самомъ началѣ; испорчено оно было тѣмъ, что отдано уставомъ въ совсѣмъ неподходящія руки. Такое живое дѣло, какъ попеченіе о народной трезвости путемъ распространенія просвѣтительныхъ учрежденій, требующее много труда и много свободного времени, передано въ руки людей, у которыхъ и безъ того не мало прямыхъ своихъ обязанностей. Ни предводитель дворянства, ни исправникъ, ни податной инспекторъ, ни другіе чиновники разныхъ вѣдомствъ не будутъ считать прямою своею обязанностью работу по попечительству, и участіе въ немъ административныхъ органовъ будетъ сводиться къ участію «между дѣломъ». Исключенія изъ этого правила могутъ быть весьма рѣдкими. Эта мысль была высказана съ большимъ единодушіемъ нашей прессой при изданіи устава попечительствъ о народной трезвости, и жизненный опытъ подтвердилъ справедливость сужденія прессы. Съ большимъ вниманіемъ слѣдила мѣстная печать за вновь народившимся учрежденіемъ, радостно отмѣчала живую дѣятельность попечительствъ, гдѣ таковая проявлялась, но *въ общемъ* получались свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія о жертвенности учрежденія. Что пресса вѣрно отразила жизнь, вѣрно передавала факты, объ этомъ свидѣтельствуетъ недавно вышедшій первый отчетъ главнаго управленія неовладныхъ сборовъ. Правда, онъ говоритъ другими словами, но суть дѣла остается та же. Изъ данныхъ отчета видно, что дѣятельность попечительствъ развивается довольно туго. Отчетъ склоненъ объяснить это новизною дѣла. Но новизна дѣла не воспрепятствовала, однако, нѣкоторымъ попечительствамъ, гдѣ нашлись преданные дѣлу люди, широко развернуть свою дѣятельность. Причина вялой дѣятельности попечительствъ

коренится въ ихъ организаціи. Мы не отрицаемъ, что среди людей, занимающихъ разныя оффиціальныя должности въ провинціи, найдется не мало такихъ, которые сочувствуютъ задачамъ попечительствъ. Но кромѣ сочувствія надо имѣть еще свободное время и охоту работать въ дѣлѣ необязательномъ. Попечительствамъ приходится устраивать чайныя, хлопотать о разрѣшеніи народныхъ чтеній, библиотекъ, распространять въ народѣ книги, заботиться о здоровыхъ для него развлеченияхъ, о народныхъ театрахъ, гуляньяхъ и т. п.,—все это входитъ въ обязанности попечительствъ. Въ виду такой массы *необязательно* дѣла у членовъ попечительства (рядомъ съ *обязательнымъ*, служебнымъ), можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что ихъ работа получила бы живое теченіе, еслибы членами попечительствъ были не одни должностные люди, но и лица искренно сочувствующія попечительствамъ и готовые энергично работать въ нихъ изъ сознанія всей важности этихъ учрежденій. Въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ введенія въ попечительства живыхъ силъ общества, долженъ быть измѣненъ уставъ этого учрежденія. Лица, пожелавшія работать въ попечительствѣ, должны войти въ него равноправными членами.

Дѣйствующій уставъ, составивъ попечительства изъ представителей администраціи, дозволяетъ частнымъ лицамъ, желающимъ принять участіе въ работѣ попечительства, быть «членами-соревнователями». Но дѣятельность этихъ членовъ имѣетъ мало самостоятельности. Она всецѣло зависитъ отъ оффиціальныя членовъ попечительства. Отчего и происходитъ, что въ однихъ мѣстахъ членамъ-соревнователямъ даютъ возможность работать, въ другихъ—участіе ихъ въ попечительствѣ сводится на нуль. Вотъ, напримѣръ, сообщеніе по этому предмету изъ с. Балакова въ *Самарскую Газету*. Организовалось у насъ попечительство о народной трезвости и можно было ожидать, что это симпатичное и полезное дѣло пойдетъ успѣшно, такъ какъ въ составъ его вошли 10 членовъ-соревнователей изъ преданныхъ дѣлу интеллигентныхъ людей. Мѣстный купецъ А. Я. Стройковъ пожертвовалъ домъ, въ которомъ устроилъ превосходную чайную и столовую. Шли толки о расширеніи дѣятельности попечительства, для чего нужно было устроить общее собраніе комитета. Но этого собранія почему-то не назначалось и только уже послѣ того, какъ всѣ члены письменно выразили свое желаніе относительно общаго собранія, участковый попечитель созвалъ его. Но тутъ для гг. членовъ-соревнователей получился, какъ говорится, репримандъ неожиданный. Прежде всего имъ было заявлено, что они глубоко ошибаются, если думаютъ, что у нихъ есть *какія-то права*, они имѣютъ право носить установленный значокъ, но высказывать своихъ мнѣній ч на чемъ бы то ни было наставлять имъ, по закону, права не дано и что вообще ихъ мнѣнія могутъ быть только терпимы участковымъ попечителемъ, но нисколько для него не обязательны; онъ можетъ поступать въ, какъ ему заблагоразсудится, согласно лишь съ предначертаніями ѣзднаго комитета. На сдѣланныя участковому попечителю возраженія, ослѣдній заявилъ, что пока онъ состоитъ попечителемъ по с. Балакову,

члены-соревнователи не будут допущены до какой-либо активной деятельности; единственно на что они могут рассчитывать, это на то, что их мнѣнія будутъ выслушиваться. Результатомъ общаго собранія было рѣшеніе членовъ - соревнователей воздержаться отъ всякаго внимательства въ дѣло чайной и столовой, пока положеніе ихъ не выяснится официально.

Ожидаетъ также выясненія объема права на просвѣдательную деятельность кievское общество грамотности, во главѣ котораго стоитъ извѣстный генералъ Косичъ. Оно, какъ сообщаетъ газета *Жизнь и Искусство*, возбудило передъ губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи обществу открыть въ Кіевѣ, Обуховѣ и Смильѣ книжныя лавки на общемъ основаніи, въ порядкѣ 175 ст. Устава о цензурѣ, по которой всякое лицо можетъ открывать подобную лавку. Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня подачи просьбы, а отвѣта нѣтъ. Задумало общество въ апрѣлѣ прошлаго года издавать народную газету, сдѣлало объ этомъ соответствующее постановленіе и поручило совѣту «немедленно» войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи такового изданія. Но, какъ передаетъ мѣстная газета, «ходатайство это и до сихъ поръ не начато по обстоятельствамъ, отъ совѣта не зависящимъ». Далѣе, общество постановило открыть нѣсколько народныхъ библиотекъ. Приговоры сельскихъ обществъ и ходатайство общества о разрѣшеніи открыть библиотекы поступили въ губернатору, но «о результатахъ ходатайства пока неизвѣстно». Въ совѣтѣ общества давно поставленъ на очередь вопросъ объ открытіи воскресныхъ школъ и классовъ для взрослыхъ; и тутъ тормазомъ послужили обстоятельства, «отъ совѣта не зависящія».

Недавно въ *Вятскомъ Краѣ*, а затѣмъ и въ другихъ газетахъ былъ сообщенъ весьма характерный эпизодъ изъ области тѣхъ недоразумѣній, которыя такъ часто случаются въ провинціи. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ становой приставъ, явившись въ сельскую библиотечку-читальню, изъять изъ обращенія нѣсколько книгъ, признанныхъ имъ «запрещенными». Въ числѣ этихъ книгъ находились: Д. Соколова—*Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета* и *Ученіе о богослуженіи православной церкви*, Невскаго—*Избранная мѣста изъ твореній св. Іоанна Златоуста* 2 выпуска, Фаррара—*Жизнь І. Христа*, *Сокровище духовное св. Тихона Задонскаго*, Пушкина—*Русланъ и Людмила* и *Сказка о мертвой царевнѣ*, Гоголя—*Старосветскіе помѣщики*, Лубенца—*Сборникъ ариметическихъ задачъ* и другія тому подобныя. Библиотечное дѣло такъ запутано у насъ разной канцелярской паутиной, что разобраться въ немъ, какъ показывается опытъ, — дѣло непосильное и не для станового только пристава.

Необходимость новаго законодательства въ области народнаго просвѣщенія, — законодательства, устраняющаго существующія нынѣ многочисленные преграды и затрудненія общественной самодѣтельности, ощущается особенно сильно въ послѣднее время въ виду ярко проявляющагося стремленія общества работать для просвѣщенія народа и въ виду проявляемаго повсемѣстно народомъ сознанія нужды въ образованіи. Предложе

ніе народу образовательныхъ средствъ далеко отстаетъ отъ спроса на нихъ со стороны народа. А бѣдность народа не позволяетъ ему устроить для себя въ достаточной мѣрѣ образовательныя учрежденія. Но гдѣ онъ можетъ купить образованіе на свои средства, онъ покупаетъ его. Народныя чтенія за недорогую плату полны народомъ. На почвѣ потребности народа въ образованіи растутъ своеобразныя формы ея удовлетворенія, на которыя мы уже не разъ указывали. Вотъ новый образецъ этихъ своеобразныхъ формъ, рассказанный въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*. Одинъ изъ чернорабочихъ Рестова-на-Дону, по фамиліи Харинъ, изувѣченный на работѣ и лишившійся влѣдствіе этого возможности продолжать обычную свою работу, задумалъ было заняться книжною торговлей. Съ этою цѣлью онъ накупилъ на толкучемъ рынкѣ рубля на три всевозможныхъ подержанныхъ книгъ, которыя, по его мнѣнію, могли представлять интересъ для простолюдина, и отправился въ многлюдныя рабочія мѣста искать счастья. Здѣсь онъ сталъ предлагать прочесть ту или другую книгу за плату. Охотники нашлись немедленно. Компанія рабочихъ въ 20 человекъ сложилась по копейкѣ въ пользу Харина, а тотъ обязался за это прочесть вслухъ выбранное по общему согласію сказаніе «О храбрѣйшемъ прапорщикѣ Португезѣ». На другой день, когда Харинъ снова появился на берегу со своею корзиной за плечами, почти всѣ вчерашніе абоненты опять пригласили его читать. На этотъ разъ Харинъ заработалъ что-то около 30 коп.; число слушателей прибавилось, а черезъ недѣлю онъ былъ уже извѣстенъ чуть ли не всѣмъ береговымъ рабочимъ подъ прозвищемъ «Миколки - Книжника». Популярность его начала быстро расти, и, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ же у него явился раздражитель и конкурентъ. Послѣдній началъ съ того, что спустилъ плату за прочтеніе, чѣмъ вскорѣ переманилъ къ себѣ добрую половину абонентовъ Харина. Послѣдній невольно тоже долженъ былъ понизить плату, но вскорѣ затѣмъ ввелъ къ себѣ въ компанію объявившагося конкурента. Теперь плата за чтеніе опять установилась прежняя, и предпринчивое «товарищество», дѣла котораго идутъ очень недурно, серьезно уже подумываетъ на будущую весну пустить въ обращеніе такую же походную бібліотеку и на выгонѣ, гдѣ обыкновенно собираются тысячи пришлаго люда. Изъ числа имѣвшихся у Харина и его компаньона извѣстныхъ писателей особенный успѣхъ выпалъ на долю Гоголя. Читались «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». Рассказы эти однимъ и тѣмъ же слушателямъ читались по 3—4 раза и, несмотря на частое повтореніе, каждый разъ вызвали неудержимые раскаты смѣха среди рабочихъ. Всего книгъ у Харина и его компаньона, считая и мелкія изданія, въ настоящее время имѣется до 70 названій, но въ корзину къ вечеру изъ нихъ остается только половина, другая же часть расходится по рукамъ абонентовъ. При выдачѣ книги на-прочетъ не взимается никакого залога, но стоимость ея, въ случаѣ пропажи, обезпечивается круговою другъ за друга порукой со стороны рабочихъ.

Всюду, гдѣ только открываются для народа дороги къ образованію, на-

родъ немедленно наполняетъ ихъ до тѣсноты. Елабужское земство, напри- мѣръ, открыло въ этомъ году при сельскихъ школахъ вечерніе будничные классы для взрослого населенія. Этотъ первый опытъ, по словамъ *Вятскаго Края*, превзошелъ всякія ожиданія. Желающихъ учиться на вечернихъ систематическихъ курсахъ явилось болѣе, чѣмъ было подѣ силу преподавателямъ. Елабужское земство занялось учрежденіемъ вечернихъ будничныхъ классовъ, исходя изъ той справедливой мысли, что внѣшкольное обученіе имѣетъ особенную важность для населенія деревни, такъ какъ далеко не всякій крестьянскій мальчикъ можетъ затрачивать много времени на ученіе и жизнь слишкомъ рано отрываетъ его отъ школы на помощь семьѣ. Вечерніе будничные классы, являясь расширеніемъ существовавшихъ до сихъ поръ въ Вятской губерніи воскресно-повторительныхъ курсовъ, устраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ многіе существенные недостатки послѣднихъ. Учебное время воскресно-повторительныхъ занятій слишкомъ кратко и ведутся они обыкновенно тѣми же народными учителями, которые и безъ того уже утомлены обычной работой въ школахъ въ теченіе шести дней недѣли. Для вечернихъ будничныхъ классовъ елабужское земство имѣетъ учителей. Каждый изъ нихъ преподаетъ въ продолженіе зимы въ трехъ училищахъ, занимаясь въ каждомъ по два раза въ недѣлю.

Успѣхъ вечернихъ будничныхъ классовъ, устроенныхъ елабужскимъ земствомъ, побудилъ губернское вятское земство открыть на это дѣло кредитъ уѣзднымъ земствамъ по 1,000 рублей на каждое. Уѣздное земство можетъ воспользоваться этимъ кредитомъ при условіи половиннаго участія въ расходахъ своей стороны. При такомъ пособіи губернскаго земства каждое уѣздное земство можетъ открывать уже теперь вечернія занятія при 12—15 сельскихъ школахъ, съ приглашеніемъ пяти особыхъ учителей для нихъ. *Вятскій Край*, зная составъ земствъ Вятской губерніи, не сомнѣвается, что большинство ихъ воспользуется ассигновкой губернскаго земства. Значеніе вечернихъ курсовъ двойное: они открываютъ доступъ къ образованію тѣмъ, кто не былъ въ школѣ, и, далѣе, даютъ возможность упрочить и расширить знанія, прибрѣтённые въ начальной школѣ.

Усилиями земства, общественныхъ союзовъ и частныхъ лицъ пути для просвѣщенія народа увеличиваются количественно и улучшаются качественно. Въ числѣ этихъ путей важнымъ образовательнымъ средствомъ является народный театръ, на распространеніе котораго затрачивается теперь интеллигенціей не мало силъ. Народный театръ въ нашемъ отечествѣ—дѣло совершенно новое, если не считать разныхъ балаганныхъ представленій. Вначалѣ, лѣтъ двадцать назадъ, идея народнаго театра выражалась лишь въ скромной формѣ устройства такихъ спектаклей, которые были бы доступны и массѣ населенія. Дальнѣйшимъ развитіемъ этой идеи является устройство постоянныхъ народныхъ театровъ въ городахъ, а затѣмъ переходъ ихъ въ села и деревни. Знатокъ провинціальной жизни и особенно развитія въ ней образовательныхъ учреждений для народа, г. Я. Абрамовъ, свидѣтельствуетъ въ статьѣ о «народномъ театрѣ», напечатанной

въ *Сынъ Отечества*, что зима 1896—7 года и истекшее лѣто были необычайно богаты народными спектаклями въ селахъ. Обыкновенно такіе спектакли устраиваются въ школахъ. Исполнителями бываютъ любители изъ мѣстной интеллигенціи и народа. Отмѣчая значеніе театра, какъ одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ воздѣйствія на народные нравы путемъ отвлеченій народа отъ обычныхъ разгульныхъ способовъ праздничнаго времяпрепровожденія, г. Абрамовъ указываетъ на важность проведенія въ жизнь той части инструкціи попечительствамъ о народной трезвости, преподанной министерствомъ финансовъ, въ которой попечительствамъ рекомендуется обратить особое вниманіе, рядомъ съ устройствомъ чайныхъ и читаленъ, и на устройство народнаго театра, какъ удовлетворяющаго главной задачѣ попечительства — «создать, взаимнѣ кабака, какъ мѣсто сборища, что-либо новое, вполне отвѣчающее требованіямъ населенія, безъ стѣсненій, безъ особаго формализма, безъ особаго наблюденія». Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаетъ авторъ статьи, — если значительная часть рабочаго люда въ праздничные дни убиваетъ свой досугъ, посѣщая трактиры и другіе притоны, то это обуславливается отнюдь не тѣмъ, чтобы нашъ народъ не признавалъ другихъ способовъ веселиться, а просто тѣмъ, что болѣе разумныя развлеченія ему недоступны, что ему некуда больше пойти, какъ именно въ подобные притоны. Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣться простому рабочему человѣку, гдѣ ему найти подходящее общество, гдѣ отдохнуть отъ однообразныхъ впечатлѣній рабочей недѣли? Единственнымъ мѣстомъ, замѣняющимъ и клубъ, и танцевальную залу, и бібліотеку, и вообще всякое публичное мѣсто, для рабочаго человѣка оставались до сихъ поръ только мѣста продажи спиртныхъ напитковъ, и волей-неволей ему только и остается идти въ эти мѣста, чтобы почувствовать себя въ праздничномъ положеніи, чтобы встрѣтиться тамъ съ подобными собѣ и повеселиться. Потребность повеселиться, отдохнуть отъ обычной, далеко не привлекательной обстановки жизни, забыть всѣ мелкія невзгоды — вполне естественная потребность, и она одинаково сильна какъ у культурнаго человѣка, такъ и у человѣка, цѣлую недѣлю занятаго физическимъ трудомъ. Къ услугамъ культурнаго человѣка имѣются тысячи средствъ для болѣе или менѣе благороднаго развлеченія, и если онъ все-таки тратитъ время на попойки и кутежи, то еще извинительнѣе это простому народу, для котораго никакія разумныя развлеченія не доступны. Такимъ образомъ, вопросъ о народномъ театрѣ, какъ одномъ изъ разумныхъ развлеченій народа, является важнымъ вопросомъ нашей жизни, и тотъ успѣхъ, который въ массѣ народа имѣютъ всюду народные спектакли, является свидѣтельствомъ того, что наша интеллигенція, занявшись созданіемъ народнаго театра, идетъ въ данномъ случаѣ навстрѣчу серьезной, назрѣвшей потребности народной жизни.

Что устройство спектаклей въ селахъ требуетъ весьма небольшихъ денегъ — это вполне понятно. Но иногда удается основать и городской постоянный народный театръ, истративъ на это сравнительно небольшую

сумму денегъ. Такъ, напримѣръ, инициаторамъ народнаго театра въ Пензѣ пришлось начать сборомъ чуть не по грошу и закончить 750 рублями. И за такую сумму пензенцы получили прекрасный народный театръ, исторія учрежденія котораго разсказана въ *Мирѣ Божьемъ*. Сцена для спектаклей устроена въ городскомъ саду на «Верхнемъ гуляньѣ». «Верхнее гулянье» представляетъ собою превосходный городской паркъ, часть расчищеннаго и обнесеннаго загородной лѣса. Сюда идетъ по праздникамъ населеніе города подышать свѣжимъ воздухомъ. Лѣсъ, часть котораго представляетъ городской паркъ, тянется на нѣсколько верстъ. Вотъ здѣсь, въ этомъ паркѣ, и построенъ народный театръ или, точнѣе сказать, построена сцена, такъ какъ зрители помѣщаются подь открытымъ небомъ. Каждый праздникъ и каждое воскресенье въ теченіе всего лѣта «Верхнее гулянье» переполняется публикой, толпы народа движутся по дорожкамъ парка, украшеннымъ разноцвѣтными фонарями, а передъ сценой толпа стоитъ плотною массой. Театръ не бесплатенъ, онъ только общедоступенъ. Плата за мѣста слѣдующая: 1-й рядъ—1 руб., 2-й и 3-й—75 коп., слѣдующіе 5 рядовъ—50 к. и послѣдніе 6 рядовъ по 25 коп. Съ стоящихъ зрителей за входъ въ садъ во время спектакля берется по 10 коп. При такой платѣ въ театрѣ недостаетъ мѣстъ для желающихъ. Истекшимъ лѣтомъ было поставлено двадцать спектаклей, и зарегистрированныхъ зрителей перебивало въ этомъ театрѣ болѣе двадцати четырехъ тысячъ. Изъ сборовъ за спектакли покрыта теперь вся стоимость постройки театра, удѣлено болѣе 400 руб. на благотворительныя цѣли, въ режиссеры приглашенъ талантливый артистъ г. Росатовъ, и дѣло народнаго театра въ Пензѣ можно считать окончательно упрочившимся. Репертуаръ театра вполне соответствуетъ цѣли предпріятія. Господствуютъ на немъ Гоголь и Островскій.

Истекшимъ лѣтомъ открылся также народный театръ въ Саратовѣ, въ саду «Сервье», и имѣлъ тоже огромный успѣхъ. По словамъ *Камско-Волжскаго Края*, каждое воскресенье и праздникъ въ этомъ году бывало до 5,000 человекъ и болѣе. Сборъ отъ каждаго спектакля получался около 200 р., при цѣнахъ на мѣста отъ 5 к. до 65 к.—не дороже. Буфетъ, по самымъ дешевымъ цѣнамъ и притомъ безъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, выторговывалъ на 200—250 руб. Садъ, принадлежащій городу, когда-то снимался г-жею Сервье, откуда и получилъ названіе. Въ немъ остался большой деревянный театръ, въ которомъ нѣкогда бывала оперетка. Последнее время этотъ садъ былъ совсѣмъ заброшенъ, театръ почему-то считали нигуда негоднымъ и даже опаснымъ. Но вотъ, въ началѣ истекшей весны, небольшой кружокъ интеллигенціи вошелъ въ соглашеніе съ обществомъ трезвости насчетъ устройства народнаго театра и развлеченій, хлопоталъ у города содѣйствіе, и дѣло быстро наладилось. Техническая коммиссія, осмотрѣвъ театръ, нашла его вполне еще пригоднымъ и сдѣлала кое-какія поправки; составили организационный комитетъ, разослали приглашенія любителямъ, и съ 25 мая начались спектакли. Въ саду и въ театрѣ преобладаетъ элементъ простонародья и мѣщанъ, не мало и рабо

чихъ, преимущественно желѣзно-дорожныхъ. Въ саду играетъ военный оркестръ; затѣмъ устроены двѣ площадки: на одной изъ нихъ играютъ дѣти, на другой—танцуютъ взрослые. Буфетомъ завѣдуетъ интеллигенція и продаетъ яства и неспиртные напитки по чрезвычайно дешевымъ цѣнамъ. Въ многотысячной толпѣ большое оживленіе и никакихъ безобразій. Устроители получаютъ высокое нравственное удовлетвореніе отъ множества заявленій благодарности. «Я видѣлъ лѣтомъ театръ и садъ въ самый разгаръ ихъ дѣятельности,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ въ *Недѣлю*,—и вотъ какая картина мнѣ представилась. Обширный и тѣнистый (для Саратова, бѣднаго зеленыю) садъ, биткомъ набитъ самою разношерстною публикой. Молодежь бойко и съ увлеченіемъ отплясываетъ передъ театромъ на большой асфальтовой площадкѣ, подъ звуки веселой польки. Вокругъ густая толпа не танцующихъ зрителей (днемъ и въ свободные отъ гуляній вечера на этой же площадкѣ дѣтвора запята всевозможными играми, подъ присмотромъ интеллигентной барышни). На открытой верандѣ театра и въ сторонѣ отъ асфальтовой площадки зрѣлая часть публики благодумствуетъ за чайкомъ, который, встаети сказать, какъ и остальные продукты буфета, идетъ по минимальнымъ цѣнамъ. Среди разношерстной толпы въ нѣсколько тысячъ то и дѣле снуютъ распорядители, выбываясь изъ силъ, чтобы такъ или иначе удовлетворить всѣхъ: танцующихъ, гуляющихъ и отдыхающихъ среди грома музыки и собственного шумнаго веселья. Захожу въ кассу—билеты всѣ распроданы. На сценѣ идетъ одна изъ драмъ Островскаго. Играютъ отчасти профессиональные актеры, отчасти тотъ же неутомимый учредитель, преобразившійся въ артиста-любителя. Такому вниманію къ дѣйствию, такому напряженному интересу публики, которымъ была буквально наэлектризована атмосфера театра, позавидовали бы, пожалуй, и наши казенныя сцены. Исполненіе пьесы было болѣе чѣмъ порядочное. Этимъ, полагаю, сцена обязана своему режиссеру, извѣстному въ провинціи артисту Яковлеву. Не думаю, чтобы среди артистовъ можно было часто встрѣтить такого безкорыстнаго и беззаветнаго увлеченія идейнымъ дѣломъ, которымъ отличался этотъ артистъ въ качествѣ режиссера народной сцены,—безкорыстно, говорю я, потому что нельзя считать оплаченнымъ громадный трудъ режиссера почти сплошь любительской сцены жалованьемъ очень небольшимъ, которымъ онъ только-только прожить. Матеріальный успѣхъ дѣла народнаго театра въ Саратовѣ таковъ, что далъ учредителямъ возможность къ концу сезона устроить даровой вечеръ, центромъ котораго явились физическіе и химическіе опыты и туманные картины. Бромѣ того, въ программу входило исполненіе различныхъ музыкальных нумеровъ и чтеніе стихотвореній Некрасова и другихъ авторовъ. Садъ былъ переполненъ. Въ 5½ часамъ 3,000 программъ были розданы безъ остатка (притомъ выдавалась одна программа не менѣе какъ двумъ лицамъ), усчитывать публику не было никакой возможности. Сплошная масса народа спокойно стояла передъ открытою сценою съ 4 ч. до 10¼ ч. вечера, ничѣмъ не нарушая строгаго

порядка, за исключеніемъ показыванія опытовъ, во время которыхъ интересъ и увлеченіе толпы достигли такихъ предѣловъ, что едва не была нарушена цѣпь, отдѣлявшая сцену отъ народа, желавшаго поближе разглядѣть вызываемыя экспериментаторомъ явленія. По окончаніи программы, которая чуть ли не цѣликомъ была повторена, толпа загремѣла оглушительнымъ «браво», «спасибо», «благодаримъ!»

На вопросъ «кто учредитель саратовскаго театра» авторъ письма отвѣчаетъ: «Въ Россіи есть нѣкій «интеллигентный пролетарій», на долю котораго выпадаетъ много невидной, но обширной и разнообразной работы. Онъ скромно засѣдаетъ въ земствѣ, дѣлаетъ и учитъ нашъ народъ; его можно видѣть за судейскимъ столомъ и за адвокатскою кафедрой. Онъ же обладаетъ, можетъ быть, самымъ отзывчивымъ изъ русскихъ людей сердцемъ, самымъ бодрымъ, глядящимъ ясно впередъ духомъ. Вотъ этотъ-то «интеллигентный пролетарій» и является учредителемъ саратовскаго народнаго театра».

Какимъ чрезвычайнымъ контрастомъ повѣсть на насъ, когда отъ этой плодотворной и энергичной работы лучшей части нашей интеллигенціи мы перейдемъ къ безобразіямъ нижегородской ярмарки, являющимся слѣдствіемъ полного безучастія къ народной массѣ со стороны ярмарочнаго купечества. Казалось бы, на этомъ «всероссійскомъ торжищѣ» всего ранѣе должны были устроиться разумныя развлечения для народа. Здѣсь скопляются массы народа и здѣсь же собираются представители миллионныхъ состояній, для которыхъ ничего не значило бы устроить для народа здоровыя развлечения. Въмѣсто того ярмарка остается до сихъ поръ только источникомъ развращенія для народа. Масса стекающагося въ Нижній на случай ярмарки рабочаго люда встрѣчаетъ единственно и рѣшительно на каждомъ шагѣ соблазнъ. Для рабочаго люда на ярмаркѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ учреждений, въ которыхъ онъ могъ бы отдохнуть и развлечься. На каждомъ шагѣ ему предлагаются только кабаки, проституція и дикія балаганныя сцены. Самокатская площадь—обычное мѣсто балагановъ и собранія народа—представляетъ собою только сплошной кабакъ и сцены самаго грубаго разврата. Безобразіе самокатской площади не производитъ, очевидно, удручающаго впечатлѣнія на ярмарочное купечество, иначе оно давно подумало бы объ облагораживающихъ развлеченияхъ для народа. Да и какъ можетъ самокатская площадь произвести удручающее впечатлѣніе на съѣхавшееся на ярмарку купечество, когда нравы этого купечества хуже нравовъ толпы, а развлечения его въ сущности тѣ же, какія предлагаются народу на площади, съ тою лишь разницей, что купечество выбираетъ ихъ добровольно, а народу ихъ даютъ и никакого выбора въ этомъ дѣлѣ ему не предоставляютъ. Въ освѣщенныхъ электричествомъ залахъ, въ богатыхъ ресторанахъ, въ какомъ-нибудь Тулонѣ или у Омона, совершаются открыто оргіи еще болѣе отвратительныя, чѣмъ на самокатской площади. Читайте нижегородскія газеты за время ярмарки и вы, пожалуй, скажете, что такой дикости нравовъ, какаѣ доннынѣ еще со-

хранится въ нашемъ купечествѣ, вы не ожидали. Нижегородская ярмарка,—какъ справедливо говоритъ корреспондентъ *Самарской Газеты*,—является не только выставкой русской промышленности, но также выставкой дикости русскаго купечества, которое, несмотря на то, имѣетъ претензію думать, что оно «все можетъ». Кто желаетъ познакомиться,—продолжаетъ корреспондентъ,—съ купеческими нравами не по произведеніямъ Островскаго, а самолично, тому слѣдуетъ побывать на Нижегородской ярмаркѣ хотя нѣсколько дней. Пяти-шести дней пристальнаго вниманія совершенно достаточно для полнаго изученія этой стороны ярмарочной жизни. Для иллюстраціи сказаннаго одна, двѣ сценки будутъ не лишними. Богатый купецъ разѣзжается въ коляскахъ съ нанятымъ оркестромъ по всѣмъ веселымъ учрежденіямъ. Подъѣзжая къ дому, музыканты проходятъ на лѣстницу, выстраиваясь рядами, и только что показывается купецъ въ дверяхъ, раздаются оглушительные звуки персидскаго марша. Купецъ торжественно входитъ и встрѣчи ему вездѣ блестящія. А вотъ другая сценка, гдѣ дѣйствующими лицами являются нижегородскіе биржевики. Около зданія биржи, на асфальтовомъ тротуарѣ, стоятъ трое биржевиковъ-торговцовъ въ длиннополыхъ сюртукахъ. Къ биржевикамъ подбѣгаетъ маленькая оборванная дѣвочка.

«Дядюшка, батюшка, подай копеечку Христа ради»,—слезливымъ голосомъ затянула она.

Одинъ изъ биржевиковъ выставилъ правую ногу впередъ.

«Клянйся моею правой ногъ»,—обратился онъ къ дѣвочкѣ. Последняя упала на колѣни.

«Ну, а теперь лѣвой!»

Дѣвочка и передъ лѣвой ногой сдѣлала то же самое. То же было продѣлано и остальными биржевиками.

«Уминица, дѣвочка,—обратился первый къ нищенкѣ, поглаживая ее по головѣ,—всегда старшимъ почтеніе оказывай, вырастешь большая, хорошаго жениха найдешь».

«Дяденька, батюшка, а копеечку?—затянула дѣвочка».

«Ну, что на тебя за копейки, проваливай, много васъ здѣсь!»

Со слезами на глазахъ отошла нищая отъ представителей «всемогущаго» купечества.

Однако «всемогущее» купечество «не все можетъ». Не можетъ оно торговать хорошо, когда народъ бѣднѣетъ. Истекшая нижегородская ярмарка прошла хуже, чѣмъ посредственно. Главная причина—неурожай, снова постигшій значительную часть губерній. Нынѣшній неурожай коснулся какъ корма для людей, такъ равно и кормовъ скота. А потому слѣдствіями его будутъ не только увеличенная смертность населенія, по причинѣ недостаточнаго питанія, но и рѣзкое увеличеніе процента возрастанія безлошадныхъ и бросившихъ земледѣльческое хозяйство, умноженіе сельскаго пролетаріата и нищихъ. Провинціальная печать полна сообщеніями объ усиленной распродажѣ крестьянами скота въ виду предстоящей

дороговизны кормовъ. Скотъ идетъ по необычайно дешевымъ цѣнамъ. Корова, стоящая 30 р., продается за 10 и даже за 5 р. Почти въ такой же мѣрѣ упали цѣны и на лошадей. Далѣе сообщенія говорятъ о томъ, что несмотря на бывшій во многихъ мѣстностяхъ недородъ, на рынокъ выбрасывается по-прежнему огромное количество хлѣба. Крестьяне прекрасно понимаютъ, что въ скоромъ времени имъ придется обратно покупать тотъ же хлѣбъ и платить за него значительно дороже. Но осеннія требованія уплаты налоговъ и выкупныхъ платежей вынуждаютъ крестьянъ совершать разорительныя продажи. Такія экономическія условія земледѣльческаго населенія заставляютъ печать и земства снова и снова поднимать вопросъ о крайней необходимости учрежденія мелкаго сельскаго кредита. Два года назадъ было совершено преобразование государственнаго банка и вѣдѣно ему было въ обязанность организовать мелкій кредитъ. Но, пока, дальше бумажныхъ предположеній дѣло это не пошло. Банкъ продолжаетъ выдавать милліоны въ ссуды крупной промышленности и торговлѣ, а стомилліонное крестьянское населеніе, оставленное безъ кредита, отдано въ руки ростовщиковъ. Земства предлагаютъ взять на себя посредничество между государственнымъ банкомъ и нуждающимися въ кредитѣ населеніемъ. Денежныя средства для организаціи сельскаго кредита земство получило бы отъ банка и явилось бы отвѣтственнымъ распорядителемъ всѣхъ операцій, внося ежегодно въ смѣту сумму, необходимую для уплаты процентовъ банку. Но эти земскія предположенія и ходатайства остаются безъ удовлетворенія. Между тѣмъ всюду, гдѣ, благодаря какимъ-либо исключительнымъ обстоятельствамъ, крестьяне пользуются организованнымъ для нихъ кредитомъ, экономическое положеніе ихъ замѣтно выдѣляется изъ обычной среды и запутанность какаго-либо крестьянина въ сѣтяхъ кулака составляетъ явленіе весьма рѣдкое и объясняется особыми причинами. Такой счастливый уголокъ представляетъ собою Бѣлая Церковь, Киевской губерніи, гдѣ уже 17 лѣтъ дѣйствуетъ сельскій банкъ. Съ дѣятельностью этого банка знакомитъ насъ газета *Жизнь и Искусство*. Возникновеніемъ своимъ банкъ обязанъ графинѣ А. В. Браницкой, оставившей по духовному завѣщанію 285 тысячъ «для постоянного вспоможенія бывшимъ ея крестьянамъ». Исполняя волю завѣщательницы, графы Александръ, Владиславъ и Константинъ Браницкіе учредили въ Бѣлой Церкви сельскій банкъ съ неприкосновеннымъ основнымъ капиталомъ въ 285,700 р., проценты съ котораго, а также и другія, могуція получиться отъ операцій банка, прибыли должны, по уставу банка, раздѣляться на двѣ половины, изъ коихъ одна должна идти на устройство школъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ 277 селеніяхъ бывшихъ вѣрностныхъ крестьянъ гр. А. Браницкой; а другая—на выдачу ссудъ тѣмъ же крестьянамъ. Банкъ открытъ 11 января 1880 года и съ тѣхъ поръ въ теченіе 17 лѣтъ непрерывно расширяетъ свою дѣятельность. Вотъ вкратцѣ цифры, свидѣтельствующія о размѣрахъ дѣятельности сельскаго банка гр. А. Браницкой.

1. Кроме основного капитала в 285,700 руб., о котором сказано выше, к 1 января текущего года образовался основной капитал из процентов на вышеприведенную сумму и отчисления части прибылей—156,700 р. (в круглых суммах).

2. Капитал, предназначенный специально для выдачи ссуд под залог земель—15,500 р.

3. Запасный капитал—6,700 р.

и 4. Вклады на текущий счет, безсрочные и срочные—10,000 р.

В течение 17 лет обороты банка по кассе достигли почти 10 м. р. Выдано ссуд под поручительство 464,000 р., выдано ссуд на покупку земледельческих орудий—113,000 р.

Подъ залогъ земель	15,000 р.
» » проценти. бумагъ.	650 »
» » товаровъ.	6,500 »

Вторая часть деятельности банка, т.-е. учреждение школ и ссудо-сберегательных товариществ, началась столь же широко и толково. Имѣя въ виду, что первоначальныя сельскія школы, благодаря зажиточности населенія селъ и деревень, бывших во владѣннн гр. Браницкой, содержатся вполне хорошо, советъ банка ходатайствовалъ объ открытнн ремесленныхъ школъ въ болѣе населенныхъ пунктахъ своего района. По этимъ ходатайствамъ устроены такія школы въ м. Ставищахъ, Таращанскаго и с. Кожанкѣ, Васильовскаго уѣздовъ, причемъ одни зданнн для школъ обошлись—1-е въ 30,000 р. и 2-е въ 16,000 р. Далѣе советъ назначилъ въ пособнн какъ на устройство, такъ и на содержаннн школъ довольно значительную сумму. Къ 1 января 1897 года неприкосновенный капиталъ гр. А. Браницкой, заключающнйся почти исключительно въ 4-процентной госуд. рентѣ, достигъ 522,500 р. с.

Въ деятельности банка обращаетъ на себя особое вниманнн тотъ фактъ, что за все время существованнн банка не было продано имъ *ни одно* имущество за невзносъ срочнаго платежа въ погашеннн кредита! А между тѣмъ, на полученныя изъ банка ссуды крестьянами, между прочимъ, куплено: 200 молотильныхъ комплектовъ, 15 мельницъ, 3 шерстобойни, 1 жнея, 720 плуговъ, 355 содоморѣзокъ, 8 экстирпаторовъ, 8 ралъ, 1 сѣялка, 37 вѣялокъ, 1 дес. вѣсы и 10 вальцевъ въ маслобойни,—всего на 113,000 р. И изъ этой массы оруднн *ни одно* не оказалось не оплаченнымъ въ назначенные сроки.

Недавно скончался одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей въ провинцнн, П. И. Окуловъ, бывший мировой посредникъ 2-го участка Могилевскаго уѣзда, Подольской губерннн. По оставшимся послѣ покойнаго письмамъ и по свидѣтельствамъ лицъ, близко его знавшихъ, видно,—говорить *Недѣля*,—что онъ былъ энтузіастъ, проникнутый гуманными идеями, искренно и безкорыстно преданный интересамъ народа. Поставленный официально въ качествѣ наблюдателя крестьянскаго самоуправленнн, онъ не ограничивалъ

свою дѣятельность формальными рамками, а постоянно былъ озабоченъ проведеніемъ въ жизнь подвѣдомственныхъ ему сельскихъ обществъ разныхъ улучшеній; при этомъ онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ официальнымъ положеніемъ, не прибѣгалъ къ принудительнымъ мѣрамъ, а старался дѣйствовать исключительно путемъ убѣжденій. Одной изъ главнѣйшихъ заботъ его была борьба съ деревенскимъ кулачествомъ, а однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ этого зла онъ считалъ устройство крестьянскихъ общественныхъ потребительныхъ лавокъ. Въ началѣ 1895 года Окуловъ учредилъ пять разнаго типа лавокъ, изъ которыхъ три были чисто крестьянскихъ, одна основанная церковно-приходскимъ попечительствомъ и одна такъ называемая «компанейская», въ сообществѣ крестьянъ съ мѣстнымъ помѣщикомъ. Въ концѣ же 1895 года количество учрежденныхъ имъ лавокъ возросло до 22, обнимающаго районъ въ 84 поселенія. Цѣль лавокъ: удешевленіе цѣнъ, улучшеніе качества товара, отсутствіе обмѣра и обвѣса, устраненіе необходимости для крестьянъ ходить за каждымъ пустякомъ въ мѣстечко, устройство при лавкахъ чайныхъ и библиотекъ. Большинство этихъ лавокъ основаны на средства отъ питойной аренды, пять лавокъ — на занятія въ сельскомъ банкѣ деньги, три — на часть сельскаго вспомогательнаго капитала, одна лавка заняла часть денегъ у мѣстнаго крестьянина и одна основана на капиталъ, вырученный отъ продажи съ общественныхъ полей. Основной капиталъ лавокъ колеблется между 300 и 400 руб. Деньги эти идутъ на первоначальное обзаведеніе, которое обходится отъ 30 до 50 руб., на приобрѣтеніе документовъ на право торговли до 36 руб., а остальная сумма идетъ на покупку товаровъ. Закупка товаровъ дѣлается въ ближайшихъ къ лавкамъ оптовыхъ складахъ въ г. Барѣ. Предполагается учредить въ послѣдствіи самостоятельный складъ при одномъ изъ центральныхъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ участка. Все дѣло закупки товаровъ поручается сельскимъ старостамъ и уполномоченнымъ. Этотъ самоличный крестьянскій выборъ и закупка товаровъ является главной основой всего дѣла, потому что старосты и уполномоченные прекрасно знаютъ вкусы и потребности своего села, покупаютъ товаръ, который быстро расходуется, а въ тому же, покупая товаръ, крестьяне ясно видятъ, сколько лишняго съ нихъ брали торговцы, и наглядно убѣждаются въ пользѣ общественной лавки. Кромѣ того, въ лавкахъ заинтересованы и женщины, такъ какъ уполномоченные приглашаютъ и ихъ съ собой для закупки мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ. Ближайшее завѣдываніе лавкой возлагается на приказчика, сельскаго старосту и на уполномоченныхъ. Приказчикъ выбирается на сельскомъ сходѣ. Содержаніе его обходится въ среднемъ въ 8—10 рублей въ мѣсяцъ. Уполномоченные, въ количествѣ 6—12 человекъ, дѣлаютъ закупки товаровъ. Товаръ, привозимый ими, расцѣпляется и сдается приказчику, который провѣряетъ наличность. Самыя торговыя операціи лавки производятся на деньги, въ долгъ и въ обмѣнъ на яйца, полотно и др. предметы, которые находятъ сбытъ у свущицковъ, а всѣмъ операціямъ ве-

дется строгая отчетность въ трехъ разнаго рода кнпгахъ: приходо-расходной, дневникъ и долговой алфавитной. Принудительныхъ мѣръ ко взысканію долговъ, какъ показала опытъ, принимать не приходится; исключенія хотя и были, но рѣдко, между тѣмъ единственнымъ побудителемъ къ исправности было то, что неуплатившій въ срокъ, безъ уважительныхъ причинъ, лишался кредита. Торговля въ большинствѣ лавокъ производится весь день, въ деревняхъ же, гдѣ не болѣе 50 дворовъ, лавки торгуютъ только два часа утромъ и вечеромъ. При многихъ лавкахъ устроены уже чайныя, которыя являются и мѣстнымъ собраніемъ, доступнымъ и женщинамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рассадникомъ грамотности. При нѣкоторыхъ чайныхъ имѣются уже библіотеки.

Дѣло П. И. Окулова поставлено прочно; оно окрѣпло, будетъ развиваться и останется прекраснымъ памятникомъ его любвеобильной и, къ несчастью, рано угасшей жизни. Надо думать, что оно по своей удобоисполнимости вызоветъ инициативу къ введенію сельскихъ потребительныхъ лавокъ и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. А потому считаемъ не лишнимъ заявить объ оставшейся послѣ покойнаго брошюрѣ *Общественныя крестьянскія потребительныя лавки*, по которой можно ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ организаціей этого дѣла.

Суровыя мѣры приняты противъ духоборовъ на Кавказѣ мѣстной администраціей: около 4,000 человекъ духоборовъ въ теченіе нѣсколькихъ дней вынуждены были оставить свои села и поселиться на другія, указанныя имъ между горцами мѣста. Такъ какъ послѣ объявленія приказа на выселеніе давалось сроку 3 дня и въ эти три дня приходилось собраться, уложиться и распродать все имущество, то легко себѣ представить, съ какими убытками это дѣлалось. Многое продать духоборы не успѣли и пришлось побросать все то, что нельзя было взять съ собою въ фургоны. Поселены они были безъ предоставленія имъ земли и жилищъ и сначала жили въ своихъ фургонахъ, а потомъ стали нанимать помѣщеніе или строить землянки. Расселеніе духоборовъ произведено было какъ *временная мѣра* впродъ до рѣшенія вопроса о ссылкѣ расселенныхъ въ другія мѣста. Но прошелъ годъ, временная мѣра продолжала дѣйствовать, средства духоборовъ истощились, все что имѣли они продали, теперь уже и продавать нечего. Земли имъ не дано, отхожіе промыслы воспрещены, заработковъ въ мѣстности ихъ расселенія нѣтъ, а если и случаются, то въ ничтожныхъ размѣрахъ. Работники они весьма умѣлые, крайне добросовѣстные, любящіе трудъ и тѣмъ не менѣе почти не имѣютъ заработковъ,—до того малъ спросъ на рабочія руки въ районѣ ихъ расселенія. Мѣстные жители, грузины, относятся къ нимъ весьма дружелюбно и любятъ ихъ. Но взаимомощь между ними немыслима: сами грузинскіе простолюдины—народъ въ высшей степени бѣдный; недородъ и болѣзни винограда, одного изъ самыхъ главныхъ источниковъ ихъ существованія, въ послѣднее время слишкомъ расшатала ихъ хозяйство. Не только столкновения, но даже и

недоразумѣній между духоборами и грузинами почти никогда не бываетъ. Лишенные возможности работать и тѣмъ доставлять средства въ существованію, духоборы дошли до ужаснаго экономическаго состоянія. Въ маленькихъ сѣгхеляхъ, выстроенныхъ на половину подъ землею, «въ сравненіи съ которыми изба нашего крестьянина кажется дворцомъ», живутъ по нѣскольку семей духоборовъ, человекъ 15—20 обоого пола. Полъ избы земляной, во всю длину стѣнъ идутъ широкія нары, на которыхъ, точно трупы, лежатъ больные, а возлѣ нихъ же примостились съ работой и здоровые. «Въ комнатѣ,—по выраженію г. Лѣскова,—стоитъ «душная спираль», за темнотой трудно разобрать лица, отъ плача и крика ребятишекъ у непривычнаго, проведшаго часъ въ этой комнатѣ, заболѣваетъ голова, и сердце больно сжимается при взглядѣ на тѣ условія, въ которыхъ еще могутъ жить люди. Отъ такихъ жилищныхъ условій и отъ крайне недостаточнаго питанія развились между духоборами болѣзни. Врачи, посѣтившіе духоборовъ, свидѣтельствуютъ, что число больныхъ между ними доходило до половины, причѣмъ значительное число страдаетъ куриной слѣпотой. И это въ средѣ населенія, которое до сихъ поръ еще поражаетъ мощностью тѣлосложенія.

Еслибъ столичная печать была поставлена въ такое же положеніе, въ какомъ пребываетъ провинціальная пресса, общество узнало бы мало о бѣдственномъ положеніи изгнанныхъ съ родныхъ мѣстъ и разселенныхъ среди горцевъ духоборовъ. Между тѣмъ, это сообщеніе печати не только обратитъ вниманіе правительства на бѣдственное положеніе подвергшихся изгнанію духоборовъ, но, можетъ быть, и вызоветъ мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. «До какой степени наши глухія провинціи нуждаются въ свободномъ общительномъ словѣ, — говоритъ одинъ изъ ея знатоковъ,—это знаетъ только тотъ, кто жилъ въ провинціи и видѣлъ ея порядки; сколько безобразій самыхъ возмутительныхъ остаются необнаруженными и безнаказанными, только благодаря тому, что нѣтъ пути, нѣтъ средствъ для ихъ обнаруженія». Масса корреспонденцій, посылаемыхъ въ столичныя газеты, не печатаются потому, что редакторы не знаютъ ихъ авторовъ; провинціальныя же газеты, хорошо знающія своихъ корреспондентовъ, не печатаютъ ихъ сообщеній по цензурнымъ условіямъ. Такое положеніе провинціальной прессы вызвало изданіе въ Петербургѣ газеты *Сибирь*, печатающей многое, что не можетъ появиться въ органахъ, издающихся въ Сибири. Теперь сибирская администрація не можетъ рассчитывать, чтобы ея злоупотребленія, всѣ ея незаконныя дѣйствія были замалчиваемы. За время своего недолгаго существованія газета *Сибирь* успѣла разоблачить не мало незаконныхъ дѣйствій со стороны различныхъ административныхъ органовъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ ея напечатанъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Проживающій въ Благовѣщенскѣ отставной поручикъ г. Августовскій состоялъ членомъ благовѣщенскаго общественнаго собранія. Но въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовало особое распоряженіе губернатора, по которому г. Августовскій былъ ли-

шенъ своего права быть членомъ этого общественнаго учрежденія. Трое изъ старшинъ не только не подписали постановленія объ исключеніи г. Августовскаго изъ членовъ, находя это незаконнымъ, но даже совсѣмъ вышли изъ совѣта старшинъ. Въ концѣ подписи семи старшинъ, рукою председателя совѣта старшинъ, генераль-майора Караулова, была сдѣлана слѣдующая приниска: старшины (такіе-то), хотя и не подписали настоящаго заявленія, но вполнѣ съ нимъ согласны. Не подписавшіе постановленія старшины были тѣ самые, которые вышли изъ состава старшинъ, а слѣдовательно ужъ этимъ однимъ выразили, насколько они согласны. Исторія эта произвела на мѣстное общество большое впечатлѣніе. Весь сыр-боръ загорѣлся изъ-за того, что г. Августовскій подалъ въ судъ жалобу, обвиняя полицеймейстера города Благовѣщенска г. Д. въ растратѣ 300 р., переданныхъ ему г. Августовскимъ въ пользу дѣтскаго пріюта. Одновременно съ этимъ было подано въ судъ второе прошеніе артистки Когодевой, тоже по обвиненію г. Д. въ растратѣ 200 руб., собранныхъ по подпискѣ въ ея пользу (у ней сгорѣло трое дѣтей). На г. Августовскаго также, говорятъ, предъ мѣстною главной властью введено нѣсколько обвиненій, но насколько они справедливы, никому не извѣстно. Если г. Августовскій въ чемъ-либо повиненъ, то онъ, само собой разумѣется, долженъ подлежать преслѣдованію въ установленномъ порядкѣ; что же касается лишенія его правъ члена общественнаго собранія, то эта мѣра, какъ извѣстно, предоставлена *только общему собранію* членовъ, пока членъ общества не потерялъ своей гражданской правоспособности.

Превышеніе власти, нарушеніе закона, пренебрежительное отношеніе къ нему—все это долго, столѣтіями практиковалось въ русской жизни и только со времени великихъ реформъ Александра II началась борьба съ этимъ зломъ. Пока борьба эта привела къ тому, что люди черныхъ куртокъ и фраковъ могутъ уже, въ большинствѣ случаевъ, отстоять свое право. Но масса, особенно крестьянское населеніе, испытываетъ поправіе права, какъ обычное явленіе. Съ цѣлью улучшенія правоваго состоянія деревни, увеличенія въ ней законности, многія земства озабочены теперь организаціей юридической помощи крестьянству. Въ числѣ такихъ земствъ находится и лохвицкое, управа котораго предложила уѣздному собранію проектъ учрежденія при управѣ, въ видѣ опыта, юридической консультаціи, для оказанія населенію юридической помощи. Собраніе приняло докладъ управы и ассигновало на дѣло устройства консультаціи 800 руб. Сверхъ всякаго ожиданія, это крайне нужное и полезное начинаніе встрѣлило препятствіе со стороны полтавской губернской власти. Губернаторъ чашель, что постановленіе земства выходитъ изъ круга дѣлъ, предоставленныхъ по закону земскимъ учрежденіямъ. На протестъ губернатора земское собраніе подало жалобу въ правительствующій сенатъ.

Какъ бы отвѣчая на заботы земства объ организаціи юридической помощи сельскому населенію, ссыльный крестьянинъ Степанъ Софіенко осмѣливается по духовному завѣщанію на это дѣло 30 тыс. рублей. Духовное

завѣщаніе съ такимъ содержаніемъ еще не бывало на Руси. Покойный Софіенко, крестьянинъ Валковскаго уѣзда, владеть начало новому виду завѣщаній. Много лѣтъ назадъ, — какъ сообщаетъ *Южный Край*, — Софіенко былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. По прибытіи въ Сибирь, Софіенко занялся торговлей мѣхами и вскорѣ нажилъ значительное состояніе. Прошло много лѣтъ. Старикъ Софіенко давно уже умерли. И вотъ сестра сосланнаго получаетъ недавно отъ одного изъ его сыновей письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что отецъ его скончался, оставивъ послѣ себя состояніе, часть котораго завѣщаль своимъ валковскимъ родственникамъ, а остальное на разныя благотворительныя дѣла. Покойный всегда жаловался на то, что его безъ вины осудили и сослали въ Сибирь. Зная по опыту, что хорошій, добросовѣстный ходатай по дѣламъ, въ какомъ обыкновенно всегда нуждаются деревенскіе темные люди, можетъ принести имъ много пользы, покойный Степанъ Софіенко завѣщаль на это дѣло 30 тыс. руб. Десять тысячъ изъ указанной суммы должны идти на воспитаніе способнѣйшихъ изъ мѣстныхъ крестьянскихъ мальчиковъ, сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ университетѣ по юридическому факультету. По окончаніи курса въ университетѣ стипендіатъ долженъ въ теченіе 12 лѣтъ быть, проживая въ селѣ, ходатаемъ за своихъ односельчанъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Жалованье сѣмьскаго юриста составлять проценты изъ оставшей суммы въ 20 тыс. рублей. Такимъ образомъ, въ теченіе тѣхъ 12 лѣтъ, когда получившій полное образованіе въ университетѣ юристъ будетъ служить нуждамъ своихъ односельчанъ, другой крестьянскій мальчикъ на учрежденную въ 10 тысячъ стипендію долженъ учиться въ гимназіи и университетѣ и быть впоследствии замѣстителемъ своего предшественника.

Замѣчательное духовное завѣщаніе какъ по своему содержанію, такъ и по мотивамъ его вызвавшимъ. Невинно-осужденный человекъ, проведшій многіе годы въ ссылкѣ, вдали отъ роднаго мѣста, оставляетъ послѣ смерти своимъ односельчанамъ защитника ихъ правъ и интересовъ.

И. Иванюковъ.

ПОЛЬКА.

Э л и з ы О ж е ш к о в о й.

Переводъ съ польскаго.

Cogito, ergo sum.

I.

Творческіе факторы.

Четырнадцатый, пятнадцатый вѣкъ. Темная ночь суровой зимы. Среди покрытой снѣгомъ равнины, подъ тучами, закрывающими звѣзды, при свистѣ и завываніи вихря, замокъ горитъ огнями и оглашается первшественными возгласами. Владѣтель замка принесъ съ собою на свѣтъ титулъ рыцаря, потому что классъ, къ которому онъ принадлежитъ, носить наименованіе рыцарскаго сословія. Его жизнь—постоянная борьба. За что, противъ кого?—мы увидимъ потомъ. Теперь минута отдохновенія. Онъ созвалъ въ свой замокъ гостей и веселится. Какъ веселится?—Такъ, какъ это дѣлается на Западѣ.

Обитатель средней Европы—духовно онъ сынъ Запада. Въ своемъ отечествѣ онъ обладаетъ монастырями, переполненными трудолюбивыми монахами, школами съ *trivium* и *quadrivium*, лѣтописцами и поэтами, пишущими по-латыни. Ему не чужды французскіе и итальянскіе университеты; онъ ѣздитъ въ Парижъ, Падуу и Флоренцію, привозитъ оттуда знанія и любовь къ гуманитарнымъ наукамъ, и еще раньше воздвигаетъ собственную академію наукъ въ своемъ Краковѣ. Съ Яномъ Глоговскимъ онъ даетъ толчокъ анатоміи изученіемъ краниологій, съ Коперникомъ открываетъ главный законъ въ движеніи планетъ, со свитою ученыхъ легистовъ отправляется въ Констанць, чтобы вмѣстѣ съ чехами защищать свободу человѣческой мысли, олицетворенной въ образѣ Яна Гуса. Онъ знаетъ и переноситъ въ свою страну все, что возникло на Западѣ: рядомъ съ латинскою литературой—народную пѣсню, какъ зачатокъ будущей народной поэзіи, рядомъ съ схоластическими изслѣдованіями—церковныя мистеріи, какъ зачатокъ драматическаго искусства, вмѣстѣ съ титуломъ рыцаря пріобрѣтаетъ рыцарское понятіе о чести, уваженіе къ женщинамъ, изящество при выборѣ

одежды, лошадей и оружія. Хотя феодальные порядки не распространились на его страну, его замокъ весьма похожъ на тѣ, въ которыхъ проживаютъ западные орлы и коршуны феодализма. Такъ же, какъ и тѣ, его замокъ стоитъ на мѣстѣ, болѣе всего удобномъ для вооруженной обороны, обладаетъ толстыми стѣнами, амбразурами, рвами, валами, подъемнымъ мостомъ, гербомъ надъ воротами, флагомъ и часовымъ на вершинѣ башни, стражею у воротъ и военнымъ гарнизономъ. Внутренность замка, также какъ и на Западѣ, постепенно расширялась и украшалась въ теченіе протекшихъ столѣтій; здѣсь есть дорогіе ковры, богатое оружіе, кое-гдѣ венеціанское зеркало и даже, можетъ быть, нюрнбергскіе часы.

На цвѣтномъ фонѣ ковровъ, при свѣтѣ факеловъ и восковыхъ свѣчей, отражающемся стальнымъ отблескомъ въ оружіи, которое покрываетъ стѣны, въ низкихъ комнатахъ, стѣны которыхъ прорѣзаны узкими щелями амбразуръ, начались веселые танцы. Еще недавно встали изъ-за пиршественнаго стола, еще недавно смолкли пѣсни бродячаго лютниста, а теперь гремитъ шумная музыка, и хозяинъ ведетъ длинный рядъ паръ, сіяющихъ своей одеждой. Рядомъ съ нимъ во главѣ гостей выступаетъ его жена, уважаемая и настолько же свободная госпожа этого замка, насколько онъ является его господиномъ. За ней, вокругъ нея, куда ни обернешь, рой молодыхъ дѣвушекъ, которыми она управляетъ, какъ мать дочерьми. Она еще такъ молода, а у нея уже столько взрослыхъ дочерей. Что это значитъ? Это—обычай, который всякій рыцарскій замокъ наполняетъ молодежью обоого пола, дѣтymi менѣе зажиточной рыцарской братіи. Бѣдная молодежь находитъ въ этомъ богатомъ замкѣ покровительство, ученье, будущность.

Госпожу замка озаарила часть свѣта, которымъ обладала ея страна. Давно прибывшія съ Запада монахини-бенедиктинки научили ее, кромѣ правилъ и догматовъ религіи, множеству изящныхъ работъ, игръ на лютнѣ, а перѣдко и латыни. По преданіямъ, наполняющимъ ея родной домъ, по историческимъ «думамъ», которыя распѣваютъ крестьяне сосѣднихъ деревень, она узнала и исторію своего отечества, отъ мужа, братьевъ, родственникововъ, которые часть молодости провели на Западѣ, слышали много разныхъ вещей о далекихъ краяхъ и людяхъ. И вотъ при помощи домоправительницы, женщины опытной въ дѣлахъ хозяйства, знающей и рукодѣлія и разные обычаи, она правитъ и распоряжается въ многочисленномъ кружкѣ дѣвушекъ изъ болѣе бѣдныхъ домовъ. Въ будничные дни весь замокъ кипитъ работою наполняющей его молодежи. Когда мужская половина упражняется въ верховой ѣздѣ и фехтованіи или удовлетворяетъ канцелярскія потребности владѣльца замка, женщины наматываютъ на веретено пряжу дивной тонины, а дорогую матерію украшаютъ шитьемъ, которое будетъ возбуждать удивленіе будущихъ вѣковъ. За работою они слушаютъ рассказы госпожи замка, вмѣстѣ съ домоправительницей обдѣлываютъ всѣ необходимыя дѣла по хозяйству, въ часы молитвы хоромъ поютъ божественныя пѣсни, а въ часы отдыха, при акомпаниментѣ лютни, повто-

ряютъ тѣ, которыя вырастаютъ на нивѣ изъ-подъ плуговъ пахарей и льются изъ-подъ ихъ кровель.

Обычай въ замкѣ очень суровые, тѣмъ не менѣе молодыя сердца стаиваются и тамъ. Заключаются многочисленныя браки, и, когда изъ-подъ крыльевъ хозяина замка выходятъ опытные рыцари, жены ихъ будутъ вспоминать хозяйку какъ ту, отъ которой получили весь запасъ своего свѣта и добродѣтели. Но въ эту минуту работа и молитва уступили мѣсто веселью. Музыка играетъ все громче, танцующія пары движатся все быстрай, глаза горятъ, сердца бьются все сильнѣе... Вдругъ кто-то кричитъ:

— *Gore!*

Кто-то другой вбѣгаетъ въ комнату и тоже кричитъ:

— Татары!

Грозные, прерывистые звуки летятъ съ вершины башни въ черную ночь. То часовой трубить тревогу. Но ночь перестала уже быть черною, ее вдругъ освѣтило яркое зарево пожара, вспыхнувшее на многихъ точкахъ горизонта, — на далекіе снѣга падаетъ его кровавый отблескъ. То горятъ деревни, рыцарскіе дома, городки и всѣ они зажжены тѣми малорослыми, увертливыми, плосколицами, косоглазыми людьми, которые, съ арканами въ рукахъ и переполненными стрѣлами волчанами за плечами, многочисленные, какъ саранча, быстрые, какъ наводненіе, дикіе, какъ воршуну, перелетаютъ степи, сваливаются на обработанныя поля, уничтожаютъ все, жгутъ, убиваютъ, похищаютъ не только вещи, но и людей, — людей преимущественно, — и, нагруженные добычею, облитые кровью, почернѣвшіе отъ дыма сожженныхъ селъ и городовъ, возвращаются, откуда прибыли, въ свое ханство. Имя ихъ происходитъ отъ Тартара — латинскаго названія ада. Люди, давно ознакомленные съ латынью, произвели отъ Тартара этихъ людей другой расы и вѣры, не знающихъ ни Христа, ни милосердія, настолько многочисленныхъ, коварныхъ, жаждающихъ крови и въ особенности добычи, что всѣ силы страны едва въ состояніи вытѣснить врага изъ ея границъ. Въ первый разъ они появились здѣсь около половины XIII вѣка и съ тѣхъ поръ, безъ посредства феціаловъ *) и ихъ формулъ объявленія войны, повторяютъ свои посѣщенія, которыя, отнимая у труда сосѣдняго народа необходимую правильность и безопасность, въ значительной степени затрудняютъ его гражданское развитіе и прогрессъ.

Музыка стихла, танцы прекратились, въ замкѣ — огромное движеніе, но не похожее на то, какое было раньше. Теперь слышно ржаніе осѣдланыхъ коней, бряцаніе оружія, распоряженіе предводителей, крики гнѣва и возбужденія. Наконецъ, раздается топотъ множества конскихъ копытъ, скрипъ воротъ, стукъ подъемнаго моста. Вооруженный отрядъ при шумѣ вихря мчится по полю, устланному снѣгомъ, по направленію къ кровавому зареву. Замокъ остается во мракѣ и тишинѣ.

*) Въ Римѣ на коллегіи феціаловъ лежала обязанность объявлять, съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ, войну и заключать мирныя договоры. *Прим. пер.*

Онъ сталъ тихимъ, но не пустымъ. Осталась въ немъ горсть солдатъ и много женщинъ съ госпожею зѣмка во главѣ. Госпожа теперь представляется совсѣмъ другимъ существомъ, чѣмъ была тогда, когда, сверкающая драгоценностями, она управляла танцами и бесѣдой. Въ темной одеждѣ, задумчивая и суровая, она обходитъ дворъ и комнаты зѣмка и совершаетъ множество разнообразныхъ дѣяній. Не удивительно, что она задумчива и сурова; ибо, кромѣ судьбы тѣхъ, которые пошли противъ татаръ, передъ ея глазами стоитъ опасность ея собственная и окружающихъ ея женщинъ, опасность, носящая наименованіе: ясырь.

Ясырь — это татарская неволя, превышающая своимъ ужасомъ всё, чѣмъ-либо испытанныя мученія. Это — разлука съ родной страной, потеря женской чести, дикіе края, люди свирѣпые, грязные, дикіе, непосильная работа на язычниковъ, обмываніе ногъ ихъ женамъ, вертепъ гнусности и насилія. Эта неслышанная, почти непонятная опасность пробуждаетъ въ женщинѣ мужество, напрягаетъ всю энергію ея ума, — когда рыцарское воинство оттѣсняетъ съ одной стороны черную волну, она можетъ нахлынуть съ другой и ударить на замокъ. Тогда ей, женщинѣ, придется оберегать этотъ оплотъ отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ честь и свою и порученныхъ ей существъ. Для дочери, сестры и жены война военныя дѣла не составляютъ тайны, и вотъ она ведетъ совѣтъ съ предводителемъ гарнизона, всходитъ на валы, осматриваетъ стѣны, а солдатъ ободряетъ, вдохновляетъ, награждаетъ взглядомъ, словомъ, улыбкой. Что ни день, — толпы крестьянъ и гражданъ вытѣсненныхъ со своихъ пепелищъ, голодные, полунагія, уstraшенныя, стекаются къ стѣнамъ зѣмка, умоляя объ убѣжищѣ, о пропитаніи, о защитѣ. По приказанію госпожи зѣмка раскрываются его ворота. Предводитель гарнизона потихоньку ворчить: это скопище нищихъ пожретъ всю живность, можетъ быть, передъ близкой осадой. Ничего, она людей, христіанъ, соплеменниковъ не броситъ на произволъ разыгравшейся невзгоды.

Умно и дѣльно она стягиваетъ въ замокъ все большіе запасы провіанта, толково и расчетливо распредѣляетъ ихъ. Кромѣ того, она помнитъ, что война приноситъ людямъ не только смерть, но и раны. И вотъ въ комнатахъ зѣмка многочисленный кружокъ паненъ мастеритъ постели, пополняетъ домашнюю аптеку, приготовляетъ лѣкарственные зелья, мази, масла, на биты разрываетъ полотнища льняной ткани.

Вечеромъ, когда густой мракъ спустился на равнину, по которой разгуливаетъ вихрь, надъ которой горятъ факелы пожаровъ, массы мужиковъ и горожанъ вступаютъ въ замокъ и наполняютъ его часовню. Гдѣ-то тамъ, въ далекомъ подѣ, закованные въ броню рыцари, бросаясь на дикихъ наѣздниковъ, оглашаютъ воздухъ воинственнымъ гимномъ «Богородице Дѣво!» а здѣсь женщина въ темномъ платьѣ, преклоняя колѣна у алтара, со свитою воспитанницъ вокругъ и съ толпою солдатъ и обездоленныхъ крестьянъ позади себя, заводитъ пѣснь, взывающую о спасеніи и побѣдѣ...

Молитва услышана, татары вытѣснены изъ границъ страны. Отражен-

ная азиатская волна возвратилась въ свое русло, она уже не разольется по Европѣ, не будетъ угрожать ея вѣрѣ, свободѣ и цивилизаторской работѣ.

Госпожа зámка снова въ праздничномъ платьѣ, счастливая и гордая, выходитъ навстрѣчу возвращающимся побѣдителямъ.

Однако счастье ея не полное. Не всѣ жители подвергшагося нашествію государства удѣлѣли, какъ она и ея близкіе. Азиатская волна, отступая назадъ, унесла множество мужей и женщинъ, въ бездонную пропасть асыра. Въ тишинѣ успокоившагося зámка, въ суровой дисциплинѣ ежедневныхъ занятій, спасенная отъ опасности женщина со скорбью думаетъ о тѣхъ, которые погибли. Тогда появляются въ зámкѣ два человѣка въ монашескихъ одеждахъ. Это—монахи, собирающе въ странѣ огромныя суммы на выкупъ татарскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ. Съ этими деньгами они пойдутъ далеко, черезъ степи, черезъ рѣки, чтобы на вѣсь золота выкупать изъ языческой и варварской неволи христіанскія души. Владѣлецъ зámка отпираетъ тяжелый замокъ шкатулки, владѣльца бѣжитъ въ свои комнаты и, возвратившись, слагаетъ въ руки монаховъ драгоценныя ожерелья, кольца, перстни—сокровища прабабки.

Весна въ большомъ лѣсу выткала изъ листьевъ неисчислимыя фестоны зеленыхъ кружевъ, а стволы деревьевъ украсила каплями смолы съ янтарнымъ отблескомъ и острымъ запахомъ. Среди пѣнія дикихъ птицъ и жужжанья пчелиныхъ роевъ путникъ долго продирается сквозь дѣвственные заросли, не встрѣчая ни слѣда человѣческой руки, и вдругъ до его слуха долетаетъ ритмическій стукъ топора и царящій надъ нимъ клекотъ аиста. Тогда онъ можетъ быть увѣренъ, что въ глухомъ лѣсномъ уединеніи онъ встрѣтитъ поселеніе польскаго землепашца-пionера.

Подъ липою или топодемъ, на вершинѣ котораго чернѣетъ большое гнѣздо аиста, съ едва початымъ лѣсомъ позади, съ клочкомъ засѣяннаго поля впереди, стоитъ домъ съ бѣлыми стѣнами и соломенною кровлей.

Въ домѣ живетъ человѣкъ, который изъ-за обладанія землею борется съ дикою природой.

Центральная Европа, а значить и Польша еще въ значительной степени покрыта лѣсами. На днѣ этого зеленого моря дремлютъ неисчислимыя сокровища, которыя обитатель этого дома рѣшилъ добыть для себя, для своей страны и для всего міра. Это его топоры валяютъ въ разныхъ пунктахъ лѣса вѣковыя деревья, его плуги вспахали клочки урожайной земли, это онъ дикихъ буйволовъ обратилъ въ прирученное стадо, усѣивающее пастбище, также имъ отбитое у непроницаемыхъ, тернистыхъ зарослей. Благодаря его труду, надъ ручьемъ, у котораго бобры созидаютъ свои чадводныя жилища, застучало мельничное колесо, рои пчелъ вышли изъ лѣсу и наполнили колоды, темною громадой стоящія въ саду, который онъ засадилъ разными сортами фруктовыхъ деревьевъ. Все достояніе дома, оставленнаго на мѣстѣ, гдѣ передъ тѣмъ паслись зубры да олени, всѣ

продукты, которые все въ большемъ и большемъ количествѣ выходятъ за границу какъ предметъ торговли съ Европой, онъ отвоевалъ въ потѣ лица, съ опасностью жизни, у лѣса, у болотъ, дикихъ звѣрей, у суроваго климата и грустнаго неба, посылающаго людямъ не столько солнечнаго свѣта, сколько тучъ,—но сдѣлалъ это онъ не одинъ. Передъ домомъ, въ тѣни деревьевъ, женщина укачиваетъ въ колыбели маленькаго ребенка, тогда какъ нѣсколько старшихъ веселыми криками наполняютъ садъ и дворъ. Руки у нея огрубѣлыя, лицо загорѣлое, она преждевременно увяла. Нѣтъ ничего удивительнаго. Съ того дня, когда она, выйдя съ мужемъ, прибыла въ это лѣсное затишь, она совершила многое. Она съяла ленъ и добывала изъ него пряжу, изъ которой дѣлала домашнюю одежду. Она стригла овецъ и ткала изъ ихъ шерсти чудесные ковры, засаживала садъ овощами и лѣкарственными травами, присматривала за молокомъ, перерабатывала медъ въ превосходный напитокъ, изъ воска дѣлала свѣчи, которыя потомъ должны были горѣть въ храмахъ и палатахъ богачей, изъ сала варила мыло, изъ дикихъ и огородныхъ растений составляла микстуры и мази. Кромѣ того, за это время она ухаживала за массою больныхъ, излѣчила множество ранъ, вскормила грудью нѣсколько дѣтей, обучила многочисленную челядь кухонному, пекарному, ткацкому и садовому дѣлу.

Съ одной стороны всѣ эти занятія многосложны и важны, съ другой они являются только вспомогательными и второстепенными. Мужчина создаетъ для нихъ фундаментъ, доставляетъ матеріалъ, окружаетъ ихъ своимъ попеченіемъ. Въ этомъ домѣ онъ—творецъ, она—работница, дѣлающая только то, что онъ прикажетъ, по крайней мѣрѣ что дозволитъ. Въ его пионерскіе, земледѣльческіе, промышленные труды она не вмешивается совсѣмъ, едва понимаетъ ихъ. Она безгранично вѣритъ въ его творчество и отвагу и изъ этой увѣренности почерпаетъ чувство гордости и спокойствія. Съ гордостью она смотритъ на расширяющееся обработанное поле, мечтаетъ о богатствѣ, которое ея дѣти получатъ изъ предпринимчивыхъ рукъ отца, думаетъ, что подъ его защитой домъ этотъ находится въ такой же безопасности, какъ гнѣздо подъ крыломъ орла. И вотъ теперь, при блескѣ весенняго вечера, спускающагося на поселеніе, она качаетъ ребенка съ чувствомъ счастья и спокойствія. Солнечный дискъ закатился за вершину лѣса, вспаханная земля запахла ржанымъ хлѣбомъ, надъ ручьемъ калина бѣлѣетъ цвѣтами, точно снѣжными хлопьями, изъ лѣсныхъ далей соловей выбросилъ нѣсколько пробныхъ нотъ и замолокъ, а надъ домомъ на своемъ высокомъ гнѣздѣ помѣстился аистъ и оглашаетъ воздухъ длинною гаммой металлическаго влѣкота... Идиллія, на днѣ которой дремлетъ драма.

На крыльцѣ дома показывается хозяинъ дома. Онъ сегодня получилъ письмо съ толстыми печатами и долго сидѣлъ надъ нимъ, хмурый и задумчивый. Теперь онъ смотритъ на маленькое царство, которое самъ отвоевалъ себѣ у лѣса и говорить жепѣ:

— Король призывает насъ на войну противъ нѣмцевъ.

Отвоевывая у дикой природы свое царство, онъ не отрекся отъ обязанности воевать за цѣлость отечества. А у отечества, кромѣ татаръ, нападающихъ на него съ юга, есть еще могучіе враги на Западѣ. Боле склонные къ грабежу чужихъ земель и богатствъ, чѣмъ славяне, германцы уже смели съ лица земли нѣсколько славянскихъ племенъ, болѣе выдвинувшихся на Западъ и осѣвшихъ на Эльбѣ, Одерѣ и Лабѣ, но дальше имъ нѣтъ ходу, ихъ оружіе напрасно до сихъ поръ притупляется о два щита, которыми заслоняютъ Востокъ славянства чехи и поляки. Однако, чехи уже слабѣютъ, скоро должны будутъ отступить съ поля битвы и на цѣлыя столѣтія исчезнуть въ германскомъ морѣ. Для Польши разсвѣтъ XV вѣка—это моменты самой рѣшительной борьбы, когда дѣло идетъ объ ея смерти или жизни, да и этого мало. Если она не побѣдитъ, раздѣлитъ судьбу, которая встрѣтила ея братій съ побережій Эльбы и Лабы, германцы, занявъ ея поля, двинутся далѣе на востокъ и сотрутъ съ лица земли славянское имя, какъ вѣтеръ стираетъ буквы, начертанныя на пескѣ.

Она побѣдила. 1410 годъ разрѣшилъ судьбы не одного изъ народовъ процвѣтающихъ нынѣ. Въ этомъ году германскій вихрь наткнулся на польскіе щиты и возвратился къ себѣ назадъ. Пораженіе нѣмцевъ было страшное, сила ихъ стремленія на востокъ удержана на нѣсколько столѣтій, не только Польша, но и другіе славянскія племена, болѣе отодвинувшіяся на востокъ, были спасены отъ гибели.

Вся страна оглашается благодарственными гимнами, криками радости и торжества, только женщина, стоящая передъ бѣлымъ домомъ, затерявшимся въ лѣсу, допрашиваетъ напряженнымъ взглядомъ у разстилающагося передъ нею пространства: «Скоро онъ возвратится?» И она узнаетъ, что онъ никогда не возвратится. Даже останки его не опочіютъ въ родной землѣ,—это одна изъ тѣхъ кровавыхъ монетъ, которыя Польша, какъ выкупъ, оставила на Грюнвальдскомъ полѣ.

Надъ утопающей въ слезахъ женщиной стоитъ ея братъ, который возвратился изъ Грюнвальда. Съ едва зажившей раной на лбу, онъ прославляетъ достойную смерть погибшаго: «*O, quam dulce et decorum est pro patria mori!*» Женщина встаетъ, отираетъ слезы, выходитъ изъ дома и окладываетъ взглядомъ дѣло, начатое тѣмъ, кого она оплакиваетъ.

Что же, когда его не стало, это дѣло останется въ небреженіи и запустѣніи? Рухнетъ блестящая будущность, которую онъ началъ создавать для «я дѣтей? Она сама пойдетъ ли съ этими дѣтьми просить убѣжища или кула хлѣба у братьевъ или родственниковъ? Нѣтъ, ни благоговѣніе къ памяти любимаго человѣка, ни материнская любовь, ни гордость не допустятъ ея до этого. Что въ ихъ общемъ трудѣ выпадало на его долю, она присовокупитъ къ своей и будетъ исполнять обѣ эти обязанности. Изъ простой чернорабочей она станетъ творцомъ, съ орудіемъ, съ дѣятельною рукой. Великая побѣда, вмѣстѣ съ блескомъ славы бросила на страну тѣнь траура,

на фонѣ котораго вырисовывается образъ женщины сильной, берущейся за трудъ вмѣсто мужа, павшаго на полѣ славы.

И вновь, какъ прежде, въ разныхъ мѣстахъ лѣса стучать топоры, пшеничныя зерна сыплются на вспаханную землю тамъ, гдѣ раньше были только норы да логовища медвѣдей. Обработанныя нивы развертываются все шире, въ глубинѣ лѣса загораются огни,—то изъ пней, оставшихся послѣ срубленныхъ деревьевъ гонять смолу,—на лугу сверкаетъ зеркало рыбнога пруда, пастбища покрываются все болѣе многочисленными стадами.

Она, почти въ брестыанской одеждѣ, въ грубой обуви, обѣгаетъ поля, присматриваетъ за пахарями и жнецами, считаетъ снопы, очищаетъ и перемалываетъ зерна, заглядываетъ въ смолокурню, присутствуетъ при ловлѣ рыбы, при доеніи коровъ, при стрижкѣ овецъ. На разсвѣтѣ, со связкою ключей у пояса, она будитъ людей на работу, въ зимніе вечера раздаетъ служанкамъ пряжу и сама засаживается съ ними за пряжу, а въ полночь съ зажженнымъ фонаремъ обходитъ дворы и постройки,—не было бы какой-нибудь неосторожности съ огнемъ, не забрался бы злой человѣкъ. Кромѣ того, она считаетъ, покупаетъ, продаетъ, заключаетъ контракты, ведетъ судебные процессы.

Каждый годъ суда, которые она нагрузила хлѣбомъ, деревомъ, топлинымъ медомъ, звѣринными шкурами, плывутъ по ея роднымъ рѣкамъ къ европейскимъ рынкамъ. Возвращаясь, они привозятъ съ собою болѣе изящныя продукты европейскаго производства и еще большія денежныя суммы. На тщательно сберегаемыя деньги женщина покупаетъ сосѣднія земли, строитъ хутора, посылаетъ сына въ Браковскую академію, потомъ въ Падуу или Парижъ, дочерямъ даетъ приданое и шумно справляетъ ихъ свадьбу. На свадьбѣ она появляется во вдовьемъ, черномъ платьѣ, которое мѣняла только въ рабочіе дни на грубую, почти крестьянскую одежду. Долгіе года, проведенные на жару и вѣтрѣ, въ открытыхъ поляхъ, въ дыму смолокурни, въ пыли амбаровъ, въ хозяйственныхъ бесѣдахъ и спорахъ съ цѣлою арміею прислуги, рабочихъ, купцовъ и матросовъ, испортили цвѣтъ ея лица, у рукъ, движеній, даже у голоса отняли мягкость и изящество. Она стала рѣзка, говоритъ черезчуръ громко, движется больше съ энергіей, чѣмъ съ граціей, а иногда быстротой походки, грубостью рѣчи, самоувѣренностью и смѣлостью напоминаетъ мужчину. *His mulier*. Этотъ типъ такъ хорошо извѣстенъ Польшѣ, что въ польскомъ языкѣ для него образовалось специфическое названіе: *Продъ баба*. Изящная каштелянка, большая барыня, знающая королевскій дворъ, почти королева у себя въ дому, при столкновеніи съ этой труженницей, обладающей грубыми чертами лица, мужскими хватками, рѣзкою и искреннею рѣчью, улыбается потихоньку, но когда узнаетъ ея сыновей,—а тѣ часто бываютъ знаменитыми мужами,—начинаетъ уважать ее, по временамъ завидовать ей. Уважаетъ ее и историкъ, приписывающій ей основаніе не одного огромнаго состоянія, а что еще болѣе важно, производящій отъ нея не одинъ великій характеръ, принесшій родинѣ не мало пользы и славы.

Въ исполненію мужскихъ обязанностей эту женщину побуждало не одно только стремленіе къ накопленію богатствъ. Какое наслажденіе принесли они ей? Но, глубоко религіозная, въ выполненіи того, что передъ лицомъ своей совѣсти она назвала обязанностью, она видѣла въ этомъ служеніе Богу и путь ко спасенію. Суровымъ семейнымъ обычаемъ приговоренная къ единомужеству, она сердцемъ и памятью осталась вѣрна единственному мужчине, которому ей дозволялось принадлежать и почти съ религіознымъ благоговѣніемъ вела далѣе начатое имъ дѣло; наконецъ, она была мать и, трудясь для приумноженія достоянія, думала не только о немъ одномъ, но и о Богѣ, объ обязанности, о любимомъ человѣкѣ, о будущности дѣтей. И, нерѣдко, вспоминая, какимъ образомъ она потеряла мужа, смотря на рубецъ, перерѣзывающій лобъ брата, она въ наивысшей фазѣ своего духа находила слова: *pro patria!*

Въ странѣ царитъ спокойствіе; перерывъ между войнами дозволяетъ приступить къ законодательнымъ и выборнымъ дѣламъ.

Вскорѣ сеймъ, долженствующій создать кодексъ закона и регулировать отношенія страны къ сосѣднимъ государствамъ, соберется въ столицѣ; ему предшествуютъ провинціальныя сеймики, съѣзды и совѣщанія. Огромное движеніе умовъ, рыцарское сословіе такъ и кипитъ сверху до низу, отъ барскихъ замковъ до скромныхъ, даже убогихъ поселеній. Движеніе это ускоряетъ бѣненіе сердца, усиливаетъ работу мозга и струями горячей крови ударяетъ во всѣ пункты общественнаго организма.

Сельскій поселокъ и стоящій посреди него домъ съ бѣлыми стѣнами представляются въ нарядномъ видѣ. Хозяйка дома, при помощи дочерей и служанокъ, усыпала бѣлымъ пескомъ и пахучими листьями амра дворъ и крыльцо, окна убрала цвѣтущими растеніями, комнаты украсила оленьими и зубровыми рогами и коврами.

При блѣдномъ свѣтѣ осенняго солнца, вдоль стѣны лѣса, котораго осень изукрашила гаммами желтой и пурпурной краски, по дорогамъ, вьющимся по скошеннымъ полямъ и затканнымъ серебристою тканью паутины, къ поселку направляются брички, телѣжки, кареты, всадники. Хозяинъ дома и его взрослые сыновья привѣтствуютъ гостей на крыльцѣ; отъ любезныхъ поклоновъ, отъ сердечныхъ объятій такъ и бренчатъ сабли, — а сабли сбоку носятъ всѣ въ честь войнъ прошлыхъ или будущихъ, къ которымъ всѣ и всегда готовы.

Хозяйка, въ унаслѣдованномъ отъ матери платьѣ изъ драгоцѣнной матеріи, у порога парадной комнаты встрѣчаетъ входящихъ любезнымъ поклономъ, словомъ и радостною улыбкой. Она старается быть любезной и выказывать радость, потому что этого требуютъ законы гостепріимства, честь и интересы ея мужа и дома. Она старается принять гостей какъ можно лучше, удовлетворить ихъ желанія, угодить вкусу, въ выгодномъ свѣтѣ показать домашній ладъ и достатокъ. Она заботится также и объ эстетической сторонѣ пріема. Развѣ она не провела нѣсколькихъ лѣтъ молодости

при дворѣ жены вельможи, не видала тѣхъ чудесъ, которыя сумѣла создать европейская цивилизація? И вотъ она снуетъ между гостей, приглашаетъ ихъ къ столу, раздаетъ не только вкусныя блюда, но и любезныя слова, идущія иногда изъ сердца, иногда отъ тщеславія или отъ желанія помочь мужу привлечь къ себѣ политическихъ друзей и стать въ лучшія условія. Ученье въ школѣ общественной жизни начинается для нея не съ этого дня, — она уже понала въ ней вкусъ и обладаетъ опытностью.

Она не нѣма, а въ семейномъ ея положеніи нѣтъ ничего такого, что бы рабскимъ и одуряющимъ страхомъ замыкало ея уста. Въмѣстѣ съ тѣмъ она и не глуха и съ самой ранней молодости привыкла къ разговорамъ, которые кипятъ вокругъ нея. Никакой законъ и никакой обычай не принуждаютъ ее къ тому, чтобъ она покидала собранія мужчинъ и замыкалась въ тиши уединеннаго гинекея. Входя и выходя, садясь, гдѣ ей заблагоразсудится, она слушаетъ разговоры о королѣ, о сановникахъ, о чужеземныхъ династіяхъ, объ отношеніяхъ Польши къ сосѣднимъ государствамъ, о законодательныхъ проектахъ, о религіозныхъ вѣроисповѣданіяхъ, о кастовыхъ привилегіяхъ, о потребностяхъ финансовыхъ, военныхъ, школьныхъ. Сама она во всѣхъ этихъ дѣлахъ не принимаетъ непосредственнаго участія, даже въ разговоръ о нихъ вмѣшивается рѣдко, но они дѣлаются за ея сердце и голову, расширяютъ духовный кругозоръ, а мысли и чувства выводятъ изъ тѣснаго круга личныхъ дѣлъ въ широкую область общественнаго интереса.

Хотя она не обучалась латыни, общеніе съ тѣми, которые знаютъ латынь одинаково съ роднымъ языкомъ, сдѣлало для нея понятными нѣкоторыя латинскія фразы. И вотъ, когда, послѣ долгихъ совѣщаній и споровъ, хоръ голосовъ, соглашающихся поднять на себя что-то трудное, какое-то бремя, отречься отъ чего-то, произноситъ три слова: *pro publico bono!* — въ ея ухахъ это звучитъ какъ церковный *аминь*.

Собственно въ это время она вносила въ парадную комнату вино и печенье, но эти три латинскія слова, значеніе которыхъ она уразумѣла, ударили въ нее, словно электрическая искра.

Передъ нею, стоящею у порога и покорно исполняющею свои женскія обязанности — подавать мужчинамъ яства и питье, ея домашнія стѣны открылись на широкой свѣтъ. Точно вихрь повѣялъ и разнесъ кухонный дымъ, въ которомъ она проводила будничные дни, а изъ него ея глазамъ показался блескъ идеала.

II

Профили прошлаго.

Дамъ, вѣдающихъ «суды любви» (*cours d'amour*) при звукахъ пѣсни трубадуровъ, *grandes amougeuses*, славныхъ возлюбленныхъ поэтовъ, Польша не породила; королевы интригантки, волшебницы, куртизанки встрѣчаются въ ея исторіи, но не часто. Кромѣ того, ея исторія недостаетъ такихъ

женщинъ, которыя, посвящая жизнь наукѣ или искусству, оставили бы въ этихъ областяхъ великія имена. Рыцари наши обходились безъ Дульциней, поэты безъ Лауры и Беатриче, королевскія фаворитки были только блѣдными тѣнями Діаны де-Пуатье и ш-ше де-Монтеспанъ, въ нашемъ прошломъ совсѣмъ нѣтъ ни Аспазіи, ни Гипатіи.

Кто же у насъ былъ? Въ какомъ преимущественно направленіи развивались наши великія или оригинальныя женскія души?

Въ первыхъ лучахъ разсвѣта историческаго дня стоитъ Ванда, королева-самоубійца. Нѣмецъ Ритигеръ добивался ея руки, чтобы, вмѣстѣ съ нею, завладѣть всею странюю. Желая избѣжать союза, противнаго для себя, гибельнаго для страны, она бросилась въ волны Вислы и нашла себѣ въ нихъ смерть. Это только легенда, но, какъ во всякой легендѣ, здѣсь находится, опутанное нитью поэзіи, ядро исторической правды. Здѣсь слышится эхо первыхъ войнъ Польши съ тевтонскимъ племенемъ и въ туманѣ отдаленія вырисовывается фигура первой польской гражданки. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, въ длинныя зимніе вечера, когда веретена жужжатъ, а на очагѣ искрится яркій огонь, старшія женщины рассказываютъ младшимъ исторію Ванды и Ритигера до тѣхъ поръ, пока въ низкой комнатѣ не раздастся пѣсня, которую знаютъ какъ во дворцахъ, такъ и въ крестьянскихъ хатахъ: «въ Польской землѣ лежитъ Ванда, что не пожелала нѣмца».

Какъ заря передъ солнцемъ, Вауда блѣднѣетъ передъ Ядвигаю, которую исторія XIV вѣка представляетъ съ совершенной ясностью. Ядвига любила изысканаго нѣмца, а сдѣлалась женою дикаго литвина для того, чтобы миліоны язычниковъ привести къ католической купели и положить конецъ кровавымъ столкновеніямъ двухъ племенъ, объединивъ ихъ въ границахъ одного государства. Сдѣлала она это не безъ сопротивленія. Любовь къ нѣмцу вложила въ ея руку топоръ, которымъ она хотѣла разбить запертыя ворота королевскаго замка и соединиться съ милымъ. Но ее окружили мужи государства, и то, что они говорили ей тогда, можно выразить въ четырехъ словахъ: *pro fide et patria!* Ядвига уступила, а потомъ, когда ея мужъ въ далекой Литвѣ присоединялъ къ лону церкви своихъ соотечественниковъ-язычниковъ, она, во главѣ войска, отбила у врага одну изъ польскихъ провинцій. Потомъ она вступалась за обиды, причиненныя народу, а когда они хоть отчасти были заглажены, изрекла слова, глубоко знаменательныя для того вѣка, въ которомъ она жила: «Потери возвращены, но кто возвратитъ слезы?» *). Она умерла въ молодыхъ лѣтахъ. Въ старинномъ краковскомъ кафедральномъ соборѣ до сихъ поръ существуетъ огромный черный крестъ, у подножія котораго эта прекрасная тѣлою и духомъ женщина оплакивала свою несчастную любовь, благодарила за то, что ей удалось выполнить великую задачу.

*). Крімъ того, въ своемъ завѣщаніи она повелѣла обновить и расширить краковскую академію, основанную ея дѣдомъ, королемъ Казиміромъ Великимъ.

Молитва и слезы скоро источили изъ нея жизнь, принесенную въ жертву *pro fide et patria!*

Въ XVI столѣтїи Польша принимаетъ живое участіе въ великомъ религиозномъ движеніи, которое противъ католическихъ святынь возводитъ множество протестантскихъ храмовъ. Послѣдніе въ литургїи, въ пѣснопѣніяхъ, въ изложенїи евангелїа замѣняютъ латынь народнымъ языкомъ. Это даетъ первое начало писанной народной поэзіи, — до сихъ поръ она была только устной и существовала только въ памяти людей, — письмо и печать знали только латынь. Какъ рой пчелъ, по странѣ летаетъ неизмѣримое количество листовъ со псалмами и ризмованными молитвами, написанными на понятномъ для всѣхъ языкѣ. Среди творцовъ роскошно расцвѣтшей религиозной поэзіи, утвержденной письмомъ и печатью, находится нѣсколько женскихъ именъ, признанныхъ и исторїей. По всей вѣроятности, ихъ было больше, — нѣкоторыя остались въ неизвѣстности, — тогдашняя женщина рѣшается на такой актъ отваги, на который можетъ вдохновить только великій энтузіазмъ, — вступаетъ на кафедру. У современныхъ авторовъ есть множество упоминаній о женщинахъ, которыя въ протестантскихъ храмахъ, даже на домашнихъ собранїяхъ читаютъ и объясняютъ евангелїе, — упоминаній апологетическихъ или сатирическихъ, сообразно способу мышленія пишущаго. Этими фактомъ нельзя объяснять отсутствіе религиозности у тогдашней Польши, — напротивъ, всѣмъ извѣстно, что тѣ моменты и народы наиболѣе бывають склонны къ ереси и отступничеству отъ церкви, въ которыхъ наиболѣе реагируетъ религиозный духъ.

Скептики и индифферентисты въ дѣлахъ религіи не основываютъ сектъ и не заботятся объ ихъ распространенїи. Для того, чтобы дѣлать то и другое, нужно обладать, кромѣ глубоко-прочувствованнаго сознанія необходимости религіи, значительною суммой просвѣщенія и отваги. Безъ перваго невозможно анализъ и критика, безъ второй никто не можетъ вынести тернїй прозелитизма. Поляки XVI столѣтїа обладали умомъ, настолько пробужденнымъ и подкрѣпленнымъ отвагой, чтобы принимать дѣятельное участіе не только въ протестантскихъ движенїяхъ, наплывающихъ изъ Германїи, но и въ необыкновенно интересной сектѣ, которая возникла на польской почвѣ и въ теченіе цѣлаго столѣтїа была выраженїемъ извѣстнаго направленія польской мысли. Эту секту ошибочно называла арианской. Лучшимъ для нея названїемъ, отъ имени ея основателя, будетъ соцініанизмъ. Мало кто въ Европѣ знаетъ, что отъ этого продукта польской религиозной мысли взяли начало распространенныя теперь въ Англїи и Америкѣ секты унитарїевъ, антитринитарїевъ и анабаптистовъ. Далекое зашедшіе въ критикѣ догматовъ, соцініане отвергли вѣру въ Троицу и въ божественность Христа, а крещеніе считали только обрядомъ, достойнымъ быть сохраненнымъ. Но этика ихъ была строго-христіанская, общественные принципы настолько демократическими, что подобные имъ можно найти лишь въ концѣ XVIII вѣка, во французской философїи и законодательствѣ.

И вотъ, съ половины XVI до половины XVII вѣка многія польскія ста-

новелись приверженцами этой секты, диаметрально противоположной тогдашнимъ не только наиболѣе общимъ вѣрованіямъ, но и общественнымъ учрежденіямъ. Онѣ становились ея мученицами. Когда, принятыя сеймомъ и королемъ, постановленія Тридентскаго собора положили конецъ религиозному движенію въ Польшѣ, сектанты, если не возвращались къ католическому правовѣрію, подвергались конфискаціи имущества и изгнанію. Социніанки, вмѣстѣ со своими семьями или одиноко, покидали большія или меньшія богатства, порывали самыя дорогія связи и обрекали себя на скитаніе по чужимъ странамъ. Хорошо извѣстна всѣмъ жизнь Катерины Потоцкой, жены великаго поэта XVII вѣка. Когда ея мужъ, по различнымъ побужденіямъ, возвратился въ лоно католической церкви изъ социніанства, она, несмотря на любовь къ нему, къ дѣтямъ и родной странѣ, всю жизнь влачила бремя заботъ, тревогъ и опасности, чтобы не измѣнить тому, что считала истиной. Не въ томъ дѣло, дѣйствительно ли обладаетъ доктрина истиной, дѣло въ томъ, что ея исповѣдницы были способны къ исканію истины и къ страданію за то, что для нихъ было истиной.

Въ томъ же самомъ XVI вѣкѣ биографъ одаряетъ мать Яна Бохановскаго названіемъ «госпожи разсудительной и степенной». Но болѣе характерной, чѣмъ у биографа, она предстаетъ въ великолѣпномъ произведеніи ея сына, написанномъ имъ подъ впечатлѣніемъ невыносимой скорби послѣ утраты любимаго ребенка. Великій лирикъ въ нѣсколькихъ пѣсняхъ, названныхъ «Тренами», даетъ все большую и большую волю выраженію своего горя, и когда доходит до аккорда безумнаго отчаянія, сомнѣвающагося въ самой справедливости Божіей и безсмертія человѣческой души,—ему является его мать. Свой огромный запасъ гуманитарныхъ знаній онъ почерпнулъ изъ трехъ академій: браковской, падуанской и парижской; онъ жилъ въ тѣсномъ союзѣ съ мудростью Греціи и Рима, самыя дружескія связи соединяли его съ знаменитѣйшими современными ему людьми, между прочимъ съ Ронсаромъ, такимъ же родоначальникомъ поэзіи французской, каковымъ самъ Бохановскій являлся по отношенію къ польской поэзіи. Однако, не Виргилій, не Сенека, не Ронсаръ снизошли къ нему въ бездну отчаянія. Пришла къ нему мать. Для усвоенія его глазъ она принесла на рукахъ оплакиваемаго имъ ребенка, но для того, чтобы поднять его духъ, у нея было нѣчто иное, то, чего наименѣе можно было ожидать отъ женщины. Давно умершая, «разсудительная и степенная госпожа» должна была оставить въ памяти сына неизгладимое воспоминаніе, потому что когда онъ самъ умиралъ отъ горя, она выступила предъ нимъ величественною фигурой. Въ ней чувствуется ясная, мужественная философія, широкій взглядъ на предназначеніе человѣка, глубокое знаніе, въ чемъ заключается его бремя и его горести и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая правдивость словъ, что невозможно, чтобы она была чѣмъ-нибудь другимъ, какъ дѣйствительностью, вѣрно отразившеюся въ слезахъ поэта.

Почти сто лѣтъ спустя, король Янъ Собескій въ своей родословной, написанной для папскаго нунція, помѣстилъ такія слова: «наша мать

обладала не бабьимъ, а мужскимъ сердцемъ, считала за ничто величайшія опасности, внушала намъ съизмалу, чтобы мы не отступали отъ примѣровъ нашихъ предковъ, и, прославляя ихъ великое рвеніе къ защитѣ церкви и отечества, приказывала намъ, вмѣстѣ съ азбукой, читать надгробную надпись на памятникѣ нашего прадѣда: *O, quam dulce et decorum est pro patria mori*. Уже послѣ смерти нашего отца она говорила намъ, что еслибъ кто-нибудь изъ ея сыновей осмѣлился уйти съ поля битвы, того она никогда не считала бы сыномъ, и, указывая на нашъ гербъ, походила на спартанскую женщину, которая, снаряжая своихъ сыновъ на войну, указывала на ихъ щиты и говорила: *vel cum hoc, vel super hoc* (или съ этимъ, или на этомъ). Такъ и случилось. Марекъ Собескій, старшій изъ двухъ братьевъ, погибъ на полѣ битвы съ турками, Янъ защитилъ отъ нихъ вѣру и цивилизацію Европы. Послѣ смерти своего первенца Теофила Собеская воздагла въ своихъ владѣніяхъ костель и монастырь, выѣхала за границу и, проживъ нѣсколько времени въ Италіи, умерла. Она немпогими годами пережила сына, который даже «на щигъ» не вернулся къ ней, ибо его кости, по выраженію вѣнскаго героя, «жаждали погребенія».

Почти въ то же самое время (16 мая), въ городѣ, осажденномъ турками, Трёмбовли, царилъ голодъ, смертельное сомнѣніе, отчаяніе. Комендантъ, Янъ Хшановскій, хочетъ выкинуть флагъ, свидѣтельствующій о сдачѣ, но его жена, молодая и прекрасная Анна, становится передъ нимъ съ ножомъ въ рукахъ и со словами: «Если ты сдашься, то этимъ ножомъ я убью сначала тебя, а потомъ себя». Это немного напоминаетъ Арію и Пета, только на этотъ разъ конецъ исторіи былъ счастливый. Хшановскій не сдалъ крѣпости, спасъ ее отъ турокъ, — черта во всѣхъ отношеніяхъ очень интересная, потому что онъ не былъ шляхтичемъ и только за защиту Трёмбовли получалъ дворянство.

Терпѣніе! Я тороплюсь, тороплюсь! Еще только двѣ фигуры, отличныя отъ предыдущихъ, выходятъ передъ вашими глазами изъ тумана прошедшаго.

Эльжбета Дружбацкая, поэтесса первой половины XVIII вѣка. Писала много. Конечно, вы думаете, что то были лирическія воздыханія, субъективныя признанія, романы при свѣтѣ луны, — однимъ словомъ, рѣка чувствительности (*le fleuve du tendre*).

Куда тамъ! То были сатиры, бичующія частныя и общіе пороки съ точки общественнаго интереса, дидактика, направленная болѣе къ обществу, чѣмъ къ единицамъ. Направленіе это нанесло вредъ прекрасному таланту, но оно чувствовалось въ крови поэтессы, правнучки той женщины, которая, стоя на порогѣ комнаты съ виномъ и печеньемъ, прозрѣла блескъ идеала изъ-за трехъ короткихъ словъ: *Pro publico bono!* Вы, конечно, скажете, что поэтами больше приносятъ пользы другіе идеалы. Можетъ быть, но то былъ специфичный идеалъ польки. Эльжбета Дружбацкая, одаренная прекраснымъ поэтическимъ талантомъ, была больше гражданкою и

мыслительницей, тѣмъ повѣстисой. Въ той наслѣдницѣ религиозныхъ повѣстисей XVI вѣка жила часть души Ванды и Собеской.

Я тороплюсь! Еще только одна, но удивительная женщина, изъ княгинь княгиня и вмѣстѣ съ тѣмъ реформаторка-демократка. Творилось это тогда, когда Польша была влюблена во Францію, а Францію заливали демократическія и реформаторскія идеи. И вотъ великое умственное движеніе поднялось въ Польшѣ вокругъ уравненія сословій передъ лицомъ закона, расширенія общественнаго обученія, исправленія учреждений. Вдругъ женщина-публицистъ, съ огромнымъ талантомъ, берется разрабатывать эти вопросы, — о нихъ раньше писали всё перья, надъ ними думали сеймы. Какъ въ дѣлѣ религиозныхъ реформъ XVI вѣка, такъ съ этими лозунгами конца XVIII женщины объединялись мыслью и трудомъ, а выразительнѣйшею ихъ представительницею была княгиня Анна Яблоновская, урожденная княжна Сапѣга. Страшно богатая, вмѣсто того, чтобы жить въ столицѣ или искать себѣ за границей болѣе пріятнаго и легкаго времяпровожденія, она провела жизнь въ своихъ имѣніяхъ и подняла ихъ культуру и администрацію до степени высокаго совершенства. Съ этой стороны она была правнучкой дѣльныхъ польскихъ хозяекъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была и реформаторкой; она освободила крестьянъ, живущихъ въ ея имѣніяхъ, строила для нихъ больницы и пріюты, заводила школы, библіотеки, сберегательныя кассы, даже типографію, написала нѣсколько томовъ о положеніи польскихъ крестьянъ и способовъ поднятія ихъ экономическаго и умственнаго состоянія. Эту умную и великодушную аристократку нужно считать за представительницу группы менѣе богатыхъ и извѣстныхъ женщинъ, которыя въ этотъ моментъ исторіи безпокойно прислушивались къ біенію пульса народнаго организма, дѣлая все возможное для того, чтобы удержать въ немъ жизнь.

III.

П о р т р е т ь .

Какова нива, таковъ продуктъ. Во всѣхъ теперешнихъ народахъ живеть ихъ историческое прошлое, иногда до такой степени извѣстное, что говорить о немъ — то же самое, что повторять общія мѣста. Совсѣмъ иное — исторія мало извѣстныхъ или забытыхъ. Вотъ такую-то, говоря о современныхъ порядкахъ, нужно показать, какъ ботанику показываютъ выртыи изъ почвы корень растенія.

На исторической почвѣ, которую я очертила нѣсколькими бѣглыми штрихами, выросла теперешняя Польша. Здѣсь, какъ и вездѣ, существуетъ разница между провинціями, между классами, но есть также и общія линіи, отличающія группу польскихъ женщинъ отъ группъ другихъ европейскихъ женщинъ, какъ отдѣльный топъ выдѣляется въ аккордѣ.

Современная полька обладаетъ унаслѣдованною отъ прабабокъ живостью и способностью къ самостоятельному труду. Въ XIX вѣкѣ было не мало

обстоятельствъ, которыя лишали ее покровительства и помощи мужчины. Въ особенности въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ она оставалась одинокою, съ малыми дѣтьми на рукахъ, иногда съ престарѣлыми родителями въ добавокъ. Если она жительница деревни, то всѣми своими силами держится за клочокъ земли, къ которому всегда страстно привязана. Тогда она проявляетъ энергію и постоянство, часто приводящія въ изумленіе. Одѣтая кое-какъ, загорѣлая, съ огрубѣвшими чертами лица, руками и голосомъ, она надсматриваетъ за рабочими, позваниваетъ ключами возлѣ сараевъ и кухни, руководитъ обработкой земли, которую знаетъ въ совершенствѣ, пытается ввести новыя отрасли производства. Въ интервалахъ она чешетъ и одѣваетъ маленькихъ дѣтей, старшихъ учитъ чтенію и письму, просиживаетъ часа два, а иногда и цѣлую ночь, у постели больной матери. Потомъ она садится на тряскую тележку и ѣдетъ въ городъ, гдѣ ее хорошо знаютъ торговцы, съ которыми она до самозабвенія торгуется изъ-за каждаго гроша и горсти хлѣба, адвокаты, кабинеты которыхъ она оглашаетъ громкими повѣствованіями о своихъ заботахъ и неприятностяхъ, чиновники, у которыхъ она обдѣлываетъ разныя дѣла, а больше всего начальники школъ, въ которыя она привозитъ дѣтей, съ просьбами о принятіи, о переводѣ въ высшій классъ, о стипендіи и т. п. Иногда, въ тяжелыя минуты, нервно настроенная и измученная, она жалуется, плачетъ, почти вымаливаетъ мужскую помощь и покровительство, но это случается не часто. Обыкновенно, она бываетъ разсудительна и смѣла, вѣритъ своимъ силамъ, которыя въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ направляетъ къ двумъ цѣлямъ: удержать въ рукахъ собственный клочокъ земли и насколько возможно старательнѣе воспитать дѣтей. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти цѣли бывають достигнуты. Это въ деревнѣ.

Въ городѣ, женщина овдовѣвшая, или по причинѣ какихъ-нибудь другихъ случайностей, лишенная помощи мужчины, представляется иною и занимается чѣмъ-нибудь инымъ. Въ сравненіи со своею деревенскою товаркой она кажется изящною, ибо городская жизнь хранитъ отъ совершенной гибели ея врожденный инстинктъ и элегантность. Блѣдная, худая, тихая она носитъ во взглядѣ застывшее выраженіе тревоги передъ чуждою ей толпою, среди которой вращается она для того, чтобъ отогнать отъ себя и отъ дѣтей призракъ голода. Въ одеждѣ, убожество которой скрашивается слегка моднымъ покроємъ, брошкой—остаткомъ счастливаго прошлаго, со станомъ, сохраняющимъ стройность до старости, она скользитъ по улицамъ города тихо, увертливо, точно мышь, ищущая въ амбарахъ остатка зерна. Что она дѣлаетъ, чтобы найти пропитаніе?—Разныя вещи. Если она знаетъ какой-нибудь чужой языкъ, музыку, нѣсколько предметовъ въ предѣлахъ школьной программы, то даетъ по домамъ уроки, которые, вслѣдствіе конкуренціи и всеобщаго экономическаго кризиса, падаютъ до цѣны неправдоподобно низкой. Иногда, если у нея есть соответственныя способности, она открываетъ модную мастерскую, часто маленькій ресторанъ, въ которомъ питаются безсемейные мужчины, или берется содержать и нал-

считать за учащуюся молодежь, приѣхавшую изъ деревни, а то нанимаетъ большое помещеніе и принимаетъ какъ возможно больше квартирентовъ, сама тѣсясь, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ каморкѣ подь крышей.

Почти каждый изъ этихъ видовъ заработка является недостаточнымъ, и женщина присоединяетъ къ нему еще другой и даже третій, находя, кромѣ того, время на мелкую, добавочную работу. При помощи иглы, крючка, спицы она, часто со вкусомъ и искусствомъ, дѣлаетъ множество мелочей, необходимыхъ для украшенія одежды или жилищъ женщинъ богатыхъ и сбываетъ ихъ въ лавки или въ частные дома. Всѣ эти заработки не только мелкіе, но и трудно находимые. Чтобы ихъ добыть, нужно ходить, искать, просить работы какъ милостыни, въ большинствѣ случаевъ испрашивать разрѣшеніе начальства. Вмѣстѣ съ тѣмъ—затрудненія при воспитаніи дѣтей. Число школъ, по отношенію къ потребностямъ народонаселенія, чрезвычайно мало, плата за ученіе высокая, множества специальныхъ заведеній на мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ, а для того, чтобы найти гдѣ-нибудь, нужны деньги на путевыя издержки. Однако, въ большинствѣ случаевъ, ея хватаетъ на все это. Какимъ образомъ? Это тайна ея безшумной, быстрой походки, ея блѣдныхъ рукъ, которыя постоянно заняты какой-нибудь работой, ея головы, которая подь старательно причесанными волосами всю силу своей мысли устремляетъ въ одно направленіе. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, одинъ изъ сыновей становится инженеромъ, другой — юристомъ, дочь выходитъ замужъ за филолога,—большая гордость и радость для матери. Но инженеръ, чиновникъ, профессоръ часто не могутъ заниматься своимъ дѣломъ на родинѣ, а чтобы дѣлать что-нибудь, уѣзжаютъ въ глубины широкой Россіи, часто въ Азію. Она имъ не сопутствуетъ. Гдѣ ужъ ей, измученной, совершать такое длинное путешествіе, привыкать къ другому климату. Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ она воспитала дѣтей, она остается безъ нихъ. Недостатка она уже не терпитъ, сыновья, дочь присылаютъ ей деньги и письма изъ далекихъ краевъ, и письма эти она читаетъ всякому, кто только хочетъ слушать. Когда она читаетъ, то на ея увядшихъ губахъ появляется улыбка счастья, а съ глазъ она украдкой стираетъ слезы. Эти слезы каждое утро она несетъ въ костѣль и приноситъ ихъ Богу за счастье дѣтей. Увидитъ ли она ихъ еще разъ или два въ жизни, а то можетъ быть и не увидитъ,—изъ дальнихъ краевъ дорога долгая и трудная. Она утомлена, физически разрушена и, вскорѣ, какъ одиноко жила, такъ одиноко и умретъ.

Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ такихъ женщинъ, трудящихся безъ участія мужчинъ, въ деревнѣ и въ городахъ было много, да и теперь ихъ много. За это время онѣ обработали значительное количество земли и воспитали значительную часть молодого поколѣнія.

Теперь мы въ большомъ городѣ, на большомъ раутѣ. Въ ярко освѣщенную залу, наполненную цвѣтами, брилліантами, шумомъ голосовъ, входитъ женщина, импонирующая своимъ ростомъ и изяществомъ движеній. архатное платье, богато украшенное страусовыми перьями, дѣлаетъ болѣе альфною блѣдность ея немного утомленнаго лица, поражающаго отпе-

чаткомъ спокойствія и разума. Кто эта элегантная дама съ осанкою княгини? Эта женщина — докторъ, имѣющая огромную практику и огромный доходъ.

Она первая изъ полекъ 18 лѣтъ тому назадъ окончила изученіе медицины въ Цюрихѣ *) и съ того времени каждый день помногу часовъ то всходитъ, то спускается съ высокихъ лѣстницъ, навѣщаетъ сотни больныхъ женщинъ и дѣтей, а другихъ принимаетъ въ своемъ докторскомъ кабинетѣ, дѣлаетъ операциі, участвуетъ въ консилиумахъ. Кромѣ этихъ профессиональныхъ занятій, она принимаетъ участіе въ разныхъ филантропическихъ и общественныхъ дѣлахъ, читаетъ публичныя лекціи, вліяетъ на мнѣнія и судьбы женщинъ, которыя въ качествѣ гостей или ищущихъ указанія и помощи въ разное время дня наполняютъ ея роскошно обставленную гостиную. Вечеромъ на великосвѣтскомъ раутѣ она вращается среди двухсотъ человекъ съ такою непринужденностью и изяществомъ, какъ будто никогда не держала въ рукахъ хирургическаго инструмента и не склоняла головы надъ сухою научною книгою. Въ разговорѣ пройденный ею ученый путь сказывается только по блеску оригинальныхъ замѣчаній, по глубинѣ возрѣній или мудрой ироніи улыбки. Возвратившись съ раута, которому посвящаетъ немного времени, она еще засядетъ за составленіе научнаго труда, а завтра встанетъ рано, чтобы предъ началомъ врачебной работы обнять маленькаго сына и оставить его учителямъ программу занятій и развлеченій на весь день.

Въ ранній утренній часъ на улицахъ города, при бѣловатомъ свѣтѣ начинающагося зимняго дня, мелькаютъ только фигуры самыхъ бѣдныхъ тружениковъ. Мимо насъ быстро проѣзжаетъ вагонъ конки. Здѣсь также только фізіономіи и одежды рабочихъ, швей, прислуги. Отъ этого сѣраго фона, какъ цвѣтокъ отъ сермяги, отдѣляется женщина съ лицомъ напоминающимъ розовую зарю, въ дешевой, но ловко скроенной шубѣ, придающей ей стройной фигурѣ отпечатокъ элегантности. Она сидитъ на жесткой лавкѣ конки, прямая и изящная, пряча отъ мороза руки въ мѣховую муфту. Кто эта женщина, которая такъ рано встала съ постели и раздѣзжаетъ по городу, окутанному предразсвѣтнымъ туманомъ? Это гениальная поэтесса **). Титулъ не преувеличенный, — объ этомъ знаетъ все славянство, знакомое съ ея произведениями по переводамъ. Ни одна изъ теперешнихъ европейскихъ литературъ не обладаетъ поэтессой такой величины, — мы смыслиаемъ на свидѣтельство литературной критики народовъ, говорящихъ на языкахъ, родственныхъ польскому, — русской и чешской. Но различныя причины производятъ то, что только нѣкоторыя отрасли литературы могутъ обеспечивать матеріальное благосостояніе своихъ тружениковъ, а поэзія въ числу ихъ не принадлежитъ.

Поэтесса, которую мы замѣтили въ вагонѣ конки, родилась въ зажи-

*) Пани Анна Томашевичъ-Добрская.

***) Марія Кононицкая.

точной семьѣ, дѣтство провела въ довольствѣ и получила старательное воспитаніе. Потомъ она обѣднѣла и поселилась одна въ городѣ, чтобы трудомъ зарабатывать средства на воспитаніе и обезпеченіе будущности своихъ дѣтей.

Теперь она ѣдетъ такъ рано потому, что значительное пространство отдѣляетъ ея квартиру отъ того дома, въ которомъ она даетъ первый утренній урокъ. Эта повтесса зарабатываетъ хлѣбъ частными уроками, которые, благодаря ея писательскому имени, оплачиваются исключительно высокой цѣной. Много часовъ пройдетъ прежде, чѣмъ она возвратится домой, чтобы послѣ короткаго отдыха приняться за переводъ равныхъ ей повтовъ.

И лишь въ ночной тишинѣ, въ праздничный день,—почемъ я знаю,—можетъ быть именно въ тѣ минуты, когда она перерѣзываетъ городъ вдоль и поперекъ, въ вагонѣ конки, она и творить поэмы, изъ которыхъ не одна является совершеннѣйшимъ произведеніемъ.

Бываетъ въ году день, какая-нибудь годовщина,—семейная или литературная,—когда ея маленькая, почти бѣдная квартирка наполняется цвѣтами. Букеты, корзины, снопы, ковры,—цѣлая жатва цвѣтовъ. Притомъ, множество людей, которые поздравляютъ или благодарятъ ее, приносятъ ей золотыя перья,—дань соотечественниковъ. Она, съ лицомъ, болѣе чѣмъ когда-либо похожимъ на утреннюю зарю, съ голубыми, точно васильки, глазами, сіяющими радостью, прелестная въ своемъ праздничномъ платьѣ, черное кружево котораго оттеняетъ нѣжную бѣлизну ея рукъ и шеи, обходитъ гостей, благодаритъ, разговариваетъ, угощаетъ конфетами и лимонадомъ. Въ этотъ день она свѣтская женщина, умѣющая изящно склонить голову, произнести ласковое слово, мѣткую остроту, даже, для удовольствія гостей, рассказать какой-нибудь анекдотъ, ходящій по городу.

На другой день съ восходомъ солнца опять поѣздки по конкѣ, длинные часы уроковъ, занятія за письменнымъ столомъ, хлопоты по хозяйству,—она не богата,—непріятности и огорченія съ помещеніемъ дѣтей въ школу. Нужно дать извѣстное направленіе ихъ будущности, а здѣсь это такъ трудно. И такъ проходятъ года.

Направимся теперь въ другую сторону жизни. Зимній вечеръ въ городѣ. Во всѣхъ домахъ свѣтятся болѣе или менѣе длинные ряды оконъ. Это—гостиныя разныхъ размѣровъ: большія, среднія, маленькія, но ихъ множество.

Что ни домъ, то салонъ, что ни домикъ, то салончикъ, какихъ бы то ни было размѣровъ, какъ бы ни обставленный, но совершенно отдѣленный отъ кухонной и хозяйственной жизни.

То же самое въ деревнѣ. Въ каждомъ домѣ или домикѣ два, три окна, украшенные занавѣсками и цвѣтами, означаютъ, что за ними находится мѣсто лучше убранное, болѣе уютное, предназначенное специально для приема гостей и сборища домочадцевъ въ минуты, свободныя отъ занятій. Безъ такого мѣста, въ которомъ никакая хозяйственная подробность не

оскорбляеть чувства, полька может обойтись только съ большими лишениями. Можно сказать, что исключеніе представляет лишь самая темная масса деревенскаго населенія, потому что даже жена ремесленника маленькаго городка любезнымъ жестомъ указываетъ гостю лучшее кресло чистенькой комнаты, даже горничная, при помощи двухъ-трехъ штукъ мебели и нѣсколькихъ доскутковъ, устраиваетъ себѣ въ углу кухни, что-то вродѣ будуара.

Эта особенность въ устройствѣ дома вытекаетъ изъ потребности, унаследованной отъ прабабокъ, которыя присутствовали при необыкновенно частыхъ собраніяхъ, требуемыхъ широкую общественною и политическою жизнью древней Польши. Полька въ минуты отдохновенія и веселья не только желаетъ, но и умѣетъ разговаривать. Въ извѣстной степени это перешло къ ней изъ Франціи, которой она подражала въ моменты взаимной любви двухъ народовъ, но, кажется, въ этомъ отношеніи она перепогладила француженку, по крайней мѣрѣ то, что называется умѣньемъ вести салонъ, разлилось у насъ на большія массы женщинъ, чѣмъ во Франціи.

Приманка салона, какой бы онъ величины ни былъ, здѣсь, какъ и вездѣ, представляютъ танцы, флиртъ, но еще въ большей степени разговоръ. Разговоръ долженъ заключать въ себѣ какой-нибудь исключительно притягивающій элементъ, коль скоро мужчины, занятые важными дѣлами или подавленные тяжелыми заботами, ищутъ въ немъ отдыха и подкрѣпленія. Этотъ элементъ заключается въ томъ, что польки въ большинствѣ случаевъ умно могутъ заниматься вещами, имѣющими болѣе широкое значеніе, чѣмъ вопросы хозяйства и туалета.

Какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, въ сферѣ богатой, среднестаточной и даже бѣдной, польскія женщины много читаютъ и живо занимаются не одной только беллетристикой, но и тѣми загадками человѣческаго быта, которыя она отражаетъ въ себѣ. Въ нѣкоторыхъ группахъ женщинъ, напримѣръ, среди учительницъ, писательницъ, дѣвушекъ, которыя при вступленіи въ зрѣлый возрастъ хотъ сколько-нибудь времени мечтаютъ объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи, молодыхъ матерей, всецѣло занятыхъ задачами воспитанія дѣтей, гражданокъ, сильно проникнутыхъ интересами и положеніемъ страны,—всѣ новѣйшія теченія европейской мысли, всѣ возраждающіеся изъ этой мысли теоріи педагогическія, соціологическія, этическія и политическія находятъ жаркихъ ученицъ и адептовъ. Сто лѣтъ назадъ полька живо занималась гуманитарными идеями, идущими изъ Франціи, думала о положеніи обездоленныхъ классовъ и о способахъ, какъ принести имъ облегченіе и поддержку. Сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ она съ энтузіазмомъ вчитывалась въ произведенія великихъ нѣмецкихъ философовъ, а теперь Спенсеръ, Милль, Бонтъ, Тэнъ и другіе вожди современной мысли часто бываютъ ея близкими знакомыми. Если она мало способна или чересчуръ увлекается удовольствіями свѣта, или поглощена заботами о заработкѣ, для того, чтобъ отдаваться серьезному изученію предмета, то врожденное любопытство тянетъ ее къ

журналамъ и популярной литературѣ, изъ которыхъ она черпаетъ значительный запасъ разнообразныхъ свѣдѣній.

Въ послѣднемъ случаѣ просвѣщеніе это—поверхностное, но и оно препятствуетъ женщинѣ всецѣло утонуть въ хозяйственныхъ и кухонныхъ мелочахъ и придаетъ ея уму, а слѣдовательно и рѣчи, извѣстную ширину, полетъ и прелесть. Полька, не стремящаяся хотя бы даже и къ такому просвѣщенію, принадлежитъ къ числу самыхъ глухихъ, самыхъ пустыхъ, или болѣе подавленныхъ матеріальною нуждою женщинъ своей страны. Всѣ эти три группы существуютъ, но и среди нихъ женщина, если не имѣетъ способности или времени вступить въ міръ иныхъ явленій, чѣмъ котлета или бантикъ, чувствуетъ къ нему влеченіе или выказываетъ нѣкоторыя претензіи. Умственный мракъ всегда представляется полькѣ тѣмъ-то такимъ, что ее унижаетъ, и что прикрывать она старается хотя фальшивою внѣшностью. Какъ бы то ни было, благодаря врожденной подвижности и умственной эластичности, женщины въ Польшѣ не составляютъ, какъ это замѣчается и тамъ, и здѣсь, упорно-консервативнаго элемента. Напротивъ, можетъ быть вслѣдствіе большой впечатлительности и менѣе основательныхъ научныхъ познаній, стремленіе къ новизнѣ въ области жизни и общественныхъ отношеній у нихъ сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Полька по сущности своего ума отличается способностью къ инициативѣ и энтузіазму. Она не только принимаетъ новизну, но и предлагаетъ ее; она бываетъ не только адептомъ, но и апостоломъ. Изъ всего этого выходитъ, что мужчины и женщины не только могутъ вмѣстѣ пріятно проводить время, но и мыслить вмѣстѣ. Разговоры, ведущіеся въ салонахъ и салончикахъ, заключаютъ въ себѣ зачатокъ совмѣстнаго мышленія, украшены улыбкою, граціей слова, любезностью. Это собственно даетъ ему окраску, интересъ, разнообразіе и силу привлекательности.

Совмѣстное мышленіе, придающее главную прелесть общественной жизни, является для польки вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ желательныхъ элементовъ семейной жизни. Невѣста подъ брачнымъ вуалемъ молится не только о томъ, чтобы всегда любить и быть любимой, но и томъ, чтобы вмѣстѣ съ любимымъ человекомъ мыслить и трудиться. Драконы дѣйствительности часто пожираютъ этотъ идеалъ, но рѣдкая полька не проникается имъ хоть на минуту передъ тѣмъ, какъ начать свою замужнюю жизнь. Потому она утрачиваетъ его по своей винѣ или по винѣ обстоятельства, но если это случается по легкомыслію, гордости или эгоизму мужчины,—она страдаетъ сильно, чувствуетъ себя униженною и въ большинствѣ случаевъ перестаетъ любить. Разладъ въ мысляхъ и стремленіяхъ для польки часто бываетъ причиною несчастія въ бракѣ. Супружескій союзъ только на физической почвѣ очень рѣдко удовлетворяетъ ее; никогда безъ большихъ мученій она не соглашается на роль фаворитки своего мужа. Она взяла это изъ прошлаго,—за нѣсколько вѣковъ великій поэтъ ея отечества писалъ: «Если жена не украшаетъ мужа, напрасно мужъ добивается чего-нибудь». На ея настроеніе вліяетъ и умѣренный

темпераментъ, который не занимаетъ всего ея существа страстными впечатлѣніями и оставляетъ много мѣста для развитія психики.

Но у всякой медали есть двѣ стороны. Есть пункты, съ которыхъ прекрасныя особенности начинаютъ обращаться въ недостатки. У польки есть извѣстное количество недостатковъ и слабостей, общихъ съ женщинами другихъ странъ, но здѣсь я останавлиюсь только на тѣхъ, которые составляютъ ея специальную принадлежность. Это—недостатки, вытекающіе изъ ея особенностей. Широко развитая общественная жизнь, можетъ быть почитаема за продуктъ высокой цивилизаціи заключающей въ себѣ значительную долю добра, а въ особенности красоты, но съ другой стороны невозможно обладать имъ безъ значительныхъ надержекъ матеріальныхъ и моральныхъ. Единицѣ, тѣмъ болѣе массѣ, трудно сохранить чувство жѣры при пользованіи чѣмъ-нибудь. Салонъ занимаетъ чересчуръ большое мѣсто въ домѣ и жизни польки. Въ домѣ онъ распространяется часто съ ущербомъ для удобства и гигиеничности другихъ частей жилища, въ жизни развиваетъ въ опасную сторону присущую женщинамъ склонность къ нарядамъ и подчиненію модѣ. Салонъ вырабатываетъ въ полькѣ прекрасныя свойства, эстетичность, грацію осанки, рѣчи, обхожденія съ людьми, но обладаніе этими свойствами часто побуждаетъ ее мсать для нихъ болѣе широкаго поприща. Мнѣ грустно было читать въ характеристикѣ румынской королевы, что румынка такъ превосходно танцуетъ польку, какъ будто этотъ танецъ былъ извѣстнымъ родомъ ея специальности, тогда какъ въ настоящее время полька танцуетъ меньше, чѣмъ какая-нибудь европейская женщина и съ наименьшей суммой веселья въ сердцѣ. И все-таки неопровержимая истина, что, примѣнительно къ обстоятельствамъ, она еще много танцуетъ и что общественная жизнь или вообще салонъ поглощаютъ въ польскихъ домахъ чересчуръ много мѣста, времени и денегъ.

Съ другой стороны, стремленіе къ умственнымъ занятіямъ довольно часто поражаетъ легкомысленное отношеніе къ труду скромному, но необходимому для всякаго общества, поражаетъ амбицію, превышающую способности, желаніе вскарабаться на умственные и общественныя высоты, тогда какъ достаточныхъ силъ для достиженія этого не имѣется. Отъ этого извѣстное число женщинъ выбивается изъ коленъ, образуются группы другихъ женщинъ, къ которому можно примѣнить французское прилагательное—*les gâtées*. Получается впечатлѣніе болѣзни, извѣстной въ патологіи подъ названіемъ *mania grandiosa*. Можетъ быть, нигдѣ нѣтъ столько кандидатовъ на докторовъ и писательницъ, сколько ихъ въ Польшѣ, за то множество отраслей промышленности и хозяйства страдаютъ отъ недостатка трудящихся женщинъ.

Маніей величія страдаютъ у насъ не только тѣ женщины, которыя сами для себя избираютъ способъ образованія и родъ дѣятельности, но также и матери, которыя рѣдко умѣютъ приспособить воспитаніе дѣтей къ ихъ умственнымъ способностямъ и своимъ матеріальнымъ средствамъ. Изъ

этого выходит иногда нѣкоторая неполнота воспитанія, которая не дозволяетъ женщинѣ взойти на высокую ступень умственной и общественной іерархіи, а къ низшимъ ступенямъ возбуждаетъ въ ней отвращеніе.

Теперь, спустимся на самое дно того существа, изображеніе котораго мы набросали быстрыми чертами. Какимъ бы ни было ея назначеніе и нива, на которой она трудится,—держать ли ея рука ключъ отъ амбара, хирургическій инструментъ, иглу, перо, кисть или вѣеръ,—въ глубинѣ своей психики полька таятъ одну черту, продуктъ какъ исторіи, такъ и настоящей минуты,—сильную связь со своей родиной. А эта связь скрѣпляется двумя узлами: любовью и долгомъ. Для польки это чувство является не источникомъ радости и гордости, а только источникомъ горя и униженій, не можетъ выразиться въ одной любви, но должно быть также и долгомъ.

На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы полька ощущаетъ эту любовь въ своемъ сердцѣ и долгъ лежащій на совѣсти. Она чувствуетъ также интересъ къ общественнымъ дѣламъ, въ большей или меньшей степени знаетъ ихъ, принимаетъ въ нихъ участіе, если не дѣломъ, то словомъ, намѣреніемъ, чувствомъ. Эта особенность, можетъ быть, больше, чѣмъ всѣ другія, не дозволяетъ полькѣ вплотную замыкаться въ сферѣ кухни или гардеробной, но всегда болѣе или менѣе расширяетъ ея умственный горизонтъ и поднимаетъ моральный уровень. Этою особенностью объясняется то, что существуютъ лозунги и обязательства, ради которыхъ женщина лѣнивая можетъ взяться за работу, легкомысленная—перестать тавновать, непросвѣщенная—задуматься и поднять взоръ немного выше кухоннаго очага. Этой особенности польки обязаны многими героическими нотами въ пѣснь своей исторической жизни, прошедшей и настоящей. Съ этой точки зрѣнія современная полька по прямой линіи правнучка той давнишней женщины, которая, стоя на порогѣ комнаты, съ виномъ и печеньемъ въ рукахъ, прозрѣла блескъ высокаго идеала въ трехъ короткихъ словахъ: *pro publico bono*.

IV.

Факты и теорія.

Весьма понятно, что эмансипаціонное движеніе женщинъ, начавшееся на Западѣ 30—40 лѣтъ назадъ, нашло среди польекъ живой отголосокъ. Приспособили ее къ этому не только особенности ума и характера, но также и исключительныя условія жизни. Я не хочу описывать ни эти условія, ни причины, которыя поражаютъ ихъ; я ограничусь подтвержденіемъ факта, что ни въ какой другой странѣ мужчины не испытываютъ такихъ затрудненій при исполненіи своего профессиональнаго дѣла и, что вытекаетъ изъ этого,—не встрѣчаютъ такихъ преградъ при заключеніи брака. Гдѣ бракъ обставляется большими затрудненіями, тамъ должно существовать наибольшее число женщинъ, которыя надолго или навсегда остаются

одиночки. Въ такомъ положеніи вещей спеціальныи трудъ женщинъ становится неотразимою потребностью не только для нихъ самихъ, но и для всего общества, которое заинтересовано въ томъ, чтобъ обладать возможно бѣльшимъ количествомъ единицъ, здоровыхъ тѣломъ и душою. А безъ такой работы тѣла и души одинокой женщины грозятъ разныя опасности, ибо если тѣло для своего существованія требуетъ пищи, то душа нуждается въ нравственныхъ обязанностяхъ, чтобы не пасть. Наряду съ этимъ, даже въ семьѣ, трудъ мужчины часто недостаточенъ для того, чтобъ поддерживать домъ и воспитывать дѣтей,—на это едва можетъ хватить заработка обонхъ родителей. Я говорю не о рабочемъ классѣ, а объ интеллигенціи, среди которой только очень немногіе могутъ дѣлать то, что лучше умѣютъ, дѣлать все, что умѣютъ и въ своемъ положеніи, какъ и въ заработкѣ, достигнуть уровня, соответственнаго ихъ способностямъ. Положеніе таково, что всякій принимаетъ всякую работу, какую можетъ получить, и плату, будь она хоть немногимъ больше нуля. Въ такомъ положеніи заработокъ женщины, даже самый ничтожный, имѣетъ для семьи важное значеніе.

Съ другой стороны, народъ не господинъ своего положенія, онъ не издастъ для себя законы и не руководитъ общественнымъ воспитаніемъ, то-есть образованіемъ своихъ дѣтей. Отсюда—невозможность возникновенія мѣстныхъ источниковъ науки, хотя бы самыхъ нужныхъ, и необходимость направляться къ отдаленнымъ, въ Россію или за границу. Эта зависимость, эта невозможность охватить вопросъ у самыхъ его основаній, каковыми суть законодательство и образованіе, сразу поставили между женщиной и ея стремленіями къ продуктивному труду, неизвѣстные въ другихъ странахъ, преграды и затрудненія. Однако, несмотря на все это, сила матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей дала на этомъ полѣ весьма значительные результаты, бѣглое обозрѣніе которыхъ мы начнемъ съ умственного труда.

Не имѣя возможности отдаваться ему въ своей странѣ, польки въ большомъ числѣ посѣщаютъ заграничные университеты и привозятъ оттуда докторскіе дипломы.

Первыя женщины-доктора, которыя, возвратившись изъ Женевы, Цюриха и Берна, поселились въ Польшу, встрѣтили со стороны общества совершенно радушный приемъ и въ скоромъ времени приобрѣли всеобщее уваженіе и широкую практику, состоящую исключительно изъ женщинъ и дѣтей. Въ несчастію, эта удача продолжалась недолго. По закону никто не имѣетъ права заниматься врачебною практикой безъ экзамена и полученія диплома изъ какого-нибудь русскаго университета. Женщинамъ благоприятствовалъ законъ, дозволяющій совершить эту формальность въ одной только петербургской медицинскон академіи, да и то она была совершенно закрыта для нихъ отъ 1880 до 1890 года. Польки, прибывающія съ заграничными патентами, очутились предъ абсолютною невозможностью сдавать требуемый экзаменъ и проводить въ практику добытыя знанія. Вслѣдствіе

этого нѣкоторые изъ нихъ временно оставили отечество и практикуютъ въ Австріи, въ Швейцаріи, въ Египтѣ, другія—направились въ Швецію изучать массажъ или въ Петербургъ для окончанія курса въ фельдшерской и зубоврачебной школахъ, а послѣ того, съ докторскими дипломами въ карманѣ посвятили себя массажу, фельдшерству и дантистикѣ. Кромѣ того, число дантистокъ и фельдшерницъ не по принужденію, а по призванію довольно значительно и растетъ все болѣе и болѣе. Недавно женщины, пользуясь только что изданнымъ закономъ, начали учиться фармакологіи. Вотъ все о медицинѣ и ея отрасляхъ.

Положеніе докторовъ философій, то-есть женщинъ-естественниковъ и филологовъ, весьма затруднительно. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ прежней Польши польки совершенно исключены изъ числа преподавательницъ, въ нѣкоторыхъ исключены на половину. Имѣя возможность только въ очень рѣдкихъ случаяхъ получить мѣсто учительницы въ школахъ, женщины эти существуютъ частными уроками и сотрудничествомъ въ журналахъ соответственной специальности, но ряды частныхъ преподавателей и такъ переполнены, а журналы немногочисленны и также наводняются работами мужчинъ. Иные изъ докторовъ философій уѣзжаютъ за границу. Одна изъ нихъ недавно заняла профессорскую катедру въ академіи Гумбольдта въ Берлинѣ.

Между остающимися въ Польшѣ нѣсколько женщинъ содержатъ гимнастическія и фребелевскія школы. Одна, *bachelier ès sciences* изъ Сорбонны открыла въ маленькомъ городѣ Галиціи среднее педагогическое заведеніе для женщинъ.

Учительницъ разныхъ степеней въ Польшѣ находится очень много, но положеніе ихъ такъ запутанно и исключительно, что я не берусь даже хотя слегка обрисовать его картины.

Въ литературѣ за полькой—старая и солидная традиція. За исключеніемъ старыхъ временъ, съ самаго начала XIX вѣка тянется непрерывная цѣпь женщинъ-писательницъ; нѣкоторыя изъ нихъ оказывали значительное вліяніе на своихъ современниковъ и оставили имена, чтимыя не только женщинами, но и всѣмъ народомъ. Теперь имя писательницъ-полекъ—легіонъ, и онѣ точно такъ же, какъ мужчины, находятся на различныхъ ступеняхъ литературной іерархіи отъ низшихъ до наивысшихъ. Тутъ и поэтессы, и романистки, авторы книжекъ для народа и для дѣтей, популяризаторы по естественнымъ и общественнымъ наукамъ. Профессіональное положеніе этихъ женщинъ во всѣхъ отношеніяхъ такое же, какъ и мужчинъ, трудящихся на литературномъ поприщѣ. Предубѣжденія, какъ женщины, онѣ не встрѣчаютъ не только со стороны издателей и коллегъ-мужчинъ, но и со стороны публики. За исключеніемъ рѣдкой несправедливости, которой иногда подвергается и мужчина, мѣрой славы и заработковъ пишущихъ женщинъ является мѣра ихъ таланта и того, что трудолюбіе и общій складъ характера можетъ сдѣлать изъ этого таланта.

Въ сферѣ искусства мы обладаемъ нѣсколькими хорошими художницами,

многими талантливыми музыкантками, пѣвицами, актрисами и цѣлою толпою женщинъ, посвятившихъ себя декоративному искусству. Рисованье по фарфору, кожѣ и различной матеріи, терракота, выжиганіе по дереву, церковное шитье—находятся исключительно въ рукахъ женщинъ. Работы эти отличаются высвою степенью хорошаго вкуса и изящества, а съ недавняго времени начали отличаться оригинальностью образцовъ и мотивовъ. Въ торговлѣ женщины принимаютъ участіе небольшое, въ ремеслахъ значительно большее, но еще недостаточное. Довольно большое число занимается въ магазинахъ, книжныхъ лавкахъ, редакціяхъ газетъ въ качествѣ бухгалтеровъ, кассиршъ, распорядительницъ.

Въ деревняхъ женщины развиваютъ многія отрасли сельскаго промысла: садоводство, пчеловодство, молочное хозяйство и вообще занимаются перерабатываніемъ сырыхъ продуктовъ на предметы торговли.

Какихъ-нибудь общественныхъ должностей польки занимать не имѣютъ права.

Телеграфы и желѣзныя дороги по установленнымъ законамъ до нѣкоторой степени открыты передъ женщинами, но польки въ предѣлахъ Польши не могутъ пользоваться этимъ закономъ. За то онѣ во множествѣ служатъ при телефонахъ, поскольку тѣ находятся въ частныхъ рукахъ.

Эта горсть фактовъ не представляетъ всей дѣятельности польскихъ женщинъ на разнообразныхъ поприщахъ. Много ея чертъ, интересныхъ и серьезныхъ остаются за рамою этой картины.

Фактамъ предшествуетъ теорія, въ нѣкоторыхъ пунктахъ разнящаяся съ той, которую выработали женщины другихъ странъ. Разница во мнѣніяхъ истекаетъ изъ разницы въ положеніи и настроеніи.

Въ общихъ эмансипаціонныхъ стремленіяхъ находятся вещи, за которыя полька сражаться не можетъ, и такія, за которыя сражаться не хочетъ. Она не можетъ сражаться за участіе въ составленіи законовъ, ни за право быть избирательницею и избираемою, ни за мѣсто на общественной службѣ. Въ ея странѣ все это недоступно какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ. Я не пересчитываю еще много подобныхъ невозможностей, потому что предпочитаю подольше остановиться надъ тѣмъ, за что полька сражаться не хочетъ.

Она не хочетъ бороться съ институтомъ семьи и съ суровостью правилъ, опредѣляющихъ обычаи женщины. Что касается семьи, полькѣ не чужда мысль о потребности нѣкоторыхъ реформъ, напримѣръ, большей легкости развода, большихъ правъ дочери на наследство или жены на общее владѣніе съ мужемъ, или матери въ опеку надъ дѣтьми. Но мысль объ уничтоженіи брака и сложеніи материнскихъ обязанностей на шею общества никогда не возникала въ головѣ, не вырвалась изъ подъ пера ни у одной польки-писательницы, которая руководила эмансипаціоннымъ движеніемъ своихъ единоплеменницъ и создавала для этого движенія основную теорію. Что касается суровости или легкости отношеній между двумя полами, мы думаемъ, что мы-то, женщины, и пахотимся въ привилегированномъ по-

ложеніи, а мужчины должны стремиться къ равенству съ нами. Общественное мнѣніе, строже сковывающее наши страсти, чѣмъ страсти мужчинъ, собственно снисходительнѣй къ намъ, потому что ставитъ достоинство нашихъ душъ выше слабости нашихъ страстей. Наконецъ, распущенность мужчинъ,—это доисторическое излишество исторіи или природы,—намъ, которыя начинаютъ борьбу за свободу,—избирать для нея поприще въ самой низшей сферѣ человѣческаго существа—просто стыдъ и излишняя трата времени. Мы понимаемъ необходимость снисходительности въ человѣческихъ, значить—и къ женскимъ, ошибкамъ, обязанность идти на помощь павшимъ, пользу, которую могло бы оказать не только женщинѣ, но и мужчинѣ, право отыскивать отца, но все это отличаемъ отъ идеи «свободной любви», которая не влечетъ къ себѣ ни одну, даже самую крайнюю фракцію нашихъ женщинъ. Мы отлично знаемъ, какое движеніе совершается въ этомъ направленіи, что исходитъ изъ-подъ пера англійскихъ писательницъ и даже двухъ писателей (Миссъ Шрейнеръ, Юта, Джорджъ Эджертонъ, Арабелла Конелли, Грентъ Алленъ, Томасъ Гарди), но слѣдовать имъ не чувствуемъ желанія и не имѣемъ моральнаго права. Отсутствие этого желанія объясняется особенностью нашего темперамента и суровыми традиціями, которыя еще гнѣздятся въ нашемъ мозгу и крови. Отсутствие моральнаго права истекаетъ изъ положенія, въ которомъ находится сама жизнь народа. Введеніе радикальныхъ перемѣнъ въ отношенія и мнѣнія должно по крайней мѣрѣ на время вызвать въ обществѣ волненіе и слабость. Нельзя производить опасные эксперименты на организмѣ, которому угрожаетъ смерть. Этимъ я не хочу утверждать, чтобы у насъ не существовали уклоненія, вызываемая страстью. Напротивъ, въ такой же или меньшей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было, они существуютъ и здѣсь, какъ вездѣ существуютъ люди, только не переходятъ въ правила и не имѣютъ ничего общаго съ эмансипаціоннымъ движеніемъ женщинъ.

И вотъ, лишенная возможности стремиться къ извѣстнымъ цѣлямъ, а къ другимъ стремиться не желающая, программа этого движенія сводится къ двумъ пунктамъ: продуктивный трудъ и достиженіе женщиною при помощи просвѣщенія и труда большей возможности нравственнаго усовершенствованія. Въ нашихъ постулатахъ есть еще одинъ пунктъ: бѣлая, чѣмъ до сихъ поръ, сумма личнаго счастья, но этотъ пунктъ я обхожу безъ рассмотрѣнія. Я убѣждена, что на этомъ бѣдномъ свѣтѣ лучше какъ возможно меньше искать счастья; покажется намъ, что мы найдемъ его вотъ въ той-то сторонѣ, а оно всегда вырвется отъ насъ и лишь тогда волеется въ сердце, когда мы ищемъ нѣчто совсѣмъ иное.

Что касается труда, то мы убѣждены, что женщины должны получать право заниматься всякимъ трудомъ, если только послѣ ряда испытаній не окажутся радикально неспособными къ нему. Вместе съ тѣмъ, мы особенно подчеркиваемъ то, чтобы, обладая правомъ заниматься всякимъ трудомъ, отдѣльная женщина избирала бы себѣ только такой, на который хватить ея способностей. Предостереженіе это вытекаетъ изъ чрезмѣрной

склонности польки вскарабкаться на умственные и общественныя высоты, что пораждаеть Икаровъ, падающихъ съ высотъ въ пропасть. Мы желаемъ, чтобъ эта склонность была умѣряема старательнымъ взвѣшиваньемъ собственныхъ силъ съ одной стороны и трудностей предпринимаемаго дѣла съ другой. Мы усиленно поощряемъ нашихъ женщинъ, чтобъ онѣ тщательно изслѣдовали, обладаютъ ли онѣ крыльями, или только простыми снарядами для хожденья. Въ послѣднемъ случаѣ мы рекомендуемъ имъ здоровую покорность, приводящую къ примиренію съ тою скромною, но почетною участью, которая собственно и составляетъ благородную гордость, потому что не хочеть вырывать у судьбы незаслуженныя почести. Питая глубокое уваженіе къ тѣмъ изъ насъ, которыя идутъ путями возвышеннаго труда, съ пользой для себя и другихъ, употребимъ усиліе умѣрить стремленіе большинства женщинъ къ маніи величія. Эта манія часто убиваетъ прекраснѣйшія особенности и является ключомъ къ разрѣшенію загадки многихъ несчастій.

Но, требуя отъ женщины, чтобъ она не брезгала тяжелымъ трудомъ и скромнымъ назначеніемъ, мы вовсе не хотимъ ее стаскивать на низкій умственный и моральный уровень. Напротивъ, мы желаемъ для ея ума такой дозы просвѣщенія, чтобъ она, какимъ бы трудомъ ни занималась, умѣла бы охватывать взглядомъ горизонтъ болѣе широкій, чѣмъ ея собственное дѣло, а сердцемъ предпочитать высшее добро выгодамъ и удовольствіямъ. За важнѣйшій пунктъ женскаго вопроса мы считаемъ выработку въ женщинѣ, при помощи воспитанія и образованія, благороднаго альтруизма. Желая, чтобъ она обладала елико возможною суммой научныхъ знаній, мы говоримъ ей, что наука только тогда имѣеть настоящую цивилизационную стоимость, когда ее сопровождаютъ такіе этические элементы, какъ доброта и добродѣтель. Хорошо быть ученой, лучше быть доброй, чѣмъ ученой, но лучше всего быть вмѣстѣ и ученой, и доброй. Если намъ предложить выборъ между ученостью и добротой, мы подадимъ голосъ за доброту. Конечно, подъ словомъ доброта мы разумѣемъ такія особенности, которыхъ у глупой женщины быть не можетъ, и значить прежде всего желаемъ развитія ея интеллекта, для того, чтобъ она умѣла быть добродѣтельной. Слову добродѣтель мы придаемъ значеніе болѣе широкое и не ограничиваемъ его одною только нравственною чистотой,—мы охватываемъ этимъ словомъ все, что заключается въ немъ, когда его примѣняютъ къ мужчинѣ. Въ этомъ смыслѣ мы настойчиво советуемъ женщинѣ вести борьбу за равноправность. Усиливаясь сравняться съ мужчиною умственно, пусть она, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырабатываетъ въ себѣ всѣ мужскія добродѣтели, но мы не скрываемъ и того, что въ этой области полемъ битвы является только ея собственная воля и совѣсть. На этомъ полѣ всѣ лучшія особенности ея характера и сердца,—если она обладаетъ ими,—станутъ способными къ исполненію обязанностей и, значить, достойными пользованія правами. Непреоборимый логическій законъ, о которомъ мы не дозволяемъ нашимъ женщинамъ забывать, заключается въ томъ, что всякому

праву сопутствуетъ обязанность, что тяжесть обязанности увеличивается по мѣрѣ возрастанія права, и что права приличествуютъ только тѣмъ, кто хочетъ и умѣетъ исполнять обязанности.

Таковы главные пункты теоріи, выработанные въ Польшѣ для эмансипаціоннаго движенія женщинъ не только женскою, но и общенародною мыслью. Они усвоены большинствомъ нашихъ женщинъ и служатъ дѣлу въ качествѣ лозунга. Наконецъ, какими бы ни были недостатки польки, какое бы пространство ни отдѣляло ее отъ намѣченнаго идеала, въ силу того, что она его намѣтила, сформулировала и стремится къ нему,—она имѣетъ право, прибавляя слово къ словамъ французскаго философа, сказать міру, который уже знаетъ ее: *Cogito et amo, ergo sum!*

В. Л.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Телеграмма Государя Императора графу Д. А. Милютину. — Школа и вѣротерпимость. — Дѣло кн. Ухтомскаго съ *Новымъ Временемъ*. — Къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. — Трудъ проф. Яснопольскаго. — Новокрѣпостники въ Черномъ уѣздѣ. — Двадцатипятилѣтіе общества распространенія народнаго образованія въ Нижегородской губерніи. — Юбилей М. М. Стасюлевича.

28 октября исполнилось шестьдесятъ лѣтъ служенія одного изъ наиболѣе выдающихся сотрудниковъ Императора Александра II, графа Дмитрія Алексѣевича Милютина. Государь Императоръ осчастливилъ престарѣлаго государственнаго человѣка слѣдующею телеграммой: «Алупка-Симензъ, генераль-адъютанту графу Милютину. Сегодня исполнилось 60 лѣтъ со дня зачисленія вашего въ генеральный штабъ и Мнѣ пріятно вспомнить по этому поводу вашу замѣчательную служебную дѣятельность, ваши выдающиеся государственныя заслуги. Беззавѣтная преданность ваша интересамъ отечества и его арміи, неутомимая и высокоталантливая работа ваша быстро и по достоинству довели васъ до высшихъ постовъ военнаго управленія и сдѣлали васъ однимъ изъ ближайшихъ и довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ Моего покойнаго Дѣда, который горячо любилъ и уважалъ васъ. Съ такими же чувствами искренняго уваженія къ высокимъ качествамъ вашего ума и сердца Я, въ сегодняшнюю знаменательную годовщину, шлю вамъ Мой привѣтъ и сердечно желаю, да продлитъ Господь вашу наститую старость, освѣяемую отраднымъ сознаніемъ честно исполненнаго долга предъ отечествомъ.

НИКОЛАЙ

Графъ Д. А. Милютинъ отвѣтилъ Государю въ такихъ словахъ: «Его Императорскому Величеству Государю Императору. Не нахожу словъ, чтобы выразить, какъ глубоко я тронуть милостивою телеграммой Вашего Императорскаго Величества по поводу шестидесятилѣтія моей службы въ генеральномъ штабѣ. Дозвольте, Государь, принести благоговѣйную мою признательность за этотъ новый знакъ Высочайшаго Вашего благоволенія къ старому слугѣ незабвенныхъ Вашихъ Дѣда и Прадѣда. Считаю за особенное счастье, что прежняя моя служебная дѣятельность удостоилась столь

милостивой оцѣнки Вашего Величества, и пользуюсь случаемъ, чтобы повергнуть къ стопамъ Вашимъ выраженіе моей глубочайшей вѣрноподаннической преданности.

Генераль-адъютантъ *графъ Милютинъ*.

Съ радостнымъ чувствомъ прочтутъ телеграмму Государя Императора по всей Россіи. Ученые труды графа Милютина приобрѣли ему почетную извѣстность, его управленіе военнымъ министерствомъ составило эпоху въ нашей исторіи. Въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1861 года, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ неустанно работалъ надъ преобразованіемъ русской арміи, причемъ постоянныя его заботы направлены были не только на техническія усовершенствованія, но и на воспитаніе въ офицерѣ и солдатѣ чловека и гражданина. Старые корпуса были преобразованы въ военные гимназіи, тѣлесныя наказанія почти исчезли въ войскѣ, введена была всеобщая воинская повинность, улучшено военное судопроизводство. Будущій историкъ русскаго просвѣщенія съ благодарностью остановится на заслугахъ графа Милютина въ дѣлѣ установленія у насъ высшаго жейскаго образованія: первыя женщины-врачи проходили курсъ при военно-медицинской академіи. Какъ членъ государственнаго совѣта, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ стоялъ за безусловное земство, за независимый судъ, за освобожденіе печати отъ цензуры. Въ началѣ царствованія Императора Александра III, съ выходомъ въ отставку графа М. Т. Лорисъ-Меликова, покинулъ постъ военнаго министра и графъ Милютинъ.

Газеты сообщили о слѣдующей отиѣткѣ Государя на всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1895 годъ курляндскаго губернатора, въ которомъ говорится, что русскій языкъ все болѣе и болѣе мирно овладѣваетъ подобающимъ мѣстомъ въ край: «Вотъ гдѣ прочный залогъ единенія съ остальными областями Россіи». Да послужатъ эти слова руководящимъ началомъ для нашей администраціи на окраинахъ! Нѣкоторые представители этой администраціи не могутъ, оказывается, проникнуться гуманными мыслями, исходящими съ высоты престола, и продолжаютъ дѣйствовать въ духѣ нетерпимости и насилія. *Петербургскія Вѣдомости* сообщаютъ, напримѣръ, о такомъ прискорбномъ случаѣ: «Въ одномъ народномъ училищѣ, которое мы можемъ когда угодно назвать,—законоучитель, *не дождавшись до 22 сентября объявленія о послѣдовавшемъ 25 іюня Высочайшемъ повелѣніи*, въ присутствіи учителя, по окончаніи своего урока, который былъ послѣднимъ по очереди, сталъ съ дѣтьми на колѣни и, обратясь лицомъ къ костелу, который виденъ изъ окна училища, прочелъ съ учениками молитву Господню и ангельское привѣтствіе на жмудскомъ языкѣ, и *далъ ученикамъ молитву изъ епархіальнаго «Церковнаго Указателя» за Государя, на жмудскомъ же языкѣ*, для того, чтобъ они выучили ее и провозносили ежедневно до и послѣ ученія. Учитель вышелъ изъ себя и тутъ же заставилъ дѣтей еще разъ прочесть обычныя православныя молитвы, обращаясь къ православной иконѣ, хотя всѣ эти ученіемъ, какъ присутствовавшіе на

урокъ католическаго Закона Божія, разумѣется, были католики. Учитель упрекалъ ксендза за сдѣланное имъ, говоря, что донесетъ объ этомъ дирекціи училищъ, а пока не позволитъ ксендзу давать уроковъ. Въ слѣдующіе дни учитель заставлялъ дѣтей произносить по-прежнему православныя молитвы, обращаясь къ иконѣ. Затѣмъ, 25 сентября, учитель сказалъ ксендзу, что не будетъ мѣшать произнесенію дѣтьми молитвы на жмудскомъ языкѣ до полученія отвѣта отъ дирекціи. Наконецъ, 30 сентября, учитель объявилъ ученикамъ въ школѣ, что читать молитвы Господней, ангельскаго призывствія и молитвы за Государя онъ имъ не позволитъ, а будетъ заставлять молиться предъ иконою прежнихъ порядкомъ, причѣмъ заявилъ, что кто не желаетъ подчиняться этому, тотъ пусть не приходитъ больше въ училище и что ксендзъ больше не будетъ давать уроковъ, а слѣдовательно никто имъ не будетъ «запрещать» молиться такъ, какъ велитъ дирекція. Учитель мотивировалъ все это полученіемъ изъ дирекціи указаній именно въ этомъ смыслѣ *)).

Печальный и странный случай! Опубликованіе его обратитъ вниманіе правительства и тупому фанатизму будетъ положенъ конецъ. Но, къ сожалѣнію, случаи административно-религіознаго фанатизма не рѣдки. *Приазовскій Край* помѣстилъ рассказъ очевидца одного изъ такихъ фактовъ. «Дѣло происходило лѣтомъ (1895 г.). Во дворѣ сельскаго правленія села Кваториновки, Ростовскаго округа, въ «вругу» (круглая загородь, гдѣ помѣщаются сельскія власти во время сходокъ) собралось до 30 семействъ сектантовъ, такъ-называемыхъ «шелапутовъ». Здѣсь были и родители, и дѣти. Дома свои одни изъ нихъ оставили на попеченіе сердобольныхъ сосѣдей, а нѣкоторые прямо на произволь судьбы. Одни изъ стоявшихъ понурили головы и только изрѣдка съ глубокой грустью поглядывали на толпу любопытныхъ односельчанъ, враждебно настроенную противъ шелапутовъ, а другіе нервно теребили шапки или бороды и перекидывались словами съ ближайшими сосѣдами. Недоумѣніе было написано на лицахъ этихъ людей».

Въ канцеляріи правленія сидѣли священники села, участковый засѣдатель, волостной старшина и другія сельскія власти. Оказалось, что пришло циркулярное распоряженіе объ отобраніи отъ сектантовъ дѣтей въ возрастѣ отъ 2 до 11 лѣтъ и объ отдачѣ ихъ православнымъ жителямъ села... Дѣтей тутъ же стали отбирать. «Описывать все, происходившее въ правленіи, — говорить очевидецъ, — было бы слишкомъ тяжело. Одинъ священникъ вытиралъ слезы, а другой какъ-то растерянно ухмылялся. Засѣдатель злился и старался перекричать всѣхъ, чтобы поскорѣе довести до конца начатое. Дѣтей отбирали сотскіе и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли, — цѣловали полы одежду у духовенства, обнимали ноги засѣдателю. Изъ всей этой невыразимо тяжелой картины особенно вѣзался въ память одинъ крестьянинъ, вдовецъ,

*) *Петербургскія Вѣдомости* 1 ноября.

лѣтъ 35. Высокій, плотный, съ пріятными, нѣсколько хмурыми чертами лица, онъ все время не выпускалъ изъ рукъ своей крошечной, хорошенькой дѣвочки лѣтъ 5 — 7. Онъ хотѣлъ было уйти съ нею со двора сельскаго правленія, но нѣсколько сотскихъ остановили его и силою вырвали у него дѣвочку. Тогда онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на землю. Ни звука, ни стона онъ не издалъ. Всѣхъ какъ-то передернуло, потрясло это, но ретивый блюститель закона ударилъ его ногой, проговоришь: «Вишь, скотина, притворяется!» Однако, «скотина» долго не могъ очнуться, а когда пришелъ въ сознаніе, то сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ будто что-то ища, хотя это и днемъ было. Никогда не изгладится изъ моей памяти этотъ случай!»

Не въ природѣ русскаго народа, не въ духѣ нашего православнаго духовенства такой злобный фанатизмъ... Его вызываетъ и развиваетъ «циркуляръ». Въ великому утѣшенію можемъ послѣ этихъ мрачныхъ фактовъ отмѣтить, что проникшія въ газеты свѣдѣнія о нетерпимыхъ и жестокихъ постановленіяхъ казанскаго миссіонерскаго съѣзда (нынѣшнимъ лѣтомъ) оказываются невѣрными. Г. Скворцовъ, секретарь этого съѣзда, напечаталъ въ *Миссіонерскомъ Обзорѣ* статью, гдѣ говоритъ слѣдующее: «когда самарскій депутатъ, отецъ архимандритъ Тихонъ, доложилъ съѣзду справку о допущенномъ администраціей, на основаніи существующаго закона, исключительномъ случаѣ отобранія нѣсколькихъ дѣтей баптистовъ и помещенія ихъ для обученія въ монастырскую школу, съѣздъ призналъ *нежелательнымъ* для интересовъ миссіи повтореніе подобныхъ случаевъ. Въ протоколѣ за № 6 буквально записано: «съѣздъ признаетъ *подобную мѣру нежелательною*».

Но было, какъ заявляетъ г. Скворцовъ, и предложенія о конфискаціи имущества сектантовъ: «Рѣчь шла совсѣмъ не о конфискаціи частной собственности или (?) имущества послѣдователей расколо-сектантства, а о *прекращеніи существующихъ среди сектантовъ незаконныхъ сборовъ, для цѣлей пропаганды, и конфискаціи казенныхъ общинныхъ кассъ имѣющихъ *противо-правительственное назначеніе**».

Бѣ сожалѣнію, факты, сообщенные архимандритомъ Тихономъ, повторяются и въ другихъ мѣстахъ, какъ свидѣтельствуетъ письмо графа Л. Н. Толстого, напечатанное въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* *) и, конечно, извѣстное читателямъ.

Нельзя не видѣть, что въ послѣдніе годы на русскую православную церковь дѣйствовали такія вліянія, въ которыхъ вѣялъ чуждый русской душѣ клерикальный духъ. Не этимъ ли духомъ, въ самомъ дѣлѣ, внушена, напримѣръ, рѣчь депутата отъ духовенства въ орловскомъ уѣздномъ земствѣ, о. Космодамианскаго? Вотъ слова этого оратора, по сообщенію *Орловскаго Вѣстника*: «Въ своемъ отчетѣ по народному образованію, — сказалъ священникъ, — управа преслѣдовала фискальными цѣлями и старалась

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 232.

подорвать довѣріе къ нашимъ школамъ, т.-е. къ школамъ, находящимся въ вѣдѣніи духовенства. Не указывая плохихъ сторонъ нашихъ школъ, земство хочетъ набросить на насъ тѣнь. Я могъ бы указать и на земскія школы, въ которыхъ очень плохо поставлено преподаваніе Закона Божія, и гдѣ ученики не могутъ отличить понятіе о Богоматери отъ Бога». Указавъ затѣмъ на неточности въ отчетѣ, о. Космодамианскій сказалъ: «Отчего не передать школы въ вѣдѣніе духовенства? По духу нашего времени главное вниманіе должно быть обращено на преподаваніе Закона Божія. Разнузданность и необузданность крестьянскаго сословія можно побороть только религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ. Я предлагаю собранію передать всѣ земскія школы духовному вѣдомству для руководства и наблюденія въ нравственномъ отношеніи. Печально, что между двумя вѣдомствами такой антагонизмъ».

Члены управы и гласные горячо протестовали противъ словъ о. Космодамианскаго, и въ результатѣ земское собраніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного рѣшило оставить школы въ вѣдѣніи земства.

Мы противопоставимъ мнѣнію орловскаго депутата отъ духовенства взглядъ одного изъ умнѣйшихъ и просвѣщенѣйшихъ представителей русскаго духовенства, покойнаго профессора Московскаго университета протоіерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова. Какою гуманностью, какою глубиной пониманія дышитъ отъ его идей! «Въ интересахъ вѣры,— писалъ А. М. Иванцовъ Платоновъ въ *Православномъ Обзорннн*,—какъ показываетъ самый опытъ, оказывается не только не полезнымъ, но положительно вреднымъ стѣснять и ограничивать свободу науки или заставлять ее хитрить, лицедрить, являться робкою и пристрадною; особенно это неприлично тѣмъ, которые сами служатъ представителями и дѣятелями науки. Никакими ограниченіями, стѣсненіями и искусственными направленіями нельзя уничтожить науку, лишить ее свободы, сдѣлать ее покорною рабою вѣры, которая бы всегда соглашалась съ нею и никогда не смѣла бы противорѣчить ей; всѣмъ этимъ можно болѣе вооружить науку противъ вѣры и унижить, опозорить передъ нею вѣру».

Поучительное дѣло разбиралось недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ. Редакторъ - издатель *Петербургскихъ Вѣдомостей*, кн. Ухтомскій, обвинялъ въ клеветѣ редактора *Новаго Времени*, г. Федорова, и сотрудника той же газеты, г. Кояловича.

Въ *Новомъ Времени* появилась такая замѣтка: «Въ прибалтійскихъ органахъ мы читали, что въ край пріѣзжалъ уполномоченный отъ ново-рожденной редакціи (*Петерб. Вѣд.*) баронъ Ф. для сбора симпатій, а также кстати и объявленій». «Мы читали» оказалось ложью: въ прибалтійскихъ органахъ такой замѣтки не было. Въ этомъ вынуждены были сознаться и редакція *Новаго Времени*, и авторъ, прочитавшій несуществующую замѣтку. Князь Э. Э. Ухтомскій, черезъ своего повѣреннаго, предложилъ, до суда, напечатать, чтобы кончить дѣло примиреніемъ въ *Но-*

вожъ *Времени* слѣдующее заявленіе: «Удовлетворяя требованію редактора *Спб. Вѣд.*, кн. Э. Э. Ухтомскаго, настоящей роспиской заявляю, что заключающееся въ замѣткѣ, написанной М. М. Коляловичемъ и пущенной въ № 7197 *Нов. Вр.*, извѣстіе о пріѣздѣ въ Прибалтійскій край, яко бы, уполномоченнаго редакціей *Спб. Вѣд.*, барона Ф., для сбора симпатій, а кстати и объявленій—неосновательно и съ дѣйствительностью не согласно, а также, что оно не появлялось до егѣ напечатанія въ *Нов. Вр.* ни въ какомъ прибалтійскомъ изданіи».

Защитникъ г. Федорова, присяжный повѣренный Холева, сначала старался доказать суду, что дѣло должно быть прекращено совсѣмъ, потому что кн. Ухтомскій не явился (*по болѣзни*) на обрядъ примирительнаго разбирательства у судебного слѣдователя. Окружный судъ отклонилъ это домогательство. Начинается новое домогательство того же адвоката: «дѣло въ томъ,—аргументируетъ г. Холева *),—что частный обвинитель въ концѣ своей жалобы ставитъ условіемъ примиренія съ обвиняемыми, если въ газетѣ *Новое Время* будетъ напечатано, что заявленіе, помѣщенное въ № 7197 *Нового Времени* о пріѣздѣ въ Прибалтійскій край уполномоченнаго редакціи *Спб. Вѣд.* барона Ф. для сбора симпатій, а также, кстати, и объявленій неосновательно, а также, что оно, до появленія въ *Новомъ Времени*, ни въ какихъ прибалтійскихъ газетахъ помѣщено не было. Такое нравственное удовлетвореніе дано было князю Э. Э. Ухтомскому редакціей *Нового Времени* въ одномъ изъ номеровъ газеты, хоти не въ тѣхъ буквальныхъ выраженіяхъ. Г. Холева полагаетъ, что разъ условіе примиренія исполнено, то частный обвинитель не можетъ настаивать на обвиненіи, а обязанъ дѣло прекратить».

Судъ отказалъ снова г. Холевѣ, полагая, что для частнаго обвинителя обязательна только та форма, которую онъ самъ выставилъ, какъ условіе примиренія. Послѣ этого повѣренный князя Э. Э. Ухтомскаго отказывается отъ обвиненія редактора газеты *Новое Время* М. П. Федорова, но защитникъ обвиняемаго выражаетъ желаніе остаться въ дѣлѣ, и это желаніе удовлетворяется судомъ. Окружный судъ приговорилъ г. Коляловича къ семидневному аресту при военной гауптвахтѣ **).

Повѣренный кн. Ухтомскаго, г. Бутыловскій, совершенно справедливо говорилъ, что публицистика должна быть призваніемъ и что «нравственный авторитетъ всякаго изданія зиждется на томъ, что за нимъ признается независимость убѣжденій и что приводимые имъ взгляды не ставятся въ причинную связь съ личными выгодами ихъ руководителей». «Свобода, независимость, стойкость и, такъ сказать, полная автономія убѣжденій писателя, редактора, публициста — вотъ въ чемъ состоитъ ихъ честь. Это положеніе является элементарнымъ правиломъ журнальной этики, и если

*) Приводимъ по отчету, напечатанному въ *Петерб. Вѣд.*

***) Оказывается, что г. Колявачъ прежде сотрудничалъ въ *Петерб. Вѣд.* и что онъ напечаталъ дифирамбическую статью о кн. Ухтомскомъ въ *Рижскомъ Вѣстникѣ*. Нововременскіе нравы.

не всё ему слѣдуютъ, то это вовсе не умаляетъ его значенія для чести и достоинства остальныхъ дѣятелей печатнаго слова».

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая II особенно оживились у насъ заботы о народномъ образованіи. Всеобщее обученіе и отиѣна тѣлеснаго наказанія выступили на первый планъ въ желаніяхъ и стремленіяхъ общества. Дѣло народнаго просвѣщенія подвигается, хотя государство приходитъ къ нему на помощь въ недостаточной степени; что касается тѣлеснаго наказанія, то область его примѣненія очень расширилась со введеніемъ земскихъ начальниковъ; понятія о законѣ и правѣ, которыя такъ успѣшно проводились въ народъ мировыми судьями, снова замутились. Жизнь требуетъ уничтоженія розогъ; крестьяне, подвергающіеся этому позорному наказанію, испытываютъ тяжелыя нравственныя страданія. Недавно въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи происходили по этому вопросу оживленные пренія *). Въ прошломъ году, въ засѣданіи земскаго собранія, гласнымъ Никольскимъ было внесено предложеніе ходатайствовать объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ Саратовскаго уѣзда. Земское собраніе приняло это предложеніе, но губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе его опротестовало. «Членъ училищнаго совѣта отъ земства, Н. О. Никольскій, вновь поднялъ этотъ вопросъ въ засѣданіи училищной земской комиссіи, которая и выработала по этому поводу докладъ для представленія настоящему очередному уѣздному земскому собранію. Ознакомившись изъ журналовъ засѣданія 19 ноября 1896 года съ тѣми основаніями, по которымъ былъ возбужденъ настоящій вопросъ, училищная земская комиссія пришла къ слѣдующему заключенію. Саратовское уѣздное земство тратитъ ежегодно десятки тысячъ на дѣло народнаго образованія въ своемъ уѣздѣ. Всё—мѣропріятію по народному образованію направлены къ единственной цѣли поднятія нравственнаго и умственнаго уровня народа. Между тѣмъ въ дѣйствительности существуетъ узаконенная такая мѣра, какъ тѣлесное наказаніе, которая совершенно уничтожаетъ всё благотворные результаты мѣропріятій по народному образованію. Тѣлесное наказаніе, будучи остаткомъ дореформеннаго времени, страшно вредно вліяетъ на нравственность населенія и обращаетъ въ ничто всё затраты земства на дѣло образованія, тѣмъ болѣе еще и потому, что подвергнутые тѣлесному наказанію не могутъ избираться ни на какія общественныя должности. Потерявъ всякій смыслъ и нарушая права личности, тѣлесное наказаніе парализуетъ всё мѣропріятія земства, направленныя на поднятіе благосостоянія населенія и на его умственное и нравственное развитіе. Въ виду всего этого училищная комиссія признаетъ необходимымъ и своевременнымъ возбудить передъ высшимъ правительствомъ ходатайство объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего крестьянскаго населенія, о чемъ и докладывается настоящему очередному земскому собранію»

*) Говоримъ о нихъ по отчету *Нижегородскаго Листка*, № 236.

Въ этому докладу училищной комиссіи было приложено особое заявленіе одного изъ ея членовъ, г. Попова, который просить земское собраніе войти въ положеніе учащихся крестьянскихъ дѣтей, не избавленныхъ впоследствии отъ розогъ. «Я глубоко убѣжденъ, — пишетъ г. Поповъ, — что гласные будутъ ходатайствовать объ отиѣнѣ этого наказанія. Какое благо было бы, еслибъ уничтожили эту мѣру, сколько свѣтлыхъ минутъ доставило бы и мнѣ, старику, еслибы хотя часть крестьянскаго населенія была избавлена отъ позора».

Управа, представляя докладъ училищной комиссіи, предложила собранію возбудить ходатайство объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія не вообще для крестьянъ, а только для окончившихъ курсъ въ земскихъ школахъ. Такое ходатайство, по мнѣнію управы, будетъ скорѣе уважено. «Отиѣна тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ еще болѣе привлечетъ крестьянское населеніе къ школѣ, о чемъ въ настоящее время правительству заботится. Ученики, окончивающіе ремесленные училища, открытыя министерствомъ финансовъ, освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Вотъ эти-то обстоятельства и дадутъ право надѣяться на удовлетвореніе ходатайства. Оно явится мотивированнымъ и будетъ, навѣрное, рассмотрѣно».

Большинство гласныхъ стояло за отиѣну розогъ для всего крестьянскаго населенія. Поучительно мнѣніе гласнаго отъ крестьянъ, г. Григорьева, который сказалъ слѣдующее: «Отъ имени всѣхъ находящихся здѣсь гласныхъ отъ крестьянъ я просилъ бы земское собраніе ходатайствовать объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Объ образованіи заботятся не только тѣ крестьяне, у которыхъ есть дѣти, но и тѣ, у кого нѣтъ дѣтей. Значитъ, отиѣна для всѣхъ крестьянъ имѣетъ отношеніе и къ народному образованію. Тѣлесное наказаніе дѣйствуетъ ужасно вредно. Есть такія общества, въ которыхъ выбрать на общественную должность некого, потому что всѣ пороты. И часто земскій начальникъ потому не приговариваетъ къ сѣченію, а замѣняетъ арестомъ, что потомъ некого будетъ выбирать на должности. Сѣченіе нисколько не исправляетъ, а только портитъ людей. Опозоренные крестьяне не занимаются и общественнымъ дѣломъ. Въмѣсто того, чтобы идти на сходъ, они идутъ въ кабакъ».

На пагубное вліяніе тѣлеснаго наказанія указывалъ и священникъ Владыкинъ.

Саратовскій городской голова, говоритъ *Нижнегородскій Листокъ*, своею рѣчью окончательно убѣждаетъ земское собраніе въ основательности и законности именно общаго ходатайства: «Я хочу, — сказалъ г. Фроловъ, — выяснитъ вопросъ лишь съ законной стороны. Всѣ лица, желающія ограничить ходатайство, глубоко ошибаются. По ст. 64 Земск. Полож. земское собраніе имѣетъ право представлять ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Уѣздное земское собраніе говоритъ, слѣдовательно, о пользахъ своего уѣзда. Необходимость отиѣны тѣлеснаго наказанія выяснена достаточно. Если какая-либо нужда въ данной мѣстности настолько рельефно обрисовалась, что она имѣетъ тѣсную связь и одинакова съ подобными

же нуждами всей Россіи, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что это нужда не мѣстная? Толкованіе лицъ, ограничивающихъ ходатайство, основано не на законныхъ данныхъ, а на страхѣ... Въ ходатайствѣ нужно только оговорить: для крестьянъ Саратовскаго уѣзда, и это будетъ ходатайство о мѣстныхъ нуждахъ».

Послѣ этихъ преній, какъ сообщаетъ *Саратовскій Дневникъ*, собраніе единогласно постановило войти черезъ губернское земское собраніе съ ходатайствомъ передъ высшимъ правительствомъ объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ Саратовскаго уѣзда».

Можно надѣяться, что русскій народъ перейдетъ въ двадцатый вѣкъ уже безъ порки.

На-дняхъ въ Кіевѣ вышелъ интересный двухтомный трудъ профессора Яснопольскаго: *О географическомъ распредѣленіи государственнхъ расходовъ въ Россіи* (первая часть этого изслѣдованія, *О географическомъ распредѣленіи государственнхъ доходовъ въ Россіи*, вышла въ 1890 г.). Выводы г. Яснопольскаго не новы, но они научно обоснованы. Кому изъ образованныхъ людей не извѣстно, что центръ, Петербургъ, поглощаетъ непоимѣрныя суммы, что онъ живетъ на счетъ провинціи? А все-таки поучительно узнать, что въ 1868—76 гг. на Петербургскую губернію тратилось изъ общей суммы произведенныхъ внутри Россіи расходовъ 43,852%, а въ 1879—92 гг.—47,662% *). Иными словами: почти половина податей со всего населенія Россіи расходуется въ Петербургѣ. Въ то время, когда въ остальной Россіи замѣчалась тенденція къ уравненію расходовъ, по отношенію къ Петербургу замѣчалось обратное, т.-е. усиленіе расходовъ на него въ ущербъ провинціямъ. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что «Россія нынѣ не располагаетъ въ мѣстныхъ финансахъ такимъ коррективомъ въ парализованіи неравномѣрности, главнымъ образомъ столичной централизациі государственнхъ расходовъ, какиимъ уже располагаютъ въ громадномъ большинствѣ западно-европейскія государства и Соединенные Штаты Сѣверной Америки **). При этомъ необходимо еще принять въ соображеніе слѣдующее: на Западѣ Европы столицы заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе процентъ населенія, чѣмъ у насъ Петербургъ. Въ Вѣнѣ числится 3¹/₅% населенія Австро-Венгріи, въ Парижѣ—3¹/₅%, если считать колоніи, и свыше 6¹/₅% народонаселенія одной Франціи, въ Лондонѣ болѣе 14¹/₂% числа жителей въ Великобританіи и Ирландіи, и т. д. Нашъ Петербургъ заключаетъ въ себѣ менѣе одного процента населенія Европейской только Россіи.

Длиннымъ рядомъ указаній на научные авторитеты и на практическія соображенія, профессоръ Яснопольскій доказываетъ вредъ централизациі и необходимость развитія расходовъ мѣстнаго самоуправленія. Вредъ центра-

*) Назв. соч., стр. 82.

***) Тамъ же, стр. 581.

лизациі обнаруживается и въ томъ, что сплошь и рядомъ даже цѣлесообразныя распоряженія изъ центра долгое время не приводятся въ исполненіе на мѣстахъ. Авторъ приводитъ изъ Валькера слѣдующій примѣръ: Высочайшимъ указомъ 1785 года повелѣно было построить въ Рыбинскѣ мостъ, который тогда уже былъ признанъ необходимымъ. Въ 1864 году указъ этотъ еще не былъ приведенъ въ исполненіе *). Быть можетъ, о немъ совсѣмъ забыли и до нашихъ дней?

Другая ненормальность нашихъ государственныхъ расходовъ — это страшныя суммы, которыя мы переплачиваемъ по заграничнымъ долгамъ.

Гражданину, защитнику дворянскихъ неплательщиковъ, приходится все чаще и чаще вступать въ борьбу съ лучшими представителями дворянскаго сословія, — съ Б. Н. Чичеринымъ, М. А. Стаховичемъ и многими другими. Недавно органъ кн. Мещерскаго былъ до глубины души огорченъ черскимъ (Тульской губерніи) предводителемъ дворянства. Нѣсколько времени тому назадъ «мещерскіе» гласные Чернскаго уѣзда подняли вопросъ о передачѣ всѣхъ земскихъ школъ въ руки духовенства. Предводитель дворянства, онъ же предсѣдатель земскаго собранія и училищнаго совѣта, не допустилъ по этому вопросу какого бы то ни было постановленія, находя, что земство не имѣетъ права передавать школы въ другое вѣдомство. Какой-то «мѣстный землевладѣлецъ» сейчасъ же написалъ жалобу въ *Гражданинъ*, подъ грознымъ названіемъ: *Противодѣйствіе предсѣдателя земскаго собранія желанію властей передать земскія школы въ епархіальное вѣдомство*. Докладчикъ предложенія, г. Сухотинъ, представилъ въ его защиту нѣсколько «жалкихъ словъ», торжественно разбивъ ихъ на пять «тезисовъ». Вотъ его «мотивы», какъ они приведены въ *Гражданинъ* **):

«1. Объединеніе въ однихъ рукахъ дѣла народнаго образованія и польза передачи его въ руки вѣдомства, близко соприкасающагося съ народомъ.

«2. Школа, съ переходомъ въ духовное вѣдомство, соединитъ въ себѣ образованіе народа вмѣстѣ съ воспитаніемъ въ религіозно-нравственномъ направленіи.

«3. Передавая духовному вѣдомству школы, онѣ передаются въ руки учрежденія, являющагося отвѣтственнымъ какъ за самое веденіе дѣла, такъ и за его результаты, особенно касательно воспитательной стороны дѣла, всецѣло лежащей на духовенствѣ. Въ земскихъ школахъ фактическаго хозяина дѣла нѣтъ, почему никто не отвѣчаетъ въ случаѣ плохой постановки дѣла; что же касается воспитательной стороны его, она безусловно отсутствуетъ.

«4. Соединяя земскія школы съ церковно-приходскими, дѣло переходитъ въ однѣ руки и никакая рознь или антагонизмъ въ дѣлѣ образованія народа уже не будутъ имѣть мѣста.

*) Назв. соч., стр. 65. Walker: „Die Selbstverwaltung des Steuerwesens im Allgemeinen und die russische Steuerreform“.

***) *Гражданинъ*, № 79.

«5. Въ основу образованія народа будутъ положены религіозно-правственныя начала, столь необходимыя для подготовленія юношей быть честными гражданами, основывая жизнь на Законѣ Божіемъ, любви къ Богу и ближнему, смиренія, послушанія, уваженія къ родителямъ и старшимъ и т. д.».

Для читателя ясно, что имѣютъ въ виду чернскіе новокрѣпостники, стремясь къ объединенію, смиренію и послушанію. Ясно и то, что они не имѣютъ права распоряжаться *чужими* средствами. «Школы, — вѣрно замѣчаетъ *Калужскій Вѣстникъ*, — отырываются и содержатся сельскими обществами; земство только оказываетъ имъ денежную помощь и за то получаетъ возможность вліять на ходъ школьнаго дѣла. Но земству не дано права на передачу школъ въ чье бы то ни было вѣдѣніе. Самое большее, что оно можетъ сдѣлать, это — отказаться отъ расходовъ; и тогда уже само сельское общество рѣшить, какъ ему лучше поступить: можетъ быть, оно обратится къ помощи духовенства, не передавая школы въ его вѣдѣніе (вѣдь земство же оказываетъ пособіе церковнымъ школамъ, хотя онѣ и находятся въ вѣдѣніи духовенства), можетъ быть, найдетъ поддержку въ частныхъ лицахъ, или обойдется своими средствами, наконецъ, можетъ быть, оно пожелаетъ имѣть и церковныя школы. Во всякомъ случаѣ, тутъ вопросъ рѣшится самимъ обществомъ. Такъ долженъ ставиться вопросъ о школахъ въ каждомъ земствѣ. Чернское же не только не имѣло права передавать школы, но не смѣло и отказаться отъ расходовъ на ихъ содержаніе, такъ какъ оно, требуя отъ общества выполненія извѣстныхъ условій, само обязалось содержать школы навсегда. Общество, внося ежегодно опредѣленную сумму на содержаніе школъ, было увѣрено, что существованіе земской школы обезпечено».

Благодаря недостаткамъ новаго земскаго положенія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, — не въ одномъ только Чернскомъ уѣздѣ, — ожили дворянско-крѣпостническія вождельнія, прибрѣдился и обовлился некрасовскій «последышъ». Но лучшая часть русскаго дворянства была и останется земскою по духу и стремленіямъ. Вѣроятно, недалеко уже то время, когда у насъ создана будетъ всесловная волость, о необходимости которой много разъ говорилось въ земствѣ и въ печати, горячимъ сторонникомъ которой былъ И. С. Аксаковъ. Было бы полезно пересмотрѣть все, что сказано объ этой мелкой земской единицѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что интересный матеріалъ по этому вопросу находится въ трудахъ тверскаго земства.

5 ноября исполнилась первая четверть вѣка существованія одного изъ самыхъ симпатичныхъ провинціальныхъ обществъ, — «Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи». Мѣстная газета *) , привѣтствуя въ этотъ день юбиляра-общество, говоритъ слѣдую-

*) *Нижегородскій Листокъ*, № 304.

шее: «Сегодняшній двадцатипятилѣтній юбилей представляется праздникомъ всей губерніи, всѣхъ любителей и дѣятелей просвѣщенія и всей темной и невѣжественной массы населенія, въ среду которой чрезъ посредство общества проникають лучи свѣта и знанія. Сегодняшній праздникъ имѣетъ особенно важное значеніе еще и потому, что самая возможность его доказываетъ всю жизненность просвѣтительныхъ предпріятій, существующихъ и развивающихся несмотря на суровыя препятствія, встрѣчающіяся имъ на пути къ развитію. Борьба за существованіе, столь блестяще выдержанная обществомъ распространенія начального образованія, свидѣтельствуетъ еще и о томъ, что частная инициатива въ общественномъ дѣлѣ способна достигнуть прекрасныхъ результатовъ. А это дорого, какъ примѣръ для многихъ слабыхъ и сомнѣвающихся и какъ живой отвѣтъ всѣмъ врагамъ подобнаго рода проявленія частной инициативы».

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ обществѣ былъ покойный А. С. Гацискій. Искренно желаемъ почтенному обществу долгой и плодотворной жизни на благо просвѣщенія, счастливыхъ и широкихъ результатовъ для его благородной и энергической дѣятельности.

31 октября въ Петербургѣ чествовали полувѣковой юбилей редактора-издателя *Вѣстника Европы*, Михамла Матвѣевича Стасюлевича. Б. К. Арсеньевъ въ обширной рѣчи обрисовалъ смыслъ и значеніе литературно-общественной дѣятельности юбиляра. В. С. Соловьевъ прочелъ адресъ отъ московскаго Психологическаго Общества и произнесъ рѣчь отъ себя, привѣтствуя М. М. Стасюлевича, какъ «потомственный сотрудникъ» *Вѣстника Европы* (въ немъ участвовалъ отецъ В. С. Соловьева, знаменитый историкъ). Адресъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности прочелъ проф. Янжулъ. Отъ имени московскаго Историческаго Общества явился профессоръ Герье, заявившій юбиляру, что общество избрало его своимъ первымъ почетнымъ членомъ. С. А. Муромцевъ въ мастерской рѣчи привѣтствовалъ М. М. Стасюлевича отъ имени московскаго Юридическаго Общества. Отъ литературнаго фонда и союза писателей говорили гг. Вейнбергъ и Пантелѣевъ. В. М. Соболевскій прочелъ адресъ отъ *Русскихъ Вѣдомостей*, В. А. Гольцевъ произнесъ привѣтствіе отъ *Русской Мысли*. Блестательныя рѣчи были сказаны А. Ѳ. Кони и В. Д. Спасовичемъ. Оживленныя рукоплесканія вызвала остроумная рѣчь профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса. Вечеръ прошелъ одушевленно. Сердечно желаемъ юбиляру долгихъ еще лѣтъ и трудовъ на пользу нашего общественнаго и литературнаго развитія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Борьба между германцами и славянами въ Австро-Венгрии не ослабѣваетъ. Въ парламентѣ, благодаря нѣмцамъ, по-прежнему происходятъ безобразныя сцены. Нѣмецкіе студенты производятъ въ честь Шенерера и Вольфа шумныя уличныя демонстраціи. Изъ Германской имперіи продолжаютъ раздаваться голоса, призывающіе къ расовой исключительности и ненависти. Особенное и крайне прискорбное впечатлѣніе производитъ напечатанное въ *Neue Freie Presse* письмо подъ начальными буквами Th. M. Всѣ узнали въ его авторѣ престарѣлаго знаменитаго историка Моммзена. Письмо написано совершенно въ «муравьевскомъ» духѣ. «Будьте увѣрены,—пишетъ Моммзенъ,—что какъ австрійскіе нѣмцы обращаютъ взоры къ Германіи, такъ и нѣмцы смотрятъ по направленію къ Австріи, и что эти неслыханныя насилія и безчестныя поступки заставляютъ и наши сердца обливаться кровью. Да, мы отдѣлились отъ васъ, и борьба, послужившая причиною разлуки, была жестокая. Но, несмотря на это, мы вѣримъ въ прочное единеніе двухъ братьевъ, мирно живущихъ между собою послѣ тяжелаго раздѣла наслѣдства. Что Альпы въ Зальцбургѣ и Тиролю будутъ и впредь принадлежать общей нѣмецкой націи, что Дунай останется такимъ же нѣмецкимъ, какъ и Рейнъ, могилы Моцарта и Грильпарцера—такими же нѣмецкими, какъ и могилы Шиллера и Гёте,—въ этомъ никто не сомнѣвался; у насъ, хладнокровныхъ сѣверныхъ нѣмцевъ, даже въ минуты пламеннѣйшей борьбы, это разумѣлось само собою. И наша надежда, повидимому, исполнилась.

«Во время огромныхъ переворотовъ, которые видятъ теперь позади себя человѣкъ преклоннаго возраста, мы сорвали многіе изъ плодовъ, которые гниютъ прежде, чѣмъ ихъ срываютъ. Но сплоченность между Германіей и Австріей мы считали безусловно обезпеченною.

«И вотъ теперь апостолы варварства заняты дѣломъ, направленнымъ къ тому, чтобы похоронить въ безднѣ своей некультурности нѣмецкую работу, продолжавшуюся полтысячелѣтія. Намъ, имперскимъ нѣмцамъ, чрезвычайно тяжело явиться зрителями самоубійства этой монархіи, зрителями дислейтанскаго безумія, тупоумія транслейтанскихъ, такъ называемыхъ

либераловъ и оскорбленія тѣхъ католиковъ, для которыхъ четки выше отечества; намъ тяжело явиться зрителями всего этого, не смѣя даже сдѣлать попытку къ оказанію помощи. Вамъ извѣстно, что мы не въ состояніи этого сдѣлать.

«Пока нѣмецкая замазка ее держитъ, Австрія еще большое государство. Вопросъ относительно ея будущаго будетъ рѣшенъ не въ Берлинѣ, а находится въ вашихъ рукахъ. Каждое большое государство должно само спастись себя отъ гибели. Мы не можемъ оказывать содѣйствія, мы можемъ только сочувствовать, мы рассчитываемъ на твердое и единодушное ожиданіе конца всѣхъ насилій. Какъ это могло случиться, что тамъ, гдѣ все поставлено на карту, столь второстепенный относительно вопросъ, какъ положеніе евреевъ въ государствѣ, угрожаетъ опасностью единству? Какъ могутъ нѣмецкіе католики отдавать справедливость тѣмъ, которые утверждаютъ, что католицизмъ и патриотизмъ не связаны другъ съ другомъ, и отрекаются отъ своей націи, какъ апостолъ Петръ отъ Христа? Какъ могло случиться, что австрійская столица, старый нѣмецкій престольный городъ Вѣна, не вмѣшивается въ эту борьбу, обнаруживая такое безсиліе, такую отчужденность отъ народа, такое отсутствіе чести? Будьте едины! Вотъ первое слово.

«А второе слово—будьте тверды! Башка у чеховъ непригодна для разума, но для ударовъ и она годится. Благодаря неумѣстной уступчивости, въ Австріи совершенно много грѣховъ и многое погублено. Все поставлено на карту. Быть побѣжденнымъ значитъ быть уничтоженнымъ. Нѣмецкіе австрійцы не могутъ эмигрировать изъ областей, обязанныхъ имъ своимъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ и цивилизаціей, какъ это дѣлаютъ евреи нѣкоторыхъ другихъ государствъ. Кто уступить, долженъ знать, что онъ чехизируетъ или своихъ дѣтей, или, въ крайнемъ случаѣ, своихъ внуковъ. Будьте тверды! Это второе слово.

«Что произойдетъ въ этой, не скажу, предсмертной, борьбѣ, а въ борьбѣ на жизнь и смерть,—можетъ сказать только тотъ, кому приходится страдать, благодаря принятымъ весьма отвѣтственнымъ и опаснымъ для каждаго въ отдѣльности мѣрамъ. Парламентское право и дѣловой порядокъ—хорошее оружіе противъ противника, желающаго уважать право и порядокъ, но оно не достаточно тамъ, гдѣ право и порядокъ должны быть тотчасъ же нарушены. Друзья и враги, какъ сверху, такъ и внизу, должны быть приведены къ сознанію, что до тѣхъ поръ, пока продолжается этотъ насильственный образъ дѣйствій, нѣмецъ-австріецъ перестаетъ быть австрійцемъ и выбываетъ изъ сферы гражданскаго общества въ такой степени, въ какой это вообще возможно. Наше уваженіе и наше презрѣніе являются спутникомъ каждаго шага на этомъ пути, исполненномъ опасностей» *).

*) Къ сожалѣнію, у насъ не было въ рукахъ № *Neue Freie Presse*, гдѣ напечатано письмо Моммзена, и мы приводимъ переводъ *Бирж. Вѣдом.* (№ 289). Этотъ переводъ значительно разнится отъ перевода въ *Сынъ Отечества* (№ 288).

Московскія Вѣдомости съ свойственною имъ глубиной политической мысли объяснили, что Моммзенъ «теряетъ способность отличать правду отъ лжи, законное политическое дѣйствіе—отъ дебоширства политическихъ дѣльцовъ и гаеровъ, при увлеченіи парламентарными идеями». Выразить презрѣніе къ другой народности и предлагать наносить удары *по чешской башкѣ* значить, по мнѣнію *Москов. Вѣдомостей*, увлекаться парламентскими идеями... «Только такимъ образомъ,—говоритъ эта юмористическая газета,—объясняется и отчасти оправдывается поступокъ г. Моммзена, призывающаго австрійскихъ нѣмцевъ къ «безпощадной фанатической борьбѣ противъ чеховъ и къ прямому анархизму», т.-е. къ выступленію изъ всякаго гражданскаго и общественнаго союза» *).

Мы и не подозрѣвали въ г. Грингмутъ такого комическаго дарованія.

Биржевыя Вѣдомости сообщаютъ, что съ отвѣтомъ Моммзену выступилъ чешскій писатель Некланъ **). Онъ упрекаетъ нѣмцевъ въ жестокости, которая такъ ярко выражается, напримѣръ, въ варварскихъ истязаніяхъ солдатъ, въ безчеловѣчномъ обращеніи съ туземцами въ африканскихъ колоніяхъ и т. д. Некланъ видитъ въ этой жестокости существенную черту германскаго характера. Указываетъ онъ и на то противорѣчіе, что нѣмцы восхваляютъ творенія Амоса Коменскаго, основнымъ принципомъ котораго было преподаваніе на родномъ языкѣ, и въ то же время требуютъ, чтобы славянскія дѣти учились непременно въ нѣмецкихъ школахъ.

Хорошо отъ этой племенной ненависти, отъ этой проповѣди насилія обратиться къ усиліямъ идеалистовъ приблизить наступленіе на землѣ царства права и справедливости. Передъ нами воззваніе къ народамъ дальняго Востока, подписанное Дюнаномъ, основателемъ общества Краснаго Креста, и г-жею Бертой Суттнеръ, предсѣдательницею австрійскаго общества мира. Воззваніе одобрено международнымъ конгрессомъ мира въ Гамбургѣ (въ августѣ нынѣшняго года). Оно проситъ содѣйствія всѣхъ, безъ разлічія націй, религій и другихъ убѣжденій для братской работы на пользу всеобщаго мира. Наша цивилизація пришла съ Востока,—говоритъ адресъ ***),—и съ глубокою печалью приходится признать, что европейцы долгое время варварски обращались съ народами Востока. Забудьте и простите,—говорятъ Дюнанъ и Суттнеръ,—это поведеніе, неразлучное съ господствомъ насилія, которое, къ несчастію, до нашихъ дней управляло міромъ. Но начинается новая пора, поднимаются люди, чтобы приготовить наступленіе царства мира и справедливости. Мы—миролюбцы (*Nous sommes les pacifiques!*) и стремимся къ тому, чтобы на всемъ земномъ шарѣ установились для разрѣшенія международныхъ столкновеній третейскіе суды. Въ настоящее время,—продолжаетъ воззваніе,—европейскіе государи не хо-

*) *Моск. Вѣд.*, № 296.

***) *Бирж. Вѣд.*, № 303.

***) *Adresse aux Nations de l'extrême Orient.*

тять войны. Среди правительствъ и въ парламентахъ находятся убѣжденные друзья всеобщаго мира. Международная лига мира и многія другія общества преслѣдуютъ ту же цѣль, распространяютъ убѣжденіе въ злой безнравственности войны. Въ заключеніе воззваніе приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ создавать общества мира на Востока и вступать въ тѣсную связь съ такими же европейскими обществами. «Въ этой войнѣ съ войною мы просимъ женщины всѣхъ странъ міра дать намъ повсюду помощь и содѣйствіе» *).

Читателямъ, которые интересуются благородною пропагандою всеобщаго мира, мы рекомендуемъ выпешдшую въ нынѣшнемъ году въ Штутгартѣ брошюру: *Sonderabdruck aus der Entstehungsgeschichte des Roten Kreuzes und der Genfer Konvention* von professor Rudolf Müller. Въ ней собраны интересные отзывы знаменитыхъ людей и печати (къ брошюрѣ приложенъ портретъ Дюнана,—замѣтимъ, что международный медицинскій конгрессъ въ Москвѣ, по предложенію Вирхова, назначилъ Дюнану первую премію города Москвы). Великодушная мысль убѣжденного человѣка, рассказавшаго объ ужасахъ послѣ битвы при Сольферино, повела къ учрежденію Краснаго Креста и къ заключенію Женевской конвенціи. «Одному человѣку съ сердцемъ,—сказалъ нынѣшній король Швеціи Оскаръ, когда онъ наслѣдникомъ престола открывалъ шведско-норвежское общество помощи раненымъ,—Европа обязана этимъ превосходнымъ учрежденіемъ, которому суждено оказать великія услуги человѣчеству». Послѣ письма Момизена утѣшительно вспомнить о торжествѣ Дюнана.

Какъ знаютъ читатели, власть въ Испаніи перешла въ руки либеральнаго кабинета съ неизбѣжнымъ Сагастой во главѣ. Тяжелое наслѣдство досталось новому кабинету отъ консерваторовъ. Страна истощена военными расходами, карлисты готовятъ возстаніе, отношенія къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ изъ-за Кубы близки къ разрыву.

Въ газетѣ *L'Aurore* напечатанъ интересный отчетъ о бесѣдѣ ея корреспондента съ однимъ изъ живущихъ въ Парижѣ вождей кубанскихъ республиканцевъ, Бетанчесомъ. Генераль Вейлеръ, котораго Сагаста замѣнилъ маршаломъ Бланко, не желаетъ передавать командованіе. Бетанчесь утверждаетъ, что Вейлеръ страшно нажился на Кубѣ, что онъ не платилъ жалованья солдатамъ и прямо грабилъ казну и кубанцевъ **). Прославившійся своею жестокостію главнокомандующій получалъ, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержаніе солдатъ убитыхъ или умершихъ. Теперь онъ самый богатый испанскій генераль. Вейлеръ закупилъ въ свою пользу значительную часть войска и это, по словамъ Бетанчеса, можетъ повести къ военному бунту противъ правительства. Онъ убѣжденъ, что замѣна

*) Адресъ: Madame la baronne Bertha de Suttner, chateau de Harmansdorf, près Eggenburg, Autriche. .

**) *L'Aurore*, 24 octobre.

Вейлера маршаломъ Бланко не поведетъ къ прекращенію борьбы кубанцевъ съ Испаніей: они не примутъ автономіи, которую имъ дастъ Сагаста, и не вѣрятъ въ ея серьезность. Инсурденты владѣютъ значительною частью территоріи острова и установили республику съ маркизомъ Санта-Лучія какъ президентомъ. Палата изъ 24 депутатовъ выбирается теперь арміей (въ ней числятся до 40,000 хорошо вооруженныхъ людей, которые сознательно сражаются за свободу).

Бетанчесь увѣряетъ, что въ испанскомъ войскѣ, численность котораго къ пріѣзду Вейлера равнялась двумстамъ тысячамъ, упѣгло не болѣе 83,000. Остальные или погибли отъ болѣзней, или убиты. Война долго продолжаться не будетъ, по мнѣнію кубанскаго республиканца, потому что въ декабрѣ конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ признаетъ инсурдентовъ воюющею стороною.

Намъ надежды Бетанчеса кажутся очень преувеличенными. Мадридскій корреспондентъ пишетъ въ *Journal des Débats*, что испанскій отвѣтъ на ноту Соединенныхъ Штатовъ отъ 25 сентября составленъ миролюбиво, искусно и достойно. Онъ обусловливаетъ возможность вполне миролюбивыхъ дальнѣйшихъ переговоровъ. Правительство заантлантической республики намѣрено, по словамъ корреспондента названной газеты, занять выжидательное положеніе и присмотрѣться къ результатамъ обѣщаннаго Кубѣ самоуправленія.

Уніонисты начинаютъ какъ будто терять почву въ Англіи. Дополнительные выборы въ парламентъ оканчиваются въ большинствѣ случаевъ побѣдою либеральныхъ кандидатовъ. Внѣшняя политика Салисбюри не отличается удачами, возстаніе въ Индіи далеко не подавлено и военныя силы Великобританіи напряжены. Среди самихъ уніонистовъ существуетъ раздоръ: консерваторы недовольны биллями Чемберлена по рабочему законодательству, потому что въ билляхъ этихъ чувствуется старый радикаль, неудовлетворяющій однако рабочей партіи. Вожди либераловъ начинаютъ говорить увѣреннѣе, но, по мнѣнію многихъ, они не могутъ дѣйствовать вполне успѣшно до тѣхъ поръ, покуда не найдутъ вождя, способнаго внести въ ряды партіи единство и одушевленіе. Такимъ вождемъ не въ состояніи быть ни Морлей, ни Гаркуръ, ни Асквиль. Бывшій лидеръ лордъ Розберри, повидимому, не прочь возвратиться къ этой роли, но названныя знаменитости партіи не склонны ему подчиняться.

Колоніальныя притязанія Англіи ведутъ къ столкновеніямъ съ французами въ верховьяхъ Нила и на Нигерѣ. Силы магдистовъ еще не сокрушены англо-египетскими войсками, южно-африканскія отношенія не складываются къ торжеству политики Сесилия Родса и Чемберлена. Не устранены и причины непріязненной къ Великобританіи колоніальной политики Германіи, почему нѣтъ и надежды тѣсно связать ее съ тройственнымъ союзомъ. Страшная племенная борьба, происходящая теперь въ Цислейтаніи, можетъ, конечно, лишь поколебать международное значеніе Габсбургской

монархіи. Императору Францу-Иосифу приходится подъ старость снова переживать тяжелое время. Среди мадьяръ борьба австрійскихъ славянъ и нѣмцевъ усиливаетъ стремленіе замѣнить нынѣшній дуализмъ личною унією, т.-е. приобрести полную государственную самостоятельность. Въ Венгріи не могутъ желать побѣды въ Цислейтаніи славянъ, потому что успѣхи федерализма въ этой половинѣ имперіи поведутъ къ усиленію подобныхъ же стремленій среди транслейтанскихъ славянъ и румынъ. Къ счастью, успокоительно звучитъ рѣчь императора Франца-Иосифа делегаціямъ. Въ ней высказывается полная увѣренность въ сохраненіи международного мира и особенно подчеркнуты дружественныя отношенія Австро-Венгріи съ нашимъ отечествомъ. Императоръ заявилъ, что Критъ долженъ получить широкую автономію. Это заявленіе подѣйствуетъ вразумляющимъ образомъ на турецкаго султана. Его правительство продолжаетъ старую игру, не исполняя торжественно данныхъ обѣщаній, оттягивая осуществленіе формально выговоренныхъ обязательствъ. Князь Болгарскій до сихъ поръ не получилъ ничего за поцѣлуй руки повелителя правовѣрныхъ. Македонскій вопросъ остается неразрѣшеннымъ, и это къ счастью, потому что въ противномъ случаѣ трудно было бы избѣгнуть столкновенія болгарскихъ и сербскихъ интересовъ, въ особенности теперь, когда въ Бѣлградѣ опять появился ех-король Миланъ, убѣдившій сына снова пуститься въ политическія приключенія.

Выборы въ норвежскій парламентъ кончились блистательною побѣдой либеральной партіи. Телеграфъ извѣстилъ, что стортингъ будетъ состоять изъ 79 депутатовъ лѣвой и 35 правой и умѣренной (въ прежнемъ стортингѣ было 59 лѣвой и 55 правой и умѣренной). Либеральная партія такимъ образомъ приобрѣла большинство свыше двухъ третей и можетъ теперь принимать самыя важныя конституціонныя рѣшенія. На первомъ планѣ стоятъ по-прежнему отношенія къ Швеціи.

Еще до исхода выборовъ стокгольмскій корреспондентъ писалъ въ *Frankfurter Zeitung*, что въ Норвегіи среди избирателей ясно замѣчается теченіе лѣво. Умѣренные, готовые на компромиссы, дѣятели вызывали рѣшительную оппозицію. Либеральная партія, по сообщенію франкфуртской газеты, имѣетъ въ виду ввести въ Норвегіи всеобщую подачу голосовъ (для этого нужно двѣ трети голосовъ) и установить отдѣльный норвежскій флагъ. *Frankfurter Zeitung* полагаетъ, что между побѣдоносною норвежскою демократією и полуфеодалною-юнкерскою и полубуржуазною Швеціей примиреніе невозможно, — оно наступитъ лишь съ побѣдою демократіи и въ Швеціи.

Мы много разъ отмѣчали уже дружественное къ нашему отечеству отношеніе либеральной партіи, которая противится шведскому шовинизму и желаетъ жить въ мирѣ съ Россіей, тогда какъ въ Швеціи видно тяготѣніе къ Германіи. Мы можемъ поэтому только привѣтствовать побѣду норвеж-

ской демократіи и пожелать, чтобы ея распря съ Швеціей была улажена исполнѣ мирными и справедливыми путями.

Во Франціи произошла, наконецъ, реформа предварительнаго слѣдствія. Тайна этого слѣдствія отиѣнена. Теперь каждый арестованный долженъ быть допрошенъ въ двадцать четыре часа судебнымъ слѣдователемъ или освобожденъ. За неисполненіе этого требованія новый законъ угрожаетъ прокурору и начальнику тюрьмы суровыми наказаніями. Послѣ перваго допроса подсудимый можетъ избрать себѣ защитника, который во всякое время можетъ видѣть своего довѣрителя. Все остальное слѣдствіе ведется въ присутствіи защитника. Во французской магистратурѣ многіе относились къ этой реформѣ недоброжелательно. Въ палатѣ министръ юстиціи очень старался оттянуть окончательное рѣшеніе и внести въ законопроектъ поправки, которыя ослабляли бы значеніе преобразованія. Но на этотъ разъ оппортунисты не послѣдовали за правительствомъ и законопроектъ прошелъ. Нужно замѣтить, что сенатъ не только не оказалъ сопротивленія, но что именно ему принадлежалъ въ данномъ случаѣ законодательный починъ.

И въ Германіи давно на очереди важная судебная реформа—военнаго судопроизводства. Канцлеръ Гоенловъ обѣщалъ рейхстагу, что правительство займется этимъ вопросомъ и внесетъ въ парламентъ соответствующій законопроектъ. Но въ высшихъ военныхъ сферахъ враждебно относятся къ требованіямъ преобразованія и закулисныя интриги до сихъ поръ мѣшаютъ осуществленію обѣщанія имперскаго канцлера. Одно время изъ-за вопроса объ измѣненіи военнаго судопроизводства едва не произошелъ министерскій кризисъ, т.-е. отставка князя Гоенлова. Кризисъ отсроченъ, но вопросъ не разрѣшенъ. Общественное мнѣніе настаиваетъ на томъ, чтобы въ германское военное судопроизводство были внесены основныя современныя начала права: гласность, устность, ясная и точная законность для всѣхъ. Недовольство вмѣшательствомъ въ дѣла законодательства и управленія не отвѣтственныхъ, но вліятельныхъ совѣтчиковъ все усиливается въ Германіи, сѣтованія на неустойчивость, на легкомысленные и частые повороты внутренней политики раздаются въ самыхъ умѣренныхъ кругахъ.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Литомка*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, И. В. Шпажневскаго. — *Нестрелка*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, Роберта Бракко, переводъ В. К. Мюлле (Васильева). — *Джентельменъ*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, кн. А. И. Сумбатовъ.

У небогатой чиновницы Хорошиловой (г-жа Садовская) и у ея дочки Нонны (г-жа Нечаева) служитъ молоденькая горничная Елена (г-жа Лешковская), изъ «питомокъ» Воспитательнаго Дома, дочь неизвѣстныхъ родителей, — *enfant abandonné*, какъ говорятъ во Франціи. Жители столицъ и столичныхъ губерній знаютъ, конечно, каково положеніе такихъ дѣтей. Обывателямъ провинцій это мало извѣстно, а вдали отъ столицъ и совсѣмъ неизвѣстно, такъ какъ «промыселъ» вскармливанія и воспитанія «казенныхъ» дѣтей сосредоточенъ въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Императорскимъ Воспитательнымъ домамъ. Новорожденныхъ дѣтей, покнутыхъ въ этихъ домахъ на попеченіе государства, кормятъ наемныя кормилицы, или же крестьянки разбираютъ ихъ и увозятъ въ деревни и воспитываютъ ихъ въ своихъ семьяхъ за извѣстную плату отъ казны, подъ надзоромъ особыхъ инспекторовъ. Такія дѣти, подъ престопадомъ названіемъ *шпитонцевъ* и *шпитонковъ*, или подъ названіемъ *казенныхъ*, становятся въ крестьянскихъ семьяхъ настоящими приемышами, членами семьи наравнѣ съ родными дѣтьми. Наблюдая этотъ «промыселъ» въ подмосковныхъ деревняхъ, мы пришли къ убѣжденію къ тому, что положеніе «казенныхъ» дѣтей ничѣмъ не разнится отъ положенія родныхъ дѣтей, и полагаемъ, что оно, въ большинствѣ случаевъ, много лучше, чѣмъ положеніе дѣтей, попадающихъ подъ власть мачихи. Плата отъ казны за питомцевъ, вовсе не маленькая, служитъ хорошимъ подспорьемъ въ крестьянскомъ быту и побуждаетъ воспитателей дорожить «казенными» дѣтьми, относиться къ нимъ съ такою же заботливостью, какъ къ своимъ собственнымъ, — не говоря уже о томъ, что молодая женщина, выкормившая питомца, и старуха бабушка, вынянчившая его, почти всегда сердечно привязываются къ сиротѣ и ни въ чемъ не отличаютъ его отъ родныхъ. Такое своего рода нравственное усыновленіе доходитъ неизмѣнно до того, что очень быстро забывается, исчезаетъ всякое различіе между дѣтьми, они становятся,

по настоящему, братьями и сестрами, настолько родными, что установившимся обычаем не допускаются браки между ними въ тѣхъ же степеняхъ родства, въ какихъ браки запрещены между кровными родственниками. Еще одна, характерная, по нашему мнѣнію, подробность: незаконность рожденія никогда не служитъ поводомъ къ какимъ-либо уворамъ и къ оскорбительнымъ названіямъ. Замѣтна даже тенденція въ тому, чтобы изгладить всякое воспоминаніе объ этомъ, чтобы забыть о Воспитательномъ домѣ, и слова «шпитонъ» и «шпитонка» (отъ «шпитательный» домъ) выходятъ, мало-по-малу, изъ употребленія, замѣняются неопредѣленнымъ—«казенный». За послѣдніе годы сами дѣти, подростки и взрослые, называютъ себя не иначе и не безъ отгѣнка нѣкоторой гордости, какъ—«казенный», «царскій», «государевъ». Мы сочли нужнымъ отмѣтить это, такъ какъ, по поводу комедіи г. Шпагинскаго, придется сказать нѣсколько словъ о положеніи «питомки» Елены, когда она жила въ деревнѣ.

У чиновницы Хорошиловой Елена живетъ уже четыре года. Въ нее влюбленъ штабной писарь Фурсиковъ (г. Яковлевъ), Елена любитъ его, и они уже готовятся честнымъ путемъ сыграть свадьбу, о чемъ и заявляютъ Хорошиловымъ. Нежданною помѣхой является «высокопоставленное лицо», его высокопревосходительство Николай Петровичъ Ветлугинъ (г. Рыбаковъ), старый холостякъ. Двадцать лѣтъ назадъ онъ любилъ нѣкую красавицу-баронессу. Плодомъ этой любви была дочь, которую почему-то нашли нужнымъ сдать въ Воспитательный домъ. На склонѣ дней и томимый одиночествомъ, Ветлугинъ принялся разыскивать покинутую дѣвочку и, послѣ долгихъ хлопотъ, нашелъ ее горничною у Хорошиловыхъ. Поразительное сходство съ матерью и номеръ Воспитательнаго дома, выставленный на паспортѣ Елены и въ свое время записанный Ветлугинимъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она дочь баронессы и Ветлугина. Тутъ не совсѣмъ ясно, почему Ветлугину лишь по прошествіи восемнадцати лѣтъ пришло вдругъ непреодолимое желаніе вернуть брошенное дитя, и не совсѣмъ понятно, почему такому большому генералу пришлось употребить два года на поиски, когда у него въ книжкѣ записанъ номеръ казенной питомки. Стоило важному и богатому генералу поручить дѣло чиновнику, и тотъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ разыскалъ бы дѣвушку безъ большого труда, такъ какъ она жила только въ двухъ мѣстахъ: въ деревнѣ, куда выписана изъ Воспитательнаго дома, и у Хорошиловой, которая взяла ее изъ деревни. Ну, да это мимо,—худо ли, хорошо ли, генералъ искалъ и нашелъ дочь. Онъ счастливъ и растроганъ, плачетъ и кается въ тѣхъ злоключеніяхъ, которыя его дочь, въ качествѣ «питомки», испытала въ деревнѣ. Ее всячески тиранили, босую и полураздѣтую посылали побираться, «въ кусочки», когда же она приносила мало, ее не пускали въ избу, она почевала въ холодномъ коровникѣ, отогрѣваясь теплою тѣла теленка. Если что-нибудь подобное видѣлъ или слышалъ авторъ, то мы полагаемъ, что это былъ исключительный случай,—конечно, возможный до тѣхъ поръ, пока это не дошло до свѣдѣнія инспектора, кото-

рый неукоснительно отберет ребенка. Какъ бы ни было, такой случай не подлежитъ обобщенію, какъ мы говорили выше, ибо положеніе «казенныхъ» питомцевъ въ деревняхъ всегда лучше, чѣмъ положеніе бѣдныхъ дѣтей въ городахъ.

Такъ вотъ важный генералъ Ветлугинъ нашелъ дочь, взялъ ее къ себѣ въ домъ, задумалъ сдѣлать изъ нея барышню, приказалъ обучать ее разнымъ наукамъ. Елена очень довольна тѣмъ, что ее наряжаютъ, но отъ всего остального горько плачетъ, въ особенности же отъ того, что высокопревосходительный папаша не желаетъ отдать ее замужъ за писаря Фурсикова и запрещаетъ даже видаться съ нимъ. Свиданіе, однако, кое-какъ устраивается у Хорошиловыхъ, а затѣмъ Елена, вернувшись домой, объясняетъ отцу, что «въ барышню» она не годится, что къ его обществу она никогда не пристанетъ, что счастлива она можетъ быть только замужемъ за хорошимъ и любимымъ человѣкомъ, за Фурсиковымъ, и что папашу, облагодѣтельствовавшего ее, она никогда не покинетъ. Пьеса кончается благополучно согласіемъ Ветлугина на бракъ Елены съ штабнымъ писаремъ.—Въ чемъ же, однако, тутъ дѣло, и что изъ этого слѣдуетъ? Незаконныхъ дѣтей не слѣдуетъ отдавать въ Воспитательный домъ? Это всѣ знали безъ пьесы г. Шпагинскаго, и комедія *Питомка* ничего къ этому не добавляетъ, кромѣ нѣкотораго развѣ сомнѣнія въ справедливости того, что всѣ знали, такъ какъ судьба питомки Елены устраивается превосходно, неизмѣримо лучше, чѣмъ судьба небогатой барышни Нонны Хорошиловой, у которой Елена жила горничною. Быть можетъ, авторъ хотѣлъ показать, какъ горько приходится раскаиваться старымъ холостякамъ, вроде Ветлугина, покидающимъ своихъ незаконныхъ дѣтей на «казенное» попеченіе? Но и этого авторъ не показалъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, Ветлугинъ очень доволенъ и счастливъ: онъ нашелъ милую, добрую, честную и любящую его дочь, вполне счастливую своимъ бракомъ съ хорошимъ и любимымъ человѣкомъ. Правда, дочь эта не барышня и замужъ выйдетъ не за чиновника, но въ этомъ никакой ровно бѣды ни для кого нѣтъ, и, во всякомъ случаѣ, это нельзя считать карой за грѣхъ молодости Ветлугина. Тѣмъ не менѣе, пьеса, хотя и пяти-актная, смотрится легко и съ интересомъ, мѣстами вызываетъ улыбки, а подъ конецъ—и добрую слезу у людей, склонныхъ къ чувствительности. Все это происходитъ отъ того, что комедія написана очень умѣло, акты въ ней короткіе, гдѣ слѣдуетъ, вставлены свѣшныя слова и въ заключеніе сдѣлана трогательная сцена объясненія отца съ дочерью. Въ пьесу вставлено нѣсколько вводныхъ лицъ, изъ которыхъ для дѣла, собственно, нужны только двое: домоправительница Ветлугина (г-жа Порошина) и старый чиновникъ Глуздаревъ (г. Правдинъ).

Въ переводной пьесѣ *Неспящая*, кромѣ докладывающихъ слугъ, всего три лица: графъ Сильвіо Санджіорджи (г. Южинъ), графиня Клара, его жена (г-жа Лешковская), и Джинно Риккарди (г. Ильминскій). Это легкая и цювельно пустая комедія, французскаго пошиба, напоминающая старинныя

«пословицы». Только тѣ бывали короче, живѣе и остроумнѣе. Къ тому же ветарину ихъ и переводили получше.—«Я, который, вижу себя въ зеркало». «Вы, которая увѣряете». «Мнѣ, которому вы»...—такъ по-русски не говорятъ и не пишутъ, такъ не переводятъ, а «перетаскиваютъ» съ иностранныхъ языковъ. Суть пьесы въ томъ, что молодые любящіе супруги условились ни въ чемъ другъ друга не стѣснять, каждый изъ нихъ выговорила себѣ право дѣлать, что ему нравится, бывать, гдѣ ему угодно и съ кѣмъ угодно. Графиня широко пользуется выговоренною свободой и предоставляетъ мужу дѣлать тоже. Сначала все шло не дурно, но скоро мужу показалось не особенно пріятною толпа молодежи, вѣчно окружающая графиню Клару, всюду за нею слѣдующая. Въ особенности «надоѣдаетъ» графу его пріятель Джинно Риккарди, молодой человекъ, слишкомъ усердно ухаживающій за графиней Klarой. Графъ Сильвіо—не то, чтобы ревнуетъ,—нѣтъ, онъ женѣ вѣритъ, но... вотъ это-то «но», недоговоренное и неопредѣленное, а въ жизни встречающееся не рѣдко, и не даетъ ему покоя. А графиня Клара—особа бойкая и смѣлая, забавляется любить и не всегда умѣетъ во-время остановиться на той границѣ, за которою забава переходитъ въ крайне опасную шутку. Ухаживатель Риккарди поддразниваетъ графиню, говоритъ, что она не измѣняетъ мужу потому только, что не представляется къ тому случая, что она, графиня Клара, не посмѣетъ, напримѣръ, прійти одна въ квартиру къ нему, Риккарди. Задѣтая за живое графиня обѣщаетъ прійти на слѣдующій день въ два часа. Графъ Сильвіо, по нѣкоторымъ признакамъ, заподозрилъ кое-что и въ половинѣ второго явился къ Риккарди. Тотъ въ большомъ смятеніи старается спровадить непрошеннаго гостя. Это удается ему. Графиня Клара сдержала слово, пришла къ молодому человеку и говоритъ:—Вотъ я, начинайте меня увлекать...—Риккарди теряется, всѣ попытки «увлечь» разбиваются о насмѣшки забавляющейся женщины. Но тутъ настаетъ уже серьезная опасность: подозрѣнія графа Сильвіо настолько усилились, что онъ вернулся въ садъ Риккарди и подкарауливаетъ жену. Риккарди предлагаетъ графинѣ ключъ отъ другой двери, черезъ которую она можетъ скрыться незамѣченною, но дѣлаетъ онъ это подъ условіемъ, что графиня Клара согласится тою же дверью прійти къ нему вторично и вправду измѣнить мужу. Графиня зоветъ мужа.—«Я васъ убью!»—шепчетъ ей Сильвіо.—«Только послѣ, не здѣсь,—такъ же тихо говоритъ Клара.—Не дѣлайте ни меня, ни себя посмѣшищемъ для людей».—Она беретъ мужа подъ руку и они удаляются. По прошествіи нѣкотораго времени, мѣсяца или двухъ, проведенныхъ супругами въ одномъ домѣ на разныхъ половинахъ, все разъясняется къ общему удовольствію: они не переставали любить другъ друга, никакой измѣны не было, Риккарди осмѣянтъ, а графиня Клара можетъ оказаться «невѣрною» мужу только увлеченная любовью къ графу Сильвіо. Въ чемъ тутъ каламбуръ и его «соль», мы уловить не могли. Но—все хорошо, что хорошо кончается, и, въ особенности, когда разыгрывается такъ, какъ это дѣлаютъ г-жа Лешковская и г. Южинъ, прикрывающіе

своимъ исполненіемъ все ничтожество итальянской пьесы, написанной по французскому шаблону.

Въ бенефисъ заслуженнаго и, по заслугамъ, любимаго московскою публикой артиста г. Макшеева шла новая пяти-актная комедія князя А. И. Сумбатова *Джентельменъ*,—комедія бытовая, чисто-русская и даже того болѣе—совсѣмъ московская и современная. Такими, московскими и современными, были въ свое время комедіи Островскаго, раскрывавшія передъ публикой, театральной и читающей, разные углы и закоулки «темнаго царства» Замоскворѣчья, Рогожской и Таганки. Спѣшимъ оговориться, мы вспоминаемъ это бывшее и давно прошедшее отнюдь не для того, чтобы сравнивать пьесу князя Сумбатова съ несравненными ни съ чѣмъ произведеніями Островскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ первыя изъ нихъ вывели на сцену передъ Москвою цѣлый рядъ блестяще созданныхъ типовъ и положеній, прошло безъ малаго полвѣка, а эти типы остаются живы и ярки настолько же, какъ типы Гоголя, и такими останутся и въ двадцатомъ вѣкѣ. Тѣ же области «темнаго царства» пытались въ послѣднее время изображать покойный А. Ф. Фодотовъ (*Дѣти своихъ отцовъ*), г. Невѣжинъ (*Компаньоны*), Вл. Ив. Немировичъ-Данченко (*Золото и Дѣна жизни*) и друг. Каждому изъ нихъ удавалось подмѣтить характерныя для нашего времени положенія и болѣе или менѣе типическія черты, отличающія «мелодое» Замоскворѣчье и «молодую» Таганку отъ дѣдовъ и отцовъ, которыхъ обезсмертилъ Островскій. Но никто изъ названныхъ драматурговъ не создалъ полного и цѣльнаго типа теперешняго, новаго купца, именующаго себя «коммерсантомъ», «негоціантомъ», представителемъ «tiers-état» и «финансовой аристократіи». За ту же задачу взялся князь Сумбатовъ въ своей комедіи *Джентельменъ* и,—надо отдать ему полную справедливость,—взялся за нее достаточно смѣло съ такой стороны, съ которой до него она никѣмъ не была затронута въ драматическихъ произведеніяхъ. Герой комедіи, Ларіонъ Даниловичъ Рыдловъ (г. Рыбаковъ)—человѣкъ образованный, «просвѣщенный», чуть ли не въ университетѣ кончилъ курсъ. Онъ милліонеръ и «джентельменъ», живетъ въ роскошнѣйшихъ палатахъ, мало чѣмъ уступающихъ дворцу. Отецъ и дѣды Рыдлова работали, наживали милліоны, сидя въ лавкахъ и въ амбарахъ, лично завѣдуя фабриками, разъѣзжая по ярмаркамъ. Мать Ларивона Денисовича, Ольга Спиридоновна (г-жа Садовская), продолжаетъ старое большое дѣло, стоитъ во главѣ торговаго дома «Рыдлова вдова и Чечковъ». Василій Ефимовичъ Чечковъ (г. Макшеевъ), ея двоюродный братъ, крупный пайщикъ, дѣятельно помогаетъ ей вести торговое, до тонкости извѣстное ему дѣло, отъ котораго онъ тщательно отстраняетъ весьма ненадежно племянника, способнаго все перепутать и изгадить. Дѣйствіе пьесы начинается свадебнымъ широмъ въ домѣ Рыдловыхъ. Ларіонъ Денисовичъ женился на Екатериѣ Владимовнѣ (г-жа Ермолова), дочери стараго журналиста и привать-доцента университета, Вадима Петровича Горѣва (г. Ленскій), и племянницы Евгениіи Фоминичны Ульясь (г-жа Грбунина), бывшей гувернантки Рыдловыхъ,

оставшейся другомъ ихъ дома. Эта старая миссъ усватала свою Кэтъ за Рыдлова, убѣждена въ томъ, что обоихъ ихъ облагодѣтельствовала, сдѣлавши бѣдную дѣвушку женою милліонера и давши въ жены «джентельмену» умную и хорошую дѣвушку. Миссъ Умльясъ усердно старается облагодѣтельствовать и еще одну пару, устраиваетъ бракъ своей ученицы Любочки Рыдловой (г-жа Лешковская) съ графомъ Остергаузенъ (г. Правдинъ), владѣльцемъ небольшого майората въ Прибалтійскомъ краѣ. У Остергаузена—титулъ и старое дворянское имя, но средства очень мизерныя. У Любочки—милліонъ; она будетъ графиней, у него будетъ жена съ милліономъ. Сущее благодѣяніе. На свадебномъ пиру толпа гостей, и между ними есть очень важные и эффектные, кромѣ графа Остергаузена и его родственницы Эммы Леопольдовны (г-жа Яблочкина), урожденной графини Остергаузенъ, супруги когда-то богатаго барина Боженко (г. Степановъ), занимающаго мѣсто директора въ частномъ банкѣ. Въ числѣ гостей есть нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, нарочно прѣбывшихъ изъ Петербурга, есть итальянецъ, оперный теноръ, сеньоръ Сакарди (г. Худолѣвъ), есть представители печати, Горѣвъ, Лебединцевъ (г. Падаринъ), бывший спортсменъ, пробавляющійся газетною работою, и Остужевъ (г. Ильинскій), балетристъ, уже пользующійся извѣстностью, влюбленный въ Кэтъ Горѣву, только что обвѣнчавшуюся съ Рыдловымъ. Романистъ Остужевъ попалъ на балъ прямо изъ Парижа, мчался съ тѣмъ, чтобы помѣшать свадьбѣ любимой дѣвушки, но съ Берлина спѣшить пересталъ, а съ Варшавы такъ рассчиталъ, чтобы опоздать немного, и опоздалъ. Всѣ эти господа—друзья-пріятели «джентельмена» Рыдлова. Онъ и самъ литераторъ, написалъ и издавалъ книгу съ какимъ-то мудренымъ заглавіемъ, помѣщаетъ подъ псевдонимомъ «маркизъ Вольтеръ» въ газетахъ статьи объ искусствѣ, о музыкѣ, о театрѣ, о живописи и обо всемъ, потому что онъ «все знаетъ», все понимаетъ и живо чувствуетъ своею «утонченною» натурой «джентельмена» съ Таганки.

Проходитъ полгода, Рыдловъ уже не удовлетворяется «званіемъ» литератора, надъ которымъ потѣшаются газеты. «При его капиталѣ», онъ самъ желаетъ издавать газету, быть редакторомъ и потѣшаться надъ кѣмъ ему угодно, надъ живыми и надъ мертвыми. Онъ громогласно заявляетъ, что «давно добирается до Шиллера», что въ «своей» газетѣ онъ «самъ» будетъ вести отдѣлъ художественной, театральной и музыкальной критики и всѣмъ, кто теперь осмѣливается не признавать его высокихъ способностей и утонченности натуры, онъ живо «сумѣетъ показать Кузькину м-м...»—сорвалось у «джентельмена» на совѣщаніи, на которомъ обсуждался планъ будущей газеты и распредѣлялись роли ея руководителей между Лебединцевымъ, Боженко, графомъ Остергаузеномъ и Остужевымъ. Вѣрный преданіямъ отцовъ, Чечковъ насмѣшливо осаживаетъ племянника: «Попочва, сядь въ свое колечко и помолчи...» «Попочва» не унимается, и всю компанію пытается разнести старый, искренній журналистъ Горѣвъ, напоминая названнымъ руководителямъ общественнаго мнѣнія о совѣсти и правдѣ. Ему

сочувствуетъ только старая купеческо-амбарная крыса Чечковъ, для остальныхъ рѣчи «шестидесятника»—все равно, что «объ стѣну горохъ». Это—устарѣлыя слова и очень хорошія мысли, давно отправленныя въ архивъ и совсѣмъ непригодныя для «нынѣшняго боевого направленія», когда нужно только «успѣхъ» и ничего не нужно, кромѣ «успѣха», какими бы средствами онъ достигнуть ни былъ. Старикъ Чечковъ посмѣивается надъ «попочкой», презираетъ его компанію и втихомолку обдѣлываетъ свои амурныя дѣлишки съ Эммою Боженко, урожденной графиней Остергаузенъ. Романистъ Остужевъ ведетъ свои романтическіе подходы къ жонѣ добраго пріятеля, Кэтъ Рыдловой. А великодушный «маркизъ Вольдиръ (читайте на оборотъ—Рыдловъ)», «при своихъ милліонахъ», такъ убѣжденъ въ своей красотѣ, въ своемъ умѣ, образованіи, талантахъ, утонченности и «джентельменствѣ», что никакой соперникъ, ни на какомъ поприщѣ, ему не опасенъ и ревность недоступна на той высотѣ, на которую вознесло его самоиѣніе. Свою Кэтъ онъ, конечно, любитъ по-своему, по тагански-джентельменскому, что нисколько не мѣшаетъ ему ухаживать за хорошенькою Эммою, объясняться ей въ любви и пытаться отбить ее у дядюшки Чечкова. Кэтъ случайно видитъ и слышитъ это, хохолетъ, чуть не до истерики надъ растерявшимся «джентельменомъ» и, въ концѣ-концовъ, къ самому неподдѣльному его изумленію, объявляетъ, что не любитъ его, никогда не любила и уходитъ къ давно любимому человѣку, Остужеву. Тутъ же заговорила настоящая, неподдѣльная «Таганка», «джентельменъ» завопилъ о своемъ правѣ собственности на жену, о возможности удержать ее и вернуть черезъ полицію.

Кэтъ ушла къ отцу. Скандалъ на всю Москву! Всѣ заволновались: Любовь Денисовна графиня Остергаузенъ, графъ Фридрихъ Остергаузенъ, Эмма Боженко, миссъ Уильксъ, старуха Рыдлова. Всѣ, въ мѣру своихъ силъ и разумія, стараются прекратить неприятную исторію, чѣмъ-нибудь прикрыть ее. Кэтъ никого и ничего слушать не хочетъ до тѣхъ поръ, пока сама не разочаровывается въ Остужевѣ. Тогда только она сдается на убѣжденія свекрови, слезно-умоляющей ее вернуться къ мужу. Тѣмъ временемъ нашъ «джентельменъ» то убивается и плачетъ, то хорохорится à la Китъ-Китычъ. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, одна бѣда ведетъ за собой другую: Лебединцевъ приноситъ телеграмму, извѣщающую объ отказѣ въ просьбѣ Рыдлова разрѣшить ему изданіе газеты. Ни на что теперь не нужнаго Лебединцева «джентельменъ» выгоняетъ вонъ, когда тотъ, въ надеждѣ на «свою» газету, отказался отъ сотрудничества въ «чужой» и остается безъ куска хлѣба съ женою и шестью дѣтьми на рукахъ. Является сестрица, графиня Любовь Денисовна, сообщаетъ о томъ, что Кэтъ согласилась вернуться, и Рыдловъ снова воспрянулъ духомъ,—«попочка» опять поднялъ хохоль и распушилъ перья. Пріѣхавшей съ матерью Кеттѣ Любови Денисовна даетъ благой совѣтъ забрать хорошенько супруга въ руки и держать его покрѣпче подъ башмакомъ, какъ она сама распоряди-

лась со своимъ остзейскимъ графомъ. «А я все-таки велъ себя какъ настоящій джентельменъ!» — восклицаетъ Рыдловъ въ заключеніе пьесы.

Говорятъ, что авторъ неудачно выбралъ героя для своей комедіи, — говорятъ, что «джентельменъ» Рыдловъ — просто глупъ. Съ этимъ мы не согласны: намъ Рыдловъ представляется совсѣмъ не глупымъ, — наоборотъ, въ «своемъ» дѣлѣ и на «своемъ» мѣстѣ онъ, навѣрное, оказался бы достаточно умнымъ и обдѣланнымъ человекомъ, ничуть не хуже дядюшки Чечкова и многихъ другихъ представителей россійскаго купечества, ворочающихъ большими миллионами. Вся бѣда Рыдлова въ томъ, что онъ, владея готовымъ, не имъ нажитымъ, богатствомъ, не имѣя никакой надобности прилагать свой трудъ и свои способности къ настоящему, наслѣдственному дѣлу, полѣзъ туда, куда ему лѣзть не къ лицу и не по натурѣ. Отцы и дѣды знали свои силы и силу своихъ кармановъ и самодурничали просто въ областяхъ имъ доступныхъ. Въ свою мѣру самодурничаетъ и старикъ Чечковъ: покупаетъ любовь хорошенькихъ женщинъ, держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ фабрики и амбары, безцеремонно третируетъ такихъ «литераторовъ», какъ несчастный Лебединцевъ, не даетъ спуска и племяннику-«джентельмену», котораго называетъ «попочкой» и которому въ глаза говорить, при постороннихъ людяхъ: «Хорошъ ты, попочка, пока ты въ перышкахъ. А если перышки у тебя ошипать, такъ и бросать попку въ помойку...» Василій Ефимовичъ — сила, и въ комедіи кн. Сумбатова онъ — типъ. Его нельзя ошипать, онъ самъ кого угодно ошипать можетъ. Онъ — старая амбарная крыса, и на мякини его не проведешь. Онъ твердо знаетъ цѣну себѣ и людямъ, людскимъ способностямъ и людской совѣсти, которую и покупаетъ, когда ему нужно и гдѣ это можно. Онъ — типъ, и толковать о томъ, какая у него у самого совѣсть, совершенно лишнее: она такова, что въ коммерческомъ мірѣ одного его именно достаточно для того, чтобы поддерживать незыблемый кредитъ торговаго дома «Рыдлова вдова и Чечковъ». Съ другой стороны, — по его вполне компетентному мнѣнію, — передача вдовою Рыдловой своихъ пасевъ Рыдлову-сыну должна, неминуемо, подорвать кредитъ старой фирмы и погубить все дѣло потому, что Рыдловъ-сынъ — «джентельменъ» и «попочка». Типъ ли этотъ «джентельменъ»? Въ комедіи кн. Сумбатова, къ сожалѣнію, это не типъ, а только забавная и нѣсколько каррикатурная фигура, тогда какъ въ дѣйствительности имѣется достаточно матеріала для созданія интереснаго типа, характеризующаго переживаемое нами время. Ларіонъ Рыдловъ есть новѣйшій продуктъ все тѣхъ же палестинъ замоскворѣцкихъ и таганскихъ. Это все тотъ же самодуръ, только зазнавшійся, «при своихъ миллионѣхъ» и отъ бездѣлья, пріготовленнаго ему тѣми, кто ихъ наживалъ. Но этотъ зазнавшійся «буржуй», «просвѣщенный» Катъ Катычъ, уже не удовлетворяется простымъ самодурствомъ «вокругъ себя». Онъ хватался кое-какихъ знаній, а больше — наслушался, какъ «попочка», кое-что затвердилъ по части наукъ и искусствъ, возмнилъ превыше всякой

мѣры о своемъ умѣ и о своей «утонченности» и отдался дикимъ вождѣль-
 ниямъ самодурствовать широко, во всю, надъ наукой, надъ литературой,
 надъ искусствомъ. *Grattez se gentleman et vous trouvez* «торжествующую
 свинью», которой все ни по чемъ... Это—типъ не нарождающийся, а, по-
 видимому, уже сформировавшийся и достаточно опредѣлившийся. И мы ду-
 шемъ, что проскользнулъ онъ мимо рукъ и мимо комедіи кн. Сумбатова
 потому, что авторъ увлекся вѣйшею, смѣшною стороною такихъ «джен-
 тельменовъ-попочекъ», увлекся забавностью торопливо набросаннаго шаржа,
 и этотъ шаржъ успѣшилъ вставить въ рамку комедіи. Въ произведеніи
 кн. Сумбатова Рыдловъ, правда, смѣшонъ, но и только, тогда какъ въ
 дѣйствительности подобные «джендельмены» представляются намъ болѣе
 опасными, чѣмъ всѣ Каты Катычи старыхъ временъ. Отъ тѣхъ житья не
 было въ «темномъ царствѣ», а эти дѣзутъ въ царство свѣта, въ литера-
 туру и искусство, съ родовыми повадками своихъ «чумазыхъ» предковъ.
 Повадки эти во всей непривосновенности живы въ Рыдловѣ и въ графинѣ
 Остергаузенъ, его родной сестрицѣ, не только по крови, но и по духу, и
 по тѣмъ повадкамъ, которыя въ обоихъ лишь до нѣкоторой степени при-
 крыты напускнымъ и плохо заимствованнымъ «джендельменствомъ», ни-
 сколько не мѣшающимъ обонимъ, при случаѣ, «показать Кузькину м-м...»,
 «согнуть въ бараній рогъ» и т. п., побѣдоносно потрясая толстыми вар-
 манами. Графиня Любовь Денисовна удалась автору лучше, чѣмъ Рыдловъ,
 хотя она тоже не типъ, но въ ней типическія черты отмѣчены ярче, опре-
 дѣленнѣе и съ меньшимъ шаржемъ. А въ исполненіи г-жи Лешковской гра-
 финя изъ Таганки вышла настоящимъ живымъ лицомъ. Менѣе опредѣлен-
 ною и довольно шаблонною представляется намъ Эмма Боженко, очень
 хорошо изображенная г-жею Яблочкиной, за что мы отъ души привѣт-
 ствуемъ артистку, сумѣвшую найти надлежащій тонъ и выдержать его
 правильно даже въ такомъ трудномъ мѣстѣ, какъ объясненіе съ Катъ въ
 четвертомъ дѣйствіи. О роли старухи Рыдловой и объ исполненіи этой роли
 г-жею Садовской распространяться нечего,—это живое лицо, глядя на ко-
 торое можно забыть, что передъ нами театральная сцена, а не подлинная
 жизнь. Самыми слабыми лицами въ пьесѣ,—не по исполненію, разумѣется,—
 мы находимъ Катъ и ея отца, стараго ученаго и журналиста Горѣва.
 Безъ любви, подъ чужимъ вліяніемъ, она выходитъ замужъ,—правда, за
 миллионера, но, вѣдь, за шута параднаго, чего она, какъ умная дѣвушка,
 не могла не видѣть и что отлично понималъ ея отецъ, образецъ доброты
 и честности, согласившійся на нелѣпный бракъ и не предупредившій дочь
 о томъ, въ какой омутъ ее заманиваетъ тетушка, деревянная миссъ Уильясъ.
 Если Екатерину Вадимовну соблазнили миллионы, въ такомъ случаѣ—туда
 ей и дорога. Дальнѣйшая судьба такой героини нисколько насъ не инте-
 ресуетъ и заурядно некрупныя разочарованія молодой женщины не вызы-
 ваютъ нашего сочувствія, во-первыхъ потому, что она несимпатична, во-
 вторыхъ потому, что она съ начала до конца поступаетъ глупо и во

всѣхъ постигшихъ ее огорченій виновата сама и, кромѣ нея и ея отца, никто въ нихъ не виноватъ. Горѣвъ много говоритъ и очень горячо говоритъ о честности высокой, о гуманности, о служеніи народу, о непоколебимости убѣжденій, — но, вѣдь, все это онъ говоритъ только, а никакихъ дѣяній, соответствующихъ столь прекраснымъ рѣчамъ, не совершаетъ. Наоборотъ, съ легкимъ сердцемъ, безъ малѣйшаго сопротивленія отдастъ дочь чортъ знаетъ за кого, отлично видитъ, что это за компанія, и продолжаетъ бывать въ обществѣ Рядловыхъ, и, наконецъ, своимъ гуманнымъ и возвышеннымъ убѣжденіямъ и наставленіямъ онъ высказываетъ дочери лишь черезъ полгода послѣ ея замужства, когда она пришла къ нему, бросивши мужа не потому, чтобъ онъ оказался хуже, чѣмъ былъ прежде, а потому, что ее увлекъ своими сладкими рѣчами романистъ Остужевъ. Въ романиствѣ она очень скоро разочаровалась и опять-таки безъ борьбы, безъ признака сопротивленія со стороны отца, сдалась на уговоры родныхъ мужа и вернулась къ своему «джентельмену» забирать его «подъ башмакъ», по совѣту графини Остергаузенъ. Итакъ, есть въ пьесѣ два хорошихъ человѣка, да и тѣ... по меньшей мѣрѣ, не симпатичны. Когда смотришь пьесу, все это болѣе или менѣе ускользаетъ отъ сознанія зрителя подъ вліяніемъ превосходной игры г-жи Ермоловой и г. Ленскаго. О романиствѣ мы говорить не будемъ: можетъ быть, такіе есть, а можетъ быть, такихъ и совсѣмъ не бываетъ. На насъ онъ произвелъ впечатлѣніе не живого лица, а сочиненнаго, — правда, сочиненнаго талантливо, но ровно ничего не доказывающаго. Личность другого литератора, Лебединцева, ближе къ жизни и характернѣе. Въ афишѣ значится: «бывшій спортсменъ, занимается газетной работой». Изъ разговора въ началѣ пьесы выясняется, что это бывшій помѣщикъ, разорившійся на спортсменствѣ, прикармливаемый литературничаньемъ, не задумываясь надъ тѣмъ, гдѣ, что и какъ писать, — лишь бы платили, да побольше. Это — литературный проходимецъ. Такіе, несомнѣнно, бываютъ. А въ концѣ пьесы, — нѣсколько повдненко, по нашему мнѣнію, — обнаруживается, что у «проходимца-то» на рукахъ семья въ семь душъ, кромѣ него самого. Это уже значительно измѣняетъ и взглядъ на бѣднаго литературщика, у котораго не достало силъ сдѣлаться «героемъ», героически умереть съ голоду жену и дѣтей или, по меньшей мѣрѣ, посадить ихъ въ нищету, послѣ широкаго помѣщичьяго житья. Это уже не прохвость-прихлебатель около джентельменствующаго пузыря съ миллиономъ. Это одинъ изъ несчастныхъ людей, пригнутахъ и приниженныхъ тяжестью жизни. Объ этомъ автору слѣдовало сообщить намъ раньше, а то неловко какъ-то, на душѣ нехорошо, становится за то высокоумѣнное презрѣніе, съ какимъ нѣсколько часовъ мы относились къ человѣку, котораго пожалѣть слѣдовало. Г. Падаринъ отлично провелъ эту роль, и вообще, какъ молодой артистъ, онъ быстро выдвигается впередъ и видимо завоевываетъ симпатіи публики. Графъ Остергаузенъ — нѣмецъ, а г. Правдинъ сдѣлалъ изъ него весьма типичнаго потомка тупоголовыхъ рыцарей,

какъ и г-жа Грибунина довольно вѣрно передала сухой и неумолимый тонъ старой англійской миссъ. Г. Макшеевъ былъ прямо восхитителемъ въ роли старика Чечкова. Созданный авторомъ типъ коммерсанта - дядюшки, стоящаго связующимъ звеномъ между типами дѣдовъ и отцовъ и новѣйшими типами джентельменствующихъ саврасовъ,—г. Макшеевъ олицетворилъ поразительно вѣрно. Вся пьеса была исполнена съ образцовымъ ансамблемъ. Въ заключеніе мы позволимъ себѣ посоветовать уважаемому автору посочинить нѣкоторыя длинноты, наносящія не малый ущербъ его комедіи.

24 октября московская публика горячо и сердечно привѣтствовала Глижерію Николаевну Федотову, возвратившуюся на московскую сцену послѣ двухлѣтняго отсутствія. Г-жа Федотова выступила въ одной изъ своихъ прежнихъ ролей, въ драмѣ *Цѣли* князя Сумбатова. Публика встрѣтила уважаемую и любимую артистку шумными изъявленіями восторга, не смолкавшими во всѣ антракты. При первомъ ея появленіи сцена была засыпана цвѣтами и вѣнками. Г-жа Федотова не могла скрыть, насколько глубоко растрогали ее эти выраженія чувствъ публики, обрадованной тѣмъ, что Москва снова будетъ имѣть возможность наслаждаться неизмѣнно художественной игрой высокоталантливой артистки. Г. Н. Федотова поступила на московскую сцену 13 мая 1862 года, подъ фамиліей Поздняковой. Сколько ролей сыграла она за этотъ 35-лѣтній періодъ, сколько ролей создала и какія это были роли—мы не беремъ перечислять, ни даже назвать тѣ изъ нихъ, которыя были исполнены наиболѣе блестяще. Съ начальныхъ шаговъ своихъ на сценѣ г-жа Позднякова, любимая ученица И. В. Самарина, заняла первое мѣсто и удерживаетъ его до сихъ поръ, пройдя длинную и сложную гамму ролей въ комедіи, въ мелодрамѣ, въ драмѣ и въ трагедіи, начиная съ дѣвочки, почти подростка, и кончая старухой. Не знаемъ, кто сказалъ и зачѣмъ сказалъ, будто Г. Н. Федотова уѣхала въ провинцію на два года для того, чтобы вернувшись «перейти на роли старухъ». Сущіе это пустяки: г-жѣ Федотовой никакой надобности не было «переходить» на такія роли, которыя она много разъ исполняла на нашей сценѣ такъ же превосходно, какъ и роли молодыхъ женщинъ и женщинъ среднихъ лѣтъ. Ей и нѣтъ никакой надобности «переходить», такъ какъ тридцатипятилѣтняя служба ничуть не препятствуетъ талантливой артисткѣ играть 35-ти и 30-лѣтнихъ женщинъ, что г-жа Федотова неотразимо доказала въ драмѣ *Цѣли*. «Молоденькихъ» г-жа Федотова давно уже не играетъ, а зачѣмъ, для огромнаго таланта, нѣтъ возраста, и репертуаръ большого артиста никто,—ни даже онъ самъ,—не долженъ урѣзывать и сокращать, сообразно справкамъ, наведеннымъ по метрическому свидѣтельству. Мы видали г-жу Федотову въ *Цѣляхъ* до ея отъѣзда въ провинцію и видали въ той же пьесѣ, по возвращеніи, и впечатлѣніе вынесли такое, что некуда и незачѣмъ «переходить» г-жѣ Федотовой. Не сокращаться долженъ, а разрастаться ея репертуаръ, а какъ, насколько и въ какую сторону,—это сама артистка знаетъ лучше насъ и лучше всякихъ газетныхъ и журналь-

ныхъ критиковъ, берущихся совсѣмъ не за свое дѣло, когда они позволяютъ себѣ указывать какія-то границы такому таланту, могучей силы котораго они не понимаютъ. Мы убѣждены въ томъ, что Г. Н. Фодотова не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на такихъ непрошенныхъ совѣтчиковъ, отъ всей души радуемся ея возвращенію къ прежнимъ ролямъ на нашей сценѣ и искренно желаемъ ей новыхъ, попрежнему, блестящихъ успѣховъ въ тѣхъ роляхъ, какія она найдетъ нужнымъ создать на первоклассной русской сценѣ.

Ан.

О П Е Ч А Т Н И:

Въ IX кн. въ ст. А. П. Раменскаго: „Краткій историческій очеркъ дѣятельности Пермскаго земства“ на стран. 20-й 3-я строка снизу.

Напечатано:

усиленнымъ стараніемъ объ открытіи
2-хъ клас. училищъ

Слѣдуетъ:

усиленнымъ стараніемъ дирекціи народ-
ныхъ училищъ объ открытіи и т. д.

На 35 стран. въ 3-мъ абз.

Напечатано:

Первый совѣтъ

Слѣдуетъ:

Первый опытъ

Въ той же книгѣ въ ст. Л. Ф. Ярема на стр. 148-й, 2-я строка сверху.

Напечатано:

служать общественные факты

Слѣдуетъ:

общезвѣстные факты

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1897 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія, исторія литературы, біографія.—Естествознаніе.—Народныя изданія. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь.—«Новое Слово», сентябрь.—«Миръ Божій», октябрь III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1897 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Корнетъ Отлетаевъ“. Повѣсть князя Г. Кугушева.—„Собраніе сочиненій А. Осиповича (А. О. Новодворскаго)“.—„Натанъ Мудрый“. Г. Э. Лессинга, перев. В. Крылова.

Корнетъ Отлетаевъ. Повѣсть князя Г. Кугушева. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1897 г. Цѣна 1 руб. Около сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ повѣсть эта въ первый разъ появилась въ печати и была встрѣчена очень лестными отзывами критики. Публика приходила въ восторгъ отъ повѣсти автора, который уже пользовался въ то время достаточною извѣстностью, какъ драматургъ, первый придавшій *Евгенію Онгину* Пушкина драматическую форму. Въ свое время повѣсть кн. Кугушева имѣла очень большой успѣхъ потому, главнымъ образомъ, что въ ней въ яркихъ картинахъ и образахъ изображено было широкое житейничѣе не стѣсняющихся помѣщиковъ на лонѣ крѣпостного права, при до-реформенной администраціи, при старыхъ традиціяхъ, служившихъ незыблемою основой „дворянскаго“ общественнаго мнѣнія. Можетъ ли повѣсть эта разсчитывать на успѣхъ въ настоящее время, когда все бывшее стерто великими реформами, когда многое позабыто и очень многое совсѣмъ неизвѣстно молодому поколѣнію? Мы думаемъ, что успѣхъ она можетъ и должна имѣть. Утративши интересъ современности, *Корнетъ Отлетаевъ* получилъ теперь еще большее значеніе въ качествѣ правдиваго, чуждаго какой бы то ни было тенденціи, изображенія помѣщичьяго быта полвѣка назадъ. Въ формѣ романа, интереснаго по своей фабулѣ, это—отрывокъ изъ подлинной лѣтописи, написанной совершенно спокойно и объективно такимъ очевидцемъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ желаніи сгустить краски или же въ намѣреніи выставить напоказъ темныя стороны жизни того общества, къ которому принадлежалъ онъ самъ, по рожденію, по состоянію и, несомнѣнно, по убѣжденіямъ и по духу. Это съ полною очевидностью явствуетъ изъ тона всей повѣсти, изъ той совершенно искренней невозмутимости, барски увѣренной въ своемъ непоколебимомъ правѣ, съ которою разсказаны невѣроятныя и возмутительныя, по нынѣшнему времени, событія и разговоры, бывшіе

въ то время весьма обыкновенными и заурядными. Мы (вѣрнѣе было бы сказать—я, пишущій эти строки) имѣемъ вполне достаточныя основанія сказать, что кн. Кугушевъ своего *Корнета Отлетаева* не выдумалъ и про него ничего не сочинилъ. Авторомъ сочиненъ только романъ Оеши, дворовой дѣвушки, воспитанницы графини Буриме,—несчастной дѣвушки, бѣжавшей, при первой возможности, отъ благодѣяній добродѣтельной барыни. Авторъ говоритъ въ предисловіи, будто составилъ свою повѣсть по „письмамъ, замѣткамъ и очеркамъ“, доставшимся ему въ наслѣдство отъ одного родственника. Это—довольно обычный и давно извѣстный приемъ беллетристовъ. Въ дѣйствительности дѣло было не совсѣмъ такъ. Блвакій родственникъ кн. Гр. В. Кугушева рассказалъ автору *Корнета Отлетаева* про одного очень богатаго барина, у котораго этотъ родственникъ былъ раза два или три, причемъ видѣлъ все то, что потомъ авторъ описалъ въ повѣсти, и кое-что такое, чего кн. Кугушевъ описать, должно быть, не рѣшился. На самомъ дѣлѣ, у этого помѣщика въ „парадномъ“ домѣ жила премилая красавица жена съ дѣтьми, гувернантками, боннами и гувернерами. Въ другомъ домѣ,—можно сказать, въ другой усадьбѣ,—за полторы версты, помѣщался театръ со всѣмъ, что требуется для настоящаго театра, и жилъ самъ владѣлецъ этихъ затѣй съ нѣкоторою частью своей крѣпостной труппы. Въ третьемъ домѣ и въ нѣсколькихъ маленькихъ домикахъ размѣщался гаремъ хозяина, состоявшій изъ крѣпостныхъ и наемныхъ актрисъ, танцовщицъ и пѣвицъ. Эти красавицы никакой иной службы не знали, кромѣ обязанности забавлять барина, и въ „парадный“ домъ не допускались. Что же касается актеровъ, музыкантовъ и другихъ артистовъ, то они служили господамъ и ихъ многочисленнымъ гостямъ въ лакейскихъ, кучерскихъ и иныхъ должностяхъ. За элужебныя и артистическія неисправности,—а то и просто въ минуты вспышекъ барской раздражительности,—горячій и скорый на руку „корнетъ“ колотилъ „по мордасамъ“, стегалъ хлыстомъ и поролъ артистовъ и артистокъ безъ разбора. Пирь, спектакли, кутежи, амуры барина, безобразныя оргіи шли непрерывною чередой. Все это видѣла и знала законная супруга и покорно молчала, какъ и подобаетъ „перво султаншѣ“. Сосѣди, ближніе и дальніе, молодые и старыя, мѣстныя власти, въ лицѣ предводителей дворянства, исправниковъ, судей, очень охотно бывали у богатаго „корнета“, принимали съ наслажденіемъ участіе въ его развлеченіяхъ и кутежахъ, полагали всѣмъ его неистовствамъ. Ни „корнетъ“, ни всѣ эти господа не были людьми злыми или дурными, или дикими. Наоборотъ, всѣ они или большинство изъ нихъ были предобрыя, пречувствительныя,—особливо барыни,—искренно сантиментальныя и, по своему времени, хорошо образованныя, но... время было злое, образъ жизни былъ дикій, порядки были злодѣйскіе, обычаи были такіе, что за человѣка страшно становится, когда про все это читаешь эпически-спокойное повѣствованіе кн. Кугушева, правдивое до мелочей, до описанія пресловутаго, въ свое время знаменитаго, но не Отлетаева, а другому барину принадлежавшаго тарантаса, стоявшаго нѣсколько тысячъ рублей. Самого „корнета“ кн. Гр. Кугушевъ не зналъ, только слышалъ про его бессмысленное житье,—какъ мы сказали. Но „корнетски-отлетаевскія“ черты встрѣчались такъ часто, въ большемъ и маломъ видѣ, что талантливому писателю небольшого труда стоило собрать выдающіяся изъ нихъ и создать, увѣковѣчить типъ, нынѣ исчезнувшій и для молодежи не совсѣмъ вѣроятный, пожалуй. Перебирая въ памяти дите-

ратурныя произведенія того времени, мы не находимъ другого настолько же полнаго и яркаго изображенія доброй, симпатично-веселой, несомнѣнно артистической натуры, перебалованной и до ужаса изгаженной крѣпостнымъ правомъ, воспитаніемъ при крѣпостной дворнѣ, безпечальнымъ и бездѣльнымъ помѣщичьимъ житьемъ, коверкавшимъ и извращавшимъ всѣ добрыя инстинкты человѣка, его лучшія, иногда блестящія, способности. Въ большинствѣ романовъ и повѣстей, описывающихъ то время, изображается певыносно-тяжелое, безвыходно-мрачное положеніе крѣпостныхъ людей. *Корнетъ Отлетаевъ* принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній литературы, въ которыхъ вѣрными чертами и красками изображена обратная сторона дѣла: страшно-пагубное, безвыходно-развращающее вліяніе крѣпостного права на дворянскихъ младенцевъ, на барчуковъ, превращавшихся потомъ въ „корнетовъ“, въ „Отлетаевыхъ“, въ полныхъ и безконтрольныхъ властителей множества „крѣпостныхъ душъ“. Въ этомъ послѣднемъ мы видимъ наиболѣе важное значеніе повѣсти кн. Кугушева, съ этой стороны она, по нашему мнѣнію, никогда не утратитъ очень большого интереса.

Собраніе сочиненій А. Осиповича (А. О. Новодворскаго). Изд. А. П. Ватуева. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к. Въ началѣ этой книги напечатанъ *Очеркъ жизни и литературной дѣятельности А. О. Новодворскаго*, подписанный М. Гродецкимъ. Въ примѣчаніи къ *Очерку* значится: „Всѣ печатныя литературныя произведенія Андрея Осиповича Новодворскаго, при своемъ первоначальномъ помѣщеніи въ журналахъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, были подписаны псевдонимомъ А. Осиповичъ. Подъ этимъ именемъ онъ только и извѣстенъ читателямъ“. Первая строка *Очерка* гласитъ: „Вы не знаете его, вѣроятно, читатель!“ Далѣе слѣдуетъ: „Вы не знакомы съ проповѣдью этого чуткаго, сердечнаго таланта, потому что позабыли ее, какъ забыли и до сихъ поръ забываете самыя свѣтлыя страницы исторіи родной литературы“. Авторъ *Очерка* восхищенъ личностью и произведеніями Новодворскаго. Относительно личности г. Гродецкій, по всей вѣроятности, правъ. Судя по произведеніямъ А. О. Новодворскаго, авторъ ихъ былъ человѣкъ очень искренній, очень правдивый, заслуживающій большого сочувствія за свои идеи и стремленія, неизмѣнно честный, прямолинейный и, повидимому, непреклонный. Но, — какъ говорить самъ его панегиристъ, — этотъ „писатель не обладалъ ни однимъ (sic) изъ данныхъ, способныхъ въ средѣ подавляющаго большинства русской читающей массы доставить широкій, шумный и продолжительный успѣхъ“. Это совершенно вѣрно, и, въ виду отсутствія такихъ-то „данныхъ“, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Осиповичъ-Новодворскій забытъ и что теперешній читатель его не знаетъ, хотя въ свое время повѣсти этого писателя производили извѣстное впечатлѣніе преимущественно на молодежь, страдавшую и нерѣдко погибавшую отъ тѣхъ же невзгодъ житейскихъ, которыя свели преждевременно въ могилу несомнѣнно талантливаго писателя, пытавшагося создать интересный типъ „ни павы, ни вороны“. По милости „особенностей таланта и писательскихъ приемовъ“ Новодворскаго, типъ этотъ остался только намѣченнымъ, не законченнымъ, не совсемъ яснымъ даже, сливающимся съ сѣрою категоріей людей, „забѣденныхъ средой“, очень несчастныхъ, очень мелкихъ, но... слишкомъ слабыхъ и мелкихъ, дѣлающихся жертвами своихъ неумѣренныхъ запросовъ отъ жизни и непосильныхъ покушо-

ній достигнуть цѣли, не точно намѣченной, не вполне сознанный. Такие люди,—въ дни писательства Новодворскаго ихъ было не мало,—искали дѣла и заработка, а съ тѣмъ вмѣстѣ жаждали подвига, не соразмѣряя ни собственныхъ силъ съ величиною задуманныхъ подвиговъ, ни тѣхъ средствъ, которыми они располагали для борьбы, безъ которой подвигъ не мыслимъ. Наиболѣе сильнымъ или склоннымъ къ известнымъ уступкамъ удалось выбиться и попасть въ „павы“, даже въ большіе павлины, слабымъ или способнымъ мириться съ обстоятельствами и средой приходилось затеряться въ стаяхъ „воронъ“. А вотъ тѣ, кто уступать не хотѣлъ, бороться не умѣлъ, мириться не могъ, кто былъ недостаточно силенъ и непокладистъ,—тѣ становились „ни павами, ни воронами“. Къ такимъ людямъ, по словамъ г. Гродецкаго, принадлежалъ и А. О. Новодворскій, всѣ герои котораго, а отчасти и героини, оказываются „ни павами, ни воронами“, почему они и страдаютъ тяжело, невыносимо и бесплодно. Преобладающій въ его повѣстяхъ мотивъ такой: очень бѣдный молодой человекъ, или очень молодая дѣвушка, или тотъ и другая одновременно желаютъ учиться, но средствъ на это не имѣютъ и къ тому же хотятъ своимъ заработкомъ поддерживать своихъ родныхъ, находящихся въ крайней нуждѣ. Пускаясь на столь трудную борьбу за существованіе, молодые люди не хотятъ поступиться ни малѣйшею долей своей независимости, они не мирятся съ положеніемъ „наемныхъ человекѣвъ“, домашнихъ учителей при богатыхъ барчукахъ, къ физическому труду, къ мускульной работѣ они не приспособлены, ихъ погоня за наукой и за заработкомъ отъ уроковъ приводитъ въ большинствѣ случаевъ къ ряду неудачъ и разочарованій. Г. Гродецкій говоритъ: „Имъ страстно хочется жизни, счастья, дѣятельности, полезнаго примѣненія своихъ силъ, но, если для пользованія всѣмъ этимъ приходится распрощаться съ частью своихъ святыхъ идеаловъ и задушевныхъ убѣжденій, они безъ жалости къ самимъ себѣ отрекаются отъ послѣднихъ крупицъ счастья, но остаются вѣрными самимъ себѣ“. А затѣмъ появляются „озлобленіе и черствость“, — по словамъ того же г. Гродецкаго, — свойственная молодежи склонность прощать и оправдывать замѣняется безпощаднымъ осужденіемъ и ненавистью. Истомившись и изнервничавшись, онъ (Новодворскій) сталъ съ нескрываемою злобой встрѣчать всякое несимпатичное, лицемѣрное явленіе жизни“. Несимпатичное—ему, лицемѣрное—по еѣ мнѣнію,—добавимъ мы,—какое свое мнѣніе онъ выражалъ рѣзко и грубо, ничѣмъ не стѣсняясь, даже тогда, когда никому и ни на что это не было нужно. Г. Гродецкій приводитъ тому примѣръ: „Сударыня, вы съ жиру бѣситесь,—сказалъ Новодворскій одной важной барынѣ, шумно восторгавшейся какою-то картиной“... Такъ, какъ писалъ Новодворскій, теперь почти никто не пишетъ и написанное такъ прочтутъ, вѣроятно, не многие. Его повѣствованія несвязны, отрывочны и, по большей части нескладны, какъ въ торопяхъ набросанные дневники. Очень несложныя фабулы едва мелькаютъ тамъ и сямъ, расплываясь и теряясь въ личныхъ впечатлѣніяхъ, обусловленныхъ неудовлетворенностью и томленіемъ подъ гнетомъ ни щеты и неудачъ, того, что г. Гродецкій называетъ „неправдой жизни“. Самыя фабулы, очень жизненныя пятнадцать-двадцать лѣтъ назадъ, въ значительной мѣрѣ устарѣли въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, улучшившихъ, если не съ матеріальной, то съ нравственной стороны, положеніе учителей, учительницъ и фельдшерницъ, тяжелыя злословія которыхъ разсказаны авторомъ, несомнѣнно, талантливымъ, но не же-

лавшимъ держаться обычныхъ „писательскихъ пріемовъ“, ни „даже стили“,—что главнымъ образомъ объясняетъ, почему Новодворскаго „не знаетъ читатель“, почему его забыли и почему „проповѣдь этого чуткаго, сердечнаго таланта“, останется незнакомою большинству читающей публики.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Г. Э. Лессинга. Переводъ съ нѣмецкаго Виктора Крылова, съ историко-литературнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библиографическимъ указателемъ, съ 35 рисунк. и 11 эстампами. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 6 руб., съ перес. 7 руб. Въ предисловіи В. А. Крыловъ говоритъ: „Мой переводъ драматическаго стихотворенія Г. Э. Лессинга—*Натанъ Мудрый*—былъ впервые напечатанъ въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* въ 1868 году. Это былъ первый русскій переводъ произведенія, занимающаго одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нѣмецкой литературѣ“. Въ 1875 г. этотъ переводъ вышелъ отдѣльною книгой, въ которой, кромѣ драмы *Натанъ Мудрый*, помѣщена статья о Лессингѣ и его *Натанъ*, объяснительныя примѣчанія къ переводу и библиографія. Книга эта давно разошлась въ продажѣ. Теперь эта книга вышла вновь въ очень роскошномъ изданіи съ значительными дополненіями, особенно въ отдѣлѣ библиографіи. Предисланныя переводу драмы статья состоитъ изъ пяти главъ. „Первая говоритъ о Лессингѣ, его жизни, значеніи и дѣятельности, какъ объ элементахъ, породившихъ *Натана*; вторая и третья составляютъ, такъ сказать, исторію драмы; четвертая и пятая—критику внутренняго содержанія и художественнаго выполненія драмы“. Эта основательная и законченная статья даетъ весьма достаточное понятіе о характерѣ и дѣятельности Лессинга и о значеніи его чуднаго произведенія—тѣмъ изъ русскихъ читателей, которымъ славный нѣмецкій писатель знакомъ только по драмамъ *Натанъ Мудрый* и *Эмилія Галотти*. Въ критической части своей статьи г. Крыловъ даетъ вѣрную оцѣнку знаменитой драмѣ,—этой высоко-гуманной, почти гениальной проповѣди вѣротерпимости, любви къ ближнимъ, къ „своимъ“ и къ инновѣрцамъ, уваженія къ чужимъ религіямъ и къ убѣжденіямъ, не сходящимся съ нашими, но искреннимъ и честнымъ потому, что они искренни и не идутъ въ разрѣзъ съ тою общечеловѣческою моралью, которая не зависитъ отъ различій религіозныхъ ученій, иногда не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ духомъ религіи. „Драматическое стихотвореніе“ Лессинга было закончено авторомъ и вышло въ свѣтъ въ 1779 г. „Первое впечатлѣніе, произведенное *Натаномъ* на массу публики, было какое-то неясное, неопредѣленное, — говоритъ г. Крыловъ. — Особенно враги Лессинга были этимъ совсѣмъ сбиты съ толку. Они считали долгомъ хулить всякое сочиненіе ненавистнаго автора, а между тѣмъ драма дышала такою любовью, такимъ обиліемъ ободряющихъ, примирительныхъ началъ, что открыто, печатно высказаться противъ нея было опасно: критикъ легко бы могъ зайти въ такія дебри, изъ которыхъ съ честью, хотя бы и съ фиктивной честью, едва ли бы выбрался“. Но, — продолжаетъ авторъ статьи, — „ни одинъ изъ друзей знаменитаго писателя не рѣшился открыто стать за него и печатно высказать тѣ восторги, которыми они привѣтствовали его *Натана* въ письмахъ. Особенно поучительно сказалось въ этомъ отношеніи поведеніе педагога Кемпе, приходившаго отъ *Натана* въ величайшій восторгъ и „съ наивною откровенностью“ признававшагося Лессингу, что не рѣшился заявить объ этомъ публично, „потому что о его намѣреніи (сдѣлать это)

случайно узнали люди, которые бы не преминули окунуть его въ одну грязную лужу съ Лессингомъ...“ „Первая громкая критика,— говорить г. Крыловъ,— которую пришлось испытать Лессингу, было запрещеніе его *Натана* въ католической Германіи, въ Австріи. Это было, впрочемъ, въ самое тяжелое для литературы время, въ послѣдніе годы царствованія Маріи-Терезіи, когда даже невинный *Эмиль* отбирался въ таможи у путешественниковъ, какъ зловредная книга...“ Лессингъ умеръ въ 1781 году, не доживши до третьяго изданія своего *Натана* и до сколько-нибудь сочувственной оцѣнки этого произведенія. Въ ненавистническихъ выходкахъ противъ него не было недостатка ни при жизни автора, ни послѣ смерти. Враждебные ему писатели не умѣли или не хотѣли понять „основной идеи произведенія, противъ котораго выступали, именно, что *Натанъ* представляетъ не борьбу религій, а ихъ примиреніе, не рѣшеніе вопроса, которая религія лучше, а простое уваженіе къ чужой религіи, безъ оцѣнки ея сущности“. Г. Крыловъ приводитъ, между прочимъ, нижеслѣдующія слова Куно Фишера о драмѣ Лессинга: „Лессингъ сводитъ людей съ различнымъ вѣроисповѣданіемъ въ одну семью по крови и по правиламъ жизни. У нихъ, у каждаго, своя святыня, и это не мѣшаетъ имъ любовно и родственно взглянуть другъ на друга, потому что ихъ благоговѣйное отношеніе къ святынѣ не заставляетъ ихъ низводить ее съ высоты недосыгаемой на пролагаемую общими силами дорогу жизни; правила нравственности создаются въ нихъ повседневною жизнью, религія только осыпаетъ ее. Оттого эти правила и въ различныхъ религіяхъ могли оказаться одними и тѣми же, и тѣмъ ярче, сильнѣе будутъ они, что все въ нихъ пережито, передумано, проверено опытомъ, а не досталось случайно. При такихъ данныхъ никакое суевѣріе или заблужденіе долго удержаться не можетъ; оно падетъ само собой, безъ всякаго насилія, безъ всякаго навязыванія чего-либо лучшаго, отъ одного прикосновенія развитія и образованія...“ *Натанъ Мудрый* не есть проповѣдь религіознаго индифферентизма, это—призывъ всего человѣчества ко взаимной любви, уваженію и справедливости, и къ упраздненію религіозной розни, высокомерія и ненавистничества, рѣшительно противныхъ высшимъ законамъ нравственности, составляющимъ основу всѣхъ религій.

ПЕДАГОГИКА.

„Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“.

Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 7 февраля 1897 г.). Официальныя программы для *свѣтскихъ* народныхъ школъ явились на свѣтъ какъ нельзя болѣе своевременно. Церковно-приходскія школы, вскорѣ послѣ своего возникновенія, получили для руководства достаточно разработанныя программы, опредѣлявшія одностороннее направленіе этихъ училищъ, оторванныхъ отъ жизни. Низшія народныя школы, состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ и земскія, вовсе не имѣли до настоящаго времени опредѣленныхъ и твердо установленныхъ правительствомъ программъ, и училищныя совѣты руководствовались, главнымъ образомъ, *требованіями* отъ экзаменующагося для полученія

извѣстной льготы при отбываніи воинской повинности, а эти требованія, не опредѣляя характера народной школы, не указывая содержанія и формъ школьных занятій, давали полный просторъ произволу нижней школьной администраціи, такъ что подъ давленіемъ извѣстныхъ *отъянн* народная школа въ послѣднее время стала было утрачивать черты общеобразовательной школы и приближаться по своему характеру къ типу средневѣковой церковно-грамматической школы.

Изданіемъ *обязательныхъ* программъ министерство народнаго просвѣщенія во-время положило предѣлъ дальнѣйшему разложенію народной школы и вернуло ее на путь современной общественной школы, преслѣдующей, главнымъ образомъ, общеобразовательныя задачи. Укажемъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ, характерныя черты *Примѣрныхъ программъ*.

Основными предметами школьнаго ученія, послѣ Закона Божія, программы ставятъ осмысленное и выразительное чтенія и толковую передачу (устно и письменно) видѣннаго и слышаннаго. Въ число занятій школы, со второго же года, вводятся упражненія въ самостоятельномъ чтеніи и въ письменномъ изложеніи мыслей; въ третьемъ году уже требуется составленіе *несложныхъ отисаній по данному предмету и писемъ по даннымъ образцамъ*.

Заучиванію *басенъ* и вообще стихотвореній, а вмѣстѣ съ этимъ и толковому чтенію статей, „относящихся къ изящной словесности“, отведено въ программахъ надлежащее мѣсто. Кроме этого, „должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію съ родиной, статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигиенѣ и другія дѣловыя статьи“. Мало этого, программы предоставляютъ школамъ право, при сообщеніи дѣтямъ различныхъ знаній, выходить изъ тѣсныхъ рамокъ классной хрестоматіи и вести занятія по отдѣльнымъ книгамъ и брошюрамъ, изъ числа одобренныхъ министерствомъ нар. просв.; такимъ образомъ, исторія и географія, естествовѣдѣніе и гигиена отнынѣ могутъ быть поставлены въ народной школѣ какъ самостоятельные учебные предметы.

Грамматикѣ и правописанію отводится программами второстепенное мѣсто. Правописаніе усвоивается учениками лишь „по возможности“, и въ программахъ поименовано самое незначительное число правилъ правописанія. „Введеніе въ учебный курсъ начальнаго народнаго училища свѣдѣній изъ грамматики имѣетъ главную свою цѣль облегчить учителю объясненіе, а ученикамъ запоминаніе важнѣйшихъ правилъ правописанія. Свѣдѣнія эти должны сообщаться ученикамъ въ самомъ элементарномъ объемѣ, безъ излишнихъ подробностей“... Такимъ образомъ, программы положили конецъ господству грамматики и правописанія, въ послѣднее время вытѣснившихъ изъ школы все жизненно-образовательное. Правда, что программа грамматики все еще обширна и могла бы быть сокращена болѣе чѣмъ на половину, но важно уже и то, что министерство въ принципѣ признаетъ за этимъ предметомъ лишь служебное значеніе.

Вообще можно признать, что программы по русскому языку и ариметикѣ составлены съ знаніемъ дѣла, и составители этихъ программъ освѣдомлены, несомнѣнно, съ современными здравыми педагогическими требованіями постановки школьнаго ученія.

Нельзя того же сказать о программахъ по Закону Божию и церковно-славянской грамотѣ: очевидно, программы по этимъ предметамъ

составлены другимъ вѣдомствомъ. Программы, напримѣръ, проводятъ рѣзкую грань между названными выше предметами и всѣми остальными. „При преподаваніи всякаго другого предмета, кромѣ Закона Божія, учитель сообщаетъ ученику нѣчто новое, ему невѣдомое, *чуждое* (?): тамъ на первомъ планѣ стоитъ обученіе, т.-е. сообщеніе тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ знаній, понятій и правилъ, а потому первая забота учителя—приблизить преподаваемый предметъ къ пониманію ученика, ввести новыя знанія въ рядъ другихъ понятій и знаній ученика. Законъ же Божій не есть предметъ совершенно новый для ребенка, чуждый ему: основы вѣры и нравственности лежатъ въ душѣ каждаго дитяти“ (какъ будто бы Законъ Божій не сообщаетъ опредѣленныхъ знаній, понятій и правилъ). „Дѣло преподавателя—раскрывать это вложенное въ душу ребенка содержаніе его вѣры, развивать и питать нравственно-религіозное его чувство, уяснять ему то, что онъ перенимаетъ отъ другихъ путемъ бессознательнаго подражанія“ (т.-е. обрядовую сторону религіи?). Но программа указываетъ опредѣленный кругъ несомнѣнно новыхъ для дѣтей знаній, понятій и правилъ, слѣдовательно, и педагогическія средства для передачи дѣтямъ всего требуемаго должны быть въ этомъ предметѣ тѣ же, какъ и во всѣхъ другихъ, такъ какъ психологическіе законы воспріятія вездѣ и во всемъ одни и тѣ же. Странно, наконецъ, допускать мысль, что другіе предметы школьнаго ученія не развиваютъ, не пытаются вложеннаго въ душу ребенка нравственнаго чувства!

Еще болѣе путаницы мыслей и безсодержательнаго резонерства находимъ мы въ программѣ церковно-славянскаго чтенія. „Паче всего славянское чтеніе должно быть благоговѣйное и молитвенное“... „При чтеніи обращается вниманіе на значеніе *простѣйшихъ словъ и выраженій*, чтобы предостеречь чисто-механическое чтеніе, безъ всякаго пониманія, *но не требуется при этомъ объясненія всего содержанія читаемаго*. Главною цѣлью церковно-славянскаго чтенія поставляется духовное назиданіе и воспитаніе въ дѣтяхъ *молитвеннаго духа и вообще молитвеннаго настроенія*“. Замѣтьте, главная цѣль чтенія — не усвоеніе высокихъ истинъ Христова ученія, не воспріятіе нравственныхъ впечатлѣній черезъ усвоеніе опредѣленнаго содержанія, а воспитаніе лишь *молитвеннаго настроенія*! Чтобы не возникло недоразумѣній въ этомъ отношеніи, программа заботливо предостерегаетъ преподавателя, что не требуется при этомъ объясненія *всего содержанія*, а обращается лишь вниманіе на значеніе *простѣйшихъ словъ и выраженій* (т.-е. того, что ученикъ пойметъ и безъ учителя!), а не на раскрытіе *понятій, мыслей, образовъ*! Какъ же это можно благоговѣйно читать то, чего не понимаешь, и получить отъ чтенія молитвенное настроеніе? Такое именно наружное благоговѣніе фарисеевъ и осудилъ Христосъ: „Приближаются Мнѣ люди сіи, усты своими и устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Мене,—всуде же чтутъ Мя“. Для развитія въ дѣтяхъ молитвеннаго настроенія программы вводятъ на-ряду съ Евангеліемъ, какъ обязательныя руководства, для 2-го года — Часословъ, для 3-го Псалтирь, для 4-го—практическое ознакомленіе съ церковнымъ мѣсяцесловомъ, причемъ вмѣняется въ обязанность, чтобы чтеніе Псалтири производилось „по изданіямъ церковнаго состава“, т.-е. съ раздѣленіемъ на каѳизмы и съ положенными послѣ каждой каѳизмы тропарями и молитвами“ (другими словами: читать требуется не въ порядкѣ доступности текста, не въ системѣ педагогической, а такъ, какъ это *издревле* установлено). Но откуда же и какъ придетъ въ со

знаніе дѣтей уразумѣніе св. текста и самое молитвенное настроеніе? Отвѣтъ на это даетъ намъ ревнитель древляго благочестія, учитель старообрядства, протопопъ Аввакумъ: „Пробьется челоуѣкъ головой о землю, отбросаетъ тысячу поклоновъ, — и придетъ желанное настроеніе, а иное и заплачется: сядетъ утомленный на полу и часа три проплачетъ“ *).

Странными, по меньшей мѣрѣ, кажутся и требованія программы— на урокахъ чистописанія обучать (въ дополненіе) славянскому письму полууставомъ, а на урокахъ пѣнія—*военнымъ* пѣснямъ (солдатскимъ?), а пѣніе, нужно замѣтить, рекомендуется вести преимущественно законоучителемъ.

Но, за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ, быть можетъ, и не зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, во всемъ остальномъ программы, въ общемъ, отвѣчаютъ педагогическимъ требованіямъ и жизненнымъ запросамъ дѣйствительности, въ чемъ, между прочимъ, можно убѣдиться и изъ того, что программы эти,—по русскому языку, напримѣръ,— мало чѣмъ отличаются по существу отъ составленнаго значительно раньше ихъ проекта программъ спеціальной комиссіи при московскомъ комитетѣ грамотности.

Опредѣленно устанавливая, въ общемъ, содержаніе курса народной школы (знакомство съ образцовыми произведеніями изящной словесности, исторія, географія, естествознаніе, гигиена), программы благоразумно не предоставляютъ проведеніе этихъ знаній въ школахъ личному *усмотрѣнію* низшихъ (часто ревностныхъ не по разуму) школьныхъ администраторовъ: всѣ эти знанія опредѣляются программами, какъ *обязательныя* для каждой школы, и притомъ какъ *минимальныя*— въ зависимости отъ принятой въ школѣ книги для класснаго чтенія. „Если школа находится при неблагоприятныхъ условіяхъ, то слѣдуетъ увеличить время обученія, но не сокращать программы. Если же школа находится при особенно благоприятныхъ условіяхъ (наприм. для каждаго отдѣленія есть особый учитель или учительница), то курсъ ученія можетъ быть расширенъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями по предметамъ, преподаваемымъ въ народныхъ училищахъ“ (§ 2). Въ силу этого, дополнительные свѣдѣнія, напримѣръ по русскому языку, „могутъ относиться или къ грамматикѣ, въ особенности же къ правописанію, или же къ болѣе обстоятельному ознакомленію учащихся съ отечественною исторіей и географіей, при постоянномъ связаномъ пересказѣ учениками прочитаннаго и упражненій ихъ въ письменномъ изложеніи наиболѣе выдающихся рассказовъ. Въмѣсто книги для чтенія могутъ служить для этой цѣли и книги или брошюры по русской исторіи и географіи“. Называя предметы школьнаго ученія, программы не указываютъ объема знаній по каждому предмету, предоставляя въ этомъ отношеніи самостоятельность школѣ и учителю,—нельзя же всѣ школы Россійской имперіи подвести подъ одну мѣрку!

Въ желательномъ смыслѣ разрѣшаютъ также программы и вопросъ относительно количества лѣтъ ученія въ народной школѣ: „Программы составлены для школъ, гдѣ дѣти учатся въ теченіе трехъ лѣтъ и не менѣе шести мѣсяцевъ въ году, не считая праздниковъ. Это количество времени слѣдуетъ считать *наименьшимъ* для правильнаго обученія въ школѣ“ (§ 1). Теперь, такимъ образомъ, нѣтъ больше сомнѣнія въ

*) См. „Историко-психологическій очеркъ“ В. О. Ключевского, журн. *Вопросы Философій и Психологіи*, кн. 39, стр. 792.

томъ, что земства и частныя лица имѣютъ право учреждать народныя школы и съ четырехгодичнымъ, и даже болѣе, курсомъ, съ четырьмя и болѣе отдѣленіями.

Разрѣшеніе и еще одного важнаго вопроса въ благоприятномъ смыслѣ намѣчается программами: это — предоставленіе народному учителю извѣстной самостоятельности въ разрѣшеніи учебныхъ вопросовъ. Программы предоставляютъ, напримѣръ, „опытности учителя“ выборъ того или другого метода въ обученіи грамотѣ: теперь, слѣдовательно, тотъ или другой учебникъ не долженъ быть навязываемъ учителю противъ его воли, какъ это практикуется очень часто въ настоящее время. Программы предоставляютъ учителю важное право переносить части того или другого годичнаго курса изъ одного года въ другой „въ зависимости отъ мѣстныхъ условій“: теперь, стало быть, мѣстная администрація не можетъ ставить такихъ, напримѣръ, требованій, чтобы къ такому-то мѣсяцу, дню (и часу?) было бы обязательно пройдено то-то и то-то. Программы называютъ обязательные предметы школьнаго ученія, но опредѣленіе количества свѣдѣній по каждому изъ нихъ предоставляется самому учителю, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; отъ учителя же, главнымъ образомъ, зависятъ и расширеніе каждаго предмета до самостоятельной его постановки въ школѣ. Все это даетъ учителю право выработывать и представлять на экзаменъ *свою* подробную программу, которая и должна считаться обязательною для экзаминатора, лишь бы программа эта не была ниже правительственной. Программа далѣе предоставляетъ учителю, по соглашенію съ законоучителемъ, составленіе расписанія ежедневныхъ учебныхъ занятій. Все это, вмѣстѣ взятое, служитъ началомъ конца безправнаго и безличнаго положенія народнаго учителя и узаконяетъ за нимъ право голоса въ разрѣшеніи школьныхъ вопросовъ.

Какъ необходимое слѣдствіе такого измѣненія въ положеніи учителя и для лучшаго исполненія возлагаемыхъ на него программами обязанностей, необходимо должно возникнуть къ жизни учрежденіе при каждой школѣ *школьнаго совѣта*, состоящаго изъ законоучителя и другихъ преподавателей школы (намъ извѣстно, что нѣкоторые земскія управы и теперь уже организовали при каждой школѣ хозяйственный школьный совѣтъ). Права и обязанности школьныхъ совѣтовъ при земскихъ школахъ могутъ быть въ подробностяхъ опредѣлены земскими управами по соглашенію съ училищными совѣтами.

Замѣтимъ въ заключеніе, что изданныя министерствомъ народнаго просвѣщенія *Примѣрныя программы* составляютъ важное явленіе въ жизни нашей народной школы: онѣ опредѣлили характеръ народной школы, какъ общеобразовательнаго учебнаго заведенія, призывающаго къ себѣ дѣтей всѣхъ званій и состояній и не посягающаго на религиозную свободу учащихся („иновѣрцы и инославные отъ изученія *славянскаго грамоты и Закона Божія увольняются*“); онѣ опредѣлили минимальный курсъ народной школы относительно наименованія учебныхъ предметовъ и количества времени школьнаго ученія и предоставили школамъ право, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, расширять свои программы, увеличивать сроки ученія; онѣ предоставили народному учителю право въ самостоятельномъ разрѣшеніи, хотя бы и нѣкоторыхъ, учебныхъ вопросовъ. Всѣмъ этимъ программы узаконили выработанный самою жизнью желательный (кромѣ указанныхъ выше недостатковъ) типъ общеобразовательной, всесословной, свѣтской народной школы. Предъявляемые программами требованія къ народной школѣ

являются, сравнительно съ прежними, значительно повышенными и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, и эти требованія таковы, что ихъ не въ силахъ выполнить неподготовленный къ дѣлу учитель, а это возлагаетъ на устроителей школъ обязанность привлекать къ дѣлу лишь людей специально подготовленныхъ и заботиться о предоставленіи имъ средствъ къ дальнѣйшему, общему и специальному, самообразованію. Намѣтивъ лишь въ общемъ содержаніе школьнаго курса и характеръ занятій, программы тѣмъ самымъ обязываютъ училищные совѣты поработать вмѣстѣ съ учителями народныхъ школъ надъ примѣненіемъ этихъ программъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„1) Русская критическая литература о произведеніяхъ П. В. Гоголя, ч. 3; 2) Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, ч. 4; 3) Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго, ч. 4; Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей; 4) Прибавленіе ко второму изданію двухъ выпусковъ книги: Собр. критич. матер. для изученія произведеній И. С. Тургенева“. В. Зелинскаго. — Вторая книга „Не сказокъ“ Д. Л. Липова.

1) Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, часть 3; 2) Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, часть 4; 3) Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго, часть 4, Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей; 4) Прибавленіе ко второму изданію двухъ выпусковъ книги: Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. В. Зелинскаго. Москва, 1896 г. До послѣдняго времени г. Зелинскій издалъ 27 томовъ своихъ „хронологическихъ сборниковъ критико-библиографическихъ статей“, стоимостью въ 26 р. 85 к. Это — цѣлая бібліотека, и не дешевая. На какую публику рассчитаны эти изданія, кто далъ возможность г. Зелинскому напечатать второе изданіе нѣкоторыхъ выпусковъ его сборниковъ?

Г. Зелинскій, несомнѣнно, не могъ имѣть въ виду специализованную публику. Специалистамъ доступны изданія, въ которыхъ первоначально помѣщены были критическія статьи; ихъ слишкомъ мало, чтобъ они могли окупить изданіе. Затѣмъ, они требовательны: имъ нуженъ полный сводъ матеріала; пробѣлы, сокращенныя изложенія, пропуски, разбросанные по разнымъ частямъ книги осколки статей не могутъ ихъ удовлетворить. Между тѣмъ г. Зелинскій беретъ далеко не все изъ найденнаго имъ критическаго матеріала. Часто онъ извлекаетъ изъ цѣльныхъ статей отдѣльныя мѣста и характеристики и затѣмъ располагаетъ эти обрывки въ порядкѣ литературныхъ произведеній и типовъ, а не авторовъ критическихъ статей. Далекое не всегда соблюдается имъ и хронологическая послѣдовательность. Все это заставляетъ думать, что г. Зелинскій имѣлъ въ виду большую публику и въ частности учащуюся молодежь.

Какъ показываетъ бібліотечная статистика, запросъ на нашу классическую беллетристику и на серьезные и талантливые критическіе комментаріи къ ней у большой публики очень великъ, но предложеніе очень слабо: большинство классиковъ существуетъ у насъ въ искаженныхъ и малограмотныхъ изданіяхъ спекулятивнаго характера, критическая литература немногочисленна и часто мало доступна среднему читателю и по содержанію, и по цѣнѣ.

Въ еще болѣе печальномъ положеніи учащаяся молодежь, для которой совсѣмъ недоступны многія періодическія и неперіодическія изданія. Ея литературный интересъ чаще всего не находитъ себѣ никакого удовлетворенія.

Постановка письменныхъ работъ въ нашей средней школѣ, въ общемъ очень ненормальная, еще болѣе обостряетъ вопросъ. Всякому, вѣроятно, приходилось видѣть, въ какую тревогу обыкновенно приводитъ учащихся всякая литературная тема, съ какою безпомощною растерянностью они хватаются за все, что могло бы имъ дать матеріалъ для сочиненія, съ какою боязливою неумѣлостью они эксплуатируютъ этотъ матеріалъ.

Думаемъ, что именно эта публика вынесла на своихъ плечахъ 27 томовъ г. Зелинскаго.

Самъ г. Зелинскій не повиненъ ни въ одномъ „критическомъ комментаріи“ или „разборѣ“. Онъ просто перепечатывалъ чужія статьи, отъ времени до времени дѣлая изъ нихъ „критико-библіографическую“ окрошку, и за каждую небольшую книжку, въ которой г. Зелинскому обыкновенно принадлежитъ только его фамилія, неукоснительно назначалъ еще оглавленія, въ которыхъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшей участи, печатается „критическая выдержка“ такого-то вмѣсто „выдержки изъ критической статьи“ такого-то.

Указаны, впрочемъ, имъ также и источники, откуда взяты статьи, причемъ (въ очень рѣдкихъ случаяхъ) даны и поясненія, наприм.: „въ этой критикѣ, между прочимъ, упоминается, какъ отнеслись къ *Нови*, въ моментъ ея появленія, нѣкоторые болѣе или менѣе выдающіеся органы нашей печатной прессы“ (Тургеневъ, стр. 5),—какъ будто бы есть и непечатная пресса.

Вмѣстѣ съ Даніиломъ Заточникомъ г. Зелинскій могъ бы сказать: „азъ бо аще не во Аѳинѣхъ растоухъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая по книгамъ, яко пчела по различнымъ цвѣтомъ: отуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко въ мѣхъ воду морскую“.

Беретъ онъ „сладость словесную“ съ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ—изъ статей нашихъ великихъ критиковъ, изъ ученыхъ монографій, изъ бѣглыхъ газетныхъ замѣтокъ, изъ диллетантскихъ компиляцій и даже изъ общедоступныхъ учебниковъ. Перепечатывая первоисточникъ и компиляцію, г. Зелинскій не замѣчаетъ иногда плагиата и даетъ *буквально* сходныя страницы подъ разными именами (наприм. Евстафьевъ и Де-Пуле о Тургеневѣ, Невзоровъ, Добролюбовъ и Писаревъ—о немъ же). Выхваченные изъ цѣльныхъ статей отрывки иногда теряютъ всякій смыслъ и всякое значеніе.

Какъ кто-то уже выразился относительно г. Зелинскаго, у него „все чужіе разборы и, притомъ, собранные безъ всякаго разбора“. Пропуская часто существенное и цѣнное, г. Зелинскій съ особеннымъ усердіемъ налагаетъ на нѣкоторыхъ излюбленныхъ авторовъ. По несчастливой случайности, эти авторы—г. Буренинъ, Ю. Николаевъ и Незеленовъ. Тенденціозное и беззастѣнчивое „подсиживанье“ въ духѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, бездарная компиляція и пошлая болтовня—вотъ тѣ отгѣнки, которые чаще всего выступаютъ въ крайне пестрой мозаичной картинѣ г. Зелинскаго.

Чтобы не быть голословными, возьмемъ наудачу нѣсколько выдержекъ.

Читатель, заинтересованный пьесой Островскаго *Не все коту масла-*

ница, вотъ, наприм., что узнаеть изъ статьи „Театральнаго нигилиста“ (Островскій, стр. 123—4): „А. Н. Островскій очень скоръ на сочиненія. Въ истекшемъ году онъ написалъ много произведеній: *Льса*, *Не все кому масляница* и *Не было ни гроша, да вдруг алтынъ*. Последняя—большая комедія въ пяти дѣйствіяхъ—напечатана въ 1-й книгѣ только что вышедшихъ *Отечественныхъ Записокъ*. Всего онъ написалъ 14 актовъ. Не шутка! При всемъ нашемъ уваженіи къ г. Островскому, мы должны сказать, что эта скоропоспѣшность мѣшаетъ дѣлу. Такъ, изъ нашего разбора комедіи *Льса* читатели видѣли, что за пустота содержанія этой комедіи, что за лица въ ней выведены... Г. Островскій обратился нынѣ, по волѣ судьбы, въ писателя, „отрыгающаго жвачку“, и этимъ-то именно объясняется та скорость, которая въ послѣднее время замѣтна въ дѣятельности г. Островскаго. Отрыгнетъ г. Островскій свою комедію *Воспитанница*, прижуетъ къ ней трагика Несчастливцева и комика Счастливецва—и получится *Льса* въ настоящемъ значеніи слова. Отрыгнетъ дѣйствующихъ лицъ комедіи *Въ чужомъ пиру похмелье*: пожевавъ, получитъ *Не все кому масляница*“.

Не правда ли, какъ остроумень и назидателенъ г. „Театральннй нигилистъ“, какъ удаченъ выборъ г. Зелинскаго?

Вторая книга „Не сказокъ“, Д. Л. Линева (Далина). Спб., 1898 г. Цѣна 1 р. 50 к. Въ этой книгѣ напечатано пятьдесятъ шесть „не сказокъ“, а дѣйствительныхъ, изъ документовъ взятыхъ, происшествій, достовѣрность которыхъ подтверждается указаніями автора на мѣсто дѣйствія, на время его и на подлинныя имена дѣйствующихъ лицъ. Сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что авторъ ничего не „сочинилъ“ и даже не прикрасилъ, а только собралъ рядъ достовѣрныхъ фактовъ, между которыми не мало есть такихъ, какихъ не выдумать писателю, одаренному самою пылкою и мрачною фантазіей. *Не сказки* г. Линева могутъ быть раздѣлены на двѣ основныя категоріи: къ одной принадлежатъ тѣ, въ которыхъ приводятся выдающіеся примѣры несоотвѣтствія требованій и постановленій закона съ тѣмъ, что въ жизни представляется обязательнымъ по правдѣ и по совѣсти. Вторую категорію составляютъ факты явныхъ нарушеній закона, проходящихъ безъ наказаньями, то умышленно прикрытыми, то остающимися безнаказанными, отчасти вслѣдствіе неполноты закона, отчасти вслѣдствіе неправильнаго его пониманія и нелѣпаго примѣненія на практикѣ. Приведемъ примѣры. Образованный господинъ съ нѣкоторымъ достаткомъ открылъ въ Полтавѣ столярную мастерскую „на новыхъ началахъ“, набралъ учениковъ, содержалъ ихъ прекрасно, обучалъ ихъ не только ремеслу, но два часа въ день, по вечерамъ, училъ ихъ читать, писать, чертить и рисовать, по праздникамъ читалъ имъ Евангеліе и разныя полезныя книги. Все шло превосходно до тѣхъ поръ, пока этого господина не повлекли къ слѣдователю, а затѣмъ на скамью подсудимыхъ въ полтавскомъ окружномъ судѣ и обвинили его въ томъ, что онъ безъ надлежащаго разрѣшенія открылъ „школу, а не мастерскую“. Судъ приговорилъ „школу“ закрыть, виновнаго оштрафовать, и мастерская на новыхъ началахъ уничтожена, ученики, по необходимости, разбрелся по такимъ столярнымъ заведеніямъ, гдѣ нѣтъ никакихъ „началъ“, кромѣ битья, невѣжества и пьянства. Любопытенъ заголовокъ одного слѣдствія или дознанія: „Дѣло о развращеніи крестьянъ при помощи волшебнаго фонаря и воскресныхъ чтеній редигиозно-правственнаго содержанія“. Сіе „волшебное“ дѣло производилось въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губ., а обвиняемымъ

оказался священникъ с. Атюшь, по „доносу“ помѣщика г. Т—сова: священникъ оправдался, доносчикъ посрамленъ. А что было бы, если бы такому обвиненію подвергся основатель столярной мастерской въ г. Полтавѣ?... А несчастныя дѣти! Девятилѣтній мальчикъ, Василій Глазовъ, взятъ въ Москвѣ полиціей за неизвѣстнаго вида. Жилъ Вася при отцѣ и матери. Отецъ умеръ отъ холеры, мать спилась и тоже умерла. Мальчикъ очутился на Хитровомъ рынкѣ. Ребенка забрала, посадила въ тюрьму, отправили странствовать по этапамъ, и странствовалъ онъ такъ около двухъ лѣтъ, физически и нравственно искалѣченъ только за то, что нѣтъ у него... *бумажонки*. Девятилѣтній бродяга-арестантъ! Чѣмъ не сказка? Нѣтъ бумажонки, дайте ему бумажонку, отправьте его въ пріютъ, отдайте въ мастерскую и продѣлывайте своимъ капецларскимъ порядкомъ, что тамъ нужно для удостовѣренія его личности,—если это только на что-нибудь нужно, когда дѣло идетъ о сиротѣ, девятилѣтнемъ ребенкѣ. Кто бы онъ ни былъ, его нужно выкормить, вырастить, выучить работать и быть честнымъ человѣкомъ, а не развращать и не губить острогами и этапамъ. Если малолѣтнихъ преступниковъ перестаютъ отправлять въ тюрьмы, то ни въ чемъ-то не повинныхъ ребятъ и подавно нельзя гонять по этапамъ и отдавать на воспитаніе въ остроги. Или вотъ семидесятилѣтній старикъ, Илья Яковлевичъ Мальцовъ, пришелъ много лѣтъ назадъ въ Семилужскую волость, Томскаго округа, 15 лѣтъ въ этой волости прожилъ, велъ жизнь добрую, примѣрную, работалъ, рукъ не покладая, 14 лѣтъ арендовалъ землю у казны, нажилъ достатокъ, которому односельчане стали, наконецъ, завидовать. И подступили къ нему односельчане съ „законнымъ“ требованіемъ объяснить, кто онъ и откуда, подъ угрозой острогомъ стали обирать старика. Мальцовъ подалъ въ казенную палату прошеніе о припискѣ его въ мѣщане. Казенная палата навела справки, вслѣдствіе которыхъ уже полиція потребовала отъ него отвѣта на вопросъ: кто онъ? А Мальцовъ зналъ про себя только, что родился онъ гдѣ-то въ тайгѣ, жилъ въ дѣтствѣ у какихъ-то пустынныхъ-раскольниковъ, потомъ, когда ихъ кельи были уничтожены и сами они разбѣжались, онъ много лѣтъ жилъ въ рабочихъ, и что звали его всегда Ильей Яковлевичемъ Мальцовымъ. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей односельчане показали про него единогласно: „Человѣкъ хорошій. Пятнадцать лѣтъ живетъ межъ насъ... хорошій, работяшій, совѣстливый человѣкъ“. Но сибирскому суду, не-реформированному, судящему по-старому, ни до чего этого дѣла нѣтъ, и томскій губернский судъ призналъ старика, жившаго 15 лѣтъ осѣдло, *бродягой* и, какъ такового, по сибирскимъ законамъ, приговорилъ къ наказанью плетьюми, къ заключенію въ арестантскихъ ротахъ и къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири. Всѣ эти ужасы несчастный старикъ накликалъ на себя самъ—тѣмъ, что, не имѣя въ рукахъ *бумаги*, обратился къ начальству съ просьбою дать ему возможность получить бумагу... Такихъ и подобныхъ случаевъ—и еще болѣе ужасныхъ—приводится многое-множество въ провинціальныхъ изданіяхъ. Но тамъ они доходятъ до свѣдѣнія небольшого числа читателей разрозненными и производятъ менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ собранныя г. Линевымъ въ его двухъ книжкахъ *Не сказки*.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, БИОГРАФІИ.

„Народныя русскія сказки“. А. Н. Аванасьева. — „Всеобщая исторія литературы“. И. Шерра. — „Вольнодумецъ эпохи Возрожденія“. Проф. Н. И. Стороженка. — „Очерки по исторіи Пруссіи“. Э. Лависса. — „Исторія французской революціи“. Л. Гейссера. — „Генрихъ Зибель какъ историкъ и политикъ“. Проф. В. Бузескула.

Народныя русскія сказки. А. Н. Аванасьева. Изданіе третье, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. 2 тома. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб. Потребность въ новомъ изданіи *Сказокъ* Аванасьева давно уже чувствовалась на книжномъ рынкѣ; прежнія изданія разошлись, сдѣлались библиографической рѣдкостью и продавались букинистами за баснословно дорогія цѣны.

Покупатели все-таки находились, — ясный признакъ устойчиваго спроса на книгу.

Теперь они получили это драгоцѣнное изданіе вмѣсто 6 и 8 томовъ — въ двухъ томахъ убористой, но отчетливой печати, въ два столбца — за 3 рубля.

Для изслѣдователя русской старины и народности *Сказки* Аванасьева должны быть настольною книгой. Это не только первый и единственный въ своемъ родѣ богатый сводъ сказочнаго матеріала, но и трудъ, проникнутый единствомъ мысли и настроенія. У Аванасьева многому можно научиться: бережному, любовному отношенію къ каждой, даже самой мелкой народно-поэтической чертѣ, умѣнью подходить къ этимъ чертамъ отъ самыхъ общихъ и широкихъ научныхъ началъ, умѣнью извлекать „живые глаголы“ изъ угасшей уже для современнаго культурнаго человѣка поэтической старины. Широта научнаго кругозора, ясная прозрачность и стройность системы привлекаютъ даже и теперь читателя комментарій въ *Сказкамъ*, далекаго отъ поэтическихъ, но иногда и нѣсколько произвольныхъ увлеченій „миологической школы“. Многіе комментаріи, конечно, устарѣли, но много въ нихъ цѣннаго и интереснаго и для самаго требовательнаго современнаго читателя.

Преподаватели словесности найдутъ въ этомъ изданіи богатія и обильныя средства обновить завѣзженный и не всегда удачно выбранный сказочный матеріалъ нашихъ учебниковъ и хрестоматій.

Любители народно-поэтическаго слова найдутъ въ немъ всѣ оттѣнки народной сказки — ея поэтическую свѣжесть и непосредственность, широкій размахъ примитивной фантазіи, пантеистически-анимистическое созерцаніе природы, наивный въ своей настойчивости и прямолинейности морализмъ и дидактизмъ, первые слабые шаги художественнаго реализма и сатирической тенденціозности. Отъ однихъ сказокъ вѣетъ теплотой свѣжей записи съ голоса, другія прошли черезъ горнило стараго книжнаго міровоззрѣнія и дали своеобразное сплетеніе искусственныхъ и естественныхъ чертъ, не лишенное оригинальной прелести. Однимъ словомъ, *Сказки* Аванасьева — цѣнный подарокъ для тѣхъ, кто еще не разучился или кто уже научился настраивать себя „на старинный ладъ“ подъ ублаживающее неспѣшное теченіе своеобразной сказочной рѣчи, кто ищетъ въ ней отвѣтовъ на запросы пытливаго ума и затронутаго чувства о „великомъ незнакомцѣ земли Русской“ — нашемъ народѣ.

Грузинскій много сдѣлалъ для того, чтобъ увеличить научную и литературную цѣнность новаго изданія: онъ далъ живо написанную

біографію Аванасьева, составленную на основаніи печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, и тщательно составленные указатели (распределенія сказокъ по мѣстностямъ, собственныхъ именъ и предметовъ), облегчающіе пользованіе изданіемъ.

Хотѣлось бы думать, что переизданіе *Сказокъ*—не случайность, а симптомъ опредѣлившася, назрѣвшаго въ обществѣ интереса къ народной поэзіи и самоотверженной научной дѣятельности Аванасьева; хотѣлось бы вѣрить, что мы увидимъ скоро въ печати сборникъ статей Аванасьева, разбросанныхъ пока по разнымъ періодическимъ изданіямъ, переизданіе рѣдкихъ и драгоценныхъ *Легендъ* и *Поэтическихъ воззрѣній*, не напечатанные еще цѣликомъ дневники и автобіографію... Мы какъ-то слишкомъ скоро забыли объ этой крупной научной и литературной силѣ—и забыли основательно.

Всеобщая исторія литературы. I. Шерръ. Переводъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Читателямъ, знакомымъ съ произведеніями знаменитаго нѣмецкаго публициста и историка, хорошо извѣстны главныя черты, отличающія его работы по культурной исторіи различныхъ эпохъ: мѣткія и оригинальныя характеристики лицъ и событій сочетаются съ научною объективностію и осторожностію въ выводахъ, глубина и тщательность анализа съ сжатымъ, блестящимъ изложеніемъ. По поводу появленія первыхъ восьми выпусковъ мы уже указывали на то, до какой степени велика была потребность въ новомъ переводѣ *Всеобщей Исторіи Литературы* (*Русская Мысль*, 1896 г., кн. VI). Успѣхи, сдѣланная наукою въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, появленіе новыхъ изслѣдованій дали автору возможность расширить и дополнить многіе отдѣлы своего обзора, привести новые отрывки изъ мало извѣстныхъ произведеній. Но не только эпохи, отошедшія въ область исторіи, выиграли въ полнотѣ, послѣдніе выпуски перевода особенно цѣнны благодаря свѣдѣніямъ, которыя они даютъ относительно ближайшаго къ намъ періода литературы. Исторія различныхъ литературъ, окончившаяся въ прежнихъ переводахъ преимущественно обзоромъ произведеній первой половины XIX вѣка, изрѣдка касалась творчества новѣйшаго времени. Изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, доводитъ обзорѣніе литературъ до нашего времени; мы встрѣчаемъ сжатыя, но интересныя характеристики новѣйшихъ писателей, нерѣдко продолжающихъ свою литературную дѣятельность и по настоящее время въ различныхъ странахъ Европы, находимъ опредѣленную и ясную группировку ихъ по направленіямъ и ряду творчества. Обзоръ итальянской литературы заканчивается, наприм., характеристикой Кардуччи, Стекетти (Олидо Гверрони), Габріэль д'Аннунціо, Ады Негри и множенства другихъ менѣе крупныхъ современныхъ поэтовъ, беллетристовъ, исторіографовъ и проч. Очень высоко ставитъ авторъ новѣйшую испанскую литературу: охарактеризовавъ новую испанскую драму и ея извѣстныхъ представителей, братьевъ Эчогараевъ, современную испанскую исторіографію, новеллу и романъ, а также поэтическую дѣятельность въ тѣхъ странахъ Средней и Южной Америки, гдѣ господствуетъ испанскій языкъ, авторъ констатируетъ оживленіе испанской литературы и присоединяется къ мнѣнію тѣхъ критиковъ, которые утверждаютъ, что она не уступаетъ литературѣ золотой эпохи, и ей нечего завидовать самымъ богатымъ изъ чужеземныхъ литературъ. Обзоръ новѣйшей англійской литературы заканчивается характеристикой прерафаэлитизма, салонной поэзіи, драмъ и эссеистовъ. Особенное вниманіе авторъ удѣляетъ исторіи германской литературы, которую доводитъ до

последнихъ произведеній Шпиллгегена, Гауптмана и Зудермана. Очерки литературы второстепенныхъ народовъ (румынской, новогреческой, финляндской и т. д.) показываютъ, что не только главные течения въ европейской литературѣ были предметомъ вниманія автора. Каждое новое направленіе, гдѣ бы оно ни возникло и какъ бы незначительно оно ни было, не ускользало отъ его вниманія и находило тотчасъ же свое мѣсто въ его замѣчательномъ трудѣ.

Что касается русскаго перевода, имя редактора служить достаточнымъ ручательствомъ за его достоинства. Съ внѣшней стороны по своему изяществу изданіе можетъ сравниться съ лучшими заграничными изданіями. Масса художественно исполненныхъ портретовъ, факсимиле, интересныхъ снимковъ съ первыхъ страницъ старинныхъ изданій, а также со старинныхъ рисунковъ, не мало способствуетъ работѣ воображенія, перенося читателя въ соответствующую эпоху.

Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. Проф. Н. И. Стороженна. Москва, 1897 г. Цѣна 20 коп. Имя Этьенна Доле отнюдь не можетъ быть названо популярнымъ и еще менѣе славнымъ, не только среди большой публики, а даже у специалистовъ—историковъ литературы и философіи. Правда, „вольнодумцу эпохи Возрожденія“ въ Парижѣ поставленъ памятникъ, на той самой площади Maubert, гдѣ совершилась мученическая кончина философа, и памятникъ одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и художественныхъ среди монументовъ французской столицы. Барельефы пьедестала очень эффектно передаютъ зрителю трагическую исторію забытаго нашимъ временемъ героя. Изображена сцена сожженія мученика новой мысли,—сцена, которую инквизиція постаралась превратить въ исключительно тягостное испытаніе для своей жертвы. Доле въ виду костра прощается съ женой и сыномъ,—двумя существами, составлявшими единственное утѣшеніе его многострадальной жизни. На памятникѣ начертанъ и „составъ преступленія“ Доле, т.-е. слова, уполномочившія духовенство сжечь ихъ автора. Они, конечно, только послужили ближайшимъ поводомъ для давно задуманной и страстно желанной расправы: развязка упорно подготавливалась философомъ въ теченіе всей его дѣятельности и именно какъ разъ послѣдній рѣшительный пунктъ обвиненія менѣе всего могъ оправдать страшную экзекуцію.

Доле принадлежитъ той самой эпохѣ, какая въ Германіи ознаменована именами Эразма, Гутена и многочисленной плеяды *desogum minogum* философіи и художественной литературы, предшествовавшихъ религиозной реформѣ Лютера. Эпоха эта видѣла самые разнообразныя типы дѣятелей, въ психологическомъ и нравственномъ отношеніи,—и только что названные нами германскіе гуманисты—яркіе выразители двухъ совершенно различныхъ направленій просвѣтительной мысли. Эразмъ давно стяжалъ титулъ Вольтера XVI вѣка и заслужилъ его дѣйствительно вольтерьянскими талантами,—поразительной энциклопедичностью знаній, изяществомъ и увлекательнѣйшей живостью стиля, неотразимымъ остроуміемъ и глубокой вѣрой въ силу человѣческаго разума. Но при всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ у Эразма едва ли не сильнѣе всего была развита другая, также вольтеровская черта—отвращеніе къ „мученичеству“. Самъ Вольтеръ, при всемъ своемъ нежеланіи „быть мученикомъ“,—способенъ былъ обнаруживать мужество и отвагу настоящаго бойца и съ честью оправдывать наименованіе патріарха философской церкви. Свое *écrazees l'infame* онъ ни за какія сокровища не смѣнилъ бы на комплиментарныя движенія по адресу іезуитовъ и папской арміи все-

возможныхъ цвѣтовъ. Эразмъ могъ вступить даже и на этотъ путь и востосковать публично о папской туфлѣ—только ради страха за свое эпикурейское спокойствіе аттически-тонкаго любителя литературы и просвѣщенія.

Эти свойства гениальнаго гуманиста не разъ навлекали на него жестокия нападки со стороны болѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ подвижниковъ новой мысли. Пришлось и Доле вступить однажды въ полемику съ Эразмомъ, чрезвычайно страстную, но мимолетную; Доле не могъ надолго забыть громаднхъ услугъ, оказанныхъ германскимъ гуманистомъ освободительному движенію.

Страстность—основная черта натуры Доле. Для него идея, литературный или философскій вопросъ—всегда жгучій личный интересъ. Доле въ полномъ смыслѣ *переживалъ* идеи и глубоко страдалъ за судьбу своей мысли и своихъ произведеній, отнюдь не изъ чувства авторскаго самолюбія и честолюбія, а во имя непоколебимой вѣры въ правоту и благотворность своихъ стремленій.

Стремленія эти стояли во главѣ современнаго движенія. Прежде всего Доле въ самой яркой и полной формѣ, какой только можно требовать отъ писателя XVI вѣка, окруженнаго всевозможными „рожнами“,—предвосхитилъ идею прогресса. Въ этомъ отношеніи, по неукротимому энтузіазму и по рѣшимости осуществлять теоріи въ дѣйствительности, Доле очень близко напоминаетъ Кондорсе, краснорѣчивѣйшаго апостола той же идеи въ XVIII вѣкѣ. И Доле—даже по идейному составу борьбы, по приемамъ полемики—истинный предшественникъ просвѣтителей. Въ его жизни одинаково трагическую роль сыграли невѣжество массы, фанатизмъ католическаго духовенства и „ученость“ современныхъ жрецовъ науки и философій. Послѣдній фактъ въ высшей степени знаменателенъ—не для одной эпохи Доле. Онъ показываетъ, какова дѣйствительная нравственная цѣна цѣлой бездны книжныхъ знаній, если они не одушевлены другими силами человѣческой природы—помимо памяти, трудолюбія, способности усваивать чужія мысли и мастерить изъ нихъ разныя комбинаціи.

Профессора и студенты принимали дѣятельное участіе въ рѣзніѣ Вареоломеевской ночи, они же, вооруженные Аристотелемъ и всею вѣковой университетской мудростью, явились застрѣльщиками въ гоненіяхъ противъ Доле. Именно они должны были открыть волюющее преступленіе въ *одномъ* словѣ, какое Доле вставилъ въ свой латинскій переводъ греческаго текста. Въ одномъ мнимо-платоновскомъ діалогѣ находится фраза: „ты не будешь существовать“ послѣ смерти,—Доле прибавилъ слово *voese*,—и вотъ оно-то послужило какъ *corpus delicti*, достойнаго сожженія на кострѣ.

Доле всю жизнь ратовалъ за „умственную свободу“ въ области научныхъ изслѣдованій: это значило подрывать самыя жизненныя основы традиціоннаго педантизма и классической схоластики, посягать и на личности достойныхъ воздѣлывателей подобной ученой почвы.

Дальше, Доле требовалъ непрестаннаго самообученія и неутомимаго умственнаго саморазвитія: *mon naturel est d'apprendre toujours*, моя природа—вѣчно учиться,—говорилъ онъ,—опять уничтожая авторитетъ тунелднхъ буквѣдовъ, сидѣвшихъ вѣками на однихъ и тѣхъ же руководствахъ оффиціозной учености.

Очевидно,—Доле являлся ненавистнѣйшей личностью для современныхъ охранителей не столько по своимъ слышномъ смѣлымъ идеямъ, сколько именно по личному характеру. Это былъ типичный „безпокой-

ный" человекъ, а этотъ типъ во всѣ времена и во всякой затхлои средѣ представляетъ гораздо болѣе опасную и ненавидимую силу, чѣмъ какой угодно ученый и литературный талантъ, но вполне осмотрительный, тактичный, не способный прать „противъ рожна“. Прекрасная иллюстрація—блаженное житіе того же Эразма, по идеямъ не менѣе прогрессивнаго, чѣмъ Доле, но по природѣ превосходнаго дипломата и идеальнаго любителя „своей плоти“. А Доле готовъ былъ все забыть ради своей дѣятельности и, ни на минуту не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ, идти къ разъ поставленной цѣли.

„Я всецѣло посвятилъ себя литературѣ,—писалъ онъ,—она поглощаетъ все мое время, изгоняетъ изъ моего ума всѣ тревоги и безпокойства и даже заставляетъ забывать болѣзни и страданія“.

И награда за всю эту стремительность была только одна: надежда на признательность потомства. Рассказывая, какъ онъ писалъ одно изъ своихъ сочиненій, Доле пишетъ: „Никто не повѣритъ, сколькихъ трудовъ и бессонныхъ ночей стоила мнѣ редакция книги, сколько разъ я не добѣдалъ и не досыцалъ. Мало того, я долженъ былъ запретить себѣ всякій досугъ, всякое развлеченіе, всякія сношенія съ друзьями,—словомъ, самую жизнь. Одно, что утѣшало меня и поддерживало мою энергію—это мысль о потомствѣ; я мечталъ, что этотъ трудъ увѣковѣчитъ мое имя“.

Мечты мученика свободной мысли исполнились не скоро. На родинѣ поздно почтили его памятникомъ: правда, нелегко было дожидаться подходящей эпохи и соответствующаго настроенія французскому обществу второй половины XIX вѣка. Что же касается иноземцевъ,—большая публика едва ли даже когда и слышала имя Доле, хотя ей болѣе или менѣе извѣстно, напримѣръ, имя подобнаго же мученика—Джордано Бруно. Проф. Стороженко выполнилъ великій нравственный долгъ науки предъ обществомъ: онъ первый, и до сихъ поръ единственный, познакомилъ русскую публику съ личностью и жизнью одного изъ самоотверженѣйшихъ рыцарей практически-плодотворнаго знанія и просвѣщенія. Статья написана обычнымъ художественнымъ и одушевленнымъ языкомъ, свойственнымъ автору, и изданная въ *Вопросахъ науки и искусства, литературы и жизни*, въ одномъ изъ общобразовательныхъ московскихъ изданій,—по цѣнѣ является вполне доступной „большой публикѣ“. Можно пожелать возможно болѣе широкаго практическаго осуществленія этой доступности.

Очерки по исторіи Пруссіи. Э. Лависса. Пер. А. Тимофеевой. М., 1897 г. Авторъ книги, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ историковъ нашего времени, довольно давно занимается исторіей Германіи и въ частности Пруссіи, на что его, какъ и многихъ другихъ, натолкнули повидимому событія 1870—1871 гг. По мѣрѣ возможности онъ отдастъ итѣмамъ справедливости, но не упускаетъ случая указать на патріотическія фантазіи и увлеченія ихъ историковъ. Данная книга распадается на три отдѣла: Колонизація Бранденбурга и Пруссіи въ средніе вѣка, колонизація прусскихъ земель съ половины XVII до конца XVIII вѣка и рассказъ объ основаніи въ Берлинѣ университета, какъ орудія возрожденія государства послѣ Іены и Тильзита. Моменты выбраны интересныя, притомъ же рѣдко привлекающіе къ себѣ должное вниманіе, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы ими исчерпывалась исторія Пруссіи. Въ живомъ изложеніи автора часто встрѣчаются сооставленія съ фактами французской исторіи. Русскаго читателя разказъ о колонизаторской дѣятельности Гогенцоллерновъ и отношеніи

правительства къ Берлинскому университету можетъ навести на нежелательныя параллели съ блужданіями нашихъ искателей новыхъ земель и со смѣною приливовъ и отливовъ въ исторіи нашихъ университетовъ. Вѣдливость книги приличная; переводъ исполненъ вполне удовлетворительно.

Исторія французской революціи. Л. Гейссера. Пер. подъ ред. А. Трачевскаго. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Изд. И. Сытина и К°. Изъ существующихъ по-русски пособій по исторіи революціи одно изъ первыхъ мѣстъ, если не первое, занимаетъ безспорно книга Гейссера. Книга Гейссера лучше и извѣстнаго сочиненія Минье: она свѣжѣе и подробнѣе; Гейссеру чужды апологетическія цѣли Минье, его фатализмъ и преклоненіе предъ успѣхомъ и силой; это не панегиристъ, а безпристрастный судья; наконецъ, его изложеніе отличается чрезвычайною живостью. Все это заставляло сильно сожалѣть объ отсутствіи новаго изданія прекраснаго перевода г. Трачевскаго, напечатаннаго еще въ 1870 г. Старое изданіе почти разошлось и доставать его можно было только съ большимъ трудомъ; къ тому же дешевизной оно не отличалось. Теперь передъ нами новое изданіе: это—книга въ тридцать слишкомъ листовъ средняго формата и крупной печати на недурной бумагѣ и недорогая по цѣнѣ (1 руб.). Остается только пожелать ей самаго широкаго распространенія.

Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ. Проф. В. Бузескула. Харьковъ, 1896 г. Брошюра представляетъ собою краткую біографію недавно умершаго историка и характеристику его главныхъ трудовъ. То и другое изложено въ перебивку, и эта особенность изложенія мѣшаетъ цѣлостности впечатлѣнія. Важно тутъ и то, что авторъ не указываетъ связи дѣятельности Зибеля съ общими условіями и теченіями его времени, отчего читателю не легко оцѣнить значеніе сообщаемыхъ здѣсь, не рѣдко очень интересныхъ фактовъ. Къ числу послѣднихъ мы относимъ указанія на связь между политическими взглядами и направленіемъ историческихъ работъ Зибеля. Оказывается, напримеръ, что пятитомная исторія революціи была первоначально задумана въ видѣ полемической брошюры противъ взглядовъ радикаловъ 1848 г. на это событіе. Сюда же относится и пристрастіе Зибеля собственно къ политической исторіи. Расходясь съ своимъ учителемъ Ранке въ вопросѣ о необходимости для историка безпристрастія, Зибель воспользовался вынесенными изъ его семинаріи критическими приемами для разрушенія массы легендъ и въ исторіи перваго крестоваго похода, и въ исторіи революціи, и въ исторіи основанія нѣмецкой имперіи. Интересно также, что изъ историческихъ силъ Зибель личности приписывалъ большее значеніе, чѣмъ учреждениямъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Исторія воды“. Эмиля Буана. — „Naturgeschichte der Vögel Mitteleuropas“. Натанъ.

Исторія воды. Эмиля Буанъ, бывшаго ученика высшей нормальной школы, адъюнктъ-профес. физики въ Пританейской военной школѣ. Съ 38 рисунк. въ текстѣ. Переводъ съ француз. Л. И. И—вой. Изд. Г. Х. Фризе. Спб., 1897 г. Ц. 50 к. Въ этой книжкѣ довольно живо и занимательно разсказывается о водѣ и ея значеніи въ жизни природы. Авторъ въ самомъ началѣ оговари-

вается, что онъ не хочетъ излагать полной исторіи воды, ибо для этого нужно было бы написать не книжку въ 240 страницъ малаго формата, а многотомное сочиненіе. Авторъ предлагаетъ читателю смотрѣть на его книжку какъ на *введеніе въ исторію воды*. Указавъ во введеніи на значеніе воды въ природѣ, авторъ переходитъ въ слѣдующихъ главахъ къ рассмотрѣнію свойствъ воды въ жидкомъ (глава I), твердомъ (гл. II) и газообразномъ (гл. III) состояніи. Четвертая глава посвящена описанію химическихъ свойствъ и составныхъ частей воды, а пятая—движенію воды. Книжка снабжена 38 рисунками, изображающими или приборы, служащіе для опытовъ съ водой, или картины природы, въ которыхъ первенствующую роль играетъ вода. Книга съ удовольствіемъ можетъ быть прочтена всякимъ.

Naturgeschichte der Vögel Mitteleuropas. Naumann. VI Band. Mit 31 Chromo u. 1 Schwarzen Tafel. Gera-Untermhaus. 4°. Pg. 337. Классическое сочиненіе Науманна въ настоящее время выходитъ въ новомъ изданіи, переработанномъ при участіи двадцати девяти орнитологовъ-спеціалистовъ. Первымъ по порядку изданія появился шестой томъ, содержащій въ себѣ голубей, куриныхъ, цапель, фламинго и аистовъ. Каждый отрядъ и каждое семейство характеризованы подробно съ анатомической и систематической стороны, а затѣмъ идетъ детальное описаніе каждаго вида съ подробными указаніями на литературу. Весьма обстоятельно изложено географическое распространеніе каждаго вида и его биологія, причеиъ биологическій матеріалъ разбитъ на нѣсколько рубрикъ: сначала описываютъ свойства (характеръ) птицы, ея полетъ, различныя повадки и т. п., затѣмъ въ особыхъ рубрикахъ изложены данныя о птицѣ, размноженіи, врагахъ даннаго вида, охотѣ на него, пользѣ или вредѣ его. Каждый видъ даннаго тома нарисованъ на особой таблицѣ; глухарю посвящены даже двѣ таблицы, а кромѣ того особо нарисованы нѣкоторыя помѣси тетеревиныхъ. Надо надѣяться, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ всѣ виды будутъ нарисованы, хотя бы по нѣскольку на одной таблицѣ, что вполне возможно для болѣе мелкихъ видовъ, тѣмъ болѣе, что форматъ изданія очень великъ. Что же сказать о выполненіи рисунковъ? На первый взглядъ они очень подкупаютъ свѣжестью тоновъ, особенно благодаря тому, что вокругъ каждой птицы нарисованъ какой-нибудь пейзажъ съ прозрачно-голубыми небесами, долженствующій изображать характерное для птицы мѣстопребываніе, что отчасти и удается, хотя далеко не вполне. Что же касается изображеній самихъ птицъ, то они далеко не безукоризненны. Во-первыхъ, эти изображенія, равно какъ и пейзажи, не художественны: фигуры птицъ лишены всякой моделировки, кажутся совершенно плоскими; во-вторыхъ, часто тона раскраски чересчуръ ярки и этимъ удаляются отъ природы, какъ, наприм., ярко-желтые тона въ раскрасѣ рябчика и перепелки; иногда же посадка птичьихъ фигуръ неудачна, какъ, наприм., у тетерева самца.

Тѣмъ не менѣе, общее впечатлѣніе отъ богатыхъ иллюстрацій книги превосходное и замѣчанія наши вызваны тѣмъ, что невольно хочется видѣть такое капитальное сочиненіе изданнымъ съ болѣшимъ совершенствомъ. Цѣна книги настолько дешева, что ей просто удивляешься: громадный томъ in 4° съ тридцатью одной цвѣтной таблицей, на превосходной бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ, стодитъ всего около восьми рублей. Все сочиненіе обойдется въ общемъ, кажется, около ста рублей, но оно будетъ выходить долго, выпусками, такъ что сама собою создается выгодная разсрочка платежа, и за эту цѣну подписчикъ

получить нѣчто дѣйствительно выдающееся. Среди многочисленныхъ орнитологовъ и охотниковъ изданіе это будетъ имѣть, навѣрное, крупный успѣхъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Что новаго въ области народной литературы. Изданія И. Д. Сытина и К^о.

1) М. Конопницкая. Мендель Гданскій. Ц. 3 к. 2) А. Коваленская. Крутиковъ. Цѣна 7 к. 3) На мельницѣ. Сборн. 4) Къ великому свѣтлому дню. Сборн. 5) Житейскія невзгоды. Сборн. 6) Рождественскіе рассказы. Сборн. 7) Деревенскіе рассказы. Сборн. Ц. 5—10 к. 8) Желиховская В. Княжна Цхени. 9) Ея же. Кавказскій Лекокъ. За послѣднее время въ области народной литературы наблюдаются слѣдующія, можно сказать, основныя, наиболѣе характерныя явленія. Прежде всего, спросъ на листовки по-прежнему все возрастаетъ и возрастаетъ, причемъ каждый годъ показываетъ все большій и большій процентъ возрастанія. Этотъ фактъ очевидно находится въ прямой, непосредственной связи съ распространеніемъ въ народѣ грамотности и съ медленнымъ, но все же постояннымъ увеличеніемъ числа школъ. Второй основной фактъ заключается въ томъ, что за послѣднее время усиленно возрастаетъ спросъ на толстую книгу,—явленіе, объясняющееся, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что читатели быстро привыкающіе къ листовкамъ, скоро уже не удовлетворяются ими, предъявляютъ большіе запросы къ книгѣ, вырабатываютъ въ себѣ привычку къ болѣе продолжительному чтенію, и эта привычка настолько уже серьезна, что, ради удовлетворенія вновь возникшей потребности, деревенскій житель, не Богъ вѣсть какимъ благосостояніемъ пользующійся, все же считаетъ нужнымъ затрачивать въ теченіе года рубль-другой на покупку книгъ. Въ настоящее время, благодаря этому, въ народную среду идутъ такія книги, которыя два-три года тому назадъ не шли въ нее и не могли идти. Третій основной фактъ—это быстрый ростъ требованій, предъявляемыхъ къ содержанію книги. Это явленіе особенно характерно и поучительно. Оно находится въ значительной связи съ быстрымъ развитіемъ народно-библіотечнаго дѣла, котораго, съ легкой руки с.-петербургскаго комитета грамотности и его собратьевъ, сдѣлало въ очень короткое время, можно сказать, поразительно громадныя успѣхи. Въ 1892 году народныя бібліотеки считались десятками, если не единицами. Теперь онѣ считаются тысячами. При всей неудовлетворительности подбора книгъ въ нихъ,—подбора, объясняемаго исключительно неудовлетворительностью министерскихъ каталоговъ,—каждая народная бібліотека тѣмъ не менѣе дѣлаетъ очень крупное дѣло: она воочію убѣждаетъ читателя, что есть на свѣтѣ цѣлыя области явленій, о существованіи которыхъ этотъ читатель еще очень недавно совсѣмъ не зналъ, не гадалъ и не вѣдалъ, что есть возможность найти отвѣты на тѣ запросы и вопросы, которые еще недавно этотъ читатель считалъ неразрѣшимыми или разрѣшалъ ихъ по шаблонно-схоластическимъ, средневѣковымъ образцамъ, которые даже въ сознаніи этого читателя все же отжили свой вѣкъ, несмотря на всевозможныя поддержки, которыя имъ оказывались. Словомъ сказать, изъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ, при всей ихъ неудовлетворительной постановкѣ, все же пахнуло на читателя, ничего не знавшаго и не выдавшаго, чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ, чѣмъ-то бо-

дѣе убѣдительнымъ и разумнымъ, чѣмъ то, что онъ слышалъ до сего дня. Правда, нѣкоторыя книги непонятны, правда, онѣ кажутся „изъ разныхъ словъ составленными“,—но вѣдь это только до поры до времени, до пріобрѣтенія нѣкотораго навыка читать, а этотъ навыкъ, при охотѣ и побужденіи къ чтенію, пріобрѣтается очень быстро... Въ результатѣ же этого явленія являются два другихъ: во-первыхъ, оживленіе дѣятельности общественныхъ и частныхъ библіотекъ,—оживленіе, объясняющееся тѣмъ, что народныя библіотеки съ ихъ стѣсненнымъ составомъ быстро перестаютъ удовлетворять читателя и онъ бросаетъ ихъ и идетъ подписываться въ другія, болѣе удовлетворяющія его; во-вторыхъ, быстрое развитіе издательскаго дѣла, особенно успѣхи дешевой литературы, объясняемые тѣмъ же расширеніемъ круга читателей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются и покупателями. Намъ лично приходилось слышать отъ многихъ книгопродавцевъ-издателей, что въ настоящее время романы не въ ходу, а бойчѣе идутъ книги научныя. Этотъ фактъ особенно поразителенъ. По словамъ тѣхъ же торговцевъ, такого явленія нельзя запомнить съ эпохи шестидесятыхъ годовъ. Чѣмъ же его объяснить? Только одно объясненіе и возможно: оно вытекаетъ изъ самого существа дѣла. Разнаго рода беллетристическія произведенія: романы, повѣсти и т. п.—и теперь, какъ прежде, читаются *больше*, чѣмъ научныя, но покупаются *меньше*. Романъ, повѣсть читатель прочелъ разъ, другой,—тѣмъ и ограничился: только высокохудожественныя произведенія,—которые очень немного,—можно читать и читать безъ конца и восхищаться ими неустанно. Обыкновенный же „беллетристическій товаръ“—это мухи-поденки: разъ прочитанныя,—онѣ забываются. Совсѣмъ не то книга научная. Усвоивать ея содержаніе гораздо труднѣе, особенно для читателя, не получившаго систематическое, хотя бы среднее образованіе (а именно у насъ на Руси-мятушкѣ „образованныхъ“ читателей, т.-е. получившихъ „хотя бы среднее образованіе“, какъ показываетъ статистика, меньше чѣмъ въ любой странѣ Европы). Читатель, жаждущій читать научную книгу, но читающій ее безъ подготовки, долженъ поневолѣ смотрѣть на нее не какъ на муху-поденку, не какъ на такую, которую прочелъ и отбросилъ,—нѣтъ, въ эту научную книгу онъ долженъ и послѣ ея прочтенія заглядывать и заглядывать (коли нѣтъ времени составлять ея конспектъ и дѣлать выписки), долженъ справляться съ нею, а то и перечитывать вновь. Поэтому такую, т.-е. научную, книгу читателю гораздо пріятнѣе *имѣть у себя*, чѣмъ только читать. Что это объясненіе справедливо, доказывается множествомъ фактовъ. Напримѣръ, объ этомъ свидѣтельствуютъ успѣхъ московской и с.-петербургск. комиссій домашняго чтенія; объ этомъ говорятъ наблюденія надъ читающей публикой въ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ; объ этомъ же говорятъ непосредственное знакомство и переписка съ читателями провинціальными. Всѣ эти наблюденія говорятъ именно о томъ, что и въ средѣ „чистой“ публики мало-по-малу вырабатывается болѣе серьезное отношеніе къ книгѣ. *Есть* такіе читатели, которые и конспекты составляютъ, и выписки дѣлаютъ, и, по мѣрѣ своихъ средствъ, заводятъ у себя библіотечки лучшихъ научныхъ авторовъ (не даромъ такъ быстро разошлись собранія сочиненій Дарвина, Рекаю, Неймайера, Брэма, С. Соловьева, а теперь идетъ соч. Спенсера): расходятся такія книги, съ которыми нужно совѣщаться, которыя нужно имѣть *при себѣ*. Таковы явленія, наблюдаемыя въ чистой публикѣ. Но совершенно однородный процессъ идетъ и среди читателей изъ народа, съ тою только разницей, что

этотъ послѣдній читатель необходимо долженъ подбирать книги научныя *особенныя*, т. е. доступныя ему, нужныя въ его жизни, удовлетворяющія запросамъ его мысли. Намъ приходилось лично видѣть и въ деревняхъ, и особенно у фабричныхъ рабочихъ довольно обширныя и очень недурно устроенныя „своими средствами“ библиотечки изъ научныхъ и научно-популярныхъ книгъ, которыя, при всей своей популярности, все же требуютъ отъ читателя Богъ вѣсть сколько труда головоломнаго для своего пониманія. Научныя книги привлекаютъ теперь *всякаго* читателя изъ „командующихъ классовъ“ и изъ „народа“. Передъ нами совершается чрезвычайно интересный умственный процессъ, который, несомнѣнно, повлечетъ за собою чрезвычайно интересныя и богатые послѣдствія, и, быть-можетъ, мы же еще будемъ ихъ свидѣтелями. Какъ внѣшнее его проявленіе—усиленный спросъ на научную книгу въ разныхъ сферахъ читающей публики. Нѣкоторые господа, не близко стоящіе къ книжному дѣлу, склонны объяснять это явленіе какой-то „либеральной модой“. Этимъ господамъ можно возразить: хороша „либеральная мода“, которая уже охватила собою всѣ слои населенія, охватила *массу* читателей: если это — „либеральная мода“, такъ не угодно ли считаться и съ нею. Нѣтъ, то-то и замѣчательно, что въ этой „модѣ“ мы не видимъ одого изъ самыхъ существенныхъ признаковъ моды—безсознательнаго увлеченія и слѣпотаго подражанія. Передъ нами—сознательное стремленіе къ свѣту, передъ нами—разумное исканіе такихъ примѣровъ, которымъ можно и должно подражать. Передъ нами—быстро идущее впередъ расширеніе круга читателей. И вотъ въ этомъ-то расширеніи круга читателей и нужно искать настоящихъ причинъ оживленія книжнаго рынка и спроса на книгу. Мода тутъ не играетъ существенной роли, если даже она и есть. Мода—явленіе преходящее, а то, о которомъ мы говоримъ, идетъ возрастающаго *crescendo*. Это расширеніе идетъ волнообразно, кругами. Сегодня авторы и издатели работаютъ для одного круга, меньшихъ размѣровъ, а завтра—для другого, гораздо большаго, послѣ завтра еще для большаго и т. д. *). Вотъ это расширеніе круга читателей и поддерживаетъ и долго еще будетъ поддерживать оживленіе книжнаго рынка.

Все вышеизложенное представляетъ собою краткій обзоръ того, что дѣлается въ средѣ читательской; посмотримъ теперь, что дѣлается въ средѣ писательской и издательской. Много ли они дѣлаютъ въ смыслѣ удовлетворенія читательскихъ запросовъ? Они дѣлаютъ не только не больше, а гораздо меньше того, что нужно. За послѣдній годъ на рынокѣ народныхъ книгъ какъ будто бы даже затихло. Появилась только одна новая фирма, ставящая своею задачею созданіе серіи научно-популярныхъ книгъ („товарищество Сытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина“). Въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ Спб. еще только идутъ разговоры о лучшемъ употребленіи мордвиновскаго капитала, предназначаемаго для изданія народныхъ книгъ, хотя здѣсь, повидимому, готовится явленіе очень крупное. Вышло нѣсколько изданій О. Н. Погова, но въ этихъ изданіяхъ мы наблюдаемъ очень странный и печальный архаизмъ—смѣшеніе литературы народной съ литературою дѣтскою. Цѣлый рядъ прежнихъ фирмъ не издаетъ ничего новаго (И. Жарковъ, А. Калмыкова, И. Прянишниковъ). Самое крупное явленіе

*) Объ этомъ говоритъ статистика одной и той же книги, выдержавшей нѣсколько изданій. Наприм., вотъ статистич. данныя одной такой книжки: 1 изданіе 5.000 экз. (раскуплено вѣтеллгенціей), 2-е—10.000 экз. (прошли чрезъ школы, склады), третье—20.000 экз. (чрезъ школы, склады и короба офеней).

въ области народной литературы—это рядъ новыхъ книжекъ для народа, изданныхъ товариществомъ И. Сытина подъ редакціей В. Вахтерова. Книжки эти заслуживаютъ полнаго вниманія. На первомъ планѣ нужно поставить прекрасный рассказъ М. Конопницкой, „Мендель Гданскій“. У насъ приходится такъ часто слышать проповѣдь чловѣконенавистничества, проповѣдь какого-то узкаго, исключительнаго націонализма, что, право, отдыхаешь душой, читая такое произведеніе, какъ этотъ рассказъ талантливой польской писательницы, уже столько лѣтъ посвящающей свои литературныя силы на защиту нуждающихся и обремененныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ и лишній разъ напоминающей ту истину, что для Христа нѣтъ ни эллина, ни язычника, ни іудея. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить новое удешевленное изданіе довольно извѣстнаго разсказа А. Коваленской „Крутиковъ“ и цѣлый рядъ очень недурно составленныхъ сборниковъ („На мельницѣ“, „Къ великому свѣтлому дню“, „Житейскія невзгоды“, „Рождественскіе рассказы“, „Деревенскіе рассказы“). Въ первомъ изъ этихъ сборниковъ обращаетъ на себя рассказъ Ф. Н. Берга „На обрывѣ“—исторія о томъ, какъ нѣкій мужикъ выстроилъ себѣ мельницу на казенной землѣ, какъ подписалъ нѣкое условіе и какъ въ силу этого условія, по всѣмъ правиламъ закона, казна прогнала его съ его мельницей... Во второмъ сборникѣ читатели найдутъ прекрасные отрывки изъ Некрасова, Надсона, Никитина, А. Толстого, рассказъ А. Чехова „Святою ночью“. Въ третьемъ сборникѣ обращаетъ на себя вниманіе рассказъ А. Чехова „Мечты“, Д. Мамина „Звѣрство“, Станюковича „Степа“, Астырева „Вымершій типъ“, и нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній Шелли, Некрасова, Соути. Очень недурно составленъ и четвертый сборникъ „Рождественскихъ рассказовъ“, куда, между прочимъ, вошли „Рождественская ночь“ К. Станюковича, „Поздній вечеръ“ И. Потапенко, „Христова ночь“ Г. Мачтета. То же можно сказать о сборникѣ „Деревенскихъ рассказовъ“, гдѣ читатель найдетъ прекрасный рассказъ Бьерсона „Орлиное гнѣздо“, Некрасова „Калистратъ“, „Святителямъ“, „Въ деревнѣ“, Короленко „Старый звонарь“, превосходная вещица Юхана-Аго „Хуторокъ“ и Протьянца „Проѣрка общественныхъ денегъ“. Каждый сборничекъ даетъ много матеріала, художественнаго по исполненію и глубокаго по содержанию, во всякомъ случаѣ—такого, какой заставитъ читателя призадуматься. Составитель общаетъ новый рядъ сборничковъ. Изъ „толстыхъ“ книжекъ съ цвѣтн. обложкой товариществомъ И. Д. Сытина изданы двѣ повѣсти покойной В. Желиховской „Кавказскій легионъ“ и „Княжна Цхени“. Книжки эти отражаютъ на себѣ всѣ достоинства и недостатки автора. Къ числу достоинствъ нужно отнести то, что авторъ знакомитъ читателя съ бытомъ и нравами кавказскихъ жителей, русскихъ и туземцевъ, что ведетъ свой рассказъ очень умно и не безъ таланта, умѣя увлечь читателя. Какъ картинки кавказской жизни, повѣсти г-жи Желиховской достойны вниманія. Но авторъ не лишенъ и очень крупныхъ недостатковъ. Главный недостатокъ—это бѣдность содержанія, слабость идейной стороны произведенія. Авторъ говоритъ „кое-что, кой о чемъ“, даетъ „пріятное чтеніе, не оскорбляющее вкуса“, какъ выражался во время оно Н. М. Карамзинъ. Не чуждъ авторъ и погони за невѣроятными эффектами: приключенія, испытываемыя героями и героинями, чной разъ по-истинѣ ужасны... Повторяемъ, въ книжкахъ г-жи Желиховской цѣнна именно бытовая сторона разсказа.

Мы намѣрены были поговорить въ нашемъ обзорѣ о весьма важ-

номъ препятствіи на пути развитія народной литературы, главнымъ образомъ, научно-популярной,—именно о недостаткѣ *авторовъ*. Но объ этомъ въ другой разъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, сентябрь.—„Новое Слово“, сентябрь.—„Міръ Божій“, октябрь.

Въ послѣднее время особенно часто и особенно рельефно раздаются голоса, призывающіе новыя поколѣнія на смѣну старому. Несомнѣно, что въ основаніи такого явленія лежатъ какія-то объективныя, еще недостаточно обследованныя причины. Несмнѣно и то, что въ нашей литературѣ, какъ представительницѣй идей, мукъ и болѣе старѣющихъ поколѣній, замѣчаются нѣкоторыя черты, свойственныя, обыкновенно, если не вымиранію, то старости: нѣкоторая вялость, нѣкоторое утомленіе, какое-то раздумье предъ пройденной уже дорогой и предъ тѣми новыми неизвѣданными еще путями, по которымъ придется идти нашему обществу. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать и того, что идущее на смѣну старому настолько мало опредѣлилось, что говорить о настоящей смѣнѣ какъ будто пока еще и не приходится. А то, что такъ или иначе опредѣляется, настолько отлично отъ стараго, настолько порываетъ съ его традиціями, что старое, какъ бы оно утомлено ни было, не можетъ признать это новое своею смѣной, не можетъ безъ борьбы уступить ему своего мѣста. Скажутъ, что всегда такъ бываетъ, что старое всегда борется съ новымъ и всегда въ концѣ-концовъ поневолѣ бываетъ вынуждено уступить ему свое мѣсто. Правду-то сказать, совсѣмъ не всегда такъ бываетъ; процессъ замѣны стараго новымъ по большей части бываетъ процессомъ, такъ сказать, эволюционнымъ, т.-е. медленнымъ, послѣдовательнымъ, безъ всякихъ разрывовъ съ прошлымъ, процессомъ уступокъ, компромиссовъ и постепенной безболѣзненной замѣны. Но правда и то, что бываетъ и иначе. И иначе бываетъ въ періоды критическіе, въ періоды выступленія на арену общественной дѣятельности какихъ-либо новыхъ общественныхъ слоевъ или классовъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ у насъ выступаетъ на сцену, если не общественной дѣятельности, то общественнаго мышленія, новый разрядъ людей—люди среднего состоянія. Это, какъ совершенно основательно замѣчаетъ г. Ивановъ („Исторія русской критики“ *Міръ Божій*), интеллигенція, классъ, непричастный сословнымъ благамъ высшаго общества. Это—третье сословіе не въ западно-европейскомъ смыслѣ; это совершенно самобытное явленіе русской культуры—третье сословіе не политическая сила, а исключительно умственная. Появленіе такого среднего класса, нѣсколько ранновременное при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, однако ознаменовалось страстною борьбой со старымъ и почти полнымъ разрывомъ традицій. Но, повторяемъ, такое явленіе было ранновременнымъ и потому побѣда долго оставалась нерѣшительной. Понадобилось еще нѣсколько десятковъ лѣтъ для окончательнаго разложенія старой барской культуры и для окончательнаго самоопредѣленія *разночинца*, какъ класса, то же бывшаго третьимъ сословіемъ, и тоже не въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Тогда-то, въ свѣтлую эпоху нашей общественной жизни, бывшую вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ несомнѣнно критическимъ, т.-е. періодомъ выступленія на историческую сцену новыхъ общественныхъ слоевъ, произошла настоящая

смѣна, сопровождавшаяся ожесточенною идейною борьбой и почти полными и окончательнымъ разрывомъ съ традиціями старой барской культуры. Не происходитъ ли что-либо подобное и въ настоящее время? Не слѣдуетъ ли признать и переживаемое нами время тоже критическимъ? Не выступаетъ ли, говоря иными словами, какой-либо новый общественный слой, если не на замѣну старыхъ, то во всякомъ случаѣ рядомъ съ ними? И не являются ли поэтому призывы къ смѣнѣ имѣющими именно это объективное основаніе?... Всякому искренно зовущему новыхъ на смѣну себѣ и всему старому, къ которому непремѣнно принадлежит и зовущій,—иначе онъ и звать бы не сталъ,—разумѣется, хотѣлось бы отвѣтить на поставленные вопросы утвердительно. Но изученіе подлинной дѣйствительности наврядъ ли даетъ какіи-либо данныя для такого отвѣта. Правда, на сцену общественной дѣятельности какъ будто начинаютъ выступать новые слои и начинаютъ находить даже свое отраженіе въ литературѣ. Въ предыдущемъ нашемъ обзорѣ, говоря о значеніи произведеній г. Горькаго, мы и указали на одинъ, по крайней мѣрѣ, такой выступающій общественный слой. Но тамъ мы замѣтили также, что и этотъ общественный слой, повидимому, въ своей психи столь отличный отъ всего до сихъ поръ фигурирующаго на сценѣ общественной жизни, однако до значительной степени выступаетъ съ тѣми же основными психическими чертами, какія были свойственны и его предшественнику—разночинцу. И можетъ быть, это обусловливается именно влияніемъ той особенности нашей культуры, на которую указываетъ въ вышеприведенной цитатѣ г. Ивановъ, т.-е. безсословностью или, если можно такъ выразиться, безклассностью новаго разряда среднихъ людей, интеллигенціи. Такое свойство средняго разряда людей даетъ ему и право и возможность на вѣчное, въ нѣкоторомъ родѣ, существованіе (вѣчное, конечно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ примѣняемъ къ явленіямъ историческимъ, т.-е. во всякомъ случаѣ преходящимъ) и на передачу этихъ свойствъ и другимъ грядущимъ за нимъ общественнымъ слоямъ. Можетъ быть, было бы возможно отыскать нѣкоторые признаки выступленія и иныхъ новыхъ общественныхъ слоевъ. Но такіе признаки ужъ чересчуръ слабы, такъ что говорить о нихъ значило бы до значительной степени вдаваться въ гаданія. Да и притомъ, какъ намъ по крайней мѣрѣ кажется, нельзя упускать изъ виду выказаннаго выше замѣчанія о заимствованіи вновь выдвигающимися слоями основныхъ психологическихъ особенностей прежняго, уже выдвинувшагося, но еще далеко не раскрывшаго всѣхъ присутщихъ ему силъ, не совершившаго, такъ сказать, своей исторической миссіи, средняго разряда людей. И въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о выступленіи на арену общественной жизни народныхъ массъ, крестьянскихъ или рабочихъ, въ нашемъ умѣ такое представленіе неизбежно ассоціируется съ представленіемъ о выступленіи народной, крестьянской или рабочей, интеллигенціи. И такая ассоціація представленій не есть что-либо искусственное; она вызывается причинами, коренящимися въ самой подлинной дѣйствительности русской жизни. А что же это означаетъ? Да именно то, что процессъ, который совершается въ нашей жизни,—а онъ несомнѣнно совершается,—есть процессъ настоящій эволюціонный, т.-е. постепенный, съ переходами, безъ разрыва, при неизбѣжномъ сохраненіи традицій. И все иное, все ищущее разрыва этихъ традицій, есть явленіе быстро преходящее, вызванное явленіями случайными и до значительной степени экзо-

тическое, заносное съ чужбины и не имѣющее крѣпкихъ жизненныхъ корней... Однимъ словомъ, если призывъ къ смѣнѣ имѣеть за собой всѣ основанія въ субъективныхъ причинахъ, то онъ наврядъ ли основанъ объективными общественными причинами. Смѣнить наше старое, т.-е. уже добытое, но еще не вполне развитое и нереализованное нашимъ разрядомъ среднихъ людей, невозможно просто потому, что оно еще не реализовано, да и смѣнить его, пожалуй, еще никому. Вопросъ пока идетъ, по нашему мнѣнью, не о смѣнѣ, а только о замѣнѣ. А это совсѣмъ иной вопросъ. Вотъ почему, когда люди начинаютъ говорить о смѣнѣ, то приходится анализировать это понятіе, опредѣлить, какъ и кто говорить объ этомъ. О смѣнѣ говоритъ, на примѣръ, редакція *Новаго Слова*, говоритъ и г. Гриневичъ („Обзоръ современной поэзіи“, *Русское Богатство*). Несомнѣнно, что употребляя одинъ и тотъ же терминъ: „Смѣна“, они говорятъ, однако, о разномъ. Редакція *Новаго Слова*, на прим., беретъ на себя смѣлость утверждать, что именно представляемое имъ направленіе и есть та смѣна, которую съ такой страстностью и, надѣмся, съ такой искренностью призываютъ всѣ—и старые, и молодые. Она поэтому даже сравниваетъ себя съ „свистунами“ 60-хъ годовъ. Очевидно, она имѣеть въ виду смѣну въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т.-е. смѣну, разрывающую съ традиціями прошлаго нашей литературы и нашей общественной дѣятельности—*всякой* общественной дѣятельности, совершавшейся въ недалекомъ еще прошломъ. На такое смѣлое утвержденіе направленіе имѣло бы право только въ томъ единственномъ случаѣ, еслибы оно являлось литературнымъ представительствомъ какого-либо вновь выступившаго на арену общественной жизни класса. Такъ разумѣется, оно (направленіе-то это) и понимаетъ дѣло. Въ другомъ мѣстѣ редакція утверждаетъ, что направленіе является представителемъ труда, т.-е. городского и сельского пролетаріата. Не говоря уже о черезчуръ большой общности подобнаго утвержденія, нельзя не видѣть полной его произвольности. Прежде всего изъ сказаннаго нами выше вытекаетъ, что у насъ средній разрядъ людей уже съ сороковыхъ и во всякомъ случаѣ съ шестидесятыхъ годовъ по самой своей сущности, какъ разрядъ неклассовой, являлся не чѣмъ инымъ, какъ представителемъ труда. Такъ что направленіе въ этомъ отношеніи не представляетъ ничего новаго, идущаго на смѣну старому. А потомъ: если направленіе претендуетъ на роль представителя класса, то оно, по нашему мнѣнью, пока не имѣеть корней въ русской дѣйствительности и является опять-таки пока явленіемъ заноснымъ, экзотическимъ. Крестьянство есть тоже представитель труда, а по отношенію къ нему направленіе является не представителемъ, а антагонистомъ своего рода. Далѣе, какъ мы уже указывали не одинъ разъ въ нашихъ обзорнѣяхъ, совершающійся процессъ экономического дифференцированія пока приводитъ у насъ не къ пролетаризаціи крестьянства, а къ его пауперизаціи. Процессъ обезземеленія и обезлошаденія, если можно такъ выразиться, идетъ у насъ не столько въ направленіи образованія организованныхъ массъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, сколько въ направленіи образованія массъ безработныхъ. А къ такому направленію процесса всякое литературное направленіе, желающее быть представителемъ труда, становится въ отношеніи отрицательное, а не положительное. Въ такомъ отрицательномъ отношеніи къ этому направленію было и то старое, на смѣну которому хочеть идти вышеупомянутое литературное направленіе. Только въ такое отношеніе можетъ

стать къ нему и это новое, такъ что тутъ или недоразумѣнiе, или просто юношескiй задоръ. Рѣчь можетъ, очевидно, идти не о смѣнѣ, а только о замѣнѣ, не о разрывѣ съ традиціями, а объ ихъ продолженiи и развитiи.

Совсѣмъ иное понятiе вкладываетъ г. Гривевичъ въ свой призывъ къ смѣнѣ. Онъ именно говоритъ не о смѣнѣ, а просто о замѣнѣ, потому что для него, какъ и для насъ, традиціи священны и онъ не согласенъ поступиться даже iотой изъ этой традиціи. „Тѣ изъ живущихъ нынѣ поэтовъ, которые пытаются остаться вѣрными лучшимъ завѣтамъ русской литературы, или совершенно бездарны, или обладаютъ очень слабымъ дарованiемъ, перепѣваютъ старыя, давно извѣстные мотивы,—говоритъ онъ.—Напротивъ, тѣ поэты, у которыхъ слышится присутствiе настоящаго таланта имѣютъ остуженное сердце и охлажденный умъ; безсильные кастраты, живые мертвецы, эти юноши-старцы направляютъ свое воображенiе и чувство въ сторону большихъ и извращенныхъ фантазiй, тоскуютъ по какой-то невѣдомой и недостижимой красотѣ... Кто же виноватъ во всемъ этомъ?—спрашиваетъ г. Гривевичъ.—Мы думаемъ, что виновата русская интеллигенція, ставшая такою апатичной и индифферентной къ общественнымъ вопросамъ. Вялая, сонливая, утомленная, она не въ силахъ дать должный отпоръ реакціоннымъ элементамъ... Среди многочисленныхъ причинъ, создавшихъ такое печальное положенiе дѣла, не послѣднюю роль, думаемъ мы, играло то обстоятельство, что поколѣнiе, вступившее въ литературу между половиной восьмидесятыхъ и половиной девяностыхъ годовъ, можно назвать жалкимъ, безплоднымъ поколѣнiемъ. Литература послѣднихъ лѣтъ представляетъ грустную картину почти абсолютнаго безплодiя и бездарности... Но за однимъ десятилѣтiемъ идетъ другое, и неужели оно не принесетъ никакой перемѣны къ лучшему? Жизнь должна первая показать признаки обновленiя. И мы со всѣхъ сторонъ слышимъ, что на смѣну намъ идетъ молодое поколѣнiе—бодрое, жизнерадостное, проникнутое живымъ интересомъ къ вопросамъ научнымъ и общественнымъ. Дай-то Богъ!“ — заключаетъ г. Гривевичъ свою статью.

Крѣпко должна наболѣть душа у человѣка, чтобъ изъ нея вырвалось такое страстное и огульное осужденiе интеллигенціи и поколѣнiй и такой страстный призывъ смѣны. Картина, можетъ быть, написана ужъ черезчуръ мрачными красками, но въ правдивости ей отказать нельзя. И, тѣмъ не менѣе, когда мы доходимъ до объясненiя причинъ той мертвой точки, на которую, повидимому, попала наша литература, мы очень скоро замѣтимъ, что въ объясненiяхъ г. Гривевича или сказано черезчуръ много, или, наоборотъ, много недосказано. Мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ огульномъ осужденiи интеллигенціи и цѣлыхъ поколѣнiй. Да и для объясненiя такого крупнаго явленiя, какъ упадокъ интеллектуальнаго и художественнаго творчества, вялость и утомленiе поколѣнiй какихъ-нибудь одного или двухъ десятилѣтiй причина недостаточная, не покрывающая цѣликомъ всего явленiя. Намъ думается, что тутъ дѣло въ болѣе сложной, менѣе очевидной причинѣ. Ни одно общество, ни одинъ общественный слой не можетъ жить непрерывнымъ вкладыванiемъ въ сокровищницу интеллектуальныхъ и художественныхъ прибрѣтенiй безъ того, чтобъ эта сокровищница не сдѣлалась, наконецъ, до краевъ переполненной, чтобы содержимое ея не просилось наружу, не требовало своего осуществленiя во внѣ, реализаціи въ жизни. Когда дѣло доходитъ до такого переполненiя, на-

ступает мертвая точка въ творчествѣ мысли, художественной и часто научной,—по крайней мѣрѣ, въ области общественныхъ знаній. И эта мертвая точка существуетъ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ хотя бы и частичнаго осуществленія накопленнаго, пока *мысль* не перейдетъ въ *волю* и *творчество* не замѣнится общественной *активностью*. Въ противномъ случаѣ происходитъ не просто мертвая точка въ литературѣ и искусствѣ, а прямо-таки вымирание этого общественного слоя и замѣна его въ общественной жизни другимъ, вновь выступившимъ. Последнее, какъ извѣстно, встрѣчается въ исторіи рѣдко и бываетъ только съ тѣми общественными классами, которые уже проявили себя, развернули не только въ литературѣ, а и въ жизни, все свое содержимое, совершили, однимъ словомъ, свою историческую миссію. Выше мы сказали, что до сихъ поръ мы не видимъ *пока* никакихъ новыхъ общественныхъ слоевъ на аренѣ общественной жизни; ее занимаетъ все тотъ же разночинецъ, та же безусловная интеллигенція, которая создала за послѣднія тридцать съ чѣмъ-то лѣтъ нашу науку, искусство и литературу и которая, однако, не сказала еще своего послѣдняго слова именно потому, что совершенное ею въ области интеллекта и въ области художественнаго творчества не реализовано даже и въ малой мѣрѣ въ жизни. Ей-то и предстоитъ перейти теперь отъ *мысли* къ *воле*, отъ *творчества* къ общественной *акціи*. Мы сказали уже, что накопленное ею достоинство столь значительно и многозначительно для будущаго всего нашего общества, что она успѣла создать не только извѣстныя умственные настроенія, но и извѣстныя эмоціи, — однимъ словомъ, особую психію. Гордиться этимъ ей, собственно говоря, не приходится; она могла совершить то, что совершила уже въ области мысли и въ области искусства и должна еще совершить въ жизни, просто въ силу того, что она была и осталась безусловной и не классовой. А это уже заслуга не ея, а исторіи. И въ дальнѣйшемъ процессѣ общественнаго развитія всего естественнѣе ожидать, что она передастъ и будущимъ, имѣющимъ выступить, общественнымъ слоямъ ту психію, которую приобрѣла сама во время своего непродолжительнаго, правда, но тяжелаго пути. И поэтому, повторяемъ, по нашему мнѣнію, вопроса о смѣнѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и быть не можетъ, хотя вопросъ о замѣнѣ вялаго, утомленнаго—свѣжимъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ остается во всей его неприкосновенности. Вопросъ о томъ, произойдетъ ли эта замѣна въ сферѣ мысли или въ сферѣ волевыхъ импульсовъ, въ области поэзіи, искусства и литературы или въ области общественной акціи, остается, конечно, открытымъ. Но, думается намъ, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній, что вѣроятнѣе вторая часть этой альтернативы. Если мы припомнимъ, что такой колоссъ литературы, какъ Шекспиръ, появился послѣ эпохи пробужденной общественной энергіи при Елисаветѣ и что его и Мильтона отдѣляетъ время мертвой точки въ литературѣ и энергичной акціи въ жизни; если припомнимъ, что во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, послѣ эпохи просвѣщенія, настала тоже мертвая точка въ литературѣ, предшествующая опять-таки усиленной общественной акціи; если припомнимъ, наконецъ, что нѣчто подобное было и въ Германіи въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, — мы не будемъ склонны особенно убиваться по поводу кажущагося замиранія нашей литературы, тѣмъ болѣе, что и замираніе-то это до значительной степени лишь относительное... Если и невозможно установить какого-либо закона объ обратно-пропорціональномъ отношеніи между

творчествомъ и активностью, — ну, хоть вродѣ такого, какое существуетъ между дѣятельностью интеллекта и между дѣятельностью силъ воспроизводительныхъ, то все же какъ будто что-то въ этомъ родѣ существуетъ. А потому „не робѣй, Варсонофій Петровъ“.

Крюковъ, въ повѣсти г. Чирикова *Исвалды*, тоже, уходя отъ жизни и изъ жизни, запросилъ себѣ смѣны и призналъ законность такой смѣны. Онъ пишетъ оскорбленному его марксисту, юношѣ Игнатовичу, слѣдующія довольно-таки вѣскія слова, надъ которыми не мѣшало бы задуматься всѣмъ нашимъ Шемадуровымъ, Игнатовичамъ и tutti quanti. „Хотя мы съ вами и разстались врагами, — пишетъ слащавый народникъ“, смѣшной, по мнѣнію гг. Чириковыхъ и Игнатовичей, лысыякъ съ наружностью отставного тенора, — но вѣдь это была ужасная ошибка. Въ сущности, мы друзья, въ ослѣпленіи не узнающе другъ друга. Вѣдь смѣшно самому себѣ создавать враговъ изъ людей, съ которыми связанъ общимъ интересомъ, общою задачей — послужить униженнымъ и оскорбленнымъ. Вѣдь я отдалъ всю свою жизнь, съ ея юностью, молодостью, съ ея радостями, на служеніе идеѣ, которая дѣлаетъ насъ братьями. Вы еще молоды и Богъ вѣсть, что выйдетъ въ будущемъ, когда ваша голова станетъ сѣдой и лысой, какъ у меня. Быть можетъ, на смѣну вамъ придутъ новые люди, которые признаютъ ваши взгляды и вашу дѣятельность тоже ошибкой“.

Такъ вотъ... Правда, слащаво это немного, да и погодить бы Крюкову звать на смѣну Игнатовичей, а самому удалаться со сцены. Ну, а все-таки слова его достаточно внушительны и въ нихъ онъ, человѣкъ подвига, растянувшася на цѣлую его жизнь, совершилъ свой послѣдній и не менѣе другихъ важный подвигъ — подвигъ любви и прощенія. Только Крюковымъ, Разсудинымъ и инымъ доступны такія эмоціи. Не надо забывать, что имъ же доступны и другія эмоціи — эмоціи спасительнаго гнѣва и здороваго негодованія.

А вообще-то прелюбопытное это произведеніе, эти *Исвалды*... И препотѣшное. Не то, чтобы оно само по себѣ заслуживало хоть какого-нибудь вниманія, — нѣтъ, оно просто ученическое, неуклюжее подражаніе нѣкоторымъ моментамъ извѣстнаго романа г. Боборыкина *Подручому*, — подражаніе, конечно, навыворотъ. Любопытно въ этомъ подражаніи только то, что г. Чириковъ, да и почтенная редація — оказались въ весьма неудобномъ положеніи извѣстной гоголевской унтеръ-офицерши. Чтобы нашъ отзывъ не показался голословнымъ или пристрастнымъ, приведемъ хоть слѣдующую сцену. На пьянственномъ Татьянинномъ вечерѣ интеллигенція появляется, наконецъ, настоящій русскій ученикъ, нѣкій юноша Игнатовичъ. Появляется онъ и никакихъ блестящихъ подвиговъ не совершаетъ. Но за то, увидавъ Крюкова въ первый разъ въ жизни, не имѣя никакого представленія о немъ, о его настоящей и прошлой дѣятельности, совершенно внезапно выпаливаетъ въ него такимъ холостымъ зарядомъ: „Мнѣ было бы интересно узнать, что дѣлаютъ народники. Ноютъ? Плачутъ? Твердятъ, какъ сороки про Якова, что нужно поддерживать общину? Ахъ, вы, народные печальники! Что вы дѣлаете? Проливаете слезы горькія тайкомъ?“... На такую тираду игривый марксистъ получаетъ тотъ отвѣтъ, котораго и заслуживаетъ: „это нахальство“... И дѣйствительно, вѣдь нахальство. Правда, Крюковъ, пожалуй, и напрасно такъ разгорячился. Было бы благоразумнѣе и болѣе соответствовало бы его сѣдинамъ и его лысинѣ, еслибъ онъ, не спѣша и не волнуясь, сказалъ Игнатовичу: ахъ, милый юноша! задору-то въ васъ много, а толку маловато. А о дѣлахъ раз-

суждать, пожалуй, что и не вашего еще ума дѣло". А потомъ и подвергъ бы его нѣкоему поучению по методу сократическому... Пожалуй, повторимъ, что это и соотвѣтственнѣе бы было Крюкову. Но вѣдь и то сказать—по человѣчеству судить надо; когда люди, ничего, какъ говорится, не вида, лѣзутъ въ вашу святая святыхъ, такъ человѣкъ, пожалуй, и не выдержитъ и... обругаетъ... Но не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ. Въ той же книгѣ журнала г. Ивановъ посвятилъ цѣлую статью роману г. Боборыкина и называетъ типъ Шемадурова „плохою выдумкой“, просто выдуманною куклою. Отстаивать замыселъ и исполненіе г. Боборыкина мы, конечно, теперь не будемъ,—въ свое время мы о романѣ говорили. Но вотъ что, между прочимъ, любопытно. Г. Ивановъ протестуетъ противъ „выдумки г. Боборыкина“, что марксисты или, лучше сказать, Шемадуры могутъ „травить“ (по выраженію г. Боборыкина) людей съ прошлымъ Разсудина. Они, видите ли, могутъ „травить“ только субъективистовъ и народниковъ, преблагополучно сидящихъ въ своемъ кабинетѣ и въ полной безопасности утопіями занимающихся.. И вдругъ, съ помощью г. Чирикова, такой оборотъ выходитъ. Вѣдь Игнатовичъ имѣетъ всѣ основныя черты типа Шемадура, а Крюковъ—всѣ основныя черты личности Разсудина. И тѣ, и другія черты теперь засвидѣтельствованы въ нѣкоторомъ родѣ органомъ направленія. . Ну, какъ же не гоголевскія унтеръ-офицерши!

Вообще не вполне основательный задоръ, не сопровождаемый къ тому же достаточной дозой способности къ логическому мышленію, рѣдко приводитъ къ благимъ результатамъ и даже очень хорошихъ людей заводитъ въ такія дебри, изъ которыхъ имъ бываетъ трудно вѣрнуться. Вотъ, наприм., прочитали мы очень хорошую статью г. В. Михайловскаго о грядущемъ народномъ бѣдствіи и даже радовались,—ну, хоть тому, что хорошую статью прочли; не часто, вѣдь, такія попадаются. И вдругъ, послѣсловіе г. С. В. по этому вопросу. Открывъ, по обыкновенію, писателей *Новаго Слова*, нѣсколько Америкъ, вродѣ слѣдующихъ: „какъ будто капитализмъ былъ причиной той экспроприаціи крестьянства, которая легла въ основу освободительнаго акта (не будемъ обольщаться тѣмъ скромнымъ надѣленіемъ землей, которое было совершено за весьма нескромный выкупъ). Какъ будто капитализмъ создалъ тотъ ростъ населенія, который обозначается въ нашей литературѣ именемъ малоземелья и который побуждаетъ земледѣльческое населеніе бѣжать куда глаза глядятъ, въ городъ, на фабрику, въ Сибирь?...“ или такую, напримѣръ, Америку: „передъ основною причиной (малымъ развитіемъ капитализма и будто бы однозначущимъ съ нимъ малымъ развитіемъ производительныхъ силъ) на задній планъ отступаетъ по меньшей мѣрѣ нераціональное обложеніе крестьянства“,—такъ открывъ въ укоръ,—непремѣнно въ укоръ,—г. Николаю—ону, который, однако, именно и говоритъ, что экспроприація крестьянства, скромное надѣленіе и нескромный выкупъ, также и нераціональное обложеніе, не имѣющее никакого отношенія къ доходности, открыли, совокупно съ другими мѣрами экономической политики, путь для капитализма, сначала ростовщически-торговаго, а потомъ и индустриальнаго, а онъ потомъ и пытается додѣлать остальное въ томъ же настроеніи, авторъ спрашиваетъ: „Должны ли мы, русскіе ученики, радоваться народному бѣдствію?“ И, „краснѣя“, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Можно бы было по поводу этого маленькаго словечка: „краснѣя“ зло и, пожалуй, весело пошутить надъ учениками. Но, право, намъ не до шутокъ. Мы сами съ краской не столько стыда, сколько смущенія

прочли такія строки ученика. Вѣдь, подумайте, дойти до того, чтобы приходилось отвѣчать на такіе, по-истинѣ ужасные и по-истинѣ поворные, вопросы! И дойти до того направленію, которое не безъ основанія признаетъ себя прогрессивнымъ! Вы скажете, что вражда не знаетъ мѣры въ своихъ обвиненіяхъ? Вы скажете, что и „свистуновъ“ шестидесятыхъ годовъ обвиняли во всяческихъ злодѣяніяхъ? Да, обвиняли. Но тутъ важенъ самый характеръ обвиненій. Ихъ обвиняли, напримѣръ, въ петербургскихъ пожарахъ, но даже самымъ лютымъ врагамъ на приходило въ голову обвинять ихъ въ желаніи, чтобы весь народъ, все крестьянство, разорилось и умирало съ голоду. Разумѣется, чортъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ рисуютъ его себѣ ученики. Никому въ голову не придетъ обвинять ихъ въ такихъ ужасахъ. Но страшенъ другой чортъ—страшна та путаница, которая внесена ими въ общественное мышленіе.

Заявивъ далѣе, что „для насъ (т.-е. для учениковъ) рѣшающимъ критеріемъ является значеніе голода для представителей труда, т.-е. городского и сельскаго пролетаріата“ (а самостоятельное среднее крестьянство не является представителемъ труда?); заявивъ, что массовая распродажа скота знаменуетъ не только окончательное разореніе хозяйства, скользящихъ уже надъ бездной, но и пониженіе тѣна болѣе крѣпкихъ хозяйствъ, что это шагъ назадъ по пути къ общему обдѣлнѣнію,—сдѣлавъ такія, совершенно справедливыя и разумныя заявленія, авторъ опять попадаетъ на своего конька и говоритъ: „мы отрицательно относимся къ тѣмъ мѣропріятіямъ, которыя предлагаются для поддержанія мелкаго крестьянскаго хозяйства. Съ одной стороны, эти стремленія, идущія въ разрѣзъ съ закономѣрнымъ ходомъ историческаго развитія (и дался имъ этотъ закономѣрный ходъ!), обречены напередъ остаться безплодными; а съ другой стороны, ихъ тенденція сводится къ созданію и укрѣпленію класса мелкаго крестьянства, другими словами—мелкой сельской буржуазіи (значить, однако, не совсѣмъ ужъ такъ бесполезно?), класса, который у всѣхъ реакціонныхъ западныхъ правительствъ фигурируетъ въ качествѣ противовѣса прогрессивнымъ классамъ“...

А другой ученикъ, въ корреспонденціи изъ Саратова по поводу доклада земскому собранію о безпроцентной ссудѣ на покупку лошадей безлошаднымъ крестьянамъ, нападая на „утопичность“ такого мѣропріятія, замѣчаетъ: „положимъ, что деньги нашлись, что получилось бы тогда?“ Бѣдность, недоѣданіе, отчужденіе отъ культурнаго міра и поголовное невѣжество мужиковъ съ лошадьми стало бы хроническимъ. Стало бы, обладаніе лошадью, т.-е. орудіемъ производства, означаетъ для рабочаго не что иное, какъ невѣжество и отчужденіе отъ культурнаго міра. Какъ рабочій мужикъ лишится орудій производства, земли и лошади, такъ онъ къ культурѣ и пріобщится. Надо, непременно надо мужика, для его же пользы, конечно, и для пользы культуры такожде, освободить отъ орудій производства и въ фабричномъ котлѣ выварить. А такъ какъ всѣхъ ихъ не вываришь, ибо сія утопія не менѣе шальная, чѣмъ любая изъ шальныхъ утопій, то пусть въ разрядъ безработныхъ, „печально умирающихъ отъ голода и холода“, переходитъ. Ибо сіе культура-то самая и есть.

„И какое они слово ни скажутъ—тому слову сотни лѣтъ будетъ“,—говоритъ у Успенскаго купецъ о раскольничьихъ начетчицахъ. Словамъ учениковъ хоть и не сто лѣтъ, а полсотни-то будетъ. Такова знаменитая легенда о реакціонномъ яко бы значеніи крестьянства. Давно

ужь эта легенда фактами исторической жизни опровергнута, а они все свое, ужь именно как сорока про Якова. Въ предыдущемъ обзорѣни мы приводили факты, указывающіе, что самостоятельное крестьянство, даже въ странахъ съ высоко-развитымъ капиталистическимъ производствомъ, въ Баваріи, на Рейнѣ, даже въ Пруссіи, не желаетъ быть перевареннымъ въ фабричномъ котлѣ и для того, чтобы избѣжать такой неприятой перспективы, избираетъ путь отнюдь не реакціонный. Оно беретъ дѣло крестьянства въ свои собственныя руки и образуетъ союзы. Въ Австраліи, наряду съ сильно развитымъ рабочимъ движениемъ въ незначительной тамъ капиталистической промышленности, происходитъ теперь любопытнѣйшій социологическій опытъ націонализаціи земли, т.-е. обхода неизбежной яко бы фазы развитія. Но Австралія— страна новая. Норвегія страна, конечно, не новая—и, однако, это „мужицкое царство“. Тамъ 34% самостоятельныхъ крестьянъ - земледѣльцевъ, 24% самостоятельныхъ же крестьянъ-кустарей, 10% самостоятельныхъ же крестьянъ-рыбаковъ и только 17% рабочихъ, занятыхъ въ капиталистическомъ горномъ промыслѣ. И, однако, норвежское крестьянство, въ пресловутомъ котлѣ не вываривавшееся, даже русскіе ученики не признаютъ, вѣроятно, реакціоннымъ. На рабочемъ конгрессѣ 1889 г. (если намъ не измѣняетъ память, справки теперь мы сдѣлать не въ состояніи) делегаты Румыніи представили замѣчательный докладъ, возбуждвшій большое вниманіе. Докладъ констатируетъ отсутствіе капиталистическаго производства въ странѣ, отсутствіе, стало быть, фабрично-заводскихъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильную и удачную дѣятельность и организацію среди массы крестьянства. Въ докладѣ прямо указывается на вліяніе идей и направленія русскихъ народниковъ (для избѣжанія недоразумѣній слѣшимъ замѣтить, что какъ подъ терминомъ „марксистъ“ мы разумѣемъ то самое, что разумѣлъ Маресь, когда онъ говорилъ, что онъ не марксистъ, такъ и подъ терминомъ народникъ мы разумѣемъ тѣхъ людей, которые сдѣлались любимыми объектами нападеній учениковъ). Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ докладъ румыновъ, также какъ и многія другія явленія, остался не безъ вліянія на пересмотръ нѣмецкими социаль-демократами своей программы въ направленіи, которое мы можемъ назвать *народническимъ*. Далѣе, тотъ же процессъ наблюдается въ образованіи демократической партіи въ Галиціи. Наконецъ, самъ извѣстный Лафаргъ не отрицаетъ, что онъ призналъ важную роль интеллигенціи въ историческомъ развитіи, а также и желаніе ввести въ программу партіи, къ которой онъ принадлежитъ, вопросы аграрные отчасти подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ русскихъ народниковъ. Какъ видите, мы начинаемъ уже уплачивать Европѣ тотъ идейный долгъ, какой мы у нея сдѣлали, заимствовать отъ нея свое просвѣщеніе.

Г. Струве, побывавъ въ Цюрихѣ на „международномъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ“, вынесъ изъ своей поѣздки много поучительнаго и подвѣлился этимъ поучительнымъ съ читателемъ. Онъ находитъ, прежде всего, что у конгресса можно было поучиться дѣйствительно драгоценнымъ и для насъ, русскихъ, особенно необходимымъ качествамъ принципіальности, терпимости и практичности. „Цюрихскій конгрессъ, — замѣчаетъ г. Струве, — составитъ въ исторіи социальной реформы любопытную страницу. Люди разныхъ направленій, отстаивающихъ преобразование въ интересахъ народнаго большинства, сошлись для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ социальной политики. Въ Цюрихѣ никто не напомнилъ, что конгрессъ происходилъ 30 лѣтъ

послѣ изданія 10-часового билля. Между тѣмъ, такое напоминаніе показало бы огромное разстояніе между прошлымъ и настоящимъ. Тогда социальныя реформы на почвѣ капиталистическаго строя казались невозможными. Наиболѣе прогрессивные идеологи пролетаріаты холодно и скептически относились къ социальнымъ реформамъ и называли ихъ жалкимъ штопаньемъ. Съ того времени многое измѣнилось. Теперь все болѣе и болѣе распространяется и крѣпнеть убѣжденіе, что онѣ вовсе не жалкое штопанье, а наоборотъ—звенья въ органической цѣпи формъ... Соціально-политическій радикализмъ окончательно сроднился съ идеей эволюціи... Соціальная катастрофа, которая въ 40-хъ годахъ казалась столь близкой, теперь просто-на-просто исчезла изъ реалистическаго поля зрѣнія. Это, какъ можетъ уразумѣть проницательный читатель, тоже Америка, давно извѣстная ненавистнымъ народникамъ, а теперь сдѣлавшаяся извѣстной и г. Струве. Еслибы г. Струве сумѣлъ примѣнить ту точку зрѣнія, которую онъ высказываетъ въ приведенномъ замѣчаніи, къ объективнымъ русскимъ условіямъ, то, думается намъ, его съ народниками дѣло было бы, какъ говорится, въ шляпѣ. Потому что, вѣдь, призываемое имъ и другими учениками господство капитализма при существующихъ объективныхъ условіяхъ, т.-е. при существованіи около 80% населенія самостоятельныхъ земледѣльческихъ производителей, есть не что иное какъ социальная катастрофа въ своемъ родѣ, — такая социальная катастрофа, которой, пожалуй, тоже не мѣшало бы исчезнуть изъ реалистическаго поля зрѣнія, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые *отстаиваютъ социальныя преобразованія въ интересахъ народнаго большинства*. Съ этой точки зрѣнія тѣ экономическія и нынѣ мѣропріятія, къ которымъ ученики, по ихъ заявленію, относятся отрицательно, представляются не жалкимъ штопаньемъ, а „звеньями въ цѣпи“ и т. д. Но для того, чтобы дойти до такого примѣненія поучительной точки зрѣнія къ русской дѣйствительности, нужно, разумется, гораздо болѣе заботиться объ этой самой дѣйствительности, чѣмъ о своей собственной правотѣ.

Стремленіе остаться во что бы то ни стало правотѣ привело и г. Каменскаго къ довольно любопытнымъ діалектическимъ фокусамъ,—право, не умѣюмъ иначе назвать того замѣчательнаго вольта, который производитъ на глазахъ у изумленнаго читателя г. Каменскій. Дѣло, видите ли, въ томъ, что авторъ не желаетъ, чтобы учениковъ называли болѣе „экономическими материалистами“, ибо они суть „діалектическіе материалисты“. Подлинныя и послѣдовательныя материалисты, — говоритъ г. Каменскій (*О материалистическомъ пониманіи исторіи*), — не склонны всюду дѣлать съ экономическимъ факторомъ. Теорія социальнo-историческихъ факторовъ устарѣла, ибо социальнo-историческій факторъ есть абстракція. Благодаря процессу абстрагирования, различныя стороны *общественнаго члѣна* принимаютъ видъ обособленныхъ *категорій*; различныя проявленія и выраженія дѣятельности *общественнаго члѣвика*, — мораль, право, экономическія формы, — превращаются въ нашѣмъ умѣ въ особыя силы, будто бы вызывающія эту дѣятельность. Далѣе: между факторами существуетъ взаимодѣйствіе, каждый изъ нихъ влияетъ на всѣ остальные... Какъ бы ни была законна и полезна въ свое время теорія факторовъ, она не выдерживаетъ теперь критики. Она расчленяетъ дѣятельность общественнаго члѣвика, превращая различныя ея стороны и проявленія въ особыя силы, будто бы опредѣляющія историческое развитіе общества... Те-

перъ же дѣло идетъ о замѣнѣ теоріи факторовъ синтетическимъ взглядомъ на общественную жизнь. Люди, — заявляетъ наконецъ г. Каменскій, — *дѣлаютъ свою исторію*, стремясь удовлетворить своимъ нуждамъ, или, — чтобы употребить болѣе точное выраженіе, — своимъ потребностямъ.

Остановимся на минуту въ изложеніи мнѣній г. Каменскаго. Онъ, очевидно, намѣревается оставить то узкое русло, по которому до сихъ поръ двигалось то истолкованіе исторіи, которое обыкновенно именуется экономическимъ матеріализмомъ и перейти къ болѣе широкимъ опредѣленіямъ нѣкоторыхъ изъ соціологовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло представляется съ перваго взгляда. Въ самомъ дѣлѣ, вѣсто *экономическаго фактора* является уже *общественный человекъ* съ его потребностями и дѣятельность этого человека для удовлетворенія его потребностей и составляетъ то, что называется исторіей. Слѣдуетъ замѣтить, что г. Каменскій даетъ свои опредѣленія, заимствуя ихъ у итальянскаго ученаго Лабріола (*Essai sur la conception materialiste de l'histoire*). Съ книгой Лабріола мы, къ сожалѣнію, не успѣли еще познакомиться, но изъ самаго изложенія г. Каменскаго для насъ очевидно, что Лабріола черпаетъ свои опредѣленія и основные взгляды главнымъ образомъ изъ очень интересной и, къ сожалѣнію, мало извѣстной русской читающей публикѣ книги Штамлера: *Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи*. Для того, чтобы дать нашимъ читателямъ хоть нѣкоторое представленіе о дѣйствительно новомъ и не экономическомъ пониманіи исторіи, выраженіемъ котораго служить отчасти и книга Штамлера, намъ придется привести нѣкоторыя опредѣленія соціологіи разныхъ авторовъ. Комбъ де-Лэстраль опредѣляетъ соціологію какъ „синтезъ всѣхъ наукъ, анализирующихъ общественное существованіе человека *во всей совокупности* этого существованія“. Штамлеръ опредѣляетъ соціологію или философію общества, какъ изслѣдованіе вопроса, „какая основная формальная законность обуславливаетъ общественную жизнь человека“; матеріальное же содержаніе общезитія, по его мнѣнію, есть коллективная дѣятельность людей, направленная на удовлетвореніе ихъ потребностей“. У Рюмелна мы встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе: соціологія есть „ученіе о естественныхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ потребностей, проявляющихся въ массахъ и въ ихъ взаимодействіи подъ вліяніемъ сожителства многихъ личностей“. Наконецъ, Лестеръ Уордъ признаетъ *общественными силами*, мотивирующими человѣческую дѣятельность при сознаніи ей исторіи, человѣческія потребности. Анализируя эти соціальныя силы, т.-е. эти потребности, онъ классифицируетъ ихъ на немногія категоріи. Потребности экономическія онъ сводитъ въ одну категорію, которую и называетъ однимъ общимъ терминомъ „нужда“. Потребности, связанная съ функциями воспроизводительныхъ силъ и производныя отъ этихъ функций потребности эстетическія онъ выдѣляетъ въ особую категорію „любви“. Силы религіозныя онъ сводитъ къ эмоціямъ „страха и надежды“, и, наконецъ, выдѣляетъ функцію и потребность умственныхъ въ особую категорію „интеллекта“, который тоже признаетъ соціальной силой, но не мотивирующей, а управляющей. Недостатокъ схемы Уорда, по нашему по крайней мѣрѣ мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ постоянно говоритъ о потребностяхъ *просто* человека, а не *общественнаго* человека. Это недостатокъ скорѣе методологическій, чѣмъ основной.

Такимъ образомъ г. Каменскій, повидимому, оставляетъ, какъ мы

сказали, узкое русло экономическаго матеріализма и отрекается отъ того пониманія исторіи, котораго придерживаются, наприм., г. Струве и г. Бельтовъ. По это только, повидимому. Поставивъ основныя положенія, приведенныя выше, онъ внезапно совершаетъ такой вольтъ: „способы удовлетворенія *нуждъ* общественнаго человѣка, да въ значительной степени и сами эти *нужды* (въ значительной степени и при совершенно) — въ этомъ, вѣдь, и весь вопросъ!) опредѣляются состояніемъ его производительныхъ силъ...“ Ну, а затѣмъ все идетъ какъ по маслу, т.-е. совершенно такъ же, какъ и при теоріи экономическаго матеріализма. Дальше, пожалуй, совершенно излишне знакомиться со взглядами г. Каменскаго, они остаются тѣми же, какъ и взгляды простыхъ и неприкрашенныхъ экономическихъ матеріалистовъ. И все сіе произошло отъ замѣны весьма опредѣленнаго и болѣе широкаго термина *потребности* довольно неопредѣленнымъ терминомъ *нужда* и подстановкой потребностей только экономическихъ, дѣйствительно опредѣляемыхъ, если и не совершенно, не исключительно, то до значительной степени, состояніемъ производительныхъ силъ, вмѣсто потребностей вообще общественнаго человѣка. Выходить, конечно, *bonnet blanc, blanc bonnet*. Именуяте эту вещь экономическимъ матеріализмомъ или діалектическимъ матеріализмомъ; говорите *a* или *b*, — отъ этого вещь не измѣнится.

Вопросъ объ экономическомъ пониманіи исторіи есть вопросъ, такъ сказать, чисто академическій, и мы совершенно не понимаемъ, и никогда не понимали, почему онъ возбуждалъ и возбуждаетъ къ себѣ страстное и чисто-партийное отношеніе. Но любопытна тутъ для насъ та психологическая особенность новыхъ людей, которая заставляетъ ихъ даже изъ такого академическаго вопроса дѣлать орудіе нападеній все тѣхъ же ненавистныхъ народниковъ. Г. Каменскій, наприм., прямо-таки высказываетъ боязнь, чтобы не подумали, что „подлинныя и послѣдовательныя матеріалисты пришли къ этому убѣжденію (къ убѣжденію о неосновательности теоріи факторовъ) подъ влияніемъ гг. народниковъ и субъективистовъ“. А еслибъ это было и такъ? Неужели это ужъ такъ обидно для г. Каменскаго?

Въ разбираемой книгѣ *Русскаго Богатства* помѣщена очень дѣльная статья г. П. Б., по вопросу, близкому и даже совпадающему съ вопросомъ объ экономическомъ пониманіи исторіи, — по вопросу объ исторической необходимости. Статья представляетъ возраженіе на статьи гг. Струве и Булгакова въ *Новомъ Словѣ* и *Вопросахъ философіи*. Г. Струве ставитъ вопросъ о соотношеніи между свободой и исторической необходимостью. Такой вопросъ появляется въ связи съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи — и съ этимъ пониманіемъ связано гносеологическое противорѣчіе, выходъ изъ котораго, по мнѣнію г. Струве, состоитъ только „въ различіи между логической увѣренностью и увѣренностью психологической...“ Объектъ исторической необходимости, — замѣчаетъ на это г. П. Б., — есть общественная жизнь, а вопросъ о свободной волѣ вращается исключительно въ области внутренняго сознанія отдѣльнаго человѣка... Въ каждомъ сознательномъ движеніи человѣка находятся всѣ элементы такого гносеологическаго противорѣчія. Можно представить себѣ людей, придерживавшихся научнаго міросозерцанія, но не увѣренныхъ въ томъ, что найдена формула историческаго движенія; тѣмъ не менѣе они признаютъ, что ихъ дѣйствія подчинены закону причинности; стало быть для нихъ гносеоло-

гическое противорѣчіе существуетъ при отсутствіи у нихъ представленія о предопредѣленномъ ходѣ историческаго развитія.

Если мы въ нашей общественной жизни повинемся извѣстному познанному нами закону, то дѣлаемъ мы это съ цѣлью достиженія тѣхъ или иныхъ общественныхъ результатовъ. Законы исторіи суть для насъ законы внѣшняго міра, которыми мы пользуемся, имѣя въ виду осуществленіе нашихъ желаній. Наши дѣйствія связаны этими законами постольку, поскольку они связаны съ нашими желаніями. Мои стремленія несомнѣнно обусловлены закономъ причинности, но я-то сознаю ихъ какъ свободныя желанія. Слѣдовательно, вопросъ о соотношеніи между свободой и необходимостью можетъ быть поставленъ съ такимъ же основаніемъ по поводу законовъ исторіи, какъ и по поводу иныхъ познанныхъ законовъ природы. Это вопросъ не о соотношеніи между свободой и познаваемыми законами исторіи, а о соотношеніи между субъективными стремленіями и объективными причинами этихъ стремленій. Потому перенесеніе г. Струве гносеологическаго противорѣчія изъ области субъективнаго сознанія въ область объективныхъ историческихъ явленій и сопоставленіе исторической необходимости съ осуществленіемъ личной свободы, — есть сплошное недоразумѣніе... Первымъ условіемъ, — продолжаетъ г. П. Б., — способствовавшимъ развитію въ насъ сознанія свободы, было соответствіе между субъективными стремленіями и ихъ объективными результатами. Еслибы даже при полномъ знаніи всѣхъ соотношеній между явленіями внѣшней природы попытки человѣка воспользоваться этими знаніями для осуществленія субъективныхъ стремленій были неудачными, то у него не могло бы возникнуть и прочитаться сознаніе свободы его дѣйствій... Свобода необходимо предполагаетъ желанія, а желанія необходимо предполагаютъ удачныя попытки ихъ осуществленія; слѣдовательно, никакое сознаніе свободы было бы не возможно, еслибы мы своими дѣйствіями не достигали желаемыхъ результатовъ. То же и относительно общественной жизни. Только при условіи возможнаго цѣлесообразнаго внѣшательства въ процессъ общественной жизни въ сознаніи человѣка можетъ возникнуть представленіе объ его свободѣ въ этой области, — та идея свободы, которая, по мнѣнію Фулье, есть движущая сила... Съ такой эволюціонной точки зрѣнія, — замѣчаетъ г. П. Б., — и слѣдовало бы разсматривать вопросъ о свободѣ воли, а не съ той чисто-метафизической, съ какой вопросъ разсматривается какъ г. Струве, такъ и другими сторонниками экономическаго матеріализма, такъ много говорящими о своемъ діалектическомъ методѣ. Поднятый г. Струве вопросъ разбивается на два: 1) о соотношеніи между свободой воли и личной дѣятельностью, разсматриваемой со стороны ея объективныхъ результатовъ, и 2) о соотношеніи между личной дѣятельностью и историческою необходимостью, т.-е. о роли человѣка въ исторіи. Такъ какъ поступки человѣка находятся съ одной стороны въ соотношеніи съ его сознаніемъ, а съ другой — представляютъ одинъ изъ элементовъ общественной жизни, то они и составляютъ необходимую ступень для перехода отъ міра субъективнаго въ міръ объективной дѣйствительности. Тутъ-то г. Струве и дѣлаетъ логическій скачокъ, обходя эту ступень и прямо ставя вопросъ о соотношеніи между свободой воли и историческою необходимостью. Люди, по мнѣнію экономическихъ матеріалистовъ, являются исполнителями историческихъ предначертаній, не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ цѣлями. Но, спрашивается, достигаютъ они своихъ цѣлей или нѣтъ? Если не достигаютъ, то необъяснимо са-

мыя субъективныя стремленія. Такое предположеніе прямо невозможно, потому что въ числѣ цѣлей имѣются цѣли, связанныя съ самымъ существованіемъ людей; еслибы люди не достигали этихъ цѣлей, они перестали бы жить. Если же люди, являясь исполнителями закона общественнаго развитія, въ то же время достигаютъ субъективныхъ цѣлей, то очевидно, что эти достигнутые ими результаты и составляютъ историческую дѣятельность. Но тогда необъяснимо, какимъ образомъ историческая дѣятельность не имѣетъ ничего общаго съ субъективными стремленіями, какъ это утверждаютъ экономическіе материалисты. Очевидно, что если только допустить въ какомъ бы то ни было размѣрѣ вліяніе субъективныхъ стремленій на ходъ общественнаго развитія, то этимъ допущеніемъ разрушается вся неумолимая объективность материалистическаго пониманія исторіи, такъ какъ невозможно отдѣлать въ историческомъ процессѣ ту его часть, которая совершается помимо субъективныхъ стремленій, отъ той, въ которой осуществляютъ эти стремленія. Противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только видоизмѣненіемъ самой формулы, допущеніемъ въ нее субъективнаго элемента и соотвѣтствующимъ измѣненіемъ понятія объ общественномъ развитіи. Психологія материалистическаго пониманія исторіи сводится къ слѣдующему: такъ какъ субъективныя стремленія не являются безъ причины, то вся ихъ историческая роль уже содержится въ производящихъ ихъ причинахъ; слѣдовательно ихъ можно просто выкинуть изъ цѣпи причинъ и слѣдствій. Въ этомъ и вся сущность объективизма въ материалистическомъ пониманіи исторіи. Оно сводится къ тому, что изъ общественныхъ явленій просто устраняется то, что составляетъ ихъ характерную особенность, ихъ отличие отъ всѣхъ другихъ явленій, подлежащихъ научному изслѣдованію, тѣ процессы развитія и борьбы, которые происходятъ въ мірѣ субъективныхъ явленій и затѣмъ отражаются въ окружающей средѣ.

Г. Потапенко закончилъ, наконецъ, свой длинный романъ: *Живая жизнь*. Оцѣнивать его, какъ произведеніе искусства, указывать на его достоинства и недостатки наврядъ ли кому придетъ въ голову. Романъ не только томителенъ, но и дѣланный. Тѣмъ не менѣе въ романѣ есть нѣкоторыя черточки, надъ которыми остановится всякій вдумчивый читатель. Почти во всѣхъ произведеніяхъ г. Потапенка красною нитью проходитъ одна идея—это идея о значеніи личной дѣятельности, силы личности, элемента воли, въ процессѣ жизни. На этотъ разъ авторъ подошелъ къ своей излюбленной темѣ съ новой стороны. Онъ хотѣлъ изобразить силу пропавшую, волю, такъ сказать, не живую, не имѣющую отношенія къ живой жизни, и потому бесполезно для себя и другихъ пропавшую. Настоящій герой романа—это Лозовскій. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ этотъ человѣкъ, отличавшійся и необыкновеннымъ умомъ, и необыкновенными дарованіями, и замѣчательною волей, былъ однако мертвымъ человѣкомъ. Всегда, даже на семинарской скамьѣ, онъ стоялъ внѣ живой жизни, былъ чужимъ для живыхъ людей, былъ преисполненъ гордымъ презрѣніемъ и даже отвращеніемъ къ міру, къ людямъ и даже къ себѣ самому, какъ къ живому организму, что, разумѣется, сопровождалось у него горделивымъ самоувѣреніемъ, доходящимъ почти до горделивой маніи, до самаго возвышеннаго представленія о себѣ, какъ о чистомъ, безтѣлесномъ духѣ. Еще въ юности, едва кончивъ курсъ семинаріи, онъ уже мечтаетъ о горделивомъ одиночествѣ среди людей, въ сторожкѣ на кладбищѣ, среди забытыхъ и заброшенныхъ могилъ чуждыхъ ему людей,

мечтаетъ о подвигѣ аскетизма. Мало ли о чемъ не мечтаютъ юноши? Но у Лозовскаго это не просто мечтанія, а нѣчто, коренищающееся въ его природѣ. Сущность этой природы—одиночество и полный эгоизмъ,—не тотъ живой все-таки эгоизмъ, который проявляется только въ средѣ другихъ людей и на счетъ ихъ, а мертвый эгоизмъ, эгоизмъ дикаря до начала всякаго общенія, или вѣрнѣе эгоизмъ анахорета, но анахорета безъ вѣры, безъ стремленій, хотя бы и ложныхъ, анахорета, влюбленнаго въ себя, въ свой великій яко бы духъ, въ свою несокрушимую волю... и въ смерть. Какимъ образомъ могло создаться—именно создаться, а не выработаться—такое чудовище,—это тайна беллетриста. Онъ, очевидно, просто рѣшалъ извѣстную задачу и потому не позаботился о томъ, чтобы показать читателю, какъ, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями могутъ выработываться подобныя люди. Да онъ и не изображаетъ Лозовскаго выработывающимся; Лозовскій просто созданный; эволюціи его одиночества, его мертвенности не имѣется, движенія никакого. Г. Потапенко какъ бы намѣренно устраняетъ изъ поставленной имъ себѣ задачи всѣ условія, которыя такъ или иначе могли бы повліять на дѣйствительное образованіе типа. Даже болѣе того: онъ ставитъ своего героя въ среду, которая должна бы повліять на него въ направленіи, противоположномъ созданію одиночки, презирающаго людей. Окружающіе Лозовскаго люди не только по существу прекрасныя люди, но по своимъ житейскимъ добродѣтелямъ даже возвышающіеся надъ обычнымъ среднимъ уровнемъ: это—среда мыслящихъ и любящихъ, и во всякомъ случаѣ вполне благородныхъ и доброжелательныхъ людей. Лозовскаго всѣ не только глубоко уважаютъ и цѣнятъ, но и относятся къ нему съ глубокимъ вниманіемъ къ его личности, съ пониманіемъ, большимъ, чѣмъ то, какое обыкновенно достается въ удѣлъ обыкновеннымъ людямъ; его всѣ даже превозносятъ, ставятъ на нѣкоторый пьедесталъ, нянчатся съ нимъ, что опять-таки не всегда достается въ удѣлъ людямъ. Въ особенности его дядя, старый священникъ, отецъ Серафимъ, проявляетъ такое глубокое пониманіе натуры Лозовскаго и притомъ такую сердечность дружбы къ нему, что одного такого отношенія уже было бы, повидимому, достаточно, чтобы сломить какое угодно презрѣніе къ человѣку, какое угодно одиночество натуры. И тѣмъ не менѣе Лозовскій остается горделивымъ и мертвымъ одиночкой. Повторяемъ, г. Потапенко какъ бы намѣренно ставитъ такія условія, которыя не могли создать одиночку Лозовскаго—и тѣмъ не менѣе одиночка создается. Трудно представить себѣ пріемъ, менѣе художественный. Читатель, если захочетъ думать о романѣ г. Потапенка, неизбѣжно придетъ къ заключенію, что онъ имѣетъ дѣло просто съ маниакомъ, т.-е. съ субъектомъ, который не можетъ быть объектомъ художественнаго изображенія. Но Лозовскій изображенъ, если онъ только изображенъ, совсѣмъ не маниакомъ, а человѣкомъ вполне здравомыслящимъ. Умыселъ автора иной—и притомъ этотъ умыселъ голый, ничѣмъ не прикрашенной тенденціи. Онъ, какъ мы сказали, просто хочетъ доказать, что воля, чистая и безпримѣсная, сама по себѣ есть сила, производящая крупныя, хотя въ томъ случаѣ, если эта воля мертвая, и переходящія результаты. Когда Лозовскій послѣ различныхъ, довольно, правду сказать, плохо придуманныхъ и неестественныхъ перипетій своей жизни, наконецъ, умираетъ въ кладбищенской сторожкѣ отъ добровольнаго истощенія, изревая въ полубезсознательномъ состояніи: „Страданіе—удѣлъ плоти... У меня уже нѣтъ плоти. Я освобожденъ... Я освобожденъ отъ всѣхъ

формъ и всѣхъ путь... Я достигъ уже, достигъ“,—вдумчивый и глубоко умѣющій все понимать и все чувствовать старикъ, отецъ Серафимъ, первый провозглашаетъ его великимъ святымъ и подвижникомъ, а за нимъ такимъ же провозглашаетъ его и толпа... Погребеніе Лозовскаго имѣетъ характеръ настоящаго народнаго апофеоза; въра въ него, какъ въ подвижника, совершаетъ чуть не чуда. Но мертвая воля создаетъ только мертвыя дѣла. „Вѣра думала о томъ, что все это шумное движеніе, съ виду вызванное глубокимъ чувствомъ, въ сущности есть ничто. Все это забудется, потому что вся эта жизнь протекла какъ-то въ простыхъ обычныхъ отношеніяхъ. Все, что онъ сдѣлалъ, было ни для кого не нужно и менѣе всего для него самого. Но въ Гермофенѣ было что-то обаятельное; въ немъ была какая-то опасная сила...“ „Глѣбъ смотрѣлъ на эту несмѣтную толпу и думалъ о той страшной силѣ, которая погибла бесплодно и безслѣдно. Да это была сила. И хуже всего, что эта сила не заглохла. Она развернулась широко, даже слишкомъ, выразившись въ невѣроятныхъ добровольныхъ лишеніяхъ, въ бесплодныхъ и безцѣльныхъ подвигахъ. А сколько добра она могла бы сдѣлать родинѣ, еслибъ была направлена на жизнь живую! Бѣдная сѣрая толпа! Она боготворитъ его, его, который не захотѣлъ отдать ей ни одной капли своей богатой души. Она боготворитъ его только потому, что онъ былъ сильнѣе ея. О, живая жизнь—это не пустая игра словъ! Нѣтъ равенства въ природѣ: одному дано много, другому—мало; одинъ сильнѣй, другой—слабѣе. Такъ пусть же сильный дѣлится со слабымъ своею силой, а слабый пусть беретъ часть силы у сильнаго, не по милости его, а съ полнымъ правомъ, потому что взаимодѣйствіе уравниваетъ права живущихъ“.

Къ этимъ словамъ намъ прибавлять нечего; тенденція произведенія очевидна изъ нихъ и безъ нашихъ разъясненій. Можно, пожалуй, пожалѣть, что исполненіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тенденціи. Можно, пожалуй, замѣтить, что оно, конечно, пусть сильный дѣлится съ слабымъ; но что, если онъ не захочетъ дѣлиться? Да и какъ это слабый возьметъ у сильнаго часть его силы, да еще по праву, а не изъ милости? Очевидно, вѣдь, что это возможно только въ томъ единственномъ случаѣ, когда воля единичной личности, какъ бы сильна она ни была, противопоставляется болѣе сильная, коллективная воля. Стало быть, нужно развивать именно эту коллективную волю, и тогда она возьметъ у сильнаго часть силы, не по милости сильнаго, а по праву.

Тенденція могла бы быть правильной еще въ одномъ случаѣ, еслибы общество, *все общество*, состояло изъ все понимающихъ и ко всему относящихся съ философскою терпимостью отцовъ Серафимовъ, изъ благородныхъ и развитыхъ Глѣбовъ и Варь, да изъ не мудреныхъ, но благомыслящихъ и благожелательныхъ батюшекъ, вродѣ отца Василия. Но, вѣдь, это ужъ прямо-таки маниловская утопія.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября
1897 г.**

- Абрамовъ, Я. В.** Аренда и наемъ имущества. Изданіе Павленкова. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
- Два великихъ француза: благодѣтель человечества Луи Пастёръ и апостолъ образованія Жюль Масъ. Изд. М. Городецкаго. Спб., 1897 г. Ц. 20 к.
- Андреевскій, С. А.** Стихотворенія. 1878—1887. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Андреевъ, П. П.** Сборникъ техниче-скихъ описаній матеріаловъ и разныхъ предметовъ, употребляемыхъ на рус-скихъ желѣзныхъ дорогахъ. Изд. А. С. Суворова. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.
- Аргамакова, С.** Дѣятельность, мечты и разсужденія провинціалки. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
- Бертенсонъ, В.** О выборѣ песчаной почвы для дезинфекціоннаго питомника. Одесса, 1897 г.
- Бертенсонъ, Л.** Бакінскіе нефтяныя промыслы и заводы въ санитарно - вра-чебномъ отношеніи. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Бертранъ, Луи.** Общества взаимной помощи въ Бельгіи. Пер. съ франц. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.
- Betze, Stanislawa.** W Stolicy Pa-
dusza. Warszawa, 1898.
- Брандтъ, А.** Учебникъ зоологіи для студентовъ, приуроченный къ програм-мѣ воспитанія въ государственной физико - математической комиссіи. Съ 524 рисункомъ въ текстѣ. Харьковъ, 1898 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А.** Энциклопедическій словарь. Т. XXII (Олека—Оутсайдеръ). Спб., 1897 г.
- Бутми, Г.** Къ вопросу о денежной ре-формѣ. Одесса, 1897 г.
- Вѣлоусовъ, И. А.** Стихотворенія. Изъ пѣсень о трудѣ. Изд. журн. „Дѣт-ское Чтеніе“. М., 1897 г. Ц. 25 к.
- Варлингъ.** Систематика растений. Въ 2-хъ частяхъ. Перев. съ 3-го датскаго изданія С. И. Ростовцева и М. И. Го-ленкина. Съ предисл. проф. К. А. Ти-мирязева. Ч. 1. М., 1897 г. Цѣна за 2 части 5 р.
- Волковъ, Л.** Адамъ Мицкевичъ, его произведенія. Критико - біографическій очеркъ. Варшава, 1897 г.
- Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его за-дачи,** состоящее подъ Высочайше Ихъ Императорскихъ Величествъ покрови-тельствомъ. Спб., 1897 г.
- Генкель, А.** Краткій очеркъ морфо-логіи и органографіи цвѣтковыхъ расте-ній. Съ прил. 218 рис. въ видѣ отдѣль-ной брошюры. Изд. подвижнаго музея учебныхъ вособій Имп. Русск. Технич. общества. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
- Герръ, Константинъ.** Исторія ох-вой любви. М., 1897 г. Ц. 40 к.
- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусства. Т. III. Вып. X. Съ 4 раскраш. таблицами и 233 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1897 г. Цѣна за 12 вып. 12 р., съ пер. 14 р.
- Гобсонъ, Дж.** Эволюція современнаго капитализма. Исслѣдованіе машиннаго производства. Пер. съ англійскаго подъ ред. А. Свиридовскаго. Ярославль, 1898 г. Ц. 2 р.
- Голубевъ, А. К.** Русскіе банки. Изд. комитета съѣзда представителей банковъ коммерческаго кредита. Спб., 1897 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.
- Городецкій, М. Б.** Подъ землей. Очерки и картинки съ природы. Изд. М. Городецкаго. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
- Гребенюкъ, Е. С.** Совѣты мужчи-намъ и женщинамъ какъ предохранять себя отъ зараженія сифилисомъ и вене-

- рическими болѣзнями. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
- Гюго, Викторъ.** Отверженіе. Романъ. Пер. съ французск. Въ 2 томахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1897 г. Цѣна за 2 т. 3 р. 50 к.
- Гернани. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ (въ стихахъ). Перев. С. С. Татищева. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1897 г. Цѣна 15 к., въ палкѣ 23 к.
- Дегтяревъ, П. Т.** О протавленіи и непротавленіи агу. По поводу положеній гр. Л. Н. Толстого въ письмѣ къ NN. М., 1898 г. Ц. 10 к.
- Дементьевъ, Е. М.** Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ. Изд. Т.-ва Д. И. Сытина. М., Ц. 1 р. 50 к.
- Десятковъ, Г. С.** Къ биографіи Ф. М. Рѣшетинова. Изд. газеты „Волжскій Вѣстникъ“. Казань, 1897 г. Ц. 5 к.
- Дружининъ, Н. П.** Общепонятное законодѣніе. Научно — практическое пособие съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ жалобъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и т. п. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ коллегіи П. Галагана.** Съ 1 октября 1896 года по 1 октября 1897 г. Кіевъ, 1897 г.
- Ермиловъ, В. Е.** Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біографическій очеркъ съ двумя портретами. Изд. ред. жур. „Дѣтское Чтеніе“. М., 1897 г. Ц. 25 к.
- Журналъ владимірской губернской оѣлочной комиссіи.** Владимір-на-Клязьмѣ. 1897 г.
- Жюссеравъ.** Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Пер. съ франц. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества.** Книжка XXI. Омскъ, 1897 г.
- Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества.** Книжка XXII. Омскъ, 1897 г.
- Зачатки народнаго образованія въ Якутской области.** Иркутскъ, 1897 г.
- Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Ч. V. М., 1897 г. Ц. 1 р.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-біографическихъ статей. Ч. I. М., 1897 г. Ц. 1 р.
- Зиммельъ.** Проблемы философіи исторіи. Съ прилож. статьи Вугле: „Зиммельъ о наукѣ морали“. Пер. вождь ред. В. Н. Дянда. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. М., 1898 г. Ц. 60 к.
- Златовратскій, Н. Н.** Сочиненія. Изд. 3-е. Т. III. М., 1897 г. Цѣна за 3 т. 4 р.
- Золотаревъ, Л. А.** Личная и общественная борьба съ развратомъ. Изд. автора. М., 1897 г. Ц. 30 к.
- Извѣдательности московскихъ гороисникъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ за второй годъ ихъ существованія.** Извѣдательности московской городской думы“. Вып. I. За сентябрь 1897 г.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова.** Испанскія сказки: Офоро.—На всякій случай.—Дядя Корыстолюбіе. Съ 9 рис. Пер. М. В. Ватсонъ. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова.** Испанскія сказки: Птица.—Правда.—Маленькая принцесса Нора.—Казильда.—Жена архитектора. Съ 12 рис. Пер. М. В. Ватсонъ. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова:** Перро.—Золушка.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Волшебницы.—Хохликъ. Съ 10 рис. Пер. В. Д. Порововской. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова:** Перро.—Красная шапочка.—Котъ въ сапогахъ.—Спящая красавица.—Синяя борода. Съ 9 рис. портретомъ и биографіей Перро. Пер. В. Д. Порововской. Спб., 1897 г. Ц. 15 к.
- Карасевичъ, С.** Земля и небо. Описание важнѣйшихъ явленій нѣбной области астрономіи въ формѣ разсказовъ для дѣтей средняго возраста. Съ 30 рис. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
- Кейра, Ф.** Характеръ и нравственное воспитаніе. Пер. съ франц. Подъ ред. Р. И. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.
- Кизветтера, А. А.** День царя Алексѣя Михайловича. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. М., 1897 г. Ц. 10 к.
- Кипена, Ал.** Гибридизація и метизація винограднои лозы. Съ 1 таб. рис. Одесса, 1897 г.
- Кирхнеръ, Фридрихъ.** Путь къ счастью. Пер. съ нѣмецк. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 60 к.
- Коллинсъ, Говардъ.** Философія Герберта Спенсера. Въ сокращенномъ изложеніи съ предисловіемъ Герберта Спенсера. Пер. съ англійск. П. В. Мокіевскаго. Изданіе 2-е Павленкова. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій словарь. Вып. XXXII. Изд. К. К. Банза. М., 1897 г.
- Кугушева, Г., князя.** Корнетъ Олестаевъ. Повѣсть. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Лампа, Антонъ.** Силы природы и естественные законы. Ч. II. Съ 8 портретами знаменитыхъ физиковъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.

- Лексисъ, В.** Производство и потребление драгоценныхъ металловъ за послѣднее десятилѣтіе. Пер. съ нѣмц. А. Гурьева. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Линбергъ, А.** Маленькій географическій атласъ. (Съ объяснительнымъ текстомъ). М., 1897 г. Ц. 20 к.
- Линевъ, Д. А. (Далинъ).** Вторая книга „Не сказокъ“. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лопухинъ, А. П.** Промыселъ Божій въ исторіи человечества. Опытъ философско-историческаго обоснованія воззрѣній блаж. Августина и Боссуэта. Спб., 1898 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.
- Льдовъ, К.** Воиющее дѣло. М., 1897 г. Ц. 30 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Бѣлое золото. М., 1897 г. Ц. 50 к.
- Мамонтовъ, И. И.** Указатель владѣній министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельско-хозяйственной и лѣсной части, вышедшихъ со времени учрежденія этого вѣдомства. Спб., 1897 г.
- Нансенъ, Фр.** Во мракѣ ночи и во льдахъ. Въ 2 т. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Цѣна за 2 т. 4 р., съ перес. 5 р.
- Во мракѣ ночи и во льдахъ. Вып. VI. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
- Обзоръ Владимірской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1896 г.** Владимір на Клязьмѣ, 1897 г.
- Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. (1865 — 1897).** Отдѣлъ сельск. экономіи и сельско-х. стат. Сиб., 1897 г.
- Организация Епифанской общины сестеръ милосердія, въ связи съ организаціею борьбы съ эпидеміями въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губ.** Изд. епифанскаго мѣстнаго комитета Краснаго Креста. Тула, 1897 г.
- Осиповичъ, А. (А. О. Новодворскій).** Собраніе сочиненій. Изд. А. П. Батуева. Спб., 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.
- Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ бібліотекъ и народныхъ читаленъ за 1896 г.** Харьковъ, 1897 г.
- Отчетъ о лѣсному управленію министерства земледѣлія и государственн. имуществъ за 1896 г.** Спб., 1897 г.
- Отчетъ коммисіи по организаціи домашняго чтенія за 1896 г. и статистическіе матеріалы о ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг.** М., 1897 г.
- Отчетъ правленія общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія въ Москвѣ за 1896 г.** М., 1897 г.
- Паркеръ, Т.** Лекція по элементарной биологіи. Съ 88 рис. Перев. со 2го англ. изд. В. Н. Львова, М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пейо, Жюль.** О вѣрованіи. Популярно философскіе очерки. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Планъ дѣятельности экономическаго бюро и губернскаго агронома при курской губернской земской управѣ Докладная записка губернскаго агронома Н. М. Катаева. Курскъ. 1897 г.**
- Подгорбунскій, И. В.** Колонка для быстрого умноженія, дѣленія, возвышенія въ степень и извлеченія квадратныхъ корней на счетахъ и письменю. Изд. автора. Спб., 1897 г. Цѣна 22 копейки въ вѣрѣ 1 р. 50 к. и 1 р. 25 к.
- Потѣхинъ, Л. А.** Естественная исторія пчелы. Съ 14 рис. Изд. Г. П. Кондратьева. Спб., 1897 г. Цѣна 50 к. съ пересылкой.
- Пэнъ, С.** Первый всемірный конгрессъ сionистовъ въ Базелѣ. Изд. книжки. маг. Я. Х. Шершава. Одесса, 1897 г. Ц. 35 к.
- Рашевскій, П. И.** Точный способъ опредѣленія времени рубки срубленныхъ деревьевъ. Варшава, 1897 г.
- Ребининъ, Л. А.** Элементарная гігіена и основы анатоміи и физиологіи. Руководство для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1897 г.
- Рейхесбергъ, Н.** Статистика и наука объ обществѣ. Перев. съ нѣмецкаго А. Струве. Изд. ред. журн. „Образованіе“. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.
- Рейснеръ.** Повѣстная русско-нѣмецкая азбука для обученія въ 1 мѣсяцъ нѣмецкому чтенію, письму и разговорю съ образцами письма и картинками. Изд. 12-е. Варшава, 1898 г. Ц. 10 к.
- Рибо, Т.** Психологія чувствъ. Пер. съ франц. М. Гольдомитъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1898 г. Ц. 80 к.
- Роміасъ, С.** Деревня нашего времени. Очерки. М., 1897 г. Ц. 1 р.
- Рубисовъ, К. Н.** Основныя данныя практической алкоолюметріи и ихъ применіе по научнымъ изслѣдованіямъ удѣльныхъ вѣсовъ растворовъ спирта Д. И. Менделѣева. Спб., 1897 г. Цѣна 2 р. съ пересылкой.
- Садовниковъ, Д.** Наши землепроходцы. Рассказы о заселеніи Сибири (1581—1712 гг.). М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Вып. VIII.** Тифлисская губернія (Горійскій и Душетскій уѣзды). Тифлисъ, 1897 г.
- Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губерніи. № 5, май. М., 1897 г.**
- Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губерніи за 1896 годъ. Результаты урожая. Съ 4 картограммами. Орелъ, 1897 г. Ц. 1 р.**
- Сеньобосъ, Шарль.** Политическая исторія современной Европы. Т. I. Переводъ съ французскаго подъ редак.

- В. Поссе. Сиб., 1898 г. Цѣна за 2 т. 2 р. 50 к.
- Скворцовъ, В. М.** Дѣянія 3-го всероссийскаго миссионерскаго съѣзда въ Казани по вопросамъ внутренней миссии и расколосектантства. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р. 20 к. съ пересылкой.
- Случевскій, К. К.** По сѣверо-западу Россіи. Т. I. „По сѣверу Россіи“. Съ картою сѣверн. края, отпечатанною въ 6 красокъ, и 146 рисунк. Изд. А. Ф. Маркса. Сбл., 1897 г. Цѣна за 2 т. 7 р., съ пересылкой 8 р.
- По сѣверо-западу Россіи. Т. II. „По западу Россіи“. Съ картою западнаго края, отпечатанною въ 6 красокъ, и 159 рис. Изд. А. Ф. Маркса. Сбл., 1897 г. Цѣна за 2 тома 7 р., съ перес. 8 руб.
- Смирновъ, В. Д.** Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Биографич. наброски. Сбл., 1897 г. Ц. 1 р.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Основанія психологіи. Печатано съ перваго русскаго изданія, сдѣланнаго въ 1876 году И. И. Бялиннымъ. Части I, II, III, IV, V. Съ таблицею рисунковъ. Изд. П. Д. Ситана. Сбл., 1897 г.
- Справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскаихъ хозяйствахъ. Сбл., 1897 г.
- Старицкій, М. П.** Богдаль Хмельницкій. Историчная драма, въ V-ты дѣяхъ и 6-ты олимпіадахъ, въ апоѳеозомъ. Кіевъ, 1897 г. Ц. 75 к.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи 18-6 г. Вып. I. Сельск. хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1895—1896 сельско-хозяйствен. году. Сбл., 1898 г.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи 1896 г. Вып. II. Начальн. народа. образованіе въ 1895—1896 учебномъ году. Сбл., 1897 г.
- Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губерніи 1896 годъ. Вып. III. Матеріалы по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ селеніяхъ С.-Петербургской губ. Сбл., 1897 г.
- Степановъ, Е. В.** О мѣропріятіяхъ австрійскаго правительства для улучшенія професіон. образованія въ Австріи. Докладъ на 2-мъ съѣздѣ русскаихъ дѣятелей по технич. и професіон. образ. Изд. рех. журн. „Техническое образованіе“. Ц. 30 к.
- Стоддартъ, Вильямъ.** Сынъ оружейника. Перев. съ англ. А. Н. Рожде-
- ственской. Изд. журн. „Дѣтское Чтеніе“ М., 1897 г. Ц. 30 к.
- Страшковичъ, Л.** Очерки. Взгляды Н. А. Милютина на учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Пер. съ польскаго. Сбл., 1897 г.
- Свѣченъ, И.** Физиологическіе очерки. Ч. I. Съ 15 рис. Изд. О. Н. Поповой. Сбл., 1898 г. Ц. 60 к.
- Тезяковъ, Н. И.** Налворъ за эпидеміями въ Воронежской губ. Основанія участія въ этомъ дѣлѣ губернскаго земства.
- Краткій очеркъ состоянія земской медицины въ Воронежской губ. 1896 г. Воронежъ.
- Дифтеритныя эпидеміи въ Воронежской губ. и организація борьбы съ ними, въ связи съ примѣненіемъ сыворотки. Воронежъ, 1897 г.
- Тихоновъ, Вл. А.** Разбитые кумиры. Повѣсть и рассказы. Сбл., 1898 г. Ц. 1 р.
- Уставъ азовской общественной библиотеки. Ростовъ на Д-ву, 1897 г.
- Филипповъ, М. М.** Философія дѣятельности. Исторія и критическій анализъ научно-философскихъ міросозерцаній отъ древности до нашихъ дней. Т. II. Сбл., 1897 г. Цѣна полн. соч. 7 р.
- Царевскій, Ив.** Лучше поздно, чѣмъ никогда (по поводу статей профессора Исаева о земледѣльцахъ изъ образованнаго класса). Кутаисъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Шилтовъ, А. О.** Безсмертін души. Съ прибавленіемъ критическаго разбора статьи проф. А. Данилевскаго: „Живое вещество“. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Щепотьевъ, Ш. К.** Чумныя эпидеміи въ Россіи. Сбл., 1897 г.
- Янсенъ, I.** Экономическое правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Пер. съ 16-го нѣмец. изданія. Изд. О. Н. Поповой. Сбл., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Яснопольскаго, Н. П.** О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи. Ч. II. Кіевъ, 1897 г. Ц. 7 р. съ приложен.
- Приложенія къ изслѣдованію о географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи. Статист. таблицы, картограммы и диаграммы. Кіевъ, 1897 г.
- Ястремскій, Ф.** Краткій очеркъ Минской губерніи въ физико-географическомъ и статистико-экономическомъ отношеніяхъ. Ч. I. Изд. минск. губернскаго стат. комитета. Минскъ, 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“,

I. Книги.

- Велетристика:** „Корнетъ Отлетаевъ“. Повѣсть князя *Г. Курюмова*. — „Собраніе сочиненій А. Осиповича (А. О. Новодворскаго)“. — „Наташъ Мудрый“. *Г. Э. Лессина*, перев. *В. Крылова*. 481
- Педагогика:** „Прибѣрные программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народн. просвѣщенія“. 486
- Критика и публицистика:** „1) Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, ч. 3; 2) Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, ч. 4; 3) Критическіе комментаріи къ соч. А. П. Островскаго, часть 4; Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей; 4) Прибавленіе ко второму изданію двухъ выпусковъ книги: Собран. критическ. матеріал. для изученія произведеній И. С. Тургенева“. *В. Залимскаю*. — Вторая книга „Не скавозъ“ *Д. Л. Липова*. 491
- Исторія, исторія литературы, біографіи:** „Народная русскія сказки“. *А. Н. Аванасьева*. — „Всеобщая исторія литературы“. *И. Шерра*. — „Вольнодумецъ эпохи Возрожденія“. Проф. *Н. И. Стороженика*. — „Очерки по исторіи Пруссіи“. *Э. Лависса*. — „Исторія французской революціи“. *А. Гейс ера*. — „Генрихъ Зибель какъ историкъ и политикъ“. Проф. *В. Бузескула*. 495
- Естествознаніе:** „Исторія воды“. *Эмилъ Буана*. — „Naturgeschichte der Vögel Mitteleuropas“. *Найтманъ*. 500
- Народныя изданія:** Что новаго въ области народной литературы. Изданія *И. Д. Сытина* и *К.*. 502

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, сентябрь. — „Новое Слово“, сентябрь. — „Міръ Божій“, октябрь 506

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1897 г.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ОФЕЛІЯ. (Разсказъ).—В. Г. Австенка	1
II. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гэмлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго. <i>Окончаніе</i>	39
III. У ПОРОГА. (Изъ Маріи Конопницкой). Стихотвореніе.—Мих. Гербановскаго	89
IV. ФИЛЕМОНЪ И БАВБИДА. (Разсказъ изъ временъ крѣпостного права).—И. А. Салова	93
V. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Вергіоля. Переводъ съ французскаго. <i>Окончаніе</i>	118
VI. УБРАЖЪ. Стихотвореніе.—Я. П. Полонскаго	149
VII. ЖЕНА ЦЕЗАРЯ. (Разсказъ).—Е. Шаврова	153
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Саводника	184
IX. НАЧАЛО ПЕРЕДѢЛОВЪ ЗЕМЛИ НА СѢВЕРѢ РОССІИ. <i>Окон-</i> <i>чаніе</i> .—В. В.	1
X. АРМІЯ СПАСЕНІЯ И ЕЯ «СОЦІАЛЬНАЯ СХЕМА». — А. В. Горбунова.	28
XI. КЪ ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНІИ УЧАЩИХЪ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ	61
XII. РУССКІЙ УЧЕНЫЙ ШКОЛЫ ТЭНА. (<i>А. Шаховъ: «Гѣге и его время»</i> . Изд. 2-е. 1897 г.).—П. С. Когана	79
XIII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦІИ И АНГЛІИ.	89
XIV. ПРОГУЛКА ПО СИЦИЛІИ.—М. И. Венюкова	113
XV. НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ.—Вл. Бирюковича.	142
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	161
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	175

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII

МОСКВА.

1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о.
Пензенская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ОФЕЛІЯ. (Разсказъ).—В. Г. Австенка	1
II. ТРЕТЬЯ ПАЛАТА. Романъ Гэмлинъ Гарленда. Переводъ съ англійскаго. <i>Окончаніе</i>	39
III. У ПОРОГА. (Изъ Маріи Бонопницкой). Стихотвореніе.—Мих. Гербановскаго.	89
IV. ФИЛЕМОНЪ И БАВЕИДА. (Разсказъ изъ временъ крѣпостного права).—И. А. Салова	93
V. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА. Романъ К. Верніюха. Переводъ съ французскаго. <i>Окончаніе</i>	118
VI. МИРАЗЖЪ. Стихотвореніе.—Я. П. Полонскаго.	149
VII. ЖЕНА ЦЕЗАРЯ. (Разсказъ).—Е. Шаврова	153
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Саводника	184
IX. НАЧАЛО ПЕРЕДЪЛОВЪ ЗЕМЛИ НА СЪВЕРЬ РОССІИ. <i>Окон-</i> <i>чаніе</i> .—В. В.	1
X. АРМІЯ СПАСЕНІЯ И ЕЯ «СОЦІАЛЬНАЯ СХЕМА». — А. В. Горбунова.	28
XI. ЕЪ ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНІИ УЧАЩИХЪ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛЪ	61
XII. РУССКІЙ УЧЕНЫЙ ШКОЛЫ ТЭНА. (<i>А. Шаховъ: «Гёте и его время»</i> . Изд. 2-е. 1897 г.).—П. С. Когана.	79
XIII. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВО ФРАНЦІИ И АНГЛІИ	89
XIV. ПРОГУЛКА ПО СИЦИЛІИ.—М. И. Венюкова	113
XV. НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ.—Вл. Бирюковича.	142
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	161
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	175

	Стор
XVIII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ «СМОЛЕНСКОМУ ВѢСТНИКУ». — В. А. Гольцова	183
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Женскій медицинскій институтъ. — Женскіе фармацевтическіе курсы. — Новая мѣра по народному образованію. — Продовольственный вопросъ. — Отголоски юбилея Н. Н. Златовратскаго. — Студенческія общезитія въ Москвѣ .	185
XX. ЛЕБЕДИНЫЯ ПѢСНИ ШЕКСПИРА. — И. М. Иванова	196
XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театр»: <i>Борисы</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, Модеста Чайковскаго. — Ан.	210
XXII. ПУТЕШЕСТВІЯ Б. В. СЛУЧЕВСКАГО. («По сѣверо-западу Россіи», два тома съ 2 картами и 305 рисунками, изданіе А. Ф. Маркса). — М. Н. Р.	216
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Публицистика. — Исторія, исторія литературы, мемуары. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Медицина. — Технические книги. — Сельское хозяйство. — Учебники. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь и октябрь. — «Вѣстникъ Европы», ноябрь. — «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь. — «Народное образованіе», ноябрь. III. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1897 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1897 годъ.	527
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

О Ф Е Л И Я .

(Разсказъ).

I.

Прошлое лѣто мнѣ пришлось провести въ Петербургѣ на городской квартирѣ. Семейство уѣхало въ деревню и должно было вернуться не раньше октября. Одиночество мое раздѣлялъ только мой племянникъ, Вадимъ Александровичъ, котораго я переманилъ къ себѣ въ томъ простомъ расчетѣ, что вдвоемъ будетъ все-таки не такъ скучно.

Жили мы совсѣмъ на холостую ногу: при насъ оставался мой старый лакей, по имени Патрикій, служившій когда-то въ поваряхъ, но потомъ бросившій почему-то это хитрое искусство. Онъ готовилъ намъ завтракать и обѣдать, чѣмъ поддерживалась нѣкоторая регулярность жизни. Въ жаркіе дни, впрочемъ, мы рѣдко пользовались его услугами, предпочитая уѣзжать въ какой-нибудь загородный ресторанъ или къ знакомымъ на дачу.

Днемъ у меня были дѣла, а вечеромъ приходилось искать обычныхъ лѣтнихъ развлеченій, ѣздить на елагинскую «стрѣлку», толкаться въ загородныхъ ресторанахъ и театрахъ и изрѣдка винтить у кого-нибудь на балконѣ, причемъ я, плохой игрокъ вообще, слѣдилъ не столько за ходами партнера, сколько за отважными покушеніями комаровъ. И я былъ очень радъ, что пригласилъ Вадима: мыкаться одному мнѣ было бы, я думаю, дьявольски скучно.

Проводя съ нимъ по нѣскольکو часовъ въ день, я невольно наблюдалъ его, присматриваясь къ нему. Можно даже сказать, что я изучалъ его.

Между нами лежала ровно четверть вѣка: ему было двадцать пять лѣтъ, мнѣ пятьдесятъ. Мы принадлежали къ различнымъ поколѣніямъ, различнымъ эпохамъ. Я съ возраставшимъ любопыт-

ствомъ подмѣчалъ всѣ выступавшія въ ежедневныхъ мелочахъ черты его натуры, всѣ выпуклости характера и міросозерцанія. Меня интересовалъ этотъ милый, хорошо воспитанный юноша, съ его какимъ-то особеннымъ, мягкимъ отношеніемъ ко всему въ жизни, съ его преждевременною, пріятною уравновѣшенностью, отличнымъ здоровьемъ и хорошимъ аппетитомъ. Онъ былъ очень не глухъ и, повидимому, недурно учился въ закрытомъ заведеніи, гдѣ кончилъ курсъ четыре года назадъ. Онъ былъ даже начитанъ, и это меня очень удивляло, такъ какъ я рѣдко видѣлъ его съ книгою въ рукахъ. Потому я догадался, что онъ обладалъ удивительною способностью пробѣгать на-скоро самыя тяжеловѣсныя вещи, не задумываясь надъ частностями, но за то отлично улавливая основную идею автора.

Меня приводила въ ужасъ мысль, что онъ точно такимъ же образомъ читалъ нашихъ большихъ писателей. И дѣйствительно, онъ помнилъ характеры, фабулу, но было видно, что ни одна отдѣльная сцена не останавливала его, что онъ не замѣчалъ красокъ, манеры, стиля. Художественная отдѣлка тратилась не для него. И по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ его товарищами, я убѣждался, что всѣ они читаютъ такимъ же образомъ. У всѣхъ обнаруживалась большая воспримчивость къ идеѣ и значительная тупость въ художественной оцѣнкѣ. Впечатлѣніе таланта уносилось безсознательно, и техника никого не интересовала; я думаю, никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что въ литературной работѣ тоже имѣется техника.

Больше всего, впрочемъ, меня удивляло въ Вадимѣ Александровичѣ его ненарушимое, ровное, немножко самодовольное и самоувѣренное безразличіе ко всему на свѣтѣ. Онъ какъ будто не жилъ, а только плылъ по житейскому морю, безопасно повачиваясь на волнѣ и забавляясь ея брызгами. Но это было какое-то благоустроенное, упорядоченное море, на которомъ не бываетъ бурь, а штиль даетъ себя чувствовать только своими пріятными сторонами.

Вадимъ Александровичъ имѣлъ немного: небольшое жалованье, небольшія собственные средства, очень маленькое мѣсто по слугбѣ, съ не совсѣмъ пріятною перспективой повышенія «въ отъѣздъ», куда-то въ чорту на кулички. Но онъ былъ доволенъ. Онъ чувствовалъ, что это въ порядкѣ вещей, что это такъ должно быть, что всѣ молодые люди, кончившіе курсъ въ томъ же заведеніи, устроены совершенно такъ же. Еслибы какая-нибудь случайность вдругъ вынесла его впередъ или въ сторону, онъ, пожалуй

растерялся бы, ему это не понравилось бы. Я догадывался, что все это обозначает очень милую, но несомѣнную ординарность натуры. Это, конечно, меня не удивляло: ординарныя натуры чаще всего встрѣчаются. Всѣ эти молодые люди, его товарищи, то же были пріятныя ординарности. Но меня поражало, что они какъ будто наслаждались, чуть не гордились своею ординарностью. Это былъ культъ предустановленнаго порядка, самозабвеніе внѣшней добропорядочности, тихое упоеніе разграфленнаго существованія. Въ сущности, они оставались все тѣми же воспитанниками закрытаго заведенія, и имъ суждена была вѣчная молодость и свѣжесть благоприличной третьестепенности.

II.

Изучая Вадима Александровича, я интересовался, между прочимъ, и его отношеніями къ женщинѣ. Въ немъ не было той противной откровенности, какою отличается по этой части большинство молодыхъ людей; къ тому же, разница въ возрастъ не допускала, въ разговорахъ со мною, отвратительныхъ изліяній цинизма или безпутнаго бахвальства. Но меня интересовала не фактическая сторона его поведеній, а его субъективное отношеніе къ женщинѣ.

Долженъ сознаться, что я не скоро разглядѣлъ его съ этой стороны. Я уже говорилъ, что въ его натурѣ было очень много мягкости и пріятной уравновѣшенности. Понятно само собою, что въ присутствіи женщины эти качества проявлялись въ немъ съ особенною, очень милою выразительностью. Онъ былъ скромнень и сдержанъ, умѣренно услужливъ, — именно умѣренно, не доводя себя до большого безпокойства, — и обладалъ удивительною способностью ставить разговоръ на уровень ума и образованности женщины. Онъ былъ всегда чуть-чуть, самую малость умнѣе женщины, и всегда вполне ей доступенъ, даже тогда, когда разговаривалъ не съ нею, а только въ ея присутствіи. Я замѣчалъ, что благодаря этому качеству, самымъ различнымъ женщинамъ, отъ свѣтской барыни до обыкновенной искательницы приключеній, было одинаково легко и удобно съ нимъ. Онъ если и показывалъ имъ свое превосходство, то лишь настолько, чтобы заинтересовать ихъ, но ни въ какомъ случаѣ не задѣтъ ихъ самолюбія. Положительно, въ мое время мы не знали этого искусства, и очень часто портили дѣло, показывая себя во весь ростъ своего ума и образованности.

Позднѣе я разобралъ, что въ основѣ маленькихъ интригъ и романовъ Вадима Александровича лежалъ свой особенный, и весьма для меня любопытный, взглядъ на женщину. Я никогда не замѣчалъ въ немъ слѣдовъ юношескаго романтизма. Онъ не былъ циникомъ, но смотрѣлъ на эти вещи съ какой-то чисто-гигиенической точки зрѣнія. Любовь, можно думать, представлялась ему чѣмъ-то среднимъ между спортомъ и режимомъ. Онъ былъ неизмѣнно милъ, когда я наблюдалъ его подлѣ интересовавшей его дамы, но въ концѣ-концовъ нужно было быть смѣлымъ, чтобы не замѣтить въ его ухаживаньи самодовольнаго и осторожнаго эгоизма, вмѣстѣ съ убѣжденнымъ, глубокимъ сознаниемъ мужского превосходства. — «Не я даю тебѣ права на меня, а ты мнѣ даешь права на себя», — вотъ что чувствовалось въ его снисходительно-влюбленныхъ глазахъ, и въ его отзывавшейся лицезрѣемъ почти-тельности. Наблюдая его отношенія къ одной дамѣ, которую я зналъ давно, еще въ дѣвушкахъ, и легкомысліе которой объяснялось несчастными условіями ея семейной жизни, я одинъ разъ не выдержалъ и сказалъ ему:

— Послушай, Вадимъ, ты не уважаешь ее, это гадко.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— А почему же я долженъ уважать ее?—спросилъ онъ.

Вопросъ этотъ поразилъ меня. Вадимъ не могъ не понимать женщины, о которой шла рѣчь. Мы говорили о ней много разъ раньше, и онъ отлично зналъ и ея натуру, и всѣ обстоятельства ея жизни.

— Какъ почему?—возразилъ я.— Потому что она заслуживаетъ уваженія. Ее не порокъ сдѣлалъ легкомысленною.

— Ба, но если фактъ существуетъ!—отвѣтилъ совершенно убѣжденнымъ тономъ мой племянникъ.

Очевидно, ему была безусловно чужда позція реабилитаціи женщины. Для него существовалъ «фактъ». Этотъ фактъ ставилъ въ его глазахъ женщину неизмѣримо ниже его самого, и онъ желалъ пользоваться правомъ не уважать ее. Это было его неотъемлемое мужское право, право мужчины, не обязаннаго оставаться цѣломудреннымъ, и онъ не былъ расположенъ поступиться такимъ правомъ.

Мнѣ непременно хотѣлось довести этотъ разговоръ до конца.

— Значить, всякая женщина, надъ которой тебѣ удалось одержать побѣду, тѣмъ самымъ лишается твоего уваженія?—продолжалъ я.

— Безъ сомнѣнія.

— Хотя бы ты зналъ, что до тѣхъ поръ она была порядочной женщиной?

— Если была, да перестала, значить и не была, а только казалась, — отвѣтилъ Вадимъ.

— Но ради нея самой, ради того, что ея гордости, ея самолюбію нанесена кровавая рана, и жестоко давать чувствовать эту рану? — продолжалъ я.

Вадимъ Александровичъ повелъ на меня глазами съ такимъ выраженіемъ, которое показывало, что этотъ разговоръ перестаетъ ему нравиться.

— Ради ея самолюбія я и буду показывать, что отношусь къ ней съ уваженіемъ, — объяснилъ онъ нехотя.

— А на самомъ дѣлѣ будешь презирать ее?

— До извѣстной степени.

Меня чуть не передернуло.

— Счастливы же твои жертвы, что не подозрѣваютъ этого! — сказалъ я.

Вадима эти слова тоже покоробили.

— Во-первыхъ, уважаемый дядюшка, никакихъ моихъ жертвъ не существуетъ, — произнесъ онъ немножко иронически. — Это жертвы собственной слабости, или... развращенности. А, вторыхъ, вы напрасно думаете, что онѣ не подозрѣваютъ. Напротивъ, очень подозрѣваютъ, и нисколько этимъ не смущаются. На какого чорта имъ мое уваженіе, скажите пожалуйста? Имъ надо, чтобъ я показывалъ, будто уважаю ихъ, и я показываю. И на этомъ мы отлично ладимъ.

III.

Вскорѣ, по поводу одного очень непріятнаго для меня происшествія, мнѣ случилось возобновить этотъ разговоръ.

Какъ-то, въ отсутствіе Вадима, мнѣ подали письмо. На конвертѣ незнакомымъ мнѣ почеркомъ было написано: W. Navourski. Меня зовутъ Владиміромъ, инициалъ могъ быть мой. Въ другое время я, можетъ быть, все-таки воздержался бы вскрыть конвертъ, не наведя справокъ, но тутъ онъ мнѣ попался въ минуту разсѣянности. И подаль его не Патрикій, который непременно самъ дознался бы, кому именно адресовано письмо, а швейцаръ. Словомъ, я поступилъ неосторожно, машинально разорвавъ конвертъ, и очень смутился, увидѣвъ по первымъ строкамъ, что это была записка упомянутой раньше дамы къ Вадиму Александро-

вичу. Дальше я не сталъ читать; мнѣ мелькнула только подпись: Juliette. Но первыя строки выдавали сразу все содержаніе письма. Это былъ крикъ отчаянія, вырванный несомнѣнностью разрыва:— «Вы не пришли вчера, значитъ—все кончено. Вы убили меня, убили мою душу!»

Когда Вадимъ явился къ завтраку, я передалъ ему записку, объяснивъ, какъ все случилось. Онъ немного поморщился, но, кажется, больше отъ самаго письма, чѣмъ отъ моей неосторожности. На мои повторенныя извиненія онъ отвѣтилъ довольно небрежно:

— Полноте, дядя, что-жъ такое? Вѣдь вы знали.

Я сталъ увѣрять, что прочелъ только первыя строки. Онъ тоже перечелъ ихъ и сдѣлалъ движеніе бровями, которое выражало: «Однако и этого довольно». Затѣмъ онъ взглянулъ на меня, какъ бы любопытствуя, что я на все это скажу. И такъ какъ я зналъ Юлію Андреевну, эту Juliette, то счелъ себя вправѣ спросить:

— Разрывъ или только «милые бранятся?»

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Я туда не хожу больше.

Вышло чрезвычайно просто: ходилъ, потомъ пересталъ. Что было возразить на такую простоту?

Мы сѣли завтракать. Вадимъ, однако, казался смущеннымъ, и всегдашняго аппетита у него не было. Это нѣсколько примирило меня съ нимъ.

— Мнѣ очень жаль Юлію Андреевну,—сказалъ я.

— Сейчасъ и мнѣ ее жаль,—отвѣтилъ Вадимъ.—Но вѣдь утѣшится.

— Тѣмъ лучше для нея, если утѣшится.

— И для меня. Непріятно имѣть что-нибудь на совѣсти, хотя бы это былъ предразсудокъ.

— Предразсудокъ?—переспросилъ я.

— Конечно. Претендуютъ всегда на того, кто первый измѣняетъ, а виноватъ-то всегда тотъ, кому измѣняютъ.

— Юлія Андреевна виновата передъ тобой?

— Я ее не обвиняю, но тутъ фактъ. По логикѣ вещей я долженъ бы стремиться снова видѣть ее, а я не стремлюсь. Это и есть фактъ. И потомъ...

Вадимъ приостановился и недовѣрчиво взглянулъ на меня. Я глазами пригласилъ его продолжать.

— Вы, дядя, можете быть, не понимаете этихъ вещей,—заговорилъ онъ снова.— Это глупость, мелочь, но тутъ признакъ.

Скажите, замѣчали вы когда-нибудь, что у нея кончикъ носа потѣетъ; такъ что пудра не беретъ?

Неожиданный вопросъ этотъ изумилъ меня, но тѣмъ не менѣе я отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, и я раньше не замѣчалъ,—продолжалъ Вадимъ.—А потомъ вдругъ сталъ замѣчать. Ясное дѣло, что влюбленность соскочила съ меня. А когда соскочила, значить, надо спасаться.

Онъ, очевидно, рассуждалъ съ своей точки зрѣнія мужского права. Если женщина виновата въ томъ, что уступила мужчинѣ, то, разумѣется, она и во всемъ послѣдующемъ виновата. Это логично.

— Такъ,—процѣдилъ я.—Ну, а скажи, пожалуйста, въ какомъ свѣтѣ тебѣ представляется твоя собственная роль во всѣхъ подобныхъ романахъ? Женщина, ты говоришь, ничего не стоитъ, если поддастся соблазну. На, вѣдь, развратителемъ-то ты являешься? Вѣдь это ты ее обезцѣниваешь, низводишь на степень существа, которое уважать нельзя?

— Я одинъ не могу этого сдѣлать, надо чтобъ въ ней самой существовала наклонность къ пороку,—отвѣтилъ Вадимъ.—Если жнѣ предлагаютъ взятку, почему я не беру ея? Потому что во мнѣ есть твердость быть честнымъ, и презрѣнне къ взяточничеству. А если я возьму, то и уважать меня не за что будетъ.

— Сравненіе не очень удачное,—возразилъ я,—взяточничество всегда означаетъ продажность и корыстность, тогда какъ паденіе женщины часто бываетъ послѣдствіемъ обстоятельствъ, о которыхъ не намъ судить, или же вызывается роковою силой чувства, страсти...

— А все-таки дѣло въ фактѣ,—повторилъ Вадимъ Александровичъ.—Есть фактъ—и кончено. На то и существуетъ вѣчная борьба между мужчинами и женщинами. Наше дѣло нападать, а ихъ—защищаться. Ну, а когда крѣпость взята, то обхожденіе съ побѣжденными становится уже вопросомъ куртуазіи. Мы въ этомъ смыслѣ и бываемъ куртуазны съ женщинами.

И онъ съ серьезнымъ видомъ занялся котлеткой.

IV.

Спустя недѣли двѣ послѣ этого разговора, я сталъ замѣчать гѣкоторую перемену въ моемъ племянникѣ. Онъ не только отказался распоряжаться нашими послѣ-обѣденными прогулками, но и вообще обнаружилъ свойство исчезать по вечерамъ. И настроеніе

его сдѣлалось какое-то нервное: то очень возбужденное, то задумчивое. Будь это кто-нибудь другой, я бы подумалъ, что онъ запуталъ свои денежные дѣла; но съ нимъ это наврядъ ли могло случиться. Проще всего было бы предположить, что онъ влюбился; только я не совсѣмъ довѣрялъ этому, потому что подобные романы мало вліяли на него.

— Скажи пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь по вечерамъ?— спросилъ я его какъ-то послѣ обѣда, замѣтивъ въ немъ въ этотъ день особенно возбужденное состояніе.

Онъ ходилъ передо мной взадъ и впередъ, напѣвая какіе-то водевильные куплеты, и по-временамъ дергая руками по волосамъ, какъ человѣкъ, у котораго голова наполнена чѣмъ-то радостно-тревожащимъ. Мой вопросъ онъ какъ будто слышалъ уже мину-ту спустя послѣ того, какъ я задалъ его. Тогда онъ разомъ остановился и посмотрѣлъ на меня веселыми, блестящими глазами.

— Васъ интересуеть, гдѣ я пропадаю?— спросилъ онъ въ свою очередь.

— И очень. Ты совсѣмъ пересталъ мною заниматься, и я долженъ самъ составлять себѣ программу вечера.

Вадимъ разсмѣялся.

— Прекрасно, дядюшка, сегодня я займусь вами. Но скажите пожалуйста, какого вы мнѣнія о такъ-называемыхъ «открытыхъ сценахъ»? Вы не полагаете, что эта увеселительная спеціальность совершенно недостойна людей съ вашимъ положеніемъ, вашей просвѣщенностью, и такъ далѣе?

— Я полагаю, что сегодня превосходная погода, и я хочу дышать воздухомъ,— отвѣтилъ я.—Если «открытыя сцены» представляютъ достаточныя въ тому удобства, то я ничего противъ нихъ не имѣю. Тѣмъ болѣе, что ты будешь со мною, и я могу тебя выругать, если мнѣ не понравится.

— Мнѣ именно хочется посмотрѣть, понравится ли вамъ,— отозвался Вадимъ, и въ его тонѣ мнѣ послышалась нѣкоторая загадочность.

Черезъ часъ онъ привезъ меня въ увеселительное мѣсто, посѣщаемое весьма разнообразною публикой. Были тамъ люди порядочнаго общества, очевидно, застрявшіе почему-нибудь въ городѣ, и толкалась ошалѣлая толпа, которая мечется по садамъ и театрикамъ, разыскивая свое особое лѣтнее развлеченіе, составленное изъ коньяковъ и хористокъ.

Вадимъ провелъ меня въ мѣста передъ открытой сценой. Я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядывалъ на происходившее лице-

дѣйство. Давали какой-то старинный водевиль, наивный и нравоучительный, какъ басня Лафонтена, но, впрочемъ, забавный. Играли его тоже наивно и прямолинейно, съ развязностью нѣсколько дурного тона, и съ мучительными паузами передъ каждою репликой. Одинъ актеръ, однако, проявилъ много самоотверженія, шлепнувшись съ разбѣга на полъ, и даже очень находчиво подрыгалъ обѣими ногами. Но все-таки я не понималъ, зачѣмъ меня привели сюда.

— Объясни пожалуйста, почему я долженъ смотрѣть это? Что тебѣ вздумалось?—спросилъ я.

— Вамъ не нравится, дядюшка?—переспросилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы смотрѣть это до конца.

Вадимъ передалъ мнѣ свой бинокль.

— Обратите пожалуйста вниманіе вотъ на эту актрису, которая сейчасъ вошла и сѣла на кушетку направо,—сказалъ онъ.— Блондинка, въ синемъ корсажѣ.

Я навелъ бинокль по указанному направленію. Навелъ — и сейчасъ же понялъ моего племянника.

Еслибъ я сказалъ, что передъ нами была женщина необычайной красоты, это было бы мнѣніе, которое можно оспаривать. Строгой, безусловной, пластической красоты я не находилъ въ ней. Ей вредила худоба лица и всего стана и чрезмѣрная, какая-то не живая, фарфоровая бѣлизна кожи. Только удивительный рисунокъ губъ бросался въ глаза своей античной безукоризненностью. Но наружность актрисы во всякомъ случаѣ поражала. Необычайны были ея глаза. Большіе, темно-голубые, немного выпуклые, они прямо приковывали къ себѣ вниманіе. Ихъ сосредоточенное, странное выраженіе словно разливалось по всему лицу. Невозможно объяснить, какое именно было это выраженіе. Въ немъ и глубина чувствовалась, и какая-то холодная прозрачность, и что-то захватывающее до жуткости. Я мысленно подбиралъ сравненія, опредѣленія, и вдругъ сказалъ самъ себѣ: «Офелія!»

У.

Вадимъ сбоку посмотрѣлъ на меня, и на губахъ его мелькнула не то торжествующая, не то насмѣшливая улыбка. Я, наконецъ, опустилъ бинокль и взглянулъ на него.

— Кто это такая? Почему она здѣсь?—спросилъ я.

— Актриса, Лидина по сценѣ,—отвѣтилъ онъ тономъ, въ ко-

торомъ чувствовалась почти гордость, какъ будто онъ показывалъ мнѣ свою собственность. — А почему она играетъ на открытой сценѣ, съ какими-то разношерстными лицедѣями? Потому что она играть не умѣетъ.

— А-а! — протянулъ я, сразу значительно разочарованный этимъ сообщеніемъ.

И дѣйствительно, Лидина играла плохо. Но я замѣтилъ, что она именно не умѣетъ, а не то, чтобъ это была явная бездарность. У нея и тонъ былъ вѣрный, и изящная простота приемовъ, но не было технической рутины, безъ которой нельзя шагу ступить на сценѣ. Оттого въ иные моменты она почти смѣшна дѣлалась, и ее спасали товарищи, кто побойчѣе. И куплеты она тоже пѣла, очевидно, самоучкой, очень красивымъ, но совершенно не разработаннымъ голоскомъ, и порою совсѣмъ не знала, какъ стоять и какъ держать руки. Но глаза, глаза! Они не измѣняли ей въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, ихъ холодная прозрачность словно завораживала, — по крайней мѣрѣ, я лично испытывалъ это ощущеніе, — и вся ея неумѣлость становилась какъ-то необычайно мила, словно такъ и надо было, словно въ этой неумѣлости заключалась частица того влекущаго обаянія, какимъ блистали ее глаза.

— Ну, дяденька, чтѣ скажете? — спросилъ Вадимъ, когда упала полнившая, исполосованная занавѣсь.

— Такъ вотъ гдѣ ты пропадаешь? — отвѣтилъ я другимъ вопросомъ.

— Не скрою, я заинтересовался, и даже очень, — сознался Вадимъ. — Но, вѣдь, въ ней есть что-то любопытное, а?

— Есть.

— Что-то такое, чего я никогда не видалъ.

— Несообразное что-то... Въ глазахъ, не правда ли?

— И въ глазахъ, и вообще... Она престранная, если ее наблюдать.

— А, ты уже производишь наблюденія! Не со свамейки передъ сценой, конечно?

— Да, я немножко знакомъ съ нею.

Вадимъ, говоря это, почему-то отвернулся отъ меня, словно сконфузился. И затѣмъ, не глядя на меня, проговорилъ небрежно:

— Не хотите ли посмотрѣть на нее вблизи? Она-сейчасъ сойдетъ вонъ по той лѣсенкѣ. Тутъ темно, но все таки разглядѣть можно. А насъ никто не увидитъ.

Я не возражалъ и повернулъ виѣстъ съ нимъ въ узенькую аллею, позади театра.

Изъ такъ называемыхъ «актерскихъ» дверей стали появляться артисты и артистки. Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Лидина. На ней теперь была надѣта черная юбка, черный довольно модный кофетъ и простенькая англійская шляпа. Она медленно, какъ двигаются лунатики, спустилась со ступенекъ и пошла впередъ, прямо на насъ. Молодой человекъ съ бритымъ лицомъ, съ накинутымъ нараспашку пальто, вышелъ вслѣдъ за нею и, когда Вадимъ остановилъ Лидину, посмотрѣлъ на насъ обоихъ и на нее чрезвычайно наглыми глазами, усмѣхнулся еще наглѣе и, пройдя, раза два оглянулся на насъ.

Вадимъ представилъ меня Лидиной. Я началъ прямо съ какого-то не очень изобрѣтательнаго комплимента. Она улыбнулась. Это была совсѣмъ особенная улыбка, какою, — мнѣ опять подумалось — должны улыбаться лунатики. И при этомъ она взглянула на меня въ упоръ своими странными глазами. Только такіе глаза и могли смотрѣть такъ открыто, съ какою-то наивною дерзостью и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невинно. Ихъ загадочная прозрачность словно защищала ее.

— Вы совсѣмъ кончили? — спросилъ Вадимъ.

— Совсѣмъ, — отвѣтила она.

— Въ такомъ случаѣ... Дядюшка, мы имѣемъ обыкновеніе послѣ спектакля чайничать вонъ въ томъ павильончикѣ. Съ разрѣшенія мамыши и при ея участіи. Какого вы объ этомъ мнѣнія? — обратился онъ ко мнѣ.

— Что-жъ, отлично, — согласился я.

И мы направились въ плохо-освѣщенный уголокъ сада.

VI.

По дорогѣ, откуда-то, словно изъ куста, вынырнула маленькая старушка и робко присоединилась къ намъ. Это и была мамаша. Она, какъ я узналъ, всегда сопровождала дочку въ театръ и уводила ее домой. По наружности и по туалету она смахивала на чиновницу, получающую пенсію. Только ужъ очень благоговѣйный взглядъ, непрерывно устремляемый на дочь, выдавалъ въ ней мать артистки.

Мы усѣлись вокругъ столика. Лидія очень забавно хозяйничала, роняя ложечки и куски сахару и сохраняя при этомъ свой неестественно-серьезный видъ. Она постоянно на меня взглядывала, быстро и пугливо, какъ дѣти смотрять на чужихъ старшихъ, и, повидимому, очень меня стѣснялась. Это меня удивляло, потому что, въ сущности, чѣмъ же я могъ быть страшень для нея?

Мнѣ гораздо больше хотѣлось поймать ея взглядъ на Вадима: въ своей роли наблюдателя, я искалъ матеріала.

И, наконецъ, я нашелъ его. Отвѣчая на какой-то его вопросъ, она медленно подняла на него глаза, и въ этихъ темныхъ и прозрачныхъ зрачкахъ выразилось что-то рѣшенное, потерянное, отданное, ихъ блестящая синева словно надилаась страстью... Мнѣ какъ будто даже жутко стало, и я невольно оглянулся. На губахъ Вадима играла снисходительная улыбка, но глаза его были потуплены. Старушка, плотно прижавшись къ спинкѣ стула, благоговѣйно смотрѣла въ уголь.

Взглядъ Лидиной тотчасъ перешелъ на меня, и съ такимъ допрашивающимъ выраженіемъ, что я понялъ, почему такъ часто привлекалъ ея вниманіе. Она, очевидно, хотѣла угадать, какое впечатлѣніе производитъ на меня. Ей было нужно это знать, потому что я былъ дядей Вадима и, конечно, долженъ былъ высказать ему свое мнѣніе о ней.

Я улыбнулся, вложивъ въ эту улыбку, сколько умѣлъ, одобренія и сочувствія. И она окончательно утвердила меня въ моей догадкѣ, потому что легкая краска проступила сквозь фарфоровую бѣлизну ея щекъ.

Ничто такъ не сближаетъ, какъ обмѣненная, взаимно понятая улыбка. Мнѣ съ этой минуты показалось, что она больше не стѣсняется меня, а самъ я какъ будто сразу, дружески заинтересовался ею.

— Вы давно уже на сценѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, недавно; года полтора,—отвѣтила она.

— Все въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, въ прошломъ году я была не здѣсь. Я начала играть въ Саратовѣ. Только... тамъ мнѣ не хорошо было, — добавила она, наморщивъ свой низенькій лобъ.

— Притѣсняли васъ?

— Да... очень!

— Не давали ролей?

Она взглянула на меня вопросительно, какъ будто не сразу понявъ это знакомое каждому театральному статисту выраженіе. Вѣроятно, она что-нибудь припоминала.

— Нѣтъ, вообще...—сказала она потомъ.

— А здѣсь вы довольны?—продолжалъ я спрашивать.

Она усмѣхнулась какъ-то на особый ладъ, той усмѣшкой, какая появляется у человѣка, когда онъ находится наединѣ съ самимъ собою, и взглянула на Вадима.

— Да, здѣсь лучше, — отвѣтила она, продолжая глядѣть не на меня, а на Вадима. — Только... и тутъ тоже; это вездѣ.

— Зоя Алексѣевна намекаетъ на преслѣдованія, которымъ подвергается всякая хорошенькая актриса со стороны разныхъ театральныхъ нахаловъ, — объяснилъ Вадимъ.

Я вспомнилъ бритаго, молодого человѣка, вышедшаго вслѣдъ за нею изъ театрика. И какъ нарочно, оглянувшись, я опять увидѣлъ его. Онъ стоялъ передъ входомъ въ нашъ павильончикъ, все такъ же заложивъ руки въ карманы брюкъ, и насмѣшливо усмѣхался своими рѣзко-очерченными губами. Встрѣтивъ мой взглядъ, онъ усмѣхнулся еще наглѣе, и медленно отошелъ.

— Очевидно, первый любовникъ труппы, — кивнулъ я на него Вадиму.

— Нахальная бездарность! — быстро проворчалъ тотъ.

Мнѣ пришло въ голову, что до сихъ поръ я только разспрашивалъ Лидину, но еще не сказалъ ей ни одной любезности.

— Красота имѣетъ свои неудобства, — рискнулъ я, чтобы поправить дѣло.

Она перевела на меня свои большіе глаза, сдѣлавшіеся снова серьезными.

— Какая же красота? — произнесла она совершенно просто и убѣжденно.

— Скромничаете, — улыбнулся я. — Лучше, спросимъ объ этомъ Вадима Александровича.

Племянникъ мой пожалъ плечами.

— Я начинаю думать, что Зоя Алексѣевна въ самомъ дѣлѣ не сознаетъ своей красоты. По ея мнѣнію, она даже совсѣмъ и не хорошенькая.

Я смотрѣлъ на Лидину.

— Развѣ такія бываютъ хорошенькія? — возразила она серьезно.

— Какія же?

— Не знаю. Какія-нибудь особенныя.

— Если не знаете, то повѣрьте намъ. Мы знаемъ.

Она посмотрѣла на меня, потомъ на Вадима, не только безъ всякаго кокетства, но даже печально, словно этотъ разговоръ вызывалъ въ ней непріятныя думы.

— Мнѣ и не надо красоты, мнѣ тяжело было бы съ нею, — сказала она черезъ минуту.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Почему же? — спросилъ я.

Она обернулась ко мнѣ, но глаза ея, направленные прямо на

меня, какъ будто не глядѣли. Это тоже была необъяснимая особенность ея зрачковъ. Вѣроятно, лунатики такъ смотрять, когда впадаютъ въ сонambuлизмъ.

— Почему?—повторилъ я свой вопросъ.

— Такъ. Зачѣмъ... топтать? — проговорила она съ усиленіемъ.

VII.

Эти слова были сказаны съ такимъ выраженіемъ, что мы оба, я и Вадимъ, невольно вздрогнули: У меня даже словно холодъ пробѣжалъ по нервамъ, хотя я хорошенько не зналъ, что именно я понялъ въ ея отвѣтъ.

Но нѣтъ, я не могъ ошибиться. Такой большой, горькій и глубокой смыслъ звучалъ въ ея словахъ, выражался въ ея открытыхъ и не глядящихъ глазахъ, въ скорбной неподвижности ея сжатыхъ губъ, что не было возможности сомнѣваться.

Да, она хотѣла сказать: «Зачѣмъ мнѣ красота, — мнѣ, среди той грязи, въ какой влачится моя жизнь? Красота — это святыня, а мнѣ пришлось бы топтать ее, и это была бы новая мука и лишній позоръ».

Мы съ Вадимомъ взглянули другъ на друга, какъ бы повѣряя себя; и оба поняли, что подумали одно и то же... Въ глазахъ Вадима, мнѣ показалось, даже проступило несвойственное имъ, болѣе глубокое выраженіе. Только старушка не обращала, повидимому, ни на что никакого вниманія и медленно шевелила ложечкой въ чашкѣ. Потомъ она неожиданно заговорила о томъ, что публика всегда очень хорошо принимаетъ Зоюшку, что въ Саратовѣ ей два раза подарки подносили — одинъ разъ браслетъ съ «трилистникомъ», а другой разъ кофейный сервизъ серебряный, хотя она бенефиса не имѣла. Сервизъ онѣ за пятьдесятъ пять рублей продали, потому что на серебрѣ пробы не было, иначе онъ за пятьсотъ пошелъ бы, а браслетъ съ «трилистникомъ» Зоя себѣ оставила, потому что для сцены нужны золотыя вещи, а у нея нѣтъ.

Тутъ она съ нѣкоторой робостью придвинулась ко мнѣ и стала объяснять, что Зоя сама себѣ настоящей цѣны не знаетъ, что другая на ея мѣстѣ давно бы тысячу рублей въ мѣсяцъ жалованья получала, а она не умѣетъ, скромности въ ней слишкомъ много. А ее съ другими актрисами и ровнять нельзя: она дворянка, отецъ ея въ кавалеріи служилъ и долженъ бы эскадрономъ командовать, только съ нимъ несчастье случилось: рыбную кость проглотилъ, и оттого умеръ. Доктора подъ ружой не было, а у фельдшера инстру-

мента такого не нашлось. Поэтому имъ, по-настоящему, большая пенсія слѣдовала бы, такъ какъ эту кость онъ по службѣ проглотилъ, но она никого изъ понимающихъ людей подлѣ себя не имѣла, и какъ это сдѣлать, чтобы большая пенсія вышла, — не знала. Оттого и положили на нихъ двадцать семь рублей въ мѣсяць, а если Зоя замужъ выйдетъ, такъ еще меньше будутъ давать.

Я воспользовался паузой и обратился къ Лидиной съ вопросомъ:

— Вы рѣшили совсѣмъ посвятить себя сценѣ? Вы чувствуете призваніе?

Она посмотрѣла на меня такъ точно, какъ раньше, когда я заговорилъ о ея красотѣ. Даже что-то похожее на испугъ выразилось въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, какъ можно; какое же у меня призваніе! — возразила она. — Я и играть совсѣмъ не умѣю. Такъ, маленькое что-нибудь.

— Никто сразу не умѣетъ; надо научиться, — сказалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ я могу научиться; у меня и способностей нѣтъ, — отрицала она.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Этого не надо говорить, это я сама знаю.

— Извините меня, но мнѣ кажется, что вы ошибаетесь. Я видѣлъ васъ на сценѣ, и мое мнѣніе, что вамъ недостаетъ школы, а способности могутъ обнаружиться, — продолжалъ я.

— Я могу что-нибудь маленькое... — повторила она.

— Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не чувствуете призванія? Неужели вамъ не хочется добиваться чего-нибудь большаго?

— Какъ я буду добиваться? У меня нѣтъ для этого того, что нужно.

— Ваша скромность, — это что-то непреодолимое! — почти съ досадою вырвалось у меня. — Но вы знаете, по крайней мѣрѣ, что у васъ есть голосъ? Вѣдь, голосъ можно обработать. Этимъ нельзя пренебрегать, разъ что вы посвятили себя артистической карьерѣ.

Лидина усмѣхнулась почти весело, точно я сказалъ забавную глупость.

— Это я - то? — возразила она. — Какъ же можно говорить объ артистической карьерѣ! Я и подумать объ этомъ никогда себѣ не позволю. Развѣ можно такъ, ни съ чѣмъ, и вдругъ артисткой сдѣлаться? Я вотъ не знаю, удастся ли мнѣ на зиму въ какую-нибудь труппу устроиться.

И ея лицо опечалилось, глаза неподвижно уставились въ одну точку.

Я что-то отвѣтилъ и отступилъ, предоставляя разговоръ Вадиму. У него въ этихъ случаяхъ являлась находчивость, которой можно было позавидовать.

VIII.

Возвращаясь домой, я съ намѣреніемъ не заговорилъ первый о нашихъ новыхъ знакомыхъ. Мнѣ хотѣлось посмотреть, какъ это сдѣлаетъ Вадимъ, и немножко помучить его терпѣніе.

Мое воздержаніе, конечно, удивляло и нѣсколько затрудняло его. Какъ онъ могъ объяснить его себѣ? Вѣроятно, недостаткомъ впечатлительности, свойственнымъ моему возрасту.

Какъ бы то ни было, онъ выжидалъ не долго, и вскорѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не претендуете на меня, дядюшка?

— За что?—отозвался я.

— А за то, что вы провели вечеръ въ обществѣ... какъ бы это сказать... не вполне, можетъ быть, соответствующемъ вашей серьезности...

— Что за вздоръ!—перебилъ я его.—Напротивъ, мнѣ было очень любопытно познакомиться съ этой Зоей Алексѣевной. Она, кажется, довольно оригинальный экземпляръ. Во всякомъ случаѣ совсѣмъ не похожа на русскихъ актрисъ, какихъ я знавалъ, большихъ и маленькихъ.

— Не правда ли?—съ замѣтной живостью подхватилъ Вадимъ.— Это сразу чувствуется. Она напоминаетъ... нѣтъ, она именно интересна тѣмъ, что никого не напоминаетъ.

— Меня она заставила вспомнить—знаешь, кого?—Офелию,—сказалъ я.

Вадимъ взмахнулъ на меня глазами, задумался на минуту, потомъ воскликнулъ:

— А, вѣдь, правда! Какъ это мнѣ не приходило въ голову?

— Потому не приходило, что ты влюбленъ, а влюбленные не наблюдательны,—замѣтилъ я.

Я ожидалъ, что Вадиму не понравится мое замѣчаніе, и онъ сейчасъ начнетъ оправдываться. Но онъ, напротивъ, повернулся ко мнѣ и произнесъ какимъ-то довѣрчивымъ и блаженнымъ тономъ:

— Влюбленъ? Это очень можетъ быть. Мнѣ самому кажется, что я начинаю немножко влюбляться. Я ни въ одной женщинѣ не встрѣчалъ такихъ влекущихъ странностей.

— Влекущія странности, гм...—повторилъ я,— это что-то хитро, но кажется—вѣрно. Знаешь, вѣдь, у нея немножко сума

жидшіе глаза, и общее выраженіе лица такое же. И между тѣмъ это прелестно.

— Вотъ, вы поняли!—радостно подхватилъ Вадимъ, совсѣмъ поворачиваясь ко мнѣ.—Этого ни у кого не найдешь. Точно какую-то опьяняющую отраву пьешь. Право, когда я... когда намъ случается... ну, однимъ словомъ, вѣдь, мы цѣлуемся же когда-нибудь...

— Ты говоришь?... Я не зналъ. Хорошо.

— Такъ вотъ, у меня является такое ощущеніе, точно ея губы отравлены, — досказалъ Вадимъ и слегка покраснѣлъ, чего съ нимъ никогда не бывало.—Только это какая-то невыразимо-сладкая отравка.

— Ты находишь?—процѣдилъ я равнодушнымъ тономъ, хотя, надо признаться, гдѣ-то внутри у меня шевельнулось не то завистливое, не то ревнивое чувство. Что дѣлать, безъ такого чувства нельзя слышать о чужомъ счастьи, если женщина произвела на насъ впечатлѣніе.

Мы нѣсколько минутъ молчали. Я былъ озадаченъ признаніемъ Вадима, потому что въ его словахъ, въ его голосѣ чувствовалось страстное увлеченіе. «Вотъ въ кого онъ долженъ былъ, наконецъ, серьезно влюбиться!» — думалъ я, не безъ недоумѣнія передъ своевольною и властительною игрою чувства.

Моему воображенію была задана работа. Я дополнялъ, освѣщалъ, додѣлывалъ странный образъ этой Офеліи съ петербургской садовой сцены. Я со стороны, наобумъ, анализировалъ ихъ отношенія, и не могу скрыть, что мнѣ хотѣлось представить ихъ себѣ въ какомъ-то неестественномъ, несообразномъ видѣ, какъ случайный капризъ, обѣщавшій имъ очень глупую, или очень тяжелую развязку. Въ результатѣ этой игры воображенія я даже началъ опасаться за моего племянника.

— Знаешь,—сказалъ я послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—мнѣ кажется, эта Зоя Алексѣевна не совсѣмъ безопасна. Такія натуры способны до крайности сосредоточиваться на своемъ чувствѣ. Если она полюбитъ тебя,—а это непременно должно случиться,—ты встрѣтишься съ трагическою любовью.

— Какъ любовь Офеліи?

— Да, въ такомъ родѣ.

Вадимъ посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ въ глубокое, блѣдное, беззвѣздное небо, и улыбнулся блаженной улыбкой.

— Дядюшка, вы мнѣ пророчите больше, чѣмъ и смѣю мечтать,—проговорилъ онъ.

Я пожалъ плечами.

IX.

Вадимъ сталъ по-прежнему пропадать изъ дому, даже больше прежняго. За обѣдомъ мы теперь оба стали избѣгать разговора о томъ, гдѣ провести вечеръ: онъ—изъ эгоизма, а я потому—что подозрѣвалъ его желаніе отдѣлаться отъ меня. Да онъ и не всегда теперь обѣдалъ дома, что было уже совсѣмъ неделикатно, какъ какъ онъ зналъ мое отвращеніе—обѣдать въ одиночествѣ. Впрочемъ, онъ каждый разъ предупреждалъ меня и извинялся съ такой провинившейся и дѣтски-возбужденной миной, что я не могъ на него сердиться. Въ такихъ случаяхъ я уходилъ въ ресторанъ, и потомъ ѣхалъ куда-нибудь на дачу къ знакомымъ, гдѣ постыднымъ образомъ проводилъ вечеръ за винтомъ на балконѣ, при мигающемъ свѣтѣ лампы, облѣпленной какими-то маленькими сѣрыми бабочками. Это была поѣтическая эмблема, сильно испорченная запахомъ версина... Кажется, никогда въ жизни я столько не винтилъ, но что же мнѣ было дѣлать?

Вадимъ не заговаривалъ со мной о Лидиной, и если я спрашивалъ его полшутя: «ну, какъ дѣла?»—онъ только загадочно улыбался, или отвѣчалъ такимъ же шутливымъ тономъ:

— Какъ вы думаете, дядюшка, вы—пророкъ, или нѣтъ?

Ясно, что дѣла его шли отлично.

Онъ не приглашалъ меня въ «Жарденъ-Бабаре», какъ называлъ увеселительное заведеніе, гдѣ подвизалась Лидина, но разъ необычайно удивилъ меня, объявивъ неожиданно, что «онѣ», то есть Зоя и мамаша, ждутъ насъ обоихъ къ себѣ.

— Меня-то съ какой стати?—возразилъ я.

— Развѣ я васъ не познакомилъ? Зоя сегодня не играетъ, вот мы и посидимъ у нихъ,—отвѣтилъ Вадимъ.

Я согласился, и тотчасъ послѣ обѣда мы отправились.

Лидины (настоящую фамилію ихъ я узналъ позже) занимали нижній этажъ крошечной дачки въ глубинѣ двора. Насъ приняли въ первой комнатѣ, убранной довольно скудно. Піанино, очевидно, взятое на прокатъ, занимало почти половину ея. На кругломъ столѣ валялись тетрадки съ переписанными ролями и стояла большая коробка конфетъ, въ происхожденіи которой я заподозрилъ Вадима и, кажется, не напрасно.

Старушка сидѣла у огня и ничего не дѣлала. Она тотчасъ принялась жалобно и слезливо сѣтовать. Оказалось, что Зоя не играла сегодня не случайно, а потому что вчера произошелъ какой-то скандалъ за кулисами. Потомъ сама Зоя вышла изъ другой комна-

ты, своей автоматической походкой, съ болѣе чѣмъ всегда сосредоточеннымъ выраженіемъ своихъ странныхъ и прелестныхъ глазъ. Разговоръ продолжался все о вчерашнемъ событіи. Я долго не могъ разобрать, какъ и что именно случилось: всѣ чего-то недоговаривали, а лицо Вадима приняло недовольный видъ. Повидимому, дѣло не обошлось безъ его участія. Сначала, сколько я могъ понять, произошло непріятное столкновеніе между Зоей и первымъ любовникомъ труппы, тѣмъ самымъ бритымъ молодымъ человѣкомъ, который такъ нагло посматривалъ на насъ, когда мы пили чай въ садикѣ. Потомъ, очевидно, произошло вмѣшательство Вадима, но какъ именно оно выразилось, я не узналъ. Въ результатѣ, явилась неясность положенія Зои и возможность удаленія ея изъ труппы.

Все это мнѣ мало нравилось. Прежде всего, я рѣшительно не зналъ, для чего меня пригласили; мнѣ черезъ четверть часа сдѣлалось совсѣмъ скучно. Во-вторыхъ, я былъ недоволенъ Вадимомъ и даже опасался за него. Неужели онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что принужденъ былъ вмѣшиваться въ загулисныя дрызги балаганной труппы? Это свидѣтельствовало объ очень серьезномъ увлеченіи съ его стороны, а я не предвидѣлъ отъ этого ничего хорошаго.

Между Зоей и Вадимомъ чувствовалось что-то напряженное: они или въ ссорѣ были, или имъ обоимъ хотѣлось переговорить другъ съ другомъ. Последнее предположеніе мое вскорѣ оправдалось. Старушка, среди оханья, вспомнила о самоварѣ.

— Я пойду посмотрю, — сказала Зоя, и вышла.

Черезъ нѣсколько минутъ Вадимъ, постоявъ съ невинно-задумчивымъ видомъ передъ раскрытою дверью въ садъ, юрнулъ туда. Мамаша тотчасъ задумалась и стала водить пальцами надъ бровями, точно хотѣла разгладить морщины на лбу. Потомъ начался разговоръ объ отставномъ подполковникѣ, о которомъ я уже совершенно достаточно слышалъ при нашемъ первомъ знакомствѣ.

Время, между тѣмъ, шло; молодые люди не появлялись. Приготовленій къ чаю тоже не было замѣтно. Я начиналъ злиться. Ужъ не притащили ли меня сюда для того, чтобъ я занималъ старуху, пока влюбленные будутъ объясняться между собою?

Х.

Я рѣшилъ покончить съ этимъ глупымъ положеніемъ и, объявивъ, что иду отыскивать молодежь, вышелъ въ садъ. Тамъ уже начинались сумерки и подъ деревьями тѣни густо темнѣли. Садъ

былъ общій съ большой дачей и тянулся довольно далеко. Это даже былъ не садъ, а скорѣе часть парка. Я прошелъ широкую проезжую аллею, на мягкомъ грунтѣ которой видѣлись колеи отъ колесъ; по этой дорогѣ обыкновенно дворникъ возилъ воду. Шаговъ моихъ не было слышно. Блѣдное, тусклое небо, безъ блеска и безъ тьмы, просвѣчивало свозъ жидкія верхушки березъ, на которыхъ чернѣли воронья гнѣзда. Въ отсырѣвшемъ воздухѣ тупо и жалостно раздавалось иногда голодное карканье.

Я все шелъ и вдругъ услышалъ, словно какъ позади себя, знакомые голоса. Обернувшись, я разглядѣлъ бесѣдку, мимо которой только что прошелъ. Тамъ свѣтлѣло сиреневое платье Зои и обрисовывалась, стоя, фигура Вадима.

Повидимому, я попалъ къ концу большого разговора, потому что услышалъ фразу Вадима:

— Наконецъ, ты вѣришь мнѣ? Ты знаешь, что я тебя люблю, какъ никогда никто не любилъ тебя? Что для моей любви не существуетъ ни предразсудковъ, ни препятствій?

«Однако, чортъ возьми!» — мысленно произнесъ я и хотѣлъ облизнуть племянника.

Но меня невольно заинтриговало молчаніе, наставшее послѣ его словъ. Зоя не отвѣчала. Я видѣлъ только, какъ она подняла голову, и потомъ медленно, словно какая-то вѣшняя сила плавно подняла ее со скамьи, вытянулась во весь ростъ (она мнѣ видна была сбоку) и высоко протянула руки. Что-то своеобразно-жуткое было въ этомъ движеніи и во всей ея позѣ. Я словно замеръ и не могъ оторвать глазъ отъ нея. Ея руки, съ обращенными внизъ кистями, поднялись еще выше.

— Что ты такое спрашиваешь? Я съ первой минуты отдала тебѣ душу. Ты моя жизнь и смерть! Пока ты меня любишь, я живу; разлюбишь — умру... — произнесла она тихо и глухо.

И вдругъ ея поднятыя руки притянули его, и она приникла къ нему всѣмъ тѣломъ, беспомощная и безвольная...

«Чортъ знаетъ, на какую чувствительную сцену я наткнулся», — мысленно произнесъ я съ досадой.

На этотъ разъ, къ моей досадѣ не примѣшивалось ни ревниво, ни завистливаго чувства. Напротивъ, что-то мнѣ вдругъ, разомъ, не понравилось въ Зоѣ. Красота ея движенія, ея позы и ея глухо сказанныя слова произвели на меня странное, почти не пріятное впечатлѣніе: во всемъ ея существѣ чудилось что-то слишкомъ трагическое, ненормальное, вѣявшее холодомъ на нервы. Буд

я на мѣстѣ Вадима, мнѣ бы страшно стало такой женщины, и ничего больше...

Я повернулся и быстро пошелъ въ домъ. Тамъ уже успѣли подать самоваръ, а вскорѣ вернулась и молодежь. Лицо Зои было блѣдно и почти прозрачно, точно на немъ еще лежалъ больной блескъ петербургскихъ сумерекъ. Потомъ оно понемногу стало разгораться пятнами. «Отъ поцѣлуевъ», — подумалъ я. А Вадимъ былъ радостно-сосредоточенъ, и въ глазахъ его то и дѣло вспыхивалъ тотъ особенный огонекъ, который замѣчается только у влюбленныхъ и счастливыхъ...

Мы принялись за чай. Зоя хозяйничала очень разсѣянно, разроняла ложечки, чуть не обварила себѣ руку кипяткомъ и, наконецъ, бросила все и велѣла Вадиму доливать ставаны. Присѣвъ бокомъ къ столу, она низко наклонилась надъ коробкой съ конфетами и принялась перебирать ихъ щипчиками, надкусывать и бросать назадъ въ коробку. Потомъ пересѣла на диванъ, прямо противъ Вадима, и осталась тамъ неподвижно, не сводя съ него устремленнаго въ упоръ взгляда. Но что это былъ за взглядъ! Казалось, вся душа ея глядѣла изъ расширенныхъ зрачковъ, тянулась къ нему... Мнѣ невольно припоминалось ощущеніе, пронизавшее меня въ саду, и опять почудилось во всемъ существѣ Зои что-то пугающее, жуткое, предостерегающее и влекущее въ одно и то же время...

Вадимъ только мелькомъ 스кользилъ по ней глазами; его какъ будто стѣснялъ ея напряженный, неотрывающійся взглядъ. То есть, собственно говоря, стѣснялъ его я, съ любопытствомъ наблюдавшій за обоими.

Старушка подъ конецъ опять свела разговоръ на закулисныя неспрiятности.

— Какъ-то завтра-то? Будешь ли занята? — жалостно прошамкала она.

Зоя, не глядя на нее, приподняла колѣно и обхватила его руками.

— Ахъ, мама, это же такіе пустяки! — проговорила она равнодушно, съ балованною дѣтскою пѣвучестью.

Я первый сталъ прощаться. Зоя встрепенулась, точно съ нея столбнякъ соскочилъ, и поблѣднѣла еще больше. Она вышла насъ провожать. Въ дверяхъ она взяла руку Вадима и оставила ее въ своей, пока мы разговаривали всѣ трое на крыльцѣ, поджидая коляску. Глаза ея по-прежнему не отрывались отъ него, и въ этомъ взглядѣ точно музыка была, точно трепетала какая-то безконеч-

ная, тонкая, пронизывающая нота... И мнѣ чудилось, будто эта нота выпѣвала ея слова: «жизнь и смерть!»

Мы, наконецъ, усѣлись въ экипажъ и тронулись, махая шляпами. А Зоя стояла на невысокомъ крылечкѣ, неподвижная, и вся сіяла какимъ-то тихимъ и торжественнымъ сіяніемъ, какъ сіяютъ ираморныя изваянія, когда на нихъ упадетъ ненарокомъ блескъ мѣсяца.

XI.

Вадима я опять сталъ видѣть только за обѣдомъ, и то не всегда. Онъ меня удивлялъ несвойственной ему измѣнчивостью настроенія: то прїѣдетъ веселый, возбужденный, напѣваетъ, болтаетъ, глаза блестятъ какъ угольки, а то вдругъ найдетъ на него задумчивость, брови хмурятся, плохо ѣсть, и если не уѣдетъ сейчасъ послѣ обѣда, то уйдетъ въ свою комнату и тамъ лежитъ, а потомъ выйдетъ въ садъ и бѣгаетъ цѣлый часъ по всѣмъ дорожкамъ, заложивъ руки въ карманы, словно озябшій.

«Попался, наконецъ, и, кажется, не совсѣмъ удачно, — думалъ я о немъ не безъ нѣкотораго сожалѣнія. — Но это скоро сошочить съ него, — добавлялъ я тутъ же, — лишь бы только не успѣлъ надѣлать глупостей до тѣхъ поръ». И когда однажды Вадимъ прибѣгнулъ къ займу у меня, — ему понадобилось триста рублей, которые онъ будто бы проигралъ въ карты, — я, признаюсь, подумалъ: «кажется, глупости начинаются».

Вскорѣ послѣ того случилась болѣе странная неожиданность. За часъ до нашего обѣда ко мнѣ вошелъ Патрикій и съ загадочнымъ видомъ доложилъ, что пришла барышня.

— Какая барышня? — изумился я.

— Не могу знать-сь. Барышня. Я думалъ такъ, что къ Вадиму Александровичу, и говорю имъ: дома ихъ нѣтъ, а онъ ничего не сказалъ и пошелъ въ гостиную. Цвѣты принесли.

— Цвѣты?

— Живые-сь.

Я пожалъ плечами и всталъ. Въ гостиной, дѣйствительно, была посѣтительница. Она сидѣла у круглаго стола и перебирала порядочную массу цвѣтовъ, принесенныхъ въ корзинокъ.

И тотчасъ узналъ Зою.

На ней была простенькая шляпа сапоtiегъ съ желтой лентой и сиреневый шелковый корсажъ съ черной юбкой. Коротенькая нарядная дамочка рядомъ на стулѣ. Блѣдно-золотистые волосы ея не

были подобраны и спускались на спину пушистой, рассыпающейся волной.

На мое привѣтствіе она улыбнулась той особенной, блаженной улыбкой, которую я разъ уже подмѣтилъ въ ней и въ которой мнѣ чудилось такое же странное выраженіе, какъ и въ ея глазахъ. Удивленія, звучавшаго въ моихъ словахъ, она, очевидно, совсѣмъ не замѣтила; напротивъ, она держала себя такъ, какъ будто уже сто разъ бывала тутъ.

— Вамъ захотѣлось навѣстить Вадима Александровича, конечно? — сказалъ я.

Она опять подняла на меня глаза, молча улыбнулась и кивнула головой. Руки ея, перепачканныя зеленью, продолжали медленно перебирать цвѣты. Тутъ были незабудки, колокольчики, фіалки, ландыши, еще какіе-то желтые и лиловые цвѣтки, вообще все то, что можно найти въ петербургскихъ окрестностяхъ въ первой половинѣ лѣта.

— А Вадима Александровича нѣтъ дома, онъ въ это время всегда на службѣ, — сказалъ я.

Она утвердительно кивнула головой и произнесла:

— Онъ придетъ.

Чортъ возьми! Я самъ былъ того же мнѣнія, что онъ придетъ. Но, тѣмъ не менѣе, мое положеніе представлялось мнѣ до крайности глупымъ. Чтò означало это странное посѣщеніе? Вадимъ былъ настолько корректенъ по отношенію ко мнѣ, что, живя въ моей квартирѣ, не сталъ бы приглашать героиню своего романа къ себѣ. Для него—я былъ увѣренъ—это представить совсѣмъ непріятную неожиданность. А странная манера Зои, ея загадочная, блуждающая, блаженная улыбка, ея свѣтящійся тусклымъ блескомъ взглядъ, напоминающій взглядъ лунатика подъ лучами мѣсяца, — все это наводило на меня какое-то болѣзненное, жуткое ощущеніе.

Но не могъ же я посоветовать ей уйти домой! Пусть Вадимъ вышутываетъ насъ обоихъ, какъ знаетъ. Я рѣшился покориться своему положенію и, придвинувъ себѣ стулъ, сѣлъ прямо противъ Зои.

XII.

Не знаю, чтò именно она дѣлала съ цвѣтами. Ея длинные, тонкіе пальцы перебирали ихъ, складывали большими пучками, потомъ начинали раздѣлять ихъ, подлаживая одинъ къ другому,

какъ будто она собиралась плести вѣнокъ; потомъ она схватывала какой-нибудь цвѣтокъ, наклонялась, откусывала стебелекъ — серьезно, молча, съ лишенной выраженія, блуждающей улыбкой. Я слѣдилъ за нею, и мнѣ все больше казалось, что въ этой улыбкѣ, въ глазахъ, въ молчаливыхъ движеніяхъ, проникнутыхъ какою-то блаженною покорностью, во всемъ существѣ ея, было что-то ненормальное.

— Это для Вадима Александровича? — сказалъ я.

Она чуть-чуть усмѣхнулась и кивнула головой.

— Гдѣ вы нашли столько цвѣтовъ?

— Тамъ! — отвѣтила она и махнула рукой на огно. — Я цѣлое утро ходила въ паркѣ, потомъ ушла въ поле, далеко... Теперь тамъ много цвѣтовъ.

— Онъ счастливецъ, Вадимъ, — молвилъ я.

Она подняла на меня глаза и опять усмѣхнулась своей странной улыбкой, въ которой не было смѣха.

— Почему? — спросила она.

— Вы любите его! — сорвалось у меня.

Она утвердительно наклонила голову. Въ этомъ отвѣтѣ было столько простоты, что я опять подумалъ о ненормальности ея разсудка. Иногда только помѣшанные бываютъ совершенно просты и искренни...

— И вы — счастливы? — продолжалъ я.

Она не тотчасъ отвѣтила. Ея плечи сжались, она вся подвинулась къ спинкѣ стула, движенія ея рукъ стали медленнѣе. Странный, мерцающій блескъ залилъ ея зрачки.

— Это не счастье, это что-то другое. Этого назвать нельзя... — заговорила она тихо, и все лицо ея медленно разгоралось. — Это... знаете, что такое? Я умерла, совсѣмъ умерла, и вся моя жизнь умерла, и потомъ я снова родилась. Ничего, ничего того нѣтъ, что было. Ахъ, какъ прежде было гадко! Какая я была несчастная, ничтожная, презрѣнная... Да, меня всѣ презирали, топтали... Я среди всѣхъ была самая послѣдняя. Но это умерло, и я сама умерла. Онъ сейчасъ придетъ, вы знаете?

Послѣднія слова она бросила совсѣмъ другимъ, строгимъ и торжествующимъ тономъ.

Мнѣ дѣлалось все болѣе не по-себѣ. Подозрѣніе, что Зоя находится въ ненормальномъ состояніи, все сильнѣе укоренялось во мнѣ. И странно — это не особенно меня удивляло. Я какъ будто ожидалъ этого.

— О, какой онъ чудный! Какая доброта въ его глазахъ, когда

онъ смотритъ на меня... Вѣдь онъ одинъ, только онъ одинъ умѣетъ такъ смотрѣть! — продолжала она, блаженно поводя плечами, какъ дѣлаютъ дѣти, когда имъ очень хорошо. — Опъ далъ мнѣ жизнь. Онъ мой богъ. Я родилась для него...

Но вдругъ глаза ея потускнѣли, все лицо какъ будто разомъ осунулось, въ образовавшейся между бровями складкѣ выразилось что-то страдальческое.

— Почему онъ не пришелъ вчера? — проговорила она съ внезапною тоскою. — Какъ могъ онъ не прійти, когда онъ такъ любитъ меня? Вѣдь для него я умерла, и для него родилась. Какъ я ждала его! Цѣлый день я плела для него вѣнокъ, чтобы положить ему на голову. И солнце вчера такъ долго, такъ долго не садилось. Я пошла ему навстрѣчу, и все шла, все шла, пока мои ноги не ступили въ воду. Какъ холодно мнѣ стало... Это не отъ воды, а отъ мѣсяца. Онъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и такимъ ледянымъ свѣтомъ обливалъ меня. Я заплакала и бросила въ воду вѣнокъ. Потомъ мнѣ его жалко стало, этого вѣнка. Но онъ не пошелъ ко дну, онъ зацѣпился за иву, и такъ близко — можно рукой достать. Я сегодня пойду туда и возьму его назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не ходите, вы утонуть можете, — прервалъ я ее, не на шутку перепуганный. — Вы сплетете другой вѣнокъ, вотъ изъ этихъ цвѣтовъ.

Она посмотрѣла на меня и усмѣхнулась.

— Ай, ай, какой вы хитрый, какой хитрый! — проговорила она и погрозила мнѣ пальцемъ.

ХІІІ.

Въ эту минуту быстрыми шагами вошелъ къ намъ Вадимъ. Очевидно Патрикій уже сообщилъ ему о «барышнѣ», и онъ казался встревоженнымъ и смущеннымъ. Наскоро поздоровавшись со мною, онъ прямо подошелъ къ Зоѣ и проговорилъ съ замѣтною досадою:

— Вы здѣсь? Какимъ образомъ?

Она слегка поблѣднѣла, — я замѣтилъ, что она всегда блѣднѣла, когда онъ прямо обращался къ ней, — встала и молча, съ виноватымъ видомъ, обвила его шею руками. Мнѣ видны были ея глаза. Въ нихъ выражалась сосредоточенная, пугливая, безумная страсть...

— Съ какой стати вы сюда пріѣхали? Развѣ можно мѣшать дядѣ? — строго сказалъ Вадимъ.

— Милый, ты пришел! Я знала! — проговорила Зоя, прижимаясь къ нему всѣмъ своимъ тонкимъ тѣломъ, словно ища у него защиты противъ него самого.

Обращеніе Вадима показалось мнѣ грубымъ.

— Ничего, Зоя Алексѣевна нисколько не помѣшала мнѣ, — сказалъ я. — А теперь я самъ не буду вамъ мѣшать.

И я хотѣлъ уйти. Вадимъ поспѣшно остановилъ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка, мы васъ покидаемъ. Черезъ четверть часа я вернусь, и мы будемъ обѣдать, — объявилъ онъ.

Затѣмъ, повернувшись къ Зоѣ, онъ добавилъ все тѣмъ же строгимъ тономъ:

— Пойдите на минуту въ мою комнату, мнѣ надо поговорить съ вами.

Зоя послушно пошла за нимъ, тотчасъ же забывъ обо мнѣ.

Прошло минутъ десять. Я слышалъ, какъ дверь на лѣстницу открылась и захлопнулась. Потомъ опять прошло нѣсколько минутъ, и Вадимъ появился одинъ. Онъ былъ взволнованъ и крѣпко пожалъ мнѣ руку горячей рукой.

— Ради Бога извините, дядюшка! Мнѣ до крайности непріятно. Но я, право, ничѣмъ не виноватъ, — проговорилъ онъ, избѣгая смотрѣть на меня.

— Полно, пожалуйста! — остановилъ я его. — Развѣ можно претендовать на бѣдную дѣвушку, которая въ такомъ... въ такомъ ненормальномъ состояніи?

Вадимъ быстро вскинулъ на меня глазами, и краска разомъ густо залила его лицо.

— Вы замѣтили? — проговорилъ онъ съ волненіемъ.

— Да, замѣтилъ

Вадимъ опустился въ кресло и поставилъ локти на столъ. Я видѣлъ, что онъ неровно и тяжело дышалъ. Очевидно, вся эта романтическая исторія серьезно удручала его.

— Что мнѣ дѣлать, дядюшка? — произнесъ онъ почти съ отчаяніемъ въ голосъ.

Я пожалъ плечами, ожидая отъ него какихъ-нибудь поясненій. Что я могъ сказать, ничего не зная?

— Мнѣ не хотѣлось посвящать васъ въ эти печальныя подробности, — продолжалъ Вадимъ, — но разъ что вы сами видѣли, тѣмъ лучше. Я съ признательностью воспользуюсь вашей опытностью. Помогите, посоветуйте. Самъ я совершенно растерялся и ничего не могу придумать.

— Прежде всего объясни, куда ты дѣвалъ ее? — спросилъ я.

— Усадилъ съ знакомымъ извозчикомъ и велѣлъ отвезти ея ней домой. Доѣдетъ она безопасно.

— Но не совсѣмъ безопасно оставлять ее тамъ на полной свободѣ,—замѣтилъ я.—Она бродить по вечерамъ Богъ знаетъ гдѣ, попадаетъ въ воду, собирается доставать вѣнокъ, повисшій на ивѣ надъ рѣкой... Вѣдь такъ десять разъ утонуть можно.

— Что же дѣлать? Научите!—воскликнулъ Вадимъ.

Онъ имѣлъ такой растерянный, удрученный видъ, что мнѣ стало жаль его.

— Давно это началось?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не очень давно,—отвѣтилъ Вадимъ.—То-есть, собственно говоря, въ ней всегда замѣчалось много страннаго. Мнѣ сдается, что и вамъ она съ перваго же раза показалась... въ такомъ родѣ. Помните, въ саду?

Я кивнулъ головой.

— Но затѣмъ, въ послѣднее время... Все это не очень легко объяснить, не касаясь нѣкоторыхъ подробностей. А вамъ, дядюшка, пора обѣдать: я видѣлъ, Патрикій пронесъ суповую вазу. Я посижу съ вами за столомъ,—ѣсть мнѣ не хочется,—соберусь съ мыслями, и, если вамъ не очень скучно покажется, мы поговоримъ.

— Отлично,—согласился я, и мы перешли въ столовую.

XIV.

Послѣ обѣда Вадимъ, выкуривая папироску за папироской, ходилъ безпокойными шагами по моему кабинету. Я помогъ ему возобновить прерванный разговоръ.

— Какого ты мнѣнія о консультаціи съ какимъ-нибудь извѣстнымъ психіатромъ?—спросилъ я.

Вадимъ пожалъ плечами.

— А вы вѣрите, чтобы въ подобныхъ случаяхъ медицина могла что-нибудь сдѣлать?—возразилъ онъ.—Если будетъ необходимо, ее посадятъ, это само собою. Но, мнѣ кажется, дѣло еще не зашло такъ далеко. У нея состояніе экзальтаціи, больше ничего. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно сойти съ ума отъ такой причины?

— Я не знаю причины,—замѣтилъ я.

— Да другой причины нѣтъ, какъ... любовь, — проговорилъ Вадимъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ. — То-есть, собственно говоря, особыя свойства характера, вмѣстѣ съ условіями жизни, съ обстоятельствами прошлаго...

— А, у нея есть прошлое,—сказалъ я.

Вадимъ сѣлъ въ кресло, въ полоборота ко мнѣ, взялъ въ руки какую-то брошюрку и свернулъ ее въ трубку.

— Бывая у нихъ очень часто, я, конечно, долженъ былъ кое-что узнать,—заговорилъ онъ.— Не очень много, впрочемъ, потому что никогда не спрашивалъ. Больше догадывался, чѣмъ узнавалъ. Про отца Зои старуха вамъ рассказывала. Фамилія его была Пустовскій. Повидимому, это былъ строевой армейскій офицеръ, спившійся съ кругу. Жили они грязно, нищенски, по-цыгански. Когда онъ умеръ, вдова и дочь очутились въ самомъ отчаянномъ положеніи. Пришлось перебиваться крошечной пенсіей, жить еще бѣднѣе, унижаться до подачекъ, до попрошайства. Зоя не могла, разумѣется, получить никакого образованія; выучилась только читать и писать, да урывками, случайно, схватила кое-что изъ музыки. Мать, вы сами видѣли, глупа какъ тряпка. Бромъ трущобныхъ понятій и привычки къ безалаберности—ничего. Между тѣмъ Зоя подросла, изъ нея вышла хорошенькая дѣвушка. Воспитанія она не имѣла никакого, и даже никакихъ человѣческихъ понятій: у нихъ у обѣихъ всю душу съѣло чувство униженности, ничтожества, бессмысленнаго страха передъ всѣми и каждымъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ... словомъ, Зою постигла обыкновенная участь. Какой-то мѣстный меценатъ обольстилъ ее.

— А-а!—протянулъ я.

— И сколько я могъ понять, — продолжалъ Вадимъ,—случилось это какъ-то бессмысленно, какъ и все въ ихъ бессмысленномъ существованіи. Ни порока, ни даже расчета тутъ не было, а просто какое-то подлое чувство своего человѣческаго ничтожества, составляющее всю натуру старухи. Не смотрите, что она прихвастнуть любить, и о талантахъ дочери говорить съ благоговѣніемъ: это у нея напускное, и уже потомъ явилось, отъ знакомства съ театральными мамашами, а природа у нея какая-то изумительно хамская. Она и теперь, когда на большую дачу генералъ въ коляскѣ прѣзжаетъ, привстаетъ изъ почтительности у своего окна. Ну, а вы знаете, что у насъ, особенно въ провинціи, главное удовольствие—презирать и надругаться. И онѣ обѣ, повидимому, привыкли такъ и считать, что къ нимъ можно относиться съ презрѣніемъ и надругательствомъ. Какъ это все отразилось на ихъ жизни, на развитіи Зои, можно догадаться. Года полтора назадъ ее случайно впахнули въ провинціальную трущобу. Тамъ, конечно, она не сумѣла поставить себя. Человѣка, который разглядѣлъ бы

ея способности, задатки, не нашлось. А у нея натура очень способная, можетъ быть даже богатая, увѣрю васъ.

— Не увѣрай, я вѣрю, — сказалъ я.

Вадимъ развернулъ и опять свернулъ въ трубку брошюрку, которую держалъ въ рукѣ. Очевидно, онъ подошелъ къ той части разсказа, которая наиболѣе затрудняла его. Но теперь мнѣ ничего не стоило прійти къ нему на помощь.

— Не надо обращаться къ психіатру, — сказалъ я, — чтобы понять остальное. Эту дѣвушку, у которой, какъ ты выразился, чувство униженности вытравило душу, судьба столкнула наконецъ съ порядочнымъ человѣкомъ, отнесшимся къ ней не только безъ презрѣнія и надругательства, но съ внезапной и сильной вспышкой страсти. Ты въ нее влюбился. И эта любовь, и ты самъ — все это было для нея страшно ново. Ты показался ей богомъ, — она такъ и называетъ тебя, — а твоя страсть — огненной купелью, въ которой она — бѣдная, униженная, подавленная своимъ ничтожествомъ и позоромъ — быстро сгорѣла. Нервы не выдержали — противоположности были слишкомъ рѣзки.

Вадимъ наклонилъ голову.

— Но развѣ я виноватъ? — сказалъ онъ.

Я не отвѣчалъ. Въ самомъ дѣлѣ, былъ ли онъ виноватъ? Пока, можетъ быть, нѣтъ. Но дальше?

— Мое чувство было совершенно искреннее, я не обманывалъ ее, — добавилъ онъ.

Мнѣ вспомнились слова, сказанныя имъ Зоѣ въ бесѣдкѣ: «для моей любви не существуетъ ни предразсудковъ, ни препятствій». Ужь будто бы тутъ не было обмана?

— Но теперь ты все еще любишь ее? — спросилъ я.

Вадимъ всталъ и съ выраженіемъ отчаянія сжалъ и опустилъ руки.

— Ахъ, теперь я ничего не знаю, — отвѣтилъ онъ глухо. — Мнѣ иногда кажется, что я прихожу въ такое же состояніе, какъ Зоя. Дядюшка, я обращаюсь къ вашей опытности, къ вашему уму: научите!

Я пожалъ плечами.

— А гдѣ же твоя теорія мужского права и наличнаго факта? — спросилъ я. — Ты не замѣчаешь, чтобъ у Зои кончикъ носа потѣлъ, какъ у бѣдной Juliette?

Вадимъ посмотрѣлъ на меня печально и укоризненно. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не слѣдовало его поддразнивать. Но чтѣ я могъ

сказать ему въ утѣшеніе? Вѣдь не посовѣтовать же ему жениться на Зоѣ!

— Миѣ кажется, — отвѣтилъ я на его взглядъ, — ты можешь сдѣлать только одно: ждать. Предоставимъ все своему естественному развитію. Чтонибудь выйдетъ.

XV.

Спустя нѣкоторое время, я долженъ былъ на цѣлый мѣсяцъ отлучиться изъ Петербурга. Хотя я уѣзжалъ по очень скучному дѣлу и въ очень скучный уголокъ Россіи, но тѣмъ не менѣе, былъ радъ покинуть и свою городскую квартиру, и особый складъ лѣтней петербургской жизни, и вечера за винтомъ гдѣ-нибудь на балконѣ, и даже... Вадима. Онъ сталъ до крайности нервенъ въ послѣднее время, потерялъ свою мягкую жизнерадостность и удручающимъ образомъ дѣйствовалъ на мое расположеніе духа. Романъ его съ Зоей хотя продолжалъ возбуждать мое любопытство, но я уже утомился лично слѣдить за его «естественнымъ развитіемъ». Зоя, какъ я слышалъ, уже не играла на сценѣ, но въ положеніи ея не было переменъ.

Окончивъ болѣе или менѣе удачно всѣ дѣла въ отдаленномъ городѣ, куда миѣ пришлось уѣхать, я почти передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ Вадима телеграмму, извѣщавшую, что ему удалось выхлопотать себѣ заграничный отпускъ, и что онъ въ тотъ же день уѣзжаетъ. Ни о томъ, отчего онъ такъ внезапно собрался за границу, ни о Зоѣ въ телеграммѣ не упоминалось. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ я нашелъ въ своей квартирѣ одного Патрікія и долженъ былъ провести конецъ лѣта въ полномъ одиночествѣ.

Я рассчитывалъ, что Вадимъ оставилъ миѣ хоть какую-нибудь записку, и даже расспрашивалъ по этому поводу Патрікія, но ничего не оказалось.

Стояли ясные, теплые, почти жаркіе дни, послѣдніе хорошіе дни уходящаго лѣта. Я каждое послѣ-обѣда уѣзжалъ на острова и, оставивъ коляску гдѣ-нибудь у поворота, много гулялъ въ паркахъ, стараясь забираться въ самыя уединенныя мѣста.

Разъ, когда я шелъ по совершенно безлюдному и уже погружавшемуся въ ранніе сумерки берегу, на глаза миѣ попался засохшій вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, висѣвшій надъ самой водой на вѣтвяхъ ивы. Вѣнокъ этотъ тотчасъ напомнилъ миѣ Зою и весь ея печальный романъ. Неужели это тотъ самый вѣнокъ, ко-

торый она плела для Вадима? Мнѣ сдѣлалось грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ на меня нахлынуло какое-то странное, необъяснимое и жуткое чувство, точно я находился въ ея присутствіи, точно она непременно гдѣ-то близко тутъ была. Я даже всматриваться сталъ— и вдругъ мнѣ словно померещилась сѣвось вѣтви какая-то фигура, вся въ бѣломъ, и даже ясно послышался голосъ—знакомый, несомнѣнный голосъ Зои... Онъ пѣлъ, этотъ голосъ, медленно и незвучно, съ странными паузами, иногда на половинѣ слова.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и Зоя вся обрисовалась предо мной. Она сидѣла на травѣ, у самыхъ корней дуллистой, старой ивы. На колѣняхъ, въ складкахъ ея бѣлаго платья, лежала масса васильковъ, и она перебирала ихъ длинными, тонкими пальцами, совсѣмъ такъ, какъ тогда у меня въ гостиной. На маленькой соломенной шляпѣ ея лежалъ вѣнокъ изъ такихъ же васильковъ.

Я стоялъ и смотрѣлъ на нее и старался вслушаться въ слова ея пѣсн. Но я не могъ понять, что такое она пѣла. Это былъ какой-то одинъ простой мотивъ, безконечно повторяемый. И слова были одни и тѣ же; но, несмотря на то, ихъ трудно было разобрать. Я уловилъ только: «вѣнокъ», «люблю», «любимый», «онъ придетъ»...

— Зоя Алексѣевна!—рѣшился я обликнуть

Она вся вздрогнула и повернула голову. Глаза ея, все такіе же прекрасные, быстро скользнули по мнѣ и остановились. И въ нихъ, и во всемъ лицѣ ея отразилось напряженіе. Блуждающая улыбка сосредоточилась, въ ней мелькнула жизнь. Потомъ она поднялась послѣшно, съ какою-то неестественною легкостью, точно вся состояла изъ воздуха, и остановилась прямо предо мною, спокойная, задумчивая, съ глубоко-темнѣющими зрачками, придерживая одною рукой перѣдъ платья, чтобъ не разронять васильки.

— Здравствуйте,—сказала она первая и протянула свободную руку.

Мнѣ было немножко жутко, когда я пожалъ эту холодную, хурую руку. И немножко даже неприятно, какъ будто я прикасался къ чему-то неживому, неизвѣстному...

— Какъ давно вы не приходили!—продолжала она тихо, всматриваясь въ меня широко-раскрытыми глазами.—И онъ тоже. Ахъ, какъ давно! Какъ я устала ждать! Но онъ придетъ...—добавила она еще тише, и вдругъ улыбнулась, но такой жалкой, страдальческой улыбкой, что я самъ почувствовалъ страданіе.

XVI.

Сумерки уже сгустились, рѣка подернулась туманомъ, надъ травою стелилась и клубилась, какъ дымъ, стынущая роса. Зоя, въ своемъ бѣломъ платьѣ, измятомъ, мокромъ, съ пятнами отъ зелени, рѣзко выдѣлялась среди темноты. Ей какъ будто не было холодно, только на блѣдныхъ губахъ ея лежалъ синеватый отливъ.

Недалеко отъ насъ стояла скамейка. Я предложилъ ей сѣсть.

— Зачѣмъ вы такъ поздно гуляете? Теперь сыро, вы простудиться можете, — сказалъ я.

Она съ недоумѣнiемъ посмотрѣла на меня.

— Отчего поздно? Луна еще только что показалась, — возразила она.

— Неужели вы при лунѣ, ночью, тутъ гуляете?

Она утвердительно кивнула головой.

— И не боитесь? Вѣдь васъ могутъ напугать, обидѣть...

Она засмѣялась короткимъ, тихимъ смѣхомъ.

— Меня не увидятъ. Я причусь, — отвѣтила она, и на лицѣ ея мелькнуло лѣгкое выраженiе.

— Но зачѣмъ вы въ этомъ бѣломъ платьѣ? Ночью васъ въ немъ легче замѣтатъ, — сказалъ я.

— Мнѣ нельзя въ другомъ. Я всегда въ бѣломъ. Хотите, я вамъ скажу, почему?

— Пожалуйста.

Она оглянулась, потомъ потянулась ко мнѣ и сдѣлала знакъ, чтобъ я наклонилъ голову.

— Потому что я — невѣста, — прошептала она мнѣ на ухо, и опять засмѣялась все тѣмъ же разбитымъ, короткимъ смѣхомъ. У меня отъ этого смѣха холодокъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Хорошо, пусть вы невѣста, но вѣдь не сегодня же ваша свадьба. Вы успѣете переодѣться, когда нужно будетъ. А теперь холодно, вамъ надо потеплѣе одѣваться, — сказалъ я, стараясь взять авторитетный тонъ.

Но она уже не слушала меня и, наклонивъ голову, принялась перебирать лежавшіе у нея на колѣняхъ цвѣты. Потомъ заплѣла — медленно, вполголоса, какъ будто сама прислушивалась къ какой-то другой, далекой пѣснѣ.

— Право, вамъ пора домой. Вѣдь вамъ не близко. Хотите, я провожу васъ? — предложилъ я.

Она не слушала и принялась не спѣша, старательно заплетать вѣнокъ. Потомъ вдругъ взглянула на меня.

— Это для него,—проговорила она и усмѣхнулась своей жалкой улыбкой.

— Пойдемте, я васъ провожу домой,—повторилъ я.—Развѣ вамъ не холодно?

Она взглянула вверхъ, на небо.

— Мнѣ рано,—сказала она.—Луна еще низко. Онъ можетъ придти.

— Кто—онъ?

Она повела на меня блеснувшими стеклянными блескомъ глазами, близко придвинулась къ моему плечу, засмѣялась и погрозила мнѣ пальцемъ.

— Ахъ, какой вы хитрый! Ахъ, какой хитрый!—воскликнула она почти весело.—Точно вы не знаете! Но вы отлично знаете. Вы дядя, его дядя; вѣдь я тоже отлично знаю!

Мнѣ показалось, что и въ глазахъ ея, и въ улыбкѣ, и во всемъ лицѣ мелькнуло сознаніе. Но это было одно мгновенье. Она сейчасъ же заговорила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Я знаю больше, чѣмъ вы. Я знаю, почему онъ не приходитъ. Потому что я еще не умерла. Я должна умереть. Пока я не умерла, я не могу быть его женой. А когда я умру, я совсѣмъ другая буду — святая, чистая. И платье это будетъ чистое, легкое, какъ воздухъ. И вездѣ, вездѣ будутъ померанцевые цвѣты, сверху до низу. А теперь...

Она потянула меня за плечо и, почти касаясь щекою моей щеки, прошептала мнѣ на ухо:

— Вѣдь я васъ обманула, будто я невѣста. Это только такъ, пока. Вы рассмотрите хорошенько мой нарядъ: это совсѣмъ не подвѣчное платье. Вотъ пощупайте: развѣ изъ этого шьютъ платья для невѣстъ? И взгляните на вѣнокъ на шляпѣ: это вѣдь васильки, простые васильки.

Она безпокойно двигала руками, почти рвала на себѣ платье, передернула шляпу назадъ. Зрачки ея подозрительно расширились

Я всталъ и взялъ ее за руку.

— Зоя Алексѣевна, послушайте меня, пойдите домой,—сказалъ я.—Тутъ холодно, сыро, вамъ нельзя оставаться. И машина ваша безпокоится.

Она глядѣла мнѣ прямо въ глаза и отрицательно качала головой.

— Пойдемте,—повторилъ я настойчиво.—Если вы не послушаетесь, я возьму васъ подъ руку и уведу силой.

Она какъ будто присмирѣла, усмѣхнулась съ виноватымъ видомъ и, сама взявъ меня подъ руку, прижалась ко мнѣ плечомъ.

— Какой вы злой! И хитрый! — проговорила она, по-дѣтски ласкаясь ко мнѣ. — Хорошо, мы пойдѣмъ. Но взгляните туда, на иву, виситъ ли тамъ мой вѣнокъ? Я хотѣла бы, чтобъ вы мнѣ достали его. Вы видите его?

Я невольно повернулся туда, куда она указывала свободною рукою, и сталъ соображать, можно ли, не рискуя упасть въ воду, снять вѣнокъ съ дерева. А въ это время другая рука ея тихо выскользнула изъ-подъ моей руки, и когда я оглянулся, Зою уже не было. Неясно, словно дымокъ послѣ выстрѣла, мелькнуло за деревьями ея бѣлое платье, и все исчезло...

XVII.

Я возвратился домой сильно разстроенный этой встрѣчей. Положение Зои представлялось безпомощнымъ. Я не могъ понять, какъ Вадимъ рѣшился уѣхать, бросивъ бѣдную дѣвушку на произволъ судьбы. Эгоизмъ въ такой голой формѣ казался мнѣ непростительнымъ. Хотъ бы записку мнѣ оставилъ, — тогда я навѣстилъ бы Пустовскихъ тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ.

Впрочемъ, чтó я могъ сдѣлать? Единственная мысль, на которой я остановился, была — отыскать опытнаго психіатра и переговорить съ нимъ, нельзя ли помѣстить Зою въ какое-нибудь заведение. Дома, безъ всякаго присмотра, она, очевидно, подвергалась ежеминутной опасности.

Знакомый докторъ-спеціалистъ, къ которому я рѣшилъ обратиться, жилъ на дачѣ. Я списался съ нимъ, и онъ обѣщалъ черезъ два дня обѣдать у меня, и сейчасъ послѣ обѣда съѣздить вмѣстѣ на дачу къ Пустовскимъ. Еслибы Зою не было дома, я уже зналъ, гдѣ найти ее.

Мы выѣхали еще за-свѣтло, часовъ въ семь. Стояла чудная, совершенно лѣтняя погода. Заря, словно растопленное золото, заливала небо и не гасла, а какъ будто еще ярче вспыхивала на водѣ. Желтѣвшіе листья едва трепетали въ тонкихъ нитяхъ облѣпившей ихъ паутины. Петербургская природа рдѣла не обычными, осенними красками, и даже воздухъ былъ весь насыщенъ какою-то упругою свѣжестью...

На всякій случай, я велѣлъ кучеру взять той дорогой, гдѣ вчеръ встрѣтилъ Зою: было гораздо больше вѣроятности найти ее здѣсь чѣмъ дома.

Но едва только коляска обогнула выдававшийся въ этомъ мѣстѣ берегъ, какъ вниманіе наше было привлечено громкимъ перекриваньемъ, доносившимся съ рѣки. По аллеѣ бѣжали люди и тоже что-то кричали. Мелькнула фуражка городского. Ясно было, что что-то случилось. «Ужъ не съ Зоей ли?—подумалъ я.—Не упала ли она въ воду?» Это было очень возможно.

Мы вышли изъ экипажа и быстрыми шагами направились къ тому мѣсту, гдѣ суетились люди.

— Что такое?—спросилъ я бѣжавшаго зачѣмъ-то на встрѣчу мужика.

— Утопленницу ищутъ. Женщина какая-то утопилась, а не то барышня. Къ помощнику пристава послали,—отвѣтилъ тотъ, широко забирая ногами.

— Пойдите, докторъ, скорѣе; боюсь, что это именно наша больная,—сказалъ я, весь охваченный предчувствіемъ.

У берега, подлѣ той ивы, гдѣ я вчера встрѣтился съ Зоей, уже собралось нѣсколько яликовъ. Лодочники искали по дну веслами и баграми. Городовой распорядился, взмахивая рукой, въ которой что-то пестрѣло. Вглядѣвшись, я сейчасъ же узналъ шляпку Зои. Даже вѣнокъ изъ васильковъ лежалъ на ней, какъ въ тотъ разъ.

— Докторъ, это она, — сказалъ я, схвативъ его за руку.— Какое счастье, что вы со мной: можетъ быть, удастся спасти ее.

Старикъ сторожъ, съ бляхой на рыжемъ кафтанѣ, съ одушевленіемъ рассказывалъ подлѣ меня любопытствовавшимъ:

— Никто ничего и не видѣлъ, какъ и что. Я первый услышалъ, какъ кто-то бултыхъ въ воду. Я вонъ тамъ сидѣлъ, гдѣ сламейка. И вскрикнулъ кто-то тихо таково. А мы ужъ тутъ привычные, не впервой: по веснѣ еще тутъ барышня какая-то бросилась, утонула. Вотъ, я какъ услышалъ, сейчасъ побѣжалъ къ берегу, вижу — круги по водѣ такъ и пузырятся. Я сейчасъ — свистокъ. Яличники тутъ близко, въ минуту слетѣлись... Найдутъ, какъ не найти! Полчаса времени не прошло.

— Полчаса!—повторилъ я и посмотрѣлъ на доктора. Тотъ покачалъ головой.

На берегу, между тѣмъ, собиралось все больше народа: очевидно, слухъ о происшествіи быстро распространился.

— Нашли! Тащимъ!—послышалось съ рѣки.

Мы съ докторомъ съ трудомъ протѣснились впередъ. Двое дюжихъ яличниковъ несли тѣло, съ трудомъ переступая по вязкой землѣ. Съ одежды утопленницы ручьями текла вода и обливала имъ ноги.

Это была Зоя. На ней было то же самое бѣлое платье, обратившееся теперь въ тряпку. Густыя пасмы волосъ, падая съ запрокинутой внизу головы, волочились по травѣ. Глаза были открыты, и страшнымъ побазалось мнѣ ихъ мертвое мерцаніе...

Докторъ бросился къ тѣлу. Но прошло всего нѣсколько минутъ, какъ онъ отошелъ и, доставъ изъ кармана носовой платокъ, принялся старательно вытирать имъ руки.

— Все кончено. Возвратить къ жизни нельзя, — произнесъ онъ привычнымъ тономъ.

Въ толпѣ многіе перекрестились; послышались причитанія, пересуды и догадки. Явившійся полпцейскій офицеръ обратился къ сторожу съ вопросомъ:

— Да ты развѣ не видалъ, упала она или нарочно бросилась?

— Ничего на видалъ, что и какъ, — повторилъ сторожъ. — Я только услыхалъ, какъ кто-то бултыхъ, и сейчасъ — свистокъ. Поэтому, мы уже привычные.

Очевидно, этому обстоятельству въ смерти Зои суждено остаться тайною для всѣхъ.

ХVIII.

Я заявилъ помощнику пристава, что зналъ покойницу, и сообщилъ ей адресъ и фамилію. Приступили къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ распоряженіямъ.

Мнѣ, собственно, больше нечего было тутъ дѣлать. Но мнѣ казалось жестокимъ предоставить матери узнать обо всемъ изъ повѣстки, посланной изъ участка съ городовымъ. Я взялъ на себя извѣстить ее о печальномъ происшествіи. Докторъ согласился сопровождать меня.

Старуха насъ удивила. Она не была ни потрясена, ни даже перепугана извѣстіемъ. Она только злобно, досадливо разволновалась, плакалась на судьбу, бранила дочь, бранила какъ-то вообще всѣхъ — въ томъ числѣ, кажется, и меня. И все это слабо-визгивымъ, брюзжащимъ голосомъ, съ суетливыми движеніями нищенки, у которой загорѣлась клѣтушка. Я постарался обратить наше посѣщеніе и, прощаясь, предложилъ ей на расходы сумму, которую имѣлъ при себѣ. Она приклала деньги съ нескрываемой радостью и сразу затихла.

Возвращаясь съ докторомъ въ городъ, я пытался вызвать его на разговоръ о печальномъ событіи и узнать его мнѣніе. Онъ от-

вѣчалъ, что предположенія могутъ быть разныя, но до вскрытія трупа ничего нельзя сказать положительнаго. Очевидно, онъ заботился охранить свой научный авторитетъ.

Дома я нашелъ письмо отъ Вадима изъ Aix-les-Bains. Онъ очень извинялся за свой внезапный отъѣздъ.

«Но это было единственнымъ способомъ выйти изъ того невыносимаго положенія, въ которомъ я очутился, — писалъ онъ. — Вы знаете, о чемъ я говорю. Но вамъ неизвѣстны милліоны подробностей, составлявшіе для меня милліоны терзаній. Болѣзнь Зои не подвигалась ни впередъ, ни назадъ; сознание совершенной невозможности что-нибудь сдѣлать для нея убивало меня. Я долженъ былъ держаться вѣчно на-сторожѣ, ежеминутно опасаясь какой-нибудь катастрофы, долженъ былъ вѣчно лгать и притворяться, разыгрывать роль сидѣлки или сторожа при душевно-больной, и... Сказать ли главное? Еслибъ я сохранялъ эту страшную, непонятную для меня самого страсть, я, можетъ быть, сильнѣе страдалъ бы, но въ этихъ страданіяхъ заключался бы необъятный интересъ всепоглощающаго чувства. Но какъ сохранить страсть при томъ ужасномъ перерожденіи любимой женщины, какое производитъ эта роковая болѣзнь, самая ужасная изъ всѣхъ? Я тщательно проверялъ себя, и ничего не находилъ въ душѣ и сердцѣ, кромѣ мучительнаго чувства жалости. То, что обаятельно раздражало, пока казалось сладкою отравой для избалованнаго инстинкта, неизбежно стало отталкивать, когда выразилось въ опредѣленной патологической формѣ. Мы не властны надъ нашей физиологіей, дорогой дядюшка, не правда ли?»

«Ничто такъ не изнуряетъ, какъ непрерывное расходование себя на бесполезныя, бессмысленныя и тягостныя мелочи. Въ концѣ концовъ я почувствовалъ себя передъ опасностью — дойти до того же положенія, въ какомъ находилась Зоя. Не шутя, я по временамъ ощущалъ кабую-то мучительную трескотню въ черепѣ, смѣнявшуюся подозрительнымъ нервнымъ онѣмѣніемъ. Не говорю уже о томъ, что исхудалъ и пожелтѣлъ до отвращенія. Что мнѣ было дѣлать? Въ положеніи Зои не замѣчалось никакой переменъ. Тогда я пришелъ въ мысли, что если я уѣду, если Зоя перестанетъ ежедневно видѣть меня, то въ ней, послѣ рѣзкихъ припадковъ тоски, должна произойти переменъ. Понемногу она успокоится, а это всего важнѣе при нервныхъ болѣзняхъ.

«И вотъ я уѣхалъ. Мой отъѣздъ походилъ на бѣгство, но я думаю, что поступилъ какъ разсудительный военачальникъ, кото-

рый иногда послѣшно отступаетъ, чтобъ оправиться и занять лучшую позицію. Это соображеніе ободряетъ меня.

«Навѣстите, пожалуйста, Зою и дайте мнѣ вѣсточку о ней.

«Ахъ, дядя, какъ я былъ тысячу разъ правъ, когда отстаивалъ противъ васъ мой взглядъ на женщинъ и на наличность факта. Одинъ разъ въ жизни отступилъ отъ этого взгляда—и поплатился. Неужели вы еще будете спорить?»

Но спорить, собственно говоря, было не о чемъ, и въ отвѣтъ на письмо Вадима я послалъ только коротенькую телеграмму.

В. Австенно.

ТРЕТЬЯ ПАЛАТА *).

Романъ Гамлингъ Гарленда.

XI

Интересъ, возбужденный знаменитымъ слѣдствіемъ разрастался съ каждымъ днемъ, и въ понедѣльникъ, много ранѣе десяти часовъ, любопытные начали собираться въ залу, гдѣ происходили засѣданія комиссіи, и занимать мѣста, отведенныя для публики. Толпа быстро прибывала, подъемныя машины работали непрерывно. Тэтль ждалъ въ коридорѣ прибытія комиссіи и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ прохаживался взадъ и впередъ передъ дверью залы, не обращая вниманія на взгляды любопытныхъ.

Люди, непричастные къ дѣлу, увидавши его, шептались и обмѣнивались улыбками, такъ какъ почти всѣ знали его. Члены Третьей Палаты являлись по двое, весьма шумно, и замѣчанія, шутки и громкій смѣхъ разносились по коридору, какъ въ фойе театра во время антракта. Еслибъ побольше было женщинъ, сходство оказалось бы полнымъ.

Явился Бреннанъ, свѣжъ какъ роза, красовавшаяся у него въ петличкѣ. Онъ кивнулъ головой Тэтлю.

— Ну, что, Тэтль, какъ идутъ дѣла?

— Поберегите ваши шуточки къ вечеру, — отвѣтилъ Тэтль спокойно.

— Хватить и на вечеръ, а самыми лучшими я буду вамъ обязанъ, — сказалъ Бреннанъ, проходя мимо.

Тэтль ждалъ Уарда и Эвелину. Пріѣдетъ ли сенаторъ? Въ слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ онъ поставленъ. Онъ старъ, денежные дѣла его совершенно разстроены, его свидѣтельскія показанія оконча-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1897 г.

тельно погубять его. Чѣмъ болѣе раздумывалъ Тётль, тѣмъ невозможнѣе казалось ему это. Нельзя такъ много требовать отъ человѣка.

Толпа продолжала прибывать. Тётль слышалъ, какъ проходившіе мимо шептали другъ другу:

— Вотъ онъ... вотъ Тётль.

Всякій разъ, когда хлопала дверь подъемной машины, онъ поворачивалъ голову и всматривался. Вошла Элень съ молодымъ Бруксомъ, студентомъ теологій, глупымъ и претенціознымъ.

Она быстро взглянула на Тётля, потомъ, оживленно говоря что-то, обратилась къ Бруксу, котораго терпѣть не могла, и прошла мимо, какъ бы не замѣтивши Тётля.

Онъ видѣлъ это, приготовился къ удару и тѣмъ не менѣе зашатался. Онъ надѣялся, что до этого дѣла не дойдетъ. Такой способъ отвертываться отъ друзей всегда представлялся ему слабостью, ребячествомъ. Это не достойно, унижительно для обѣихъ сторонъ.

Наконецъ появились сенаторъ Уардъ и Эвелина.

Увидавши ихъ, Тётль почувствовалъ сильное волненіе. Старикъ тяжело опирался на руку дочери. По его очень блѣдному лицу проступали темныя пятна, широко раскрытые глаза смотрѣли жалобно, улыбка была страдальческая.

— Вотъ и я, Вильсонъ... Готовъ исполнить свою обязанности!

— Я предпочелъ бы найти какое-либо другое средство, сенаторъ, — сказалъ Тётль, пожимая руки обонхъ. — Я готовъ вернуть вамъ ваше слово. Я потребовалъ отъ васъ слишкомъ многого и теперь отказываюсь.

На неподвижномъ лицѣ Эвелины появилась ясная улыбка, въ глазахъ блеснули слезы.

— О! какъ я счастлива тѣмъ, что вы это сказали! Отецъ очень страдаетъ... Это уже далеко не такимъ легкимъ представляется здѣсь, передъ всѣми этими людьми.

— Нѣтъ, свой долгъ я исполню, — возразилъ Уардъ. — Все равно, мнѣ уже не долго остается жить.

— О, отецъ!...

— Я правду говорю, Эвелина. Теперь мнѣ все равно, я готовъ, данное слово сдержу, лишь поскорѣе покончить бы съ этимъ.

Его глаза вспыхнули энтузіазмомъ отчаянія, онъ доходилъ почти до экстаза мученика.

— Быть можетъ, окажется возможнымъ избѣжать этого, — говорилъ Тётль Эвелинѣ. — Мы еще разъ спросимъ кое-кого изъ

скомпрометированныхъ, пустимъ въ ходъ самыя крайнія средства. Но если все-таки мы увидимъ, что наше дѣло готово провалиться, и если сенаторъ не откажется...

— Не откажусь никогда!—воскликнулъ старикъ.

Тётль взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ вошли въ залу засѣданій.

XII.

Зала была обширная, со сводами, съ огнями, изъ которыхъ видны были городъ, равнина и рѣка, сверкавшая какъ громадное зеркало темной стали подъ знойными лучами солнца.

Въ залѣ собралась многочисленная, крайне смѣшанная публика, люди различныхъ партій и просто любопытные, привлеченные желаніемъ присутствовать при томъ, что является наиболѣе драматическимъ въ дѣйствительной жизни,—при судебныхъ дебатахъ.

На одной сторонѣ помѣщалась публика. Противъ нея, на эстрадѣ, стояли полукругомъ ряды пюпитровъ. Въ свободномъ пространствѣ между публикой и эстрадой находился длинный столъ для репортеровъ. Ближе къ эстрадѣ, по обѣ ея стороны, было еще по столу. За одинъ изъ нихъ сѣли Желѣзный Герцогъ, его адвокатъ Бинней, Фуксъ и Бреннанъ. Тётль помѣстился за другимъ, рядомъ съ генеральнымъ адвокатомъ.

Позади членовъ комиссiи заняли мѣста клерки и еще репортеры газетъ. У двери суетились дежурные пристава въ ожиданіи членовъ комиссiи. Противъ двери приготовлены были стулья для депутатовъ Палаты. Изъ нихъ многіе присутствовали, преимущественно наиболѣе молодые. Они входили весело, дружески кивали Бреннану и беззаботно пересмѣивались между собою. Другіе имѣли видъ серьезный и озабоченный. Сенаторы тихо разговаривали, покачивая сѣдыми головами. Всѣ сознавали, что наступаетъ критическій моментъ. Если Тётлю не удастся ничего доказать въ этомъ засѣданіи, то не останется ему ничего иного, какъ удалиться изъ Палаты.

Появленіе сенатора Уарда и Эвелины, въ сопровожденіи Тётля, произвело сенсацію. Публика встрѣтила громкими аплодисментами молодого борца за права народа. Не замѣчая сдѣланной ему оваціи, Тётль помогаль Эвелинѣ усадить старика Уарда.

— Какъ старикъ-то измѣнился,—замѣтилъ Мерритъ, обращаясь къ Бреннану.

«Онъ страшно осунулся,—подумаль Бреннанъ.—Что за охота ему была выходить изъ дому въ такомъ положеніи?»

Затѣмъ онъ отвернулся отъ старика и продолжалъ рассказы-вать какой-то анекдотъ, разсмѣшившій всѣхъ окружавшихъ.

— Да, да,—проговорилъ председатель Смитъ,—Бреннанъ настоящій ирландецъ. Если васъ не убѣждаетъ въ томъ его выговоръ, такъ я расскажу вамъ, какую онъ штуку выпалилъ на-дняхъ. Уедъ приглашалъ его кататься по морю въ будущую пятницу.— «Отлично,—отвѣтилъ Бреннанъ,—поѣдемте въ пятницу, если дождя не будетъ. А если въ пятницу будетъ дождь, то поѣдемъ въ четвергъ».

Въ то время, какъ они потѣшались надъ Бреннаномъ, вошли послѣднiе члены комиссiи и заняли свои мѣста. Смѣхъ все еще не умолкалъ; президентъ постучалъ по пюпитру и сказалъ:

— Мы можемъ начать, господинъ генеральный адвокатъ.

Потомъ онъ наклонился къ сосѣду и прошепталъ ему на ухо что-то, разсмѣшившее ихъ обоихъ. Большинству членовъ комиссiи все это дѣло представлялось скучнымъ и довольно нелѣпымъ, и они хватались за всякій поводъ, дававшiй возможность пошутить.

Первымъ свидѣтелемъ былъ вызванъ братъ Бреннана, Робертъ, глухота котораго, на этотъ разъ нѣсколько преувеличенная, быть можетъ,—дѣлала допросъ затруднительнымъ, такъ какъ генеральный адвокатъ не могъ говорить громко.

Робертъ заявилъ, что постоянно занятъ работой въ своемъ бюро и не обращалъ вниманiя на то, кто входилъ или уходилъ съ его братомъ. Что говорилось въ сосѣдней комнатѣ онъ слышать не могъ, именъ и лицъ посѣтителей онъ не помнить.

— Вызовите Томаса Бреннана,—сказалъ генеральный адвокатъ, отпуская Роберта, который невозмутимо всталъ и удалился.

— Мистеръ Бреннанъ!

Бреннанъ подошелъ къ креслу, поставленному для свидѣтелей.

Блеркъ привелъ Бреннана къ присягѣ, по установленной формулѣ:

— Поднимите руку. Вы даете клятву передъ Богомъ говорить всю правду и только правду?

Бреннанъ наклонилъ голову и сѣлъ.

Генеральный адвокатъ взялъ со стола листовъ бумаги, добродушно посмотрѣлъ на Бреннана поверхъ своихъ очковъ и спросилъ совершенно безучастнымъ тономъ:

— Мистеръ Бреннанъ, вы, кажется, членъ Третьей Палаты?

— Если вѣрить газетамъ, то имѣю честь быть таковымъ,—отвѣтилъ Бреннанъ развязно.

— Честь довольно сомнительная. Не можете ли сказать, въ чемъ заключаются обязанности члена Третьей Палаты?

— Они опредѣлены не были, насколько мнѣ извѣстно.

— Что вы хотите сказать этимъ, мистеръ Бреннанъ?—сказалъ генеральный адвокатъ, глядя на свидѣтеля.

— Хочу сказать, что я ихъ самъ доподлинно не знаю... Тѣмъ не менѣе, я охотно объясню, что состоятъ они въ томъ, чтобы подмазывать пружины законодательства.

— А это значить?

— Значить это—выяснить дѣло представителямъ страны.

Генеральный адвокатъ, повидимому, не удовлетворился такимъ объясненіемъ и снова заглянулъ въ клочокъ бумаги, бывшей у него въ рукахъ.

— Гмъ... Такова, я полагаю, признанная, законная дѣятельность этой Палаты. А какова незаконная?

— Этого я не умѣю сказать. Спросите другихъ. Я такими дѣлами не занимаюсь.

Въ залѣ послышался смѣхъ.

— Мистеръ Бреннанъ,—продолжалъ генеральный адвокатъ, наклонясь впередъ и какъ-будто оживляясь немного, — не давали ли вы денегъ кому-нибудь изъ членовъ той или другой Палаты въ интересахъ общества Консолидированной желѣзной дороги?

— Не давалъ никому.

— Или въ вашихъ личныхъ интересахъ?

— Никогда не давалъ.

Генеральный адвокатъ помедлилъ немного, снялъ очки, протеръ ихъ платкомъ, потомъ спросилъ:

— Вы на службѣ у Консолидированнаго общества?

— Да.

— Что же вы дѣлаете? Жалованье-то вамъ за что-нибудь платить,—сказалъ генеральный адвокатъ, продолжая спрашивать машинально, автоматически, какъ бы не имѣя никакой опредѣленной цѣли.

— Пытаюсь дѣлать!—отвѣтилъ Бреннанъ, шутливо подмигивая президенту и, съ тѣмъ вмѣстѣ, насторожившись противъ лукаваго смысла вопроса.

— Позвольте, я спрашиваю, что вы дѣлаете, и прошу отвѣтить точно и коротко, въ чемъ заключается сущность вашихъ обязанностей.

Бреннанъ заговорилъ серьезно съ такимъ видомъ, будто считалъ всякія увертки ни на что не нужными.

— Я заручаюсь услугами Третьей Палаты, приглашая ее членовъ то въ качествѣ адвокатовъ, то въ качествѣ иныхъ агентовъ, коротко и просто.

Генеральный адвокатъ задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ.

— Платите имъ деньги, разумѣется?—продолжалъ онъ, какъ бы обращаясь къ потолку.

— Разумѣется: они на то и существуютъ, чтобы получать деньги.

— А вы на то, чтобъ имъ платить. А платите вы имъ за ка-
кія-либо опредѣленные услуги, или же за то, чтобъ они противъ
васъ ничего не дѣлали?

— Да, вотъ именно за это.

Бреннанъ казался восхищеннымъ тѣмъ, что его такъ скоро
поняли.

— И какую сумму вы такимъ образомъ выплатили членамъ
Третьей Палаты?

— Опредѣлить не сумѣю... Очень много...

— Книги нѣтъ у васъ, я полагаю, для записи такихъ рас-
ходовъ?

— Форменной книги нѣтъ, отмѣчаю такъ въ своей записной
книжкѣ.

Осторожно, не глядя на Бреннана, генеральный адвокатъ спро-
силъ какъ бы мимоходомъ:

— Вы никогда не давали денегъ, по ошибкѣ, членамъ *другихъ*
Палатъ?

— Нѣтъ, никому ни цента.

Въ эту минуту Тетъ шепнулъ что-то на ухо генеральному ад-
вокату. Тотъ обратился уже прямо къ свидѣтелю и спросилъ:

— Кто устраивалъ эти ваши... ваши обѣды? Кто ихъ придумалъ,
вы или господинъ Дэвисъ?

— Я. Я высказалъ ему мою мысль, что это будетъ полезно, и
онъ согласился со мной.

— Да... А почему вы полагали, что это будетъ полезно?

— Я полагалъ, что это дастъ намъ возможность выяснитъ
проекты законовъ. Какъ вамъ извѣстно, люди охотнѣе расположе-
ны слушать послѣ хорошаго обѣда.

— А хорошимъ вы называете обѣдъ въ десять долларовъ съ
человѣка?

Бреннанъ широко улыбнулся.

— Конечно, я называю такой обѣдъ...

— Довольно приличнымъ... не такъ ли?—генеральный адвокатъ сухо разсмѣялся.

Потомъ, обращаясь къ Бреннану, нѣсколько болѣе суровымъ тономъ, чѣмъ до сихъ поръ, онъ сказалъ:

— Итакъ, мистеръ Бреннанъ, не представляется ли очевиднымъ, что намѣреніе ваше было повліять нелегальными способами на этихъ господъ, угощая ихъ такими обѣдами и хорошими винами?

Бреннанъ поколебался съ секунду, потомъ отвѣтилъ:

— Говоря по правдѣ, я не предполагалъ, что этимъ мы наживемъ враговъ.

— Вы рассчитывали расположить ихъ въ свою пользу?

— Совершенно вѣрно.

— Вы сказали, что не заплатили ни одного цента никому изъ членовъ законодательныхъ учрежденій,—продолжалъ генеральный адвокатъ, снова надѣвая очки и заглядывая въ свои замѣтки. — Долженъ ли я изъ этого заключить, что никакія цѣнности, ни процентныя бумаги, ни акціи или облигаціи...

— Это такъ и есть. Разъ навсегда я говорю, что незаконнымъ способомъ я ни цента не истратилъ въ интересахъ желѣзной дороги.

— Это не есть отвѣтъ на мой вопросъ.

— Какъ такъ?

— Дѣло въ томъ, что мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ значеніе слова «законный»... Не обѣщали ли вы кому-нибудь изъ членовъ законодательныхъ собраній, что, въ случаѣ утвержденія проекта закона, онъ сдѣлается акціонеромъ дороги на извѣстную, опредѣленную сумму?

— Нѣтъ, не обѣщалъ.

— Вы утверждаете это, показывая подъ присягой, мистеръ Бреннанъ?—сказалъ генеральный адвокатъ холодно и строго.

Бреннанъ смѣло взглянулъ на него.

— Я этого не забываю.

Наступило короткое молчаніе.

— Этого достаточно, мистеръ Бреннанъ,—сказалъ генеральный адвокатъ.

Бреннанъ улыбался.

Президентъ обвелъ глазами полукругъ.

— Угодно кому-нибудь предложить еще вопросы?

Одинъ изъ членовъ комиссіи, молодой человѣкъ безукоризненной честности, пользующійся большимъ авторитетомъ, извѣстный противникъ всякихъ монополій, обратился къ свидѣтелю и проговорилъ рѣзкимъ и твердымъ голосомъ:

— Мистеръ Бреннанъ, сколько вашего времени удѣляете вы Третьей Палатѣ?

— Теперь все мое время.

— Сколько получаете жалованья?

— Пять тысячъ долларовъ въ годъ.

— Этой суммы хватаетъ на всѣ ваши расходы?

— Нѣтъ... не на всѣ.

— Когда вы даете обѣдъ депутатамъ человѣкъ на двѣнадцать, то, быть можетъ, счетъ оплачивается Консолидированнымъ обществомъ?

— Да.

— Больше ничего не имѣю, господинъ президентъ, въ настоящую минуту...

Въ свою очередь президентъ сказалъ:

— Пойдите, мистеръ Бреннанъ. Почему приглашенія дѣлались сериями въ десять человѣкъ? Имѣло это какое-нибудь особенное значеніе?

— О, нѣтъ. Это просто для нашего удобства, чтобы знать, когда мы дойдемъ до конца списка.

— Вы не находили нужнымъ угощать два раза одно и то же лицо, да?... Я допускаю, что политическаго значенія это не имѣло. Кому угодно еще спросить? Вамъ, мистеръ Бинней?

Бинней, начинавшій какъ будто дремать, поднялся съ мѣста и спросилъ своимъ страннымъ, громкимъ, лѣнивымъ и гнусливымъ голосомъ, полнымъ самодовольства:

— Мистеръ Бреннанъ, платили ли вы или общались ли уплатить какую-либо сумму акціями, облигаціями, деньгами или иными цѣнностями кому-нибудь изъ членовъ законодательныхъ установленій?

— Нѣтъ.

— Этого достаточно! — сказалъ Бинней съ такимъ видомъ, будто этимъ отвѣтомъ разрѣшается все дѣло.

Взрывы смѣха пробѣжали по всей залѣ.

Генеральный адвокатъ вступился опять:

— Еще одинъ вопросъ, мистеръ Бреннанъ. Считаете ли вы все то, что вы дѣлали за счетъ Консолидированнаго общества, покупку Третьей Палаты, дѣяніемъ легальнымъ?

— Да, совершенно легальнымъ и, скажу болѣе, абсолютно необходимымъ! — возразилъ Бреннанъ съ порывистою откровенностью, снова вызвавшею смѣхъ.

Генеральный адвокатъ откинулся къ спинкѣ своего кресла.

— Есть ли у васъ счета,—чековья книжки, реестры или расписки,—на выплаченныя вами суммы?

— Ничего такого нѣтъ.

— Вы, стало быть, вполне довѣряете другъ другу?—сказалъ молодой членъ комиссіи, все время не спускавшій глазъ съ Бреннана.—И обѣщанія заплатить деньги никогда не дѣлались письменно?

— Никогда.

— Такъ что, безъ чьей-либо нескромности, не найдется никакого слѣда выплаченныхъ вами суммъ?

— Ровно никакого, если только мы сами не дадимъ свѣдѣній объ этомъ, что мы, впрочемъ, сдѣлали въ широкихъ размѣрахъ.

— Ваша правдивость, какъ я замѣтилъ, не простирается до указаній на противозаконныя дѣйствія,—сухо проговорилъ генеральный адвокатъ.

— Потому что такихъ дѣйствій не было.

— Вотъ въ этомъ-то мы и стараемся убѣдиться.

— Желаю вамъ успѣха!—отвѣтилъ Бреннанъ смѣло.

Опять послышался смѣхъ, раздались аплодисменты въ рядахъ членовъ Третьей Палаты.

— Теперь все?

Президентъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Все, мистеръ Бреннанъ. Вызовите господина Дэвиса... Мистеръ Дэвисъ,—началъ президентъ почтительнымъ тономъ,—комиссія желала бы выслушать васъ еще разъ.

Дэвисъ покинулъ свой стулъ рядомъ съ Эленъ и подошелъ къ мѣсту для свидѣтелей. Онъ держалъ въ рукѣ вѣеръ и небрежно игралъ имъ.

— Вы уже присягали, кажется?

Дэвисъ поклонился молча.

Генеральный адвокатъ заглядывалъ въ свои замѣтки и началъ допросъ прежнимъ глухимъ голосомъ и совершенно безучастнымъ тономъ:

— Мистеръ Дэвисъ, вы видѣлись 24 апрѣля съ однимъ изъ представителей линіи электрическихъ двигателей и передали ему нѣкоторую сумму денегъ?

— Какъ я уже объяснялъ въ прошлую среду... это было

— За что вы дали ему эти деньги?

— Я... я купилъ...

— Какъ это понять? Судя по вашему прежнему показанію, онъ никакого имущества вамъ не продавалъ.

— Я заплатилъ ему за то, чтобы онъ держался въ сторонѣ, — отвѣтилъ Дэвисъ тономъ человѣка, поставленнаго въ затрудненіе неприятнымъ для него вопросомъ.

Генеральный адвокатъ смотрѣлъ на Дэвиса поверхъ очковъ броткимъ взглядомъ.

— Вы знали, что онъ намѣревался представить законодательному собранію проектъ желѣзнодорожной линіи и просить на нее концессию, и сочли, какъ истинно дѣловой человѣкъ, что хорошо будетъ заплатить ему за то, чтобы онъ посторонился?

— Совершенно вѣрно: я заплатилъ за то, чтобы онъ посторонился. Я зналъ, что мы способны ихъ выстроить дорогу, считалъ дѣломъ хорошей политики употребить всѣ легальныя средства на то, чтобы намъ самимъ получить концессию, и...

Генеральный адвокатъ прервалъ его спокойно, но рѣзко:

— Вы считаете честнымъ дѣломъ становиться между акціонернымъ обществомъ, ходатайствующимъ о концессіи, и законодательною властью, и покупать конкурента? •

Дэвисъ ничего не отвѣтилъ.

— Законодательная власть, представляющая собою народъ этого штата, должна имѣть возможность сама рассмотретьъ сравнительныя достоинства каждой системы. Какую сумму вы заплатили?

Въ залѣ наступило гробовое молчаніе. Репортеры, съ перьями въ рукахъ, ждали отвѣта капитальной важности.

Элень, не понимая, что все это значить, была въ высшей степени заинтересована. Дэвисъ на-половину привсталъ, съ лицомъ, пылающимъ отъ гнѣва.

— Я отказываюсь отвѣчать.

Наступилъ критическій моментъ, который предвидѣла защита. Бинней всталъ и сказалъ:

— Господа члены комиссіи, я протестую. Я не вижу, въ силу какаго законнаго права господинъ генеральный адвокатъ предложилъ этотъ вопросъ. Сдѣлака господина Дэвиса съ представителемъ линіи двигателей имѣеть совершенно частный характеръ. Комиссія не имѣеть никакого права требовать о ней свѣдѣній. Я рѣшительно не допускаю такого вопроса, не имѣющаго никакого отношенія къ настоящему дѣлу, — вопроса, ничѣмъ не оправдываемаго и лишеннаго законныхъ основаній.

Генеральный адвокатъ поднялся съ мѣста, невозмутимо спокойный.

— Господа члены комиссіи, я считаю нужнымъ заявить вамъ,

что по дѣйствующимъ у насъ законамъ, Консолидированная желѣзная дорога находится въ зависимости отъ штата и что, на основаніи 21 параграфа главы XVI, линія эта обязана представить свои отчеты во всякій моментъ, когда это потребуется комиссіей одинаковаго характера съ настоящею.

Онъ взялъ книгу, которую Тэтль раскрылъ и положилъ передъ нимъ.

— Я обращаю вниманіе слѣдственной комиссіи на указанный мною параграфъ, которымъ это точно опредѣлено. Я говорю, господа, что вопросъ этотъ я обязанъ былъ предложить и что отвѣчать на него обязаны. Я утверждаю, что сумма эта израсходована не на приобрѣтеніе реального имущества, а на подкупъ, въ явное нарушеніе нашихъ законовъ. Консолидированная желѣзная дорога принадлежит акціонерному обществу, компанія Двигателей домогалась концессіи тоже въ качествѣ акціонернаго общества. Сдѣлка, состоявшаяся между ними, не можетъ почитаться сдѣлкой между частными лицами, и я настаиваю на томъ, чтобы все было выяснено до конца.

Онъ сѣлъ, при общемъ молчаніи.

Такова была первая стычка, начало настоящей, серьезной борьбы. Члены комиссіи совѣщались между собой. Адвокаты дѣлали то же. Въ толпѣ слышался ропотъ одобренія. Дэвисъ кусалъ губы въ то время, какъ Бинней шепталъ ему что-то на ухо.

Наконецъ, президентъ проговорилъ:

— Мы согласны отложить на нѣкоторое время отвѣтъ на вопросъ о заплаченной суммѣ, въ настоящую минуту мы другимъ займемся. Мы желали бы, для уясненія дѣла, ознакомиться съ тѣмъ, что предшествовало.

— Вы, мистеръ Дэвисъ, не откажетесь, я надѣюсь, подтвердить, что уплачена была значительная сумма?—сказалъ генеральный адвокатъ благодушнымъ, ободряющимъ тономъ.

— Я этого не отрицаю,—отвѣтилъ Дэвисъ, помолчавши немного.

— Мистеръ Дэвисъ, судя по вашему показанію въ среду, вы не знали, сколькоимъ членамъ были выданы деньги. Съ тѣхъ поръ получившимъ деньги составленъ списокъ, изъ котораго явствуетъ, что тридцать девять человекъ получили отъ васъ деньги или обѣщанія уплаты денегъ. Этого вы не отрицаете?

— Ихъ, быть можетъ, сорокъ или больше.

— Вы признаетесь, что выплачивали довольно крупныя суммы этимъ частнымъ лицамъ?

— Правда. Мнѣ это было необходимо. Бъ тому вынуждали меня обстоятельства.

— Я восхищенъ вашею откровенностью, если не высотой нравственного чувства... Еслибы я сказалъ, что человекъ, подкупающій простое частное лицо, способенъ, при случаѣ, когда это вполне безопасно, подкупить лицо должностное, вы не могли бы претендовать на меня за это, не правда ли?

Бинней счелъ своевременнымъ очнуться отъ своей дремоты и выступить съ новымъ возраженіемъ.

— Господа члены комиссіи, я протестую противъ такого способа веденія допроса.

— Вы еще не разъ будете протестовать, прежде чѣмъ мы съ вами покончимъ,—сказалъ генеральный адвокат и, тономъ человека, напередъ угадывающаго отвѣтъ, обратился къ Дэвису:— Вамъ неизвѣстно, разумѣется, что деньги употреблялись на то, чтобы повліять на членовъ Парламента?

— Неизвѣстно.

— Неизвѣстно также, что раздавались акціи или мѣста, или обѣщаны были въ будущемъ?

Дэвисъ грызъ свои усы.

— Нѣтъ, ничего подобнаго я не знаю.

Генеральный адвокатъ опять оживился немного.

— Въ вашихъ книгахъ значатся уплаты этихъ различныхъ суммъ?... Я говорю, разумѣется, о книгахъ акціонернаго общества.

— Нѣтъ, это вписывалось только въ мой личный счетъ, въ счетъ мнѣ лично открытаго кредита.

— Такъ что руки у васъ всегда свободны, и обществу остается только выдавать деньги безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ формальностей?

— Если вамъ угодно такъ поставить вопросъ, я отвѣчаю на него утвердительно.

— Я вопросъ такъ и поставилъ. Вы же, въ свою очередь уполномочивали дѣйствовать такъ же безотчетно Фукса и Бреннана?

Дэвисъ колебался и нервно барабанилъ пальцами по столу. Генеральный адвокатъ мягко продолжалъ:

— Я говорю, что въ дѣйствительности вы предоставили на ихъ усмотрѣніе пользоваться въ интересахъ линіи услугами людей всюду, гдѣ они найдутъ это возможнымъ, и что сами вы платили только деньги, не задавая этимъ двумъ господамъ нескромныхъ вопросовъ.

Дэвисъ выждалъ немного, какъ бы соображая, къ чему клонить дѣло его собесѣдникъ, потомъ отвѣтилъ:

— Да.

— Изъ чего вытекаетъ заключеніе, что вы какъ будто ничего не знали?

Дэвисъ въ первый разъ началъ раздражаться.

— Само собою разумѣется, что невозможно было мнѣ все знать. Генеральный адвокатъ становился сурово-насмѣшливымъ.

— И разумѣется также, что вамъ невозможно было дозволить себѣ любопытство.

Онъ всталъ и заговорилъ, обращаясь къ комиссіи:

— Милостивые государи, я настаиваю на томъ, чтобы на мой вопросъ былъ данъ отвѣтъ и чтобы книги Консолидированнаго общества были вамъ представлены. Я предполагаю, что сумма, выданная обществу двигателей, заключала въ себѣ деньги, предназначенныя къ употребленію въ интересахъ Консолидированной дороги. Я говорю, если вы установите, что пятьдесятъ тысячъ долларовъ были выплачены конкуренту, то это уже сразу представляетъ собою преступленіе. А потому я настаиваю на томъ, чтобы была опредѣлена выплаченная сумма.

Прежде, чѣмъ успѣлъ сѣсть генеральный адвокатъ, Бинней вскочилъ съ мѣста и своимъ тягучимъ, презрительнымъ тономъ проговорилъ:

— Если мой ученый сотоварищъ на самомъ дѣлѣ такъ думаетъ, то полагать надо, что онъ въ какой-нибудь имъ открытой книгѣ почерпнулъ столь новое понятіе о правѣ. На самомъ же дѣлѣ, еслибы уплаченная сумма достигала и полумилліона, то этимъ все-таки нельзя ничего доказать. Я продолжаю настаивать на томъ, что это совершенно частное дѣло, и протестую противъ такихъ вопросовъ.

Президентъ поднялъ руку и показалъ записки отобранныхъ имъ голосовъ.

— На основаніи рѣшенія пяти голосовъ противъ двухъ, комиссія требуетъ объявленія выплаченной суммы.

Дэвисъ и Бинней вскочили съ мѣсть одновременно. Дэвисъ ревѣлъ:

— Господинъ президентъ, это оскорбленіе, это покушеніе на вѣщательство въ мои частныя дѣла. Я не буду отвѣчать.

Бинней добавилъ:

— Господа члены комиссіи, я крайне изумленъ такимъ невѣжествомъ и такимъ беззаконіемъ... ничего подобнаго никогда не бывало.

Президентъ постукалъ молоткомъ по пюпитру, чтобы призвать присутствующихъ къ порядку. Его веселое лицо приняло серьезное выраженіе.

— Мистеръ Бинней забылъ, кажется, что онъ находится передъ однимъ изъ высшихъ судебныхъ установленій страны.

— А еслибы и такъ, то виновата къ томъ сама комиссія. Здѣсь нарушаются не только законы, но и правила чести!

— Сядьте, мистеръ! Не вамъ учить комиссію, — крикнулъ президентъ. — Прежде, чѣмъ поставить этотъ вопросъ, комиссія тщательно разсмотрѣла дѣло и нашла, что тутъ не частная сдѣлка, тайна которой не подлежитъ раскрытію. Продолжайте, господинъ генеральный адвокатъ, мистеръ Дэвисъ будетъ отвѣчать.

Толпа была въ восторгѣ. Репортеры писали съ неимоверною быстротой, постоянно сибывая другъ друга. Специальный рисовальщикъ *Планеты* сѣшно зачертилъ фигуры президента и Биннея.

Эленъ аплодировала, какъ въ театрѣ. Уардъ наклонился впередъ, забывая все, кромѣ Эвелины, которая все время держала его руку. Онъ хорошо понималъ всю важность поставленного вопроса.

Бинней дотронулся до руки Дэвиса и прошепталъ ему нѣсколько словъ на ухо. Фуксъ подошелъ къ нимъ и тихо высказалъ свое мнѣніе. Бреннанъ нервно прохаживался, — онъ въ первый разъ утратилъ видъ самодовольнаго равнодушія. Тэтлъ и Россель совѣщались. Толпа ждала, не громко переговариваясь. Всѣ глаза были устремлены на Дэвиса, игравшаго первую роль въ этой драмѣ.

Наконецъ, генеральный адвокатъ заговорилъ убійственно-невозмутимымъ голосомъ:

— Мистеръ Дэвисъ, какую сумму заплатили вы представителю желѣзной дороги электрическихъ двигателей?

Бинней поднялся съ мѣста и сказалъ:

— По моей просьбѣ, г. Дэвисъ отвѣтитъ, такъ какъ объявленіе суммы не имѣетъ никакого значенія, разъ признанъ фактъ ея уплаты.

Дэвисъ отвѣтилъ, не безъ оттѣнка нѣкоторой бравады:

— Я заплатилъ сто тысячъ долларовъ.

Въ залѣ это произвело необыкновенное впечатлѣніе, послышались фразы:

— Что, я вамъ говорилъ?

— Ну, дѣло ясное... — и другія въ томъ же родѣ.

Послѣдовало молчаніе, затѣмъ, вопросъ генеральнаго адвоката:

— Наличными деньгами?

— Я отказываюсь отвѣчать на это.

— Не правда ли, мистеръ Дэвисъ, что половина этой суммы выдана вами наличными на предметъ проведенія желательнаго вамъ закона, а другая половина уплачена акціями вашей дороги?

— Я отказываюсь отвѣчать.

— Въ вашихъ книгахъ значится, въ чемъ состояла эта сдѣлка?

— Нѣтъ.

— Уплаченная сумма внесена въ нихъ?

— Нѣтъ.

— Но въ нихъ виденъ вашъ личный счетъ? Угодно вамъ доставить эти книги?

— Книги общества... да.

— Сегодня, послѣ полудня. — Дэвисъ утвердительно кивнулъ головой. — Очень хорошо, этого достаточно.

— Угодно кому предложить еще вопросъ? — обратился президентъ къ присутствующимъ.

Бинней, сводившій все къ одному вопросу, постоянно повторяемому ради вящаго доказательства невинности его кліентовъ, проговорилъ особенно значительнымъ тономъ:

— Мистеръ Дэвисъ, было ли когда-нибудь съ вашего согласія или съ вѣдома вашего что-либо уплачено деньгами или акціями кому-нибудь изъ членовъ этихъ законодательныхъ собраній?

— Нѣтъ.

— Болѣе я ничего не имѣю, — закончилъ Бинней съ видомъ полнаго торжества.

— Угодно кому еще спросить? — повторилъ президентъ.

— Такъ какъ г. Дэвисъ явится сегодня послѣ полудня, — сказалъ молодой членъ комиссіи, — то я тогда предложу ему вопросы, касающіеся той сдѣлки, о которой шла рѣчь сейчасъ.

— Этого достаточно, мистеръ Дэвисъ.

Дэвисъ всталъ и подошелъ къ Эленъ, восхищенной всѣмъ, что тутъ происходило.

— Слушайте, Эленъ, — сказалъ онъ, — вамъ здѣсь не мѣсто. Отправляйтесь домой съ Бруксомъ. Я скоро вернусь.

Эленъ и молодой человекъ встали и тихо удалились въ то время, когда члены комиссіи совѣщались, а пристава подавали имъ подмороженную воду.

Одинъ изъ репортеровъ съ пачкой исписанной бумаги всталъ изъ-за стола и направился къ выходу, чтобъ успѣть помѣстить результаты допроса въ ближайшемъ выпускѣ газеты. Освободившееся мѣсто тотчасъ же занялъ его товарищъ.

По знаку президента снова водворилась тишина.

— Господинъ генеральный адвокатъ, мы готовы выслушать вашего слѣдующаго свидѣтеля.

— Я бы желалъ предложить одинъ или два вопроса мистеру Фуксу.

Въ публикѣ пробѣжалъ ропотъ удовольствія. Слышавшіе прежнія показанія Фукса дѣлились своими впечатлѣніями съ другими.

— Ну, этотъ молодчина! Его ни на чемъ не поймають, могу въ томъ поручиться. Ему и вличка дана по шерсти *).

— Мистеръ Фуксъ, не угодно ли подойти.

Фуксъ съ любезною улыбкой приблизился къ креслу свидѣтелей.

— Мистеръ Фуксъ, вамъ извѣстно, конечно, все, что относится къ устраненію проекта общества двигателей?

Фуксъ отвѣчалъ совершенно развязно и самодовольно:

— Такъ, знаете, въ общихъ чертахъ... да, извѣстно въ общихъ чертахъ.

— Извѣстно было, когда улаживалось дѣло?

— И тогда тоже въ общихъ чертахъ.

— И въ этихъ общихъ чертахъ вы одобряли эту сдѣлку?

Онъ подумалъ съ секунду.

— Да, какъ будто.. помнится мнѣ, что одобрилъ.

— Вы, если не ошибаюсь, лично были знакомы съ господиномъ Мазономъ?

Фуксъ закинулъ ногу на ручку кресла съ видомъ человѣка, рассказывающаго анекдоты въ кондитерской.

— Да, былъ знакомъ черезъ его жену, урожденную Бѣрбенеку. Она изъ Лексейда. Я когда-то самъ былъ учителемъ въ Лексейдѣ и отлично помню мою первую встрѣчу съ нею. Я только что прибилъ къ моей двери дощечку, оповѣщавшую о моемъ адвокатскомъ званіи...

— Прошу уволить насъ отъ изложенія вашей біографіи, — сказалъ генеральный адвокатъ холодно. — Мы успѣемъ прочесть ее, когда васъ повѣсятъ.

Публика приходила въ восторгъ, дѣло принимало комическій оборотъ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать... — началъ было Фуксъ.

Генеральный адвокатъ нетерпѣливо прервалъ его:

— Я спрашиваю васъ объ одномъ, знали ли вы его лично?

— Да, потому что я былъ...

*) Фуксъ — лисица.

— Прекрасно. Вы, надо полагать, одобряли уплату ему денег?

— О, нѣтъ, я находилъ, что сумма слишкомъ велика.

— Вы отлично знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Фуксъ еще безцеремоннѣе развалился въ своемъ креслѣ.

— Я находилъ, что изъ ихъ проекта не выйдетъ ничего путнаго. Я считалъ пригодность электрическихъ двигателей крайне сомнительною. Я думаю, что г. Дэвисъ преувеличивалъ значеніе оппозиціи, которую предполагалось ему противопоставить, какъ онъ преувеличивалъ и значеніе Третьей Палаты.

— Весьма правдоподобно, что въ подобныхъ дѣлахъ всѣ склонны преувеличивать. Вы присутствовали при сдѣлкѣ?

— Нѣтъ, въ это время у меня было два дѣла въ...

— И вы, конечно, не знаете подробностей ихъ торга?

— Нѣтъ, не могу припомнить.

— Ваша память измѣняетъ вамъ всякій разъ, какъ мы касаемся факта, имѣющаго какую-либо важность для комиссіи.

Фуксъ широко улыбнулся.

— Я не могу угадать, господинъ генеральный адвокатъ, какую важность придаетъ комиссіи моимъ показаніямъ.

— Это вы скоро увидите. Прошедшій разъ вы объяснили, что уплачивали крупныя суммы разнымъ частнымъ лицамъ, членамъ Третьей Палаты и другимъ. Имѣются ли у васъ счета по этимъ операціямъ?

— Нѣтъ, я не веду книги счетовъ.

— Такъ, книги нѣтъ. Уплачивали вы обыкновенно чеками или наличными деньгами?

— По большей части, наличными.

— Сохранялись ли у васъ какія-нибудь записки?

— Да, съ нѣкоторыми изъ этихъ господъ у меня были частныя счета.

— Я заключаю изъ этого, что вы такимъ образомъ выплачивали большія суммы за счетъ Консолидированнаго общества.

— Да, въ качествѣ стряпчаго общества, я пользуюсь въ этомъ случаѣ большою свободой.

— Даже слишкомъ большою.

Генеральный адвокатъ взялъ листокъ бумаги, поданный ему Тэтлемъ.

— Теперь, еслибъ я сказалъ, что, по собственному сознанію вашему, ваши агенты получили уже около пятидесяти тысячъ долларовъ и рассчитываютъ получить еще того больше, вы удивились бы, не правда ли?

— Чему?—спросилъ Фуксъ хладнокровно.

— Вы сказали бы, вѣроятно, что тутъ много лишняго?

— Я сказалъ бы, что лишняго тутъ—пятьдесятъ тысячъ долларовъ. Мы израсходовали эту сумму по необходимости и нельзя было...

Генеральный адвокатъ пристально посмотрѣлъ на него и строго проговорилъ:

— Никакая необходимость не можетъ оправдать нарушенія закона.

— Я закона не нарушалъ!

— Можете ли вы удостовѣрить то же относительно вашихъ агентовъ?—спросилъ одинъ изъ членовъ комиссiи.

— За нихъ отвѣчать я не уполномоченъ и не могу быть отвѣтственнымъ за ихъ поступки, —отвѣтилъ Фуксъ, обращаясь къ членамъ комиссiи.

— Вотъ подождите, какъ заговорить который-нибудь изъ нихъ, вы и узнаете, на кого падеть отвѣтственность, —сказалъ младшій изъ членовъ.

Генеральный адвокатъ обмѣнялся взглядами съ президентомъ.

— Я полагаю, что этого довольно.

— Угодно кому еще спросить?—предложилъ президентъ.

Фуксъ тѣмъ временемъ улыбался, оглядываясь кругомъ, заложивши пальцы въ жилетные карманы и загнувши ногу за ручку кресла. Свидѣтель онъ былъ крайне развязный и ставилъ людей въ затруднительныя положенія своимъ нахальствомъ.

— Достаточно, мистеръ Фуксъ. Слѣдующій свидѣтель.

Генеральный адвокатъ раздумывалъ. Тѣтъ совѣщался съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ видъ ученаго. Онъ разъ или два взглянулъ на сенатора Уарда. Выраженіе скорби и опасенія видно было на его лицѣ, когда онъ всталъ и подошелъ къ Уарду.

— Чувствуете ли вы себя въ силахъ говорить? Если нѣтъ, мы отложимъ до завтра.

— Не надо. Говорить я долженъ теперь. Болѣе въ силахъ я никогда не буду, —отвѣтилъ старикъ рѣшительно.

Тѣтъ колебался съ минуту, его глубоко трогалъ умоляющій взглядъ Эвелины. Но никакого иного средства не оставалось, и молодой человѣкъ вернулся на свое мѣсто.

— На сегодня мы этимъ могли бы покончить, —сказалъ генеральный адвокатъ, —если только комиссiя не найдетъ нужнымъ вызвать и допросить мистера Тѣтля.

— Да, разумеется, господинъ генеральный адвокатъ,—воскликнулъ президентъ съ отъѣнкомъ подобающей важности.—Коммиссія готова выслушать мистера Тётля, если онъ имѣетъ заявить еще что-нибудь.

Тогда Тётль приблизился къ нему и оживленно проговорилъ:

— Прошу понять меня точно, господинъ президентъ: я нахожусь здѣсь въ качествѣ свидѣтеля въ полномъ распоряженіи коммиссіи. Но я не отвѣтственъ за ея дѣйствія и не намѣренъ принимать на себя такую отвѣтственность. Я отвѣчаю за мои личные поступки въ этомъ дѣлѣ и только. Я готовъ давать показанія, когда бы ихъ ни потребовали, буду отвѣчать на предложенные коммиссіей вопросы, но никакихъ заявленій дѣлать не желаю. Въ моемъ поведеніи я дамъ отчетъ, какъ депутатъ, передъ Палатой. Здѣсь я полагаюсь на вашу инициативу.

Въ залѣ водворилась глубокая тишина, присутствующіе сообразили теперь, въ чемъ тутъ штука. Коммиссія хотѣла свалить на шею Тётля всю тяжесть пораженія, но попытка не удалась.

— Мистеръ Тётль, я нахожу, что коммиссія не имѣетъ надобности предлагать еще какіе-либо вопросы,—отвѣтилъ президентъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Очень хорошо, и говорить мнѣ нечего,—возразилъ Тётль.— Но есть еще одинъ свидѣтель, котораго упустилъ изъ вида господинъ генеральный адвокатъ: это—сенаторъ Руфъ Уардъ.

Президентъ, повидимому, удивился. Въ толпѣ пробѣжалъ ропотъ любопытства.

— Вы желаете еще разъ вызвать сенатора Уарда?

— Да... сенатора Уарда,—подтвердилъ генеральный адвокатъ.

— Не угодно ли сенатору Уарду приблизиться?

Уардъ всталъ и тихо подошелъ, провожаемый тревожнымъ взглядомъ Эвелины. Тётль вскинулъ на нее глаза, и сердце у него замерло.

— Вы, кажется, уже присягали?

— Да,—отвѣтилъ Уардъ тихо.

Эвелина готова была броситься къ отцу и помѣшать ему говорить, но что-то совершенно особенное въ выраженіи его лица остановило ее.

Публика зачужала драму. Интересъ, съ которымъ она до сихъ поръ относилась къ дебатамъ, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ теперь всѣ слѣдили за малѣйшими жестами, за интонаціями голосовъ членовъ коммиссіи и сенатора, вызваннаго во второй разъ.

— Не угодно ли съѣсть?— предложилъ президентъ.

Уардъ поклонился.

— Съ вашего позволенія, я буду давать показанія стоя.

— Кабъ угодно,—отвѣтилъ президентъ вѣжливо.

Уардъ стоялъ, обратясь лицомъ къ комиссіи и опираясь пальцами на столъ.

— Если комиссія дозволить, я желалъ бы сдѣлать ей одно заявленіе.

Всѣ поняли, что сенаторъ не хочетъ, чтобы его спрашивали.

— Очень хорошо, сенаторъ. Мы противъ этого ничего не имѣемъ. Излагайте, кабъ вамъ удобнѣе, то, что вы имѣете сказать.

Уардъ поклонился еще разъ и началъ твердымъ, но тихимъ и монотоннымъ, голосомъ:

— Милостивые государи и дорогіе сограждане, прошу выслушать мою исповѣдь...

Тишина была поразительная, многіе наклонялись впередъ, чтобы не проронить ни слова.

— Я являюсь сюда послѣ цѣлой недѣли борьбы и бессонницы, совершенно больной, чтобы исполнить мой долгъ. Члены этой комиссіи знаютъ, какое позорящее обвиненіе было заявлено противъ меня. Клевета ополчилась на меня, и со времени моего показанія во вторникъ я въ себя прійти не могу отъ того волненія, въ которое все это меня повергло. Личная моя защита, по меньшей мѣрѣ, требовала, чтобы я опять пришелъ сюда и заговорилъ.

Онъ пріостановился.

— Господа, я старикъ, очень близко стоящій отъ могилы, и я былъ честнымъ человѣкомъ, насколько я могъ быть такимъ. Но я не былъ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ молодой депутатъ, вызвавшій настоящее слѣдствіе. Со всѣмъ, что я видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, мнѣ приходилось мириться. Я не получилъ ни такого образованія, какъ этотъ молодой человѣкъ, ни достатка, и вся моя жизнь была только сплошною борьбой... Но дѣло не въ этомъ. Хотя я и былъ слабъ, но зла я никому не сдѣлалъ, мнѣ даже на мысль не приходило сдѣлать зло кому-нибудь, и всѣ мои обязанности я въ точности исполнялъ до этихъ послѣднихъ дней.

Онъ говорилъ съ достоинствомъ, ясно и отчетливо, безъ малѣйшихъ жестовъ.

— Господа, теперь передъ вами—человѣкъ несостоятельный, банкротъ. Дѣло, которому я посвятилъ всю мою жизнь, полную заботъ и труда, рухнуло. Съ нынѣшняго дня моя жена и моя дочь не имѣютъ ни цента.

Его голосъ оборвался. Въ притихнувшей залѣ пробѣжала едва замѣтная дрожь.

Эвелина смотрѣла на отца, не отрывая глазъ, по ея щекамъ текли слезы, губы были полуоткрыты, руки судорожно сжимались.

— Вамъ не угодно ли сѣсть, сенаторъ? — сказалъ президентъ почтительно.

Бреннанъ и Фуксъ обмѣнивались изумленными взглядами. Дэвисъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ куда-то въ одну точку.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — отвѣтилъ Уардъ президенту.

— Извините, сенаторъ, — продолжалъ тотъ мягко, — такъ ли необходимо входить во всѣ эти печальныя подробности?

Уардъ поклонился еще разъ.

— Необходимо, господинъ президентъ, мнѣ нужно объяснить это, чтобы облегчить нѣсколько мою вину... Господа, въ то время, какъ я проводилъ безсонныя ночи, занятый выясненіемъ моего положенія, тщетнымъ изысканіемъ средствъ выйти изъ него, въ это-то время была сдѣлана попытка подкупить меня.

Въ публикѣ произошло волненіе, остановленное молоткомъ предсѣдателя.

— Боже мой! неужели онъ себя самого станетъ обвинять? — проговорилъ Дэвисъ, блѣднѣя до желтизны.

Въ выраженіи лица Уарда было что-то, приводившее его въ ужасъ.

— Да какъ же, чортъ возьми, меня-то вы не предупредили! — отвѣтилъ Бинней.

Молотокъ предсѣдателя принудилъ ихъ замолчать.

Уардъ продолжалъ:

— Я зналъ, разумѣется, что вокругъ меня существуетъ подкупъ, но меня лично онъ еще не касался. И вотъ, когда проектъ закона дошелъ до сената, самый выдающійся изъ членовъ Третьей Палаты обратился ко мнѣ. Ему извѣстно было мое критическое положеніе, онъ рассчитывалъ на то, что нѣтъ мнѣ спасенія, и предложилъ мнѣ денегъ.

Наступило продолжительное молчаніе, во время котораго Уардъ взглянулъ на Тэтля, потомъ на Эвелину, представившуюся ему какимъ-то неяснымъ, свѣтлымъ пятномъ. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ: горло судорожно сжималось, голосъ обрывался. Вниманіе публики было напряжено настолько, что реакція представлялась неизбежною.

— Вы можете назвать этого человѣка? — спросилъ Тэтль тѣплымъ тономъ, который заставилъ сенатора ободриться.

Онъ поднялъ голову съ вызывающимъ видомъ.

— Могу и хочу назвать, это—Томъ Бреннанъ.

На секунду у всѣхъ присутствующихъ замерло дыханіе, потомъ раздался громъ рукоплесканій. Многіе поднялись съ мѣсто, блѣдые отъ волненія. Тамъ и сямъ слышались восторженные крики. Теперь все было ясно: Уардъ жертвовалъ собою.

Бреннанъ вскочилъ, задыхаясь отъ злости.

— Этотъ человекъ безстыдно жетъ!

Фуксъ силою заставилъ его сѣсть на мѣсто.

Президентъ всталъ, неистово стуча молоткомъ. Репортеры бѣсновались. Художникъ нѣсколькими быстрыми взмахами карандаша набросалъ фигуру Бреннана.

Когда возстановилась тишина, президентъ сказалъ:

— Продолжайте, сенаторъ.

Уардъ заговорилъ опять безъ единого жеста:

— Онъ предложилъ мнѣ десять тысячъ долларовъ наличными деньгами за то, чтобы я прекратилъ оппозицію, съ которою я выступалъ противъ привилегіи. Ему извѣстно было мое безвыходное положеніе, и онъ рассчитывалъ на мою... на мою слабость... Но я оказался сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

— Онъ жетъ... онъ взялъ деньги!—крикнулъ Бреннанъ внѣ себя, приподнимаясь съ мѣста, вопреки усиліямъ Фукса, державшаго его за руку.

— Не угодно ли вамъ сѣсть?!—приказалъ генеральный адвокатъ, поднимаясь во весь ростъ и бросая такой взглядъ, который сразу сократилъ ворота Лу Третьей Палаты.

Уардъ обернулся къ Бреннану и съ негодованіемъ, полнымъ достоинства, возразилъ:

— Встаньте передъ комиссіей и повторите, что вы сказали, если у васъ на то хватить смѣлости! Повторите подъ присягой!

Онъ смогъ на минуту. Истиннѣе оратора подсказывалъ ему, что необходимо воспользоваться этимъ по-истинѣ драматическимъ моментомъ. Его сверкающіе глаза были устремлены на Бреннана.

— Нѣтъ, господа члены комиссіи, предложенныхъ мнѣ денегъ я не взялъ, но я... я отложилъ мой отвѣтъ... Поставленный въ отчаянное положеніе, я не отказался... Да, въ минуту слабости, я далъ обѣщаніе. Въ этомъ мой позоръ и безчестье. И потомъ, когда, въ бессонныя ночи, я взвѣшивалъ съ одной стороны мое неминуемое разореніе, съ другой — искушеніе, ко мнѣ въ домъ пришелъ человекъ, чтобы купить мой голосъ и мое вліяніе, ко мнѣ пришелъ самолично великій вождь Консолидированнаго общества.

Молотокъ председателя былъ въ эту минуту не нуженъ. Въ залѣ не было ни одного человѣка, который не сознавалъ бы всей важности положенія.

— Бого вы такъ называете, сенаторъ?—сказалъ Тэтль.

И его голосъ еще разъ воодушевилъ старика.

— Такъ я называю Желѣзнаго Герцога, мистера Дэвиса.

Сдерживаемое до тѣхъ поръ возбужденіе присутствующихъ разлилось криками, неистовыми аплодисментами, доказывавшими, что публика оцѣнила произведенный эффектъ по достоинству, призвала неизбѣжнымъ судъ надъ виновными.

Председатель былъ уже не въ силахъ водворить порядокъ.

Дэвисъ вскочилъ съ мѣста. Искаженное лицо Желѣзнаго Герцога покрылось багровыми пятнами, онъ въ бѣшенствѣ потрясалъ судорожно сжатými кулаками.

— Это ложь, господинъ президентъ! Богомъ клянусь, что онъ лжетъ!

— Сидѣть!—ревѣла публика. — Сидѣть, разбойникъ! Молчать!

Председатель махалъ молоткомъ, надрывался, крича:

— Молчать! Садитесь!... Очистить залу!... Молчать, говорю я вамъ!

Толпа успокоилась лишь послѣ того, какъ дала полную волю выраженіямъ охватившаго ее волненія.

— Сидите на своемъ мѣстѣ, — строго обратился къ Дэвису генеральный адвокатъ, какъ только наступила возможность слышать его. — Продолжайте, сенаторъ. Что предлагалъ вамъ господинъ Дэвисъ?

Голосъ Уарда начиналъ слегка дрожать. Безсознательнымъ движеніемъ старикъ провелъ рукою по лицу.

— Онъ сказалъ мнѣ, что готовъ истратить еще пятьдесятъ тысячъ долларовъ на то, чтобы получить привилегію. Сумма эта не представлялась ему слишкомъ большою. Онъ сказалъ мнѣ, что привилегія необходима ему для того, чтобы сохранить то, что онъ уже имѣетъ. Онъ очень настойчиво убѣждалъ меня... и кончилъ тѣмъ, что прямо предложилъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ долларовъ за то, чтобъ я привлеку на его сторону шесть голосовъ, со включеніемъ моего.

Каждое слово падало страшною тяжестью на Дэвиса, помертвѣвшее лицо котораго и неподвижные глаза, устремленные на Уарда, носили отпечатокъ уличеннаго преступника, сидящаго передъ судьей.

— Я благодарю Бога за то, что Онъ помогъ мнѣ устоять передъ

искушеніемъ... Для разореннаго человѣка искушеніе было громад-ное. Силы на это во мнѣ не хватало, ее мнѣ дали моя дочь и этотъ молодой человѣкъ, присутствующій здѣсь. Я понялъ, что принявши такое предложеніе, никогда не посмѣю взглянуть имъ въ глаза. Вотъ что спасло меня!

Проговоривши это, онъ поднесъ руку къ головѣ, какъ будто не зная, что онъ хотѣлъ сказать еще.

Въ голосѣ президента слышалась нѣкоторая иронія, когда онъ спросилъ:

— Не объясните ли вы намъ, сенаторъ, почему вы сегодня дѣлаете заявленіе, которое отказались высказать въ прошедшій вторникъ?

Этотъ насмѣшливый тонъ снова приподнялъ энергію старика. Онъ выпрямился, его глаза сверкнули подъ сдвинутыми бровями, точно у бойца, готовящагося отразить нападеніе.

— Почему? Вы бы спросили лучше, изъ-за чего является сюда человѣкъ объявлять о собственномъ позорѣ! Я здѣсь сегодня потому, что это моя обязанность, потому, что жена и дочь напомнили мнѣ мой долгъ передъ избравшею меня страной. Я здѣсь потому, что эта коммиссія сдѣлалась сказкой и посмѣшищемъ цѣлой націи.

— Что вы хотите сказать этимъ? — угрожающимъ тономъ прозвучалъ голосъ президента.

— Я слышалъ, какъ всѣ говорили: «Они ничего не раскроютъ, они не докажутъ ни одного обвиненія, и Консолидированное общество получить свою привилегію...» И вотъ, господа члены коммиссія, я пришелъ сюда заявить, что если исповѣдь разореннаго и осрамленнаго старика приведетъ на скамью подсудимыхъ этихъ безсовѣстныхъ дѣльцовъ, то я безъ сожалѣнія приму на себя весь позоръ, который за то падеть на меня.

Снова раздались возгласы, но смолгли тотчасъ же, какъ только старикъ протянулъ руки къ публикѣ, точно въ ея лицѣ онъ умолялъ весь міръ вступить за правду. Въ этомъ движеніи было величіе, въ глазахъ старика свѣтилось глубокое убѣжденіе.

— Граждане великой свободной страны, возможно ли, чтобы какой-нибудь человѣкъ или акціонерная компанія распорядились вашими законодателями?

— Нѣтъ! Нѣтъ! — раздались крики.

— Что значить такой человѣкъ, какъ я, когда подумаешь о той очисткѣ, которая послѣдуетъ за осужденіемъ этихъ всеобщихъ развратителей? Господа, я готовъ теперь отвѣчать на вопросы, готовъ идти подъ судъ. Я не достоинъ служить...

Голосъ старика становился хриплымъ. Эвелина, въ смертельной тревогѣ, видѣла, что силы покидаютъ его, и не могла произнести ни слова.

— Я сказалъ правду, господа. Надо покончить съ этими безстыдными людьми, надо оградить права народа. Спрашивайте меня... я готовъ... я удовлетворенъ буду, если... если смогу...

Голова Уарда склонилась, онъ судорожно схватился за спинку кресла. Эвелина вскрикнула, Тётъ бросился поддержать старика. Всѣ поднялись съ мѣстъ и наклонялись впередъ.

— Тише, садитесь!... Приставъ, распорядитесь удалить публику!... Помогите усадить сенатора! — кричали президентъ и члены комиссiи.

— Посторонитесь! Пропустите дѣвушку!... Да отодвиньтесь же... Не толкайте!

Эвелина пробралась сквозь толпу, которую члены комиссiи старались оттѣснить.

— Воды!... Отодвиньтесь же, наконецъ!

Тишина наступила такъ же моментально, какъ поднялся шумъ. Вильсонъ, державшій на рукахъ лишившагося чувствъ Уарда, проговорилъ спокойнымъ и необыкновенно внушительнымъ тономъ:

— Господинъ президентъ, сенаторъ въ такомъ состоянiи, что допрашивать его нельзя. Я прошу позволенiя увести его.

— Конечно, пристава помогутъ вамъ...

Всѣ члены комиссiи заняли свои мѣста, за исключенiемъ президента, стоявшаго до тѣхъ поръ, пока увели Уарда въ сопровожденiи Эвелины.

Когда за ними затворилась дверь, Дэвисъ выдвинулся впередъ, взбѣшенный понесеннымъ пораженiемъ, беспощадный въ своемъ отчаянiи.

— Господинъ президентъ, я требую, чтобы меня еще разъ вызвали. Я докажу, что этотъ человекъ не болѣе, какъ пьяница и лгунъ!

Молотокъ президента рѣзко ударилъ по столу.

— Мистеръ Дэвисъ, потрудитесь сѣсть на свое мѣсто! Комиссiя обсудитъ положенiе. Пристава очистятъ залу при первомъ признакѣ беспорядка. Намъ необходимо полное спокойствiе.

Поднялся генеральный адвокатъ, суровый, сосредоточенный, неумолимый.

— Господинъ президентъ, въ виду новыхъ разъясненiй, данныхъ сенаторомъ Уардомъ, я считаю нужнымъ допросить еще разъ

Томаса Бреннана, Роберта Беннета, Тимофея Шехена и Джемса Гольбрука.

— Комиссія постановила отложить засѣданіе до двухъ часовъ завтрашняго дня, — сказалъ президентъ.

Репортеры схватили свои шляпы, торопливо собрали бумаги и бросились къ лѣстницѣ.

Тётль, при помощи двухъ или трехъ человѣкъ, перенесъ сенатора Уарда въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ скоро пришелъ въ себя. Вызванный по телефону врачъ улыбался Эвелинѣ, стараясь ее успокоить и щупая пульсъ ея отца.

Эвелина отвѣчала ему благодарною улыбкой.

— Что онъ, долго будетъ боленъ?

— О, нѣтъ, я не думаю! — сказалъ молодой докторъ. — Его пульсъ уже крѣпнеть, онъ скоро совсѣмъ придетъ въ себя. Его, должно быть, что-нибудь утомило до изнеможенія?

— Онъ только что говорилъ слишкомъ страстно, — отвѣтилъ Тётль.

— Этимъ все и объясняется. Онъ не замедлитъ оправиться, только его нужно какъ можно скорѣе отвезти домой и дать ему полный покой.

И на самомъ дѣлѣ сенаторъ мирно спалъ на пароходѣ; увозившемъ его на дачу. Тётль проводилъ старика до его комнаты и, удаляясь, сказалъ:

— Я приду къ вамъ, какъ только освобожусь, быть можетъ, сегодня же вечеромъ. Буду вамъ очень благодаренъ, если вы дадите знать моей матери, что я здоровъ и чувствую себя прекрасно...

Когда онъ вышелъ на улицу, разносчики газетъ кричали: «Вечернія газеты! Всѣ подробности слѣдствія!...» И всѣ знакомые, встрѣчавшіеся Тётлю, останавливали его и совѣтовали принимать самыя крайнія мѣры, чтобы ускорить преслѣдованія.

— Хорошенько ихъ, Тётль!

— Какъ-никакъ, а доканали вы ихъ. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ!

— Безъ Уарда ничего бы вы съ ними не подѣляли. Засадите-ка ихъ скорѣе, а то они удерутъ, навѣрное удерутъ...

— Не мнѣ ихъ засаживать, — отвѣчалъ Тётль. — Я свое дѣло сдѣлалъ, на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть слѣдствія, а теперь пусть уже дѣло идетъ своимъ обычнымъ и законнымъ путемъ...

— О, Тётль, теперь мы уже всѣ будемъ за васъ! — говорилъ, смѣясь, одинъ молодецъ, бывший до сихъ поръ, завѣдомо для Тётля, сторонникомъ Консолидированнаго общества.

XIII.

Во второмъ этажѣ ресторана Сема Брэди была въ сборѣ группа членовъ Третьей Палаты.

Дымъ ходилъ влубами по комнатамъ, запахъ пива и виски дѣлалъ атмосферу отвратительною. Мальчики приходили снизу, быстро пробѣгали, разнося на подносахъ напитки посѣтителемъ, сидѣвшимъ на диванахъ, обитыхъ красною кожей, и на стульяхъ съ высокими спинками.

То не было правильное собраніе людей, сошедшихся по созыву. Но общее убѣжденіе въ томъ, что наступилъ рѣшительный день процесса и что Тэтлъ побить на голову, приводило всѣхъ присутствующихъ въ самое веселое настроеніе. Шехенъ былъ страшно пьянъ и за нимъ зорко слѣдилъ Маркъ Брэди, маленькій юркій ирландецъ, настоящій собственникъ заведенія, приходившій отъ времени до времени изъ ресторана понаблюдать за возрастающимъ опьяненіемъ посѣтителей съ тѣмъ, чтобы предупредить ихъ, когда это потребуется.

Онъ отозвалъ въ сторону двоихъ или троихъ изъ наиболѣе трезвыхъ и сказалъ имъ:

— Слушайте-ка, молодцы, очень вы неосторожны. Едва ли вамъ желательно, чтобы васъ прихватили тутъ за эту пустую болтовней и засадили бы куда слѣдуетъ. Для меня это совсѣмъ не подходящее дѣло теперь. Понимаете вы меня? Вы тамъ какъ хотите, а мнѣ это не съ руки.

Они обѣщали слѣдить за Шехеномъ и за другими, расположившимися, повидимому, провести тутъ всю ночь, и Маркъ Брэди сошелъ внизъ.

Вдругъ онъ вбѣжалъ снова, промчавшись по лѣстницѣ. Вся его забавная и невзрачная фигурка выражала тревогу и страхъ.

— Вотъ когда черти-то въ дѣло впутались!...

Всѣ бросились къ нему.

— Что случилось, Маркъ?

Онъ подпрыгнулъ, какъ акробатъ, и разразился цѣлымъ потокомъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, прежде чѣмъ смогъ сказать что-нибудь понятное.

— Уардъ выдалъ!... Удирайте вы всѣ, несчастные, удирайте скорѣй!...

Раздался цѣлый хоръ криковъ и ругательствъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, какъ стадо крысъ, застигнутыхъ въ амбарѣ.

— Ничего они намъ не могутъ сдѣлать, — сказалъ кто-то.

— Неужели?—воскликнулъ Маркъ насмѣшливо и необыкновенно презрительно.—Газеты накинута на насъ, какъ мухи на пирогъ съ медомъ... Чортъ же васъ возьми! Если вы не удерете, засадятъ васъ всѣхъ до одинаго!

— Это вѣрно, — сказалъ старшій капитанъ Бегеръ. — Если спамятъ одного, и онъ заговоритъ, заберутъ насъ всѣхъ-сполна... Придется мнѣ прокатиться въ Новую Шотландію, здоровье надо поправить...

— Всѣ утекайте! На Фукса нельзя полагаться ни минуты!— кричалъ на лѣстницѣ чей-то громкій голосъ.

Не прошло десяти минутъ, какъ всѣ ушли, Маркъ остался вдвоемъ съ своимъ братомъ Семомъ, человѣкомъ атлетическаго сложенія.

— Что же будетъ теперь, Семъ?—спросилъ Маркъ.

— Арестуютъ Бреннана, Фукса, патрона и всѣхъ, кого успѣютъ захватить. Только и разговоровъ будетъ, что объ отдачѣ подъ судъ, объ уголовномъ процессѣ. Большія шишки будутъ выпущены на поруки, разумѣется, но насъ это не спасетъ, если заберутъ Шехена... Похлопочите, чтобъ онъ уѣхалъ, и приведите здѣсь все въ порядокъ, — добавилъ онъ, оглядываясь кругомъ. — Никто не долженъ видѣть эту комнату такую, какова она теперь. Если придетъ Томъ, скажите ему, что я буду дома, и посоветуйте удирать какъ можно скорѣй.

Съ той минуты, какъ сдѣлалось дурно съ сенаторомъ Уардомъ, все пришло въ смятеніе. Никто не зналъ навѣрное, что извѣстно сосѣду, и въ особенности никто не могъ предугадать, что сосѣдъ захочетъ раскрыть. Исчезло всякое чувство солидарности между членами Третьей Палаты и ихъ присными. Моментально исчезли всѣ прикосновенные къ дѣлу, точно крысы изъ опустѣвшаго амбара.

Никто не довѣрялъ Бреннану и Фуку и всякій ждалъ, что они выдадутъ остальныхъ. И, съ своей стороны, эти два союзника были увѣрены въ томъ, что каждый изъ обвиняемыхъ не задумается выдать ихъ сообщниковъ по самому ничтожному поводу и что каждое признаніе повлечетъ къ отвѣту людей болѣе значительныхъ, вплоть до самыхъ опасныхъ кружковъ. Разгромъ былъ полный, — настоящее Ватерлоо.

Газеты изъ себя выходили на перебой другъ передъ другомъ. Одна изъ нихъ до того освириѣла, что прямо восклицала: «Не выпускать ни на поруки, ни подъ залогъ! Долой измѣнниковъ!»...

Постановленіе объ арестѣ Фукса, Бреннана и Дэвиса последо-

вало тотчасъ же за представленіемъ доклада комиссіи. Въ обѣихъ Палатахъ шумъ былъ неописуемый, многіе члены ихъ, одинъ за другимъ, оказывались скомпрометированными. Публика лихорадочно набрасывалась на каждый новый выпускъ газетъ и съ дикимъ восторгомъ читала извѣстія о послѣдовательныхъ арестахъ. Но сѣть оказалась закинутою слишкомъ поздно, и попадались въ нее только ничтожные посредники, люди дрянной репутаціи, знавшіе только одну изъ сторонъ, участвовавшихъ въ преступныхъ сдѣлкахъ. Тѣмъ не менѣе, они компрометировали другихъ, аресты продолжались, и правосудіе шагъ за шагомъ добиралось до Дэвиса, окружало его несокрушимою желѣзною стѣной.

Теперь уже не было недостатка въ людяхъ, ухаживавшихъ за Тэтлемъ и хватавшихся за продолженіе начатаго имъ дѣла, чему онъ былъ весьма радъ. Онъ былъ искренно встревоженъ за Дэвиса и даже въ этотъ часъ вѣрилъ тому, что онъ скорѣе жертва, чѣмъ виновникъ во всей этой исторіи. Тэтль поснѣшилъ на берегъ моря повидать свою мать и успокоить Эленъ.

Отъ матери онъ прошелъ къ сенатору Уарду и засталъ Эвелину около дома подъ деревьями.

— Какъ здоровье сенатора?—спросилъ онъ еще издали.

— Лучше,—отвѣтила дѣвушка.—Онъ сталъ замѣтно спокойнѣе... Скажите, мистеръ Тэтль, что же съ нимъ сдѣлають?

Въ ея голосѣ слышалась такая смертельная тревога, что Тэтль не сразу отвѣтилъ на вопросъ.

— Я не думаю, чтобъ его стали преслѣдовать, — сказалъ онъ.— Возможно, что противъ него будетъ заявлено обвиненіе, если онъ только не подастъ въ отставку, что онъ, я полагаю, сдѣластъ. Но такое обвиненіе будетъ лишь простою формальностью. Я твердо увѣренъ въ томъ, что своимъ поведеніемъ онъ заслужилъ общее уваженіе. Всѣ говорятъ съ восторгомъ объ его героизмѣ. Газеты...

— Я не посмѣла заглянуть ни въ одну изъ нихъ, — отвѣтила Эвелина.

— Совершенно напрасный страхъ. Онъ уже вступаются за него, прославляютъ его геройство. Могу я повидать его? Онъ лежитъ?

— Дремалъ въ креслѣ, когда я сюда пошла. Онъ желалъ васъ видѣть, и вы хорошо сдѣлаете, если зайдете къ нему.

Сенаторъ Уардъ сидѣлъ въ креслѣ у окна, обратившись лицомъ къ морю. Онъ взглянулъ на Тэтля широко раскрытыми вопрошающими глазами.

— Какъ вы чувствуете себя, сенаторъ?—сказалъ Тётль.

— Какъ потерпѣвшій кораблекрушеніе, Вильсонъ!—отвѣтилъ онъ, слабо улыбаясь и протягивая руку гостю.

Тётль пожалъ его руку и сѣлъ на стулъ рядомъ со старикомъ.

— Не теряйте бодрости, сенаторъ. Общее сочувствіе на вашей сторонѣ. Газеты полны вами. И на самомъ дѣлѣ вы отняли у меня лавры. Вотъ послушайте...

Онъ вынулъ изъ кармана газету и прочелъ вслухъ: «Если раскроется правда, то этимъ мы будемъ обязаны болѣе героизму сенатора Уарда, чѣмъ инициативѣ Тётля. Шайка плутовъ укрывалась за непроницаемою стѣной. Слѣдствіе оказывалось безсильнымъ, когда сенаторъ Уардъ, какъ новый Винкельридь, направилъ на свою грудь непріятельскія копья и тѣмъ очистилъ путь правосудію. Всѣ честные люди убѣждены въ томъ, что сенаторъ Уардъ не былъ самимъ собою, когда дотрогивался до предложеннаго ему золота».

Уардъ застоналъ и отвернулся. Напоминаніе о безчестьѣ, опубликованное въ передовой статьѣ газеты, падало на него всею тяжестью и давило его. Тётль понялъ это и постарался утѣшить старика.

— Не томите себя прошедшимъ, сенаторъ, смотрите лучше впередъ. Все уладится само собою. Какъ только я освобожусь черезъ день или два, я примусь за ваши дѣла и посмотрю, не смогу ли чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

Уардъ хотѣлъ выразить свое отчаяніе, когда вошла его жена.

— Добрый вечеръ, мистеръ Тётль,—сказала она довольно сухо.

Онъ не замѣтилъ этого и остался на нѣсколько минутъ въ комнатѣ, слѣдя за стараніями мистрисъ Уардъ убѣдить сенатора съѣсть что-нибудь.

— Покушать надо, это подкрѣпить васъ, сами знаете. Я сама изжарила для васъ дыпленка, смотрите, какой онъ нѣжный, и чай превосходный. Лучше этого я никогда не приготовляла.

Старикъ подчинился женѣ, и когда она захотѣла непременно повязать ему салфетку вокругъ шеи, какъ малому ребенку, онъ взглянулъ на Тётля, обмѣнялся съ нимъ улыбкой.

— Она, кажется, совершенно счастлива тѣмъ, что можетъ за мною ухаживать,—сказалъ Уардъ.

Тётль разсмѣялся отъ всей души, и въ комнатѣ какъ будто просвѣтлѣло. Полное невѣдѣніе г-жи Уардъ того, что происходитъ въ области политики, было въ данную минуту особенно благотворно.

Эвелина услышала смѣхъ и вошла въ комнату. Тётль встрѣтилъ дѣвушку въ дверяхъ.

— Нашему больному лучше! — сказалъ онъ радостно. — Видѣли вы Эленъ? — продолжалъ молодой человѣкъ, когда они вышли на террасу.

— Нѣтъ, она рѣдко бывала это время. У нея была сегодня цѣлая толпа пріятельницъ.

— Я хочу къ ней пройти, — говорилъ Тётль на ступенькахъ лѣстницы. — А потомъ, какъ улучу минуту, займусь дѣлами вашего отца, посмотрю, нельзя ли помочь вамъ привести ихъ въ порядокъ. Прошу васъ, позвольте мнѣ сдѣлать это для него.

— Да, если вы думаете, что стоить ими заниматься. Я боюсь, что очень немного намъ останется, — закончила она мрачно.

Провожая его глазами, Эвелина думала, что все происходившее можетъ опять сблизить Эленъ съ Тётлемъ.

Тётль сталъ въ совершенный тупикъ отъ пріема молодой дѣвушки. Эленъ выбѣжала ему навстрѣчу, какъ ребенокъ, и припала головой къ его груди. Всѣ дѣловыя заботы сразу вылетѣли изъ его головы. Онъ обхватилъ руками ея станъ, цѣловалъ ея волосы, восторженно шепталъ ея имя.

Онъ рассказывалъ ей далеко не всю правду и лишь въ утѣшеніе ей увѣрялъ, что ея отцу нечего бояться, что его арестъ есть чистѣйшая формальность, что онъ будетъ тотчасъ же отпущенъ на поруки и скоро вернется домой. Онъ убѣжденъ, что мистеръ Дэвисъ ничуть не виноватъ, что Фуксъ и Бреннанъ...

При этомъ имени онъ слегка запнулся, какъ бы собираясь что-то объяснить. Но всякія объясненія оказались излишними, такъ какъ Эленъ удовольствовалась тѣмъ, что прильнула къ нему еще крѣпче и обвила руками его шею.

Наконецъ, она подняла на него глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ.

— Я знаю, что безобразна стала до страшноты, но не могу я не плавать. Всѣ говорятъ, будто его посадятъ въ тюрьму, и... и не съ кѣмъ мнѣ подѣлиться горемъ! Мнѣ такъ хотѣлось, такъ нужно было видѣть васъ. Не уходите отъ меня, пока не вернется папа...

— Я долженъ идти домой обѣдать.

— О, оставайтесь обѣдать со мной... Никого нѣтъ, одна я. Мои пріятельницы разбѣжались, какъ только были получены газеты... Прошу васъ, оставайтесь! — умоляла она.

— Хорошо, я останусь, если вы пошлете сказать объ этомъ моей матери.

Тётль былъ на седьмомъ небѣ. Всѣ событія дня представлялись

молодому человѣку какимъ-то тяжелымъ сномъ. Казалось совершенно невозможнымъ сообщничество Дэвиса съ Третьей Палатой. Тутъ, несомнѣнно, должна быть какая-нибудь ошибка. Телеграмма, принесенная въ половинѣ обѣда, подтвердила такое предположеніе. Эленъ прочла вслухъ:

«Не тревожьтесь, милая. Все это лишь политическая игра. Сегодня дома не буду. Я здоровъ. Не обращайтесь вниманія на газеты.

Папа Дэвисъ».

Эленъ поцѣловала депешу и весело смѣялась, когда Тэтль, шутливымъ тономъ, очень рѣдкимъ у него, говорилъ, что она могла бы, уже за одно, поцѣловать и разсылнаго. Эленъ написала отвѣтъ и отправила его съ маленькимъ телеграфистомъ, получившимъ, вмѣсто поцѣлуя, серебряную монету. Обѣдъ прошелъ восхитительно, у обоихъ было необыкновенно легко на сердцѣ...

На слѣдующій день утромъ Тэтль читалъ газеты, наполненныя требованіями начать судебныя преслѣдованія немедленно. Цѣлая страница была посвящена бесѣдамъ съ сенаторами: большинство говорило, что Руфа Уарда не слѣдуетъ отдавать подъ судъ. Передавался слухъ, что два виновныхъ депутата скрылись. Бреннанъ, Фуксъ и Дэвисъ были арестованы, но почти тотчасъ отпущены на поруки.

Тэтль зашелъ на дачу Дэвиса и оставилъ Эленъ записку, въ которой просилъ молодую дѣвушку не ѣздить въ городъ, — онъ по-видается съ Желѣзнымъ Герцогомъ и привезетъ его къ обѣду непременно.

Когда Тэтль вошелъ въ залу комиссіи, тамъ царил торжественная тишина. Было сдѣлано распоряженіе публику не допускать. Президентъ уже не смѣялся шуткамъ Тома Бреннана. Король Третьей Палаты былъ низвергнутъ. Бинней совсѣмъ пересталъ дремать. Фуксъ и Дэвисъ не явились. Большинство свидѣтелей имѣло угнетенный видъ. Ихъ быстро допросили, потомъ поднялся говорить генеральный адвокатъ.

— Господинъ президентъ, возложенную на насъ обязанность мы исполнили.

Онъ надѣлъ очки, справился съ бумагой, которую держалъ въ рукѣ, обвелъ членовъ комиссіи торжествующимъ взглядомъ и продолжалъ:

— Мы доказали виновность нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ съ самаго начала считали главными дѣятелями въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Мы доказали, что Третья Палата существуетъ и получаетъ субсидіи. Законъ устранить, разумѣется, столь ненормальный по-

рядокъ вещей. Мы доказали, что сенаторъ Уардъ, сенаторъ Голвей и многіе другіе законодатели были подкупаемы. Преданіе ихъ суду зависитъ теперь отъ законодательнаго корпуса. Наступаетъ эра реформъ. Заслуга инициативы и успѣха принадлежитъ молодому человѣку, сидящему рядомъ со мной. Но закончить я не могу, не выразивши глубокаго сожалѣнія о томъ, что кулуарныя интриги разныхъ дѣльцовъ губятъ такихъ людей, какъ сенаторъ Уардъ и мистеръ Дэвисъ, ибо самъ онъ, если я не ошибаюсь, оказывается тутъ настолько же жертвою подкуповъ, насколько ихъ руководителемъ.

XIV.

Лауренсъ Дэвисъ никогда не былъ философомъ. Подобно многимъ людямъ, онъ всю жизнь отдалъ чисто матеріальнымъ заботамъ, и ему почти некогда было задумываться и углубляться въ себя. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, сознавалъ упадокъ силъ, какъ разъ въ такое время, когда все, имъ нажитое, готово было ускользнуть изъ его рукъ.

Когда рука закона тяжело опустилась на его плечо, онъ въ первый разъ въ жизни испыталъ нравственный толчокъ, чуть не сразившій его на смерть отъ апоплексическаго удара. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ былъ точно пьяный, потерявшій способность разсуждать и дѣйствовать. Когда онъ явился въ судъ, онъ едва держался на ногахъ. Его, разумѣется, отпустили тотчасъ же на поруки, благодаря внимательству другихъ лицъ, акціонеровъ Консолидированнаго общества. Первою его заботой было телеграфировать дочери и успокоить ее. Онъ ясно представлялъ себѣ ея тревоги и хотѣлъ пощадить ее настолько долго, насколько это окажется возможнымъ. При каждомъ воспоминаніи о ней его охватывала дрожь.

Измѣнившійся тонъ газетъ приводилъ его въ ужасъ. Жестокого поразило его также бѣгство его сообщниковъ, исчезновеніе всѣхъ тѣхъ людей, которые еще наканунѣ такъ ухаживали за нимъ въ надеждѣ подѣлить съ нимъ добычу. Онъ зналъ, конечно, что въ жизни такъ всегда бываетъ, но когда онъ испыталъ это на себѣ, то впечатлѣніе получилось потрясающее. Съ наступленіемъ ночи онъ сѣлъ къ письменному столу въ своемъ большомъ, пустомъ и темномъ домѣ на Курней-Стритъ и принялся торопливо писать, точно желая къ сроку окончить необходимую работу.

Въ наглухо запертомъ домѣ было свѣжо, тогда какъ на дворѣ

была духота. Толстый полицейскій, шагавшій по безлюдной улицѣ, раздумывалъ о томъ, почему въ нѣкоторыхъ кварталахъ города люди проводятъ ночи въ канавахъ за неизбѣнимъ пристанища, тогда какъ этотъ домъ и многіе другіе на протяженіи нѣсколькихъ миль стоятъ пустыми, съ запертыми дверями и закрытыми ставнями. Задачи этой онъ рѣшить не могъ и только покачивалъ головой.

У Желѣзнаго Герцога драпировки и ставни великолѣпной библиотеки были плотно закрыты, сквозъ нихъ не проникалъ наружу ни малѣйшій лучъ свѣта. Было около десяти часовъ, въ домъ царилъ полная тишина. Полъ былъ заваленъ бумагами, вынутыми изъ небольшихъ металлическихъ ящиковъ. Надъ столомъ висѣла электрическая лампа, при голубоватомъ свѣтѣ которой еще ярче выдавались багровыя пятна на лицѣ Дэвиса.

Откуда-то издали донесся свистокъ поѣзда. Дэвисъ прислушался бессознательно, держа перо въ рукахъ. Бой часовъ заставилъ его оторваться отъ гнетущихъ думъ. Дэвисъ всталъ, подошелъ къ своему частному телефону и рѣзко позвонилъ.

— Hallo!... Ну?... Это вы? Вернулся мистеръ Фуксъ?... Нѣтъ? Мнѣ ничего не присылалъ?... Очень странно! Когда вернется, скажите ему, что я у себя дома, здѣсь въ городѣ... Подождите минуту. Если спросить кто другой, говорите, что я на дачѣ. Больше ничего.

Онъ отошелъ, сжимая кулаки и ворча сквозъ зубы:

— Проклятый трусъ!... Покинулъ меня!

Послышался стукъ въ дверь, Дэвисъ отозвался, — вошелъ Робертъ. Дэвисъ обрадовался ему.

— А, Робертъ! Что новаго?

— Я не могу нигдѣ найти ни Фукса, ни Тома.

— Что же это значитъ? Сбѣжали они?

— На то похоже, или, быть можетъ, скрываются гдѣ-нибудь въ городѣ. Если ничего не узнаю про нихъ и завтра...

— Что же это, однако, такое? Неужели они бросили меня? Вы какъ думаете?

Робертъ помолчалъ съ секунду.

— Объ этомъ я узнаю тотчасъ же, какъ вернусь въ контору. Я уже послалъ агентовъ по городу въ разные мѣста, гдѣ ихъ можно разыскивать. О результатѣ буду вамъ телефонировать, да кстати, предупреждаю, будьте осторожны въ разговорѣ по телефону. Сырость воздуха увеличиваетъ силу индукціи, и наша специальная проволока перехвачена. Я буду называть васъ Бингъ. Если я ска-

му, что Смитъ уѣхалъ на дачу, это будетъ значить, что Фуксъ бѣжалъ. Тома я буду называть Брауномъ. Помните?

— Хорошо, Робертъ... Плохо мое дѣло, Робертъ?—спросилъ онъ, какъ бы взывая къ сочувствію молодого человѣка, собиравшагося уходить.

— Да, правда,—сказалъ Робертъ.—Но я думаю, что вы все-таки выкарабкаетесь. Я не выходилъ сегодня, но знаю... знаю, что въ Капитоліи сильно волнуются, обвиняютъ нѣсколькихъ сенаторовъ. Газеты полны этимъ, разумѣется. Какъ бы ни было, мучиться изъ-за этого бесполезно.

— Милый мой, я бы очень желалъ быть сегодня въ вашей шкурѣ,—отвѣтилъ Дэвисъ.—Моя-то, знаете, очень ужъ не дорого стоитъ... Такъ вы сообщайте мнѣ все, что будетъ происходить въ конторѣ, хотя бы самое плохое. Ничего не скрываете отъ меня.

— Такъ и будетъ. Пока все идетъ обычнымъ порядкомъ, и на публику это производить, кажется, хорошее впечатлѣніе. Покойной ночи! Вы хорошо бы сдѣлали, еслибъ легли въ постель и постарались уснуть. Я пробуду въ конторѣ до двѣнадцати часовъ. Если случится что-нибудь серьезное, я дамъ вамъ знать. Покойной ночи!

— Покойной ночи, Робертъ. Я бы очень желалъ, чтобы всѣ были такъ же вѣрны, какъ вы. Покойной ночи!

Робертъ ушелъ, Дэвисъ вернулся къ столу и сѣлъ, опустивши голову на руки. Въ дверь снова постучали, и вошла служанка.

— Вамъ ничего больше не потребуется?

— Ничего, Мери... Только не ходите сюда и не надоѣдайте мнѣ. Вотъ и все.

Говоря это, онъ рылся въ бумагахъ, и шарилъ въ своихъ карманахъ, будто потерялъ что-то очень нужное. Онъ кончилъ тѣмъ, что всталъ и вышелъ изъ комнаты, продолжая искать.

Мери удивленно осматривалась кругомъ, она начинала бояться за своего хозяина. Онъ казался ей совсѣмъ не такимъ, какъ всегда. Звонокъ наружной двери заставилъ ее вздрогнуть.

— Какъ, ночью-то? Кто бы это могъ быть такъ поздно?

Скоро она вернулась съ Эленъ.

— Вѣрно, миссъ, съ полудня отъ письменнаго стола не отходилъ, пишетъ, какъ сумасшедшій. Вечеромъ онъ и чай не пилъ, и ни кусочка хлѣба не сѣлъ. А я ему и ужинъ приготовила... «Не надоѣдай»,—говорить и рукой машеть. А я и говорю: «Покушали бы лучше...»

Эленъ снимала перчатки, сіяя отъ счастья.

— Не вль ничего? Должно быть, очень его измучили. Но я заставлю его кушать...

— Мери, мнѣ звонокъ послышался,—сказала Дэвисъ, входя въ комнату.

Появленіе Эленъ удивило его, испугало.

— Вы здѣсь зачѣмъ въ такой часъ? Развѣ я вамъ не...

Эленъ подошла къ нему и обняла его шею.

— Ну-ну, не браните. Не могла я тамъ оставаться одна въ то время, какъ вы здѣсь, въ этомъ мрачномъ, пустомъ домѣ. Какъ вы блѣдны! Вы больны?

— Нѣтъ. Какъ же это вы одни пріѣхали?

— О, папа, не сердитесь. Я пріѣхала потому, что мнѣ Вильсонъ сказалъ: такъ лучше будетъ, я могу вамъ понадобиться.

Онъ пристально взглянулъ на дочь.

— Тѣтъ сказалъ, что вы можете мнѣ понадобиться? Что онъ еще сказалъ? Говорите все!—добавилъ онъ строго.

— Все скажу, только не будьте такимъ сердитымъ... Онъ сказалъ, что вы одни, измучены... и вотъ я пріѣхала съ нимъ. Теперь вы мнѣ говорите все. Мери увѣряетъ, что вы не ужинали?

Дэвисъ отвернулся, отошелъ прочь.

— У меня довольно дѣла, помимо ѣды. Бъ тому же я и не голоденъ.

Эленъ топнула ногой и сдвинула брови.

— Вы должны кушать. Я пойду принесу вамъ чего-нибудь, и вы здѣсь покушаете... Не дамъ я вамъ писать и спать не отпущу безъ ужина.

— Не могу я ѣсть, дитя мое, и у меня слишкомъ много дѣла,—возразилъ Дэвисъ болѣе мягкимъ тономъ.—И не приставайте вы ко мнѣ.

— Я приставать не буду, выпейте только чашку шоколада... Я сама приготовлю здѣсь на спиртовой лампѣ. Вы потомъ лучше уснете... Изжарю вамъ что-нибудь.

— Уснуть! Какъ бы я хотѣлъ уснуть... Ну, несите ваши припасы и стряпайте, пока я буду писать. Я еще не кончилъ...

Эленъ захлопала руками, какъ ребенокъ. Ее восхищала мысль расположиться въ этомъ большомъ домѣ, точно на бивагѣ: это было ново.

— О, какъ весело будетъ! Я увѣрена, что и вамъ будетъ лучше.

— Хорошо, хорошо! Занимайтесь стряпней и не очень много разговаривайте,—сказала Дэвисъ, садясь опять къ столу.

Эленъ вышла и скоро возвратилась съ Мери, принесшей па

подносъ молока, горячую воду и проч. Онъ все устроили на маленькомъ столигѣ, Дэвисъ продолжалъ писать.

Когда Мери удалилась, онъ подошелъ къ Эленъ и сѣлъ на кресло рядомъ съ нею.

— Эленъ, дитя мое, я бы предпочелъ, чтобы вы остались на берегу моря съ Эвелиной и съ Тэтлемъ. Я думаю, что это было бы лучше. А что ваша ссора съ Тэтлемъ? Помирились вы!

Эленъ попыталась соорудить очень строгую мину.

— Но, вѣдь, это... это все его вина... не могу же я...

Дэвисъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ.

— Осуждать его не слѣдуетъ. Онъ поступалъ такъ, какъ бы и я поступилъ на его мѣстѣ. Но и меня тоже не должно осуждать. Я вынужденъ былъ дѣлать то, что я дѣлалъ. Проклятыя обстоятельства и эта дьявольская шайка денныхъ разбойниковъ втянули меня во все это!

Онъ подошелъ къ дочери.

— Еслибы мнѣ все удалось, я думаю, что не согласился бы отдать васъ замужъ за Тома Бреннана, а теперь... теперь и подавно... такой мужъ не годится для васъ. Тэтль—вотъ это человекъ. Прочтите.

Онъ подаль дѣвушкамъ письмо, которое она прочла вслухъ.

Господину Л.—Б. Дэвису.

«Я обращаюсь къ вамъ, чтобы высказать, какъ я былъ глубоко опечаленъ и изумленъ результатомъ нашего слѣдствія. Я никакъ не предполагалъ, что могу навлечь на *васъ* отвѣтственность за какую-либо *противузаконную сдѣлку*.

«Я пишу вамъ теперь въ надеждѣ, что вы поймете мое положеніе. Въ дѣлѣ этомъ не могутъ имѣть значеніе ни дружба, ни иные личныя отношенія. Но я счастливъ буду, если мнѣ удастся всѣми честными средствами быть полезнымъ вамъ или Эленъ, если только смогу что-нибудь сдѣлать. Располагайте мною, какъ другомъ, и прошу васъ вѣрить въ мою искреннюю преданность.

Вильсонъ Тетль».

Эленъ сдвинула брови, дѣлая тщетное усиліе понять смыслъ этихъ фразъ.

— Я совсѣмъ не понимаю... это ужасная смѣсь... только чувство, побудившее его писать такъ, кажется мнѣ благороднымъ. Это на него похоже.

Вдругъ она бросилась на шею отцу.

— Папа, вы должны сдѣлать для меня одну вещь. Сдѣлаете? общаете?

Дэвисъ привлечь ее къ себѣ на колѣни и весело сказалъ:

— Я лучше отвѣчу вамъ, когда узнаю, въ чемъ дѣло.

Она спрятала лицо на груди отца и, запинаясь, робко проговорила:

— Видите, папа, я боюсь... а надо сказать, я должна вамъ сказать... я видѣла сегодня Вильсона... одна.

— Большой бѣды я въ этомъ не нахожу.

Эленъ выпрямилась на его колѣнахъ и тербила пуговицы его жакетки.

— Такъ вотъ... дорогой я объяснилась съ нимъ... О! папа, я чуть не заболѣла съ того дня, помните... Но я попросила у него прощенья... онъ, вѣдь, думалъ, что хорошо поступаетъ... хотя не знаю, что онъ въ сущности сдѣлалъ.

— А какъ же Томъ?... Развѣ вы не...

— Я, именно, и хотѣла просить,—заговорила она живо,—чтобы вы сказали Тому, что ни малѣйшаго намѣренія не имѣла... что на самомъ дѣлѣ не знала...

Дэвисъ невольно улыбнулся.

— Стало быть, ему нужно сказать, что вы отступаетесь?

— О, выраженіе это такое нехорошее!

— Ничего, такъ говорится между дѣловыми людьми! Не волнуйтесь, все уладится и для васъ кончится счастливо.

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ «для васъ», чего Эленъ не замѣтила.

— Теперь надо идти спать и не тревожиться за меня. Ничего дурного они мнѣ не сдѣлаютъ.

— Бѣдный папа!... А я настоящая эгоистка, весела и счастлива, когда васъ такъ мучаютъ. Но я думать уже ни о чемъ не могу, такъ мнѣ хорошо-хорошо! Неужели всѣ молодыя дѣвушки ведутъ себя такъ же глупо, когда онѣ...

— Ладно, ладно... Я переговорю съ Томомъ, когда увижу его. Предположеніе это никогда мнѣ особенно не улыбалось. Я зналъ, что и вамъ оно не по душѣ... Но Томъ былъ мнѣ нуженъ, къ тому же я... Ну, теперь объ этомъ не стоить... Я покойнѣе усну сегодня, такъ какъ знаю, что съ Вильсономъ вы столковались...

Эленъ соскочила съ колѣнъ отца, услышавши, что вода закипѣла, и налила ему чашку шоколада. Дэвисъ пилъ маленькими глотками, продолжая разговоръ.

— Обо мнѣ вы не безпокойтесь. Я покончу все очень хорошо.

И чтобы со мною ни случилось,—я разумею, чтобы ни говорили обо мнѣ,—не забывайте, что я старался все устроить къ лучшему.

— Разумеется, папа!... А знаете, когда вотъ такъ въ головѣ одинъ человѣкъ и сказать это нельзя... потомъ, когда съ нимъ поссориться, дашь слово другому, о комъ вовсе и не думаешь... и вдругъ помиришься съ первымъ и можешь любить, его сколько угодно... Ахъ! какъ это восхитительно, какъ на душѣ хорошо... Вѣдь, знаете, не правда ли?

— Какъ не знать... вѣдь, я былъ молоденькою дѣвушкой!... А теперь уходите, будьте милою дѣвочкой... Я буду пить шоколадъ и писать. Для меня большимъ утѣшеніемъ было, что я повидалъ васъ еще разъ.

— Папа! въ вашемъ голосѣ есть что-то, чего я не понимаю... О чемъ вы думаете?

— Я думаю, во-первыхъ, о томъ, что вы теперь невѣста, а, во-вторыхъ, что уже не долго вамъ такъ ухаживать за мной.

— Ровно ничего не измѣнится,—возразила она,—ни вотъ *на- столько!*...

Но онъ хорошо видѣлъ, что неизбежная разлука уже началась.

— Посмотримъ... Теперь, покойной ночи!

Онъ долго смотрѣлъ на дверь, въ которую вышла Эленъ, тяжело вздохнулъ, и лицо его приняло опять сосредоточенное выраженіе.

Онъ взялъ связку бумагъ, просмотрѣлъ двѣ или три изъ нихъ, заглянулъ въ газету, скомкалъ ее и швырнулъ въ корзину; наконецъ, досталъ изъ стола револьверъ, внимательно осмотрѣлъ его, съ отвращеніемъ, но точно загнипнотизированный.

«Какъ бы легко было покончить все это, еслибъ не было Эленъ!»—думалъ онъ въ ту минуту, когда Эленъ съ распущенными волосами и въ туфляхъ тихо вошла и приблизилась къ нему. У нея вырвался крикъ инстинктивнаго испуга:

— Что это вы дѣлаете?

Дѣвись вздрогнулъ, какъ преступникъ. Его руки дрожали, когда онъ опускалъ пистолетъ обратно въ ящикъ.

— Такъ, осматривалъ... посмотрѣлъ, заряженъ-ли, и только. Я... знаете, воровъ много. Прошедшею ночью они забрались въ два или въ три дома.

Желая дать объясненіе, онъ хватилъ черезъ край: перепуганная Эленъ ухватилась за отца.

— Воры! О, какой ужасъ! Я ни за что не лягу въ моей ком-

натѣ... Я здѣсь устроюсь, рядомъ съ вами, въ голубой... и дверь оставьте отворенною.

— Перестаньте и не дѣлайте глупости!—сказалъ онъ торопливо.—Мнѣ не слѣдовало говорить объ этомъ. Ни малѣйшей опасности и быть не можетъ, разъ я и Тимъ дома. Ложитесь въ голубой комнатѣ, если хотите. Въ своей я не стану тушить лампу, это можетъ васъ успокоить... Да вы, собственно, зачѣмъ вернулись?

При этомъ вопросѣ страхъ Эленъ сразу прошелъ, она вся зарумянилась.

— Я забыла сказать: вѣдь, онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что это будетъ будущею весной.

— Кто взялъ обѣщаніе?—спросилъ Дэвисъ въ недоумѣніи.

— Вильсонъ, разумѣется.

— А, да... понимаю, понимаю... Будущею весной? И прекрасно, ничего противъ этого не имѣю.

— Но мнѣ кажется, васъ это огорчаетъ. Я, пожалуй, и совсѣмъ не пойду замужъ, если хотите.

— Перестаньте! Не обращайтесь вниманія. Я просто вспомнилъ вашу мать и вашего брата, вотъ и все... Ему было бы теперь двадцать пять лѣтъ, ей сорокъ восемь... Идите и улаживайтесь въ постель сію минуту.

Онъ обвилъ рукой талію Эленъ и почти вынесъ ее изъ комнаты.

ХУ.

Бреннанъ былъ одаренъ темпераментомъ игрока, способнаго сохранять наружное спокойствіе при выигрышѣ и проигрышѣ: когда ему не везетъ, онъ останавливается, отправляется путешествовать, налагаетъ на себя воздержаніе, а покажется ему, что счастье опять на его сторонѣ, онъ принимается снова играть, безъ горечи, не переставая вѣрить въ себя и въ свое счастье. Возможность пораженія входила въ его расчеты. Бреннанъ, бывшій такъ долго счастливымъ игрокомъ, отнюдь не считалъ, что все потеряно потому только, что счастье повернулось къ нему спиной.

Онъ нашелъ себѣ временное безопасное пристанище и оттуда тщательно наблюдалъ за всѣмъ, что дѣлалось. Онъ хорошо понималъ важность кризиса, но вѣрилъ въ себя и въ свою судьбу. Въ его годы ему было легче, чѣмъ Дэвису, пережить мрачные часы неудачи, не теряя надежды оправиться. ♣

Бреннанъ понималъ, что разразилась не заурядная гроза. Будучи достаточно наблюдательнымъ, онъ отлично сознавалъ, что ничѣмъ нельзя утишить взрывъ общественнаго негодованія, — слѣдовательно, надо переждать бурю. Онъ зналъ это потому, что ближе, чѣмъ Дэвисъ, соприкасался съ массою людей и яснѣе видѣлъ грозные признаки въ новомъ тонѣ прессы цѣлой страны, такъ какъ день за день очень внимательно слѣдилъ за газетами.

Наступилъ день, когда онъ покинулъ свое пристанище и счелъ нужнымъ совсѣмъ скрыться. Разъ вечеромъ ему показалось, будто какой-то неизвѣстный человѣкъ исподтишка слѣдитъ за нимъ въ сѣняхъ гостиницы. Онъ, быть можетъ, не обратилъ бы на это особеннаго вниманія, еслибъ хозяинъ не далъ ему дружескаго совѣта.

— Скажите, Томъ, на что нуженъ вамъ агентъ Пинкертонъ, который ходитъ за вами, какъ тѣлохранитель?

— Агентъ? Гдѣ?—Томъ зорко оглянулся.

— Вонъ тамъ, въ бѣлыхъ панталонахъ. Я постоянно вижу его, какъ только вы...

— Э, не обращайтесь вниманія на него, скажите лучше, гдѣ друзья наши?

— Ни одного не видалъ я, Томъ, всѣ удрали, разбѣжались... Знаете, на вашемъ мѣстѣ я бы тоже отправился покататься.

Бреннанъ небрежно оперся на конторку и сказалъ:

— Что онъ, тутъ еще?

— Стоитъ тамъ, снаружи, разговариваетъ съ какимъ-то здоровеннымъ молодцомъ въ сѣрой шляпѣ.

— Вотъ что, я поднимусь наверхъ и не сойду раньше ночи. Получите, что я вамъ долженъ. Если меня спроситъ кто-нибудь, скажите, что я ушелъ черезъ боковую дверь.

— Понялъ, Томъ. Ступайте къ моей женѣ и скажите, что я васъ прислалъ, что самъ вернусь скоро... Я-то не выдамъ Тома Бреннана...

Бреннанъ незамѣтно выскользнулъ въ боковую дверь. Когда человѣкъ въ свѣтлыхъ панталонахъ заглянулъ опять, его уже не было.

Бреннанъ хорошо понималъ положеніе: люди, взявшіе его на поруки, безпокоились, не довѣряли ему, поручили своему агенту слѣдить за нимъ. Хозяинъ гостиницы, придя къ себѣ ужинать, передалъ Бреннану записку.

— Если явится Фуксъ, сообщите ему все, только осторожно. Скажите просто: «Томъ говоритъ, что поручительство ни на что не годится». Понимаете?

— Хорошо, Томъ.

Съ наступленіемъ ночи Бреннанъ прошелъ въ свою комнату, уложилъ въ чемоданъ кое-какіе пожитки, написалъ на немъ названіе желѣзнодорожной станціи и отправилъ его съ швейцаромъ къ курьерскому поѣзду, заплативши полдоллара за то, чтобы сдѣлано это было совсѣмъ незамѣтно. Потомъ онъ вышелъ изъ дому и быстро направился къ самому бѣдному кварталу города. Дойдя до одного кирпичнаго, почернѣвшаго дома, похожаго на огромный ящикъ, Бреннанъ поднялся по грязной, темной лѣстницѣ и позвонилъ у двери квартиры № 20.

Его встрѣтила женщина.

— А! Вы, Томъ! — сказала она мягкимъ контраalto. — Милый вы человѣкъ! Входите. Почему такъ давно не были? Красавчикъ вы.

— Въ этомъ я никогда не сомнѣвался, Блео, — отозвался Томъ.

Она отстранила руку молодого человѣка отъ своей шеи.

— Гдѣ вы пропадали и что дѣлали? Садитесь и рассказывайте.

Она ввела его въ очень небольшую комнату съ дешевой и пестрою мебелью. Хозяйка была довольно красива, но уже не молодая. Она привѣтливо улыбалась ему. Ея пенюаръ не отличался чистотой, но охватывалъ очень изящный станъ.

— Я рада васъ видѣть, Томъ. Что новенькаго?

— Васъ какъ будто удивляетъ мой приходъ, Блео?

— А почему бы не такъ? Когда вы были въ послѣдній разъ?

Шесть мѣсяцевъ назадъ.

— Гдѣ сэръ Джонъ?

— Въ театрѣ съ дѣвочками.

Она печально посмотрѣла на него и продолжала:

— Попались вы, милый мой. Карьера ваша лопнула, и приходится вамъ отправляться подышать холоднымъ воздухомъ Канады... или присмирѣть.

— Я никогда не присмирѣю. Но вы-то почему знаете?

— Читаю газеты, Томъ... А теперь говорите, что я могу для васъ сдѣлать? Вѣдь, вы уже никогда не пришли бы ко мнѣ, еслибъ я не была вамъ нужна.

— Блеопатра, хорошій вы человѣкъ! Да, нужны мнѣ: бритва, добрый совѣтъ, плащъ, пасторская шляпа, а затѣмъ надежный посланный и немного денегъ. Съ этимъ я могу отлично выпутаться изъ бѣды. Мнѣ необходимо послать записку кому-нибудь изъ друзей, Бобу или Марку.

— Хорошо, Томъ, все это я могу добыть вамъ, кромѣ денегъ

только. Къ счастью, никого нѣтъ дома. Я сейчасъ принесу бритву и пожитки сэра Джона.

Черезъ нѣсколько минутъ Томъ стоялъ передъ зеркаломъ съ бритвой въ рукѣ и комично вздыхалъ.

— Вотъ, Блео, самая тяжелая потеря.

Она поняла.

— Страшно тяжелая, Томъ. Ваши усы такъ красивы! Что-то она скажетъ?

— Отрастутъ прежде, чѣмъ она меня увидитъ.

Онъ брился, а Блеопатра сидѣла и смотрѣла на него.

— Вотъ ужасъ-то!... Я сбѣгаю къ теткѣ, можетъ быть, у нея насребру для васъ сколько-нибудь.

Она подобрала юбку, надѣла ватерпруфъ и вышла.

Когда она вернулась, Бреннанъ читалъ газету, положивши ноги на стулъ. Блео удивленно посмотрѣла на него.

— Знаете, Томъ, вы имѣете видъ совсѣмъ ребенка. Боже мой, какую я-то должна казаться старою!

Она провела рукой по лицу, какъ бы ощупывая морщины. На ея глаза наворачивались слезы.

— Перестаньте, Блео, не то я въ самомъ дѣлѣ, какъ ребенокъ, расплачусь... Скажите лучше, не прокѣтитесь ли и вамъ со мной въ Канаду?

Она грустно покачала головой.

— Не говорите вы такъ со мной. Довольно... Вы не знаете, должно быть, что я была больна.

Ему какъ будто стыдно стало.

— Знаю, но я такъ былъ занятъ!...

— А я кое о чемъ пораздумала.

— Правда?—сказалъ Томъ, удивленно взглядывая на нее.

— Правда... А когда такая женщина, какъ я, по-настоящему начнетъ думать, она измѣняется.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ, вздыхая, послѣ короткаго молчанія.—Боль не хотите, такъ не хотите, и дѣлу конецъ. Я очень радъ былъ бы увезти васъ съ собой. Вы совсѣмъ хорошій малый, Блео, совсѣмъ хорошій! Вы умнѣе всѣхъ женщинъ, какихъ я только знаю. И говорю я вамъ, что думаю. Въ моей искренности можете быть увѣрены... А теперь обнимемся по-братски, и я утекаю.

Глаза Блео были печальны и серьезны, когда онъ поднялся съ мѣста.

— Впередъ-то не ввязывайтесь вы въ эти мерзкіе подкуны, — сказала она.

— И въ томъ, что не ввяжусь, можете быть увѣрены, — отвѣтилъ онъ. — Да, вотъ еще что, записку-то надо доставить Бобу... Не дойдете ли вы сами до него? Вы найдете его въ нашей конторѣ. Это было-бы необычайно мило, Клео, такъ какъ, знаете, дѣло идетъ о жизни или смерти, и если вы возьметесь, то я буду увѣренъ, что сдѣлаете.

— Да, я пойду, Томъ. Но ни для кого на свѣтѣ я бы не пошла нынѣшнимъ вечеромъ.

— Знаю это, мой ангелъ!... Ну, прощайте!... Если вздумаете подышать воздухомъ Канады, дайте мнѣ знать объ этомъ черезъ Боба. До свиданія...

Бреннану нужны были деньги, и онъ твердымъ и быстрымъ шагомъ направился къ дому Дэвиса. Дойдя до Буртнэ-Стрита, онъ пошелъ тише, зорко оглядываясь изъ опасенія агентовъ, всматриваясь въ тѣни, которыя мелькали на другой сторонѣ улицы. Противъ дома Дэвиса горѣла лампа, бросая кругомъ красноватый свѣтъ. Бреннану показалось, будто въ глубокой впадинѣ двери притаилась круглая шляпа. Надо было соблюдать большую осторожность: онъ повернулъ назадъ, прошелъ переулкомъ и остановился передъ кухонною дверью, выходявшею на сосѣднюю улицу.

Мери отперла ему и очень удивилась, увидавши пастора, вмѣсто Тома.

— Что новаго?—сказалъ онъ. — Мнѣ нужно видѣть мистера Дэвиса.

— Какъ, мистеръ Бреннанъ, это вы?

— Собственною особой. Впустите меня, милая Мери, я хочу сдѣлать сюрпризъ патрону.

— Охъ, и большой же вы плутъ! — смѣясь, воскликнула Мери, большая любительница подобныхъ шутокъ.

Онъ пошелъ по лѣстницѣ, грозя пальцемъ служанкѣ, которой все это представлялось забавною комедіей.

Въ библиотекѣ никого не было, но открытое бюро, маленький столикъ съ шоколадомъ, бумаги, лежація на стульяхъ, все доказывало, что Желѣзный Герцогъ вышелъ только на минуту. Ясно было, что онъ собирается уѣхать.

Когда Дэвисъ вернулся, Бреннанъ пилъ шоколадъ, сдвинувши шляпу на затылокъ и присѣвши на край стола. Дэвисъ остановился въ недоумѣніи.

— Кто вы?

Бреннанъ сдѣлалъ довольную гримасу.

— Въ этомъ я былъ увѣренъ! Чудесно, меня нельзя узнать.

Дэвисъ узналъ его по голосу и заговорилъ неприязненнымъ, раздраженнымъ тономъ.

— А, вы? Для чего же это вы такъ нарядились? Я думалъ, что вы уѣхали.

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Бреннанъ холодно.

— Ну, какъ же идутъ дѣла?

— Генералъ, пляска началась.

— И значить это?

— Значить, что Голвей признался и удрагъ, или удрагъ и признался.

Дэвисъ тяжело опустился на стулъ и глухо зарычалъ сквозь зубы:

— Предатель проклятый! Его-то я и боялся... А Фуксъ?

— Фуксъ тоже уѣхалъ. Новость дня состоитъ въ томъ, что мы всё бѣжали. Вотъ послѣднія газеты, — добавилъ онъ, вынимая изъ кармана нѣсколько листовъ.

Дэвисъ схватилъ одинъ изъ нихъ и пробѣгалъ глазами. Бреннанъ продолжалъ:

— Городъ просто бѣснуется, точно во время выборовъ... Приятное чтеніе, не правда ли? — онъ заглядывалъ въ газету, черезъ плечо Дэвиса. — *«Дэвисъ опрокинутъ. — Железный Герцогъ побитъ на голову. — Возмущенный народъ требуетъ заключенія его въ тюрьму»*... Одна колонка посвящена мнѣ, какъ видите.

Дэвисъ вышелъ, наконецъ, изъ себя. На него страшно было взглянуть.

— Проклятые псы! Теперь они накидываются на меня, когда сами ничѣмъ не рискуютъ. Когда публика была за меня, они мои ноги лизали!

Онъ метался по комнатѣ, комкая и разрывая газеты, дрожа отъ злобы.

— Да я имъ покажу... чортъ ихъ задави! Я съ ними еще поборюсь! Поборюсь на смерть. Они узнаютъ, дамъ ли я себя зарѣзать, какъ баранъ!

Бреннанъ сидѣлъ на краю стола, слѣдя за припадкомъ гнѣва своего патрона.

— Безполезно, генералъ! — сказалъ онъ тихо, когда Дэвисъ почти упалъ на стулъ. — Бороться вы не можете.

— Я не могу? Почему я не могу?

— Потому что нельзя бороться съ цѣлымъ народомъ. Этнхъ

безумцевъ охватила мація добродѣтели, а мы... мы возлы отпу-
щенія. Ничего подобнаго я не видывалъ. Газеты преисполнились
добродѣтелью, весь воздухъ ею пропитанъ. Законодательство парали-
зовано. Со времени дѣла Движимаго Кредита не было ничего по-
добнаго. Они давятъ насъ, какъ мокрицы, чтобы спасти свои мерз-
кія головы. Они хотятъ показать на насъ ужасающій примѣръ.
Нынѣшнимъ вечеромъ собрался митингъ, чтобы выразить свое не-
годованіе, осрамить законодателей, уничтожить кулуары, прикон-
чить Желѣзнаго Герцога и его начальника штаба.

Дэвисъ всталъ.

— Это-то и бѣситъ меня! Все это существовало, съ нихъ вѣ-
дома, много лѣтъ... полстолѣтія... и теперь они бьются на
меня... на меня одного!

— Надо полагать, что всему есть граница.

— Граница! Да, два поколѣнія жили подкупани, обдѣлывая
всякія дрянныя дѣлишки... а когда мнѣ удастся наладить хорошее,
полезное для милліона людей, причемъ я вынужденъ прибѣгнуть
къ подкupu тѣми условіями, въ которыя поставлено законодатель-
ство, они находятъ, что есть границы! Къ чорту такихъ безум-
цевъ!

— Не горячитесь, патронъ. Надо быть потише.

— Потише!—зарычалъ Дэвисъ.—Да если я...

Вдругъ онъ будто вспомнилъ что-то, подошелъ къ двери и за-
перъ ее на ключъ. Бреннанъ слѣдплъ за нимъ подозрительно.

— Вы это для чего же сдѣлали?

— Чтобы не вышла Эленъ.

— Развѣ она здѣсь?—спросилъ Бреннанъ.

— Да, пріѣхала вечеромъ. Не занимайтесь ею. Садитесь, на-
до обсудить дѣло, — сказалъ онъ спокойно, съ своею прежнею
авторитетностью.

— Давно бы такъ! Теперь вы говорите какъ человѣкъ рассу-
дительный. Не забывайте, что и я залѣзъ въ эту кашу.

— Вы! а, да, забылъ было. Что же вы не слѣдуете примѣру
Фукса?—спросилъ онъ насмѣшливо.

— Идея не дурная, — отвѣтилъ Бреннанъ, — только поздно не-
много.

— Что вы хотите сказать?

— Проходя сюда, я видѣлъ одного человѣка, стоящаго на той
сторонѣ улицы. За домомъ присматриваютъ. Насъ могутъ аресто-
вать черезъ какой-нибудь часъ.

— Этого не сдѣлаютъ!

— Неужели не сдѣлаютъ? Такъ я же вамъ скажу, не полагайтесь вы на людей, взявшихъ васъ на поруки. Дня черезъ два они отступятся, не могутъ они противиться давленію.

— Вы не знаете людей, поручившихся за меня. Вѣдь, они...

— Члены правленія нашего общества. Тѣмъ скорѣе они насъ предадутъ. Повторяю вамъ, мы попались. Общество вотъ-вотъ рухнетъ... У васъ есть наличныя деньги?

— Нѣсколько сотъ долларовъ. На что вамъ?

— Могутъ намъ понадобится. Погасите-ка лампу.

Дэвисъ повернулъ кнопку. Бреннанъ подошелъ къ огню и посмотрѣлъ на улицу.

— Ага! вонъ онъ, въ дверяхъ погреба... За нами присматриваютъ. Это агентъ, нанятый Геллемъ, вашимъ поручителемъ. Ему приказано наблюдать за тѣмъ, кто приходитъ къ вамъ и кто отъ васъ уходитъ, и слѣдить за вами самими. Понимаете? Теперь мой планъ таковъ: вы надѣнете старое пальто и старую шляпу и скроетесь чернымъ ходомъ...

— Этого не будетъ. Не стану я удирать какъ кошка.

Бреннанъ начиналъ раздражаться.

— Тутъ уже не до соблюденія собственнаго достоинства. Положеніе такое: или удирать, или пятнадцать лѣтъ принудительныхъ работъ въ тюрьмѣ для каждаго изъ насъ.

— Пятнадцать лѣтъ!... Что вы говорите?

— Говорю, если насъ снова арестуютъ, то уже не выпустятъ на поруки. Повторяю вамъ, эта чортова публика забрала себѣ въ голову показать на насъ примѣръ, и сдѣлаетъ это навѣрное.

Дэвисъ поблѣднѣлъ.

— Пятнадцать лѣтъ!

— Ни больше, ни меньше... если мы не утечемъ сегодня ночью. Насъ могутъ законопатить въ швальню или въ кожевню. Не весело это для такихъ дѣльцовъ, какъ мы... Нѣтъ, лучше таскаться по дорогамъ въ Аркадіи, чѣмъ строчить здѣсь ремни подъ замкомъ.

Дэвисъ сидѣлъ, низко опустивши голову.

— А Эленъ!—проговорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой.

— Преотлично! останется здѣсь, окруженная друзьями. На дняхъ мы пришлемъ за нею. Если мое средство вамъ не нравится, то придется принимать ее въ полосатомъ костюмѣ и разговаривать съ нею изъ-за рѣшетки... Да въ такихъ обстоятельствахъ я бы оставилъ мать родную на смертномъ одрѣ... Не желаю я прогуливаться на одной цѣпи съ ворами и разбойниками. Пойдемте, времени терять нельзя, надо спастись сейчасъ же.

Онъ искренно пытался разъяснить Дэвису опасность положенія. Тотъ вздрагивалъ только.

— Боже мой, какія вы картины рисуете!

Бреннанъ, оставивъ шутливый тонъ, заговорилъ горячо и рѣзко.

— Я и половины не высказываю! Для насъ съ вами это будетъ настоящій адъ! Вы привыкли распорядяться ежедневно сотнями тысячъ долларовъ, командовать пятью тысячами служащихъ, тысячею вагоновъ, вы, финансистъ, челоуѣкъ большого дѣла, принуждены будете работать изъ-подъ неволи, пробивать дыры въ ремняхъ по десяти часовъ въ день...

— Довольно!—крикнулъ Дэвисъ съ помертвѣвшимъ и искаженнымъ лицомъ.—Вы хотите меня свести съ ума!

— Я стараюсь вывести васъ изъ оцѣпенѣнія. Уѣзжать надо сію минуту.

Дэвисъ скрежеталъ зубами.

— Не поѣду... останусь и буду бороться... Дайте мнѣ списокъ людей, которыхъ вы подкупали... скорѣе! Поѣду я не одинъ.

— Вотъ этого-то я не сдѣлаю! — холодно отвѣтилъ Бреннанъ.

— Почему?

— Потому, что мнѣ полный расчетъ дать намъ возможность скрыться. Я не могу и не хочу выдавать пріятелей. Еъ тому же въ нашей игрѣ это большой козырь. Имъ я не измѣню теперь.

— Но вы предали бы меня, еслибъ это нужно было! — воскликнулъ Дэвисъ.

То было новое, совершенно лишнее, оскорбленіе. Бреннанъ отвѣтилъ съ убійственнымъ спокойствіемъ:

— Я же говорю вамъ, что родного брата не пощажу, чтобъ избѣжать замковъ и рѣшетокъ... Но дѣло вотъ въ чемъ, мнѣ нужно немного денегъ. Дайте, сколько можете.

Дэвисъ машинально подалъ ему пачку кредитныхъ билетовъ.

— Вотъ, берите... берите все, мнѣ они не нужны.

Бреннанъ положилъ билеты въ карманъ.

— Вы ихъ скоро получите обратно. Я отправилъ кое-что про запасъ туда, гдѣ это можетъ мнѣ пригодиться, но получить ихъ тотчасъ же неудобно. Благодарю васъ. Я вышлю вамъ чекъ. Вамъ понадобятся всѣ ваши средства, если вы хотите продолжать борьбу... Но лучше бы вамъ уѣхать, Дэвисъ!

— Нѣтъ, я остаюсь.

— Ну, такъ до свиданія. А уѣхать легко, стѣитъ только добраться до рѣки. Все налажено. Тамъ насъ ждутъ друзья съ парою яхтой.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вернулся. Ему не хотѣлось повидать Дэвиса, такъ какъ онъ зналъ, что тотъ остается на неминуемую гибель. Бреннанъ положилъ руку на его плечо.

— Уѣдте, патронъ. Оставайтесь—чистѣйшее безуміе!

— Нѣтъ, говорю я вамъ, я остаюсь.

— Ну, какъ хотите!... Если передумаете, дайте знать Тиму Шехену черезъ Боба, онъ поможетъ вамъ.

Бреннанъ вышелъ и осторожно затворилъ за собою дверь.

Дэвисъ долго сидѣлъ за столомъ, погруженный въ думы. Онъ хорошо сознавалъ справедливость всего сказаннаго Бреннаномъ. Въ безвыходности положенія не могло быть сомнѣнія. Его состояніе, его вліяніе сгинули окончательно въ катаклизмъ негодования общества.

Дэвисъ быстро собралъ раскиданныя бумаги, привелъ ихъ въ порядокъ и разложилъ на мѣста, по ящикамъ. Потомъ заперъ дверь и сѣлъ, чтобы еще разъ, въ послѣдній разъ, обсудить, что можно сдѣлать. Онъ былъ въ положеніи человѣка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горящимъ лѣсомъ. Вся разница была въ томъ, что жизнь его нисколько уже не манила.

Бъ рѣшенію вопроса онъ приступилъ рѣшительно и спокойно. Эленъ была обезпечена небольшимъ капиталомъ, положеннымъ на ея имя, и у Тѣтля было состояніе. Дэвисъ съ необычнымъ хладнокровіемъ взвѣшивалъ такія разсужденія: пережить заключеніе въ тюрьмѣ онъ не могъ. А смерть осужденнаго лучше ли, чѣмъ... смерть теперь? Въ томъ или иномъ случаѣ горе Эленъ будетъ ужасно. Но не меньше ли пострадаетъ она, если это теперь случится?

Онъ всталъ, принесъ изъ уборной чемоданъ, досталъ изъ него потайной фонарь, фуражку и фуляръ. Разбросалъ все это по полу, опрокинулъ кресло у письменнаго стола, чтобы все имѣло таковой видъ, будто тутъ происходила борьба. Потомъ онъ отворилъ окно и положилъ на подоконникъ стальной ломъ.

Въ эту минуту раздался звонъ колокола, оповѣщавшій о пожарѣ. Дэвисъ вернулся къ столу, снялъ жакетку и жилетъ и положилъ на стулъ у двери въ уборную.

Наконецъ, онъ взялъ револьверъ, осмотрѣлъ его, приставилъ дуло сначала къ виску, потомъ къ затылку. Повидимому, Дэвисъ боялся, что звукъ выстрѣла встревожитъ Эленъ. Отворенная въ уборную дверь привлекла вниманіе Желѣзнаго Герцога. Онъ осторожно прошелъ въ уборную, лѣвой рукой затворилъ за собою дверь и прислонился къ ней.

Через секунду глухо раздался выстрѣлъ. Дверь отворилась подъ тяжестью тѣла, и Дэвисъ упалъ въ библіотеку лицомъ внизъ...

Было девять часовъ утра, когда Бреннанъ поднялся на палубу подышать свѣжимъ воздухомъ. Яхта выходила въ море. Справа и слѣва зеленѣли холмы, подошвы которыхъ терялись въ желтомъ пескѣ. Рыбачьи лодки скользили, слегка нагренившись подъ слабый вѣтеркомъ. Матросы пѣли, капитанъ прохаживался, заложивши руки въ свой бѣлый вестонъ, и беззаботно посвистывалъ.

Бреннанъ вспрыгнувъ на палубу и отозвался высокою теноровою нотой. Капитанъ оглянулся.

— Ну, дорогой мой, какъ чувствуете себя?

— Лучше, чѣмъ когда-либо въ жизни!—отвѣтилъ Бреннанъ радостно.— Видъ-то какой чудный! Вѣтеръ юго-западный, день будетъ восхитительный.

— Въ такіе дни на морѣ-то лучше, чѣмъ на желѣзной дорогѣ?

— Еще бы!

И онъ, съ сіяющимъ лицомъ, весело запѣлъ:

Сверкаетъ море передъ нами,
Надъ нами ясная лазурь,
Бѣжитъ корабль подъ парусами,
Ему не страшны вопли бури!
Оге, впередъ!
Несись впередъ моя гагера!...

— Знаете, капитанъ, съ превеликимъ удовольствіемъ я бы позавтракалъ!

У порога.

(Изъ Маріи Конопницкой).

У порога синій сумракъ стынетъ, притапсъ,
Въ бѣдной хатѣ, въ душевной хатѣ умираетъ Ясь;
Онъ лежитъ подъ образами—блѣденъ, недвижннмъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Не успѣетъ въ темномъ небѣ свѣтъ зажечь звѣзда,
Улетитъ душа изъ тѣла дымкой навсегда,
И скорѣй, чѣмъ надъ землею слезы ночь пролетъ,
Станетъ камнемъ это сердце—навсегда замретъ.

Онъ ужъ видитъ зорь небесныхъ чистый свѣтъ кругомъ,
Божьи теплятся зарницы голубымъ огнемъ,
Тѣни носятся роями—легкія, какъ дымъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Слышенъ шепотъ, слышны звуки... Меркнетъ свѣтъ небесъ,
Скоро солнце тихо сядетъ за дремотный лѣсъ...
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ коситъ смерть траву,
А въ избѣ вздыхаетъ кто-то, бредитъ на яву...

— Изъ какой страны, родная, звуки тѣ плывутъ?
— Тихе, Ясь,—сверчокъ за печкой притаился тутъ
И скрипитъ—заводитъ пѣсню голоскомъ своимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Не сверчокъ зоветъ, родная, кличетъ не сверчокъ,
То органы стройныхъ звуковъ разлили потокъ,—
Разлили потоки звуковъ по тропинкамъ тѣмъ,
По которымъ ухожу я, отхожу совсѣмъ...

— Изъ-за лѣса показался блѣдный рогъ луны,
Только лѣсъ сяньемъ облить, но поля темны,
И еще клубится сумракъ синею волной, —
Будешь жить, мой ненаглядный, будешь жить, родной!

Въ хатѣ носятя чуть слышно звуки, голоса,
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звякаетъ коса,
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ клонится трава,
Кто-то стонетъ, кто-то шепчетъ жалобы слова...

— Это кто, родная, горько плачетъ за окномъ?
— Это вѣтеръ, ненаглядный, вѣткой бьетъ по немъ,
Это листь шуршитъ опавшій, вѣтеркомъ гонимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ночь зари потухшей краски не успѣла смыть,
Будешь жить еще, родимый, — будешь, будешь жить,
И пока роса не пала капельками слезъ,
Жизнь отъ Яся не отниметъ благодатныхъ грѣзъ!

Затихаетъ Ясь — все тише, тише и блѣднѣй...
Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звонъ косы слышнѣй,
Точить смерть косу за лѣсомъ, слышенъ стукъ бруска,
И трава печально нивнетъ, пышно-высока.

— Что, родная, такъ грохочетъ, такъ гремитъ вдали?
— На рѣкѣ то, милый, волны споръ свой завели.
Успокойся, это — волны льнутъ однѣ къ другимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, родимая, не волны завели тамъ споръ,
То стучить, не уставая, по стволу топоръ, —
Онъ стучить и колетъ доски: здѣсь подъ дубомъ мать
Будетъ сына со слезами скоро погребать.

— Въ небѣ тихія зарницы свѣтятся еще,
Не глядятъ сѣвозъ мракъ на землю звѣзды горячо,
Не блеститъ роса на полѣ, нѣжно серебрясь, —
Будешь жить еще, мой милый, ненаглядный Ясь!

За минутою минута въ вѣчный мракъ летить,
Бто-то жаркія молитвы въ хатѣ все твердить,

А вдали, за чернымъ лѣсомъ слышенъ звонъ косы;
Ночь идетъ, идетъ съ кувшиномъ зачерпнуть росы...

— Что, родная, тамъ далеко такъ шумить-гудѣть?
— Это, милый, слышенъ вѣтра по полямъ полетъ,
То колосья вѣтеръ треплетъ, что-то шепчетъ имъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, родная, то не вѣтеръ колосья гнетъ къ землѣ,
Это крыльевъ лебединыхъ слышенъ плескъ во мглѣ,
Скоро грубую сермягу, чуть сгустится мгла,
Серебристый пухъ прикроетъ теплаго крыла...

Брылья мчатъ меня высоко, мчатъ въ далекій свѣтъ...
Надо всѣмъ, что будетъ только и чего ужъ нѣтъ...
Къ успокоенному морю мчатъ—на глубину,
Я лечу въ нее... О, Боже,—я тону! тону!...

— Скоро ночь совсѣмъ туманомъ затемнитъ зарю,
Взмахъ послѣдній нужно сдѣлать смерти-косарю.
Ночь наполнила росой до краевъ кувшинъ,—
Ужъ недолго ты со мною проживешь, мой сынъ!

И плыветъ-плыветъ мгновенье тихо, не спѣша,
Возвращается съ другого берега душа,—
Возвращается изъ темной бездны-глубины...
— Отзовись! Скажи, какіе снятся, милый, сны!

— Что, родная, тамъ бѣлѣетъ—видишь, у дверей?
— То сверкаетъ лёнъ въ кудели серебра бѣлѣй,
Это пряжа серебрится тонкимъ льномъ своимъ...
Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

— Ой, не бѣлый лёнъ, родная, то не бѣлый лёнъ,
Это лиліи киваютъ мнѣ со всѣхъ сторонъ;
Для меня просторъ сверкаетъ млечнаго пути
И душа моя съ порога хочетъ отойти...

Тамъ, вдали, за чернымъ лѣсомъ звонъ затихъ косы
Смерть о саванъ вытираетъ канельки росы,
Съ лезвія стираетъ капли ѣдкихъ слѣзъ земли,
Что на травы полевныя горько протекли.

— Нѣтъ, родимая! То хата плачетъ надо мной,
То кукушка мнѣ вѣщаетъ часъ послѣдній мой,
Это крыша мнѣ пророчитъ близкую судьбу,
Что другая будетъ крыша у меня въ гробу...

У порога спнѣй сумракъ почернѣлъ, сгустился,
Въ бѣдной хатѣ, въ душевной хатѣ умеръ бѣдный Ясь.
Онъ лежитъ подъ образами — блѣдень, недвижимъ...
— Дѣва, Матерь Пресвятая, смилуйся надъ нимъ!

Мих. Гербановскій.

ФИЛЕМОНЪ И БАВКИДА.

(Разсказъ изъ времянъ крѣпостного права.)

Село Протасово было отъ меня въ нѣсколькихъ верстахъ, и я въ лѣта своей невозвратимой молодости усердно посѣщалъ его, особливо во время осенняго и весенняго перелета вальдшнеповъ, которыхъ всегда въ это время было великое множество въ такъ называемомъ Протасовскомъ «паркѣ».

Паркъ этотъ, заброшенный и заглохшій, раскидывался десяти-нахъ на двадцати, если не больше, и служилъ всегда превосходнымъ притокомъ для высылки вальдшнеповъ. Въ паркѣ этомъ, расположенномъ по отлогому склону горы, обращенному къ югу и спустившемуся къ рѣкѣ Идолгѣ, прежде чѣмъ гдѣ-либо таялъ снѣгъ и обнажались проталинки, столь любимыя вальдшнепами, въ особенности когда по этимъ проталинкамъ гремятъ весенніе ручейки, залпая пломъ не вездѣ еще успѣвшій растаять снѣгъ.

Собственно говоря, это была просто-на-просто липовая роща, сохранившая названіе парка потому только, что когда-то дѣйствительно была паркомъ: имѣла нѣсколько затѣйливо разбѣгавшихся аллей, нѣсколько прудовъ съ искусственными островками, украшенными бесѣдками и статуями, а на мѣстахъ болѣе крутыхъ и обрывистыхъ видѣлись таинственные гроты.

Когда-то на опушкѣ этого парка, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы, горделиво красовалась господская усадьба владѣльцевъ села Протасова съ террасами, бельведерами и съ церковью возлѣ самаго господскаго дома.

Когда-то въ этомъ домѣ гремѣлъ оркестръ крѣпостной музыки, и подъ звуки котораго танцевались гавоты, менуэты, котильоны... Тогда-то жилось тамъ и шумно, и весело: въ паркѣ сжигались потухшіе огни, раздавались хоры пѣсельниковъ и когда-то по тем-

нымъ аллеямъ весело расхаживали шумныя толпы гулявшихъ, а въ бесѣдкахъ и гротахъ разыгрывались цѣлые романы, полныя нѣжной и пламенной любви и полныя самоотверженія и поэзіи, романы такой любви, какою въ настоящее прозаическое время не только не умѣютъ любить, но даже ни оцѣнить, ни понять ея.

Казалось бы, господской усадьбѣ, столь прочно и красиво выстроенной, не должно быть и вѣку, но неумолимое время распорядилось по-своему: прежде всего оно уложило въ могилы первоначальныхъ владѣльцевъ этой усадьбы, а потомъ принялось за остальное. Усадьба давнымъ-давно превратилась въ безпорядочныя развалины, остались только слѣды кирпичнаго фундамента, указывавшіе на внутреннее расположеніе комнатъ дома, но и эти остатки успѣли мѣстами превратиться въ кучу мусора, поросшаго бурьяномъ и лопухами, и служившіе теперь удобнымъ пристанищемъ для разноцвѣтныхъ ищерицъ, съ быстротою молніи бѣгавшихъ по нимъ.

Аллеи парка поросли мелкоколѣсьемъ, бесѣдки и гроты поразвалились и сгнили, а пруды годъ отъ года мелѣли, покрывались плѣсенью, затягивались иломъ, зарастали камышомъ и, наконецъ, превратившись въ уродливыя ямины, также какъ и аллеи, начали зарастать мелкоколѣсьемъ.

Только одна церковь, обнесенная оградой, продолжала по-прежнему сіять въ небесной лазури своими позолоченными крестами и призывомъ колокола собирать подъ свои потемнѣвшіе своды внуковъ и правнуковъ первоначальныхъ своихъ прихожанъ, бывшихъ когда-то свидѣтелями какъ ея сооруженія и торжественно совершеннаго освященія, такъ и многоаго другого, давно забытаго и исчезнувшаго съ лица земли...

Я очень любилъ бродить по этому парку даже и въ такое время, когда не было вальдшнеповъ и когда, взявъ ихъ, онъ переполнялся соловьями и оглашался ихъ музыкальными трелями. Склонный всегда къ мечтательности, заберусь, бывало, въ этотъ паркъ, забьюсь въ его отдаленный уголокъ, засяду на какой-нибудь полуразвалившійся пенъ, сижу — и Богъ знаетъ, чего только не лѣзло тогда въ мою голову.

Любилъ я бродить и по той возвышенности, гдѣ когда-то красовалась усадьба. Видъ оттуда былъ дѣйствительно очаровательный: сперва разстилался паркъ, угрюмо покачивая верхушками столѣтнихъ липъ, а затѣмъ раскидывалась необъятная панорама, которой, казалось, не было ни конца, ни предѣла; потомъ бросалась въ глаза рѣка Идолга: она то причудливо извивалась по изу-

руднымъ коврамъ поемныхъ луговъ, то скрывалась въ разбросанныхъ здѣсь и тамъ перелѣскахъ, то снова вырывалась оттуда и катилась по песчанымъ отмелямъ, образовавшимся послѣ ея вешняго разлива... Мѣстами Идолга перепруживалась мельницами, вокругъ которыхъ лѣпились разныя мельничныя постройки, почти всегда крытыя желѣзомъ и окрашенныя красною краской. А сколько селъ и деревень видѣлось вокругъ!...

Разъ какъ-то попалъ я на эти развалины въ пасхальную недѣлю и невольно заглядѣлся на эту картину, какъ бы оживленную трезвономъ колоколовъ, раздававшимся съ нѣсколькихъ церквей, крикливымъ пѣніемъ богоносцевъ, быстро переходившихъ съ развѣвавшимися хоругвями и сіявшими на солнцѣ иконами изъ одной деревни въ другую. Повсюду слышалось пѣніе «Христось воскресе», и дѣйствительно все словно воскресло: воскресла природа послѣ долгой зимней спячки, воскресли люди, оживленные тепломъ и солнцемъ, и, видя всю эту картину, дѣйствительно словно воскресшую и оживившуюся, какъ-то особенно тяжело было смотрѣть на окружающія развалины, которымъ никогда не воскреснуть.

Однажды собрался я въ Протасовскій паркъ въ сопровожденіи мѣстнаго фельдшера, тоже страстнаго охотника. Фельдшеръ этотъ, происходившій изъ крестьянъ, обучался въ какой-то фельдшерской школѣ и почему-то брезгливо относился къ мужику; одѣвался онъ по-нѣмецки, говорилъ не иначе, какъ высокимъ слогомъ, и любилъ щегольнуть иностранными фразами, налету гдѣ-нибудь пойманными и заученными.

Чтобы попасть въ паркъ къ разсвѣту, намъ пришлось выѣхать изъ дома часовъ въ двѣнадцать ночи; повтому нѣтъ ничего удивительнаго, что часамъ къ десяти утра, вдоволь нашатавшись по парку, мы до того устали, что едва таскали ноги. Не менѣе насъ усталъ и нашъ благородный сеттеръ, начавшій подъ конецъ, какъ выражаются охотники, «чистить шпоры».

— Однако, — заговорилъ фельдшеръ, подходя ко мнѣ, — не найдете ли вы своевременнымъ и приличнымъ дать отдыхъ нашимъ утомившимся ногамъ и этому псу, который, кажется, утомился чуть ли не больше нашего... А вотъ à propos, — прибавилъ онъ, указывая на обвалившееся полусгнившее дерево, — и довольно комфортабельное каначе для совершенія этого, столь необходимаго отдыха.

— Пожалуй, отдохнемъ, — согласился я.

Но едва мы успѣли усѣсться и закурить папирсы, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ вдругъ выскочила изъ-за кустовъ пре-

хорошенькая левретка, завидѣвъ которую, медленно вскочилъ и наш сеттеръ. Пока собаки эти совершали обычные собачьи церемоніи, практикуемыя при встрѣчахъ и новыхъ знакомствахъ, на тропинкѣ показался благообразный старичокъ подъ руку со старушкой, видимо слѣпой.

Оба были одѣты не только по-праздничному, но даже щепетильно: на старичкѣ былъ сюртукъ стариннаго покроя, высокій бѣлый галстукъ, бѣлое жабо и какой-то желтый жилетъ со стеклянными пуговочками, поверхъ котораго перевѣшивалась бисерная цѣпочка отъ часовъ. Лицо старичка было тщательно выбрито и только однѣ крошечныя бакенбарды, въ видѣ двухъ запытыхъ, какъ бы пятнали его свѣжее и розовое лицо сѣденькими волосами. На головѣ былъ картузь въ видѣ низенькаго цилиндра съ большимъ козырькомъ, на рукахъ—бѣлыя фильдежосовыя перчатки, а изъ задняго кармана сюртука торчалъ кончикъ фуляроваго платка.

Не менѣе франтовато была одѣта и старушка: на ней было легкое свѣтлое платье съ фижмами, какой-то кружевной чепецъ съ розовыми лентами, на плечахъ накинута бѣлая кружевная косынка, а на рукахъ флиейныя митенки.

Шли они довольно быстро и до того интимно о чемъ-то разговаривали, сопровождая свои разговоры жестами, что, кажется, ежели бы старушка не была слѣпа, то она была бы не прочь подарить своего элегантнаго кавалера и кокетливымъ взглядомъ. Они такъ были увлечены своимъ разговоромъ, что старичокъ, поровнявшись съ нами, даже не замѣтилъ насъ.

— Бузъмъ Васильчу мое низайшее почтеніе!— проговорилъ фельдшеръ, когда интересная парочка была возлѣ насъ.

Старичокъ вздрогнулъ, оглянулся, собрался было поклониться фельдшеру, но, увидавъ меня, почтительно приподнялъ картузь, адресуя свое привѣтствіе первоначально ко мнѣ, а потомъ уже, фамильярно улыбнувшись фельдшеру, отвѣтилъ:

— Здравствуйте, Поликарпъ Захарычъ.

— Ахъ, это вы, Поликарпъ Захарычъ?—спросила вдругъ старушка, устремивъ свои оловянные глаза по направленію раздававшегося голоса фельдшера.

— Я, я, Прасковья Ивановна.

— Какъ поживаете?—жеманно спросила она.

— Мерси васъ... живемъ, отъ людей не отстаемъ.

— А супруга ваша, Неонилла Бапитоновна?

— Не отстаетъ и она... на-дняхъ пятого родила...

Старушка словно какъ бы сконфузилась, покраснѣла, опустила глаза, а все-таки поздравила фельдшера съ новорожденной.

— Нашли съ чѣмъ поздравлять... Пора бы и совѣсть знать...

Старушка еще пуще сконфузилась.

— Ахъ, что вы! помируйте, — проговорила она и вдругъ, перебивъ тонъ, спросила торопливо: — Скажите, пожалуйста, Полигаршъ Захарычъ, правда ли, что въ нашъ городъ какой-то главной докторъ прѣхалъ, который превосходно бѣльма снимаетъ?... Правда ли это?

— Правда, правда, — поспѣшилъ я отвѣтить старушкѣ.

Услышавъ незнакомый голосъ, котораго она никакъ не ожидала, старушка слегка вздрогнула и шепотомъ спросила своего кавалера.

— Это кто такой, Бузьма Васильичъ?

Я поспѣшилъ отрекомендоваться.

Услыхавъ мою фамилію, Бузьма Васильичъ торопливо приподнял картузь, а старушка сдѣлала книженъ.

— Извините, милостивый государь, — проговорила она, смутившись.

Я поспѣшилъ успокоить ихъ, попросилъ Бузьму Васильича надѣть приподнятый картузь, который онъ держалъ какъ-то наотлетъ отъ головы, а старушкѣ сообщилъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ прѣхавшій докторъ одному изъ моихъ служащихъ снялъ бѣльма.

— И видитъ? — вскрикнула старушка, всплеснувъ руками.

— Да, видитъ.

— Боже мой, вотъ счастье-то! — и, обратясь къ Бузьмѣ Васильевичу, прибавила: — Нѣтъ, Бузьма Васильичъ, какъ хотите, а свозите меня къ этому доктору... непременно свозите и какъ можно скорѣе.

— Слушаю, Прасковья Ивановна, не просите пожалуйста... Будто я не понимаю вполне естественнаго желанія вашего прозрѣть... Сегодня же попрошу у управляющаго дать мнѣ лошадку съ телѣжкой и завтра же свожу васъ въ городъ.

— Сейчасъ же попросите, благо мы идемъ къ управляющему.

— Сейчасъ же, Прасковья Ивановна, — успокаивалъ онъ ее.

— А вы къ управляющему направляете свои стопы? — спросилъ фельдшеръ.

— Бъ нему, — отвѣтилъ Бузьма Васильичъ, — именинникъ вѣдь онъ сегодня, идемъ поздравить съ ангеломъ.

— Нельзя же, — жеманно прибавила Прасковья Ивановна: —

вѣжливость того требуетъ...—и вдругъ, измѣнивъ тонъ, какъ-то оживившись и даже раздурившись, она прибавила:—Можетъ быть этотъ самый докторъ и меня вылѣчить... Господи!—чуть не вскрикнула она, всплеснувъ руками, —хоть бы однимъ глазкомъ на себѣ Божій посмотриѣть!... Посмотриѣть—и умереть...

— Зачѣмъ же умирать, Прасковья Ивановна? Мы съ вами не перестарки, поживемъ еще.

— Пойдите, пойдите скорѣе, —перебила его старушка и, сдѣлавъ въ мою сторону книженъ, принялась тормозить за рукавъ Бузьму Васильича.

— Да куда вы торопитесь?—замѣтилъ тотъ, вынувъ часы:—одиннадцати часовъ нѣтъ еще... Кто же объ эту пору дѣлаетъ визиты? Мы съ вами, Прасковья Ивановна, поди не кое-какіе: въ Москвѣ жилали, знаемъ эти порядки-то...

— Ну, ужъ вы пойдете балясничать, —перебила она, шуточно улыбаясь, —пойдите, пойдите... Тамъ на именинахъ успѣете еще побалясничать-то... Кстати и предметъ вашъ тамъ будетъ, дяконница-то новая.

Бузьма Васильичъ расхохотался даже, видимо польщенный такимъ замѣчаніемъ.

— Нечего, нечего смѣяться, —перебила его Прасковья Ивановна, метнувъ на него своими бѣлками. —Я хоша и не вижу, а уши-то все слышать...—и потомъ, опять затормозивъ Бузьму Васильича, прибавила:—пойдите, пойдите.

Тотъ снова приподнялъ картузь, раскланялся со мною, и они пошли по тропинкѣ, ведущей вонъ изъ парка, а за ними побѣжала и левретка.

Странно какъ-то бросалась въ глаза эта молодившаяся парочка подъ тѣнью столѣтнихъ липъ, доживающихъ свой вѣкъ и среди этого всеобщаго разрушенія и замиранія.

— Кто это?—спросилъ я фельдшера.

— Ахъ, это очень курьезная парочка, —отвѣтилъ онъ. —Старичокъ былъ когда-то камердинеромъ Петра Ивановича Протасова, а старушка—камеристкой его супруги Афросиньи Павловны. Когда-то, говорятъ, Бузьма Васильичъ жениться хотѣлъ на Прасковья Ивановнѣ... Не смѣю, впрочемъ, констатировать этотъ фактъ, такъ какъ мало интересуюсь этими полусумасшедшими субектами.

— И что же?

— Барыня, говорятъ, не пожелаала.

— Чѣмъ же они живутъ теперь?

— Какъ чѣмъ? Тѣмъ же, чѣмъ и другіе: получаютъ отъ конторы отсыпное, муку, пшено... У старика, говорятъ, деньжонки есть... много разнаго платья. Видѣли, щеголяеть-то какъ?... При часахъ даже... У барина любимымъ камердинеромъ былъ... подарки получалъ... Помимо этого, портняжничаетъ немного, домишко свой имѣеть, деревенскихъ ребятишекъ грамотъ учить.

— А живутъ они вмѣстѣ?

— Вмѣстѣ неразлучно... они всегда вмѣстѣ.. По праздникамъ вмѣстѣ въ церковь ходятъ и, кажется, до сихъ поръ влюблены другъ въ друга, точно Филемонъ и Бавкида, — прибавилъ онъ, щегольнувъ своими мнѣологическими познаніями.

Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ фельдшеромъ о влюбленной парочкѣ, оказались вѣрными, но слишкомъ краткими; почему я и рѣшаюсь пополнить ихъ еще нѣкоторыми, добытыми мною изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Дѣйствительно Бузьма Васильичъ былъ когда-то камердинеромъ Петра Ивановича Протасова, а Прасковья Ивановича — горничной его супруги; но все это было очень много лѣтъ тому назадъ. Петръ Ивановичъ когда-то служилъ въ военной службѣ, совершилъ венгерскую кампанію, былъ слегка раненъ въ какомъ-то дѣлѣ, а по окончаніи кампаніи, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ имѣлъ собственный домъ, переполненный челядью, доставшейся ему вмѣстѣ съ селомъ Протасовымъ по наслѣдству отъ отца. Въ деревнѣ Петръ Ивановичъ никогда не жилъ, а потому и не любилъ ея, а побывавъ въ Протасовѣ и увидавъ его развалины, махнулъ рукой на имѣніе и уехалъ опять въ Москву.

Въ Москвѣ онъ зажилъ на широкую ногу: бывалъ въ обществѣ, въ театрахъ, въ клубахъ... любилъ покутить, пошалить и дошался, наконецъ, до того, что, влюбившись до безумія въ черноокую цыганку Фросю и не успѣвъ покорить ея сердца ни деньгами, ни оргіями, выкупилъ ее изъ табора и женился. Въ таборѣ Фрося была первою красавицею, первой пѣвуней и весьма ласковой и симпатичной дѣвушкой; но, ставши барыней, Фрося сдѣлалась такою Афросинней, что не приведи Господи!... Афросинья Павловна (такъ звали ее по отцу) оказалась женщиной до крайности сварливой, капризной, ревнивой, а въ довершеніе всего — до того злощестей и истительной, что ее всѣ возненавидѣли и въ то же время боялись, какъ огня. Малѣйшая бездѣлица выводила ее изъ себя и когда она, словно потерявъ сознаніе, превращалась въ какую-то шурію. То казалось ей, что на нее косо взглянули, подали къ чаю

жидкія сливки, не такъ отвѣтили, какъ бы слѣдовало, не скоро исполнили ея приказаніе—и она принималась хлестать по щекамъ провинившихся, кричать, топтать ногами и, докричавшись до истерики, падала въ изнеможеніи на постель и чуть не всю многочисленную дворню разгоняла разыскивать докторовъ.

Петръ Ивановичъ, не привывшій къ такому шуму и столь бурнымъ сценамъ, а пуще всего не выносившій истерическихъ припадковъ, затѣялъ было воспользоваться примѣромъ Шекспира и увротить строптивую жену; но попытка эта кончилась тѣмъ, что Афросинья Павловна, чуть не выцарапавъ ему глаза, взяла да и убѣжала въ таборъ. «Плевать я на тебя, дурака, хотѣла»,—кричала она на весь домъ.

Петръ Ивановичъ сперва храбрился было:

— Врешь, шипимора,—кричалъ онъ,—врешь, вернешься...

Но такъ какъ шипимора не возвратилась, а Петръ Ивановичъ, до безумія привязавшійся къ ней, не походилъ на Шекспировскаго Петра, то онъ въ тотъ же день и откомандировалъ къ ней своего вѣрнаго Бузьму.

— Вотъ что, Бузьма, вели заложить коляску, да отправляйся-ка за ней.

— За кѣмъ это, сударь?—спросилъ Бузьма.

— За барыней.

— Я не смѣю, сударь.

Петръ Ивановичъ расхохотался даже.

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ!... Чужихъ женъ привозилъ бывало, а теперь вдругъ свою не смѣешь. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ... Ступай и скажи: баринъ, молю, гнѣваются... такъ и скажи—гнѣваются, молю и приказали, молю, вамъ домой ѣхать...

— Слушаю-сь,—какъ-то нехотя пробормоталъ Бузьма и, прифрантившись, поѣхалъ за барыней.

Но когда онъ возвратился не съ барыней, а съ синякомъ подъ глазомъ и оторваннымъ отъ фрака лацканомъ, то Петръ Ивановичъ тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло.

— Не поѣхала?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-сь.

— Что же она говорить?

— Не поѣду, говорить.

— Почему?

— Не могу знать-сь.

Петръ Ивановичъ выбѣжалъ на крыльцо, крикнулъ гучеру по

давать коляску, которую не успѣли еще отложить, и посагалъ самъ въ таборъ.

Таборъ принялся, разумѣется, заступаться за Фросю; поднялся шумъ, крикъ, ругань, потребовали выкупа и, только когда выкупъ былъ внесенъ, а таборъ угощенъ надлежащимъ образомъ, послѣдовало примиреніе, и Афросинья Павловна соблаговолила уважить просьбу мужа и возвратиться домой.

Съ той поры штабсъ-ротмистръ былъ приведенъ въ столь строгую дисциплину, что не смѣлъ пикнуть женѣ ни слова и утѣшалъ себя тѣмъ только, что принялся распѣвать солдатскія пѣсни, которыхъ зналъ великое множество. Жена, бывало, лупить башмаками горничныхъ по щекамъ, а штабсъ-ротмистръ ходить по заламъ и поеть себѣ:

Наши жены—ружья заряжены,
Вотъ кто наши жены.
Наши сестры—сабли остры,
Вотъ кто наши сестры.

Одна только Прасковья Ивановна (или Паша, какъ звали ее тогда) умѣла какъ-то потрафлять барынь, почему и пользовалась ею особымъ благоволеніемъ. Барыня никогда даже пальцемъ не тронула Пашу, не сажала ее на цѣпь, что продѣлывала съ другими дѣвушками, которыхъ замѣчала въ частомъ исчезновеніи изъ дѣвичьей; отъ скуки призывала ее къ себѣ въ комнату, сажала на табуретку и учила ее гадать на картахъ и предсказывать судьбу по жилкамъ ладоней, а по праздникамъ брала ее даже съ собой, отправляясь кататься по улицамъ Москвы. Сама Афросинья Павловна говаривала, бывало, что никто, кромѣ Паши, не умѣетъ такъ хорошо причесать головы, обуть, одѣть и т. п.

Однимъ только не нравилось Пашѣ это барское благоволеніе, что ей волей-неволей приходилось торчать постоянно въ дѣвичьей и быть на стражѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ позоветъ ее барыня. Другія дѣвушки имѣли время и за воротами посидѣть, и въ лавочку сбѣгать, и прогуляться даже, а она, несчастная, все сиди, да сиди и даже не смѣй помышлять о гуляньѣ. А ей такъ бы хотѣлось посидѣть за воротами, погрызть сѣмячки, особливо, когда за тѣми же воротами сидѣлъ щеголеватый и франтоватый бариновъ камердинеръ, котораго она, какъ только завидитъ, бывало, хотя бы издали,—то сейчасъ же всныхивала яркимъ румянцемъ. Заглядывался на Пашу и Бузьна Васильичъ... Смотритъ, смотритъ на нее, бывало—глазъ отвести не можетъ и, вздохнувъ, прошепчетъ: «Ахъ и гдѣ же толь-

ко зародилась такая красота». А то лежить, бывало, навзничъ на конникѣ въ передней, утнется глазами въ потолокъ, а на потолокъ-то Паша веселенькая такая, ласково смотритъ на него голубенькими глазами, привѣтливо улыбается, а на розовенькихъ щекахъ двѣ ямочки... Онъ даже плюнетъ, бывало, вскочитъ на ноги и примется ходить по передней изъ угла въ уголъ. Точно такъ же и Пашѣ грезился, бывало, Бузьма Васильчъ. «Ахъ, хоть бы разокъ поговорить съ нимъ по душѣ!»—мечтала она.

И оба они только о томъ и мечтали, какъ бы имъ встрѣтиться гдѣ-нибудь и досыта наговориться. Наконецъ имъ удалось это. Они наговорились досыта и порѣшили тогда же при первомъ удобномъ случаѣ упасть барынѣ въ ноги, признаться ей въ своей взаимной любви и попросить ея благословенія на вступленіе въ законный бракъ.

Случай этотъ не замедлилъ представиться. И вотъ однажды, когда Афросинья Павловна была почему-то въ особенно добромъ расположеніи, Паша и открыла ей всю свою душу. Афросинья Павловна выслушала свою баловницу благосклонно, даже позволила ей приложиться къ ручкѣ, униженной дорогими перстнями, погладила ее по головкѣ, ласково потрепала по щекамъ, но согласія на замужство все-таки не дала.

— Ты съ ума сошла, Паша, — проговорила она, — бакая же ты будешь мнѣ слуга, выйдя замужъ? Сама подумай: пойдутъ дѣтя, придется кормить ихъ, нянчиться съ ними... Досугъ ли будетъ тебѣ за мной ухаживать. Не тебѣ за мной, а, чего добраго, мнѣ за тобой придется... Нѣтъ, нѣтъ, Паша, и думать не смѣй, лучше изъ головы выгнй.

Пришелъ было и Бузьма Васильчъ, палъ барынѣ въ ноги, побожился на иконы, что «по гробъ жизни оба они, — и онъ, и Паша, — не щадя живота, будутъ вѣрными рабами своихъ господъ»... Но все это кончилось тѣмъ, что Афросинья Павловна, возмущившись столь неслыханною неблагодарностью своей баловницы, отгупила ее, а кстати и Бузьму, по щекамъ, разгнѣвалась, раскричалась, а почувствовавъ приближеніе припадка, разогнала весь домъ за докторами.

Попытались было влюбленные обратиться за содѣйствіемъ къ Петру Ивановичу; но, замѣтивъ, что тотъ сталъ фертомъ и запѣлъ: «Бонапарту не до пляски — растерялъ свои подвязки», сочли за лучшее удалиться и покориться своей горькой участи.

Но когда, по истеченіи нѣкотораго времени, Паша, вопреки барской волѣ, все-таки родила, то Афросинья Павловна была на-

столько возмущена столь безстыднымъ поступкомъ своей горничной, что тотчасъ же собственноручно отрѣзала ей косу, приказала при себѣ же одѣть ее въ грубое посконное платье и немедленно же сослать и ее, и Кузьму въ деревню, въ Протасово, а Петра Ивановича заставила написать управляющему строжайшій приказъ слѣдующаго содержания: «наскуду Парашку засадить за пальцы, содержать въ черномъ тѣлѣ, не позволять отпускать косы и сѣчь розгами каждую субботу, въ присутствіи всей дворовой челяди, а мерзавца Кузьку заставить пасть свиней и тоже сѣчь по субботамъ».

Нѣмецъ управляющій (тогда еще завѣдывалъ Протасовымъ управляющій нѣмецъ) съ нѣмецкой аккуратностью исполнилъ въ точности господское приказаніе: обулъ въ лапти Кузьму Васильча, надѣлъ на него самотканную рубаху и такіе же портки, далъ ему длинный вѣтухъ въ руки и заставилъ пасть свиней, а Пашу засадилъ за пальцы. По субботамъ ихъ пороли въ назиданіе всей протасовской челяди, и такъ пороли бы долгое время, еслибы въ Протасово, на счастье сосланныхъ, не пріѣхалъ самъ баринъ Петръ Ивановичъ.

Онъ отмѣнилъ порку, освободилъ Кузьму отъ паствы свиней, а Пашѣ разрѣшилъ отпустить косу и по праздникамъ надѣвать ситцевое платье.

Молодые люди воспрянули духомъ и, ободренные столь великими милостями барина, отправились къ нему съ просьбой довершить благодѣяніе и разрѣшить имъ повѣнчаться. Баринъ принялъ ихъ ласково, пошутилъ съ ними, а когда они зайкнулись насчетъ свадьбы, круто повернулся какъ-то на одной ногѣ, молодецки принялся крутить усы и громко зацѣлъ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый россия», а повѣнчаться все-таки не дозволилъ: «Это не мое дѣло, просите барыню».

Однако возвратимся къ прерванному разсказу.

На слѣдующій день рано утромъ мимо моей усадьбы, расположенной какъ разъ на дорогѣ, ведущей изъ села Протасова въ городъ, ѣхала какая-то телѣжка, запряженная въ одну лошадь, а на телѣжкѣ сидѣли: мужчина, правившій лошадей, а рядомъ съ нимъ женщина съ распущеннымъ зонтикомъ въ рукахъ. Ѣхали они въ притрусочку и, судя по жестамъ, о чемъ-то разговаривали. Я тотчасъ же догадался, что то были Кузьма Васильчъ и Правовья Ивановна, и поспѣшилъ выйти на дорогу.

— Здравствуйте! — крикнулъ я, когда телѣжка поровнялась со мной. — Въ городъ ѣдете?

Бузьма Васильичъ засуетился, остановилъ лошадь и приподнял картузь.

— Такъ точно, сударь, въ городъ-съ.

Прасковья Ивановна узнала меня по голосу.

— Въ городъ, въ городъ, сударь, — заговорила она, улыбаясь, — къ доктору... Хочу попытать счастья... Богъ не безъ милости: можетъ и пожалѣетъ.

— А встати, — заговорилъ Бузьма Васильичъ, понизивъ голосъ и кругомъ озираясь, какъ бы боясь, чтобы кто-либо не подслушалъ его, — хочу и еще кое о чемъ въ городѣ перазвѣдать, а то, вѣдь, въ деревнѣ-то ничего толкомъ не узнаешь... Положимъ, что болтать давно болтають, но, вѣдь, сами изволите знать, сударь, деревенской болтовнѣ много довѣрять нельзя... Мало ли о чемъ наплетуть.

— Ахъ, Бузьма Васильичъ, какіе вы, право... — перебила его Прасковья Ивановна. — Можетъ, барину неприятно даже подобныя разговоры слушать... Не помните развѣ, какъ щемилевскій-то баринъ огнѣвался на васъ, когда вы про эту самую эманципацію заговорили... Булакомъ по столу даже застучалъ: «А хочешь, — говорить, — я тебя за эти самыя слова къ исправнику отправлю?...» Надо разбирать, — добавила она жеманно, — на кого какіе разговоры могутъ дѣйствовать...

Я даже расхохотался.

— Слышите... слышите, — подхватила вдругъ Прасковья Ивановна, заслышавъ мой смѣхъ и вытаращивъ бѣлыми на дѣйствительно переконфузившагося Бузьму Васильича. — Это баринъ надъ вами смѣется, надъ вашими неумѣстными разговорами... Развѣ такъ возможно... — чуть не вскрикнула она, угоризненно покачавъ головой.

Я поспѣшилъ успокоить ее, сообщилъ, что разсмѣялся совсѣмъ не надъ тѣмъ, надъ чѣмъ она полагаетъ, что эманципаціи вполнѣ сочувствую, что искренно радуюсь за освобожденіе отъ рабства шестидесятимилліоннаго крѣпостнаго населенія, и въ то же время сообщилъ Бузьмѣ Васильевичу, что болтовня, существующая въ народѣ, не пустая болтовня, что дѣло освобожденія близится къ концу и что въ непродолжительномъ времени Россія будетъ такою же свободной, какъ и другія страны Европы.

— Да правда ли это? — вскрикнула Прасковья Ивановна, всплеснувъ руками.

— Правда, правда, — заговорилъ я, — а ежели не вѣрите, то пусть Бузьма Васильичъ на возвратномъ пути заѣдетъ ко мнѣ, и я

дать ему газеты, изъ которыхъ онъ подробно узнаеть, въ какомъ именно положеніи находится дѣло освобожденія. Заранѣ могу васъ поздравить, — прибавилъ я, — что скоро вы будете свободны такъ же, какъ и я.

— Такъ это значить въ городѣ и толковать нечего объ этомъ.

— Конечно, нечего: изъ газетъ вы узнаете всѣ подробности.

— Въ такомъ случаѣ я заверну къ вамъ, сударь, безпремѣнно заверну. Ужъ не откажите, пожалуйста мнѣ газетки-то. Я ихъ мигомъ прочту и возвращу вамъ въ цѣлости.

— Только очень-то не зачитывайтесь, Кузьма Васильичъ, — подхватила Прасковья Ивановна, отыскавъ его руку и потрясая ее. — Вѣдь много-то читаешь то же, что въ пальцахъ вышивать... Сохрани Господи глаза попортить! Вы и безъ того много книжками занимаетесь съ крестьянскими-то ребятишками. Сохрани Господи!...

— А вы развѣ отъ пальцевъ зрѣніе-то потеряли? — спросилъ я.

— А не могу вамъ достовѣрно доложить, сударь, отъ чего, — заговорила Прасковья Ивановна, видимо лукави, опасаясь открыть мнѣ правду. — То ли отъ пальцевъ, то ли отъ пролитыхъ слезъ... Вышивала я много, сударь, — прибавила она, вздохнувъ, — очень много... А поплакала чуть ли не больше. А можетъ и Господь наказалъ за грѣхи тяжкіе...

И она поспѣшила достать платокъ изъ кармана, чтобъ отереть катившіяся изъ глазъ слезы.

Кузьма Васильичъ участливо посмотрѣлъ на нее и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну-съ, Прасковья Ивановна, — заговорилъ онъ весело, — вотъ вы сейчасъ нагоняй мнѣ задали, что я съ бариномъ про эманципацію заговорилъ... Ну-съ, а теперь что скажете? Бабы не заговорилъ, то и газетъ не было бы... Нѣтъ, теперь моя очередь пришла: теперь и я вамъ задамъ нагоняй.

— Что же, задавайте, коли заслужила.

— Задамъ, дамъ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что всѣ господа на щемиловскаго барина похожи. Есть и добрые и хорошіе... Ну-съ, что скажете? — вскрикнулъ онъ, захотавъ и даже захопавъ въ ладоши. — Что, переконфузились, небось?

Прасковья Ивановна дѣйствительно переконфузилась и не знала, какъ поправить свою вину, а Кузьма Васильичъ продолжалъ тѣмъ же веселымъ тономъ:

— Теперь, по правдѣ сказать, и барину слѣдовало бы задать

вамъ хорошую головоюйку за то, что приравнивать всѣхъ господъ къ щемилковскому барину, что хотѣлъ отправить меня къ исправнику, нельзя.

— Неужто я обидѣла васъ, сударь? — прошептала она, потупивъ глаза.

— Конечно, конечно, — заговорилъ я шутливо, — даже и очень... А чтобы загладить свою вину, я прошу васъ заѣхать ко мнѣ на возвратномъ пути извиниться передо мной и кстати взглянуть на мое житье-бытье.

Но едва я успѣлъ проговорить слово «взглянуть», какъ она моментально вздрогнула и чуть не вскрикнула:

— Такъ вы думаете, сударь, что я буду глядѣть?

— Увѣренъ даже въ этомъ.

— Вы не шутите?... Не смѣтесъ надо мной?

— Непремѣнно, неперемѣнно будете видѣть.

— Господи! — вскрикнула она опять, всплеснувъ руками.

— Вѣдь я рассказывалъ вамъ про своего служащаго, у котораго также были бѣльма и который теперь видитъ и ходитъ одинъ.

— Боже! — вскрикнула Прасковья Ивановна и принялась торопить Кузьму Васильича ѣхать поскорѣе въ городъ.

Сталъ накрапывать дождь. Кузьма Васильичъ вынулъ изъ рукъ Прасковьи Ивановны распущенный зонтикъ, сложилъ его, досталъ изъ-подъ себя какой-то суконный халатъ и, накрывъ имъ Прасковью Ивановну, распростился со мною и тронулъ лошадь.

— До свиданья! до свиданья, сударь! — кричала Прасковья Ивановна.

— Смотрите же, заѣзжайте.

— Безпремѣнно, безпремѣнно! — крикнули оба.

Кузьма Васильичъ пріударилъ, лошадь и тележка покатились по гладкой дорогѣ, поднявъ цѣлое облако пыли.

Дождь покропилъ немного и пересталъ, словно это и не дождь былъ, а крупный жемчугъ, кѣмъ-то просыпанный на землю и только испестрившій собою толстый слой пыли, разстлавшійся по дорогѣ.

Въ тотъ же день, часовъ въ шесть вечера, я увидалъ какой-то экипажъ, запряженный четверкою, еле тащившійся по дорогѣ. Экипажъ этотъ заинтересовалъ меня, и я, вооружившись биноклемъ, вышелъ на балконъ. Оказалось, что то былъ дормезъ, дѣйствительно запряженный четверкою, а рядомъ съ дормезомъ шли три пѣшехода. Дормезъ, насколько я могъ разсмотрѣть, былъ всего о трехъ колесахъ, а вмѣсто четвертаго подвязана какая-то слега,

царапанная по дорогѣ и поднимающая густую струю пыли, разлетавшейся потомъ во всѣ стороны. Лошади шли шагомъ. Такъ какъ ни на козлахъ, ни на заднемъ сидѣннѣ дормеза никого не было, то я и предположилъ, что и ящики и лакеи шли пѣшкомъ, а третій пѣшеходъ, по всей вѣроятности, былъ хозяинъ дормеза, оставившій его по случаю сломавшагося колеса. Предположеніе мое подтвердилось, какъ нельзя лучше, такъ какъ одинъ изъ пѣшеходовъ побѣжалъ по направленію къ моей усадьбѣ, а немного погодя, стоялъ уже передъ моимъ балкономъ.

— Не вы ли будете господиномъ этой усадьбы? — спросилъ онъ меня.

— Да, я.

— Меня баринъ къ вамъ послалъ... Колесо у насъ разсыпалось, и вотъ уже версты шесть мы идемъ пѣшкомъ... Баринъ приказалъ просить васъ, не можете ли вы имъ одолжить хоть телѣжку какую ни на есть до дому доѣхать.

— А кто твой баринъ?

— Господинъ Протасовъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ вы вѣроятно въ Протасово ѣдете?

— Такъ точно-съ.

— А баринъ одинъ или съ барыней?

— Одинъ-съ.

— Такъ передай барину, что я прошу его завернуть ко мнѣ выпить чаю, а пока я прикажу запрячь ему тарантасъ.

— Слушаю-съ.

И лакей опять побѣжалъ къ продолжавшему тащиться по дорогѣ дормезу. Вскорѣ Протасовъ былъ у меня.

— Штабсъ-ротмистръ Протасовъ! — отрекомендовался онъ. — Извините, что, можетъ быть, обезпечилъ васъ и что являюсь къ вамъ такимъ чумазымъ и запыленнымъ.

— Умыться не желаете ли? — предложилъ я ему.

— Весьма былъ бы вамъ обязанъ.

Я позвалъ челоуѣка, приказалъ провести барина въ кабинетъ, подать умыться и вычистить платье.

Протасовъ расшаркался, разсыпался въ любезностяхъ, еще разъ извинился, что обезпечилъ меня, подшутилъ, что вольно же мнѣ было поселиться на большой дорогѣ — и ушелъ въ кабинетъ.

Полчаса спустя, онъ снова былъ уже на балконѣ чистенькій, умытый, съ припороженными волосами и нѣсколько надушенный.

Это былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ сильно пробивавшеюся въ черныхъ волосахъ просѣдью, съ очень красивымъ и типич-

нымъ лицомъ и съ большущими черными глазами, полными огня и жизни. Одѣтъ онъ былъ по-дорожному и видимо питалъ слабость къ костюмамъ военнаго покроя. На немъ была черная венгерка изъ тонкаго сукна съ петлицами, рейтузы, заправленные за щегольскіе сапоги, и какой-то кавалерійскій картузь. Онъ опять расшаркался со мною, протянулъ мнѣ выколенную руку, украшенную дорогими перстнями и поблагодарилъ за оказанный радушный приемъ.

— Въ деревню ѣду, — заговорилъ онъ, садясь за чайный столъ и наливъ въ стаканъ коньяку. — Ѣду и заранѣе предвижу ту тосчищу, которая ожидаетъ меня тамъ въ этихъ развалинахъ и въ этомъ всеобщемъ разрушеніи.

— А мнѣ этишъ-то именно и нравится ваше Протасово, — замѣтилъ я.

— Конечно, это дѣло вкуса. *C'est selon...* Но, — прибавилъ онъ, покручивая красивый усъ и метнувъ на меня выразительнымъ взглядомъ: — у меня вкусъ совсѣмъ иного сорта. Я люблю только то, что, такъ сказать, клокочетъ жизнью, полно жизни, а не корчится въ предсмертной агоніи. Я самъ живу и требую, чтобъ все жило вокругъ меня... Я вотъ сейчасъ даже, — вскрикнулъ онъ, указывая своею красивою рукой на только что привезенный поломанный свой дормезъ, — не могъ высадить въ этомъ искалѣченномъ дормезѣ и, несмотря на жарыщу и пылъ, выскочилъ на дорогу и пошелъ пѣшкомъ.

Протасовъ пробылъ у меня часа два. Онъ много говорилъ по поводу крестьянской реформы. Объявилъ, что пріѣхалъ въ деревню по совѣту многихъ своихъ знакомыхъ съ цѣлью, не дожидаясь эмансипаціи, отпустить на волю всѣхъ своихъ крестьянъ и предупредить тѣмъ самымъ надѣленіе ихъ землей; но что дорогой, обдумавъ и обсудивъ надлежащимъ образомъ эту комбинацію, пришелъ къ тому заключенію, что это будетъ съ его стороны великою подлостью.

— Помигуйте, — горячился онъ: — что же будетъ дѣлать мужикъ безъ земли? Положимъ, я средю въ деревнѣ не жилъ, мужика не знаю; не знаю даже, что именно требуется для его благополучія, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ все-таки думается, что мужикъ безъ земли пропадетъ, даже будучи свободнымъ... Вотъ распустите дворовыхъ, которыхъ у меня въ Протасовѣ великое множество, а въ Москвѣ чуть ли не больше, — я понимаю, если только правда, что надѣлать дворовыхъ землею не потребуется; но мужика... нѣтъ, нѣтъ, я на такую низость не пойду. Предложить я имъ предложу, но настаивать — сохрани меня Господи!

И, вскочивъ со стула, онъ принялся шагать по балкону.

— А я только что передъ вами видѣлся съ однимъ изъ вашихъ дворовыхъ,—проговорилъ я.

— Съ кѣмъ это?

— Съ Бузьмой Васильичемъ.

— Съ Листопадовымъ?

— Я не знаю его фамиліи, но знаю, что онъ былъ когда-то вашимъ камердинеромъ.

— Неужто онъ живъ? — вскрикнулъ онъ, остановившись и всплеснувъ руками.

— И живъ, и здоровъ.

— Очень, очень радъ буду повидать его... Онъ былъ всегда моимъ любимцемъ... Въ венгерскую кампанію всегда при мнѣ состоялъ... Преданъ мнѣ былъ, какъ собака... Да, я очень, очень любилъ его.

И вдругъ что-то вспомнивъ, спросилъ:

— Ну-съ, а возлюбленная-то его... какъ бишь ее звали-то?... Да, вспомнилъ: Паша... Она что? Умерла вѣроятно?

— Нѣтъ, и она жива.

— И здорова тоже?—спросилъ онъ, улыбаясь.

Я рассказалъ ему все, что только зналъ про Бузьму Васильича и про Прасковью Ивановну.

Протасовъ ужаснулся даже.

— Неужели ослѣпла?—чуть не вскрикнулъ онъ.

— Да, но, по всей вѣроятности, бѣльма будутъ сняты—и она прозрѣетъ.

— Ахъ, дай-то Богъ!... дай-то Богъ.

И пройдясь раза два по балкону, онъ прибавилъ:

— Да, по правдѣ сказать, обстоятельства такъ сложились, что я очень во многомъ виноватъ передъ ними... очень, очень во многомъ... Но,—вскрикнулъ онъ, откидывая назадъ, хотя и посѣдѣвшія, но все-таки роскошныя кудри,—я все-таки поправлю свою вину... Поздно, положимъ, но... *mieux vaut tard que jamais*.

Изъ только что сказаннаго я порѣшилъ, что вѣроятно супруга Протасова, Афросинья Павловна, умерла, и онъ, почувствовавъ себя свободнымъ, могъ распорядиться теперь по своему усмотрѣнію.

Вошелъ лакей Протасова и объявилъ, что лошади готовы.

— Отлично, превосходно!—вскрикнулъ Протасовъ и, протянувъ мнѣ руку, прибавилъ:—А теперь позвольте поблагодарить васъ за всѣ ваши одолженія, а главное—за ваше любезное госте-

примство. Очень, очень вамъ обязанъ!... Надѣюсь, что и вы навѣстите меня.

— Непремѣнно. Вы долго думаете пробыть здѣсь?

— И самъ не знаю.

Немного погодя, Протасовъ, наговоривъ мнѣ еще кучу любезностей, уѣхалъ.

— Вотъ баринъ-то добрѣйшій,—замѣтилъ мой лакей, проводивъ Протасова,—цѣлую трешницу на чай подарилъ.

— За что это?

— Должно, за то, что умываться подавалъ, да одежду почистилъ.—И затѣмъ какъ-то фыркнувъ и прикрывъ ладонью ротъ, добавилъ:—И кудакъ только, мотри...

— Почему?

— Да какъ же... Разговорился я за чаемъ съ лакеемъ его... Какъ, молъ, въ Москвѣ поживаете?... Есть ли барыня у васъ?

— У насъ, говорить, барынь сколько угодно... Настоящая-то состарилась, совсѣмъ старухой стала: и беззубая, и сѣдая, такъ мы, говорить, новыхъ завели: одну изъ цирка взяли, а другую прямо изъ моднаго магазина.

— А старая барыня жива, значить?—спросилъ я.

— Жива вишь... только теперь въ загонѣ: одна слава только, что барыня.

На слѣдующій день я собрался было къ Протасову, но онъ предупредилъ меня. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ, опять наговорилъ кучу любезностей, просидѣлъ съ полчаса и уѣхалъ, а на другой день я отдалъ ему визитъ, и такимъ образомъ знакомство между нами завязалось форменное.

Нѣсколько дней спустя явился ко мнѣ и Бузьма Васильичъ. Онъ чуть не вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ, бросился мнѣ на шею и принялся цѣловать меня.

— Поздравьте, сударь,—кричалъ онъ, едва выговаривая слова,—вѣдь бѣльмо-то сняли съ одного глаза!

— А съ другого?

— А съ другого подождать приказалъ... Нельзя, говорить, вдругъ... повременить, говорить, надоть.

— А гдѣ же Прасковья Ивановна?—спросилъ я.

— Въ городѣ, сударь, осталась, въ городѣ... Я нашелъ ей квартирку. Такъ на квартиркѣ и живетъ и докторъ каждый день ѣздитъ... Ахъ, вотъ человекъ-то, вотъ душа-то!

— Ну что же,—перебилъ я его:—однимъ-то глазомъ видить Прасковья Ивановна?

— Видить, сударь, видить. Только много-то смотрѣть докторъ не позволяетъ, а только привелъ ее въ залцу, указалъ на образъ: «Это что?» говорить. — Икона, — говорить Прасковья Ивановна. — «Какая?» — спрашиваетъ. — Спаситель, — говорить. — «Ну, такъ вотъ, — говорить, — помолитесь и отправляйтесь въ свою темную комнату». — Прасковья Ивановна помолилась, земной поклонъ положила, поплакала, конечно, отъ радости-то, и ушла себѣ въ свою темную комнату.

— Одна? — спросилъ я.

— Одна, сударь, одна, — закричалъ радостно Бузьма Васильичъ и, упавъ на кресла, не выдержалъ и заплакалъ, закрывъ руками лицо.

Я далъ ему время успокоиться, а потомъ сообщилъ ему о прїѣздѣ г. Протасова, о своемъ знакомствѣ съ нимъ и о томъ, что говорилъ онъ по поводу его и Прасковьи Ивановны.

— Баринъ-то онъ добрый, чего и толковать, ласковый, душевный, только, смѣю доложить, сударь: дѣло-то не въ немъ, а въ баринѣ. Не будь ея, нешто случилось бы это со мною и Прасковьей Ивановной. Ни въ жисть не случилось бы. А главное дѣло — она все.

Передалъ я ему и про слышанное мною о баринѣ, но за достоинство этого слуха не поручился, такъ какъ исходилъ онъ отъ протасовскаго лакея.

— А самъ-то баринъ ничего не говорилъ?

— Ни полслова.

— А можетъ и правда, — отозвался онъ. — Баринъ всегда былъ охотникъ до красивыхъ. Можетъ и подъ старость сохранилъ эту привычку. А, впрочемъ, — прибавилъ онъ, вставая и взявъ картузь: — поживемъ — увидимъ.

Я подалъ ему приготовленные для него газеты.

— Премного вамъ благодаренъ, сударь. Только теперь надобности въ нихъ нѣтъ: все у доктора вычиталъ.

— Значить, убѣдились теперь, что дѣло эмансипаціи подходитъ къ концу?

— Убѣдиться-то убѣдился, только ждать этого конца не буду, — проговорилъ онъ, — а коли баринъ предложитъ мнѣ вольную, въ ту же секунду схвачу ее.

— А Прасковью Ивановну скоро привезете?

— Недѣлки черезъ три, не раньше, сударь: такъ докторъ приказалъ.

Не прошло и недѣли, какъ Протасовъ опять прїѣхалъ ко мнѣ..

— Не вытерпѣлъ, чтобы не подѣлиться съ вами новостями, — проговорилъ онъ весело, входя ко мнѣ на балконъ. — Ну-съ, — прибавилъ онъ, поздоровавшись: — толковалъ я со своими пейзажами — предлагалъ распустить ихъ на волю. Буда тебѣ! — и слушать не захотѣли. Зачѣмъ, говорятъ, намъ воля, коли мы и при твоей милости неволи не видимъ. Ты нашъ отецъ, а мы твои дѣти. Что, намъ живется что ли плохо?... Слава Тебѣ, Господи — барщиной ты насъ не тяготишь, оброкъ мы платимъ тебѣ посильный. Какого же намъ еще рожна надоть? Нѣтъ, не желаемъ мы твоей воли, а желаемъ по гробъ жисти быть твоими дѣтьми, а ты будь нашимъ отцомъ. — А на другой день наташили мнѣ яицъ, куръ, пряниковъ какихъ-то и сверхъ того оброкъ за полгода впередъ. «Получай, — говорятъ, — а про волю и говорить не жги». Прехитрые, подлецы, однако! И такія, знаете, рожи скорчили, какъ будто и правду говорятъ. Ну, разумѣется, я ихъ водкой накаталъ, перепились всѣ и разошлись по домамъ.

— Ну-съ, а дворовые что сказали?

Протасовъ расхохотался.

— Тоже и они себѣ на умѣ! — вскрикнулъ онъ: — молодые, да мастеровые — тѣ сразу согласились, въ ноги даже упали и слезно благодарить начали... ну, а старики — тѣ не пожелали. И то сказать въ самомъ дѣлѣ: куда же они дѣнутся? Земли имъ не полагается, да и на кой чортъ имъ земля, когда они даже и не знаютъ что дѣлать-то съ ней. Работать они не могутъ. Вѣдь они съ голода подохнуть.

— Отказались, стало-быть?

— Ну, понимаете ли: въ одинъ голосъ.

— И Бузьма Васильичъ отказался?

— Ну, батюшка! — вскрикнулъ Протасовъ: — Бузьма это совсемъ иное дѣло, тотъ сразу согласился. Ужъ я ему и вольную отдалъ. Но вѣдь тому я далъ земли, во-первыхъ, купилъ флигель хорошенькій, который сегодня же перевезуть въ Протасово.

И вдругъ, увидавъ нѣсколько подводъ съ лѣсомъ, крикнулъ подводчикамъ:

— Это кому лѣсъ-то везете, ребята?

— Твоей милости, Петръ Ивановичъ! — раздалось нѣсколько голосовъ.

— Бузьмѣ флигель, что ли?

— Ему, ему, Бузьмѣ Васильичу.

— А земли-то вы много дали ему?

— Сколько пожелалъ,—столько и далъ... десятину, кажется. Онъ самъ и мѣсто выбралъ.

— Гдѣ же онъ выбралъ?

— Прехорошенькое, доложу вамъ, мѣстечко подыскалъ.

— Гдѣ же именно?

— Неподалеку отъ церкви и почти возлѣ самаго парка. Прехорошенькое мѣстечко. И какъ это мнѣ не пришло въ голову самому себѣ построить тамъ флигель на случай моего пріѣзда. Вѣдь каждый разъ приходится у приказчика останавливаться, гдѣ и клопы, и блохи, и тараканы и чортъ знаетъ чего только не имѣется. Чего бы лучше?

— Ну, что же, счастливъ Бузьма Васильичъ?

— Ахъ, чуть съ ума не спятилъ отъ радости!... Теперь торопится къ пріѣзду своей Прасковьи Ивановны отдѣлать флигель.

— Да развѣ возможно такъ скоро?

— Почему же нѣтъ?—удивился Протасовъ:— фундаментъ подведенъ, плотники наняты, а поставить готовый флигель—минутное дѣло. Паря готовъ держать, что черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, мы будемъ приглашены на новоселье.

— Да, если вы помогать будете—конечно.

— Ну, конечно, конечно: еще бы ему - то я не помогъ. Это была бы безпримѣрная coçonnerie!

Однако справлять новоселье мнѣ не довелось, а пришлось по очень экстренному дѣлу ѣхать въ Петербургъ, гдѣ я провелъ всю зиму и только въ концѣ марта вырвался домой. Въ то время желѣзная дорога доходила только до Рязани, а съ Рязани надо было ѣхать на лошадяхъ. Зимній путь почти «рухнулъ», лошади поминутно проваливались, и мнѣ по нѣсколькы разъ въ день приходилось сидѣть въ зазорахъ. Чуть встрѣтится гдѣ лощина—ну и жди, что вотъ-вотъ сейчасъ либо искупаешься, либо насидишься въ ней вѣсколькы часовъ.

Такъ или иначе, а я, все-таки, добрался до дома и даже довольно благополучно, если не считать нѣсколькихъ купаній и одной ночи, проведенной въ зажорѣ, въ виду Кирсанова, изъ оконъ котораго привѣтливо и заманчиво смотрѣли на меня сотни огоньковъ и гудѣли призывнымъ звономъ колокола нѣсколькихъ церквей.

Едва успѣлъ я пріѣхать домой, какъ явился знакомый намъ фельдшеръ Поликарпъ Захарычъ. Вошелъ онъ, конечно, на цыпочкахъ, какъ и подобаетъ благовоспитанному кавалеру, и заговорилъ обычнымъ выскопарнымъ слогомъ:

— Услыхавъ о вашемъ благополучномъ возвращеніи по столь опасному, не только для здоровья, но и для жизни, пути, я счелъ долгомъ доложить вамъ, сударь, о наступившемъ перелетѣ вальдшнеповъ.

— Много?— вскрикнулъ я.

— Могу васъ порадовать, сударь, что даже изъ годовъ вонъ. Такое великое изобиліе, какого я не запомню. Конечно,— продолжалъ онъ, приложивъ руку къ сердцу,— въ ожиданіи вашего приѣзда, я не позволилъ себѣ пугать ихъ выстрѣлами. (Только послѣ узнавъ я, что фельдшеръ шатался по парку каждый день, разстрѣлялъ фунта два пороху и безпощадно колотилъ вальдшнеповъ.) Но, руководимый любопытствомъ,— продолжалъ онъ:— нѣсколько разъ безъ ружья ходилъ по Протасовскому парку. Великое множество!

Извѣстіе это, конечно, до того порадовало меня, что я, въ пылу охотничьяго азарта, порѣшилъ завтра же утромъ ѣхать въ Протасовскій паркъ.

— Въ такомъ случаѣ,— заговорилъ фельдшеръ,— не сочтете ли вы, въ виду распутицы, болѣе рациональнымъ ѣхать въ Протасово сегодня же, переночевать тамъ, хотя бы у нашего общаго знакомаго, Кузьмы Васильича, а завтра съ разсвѣтомъ открыть охоту.

— Отстроился, значить?

— Давнымъ-давно: даже зимовалъ въ новомъ домѣ, который сѣнями раздѣлилъ на двѣ половины: въ одной живетъ самъ, а въ другой Прасковья Ивановна. Обмеблировалъ его, зеркаловъ повѣшалъ, картинокъ разныхъ, выписалъ Прасковью Ивановну модный журналъ и теперь она у насъ въ околотеѣ самой модной мадамой считается, одѣваетъ всѣхъ барынь и, кажется, хорошія деньги зарабатываетъ.

— Стало быть, зрѣніе поправилось?

— Совершенно.

— А Кузьма Васильичъ что подѣлываетъ?

— А онъ по-прежнему обучаетъ ребятшекъ грамотѣ. Только сейчасъ, по случаю наступившей весны, принялся за разбивку передъ домою палисадника, обнесъ этотъ палисадничекъ красивой рѣшеткой, покрасилъ ее и собирается развести цвѣтники. «Пусть, говорятъ, Прасковья Ивановна, хоть на старости лѣтъ поживетъ, какъ добрые люди живутъ и какъ ей нравится». Да чего... дѣвчонку ей нанялъ даже, чтобы, значить, служила ей на манеръ горничной.

— А новоселье справлялъ?

— Еще какое!... Самъ господинъ Протасовъ былъ, пилъ за здоровье обоихъ и каждому по сту рублей подарилъ. Теперь Кузьма Васильичъ живетъ не хуже иного помѣщика. Да вотъ вы и сами увидите.

Бѣхъ въ Протасово въ тотъ же день я согласился, но ночевать у Кузьмы Васильича отказался, не желая тревожить стариковъ.

— Въ такомъ случаѣ, — заговорилъ фельдшеръ, — позвольте предложить вамъ слѣдующую комбинацію: переночевать у одного моего знакомаго крестьянина. Само собою разумѣется, что особой комфортабельности вы тамъ не найдете, но, все-таки, у этого крестьянина есть особая комнатка, отдѣляющаяся отъ избы досчатой перегородкой, и вамъ будетъ тамъ довольно хорошо.

На томъ мы и порѣшили.

Въ тотъ же день мы отправились въ Протасово, переночевали у крестьянина за перегородкой, не найдя въ ней, по случаю множества клоповъ «особой комфортабельности», а съ разсвѣтомъ были уже въ парѣ.

Прошатались мы по парку часовъ пять безъ отдыха. Мой неутомимый сеттеръ метался изъ стороны въ сторону, громко фыркалъ чутьемъ, а все-таки, несмотря на столь усердное стараніе, «изъ годовъ вонъ избыльнаго перелета вальдшнеповъ» не оказалось, а которые имѣлись, до того были кѣмъ-то напуганы, что не только не выдерживали стойки, но даже близко не подпускали ни собаки, ни насъ. Убилъ я штукъ пять — и только.

— Это удивительно, — изумлялся фельдшеръ, — право, можно подумать даже, что кто-либо, крадучись, преусерднѣйшимъ образомъ охотился здѣсь и перепугалъ вальдшнеповъ.

— Конечно, охотился, — вскрикнулъ я, случайно наткнувшись на убитаго вальдшнепа, успѣвшаго уже полусгнить, и показывая его фельдшеру. — Конечно, охотился... вотъ и доказательство.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, — забормоталъ онъ, немного сконфузившись.

— Но кто? — вотъ вопросъ, такъ какъ ни въ Протасовѣ, ни по его окрестностямъ нѣтъ такихъ охотниковъ, которые бы охотились по вальдшнепамъ.

Фельдшеръ махнулъ рукой.

— Помилуйте, — вскрикнулъ онъ, — теперь сколько угодно.

И, почему-то вздохнувъ и укоризненно помотавъ головой, добавилъ:

— О tempoга, о mores!

— Однако вотъ что: «о tempoга, о mores», — подшутилъ я, — давайте-ка разоидемя... Вы ступайте по полугорью, а я пойду по этой аллеѣ, можетъ и наткнемся гдѣ-нибудь.

— Пойдемте, пойдемте...

Мы разошлись.

День былъ превосходный: теплый, ясный... Въ паркѣ почти не было снѣга, только кое-гдѣ по оврагамъ, да въ пересохшихъ искусственныхъ прудахъ видѣлся онъ чахлыми и словно загрязвившимися кучами. Повсюду пробивалась зеленая травка, пересыпанная свѣжими синими подсиѣжниками. По полугорью шумно бѣжали обильные ручьи и, ниспадая съ уступовъ каскадами, уносили на себѣ прошлогодніе желтые листья и сваливали ихъ въ кучки. Въ кучкахъ этихъ шуршали проснушіеся отъ спячки ежи и всякій разъ приводили въ великое смущеніе моего сеттера, всячески изловчавшагося схватить колючаго звѣрка, но ежъ моментально свертывался влукбомъ и сеттеру оставалось только съ великою осторожностью покатать его лапкой. Неугомонные грачи наполняли паркъ своимъ крикомъ и усердно заваливали тяжелыми, большущими гнѣздами сучья могучихъ липъ. Всюду сновали скворцы, а вальдшнеповъ все нѣтъ, какъ нѣтъ; не поднималъ ихъ и фельдшеръ, такъ какъ я не слыхалъ ни единого выстрѣла. «Вотъ тебѣ и изъ годовъ вонъ», подумалъ я и, спустивъ курки, вскинулъ ружье на плечо.

Вдругъ сеттеръ почувалъ что-то, поднялъ голову, остановился, началъ быстро поводить чутьемъ и осторожно побѣжалъ назадъ, а въ то же время раздался чей-то женскій голосъ, кричавшій:

— Не догоните, не догоните!...

А вслѣдъ за тѣмъ на тропинку, по которой я шелъ, съ легкостью балерины, вылетѣла знакомая намъ левретка.

«Ужъ не Прасковья ли Ивановна?» подумалъ я, обернулся и дѣйствительно увидалъ въ концѣ аллеи бѣжавшую Прасковью Ивановну, а нѣсколько сзади Кузьму Васильича, силившагося изъ всей мочи догнать ее.

— Не догоните, не догоните!

— А ежели догоню...—кричалъ тотъ.

— Нѣтъ, ни за что...

Я спрятался за кустъ.

— Догоню, догоню!—продолжалъ Кузьма Васильичъ.

И дѣйствительно, онъ догналъ ее какъ разъ у того куста, за

которымъ я притаился; но Прасковья Ивановна, увидавъ меня, быстро оттолкнула его отъ себя, чуть слышно прошептавъ:

— Пустите, здѣсь есть кто-то...

Я вышелъ изъ-за куста и, раскланявшись, проговорилъ:

— Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Прасковья Ивановна тотчасъ же узнала меня по голосу и бросилась мнѣ на шею. Бузьма Васильичъ почему-то отвернулся и суетливо доставалъ изъ кармана платокъ.

Никогда я не испытывалъ такой радости, какъ въ описанную минуту!

И. Саловъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ТИНА *).

Романъ К. Верніоля.

Переводъ съ французскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VIII.

Зима этого года, — третья, которую Дютрейль проводилъ въ Монтаньякъ, — оставила по себѣ самыя грустныя воспоминанія. Театръ былъ закрытъ, въ салонахъ полный застой, почти никто не принималъ. Морэнъ-Шассанъ зажилъ въ Парижѣ въ надеждѣ получить дипломатическую должность. Мадемуазель Пейредуль похоронила тетку, мадамъ Тумазо — свою belle-soeur. Несмотря на чрезвычайный холодъ, де-Баржъ дольше обыкновеннаго осталась въ деревнѣ. Дютрейль всѣмъ этимъ не былъ огорченъ, но это лишило его возможности придумать отговорку, когда мадамъ Круазэ позвала его на «семейный вечеръ». Совсѣмъ за-просто! Нѣсколько друзей дома, чашка чаю, petits jeux, немного музыки и можетъ быть шарада.

Когда, ровно въ девять часовъ, онъ вошелъ въ гостиную мадамъ Круазэ, его встрѣтили, какъ встрѣчаютъ желанныхъ гостей, въ появленіи которыхъ сомнѣваются до послѣдней минуты. Въ то же время ему показалось, что на нѣсколькихъ лицахъ онъ прочелъ усмѣшку. То и другое заставило его призадуматься. Неопредѣленное смутное предчувствіе грозящей гибели ощутилъ онъ, и это предчувствіе подтвердилось, когда въ числѣ запоздалыхъ гостей вошли мадамъ Гарадель и мадемуазель Сирейголь. Увидя ихъ, мадамъ Круазэ сдѣлала видъ, что очень удивилась.

— Ахъ, моя дорогая! — воскликнула она, — какой чудный сюр-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 97 г.

призь! — И какъ это съ вашей стороны любезно, — сказала она Эмилии.

— Я осмѣлилась привести съ собою Эмилию, которую отецъ, ужасный эгоистъ, держитъ въ заперти. Вы знаете, она очень застѣнчива. Я должна была ей пообѣщать, что вы ее не осудите, — повѣрите этому?

Есть минуты въ жизни, когда, находясь въ абсолютномъ одиночествѣ, чувствуешь какъ на васъ обращены взоры толпы, за вами слѣдятъ несмотря на пространство и стѣны и когда сознаешь, что слово, взглядъ, малѣйшее движеніе рѣшаютъ судьбу всей вашей жизни. Дютрейль переживалъ именно такую минуту. Онъ не ошибался и рѣшилъ быть стойкимъ. Онъ отлично понималъ, что напускная холодность или веселость, непринужденность или равнодушіе выдадутъ его боязнь *чего-то*, нужно было показать, что этого *чего-то* не существуетъ. Онъ дружески поздоровался съ мадамъ Гарадель, она сказала что-то относящееся къ Эмилии, на что онъ почтительно поклонился дочери банкира. Эмилиа, зная какое значеніе придавалось данному обстоятельству, имѣвшая превратное понятіе о намѣреніяхъ Дютрейля, покраснѣла, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и старалась непринужденностью скрыть свое смущеніе. Все это не ускользнуло отъ Дютрейля. Онъ не хотѣлъ быть жертвой этой интриги; онъ возмущался устроенной ему ловушкой, любопытными взорами и той увѣренностью, съ которой всѣ, не исключая молодой дѣвушки, ждали близкой развязки. Онъ озлился и у него явилось безумное желаніе доказать, что если онъ захочетъ, то выйдетъ побѣдителемъ изъ всего этого. Мадамъ Круазе доставила ему случай блеснуть, и онъ, подстрекаемый жадной мщенія, дѣлалъ всѣ усилія, чтобы понравиться. Мужчины часто, увлеченные этимъ желаніемъ, поступаютъ неосторожно. Ему хотѣлось плѣнить собой, для того чтобы потомъ вызвать живое сожалѣніе, показать, какъ много теряютъ, теряя его. Но несчастье было въ томъ, что всѣ очевидцы не могли проникнуться его расчетами, и впечатлѣніе получалось совершенно обратное.

Провожая домой Эмилию, мадамъ Гарадель спросила:

— Ну, милочка, какъ ты находишь г. Дютрейля?

Эта отвѣтила:

— Онъ былъ очень любезенъ.

— Такъ онъ тебѣ нравится?

— ... По крайней мѣрѣ онъ могъ бы мнѣ понравиться.

На слѣдующій день въ Монтаньякѣ уже спорили только о томъ, на какой день назначена свадьба. Фактъ казался явнымъ, несо-

миѣннымъ, и тѣ, кто еще немного сомнѣвались, объявили, что Дютрейль «зашелъ слишкомъ далеко, чтобы пойти назадъ». Сирейголь не считалъ больше нужнымъ разубѣждать въ томъ, *что знали всѣ*.

Оставаясь вѣрнымъ совѣтамъ мадамъ Гарадель, онъ никому не говорилъ ничего положительнаго, не проронивъ слова, могущаго его компрометировать; но его улыбка, манера говорить, шурить глаза, трясти головой, пожимать подаваемые ему руки, — подтверждали всѣ догадки. Что же касается молодого человѣка, то онъ былъ доволенъ собой, увѣренный, что ему удастся порвать когда вздумается и заранѣе предвкушая разочарованіе своихъ противниковъ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, какъ всѣ ошиблись, и больше уже не старался вывести ихъ изъ этого заблужденія. Онъ только посмѣялся, когда пронесся слухъ, что пріѣхалъ его отецъ, чтобъ «устроить важныя дѣла». Вскользь было упомянуто имя мадемуазель Сирейголь во *французскомъ кабѣ*.

— Въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ эту дѣвушку, — сказалъ онъ. — Она очень мила. Она бы вамъ прекрасно подошла Фѣгароль. Какъ вы о ней не подумали... Хотите я васъ отрекомендую ей отцу?

Онъ увидѣлъ ее еще разъ «случайно» у мадамъ Гарадель, куда банкиръ часто завозилъ ее вечеромъ передъ тѣмъ, какъ отправлялся въ Philo, неожиданно озабоченный доставить дочери развлеченіе, и «судьбѣ» было угодно, что онъ въ этотъ вечеръ оставался одинъ въ обществѣ обѣихъ женщинъ. Не имѣя больше надобности считаться съ публикой, онъ держался просто и скромно и, не стараясь больше поражать, онъ понравился. Понравилась эта простота Эмили гораздо больше, чѣмъ блестящая утонченность, которая была совершенно не въ ея вкусъ; она на нее отвѣчала, забывъ свою застѣнчивость и показала такую, какою она была на самомъ дѣлѣ, т. е. достойной вниманія. Ея здравый смыслъ, откровенность, твердость взглядовъ, открытый характеръ поразили Дютрейля. «Она въ тысячу разъ лучше, чѣмъ можно было предполагать, — подумалъ онъ уходя, она будетъ хорошею женою. Ее отдадутъ какому-нибудь животному... жаль!...»

Дютрейль доканчивалъ чтеніе отчета, который Дююшъ разсѣянно слушалъ. Послѣдній сказалъ ему, какъ бы отпуская его:

— Ну, что же?... А эта свадьба? — Уже не первый разъ Дююшъ освѣдомлялся о событіи. — Дѣло подвигается?... Что же скоро?... — говорилъ онъ. — Хорошо, хорошо, я не касаюсь вашей тайны. — Въ теченіе двухъ недѣль онъ воздерживался отъ всякихъ намековъ.

— Даже Понъ-Каналь этому больше не вѣрить, — отвѣтилъ Морисъ. — Всякой шуткѣ бываетъ конецъ.

— Шутка?

— Замѣчательная шутка, очевидно, классическая, хотя немного избитая. Всякому своей чередъ. Теперь ищутъ другой жертвы. Дюпюшъ былъ очень удивленъ и повторилъ:

— Шутка?

— Надѣюсь, вы никогда въ этомъ не сомнѣвались...— Нѣтъ, г. Дюпюшъ не сомнѣвался, потому что его дорогой сотрудникъ утверждалъ. Но... но все же...

Дютрейль понялъ, что удивленіе старика было вполне искреннее, онъ конечно вѣрилъ всей этой ерундѣ. Дютрейль объяснилъ ему, что не было ни тѣни правды въ этой глупой исторіи, все это исключительно плоды злословія и довѣрчивости! Правда, нѣкоторые лица хотѣли осуществить этотъ безумный замыселъ. Онъ, Дютрейль, усталъ говорить съ глухими и избралъ самое разумное: молчаніе, и былъ правъ, такъ какъ уже всѣ толки затихали. Черезъ мѣсяцъ и слѣда отъ нихъ не останется.

— Вы такъ думаете?

— Неминуемо.

— Не всѣ одного мнѣнія съ вами. Сирейголь говорилъ вчера, что свадьба назначена во вторникъ на Святой.

— Ахъ!... онъ вамъ это сказалъ?

— Его при мнѣ спрашивали въ клубѣ, и онъ не отрицалъ.

Дютрейль выходилъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, это переходить всякую мѣру!... Какъ, несмотря на все, вымыслы продолжаютъ! Когда гроза, казалось ему, разсѣялась, прибѣгають къ такимъ фокусамъ, распространяють дерзкую ложь!... И кто?—отецъ!... Къ чему это рвеніе? На что надѣются заговорщики? Что онъ женится только для того, чтобы доставить имъ удовольствіе... чтобы купить миръ?... Онъ ни въ чемъ не виноватъ, онъ исполнилъ свой долгъ, совѣсть его чиста. Тѣмъ хуже для клеветниковъ и для дураковъ!

Забывъ о присутствіи г. Дюпюшъ, онъ произнесъ этотъ монологъ яростно, сжимая кулаки и прохаживаясь большими шагами по кабинету. Потомъ онъ успокоился, постарался улыбнуться и извинился передъ г. Дюпюшъ въ этомъ принадлежъ гнѣва.

— Сожалѣю, милый другъ, что возбудилъ этотъ разговоръ, хотя онъ и не былъ лишнимъ. Я не сомнѣваюсь въ вашей искренности. Я даже убѣжденъ, что вы не сдѣлали никакой неосторожности. Нравы Монтаньяка мнѣ слишкомъ хорошо знакомы, чтобы я не находилъ естественнымъ, что васъ преслѣдовали и продолжаютъ другихъ преслѣдовать. Это дань, которую мы всѣ должны платить.

Если я вамъ скажу, что даже я... недавно... да, не пощадили моихъ сѣдыхъ волосъ... Конечно, вы не можете себя считать отвѣтственнымъ... Это безразсудно... но очень досадно, очень досадно!...

— Меня, надѣюсь, не осудятъ за вымышленное преступленіе?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ... Но все-таки... еслибы вы знали!...

Повторяю вамъ: досадно, я бы дорого далъ, чтобы все это было кончено.

— А по вашему мнѣнію, какъ это кончится?

— Право, не знаю.

— Не свадьбой, клянусь вамъ!

Онъ собирался уходить. Г. Дюпюшъ казался озабоченнымъ. Сортируя положенныя передъ нимъ бумаги, онъ пристально посмотрѣлъ на Дютрейля.

— Я буду очень удивленъ, — сказалъ онъ грустнымъ тономъ, — если черезъ мѣсяцъ васъ не будутъ упрекать въ томъ, что вы ее компрометировали...

«Только этого не доставало! — подумалъ Дютрейль. — Компрометировалъ!... Они на это способны! Компрометировалъ!... Я!... Отецъ придетъ, будетъ просить поправить это дѣло, мадамъ Бруазе назоветъ меня подлымъ соблазнителемъ!... Компрометировалъ!... Нѣтъ, всему смѣшному долженъ быть предѣлъ, даже въ Монтаньягѣ!... Г. Дюпюшъ преувеличиваетъ... Надъ нимъ посмѣялись... Все уладится»...

Сколько плановъ ему приходило въ голову, — увы! — ни одинъ не могъ помочь бѣдѣ, не могъ ее исправить. Что же дѣлать?... Бѣжать!... Бѣжать отсюда, изъ этого зачумленнаго воздуха, отъ этихъ проклятыхъ людей!... Бѣжать изъ этой пропасти, въ которую онъ съ каждымъ днемъ падалъ все глубже и глубже, въ которой онъ растратилъ свои силы, потерялъ гордость, гдѣ исчезли его дорогія мечты, гдѣ его идеалы мыслителя и артиста опустились до уровня съ инстинктами этихъ грубыхъ *животныхъ*!...

Всѣ эти волненія имѣли только одно послѣдствіе — они привели его снова къ давно заброшеннымъ литературнымъ работамъ. Не то, чтобы онъ надѣялся не встрѣтиться больше съ трудностями, которыя его останавливали, или расчитывалъ, наткнувшись на нихъ, съ ними справиться. Насколько его желанія дѣлались скромнѣе! Теперь работа должна была только отвлекать его отъ новыхъ заботъ, защищать отъ его враговъ, помочь ему ничего не видѣть и ничего не слышать изъ того, что дѣлалось вокругъ него. Онъ взялся за *Сумерки*, и потому ли, что возбужденіе данной минуты по-

служило ему вдохновеніемъ, или потому, что онъ храбро отбросилъ прежнія сомнѣнія, но онъ свободно и легко написалъ нѣсколько главъ. Три недѣли онъ нигуда не показывался. Но и это уединеніе произвело совсѣмъ не тотъ эффектъ, на который онъ рассчитывалъ, и вызвало разнорѣчивые толки: «Ему стыдно», говорили одни, «Онъ собирается съ мыслями», говорили другіе.

Скоро Дютрейль долженъ былъ сознаться, что ему не доставляло никакого удовольствія къ страницѣ прибавлять страницу. У него не хватало ни средствъ, ни силы воли довести свою задачу до конца. Онъ не испытывалъ больше этого неудержимаго влеченія къ литературѣ. Совсѣмъ другія мысли вертѣлись у него въ головѣ. Онъ окутывали его, онъ проникался ими и постепенно испытывалъ ихъ очарованіе.

Оцѣпенѣніе, въ которомъ находился Дютрейль, мѣшало ему слышать и видѣть все, что замышлялось вокругъ него. Опасенія г. Дюпюшъ оправдались. Въ Монтаньякѣ находили и единогласно заявляли, что Дютрейль серьезно нарушилъ приличія. «Какая дерзость!» — говорила мадамъ Белюгу. «Это значить издѣваться надъ самыми священными вещами!» — прибавляла мадамъ Круазе. Какое придумать извиненіе? Зачѣмъ играть такую гадкую роль?... Никто за нимъ не бѣгалъ, — напротивъ. Никто не заставлялъ его жениться и никто этого не добивался. Къ чему же эта гнусная комедія?

Эти упреки не высказывались Дютрейлю прямо. Онъ отгадывалъ ихъ по разнымъ намекамъ, по строгимъ лицамъ, по напускной холодности. Онъ смѣялся надъ всѣмъ этимъ.

А когда мадамъ Гарадель объявила ему, что доктора предписали мадемуазель Сирейгаль деревню отъ ея непонятной, загадочной болѣзни, беспокоящей ея друзей, онъ только пожалъ плечами. (Онъ зналъ, что всегда въ это время Эмилиа ѣздила навѣщать въ деревню тетку, которая ее воспитала.)

Дютрейль взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Рошфоръ. Тамъ онъ сознался отцу, что безъ сожалѣнія отказывается отъ своихъ плановъ — юношескихъ мечтаній, — и, какъ Ла-Бюрту, онъ старался ему доказать, что избираетъ благое. Наканунѣ отъѣзда онъ небрежно замѣтилъ, что холостая жизнь начинаетъ его тяготить и что иногда, въ часы обѣда, онъ думаетъ о женитьбѣ. На вопросы старика, удивленнаго этимъ новымъ и скромнымъ желаніемъ, онъ отвѣтилъ, что сказалъ это безъ всякаго повода, что это просто жалоба испорченнаго желудка, отвращеніе къ меблированнымъ комнатамъ, къ табльдотамъ и къ кафѣ, но что вообще онъ ничего, рѣшительно ничего не имѣетъ въ виду. И дѣйствительно, онъ былъ ис-

кренень, не зная даже, что его побудило начать это неожиданное признание.

Онъ обѣщалъ вернуться до конца года. Когда онъ возвращался въ Монтаньякъ, то думалъ: «Что еще они могли придумать въ моемъ отсутствіи?»... И эта мысль нисколько не беспокоила его.

Тотчасъ же онъ замѣтилъ, что общественное мнѣніе измѣнилось. Онъ не встрѣчалъ больше угрюмыхъ и обиженныхъ фізіономій, но замѣчалъ ироническіе улыбки и взгляды. Въ французскомъ кафѣ, — гдѣ по его возвращеніи изъ Парижа ему была сдѣлана овація, онъ тоже замѣтилъ перешептываніе и лукавыя взгляды, — онъ освѣдомился тамъ, что произошло за двѣ недѣли его отсутствія. Ахъ, ничего интереснаго! Тѣмъ не менѣе Дютрейль чувствовалъ, что «что-то есть». Морисъ подумалъ, что получить интересующія его свѣдѣнія отъ Фѣгароля и обратился къ нему:

— А вы, что скажете новенькаго?

— Рѣшительно ничего.

— Не можетъ быть. Послушайте, что же, — въ слѣдующемъ мѣсяцѣ?

— Что такое?

— Ваша свадьба. Вы не заставите меня отказаться отъ мысли, что эти двѣ недѣли вы преслѣдовали подобную цѣль.

— Другъ мой, — сухо отвѣтилъ адвокатъ, — избавьте меня отъ этой пошлой шутки. Я такъ же мало думаю о женитьбѣ... такъ же мало, какъ вы; это достаточно убѣдительно.

— Подите! Я убѣжденъ, что вы плохо за это беретесь. Хотя это и не такъ трудно!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ. Хотите пари, что если бы я этого захотѣлъ, дѣло было бы скоро слажено.

— Я принимаю пари.

— Вы проиграете.

— Можетъ быть. Почему же вы недавно не испробовали ваши чары? Случай стоилъ того.

— Не считайте меня самодовольнымъ, но дѣло зависѣло только отъ моего согласія.

— О, разумѣется!... Виноградъ слишкомъ зеленъ!...

— Вы вѣрно на себѣ это часто испытывали?

— Извините, всѣмъ извѣстно, что инициатива отказа всегда принадлежала мнѣ. Не мнѣ отказывали, какъ это сдѣлали съ вами

— Что такое?...

Голоса двухъ мужчинъ громко раздавались въ небольшой залѣ

Посѣтители прекращали игру и разговоры, обращая на нихъ вниманіе. Фёгароль, долго сдерживавшій накипѣвшую злобу, потерялъ всякое самообладаніе и продолжалъ:

— Я говорю то, что всё знаютъ: Вы просили руки мадемуазель Сирейголь и, несмотря на ваши настоянія, вамъ отказали.

— Мнѣ?...

— Именно вамъ.

— А причина этого оскорбленія?...

— Вамъ не трудно ее найти. Поищите въ вашемъ прошломъ.

Дютрейль порывисто всталъ, задѣвъ и опрокинувъ стулъ, и раньше, чѣмъ его можно было удержать, нанесъ двѣ пощечины склонившемуся къ нему адвокату. Послѣдній отелонился назадъ, потомъ сдѣлалъ движеніе, точно онъ бросается на Дютрейля, но Брюандѣ удержалъ его за талию.

Манури и Брюандѣ, оба удивленные трагической развязкой шутки, повторяли:

— Перестаньте, господа, перестаньте... не ссорьтесь!

Морисъ сѣлъ и началъ качаться на своемъ стулѣ. Наступило молчаніе. Игроки вернулись къ своимъ столамъ и всё притворялись, будто никто ничего не видѣлъ. Вдругъ Фёгароль, дрожащій, уставивъ глаза въ потолокъ, приподнялся и, замѣтивъ, что Манури боится новой вспышки съ его стороны, сказалъ:

— Не бойтесь. Я никогда не дерусь публично. Я знаю, что я долженъ дѣлать.

Онъ взялъ свой зонтикъ, стоявшій въ углу, шляпу и направился къ двери.

— Милый другъ, — тотчасъ же подскочилъ къ Дютрейлю Манури, — повѣрьте, что еслибъ я зналъ.

— Ахъ, оставьте! Этому нахалу нуженъ былъ маленькій урокъ, — и этотъ урокъ будетъ полнымъ, если онъ пожелаетъ. Я дамъ ему удовлетвореніе, — отвѣтилъ Дютрейль. — Онъ на него имѣетъ право. Въ этомъ случаѣ я могу рассчитывать на васъ, не правда ли? прибавилъ онъ, обращаясь къ Брюандѣ и Манури, выразившимъ свое согласіе жестами.

И онъ счелъ за лучшее удалиться.

Дютрейль шелъ по «аллеѣ вздоховъ». Несмотря на то, что было еще рано, набережная была пустынна. Густой туманъ подымался отъ рѣки, слышно было, какъ волны разбивались о набережную. Морисъ шелъ большими шагами, не замѣчая ничего, ударяя палкой по землѣ и отбрасывая камешки. Оскорбленіе, нанесенное Фёгаролемъ, о которомъ онъ забылъ на мгновеніе, начало

опять давить его. Разсужденія больше не успокоивали его, а наоборот волновали. Итакъ, *его не пожелали!*... Еслибъ онъ могъ отнестись хладнокровно къ этой новой клеветѣ, то она бы не показала ему болѣе серьезной, чѣмъ предшествующія, и не взволновала бы его. Но самолюбіе было задѣто и этого было достаточно, чтобы забыть всякую мѣру. Подлецы!... Какую низость придумали! Какой-то Сирейголь его отвергъ! Какіе-то Малаваль, Бугуль, Шансарель и Сиринагъ, глупыя и вредныя животныя, выражали ему свое презрѣніе!... Вдругъ онъ остановился и посмотрѣлъ на часы. Стрѣлка показывала больше половины десятаго. — Онъ еще не ушелъ, — подумалъ Дютрейль. Онъ вернулся назадъ по маленькимъ улицамъ ведущимъ къ набережной и былъ озабоченъ исключительно тѣмъ, чтобы дойти поскорѣе. Онъ заглушалъ въ себѣ внутренній голосъ, говорившій ему:

— Подумай... ты жизнь ставишь на карту. Завтра, черезъ часъ, ты расквѣсься въ твоёмъ непоправимомъ поступкѣ. Сирейголь ему отказалъ!... Ну, что-жъ пусть, посмотрятъ!...

Какъ всѣ нерѣшительные люди стремятся подчинить чему-нибудь свою волю, навѣкъ связать себя, онъ испытывалъ потребность *такъ или иначе* покончить съ этимъ вопросомъ.

Во дворѣ Philo онъ наткнулся на выходившаго оттуда Бугуля.

— Г. Сирейголь здѣсь? — спросилъ онъ.

— Что? — отвѣтилъ желѣзоторговецъ, удивленный послѣдностью и волненіемъ Дютрейля, котораго онъ не любилъ. — Да, кажется, я его видѣлъ...

Надѣясь, что произойдетъ что-нибудь пикантное, Бугуль вернулся. Убѣдившись, что банкира не было въ библіотекѣ, Дютрейль поднялся по лѣстницѣ. Онъ не нашелъ его и въ игорной и обратился къ Барсеголю, сидѣвшему у камина.

— Онъ только что пошелъ въ курилку, но...

Дютрейль уже спѣшилъ туда. Его манеры, измѣнившееся лицо и голосъ не ускользнули отъ игроковъ, которыхъ Фѣгароль успѣлъ посвятить въ случившееся, выставляя себя героемъ.

Сирейголь, разговаривавшій съ Шармолю и Малишеккомъ, при видѣ Дютрейля, не могъ скрыть нѣкоторой досады и безпокойства.

Ему было донесено о разсказѣ адвоката и онъ боялся скандала, но услышалъ только слѣдующее:

— Будете ли вы столь любезны дозволить мнѣ переговоры съ вами?

— Охотно. То-есть... (онъ посмотрѣлъ на часы).

— Ахъ, всего десять минутъ! Я очень жалѣю, что долже:

васъ побезпокоить, но дѣло, приведшее меня сюда, не терпитъ отлагательствъ.

Оба вышли. Морисъ, казалось, пересталъ волноваться, а банкиръ держалъ себя вполне непринужденно.

Они молча сдѣлали нѣсколько шаговъ. Отецъ Эмилии, смущенный Дютрейлемъ, старался отгадать, что онъ отъ него узнаеть. Дютрейль силился побороть свою нерѣшительность.

— Мой поступокъ, — началъ онъ, — въ этотъ часъ, здѣсь, вамъ покажется, я знаю, страннымъ. Тѣмъ не менѣе я не счелъ возможнымъ ждать, и вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, когда...

Онъ замолчалъ, потомъ быстро опять продолжалъ:

— Случаю было угодно свести меня съ мадемуазель Сирейголь. Я имѣлъ счастье видѣться съ нею. Ея достоинства, которыя я ставлю неизмѣримо выше восторженныхъ отзывовъ о ней, внушили мнѣ глубокое чувство. Если я объ этомъ не заявилъ раньше, то это потому, что я считалъ себя недостойнымъ и, я надѣюсь, вы не осудите мою скромность — качество довольно рѣдкое у влюбленныхъ. Моя сдержанность показалась подозрительной. Какъ она ни была естественна, люди, завидовавшіе мнѣ истолковали ее зло. Позвольте мнѣ высказаться. Я не знаю большей радости какъ соединить мою жизнь съ жизнью вашей дочери и прошу васъ принять это признанье снисходительно, хотя бы ради того, что оно искренно.

Удивленіе банкира было равносильно его удовольствію. Дютрейль, наконецъ, объясняется и зашелъ такъ далеко, что отступленіе для него уже невозможно! Какъ это и предвидѣла мадамъ Гардель, «отказъ» на него подѣйствовалъ.

— Можетъ быть, я не долженъ былъ говорить вамъ о своихъ надеждахъ, — продолжалъ молодой человѣкъ. — Но можно ли справиться съ своимъ чувствомъ? Я никого здѣсь не знаю, кому бы я могъ поручить быть моимъ посредникомъ, мой отецъ скоро прѣдетъ самъ... Вы молчите?

Сирейголь понималъ, что онъ долженъ былъ быть осторожнымъ.

— Само собою разумѣется, я цѣню честь, которую вы оказываете мнѣ. Я польщенъ... тронуть... Но все же...

— Ахъ, вы видите препятствія?

— Скорѣе сомнѣнія. Если я не могу предвидѣть рѣшеніе моей дочери, то я безъ колебаній скажу вамъ, что мое личное рѣшеніе въ вашу пользу и я бы хотѣлъ быть настолько увѣренъ въ ва-

шемъ... какъ бы это сказать?—въ вашемъ постоянствѣ, какъ вы можете быть увѣрены въ моей симпатіи.

— Ничто васъ не заставляетъ сомнѣваться...

— Позвольте, вы сами считаете вашъ поступокъ страннымъ, то-есть, что касается формы, конечно. Обыкновенно не просятъ руки дѣвушки въ десять часовъ вечера на набережной. Васъ давила ваша тайна? Допустимъ! Вы бы могли повѣдать мнѣ вашу тайну не спѣша, у меня въ кабинетѣ. Откуда эта неудержимая потребность откровенности?... Увѣрены ли вы въ томъ, что вы не поддались мимолетному, необдуманному увлеченію, о которомъ вы будете сожалѣть завтра? Бракъ — вещь серьезная и надъ нимъ стѣдуетъ призадуматься. Я не хочу ловить васъ на словѣ...

Банкиръ нисколько не сомнѣвался, какіе мотивы побуждали Дютрейля. Лучше чѣмъ кто-либо онъ понималъ, что давнишнее глубокое чувство, о которомъ говорилъ Морисъ, ловкая и необходимая уловка. Онъ слишкомъ долго ожидалъ предложенія Дютрейля и не могъ допустить, чтобъ онъ взялъ его назадъ. «Внимание!—думалъ онъ.—Онъ влопался, не нужно его выпустить... будемъ осторожны». Выразить сомнѣнія и опасенія,—случай для этого былъ болѣе чѣмъ благопріятный,—это вѣрный способъ заставить молодого человѣка еще прочѣе попасть въ западню, такъ что вылѣзть изъ нея уже не будетъ никакой возможности.

— Послушайте,—продолжалъ онъ,—я буду съ вами говорить откровенно. Я знаю, что только что произошло въ *Французскомъ кабэ*. Нужно ли мнѣ говорить о томъ, что я глубоко порицаю эти продѣлки и что я тутъ не при чемъ?... Оскорбленія Фѣгароля васъ возмутили. Вы его наказали,—я знаю его хвастливость, и я васъ оправдываю. И послѣ этого, еще не успѣвъ остыть отъ происшедшей ссоры, вы прибѣгаете ко мнѣ, между тѣмъ какъ избѣгали меня съ масляницы,—хотя въ сущности, что я вамъ сдѣлалъ? прибѣгаете просить руку моей дочери. И я долженъ вамъ ее пообѣщать здѣсь, немедленно, подъ этими деревьями!... Мщеніе, дѣйствительно, хорошее!... Но утро вечера мудренѣе. Когда вы проснетесь, ваше, вполне искреннее и законное негодованіе уляжется и вы почувствуете, что напрасно связали себя невѣстой. Тамъ нѣтъ же, пусть будетъ такъ, точно мы ни о чемъ не говорили и зайдите ко мнѣ черезъ недѣлю... Вы, вѣдь, ждали четыре мѣсяца!

Тактика банкира вполне удалась. Дютрейлю невозможно бы. о отказаться отъ этого, такъ любезно предложеннаго ему рѣшенія, и выказавъ самага непростительнаго легкомыслія. Отступить онъ больше не могъ. Впрочемъ, онъ этого и *не хотѣлъ*. Дютрейль во

ражалъ: рѣшеніе его непоколебимо. Сарказмы Фѣгароля только укрѣпили его давнишнее желаніе и ускорили признанье, которое жгло его уста. Банкиръ долженъ былъ сдерживать молодого чловека, желавшаго немедленно приступить къ обсужденію серьезныхъ вопросовъ. Они отложили это до возвращенія Эмилиі, которую отецъ долженъ былъ немедленно вызвать изъ деревни и отъ которой зависѣло окончательное рѣшеніе вопроса. Прийдя къ соглашенію держать все происшедшее въ тайнѣ, они тратовали о различныхъ вопросахъ и, казалось, были въ восторгѣ другъ отъ друга. Прощаясь съ Дютрейлемъ на площади, Сирейголь сказалъ:

— Вы удовлетворены... мой зять?

Морисъ поспѣшилъ въ свою комнату. Онъ написалъ отцу о безповоротномъ рѣшеніи. Тысяча мыслей наполняли его голову. Онъ не вѣрилъ дѣйствительности. Это кошмаръ... Имъ овладѣла страшная, нестерпимая тоска, вытѣснившая всѣ другія чувства, не исключая злобы. Онъ долго предавался ей, находя въ ней какую-то сладость; потомъ, сдѣлавъ рѣшительный и отчаянный жестъ, воскликнулъ:

— Ну, что-жь? Тѣмъ хуже!... Кончено!...

IX.

«Кончено!...» тоже сказалъ и Сирейголь. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что въ клубъ его ждуть съ нетерпѣніемъ, но не появился тамъ больше въ тотъ вечеръ. Онъ любилъ морочить любопытныхъ.

При новомъ свиданіи, Дютрейль заговорилъ о своемъ увлеченіи литературой, называя его «ошибкой». Онъ искренно обвинялъ себя въ заблужденіяхъ и при этомъ скорѣе какъ бы убѣждалъ самого себя, чѣмъ своего собесѣдника.

— Полноте! — добродушно отвѣчалъ отецъ Эмилиі. — Кто не гонялся за призраками?... Они никому не вредятъ. Теперь вы отъ нихъ избавились и это главное. Любите книги, если вамъ это будетъ позволять ваша жена. Бракъ, это, мой милый, не гасильникъ и мы въ Монтаньякѣ не дураки.

Морисъ признался потомъ, что онъ бѣденъ, что отецъ его живетъ на маленькую пенсію, на которую онъ не можетъ рассчитывать. Сирейголь прервалъ его: Эмилиі будетъ его единственною наследницей... возможно позднѣе, само собою разумѣется. Онъ не можетъ передать ей часть своихъ средствъ, потому что весь капиталъ въ дѣлахъ... Но общаетъ выдавать молодымъ ренту въ 1,200 фр. въ годъ и увеличить ее до 2,000 при рожденіи ребенка. Дю-

трейль можетъ, если на это будетъ согласна его жена, оставить за собой занимаемое имъ мѣсто, или подать въ отставку. Въ послѣднемъ случаѣ банкиръ поможетъ ему черезъ двоюроднаго брата, имѣющаго большое вліяніе въ министерствѣ. Если молодые предпочитаютъ поселиться въ Монтаньякѣ, то банкиръ будетъ платить за ихъ квартиру. Нѣтъ, нѣтъ, только не совмѣстная жизнь: всякъ самъ по себѣ, молодые и старые плохо уживаются. Онъ безъ церемоніи назовется къ нимъ завтракать, и ихъ приборы будутъ всегда накрыты у его стола, такъ будетъ лучше. Какъ только вернется Эмилія, Дютрейль можетъ начать свое ухаживаніе и они сообщатъ время свадьбы. Итакъ, все рѣшено?... Никакихъ возраженій, сомнѣній?... Безполезно въ такомъ случаѣ отгадывать и бояться завистниковъ или болтуновъ. Онъ ручается заставить ихъ замолчать.

На слѣдующій день, во *Французскомъ кафѣ*, въ которомъ Фегароль не показывался послѣдніе два дня, Дютрейль объявилъ о томъ, что онъ женится. Удивленіе, какъ оно ни кажется страннымъ, съ которымъ была принята эта новость, и гордый видъ Дютрейля, объявившаго объ этомъ, положили конецъ обычнымъ поздравленіямъ. Лабутіеръ только улыбнулся, Брюандѣ пробормоталъ: «Очень счастливъ, мой другъ, право, очень счастливъ», Манури не докончилъ начатой фразы. Избѣгали всякихъ вопросовъ и когда Морисъ вышелъ, Гонселенъ воскликнулъ: «Если онъ будетъ такимъ съ женой!»

Когда Эмилія узнала о предложеніи Дютрейля (понятно, что Сирейголь сгладила многое, умолчавъ о томъ, что произошло во *Французскомъ кафѣ*), она выразила удовольствіе безъ малѣйшаго удивленія. Она считала себя давно любимой и не только не оскорблялась и не удивлялась долгому молчанію молодого человѣка, напротивъ, еще больше уважала его за это. Она была убѣждена, что онъ хочетъ провѣрить свое чувство и относится къ браку съ такою же серьезностью, какъ и она. Время, одиночество, слухи, которые до нея доносились, заключенія, къ которымъ она вслѣдствіе нихъ пришла, ея невѣдѣніе всѣхъ заговоровъ и сплетенъ, жертвою которыхъ сталъ Дютрейль, скоро преобразили симпатію къ Морису въ нѣжную привязанность. Она довѣрчиво ждала его признанья: готовилась къ счастью. Она приняла Дютрейля такъ, точно видѣлась съ нимъ наканунѣ и точно «это дѣло» было рѣшено давно. Онъ съ своей стороны понялъ, что не долженъ притворяться страстно влюбленнымъ. Онъ былъ искрененъ, признался въ своихъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ. Объясненіе было короткое. Молодая дѣ

вуха начала съ того, что съ своей стороны подтвердила согласіе, данное ему уже ея отцомъ. Никогда еще не рѣшалась жизнь двухъ существъ съ меньшей торжественностью и безъ всякой излишней болтливости.

Съ этого времени Дютрейль началъ ухаживать. Онъ пожелалъ, чтобъ ихъ свиданія происходили вечерами. Скоро Сирейголь отказался присутствовать при нихъ. «Я вамъ буду мѣшать и вы вызовете во мнѣ слишкомъ тяжелыя воспоминанія». Морисъ, боявшійся этихъ tête-à-tête, находилъ въ нихъ, однако, большое удовольствіе. Не имѣя никакого общенія съ женщинами, онъ считалъ ихъ существами низшими, несовершенными, безразсудными и ограниченными, неспособными разсуждать, подняться до извѣстнаго уровня, живущими случайными и противорѣчивыми ощущеніями, занятыми исключительно пошлостями. Простота, откровенность, ясный умъ, здравый смыслъ Эмилиі очаровывали его въ противоположность выходкамъ Регины Баранси и «лекціямъ» мадамъ Гарадель. Они избѣгали излюбленныхъ темъ для жениха съ невѣстой. Эмилиа воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ открыть рояль, въ которому она не присаживалась съ выхода изъ монастыря. Она углублялась въ какое-нибудь шитье, или вышиванье, и представляла Дютрейлю вести разговоръ. Она любила, когда онъ высказывалъ свои мнѣнія, просвѣщалъ ее, она сознавалась въ своемъ невѣжествѣ. Дютрейль, можетъ быть, въ первый разъ, не испытывалъ желанія блеснуть, и, чтодлялю бленныхъ очень странно, они мало говорили объ искусствѣ и поэзіи. Казалось, что они знаютъ другъ друга давно, сходились въ мнѣніяхъ, не дѣлая никакихъ уступокъ и ихъ согласіе не было основано на лжи и желаніи понравиться другъ другу.

Когда было рѣшено, что Дютрейль остается при исполненіи своихъ обязанностей до тѣхъ поръ, пока г. Дюлюшъ остается при своихъ, молодой человекъ сталъ торопиться со свадьбой. Его нетерпѣніе было вполне законно, такъ какъ не было никакой причины откладывать свадьбу. Банкиръ этому тоже вполне сочувствовалъ, но по другимъ причинамъ: откладывая, онъ боялся дать поводъ къ новымъ сплетнямъ. Убѣждая торопиться со свадьбой, Дютрейль самъ себя успокаивалъ и чувствовалъ, какъ все съ меньшимъ и меньшимъ волненіемъ ждетъ приближенія *непоправимаго* событія, которое должно было принести ему, какъ смерть, избавленіе. Прежде, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Эмилией, онъ искренно говорилъ себѣ: «Я ее не люблю и я ее не желаю». Теперь же, когда онъ рѣшилъ свою судьбу безъ возврата, когда только отъ него

зависѣло назначить фатальный срокъ, онъ считалъ всякое промедленіе глупымъ. Онъ чувствовалъ, какъ страсть разгарается въ немъ, опьяняетъ его, рвется наружу, и онъ хотѣлъ отдаться ей.

Но одновременно, несмотря на все его старанія разсѣять сожалѣнія, сомнѣнія и отчаянія, онъ ихъ испытывалъ даже вблизи Эмилиі. Онъ бы желалъ заснуть, спать долго и проснуться только потомъ, когда все будетъ кончено, какъ больной по окончаніи операціи. Увы, рѣшимость и покой не одно и то же! Напрасно онъ старался не думать, силился склониться передъ совершившимся фактомъ; малѣйшее дуновение разсѣивало это благоразуміе. Онъ извѣстилъ о своей помолвкѣ Ла-Бюрта: «На этотъ разъ я увѣренъ, что не ошибусь, — писалъ онъ, — я былъ созданъ для покоя и я только упрекаю себя въ томъ, что я не пришелъ къ этому сознанію раньше, — этимъ я бы себя избавилъ отъ многихъ страданій... Ты будешь писать шедевры, а я буду ихъ читать». Онъ просилъ Ла-Бюрта быть его шаферомъ.

Ла-Бюртъ не повѣрилъ этой философіи и передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ Дютрейля слѣдующую записку: «Не пріѣзжай... Твое присутствіе будетъ мнѣ слишкомъ больно!»

X.

Дютрейль представилъ Сирейголю заботу о всѣхъ подробностяхъ торжества. Тотъ, желая укрѣпить за собою славу устроителя празднествъ, старался превзойти себя. Ратушу онъ хотѣлъ убрать матеріей и цвѣтами, въ церкви должны были быть пѣніе и музыка. Гражданскій бракъ былъ назначенъ на десять часовъ утра; слѣдовательно, можно было надѣяться, какъ бы ни было велико краснорѣчіе приглашеннаго камерарія Дориньяка и приходскаго священника, сѣсть за столъ около двѣнадцати. Обѣдъ былъ заказанъ у Сюшара въ отдѣльномъ кабинетѣ (150 кувертовъ, богатая сервировка). Несмотря на жару, послѣ маленькаго перерыва за обѣдомъ долженъ былъ слѣдовать балъ. Вечеромъ молодые уѣдутъ съ экспрессомъ въ Бордо, гдѣ они должны «спрятать свое счастье». Но ихъ отъѣздъ не долженъ нарушать общаго веселья и танцовать будутъ до утра.

Наканунѣ свадьбы Морисъ, его отецъ, пріѣхавшій въ этотъ день, оба свидѣтеля Мориса, Дюпюшъ и Турніе, шаферъ Барсегол и еще нѣсколько истинныхъ друзей Сирейголя обѣдали у него Эмилија заботилась обо всемъ. Она спокойно отвѣчала на чисто материнскіе вопросы мадамъ Гарадель, отдавала приказанія, подавала

чай, исправляла неловкости, или забывчивость прислуги и нѣжно улыбалась жениху. Ея счастье было такъ глубоко, такъ наивно, такъ довѣрчиво, что она не думала о томъ, раздѣляется ли это счастье. Дютрейль плохо скрывалъ свое безпокойство. Нервный, взволнованный, задумчивый и молчаливый онъ мысленно перечислялъ всѣ доводы, на основаніи которыхъ онъ могъ положиться на совершающееся событіе, могъ безъ опасенія довѣриться будущему, не говоря уже о томъ, что теперь всѣ сомнѣнія были не своевременными. Онъ боялся слишкомъ глубоко забираться въ свою душу, боялся взрыва злобы и былъ благодаренъ Сирейголю, когда тотъ посовѣтовалъ разойтись, какъ только часы показали половину одиннадцатаго.

— Будьте благоразумны, дѣти мои, — сказалъ банкиръ. — Вы завтра посмотрите другъ на друга. А пока сонъ ниспошлетъ вамъ сладкія сновидѣнья и эти сновидѣнья сбудутся.

Эти!... А можетъ быть это правда. Можетъ быть, мадамъ Гардель была права, когда въ отвѣтъ на ироническое прощаніе Дютрейля она сказала ему:

— Не жалѣйте ни о чемъ... Я хочу, чтобы черезъ три мѣсяца вы меня поблагодарили.

Ночью дорога отъ квартиры Сирейголя до ратуши была усыпана пескомъ. Съ девяти часовъ начали собираться нищіе. Имъ, согласно обычаю, роздали хлѣба и денегъ, но они рассчитывали получить еще нѣсколько грошей при слѣдованіи процессіи. Они собирались сюда изъ предмѣстевъ и сосѣднихъ деревень. Тутъ были калѣки, рабочіе, оставшіеся безъ заработка, хищные крестьяне, дѣти, убѣжавшія изъ школы, хорошо одѣтыя, сытыя женщины, веселыя и смѣлыя, все это лѣнивое и позорное населеніе южныхъ городовъ, которое предпочитаетъ протянуть руку за милостыней, чѣмъ взяться за работу, и которое поддерживается неумѣстной благотворительностью. Появленіе табора цыганъ, остановившихся на ярмарочной площади, вызвало всеобщее негодованіе. «Они даже не избиратели!» — крикнулъ одинъ каменщикъ, двадцать разъ приговоренный за явное пьянство и нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Завязалась драка, женщина, обладавшая баранью костью, собиралась ею замахнуться, когда вдругъ Голяеъ, повисшій на балконъ театра, крикнулъ: «Вотъ они!... Вотъ они!...»

Дѣйствительно по улицѣ Принциповъ 1789 года (раньше улица Капуциновъ) былъ уже слышенъ шумъ экипажей. Нищіе тотчасъ же встали въ шеренгу, и наиболѣе искалѣченные, забывъ о своемъ безсиліи, протиснулись въ первый рядъ. Голяеъ

оняты крикнулъ: «Вотъ они!... Вотъ они!...» По боковымъ улицамъ бѣжали цѣлыя толпы: женщины съ рынка въ фартукахъ, испачканныхъ кровью и рыбьей чешуей, мелкіе служащіе изъ ратуши и почты, сидѣлки изъ больницы, лавочники, швеи, въ помпехахъ вкалывавшія въ лифъ иголки съ нитками, оставшіяся у нихъ въ рукахъ. Недалеко послышался барабанный бой и скоро приходящіе воспитанники лицея, побросавъ на землю книги и ранцы, бинулись къ площади. Они знали, что и Брюанде, ихъ профессоръ, присутствуетъ на свадьбѣ. Экипажи подвигались шагомъ. Благодаря вновь прибывающимъ, запоздавшимъ зрителямъ въ толпѣ происходило движеніе. Отцы сажали своихъ дѣтей на плечи. Нищія просили подаянія. Слышался смѣхъ, пронзительные крики женщинъ, которыхъ толкали. Приглашенные, разсортированные по степени родства и по представительности, казались веселыми и торжественными. Мужчины, стѣсненные новымъ платьемъ, осторожно выпрыгивали изъ экипажей на тротуаръ и подавали руки дамамъ, которыя, благодаря своимъ нарядамъ, имѣли такой величественный видъ, что, казалось, онѣ не пройдутъ въ дверку.

Въ толпѣ замѣтили блѣдность Дютрейля, его смущенный видъ, лихорадочные взгляды и нервное дрожаніе рукъ:

— Молодой точно не присутствуетъ на свадьбѣ, — замѣтила одна старуха.

— Ему жмутъ сапоги...

— Онъ не чувствуетъ себя вдохновеннымъ для сегодняшняго вечера...

Любовались граціей Эмилиі, когда она, зарумянившаяся, подъ бѣлымъ кружевомъ, исчезла подъ руку съ отцомъ подъ темнымъ сводомъ ратуши. Городской голова «счелъ своимъ долгомъ», несмотря на нездоровье, самъ участвовать во всѣхъ формальностяхъ, требуемыхъ закономъ. Въ «маленькой и отеческой рѣчи», напечатанной потомъ въ *Патріотъ*, онъ напомнилъ, что бракъ — основа общества и что, относясь къ этому обыденному факту серьезно, нужно признать, что онъ составляетъ всю исторію человѣчества или даже, можно сказать, цивилизаціи. Онъ поздравилъ Сирейголя, Эмилию, Дютрейля, поздравилъ затѣмъ и Монтаньякъ, который выражалъ свою благодарность мимоходомъ его устами, и, наконецъ, поздравилъ самого себя. Церемонія въ церкви вдохновила другую газету: «Никогда, — писалъ Малишекъ, — въ нашей старой базиликѣ не происходило болѣе трогательнаго зрѣлища. Оно должно успокоить тѣхъ, кого пугаетъ распространяющееся безвѣріе. Слава Богу, вѣра еще живетъ въ чистыхъ душахъ. Она увѣковѣчивается

въ нашей доблестной и честной буржуазіи, давшей нашему отечеству столько безвѣстныхъ героевъ и добродѣтельныхъ гражданъ». Торжественные звуки органа, еиміамъ ладона, убранство, цвѣты— все это тоже восхвалялось по достоинству. Какъ благодарить господина X*** и госпожу Z***, исполнившихъ своими страстными и могучими голосами *Pie Jesu* и *O Salutaris!*... Но проповѣдь Дориньяка превосходила всякую похвалу. «Перо отказывалось передать это краснорѣчіе, привыкшее съ кафедры поражать заблужденія, смущать высокоумные умы, доказывать непоколебимость догмата, способное дѣйствовать на сердце и заставить проливать слезы».

Онъ доказалъ, что бракъ—основа общества, организованнаго Всевышнимъ, только Всевышнимъ!... Богъ благословляетъ браки, которымъ сочувствуетъ, и награждаетъ своей милостью вѣрные существа. Онъ поздравилъ Сирейголя, Эмилию, Дютрейля; поздравилъ Монтаньякъ и поздравилъ самого себя.

— Вашими достоинствами, — обратился онъ къ Дютрейлю, — вашимъ умомъ, вашими просвѣщенными взглядами, благородствомъ вашей души вы заслужили общее уваженіе и сдѣлались членомъ нашего общества. Вы захотѣли, чтобы между нами была прочная и болѣе для васъ пріятная связь, которая бы упрочила дружескія отношенія, возникшія сами собою. Съ радостью привѣтствуемъ мы сегодня васъ, какъ нашего земляка. Пріемные дѣти не менѣе дороги матерямъ, чѣмъ родные. Будьте счастливы вы, — обратился онъ къ Эмили, — вы, которую Господь избралъ орудіемъ этого единенія въ покоѣ и любви. Безъ сомнѣнія, ваша задача велика, но вмѣстѣ съ тѣмъ для васъ она легка!... Чтобы въ вашемъ брачномъ союзѣ упрочились всѣ добродѣтели, вамъ стѣдуетъ только перенести въ вашъ новый очагъ традиціи родительскаго дома!...

Какое неопѣненное выраженіе общихъ симпатій!... Церковь, несмотря на значительные размѣры, не могла вмѣстить всю эту толпу друзей, желавшую выразить своимъ присутствіемъ сочувствіе молодымъ. Зачѣмъ называть имена? Вѣрнѣе сказать, что «весь Монтаньякъ» былъ на-лицо.

Выходя изъ церкви, Дютрейль, произнесшій твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ безповоротное «да», сказалъ Барсеголю:

— Вы видѣли?... Мадемуазель де-Бераръ нарочно вернулась изъ деревни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

По окончаніи свадебнаго путешествія господинъ и госпожа Морись Дютрейль заняли квартиру, выбранную ими изъ двадцати, на углу площади Оружій. Комнаты были большія, свѣтлыя и удобно расположенныя. Большой балконъ выходилъ на площадь, гдѣ по четвергамъ играла военная музыка. Ихъ квартира, удобная во многихъ отношеніяхъ, имѣла еще преимущество, что помѣщалась близко отъ церкви, отъ рынка и отъ квартиры банкира. Эмилиа взяла на себя хлопоты по разстановкѣ мебели, по найму прислуги и распредѣленію бюджета. Дютрейль, ненавидѣвшій счеты и расчеты, сознался, что онъ ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ, а жена его, такая покорная во всѣхъ отношеніяхъ, не уступила бы ему ключей и расчетовъ, находя, что это «не мужское дѣло».

Каждое воскресенье господинъ и госпожа Дютрейль обѣдали у Сирейголя. Послѣдній, наоборотъ, несмотря на частыя просьбы, рѣдко у нихъ обѣдалъ. «Я вамъ скоро надоѣмъ, — говорилъ онъ. — Какъ! Я оставляю васъ вдвоемъ и вы жалуетесь?... Вотъ такъ медовый мѣсяцъ!... Ахъ, еслибъ мнѣ было столько лѣтъ, сколько вамъ!...» И отказъ и огорченіе старика скоро нашли себѣ объясненіе. На слѣдующій день послѣ свадьбы банкиръ перевезъ въ Монтаньякъ Розетту Канаби. Онъ помѣстилъ ее у вѣзда города въ уединенномъ домикѣ. Такимъ образомъ онъ надѣялся держать это въ тайнѣ, но сосѣди, прохожіе — всѣ обратили вниманіе на незнакомку съ дерзкимъ лицомъ, въ эксцентричныхъ туалетахъ, напѣвавшую, при открытыхъ окнахъ, гривуазные мотивы и курившую папирсы въ саду. Замѣтили тоже появленія и исчезновенія Сирейголя. Покончивши съ дѣловою корреспонденціей, онъ ежедневно шелъ къ ней; тамъ ужиналъ и встрѣчалъ восходъ солнца. Розеттѣ такое заточеніе было не по душѣ и скоро она объявила, что не желаетъ, чтобъ ее держали въ клѣткѣ. Она показала въ Монтаньякѣ. Банкиръ рискнулъ сдѣлать ей выговоръ, показалъ видъ, будто разсердился, пригрозилъ ей даже. Но уступилъ ей съ перваго же слова и съ этого дня она держала его въ рукахъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ она усѣлась съ нимъ на террасѣ *Французскаго кафе*. Это рабство, тѣмъ не менѣе, доставляло ему удовольствіе. Онъ имъ гордился. Онъ самодовольно улыбался, когда его спрашивали о ней въ *Philo*. Представлялся утомленнымъ, изнемогающимъ отъ ея ревности и навязчивой нѣжности и рассказывалъ невѣроятныя происшествія, чѣмъ злилъ Бугуля, выведен-

наго изъ терпѣнія «этой нахалкой». Повторялъ часто: «Розетта меня ждетъ... Розетта будетъ недовольна... Представьте, вчера Розетта...» А иногда восклицалъ въ экстазѣ: «Какъ она меня любить, эта крошка, какъ она меня любитъ!...»

Такая открытая связь не могла ускользнуть и отъ Дютрейля. Онъ никогда не отличался строгостью и нетерпимостью, кромѣ того онъ признавалъ, что его beau-père свободенъ въ своихъ поступкахъ и что общество относится снисходительно къ его поведеніямъ. Все же ему это было непріятно. Его достоинство, стыдливость были задѣты, вѣрнѣе даже, онъ испытывалъ какое-то новое чувство, появившееся съ женитьбой, — «самоуваженіе». Хотя онъ и не считалъ себя вправѣ вмѣшиваться, но сдѣлалъ бы Сирейголю замѣчаніе, еслибъ не боялся навлечь на себя подозрѣніе, что его главнымъ образомъ беспокоитъ возможность новаго потомства у старика. Онъ старался, по крайней мѣрѣ, скрыть этотъ «скандалъ» отъ жены и потому ли, что послѣдняя дѣйствительно не знала, или потому, что въ ней говорило почтеніе къ родителю, но она молчала. Ихъ счастье, то-есть однообразіе ихъ жизни, отъ этого не измѣнилось.

Совершенно увѣренный въ томъ, что Дюпюшъ не ускоритъ его отставку, Дютрейль думалъ только о томъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ непріятности службы. Онъ ходилъ туда возможно позже и возвращался возможно раньше. Какъ только было четыре часа, онъ спѣшилъ домой съ увѣренностью, что встрѣтитъ веселую улыбку, нѣжный взглядъ и поцѣлуй жены. Онъ любилъ блестящую площадку прихожей, видъ на садъ, яркій свѣтъ на лѣстницѣ, полусвѣтъ маленькой гостиной, на порогѣ которой она его встрѣчала, любилъ все, даже то, какъ была разставлена мебель. Поставить палку въ уголь, повѣсить шляпу, отдернуть занавѣски, — всѣ эти мелочи заставляли его испытывать чудное и всегда новое чувство покоя. Эмилія садилась возлѣ него. Онъ бралъ ее за руки и спрашивалъ: «Что ты дѣлала сегодня?» Даже однообразіе ея отвѣтовъ было полно очарованья. Она разсказывала, какъ слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось въ домѣ, какъ направляла старательную, но немного недилительную Марселину, дѣлала «необходимыя» покупки, воспользовалась «исключительнымъ» случаемъ. Она гордилась полными шкапами, тѣмъ, чтобы все блестѣло, и массой посуды. Пятно, паутина, пылъ гдѣ-нибудь ее омрачали. Онъ спрашивалъ: «Что у тебя будетъ къ обѣду?...» — и одобрялъ выборъ, хвалилъ, какъ приготовлены кушанья, удивлялся ихъ дороговизнѣ или дешевизнѣ, интересовался стоимостью говядины и зелени. Спрашивалъ: «Ты

никого не видѣла?...—хотя почти былъ увѣренъ, что услышитъ обычное: «нѣтъ, никого...» Кроме того, что Эмилиа правилось сидѣть дома, у нея было мало подругъ, съ которыми она могла бы видѣться. Она осторожно отклонила предложеніе мадамъ Гарадель приходить къ ней «поболтать время отъ времени». Какъ бы она ни проводила день, чѣмъ бы ни была занята, она кончала свои занятія къ приходу Мориса. Хотѣлось ли ему «посмотрѣть на прохожихъ» съ балкона, пройтись по набережной, по городу, пробѣжаться по извилистымъ дорожкамъ сада (онъ пристрастился къ садоводству, изучая прививку черенковъ и устройство питомника), Эмилиа не знала лучшаго счастья, какъ удовлетворить всѣ его желанія. Они охотно оставались дома, имъ лѣнь было двинуться и они предпочитали безсвязные разговоры, безмолвную интимность.

Дѣйствительно, бракъ далъ Дютрейлю все, что онъ отъ него ожидалъ: спячку ума и спокойствіе тѣла. Больше того, онъ надѣялся покончить съ вѣчными сожалѣніями, искоренить въ зародышѣ бесполезныя надежды, наконецъ обрѣсти спокойствіе духа и получить удовлетвореніе, — и на этотъ разъ онъ не ошибся. Если жизнь и не представлялась ему вѣчнымъ наслажденіемъ, если онъ и не испытывалъ жгучей страсти истыхъ любовниковъ, вѣчно трепещущихъ въ объятіяхъ другъ друга, то все-таки желанія были въ немъ очень сильны и неотступно руководили всѣми его мыслями. Ихъ вызывало окружавшее его благосостояніе, спокойствіе, царившее дома, и безпечность. Какъ большое горе, такъ и большая радость молчаливы.

Это блаженство Дютрейль испытывалъ обыкновенно къ концу дня, потому что тогда все складывалось для него пріятно. Обѣдъ не подавался, какъ завтракъ, впопыхахъ, и не отравлялся мыслью о неоконченной работѣ. Столъ былъ изысканный и обильный. Марселина убирала со стола безъ шума. Румяная, съ толстыми щеками, здоровымъ голосомъ, въ чепчикѣ и бѣлоснѣжномъ фартукѣ, она внушала довѣріе и дѣлала честь дому. Дютрейль охотно засиживался въ столовой, пропитанной запахомъ кушаній. Онъ сидѣлъ подбоченясь на *своемъ* стулѣ, разсматривая *свою* мебель, сжимая въ рукѣ *свой* стаканъ такъ, какъ бы онъ сжималъ руку друга. Онъ любилъ, чтобы лампа зажигалась рано, чтобы она придавала своимъ свѣтомъ веселость и уютность. Онъ облакачивался на столъ, или качался на стулѣ, медленно выкуривая папироску. Его горизонтъ составляли или привѣтливое, улыбавшееся ему, личико Эмилиа, или деревья его сада, видѣвшіяся въ открытое окно при свѣжѣмъ вечернемъ вѣтеркѣ. Онъ читалъ только что принесенныя

почтальнономъ газеты, пробѣгая вслухъ «разныя разности». «... Вотъ какъ! хотятъ исправить улицу Свободной Мысли!... Ахъ, мадамъ Песшери скончалась!... Ты была съ нею знакома?...» Та-кіе разговоры, прогулка, ничего недѣланіе вполнѣ удовлетворяли его. Во дню его рожденія, въ концѣ сентября, Эмилиа подарила ему книжный шкафъ, чтобъ убрать въ него книги, заброшенныя на чердакъ; сдѣлала она это, главнымъ образомъ, потому, что «шкафъ украшалъ квартиру». Онъ ложился спать рано, спалъ въ увѣренности проснуться на слѣдующее утро съ тѣмъ же покоемъ на душѣ, съ которымъ провелъ день наканунѣ.

Однако, когда наступила зима, Дютрейль предложилъ нарушить это однообразіе. Не потому, чтобъ оно ему надоѣло, но потому, что настало время исполнять его новыя обязанности, пользоваться новыми правами. Когда онъ рѣшился жениться на мадемуазель Сирейголь, онъ взвѣшивалъ выгоды и невыгоды. Онъ понималъ, что этимъ связываетъ себя съ Монтаньякомъ, гдѣ придется долго прожить и можетъ быть даже умереть. Нужно же было упрочить выгоды этого положенія.

Мужъ считалъ себя удовлетвореннымъ; теперь, ставши монтаньякѣйцемъ, онъ искалъ удовлетворенія и въ тѣхъ привилегіяхъ мѣстнаго общества, которыми пользовались ея члены.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ однажды Эмилиа, — теперь всѣ уже въ сборѣ, пора намъ сдѣлать визиты.

Она отвѣчала просто:

— Когда хочешь.

Она знала, что ей не доставитъ это ни малѣйшаго удовольствія, но не старалась избѣжать того, что тоже считала соціальной необходимостью. Правда, она бы желала, по возможности, сократить это утомительное занятіе. Но Морисъ ей доказалъ, что одинаково тяжело сдѣлать какъ десять, такъ двадцать и тридцать визитовъ, что она должна стараться никого не обидѣть, сообразоваться съ требованіями ихъ положенія, думать о будущемъ, что единственное средство, наконецъ, увидѣть двери передъ собою открытыми, это постучаться въ нихъ.

Для безпристрастнаго наблюдателя представляетъ много интереснаго слѣдить за супругами, дѣлающими визиты, и изучать ихъ.

Мужъ въ сюртукѣ строгаго покроя, дѣлающій видъ будто застегиваетъ перчатки, чтобы занять свои руки и желающій быть развязнымъ, однако не настолько, чтобы отъ этого пострадала торжественность; жена, невѣроятно разряженная, молчаливая, какъ монахиня, или болтливая, какъ актриса, и всегда неестественная.

Изъ-за порога, или драпировоуъ за ними слѣдять ротозѣи, критикуютъ ихъ манеры, костюмы и стараются проникнуть въ тайный смыслъ ихъ посѣщенія. «Ахъ! вотъ господинъ и госпожа Женеро... Ишь!... Мадамъ Женеро носить еще свое розовое платье!... Они отправляются къ мадамъ Белюгу.—Нѣтъ, къ мадамъ Эсгарись.—Хотите пари, что они повернутъ налѣво?... Видите, я говорилъ!...» И ошибаются рѣдко, развѣ только можетъ случиться, что мадамъ Женеро начнетъ съ мадамъ Эсгарись и кончитъ мадамъ Белюгу.

Съ каждымъ новымъ визитомъ супруги понемногу утрачиваютъ торжественность. Наступаетъ ночь, а они точно проеятые, какъ это бываетъ въ легендахъ, все еще ходятъ и ходятъ по городу. Уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры они вдругъ вспоминаютъ: «Господи!... Мы чуть не забыли Дюфуровъ!...» и блѣдые спѣшатъ обратно. Они блуждаютъ въ потемкахъ усталые и измученные, подбодряя себя возгласомъ:

— Все равно!... намъ теперь осталось только девятнадцать!...

Господинъ и госпожа Дютрейль храбро переносили эту напасть. Морись объяснилъ Эмилии, что все неприятное искупается оказаннымъ имъ приемомъ, въ которомъ онъ видѣлъ доказательство особенной симпатіи, рассчитывая ею воспользоваться. Новая легенда была сочинена насчетъ ихъ свадьбы. Говорилось теперь о продолжительной и непоборимой любви. Радужный приемъ мадамъ Белюгу и мадамъ Круазэ сдѣлали на Дютрейля меньше впечатлѣнія, чѣмъ приемъ хотя и любезный, но оказанный имъ нѣсколько свысока мадамъ Баржъ и мадемуазель Бераръ! Онъ былъ очень доволенъ ихъ приемомъ и посовѣтовалъ женѣ тоже «имѣть день», какъ другія,—она назначила среды.

Эти дни Морись проводилъ въ клубѣ, возвращаясь домой къ обѣду. Полный любопытства, не успѣвъ еще развернуть салфетку, онъ небрежно спрашивалъ:

— Кто у тебя былъ сегодня?...

Рвеніе это скоро было вознаграждено. Около половины ноября господинъ и госпожа Дютрейль были званы на обѣдъ, устраиваемый разъ въ мѣсяцъ мадамъ Эсгарись, а въ концѣ мѣсяца — на вечеръ «совершенно интимный» къ мадамъ Блантіе де - Жирессъ, желавшей воспользоваться временнымъ пребываніемъ въ Монтаньякѣ своей племянницы, вышедшей недавно замужъ за того самого гусара, который сильно ухаживалъ за маленькой мадамъ Женеро. Кромѣ того они получили еще одно приглашеніе — изъ префектуры.

Ходили слухи, что въ этомъ году будутъ много веселиться. Говорили объ утрѣ у мадемуазель Пейредуль и о костюмированномъ вечерѣ у мадамъ де-Баржъ. Но для молодоженовъ эти ожиданія не сбылись. Въ началѣ декабря Морисъ былъ вызванъ телеграммой въ Рошфоръ. Онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно. Старикъ Дютрейль, здоровье котораго давно было разстроено, несмотря на то, что никто этого не подозрѣвалъ, не могъ бороться съ болѣзнью, сокрушившей его въ нѣсколько часовъ. Горе сына было глубоко. Онъ испытывалъ безконечную нѣжность къ этому, много страдавшему старику, любившему его больше всего на свѣтѣ. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отвѣчалъ ему какъ должно на эту любовь, не былъ достаточно ласковъ, покорень, преданъ. Упрекалъ, что разстался съ отеческимъ домою для того, чтобы преслѣдовать несбыточные, безумныя, преступныя мечты. Онъ превозносилъ покойнаго, вспоминалъ его слова, поступки, которыхъ прежде не замѣчалъ, а теперь находилъ необычайными. Онъ представлялъ себѣ, какъ могъ бы вблизи этого человѣка провести всю свою жизнь, принося жертвы отмѣченныя впоследствии исторіей и поэзіей; онъ чувствовалъ, онъ былъ увѣренъ, что такую жизнь онъ несъ бы безъ труда. Онъ оплакивалъ непрочность человѣческой привязанности, эти кажущіяся неразрывныя связи, разрушаемыя дуновениемъ вѣтерка. Мысль, что его острое горе притупится, что, скоро можетъ быть, онъ забудетъ о немъ, какъ и всѣ, въ силу обстоятельствъ, его возмущала. Онъ старался оставаться подъ впечатлѣніемъ удара, возбуждать свое горе, поддерживать свое уныніе. Къ женѣ онъ чувствовалъ злобу, почти ненависть за то, что она оторвала его отъ семьи; потомъ подумалъ, что теперь только она одна его любитъ, и эта потребность чувствовать, что насъ любятъ и что мы любимъ, заставила его понять, насколько она ему дорога.

Поддавшись чувству жалости, Дютрейль предложилъ своей теткѣ переѣхать къ нему въ Монтаньякъ. Она отказалась, отговариваясь возрастомъ, привычками, желаніемъ никого не стѣснять и обязанностями по отношенію къ усопшимъ. Она прожила недолго и скончалась въ началѣ слѣдующаго года отъ тифозной горячки. На похоронахъ Дютрейль могъ убѣдиться въ очень быстромъ исчезновеніи своего горя и въ невозможности вновь возбудить его. Онъ зналъ, что его отецъ жилъ на небольшую пенсію, зналъ также, что у тетки были небольшія деньги, поэтому нисколько не удивился, когда получилъ изъ конторы Дарнажу извѣщеніе зайти «по дѣлу его касающемуся». Но былъ пораженъ, когда нотариусъ передалъ ему, какъ единственному наслѣднику, 83,000 франковъ. Старая

дѣва сумѣла въ-время продать желѣзнодорожныя акціи разорившейся компаніи. Эту удачную и неожиданную прибыль она скрыла какъ и другія удачныя операціи. Ничего не смысли въ дѣлахъ, Дютрейль поручилъ beau-père'у управление этимъ капиталомъ. Главную силу своего состоянія онъ видѣлъ въ томъ, что оно устанавливало равновѣсіе между нимъ и его женой.

Сирейголь предложилъ Морису сдѣлаться его компаніономъ.

Эта мысль понравилась Дютрейлю. Служба ему надоѣла, свое положеніе онъ считалъ невыясненнымъ и непрочнымъ. Г. Дюпюшъ рано или поздно удалится отъ дѣлъ, а что его тогда можетъ ожидать? Перемѣщеніе въ другой городъ? Маленькое жалованье, одиночество, бездѣлье, отсутствіе общества, ссоры, шпионство, сплетни, вотъ на что онъ могъ только рассчитывать въ новой резиденціи.

Банкъ же стоялъ прочно и увеличеніе капитала могло только увеличить его кредитъ. Наконецъ, онъ будетъ *независимъ*, т.-е. свободенъ выбирать своихъ друзей, открыто говорить о своихъ симпатіяхъ и дѣйствовать, какъ ему вздумается. Онъ согласился.

Сирейголь сообразилъ, что, подъ предлогомъ пріученія зятя къ дѣлу, можетъ свалить на него черезъ нѣсколько недѣль всю черновую работу и свободнѣе отдаться своей любви къ Розеттѣ, настоящей страсти, которая росла съ каждымъ днемъ. Онъ снесъ свои туфли въ занимаемую ею съ зимы квартиру на углу бульвара и набережной, и часъ, проведенный безъ нея, казался ему вѣкомъ. Но однажды вечеромъ, возвращаясь къ Розеттѣ, онъ засталъ гнѣздо разореннымъ. Она продала всю мебель, купленную на ея имя, и бѣжала. Это бѣгство (потомъ узнали, что Розетта бѣжала съ военнымъ, получившимъ назначеніе въ Ліонѣ), продажа мебели съ молотка, насмѣшки, вызванныя этимъ происшествіемъ, удручали отца Эмили. Его не щадили. «Что-жь, — сказала ему Шармулю, — это должно было случиться, не правда ли?... Вы были не въ ея вкусѣ». Бугуль передразнивалъ банкира: «Ахъ! какъ она меня любить, эта крошка, какъ она меня любитъ!» — восклицалъ онъ въ *Philo*, когда его въ картахъ преслѣдовала дама пикъ или дама бубень. Онъ же неречислялъ любовниковъ Розетты и давалъ понять, что самъ... Однако, скоро все это улеглось. Сирейголь уѣхалъ на двѣ недѣли на югъ и по возвращеніи казался излѣчившимся. Но такіе удары въ его возрастѣ переносить не легко. Съ нимъ произошла перемѣна. Онъ рѣже появлялся въ клубѣ, часто проводилъ вечера у камина, довольствовался чисто-семейными радостями, относился къ своему зятю съ уваженіемъ. Онъ упрекалъ себя въ холодности къ своимъ дѣтямъ и, чтобъ испушить ее и избѣжать же-

стокихъ воспоминаній, неизбѣжныхъ въ одиночествѣ, упрасивалъ ихъ согласиться жить подъ его крышей. Онъ не затруднялся найти убѣдительные доводы: уменьшеніе расходовъ, удовольствіе совмѣстной жизни... Мѣста достаточно: даже было мѣсто и для будущихъ дѣтей. Господинъ и госпожа не могли отказаться и въ концѣ апрѣля переѣхали къ нему. Старый домъ былъ обновленъ, блестялъ, а надпись на мраморной доскѣ золотыми буквами: Сирейголь и Дютрейль, предвѣщала ему эру спокойствія и благоденствія.

II.

Наступили законодательные выборы. До сихъ поръ депутатъ Лагроле пользовался полнымъ сочувствіемъ и безъ борьбы съ 1876 года избирался постоянно. Онъ настолько былъ увѣренъ въ прочности своего положенія, что рѣдко показывался въ Монтаньякъ, проводя свободное отъ засѣданій время за границей на водахъ, а на просьбы пріѣхать отвѣчалъ извиненіями: «... Неожиданно задержанъ. Мысленно всѣмъ сердцемъ съ вами»... Ему надоѣло ухаживать за избирателями, и онъ махнулъ на нихъ рукой. Друзья его предупредили о шаткости его положенія, однако онъ этому не повѣрилъ, считая себя необходимымъ дѣятелемъ. Тѣмъ не менѣе и печать стала относиться къ нему иначе, и на столбцахъ газетъ появилось новое имя кандидата Сериньяка, къ которому относились очень сочувственно. Самъ Сериньякъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ обезпечить свое избраніе. Желая добиться популярности, онъ разъѣзжалъ по деревнямъ, знакомилъ съ собой населеніе. Онъ не пренебрегалъ никакими приемами. Когда крестьяне бывали заняты полевыми работами, онъ обращался къ ихъ женамъ. Говорилъ о томъ, съ какимъ уваженіемъ относится къ ихъ здравому смыслу, выражалъ сожалѣнія, что женщинамъ не предоставлено на выборахъ право голоса, и заканчивалъ словами: *«Поцѣлуй въ удачный моментъ, а потомъ можно сказать мужу: избирай Сериньяка»*. Послѣ довольно продолжительной борьбы выборы закончились избраніемъ Сериньяка, получившаго 11,657 голосовъ, причемъ Лагроле получилъ всего 5,715. Толпа шумно привѣтствовала побѣдителя, вышедшаго на балконъ и обратившагося къ народу со слѣдующими словами: «Привѣтствуйте не меня, а кричите: да здравствуетъ Монтаньякъ!»

III.

Дютрейль не принималъ никакого участія въ этой борьбѣ. Прежде онъ свысока относился къ политикѣ. «Это, — говорилъ

онъ, — муза пустыхъ головъ и звонкихъ глотокъ». Въ данномъ же случаѣ онъ не могъ отдѣлаться отъ непріязненнаго чувства къ любовнику мадамъ Гарадель, въ которомъ не хотѣлъ сознаться. Завѣдываніе банкомъ, мало-по-малу переданное ему Сирейголемъ, поглотило его всецѣло. Сухость этого дѣла сначала отталкивала его, но потомъ онъ въ него втянулся. Черезъ три мѣсяца онъ уже пріобрѣлъ репутацію «серьезнаго человѣка», которую Сирейголь не сумѣлъ пріобрѣсти, несмотря на свое лукавство и осторожность. Полученное наслѣдство позволяло расширить ихъ операціи, почти всегда удачныя, благодаря практикѣ Сирейголя и его глубокому знакомству съ мѣстными условіями, а также благодаря крайней предупредительности и сдержанности Дютрейля. Онъ нравился кліентамъ, внушалъ къ себѣ довѣріе. Балансъ послѣдняго года показалъ, что доходъ значительно превышаетъ доходы предыдущихъ годовъ, и Сирейголь благородно приписалъ это Дютрейлю, несмотря на то, что тотъ только съ марта мѣсяца вступилъ въ компанію.

Этотъ успѣхъ при супружескомъ счастьи заставилъ его привести въ исполненіе давно задуманный планъ — дать вечеръ. Не то, чтобъ его вкусы измѣнились въ этомъ направленіи. Онъ не любилъ «свѣта» и его развлеченій. Онъ вовсе не думалъ блеснуть состояніемъ, поразить щедростью, возбудить зависть или благодарность. Онъ бы охотно избѣжалъ сопряженныхъ съ этимъ расходовъ и скуки, еслибъ могъ другимъ путемъ достигнуть тѣхъ же выгодъ, на которыя рассчитывалъ въ этомъ случаѣ. Но пригласить и принять у себя лицъ, избранныхъ по его собственному желанію, значило стать на одну ногу съ этими людьми, заставить ихъ признавать его равнымъ себѣ. Это значило официально и окончательно овладѣть Монтаньякомъ. Прошло достаточно времени; уваженіе, которое онъ встрѣчалъ, позволяло ему думать, что такой шагъ будетъ своевременнымъ. Онъ высказался въ этомъ смыслѣ однажды въ воскресенье вечеромъ у камина въ присутствіи жены и тестя и, не дожидаясь подтвержденія, привелъ неопровержимыя доказательства. Развѣ они не обязаны отблагодарить за оказанное имъ вниманіе? — Трауръ въ свое время помѣшалъ имъ воспользоваться любезными приглашеніями, тѣмъ не менѣе они обязаны выразить благодарность. А если подумать о будущемъ, — они же собирались расширить свое знакомство, придерживаясь извѣстнаго круга. Ну и рѣшить, какой имъ вести образъ жизни, будутъ ли жить отшельниками, къ которымъ относятся пренебрежительно и которыхъ велятъ хотѣть знать, или съ достоинствомъ завоюютъ себѣ законное право

ложеніе, когда отшельничество указываетъ на извѣстнаго рода аристократизмъ...

Не возражая формально, Эмилія указала, какія неудобства сопряжены съ такимъ вечеромъ. Въ чему это безпокойство, зачѣмъ заставлятъ о себѣ говорить, подстрекать злословіе и зависть? Развѣ ихъ не могутъ упрекнуть въ тщеславіи? А въ случаѣ неудачи—какая неприятность!... Сколько заботы! Сколько хлопоты!

Но Сирейголь горячо поддержалъ зятя.

— Гораздо солиднѣе, — сказалъ онъ, — принять кого-нибудь, чѣмъ быть принятымъ. Морисъ правъ. Теперь время занять извѣстное и опредѣленное положеніе и вы имѣете возможность сами его избрать. Въ этомъ отношеніи вы счастливѣе многихъ другихъ. Что ты говоришь о насмѣшкахъ, презрѣніи и отказѣ?... Почему всѣ эти дамы откажутся пить твое шампанское и кушать твое пирожное?... Онѣ во многихъ домахъ и пили и ѣли!... Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто будетъ кобениться!... Что же касается расхода, я его беру на себя.

Чтобъ избѣжать подозрѣнія въ скупости, Эмилія уступила.

Не откладывая въ долгій ящикъ, они назначили день. Января мѣсяцъ уже былъ на исходѣ. Въ февралѣ долженъ былъ состояться годичный балъ въ префектурѣ, прощальный вечеръ у податнаго инспектора въ надеждѣ воспользоваться послѣдней возможностью сбыть съ рукъ своихъ двухъ дочерей, — отставка его была неминуема. Еще предполагался любительскій спектакль у мадамъ Тумазо. Полковница была въ радужномъ настроеніи и выражала его въ неисчерпаемыхъ потокахъ краснорѣчія, но трудно было понять, что именно вызывало у нея такое настроеніе, свадьба ли ея дочери Анжелъ съ Редѣльемъ, или никѣмъ не ожидаемое образованіе труппы. Благодаря недавнимъ назначеніямъ, въ полку прибавились три супружества, опытныхъ и увлеченныхъ сценой и пользовавшихся успѣхомъ въ другихъ гарнизонахъ. Съ участіемъ ихъ, Шалэ, ДюФусса и другихъ, мадамъ Тумазо поставила «очаровательную пьеску» Фѣлье и водевилъ Лабиса. Говорили о чудныхъ исполнителяхъ, репетировавшихъ два раза въ день, выпрашивали другъ у друга пригласительныя карточки, прекрасно разрисованныя офицеромъ, бывшимъ когда-то въ школѣ изящныхъ искусствъ въ Тулузѣ.

Чтобы дать нѣкоторый отдыхъ танцорамъ и дать время забыть объ этихъ великолѣпныхъ, Сирейголь предложилъ назначить вечеръ въ половинѣ поста. Эмилія возстала, считала это неудобнымъ въ религіозномъ отношеніи. Она предпочла бы субботу масляницы, несмотря на то, что до этого срока оставалось уже очень мало времени. Но за то по крайней мѣрѣ избавишься отъ этого томленія.

Дютрейль высказался за понедѣльникъ на Святой, и такъ какъ назначенный имъ срокъ показался очень страннымъ, ему возражали, на что, въ свою очередь, онъ отвѣтилъ:

— У насъ будетъ больше времени все устроить и приготовить ся ко всякимъ неожиданностямъ. Въ это время никто не даетъ ба-ловъ, не такъ ли? А неожиданныя удовольствія больше цѣнятся. Подумайте, какъ всѣ будутъ рады потанцовать во время каникулъ. Такъ радуются источнику воды въ пустынь.

— Но вы не подумали о томъ, что это день Лекюссана!—за-мѣтилъ Сирейголь.

Напротивъ, Морисъ помнить объ этомъ. Ежегодно въ понедѣ-льникъ на Святой хозяинъ москательной лавки близъ дебарнадера, Лекюссанъ, принималъ въ своихъ салонахъ полчище голодныхъ ла-вочниковъ, скудныхъ рантье, писарей, убѣжденныхъ, что его прие-момъ искупаются оскорбленія, которыя они терпѣли отъ Баржъ и Пейредуль.

Молодые люди довольно приличнаго вида искали на этихъ ве-черахъ развлечения для своихъ глазъ и рукъ. Нѣкоторые изъ нихъ были друзьями дѣтства Сирейголя.

Бывая въ кругу хорошаго тона, онъ оставался вѣренъ своимъ друзьямъ, относящимся къ тому времени, когда онъ былъ еще ма-ленькимъ человѣчкомъ. Онъ ставилъ себѣ въ заслугу это постоян-ство, какъ доказательство истиннаго благородства, дающее ему возможность чувствовать свое собственное превосходство.

— Быть у Лекюссана на Святой—это традиція,—прибавилъ онъ.—Мы вынудимъ нѣкоторыхъ лицъ выбирать между нимъ и нами, и если они уже дали слово, то заставимъ ихъ измѣнить ему, что оскорбитъ нашего стараго друга.

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣтилъ Дютрейль.—Я не рассчитываю похитить у Лекюссана кого-либо изъ его обычныхъ посѣтителей. Эти люди нашего круга, онъ окажетъ намъ услугу избавиться отъ нихъ.

— Однако, Гарадель, Гальедро и Лепинасу.

Но Морисъ оказался несговорчивымъ. Онъ возражалъ на дово-ды старика и отстаивалъ свою мысль. Онъ строго все обдумалъ и не хотѣлъ уступать. Да, нужно «занять положеніе» и безъ ко-промиссовъ. Отъ него ожидали, что когда пройдетъ этотъ свад-бный угаръ, онъ займетъ извѣстное положеніе, присоединится къ одному изъ лагерей. Онъ думалъ объ этомъ и въ немъ уже цѣлѣ мѣсяцы происходила внутренняя работа. Онъ все рассчиталъ, все взвѣсилъ, даже шелъ на рискъ, считая, что лучше быть отвергн-

тымъ лучшимъ обществомъ, чѣмъ занимать видное мѣсто въ его подонкахъ. Банкиръ рѣшилъ всю отвѣтственность свалить на зятя.

— А Гарадели?—сказалъ онъ насмѣшливымъ тономъ.—Вы и ихъ собираетесь отклонить?

Морисъ хотѣлъ бы этого, но боялся выказать мелочность и пустую мстительность.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Только я имѣю основаніе думать, что они откажутся.

Предпріятіе это покажется, можетъ быть, безразсуднымъ, но оно было только смѣлымъ и его успѣхъ могъ превратиться въ триумфъ. Приглашенные Дютрейлемъ лица, которыхъ ничто не останавливало войти съ нимъ въ союзъ, были ему благодарны за такое открытое выраженіе своихъ симпатій и надеждъ. Какъ найти лучшее доказательство ихъ первенства? Какъ лучше отвѣтить тѣмъ, кто дѣлалъ видъ, будто не вѣритъ въ него? Значитъ это столь порицаемое избранное общество не утратило своей силы и значенія, если человѣкъ независимый, имѣющій возможность свободно высказаться, почиталъ за счастье быть зачисленнымъ въ его ряды?... Провинція помогаетъ тѣмъ, кто ее понимаетъ, сама себя превозноситъ, а главное — признаетъ своихъ. Сериньякъ одержалъ побѣду потому, что онъ болѣе другихъ общалъ удовлетворить инстинкты своихъ земляковъ, т.-е. тщеславіе, служащее фундаментомъ ихъ натуры. Дютрейль тоже взывалъ къ этому тщеславію и былъ услышанъ. Неудовольствіе, въ которомъ наввно сознались отверженные, служило лучшимъ доказательствомъ того, что фортель этотъ удался вполне. Если мадамъ Белюгу отворачивалась, чтобъ избѣжать поклона Дютрейля, если мадамъ Круазэ, какъ говорили, восклицала: «Какая неблагодарность!... Вѣдь онъ мнѣ обязанъ своимъ положеніемъ!»—то такое нарушеніе дружескихъ отношеній вовсе не было для него оскорбительнымъ и ему не приходилось разсыпаться въ смѣшныхъ извиненіяхъ, чего такъ боялась Эмилія и даже самъ Спрейголь. Важныя дѣла вызвали господина и госпожу Морэнъ-Шассанъ въ Парижъ въ концѣ поста (бывшій посланникъ, вошедшій въ милость у правительства, скоро получилъ дипломатическое назначеніе). Мадемуазель Пейредуль носила трауръ по двоюродной сестрѣ, къ которой почувствовала неожиданную нѣжность. Г. Нантѣль оставался въ деревнѣ, благодаря разыгравшемуся ревматизму. Подозрительнымъ казалось только отсутствіе мадемуазель де-Бераръ. Господину и госпожѣ Гарадель что-то помѣшало въ послѣднюю минуту.

Этотъ успѣхъ заставилъ забыть Спрейголя о недовольствѣ и тл

желомъ для него молчаніи его друзей. Онъ окончательно убѣдился, что зять его «очень слепъ», и ему хотѣлось вознаградить его за заслуженную имъ общую симпатію, поддержавъ и свою собственную репутацію. Онъ все устроилъ en grand, занялся буфетомъ и оркестромъ, и всѣми было признано, что никогда еще все это не было организовано лучше. Съ перваго взгляда Дютрейль убѣдился въ томъ, что выигралъ сраженіе. Онъ чувствовалъ, что понять и принять. Онъ понялъ, что полная солидарность, наступательный и оборонительный союзъ, заключаемый между членами отдѣльныхъ кружковъ, составляетъ ихъ силу и что отнынѣ онъ будетъ ею пользоваться. Этимъ онъ вполне соединился съ Монтаньякомъ. Душа его преобразилась. Теперь она составляла часть города. Онъ былъ у себя, среди своихъ земляковъ, съ которыми его соединяло, больше чѣмъ кровь и общіе интересы, тождество нравовъ и мыслей. Жизнь его окончательно сложилась. Онъ былъ благодаренъ этому обществу, которое соединялось съ нимъ, давая ему права и преимущества. Развѣ Мартель не показывалъ ясно, что онъ находится въ домѣ, которому очень сочувствуетъ?... Любезность всѣхъ дамъ—развѣ не разсѣяла наконецъ застѣнчивость Эмили?... Какимъ тономъ обратился Малавалъ къ графу Баржъ, дирижировавшему танцами: «Чудесное у васъ шампанское и очень дорогое»...

Большаго торжества нельзя было желать...

Миражъ.

По зыбучимъ песгамъ, въ Аравійскихъ степяхъ
Караванъ шелъ — верблюды за верблюдомъ... На нихъ,
На мѣшкахъ и пополахъ сидѣли въ чалмахъ
Съ длинноствольными ружьями въ смуглыхъ рукахъ
Молчаливые спутники ихъ.

Впереди шелъ съ вопѣемъ проводникъ; и за нимъ
Наблюдалъ исподлобья хозяинъ всего
Каравана, тревожной догадкой томимъ,
Что надежный ходокъ и вожакъ, взятый имъ,
Сталъ сбиваться съ пути своего.

И томилъ ихъ жажда... Каралъ ихъ пророкъ:
Безъ костровъ былъ ихъ прошлый ночлегъ, и воды
Не хватало, и съ юга сухой вѣтерокъ
Мель сухую дорогу, и жгучій песокъ
Заметалъ каравановъ слѣды.

Гордо ноздри раздувъ и уныло бреча
Позвонками, шагали верблюды. Туманъ
Притуплялъ солнца блескъ, обезцвѣтивъ тѣхъ странъ
Темно-синее небо; ни пальмъ, ни ключа
На пути не встрѣчалъ караванъ.

На одномъ пзѣ верблюдовъ, качаясь, бѣлѣлъ
Длиннополый шатерь; и оттуда порой
Говоръ струилъ, слабо тронутыхъ, тихо гудѣлъ...
И не разъ, въ духотѣ, женскій голосъ тамъ пѣлъ,
Надрываемый горькой слезой.

Тамъ скрывалась невольница—перлъ красоты,
 И, склонясь на поклажу, въ цвѣтистый коверъ
 Упиралась она бѣлой ножкой, и взоръ
 Ея черныхъ очей былъ далекъ отъ мечты,
 Услаждающей рабства позоръ.

Ее ждали въ гаремѣ, и ждали тайкомъ,
 Чтобъ никто изъ гяуровъ не зналъ, что она
 Сирота-христіанка, что есть у ней домъ,
 И она, негодуя, не знала о томъ,
 Что родными была продана.

И взывала она: не была я рабой,
 И не буду... Господь! научи, какъ мнѣ быть!
 А ея хищникъ, молча, расчетъ велъ иной:
 За игру, да за голосъ ея молодой
 Онъ дороже мечталъ ее сбыть.

Все-жъ онъ трусилъ, что рокъ или гнѣвный Аллахъ
 Изморить ихъ... Какъ вдругъ, замелькала вдали
 Роща пальмъ; и верблюды прибавили шагъ;
 Ожила и надежда въ унылыхъ сердцахъ...
 Рокъ ли спасъ ихъ, мольбы ли спасли?

Блючевыя струи, тѣ, что корни поятъ,
 Утолятъ ли ихъ жажду, снабдятъ ли водой
 Ихъ кувшины? Всѣ ждуть, и—всѣ жадно глядятъ,
 Какъ высокія пальмы листвою шевелятъ,
 Зеленѣя сквозной бахромой.

Не оазисъ—Эдемъ, только гдѣ же ключи?!
 — Погоди, господинъ, возразилъ проводникъ,
 Воздержись и напрасно на рокъ не ропчи;
 Тутъ, я помню, колодезь подземный... Ищи
 Ты плиту и отроешь родникъ...

И ступеньки нашлись, и копыта слѣды
 Были видны внизу въ подземельѣ сыромъ...
 Лежа, каждый верблюдъ ждалъ своей череды,
 Свѣсивъ шею, они ждали свѣжей воды,
 И у спуска тѣснились еругомъ.

И семья рѣзвыхъ ящерицъ между ихъ ногъ
 Извивалась, и тѣни пестрили ихъ гладь,
 И трава тутъ росла, и коричневый мохъ;
 Но никто изъ людей не признаться не могъ,
 Что не все тутъ одна благодать...

Мало далъ имъ воды разоренный родникъ,
 Но влекла на покой ихъ зеленая сѣнь:
 Задымились кальяны; заснулъ проводникъ,
 Самъ хозяинъ къ ковру головою приникъ
 И не могъ одолѣть свою лѣнь.

А верблюды съ черноокою плѣнницей кустъ
 Ощипалъ и возлегъ въ сторонѣ, одиногъ;
 А въ рукѣ у нея ковшъ давно былъ ужъ пустъ;
 И никто не слыхалъ зова жаждущихъ устъ,
 Такъ кругомъ ея сонъ былъ глубокъ.

А за нею, въ пустынѣ, все тотъ же былъ зной,
 То же жгучее небо и жгучій песокъ.
 Оглянулася плѣнница... Боже Ты мой!...
 Тамъ, вдали, гдѣ земля золотой полосой
 Выдѣляетъ лиловый востокъ,

Она видитъ озера—заливы озеръ,
 Шевелятся ихъ струйки, бѣгутъ и блестятъ;
 А за ними, ей видны, покатости горъ,
 А на ихъ синевѣ бѣлыхъ башенъ узоръ,
 И тѣнистый спускается садъ...

Что такое миражъ, ни отъ бѣдной семьи,
 Ни отъ скучныхъ гостей не слыхала она;
 Подсказала ей жажда мечтанья свои,
 И она вѣрить имъ, вѣрить въ эти струи,
 Въ эти грѣзы ея полусна.

Высоко она полу шатра подняла
 И привстала, и съ вѣрой промолвила: вонъ
 Настоящій оазисъ! Уйдемъ же отъ зла!
 Божій гнѣвъ ослѣпилъ торгашей и легла
 Пелена на глаза ихъ.—Чу! звонъ—

— Слышишь—звонъ!?...

И верблюдь ея всталъ
 Вмѣстѣ съ ней, и косматую выпятилъ грудь.
 — Ну, идемъ!—И, казалось, верблюдь угадалъ
 Ея жестъ, и восторгъ ея рѣчи,—взалакалъ,
 И къ миражу направилъ свой путь.

И у ней подъ рукой зазвенѣла струна,
 И запѣла она.—Долго шли они, шли...
 Но миражъ вдругъ исчезъ, какъ видѣніе сна...
 И вернуться назадъ не могла ужъ она:
 Вздохи дня ихъ слѣды замели...

А въ оазисѣ—гвалтъ... проводникъ лепеталъ:
 — Видѣлъ самъ, какъ Шайтанъ уносилъ ихъ изъ глазъ...
 А хозяинъ на поискъ всѣхъ до ночи гналъ,
 Я ограбленъ, вопилъ, и пророка онъ клялъ,
 Совершая вечерній намазъ.

Время шло... Костенѣлъ занесенный пескомъ
 Трупъ красавицы. Тощій верблюдь съѣденъ былъ
 Хищнымъ звѣремъ, бесплодной пустыни царемъ,
 А затѣмъ, черный вихрь, закрутившись столбомъ,
 И поблажу, и кости зарылъ...

Я. П. Полонскій.

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ.

(Разсказъ).

Le mariage est une chose,
Que pour être prudent,
Il ne faut pas voir
Ce qu'il y a dedans.

I.

Небольшая коляска только что сдѣлала второй кругъ, и кучеръ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, сдерживалъ лошадей, полу-обернувшись къ господамъ.

— Ступай въ Разумовское, — приказала ему Вава и, обратясь къ Сергѣю Павловичу, проговорила съ досадой, понижая голосъ: — Насъ разсматриваютъ такъ, точно никогда не видали прежде. Это невыносимо! Вы не находите? Удивляюсь!

Ей очень шло, когда она сердилась. Лицо дѣлалось энергичнымъ и чуть-чуть блѣднѣло, а сѣровато-голубые глаза становились ярче и больше. Она забко приподняла воротникъ своей темно-синей касторовой кофточки и нервно поправила на свѣтлыхъ, пушистыхъ волосахъ большую черную шляпу, очень шедшую къ ней.

Сергѣй Павловичъ тихо засмѣялся и, такъ чтобы не видѣли проѣзжавшіе мимо, слегка пожалъ ея руку въ узкой бѣлой перчаткѣ.

— Ну, положимъ, вы преувеличиваете, — сказалъ опъ, улыбаясь. — Не обращайтесь вниманія. Не стѣитъ, право.

Но она уже вся пылала. О, глупое, несносное положеніе! Женить! Невѣста! Какая пошлость... Всюду появляться вмѣстѣ, кататься вмѣстѣ, дѣлать визиты вмѣстѣ, какъ будто потомъ на все это не будетъ еще довольно времени.

— Я не сержусь, — сказала Вава, — но не находите ли и вы, что насъ показываютъ точно ученыхъ птицъ? И какъ подумаешь,

что намъ предстоитъ еще тысяча и одна церемонія по кодексу глупыхъ приличій, до той минуты, когда насъ наконецъ оставятъ въ покоѣ.

— Я желалъ бы, чтобъ это было скорѣе, — очень серьезно и съ чувствомъ проговорилъ Сергѣй Павловичъ. Онъ былъ очень изященъ, очень сдержанъ и очень худъ. — Положимъ, отпускъ мнѣ дадутъ двухмѣсячный, — сказалъ онъ, раздумывая. — Но я не желалъ бы злоупотреблять. Теперь не такое время... и вы не можете себѣ представить, Варвара Александровна, сколько намъ предстоитъ еще работы въ будущемъ... Министръ проводитъ новыя реформы...

Вава сидѣла, откинувшись назадъ, въ позѣ молодой дамы, и слушала, полузакрывъ глаза. Она очень любила, когда мужчины съ нею или при ней говорили «объ умномъ», то-есть о политикѣ, финансахъ, проектахъ, назначеніяхъ и карьерахъ. Поэтому и Сергѣй Павловичъ, пріѣзжавшій на праздники въ Москву, гдѣ у него были родные, нравился ей именно этой своей молодой дѣловитостью, нервнымъ спокойствіемъ, энергіей и выдержкой.

«Далеко до него нашимъ московскимъ «тютюкамъ», — думала Вава, и рѣшила, что непременно выйдетъ за него замужъ. Да, не кто другой, а именно онъ будетъ ея мужемъ. Это ничего, что онъ такъ серьезенъ и солиденъ не по лѣтамъ. Мужъ даже долженъ быть немного скученъ, — рѣшила она. — Это — качество».

Кромѣ того, надо же было когда-нибудь на что-нибудь рѣшиться и выйти замужъ. Вавѣ было ровно 23 года, хотя въ свѣтѣ, по календарю ея шатап, ей значилось всего девятнадцать. Но это была поетическая и вполнѣ необходимая ложь, потому что за Вавой давно выросла и выровнялась Мэри, а за Мэри были еще двѣ младшія сестры, которыхъ, правда, еще никому не показывали, но которыя тоже необыкновенно быстро росли и выравнивались. Итакъ, Вавѣ надо было на что-нибудь рѣшиться.

«Пора, — думала она, — въ августѣ мнѣ будетъ 24 года. Хотя теперь и миновало время, когда выходили замужъ 16 и 17 лѣтъ и такимъ образомъ добровольно сокращали свою жизнь и убивали молодость беременностями и всякими домашними дрызгами, какія ужъ непременно бываютъ въ жизни каждой женщины, какъ бы богата и титулована она ни была. Но теперь — извините! — дѣвушки стали умнѣе и не такъ рано выходятъ замужъ. Но въ 24 года надо же на что-нибудь рѣшиться».

И теперь, въ то время какъ Сергѣй Павловичъ своимъ ровнымъ голосомъ сообщалъ ей, почему совершенно необходимы такіа-то и

такия-то реформы, а также какую записку онъ составилъ по этому поводу и какъ она была одобрена, — Вава слушала его серьезно и внимательно.

«Онъ далеко пойдетъ, безъ сомнѣннй», — думала она, разсѣянно слѣдя за тоненькими полосками сѣраго тумана, поднимавшагося надъ молодой травой и зябкими деревьями, между тѣмъ какъ солнце закатывалось вдали огромнымъ огненно-краснымъ дискомъ, совершенно лишенное лучей.

Боляска, плавно подпрыгивая по мягкой, влажной землѣ, быстро катилась по прямой и сѣрой аллеѣ. Дорога, туманъ и монотонныя рѣчи Сергѣя Павловича убаюкивали Ваву и, въ то же время, на душѣ ея было гордое сознание того, что она достигла чего желала, и что онъ, а не кто другой будетъ ея мужемъ. И хотя она ничего не чувствовала къ этому сухому и совершенно чуждому ей человѣку, она была все-таки довольна и почти счастлива. Онъ сидѣлъ немного сгорбившись, сутуловатый отъ сидячей жизни, со своимъ равнодушнымъ, пергаментнымъ лицомъ молодого старика петербургскихъ канцелярій.

«Онъ очень изящный, очень... — думала Вава. — У него есть этотъ неуловимый, петербургскій отпечатокъ, какого совсѣмъ недостаетъ, напримѣръ, хотя бы Андришѣ Ламскому, да и всѣмъ другимъ... Конечно, съ ними веселѣе, но вѣдь это не главное въ жизни».

И Вава живо представила себѣ, какъ она входитъ съ Сергѣемъ Павловичемъ въ балльную залу, или ѣдетъ, вотъ такъ, какъ теперь, кататься. А въ слухъ она сказала:

— Мама обѣщала давать мнѣ по 250 рублей въ мѣсяцъ; это, конечно, не много, но впослѣдствіи, послѣ смерти папа, я буду получать больше... Вообще я нахожу, что лучше обо всемъ переговорить заранѣе. Не правда ли?

Сергѣй Павловичъ сдѣлалъ изящный, немного брезгливый жестъ, точно что-то страшивая со своихъ перчатокъ; жестъ этотъ онъ дѣлалъ всегда, когда рѣчь шла о деньгахъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень внимательно слушалъ.

— Вы знаете, папа говорить всегда: «въ деньгахъ черти сплать». Это очень хорошо сказано, не правда ли? — болтала Вава. — Бстати, сколько вамъ лѣтъ?

Сергѣй Павловичъ снисходительно улыбнулся.

— Мнѣ 34 года, — сказалъ онъ коротко. — Я родился въ 62-мъ году... Боюсь, что я старъ для васъ...

— Да мнѣ скоро будетъ 24 года, — весело подхватила Вава. —

Мамá говорить всѣмъ, что мнѣ 19, но не вѣрьте; понимаете, это дѣлается для сестеръ. Иначе нельзя. — Они помолчали немного. — Какъ это хорошо, — сказала вдругъ Вава, — между нами почти десять лѣтъ разницы. Это самая лучшая разница лѣтъ между мужемъ и женой. Вѣдь женщины старятся раньше мужчинъ, и потому это хотя небольшая гарантія... Я объ этомъ читала гдѣ-то, — не помню.

Вава читала вообще очень много, а главное — много такого, чего бы ей вовсе не слѣдовало читать. Едва бросивъ куклы, она стала читать, — читать безпорядочно и безъ всякаго разбора, — что ни попадалось подъ руку, съ тѣмъ, чтобы поскорѣе *все* узнать. Книжные шкафы въ кабинетѣ отца не запирались, потому что, по московской распущенности, ключи давно куда-то пропали, до и вообще въ домѣ мало заботились о книгахъ. Въ 18 лѣтъ Вава прочла почти всего Золя и почти *все* знала. Философскія книги прельщали ее и она принялась было за Канта и Шопенгауэра, но скоро бросила. За то она зачитывалась Монтегацца, Фламариономъ и вѣрила въ переселеніе душъ. Какъ-то разъ Вава взяла Поль-де-Кока, но быстро соскучилась и рѣшила, что французская литература сдѣлала большіе успѣхи.

Но, несмотря на чтеніе, Вава многое понимала совершенно превратно, была наивна и жизни совсѣмъ не знала, какъ не знаетъ ее большинство дѣвушекъ обеспеченнаго класса.

Въ обществѣ Вава очень нравилась, но пугала молодыхъ людей своей оригинальностью, насмѣшливостью и злымъ языкомъ. За ней много ухаживали, съ ней любили разговаривать, но ее побаивались, и она уже начинала страдать отъ этого.

Когда коляска подъѣхала наконецъ къ дворцу въ Разуновскомъ, то уже настолько стемнѣло, что Вава приказала ѣхать обратно. Стало еще холоднѣе, такъ что пришлось поднять верхъ коляски. Когда это было сдѣлано, Вава усѣлась поудобнѣе въ свой уголокъ и, поднявъ теплый пледъ чуть не до самыхъ плечъ и кутая въ него свои руки, повидимому, не чувствовала никакого волненія отъ близости къ жениху въ темнотѣ экипажа.

— Да, я думаю, — говорила она, — что мы съ вами сойдемся во вкусахъ и сумѣемъ сдѣлать другъ другу жизнь если не безумно счастливой, то спокойной и пріятной. Увѣряю васъ, я немногаго требую отъ жизни. Я даже очень скромна. Напримѣръ, я выхожу за васъ и, право, не чувствую той пылкой любви, о которой пишутъ въ романахъ. Вы мнѣ нравитесь, да... и, мнѣ кажется, этого довольно. Лучшаго мужа мнѣ не надо. Я даже не влюблена ни-

сколько, но я надѣюсь, что это прійдетъ потомъ, когда мы женимся... Видите, Сержъ, я откровенна съ вами. Можетъ быть, у меня холодная натура и вѣтъ темперамента, но вѣдь этого тоже нельзя рѣшить заранѣе... Вообще, теперь, когда насъ такъ рѣдко оставляютъ вдвоемъ, я хочу переговорить съ вами откровенно обо всемъ. До дому еще далеко, и мы успѣемъ.

Сергѣй Павловичъ хотѣлъ было поклониться, но вспомнилъ, что въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ это не совсѣмъ удобно, и только сказалъ:

— Варвара Александровна, я—весь вниманіе.

— Сергѣй Павловичъ,—начала Вава насмѣшливо-торжественнымъ тономъ,—я всегда была того мнѣнія, что между мною и моимъ будущимъ мужемъ не должно быть ничего недоговореннаго. Я не хочу недоумокъ. Это непрактично и не достойно ни васъ, ни меня. Послѣ свадьбы вы поразкажете мнѣ, конечно, кое-что изъ вашей холостой жизни, а теперь я должна сообщить вамъ кое-что о себѣ, потому что съ 19 и до 23 лѣтъ я, увѣряю васъ, не скучала. До этого времени я, къ сожалѣнію, была связана глупымъ воспитаніемъ и слишкомъ наивна.

Глаза Сергѣя Павловича блеснули въ темнотѣ, лицо его вытянулось и ему стало немного не по себѣ. «Гм... что-то она еще скажетъ!» Но онъ тутъ же успокоилъ себя тѣмъ, что Вава, повидимому, была одна изъ тѣхъ, что больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ.— «Тихони опаснѣе».

— Итакъ, я буду каяться!—начала Вава и Сергѣю Павловичу даже показалось, что она слегка зѣвнула.— Къ сожалѣнію,—продолжала она,—все, что я имѣю сказать вамъ, очень не интересно, безцвѣтно и даже банально. Въ сущности и рассказывать-то нечего. Кое-кто мнѣ слегка нравился, кое съ кѣмъ я кокетничала, а кое-кто шелъ даже до формальнаго предложенія руки и сердца. Ну, да это все больше мелочь. Всѣ знаютъ, что насъ много и что каждая получить четвертую часть. Да, наконецъ, надо же и мамѣ съ папѣ чѣмъ-нибудь жить. Что же еще сказать?—продолжала Вава, раздумывая.— За эти годы я много танцевала, ѣздила верхомъ, каталась на конькахъ, играла въ любительскихъ спектакляхъ и у меня было нѣсколько занимательныхъ, но — увы! — совершенно платоническихъ романовъ... На святкахъ мы ѣздили ряжеными. Я знаю, въ Петербургѣ это не принято, и очень жаль, потому что это очень весело и очень сближаетъ. Говорю это по опыту. Вѣдь у насъ, въ Москвѣ, вообще принято много такого, что не принято у васъ, въ Петер-

бургъ. Напримѣръ, устраиваютъ пикники съ барышнями, ѣздятъ въ загородные рестораны на тройкахъ, танцуютъ и ужинаютъ тамъ. Послѣ шампанскаго, — продолжала Вава, увлекаясь все болѣе и болѣе, — я помню нѣсколько поцѣлueвъ, украденныхъ съ моего вѣдома и доставившихъ мнѣ, не скрою, большое удовольствіе. Наконецъ, если уже все говорить, я однажды ужинала вдвоемъ, съ кѣмъ, — я, разумѣется, вамъ не скажу. Пустите руки!.. Но это и все! Право, больше нечего вспомнить... Влюблена была два раза. Одинъ разъ воображеніемъ, другой разъ сердцемъ. Не знаю, что опаснѣе. Но это скоро прошло. «Онъ» цитировалъ Спенсера и носилъ резиновыя балоши, и я быстро разочаровалась. Въ кого была влюблена сердцемъ, разумѣется, тоже не скажу, — да и къ чему?... И, несмотря на мою бурную молодость, я съ полнымъ правомъ надѣну въ великій день эти глупыя, восковые цвѣты, которые почему-то принято надѣвать въ знакъ невинности. — Ну-съ, что вы на это скажете? — дразнила Вава, приближая свое хорошенькое, свѣжее лицо къ его блѣдному, усталому лицу. — Предупреждаю васъ, вы можете еще отказаться, это ваше священное право.

Вмѣсто отвѣта послышалась легкая борьба, и нѣсколько поцѣлueвъ, причемъ элегантная шляпа потерпѣла крушеніе, и Вава сказала немного задыхаясь и оправляя волосы:

— Вы испортили мою шляпу, но вы хорошо цѣлуетесь, и я прощаю вамъ за это.

Теперь ѣхали бульварами. Въ городъ стало теплѣе и пошелъ мелкій, весенній дождикъ.

Коляска быстро катилась по мокрому асфальту, приближаясь къ дому, когда Вава вдругъ сказала очень торопливо:

— Сейчасъ мы приѣдемъ и, кажется, я все сказала, что хотѣла. Ахъ, про главное-то я и позабыла. Пожалуйста, не надо дѣтей, — шепнула она, — я не хочу, я боюсь!

Сергій Павловичъ улыбнулся въ темнотѣ.

— Я тоже объ этомъ думалъ не разъ, — сказалъ онъ просто. — Конечно, лучше на первое время избѣжать этого; я совсѣмъ съ вами согласенъ. Вы знаете, что желанія ваши — для меня законъ.

Экипажъ остановился, и лакей Дмитрій уже выбѣгалъ съ раскрытымъ зонтикомъ навстрѣчу господамъ.

Сергій Павловичъ высадилъ Ваву, и на губахъ его все еще блуждала загадочная улыбка забавно озадаченнаго, но все-таки очарованнаго человѣка.

«Ого, вотъ ты какая! — думалъ онъ. — И, несмотря на все это я все-таки женюсь, и все будетъ по-моему».

II.

На платформѣ было полутемно, когда поѣздъ наконецъ двинулся, увозя Вава и Сергѣя Павловича послѣ свадьбы, бывшей въ деревнѣ, — въ Ялту. Позади осталась небольшая кучка провожающихъ въ свѣтлыхъ, нарядныхъ платьяхъ; тамъ слышался смѣхъ и веселые, возбужденные голоса.

Кто-то изъ посторонней публики, увидя Вава въ окнѣ, крикнулъ изъ темноты:

— А вотъ и новобрачная! — Но поѣздъ, все прибавляя ходу, быстро убѣгалъ отъ платформы.

— Уфъ! кончились наконецъ всѣ церемоніи! — отъ глубины души вздохнула Вава. Еще счастье, что мы сдѣлали свадьбу въ деревнѣ, — воображаю, что бы это было въ городѣ! Должно быть, я не создана для представительства. Я страшно устала! А ты?

Они уже давно были между собой на «ты», и въ одну изъ жаркихъ июльскихъ ночей Вава, не то изъ любопытства, не то изъ каприза и оригинальности, отдалась ему.

— И ночь, и луна, и любовь! — продекламировала Вава на смѣшливо. — Я буду спать. Просто умираю отъ усталости. Дай мнѣ подушку.

— Хочешь конфетъ?

И когда онъ, немного разочарованный, нервный и очень влюбленный, устраивалъ ей постель, она милостиво позволила уложить себя. Но ей не спалось. Въ купѣ, съ нагрѣвшейся за день желѣзной крышей, было жарко, и отъ выпитого шампанскаго горѣли щеки и слегка кружилась голова.

Въ открытое окно видѣлась темная степь, черное августовское небо съ крупными осенними звѣздами, а на самомъ горизонтѣ любопытно выглядывалъ край яркаго, молодого мѣсяца.

Пахло гарью, и мимо окна по временамъ пролетали снопы блестящихъ искръ.

Вава сидѣла съ ногами на диванѣ, ѣла конфеты и разсуждала о событіяхъ дня.

— Какая была по-истинѣ тропическая жара! Жениться надо зимой или поздней осенью. Лѣтомъ слѣдовало бы запретить всякіе браки.

— По-моему, бракъ — учрежденіе отжившее, — говорила Вава. — Право пора придумать что-нибудь новое!... А людямъ не достаетъ для этого ни ума, ни смѣлости. Это все равно, какъ еслибы вѣчно изъ самыхъ различныхъ матерій стараться выкроить всегда одинъ

и тотъ же фасонъ. Матерія не выдерживаетъ, иногда разползается, не гнется, — и ничего не выходитъ. Надо также сознаться, какъ много шаблоннаго и даже пошлаго въ каждой свадьбѣ! Даже если взять уже только одну обрядную сторону. Боже, сколько мученій! И обѣдъ, и сосѣди, и витиеватыя привѣтствія, и наконецъ, когда тотъ лохматый мировой судья вдругъ крикнулъ: «горько!» Идиотскій обычай!... Ну, да, слава Богу, что все кончено.

Вава облокотилась на подушку въ сѣрой дорожной наволочкѣ и съ облегченіемъ вздохнула.

— Мама плакала, — продолжала она, широко открывая свои глаза, — и папа былъ видимо тронутъ. Удивительное дѣло, всю-то жизнь готовить въ бракъ, тратятся на приемы и выѣзды, и даже ставятъ свѣчи и молятся, а потомъ, когда удастся, — плачутъ.

Сергѣй Павловичъ сидѣлъ напротивъ, слегка сгорбившись, и блѣдное лицо его казалось еще старше и утомленнѣе.

— Ну, положимъ, ты преувеличиваешь немного, — сказалъ онъ лѣниво, — все было очень хорошо и просто. Именно такъ, какъ я этого желалъ.

Вава потянулась къ нему и передала атласную бопбоньерку, которая была слишкомъ тяжела, и сказала съ гримаской:

— Да, конечно. Но все-таки я довольна, что все кончено. И знаешь, давай теперь всѣмъ говорить, что мы уже женаты... ну, хоть... три мѣсяца? Вотъ только букетъ можетъ выдать насъ, но мы, такъ и быть, забудемъ его въ вагонъ. Хорошо?

И Вава весело разсмѣялась, распустила волосы и стала заплетать ихъ на ночь.

Стройная, съ тонкимъ станомъ, изящной грудью и невиннымъ, дѣвическимъ лицомъ, она тихо покачивалась въ тактъ замедлившему ходъ передъ станціей поѣзду и смотрѣла на Сергѣя Павловича холодными, насмѣшливыми глазами.

— Что же ты молчишь? — сказала она и голось ея дрогнулъ. — Поцѣлуй же меня. Вѣдь теперь все можно, я твоя законная жена, и на долгіе, долгіе годы.

И она вдругъ нервно зарыдала.

III.

Всѣ свадебныя путешествія какъ двѣ капли воды похожи одно на другое, и почти всѣ они очень однообразны, уже потому одному, что отъ нихъ всегда почему-то ждуть очень многого, безразлично ѣдутъ-ли молодые въ Египетъ, или въ деревню Ивановку.

Собственно для Вавы и Сергѣя Павловича, такъ называемый, «медовый мѣсяцъ» окончился еще до свадьбы, когда они постоянно искали случая быть вмѣстѣ, ждали другъ друга на условленномъ мѣстѣ, цѣловались украдкой, бродили по вечерамъ по огромному старому саду и вдоль темной рѣчки, и когда Сергѣй Павловичъ незамѣтно выбирался подь утро изъ комнаты Вавы на общую террасу, стараясь, чтобы не скрипнула дверь.

Теперь все вдругъ окончилось свадьбой и сразу потеряло свою прелесть. Нечего было уже прятаться и бояться. Все было испытано, дозволено и притомъ навсегда, на всю жизнь.

Постоянное бездѣлье, ѣда, сонъ и это освященное обычаемъ одиночество—вдвоемъ наводили скуку и скоро надоѣли.

Въ первое время, нѣкоторое разнообразіе внесли, правда, рассказы Сергѣя Павловича о своей холостой жизни и анекдоты, которыхъ Вавѣ никогда не приходилось слышать раньше. Теперь, къ удивленію своему, она узнала, что существуетъ цѣлая литература этого рода, служащая источникомъ развлеченій и наслажденій для мужчинъ всѣхъ возрастовъ.

Но и это скоро наскучило. Одно изъ двухъ: или Сергѣй Павловичъ рассказывалъ о своемъ прошломъ съ большимъ выборомъ, — или же онъ рассказывалъ слишкомъ неинтересно и скучно. Можетъ быть и то, и другое.

Что же касается анекдотовъ, то Вава хотя и смѣялась вначалѣ короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ, широко открывая свои невинные, сѣрые глаза, но и они очень скоро ей опротивѣли. Все было такъ пошло, грязно и гадко. Неужели Сергѣй Павловичъ могъ находить удовольствіе въ этихъ рассказахъ?

Синее море, южныя краски и звѣздныя ночи обѣщали такъ много и говорили своей красотой и гармоніей, что на свѣтѣ должна быть любовь, поэзія и безумное счастье, за мигъ котораго можно отдать всю жизнь, — и сознание этого мучительно волновало Ваву.

«Рама слишкомъ хороша для картины нашей любви», иронически думала она, и первая заговорила объ отъѣздѣ. Пробывъ двѣ недѣли въ Крыму, молодые вернулись въ Петербургъ, гдѣ на первое время поселились въ гостиницѣ. Надо было устроиваться и подыскивать квартиру. Этимъ, впрочемъ, занималась одна Вава. Утромъ ей приносили изъ конторы объявленій печатные списки съ указаніями квартиръ, и она тотчасъ же послѣ завтрака, когда Сергѣй Павловичъ отправлялся на службу, шла на поиски. Первое время это даже занимало ее, мысль свить свое гнѣздо пріятна каж-

дой женщиной, но она скоро утомилась, особенно когда Сергій Павлович во всемъ старался ограничивать ея начинанія и порывы.

Онъ очень серьезно объяснилъ Вавѣ, что при бюджетѣ въ 7—8 тысячъ можно только очень скромно прожить въ Петербургѣ. Что экипажа держать нельзя, что квартиру надо брать скромную, и вообще во всемъ ограничивать свои желанія, а главное—не выходить изъ бюджета.

Сергій Павловичъ былъ тягучъ и нуденъ, и Вава съ большими нетерпѣнiемъ выслушала его.

— До женитьбы, — сказалъ онъ, между прочимъ, своимъ вялымъ, безстрастнымъ голосомъ, — я жилъ на Офицерской улицѣ во дворѣ, въ пятомъ этажѣ, и держалъ одну прислугу. У меня была квартира изъ двухъ комнатъ съ кухней, и я платилъ за нее 25 рублей въ мѣсяцъ. Но тогда я не былъ женатъ, а это большая разница. Тѣмъ болѣе, — прибавилъ онъ, — надо быть осмотрительнѣе теперь и не бросать денегъ зря. Твои три тысячи вѣдь не Богъ знаетъ что!

Вава слушала и кусала губы. Ей казалось, что она съ высоты воздушнаго шара попала прямо въ мрачное, илистое болото. Она испуганно посмотрѣла на блѣдное и равнодушное лицо Сергiя Павловича и не нашлось ничего отвѣтить ему.

Вѣдь онъ былъ только логиченъ и совершенно правъ.

Квартира отыскалась наконецъ въ одной изъ тихихъ аристократическихъ улицъ, въ громадкомъ домѣ самой новѣйшей архитектуры, со стрѣльчатыми, узкими окнами, похожими на бойницы, съ лѣпными потолками и полутемными, неудобными комнатами. За то подъѣздъ, лѣстница и швейцаръ были великолѣпны. Вообще домъ былъ самый современный. На каждой площадкѣ стояло по велосипеду, а на лѣстницѣ цѣлый день не умолкалъ грохотъ игры на фортепiано, несшійся изо всѣхъ квартиръ. Комнатъ было пять, и всѣ онѣ были темноваты и неуютны. Но дѣлать было нечего. Все, что было лучше и нравилось Вавѣ, стояло гораздо дороже. Надо было также скорѣе устраиваться, потому что Сергiю Павловичу необходимъ былъ, при его занятiяхъ, покой и строго регулярная жизнь.

При покупкѣ мебели и отдѣлкѣ квартиры Вавѣ снова пришлось выслушивать наставленія мужа и сдерживать свои художественныя порывы и желанія. Все было тѣсно, бѣдно и мизерно.

И гостиная съ поэтическимъ безпорядкомъ мягкой мебели, роялемъ, зеркалами и ковромъ, и кретоновая спальня, и крытый кожей кабинетъ, и дубовая столовая—все было очень прилично, — точная копія множества другихъ квартиръ, въ которыхъ потомъ пришлось

бывать Вавѣ. Во всѣхъ комнатахъ не было ничего лишняго, чего-нибудь такого, что бы говорило объ оригинальности вкуса, или наклонностей хозяевъ.

Сергѣй Павловичъ больше всего любилъ порядокъ и аккуратность и строго взыскивалъ за малѣйшее отступленіе съ жены и прислуги. Поэтому всѣ комнаты скоро приняли видъ мертвенный и не жилой.

Когда, наконецъ, все было поставлено, повѣшено и готово, Вава почувствовала большое уныніе и сказала:

— Всякій разъ, когда я представляла себѣ, какъ я устрою свой «home»,—это было совсѣмъ, совсѣмъ ипаче!

Сергѣй Павловичъ вопросительно поднялъ брови и сказалъ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— А чего же ты хотѣла? Что за фантазія! Къ чему онѣ? Эта квартира и обстановка какъ разъ именно то, что намъ нужно, и я не желаю пока ничего лучшаго. И вообще, другъ мой, ты настолько умна, что надѣюсь поймешь, что живость рѣчи, оригинальность и вообще многое изъ того, что ты могла позволить себѣ въ Москвѣ, надо будетъ пока совсѣмъ оставить здѣсь, такъ какъ это не согласуется съ тѣмъ поведеніемъ, какового я желаю, чтобы держалась моя жена, замѣть себѣ это. Я не настолько подвинуть еще по службѣ, чтобы жена моя могла позволить себѣ поступать такъ, какъ ей угодно.

Въ первый разъ Сергѣй Павловичъ выразился такъ ясно и определенно, и Вава, всегда скорая на языкъ, не нашлась, что ему отвѣтить, хотя душа ея была полна негодованія. Но Сергѣй Павловичъ даже не взглянулъ на нее. Онъ спокойно проглотилъ послѣдній кусокъ, методично сложилъ салфетку и, поцѣловавъ руку жены, отправился на службу пѣшкомъ, что дѣлалъ ради моціона.

Вава пошла въ гостиную и, взглянувъ на поэтическую тѣсноту, длинныя зеркала и узкія окна, скупо пропускающія свѣтъ съ улицы, подумала съ горечью: «Готова моя тюрьма!»

Какая разница съ Москвой! Тамъ даже и названіе переулга происходило отъ ихъ фамиліи.

Просторный домъ-особнякъ стоялъ между большимъ дворомъ и хорошенькимъ садомъ, куда выходила терраса, обвитая дикими виноградомъ. Зимой въ саду устраивали катокъ и катанье съ горъ. Весною вокругъ дома благоухала сирень, а въ саду густо цвѣли яблочныя и вишневыя деревья, и Вава и ея сестры носили въ волосахъ блѣдно-розовые цвѣты. Позже зацвѣталъ жасминъ, розы и липовыя деревья, такъ что можно было вообразить себя на дачѣ.

Комнатъ было много. Невысокія, уютныя, съ антресолями, со старинной мебелью и веселыми уголками, гдѣ росли, учились и выравнивались всѣ четыре барышни Ламскія. По вторникамъ были назначенные дни. Въ залѣ танцовали, пѣли, играли въ фанты, гадали на свѣткахъ и ухаживали. Въ угловой диванной и въ кабинетѣ играли въ карты по четырехсотой въ винтъ, и никто не считалъ такую игру недостойной вниманія. Въ гостиной на стѣнахъ рядомъ со старинными, цѣнными картинами висѣли простыя олеографіи. И никто этихъ не смущался. Картина—и все тутъ. Заужиномъ подавали удивительную, необыкновенно вкусную вишневую наливку и домашній квасъ, и это всѣмъ очень нравилось. А главное, всего было много, все было просто, но широко и «по-душамъ», и главное никто не хотѣлъ казаться выше того, чѣмъ онъ былъ. А въ Петербургѣ все было натянуто, узко и часто очень неприятно задѣвало самолюбіе.

Когда все въ домѣ было налажено и устроено, то Вава сдѣлала визиты нѣкоторымъ роднымъ, знакомымъ и сослуживцамъ своего мужа. Сергій Павловичъ строго проконтролировалъ ея туалетъ, а также сказалъ маленькую рѣчь о тѣхъ лицахъ, въ которыхъ предстояло ѣхать. А именно, онъ разсказалъ ихъ краткія біографіи (причемъ нисколько не шадилъ ихъ), включивъ сюда ихъ послужной списокъ, а также сообщилъ, чѣмъ они могутъ быть полезны и какимъ вліяніемъ пользуются. Кроме того, Сергій Павловичъ научилъ Ваву, гдѣ что говорить и въ какомъ духѣ, а также какъ держать себя въ томъ или другомъ домѣ.

Со стороны можно было подумать, что они какъ сообщники приготавливаются идти въ атаку, причемъ старшій и болѣе опытный обучаетъ младшаго и неопытнаго.

— Помни, мой другъ, — сказалъ Сергій Павловичъ въ заключеніе: — помни, что главное въ жизни и свѣтскихъ отношеніяхъ — это выдержка и тактъ, они даже часто замѣняютъ умъ и даютъ возможность съ честью выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній.

Вава лежала на кушеткѣ, смотрѣла въ потолокъ, слушала и звѣдала.

— Ну, нечего сказать, — произнесла она насмѣшливо, — весело у васъ въ Петербургѣ. Славное общество и хорошенькія у тебя знакомыя!

Сергій Павловичъ снисходительно улыбнулся этой ребяческой выходкѣ Вавы и, поцѣловавъ ея руку, продолжалъ:

— Развѣ я виноватъ? Ничего не подѣлаешь. Но все-таки необходимо помнить, что все это люди нужны, съ положеніемъ и

вліяніємъ. Таковыми связями слѣдуетъ дорожить, онѣ могутъ пригодиться въ будущемъ. А это не мѣшаетъ помнить!

Повидимому, Сергѣй Павловичъ болѣе всего боялся оригинальности, живости языка, а также независимости мнѣній своей жены.

— Мой другъ,—говорилъ онъ,—объщай мнѣ, что ты будешь поступать именно такъ, какъ я просилъ тебя, и не захочешь испортить мнѣ отношеній, которыми я дорожу.

И Вава общалась, насмѣшливо кивнувъ головой.

О, она не станетъ портить отношеній! Да и къ чему?

Послѣ визитовъ у Вавы разболѣлась голова и разстроились нервы. Спусти два дня, по желанію мужа, она засѣла дома, ожидая отдачи визитовъ. Погода была хорошая, ей хотѣлось гулять, а потомъ надѣть блузу, передникъ и рисовать, но она должна была чинно сидѣть въ гостиной, съ книгой въ рукахъ и ожидать. Она сердилась, возмущалась, но все-таки сидѣла и ждала.

Когда всѣ визиты были отданы, Ваву очень удивило странное любопытство Сергѣя Павловича и то значеніе, которое онъ придавалъ разнымъ мелочамъ. Такъ, онъ желалъ непременно узнать кто былъ, и когда именно; долго ли пробылъ и о чемъ говорилъ, и что отвѣчала Вава. Тутъ же Сергѣй Павловичъ указалъ женѣ на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя ею въ разговорѣ,—конечно, по незнанію и неопытности,—и строго осудилъ ее.

Но это было еще не все. Надо было дать два обѣда тѣмъ лицамъ, съ которыми обмѣнялись визитами. И это тоже принесло съ собой много хлопотъ и тревоженій для Вавы и множество указаній и поученій со стороны Сергѣя Павловича.

Когда все было строго обдуманно и обсуждено: и меню обѣда, и вина, и закуски, и сервировка стола, а также самое главное, какъ, куда и съ кѣмъ кого посадить, и даже какъ одѣться хозяйкѣ, Вава почувствовала головокруженіе. Придя къ себѣ, она заперлась на ключъ, приняла валеріановыхъ капель и фенацетинъ и, распустивъ волосы, стала читать Бодлера, чтобы дать мыслямъ другое направленіе.

Первый обѣдъ сошелъ не совсѣмъ благополучно, Вава сдѣлала нѣсколько промаховъ въ разговорѣ, за то на второмъ все прошло превосходно, и Сергѣй Павловичъ получилъ много лестныхъ отзывовъ о своей супругѣ отъ лицъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Надо было ѣздить на скучные обѣды, журъ-фиксы и вечера, во время которыхъ слѣдовало поступать во всемъ по указаніямъ Сергѣя Павловича.

На этихъ обѣдахъ и вечерахъ говорилось о назначеніяхъ, на-

градахъ, рескриптахъ и повышеніяхъ, но теперь всё эти разговоры, которые такъ нравились Вавѣ въ Москвѣ, уже не доставляли ей никакого удовольствія. И все время, особенно въ началѣ, у нея было такое чувство, точно она ходитъ по туго натянутому канату, рискуя каждую минуту потерять равновѣсіе.

И Вава вездѣ имѣла успѣхъ, прочный и солидный, именно такой, какого желалъ Сергій Павловичъ. Ее находили въ свѣтѣ, даже въ самыхъ строгихъ домахъ, «très gentille» и даже «très spirituelle». Но отъ этого не было легче. Сергій Павловичъ былъ очень занятъ, и Вава почти все время была одна. Но она не унывала. Въ сущности же она продолжала вести какъ бы свою прежнюю, дѣвичью жизнь.

Она пѣла и рисовала по утрамъ, много гуляла и писала письма къ сестрамъ и подругамъ въ Москву. Вечеромъ, если не надо было ѣхать куда-нибудь, она читала, или бывала въ оперѣ и посѣщала концерты, съ одной пожилой родственницей Сергія Павловича. Мужъ рѣдко сопровождалъ ее. Вкусы его, несмотря на серьезную внѣшность, были самые легкомысленные. Такъ, онъ любилъ циркъ, оперетку, фарсы Михайловскаго театра, да изрѣдка Александринскій театръ, когда игралъ Варламовъ. Такимъ образомъ тихо и незамѣтно проползла зима. Со стороны можно было подумать, что Вава и Сергій Павловичъ женаты уже много лѣтъ, — такъ все шло методично и скучно. Весной Вава вздумала учиться по-итальянски, и потому къ ней два раза въ недѣлю приходила нѣкая дѣвица, похожая на Дузе, и она съ нею читала д'Аннунціо, Матильду Серао и Аду Негри въ подлинникѣ. Кроме того, чтобы занять время, Вава начала брать уроки пѣнія у извѣстнаго профессора. Она, попрежнему, читала очень много и рисовала по утрамъ карандашомъ съ гипса.

Но скоро ей этого показалось мало, и кроме итальянки въ свободные дни, къ ней приходила Miss Mabel, для практики англійскаго языка, а также для того, чтобы гулять вмѣстѣ.

Сергій Павловичъ былъ рѣшительно противъ одинокихъ прогулокъ.

— Я не желаю, — говорилъ онъ, — чтобы жену мою видѣли одну на улицѣ.

Вава подчинилась и этому требованію. Не все ли равно? Вдвоемъ гулять веселѣе, англичанка все-таки что-нибудь болтаетъ.

Сестры писали веселыя письма, и Вавѣ хотѣлось домой. Что-то они всё тамъ подѣлываютъ. Когда она жила съ ними вмѣстѣ, то и не воображала, сколько нѣжности испытывала къ нимъ. Боже мой

сколько тамъ у нихъ смѣха, веселья и самыхъ разнообразныхъ, маленькихъ интересовъ, которые кажутся имъ очень важными и нужными. Мэри влюблена въ Корицкаго, это видно изъ писемъ; Батя была на своемъ первомъ балу, а Иннокентій, должно быть, выросъ, и воюетъ, попржнему, съ своими гувернантками... Хоть бы взглянуть на ихъ жизнь... Гдѣ-то теперь Андриуша? Любитъ ли онъ ее еще? Или забылъ?... Всѣ мужчины на одинъ ладъ... Негодяи, а безъ нихъ скучно!

Время шло быстро, насталъ великій постъ, и Ваву еще сильнѣе потянуло къ своимъ. Неужели она не будетъ во время заутрени въ университетской церкви, а потомъ въ Кремль?

Она говѣла въ Удѣлахъ, гдѣ встрѣчала нѣкоторыхъ изъ нужныхъ и высокопоставленныхъ знакомыхъ Сергѣя Павловича, и тамъ же была у заутрени въ очень простомъ, серьезномъ бѣломъ платьѣ, рядомъ съ мужемъ, только что получившимъ новый знакъ отличія.

Лѣтомъ у Сергѣя Павловича не было отпуска, пришлось жить на дачѣ. И это была все та же тѣсная жизнь, особнякомъ, какъ и въ городѣ. Официальные знакомые всѣ разъѣхались, а близкихъ никого не было. Однимъ изъ житейскихъ правилъ Сергѣя Павловича было никогда не имѣть интимныхъ знакомыхъ. «Это только портитъ отношенія», говорилъ онъ.

Важное утро Сергѣй Павловичъ уѣзжалъ въ городъ, недовольный тѣмъ, что его рано разбудили. Возвращался онъ также большею частью не въ духѣ, обѣдалъ и тотчасъ же ложился отдыхать; и такъ было каждый день.

Бава вставала рано, ходила купаться и, распорядившись по хозяйству, гуляла въ паркѣ, или сидѣла тамъ съ книгой. Она начала также гигантскую работу и, сидя въ дождливые дни на балконѣ, вышивала птицъ, бабочекъ и жучковъ, шелками и золотомъ по атласу, и радовалась, что работа эта притупляетъ мысли и утомляетъ глаза и руки.

Осенью у Сергѣя Павловича стало еще больше работы, а къ Рождеству онъ надѣялся снова получить повышение по службѣ. Его заботило теперь, впрочемъ, одно, а именно, что придворное званіе, которое онъ носилъ, было не совмѣстимо съ ожидаемымъ повыше-ніемъ. Но онъ надѣялся на свои связи и, дѣйствительно, получилъ то, чего желалъ. Съ переѣздомъ въ городъ для Вавы началась та же прошлогодняя жизнь. Теперь она уже не дѣлала никакихъ ошибокъ и держала себя съ замѣчательнымъ тактомъ и выдержкой. Она превосходно знала также, что отъ кого можно ожидать и на что надѣяться, и держала себя сообразно этому.

Но ее взглядъ на людей странно измѣнился. Прежде она раздѣляла людей на интересныхъ и безразличныхъ, какъ раздѣляла ихъ на молодыхъ и старыхъ. Теперь люди были: «нужные» и «не нужные». Нужныхъ людей было меньшинство. Благодаря ихъ связи и положенію, ими надо было дорожить и поддерживать съ ними дружескія отношенія. Остальное большинство — это были люди не нужные. Съ ними нечего было церемониться, и ихъ можно было просто не узнавать при встрѣчахъ. Вава называла ихъ «мелочью», а Сергій Павловичъ въ откровенныя минуты — просто «мусоромъ». Прежде Вава предпочитала однихъ людей передъ другими за какое нибудь нравственное или физическое преимущество, напримѣръ: за умъ, талантъ, красоту. Теперь нужными и интересными оказывались люди, не обладавшіе часто никакими личными достоинствами, очень часто тупые и отстаые по вкусамъ и понятіямъ.

Точно также Вава измѣнила теперь свой взглядъ на отношенія людей къ себѣ самой. Прежде, когда за ней ухаживали или влюблялись въ нее, она вѣрила, что нравятся своими личными качествами: хорошенькимъ лицомъ, умомъ, голосомъ. Теперь она уже не могла быть увѣрена въ этомъ и склонна была думать, что къ ней относятся такъ, а не иначе, благодаря служебному положенію Сергія Павловича. И она смотрѣла на взаимныя отношенія людей предубѣжденными глазами.

Въ томъ скучномъ, замкнутомъ и высокопоставленномъ кругу, гдѣ бывала Вава, про нее иначе теперь и не говорили, какъ «*c'est une femme charmante*». А это что-нибудь да значило! И Сергій Павловичъ былъ гордъ и доволенъ.

Вообще онъ былъ радъ, что не ошибся и что Вава оказалась именно такою женой, какая была ему нужна. Онъ радовался также и тому, что Вава такъ скоро «обошлась», оставила всѣ свои дѣвичьи фанабери и позволила выдрессировать себя.

Въ Рождеству Вава окончила новую прелестную работу, которая была выставлена на выставкѣ поощренія женскаго труда. Вава сдѣлалась членомъ этого общества, и даже дежурила раза три у колеса безпроигрышной лотереи въ пользу Краснаго Креста. Дамы-членши этого общества были всѣ чопорно-любезны съ нею, потому что, вѣроятно, знали о блестящемъ положеніи, котораго добивался и понемногу достигалъ Сергій Павловичъ, но Вава жестоко скучала и дала себѣ слово не записываться впредь въ члены какого-либо общества.

Письма сестеръ развлекали ее, и ей сильно хотѣлось домой. Но

увхать такъ, среди года, было неудобно, и она сама понимала это. Что скажутъ и что еще подумаютъ!

Но такъ какъ все-таки было много свободного времени, то Вава по-прежнему старалась убивать каждую минуту и усерднѣе прежняго придумывала себѣ разные занятія. Она прекратила уроки пѣнія, но за то серьезно занялась живописью. Заслуженный профессор академій, съ громкимъ именемъ, пріѣзжалъ къ ней два раза въ недѣлю и однимъ взмахомъ кисти одухотворялъ ея этюды. А она думала, что дѣлаетъ успѣхи, и радовалась.

IV.

На Пасху она поѣхала къ своимъ и, поживъ съ недѣлю въ прежней обстановкѣ, почувствовала себя такъ, какъ будто у нея выросли крылья.

Неужели она замужемъ? Неужели живетъ въ узкомъ, темномъ и гадкомъ Петербургѣ? Неужели должна принимать «нужныхъ людей», а въ остальное время выискивать и выдумывать, чѣмъ бы занять умъ и руки?

Когда Вава пріѣхала, ей очень обрадовались. Сестры непрерывно цѣловали, тормошили, ахали и жадно разглядывали ее, и всѣ единодушно рѣшили, что она очень похорошѣла. Стала совсѣмъ другая, — ну, однимъ словомъ, настоящая петербургская *grande dame*.

Мать Вавы, игравшая цѣлый день въ карты съ постоянными партнерами, оглядѣла опытнымъ взглядомъ изящную фигуру дочери и многозначительно сжала губы.

— А баби? — необдуманно выпалила Инночка, самая младшая сестра, которую отецъ, да и вся семья звали Инноцентіемъ, потому что, когда она родилась, ждали сына. — Гдѣ у васъ баби? Эхъ, вы, стояло жениться, нечего сказать!

Инноцентій еще держалась того мнѣнія, что выходить замужь для того, чтобъ имѣть дѣтей и заниматься съ ними.

— Баби не будетъ, должно быть, — сказала Вава, улыбаясь, — ужъ не сердись, Иннокеній! Я — пустоцвѣтъ, моя крошка, — и она, напѣвая, ушла въ залу, чтобы показать Мэри привезенные съ собою новые романы.

Мать Вавы посмотрѣла ей вслѣдъ, покачала головой и ничего не сказала. Странныя теперь настали времена. Дѣтей почти ни у кого нѣтъ... Какая ужъ тутъ семья и семейное счастье!...

Вавѣ было хорошо. Знакомая, милая жизнь обняла ее со всѣхъ

сторонѣ, какъ теплая, нѣжная ванна. Сестра Мэри была невѣстой того самаго Борицкаго, который раньше тщетно ухаживалъ за Вавой. И хотя Борицкій былъ просто помѣщикъ и, не обладая никакими выдающимися качествами, могъ доставить своей женѣ только самую сѣренькую жизнь, — Мэри такъ и сияла отъ счастья. Иннокентій увѣряла даже, что видитъ «лучи».

Въ домѣ было шумно, весело и пахло счастьемъ. Весна была ранняя, такъ что къ концу Святой на березкахъ въ саду уже стали разворачиваться клейкіе, зеленые листики. Земля была влажная, солнце ярко свѣтило и грѣло, и Вава чувствовала себя молодой, жизнерадостной и красивой. За ней много ухаживали, но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Петербургѣ, и это смѣшило и радовало ее. Она встрѣтилась также съ Андрюшей Ламскимъ, дальнимъ родственникомъ и однофамильцемъ, въ котораго была «влюблена сердцемъ» до своего замужества.

Этотъ Андрюша былъ молодой человѣкъ, какихъ специально производитъ одна Москва. Онъ гдѣ-то служилъ, но ни отъ кого не скрывалъ, что дѣла его очень плохи. Огромное состояніе было прокучено еще дѣдомъ и докончено отцомъ. Андрюшѣ оставался заложенный домъ съ огромнымъ гербомъ, но со ржавою крышей, и тысячь тридцать денегъ, которыя онъ и проживалъ, не мудрствуя лукаво, надѣясь въ послѣдствіи поправить дѣла выгодною женитьбой. «Конечно, скверно жениться изъ-за денегъ, — рассуждалъ онъ, — но вѣдь жить безъ денегъ гораздо хуже». Вообще Андрюша былъ фаталистъ и дилетантъ. Онъ любилъ всѣ искусства: музыку, живопись, театръ и литературу. Еслибъ у него были деньги, то изъ него непременно вышелъ бы грандіозный меценатъ, какимъ былъ дѣдъ его, знаменитый Илларионъ Ламской. Но такъ какъ денегъ не было и меценатствовать было нельзя, то Андрюша лично отдавалъ дань всѣмъ искусствамъ.

Онъ импровизировалъ очень недурно на фортепіано, и хотя ему, конечно, не доставало школы, но за то онъ былъ своимъ человѣкомъ въ музыкальномъ мірѣ. Лавры Мейсонье не давали ему покоя, и онъ писалъ масляными красками микроскопическія картинки и дѣлалъ иногда довольно удачныя копіи. Андрюша дружилъ съ артистами Малаго театра, самъ нерѣдко участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и даже пользовался извѣстностью на этомъ поприщѣ. Онъ писалъ недурные стихи, которые, правда, напоминали не то Апухтина, не то Мюссе, но печатались въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ у Андрюши были связи и въ литературномъ мірѣ. Родныхъ, пріятелей и знакомыхъ у него

было пол-Москвы, и вездѣ его любили, баловали и ласкали. И наружность у него была родовитого, избалованнаго барича. Говорилъ онъ лѣниво, постоянно щуря близорукіе темно-каріе глаза. Движенія его были изнѣженныя и походка съ развальцемъ, и Вава шута называла его «Обломовымъ». Онъ сильно правился ей, но она ненавидѣла себя за эту слабость и потому изводила его насмѣшками. Разъ не то изъ каприза, не то изъ желанія пооригинальничать Вава согласилась ужинать съ нимъ вдвоемъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, гдѣ они оба все время вели себя такъ же сдержанно и примѣрно, какъ будто бы присутствовали на официальномъ приемѣ. Замужество Вавы глубоко оскорбило Андриюшу и доказало ему, какъ онъ ничтоженъ въ ея глазахъ и чего она хочетъ отъ жизни.

Когда они случайно встрѣтились теперь, его полное лицо слегка измѣнилось, но, быстро овладѣвъ собой, онъ подошелъ къ Вавѣ. Цѣлуя кончики ея пальцевъ, онъ проговорилъ:

— Ma cousine, я благоговѣю, теперь вы— «жена цезаря» и этимъ все сказано.

Вава разсмѣялась, а потомъ задумалась.

Жена цезаря!

Да, жена маленькаго цезаря одного изъ петербургскихъ министерствъ... Андриюша, самъ того не понимая, попалъ очень мѣтко. Но какая иронія въ этомъ названіи, какая насмѣшка!

Жена римскаго цезаря была выше подозрѣній и могла дѣлать все, что ей угодно. За то жена современнаго цезаря обязана зорко слѣдить за всѣми своими поступками и чувствовать всю тяжесть своего высокаго положенія. Времена и взгляды перемѣнились...

Во время этой единственной встрѣчи съ Вавой Андриюша былъ очень сдержанъ, холоденъ и ни слова не сказалъ о прошломъ. Вава его больше не видала. Ей сказали, что онъ уѣхалъ въ деревню, и она была недовольна и зла. «Какая глупость эта, такъ-называемая, «мужская гордость!»—думала она съ досадой.

Вава пробыла еще двѣ недѣли. Она осталась бы еще дольше, но отецъ и мать находили, что разлучаться съ мужемъ на болѣе долгій срокъ неудобно.

— Но, увѣрю васъ, мамà,—говорила Вава взволнованнымъ голосомъ,—увѣрю васъ, что я ему вовсе не нужна... Онъ такъ занятъ, что я ему только мѣшаю. Да наконецъ и вижу я его только за завтракомъ и въ шесть часовъ, за обѣдомъ. Согласитесь, что это немного.

Мамà на минуту воззрилась съ испугомъ въ лицо Вавы. Она подозрѣвала, что дочь не особенно счастлива съ этимъ «сухаремъ»,

какъ она давно уже мысленно обрестила зятя. Но, какъ бывалая, осторожная женщина, она боялась разспрашивать и тѣмъ, можетъ быть, раздуть едва намѣчавшееся несогласіе.

— Ну, ты преувеличиваешь, Варенька, — сказала она, избѣгая смотрѣть въ глаза дочери. — Всѣ мужчины заняты, и это еще слава Богу, а то бы они одурѣли совсѣмъ. А твой мужъ дѣлаетъ карьеру, и это надо цѣнить... Повѣрь матери, ты только ему повредить можешь, если станешь такъ развѣзжать... Ты знаешь Москву... Надо и о сестрахъ подумать... Сейчасъ что-нибудь нащелтутъ...

Вава немного поблѣднѣла. Лицо ея стало печально, но она гордо подняла голову и ничего не сказала.

Передъ отъѣздомъ Вава очень просила отпустить съ ней Иннокентія хоть на недѣлю погостить, но ей и этого не разрѣшили. «Иннокентію надо учиться, — сказалъ отецъ, — а у тебя она въ копецъ избалуется». И Вава уѣхала одна.

Сергѣй Павловичъ явился встрѣтить жену на вокзалѣ такой величественный, спокойный, настоящій петербургскій цезарь изъ молодыхъ, да ранній. Онъ поцѣловалъ руку Вавы и освѣдомился, какъ она провела ночь. Потомъ онъ отвезъ ее домой въ каретѣ, рассказывая дорогой, какія существенныя перемѣны произошли во время ея отсутствія въ канцеляріи. Впрочемъ, онъ тотчасъ же долженъ былъ проститься съ Вавой, такъ какъ торопился на службу.

Вава машинально обошла всѣ комнаты, и ей пришли въ голову все тѣ же слова: «Вотъ она, моя тюрьма». Знакомые предметы: зеркала, картины, рояль и мебель стояли все на тѣхъ же мѣстахъ какъ она оставила ихъ, и говорили о скучныхъ дняхъ и длинныхъ, томительныхъ вечерахъ. Все то же, то же, то же! Никакой перемѣны... И какъ все тускло, темно и скучно... Вава распорядилась по хозяйству и заказала обѣдъ. Потомъ она вернулась въ спальню, легла на кровать и пролежала такъ весь день. Она не спала, но ее мучила неотступная, навязчивая мысль: Неужели всегда, всегда такъ будетъ? Изъ дня въ день? Безъ жизни, безъ перемѣны, безъ счастья? Такъ до самой могилы?

У.

Снова потянулся рядъ тусклыхъ, однообразныхъ дней и все пошло по-старому, по разъ навсегда отлитой формѣ, и такъ, какъ было всего удобнѣе для Сергѣя Павловича и его службы.

Вава старалась вставать позднѣе. День все-таки тогда казался покороче, но это ей не всегда удавалось. Иногда же вовсе не хо-

тѣлось вставать и начинать все то же. А между тѣмъ жизнь была въ ней ключомъ, и удовлетворить эту жажду жизни было нечѣмъ.

Сергѣй Павловичъ всегда вставалъ поздно. Первый разъ его будили въ одиннадцать часовъ, но окончательно проснулся онъ только къ 12-ти. Тогда онъ вставалъ блѣдный, апатичный, едва ворочая языкомъ, совершалъ свой туалетъ, завтракалъ и отправлялся на службу. Возвращался онъ къ шести часамъ, голодный и утомленный. Обѣдалъ и ложился отдыхать. Иногда, когда не было засѣданія или какой-нибудь комиссiи, онъ такъ и спалъ весь вечеръ. И Вава все время была одна. А когда Сергѣй Павловичъ вставалъ, то Вава шла спать.

Ночью Сергѣй Павловичъ занимался. Тогда онъ жилъ лихорадочной жизнью, писалъ талантливые журналы, постановленія и опредѣленія, читалъ книги и газеты, выкуривалъ множество папирсъ и засыпалъ часа въ четыре или пять утра. Онъ такъ привыкъ къ этому режиму, что уже не могъ жить иначе. Поэтому съ перваго же дня по устройствѣ въ Петербургѣ Вава и Сергѣй Павловичъ нашли всего удобнѣе каждому имѣть свою спальню, чтобы не стѣснять другъ друга.

— Мы съ тобой, какъ солнце и мѣсяцъ, — сказала какъ-то Вава; — когда ты ложишься, я встаю!

Лѣто прошло такъ же скучно и уныло, какъ и предыдущее, и хотя жили не въ Царскомъ, а въ Финляндiи, разницы отъ этого не было никакой. А по возвращенiи въ городъ снова потянулись тѣ же однообразные дни, похожіе другъ на друга, какъ старые, стертые двугривенные.

Хорошо выдрессированная прислуга была исправна. Все дѣлалось и подавалось по часамъ, и домашняя машина шла какъ по маслу, каждый день повторяя то же самое. Порядокъ былъ самый образцовый, такой, какого требовалъ Сергѣй Павловичъ во всемъ и ото всѣхъ. Снова были взыты нужнымъ людямъ, званые обѣды и скучные, натянутые вечера. Изрѣдка ѣздили въ театръ, но Вава не любила этихъ выѣздовъ, — они утомляли ее. Къ тому же Сергѣй Павловичъ бывалъ всегда слишкомъ нервозенъ, такъ какъ лишался послѣобѣденнаго сна. Онъ начиналъ бранить игру актеровъ и сердиться на жену изъ-за всякаго пустяка. А на другой день ему уже было гораздо труднѣе вставать утромъ.

Поэтому Вава старалась отклонять рѣдкія предложенія Сергѣя Павловича ѣхать въ театръ.

Одѣтая въ свободное, домашнее платье, она читала, запершись въ своей комнатѣ, или играла цѣлыми часами на рояли.

Музыка и чтение для множества женщин—тотъ же гашишъ. Это занимаетъ время, будитъ и развиваетъ мечтательность, успокоиваетъ, развлекаетъ, а также слегка разстраиваетъ нервы. Иногда Вава думала о томъ, что бы она стала дѣлать безъ книгъ и безъ музыки? Мало-того, что стали-бы дѣлать множество праздныхъ, неудовлетворенныхъ и неуравновѣшанныхъ женщинъ, еслибъ къ ихъ услугамъ не было романовъ и фортепiano.

Жизнь такъ скупа и удовлетворяетъ не многихъ.

Такъ протекали дни за днями—безцвѣтные и безвкусные какъ вода.

Теперь художественныя гигантскія работы были заброшены,—онѣ слишкомъ надѣли. Уроки рисованія, языковъ и пѣнія были тоже оставлены. Чтобы работать и учиться, необходимо добиваться какой-нибудь цѣли—заниматься чѣмъ-нибудь безъ всякаго стимула скучно и неинтересно. Пѣть было трудно, потому что горло сжималось очень часто безо всякой причины, и тамъ стоялъ точно какой-то кусокъ, и дыханіе точно останавливалось въ груди. Хотя это было очень неприятно, но Вава сначала не обращала никакого вниманія.

— Сержъ, знаешь, я страдаю, кажется, астмой,—сказала она, какъ-то смѣясь за обѣдомъ.—Право же, увѣрю тебя. Дыханіе останавливается вотъ здѣсь и ужасно тяжело!...

Сергѣй Павловичъ взглянулъ на нее разсѣяннo, очевидно, думая о другомъ, потомъ пожалъ плечами и сказалъ спокойно:

— Какія глупости, не выдумывай пожалуйста! Астма бываетъ только у стариковъ.

Но маленькія недомоганія все увеличивались; мало того, все рождались новыя и новыя. Сонъ сталъ очень капризенъ и неправиленъ, потомъ совсѣмъ исчезъ аппетитъ. Противно было не только ѣсть, но даже думать о гушаньяхъ, когда приходилось заказывать обѣдъ. Потомъ начались головокруженія, невыносимая тоска по утрамъ, сердцебиенія и несвязныя мысли о томъ, что жить не стоитъ, и страхъ смерти.

Боязнь внезапно умереть была такъ велика, что Вава, выходя изъ дому, всегда брала съ собою визитную карточку съ самымъ точнымъ, подробнымъ адресомъ, для того, чтобы знали куда отвезти ее... Свои недомоганія Вава тщательно скрывала ото всѣхъ, боролась съ ними сколько хватало силъ и старалась не поддаваться имъ. Сидя въ своей комнатѣ длинными вечерами, она иногда вспоминала свои смѣлыя, дѣвичьи мечты, свое полное незнаніе жизни и людей,—а также многія свои неосторожныя слова, значе-

не которыхъ она не всегда хорошо понимала, и на лицѣ ея тогда бродила жалкая улыбка. Какая она была тогда живая, рѣшительная и смѣлая! Какъ многого ждала отъ жизни и какъ горько раскандалась теперь...

Вава ничего не сказала мужу, но отправилась въ пріемные часы къ извѣстному профессору по нервнымъ болѣзнямъ.

Въ большой, красивой гостиной было уже нѣсколько человекъ и почти на всѣхъ лицахъ было написано равнодушіе и покорность судьбѣ. И всѣ поглядывали другъ на друга съ недоверіемъ, видимо подозрѣвая въ каждомъ изъ присутствующихъ душевно-больного; кто знаетъ, можетъ быть, и буйнаго? Шурша шелковыми юбками, вошли двѣ красивыя, молодыя дамы на видъ такія цвѣтущія и здоровыя, что Вава невольно удивилась и не понимала, отъ чего бы онѣ могли лѣчиться?

— *Des détraquées, quoi!* — подумала она презрительно, но тутъ же спохватилась. — А я-то сама? А я зачѣмъ здѣсь?

И ей стало обидно и досадно до слезъ.

Сидя потомъ въ роскошномъ кабинетѣ психіатра, Вавѣ казалось, что знаменитость видитъ ее насквозь. Мало того, даже под-сказываетъ ей о тѣхъ болѣзненныхъ симптомахъ, какіе она ощущала, точно сразу понявъ, чѣмъ и отчего она страдала.

И Вава не ошиблась. Профессоръ видѣлъ ее насквозь. Лицо его выражало утомленіе и сочувствіе. Онъ дѣлалъ короткіе вопросы, опредѣленные какъ удары ножа, и что-то быстро записывалъ въ памятную книгу, которую держалъ у себя на колѣняхъ, прислонивъ ее къ письменному столу. Потомъ онъ заговорилъ, — выражаясь сжато и опредѣленно, точно отдавая короткія приказанія. Да, онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло. И то сказать, сколько ему пришлось уже видѣть за свою долготѣнную практику, современныхъ женщинъ, у которыхъ, казалось, все было для счастья, а между тѣмъ онѣ искренно страдали. Не могъ же онъ сказать имъ: «Надо въ корень измѣнить вашу жизнь, которая уродлива и ненормальна. Надо измѣнить общество, людей, законы нравственности и справедливости. Все!» Точно также какъ онъ не могъ сказать теперь Вавѣ: «Вы больны и несчастны потому, что ваша жизнь не удовлетворяетъ васъ. Вы переутомлены одиночествомъ, обстановкой, мужемъ и вообще всѣмъ, что васъ окружаетъ. И потому оставьте эту жизнь, этого мужа и чтобы все было новое. Любите, имѣйте дѣтей, живите нормально, и все будетъ иначе. Вы выздоровѣете».

Но такъ какъ профессоръ не могъ сказать всего этого от-

кровенно (да это ни къ чему бы и не послужило), то онъ только прописалъ бромъ, холодныя обтиранія, прогулки и развлечения. Кроме того, онъ рекомендовалъ поѣздку за границу на продолжительное время. Эта поѣздка, безъ сомнѣнія, могла тоже принести свою долю пользы.

VI.

Весну и лѣто Вава провела за границей, въ Франценсбадѣ, Виши и потомъ на морскихъ купаньяхъ. Она поправилась, окрепла и, благодаря приѣмамъ бромистыхъ препаратовъ, испытывала какое-то спокойное, безразличное состояніе, которое было довольно пріятно.

Осенью прямо изъ-за границы она проѣхала въ имѣніе молодыхъ Борицкихъ, гдѣ все лѣто гостили отецъ съ матерью и младшія сестры.

Мэри еще не совсѣмъ оправилась отъ родовъ, но была очень счастлива. Объ этомъ не нужно было говорить, такъ какъ полнота счастья чувствовалась во всемъ, въ воздухѣ, въ мелочахъ, видѣлась на лицахъ гостей и прислуги. Сидя въ залитой осеннимъ солнцемъ спальнѣ и смотря, какъ Мэри, похожая на мадонну, томная и гордая, кормила своего бѣби, Вавѣ приходили въ голову мысли, никогда не приходившія ей прежде.

— Мама, — сказала она какъ-то матери, — вотъ теперь Мэри приготовила себѣ вторую жизнь, а для васъ начнется третья. И вы обѣ будете все переживать съ начала — и дѣтство, и первые шаги, и первые зубки, и первые слова. Развѣ это не чудесно? А потомъ ученье, а потомъ ранняя юность, свѣжесть первыхъ впечатлѣній, любовь, замужство... Какъ все мудро устроено, и какъ это я никогда не думала объ этомъ. И ничего этого у меня нѣтъ, да, вѣроятно, и не будетъ...

«Теперь для Мэри жизнь полна интереса, у нея есть будущее и ей не страшна утрата молодости и личной жизни, — думала Вава. — Да, надо стремиться исполнить въ жизни все, что слѣдуетъ по рутинѣ, иначе природа жестоко отомститъ впоследствии». И Вавѣ казалось, что эта месть уже началась для нее.

Когда она вернулась въ Петербургъ, то въ первый же день она вошла въ кабинетъ мужа и сказала просто:

— Я хочу ребенка! — и она пояснила: — Жизнь безъ цѣли утомила ее, она все одна и не особенно счастлива. А когда придетъ молодость... Что тогда? Чѣмъ жить и для чего?

Сергій Павловичъ слушалъ ее съ забавнымъ изумленіемъ приподнявъ брови: «Развѣ она одинока? Развѣ несчастлива»?—мысль эта никогда не приходила ему въ голову.

— Но, вѣдь, ты же сама,—сказалъ онъ скептически,—вѣдь ты сама ставила еще невѣстей условіемъ, чтобы не было дѣтей... Конечно, я не послушался тебя, въ этомъ ты можешь быть увѣрена... и несмотря на это дѣтей у насъ все-таки нѣтъ... А qui la faute? Право, ты должна быть только довольна. А... впрочемъ, посоветуйся съ докторомъ.

Сергій Павловичъ замолкъ, и Вава, взглянувъ на него, убѣдилась, что онъ очень усталъ и хочетъ спать. Она безшумно выскользнула изъ кабинета и, притворивъ по дорогѣ всѣ двери и спустивъ драпировки, стала ходить взадъ и впередъ по гостиной. Теперь она догадывалась, какой совѣтъ могъ бы ей дать знаменитый психіатръ. А такъ какъ она, подобно многимъ женщинамъ, любила искать примѣровъ въ литературѣ, по отношенію къ себѣ и своей жизни, — то она вдругъ вспомнила одно изъ остроумнѣйшихъ предисловіи къ театру Александра Дюма.

Тамъ, гдѣ онъ говорилъ, что для женщины, не нашедшей личнаго счастья въ замужствѣ, существуютъ три исхода. А именно: ребенокъ, любовникъ и Богъ; то-есть любовь материнская, любовь земная и любовь духовная... И Вава долго ходила по гостиной и думала, думала.

Потомъ она открыла фортепіано и заиграла Andante лунной сонаты, которое такъ хорошо игралъ Андриуша Ламской и которое напоминало ей Москву.

VII.

Въ Рождеству Сергій Павловичъ получилъ новое назначеніе, и придворное званіе, дававшее Вавѣ права пріѣзда ко двору.

Все шло прекрасно, и Вава казалась вполне довольной. Мужъ ее блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ ея ожиданія. Успѣхъ имѣть магическое свойство гипнотизировать, и побѣдителей не судятъ. Нерѣдко Вава сама заглядывала теперь въ *Правительственный Вѣстникъ*, интересуясь наградами и производствами.

Бюджетъ теперь настолько увеличился, что Сергій Павловичъ самъ предложилъ женѣ перемѣнить квартиру, обстановку и вообще весь строй жизни.

— Теперь ты, пожалуй, разрѣшилъ бы мнѣ даже быть живой и оригинальной,—подумала Вава съ горечью,—да жаль: это уже невозможно!

Вообще, многое измѣнилось къ лучшему въ смыслѣ удобства и разнообразія жизни. Вава проводила время шумно и весело, и домъ ея уже не казался ей тюрьмою.

Здоровье было хорошо, нервы, повидимому, окрѣпли и только въ большихъ сѣровато-голубыхъ глазахъ появилось ужь слишкомъ холодное, равнодушное выраженіе.

Послѣ своей заграничной поѣздки Вава даже похорошѣла, — это было общее мнѣніе.

Она сдѣлалась еще изящнѣе, женственнѣе и обаятельнѣе и высматривала совсѣмъ молоденькой женщиной, со своей тонкой таліей и хорошенькимъ, нѣжнымъ лицомъ. Нерѣдко въ магазинахъ, гдѣ ее не знали, ее называли «барышней» и «mademoiselle», и это смѣшило ее.

Между тѣмъ Сергѣй Павловичъ, вслѣдствіе условій своей жизни и усиленныхъ занятій, быстро старѣлся, горбился и лишился волосъ и аппетита. Вава хорошѣла, чувствовала свою силу и ждала. Чего? Она сама хорошенько не знала. Но вмѣстѣ съ выздоровленіемъ у нея явилась увѣренность въ томъ, что жизнь готовить ей еще кое-что впереди. И надежда эта теплилась въ ея душѣ и давала ей желаніе жить.

VIII.

Въ большой полутемной столовой съ массивнымъ рѣзнымъ буфетомъ и тяжелой бронзовой лампой кончали обѣдать.

Вава облокотилась руками на столъ и внимательно слѣдила за обоими мужчинами, точно сравнивая ихъ.

Противъ нея сидѣлъ Сергѣй Павловичъ. Свѣтъ лампы обливалъ его сухую, немного сгорбленную фигуру и начинающую сильно лысѣть голову. Онъ сосредоточенно и очень серьезно чистилъ мандаринъ, методично раздѣляя его на части.

— Онъ далеко пойдетъ, — говорилъ Сергѣй Павловичъ про кого-то изъ общихъ знакомыхъ. — Я предсказываю, что онъ пойдетъ далеко, — такіе люди намъ нужны.

И Вава внутренне смѣялась:

«Боже мой, какъ важно! Намъ. Кому намъ? Россіи? Отчеству? Государству?... Выражается, точно въ манифестъ...»

Но ей стало еще веселѣе, когда она взглянула на Андрюшу, на его открытое, жизнерадостное лицо, съ нѣжными, какъ у женщины, глазами. — Какой контрастъ!

Вотъ кто просто разрѣшаетъ задачу жизни, не вдаваясь въ крайности и не мучая ни себя, ни другихъ.

Пріѣхалъ онъ обѣдать въ смокингъ и бѣломъ жилетѣ на московскій лады, и это очень шло къ нему; между тѣмъ какъ Сергій Павловичъ даже у себя дома былъ въ сюртугѣ. И Вава казалось, что въ темныхъ зрачкахъ Андриуши вспыхивали ироническія искорки, когда онъ смотрѣлъ на Сергія Павловича.

Послѣ кофе Вава позволила курить, но уже десять минутъ спустя Сергій Павловичъ всталъ со своего мѣста извиняясь. Ему надо было ѣхать къ военному министру, который въ прошломъ за сѣданіи остался при особомъ мнѣніи, и показать ему для подписи свой журналъ.

— Надѣюсь, Андрей Петровичъ, вы простите меня, — сказалъ онъ, — къ сожалѣнію, мы не всегда принадлежимъ себѣ.

Потомъ, уже переодѣтый во фракъ, со скроинною брошью микроскопическихъ орденовъ, онъ зашелъ еще разъ въ гостиную, поцѣловалъ руку жены и сухо-любезно простился съ Андришей, пустыннѣмъ московскимъ дворянчикомъ, по его мнѣнію, который велъ себя не достаточно сдержанно и почтительно въ его, цезаря, присутствіи.

«Ну, да Вава, какъ умная женщина, сумѣетъ его поставить на мѣсто, — думалъ Сергій Павловичъ уже сидя въ каретѣ. — Надо будетъ также непременно представить графинѣ этого медвѣдя, вѣдь онъ недавно получилъ большое наслѣдство, — Вава что-то говорила объ этомъ. Для благотворительныхъ учрежденій такіе люди — владѣ. Графиня будетъ довольна». — И въ воображеніи цезаря Андриуша мгновенно превратился въ «нужнаго» человѣка.

— *Ma petite cousine*, — говорилъ между тѣмъ Андриуша Ламской, — неужели «онъ» у васъ всегда такой?... Я не женщина, но, ей-Богу, мнѣ стало тяжело и захотѣлось выпрыгнуть въ окно.

Вава разсѣянно кивнула головой и повела Андриушу въ свою комнату. Тамъ горѣла большая лампа, подъ свѣтло-желтымъ абажуромъ, стоялъ рояль, было много цвѣтовъ, книгъ и журналовъ, — а на мольбертѣ начатый этюдъ углемъ. Здѣсь было тепло, свѣтло и уютно, а главное не было того строгаго мертвящаго порядка, какъ во всѣхъ остальныхъ комнатахъ. Вава устроила себѣ этотъ уголокъ, вернувшись изъ-за границы, и любила проводить здѣсь все свободное время. Прислугѣ было приказано никого не вводить сюда изъ постороннихъ и самой никогда безъ звонка не являться.

Вава усѣлась съ ногами на широкій диванъ и прислонилась головой къ подушкамъ, въ позѣ усталаго человѣка.

— Какъ здѣсь у васъ хорошо, Вава, — говорилъ Андриуша, ходя большими шагами по комнатѣ. — И вы здѣсь совсѣмъ другая,

милая и прежняя, Вава до замужства... Знаете, — продолжалъ онъ, — всё слова кажутся мнѣ такими ничтожными, такими слабыми, чтобы выразить то, что я чувствую... Всё эти годы я любилъ васъ одну и не могъ забыть, хотя зналъ, что вы для меня потеряны... Не отталкивайте же меня теперь, умоляю васъ, я право очень несчастенъ.

И хотя жизнерадостная наружность Андрюши, его бѣлый жилетъ, изящный смокингъ и не совсѣмъ гармонировали съ этимъ признаніемъ, Вава чувствовала, что онъ былъ искрененъ.

Но она молчала. Лицо ея было блѣдно и равнодушно и вся она походила на изящную парижскую куклу, безъ мысли и выраженія застывшую въ небрежной усталой позѣ.

«Разсердилась. Сейчас прогнать... Боже мой, что дѣлать», — думалъ Андрюша, чувствуя, какъ у него холодѣютъ руки.

— Сыграйте что-нибудь, — сказала Вава, — я давно не слышала, какъ вы играете... Сыграйте *Andante* той сонаты... Вы его недурно играли.

Андрюша послушно подошелъ къ рояли и заигралъ. А она лежала, закрывъ глаза, и думала о томъ, какъ скупа и несправедлива была къ ней судьба, и какъ хорошо было бы умереть поскорѣе, съ тѣмъ, чтобы возродиться вновь въ какомъ-нибудь сильномъ, здоровомъ и счастливомъ существѣ, для того, чтобы узнать наконецъ, что такое настоящая, полная жизнь. Андрюша кончилъ сонату и заигралъ «*Consolation*» Листа, а потому что-то свое, очень грустное и мечтательное, все состоящее какъ бы изъ длинной цѣпи мучительныхъ, ничѣмъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. И музыка эта волновала Ваву.

Вспомнились ей лунные вечера въ Ялтѣ и за границей, когда природа общала такъ много, а жизнь оказывалась такой скудной и бѣдной... Вспомнились долгиe годы, прожитые безъ радости, длинные дни, томительные вечера и бессонныя ночи, и та жажда жизни, которую она топила въ никому ненужныхъ занятіяхъ и работахъ.

Руки Андрюши нѣжно скользили по клавишамъ и бередили ея усталую душу. Ей хотѣлось, сбросивъ съ себя старый гнетъ, стать снова прежнею Вавой. Ей хотѣлось жаловаться, плакать и любить.

Андрюша кончилъ играть, съ шумомъ отодвинулъ табуретъ и снова заговорилъ о своей любви. Говорилъ онъ горячо и увлечательно, но Вава слушала его равнодушно и молчала.

— Зачѣмъ онъ пересталъ играть? — думала она съ досадой.

Видя ея недовольство, Андрюша заговорилъ о другомъ.

— Сергѣй Павловичъ, — сказалъ онъ, — подалъ мнѣ надежду,

что я могу быть причисленъ къ канцеляріи... Что вы объ этомъ думаете, Вава?

— Я думаю, — медленно проговорила она, — я думаю о всѣмъ другомъ! Еслибъ вы знали только, какъ пусто и уныло у меня сейчасъ на душѣ, — вы испугались бы и ушли бы поскорѣй. Вотъ, вы говорите мнѣ о любви, а я слушаю васъ спокойно, какъ соловья или пѣвца въ оперѣ. Между тѣмъ я еще не старуха, вы тоже молоды, вы интересны и когда-то очень нравились мнѣ; мнѣ кажется даже, что я любила васъ... Еслибъ вы также знали, какъ я одинока и какъ я устала... Я устала отъ недостатка жизни. Неправда ли, странно? Устать отъ недостатка жизни, отъ недостатка душевныхъ и сердечныхъ волненій! Устать отъ спокойствія... А между тѣмъ это такъ.

Вава оживилась. Щеки ея порозовѣли, а глаза стали темнѣе и больше.

— Выслушайте меня, Андриша, — продолжала она, — я буду съ вами откровенна, потому что, — всему виною ваша музыка... Если обстоятельства противъ насъ, то надо бороться. Непремѣнно бороться. Иначе легко погибнуть. А я не хочу, не хочу гибнуть... У меня нѣтъ будущаго, — говорила Вава, — если не считать будущимъ тѣхъ степеней и орденовъ, которыхъ вѣроятно достигнетъ еще Сергій Павловичъ. Передо мною постоянно точно глухая, высокая стѣна. Но я хочу бороться, я не хочу гибнуть... И вы, вы можете спасти меня вашей любовью... — Она положила обѣ руки на плечи Андриши и первая поцѣловала его въ горячія губы. Но глаза ея были мрачны и полны слезъ.

Х.

Черезъ полчаса, сидя близко возлѣ Вавы, обнимая и цѣлуя ея ноги и руки и все тѣло сквозь тонкую ткань домашняго платья, Андриша говорилъ счастливымъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Вава, Вава прелесть моя, любовь моя, ты моя теперь, моя навсегда... Господи, за что мнѣ такое счастье?

И Андриша съ восторженнымъ видомъ схватывался за голову, бѣгалъ по комнатѣ, улыбаясь себѣ самому и своимъ счастливымъ мыслямъ въ зеркало, и снова принимался цѣловать Ваву. Она улыбалась, слѣдила за нимъ глазами и позволяла цѣловать себя. Ей было хорошо.

Любовь Андриши трогала ее, слегка волновала и точно нѣжно

бавкала. Ничего подобного она никогда не испытывала. Но, Боже, что бы это было, еслибы и она любила также сильно... Какія ощущенія, какой восторгъ! Счастливы всегда тотъ, кто любитъ.

— Онъ дастъ разводъ, — говорилъ между тѣмъ Андрюша горячо и скоро. — Онъ обязанъ дать его и мы женимся. Мы уѣдемъ отсюда навсегда. За границу, въ деревню, въ Москву, — куда хочешь... Нужно уйти отъ этой узкой официальной, лживой жизни и захитъ какъ-нибудь совсѣмъ по-новому... Мы оба еще молоды... жизнь, счастье, все это наше. Вава, Вава, ты теперь моя, моя!

Но лицо ея было нѣмо, и она не отвѣчала на его страстные порывы, а только тихо покачала головой въ отвѣтъ на его слова.

— Разводъ? Новое замужство? Скандалъ? Потому что скандалъ будетъ непремѣнно. Совѣщанія съ адвокатами, вся эта грязная процедура?... Неужели же все это такъ необходимо? Неужели безъ этого нельзя? Ломать свою съ такимъ трудомъ налаженную жизнь? Уѣзжать куда-то? Вести бродячую жизнь для чего-то? И находиться въ двусмысленномъ положеніи разводи, хотя бы и короткое время? И зачѣмъ все это? Ради чего? Когда все можетъ такъ прекрасно устроиться безъ треска, скандала и непріятностей.

Отчего бы, напримѣръ, Андрюшѣ и въ самомъ дѣлѣ не поступить на службу и не остаться совсѣмъ въ Петербургѣ? Это такъ просто и легко сдѣлать, съ его связями и при его средствахъ. Да, наконецъ, разводъ, да и вообще вся эта исторія можетъ отразиться на служебномъ положеніи Сергѣя Павловича. А этого она уже не можетъ допустить.

Каждому свое.

Не надо также забывать, что судьба жестоко мститъ за всякое отступленіе отъ разъ навсегда заведеннаго порядка вещей.

Разумѣется, женщины, когда сильно любятъ, то не разсуждаютъ, а жертвуютъ всѣмъ ради своей любви, — но она, Вава, вѣдь даже не увѣрена въ силѣ своего чувства къ Андрюшѣ.

И точно провѣряя себя, она обняла его за шею и сказала тихимъ голосомъ:

— Ты, конечно, вполне правъ, и поступить слѣдуетъ именно такъ, какъ ты говоришь... Но, дорогой, поступить такъ я не въ силахъ. Я говорила тебѣ, что душа моя больна. Всѣ тѣ хорошія идеальныя чувства, на которыя я, можетъ быть, и была способна прежде, давно уничтожены жизнью. А главное — то, что я страшно устала... Я уже не въ состояніи ломать свою старую жизнь и начинать сызнова, для этого у меня нѣтъ ни энергіи, ни силы, и даже желанія. Можетъ быть также, я уже настолько обратилась въ

«жену цезаря» (как ты, помнишь, тогда назвалъ меня?) и настолько дорожу своимъ покоемъ, положеніемъ и связями, что лишиться всего этого было бы для меня слишкомъ трудно. Лучше оставь меня и уйди, я только внесу разладъ въ твою жизнь и испорчу ее! — окончила Вава совсѣмъ тихо.

— Мой совѣтъ, — прибавила она, чуть-чуть улыбаясь, — это жениться тебѣ поскорѣй на какой-нибудь невинной и глупенькой дѣвочкѣ и постараться быть съ нею счастливымъ. Такъ, право, будетъ всего лучше.

Голосъ Вавы все слабѣлъ, послѣднія слова она сказала почти шепотомъ и въ изнеможеніи откинулась на подушки.

Въ комнатѣ было очень тепло, пахло какими-то цвѣтами и ни звука не долетало изъ-за плотно спущенныхъ портьеръ.

«На дворѣ холодъ, морозъ, — думала Вава, — вѣтеръ задуваетъ и колеблетъ пламя фонарей, а Сергѣй Павловичъ въ засѣданіи, изящно опершись кончиками пальцевъ о зеленое сукно огромнаго стола, говоритъ: «Мы рѣшили», «мы постановили», «мы соблюли», а я только что цѣловала Андрюшу.

И ей казалось, что она грезить, что счастье наконецъ сметѣло къ ней, съ надеждами, мечтами и сладкимъ волненіемъ, — но что она добровольно отказывается отъ этого счастья, потому что уже недостойна его, такъ какъ слишкомъ испорчена жизнью.

Но когда Андрюша со взрывомъ отчаянія, силы котораго она испугалась, сталъ умолять ее только не гнать его отъ себя, потому что она все для него и жизнь безъ нея невозможна, — тогда на вѣжномъ лицѣ Вавы промелькнула улыбка высшаго торжества.

Жена цезаря нашла наконецъ свой исходъ.

Е. Шадровъ.

Не весной благовонной сошлись мы съ тобой,—
Убирался ужъ лѣсъ золотой бахромой,
Опустѣло, замолкло раздолье полей,
И сверкала Плеяды во иракѣ ночей,
Былъ задумчивѣй день и грустнѣй тишина,—
А у насъ на душѣ воцарялась весна,
Точно снова для насъ въ темной чащѣ вѣтвей,
Полонъ счастья любви, зарыдалъ соловей,
Точно снова, какъ въ царствѣ весенней мечты,
Распустились надъ сонной рѣкою цвѣты,—
И я рвалъ ихъ тебѣ, и подъ говоръ валовъ
Украшалъ ими яркую пестрядь стиховъ,
И, любясь на ихъ благолѣпный нарядъ,
Ты склоняла ко мнѣ свой задумчивый взглядъ.

В. Саводникъ.

Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи *).

VII.

По случаю раздѣла земель въ Кулойско-Покровской волости Вельскаго округа возникъ споръ между деревнями Дуравинской и Симоновской—съ одной стороны и остальными поселеніями волости съ другой. Первыя въ поданной ими жалобѣ объясняли (въ 1801 г.), что, несмотря на неоднократныя предписанія о раздѣлѣ земель, крестьяне ихъ волости (всего 1,014 ревизскихъ душъ, не считая 88 душъ въ названныхъ деревняхъ) только постановляли приговоры и составляли вѣдомости раздѣла, дѣйствительнаго же уравниенія не производили; что, провѣряя владѣнія отдѣльныхъ деревень, они показывали у себя менѣе земли, а у дд. Дуравинской и Симоновской болѣе настоящаго ея количества, и что въ удовлетвореніе малоземелія послѣднихъ деревень, отдали имъ такіе сѣнокосы по рѣкѣ Тевтенгѣ, которые еще требуютъ расчистки. Такъ какъ волостные начальники принадлежали къ многоземельнымъ крестьянамъ, то обиженныя деревни въ теченіе трехъ лѣтъ (приговоръ о разверсткѣ состоялся въ 1797 г.) не могли добиться справедливаго раздѣла земли и принуждены были для прокормленія своего скота покупать сѣно, въ то время, какъ многоземельные крестьяне получали избытки для продажи. Совѣтникъ архангельской экспедиціи, Степановъ, по этому же предмету объяснилъ, что многоземельные крестьяне Кулойско-Покровской волости, вмѣсто отдѣленія части своихъ владѣній для малоземельныхъ, приняли на себя платежъ повинностей за недостаточныхъ крестьянъ, «которые, однако же, не желая сего, просятъ причитающееся каждому количество отвести въ свое владѣніе».

Крестьяне остальныхъ деревень Кулойско-Покровской волости объясняли, что, производя въ 1800 г. уравниеніе своихъ земель, они принимали во вниманіе не только количество, но и качество уравниваемыхъ участковъ, безъ чего нельзя достигнуть правильнаго распредѣленія земли между домохозяевами. Въ доказательство важнаго значенія оцѣнки качества земли, крестьяне приводили то обстоятельство, что такая оцѣнка признавалась

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 97 г.

начальствующими учреждениями въ древнія и въ новыя времена. «Сочинители писцовыхъ и дозорныхъ книгъ въ концѣ XVII вѣка правиломъ поставляли къ уравненію земли доброй и худой разную мѣру, и для того принимали по тогдашнимъ названіямъ въ цѣлую обжа лучшія земли—12, среднія—14, а плохія—16 четвертей. Главная дворцовая канцелярія въ 1769 году предписала сборъ денегъ оброчныхъ располагать такимъ образомъ, чтобы крестьяне одной волости, живущіе въ разныхъ селеніяхъ, въ разсужденіе ихъ выгодностей въ земляхъ и въ прочихъ угодьяхъ, одни больше, а другіе менѣ платили, наблюдая только, чтобы положенная генерально на всю ту волость денежная сумма доходила въ казну безъ уменьшенія. Какія же тогда выгоды въ земляхъ разумѣмы были? Въ одномъ ли токмо количествѣ земли заключались, или относятся купно и до качества оной? По всякой справедливости и то, и другое требуется къ составленію прямой выгоды; такъ какъ и въ другихъ чувствами и разумомъ понимаемыхъ вещахъ доброта, разумѣется, не въ одной токмо величинѣ или наружности». «Принявъ въ основаніе сію истину,—продолжаютъ довѣренные крестьянъ,—вологодская казенная палата въ 1795 г. предписала землю раздѣлить по числу душъ, въ 5-ю ревизію написанныхъ не только между жителями каждой деревни, но и между самими деревнями, приглася къ той разверсткѣ повѣренныхъ отъ каждого селенія, присягою утвержденныхъ и приговорами уполномоченныхъ». И крестьяне Кулойско-Покровской волости, приступивъ въ 1800 г. (послѣ предписанія департамента Удѣловъ отъ 11 августа 1799 г.) къ раздѣлу своихъ земель, которое производили «по числу душъ и работниковъ, въ каждомъ селеніи состоящихъ», имѣли въ виду «возможное наблюденіе тѣхъ резонновъ, кои относятся къ уравненію выгодъ не въ одномъ токмо количествѣ, но купно и въ добротѣ земли и въ способностяхъ къ обрабатыванію оной по мѣстному положенію каждого селенія. Такое уравнительное расположеніе принявъ на благо, крестьяне всѣхъ деревень добровольно и безпрекословно утвердили своимъ рукоприкладствомъ, и владѣли земельными участками по оному разверстанію спокойно до нынѣшняго (1801 г.) гѣта». Но деревни Симоновская и Дуравинская «въ теченіе прошедшихъ предъ симъ тридцати лѣтъ имѣли случаи пользоваться корыстолюбіемъ въ облегченіе себя противъ прочихъ деревень и въ платежѣ подати, и въ другихъ повинностяхъ, къ чему ближайшіе способы находили съ той стороны, что мѣсто къ народному собранію для мірскихъ дѣлъ, а впоследствии времени и волостное правленіе содержали по большей части въ своихъ деревняхъ, да и волостные начальники изъ сихъ же деревень,—по нахальству и усилію тѣхъ крестьянъ,—обыкновенно опредѣлялись; сія самая привычка и нынѣ, какъ видно, возбудила ихъ послѣ миролюбной поверстки общительно, мірскимъ согласіемъ и подписью утвержденной, искать себѣ предъ прочими крестьянами излишнихъ выгодъ въ отношеніи къ разверсткѣ земли».

Совѣтникъ Степановъ, которому архангельской экспедиціей было поручено, при осмотрѣ удѣльныхъ селеній,—въ случаѣ жалобъ крестьянъ на раз-

дѣль земель, — производить «рѣшительное и съ основаніемъ положеніе, дабы изъ-за сего не могло быть никакихъ жалобъ», — въ 1801 г. составилъ на мірскихъ сходкахъ новый проектъ перераспредѣленія участковъ, руководствуясь однимъ только принципомъ количественнаго уравниенія земель; по этому проекту крестьянамъ деревень Дуравинской и Симоновской (кромя покосовъ по рѣкѣ Тевтонгѣ) должно было отойти отъ другихъ поселянъ 8 дес. пашни и около 16 дес. (на 166 возовъ сѣна) сѣнокоса. Получивъ соответствующее донесеніе Степанова и убѣдясь изъ плана и описной книги, что при сдѣланномъ проектѣ раздѣла общее количество земли въ волости принималось, со словъ крестьянъ, менѣе дѣйствительнаго, и что средній душевой надѣль равняется не 1 дес. 225 саж. пахоти и 1 дес. 387 саж. сѣнокоса, какъ принималъ Степановъ, а 3 дес. 1,605 саж. первого и 3 дес. 403 саж. второго, архангельская экспедиція предписала приказу предоставить міру произвести раздѣлъ земли, согласно составленной Степановымъ вѣдомости, но примѣнительно къ настоящему количеству земли въ волости, причемъ она прибавляла, что считаетъ болѣе удобнымъ «въ сѣнахъ раздѣлъ имѣть къ навсегдашнему владѣнію по десятинамъ, а не по возамъ, которые ежегодно должны быть раздѣляемы». Но такъ какъ распоряженіе о раздѣлѣ земли, согласно проекту Степанова, дано было послѣднимъ приказу словесно, а исполненіе словесныхъ распоряженій приказъ не считалъ для себя обязательнымъ, то онъ предоставилъ это дѣло волостному выборному, который въ свою очередь отнесся къ крестьянамъ, а этими послѣдними было рѣшено, не приводя въ исполненіе проекта раздѣла, составленнаго Степановымъ, принести на дѣйствія совѣтника жалобу въ департаментъ удѣловъ. Въ жалобѣ крестьянъ объяснялось, что Степановъ вынуждалъ «волостныхъ крестьянъ угрозами, усиліемъ и притѣсненіемъ» утвердить рукоприкладствомъ составленную по его приказанію вѣдомость и что хотя его проектъ раздѣла не былъ приведенъ въ исполненіе и въ силу распоряженія экспедиціи, сельскій выборный неоднократно собиралъ сходъ, но соглашеніе по этому вопросу, по причинѣ упорства деревень Дуравинской и Симоновской, не было достигнуто.

Получивъ жалобу крестьянъ Булойско-Покровской волости и объясненія по этому предмету архангельской экспедиціи, департаментъ удѣловъ 6 октября 1802 г. постановилъ: «за отдачу къ исполненію составленной безъ мірскаго согласія вѣдомости о раздѣлѣ земель» сдѣлать совѣтнику Степанову выговоръ; въ прекращеніе же ссоръ, вызываемыхъ уравниемъ земель Булойско-Покровской волости, произвести черезъ землемѣра повѣрку ея владѣній въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ, а до тѣхъ поръ крестьянамъ этой волости продолжать владѣть угодьями по раздѣлу 1800 г. При этомъ предписывалось внушить крестьянамъ Дуравинской и Симоновской деревень, «дабы старались отданные имъ сѣнные покосы» (по р. Тевтонгѣ) «сдѣлать удобными»; а приказу повелѣть «войти въ подобное разсмотрѣніе, могутъ ли одни тѣ крестьяне безъ отягощенія привести покосы въ удобность и когда по изслѣдованіи это признано будетъ

труднымъ или невозможнымъ, то чтобы съ общаго мірскаго согласія сдѣлали положеніе о нарядѣ для этого въ свободное отъ полевыхъ работъ время нужнаго числа работниковъ изъ селъ Кулойско-Покровской волости, имѣющихъ у себя достаточное количество земли, або справедливость требуетъ этой помощи, когда не жаждутъ они сдѣлать уступки изъ излишества своего сосѣдямъ, имѣющимъ въ земляхъ крайнюю нужду, кои наравнѣ оплачиваютъ съ ними всѣ государственныя повинности».

Это постановленіе состоялось въ октябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., а между тѣмъ крестьяне деревни Дуравинской, основываясь на распоряженіи Стопанова, воспользовались въ 1802 г. сѣномъ съ предназначеннаго имъ участка, на что крестьяне 3-хъ обиженныхъ деревень, раньше пользовавшихся этой землей, подали жалобу департаменту, который поручилъ разобрать дѣло старостамъ Кулойско-Покровской волости совѣстно съ двумя сосѣдними приказами. По убѣжденію послѣднихъ, спорящія стороны, «изыскавъ въ сердцахъ своихъ правду», примирились на томъ, что крестьяне деревни Дуравинской за увезенное сѣно согласились заплатить обиженной сторонѣ 30 руб. асс.

Измѣреніе земель Кулойско-Покровской волости начато было въ 1803 г., но за недостаткомъ землеѣровъ затянулось больше тѣмъ на 7 лѣтъ, причѣмъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Такъ, въ 1806 г. крестьяне 41 селеній (изъ 46 селеній волости) не допустили было землемѣра до измѣренія на томъ основаніи, что въ Вельскій округъ прибыла дѣловая коммиссія для удовлетворенія крестьянъ 15-ти десятинной пропорціей земли, вслѣдствіе чего, по ихъ мнѣнію, въ передѣлѣ ихъ земель не предстоить надобности. Въ 1809 г. пахотная земля и неудобная были замѣрены во всѣхъ 46 селеніяхъ, а сѣнокосная—лишь въ 34. Окончательное рѣшеніе этого дѣла намъ неизвѣстно.

Въ 1796 г. отъ лица крестьянъ деревень Филаевской и Городища Устьвельской десятины Вельскаго округа (состоявшая тогда еще въ заведѣваніи казенной палаты) на имя директора экономіи подано было прошеніе, въ которомъ излагалось, что, несмотря на многократныя предписанія объ уравнианіи казенныхъ крестьянъ землею, это уравнианіе не осуществляется, такъ какъ крестьянинъ деревни Муравьевскія Горки «Бородулинъ съ товарищами этому сопротивляется». Послѣ новаго предписанія, вызваннаго прошеніемъ, въ іюль мѣсяцѣ 1797 г., староста Устьвельской десятины «съ выборными присяжными людьми, по сдѣланному съ общаго мірскаго ихъ согласія приговору», отвелъ первымъ двумъ деревнямъ отъ послѣдней 8 дес. сѣнокоса.

Изъ вышеизложеннаго нельзя вывести опредѣленнаго заключенія о томъ, былъ ли упомянутый приговоръ, постановленный въ 1797 г., первымъ приговоромъ о раздѣлѣ земель въ Устьвельской десятинѣ, или подтверждаемымъ. Но если бы до этого времени крестьяне Устьвельской десятины и не приступали формально къ исполненію распоряженія казенной палаты объ уравнианіи земель, то изъ содержанія прошенія видно, что этотъ во-

прось подвергался ихъ обсужденію, что производились соотвѣтствующіе расчеты и было даже опредѣлено, что деревня Муравьевскія Горки должна будетъ поступить въ пользу Филевской и Городища частью своихъ сѣно-косовъ.

Отводомъ земли отъ однѣхъ деревень къ другимъ дѣло объ уравниніи, однако, не окончилось. Когда пришло время везти снятое сѣно на гумна, крестьяне деревни Муравьевской не допустили до этого крестьянъ всѣхъ тѣхъ деревень, къ которымъ была прирѣзана часть муравьевскихъ покосовъ, и только послѣ двукратной жалобы обиженной стороны вологодскому губернатору и двукратной угрозы предать ослушниковъ суду, крестьяне деревни Муравьевской въ 1798 г. отступились отъ чужого сѣна, «сдѣлавъ между собою любовный договоръ». Въ это же время, какъ извѣстно, департаментомъ удѣловъ издано было распоряженіе объ отиѣнн раздѣла земель, произведеннаго по предписанію казенной палаты, и вѣроятно на этомъ-то основаніи 8 десятинъ покоса поступили опять во владѣніе деревни Муравьевской, на что филевскіе и городищенскіе крестьяне подали жалобы въ мѣстный приказъ, въ архангельскую экспедицію и, наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. на Высочайшее имя.

Между тѣмъ отношеніе удѣльной администраціи къ вопросу о раздѣлѣ земель успѣло измѣниться. 11 августа 1799 г. появился, какъ намъ извѣстно, указъ департамента о производствѣ такого раздѣла, а въ 1800 г. совѣтникъ Степановъ былъ командированъ на мѣста для возможнаго упорядоченія этого дѣла. И вотъ весной 1800 г. «всѣми крестьянами и сельскими старшинами Устьвельской десятины», въ присутствіи Степанова, постановленъ приговоръ о раздѣлѣ по стаяніи снѣговъ всей состоявшей въ ихъ пользованіи земли по числу наличныхъ душъ 5 ревизіи, и экспедиція предписала верховскому приказу по окончаніи раздѣла представить о томъ подписки отъ сельскихъ выборныхъ. На это со стороны верховскаго приказа послѣдовало объясненіе, что хотя, согласно приговору о раздѣлѣ, отъ деревни Муравьевской и предстоитъ отвести деревнямъ Филевской и Городищамъ около 10 дес. покосу, но это не приведено въ исполненіе, потому что первые имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ въ пашнѣ въ размѣрѣ около 10 дес., а послѣдніе много запустошили годныхъ для обработки пространствъ. Архангельская экспедиція по предмету этого донесенія 13 августа 1800 г. предписала, чтобы запустошенная деревнями Филевской и Городище земля при общей разверсткѣ была положена въ раздѣлѣ и отведена тѣмъ, кто ее запустошилъ. Муравьевскіе крестьяне, тѣмъ не менѣе, продолжали удерживать у себя покосъ, назначенный къ отводу деревнямъ Филевка и Городище, и при новомъ посѣщеніи Степановымъ Устьвельской десятины, въ 1801 г., объяснили ему свое поведеніе тѣмъ, что раздѣлъ 1797 г. произведенъ былъ безъ точнаго измѣренія земли, что распределеніе послѣдней сдѣлано «не по мѣрѣ земли, но по добротѣ оной» (по числу возовъ снимаемаго съ нея сѣна) и просили провѣрять землю трехъ спорящихъ деревень.

Архангельская удѣльная экспедиція поручила произвести измѣреніе земель и уравненіе трехъ деревень верховскому приказу, при постороннихъ посредникахъ и при старшинахъ двухъ сосѣднихъ приказовъ («для произведенія уравненія съ большей дѣятельностью и безпристрастіемъ»), съ выдачею крестьянамъ удостовѣрительныхъ билетовъ о количествѣ отведенной имъ земли.

Провѣривъ, прежде всего, владѣнія д. Филевской и найдя ихъ сходными съ показаніями прежде составленной вѣдомости, и имѣя въ виду единогласное заявленіе всѣхъ 24 довѣренныхъ о томъ, что спорныя земли не подвергались уже двукратному измѣренію и что новая провѣрка считается ими излишнею, «старшины и лучшіе люди» постановили, не производя дальнѣйшаго измѣренія земли, отдѣлить отъ д. Муравьевской къ д. Филевской и Городище 5 дес. покосу на такъ называемомъ «низу» и 3 дес. на «ваймежѣ». Послѣ приведенія этого постановленія въ исполненіе, въ экспедицію въ 1802 г. поступила жалоба отъ крестьянъ д. Муравьевской, утверждавшихъ, что на ваймежѣ вмѣсто 3 дес. отъ нихъ отобрано 4 дес., а на низу ихъ лишаютъ всего покоса, площадь котораго превышаетъ назначенныя къ отводу 5 дес. Экспедиція предписала приказу отвести филевскимъ и городищенскимъ крестьянамъ, — согласно послѣднему приговору разбивавшихъ это дѣло довѣренныхъ, — ровно 8 дес., «полагая оныя по мѣрѣ, а не по счету возовъ». Но выборные Устьевельской десятины и присягомъ утвержденные люди приговоромъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1803 г. постановили: въ виду плохого качества травы на низу, считать весь этотъ покосъ, хотя и превосходящій мѣрою 5 дес., равноцѣннымъ только 5 дес. По новой жалобѣ муравьевскихъ крестьянъ совѣтнику архангельской экспедиціи при объѣздѣ селеній, совѣтникъ предписалъ старшинамъ тавренскаго приказа, при избранныхъ обѣими сторонами посредникахъ, измѣрить площадь сѣнокосовъ на низу; и послѣ того какъ оказалось, что здѣсь находится 8 дес. 950 саж., совѣтникъ предложилъ верховскому приказу отвести филевскимъ и городищенскимъ крестьянамъ только одинъ этотъ покосъ, а участокъ на ваймежѣ оставить въ пользованіи крестьянъ д. Муравьевской. А такъ какъ сѣно получаемое съ отводимого дд. Филевской и Городище участка не отличалось особеннымъ достоинствомъ, то онъ предположилъ отдать въ безоброчное пользованіе названныхъ деревень оброчную земельную статью, приносящую удѣлу 11 р. 5 к. асс. дохода. Крестьяне д. Муравьевской завладѣли послѣ этого спорнымъ участкомъ (на ваймежѣ) и не допустили новой провѣрки земли, предписанной въ 1804 г. ревизоромъ Марковымъ, по жалобѣ крестьянъ дер. Филевской и Городищенской; а послѣ жалобы послѣднихъ въ департаментъ удѣловъ архангельская экспедиція распорядилась объ отведеніи отъ первой деревни въ пользованіе послѣднихъ отобраннаго отъ нихъ покоса на ваймежѣ на время, пока состоится предположенная совѣтникомъ передача деревнямъ Городищенской и Филевской удѣльной оброчной статьи. Теперь настала опять очередь принесенія жалобы со стороны крестьянъ д. Муравьевской, и разбиравшій въ 1805 г. это дѣло, по порученію экспе-

дичи, тавренскій приказъ, вмѣстѣ со старшиной верховскаго приказа и носторонними довѣренными людьми, нашель, что сѣнокосный участокъ на ваймежѣ долженъ быть возвращенъ муравьевскимъ крестьянамъ, въ виду того обстоятельства, что 26 дес. принадлежавшей имъ пашни затопляется водою, что крестьяне дер. Филиевской и Городищенской по нерадѣнію даже не снимаютъ съ своихъ покосовъ всего сѣна и не обращаютъ въ пашни и сѣнокосы находящихся при нихъ удобныхъ для расчистки мѣстъ и сверхъ всего получаютъ въ безоборочное пользованіе удѣльную земельную статью. Въ это же какъ разъ время получило разрѣшеніе департамента на передачу городищенскимъ и филиевскимъ крестьянамъ оброчнаго сѣнокоса, о которомъ шла рѣчь, послѣ чего архангельская экспедиція рѣшила отдать спорный участокъ во владѣніе д. Муравьевской.

Въ 1808 г. въ департаментъ удѣловъ поступила новая жалоба изъ Устьвельской волости отъ крестьянъ д. Овсянниковой, Каратаева и Занина, на крестьянъ д. Аргуновской, которые будто бы въ теченіе трехъ лѣтъ не давали просителямъ снимать сѣно съ участка, отведеннаго имъ въ 1805 г. по общему мірскому согласію отъ деревни Аргуновской, у которой сѣнокосы оказались въ излишествѣ. Аргуновскіе крестьяне за такіе поступки были архангельской экспедиціей отдаваемы на сужденіе уѣзднаго суда, но послѣдній освободилъ ихъ отъ отвѣтственности. Тогда разслѣдованіе дѣла было поручено старшинамъ двухъ приказовъ, которые донесли, что у аргуновскихъ крестьянъ излишнихъ покосовъ не имѣется. Вслѣдствіе новой жалобы въ департаментъ удѣловъ овсянниковскихъ крестьянъ, управляющій вологодской удѣльной конторой, съ согласія обѣихъ сторонъ, приказалъ устьвельскому приказу измѣрить всѣ покосы обѣихъ деревень, «тяглые, крѣпостные и расчистные, по принятому поселянами обыкновенію, при избранныхъ съ обѣихъ сторонъ посредникахъ». При этомъ оказалось, что аргуновскіе крестьяне не только не имѣли излишка сѣнокосовъ, а овсянниковскіе—недостатка ихъ, но послѣдніе, вмѣстѣ съ крѣпостными участками, владѣли даже сравнительно большей площадью земли, нежели первые, и недостатокъ въ покосахъ по числу ревизскихъ душъ испытывали только три семьи просителей. Въ виду такихъ обстоятельствъ дѣла управляющій вологодской конторой испросилъ разрѣшенія департамента удѣловъ на удовлетвореніе просителей изъ дачъ д. Овсянниковской участками, удобными для расчистки съ тѣмъ, чтобы разработка для нихъ этихъ участковъ была произведена общими силами овсянниковскихъ и аргуновскихъ крестьянъ и чтобы, до приведенія упомянутыхъ участковъ въ полную удобность, Занины и Каратаевы пользовались сѣномъ съ тяглыхъ покосовъ д. Овсянниковской, которые на это время должны быть раздѣлены между всѣми домохозяевами по числу ревизскихъ душъ *).

*) Представляя объ этомъ департаменту удѣловъ, управляющій вологодскимъ имѣніемъ объяснялъ, что еслибы для удовлетворенія крестьянъ - просителей отвести имъ участокъ покоса отъ деревни Аргуновской, то „отъ сего не только въ двухъ селеніяхъ, но и въ прочихъ той волости деревняхъ послѣдовалъ бы не окон-

Въ 1798 г. крестьянинъ д. Ермолинской, нижняго конца Верхотомской вол., Сольвычегодскаго округа, Меркурій Меньшиковъ, просилъ архангельскую экспедицію возвратить ему, въ виду его малоземелья, землю, проданную его предками еще въ 1723 г. предкамъ крестьянина Пашкова, который въ описываемое время имѣлъ по числу душъ вдвое больше земли, нежели Меньшиковъ. Въ 1799 г. онъ подавъ просьбу о томъ и въ департаментъ удѣловъ; по такъ какъ оказалось, что на спорную землю у Пашкова имѣлась законно утвержденная крѣпость, то она была оставлена у него въ счетъ слѣдуемой ему по числу ревизскихъ душъ, а Меньшикову «по мірскому положенію» назначено отдѣлать отъ крестьянина Кочемцова 1,865 саж. пахоти. Когда «присяжные старшины приступили (въ 1801 г.) сію землю отбирать, то Кочемцовъ съ поля ихъ согналъ и выбросилъ колья, на отводъ въ его полосахъ поставленные», за что былъ отправленъ въ земскій судъ и здѣсь обязался подчиниться мірскому рѣшенію.

Между тѣмъ многочисленныя ссоры по раздѣламъ земли въ Верхотомской волости, поддерживавшіяся, между прочимъ, неизвѣстностью площадей отдѣльных владѣній, побудили архангельскую экспедицію командировать на мѣсто землемѣра съ тѣмъ, чтобы (начавъ съ д. Ермолинской) онъ привелъ въ точную извѣстность количество и качество земли у домохозяевъ, «между которыми въ тяглыхъ участкахъ должно быть общее поравненіе», составилъ имъ планы и передалъ въ приказъ. Двумъ же приказамъ экспедиція предписала, основываясь на этихъ планахъ, «при лучшихъ стороннихъ крестьянахъ и особо избранныхъ къ тому присяжныхъ довѣренныхъ, не участвующихъ въ принадлежности дѣлимыхъ участковъ, приступить къ безпристрастному между крестьянами уравнию земляныхъ угодій», съ постановленіемъ на то мірскихъ приговоровъ.

Въ то время Кочемцовъ, вмѣстѣ съ другими многоземельными домохозяевами (числомъ 66) разныхъ деревень нижняго конца Верхотомской волости, подавъ въ началѣ 1803 г. въ департаментъ удѣловъ прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что волостной голова въ 1801 г. принуждалъ крестьянъ насильно подписываться подъ приговоромъ о раздѣлѣ земли, «былъ и сажалъ на дѣнь, чтобъ отдали въ надѣлъ другимъ крестьянамъ починки и причистныя земли и сѣнные покосы, состоящіе изъ древнихъ лѣтъ какъ за предками ихними, такъ и за ними самими въ безспорномъ владѣніи, и вновь расчищенные собственнымъ ихъ капиталомъ и трудами». А тѣ крестьяне, которымъ поступила эта земля, «прежнія свои владѣнія, негодныя и неудобныя оставили впускъ». Изложивъ дѣло, просители ходатайство-

вательный раздѣлъ, а между крестьянами возродились бы неприкрытыя ссоры и несогласія, такъ какъ многіе крестьяне Устьевальской десятины владѣютъ землями въ другихъ деревняхъ по назначенію мірскому и въ случаѣ новаго раздѣла или отобранія отъ одного селенія къ другому некоторой части земли, никакъ нельзя окончить уравниеніе между всеми крестьянами». И такъ какъ одни хозяева „трудолюбивыя“, а другіе „не столь къ земледѣлію рачительны, то посему черезъ отводъ земли неравно, лишаются удобренныя угодія, а послѣдніе воспользуются готовыми ихъ участками“.

вали о томъ, чтобы земля, о которой идетъ рѣчь, была возвращена имъ «по прежнему владѣнію». Въ прошенію была приложена вѣдомость о количествѣ сѣна, насильственно увезеннаго малоземельными крестьянами у десяти изъ числа жалобщиковъ. Архангельская удѣльная экспедиція по поводу этой жалобы объясняла, что просители были лишены части своей земли потому, что имѣли ее по числу душъ въ излишествѣ и что эта земля не была укрѣплена за ними крѣпостнымъ порядкомъ, и увѣдомляла, что разслѣдованіе по другимъ пунктамъ вышеизложеннаго прошенія (въ томъ числѣ и по жалобѣ на отводъ земли «нерачительнымъ хлѣбопашцамъ») поручено совѣтнику экспедиціи, Барюкину.

Барюкинъ, собравъ крестьянъ на сходъ и разсмотрѣвъ здѣсь подавную «за руками выборныхъ» вѣдомость о владѣніяхъ всѣхъ домохозяевъ нижняго конца Верхотоемской волости (изъ коей видно, что на душу причиталось 2,200 саж. пашни и 38 $\frac{1}{2}$ копенъ сѣна по урожаю двухъ послѣднихъ лѣтъ), согласно мірскому приговору 1800 г. о раздѣлѣ земли по душамъ, — нашелъ, что просители имѣютъ столько именно земли, сколько имъ слѣдуетъ по расчету *). Изъ разспросовъ же относительно другихъ обстоятельствъ дѣла выяснилось, что отводъ земли отъ многоземельныхъ домохозяевъ малоземельнымъ «предположенъ въ 1800 г. всѣми вообще крестьянами, въ числѣ коихъ и оныя вѣрители участвовали», въ присутствіи совѣтника экспедиціи Степанова; что согласно постановленному о томъ приговору и произведенному «волостными избранными» измѣренію было приступлено къ раздѣлу земли въ натурѣ и «даваны сельскими мѣрниками, называемыми присяжными, билеты». Но такъ какъ нѣкоторые изъ многоземельныхъ домохозяевъ не допускали до приведенія въ исполненіе мірского приговора, то тѣ изъ малоземельныхъ крестьянъ, кому были назначены участки этихъ хозяевъ, свезли къ себѣ уродившееся на нихъ сѣно, «но не по насилію, а по упорствамъ» тѣхъ, отъ кого должны были отойти къ нимъ участки. Въ моментъ разслѣдованія этого дѣла изъ 40 домохозяевъ-просителей (въ ихъ семьяхъ числилось около 100 душъ изъ 637 душъ во всемъ нижнемъ концѣ Верхотоемской волости), часть земли которыхъ подлежала отводу малоземельнымъ крестьянамъ, около 10 еще удерживали эту землю въ своихъ рукахъ.

По предмету насилія, къ которымъ будто бы прибѣгали волостной го-

*) Изъ 62 просителей до раздѣла имѣли пахотной земли на семью: до 1—2 дес. — 1 хозяинъ, 2—3 дес. — 20 хов., 3—4 дес. — 23 хов., 4—5 дес. — 10 хов., 5—6 дес. — 5 хов., 6—7 дес. — 3 хов.; въ томъ числѣ крѣпостную землю имѣли 18 хозяевъ. Отъ 40 изъ этихъ хозяевъ, владѣвшихъ въ совокупности 138 дес. пашни, по мірскимъ приговорамъ подлежала отводу 19 дес. или 14 $\frac{2}{3}$ %, въ томъ числѣ менѣе $\frac{1}{4}$ дес. отрѣзано у 12 домохозяевъ, до $\frac{1}{2}$ дес. — у 13 хов., до $\frac{3}{4}$ дес. — у 9 хов., до 1 дес. — у 5 хов. и 2 $\frac{1}{4}$ дес. — у 1 хов. Расчетъ по другому основанію показываетъ, что до $\frac{5}{6}$ площади стараго участка пахотной земли отрѣзано у 8 хов., 5—10 $\frac{1}{6}$ — у 8 хов., 10—15 $\frac{1}{6}$ — у 13 хов., 15—20 $\frac{1}{6}$ — у 3 хов., 25—30 $\frac{1}{6}$ — у 2 хов., 30—35 $\frac{1}{6}$ — у 1 хов., 35—40 $\frac{1}{6}$ — у 1 хов. и у одного хозяина 71 $\frac{1}{6}$ (у 3 хозяевъ проценты отрѣзанной земли неизвѣстны).

лова, послѣдній объяснилъ Карюкину, что раздѣлъ земель «по общественному мірскому приговору» производилъ не онъ, а присяжные; голова же только «понуждалъ къ отдачѣ по раздѣлу сѣнныхъ покосовъ» и что по жалобѣ на одного большеземельнаго, что «не допускалъ косить и метался бить», таковой, «во избѣжаніе упорства и дерзости посаженъ былъ нѣ на цѣпь, но не на долгое время», и что тѣмъ же наказаніемъ голова грозилъ и другому упорствующему. «Больше никакихъ и никому притѣсненій чинено не было, а хотя бы и строгость его употреблена была, то, управляя народомъ въ три тысячи человекъ, которые противъ повелѣнія упорствуютъ и не дѣлаютъ повинovenія, и необходимо былъ обязанъ строже поступать». Это объясненіе старшины было предъявлено просителямъ, которые «ничего въ дальнѣйшее притѣсненіе не отозвались, кромѣ того, что принуждалъ-де къ раздѣлу подписываться».

Въ это же время производилась повѣрка земель, предположенная архангельской экспедиціей, и хотя измѣреніемъ было подтверждено, что отъ Кочемцова должно было отойти къ Меньшикову 1,400 саж. пашни въ двухъ полосахъ, но первый одну изъ этихъ полосъ засѣялъ самъ (другая осталась безъ засѣва) и продолжалъ препятствовать Меньшикову пользоваться назначенной ему землей, несмотря на внушенія, сдѣланныя ему лично совѣтникомъ экспедиціи. Въ 1805 г. было произведено новое разбирательство этого дѣла, и такъ какъ Кочемцовъ и послѣ этого не выразилъ желанія отказаться отъ своихъ правъ на землю, то архангельская экспедиція, предписавъ приказу отвести Меньшикову назначенный ему отъ Кочемцова участокъ земли, повелѣла въ то же время объявить Кочемцову, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ будетъ отправленъ въ земскій судъ.

Изъ описанныхъ случаевъ споровъ и недоразумѣній видно, что очень важнымъ условіемъ, препятствовавшимъ миролюбивому разрѣшенію вопроса объ уравниніи волостной земли, было отсутствіе точныхъ данныхъ о количествѣ и качествѣ отдѣльныхъ клочковъ общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего трудно было провѣрить правильность заявленія недовольныхъ передѣломъ о томъ, что имъ было отведено меньше земли, нежели слѣдовало по расчету. И такъ какъ въ случаяхъ, когда за провѣрку земель бралась сама удѣльная администрація, такая провѣрка продолжалась иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (см. выше случай Кулойско-Покровской волости), то этимъ самымъ на много лѣтъ задерживалось и осуществленіе передѣла земель, распоряженіе о которомъ было издано въ 1795 г. Не малое замѣшательство въ это дѣло было внесено также взаимно противорѣчивыми распоряженіями департамента удѣловъ въ первые годы существованія этого учрежденія, а также виѣшательствомъ чиновниковъ удѣльнаго вѣдомства, превышавшихъ иногда свои полномочія и—вмѣсто контроля надъ дѣятельностью обществъ, совѣтовъ имъ и внушеній—требовавшихъ, чтобы послѣдніе осуществляли предположенные ими самими проекты уравнинія.

VIII.

Наши свѣдѣнія о ходѣ перваго уравниенія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, замѣствованныя изъ прошлыхъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно серединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстѣ и не восходили на разсмотрѣніе департамента удѣловъ. Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ заключать, что было достаточно одного передѣла для разрѣшенія всѣхъ затрудненій, связанныхъ со введеніемъ формы уравнительнаго пользованія землей взаимнѣ наслѣдственнаго, и что послѣдующіе акты этого рода совершались гладко и безъ запинокъ. Во время перваго раздѣла уравниеніе коснулось лишь части — тяглою; что же касается расчисстныхъ земель, то въ большинствѣ, вѣроятно, случаевъ онѣ оставались за прежними домохозяевами; крѣпостныя же (по законнымъ документамъ) участки вовсе не подвергались раздѣлу, а лишь зачислялись въ число площади слѣдуемой домохозяевамъ, по количеству числящихся у нихъ ревизскихъ душъ, и если этой земли оказывалось даже больше, чѣмъ слѣдовало домохозяевамъ по расчету, то она все-таки цѣликомъ оставалась въ ихъ пользованіи. Между тѣмъ большая часть крестьянъ стремилась къ тому, чтобы распространить уравниеніе на всѣ волостныя земли, и при слѣдующемъ передѣлѣ (по душамъ 6-й ревизіи) въ общинахъ удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи возгорѣлась, поэтому, такая же горячая борьба, какъ и при первомъ уравниеніи крестьянскихъ угодій.

Въ передѣлу земель по душамъ 6 ревизіи удѣльные крестьяне вообще приступили послѣ распоряженія о томъ со стороны департамента, изданнаго послѣ производства шестой ревизіи въ 1812 г. Получивъ это распоряженіе, управляющій вологодской конторой доносилъ департаменту удѣловъ, что подвѣдомственные ему крестьяне, при предстоящемъ уравниеніи земель, намѣревались пустить въ раздѣлъ также покупныя и расчисстныя земли или облагать домохозяевъ, имѣвшихъ такія земли, излишними платежами сверхъ числящихся за ними ревизскихъ душъ. Находя, что такія намѣренія крестьянъ и несправедливы, и противорѣчатъ изданнымъ до сихъ поръ относительно передѣла земель указамъ, управляющій вологодскимъ мнѣніемъ предполагалъ воспретить крестьянамъ прибѣгать къ такимъ средствамъ уравниенія, если на это не будетъ согласія самихъ многоземельныхъ домохозяевъ. Что же касается семей, «имѣющихъ въ себѣ души, неспособныя къ работѣ», таковыя, по его мнѣнію, могли бы быть удовлетворены, между прочимъ «общественнымъ, какъ то и должно, пособіемъ въ расчисствѣ земель».

Департаментъ удѣловъ на это отвѣтилъ, что распоряженіе о раздѣлѣ крестьянскихъ земель по душамъ 6 ревизіи издано имъ въ тѣхъ видахъ, чтобы «для пользы самихъ крестьянъ, если они признаютъ то самыя нужныя, уравниять между собою ихъ выгоды отъ земли и тѣмъ доста-

ивтъ способы къ бездомочному оплачиванію податей за души прибылыя въ послѣднюю перепись въ нѣкоторыхъ семействахъ». Поэтому, управляющіе конторами отнюдь не должны входить въ разбирательство относительно расчищенныхъ разными домохозяевами въ большемъ или меньшемъ количествѣ земель, такъ какъ «всякій хлѣбопашецъ, имѣя на то свободу, обязанъ для общей пользы по мѣрѣ трудолюбія приложить стараніе». Что же касается покупныхъ земель, то департаментъ удѣловъ ссылаясь на новыя правила, которыми опредѣлялись права удѣльныхъ крестьянъ относительно пріобрѣтенія въ собственность земель, не состоявшихъ въ вѣдѣніи удѣловъ, и поясняя, что оцѣнка имѣвшихся у отдѣльныхъ домохозяевъ документовъ на владѣніе землями должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ «посредствомъ добросовѣстныхъ въ приказахъ».

Это рѣшеніе департамента удѣловъ было постановлено въ срединѣ 1812 года, а черезъ два года управляющій вологодскою конторой доносилъ, что предписанный распоряженіемъ департамента раздѣлъ угодій по душамъ 6 ревизіи еще не приведенъ въ исполненіе, по причинѣ сопротивленія, оказываемаго передѣлу крестьянами, владѣвшими покупными и расчисными землями, и потому что избранные мірскимъ обществомъ мѣрщики, дѣйствуя «каждый только въ предѣлахъ своей волости и располагая такъ называемыми добросовѣстными» пристрастно расчисляли участки, назначая зажиточнымъ домохозяевамъ больше, нежели имъ слѣдовало. Находя, что имѣвшіеся у нѣкоторыхъ крестьянъ давніе крѣпостные акты «нисколько не относятся на продажу имъ земель, а только лишь однихъ повытковъ или по ихъ названію тяголъ, конхъ однакожъ имъ продавать не слѣдовало, — о чемъ отъ 3 іюня 1811 г. было подтверждено и департаментомъ удѣловъ» и задаваясь цѣлью привести раздѣлъ земель къ надлежащему окончанію, управляющій «согласивъ крестьянъ», издалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ раздѣлъ между домохозяевами, въ числѣ прочихъ, были пущены купленные съ давнихъ лѣтъ и расчисныя земли, съ тѣмъ, однако, чтобы таковыми прежде всего удовлетворялись (по числу душъ) ихъ старые хозяева и чтобы обмѣръ, оцѣнка и распредѣленіе между домохозяевами земли были производимы избранными обществами (волостями) мѣрщиками «при участіи одного изъ засѣдающихъ въ приказѣ» сразу во всѣхъ волостяхъ, составлявшихъ приказъ. При донесеніи управляющаго былъ приложенъ, для образца, приговоръ одного общества о томъ, чтобы при предстоявшемъ передѣлѣ пустить въ разверстку также находившіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ покупныя земли, въ виду тѣхъ соображеній, что онѣ были пріобрѣтены у одновѣдомственныхъ крестьянъ, а не у ностороннихъ; что за нихъ были заплачены очень незначительныя суммы, съ избыткомъ уже покрывшіяся доходомъ, извлеченнымъ изъ земли; что владѣльцы купленныхъ участковъ не несли платежей въ большей мѣрѣ, чѣмъ остальные домохозяева, и что лежащія на обществѣ подати отъ времени до времени увеличиваются, почему обществу становится «отяготительно оставить таковыя угодія безъ раздѣла за прежними владѣльцами».

Департаментъ удѣловъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1814 г. утвердилъ эти распоряженія управляющаго, послѣ чего уравненіе крестьянскихъ участковъ пошло быстрее, и въ январѣ слѣдующаго года управляющій уже доносилъ, что въ нѣкоторыхъ приказахъ раздѣлъ земли приведенъ къ окончанію, каждый домохозяинъ получилъ на доставшійся ему участокъ письменное свидѣтельство, и что при этомъ были дѣлаемы постановленія о томъ, чтобы скошенное въ предшествовавшемъ году сѣно поступило къ новому владѣльцу соотвѣтствующаго участка, а этотъ владѣлецъ въ свою очередь долженъ былъ уплатить старому его владѣльцу за уборку сѣна по цѣнѣ, назначенной мірскимъ приговоромъ.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ о раздѣлѣ расчистныхъ и купчихъ земель имѣло слѣдствіемъ подачу недовольными крестьянами жалобъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые хозяева, имѣвшіе крѣпостныя земли, при передѣлѣ вовсе лишались таковыхъ и долю, слѣдующую имъ по числу душъ, получали изъ чужихъ угодій. Тѣмъ не менѣе, до центрального органа удѣловъ въ это время доходило меньше жалобъ, нежели это было при первомъ уравненіи волостныхъ земель въ Вологодской губ., а благодаря указанному обстоятельству о техникахъ и деталяхъ второго передѣла земель въ Вологодской губ. менѣе свѣдѣній, нежели о первомъ. Собственно относительно раздѣла купчихъ и расчистныхъ земель въ департаментъ удѣловъ было принесено четыре жалобы. По одной изъ нихъ управляющимъ было постановлено (и по требованію департамента утверждено мірскимъ приговоромъ), чтобы проситель получилъ слѣдующую ему (по числу душъ 7 ревизій) пропорцію изъ его крѣпостной земли по собственному выбору. Другая просьба повела къ составленію мірскаго приговора крестьянъ дер. Алексѣевской Кирежской боярщины о томъ, чтобы, при предстоящемъ передѣлѣ земель по душамъ 7 ревизій, тягольныя земли дѣлились по жеребьямъ (т.-е. допускалась пересадка хозяевъ съ прежнихъ участковъ на новые), «а прежде распаханныя новины оставались по прежнимъ владѣніямъ и только излупшныя (по расчету душъ),—отъ кого будетъ отходить,—отдавалась и хорошей, и плохой».

Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ жалобы приносились отдѣльными лицами; но кромѣ того въ департаментъ поступили двѣ коллективныя жалобы на раздѣлъ купчихъ и расчистныхъ земель: отъ 11 домохозяевъ разныхъ волостей Спасскаго и Шведеницкаго приказовъ Тотемскаго округа и отъ 13 человекъ однофамильцевъ Рычковыхъ (участвовавшихъ также въ жалобѣ, поданной 66 домохозяевами при первомъ передѣлѣ земель въ Вологодской губерніи) верхняго и нижняго концовъ Верхотомской волости, Сольвычегодскаго округа. Въ послѣднемъ прошеніи (составленномъ губерскимъ секретаремъ Сафоновымъ) Рычковы объясняли, что въ ихъ распоряженіи, кромѣ тяглыхъ, имѣлись земли расчищенные собственными трудами, а иныя и съ затратой на это капитала. «Сія части, приведенныя въ удобность съ общественнаго соглашенія и съ позволенія мѣстнаго начальства, до сихъ временъ оставляемы были въ ихъ пользованіи сколько изъ

уваженія къ употребленнымъ издержкамъ, а не мѣтъ и въ поощреніе трудолюбія». Въсѣтъ съ тѣмъ у просителей находились участки, приобретенные ихъ предками покупкою «у разныхъ людей своего сословія», по закладнымъ и уступнымъ письмамъ и, наконецъ, земля, перешедшая къ нимъ по наслѣдству. «Всѣ эти сдѣлки, бывшія гораздо прежде, нежели передача тяглыхъ участковъ изъ рукъ въ руки была крестьянамъ воспрещена, совершены съ дозволенія общества и начальства и съ платежемъ существовавшихъ въ тѣ дни пошлинъ». До сихъ поръ просители владѣли своими землями безпрепятственно; имѣвшіеся у нихъ документы на право владѣнія неоднократно подвергались разсмотрѣнію подлежащаго удѣльному начальства и признавались имѣющими законную силу, и при передѣлѣ начальство «нѣсколько разъ подтверждало, при встрѣчавшихся спорахъ, не отводить этихъ земель отъ просителей и распространяло это запрещеніе, сообразуясь съ предписаніемъ департамента, даже на случай производства раздѣла земель по новой ревизіи».

Что же касается вопроса объ обращеніи теперь этихъ земель въ общій раздѣлъ, то Рычковы приписывали это проискамъ богатаго крестьянина Василия Долиннина «различными оборотами увеличившаго состояніе свое до мѣры, въ коей онъ можетъ малозначущими противу обрѣтаемыхъ имъ выгодамъ пособіями склонить большую часть крестьянъ (немущихъ, кромѣ обыкновенныхъ тяглы) къ единомыслію съ нимъ». Рычковы жаловались во-1-хъ, на отнятіе у нихъ вышеописанныхъ хорошо притомъ удобренныхъ земель, взаменъ которыхъ они получили запустошенные участки, «тогда какъ казенные крестьяне, съ утвержденія правительствующаго сената, воспользовались оставленіемъ въ ихъ распоряженіи покупныхъ и расчисленныхъ земель; во-2-хъ, на то, что, въ случаяхъ сохраненія за ними купчихъ и расчисленныхъ земель, общества накладывали на нихъ платежи за постороннія души, «гнѣвною и нерадѣніемъ запустошившіе свои участки и не хотящіе употребить рукъ своихъ на подобное просителямъ воздѣлываніе мѣстъ, въ довольномъ количествѣ и дондесъ еще свободныхъ». Обращая вниманіе департамента удѣловъ на то, что въ селеніяхъ Верхотурской волости находится болѣе 60 дес. запустошенной пашни и на 500 копенъ такого же сѣнокошу, Рычковы просили оставить купчія и расчисленные земли въ ихъ владѣніи, запретить причислять на нихъ платежныя души, просителямъ не принадлежащія и надѣлать ихъ, наравнѣ съ прочими, общественными тяглыми участками, которые они должны были бы имѣть, — «какъ одинаковые съ другими по крестьянскому званію плательщиками податей», — «еслибы собственность ихъ заключалась въ деньгахъ (потраченныхъ на приобретение земель), а не въ участкахъ».

Крестьяне Рычковы въ своемъ протестѣ противъ раздѣла земель не ограничились жалобами по начальству. Они не соглашались отдать свои участки тѣмъ, кому таковыя были назначены, увозили снятое съ нихъ сѣно, не платили наложенныхъ на нихъ податей за постороннія души и п. Глядя на нихъ, такимъ же образомъ поступали и нѣкоторые другіе

крестьяне, участки которыхъ подлежали сокращенію; а домохозяева, не получившіе причитающуюся имъ долю земли, отказывались отъ платежа за все подати. Такимъ образомъ, разстройство коснулось не только хозяйственныхъ, но и финансовыхъ отношеній, и все это въ совокупности побудило сельское общество обонхъ концовъ Верхотоемской волости обратиться съ просьбой на Рычковыхъ по начальству; но такъ какъ въ это время подоспѣла 7 ревизія, то департаментъ удѣловъ отложилъ разрѣшеніе вопроса до новаго передѣла земель.

По причинѣ убыли населенія въ отечественную войну, производство новой седьмой переписи его объявлено было черезъ 3 года послѣ шестой. Въ это время назначенъ былъ новый управляющій вологодскимъ удѣльнымъ иждивеніемъ. Разсматривая производившіяся въ конторѣ дѣла о раздѣлѣ земель, онъ обратилъ вниманіе на то, что уравненіе угодій по душамъ 6 ревизіи не было еще закончено, что на земляныхъ мѣрщиковъ и сельскихъ начальниковъ подано было до 12,000 жалобъ «о неуравненіи между крестьянами надѣла» и что почти отъ всѣхъ крестьянъ приносились жалобы на неуравненіе и во время объѣзда управляющимъ подвѣдомственного ему округа. Находя, что пристрастныя дѣйствія мѣрщиковъ, «отдѣляя крестьянъ отъ владѣнія принадлежащею имъ по всѣмъ правиламъ собственности», ведутъ къ разстройству крестьянскаго хозяйства и «желая однажды навсегда положить вонецъ спорамъ, ссорамъ и жалобамъ», управляющій, «по зрѣломъ разсужденіи съ старѣйшими изъ поселенцевъ», въ началѣ 1817 г. издалъ предписаніе о томъ, какими правилами слѣдовало руководствоваться при раздѣлѣ земель по душамъ 7 ревизіи, заимствуя эти правила какъ изъ прежнихъ распоряженій департамента, такъ и изъ правилъ бывшихъ уже раздѣловъ крестьянскихъ угодій.

Въ этомъ предписаніи подтверждалось, чтобы надѣленіе отдѣльныхъ домохозяевъ производилось главнѣйшимъ образомъ изъ купленныхъ или рачищонныхъ или земель, какъ потому, что «всякій, воздѣлывая землю, сдѣлалъ издержки на удобреніе почвы, осушеніе топей, огораживаніе и т. п. поправки, составляющія такъ называемый поземельный капиталъ», такъ и въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьянинъ, обращая вновь неудобныя мѣста въ культурныя, былъ увѣренъ въ томъ, что плоды его трудовъ въ полной мѣрѣ будутъ использоваться именно имъ, а не другими. При отрѣзкѣ земли отъ многоземельной деревни къ малоземельной, мѣрщикамъ предлагалось назначать отрѣзанный участокъ не бѣдному домохозяину, не имѣющему возможности обработать отдаленную отъ его мѣстожительства полосу, а зажиточному, который въ случаѣ надобности въ состояніи пользоваться наемнымъ трудомъ. Землю вообще надѣлялись лица мужскаго пола; но еслибы въ какой-либо семьѣ женскій полъ преобладалъ надъ мужскимъ и эта семья въ состояніи была нести всѣ подати, мірскія и общественныя повинности, то «такимъ позволять брать къ себѣ для обрабатыванія излишніе остающіяся отъ общаго надѣла тягла». При работѣ мѣрщиковъ должны были находиться кто-либо изъ сельскихъ

должностныхъ лицъ; но они не имѣли права сами производить раздѣлъ, а обязаны были только «находиться при томъ справедливыми посредниками и защитниками угнетаемаго крестьянина», наблюдать, чтобы со стороны мѣрщиковъ не было «поползновеній отнести кому-либо по родству и другимъ связямъ лучшія угодья, а особенно въ чрезполосномъ ихъ раздробленіи, безъ согласія всѣхъ поселянъ». Присутствующая при раздѣлѣ сельская власть должна была утверждать своею подписью «сдѣланное между поселянами миролюбивое постановленіе; ибо черезъ сіе никогда уже никакія не будутъ возникать на кого-либо жалобы, да и самыя просители, по изобличеніи ихъ въ несправедливости, не избѣгнуть должнаго и справедливаго наказанія». Раздѣлъ земель повсюду долженъ былъ начать съ открытіемъ весны 1817 г. и непременно законченъ въ теченіе лѣта. Издаваемые правила предписывалось прочесть на мірскихъ сходкахъ и объявить крестьянамъ, что, по полученіи конторою подписанныхъ сельскими властями соглашеній между всѣми крестьянами о раздѣлѣ, «никакія частно отъ крестьянъ на неуравнительность раздѣла земель жалобы не будутъ уже имѣть мѣста».

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года управляющій доносилъ департаменту удѣловъ, что при объѣздѣ подвѣдомственнаго ему района онъ разсматривалъ «последне-сдѣланныя мірскими обществами, подъ наблюденіемъ сельскихъ начальниковъ, въ подѣлѣ всѣхъ вообще угодій уравнианія» и, находя ихъ правильными, «утвердилъ въ полной мѣрѣ». При этомъ онъ «не оставилъ внушать крестьянамъ, что правительство, пекущееся о благосостояніи каждаго изъ нихъ, замѣчаетъ особенно трудолюбивыхъ и почтительныхъ о сельскомъ хозяйствѣ и потому-то поселяне, удабривавшіе участки тягольныхъ земель и расчищавшіе, сверхъ того, пустопорожни и зарослыя мѣста, преимущественно надѣляются нынѣ полными участками изъ тѣхъ же угодій». «Покончивъ такимъ образомъ всё между крестьянами распри и поставя учиненный раздѣлъ земель единственнымъ фундаментальнымъ правиломъ», управляющій выражалъ полную увѣренность, что этимъ положенъ будетъ конецъ жалобамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду поступавшимъ въ удѣльную контору и затруднявшимъ также высшее начальство.

То же увѣреніе управляющимъ было повторено въ концѣ 1817 года, когда онъ представлялъ департаменту о дозволеніи 9-ти крестьянамъ произвести расчистку подъ пашню участковъ, отведенныхъ имъ изъ мірскихъ запольныхъ земель.

Это предсказаніе управляющаго, повидному, оправдалось на практикѣ. По крайней мѣрѣ, до 1820 г. въ департаментъ удѣловъ не поступало жалобъ на раздѣлъ земель отъ бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ Вологодской губерніи, и слѣдующіе передѣлы (при ревизіяхъ), повидному, проходили также безъ серьезныхъ недоразумѣній. Впрочемъ, въ 1828 г. управляющій вологодской удѣльной конторой для прекращенія споровъ между волостями и деревнями о земляхъ, — споровъ, происходившихъ вслѣдствіе

«неизвѣстныя границы»,—предписала произвести (черезъ посредство избранныхъ волостями мѣрщиковъ—по 2 человека на волость) обмѣръ земли и опредѣленіе границъ «между волостями, селеніями и даже, если нужно будетъ къ совершеннѣйшему спокойствію, тишинѣ и доставленію каждому его собственности, и между крестьянскими участками». Это распоряженіе было приведено въ исполненіе въ теченіе одного года.

Такова исторія начала уравниванія крестьянскихъ земель на сѣверѣ Россіи, имѣвшаго мѣста въ предѣлахъ нынѣшней Вологодской губерніи. Нѣсколько позже передѣлъ волостныхъ земель осуществился среди удѣльныхъ крестьянъ и другой сѣверной губерніи—Архангельской.

IX.

Какъ извѣстно, первое уравниваніе земель среди казенныхъ крестьянъ Архангельской губ. имѣло мѣсто въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія; у удѣльныхъ же крестьянъ (ковъ въ концѣ прошлаго вѣка насчитывалось около 19½ тысячъ ревизскихъ душъ, имѣвшихъ въ совокупности 18,200 дес. пахотной и 12,140 дес. сѣнокосной земли) оно было произведено двадцатью годами раньше. Впрочемъ, попытка уравниванія крестьянскихъ земель въ названной губерніи была сдѣлана еще въ 1785 г. Именно, въ этомъ году со стороны директора экономіи Архангельской губ. послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы крестьяне «всѣ тяглыя земли уравнили между собой безобиднымъ раздѣломъ, и гдѣ оныхъ недостаточно,—чтобы приступили къ разработыванію новыхъ полевыхъ земель общими мѣрскими силами». Но идея уравнивательнаго раздѣла земель въ этой слабо населенной губерніи тогда, повидимому, еще не достаточно назрѣла, и потому, послѣ жалобъ нѣкоторыхъ крестьянъ на отнятіе у нихъ при передѣлѣ купчихъ и расчисленныхъ земель, правительство сначала было предписало оставлять названныя угодья за старыми владѣльцами, а затѣмъ вовсе отмѣнило раньше изданное распоряженіе о раздѣлѣ, взаимнѣн котораго директоромъ экономіи было предписано, чтобы крестьяне «общими силами расчислили такое количество земли, какое, по измѣренію, нужно будетъ для снабженія какъ недостаточныхъ, такъ и безземельныхъ полною пропорціей всѣхъ угодій» и снабдили неимущихъ необходимымъ инвентаремъ *).

Въ этому эпизоду, безъ сомнѣнія, относится имѣющійся у насъ документъ, изъ котораго видно, что вышеописанныя распоряженія о раздѣлѣ земель касались не только бывшихъ черносошныхъ, но и дворцовыхъ крестьянъ. Документъ этотъ заключается въ предписаніи директора архангельской экономіи старостѣ и крестьянамъ Прилуцкой волости, Шенкурскаго уѣзда, населеннаго почти исключительно только дворцовыми крестьянами. Въ предписаніи (отъ 1 октября 1786 года) директора говорится, что всѣ крестьяне названной волости «единогласнымъ приговоромъ и подписъ

*) *Александра Ефименко*: „Исслѣдованія народной жизни“, стр. 331—4.

кою», данною ему, директору, относительно недостатка папешныхъ и съновосныхъ земель по числу ревизскихъ душъ обязались «немощныхъ и малоземельныхъ крестьянъ удовлетворить расчистными пустопорослыми годовыми землями» осенью того же 1786 года. Не сомнѣваясь въ томъ, что крестьяне для собственной пользы выполнять это обязательство, «однакоже, для приведенія всего того въ желаемое содѣйствіе», директоръ считъ нужнымъ подтвердить «старостѣ, сотскому и всѣмъ лучшимъ крестьянамъ, нимаго не упуская нынѣ наступившаго удобнаго къ расчисткѣ времени, непремѣнно приступитъ общими силами не только къ расчисткѣ, но и къ распащѣ земель, такъ, чтобы съ наступленіемъ первобудущей весны можно было насѣвать и самый хлѣбъ». Дѣлая это распоряженіе, директоръ выстѣ съ тѣмъ предписывалъ, чтобы казенная палата и земскій судъ еженедѣльно увѣдомлялись о томъ, сколько текущей осенью и слѣдующей весной будетъ расчищено земли: 1) общими мірскими силами для безпачотныхъ домохозяевъ и 2) личными усиліями остальныхъ крестьянъ каждымъ для себя самого и кому именно и въ какомъ количествѣ отведена будетъ расчищенная міромъ земля. Въ случаѣ неисполненія этого предписанія, «болѣе всѣхъ прочихъ отвѣтствовать будутъ волостные старосты, сотскіе и всѣ волостные лучшіе крестьяне, ибо за всѣмъ тѣмъ имъ надлежитъ имѣть попеченіе, яко волостные старшины».

Сомнительно, чтобы изложенное распоряженіе привело къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ, и вѣрнѣе будетъ предположить, что и послѣ его изданія среди дворцовыхъ крестьянъ Архангельской губ. продолжала существовать прежняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли.

Новая попытка къ нѣкоторому уравниенію землепользованія дворцовыхъ крестьянъ Архангельской губерніи была сдѣлана уже послѣ перехода ихъ въ удѣльное вѣдомство.

Выше было указано, что для скорѣйшаго достиженія цѣли уравниенія землепользованія удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губ., по возможности безъ нарушенія интересовъ многоземельныхъ домохозяевъ, департаментъ удѣловъ въ 1802 году предписалъ надѣлать малоземельныхъ крестьянъ изъ земель, имѣющихъ быть расчистными общими силами селенія, и для приведенія этого распоряженія въ исполненіе командировалъ совѣтника Барыкина для осмотра всѣхъ впускъ лежащихъ при селеніяхъ пространствъ. И хотя «раздѣлъ земель по душамъ въ Шенкурской округѣ впредь не разсмотрѣнъ остановленъ», но приведенное распоряженіе о расчисткѣ пустующихъ земель спустя нѣсколько лѣтъ было распространено и на Архангельскую губернію, по отношенію къ которой предполагалось «удовлетворить малоземельныхъ изъ того, сколько общими силами изъ пустопорожныхъ земель обработано будетъ, а потомъ и другимъ въ поравненіе по душамъ, хотя и большеземельнымъ, предоставить». Но и это предположеніе, повидимому, имѣло не больше успѣха, чѣмъ и аналогичное распоряженіе директора экономіи.

Въ настоящему уравниенію своихъ участковъ крестьяне Шенкурскаго

уѣзда приступили послѣ 6 ревизій, когда (въ 1812 г.) департаментомъ удѣловъ вообще было разрѣшено подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ передѣлять состоявшія въ ихъ пользованіи земли и были объявлены основныя правила передѣла.

Уравненіе земель предписывалось произвести «напередъ во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ и волостяхъ, которыя обмежаваны въ однѣ окружныя межи по вѣдомству каждаго приказа». «По окончаніи такого уравненія, еслибы встрѣтилось, что въ иномъ приказѣ противу другого оказалось за разверсткою недостаточное количество земельныхъ угодій или превосходное, то самая справедливость требуетъ, посредствомъ переселенія (которое, впрочемъ, только дозволялось, но не требовалось) уравнять участками всѣхъ крестьянъ разныхъ селеній, такъ, чтобы въ каждомъ приказѣ всякій хлѣбопашецъ удовлетворенъ былъ одинаковою и равномерною пропорціей».

Изъ приведенной, не совсѣмъ, правда, ясной выдержки изъ циркуляра 1812 г. о раздѣлѣ земель, видно, что обочетательной земельной единицей при раздѣлѣ департаментомъ признавался искусственный административный округъ—приказъ, и малоземельныя волости получили право требовать увеличенія своихъ надѣловъ на счетъ другихъ волостей того же приказа. Но—потому ли, что такого уравненія между крестьянами значительно удаленныхъ другъ отъ друга территорій можно было достигнуть лишь путемъ переселенія нѣкотораго числа семей изъ малоземельныхъ волостей въ многоземельныя, на что не всегда могло найтись достаточное число охотниковъ, или по другимъ соображеніямъ, но удѣльные крестьяне Шенкурскаго округа обыкновенно не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ уравненія цѣлыми приказами и производили раздѣлъ земель въ каждой волости отдѣльно отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе указаніе департамента удѣловъ на приказъ, какъ на возможную земельную единицу, отразилось на технику раздѣла въ томъ отношеніи, что первый приступъ къ нему (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ) совершался цѣлымъ приказомъ и обмѣръ земли производился по всему приказу. Такъ, наприм., мирскія общества Предтеченскаго приказа начали съ того, что положили сдѣлать перемѣръ земли во всѣхъ волостяхъ, командируя добросовѣстныхъ «изъ одной волости въ другую взаимно» (на что приказъ испрашивалъ разрѣшенія управляющаго). Перемѣръ земли одновременно во всѣхъ волостяхъ и рассмотрѣніе добытыхъ данныхъ представителями всѣхъ волостей приказа было сдѣлано также въ Великоиколаевскомъ приказѣ, и т. д. Въсѣмъ съ тѣмъ въ общемъ сходѣ представителей всѣхъ волостей приказа долженъ былъ разрѣшаться и вопросъ о томъ, будетъ ли происходить уравненіе земель въ предѣлахъ отдѣльныхъ волостей или цѣлаго приказа; и здѣсь же могли быть подымаемы и другіе вопросы о предстоящемъ раздѣлѣ.

Какъ общее правило, уравненіе земель производимо было, повторяемъ, въ предѣлахъ одной волости или нѣсколькихъ волостей, связанныхъ какижъ-либо общимъ интересомъ; но нѣкоторыя общества требовали уравненія участковъ въ границахъ цѣлаго приказа. Такъ, сельскіе выборные,

избранные мирскими обществами (согласно правиламъ департамента) для разверстки земли добросовѣстные, и лучше крестьяне «разныхъ волостей и боярщинъ» Великониколаевского приказа на общей сходкѣ разсмотрѣли собранныя мѣриками данныя о земляхъ, и хотя по расчету оказалось, что среднее количество земли на душу въ разныхъ волостяхъ приказа не одинаково, «да и земля у однихъ лучшая, горная, а у другихъ ежегодно вешней водой заимствующая, иная и плохая», тѣмъ не менѣе они рѣшили, «согласно разводу земель по прочимъ приказамъ», гдѣ уже было произведено расчисленіе угодій, причѣмъ крестьяне «не вступались полученіемъ стороннихъ земель, а довольствовались имѣвшимися при каждой волости»,—примѣнить тѣ же основанія и къ данному случаю. А именно: Афонасовская и Трифоновская боярщины, имѣвшія смежныя земли «и въ покосахъ перехода съ одной на другую пожню, принимаютъ, сколько земель по измѣреніи оказалось, разверстать на число душъ по равной части»; Груздоровская и Федоровская боярщины рѣшили «на такомъ же условіи», «имѣвшія въ двухъ волостяхъ земли, поравнять по числу душъ по равной части»; Шаповская, Есиповская, Владиміровская, Васильевская и Ивановская боярщины Едемскихъ деревень и Нижнедемская волость, имѣвшія земли въ смежности, «а особливо изъ одной въ другую волости крестьяне пользуются землями владѣніемъ и платежъ податей съ оныхъ производимъ былъ въ ту волость, въ коей кто пользуется землей», положили: пахотную землю разверстать по каждой волости отдѣльно, не требуя одна отъ другой прибавки, «а сѣновою—на число душъ по равной части, сколько по качеству и количеству земель и сортамъ достанется, не смѣшиваться съ прочими волостями и считаться довольными»; Тернянская же волость, Устарнянскія и Батаскія деревни и Верхоледная слободка, всего 1,006 душъ, напротивъ того, не желали оставаться на своихъ земляхъ, «а намѣревались переходить цѣлыми волостями на новые участки». Но такъ какъ названныя общества отъ другихъ дальнихъ волостей находятся на разстояніи отъ 25 до 65 верстъ, «то если сдѣлать имъ переселеніе, въ такомъ случаѣ придти они могутъ въ разореніе и будутъ платежемъ податей несостоятельными, да и здѣшнихъ привести хотять въ разореніе». Признавая, что земля разсматриваемыхъ обществъ дѣйствительно нѣсколько хуже, чѣмъ въ остальныхъ волостяхъ, «бывшіе въ приказѣ выборные и крестьяне», однако, находили, что это невыгодное обстоятельство выкупается имѣющимися у нихъ лучшими лѣсными угодьями, съ которыхъ они получаютъ доходы путемъ звѣриныхъ и пчельныхъ промысловъ, куренія смолы и разработки подсѣкъ, а потому полагаали оставить названныя общества при ихъ владѣніяхъ, а если они будутъ «утруждать начальство просьбами», то всѣмъ остальнымъ, подписавшимся подъ приговоромъ, «отвѣтствовать вообще». По вопросу объ уравненіи въ предѣлахъ вышеочерченныхъ районовъ принято было, чтобы на первый сортъ пашни давать по одному возу покосовъ, на второй—по два и на третій—по 3 воза *).

*) Что касается техники раздѣла земель въ Архангельской губ., то мы обладаемъ

X.

Важнѣйшимъ вопросомъ уравниенія крестьянскихъ земель въ Архангельской губерніи было то, какимъ образомъ отнесутся общины къ купчимъ и расчистнымъ землямъ. Въ одномъ изъ первыхъ предположеній мірскихъ обществъ по поводу передѣла, — предположенія обществъ Предтеченскаго приказа (въ маѣ мѣсяцѣ 1812 г.), — относительно расчистныхъ и новоприсадныхъ земель, «не въ десятинномъ числѣ по нынѣ состоящихъ, настоящаго предположенія къ разверсткѣ не сдѣлано», впрочемъ нѣкоторыя общества рѣшали «брать въ мѣру» расчисти, разработанныя 15—25 лѣтъ тому назадъ. Приказъ обратился съ запросомъ по этому предмету къ управляющему конторой, а послѣдній испрашивалъ указаній у департамента удѣловъ. Департаментъ далъ по этому предмету такой же отвѣтъ, какъ и на подобный же запросъ вологодскаго управляющаго, а именно, что рѣшеніе вопроса о раздѣлѣ расчистныхъ земель должно принадлежать самимъ обществамъ, что имъ же слѣдуетъ предоставить разсмотрѣніе документовъ на право владѣнія купчими землями, «а въ случаѣ дальнѣйшихъ споровъ на сіе акты — о причинахъ доносить г. министру, съ приложеніемъ съ нихъ копій».

Послѣ этого мірскія общества начали назначать купчія и расчистныя земли въ общій раздѣлъ. Такъ, общества Великониколаевскаго приказа, въ 1813 г., «уничтожа имѣвшіяся у нѣкоторыхъ крестьянъ крѣпости», положили пустить купчія земли въ раздѣлъ и сдѣлать то же самое съ землями, расчищенными до 1795 г.; что же касается участковъ, разработанныхъ послѣ названнаго момента, ихъ рѣшено было оставлять нетронутыми, а «не имѣвшихъ таковыхъ расчистокъ снабдить удобными для пашни и покоса мѣстами; если же оныхъ не окажется, то раздѣлить и тѣ расчистки по равной части». Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса на общемъ сходѣ представителей Великониколаевскаго приказа предоставлено было отдѣльнымъ волостямъ, которыя «могутъ разойтись безобидно и сдѣлать особыя положенія». Было только постановлено, что кто впредь сдѣлаетъ расчистку, «таковой уже вѣчно въ раздѣлъ не полагать, а имѣть тому, яко своей собственностью, безъ всякаго отъ общества прекословія, и платежа податей съ оной не взыскивать; кто же предназначеннаго удобнаго мѣста не расчиститъ, таковаго никому разработкою не занимать, а пусть оно остается его полосомъ».

только нѣкоторыми весьма скудными свѣдѣніями, относительно уравниенія крестьянъ Пуйской волости въ пользованіи сѣнокосами. Избранные мірскимъ обществомъ и приведенные къ присягѣ 25 мѣришниковъ провѣрили сѣнокосы всѣхъ деревень, измѣряя ихъ количествомъ собраннаго въ томъ году сѣна: коренные сѣнокосы — по вѣсу послѣдняго, «смотря по добротѣ», а расчистные — по числу воевъ («не менѣе, было бы 40 пудъ воевъ»). «Въ какой деревнѣ сколько оказалось сѣна — дѣлано положеніе и обыватели кто принималъ за сколько вѣсомъ въ остожьяхъ, за то и было отдавало, а кто не принималъ — вѣсили пудами и записывали въ имѣющуюся при нихъ (де ревняхъ?) тетрадь».

Такъ какъ владѣльцы купчихъ земель не соглашались отдать ихъ въ раздѣлъ, то управляющій архангельскою конторой предписалъ Велико-николаевскому и другимъ приказамъ—до разрѣшенія этого вопроса департаментомъ—оставить спорные участки въ прежнихъ рукахъ, съ тѣмъ, однако, «чтобъ оныя земли безъ насѣва и обрабатыванія отнюдь не оставались».

Департаментомъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ вѣроятно въ пользу раздѣла. По крайней мѣрѣ въ жалобѣ 12 домохозяевъ отъ 1816 г. говорится, что, несмотря на вышеизложенное распоряженіе управляющаго, мірское общество Великониколаевского приказа положило купчія и расчистныя земли въ общій раздѣлъ, и что хотя они тогда же просили управляющаго о возвращеніи отобранныхъ у нихъ участковъ, но удовлетворенія не получили. При новомъ разсмотрѣніи, вызванномъ жалобой, этого вопроса, мірскія общества Великониколаевского приказа нашли, что дѣйствительно имѣвшіяся у 12 вышеупомянутыхъ и у другихъ недовольныхъ купчія крѣпости «писаны до манифеста 1765 г. и тогда же у крѣпостныхъ дѣлъ засвидѣтельствованы съ платежешъ казенныхъ пошлинъ» и что спорныя земли предвами настоящихъ владѣльцевъ куплены у «своей собратіи» и у постороннихъ лицъ. Несмотря на законность документовъ, общества однако не соглашались изъять эти земли изъ раздѣла. «Тягольной земли,—сказано въ приговорѣ объ этомъ,—имѣется на всѣхъ крестьянъ недостаточное количество, и если отдать прежнимъ владѣльцамъ крѣпостныя земли, то неминуемо могутъ дойти всѣ крестьяне до совершенной бѣдности и несостоянія къ оплачиванію податей». Назначая поэтому спорныя земли въ общій раздѣлъ, мірскія общества вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали по окончаніи передѣла (по душамъ 7 ревизіи) уплатить прежнимъ ихъ владѣльцамъ «тѣ самыя деньги, кои были употреблены на покупку».

Департаментъ удѣловъ утвердилъ эти постановленія обществъ и, такимъ образомъ, не удовлетворилъ просителей, находя съ своей стороны «что всѣ прежнія купчія сдѣлки могли относиться къ праву своему только до преобразованія хозяйственнаго управленія удѣльныхъ имѣній, а съ состоянія онаго въ ихъ обязанностяхъ подлежать уже крестьяне подъ общія правила» (новыя); и что ходатайство просителей не только о возвращеніи купчихъ и расчистныхъ земель, но и о надѣленіи ихъ наравнѣ съ прочими домохозяевами тягольными участками обнаруживаетъ противъ равной собратіи неумѣренныя требованія «къ обидѣ ихъ при недостаткѣ вообще тягольной земли». Предписывая объявить о такомъ его рѣшеніи на мірскихъ сходкахъ, департаментъ удѣловъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ объяснить крестьянамъ, что еслибы «и за учиненною разверсткою на число душъ по настоящей (7-й) ревизіи оказался въ земляхъ недостатокъ по узаконенной пропорціи *), то дабы они въ благонадежномъ терпѣніи оста-

*) Въ разныхъ волостяхъ Великониколаевского приказа при раздѣлѣ по душамъ 7 ревизіи пришлось на душу: пашенной земли отъ 2,202 кв. саж. до 1 дес. 780 саж.,

вались», такъ какъ имѣть уже предположеніе объ общемъ «надѣленіи удѣльныхъ крестьянъ изъ казенныхъ земель нужною пропорціею».

Въ Великониколаевскомъ приказѣ въ раздѣлѣ были пущены, повидимому, всѣ земли, расчищенные до 1795 г., вопросъ же о болѣе позднихъ расчищеніяхъ предоставленъ былъ, какъ мы видимъ, на разрѣшеніе отдѣльныхъ волостей. Въ Пуйской волости Благовѣщенскаго приказа, при передѣлѣ по душамъ 7 ревизіи (въ 1817 г.) раздѣлу подлежали всѣ земли,—какъ бы то ни было расчищенные, — по рѣчкамъ и ручьямъ; что же касается участковъ, раздѣланныхъ изъ-подъ чернаго лѣса, то уравненіе распространилось лишь на земли, обращенныя въ культурное состояніе 18 лѣтъ назадъ и раньше (т.-е. въ концѣ прошлаго вѣка); участки же, расчищенные позже этого времени (а также росчисты, слишкомъ удаленныя отъ селеній), были оставлены въ распоряженіи прежнихъ хозяевъ на время, пока крестьяне, не имѣвшіе такихъ росчистей, не раздѣлаютъ въ свою очередь «такое же количество»; а «буде ими таковыхъ (росчистей) по своему трудолюбію учинено не будетъ, то оныхъ впредь никогда въ раздѣлѣ не полагать». Постановленіемъ общества Пуйской волости о раздѣлѣ старо-расчищенныхъ земель остались недовольны 33 домохозяина д. Бяковской; но ихъ ходатайство о возвращеніи имъ расчищенныхъ земель, послѣ разслѣдованія дѣла, было отклонено.

Кромѣ этой жалобы до департамента удѣловъ доходили еще двѣ-три жалобы на раздѣлѣ земель въ Архангельской губерніи. Изъ этихъ жалобъ особенный интересъ имѣетъ прошеніе крестьянина д. Трофимовской Благовѣщенской волости и приказа, Пшеницына, о замѣнѣ отведеннаго ему на одну душу участка въ другой деревнѣ соответствующимъ участкомъ изъ его прежняго владѣнія. Не получая удовлетворенія отъ удѣльнаго начальства, Пшеницынъ обращался къ заступничеству петербургскаго генералъ-губернатора. Управляющій вологодской конторой убѣждалъ общество отвести Пшеницыну землю изъ его прежняго владѣнія. Но крестьяне «ни на какія его убѣжденія сдѣлать сіе не согласились», говоря, что не одинъ Пшеницынъ, но и прочіе крестьяне, его сосѣди, по недостатку въ ихъ деревнѣ земли на все число душъ, часть ея получили изъ прежнихъ своихъ владѣній, въ самой деревнѣ, а часть—изъ чужихъ земель, за 3—5 верстъ (Пшеницынъ, владѣвшій ранѣе $5\frac{1}{2}$ дес. земли, еще при передѣлѣ по душамъ 6 ревизіи, получилъ изъ нея $3\frac{1}{4}$ десятины, а при раздѣлѣ по душамъ 7 ревизіи ему на двѣ души былъ оставленъ тотъ-же участокъ, а на прибылую за это время третью душу отведена земля на сторонѣ); и

сѣнокосной отъ 1,596 кв. саж. до 1 дес. 694 саж. Въ большей части другихъ волостей Шенкурскаго округа душевой участокъ удѣльныхъ крестьянъ не достигалъ и одной десятины, причѣмъ сѣнокосный участокъ обыкновенно былъ значительно меньше пахотнаго. Въ Пуйской волости пришлось на душу 2,136 саж. пахоти и 1,219 саж. сѣнокоса (кромѣ имѣвшихся у нѣкоторыхъ крестьянъ новыхъ расчистокъ); по другимъ же свидѣніямъ подѣленные сѣнокосы давали здѣсь на душу: коренные 95 возовъ и расчистые $28\frac{1}{2}$ пуд. сѣна.

а малосемейныхъ въ мужскомъ полѣ до сего не допускаютъ». По донесеніи объ этомъ департаменту удѣловъ, послѣдній предписалъ управляющему, чтобы тотъ настоятельно убѣждалъ крестьянскія общества отвести вдовамъ и сиротамъ необходимую для нихъ пропитанія землю и дать «имъ всё способы къ своевременному ея обрабатыванію». А если это представляется затруднительнымъ, то чтобы управляющій «склонилъ общества въ согласію не могущихъ трудами своими снискивать безбѣднаго пропитанія вдовъ и сиротъ содержать на общій счетъ выдачею денегъ изъ запасныхъ магазиновъ, съ употребленіемъ же ихъ посильными трудами въ пользу общественную».

Передѣлами 1812—1818 гг. были разрѣшены всё вопросы объ уравненіи землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ, и послѣдующіе передѣлы земель въ Архангельской губерніи, насколько извѣстно, не вызывали среди крестьянъ серьезныхъ недоразумѣній.

XI.

Повторимъ вкратцѣ главнѣйшіе факты изъ сдѣланнаго выше описанія исторіи первыхъ передѣловъ земли въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи.

1. Первые распоряженія казенной палаты о раздѣлѣ крестьянскихъ земель въ Вологодской губерніи сдѣланы были въ концѣ прошлаго вѣка по просьбѣ нѣкоторыхъ малоземельныхъ крестьянъ объ удовлетвореніи ихъ землею по числу душъ производившейся тогда 5-й ревизіи. Это распоряженіе осуществилось въ дѣйствительности, благодаря настоянію малоземельныхъ крестьянъ, обращавшихся по начальству съ жалобами на сопротивленіе раздѣлу со стороны многоземельныхъ домохозяевъ.

2. Черезъ три года послѣ изданія распоряженія о раздѣлѣ земель—въ видахъ упорядоченія этого дѣла,—вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ были изданы для подвѣдомственнаго ему округа правила уравненія крестьянскихъ участковъ, согласно которыхъ: а) изъ раздѣла исключались не только земли, купленные по законо-утвержденнымъ крѣпостямъ (что предполагалось и въ распоряженіи казенной палаты), но и расчищенные настоящими владѣльцами и ихъ предками; б) домохозяева, имѣвшіе достаточное (по числу душъ) количество крѣпостной земли, не могли требовать отведенія себѣ еще изъ общественныхъ угодій; в) деревнямъ, получившимъ при передѣлѣ часть пахотной земли изъ угодій другаго отдаленнаго поселенія, рекомендовалось переводить на житье въ это послѣднее соотвѣтствующее число семей.

3. Черезъ три года послѣ состоявшагося предписанія вологодской казенной палаты о раздѣлѣ земель, дворцовые крестьяне поступили въ завѣдываніе удѣльнаго вѣдомства, центральные органы котораго не имѣли определенной точки зрѣнія на этотъ предметъ и колебались между ограничительными и поощрительными мѣрами по отношенію къ уравненію крестьянскихъ участковъ. Такъ, по одному представленію органа мѣстнаго

управления, департаментъ удѣловъ отмѣнилъ начатый раздѣлъ земель, по другому—вновь возстановилъ его.

4. Какъ общее правило, удѣльная администрація не виѣшивалась непосредственно въ процессъ раздѣла крестьянскихъ земель и входила въ это дѣло, обыкновенно лишь по жалобамъ недовольныхъ, которые прежде всего обращала на разсмотрѣніе обществъ или выборныхъ представителей спорящихъ сторонъ. Въ предупрежденіе же новыхъ жалобъ, удѣльная экспедиція поручала въ 1801 и 1802 гг. своимъ членамъ, при осмотрѣ удѣльныхъ селеній, принимать мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, состоявшіеся уже мірскіе приговоры о раздѣлѣ общественныхъ земель, буде они справедливы, были приведены въ исполненіе; съ другой,—чтобы общества, гдѣ приговоры о раздѣлѣ еще постановлены не были, но гдѣ не обнаружено и единодушнаго желанія оставаться при прежнемъ видѣніи, сдѣлали по этому предмету мірскіе приговоры.

5. Описываемыя мѣры не привели, однако, въ желательному умиротворенію крестьянъ, и департаментъ удѣловъ, въ видахъ ослабленія борьбы за уравненіе крестьянскихъ участковъ, издалъ распоряженіе о томъ, чтобы малоземельные крестьяне получали удовлетвореніе своихъ требованій, по возможности, не отводами земли отъ многоземельныхъ домохозяевъ, а надѣленіемъ изъ впускѣ лежащихъ при селеніяхъ земель, которыя должны были быть предварительно расчищены общими силами всего селенія, и командировало совѣтника Карюкина для соответствующихъ распоряженій на мѣстахъ. Но и эта мѣра осталась, повидимому, безъ практическаго осуществленія, и распоряженіе департамента не прекратило возгорѣвшейся между крестьянами борьбы и стремленія со стороны малоземельныхъ крестьянъ къ распространенію уравненія на участки многоземельныхъ домохозяевъ.

6. Первое уравненіе землепользованія бывшихъ дворцовыхъ крестьянъ въ Вологодской губерніи затянулось на десять лѣтъ и болѣе и было исполнено очень несовершенно, какъ по отсутствію точныхъ свѣдѣній о качествахъ и количествахъ крестьянскихъ земель, по невыработанности техники этого дѣла, такъ и по причинѣ необходимости,—путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній,—примирять разнообразныя сталкивающіеся интересы. Въ это время въ практикѣ уравненія прочно утвердился приемъ примиренія разныхъ интересовъ, заключающійся въ перенесеніи платежа отъ малоземельныхъ домохозяевъ на многоземельныхъ. Первоначально къ этому приему прибѣгали, повидимому, ради сохраненія за многоземельными домохозяевами ихъ крупныхъ участковъ; впоследствии же онъ сталъ применяться и вопреки желанію такихъ домохозяевъ. Удѣльная администрація то боролась противъ распространенія этого средства уравненія, то поощряла его.

7. Во время перваго уравненія крестьянскихъ участковъ изъ раздѣла были исключены расчистныя и преимущественно купчія земли. Включеніе этихъ земель въ общій раздѣлъ было сдѣлано по настоянію крестьянъ и съ дозволенія департамента удѣловъ при передѣлахъ по душамъ 6-й и 7-й

ревизій, отдѣленныхъ одна отъ другой промежуткомъ всего только въ три года. Эти послѣдніе передѣлы также сопровождались горячею борьбой и многочисленными спорами и жалобами, но за то при этомъ всѣ главнѣйшіе вопросы уравниенія земель были окончательно разрѣшены и послѣдующіе передѣлы не вызывали серьезныхъ недоразумѣній.

8. Такимъ образомъ, можно сказать, что процессъ обращенія наследственнаго пользованія волостной крестьянской землей въ уравнительное въ Вологодской губерніи окончательно завершился въ теченіе приблизительно 20 лѣтъ. Среди удѣльныхъ крестьянъ Архангельской губерніи этотъ процессъ начался пятнадцатью годами позже, сопровождался менѣе горячей борьбой партій и закончился въ теченіе менѣе одного десятилѣтія.

Общее-же заключеніе, вытекающее изъ всего вышеизложеннаго состоитъ въ томъ, что осуществленіе идеи уравнительнаго пользованія землей среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній было достигнуто благодаря настойчивому требованію уравниеній со стороны малоземельнаго большинства домохозяевъ.

В. В.

Армія спасенія и ея „соціальная схема“ *).

Въ 1890 году появилась въ Лондонѣ книга, весьма быстро обратившая на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Авторъ этой сенсационной книги генералъ арміи спасенія, Вильямъ Бутсъ, ссылаясь на опытъ и успѣхи, достигнутые арміей на поприщѣ благотворительности, взялся «извлечь изъ водоворота нищеты и порочности» три милліона разнаго рода пролетаріевъ, насчитывавшихся въ то время, по его разсчету, въ Великобританіи. Этотъ грандіозный проектъ, крайне живо изложенный и подробно мотивированный, нашелъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и сочувниковъ какъ въ самой Англій, такъ и за границей. Въ Россіи проф. Янжулъ въ своей статьѣ, посвященной изложенію книги В. Бутса, назвалъ его планъ «наиболѣе выдающимся и практически осуществимымъ проектомъ реорганизации рѣзкихъ аномалій изъ жизни массы населенія всѣхъ промышленныхъ городовъ Западной Европы» **). Редакторъ англійскаго журнала *The Review of Reviews* В. Стадъ далъ еще болѣе благопріятный отзывъ о «соціальной схемѣ» В. Бутса, выразивъ увѣренность, что «съ успѣхомъ его предложеній настанетъ для человѣчества заря новой и болѣе свѣтлой эры». Англійское общество не ограничилось одними выраженіями сочувствія, но выразило въ то же время полную готовность оказать В. Бутсу содѣйствіе въ осуществленіи его схемы, предоставивъ ему потребованные имъ 100,000 ф. ст. (около милліона рублей на наши деньги) и давъ ему, такимъ образомъ, возможность приступить къ дѣлу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шести лѣтъ и, поэтому, является крайне любопытнымъ ознакомиться съ тѣмъ, что вышло изъ «соціальной схемы» за этотъ промежутокъ времени. Подобное ознакомленіе, помимо удовлетворенія нашей любознательности, представляетъ въ то же время большой научный и практическій интересъ. Разносторонняя и многолѣтняя борьба арміи спасенія съ пауперизмомъ проливаетъ достаточно свѣта какъ на ха-

*) Докладъ читанный въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 10 ноября 1897 г.

***) См. статью „Въ трущобахъ Англій“, помещенную въ его сборникѣ *Въ помощь лучшему будущаго*. Сиб., 1893 г.

рактёр этого общественнаго зла, такъ и на пригодность тѣхъ или другихъ приёмовъ борьбы съ нимъ. Но для того, чтобы всесторонне выяснить характеръ предпріятія В. Бутса, необходимо предварительно ознакомиться съ тѣмъ, что армія спасенія изъ себя представляетъ, какія цѣли она преслѣдуетъ и вслѣдствіе какихъ причинъ обратилась она отъ чисто-миссіонерской дѣятельности къ социальнымъ начинаніямъ всякаго рода.

I *).

Въ 1865 году одному талантливому и энергичному методистскому проповѣднику В. Бутсу удалось образовать небольшой релігіозный кружокъ, принявшій названіе «христіанской миссіи восточной части Лондона». Своєю цѣлью эта миссія поставила «борьбу съ дьяволомъ», другими словами, обращеніе на путь истинны низшихъ слоевъ народа, погразившихъ въ нищету и пороки. Борьба съ дьяволомъ велась первоначально путемъ проповѣди «истинъ христіанской релігіи, признанныхъ почти всѣми вѣроисповѣданіями» жителямъ лондонскихъ трущобъ. Въ 1870 году названный кружокъ настолько разросся, что распространилъ свою дѣятельность по всей Англіи, принявъ названіе «христіанской миссіи». Въ 1878 г. состоялся конгрессъ членовъ этой миссіи, на которомъ она получила военную организацію и была переименована въ армію спасенія. Въ восьмидесятихъ годахъ дѣятельность арміи выходитъ за предѣлы Великобританіи, измѣняя въ то же время свой характеръ. На-ряду съ заботами о духовномъ возрожденіи пролетаріата, армія спасенія начинаетъ все болѣе и болѣе заботиться объ удовлетвореніи его матеріальныхъ потребностей. Дѣятельность арміи въ этомъ послѣднемъ направленіи, понемногу расширяясь, обратила на себя вниманіе англійскаго общества во время извѣстной стачки портовыхъ рабочихъ съ доковъ, состоявшейся въ 1889 г. Появившаяся въ слѣдующемъ году книга В. Бутса, переведенная вскорѣ чуть ли не на всѣ европейскіе языки, доставила, наконецъ, арміи всемірную извѣстность. Въ какихъ размѣрахъ ведетъ армія спасенія свою борьбу съ дьяволомъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры, взятія изъ ея отчетовъ за 1895 и 1896 годъ. Вся армія раздѣлена на 8,673 корпуса и насчитываетъ однихъ только офицеровъ на дѣйствительной службѣ 11,869 человекъ; число рядовыхъ въ отчетахъ, къ сожалѣнію, не приводится. Эти силы распределены по всѣмъ частямъ свѣта въ 34 странахъ и госу-

*) Главными источниками этой главы послужили слѣдующія изданія арміи спасенія: „A Review of the progress of the Salvation Army during the year 1891“. London, 1891. „The S. A. Twenty-sixth annual statement of Account for the year 1892“. London, 1892. *Others*: „A glance at the Work of the Salvation Army in its 29 the year. 1894—5“. London, 1895. *Why Not*. „A salvation army question, by Commissioner Railton. „Vainqueur“, par Arthur S. Booth-Clibborn. Deuxieme edition. Paris, 1888. „The Salvation Army“: Heathen England. Fifth edition. London, 1889. При переводѣ фунтовъ стерлинговъ на наши деньги мы принимали 1 ф. ст. равнымъ 10 руб.; миллионы же и лены мы совершенно отбрасывали.

дарствахъ. Проповѣдь ведется арміей на 29 языкахъ въ 4.633 пунктахъ (station). Количество митинговъ, устраиваемыхъ арміей еженедѣльно, доходить до 66,000; изъ нихъ 30,000 устраиваются подъ открытымъ небомъ. Число лицъ, посѣщающихъ эти митинги, доходятъ до пяти милліоновъ. Для пропаганды своей дѣятельности армія издаетъ 38 еженедѣльныхъ и 10 ежемѣсячныхъ журналовъ на 14 языкахъ. Количество печатныхъ произведеній, изданныхъ арміей въ 1894 г., дошло до 51.000,000 экземпляровъ, отъ продажи которыхъ было выручено около двухъ милліоновъ рублей на наши деньги. За послѣднія десять лѣтъ арміей устроено до 138 благотворительныхъ учрежденій разнаго рода въ Великобританіи и до 207 аналогичныхъ учрежденій въ другихъ странахъ земного шара.

Развитіе дѣятельности въ подобныхъ размѣрахъ возможно, конечно, лишь при наличности соответствующихъ матеріальныхъ средствъ. И дѣйствительно путемъ пожертвованій армія получила и продолжаетъ получать громадныя суммы: такъ въ 1895 г. она получила около 400,000 р., изъ нихъ болѣе половины было пожертвовано на осуществленіе «соціальной схемы». Щедрія пожертвованія дали возможность арміи приобрести разнаго недвижимаго имущества на сумму 583,276 ф. ст. (болѣе 5½ м. р.) и вывести общій балансъ за 1895 г. въ суммѣ 736,869 ф. ст. (свыше 7 милл. руб.).

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія возникновенія и развитія арміи спасенія. Уже одинъ необычайно быстрый ходъ этого развитія свидѣтельствуетъ, что она представляетъ изъ себя далеко не заурядное миссіонерское общество. Еще болѣе можно убѣдиться въ этомъ, если ознакомиться съ организаціей арміи и съ характеромъ ея дѣятельности.

Подобно всякой другой арміи, армія спасенія дѣлится на корпуса и имѣетъ своихъ рядовыхъ и офицеровъ всевозможнаго ранга. Строгая дисциплина и безпрекословное повиновеніе начальству, во главѣ котораго стоитъ генераль В. Бутсъ, господствуетъ въ этомъ своеобразномъ религіозномъ обществѣ. Для того, чтобы поступить въ ряды арміи, требуется предварительно выдержать 4-хъ-недѣльное испытаніе, послѣ чего кандидатъ обязанъ присягнуть въ томъ, что не будетъ употреблять спиртныхъ напитковъ, табака и другихъ наркотическихъ средствъ; откажется отъ всякаго комфорта и будетъ жертвовать, по крайней мѣрѣ, десятую часть всего того, что получаетъ, на Божье дѣло; откажется, наконецъ, совершенно отъ міра съ его удовольствіями, свѣтскою литературой, общественною жизнью и вообще будетъ жить лишь для своихъ ближнихъ и ради вѣчнаго спасенія.

Для подготовленія офицеровъ учреждены особыя воспитательныя заведенія—такъ называемыя «Training Houses». «Изъ нихъ никогда не предполагалось сдѣлать заведенія для интеллектуальнаго развитія, но скорѣе особые воспитательныя институты для дисциплинированія души (soul culture), въ которыхъ лица, не стремящіяся исключительно къ Божьей славѣ и спасенію душъ, могли бы быть отдѣлены отъ остальныхъ кандидатовъ при помощи строгаго искуса въ трущобахъ Восточнаго Лондона, лица же

дѣйствительно набожные научались, какъ преодолѣвать всевозможнаго рода затрудненія».

Бромѣ этихъ заведеній арміей устроены за послѣднее время особыя заведенія (Social Wing Training Garrison) для подготовки подходящихъ исполнителей «соціальной схемы». Бурсъ обученія въ этихъ заведеніяхъ чрезвычайно разносторонній. «Воспитанникъ долженъ уметь прибираться спать, обращаться съ паровымъ котломъ, варить, приправлять и подавать ѣду; въ то же время онъ долженъ хорошо знать, какъ пріобрѣтать довѣріе бѣдныхъ, отыскивать между ними заслуживающихъ помощи и, сверхъ того, находить что-нибудь хорошее въ тѣхъ людяхъ, которыхъ другіе признали бы въ конецъ испорченными. Это отвѣтственный, тяжелый и утомительный трудъ, который начинается въ 6 ч. 30 м. утра и рѣдко оканчивается къ 10 ч. вечера. Ежедневно читаются лекціи объ обязанностяхъ соціального офицера, ночные же митинги, устраиваемые каждую ночь въ ночлежныхъ домахъ, доставляютъ кадетамъ возможность непосредственно упражняться въ духовной дѣятельности». Доступъ въ ряды арміи открытъ и женщинамъ, дѣятельность которыхъ значительно содѣйствовала ея успѣху. Не говоря уже о супругѣ самого В. Бутса, вдохновлявшей и помогавшей ему во всѣхъ его начинаніяхъ, всѣ женщины арміи спасенія обнаружили самоотверженную дѣятельность на поприщѣ милосердія и оказались даже болѣе успѣшными проповѣдниками, чѣмъ самыя краснорѣчивые мужчины. «Потоки слезъ, льющіеся изъ глазъ, которые никогда до того времени не плавали о грѣхѣ, вздыхающія груди и сокрушенныя сердца доказываютъ миллионъ разъ, каждое воскресенье, силу краснорѣчія женщины, когда сердце ея смягчается и лицо орошается слезами при видѣ собравшихся вокругъ нея грѣшниковъ».

Рядовые арміи спасенія, не принимая большого участія въ ея дѣятельности, не получаютъ никакого жалованья, а каждый изъ нихъ живетъ на свой заработокъ. Что же касается офицеровъ арміи, то вознагражденіе, получаемое ими за свою тяжелую службу, крайне мало; «они существуютъ на тѣ деньги, которыя удастся имъ собрать во время митинговъ. Но изъ этой выручки они должны покрыть сперва всѣ расходы по содержанію вѣреннаго имъ поста или станціи, 10% вырученной суммы отослать въ главную квартиру арміи, и лишь остатокъ выручки идетъ на ихъ содержаніе, да и то не цѣликомъ; еженедѣльное жалованье холостого капитана не должно превышать 18 шил., а жалованье лейтенанта—16 ш.; незамужнія женщины въ этихъ чинахъ получаютъ еще менѣе, самое большее—15 и 12 шил.; на мужа съ женой полагается не болѣе 27 ш. и на каждаго ребенка по 1 ш. Въ случаѣ, если выручки не хватаетъ на это вознагражденіе, что случается нерѣдко, офицеръ получаетъ его изъ главной квартиры. Но офицеры предпочитаютъ болѣею частью какъ-нибудь перебиться, чѣмъ ввести въ расходы центральную кассу» *).

*) Charles Booth: „Life and Labour of the people in London“. Vol. VIII, стр. 197. London, 1896.

офицеры арміи спасенія получаютъ такой же незначительный и случайный заработокъ, какъ и тѣ англійскіе чернорабочіе, объ улучшеніи положенія вторыхъ она заботится.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что сдѣлаться офицеромъ арміи спасенія можетъ далеко не всякій, а лишь человекъ энергичный и беззаветно преданный своему дѣлу. И дѣйствительно, кому только ни приходилось наблюдать дѣятельность арміи, всѣ отзываются болѣе или менѣе благоприятно объ ея членахъ. Такъ, одно должностное лицо извѣстнаго лондонскаго общества для организаціи благотворительности въ своемъ докладѣ о соціальной схемѣ В. Бутса говоритъ слѣдующее: «офицеры, занятые въ соціальномъ предпріятіи, составляютъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный подборъ людей; это не подлежитъ сомнѣнію. Ихъ самоотверженность и горячая преданность дѣлу выше всякихъ похвалъ; ихъ обращеніе съ людьми въ высшей степени симпатично и въ большинствѣ случаевъ крайне тактично».

Таковы главные дѣятели въ арміи спасенія. Посмотримъ, въ чемъ выражается ея дѣятельность. Когда В. Бутсъ впервые принялся за свое дѣло спасенія, ему казалось, что достаточно обратиться къ отверженному пролетаріату съ словомъ участія, пробудить въ немъ сознаніе своей грѣховности и внушить ему надежду на спасеніе — и дьяволъ будетъ посрамленъ. Держась такого взгляда, Бутсъ и его первые послѣдователи все вниманіе свое обратили на возможно большее развитіе проповѣднической дѣятельности. Низшіе слои народа не посѣщали церковь; Бутсъ и его сторонники поселились въ трущобахъ и стали проповѣдывать на перекресткахъ улицъ подъ открытымъ небомъ, въ кабакахъ и другихъ публичныхъ заведеніяхъ, куда только удавалось имъ проникнуть. Многие бѣдняки были слишкомъ заняты днемъ и не въ состояніи были посѣщать устраиваемыхъ арміей митинговъ; она стала тогда устраивать ихъ и позднимъ вечеромъ. Народъ обращалъ мало вниманія на уличныхъ проповѣдниковъ, и вотъ Бутсъ и его послѣдователи облакаются въ мундиръ, и съ музыкой, пѣніемъ и знаменами торжественно маршируютъ по многолюднымъ улицамъ, стараясь собрать вокругъ себя побольше толпу. Обыкновенная проповѣдь не оказывала на послѣднюю желаемого дѣйствія, и вотъ армія спасенія обставляетъ свои проповѣди и митинги цѣлымъ рядомъ ассессуаровъ, рассчитанныхъ на то, чтобы произвести на слушателей возможно большее впечатлѣніе.

Отрывается обыкновенно митингъ пѣніемъ гимна, въ которомъ блещутъ человѣческіе грѣхи и пороки; подобный гимнъ болѣе способенъ, будто бы, привлечь рабочій элементъ, чѣмъ пѣснь, въ которой говорилось бы о любви. Послѣ гимна слѣдуетъ молитва съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождаемая пѣніемъ. Затѣмъ начинаются рѣчи; говорятъ въ большинствѣ случаевъ новообращенные, рассказывая, какъ они спаслись; на каждую рѣчь полагается не болѣе пяти минутъ. Приведемъ нѣсколько образчиковъ такихъ рѣчей, помѣщенныхъ въ уже цитированной нами книгѣ одного изъ высшихъ офицеровъ арміи спасенія.

№ 1. «Друзья, я омылся въ крови Агнца».

№ 30. «Какъ я радуюсь своему спасенію; я знаю, что я спасенъ».

№ 34. «Иисусъ такъ много далъ мнѣ, что я долженъ говорить».

№ 50. «Друзья, я спасенъ не на *половину* и не *отчасти*, а *всѣмъ* спасенъ. Десять лѣтъ я былъ бѣднымъ бродягой, пьяницей, богохульникомъ и полнѣйшимъ негодяемъ, но теперь я и моя жена попадемъ на небо».

№ 11. «Я выслушала проповѣдь на открытомъ воздухѣ и обратилась къ Христу; въ немъ теперь мой свѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пришла къ нему. У меня трое дѣтей представилось (*gone to glory*), и я иду туда, чтобы встрѣтиться съ ними. Мой дорогой мужъ уже отправился туда».

Остальныя рѣчи въ этомъ же родѣ, представляя собой безсвязные обрывки, въ которыхъ говорится о спасеніи, Агнецъ и Иисусъ Христѣ. Въ промежуткѣ между рѣчами возобновляется пѣніе, «которое вообще вызываетъ и поддерживаетъ большой интересъ къ митингу и въ то же время необходимо для того, чтобы показать необращеннымъ радость лицъ, принимающихъ участіе въ службѣ». Поютъ съ чувствомъ, но такъ какъ «гармонія бываетъ мало, то получается иногда большой шумъ». «Но къ чему намъ обращать вниманіе на такіе пустяки?—говоритъ одинъ членъ арміи,—вѣдь каждому хочется пѣть независимо отъ того, имѣетъ ли онъ пріятный голосъ, или нѣтъ». Нерѣдко митингъ прерывается насмѣшливыми замѣчаніями и вопросами со стороны какого-нибудь посѣтителя, но на нихъ армія отвѣчаетъ обыкновенно молчаніемъ,—тактика, которая, по свидѣтельству ея членовъ, быстро приобретаетъ симпатіи и поддержку со стороны остальной публики. Случаются во время митинговъ и другіе инциденты, о чемъ свидѣтельствуется слѣдующій характерный отчетъ одного офицера арміи объ устроенномъ имъ митингѣ: «Шестьдесятъ шесть мужчинъ и женщинъ говорило,—сообщаетъ онъ,—десять разъ мы принимались пѣть; съ однимъ мужчиной случился припадокъ, одна женщина упала въ обморокъ, было произнесено благословеніе, все совершилось въ 66 минутъ, и мы пошли по домамъ, восхваляя Бога». Если митингъ бываетъ въ закрытомъ помѣщеніи, то во время или послѣ него устраивается въ складчину чаепитіе, за которымъ завязывается бесѣда членовъ арміи съ посѣтителями. Послѣ митинга предпринимаются иногда процессіи.

Таковы тѣ приемы, съ помощью которыхъ старалась армія «спасти» пролетаріатъ. Увѣчивались ли эти старанія успѣхомъ? По отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ несомнѣнно,—фактъ, который не вяжется, повидимому, съ тѣми странными формами, въ которыя облакается употребляемое арміей религиозное воздѣйствіе. Между тѣмъ стоитъ только принять во вниманіе психику тѣхъ лицъ, на которыхъ оказывается религиозное воздѣйствіе, и фактъ этотъ станетъ вполне понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь армія имѣетъ дѣло съ такъ называемыми подонками общества: съ бродягами, бывшими преступниками, пьяницами, проститутками, бездомными, полуголодными и не имѣющими постоянной работы пролетаріями. Всѣ эти лица

въ большинствѣ случаевъ до того опустились и такъ привыкли встрѣчать со стороны своихъ ближнихъ подозрѣніе, брезгливость или презрѣніе, что въ концѣ-концовъ и сами стали считать себя за опитѣтыхъ людей. И вотъ къ такимъ - то погибшимъ и «падшимъ» существамъ обращаются люди съ теплымъ словомъ братскаго участія, напоминаютъ имъ давно забытыя хорошія слова, подаютъ надежду на спасеніе и открываютъ возможность бросить опостылѣвшій имъ образъ жизни, вступивъ въ ряды арміи. Вполнѣ понятно, что этимъ отверженнымъ людямъ не до того, чтобы обращать вниманіе или придавать большое значеніе тому, что ихъ благодѣтели одѣты въ необычайный костюмъ и ведутъ себя нѣсколько странно.

Но вѣдь служба въ рядахъ арміи далеко не всякому по силамъ, почему и самые ряды эти сравнительно немногочисленны. Неужели же въ результатѣ массы митинговъ, устраиваемыхъ арміей и днемъ и ночью, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и подъ открытымъ небомъ, было одно лишь пополненіе рядовъ арміи? Неужели тѣ миллионы народа, которые перебивали на этихъ митингахъ, не поддались ея религіозному воздѣйствію? Если судить по изданіямъ и отчетамъ арміи, то можно было бы насчитать сотни тысячъ «спасенныхъ» ею лицъ, такъ какъ не проходитъ будто бы ни одного митинга безъ того, чтобы не обратилось на путь истины нѣсколько человекъ. Но вотъ что говорить по этому поводу Чарльзъ Бутсъ, безпристрастный изслѣдователь жизни трудящихся классовъ Лондона въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: «Я готовъ допустить, что средства, употребляемыя арміей для обращенія, оказываютъ свое дѣйствіе на многихъ; но мнѣ хотѣлось бы получить болѣе достовѣрныя свидѣтельства, чѣмъ тѣ, какія мнѣ приходилось имѣть, для того, чтобы убѣдиться, что вліяніе, оказываемое чрезвычной эвзальтацией и возбужденіемъ, которыя такъ щедро пускаютъ въ дѣло, продолжительно и прочно. Съ другой стороны, нѣчто большее, нежели собственное спасеніе обращенныхъ, должно было бы получиться въ результатѣ самоотверженной жизни, которую ведутъ на самомъ дѣлѣ эти современные крестоносцы» *).

Да и самъ генералъ В. Бутсъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ, что успѣхи миссіонерской дѣятельности арміи были далеко не такъ велики, какъ можно было бы судить по ея отчетамъ. Такъ, сообщивъ о томъ, что ему удалось сдѣлать для облегченія участи страдающаго человѣчества, В. Бутсъ продолжаетъ: «Это часто достигалось при помощи религіи. Я знавалъ тысячи людей, которые безъ всякой или при самой ничтожной матеріальной помощи, благодаря религіозному воздѣйствію, освобождались отъ пути разврата, порока и преступности, снова становились счастливыми и честными гражданами и вѣрными сынами небеснаго нашего Отца. И тѣмъ не менѣе я постоянно живо чувствовалъ, что средства, обыкновенно указываемыя въ христіанскихъ поученіяхъ и примѣняемыя христіанскою филантропіей,

*) *Labour and Life of the people*. Vol. I, стр. 126. Edited by Charles Booth. London, 1869.

совершенно несостоятельны, когда дѣло идетъ о борьбѣ съ тяжелыми невзгодами этихъ отверженныхъ классовъ. Спасенныхъ бываетъ очень мало. Они составляютъ ничтожное меньшинство сравнительно съ массою обездоленныхъ, которые борются съ нуждою и погибаютъ въ ея зияющей пропасти. Вотъ почему мое человеколюбіе и христіанское чувство требовали, чтобы найдено было иное, болѣе дѣйствительное средство спасенія гибнущихъ массъ» *). Въ другомъ мѣстѣ своей книги В. Бутсъ обстоятельно разъясняетъ, почему «религіозное воздѣйствіе» не оказало на народныя массы сколько-нибудь прочнаго и замѣтнаго вліянія и въ чемъ заключается «иное, болѣе дѣйствительное средство спасенія гибнущихъ массъ». «Взгляните, въ какихъ условіяхъ живутъ сотни и тысячи обездоленныхъ,—говоритъ В. Бутсъ.—Они до такой степени поглощены заботами о насущныхъ своихъ нуждахъ, подавлены нищетою и отчаяніемъ, что думать о нравственномъ своемъ спасеніи они не въ состояніи... Возьмемъ голоднаго человѣка, который не знаетъ, откуда онъ получить хлѣбъ, и даже сомнѣвается, чтобъ онъ его вообще получилъ. Всѣ его помыслы, понятно, будутъ направлены на то, какъ добыть хлѣбъ, безъ котораго онъ обойтись ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Все, что ему нужно, это — хлѣбъ. Его нравственные интересы отступаютъ на задній планъ... Я наблюдалъ за обездоленными съ тѣхъ поръ, какъ впервые столкнулся сорокъ пять лѣтъ тому назадъ съ этой голодной толпой, и я вполне увѣренъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ ее нельзя спасти. Нравственное возрожденіе ихъ (обездоленныхъ) немислимо, если мы ихъ не выведемъ изъ нищеты и отчаянія. Они прежде всего должны имѣть кровъ, хлѣбъ, работу, опрятное жилище и видѣть что-нибудь впереди, кромѣ безконечнаго, однообразнаго, изнурительнаго труда и одинокой смерти въ больницѣ или рабочемъ домѣ» **). Но, предлагая новое средство, В. Бутсъ не отказался отъ прежнихъ. «Этимъ несчастнымъ и обездоленнымъ можно помочь, только добываясь ихъ нравственнаго перерожденія. Архитекторъ, который вздумалъ бы строить домъ изъ необожженнаго кирпича, былъ бы признанъ помѣшаннымъ. Достоинства плана, затрата капитала, усилія рабочихъ—все это оказалось бы въ этомъ случаѣ тщетнымъ. Надо сперва развести огонь и обжечь кирпичъ. Такъ и въ данномъ вопросѣ. Нельзя рассчитывать на прочное измѣненіе условій существованія и нравственности обездоленныхъ классовъ общества, пока самъ человѣкъ не будетъ измѣненъ» ***). «Во многихъ современныхъ системахъ соціальной реорганизациіи объ этомъ забывается, и хотя я рискую, что слова мои будутъ непоняты или ложно истолкованы, я долженъ заявить категорически, что хлопочу о спасеніи тѣла главнымъ образомъ для того, чтобы спасти душу» ****).

*) В. Бутсъ: „Въ труппахъ Англіи“. Переводъ Сементковскаго, стр. XIV. Сиб., 1891 г.

**) Ibid., стр. 301—302.

***) Ibid., стр. XV.

****) Ibid., стр. 53

Болѣ опредѣленно формулируетъ В. Бутсъ соотношеніе между новымъ и прежнимъ средствомъ спасенія въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ, соблюденіе которыхъ онъ считаетъ существенно необходимыми для успѣха задуманнаго имъ предпріятія. «Если характеръ и поведеніе человѣка,—говоритъ онъ,—являются причинами его неудачъ въ житейской борьбѣ, то для успѣха дѣла, необходимо прежде всего измѣнить самого человѣка. Если же причиною паденія человѣка являются внѣшнія условія его жизни, надъ которыми онъ не властенъ, то надо измѣнить эти условія» *).

Такимъ образомъ, матеріальная помощь во всѣхъ ея видахъ и нравственно-религіозное воздѣйствіе—таковы два средства, съ которыми выступилъ В. Бутсъ въ своемъ новомъ планѣ спасенія народныхъ массъ. Въ разсмотрѣнію этого плана мы и переходимъ.

II.

Сущность плана В. Бутса сводится, по его собственнымъ словамъ, «къ образованію изъ обездоленныхъ общинъ самопомощи, нѣчто вродѣ кооперативныхъ обществъ или патріархальныхъ семействъ, управляемыхъ на основаніи принциповъ, которые такимъ блистательнымъ образомъ оправдались на дѣятельности арміи спасенія». Эти общины или колоніи раздѣляются на городскія, земледѣльческія и заморскія. Подъ городскими колоніями Бутсъ подразумѣваетъ цѣлый рядъ учрежденій, которыя, находясь въ самомъ центрѣ трущобъ и человѣческой нищеты, служили бы своего рода «гаванями спасенія» для всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе въ жизни. «Эти колоніи будутъ служить приближеніями для обездоленныхъ, удовлетворять ихъ неотложныя нужды, давать имъ временныя занятія, ободрять ихъ надеждою на будущее и готовить ихъ къ перерожденію путемъ нравственнаго и религіознаго воздѣйствія. Изъ этихъ колоній многія лица будутъ переводиться на постоянную работу или отсылаться къ друзьямъ, которые, узнавъ объ ихъ нравственномъ перерожденіи, охотно примутъ ихъ. Тѣ же, которые останутся на моихъ рукахъ, подвергнутся своего рода искусу. Послѣ испытанія ихъ искренности, честности, трудолюбія, они будутъ препровождаться въ земледѣльческія колоніи. Здѣсь будетъ продолжаться процессъ перерожденія личности при помощи того же промышленнаго, нравственнаго и религіознаго воздѣйствія, которое началось въ столицѣ. Изъ этой колоніи нѣкоторые колонисты возвратятся къ прежнимъ своимъ профессіямъ, другіе поселятся въ избахъ на участкахъ земли, которые мы имъ отведемъ, или на кооперативныхъ фермахъ, которыя мы намѣрены основать. Большинство же послѣ испытанія и выучки будутъ переведены въ заморскія колоніи». Для устройства подобныхъ колоній В. Бутсъ разсчитываетъ закрѣпить за собою какую-либо территорію въ Южной Африкѣ, Канадѣ или Австраліи, подготовить эту территорію для

*) Ibid., стр. 104—106.

поселенія, водворить тамъ администрацію, постепенно заселить ее подготовленными людьми; съ помощью строгаго управленія и справедливыхъ законовъ сдѣлать изъ колонистовъ свободныхъ гражданъ и положить, такимъ образомъ, основаніе новому государству, которое приметъ со временемъ широкіе размѣры. «Мы увѣрены, — добавляетъ В. Бутсъ, — что это не мечта, а вполне осуществимая мысль» *).

Изъ этихъ трехъ колоній городская, въ свою очередь, развѣтвляется на цѣлый рядъ учреждений, приравненныхъ для спасенія слѣдующихъ трехъ категорій пролетаріата: 1) нищихъ, бродягъ, безработныхъ и другихъ «честныхъ» обитателей трущобъ; 2) «рабовъ порока» — проституттокъ и пьяницъ; 3) бывшихъ преступниковъ.

Для послѣдней категоріи «обездоленныхъ» В. Бутсъ проектировалъ создать особую тюремную бригаду и учредить исправительные пріюты. Для борьбы съ порокомъ В. Бутсъ предполагалъ устроить пріюты для падшихъ дѣвушекъ (Rescue Homes) и пріюты для алкоголиковъ. Съ тою же цѣлью арміей былъ созданъ еще ранѣе отрядъ трущобныхъ сестеръ милосердія (Slum sisters). Для оказанія помощи всѣмъ остальнымъ обитателямъ трущобъ должны служить слѣдующія учреждения: 1) склады дешевой пищи; 2) ночлежные пріюты; 3) рабочія мастерскія; 4) бюро для найма рабочихъ; 5) бригада для собиранія домашнихъ отбросовъ; 6) контора для справокъ о пропавшихъ безъ вѣсти; 7) походный лазаретъ; 8) пріюты для уличныхъ дѣтей; 9) промышленныя школы; 10) пріюты для честныхъ дѣвушекъ и 11) дома для сумасшедшихъ. Кроме этихъ мѣропріятій, В. Бутсъ намѣтилъ еще другія, имѣющія цѣлю удовлетворить «законныя стремленія тѣхъ людей, которые хотя и зарабатываютъ хлѣбъ и избѣгли бездны порока и нищеты, но находятся въ трудномъ положеніи». Въ этихъ видахъ В. Бутсъ включилъ въ свою «соціальную схему» еще образцовыя квартиры и подгороднія поселенія; приморскій Уайтчепель, въ которомъ «бѣдный людь будетъ имѣть то, что достаточные и богатые классы имѣютъ въ Брайтонѣ» совѣщательную контору, третейскій судъ, учрежденіе кооперативныхъ предпріятій разнаго рода, брачную контору, школу домоводства и, наконецъ, информаціонный отдѣлъ (Intelligence Department), въ которомъ сосредоточивались бы свѣдѣнія о всякаго рода соціальныхъ начинаніяхъ и опытахъ.

Уже изъ этого перечисленія задуманныхъ В. Бутсомъ мѣропріятій видно, что его «грандіозное предпріятіе» охватываетъ своими многочисленными развѣтвленіями рѣшительно всѣ отрасли общественнаго призрѣнія и благотворительности; нѣкоторыя же изъ этихъ развѣтвленій переходятъ даже въ область экономической политики. Отмежевывая себя такое обширное поле дѣятельности, В. Бутсъ довольно прозрачно даетъ понять читателю, что охотно занялъ бы это поле одинъ съ своей арміей; а то и правительство съ своей нерациональной системой общественнаго призрѣнія, и частныя об-

*) Ibid., стр. 112—115.

щества съ ихъ «филантропическимъ пустозвонствомъ» не оказываютъ бѣднымъ дѣйствительной помощи. «Правительственные приюты для временно нуждающихся (casual wards),— утверждаетъ В. Бутсъ,— въ лучшемъ случаѣ—не что иное, какъ грязные и зловонные этапные пункты на пути обездоленныхъ къ окончательной гибели». Частная благотворительность также «не достигаетъ существенныхъ результатовъ», хотя на нее тратится въ Англии около десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. «Несмотря на всѣ усилія благотворительныхъ учрежденій, имъ не удастся осушить безпредѣльную трясиину человѣческихъ бѣдствій. Все, что въ ихъ силахъ,—это помочь отдѣльнымъ лицамъ выкарабкаться изъ нея. Конечно, лучше помогать отдѣльнымъ лицамъ, кормить ихъ изо дня въ день, перевязывать ихъ раны и лѣчить ихъ болѣзни, чѣмъ ничего не дѣлать; но нельзя двинуть вопроса, продолжая топтаться на одномъ мѣстѣ. Къ тому же, всѣ авторитеты сходятся во мнѣніи, что если вы удовольствуетесь теперешнею благотворительностью, то вы, по всей вѣроятности, лишь усилите зло, противъ котораго хотите бороться, и что въ такомъ случаѣ лучше отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ» *).

Указывая на недостатки общественнаго призрѣнія и частной благотворительности, В. Бутсъ подчеркиваетъ въ то же время преимущества своего плана. «Мой планъ,— говоритъ онъ,— обвиняетъ собою всѣ классы и категоріи людей, которые могутъ оказаться въ безпомощномъ положеніи, независимо отъ ихъ недостатковъ или поведенія, и имѣетъ цѣлью доставить имъ средства существованія и сравнительныя удобства подъ единственными условіями, чтобъ они желали работать и подчинялись дисциплинѣ... Мой планъ направленъ къ тому, чтобъ измѣнить тѣхъ лицъ, которыя по своей винѣ дошли до гибели... Нашъ планъ клонится къ измѣненію внѣшнихъ обстоятельствъ жизни такихъ людей, которые обѣднѣли вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая. Однако, главная задача нашего плана— дать работу людямъ, страдающимъ отъ безработицы. Въ теченіе вѣковъ умы экономистовъ и филантроповъ заняты вопросомъ: какъ найти работу для всѣхъ, кто въ ней нуждается? Никакая другая помощь, помимо пріисканія работы, не можетъ быть дѣйствительна... Каждый человекъ найдетъ себѣ у насъ работу по своимъ силамъ и способностямъ, хлѣбопекъ будетъ печь хлѣбъ для всей общины, портной — шить платье для всѣхъ, сапожникъ—гачать сапоги для всѣхъ, поваръ будетъ готовить для всѣхъ, а земледѣлецъ—пахать поле для всѣхъ. Всякій будетъ приносить какую-либо пользу общинѣ своими знаніями, будетъ приставленъ къ своей специальности, а лицъ, ничего не умѣющихъ, мы обучимъ какому-либо ремеслу... Мой планъ удалитъ порочныхъ и преступныхъ людей изъ той среды, въ которой они пали. Оказывая помощь одному общественному классу, мой планъ не наноситъ никакого вреда интересамъ остальныхъ... Дѣйствіе моего плана отразится немедленно и осязательно не только на

*) Ibid., стр. 91.

спасенныхъ, но и на тѣхъ, кого намъ спасти на первый разъ еще не удастся. И они почувствуютъ его благотворное вліяніе, такъ какъ, отвлекая сто человѣкъ, мы избавимъ остальныхъ отъ опасныхъ конкурентовъ... Мой планъ будетъ дѣйствовать непрерывно. Это будетъ не временное средство; вродь тѣхъ, которыя до сихъ поръ пускались въ ходъ. Общественныя работы, народныя кухни, эмиграція, благотворительность въ безчисленныхъ ея видахъ, рабочіе дома, дома для призрѣнія нищихъ и всѣ эти многообразныя средства лѣченія болѣзни помогаютъ только временно и слѣдовательно являются лишь палліативами. Но мой планъ,— я смѣю это могу сказать,—представляетъ радикальное и постоянно дѣйствующее средство... Три милліона людей живутъ въ безвыходной нищетѣ, и ихъ надо вывести изъ ужаснаго положенія. Это — грандіозная задача, но она можетъ быть осуществлена при помощи моего плана, и она при нѣкоторомъ счастьи будетъ осуществлена. Конечно, исцѣленіе не совершится разомъ,—на это потребуются время; тѣмъ не менѣе, вліяніе моего плана на обездоленные массы проявится немедленно. Мы будемъ извлекать изъ бездны нищеты и отчаянія по крайней мѣрѣ сотню людей еженедѣльно, и нѣтъ основанія думать, что это число не будетъ постоянно увеличиваться*).

Но, несмотря на такую увѣренность въ успѣхъ своего предпріятія, В. Бутсъ, тѣмъ не менѣе, считая необходимымъ на первый разъ нѣсколько сузить его рамки, рѣшивъ имѣть дѣло пока только съ тѣми обездоленными, о которыхъ не заботится ни правительство, ни общество; больныхъ и престарѣлыхъ онъ также рѣшилъ оставить пока въ покоѣ. Для осуществленія своего предпріятія въ этихъ болѣе скромныхъ размѣрахъ В. Бутсъ потребовалъ 100,000 ф. ст., вполне достаточныхъ, по его мнѣнію, для устройства всѣхъ трехъ колоній; «дальнѣйшія издержки будутъ уже ничтожны, потому что отдѣльныя операціи будутъ сами окупаться». Эти ничтожныя издержки В. Бутсъ исчислилъ въ 30,000 ф. ст. Болѣе определенныхъ расчетовъ, которые показывали бы число, характеръ, размѣръ и стоимость предложенныхъ въ открытію учреждений, В. Бутсъ не представилъ. Несмотря на это деньги, потребованныя имъ отъ англійскаго общества, были получены, и «грандіозное предпріятіе» изъ области предположеній и мечтавій перешло въ дѣйствительность.

Попробуемъ же ознакомиться съ ходомъ и результатами этого предпріятія, насколько выяснились они за истекшій промежутокъ времени.

III **).

Городская колонія, основаніе которой было положено В. Бутсомъ еще до выхода его книги, представляетъ въ настоящее время обширную сѣть

*) Ibid., стр. 294—302. Курсивъ въ первомъ случаѣ нашъ, а въ двухъ послѣднихъ—подлинника.

***) Источниками настоящей главы послужили слѣдующія изданія арміи спасенія: „The „Darkest England“ Social Scheme. A brief Review of the first year's Work“.

разнаго рода учреждений. Большая часть их имѣетъ цѣлью помочь бродягамъ, нищимъ и рабочимъ, потерявшимъ заработокъ и очутившимся безъ всякихъ средствъ существованія. Ночлежные приюты въ соединеніи со складами дешевой пищи доставляютъ этимъ лицамъ кровъ и пищу, а посредническая контора и рабочія мастерскія обеспечиваютъ имъ заработокъ.

Устройствомъ ночлежныхъ приютовъ В. Бутсъ рассчитывалъ избавить бѣдный людъ отъ необходимости подвергаться ужасамъ, связаннымъ, по его мнѣнію, съ ночевкой въ правительственныхъ приютахъ (casual wards) и частныхъ ночлежныхъ домахъ.

Въ этихъ видахъ, плата, взимаемая въ приютахъ арміи за ночлегъ и пищу, крайне мала, не превышая шести пенсовъ, а удобства, доставляемыя приютами, сравнительно велики. Приюты хорошо отапливаются и освѣщаются, провѣтриваются и содержатся въ большой чистотѣ; въ каждомъ приютѣ посѣтители могутъ получить задаромъ горячую и холодную воду для умыванья и почитенце. Родъ пищи и приспособленій для снавья зависятъ отъ размѣра платы. Такъ, за одинъ пенсъ посѣтитель получаетъ лишь отдѣльное мѣсто для снавья и кусокъ хлѣба; за полпенса лишннихъ онъ можетъ получить горячей супъ. За два пенса посѣтитель получаетъ матрацъ, подушку и одѣяло; за четыре пенса онъ получаетъ, сверхъ того, какао, кофе или чай съ хлѣбомъ къ ужину и завтраку. Въ тѣхъ же приютахъ, гдѣ за входъ взимается 4 и 6 пенсовъ, къ услугамъ посѣтителей имѣется особая комната для бесѣдъ и чтенія. Въ исключительныхъ случаяхъ пища выдается бесплатно, на что ассигнуются особыя пожертвованія. Около 8 ч. вечера въ каждомъ приютѣ устраивается митингъ, присутствіе на которомъ необязательно. Послѣ митинга члены арміи «обходятъ скамьи и, замѣтивъ челоуѣка, на котораго гнѣие и разсказъ произвели впечатлѣніе, садятся возлѣ него и, вступая въ бесѣду, стараются оказать на него нравственное воздѣйствіе». По послѣднему отчету 1896 г., общее количество ночлежныхъ приютовъ, устроенныхъ арміей въ Великобританіи, доходитъ до 40 *), съ приспособленіями на 5,172 челоуѣвъ обоого пола; одинъ приютъ устроенъ специально для дѣтей. О дѣятельности приютовъ и складовъ дешевой пищи даютъ понятіе слѣдующія цифры:

London, 1891.—„Work in Darkest England. 1894. Bramwell Booth“. London, 1894.—„Light in Darkest England. 1895. A Review of the year by Bramwell Booth“. London, 1895.—„The Darkest England Scheme. Notes on the Work in 1896 with Review by General Booth. By Bramwell Booth“. London, 1896.—„Women's Rescue and Social Work of the Salvation Army: 1) Quenched: Report and Balance Sheets 1895—96. 2) The Hand of Love. Report and Statements of Accounts 1896—97“.

*) Эта цифра, очевидно, ошибочна, такъ какъ въ 1894 г. армія имѣла всего 21 приютъ на 5,418 ч.; а въ 1895 г.—23 приюта на 5,450 ч. Выходитъ, такимъ образомъ, что за 1896 г. число приютовъ возросло на 16, количество же приспособленій для снавья уменьшилось на 278. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что статистическія данныя, приводимыя въ отчетахъ арміи спасенія, въ высшей степени неполны и не совсѣмъ точны; данныя же за 1896 г., кромѣ того, и перепутаны.

	За 1896 г.	За все время существованія приютовъ.
Число сдѣланныхъ посѣщеній.	1.339,246	6.382,471
Число проданныхъ порцій пищи.	3.231,917	18.324,641
Число устроенныхъ митинговъ.	5,353	26,927

Что касается стоимости разсмотрѣнныхъ учреждений, то нельзя сказать, чтобъ они всегда окупались, на что надѣялся В. Бутсъ. Правда, въ 1894 и 1895 г. мужскіе ночлежные приюты окупались; но за то въ слѣдующемъ году какъ мужскіе, такъ и женскіе приюты принесли убытка приблизительно на 4,000 р., при затратѣ на нихъ около 345,000 р. Въ 1891 г. убытокъ былъ еще больше—15,000 р.

Посредническихъ конторъ для найма рабочихъ (Labour Bureau) учреждено арміей—21. О дѣятельности ихъ даютъ понятіе слѣдующія данныя:

	За 1891 г.	За 1894 г.	За 1895 г.	За 1896 г.	Съ 1890 г. по 1896 г.
Обратилось работодателей.	1,445	248	—	—	—
Обратилось рабочихъ.	15,697	11,091	15,923	11,142	67,115
Пристроено къ мѣстамъ	4,863	5,159	19,372	11,898	48,637

Въ отчетахъ за 1891 и 1894 годы, кромѣ приведенныхъ цифръ, указывалось число мужчинъ и женщинъ, ищущихъ работы, число лицъ, отправленныхъ въ мастерскія арміи, количество лицъ, которымъ было найдено постоянное или временное занятіе, и сообщалось, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ контора доставляетъ лишь временное занятіе. Въ отчетахъ же за два послѣдніе года подобныхъ свѣдѣній не приводится и вообще о дѣятельности посреднической конторы не говорится ни слова; такъ что самому читателю предоставляется догадываться, какимъ образомъ работа была найдена для бѣльшаго количества лицъ, чѣмъ какое обратилось въ контору. Но куда же пристраиваетъ контора своихъ кліентовъ, разъ работодатели перестали въ нее обращаться? Да почти исключительно въ мастерскія и другія учрежденія арміи, гдѣ они находятъ, конечно, лишь временное занятіе.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнное учрежденіе отнюдь не является посреднической конторой между работодателями и рабочими, а скорѣе приемной арміи, гдѣ она принимаетъ лицъ, обращающихся къ ней за помощью, сортируетъ ихъ и распределяетъ по своимъ многочисленнымъ учрежденіямъ. Содержаніе посреднической конторы обошлось въ 1895 г. около 12,900 р., причеиъ былъ полученъ небольшой дефицитъ въ 1,320 р.; въ 1896 г. дефицитъ уменьшился до 1,200 р.

Среди всѣхъ учреждений, составляющихъ городскую колонію, особенно выдающееся мѣсто занимаютъ рабочія мастерскія. Цѣлью ихъ является дать возможность человѣку безъ всякихъ средствъ существованія заработать на пищу и ночлегъ и тѣмъ самымъ перебитыя временно вперед до приисканія работы. На дверяхъ этихъ мастерскихъ можетъ быть написано, по мнѣнію В. Бутса, слѣдующее изреченіе: «Ни для кого нѣтъ необходи-

мости голодать, попрошайничать, нищенствовать, воровать или лишать себя жизни. Если онъ согласенъ работать, пусть придетъ сюда».

Но этимъ назначеніе мастерскихъ не ограничивается. Онѣ должны являться, по мысли В. Бутса, «гаванью спасенія», «элеваторами», въ которыхъ совершалось бы нравственное возрожденіе всѣхъ лицъ, которыя только туда попадаютъ. Но и этого мало. «Наши мастерскія,—писалъ по ихъ поводу В. Бутсъ,—дадутъ намъ возможность противоѣдѣствовать эксплуатаціи труда. Такъ, напримѣръ, мы приступимъ къ изготовленію спичечныхъ коробковъ и надѣмся, что намъ можно будетъ платить втрое больше, чѣмъ зарабатываютъ теперь на этомъ дѣлѣ голодающіе рабочіе».

Подобныхъ мастерскихъ насчитывается въ настоящее время 11, и въ нихъ бываетъ занято ежедневно до 1,400 мужчинъ и женщинъ. Поступаютъ въ мастерскія, главнымъ образомъ, лица, побывавшія предварительно въ ночлежныхъ пріютахъ и посреднической конторѣ. Лишь около 10%, всѣхъ поступающихъ присылается въ мастерскія благожелателями арміи. Главный контингентъ поступающихъ составляютъ, по словамъ отчетовъ, чернорабочіе (*unskilled labourers*); но встрѣчаются и болѣе искусные рабочіе, ремесленники, купцы, юристы, доктора и лица другихъ профессій. Лица, обязанныя содержать родныхъ, принимаются въ мастерскія лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Занимаются въ мастерскихъ нилкой дровъ, плотничьими, столярными и токарными работами; набивкой матраповъ; щеточнымъ, корзиночнымъ, портняжнымъ и башмачнымъ мастерствомъ; производствомъ тамбуриновъ, издѣлій изъ жести, мѣшковъ и циновокъ; сортировкой и переработкой домашнихъ отбросовъ и, наконецъ, производствомъ всѣхъ работъ, какія только требуются для удовлетворенія многочисленныхъ потребностей арміи.

Женщины занимаются стиркой бѣлья, бѣлошвейнымъ и вязальнымъ мастерствомъ и разнаго рода домашними работами. Наконецъ, для противоѣдѣствія эксплуатаціи рабочихъ арміей учреждена небольшая спичечная фабрика и переплетная мастерская, которыя носятъ въ отчетахъ громкое названіе «*anti-sweating establishments*».

Издѣлія, изготовляемыя въ мастерскихъ, идутъ на удовлетвореніе многочисленныхъ потребностей арміи; тѣ же, которыя поступаютъ на рынокъ, продаются не дешевле рыночной цѣны. Рабочій день въ мастерскихъ равняется восьми часамъ. Всѣ лица, поступающія въ мастерскія, заносятся сперва въ третій классъ и за свою работу получаютъ лишь ночлегъ и пищу. По мѣрѣ того, какъ поведеніе ихъ улучшается, и они обнаруживаютъ большую охоту и умѣнье работать, они переводятся въ слѣдующій классъ, гдѣ получаютъ лучшую пищу и болѣе комфортабельный ночлегъ. Наконецъ, лица, переведенныя въ первый классъ, получаютъ за свою работу незначительную плату, двѣ трети которой выдаются на руки, а оставшая треть удерживается и выдается имъ лишь при оставленіи мастерской на дорогу и покупку платья. Самая высокая плата, которую можетъ получить лишь наиболѣе искусный («*skilled*») рабочій, пять шиллинговъ въ недѣлю.

Подобная система вознагражденія дѣйствуетъ на рабочихъ, по словамъ отчетовъ, очень благоприятно, пробуждая въ нихъ чувство собственного достоинства и стремленіе къ соревнованію. Той же цѣли «нравственнаго возрожденія» служатъ частыя молитвы и митинги, устраиваемые ежедневно съ 7 час. 45 м. до 9 час. вечера. Посѣщеніе этихъ митинговъ обязательно: «спальни въ это время запираются, и никому не позволено оставаться въ комнатахъ, предназначенныхъ для стирки и сушки бѣлья подъ предлогомъ мытья своего платья» *).

Прежде чѣмъ перейти къ результатамъ, достигнутымъ арміей спасенія при помощи ея мастерскихъ, посмотримъ, какъ организованы В. Бутсомъ собраніе и утилизація домашнихъ отбросовъ, оригинальное предпріятіе, на которое В. Бутсъ возлагалъ самыя радужныя надежды. Это предпріятіе ведется въ довольно широкихъ размѣрахъ, занимая до 400 (?) человекъ. Особые «коллекторы» съ ручными тачками и мѣшками объѣзжаютъ ежедневно дома тѣхъ лицъ, которые согласились жертвовать домашніе отбросы арміи спасенія. Такихъ лицъ насчитывается въ одномъ Лондонѣ до 8,000. Коллекторы, забирая мѣшки, наполненные всякаго рода отбросами, оставляютъ взамѣнъ ихъ пустые. Въ мастерскихъ мѣшки съ отбросами поступаютъ въ руки особыхъ сортировщиковъ, которые вываливаютъ ихъ сперва въ особыя рѣшета. Мелкіе отбросы, грязь и соръ (a great deal of the dust and dirt), которые получаются въ результатъ такого просѣиванія, утилизируются въ качествѣ топлива. Оставшіяся вещи и отбросы сортируются и распределяются въ зависимости отъ рода, объема, качества и цѣнности на 30 или 40 бучекъ и затѣмъ продаются. «Ничто не пропадаетъ; почти ничего не бываетъ, что не имѣло бы какой либо цѣнности».

Въ отчетѣ 1895 г. приведены слѣдующія цифры, показывающія, въ какихъ размѣрахъ ведутся описанныя операціи.

Собрано было.	156	тоннъ	всякаго	рода	отбросовъ.
Вышло изъ сортировкн. . .	148	>	>	>	>
Отобрано для продажи . . .	120	>	>	>	>
Хранится въ кладовыхъ въ несортированномъ видѣ. .	436	>	>	>	>

На всѣ операціи, связанныя съ утилизаціей отбросовъ, было издержано въ 1895 г. болѣе 170,000 р. и получено убытка болѣе 21,000 р. Въ слѣдующемъ году издержано было нѣсколько болѣе—около 193,140 р., а убытка получено менѣе—14,690 руб. Такимъ образомъ, и разсмотрѣнная часть плана В. Бутса осуществилась далеко не въ томъ видѣ, какъ онъ предполагалъ. Армія спасенія собираетъ всякаго рода отбросы, тогда какъ предполагалось собирать только такіе «предметы, которыхъ никто не со-

*) The „Darkest England“ Social Scheme. London., 1891 г., стр. 43. Въ книгѣ самого Бутса, вышедшей годомъ ранѣе названнаго отчета, и въ другихъ менѣе подробныхъ отчетахъ утверждается, что посѣщеніе митинговъ необязательно, но ничего не говорится о томъ, запираются ли во время ихъ спальни и прачечная.

бираетъ», съ тѣмъ, чтобы не вступать въ конкуренцію ни съ «трипичникомъ, совершенно необезпеченнымъ въ своемъ насущномъ хлѣбѣ», ни съ благотворительными учрежденіями, которыя собираютъ уже для бѣдныхъ разнаго рода отбросы *). Затѣмъ большинство собираемыхъ арміей вещей поступаетъ въ продажу; между тѣмъ какъ В. Бутсъ предполагалъ утилизовать ихъ иначе: такъ изъ жестянокъ, «самыхъ прибыльныхъ отбросовъ», онъ рассчитывалъ «основать отрасль промышленности, которая теперь составляетъ монополію Франціи». Но ни объ этихъ жестянкахъ, ни вообще о какой-либо переработкѣ иныхъ отбросовъ въ отчетахъ ничего не говорится. Наконецъ, В. Бутсъ рассчитывалъ, что рассматриваемая «отрасль дѣятельности арміи послужитъ источникомъ значительныхъ доходовъ». Въ дѣйствительности оказалось обратное.

Не оправдались расчеты В. Бутса и относительно переплетной мастерской и спичечной фабрики. Оба эти предпріятія эксплуатаціи рабочихъ въ аналогичныхъ частныхъ предпріятіяхъ нисколько не уменьшили, а убытка принесли арміи не мало. Еще переплетная мастерская въ нѣкоторые годы окупала свои издержки; да и дѣла спичечной фабрики пошли было недурно; по крайней мѣрѣ въ 1891 г. на нее было издержано 4,813 ф. ст., выручено же отъ продажи товара 2,638 ф. ст. и осталось непроданнаго товара на 2,649 ф. ст.; при этомъ и работницы получали хотя и не вдвое и не вдвое больше обычной платы, но все-таки нѣсколько большую плату, чѣмъ въ другихъ аналогичныхъ предпріятіяхъ. Но такъ шли дѣла не долго. Уже въ 1894 г. составитель отчета Bramwell Booth долженъ былъ констатировать дефицитъ въ 5,000 руб., полученный фабрикой, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаться, что своей цѣли это «antisweating establishment» не достигло. И въ слѣдующіе годы фабрика принесла дефицитъ, причѣмъ въ 1895 г. онъ возросъ до 8,410 р.

Что касается общей стоимости мастерскихъ, то о ней даютъ понятіе слѣдующія цифры, обозначающія величину расходовъ и дефицита и еженедѣльную стоимость содержанія человѣка въ мастерской за вычетомъ стоимости сработанныхъ имъ издѣлій.

Годы.	Расходъ.	Дефицитъ.	Еженедѣльная стоим. содержанія.
1891	211,440 р.	6,650 р.	—
1894	345,180 »	13,580 »	1 р.
1895	469,980 »	38,800 »	1 »
1896	515,020 »	11,710 »	58 к.

Всматриваясь въ эту табличку, нельзя не замѣтить, что вплоть до послѣдняго года дефицитъ возрасталъ гораздо быстрѣе расходовъ; значительное уменьшеніе его въ 1896 г. объясняется тѣмъ, что въ этомъ году бы-

*) Въ парламентской комиссіи, исследовавшей положеніе англійскихъ рабочихъ, было засвидѣтельствовано нѣсколько случаевъ подобной конкуренціи. См. *The labour question by T. Spurgeon*, стр. 164. London, 1894 г.

ло принято въ мастерскія 1,239 лицами мѣнѣ, чѣмъ въ предшествующемъ. Еще болѣе бросается въ глаза тотъ странный фактъ, что еженедѣльная стоимость содержанія челоуѣка въ мастерскихъ была въ 1894 и 1895 годахъ одна и та же, несмотря на громадную разницу въ дефицитѣ. Какимъ образомъ могло это произойти, объ этомъ въ отчетахъ не говорится ни слова. Таковы финансовыя результаты мастерскихъ армій.

Посмотримъ, удовлетворяютъ ли мастерскія своему назначенію—служить для бѣднаго люда «гаванями спасенія» или «элеваторами», въ которыхъ совершалось бы его нравственное возрожденіе. Объ этой сторонѣ дѣла свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя, имѣющіяся, къ сожалѣнію, лишь въ отчетахъ 1891 и 1895 годовъ.

	Въ 1891 г.	Въ 1895 г.
Пристроено къ мѣсту, занятію или отослано къ друзьямъ	352	1,081
Получило временную помощь.	857	1,350
Отправлено въ земледѣльческую колонію.	291	91
Отправлено въ госпиталь.	75	177
Удалено изъ мастерскихъ и покинуло ихъ.	183	1,041
Оставалось въ мастерскихъ	322	—
Всего перебивалось въ мастерскихъ. . .	2,080	3,740

Въ отчетѣ 1896 г. приведено лишь число лицъ, побывавшихъ въ мастерскихъ въ продолженіе этого года—2,501, и общее количество лицъ, побывавшихъ въ мастерскихъ за все время ихъ существованія—15,305. Но ни въ этомъ послѣднемъ отчетѣ, ни въ предшествовавшихъ совсѣмъ не приводится свѣдѣній о повторныхъ посѣщеніяхъ; вслѣдствіе этого и число лицъ, перебивавшихъ въ мастерскихъ, является, очевидно, выше дѣйствительнаго. Обращаясь къ вышеприведенной табличкѣ, нельзя не обратить вниманія на значительное число лицъ, которымъ была оказана временная помощь. Подъ ними слѣдуетъ разумѣть, по словамъ отчета, такихъ лицъ, «которымъ по дорогѣ къ мѣсту работы понадобилось переночевать, и которыя обратились поэтому въ посредническую контору съ просьбой отправить ихъ въ мастерскія, гдѣ они могли бы заработать себѣ пищу и ночлегъ». Въ эту же рубрику включены и лица, «которыя покинули мастерскія, послѣ того, какъ нѣсколько отдохнули и возмнѣли надежду сами найти себѣ занятіе». Но что же собою эти лица представляютъ? Рабочихъ, потерявшихъ работу или профессиональных нищихъ и бродягъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ отчетахъ нѣту. Но многолѣтній опытъ германскихъ рабочихъ колоній, основанныхъ на тѣхъ же началахъ, что и мастерскія арміи, свидѣтельствуетъ, что главный контингентъ ихъ посѣтителей составляютъ бывшіе преступники, нищие и бродяги. Что послѣдніе посѣщаютъ въ значительной степени мастерскія арміи спасенія, это доказывается уже одной наличностью повторныхъ посѣщеній; кромѣ того, объ этомъ свидѣтельствуетъ и одинъ безпристрастный и компетентный свидѣ-

тель полковникъ Даниель, главный констабль Гертфордшира, по мнѣнію котораго дѣятельность арміи спасенія является наиболѣе плодотворной и благотвѣтельной по отношенію къ бродягамъ.

Но кого бы ни подразумѣвать подъ лицами, коимъ была оказана временная помощь, одно несомнѣнно: о томъ «великомъ исправленіи характера, которое является истиннымъ ключомъ къ прочному измѣненію обстоятельствъ» по отношенію къ этимъ лицамъ, не можетъ быть и рѣчи. По отношенію къ лицамъ, отправленнымъ въ земледѣльческую колонію для дальнѣйшаго «тренированія», покинувшимъ мастерскія или удаленнымъ изъ нихъ, также приходится констатировать, что нравственно-религіозное воздѣйствіе арміи оказалось недостаточнымъ или прямо-таки безрезультатнымъ. Да и какъ можетъ это воздѣйствіе быть успешнымъ, когда въ мастерскихъ соприкасаются и рабочій, потерявшій заработокъ, и алкоголикъ, и профессиональный бродяга? Лица же всѣхъ перечисленныхъ категорій составляютъ, по даннымъ обоихъ годовъ, около двухъ третей всѣхъ лицъ, перебивавшихъ въ мастерскихъ. Не имѣется никакихъ основаній предполагать, что и лицамъ, «пристроеннымъ арміей къ какому-либо мѣсту или занятію», «была доставлена этимъ самымъ возможность начать новую жизнь». По крайней мѣрѣ данныя, которыя свидѣтельствовали бы, каково поведеніе этихъ лицъ на мѣстѣ и насколько постояннымъ оказалось приисканное арміей занятіе, ею не собираются.

Такимъ образомъ, мастерскія В. Бутса, предназначавшіяся имъ для противодѣйствія эксплуатаціи рабочаго класса, для его нравственного возрожденія, оказались въ дѣйствительности скорѣе гаванями отдохновенія для профессиональных бродягъ и нищихъ, чѣмъ «гаванями спасенія» для рабочихъ.

Разсмотрѣнными учрежденіями дѣятельность арміи спасенія на пользу бѣднаго люда еще не ограничивается. Съ цѣлью болѣе быстрой и дѣйствительной помощи обитателямъ трущобъ, армія устроила въ нихъ до 40 постовъ, находящихся въ завѣдываніи 82 «трущобныхъ сестеръ милосердія». Дѣятельность этого отряда заключается въ ознакомленіи съ нуждами бѣдняковъ и подачѣ имъ посильной помощи. Слѣдующія данныя за 1896 годъ болѣе опредѣленно характеризуютъ дѣятельность этихъ сестеръ милосердія:

Посѣщено семей съ цѣлью проповѣди	48,982
Всего посѣщено семей.	58,573
Оказана помощь больнымъ	3,325
Посѣщено увеселительныхъ заведеній	19,653
Организовано митинговъ въ частныхъ ночлежн. домахъ	300
Посѣщено домовъ терпимости съ цѣлью проповѣди. .	31
Число часовъ, употребленныхъ на посѣщенія	32,875

Въ среднемъ, стало быть, на одно посѣщеніе приходится около 25 минутъ—время, вполне достаточное для произнесенія проповѣди, но не для распространенія порядка и чистоты въ домахъ, ослабленія пьянства, рас-

пространенія любви къ труду и вообще для оказанія той дѣйствительной помощи, о которой свидѣтельствуемъ текстъ отчетовъ. Несомѣнно, приведенныя цифры раздуты, чтобы представить дѣятельность арміи въ болѣе благоприятномъ видѣ; въ результатѣ оказалась скрытой и скомпрометрованной та дѣйствительная помощь, которую, можетъ быть, и оказываютъ эти своеобразныя сестры милосердія.

Изъ случайныхъ мѣропріятій арміи спасенія на пользу бѣднаго люда слѣдуетъ упомянуть о выдачѣ пособій эмигрирующимъ лицамъ; на этотъ предметъ было издержано въ 1891 г. около 950 р.; въ слѣдующіе годы подобный расходъ не повторялся. Затѣмъ въ 1894 году была учреждена справочная контора для бѣдныхъ, причѣмъ было издержано на нее около 3,940 р.; въ слѣдующемъ году расходъ былъ уменьшенъ до 1,160 р., а въ 1896 году объ этой конторѣ нигдѣ въ отчетѣ не упоминается.

Переходимъ къ обзору мѣропріятій арміи, предпринимаемыхъ ею для спасенія «рабовъ порока».

Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить учрежденіе особаго рода пріютовъ для исправленія уличныхъ женщинъ и обращенія ихъ на путь добродѣтели. Эти пріюты пользуются большою популярностью среди англійскаго общества, и на устройство ихъ жертвуются значительно большія суммы, тѣмъ на какія-либо другія учрежденія арміи. Въ 1895 году было пожертвовано на эти пріюты около 41,680 р., а въ 1896 г. еще болѣе—57,490 р.—фактъ, краснорѣчиво говорящій, насколько созрѣло въ англійскомъ обществѣ сознаніе необходимости оказать помощь несчастнымъ жертвамъ проституціи. Въ настоящее время армія насчитываетъ 16 пріютовъ; при трехъ изъ нихъ устроенъ покой для беременныхъ (Maternity House), при двухъ—школа для обученія прислуги, нянекъ, кормилицъ, и при одномъ—ясли.

Для привлеченія уличныхъ женщинъ въ свои пріюты армія организовала особыя «ночныя бригады», которыя съ этой цѣлью совершаютъ обходы многолюдныхъ улицъ, домовъ терпимости и другихъ подобныхъ заведеній. Въ 1896 г. офицеры этой своеобразной бригады нѣгли дѣло съ 3,858 уличными женщинами, посѣтили 611 домовъ терпимости и 1,156 другихъ подобныхъ вертеповъ. Кромѣ проституткокъ въ пріюты принимаются и женщины, выпускаемыя изъ тюремъ.

Средства, употребляемыя въ пріютахъ для исправленія поступающихъ въ нихъ женщинъ, тѣ же, что и въ другихъ учрежденіяхъ арміи, т.-е. частныя молитвы, митинги и работы. Изъ послѣднихъ въ ходу стирка бѣлья, вязанье, шитье и другія руководѣнья, переплетаніе книгъ и разнаго рода домашнія работы.

Каждая женщина остается въ пріютѣ въ среднемъ около четырехъ мѣсяцевъ. Но и по оставленіи пріюта она не прерываетъ съ нимъ сношеній, заходя туда по праздникамъ или же переписываясь съ администраціей. Въ 1896 г. во всѣхъ пріютахъ перемѣняло 1,535 женщинъ; изъ нихъ:

поступило въ служеніе или получило иное занятіе . . .	743
отослано къ мужу, роднымъ и друзьямъ	275
поступило на фабрики и другія промышленныя заведенія .	64
отправлено въ больницы и другіе пріюты	184
вышло замужъ и эмигрировало	3
оказалось плохого поведенія	266
	1,535

За все время существованія пріютовъ (съ 1884 по 1896 г.) въ нихъ перебывало 14,032 женщины; изъ нихъ 11,048, т.-е. болѣе 78%, было пристроено къ занятіямъ или отослано къ друзьямъ. Но изъ пристраиваемыхъ такимъ путемъ женщинъ по прошествіи трехъ лѣтъ лишь 85% оказываются хорошаго поведенія, 9% теряются изъ виду и 6% попадаютъ на прежній путь порока. Результаты, которыхъ нельзя не признать крайне благопріятными, хотя слѣдуетъ замѣтить, что абсолютныя цифры, изъ которыхъ выведены эти проценты, въ отчетахъ не приводятся и сами эти проценты повторяются изъ года въ годъ.

Въ тѣсной связи съ описанными учрежденіями возникъ особый, такъ называемый, «сыскной департаментъ» (Enquire Departement), въ задачу котораго входитъ разыскивать пропавшихъ безъ вѣсти женщинъ и лицъ, злоупотребившихъ чьей-либо невинностью, для доставленія ихъ въ судъ. Въ 1896 г. въ названный департаментъ подано было 1,530 заявленій о пропавшихъ женщинахъ; 505 изъ нихъ удалось разыскать.

Въ 1896 г. арміей было открыто пріютъ для женщинъ алкоголиковъ, на сколько человекъ—въ отчетѣ не сказано. Пациентки этого пріюта раздѣляются на три класса: 1) на лицъ вполне состоятельныхъ, которыя могутъ платить за свое содержаніе; 2) на менѣе состоятельныхъ, которыя могутъ дѣлать лишь небольшіе взносы, и, 3) наконецъ, на такихъ, у которыхъ никакихъ матеріальныхъ средствъ не имѣется. «Спасеніе, симпатія и горячая вѣра являются тѣми лѣкарствами, которыя употребляются для лѣченія этой ужасной болѣзни, и майоръ Рейнгольдсъ (завѣдующій пріютомъ) сообщаетъ уже о значительныхъ успѣхахъ. Пациентки остаются въ пріютѣ отъ шести до двѣнадцати мѣсяцевъ». На медицинскую помощь пріютомъ не было издержано ни копейки.

Бюджетъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ учрежденій таковъ *):

	Израсходовано.	Выручено.
На всѣ лондонскіе пріюты . . .	58,260 р.	23,990 р.
» всѣ провинціальныя пріюты. .	33,280 »	31,450 »
» сыскной департаментъ	10,600 »	6,090 »

*) Къ приведеннымъ въ таблицѣ расходамъ слѣдовало бы присоединить часть издержекъ по центральному управленію всѣми учрежденіями, предназначенными для женщинъ (women's work), и часть издержекъ на женскія мастерскія. Но сдѣлать это оказалось невозможнымъ, такъ какъ эта искомая часть издержекъ въ отчетахъ не выдѣляется. Слѣдуетъ отмѣтить и другую неточность приведенной таблицки. Провинціальными пріютами выручено не 31,450 руб., а гораздо меньше, такъ какъ въ отчетѣ включены въ эту сумму и пожертвованія.

Содержаніе одной женщины въ пріютѣ обходится въ среднемъ нѣсколько болѣе 2 ф. ст. (около 20 р.), за вычетомъ, конечно, стоимости ея работы.

Для спасенія преступныхъ обитателей трущобъ арміей устроенъ въ Лондонѣ также особый пріютъ. Для привлеченія въ него лицъ, выпускаемыхъ изъ тюремъ, у воротъ ихъ ежедневно дежурятъ по двое офицеровъ такъ-называемой «тюремной бригады». Правомъ посѣщенія тюремъ съ цѣлью предварительнаго знакомства съ арестантами члены арміи пока не пользуются. Около 10% поступающихъ въ пріютъ лицъ присылается туда судьями и тюремною администраціей. Принимаются въ пріютъ только мужчины. Любопытно, что обстановка его нѣсколько болѣе комфортабельна, чѣмъ обстановка ночлежныхъ пріютовъ и мастерскихъ, въ виду того, что преступники пользуются въ англійскихъ тюрьмахъ большимъ комфортомъ, чѣмъ англійскіе бѣдняки въ своихъ трущобахъ. Приемы исправленія, практикуемые въ пріютахъ, тѣ же, что и въ рабочихъ мастерскихъ, только порядки здѣсь нѣсколько строже, да изъ работъ въ ходу только колка и пила дровъ, плетеніе цыновокъ и починка обуви. О результатахъ, достигаемыхъ пріютомъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя, относящіяся къ 1895 году.

Всего перебывало въ пріютѣ за этотъ годъ 514 человекъ; изъ нихъ:

Получило постоянное занятіе	85 ч.
Ушло на работу послѣ удовлетворительнаго поведенія (leaving, after satisfactory conduct to work)	275 »
Отправлено въ земледѣльч. колонію и другія учрежденія арміи	71 »
Удалено за неповиновеніе и нехорошее поведеніе.	60 »
Отослано въ больницу	61 »
	Всего . . 514 ч.

Что касается лицъ, исправившихся въ пріютѣ, то черезъ годъ по оставленіи его 86% ихъ продолжаютъ вести себя хорошо, 10% начинаютъ вести себя подозрительно, 2% ворочается на прежній путь и 2% исчезаетъ изъ виду. Эти процентныя данныя обнаруживаютъ замѣчательное постоянство и неизмѣнно повторяются изъ года въ годъ. Въ 1896 г. перебывало въ пріютѣ 411 человекъ, за все же время его существованія перебывало въ немъ 2,124 ч.; изъ нихъ около половины—1,094—поступило на мѣста или было отослано въ другія мѣста. Сколько изъ этихъ 1,094 лицъ оказалось черезъ годъ по оставленіи пріюта удовлетворительнаго поведенія, объ этомъ отчетъ умалчиваетъ. Тюремный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Home Office Prisons Committee) въ своемъ докладѣ о дѣятельности пріюта хотя и «воздерживается отъ окончательнаго сужденія», но констатируетъ все-таки, что «въ довольно значительномъ числѣ случаевъ арміи удалось достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ».

Въ тѣсной связи съ только что описаннымъ пріютомъ дѣйствуетъ и такъ-называемый «департаментъ по уголовному разслѣдованію» («Criminal

Investigation Department»), дѣлю котораго является юридическая помощь лицамъ, привлекаемымъ къ суду. О дѣятельности этого департамента свѣдѣній въ отчетѣ не приводится.

Содержаніе пріюта обошлось въ 1896 г. около 57,670 руб.; было же выручено отъ работы воспитанниковъ пріюта 44,310 р., причемъ непроданныхъ товаровъ осталось на сумму 3,390 руб., такъ что въ результатѣ получился дефицитъ около 10,000 р. Содержаніе уголовного департамента обошлось болѣе 1,300 рублей.

Таковы учрежденія, составляющія городскую колонію.

Земледѣльческая колонія представляетъ изъ себя имѣніе пространство около 1,500 акровъ, расположенное на берегу Темзы, въ 37 миляхъ отъ Лондона. Большая часть этого имѣнія—болѣе 800 акровъ—отведена подъ ферму, 304 акра подъ огородъ и фруктовый садъ; остальное пространство занято оранжереей, паркомъ, птичьимъ дворомъ, свинарней, кирпичнымъ заводомъ, булочной, разнаго рода складами и помѣщеніями какъ для администраціи, такъ и для колонистовъ. Въ числѣ этихъ помѣщеній имѣется 7 спальныхъ барачковъ на 350 колонистовъ, больничка на 20 человекъ, большой баракъ для митинговъ и крытый навѣсъ для работы въ дурную погоду. На берегу рѣки устроена пристань, отъ которой проведена къ центру колоніи небольшая желѣзная дорога.

Изъ земли, отведенной подъ ферму, лишь 229 акровъ занято пашней, все же остальное пространство—581 акръ—отведено подъ пастбище; такимъ образомъ, хлѣбопашество является въ земледѣльческой колоніи отнюдь не главнымъ занятіемъ, хотя В. Бутсъ и считалъ необходимымъ сдѣлать изъ нея «своего рода школу для эмигрантовъ, гдѣ они получаютъ практическія свѣдѣнія, необходимыя имъ для того, чтобы быть полезными дѣятелями тамъ, гдѣ требуется поднимать новину, корчевать пни и собирать жатву». Что касается скотоводства, то о размѣрахъ, въ какихъ оно ведется, свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: въ 1895 г. имѣлось въ колоніи около 150 штукъ крупнаго рогатаго скота, около 25 лошадей, 195 овецъ и барановъ и 431 свиней; кромѣ того имѣлось около 300 штукъ разной домашней птицы. Большая часть продуктовъ скотоводства посылается на продажу въ Лондонъ и ближайшую деревню, въ которой заведена арміей даже особая мясная лавка.

Огородъ и фруктовый садъ занимаютъ пространство въ 304 акра, и въ нихъ бываетъ занято обыкновенно до 75 человекъ, работающихъ заступами. Въ какихъ размѣрахъ ведется эта отрасль хозяйства, лучше всего показываютъ слѣдующія цифры: за лѣто 1895 г. было отправлено на рынокъ 28 тоннъ клубники, 3¼ т. крыжовника, болѣе 8 т. малины, 12 т. красной и черной смородины; всего-на-всего 50½ тоннъ или 2,020 пудовъ всякой ягоды, не считая значительнаго количества фруктовъ и овощей.

Подъ оранжерею, питомникъ и парники отведено около 6 акровъ и въ нихъ разводится до тысячи разныхъ деревьевъ, растений, цвѣтовъ, овощей и сѣмянъ.

Въ колоніи имѣется также обширный образцовый птичникъ, въ которомъ разводятся и выводятся нѣкоторые особые сорта домашней птицы. За нѣкоторыхъ птицъ армія получила даже на мѣстныхъ выставкахъ около 14 наградъ и почетныхъ отзывать.

Занимаются въ колоніи и разведеніемъ особыхъ породъ домашняго скота, для чего устроенъ небольшой племенной заводъ.

Перевозкой и отправкой продуктовъ колоніи завѣдуетъ особый департаментъ путей сообщенія (The Traffic Department), въ распоряженіи котораго имѣется нѣсколько локомотивовъ и баржъ и элеваторъ для разгрузки послѣднихъ. Въ 1895 г. этимъ департаментомъ было получено и доставлено по назначенію 165 баржъ нагруженныхъ углемъ, золой, лѣсомъ, навозомъ и т. п. Въ большихъ размѣрахъ производится въ колоніи и выдѣлка кирпича—до 3.000,000 кирпичей ежегодно.

Слѣдуетъ упомянуть и о столярной мастерской, въ которой работаетъ до 35 человекъ, изготовляя мебель, оконныя рамы и т. п. предметы. Въ 1894 г. колонія подрядилась выстроить въ окрестностяхъ фермы около 6 домовъ, а также изготовить значительное количество стульевъ, рамъ и дверей. На какихъ условіяхъ состоялся подрядъ и какъ разočлась администрація колоніи съ своими колонистами, объ этомъ, къ сожалѣнію, ничего въ отчетѣ не говорится. Имѣются въ колоніи и кузница, пильная мельница, колесная мастерская и даже цирюльня.

Всѣ работы по устройству колоніи и по веденію разныхъ отраслей хозяйства были выполнены преимущественно колонистами подъ руководствомъ и при содѣйствіи нѣкотораго (какого именно въ отчетѣ не сказано) числа наемныхъ рабочихъ.

Что касается до внутренняго распорядка, господствующаго въ колоніи, то допускаются въ нее лишь мужчины; при этомъ въ колонисты выбираются арміей только лица крѣпкаго здоровья, способныя работать на вольномъ воздухѣ, выдержавшія мѣсячное испытаніе въ городскихъ мастерскихъ и выразившія желаніе отправиться въ колонію. Режимъ дня въ ней, способъ вознагражденія колонистовъ и правила поведенія тѣ же, что и въ городскихъ мастерскихъ за нѣкоторыми исключеніями. Такъ, напримеръ, пищу колонисты получаютъ чаще и въ большемъ количествѣ, чѣмъ лица, работающія въ городскихъ мастерскихъ. Затѣмъ по своему поведенію и величинѣ получаемаго вознагражденія колонисты дѣлятся не на три, а на четыре класса; на руки выдается колонистамъ не $\frac{2}{3}$, а $\frac{1}{3}$ заработной платы и максимумъ ея установленъ не въ 5, а въ 4 шил. На поведеніе колонистовъ обращается самое тщательное вниманіе, причѣмъ за неповиновеніе и нарушеніе правилъ колонисты подвергаются штрафу, переходу въ низшій классъ и удаленію изъ колоніи.

Слѣдующая маленькая выдержка изъ официальнаго донесенія одного изъ должностныхъ лицъ колоніи лучше всего показываетъ, какого рода поведеніе желательно было бы имѣть водворить среди колонистовъ. «Около 50 человекъ публично исповѣдались въ томъ, что сердца ихъ обратились

къ Богу. Изъ нихъ 20 человекъ подписало «военныя условія» (articles of war) арміи и сдѣлалось ея солдатами; 16 человекъ ведутъ себя хорошо и можетъ быть завербовано въ солдаты (can be made soldiers) въ продолженіе немногихъ недѣль. Въ конечномъ итогѣ изъ 50 человекъ 36 ведутъ себя хорошо, а шестеро лучше, чѣмъ раньше». Поведеніемъ колонистовъ администрація колоніи въ общемъ довольна. «Поведеніе колонистовъ хорошее,—говорится въ отчетѣ 1895 г.;—лишь 10%, ихъ удалили мы изъ колоніи за пьянство и лѣность». Посмотримъ, что говорятъ о поведеніи и дальнѣйшей судьбѣ колонистовъ, цифры.

	Съ 1891 г. по 1894 г.	Съ 1891 г. по 1895 г.	Съ 1891 г. по 1896 г.
Оставило колонію вскорѣ по прибытіи	128	—	—
Получило работу до оставленія колоніи	—	334	404
Отослано къ друзьямъ	51	76	87
Пристроено къ занятіямъ, добытымъ черезъ посредство арміи (situations obtained through the scheme).	283	—	—
Поступило на военную службу	51	52	53
Эмигрировало		32	35
Оставило колонію, имѣя въ виду получить мѣсто (with situations in view)	602	854	1,059
Умерло	—	—	6
Вступило въ бракъ	—	8	10
Остальные удовлетворительные случаи	6	—	—
Тайкомъ покинуло колонію	146	332	415
Удалено изъ колоніи за лѣность и пьянство	349	383	520
Оставалось въ колоніи	—	—	211
Всего перебивъ въ кол. со дня открытія	1,616	2,061	2,799

Обращаясь къ анализу приведенной таблицы, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что показанное въ ней число лицъ, перебивавшихъ въ колоніи, значительно выше дѣйствительнаго, такъ какъ оно представляетъ собой, выражаясь точно, количество сдѣланныхъ посѣщеній какъ единичныхъ, такъ и повторныхъ. Крайне характерная неточность, дающая поводъ предполагать, что колонія дѣйствуетъ не такъ ужъ успѣшно, какъ хотятъ увѣрить публику отчеты. О томъ же свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что процентъ лицъ, удаленныхъ изъ колоніи за пьянство и лѣность, равняется не 10, а 21 по даннымъ 1894 г. и 18 поданнымъ по слѣднихъ двухъ отчетовъ *). Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что лица, «оставившія колонію вскорѣ по прибытіи» и «пристроенныя къ занятіямъ, добытымъ черезъ посредство арміи», фигурирующія въ отчетѣ 1894 г., въ

*) Въ выше упоминавшихся германскихъ рабочихъ колоніяхъ было уволено изъ даннымъ за 1887 — 89 гг. 4,4% всѣхъ колонистовъ за дурное поведеніе и всего 0,5% за пьянство.

двухъ послѣднихъ отчетахъ включены въ довольно неопредѣленную рубрику лицъ, «получившихъ работу до оставленія колоніи», каковая рубрика должна свидѣтельствовать повидимому объ успѣшной дѣятельности колоніи. Между тѣмъ позволительно спросить: когда и гдѣ успѣли «нравственно переродиться» эти лица, — отправленные въ колонію очевидно съ цѣлью болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли, разъ они покинули колонію тотчасъ по прибытіи?

Врядъ-ли свидѣтельствуютъ о достиженіи колоніей своей цѣли и остальные цифровыя данныя. Сравнивая ихъ съ соотвѣтствующими данными, относящимися къ лицамъ, работающимъ въ мастерскихъ арміи, приходится даже констатировать, что названныя учрежденія дѣйствуютъ въ разсматриваемомъ отношеніи успѣшнѣе земледѣльской колоніи. Въ самомъ дѣлѣ: процентъ лицъ, бѣжавшихъ и удаленныхъ изъ послѣдней за все время ея существованія, равняется—33,5; тогда какъ соотвѣтствующій процентъ для мастерскихъ (по отчету 1895 г.) равняется 27,8; процентъ лицъ, которымъ былъ данъ временный пріютъ и которыя покинули его, имѣя занятіе въ виду, равняется въ колоніи 37,8; въ мастерскихъ—36; наконецъ, процентъ лицъ, отосланныхъ къ друзьямъ и пристроенныхъ къ какому либо мѣсту, равняется въ мастерскихъ 28,9; въ колоніи же 17,5. Если принять во вниманіе, что въ колонію армія выбираетъ людей, выдержавшихъ болѣе или менѣе продолжительный искусь въ мастерскихъ, то придется признать достигаемые колоніей результаты довольно плачевными.

Но гдѣ же земледѣльческія поселенія, кооперативная ферма или даже сколько-нибудь значительное содѣйствіе эмиграціи? Все это, если не считать 35 человекъ, которымъ армія за 6 лѣтъ помогла эмигрировать, осталось лишь на бумагѣ. И заморская колонія осуществленія не получила, хотя деньги на ея устройство были получены и составили особый фондъ.

Что касается до бюджета земледѣльской колоніи, то на приобрѣтеніе земли и первоначальное устройство ея было затрачено болѣе 300,000 р.; на веденіе же ея въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ ея существованія было израсходовано около 84,497 р. О дальнѣйшемъ ростѣ и предметѣ расходовъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

	Въ 1894 г.	Въ 1895 г.	Въ 1896 г.
На различныя отрасли сельск. хоз. . .	181,070 р.	242,950 р.	245,800 р.
На промышленныя предпріятія . . .	293,600	» 244,060	» 242,249
На управлен. и разныя мелкіе расходы.	13,990	» 22,920	» 27,671
Всего израсходовано . . .	488,660 р.	509,930 р.	515,720 р.

Изъ приведенной таблички видно, что лишь въ послѣднемъ году расходы на разныя отрасли сельскаго хозяйства сравнялись съ расходами на разныя промышленныя предпріятія; фактъ довольно характерный, показывающій, какую школу для эмигрантовъ представляетъ собой земледѣльская колонія арміи спасенія. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ расходовъ на колонію ростъ, ко-

нечно, и дефицитъ. Въ 1894 г. онъ равнялся 27,740 р., въ 1895 г.—64,670 р. и въ 1896 г.—65,604 р.

Такимъ образомъ, и съ финансовой точки зрѣнія учрежденіе и веденіе земледѣльской колоніи нельзя признать удачнымъ. Въ то время, какъ на содержаніе всей городской колоніи съ ея многочисленными и разнородными учрежденіями было израсходовано въ 1896 г. болѣе 1.072,000 р., на земледѣльческую колонію, черезъ которую проходитъ въ годъ лишь около 1,500 человекъ, было израсходовано около половины этой суммы.

IV.

«Шесть лѣтъ прошло,—говорить В. Бутсъ во введеніи въ отчету 1896 года,—съ тѣхъ поръ, какъ моя социальная схема была опубликована. Въ продолженіе этого времени каждый принципъ, положенный въ ея основу, каждое указанное въ ней средство подверглись самой рѣзкой критикѣ и самому тщательному изслѣдованію. Изъ этого испытанія они вышли, имъ думается, въ общемъ съ торжествомъ. Съ чувствомъ радости я могу удостовѣрить, что дѣйствительный опытъ оправдалъ въ очень значительной степени ожиданія, возлагавшія мною на социальную схему; и я думаю, что всякій безпристрастный изслѣдователь согласится со мной, что факты, приводимые на этихъ страницахъ, представляютъ существенныя доказательства этого. Тотъ фактъ, что армія имѣетъ 317 отдѣльныхъ учрежденій въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ руководствомъ 1,322 офицеровъ, доказываетъ это. Тотъ фактъ, что она даетъ ежедневно пріютъ и пищу 10,000 обездоленныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, доказываетъ это...» и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Таковы многочисленныя доказательства, которыми В. Бутсъ доказываетъ успѣшность своего опыта, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ убѣдительности. Но выше указывалось уже, съ какой осторожностью слѣдуетъ относиться къ статистическимъ даннымъ, приводимымъ въ отчетахъ арміи спасенія. И число учрежденій, и число ихъ посѣтителей, и процентъ лицъ, удачно пристроенныхъ или исправившихся,—всѣ эти данныя въ отчетахъ значительно преувеличены; тѣ же факты и цифры, которые раскрываютъ обратную сторону дѣятельности арміи, заглушены или же даже совершенно скрыты. Но допустимъ, что факты, приводимые В. Бутсомъ, безспорны. Доказываютъ ли они, въ такомъ случаѣ, успѣшность его плана? Никомъ образомъ. Самъ В. Бутсъ въ своей книгѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію задуманнаго имъ плана, счелъ нужнымъ указать тѣ принципы, которые положены въ его основаніе и которые онъ считалъ «существенно необходимыми условіями для его успѣха». Поэтому, для того, чтобы правильно оцѣнить то, что сдѣлано арміей спасенія для помощи и спасенія пролетаріата, необходимо войти въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, соблюдены ли были эти условія.

Въ числѣ принципозъ, положенныхъ В. Бутсомъ въ основу своего

плана, находился, между прочимъ, слѣдующій справедливый, въ сожалѣнію, многими игнорируемый принципъ: «помогая одному классу общества, планъ не долженъ вредить интересамъ другихъ классовъ. Стараясь поставить на ноги обездоленныхъ, не слѣдуетъ наносить ударъ тѣмъ, кто съ трудомъ держится на ногахъ».

Сознавая, насколько важно соблюденіе этого принципа, Бутсъ всячески старался оградить себя отъ упрековъ въ нарушеніи его. Такъ, предвидя возраженіе противъ своего плана, что онъ, создавая новыхъ трудолюбивыхъ рабочихъ, увеличитъ число рабочихъ рукъ на переполненномъ уже рынкѣ труда, В. Бутсъ съелъ нужнымъ опровергнуть его. «Увеличеніе числа рабочихъ рукъ на рынкѣ,—говоритъ онъ,—будетъ незначительно. Усиленное производствo съѣстныхъ продуктовъ въ нашей земледѣльской и заморской колоніяхъ, должно косвеннымъ образомъ послужить на пользу необезпеченнаго рабочаго. Отвлеченіе отъ рынка труда значительнаго числа рабочихъ, теперь не вполне занятыхъ, принося непосредственную пользу имъ самимъ, въ то же время дастъ новые заработки остальнымъ. Кроме того, такъ какъ всѣ рабочіе будутъ болѣе обезпечены, то соответственно увеличатся и ихъ потребности. Такъ, напримеръ, бывший пьяница, довольствовавшійся нѣсколькими обломками мебели, ящикомъ изъ-подъ мыла и узломъ тряпья, пожелаетъ имѣть столъ, стулъ, кровать и другія принадлежности благоустроеннаго хозяйства, хотя бы средства его и были очень скромны» *).

Для обезпеченія того же принципа предполагалось заводить въ мастерскихъ арміи лишь такіа мастерства, издѣлія которыхъ шли бы, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе потребностей организуемыхъ арміей «общинъ самопомощи»; излишекъ же издѣлій, поступающихъ на рынокъ, продавать «не ниже, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже выше рыночной цѣны».

Приведенныя выдержки, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что Бутсъ вполне сознавалъ тотъ вредъ, какой можетъ нанести рабочему классу конкуренція лицъ, пристраиваемыхъ имъ къ работамъ въ городской и земледѣльской колоніяхъ. Но онъ понадеялся, что при помощи нѣкоторыхъ предохранительныхъ мѣръ ему удастся избѣжать или парализовать эту конкуренцію. Въ сожалѣнію только нѣкоторыя изъ этихъ предосторожностей были плохо рассчитаны, другія же не были приняты. Такъ, въ земледѣльской колоніи вмѣсто «усиленнаго производствa съѣстныхъ продуктовъ» въ широкомъ ходу различнаго рода промышленныя предпріятія, хлѣбопашество ведется въ болѣе чѣмъ скромныхъ размѣрахъ; даже на скотоводство расходуется столько же, сколько на огородничество, фруктоводство и разведеніе цѣнныхъ породъ птицъ вмѣстѣ. Между тѣмъ очевидно, что продукты послѣднихъ отраслей хозяйства поступаютъ главнымъ образомъ, если не исключительно, на рынокъ и уже никакимъ образомъ не могутъ «послужить на пользу необезпеченнаго рабочаго». Въ мастерскихъ

*) ВЪ *трущобахъ Атллы*, стр. 317—318.

городской колоніи также заведены нѣкоторыя производства, издѣлія которыхъ поступаютъ главнымъ образомъ на рынокъ. Для продажи издѣлій вязальной и бѣлошвейной мастерскихъ арміей открыты даже магазины, въ которыхъ принимаются и всевозможнаго рода заказы. Между тѣмъ какъ разъ въ этихъ мастерскихъ господствуетъ та эксплуатация работниковъ (такъ назыв. sweating system), которой «объявила войну» армія. И бригада для собиранія домашнихъ отбросовъ вступила въ конкуренцію съ разнаго рода старьевщиками, собирая все, что дають, и продавая все, что только можно продать.

Такимъ образомъ, армія выпустила на рынокъ значительно большее количество товаровъ и нѣсколько иного рода, чѣмъ предполагала. Правда, эти товары продаются по рыночной цѣнѣ, а иногда будто бы даже дороже. Но это обстоятельство ничуть не устраняетъ тѣхъ послѣдствій, предупредить которыхъ надѣялся Бутсъ. Эту сторону разсматриваемаго вопроса прекрасно разъяснилъ извѣстный англійскій экономистъ Д. Гобсонъ. «Предположимъ,—говоритъ онъ,— что столяръ А лишается работы потому, что имѣется болѣе столяровъ, чѣмъ сколько необходимо для того, чтобы удовлетворить существующій на рынокѣ спросъ на стулья и столы по достаточной цѣнѣ; армія спасенія подаетъ А руку помощи, снабжая его капиталомъ, процентовъ на который онъ не обязанъ платить. Въ такомъ случаѣ доставленные на рынокъ стулья А могутъ вытѣснить стулья, доставленные Б, В, Г,—его прежними конкурентами. Если только не возрастетъ спросъ на стулья, въ результатѣ получится то, что стулья А вытѣснятъ съ рынка стулья Б, и Б очутится безъ работы. Такимъ образомъ, А благодаря содѣйствію арміи спасенія исполнилъ по-просту работу Б. Если теперь армія спасенія захочетъ оказать помощь Б, то она въ состояніи будетъ это сдѣлать, лишь вытѣснивъ съ рынка В. Предположимъ, что рабочіе, занятые въ производствѣ спичекъ, лишились работы вслѣдствіе условій рынка, и армія спасенія пристраиваетъ ихъ въ мастерскую и начинаетъ продавать на рынокѣ изготовляемые ими спички; въ такомъ случаѣ публика, покупающая эти спички, не будетъ уже покупать спички другихъ фирмъ, и послѣднимъ придется примѣнить трудъ въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ ранѣе. Дѣйствуя такимъ образомъ армія нисколько не расширяетъ области примѣненія труда и вслѣдствіе этого ничуть не приближается къ разрѣшенію проблемы о безработныхъ. Армія доставила только занятіе извѣстными ей лицамъ, лишивъ его въ то же время нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ ей лицъ. А такъ какъ лица, вытѣсненные ранѣе съ рынка, и по характеру, и по работѣ являются въ среднемъ ниже тѣхъ, которые находились при работѣ, то въ результатѣ той политики, которой держится армія, является замѣна высшихъ рабочихъ низшими» *). Еще болѣе нежелательные результаты могли бы получиться, еслибъ армія продавала издѣлія, изготовляемые въ ея мастерскихъ, дороже рыночной цѣны, на что никакихъ указаній въ с -

*) J. Hobson: „Problems of poverty“. Second edition. London, 1895, стр. 144—145.

четахъ не встрѣчается. Лица, которыя покупали бы въ такомъ случаѣ эти болѣе дорогія издѣлія, перестали бы покупать подобныя же, но болѣе дешевыя издѣлія у тѣхъ фирмъ, у которыхъ покупали раньше, и послѣднія вслѣдствіе этого сократили бы или даже забросили бы свое производство. Кромѣ того лица, оплачивающія издѣлія дороже обычнаго, принуждены были бы сократить свое потребленіе какихъ-либо другихъ товаровъ, производство которыхъ вслѣдствіе этого должно было бы сократиться. Въ конечномъ результатѣ, поэтому, должна была бы сузиться область примѣненія труда и увеличиться количество безработныхъ.

Бутсъ рассчитывалъ избѣжать этихъ роковыхъ послѣдствій съ помощью другой предосторожности — путемъ удаленія рабочихъ съ переполненнаго городского рынка въ деревню и занятія ихъ въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, продукты котораго Англія вынуждена ежегодно ввозить изъ-за границы. Но онъ упустилъ изъ виду, что этимъ самымъ онъ подрываетъ тѣ промышленныя предпріятія, которыя заняты производствомъ товаровъ, уплачивавшихся ранѣе за ввозимые продукты сельскаго хозяйства. Однимъ словомъ, Бутсу слѣдовало бы помнить, что «разъ область примѣненія труда (the amount of employment) опредѣляется и видоизмѣняется въ зависимости отъ размѣровъ потребленія, единственно вѣрный способъ расширенія этой области состоитъ въ поднятій установившагося въ странѣ уровня потребленія» *).

Но вѣдь Бутсъ утверждалъ, что «такъ какъ всѣ рабочіе будутъ болѣе обеспечены, то соответственно увеличатся и ихъ потребности». Да утверждалъ, но только утвержденіе это совершенно необосновано. Еслибъ армія ставила лицъ, оставляющихъ ея колоніи, въ иную, болѣе благоприятную обстановку, чѣмъ въ какой они находились до поступленія въ нихъ; еслибъ она измѣняла «тѣ внѣшнія условія ихъ жизни, которыя привели ихъ къ паденію и надъ которыми они не властны», — тогда Бутсъ вправѣ былъ бы утверждать, что эти лица не только пожелали бы увеличить свое потребленіе, но и имѣли бы въ тому полную возможность. А еслибъ арміи удалось достигнуть этого результата, не вытѣснивъ съ рынка рабочихъ, имѣвшихъ уже постоянный заработокъ, то въ конечномъ результатѣ несомнѣнно «всѣ рабочіе оказались бы болѣе обеспечены и уровень потребленія значительно возросъ бы». Но «измѣненіе внѣшнихъ условій, надъ которыми отдѣльный человекъ не властенъ», каковое измѣненіе является, по мнѣнію Бутса, другимъ существеннымъ условіемъ, необходимымъ для успѣшности его предпріятія, оказалось, конечно, не по силамъ арміи. Врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что борьба съ этими внѣшними условіями оказалась роковой и для бывшего пьяницы, преступника, бродяги или всякаго другого лица, покинувшаго «гавань спасенія», приютившую его, и «пустившагося снова въ открытое море», гдѣ онъ только что «потерпѣлъ крушеніе».

*) Ibid., стр. 147.

Правда, Бутсу не удалось устроить заморской колоніи, куда онъ могъ бы направить излишекъ рабочихъ рукъ и тѣмъ самымъ улучшить положеніе рабочихъ, остающихся въ Англіи. Но опытъ съ заморской колоніей могъ бы удался лишь въ томъ случаѣ, еслибы земледѣльческая колонія удовлетворяла своему назначенію «быть своего рода практической школой для эмигрантовъ», чего въ настоящее время про нее сказать отнюдь нельзя. «Селить же неподготовленную толпу мужчинъ и женщинъ на невоздѣланной землѣ какого-нибудь новаго материка» или же «превращать колоніи въ мусорную яму для свалки отбросовъ нашего общества» самъ Бутсъ считаетъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ, арміей спасенія были нарушены два наиболѣе существенныхъ принципа, положенныхъ Бутсомъ въ основу его плана; въ силу этого, мастерскія и земледѣльческая колонія, въ которыхъ заключается центръ тяжести всѣхъ мѣропріятій арміи, наносятъ вредъ тому самому рабочему классу, для помощи которому онѣ, главнымъ образомъ, и созданы. Польза, приносимая названными учрежденіями профессиональнымъ бродягамъ, иппимъ и отдѣльнымъ представителямъ другихъ классовъ не можетъ ни устранить, ни перевѣсить вышеупомянутыхъ вредныхъ послѣдствій. Правда, въ настоящее время эти послѣдствія, въ виду ограниченнаго количества мастерскихъ, не успѣли еще проявиться во внѣ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, а дѣйствуютъ скрытно. Но еслибы Бутсу удалось понастроить мастерскихъ не на 1,500 человекъ, а хотя бы на нѣсколько десятковъ тысячъ, «рѣзкія аномаліи изъ жизни массы населенія всѣхъ промышленныхъ городовъ» Англіи не замедлили бы возрасти въ ужасающей степени и разрѣшились бы тѣми сценами, которыми сопровождалось во Франціи учрежденіе національныхъ мастерскихъ въ 1789 и 1848 годахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще другое вредное послѣдствіе, которое повлекло за собою осуществленіе «соціальной схемы» В. Бутса.

Критикуя въ своемъ трудѣ частную благотворительность, Бутсъ, между прочимъ, замѣтилъ, что «объединеніе силъ въ сферѣ благотворительности еще не практикуется. Всякій дѣйствуетъ въ одиночку, и вслѣдствіе этого расходы оказываются громадными, а результаты—увѣ!—ничтожными». Между тѣмъ ни въ одной странѣ частная благотворительность не получила такого широкаго развитія и не поставлена такъ рационально, какъ въ Англіи. Въ Англіи же впервые возникли и получили большое развитіе общества, стремящіяся организовать и объединить отдѣльныя благотворительныя учрежденія (такъ называемыя Charity organisation Societies). Очень распространены въ Англіи и разные исправительные пріюты для уличныхъ женщинъ и бывшихъ преступниковъ. Когда Бутсъ выступалъ съ своей «соціальной схемой», въ этой странѣ насчитывалось, напримѣръ, нѣсколько сотенъ пріютовъ для уличныхъ женщинъ. Въ 1890 году 278 такихъ пріютовъ было зарегистрировано лондонскимъ обществомъ для организаціи благотворительности и вступило между собой въ извѣстнаго рода кооперацію, въ силу чего каждая женщина отсылается въ наиболѣе подходящій для нея пріютъ. Ге-

нераль Бутсъ въ эту кооперацію не вступилъ, понимая, очевидно, «объединеніе силъ въ сферѣ благотворительности» лишь подъ его властью.

Въ результатѣ такого поведенія Бутса, во многихъ пріютахъ стало увеличиваться число дѣвушекъ, оставляющихъ пріютъ по своему собственному желанію и переходящихъ изъ пріюта въ пріютъ. Такъ одно извѣстное и давно дѣйствующее общество для спасенія падшихъ женщинъ (The Female Mission to the Fallen connected with the Reformatory and Refuge Union), устроившее для нихъ до 300 пріютовъ, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ: «Обиліе пріютовъ облегчаетъ нерасположеннымъ къ исправленію женщинамъ переходить изъ одного пріюта въ другой, мѣшая этимъ самымъ только исправленію тѣхъ, которыя расположены къ этому» *). «Такимъ образомъ,—говоритъ въ своемъ докладѣ о соціальной схемѣ Бутса, С. Loch, секретарь вышеупомянутаго лондонскаго общества для организаціи благотворительности,—генераль Бутсъ приступаетъ не къ объединенію дѣятельности пріютовъ, а къ разъединенію. Онъ хочетъ усилить дезорганизацію, а не устранить ее. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣешь дѣло съ лицами, ищущими ночлега, необходимо изслѣдованіе каждаго случая; генераль же Бутсъ ни въ этомъ, ни въ другихъ случаяхъ, не придаетъ никакого значенія этому изслѣдованію. Какъ будто безъ знанія можно дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ съ нимъ. Онъ не хочетъ выбирать себѣ тѣ случаи, въ которыхъ можетъ оказать дѣйствительную помощь; наоборотъ, онъ ставитъ въ зависимость отъ случая выборъ между нимъ и многими другими устроителями дешевыхъ и благотворительныхъ ночлежныхъ домовъ. Такимъ образомъ, генераль Бутсъ вмѣсто того, чтобы содѣйствовать объединенію силъ въ сферѣ благотворительности, стремится разъединить ихъ» **).

Наконецъ, нельзя не указать еще на слѣдующую сторону дѣятельности арміи, упускаемую многими изъ виду. Вѣдь Бутсъ и его армія «хлопочутъ о спасеніи тѣла главнымъ образомъ для того, чтобы спасти душу». Другими словами, вся «соціальная схема» задумана и осуществляется лишь для того, чтобы вступить въ болѣе тѣсныя и продолжительныя сношенія съ бѣднымъ невѣжественнымъ людемъ; приобрести черезъ посредство матеріальной помощи его довѣріе, внушить ему вѣру въ дьявола и побудить его для борьбы съ послѣднимъ вступить въ ряды арміи. Для этого же требуется, какъ говорилось выше, отреченіе не только отъ спиртныхъ напитковъ, житейскаго комфорта и всякихъ удовольствій, но также и отъ литературы—этого вѣками накопленнаго знанія и опыта и отъ всякой общественной жизни, такъ какъ «она вводитъ человѣка въ искушеніе и мѣшаетъ полному общенію съ Богомъ». Врядъ ли можно признать желательнымъ распространеніе такой фанатической секты, имѣющей подобно католическому міру своего папу и заботящейся о пропагандѣ не столько христіанской вѣры, сколько самой грубой вѣры въ дьявола и его козни.

*) С. Loch: „An examination of Gnl. Booth's Social scheme“; second edition. London, 1890, стр. 74—83.

***) Ibid., стр. 90—91.

Но если таковы скрытыя цѣли арміи спасенія, если «соціальная схема» ея имѣетъ опасную тенденцію распатать и безъ того шаткое положеніе рабочаго класса, а осуществленіе ея связано съ цѣлымъ рядомъ нежелательныхъ явленій, то чѣмъ же объясняется содѣйствіе и сочувствіе, оказываемое арміи спасенія со стороны англійскаго общества? Тутъ играютъ роль, на нашъ взглядъ, симпатичность цѣлей, выставленныхъ въ соціальной схемѣ, искренность и самоотверженіе исполнителей, дѣйствительная помощь, оказываемая отдѣльными лицамъ, большіе размѣры, въ которыхъ ведется предпріятіе, внѣшняя, казовая и техническая сторона его, и, наконецъ, непосредственные, видимые результаты его, заслоняющіе собой болѣе отдаленныя, скрытыя, но въ то же время и болѣе вредныя соціальныя послѣдствія. Кромѣ того, весьма многіе жертвователи поддерживали предпріятіе арміи спасенія потому, что видѣли въ немъ своего рода соціальный экспериментъ, результаты котораго должны быть поучительными независимо отъ его успѣшности или неуспѣшности. По мѣрѣ же того, какъ результаты эксперимента стали выясняться и, притомъ, не въ пользу Бутса, пожертвованія сокращались; въ 1896 г. они уменьшились, напримеръ, болѣе, чѣмъ на 40,000 р., благодаря чему Бутсъ былъ вынужденъ сократить нѣсколько размѣры своего предпріятія. И несомнѣнно, что по мѣрѣ того, какъ въ англійскомъ обществѣ будетъ расти критическое отношеніе къ арміи спасенія и ея «соціальной схемѣ», послѣдняя изъ дѣйствительности перейдетъ въ область исторіи; тамъ она займетъ видное мѣсто въ качествѣ крайне любопытнаго явленія, характеризующаго нашъ вѣкъ, столь богатый какъ нервными эпидеміями, такъ и соціальными начинаніями всякаго рода. Чѣмъ скорѣе это произойдетъ и чѣмъ энергичнѣе англійское правительство и общество будутъ заботиться о поднятіи матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго уровня народныхъ массъ, тѣмъ и для послѣднихъ и для остальныхъ классовъ общества будетъ лучше.

А. Горбуновъ.

Къ вопросу о положеніи учащихся въ народной школѣ *).

Въ теченіе нынѣшняго года комиссія для изученія вопроса о положеніи учащихся въ народныхъ школахъ бывшаго комитета, нынѣ Общества грамотности, разработала отвѣты учителей и учительницъ на разосланные ею вопросныя пункты. До настоящаго времени, въ разныхъ изданіяхъ, напечатаны комиссіею систематизированныя свѣдѣнія объ учащихся въ слѣдующихъ губерніяхъ: 1) Тамбовской (въ *Педагогическомъ Листкѣ* при *Дѣтскомъ Читаніи*, 1897 г. кн. первая); 2) Владимирской (*Образованіе*, 1897 г. апрѣль); 3) Самарской; 4) Пензенской; 5) Тверской (въ *Русской Мысли*, 1897 г. июнь). Н. В. Тулузовъ обработалъ данныя по Казанской губерніи. Еромѣ того готова работа по Костромской, Олонецкой, Орловской и Нижегородской губерніямъ. Всего въ десяти губерніяхъ. Свѣдѣнія объ одиннадцатой Московской, губерніи, использовалъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ г. Петровъ.

Нашею работой уже пользуются въ статьяхъ, посвященныхъ вопросу о русскихъ учителяхъ и учительницахъ въ начальной школѣ. Укажу, на примѣръ, на *Новое Слово* (сентябрь 1897 г., статья бывшаго учителя: *Къ вопросу объ экономическомъ положеніи учащихся въ народныхъ школахъ*), *Сынъ Отечества*, статья Я. Абрамова № 183), *Нижегородскій Листокъ* (№ 123), на книгу г. Петрова *Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи* (изданіе московскаго губернскаго земства).

Полученныхъ комиссіею отвѣтовъ (около 5,000) недостаточно для того, чтобы дать полную картину положенія учителей и учительницъ въ народныхъ школахъ. Еромѣ того, многіе изъ этихъ отвѣтовъ необстоятельны и неточны. Тѣмъ не менѣе, можно утвердительно сказать, что, въ общемъ и главномъ, свѣдѣнія, полученные комиссіею, рисуютъ положеніе учащихся въ типическихъ чертахъ. Всѣ достовѣрные другіе источники убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Въ общемъ положеніе учащихся нельзя не признать весьма неудовлетво-

*) Докладъ въ московскомъ Обществѣ грамотности.

рительнымъ. Жалованье недостаточно, помѣщеніе плохое, учебныхъ пособій и книгъ для собственнаго чтенія очень мало, — такъ звучатъ отвѣты въ большинствѣ случаевъ. Еще болѣе печальна та необезпеченность, которая грозитъ учителю подѣ старость или въ случаѣ продолжительной болѣзни. На вопросъ о томъ, по какой причинѣ предшественникъ учителя покинулъ службу, часто отвѣчаютъ, что онъ умеръ, оставивъ семью на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ. Въ Олонецкой губерніи одинъ учитель оставилъ мѣсто по болѣзни, а по выздоровленіи ему пришлось поступить въ урядники.

Многіе изъ учителей и учительницъ живутъ съ семьями или помогаютъ роднымъ. Помощь эта иногда бываетъ весьма значительна: нѣкоторыя учительницы отдаютъ до половины своего жалованья. И при этомъ среди учительницъ замѣчается большее довольство своимъ положеніемъ, онѣ рѣже, чѣмъ учителя, стремятся перемѣнить родъ занятій. Конечно, это объясняется отчасти тѣмъ, что для женщины меньше выбора, чѣмъ для мужчины. Но, принимая во вниманіе это обстоятельство, придется только подчеркнуть преимущества женскаго труда въ области начального народнаго образованія и воспитанія.

На разныхъ курсахъ бывали относительно немногіе изъ приславшихъ отвѣты, но всѣ признаютъ ихъ большую пользу и желаютъ побывать на нихъ. Часто выражаютъ сожалѣніе, что нѣтъ курсовъ плодоводства и пчеловодства. Желаніе имѣть садикъ, огородъ или пчельникъ мы не рѣдко встрѣчаемъ въ отвѣтахъ.

Отношенія съ населеніемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ хороши. Жалобы на враждебныя или непріязненныя отношенія раздаются рѣдко, гораздо чаще говорится о близкихъ, теплыхъ, дружественныхъ. Тамъ, гдѣ учителя преподаютъ пѣніе, это очень сближаетъ съ ними населеніе. Крестьяне сами просятъ, чтобы дѣтей учили пѣнію, и про хоръ одного учителя (въ Орловской губерніи) говорятъ въ восторженныхъ выраженіяхъ: «поютъ, якъ ангелы на небеси».

Вечернія занятія и чтенія съ фонаремъ устраиваются рѣдко, отчасти по скудости средствъ, отчасти по массѣ формальныхъ препятствій. Эти препятствія и юридическая необезпеченность учителя, котораго могутъ произвольно переводить и увольнять, являются сильнымъ препятствіемъ правильному развитію у насъ учебно-воспитательнаго дѣла. Вопросъ объ юридическомъ положеніи учителя былъ поднятъ мною на второмъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію *). Желательно, чтобы онъ получилъ дальнѣйшую разработку и движеніе.

Образовательный цензъ учителей и учительницъ весьма разнообразенъ, но сильно преобладаютъ кончившіе курсъ въ мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Затѣмъ идутъ духовныя семинаріи, женскія епархіальныя училища, женскія гимназіи и т. д. Учителей и учительницъ съ выс-

*) Докладъ напечатанъ въ *Педагогическомъ Листкѣ* Д. Н. Тихомирова.

шимъ образованіемъ мало. Въ восьми губерніяхъ (Тамбовской, Владимірской, Самарской, Пензенской, Тверской, Орловской, Олонецкой и Костромской) изъ 794 учителей и учительницъ въ учительскихъ семинаріяхъ было 303 (въ томъ числѣ 68 женщинъ). То же самое отмѣчаетъ г. Петровъ въ Московской губерніи (здѣсь процентъ еще значительнѣе).

Повойный Б. Д. Кавелинъ писалъ въ 1881 году: «Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія» *). Кавелинъ жаловался, что въ сужденіяхъ о народномъ образованіи у насъ господствуетъ разногласіе и нельзя добиться никакихъ сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній, каковы въ этомъ отношеніи взгляды самихъ крестьянъ **). Теперь это измѣнилось къ лучшему. Изъ доклада С. Г. Смирнова видно, какъ относятся крестьяне къ открытію библиотекъ; данныя комиссіи о положеніи учащихся свидѣтельствуютъ, что учитель становится другомъ и руководителемъ народа. Естественно поэтому, что надо прійти на помощь учителю, облегчить ему честное исполненіе трудныхъ и отвѣтственныхъ задачъ.

Той разногласіи мнѣній о народномъ образованіи, о которой говорилъ Кавелинъ, теперь не существуетъ. Мнѣнія эти опредѣлились съ достаточною точностью: одни стоятъ за земскую народную школу съ улучшенной общеобразовательною программой, другіе являются противниками такой школы. Правда, у насъ обнаружилось довольно сильное теченіе, которое угрожало народной школѣ съ иной стороны: теорія экономическаго или диалектическаго матеріализма понималась многими въ фаталистическомъ смыслѣ, причѣмъ распространеніе у насъ образованія обуславливалось бы лишь предварительнымъ благоприятнымъ измѣненіемъ производственныхъ отношеній. Но, къ счастью, въ теорію вносятся въ настоящее время весьма существенная поправка какъ разъ по интересующему насъ вопросу. Въ упомянутой мною статьѣ *Новаго Слова* говорится слѣдующее: Необезпеченность положенія учащихся зависитъ отъ всего государственнаго строя, отъ общихъ специально-экономическихъ условій *«и въ особенности отъ степени развитія въ обществѣ сознанія полезности и необходимости учительскаго труда, какъ прогрессивно-цивилизующаго фактора»*. И дѣйствительно, развѣ сознаніе—продуктъ производственныхъ отношеній? Развѣ при одинаковыхъ производственныхъ отношеніяхъ не могутъ быть разныя степени сознанія?

Изъ глубины провинціи до насъ доносится вопль этого «прогрессивно-цивилизующаго фактора». Мы не возбуждаемъ духовныхъ потребностей учителя: у насъ нѣтъ средствъ для удовлетворенія уже давно пробудившихся и неотложныхъ его потребностей, умственныхъ, нравственныхъ, матеріальныхъ. Въ мѣру силъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію обще-

*) *Крестьянскій вопросъ*, стр. 142.

***) *Ibid.*, стр. 155.

ственного вниманія въ положеніи учителей и учительницъ и въ скромной, — въ сожалѣнію, въ очень скромной, — долѣ помогать учителю книгой или учебнымъ пособіемъ—такова цѣль нашей комиссіи, таково значеніе и предпринятой ею разработки полученныхъ отъ народныхъ учителей отвѣтовъ.

В. Гольдбергъ.

О положеніи учащихся въ народныхъ школахъ Казанской губерніи.

Комиссія о положеніи учащихся въ народныхъ школахъ бывшаго московскаго комитета грамотности въ 1895 году предприняла изслѣдованіе о положеніи народнымъ учителямъ и учительницамъ, разославъ съ этою цѣлью нѣсколько тысячъ экземпляровъ вопросныхъ листовъ по народнымъ школамъ разныхъ наименованій. Собранный такимъ путемъ довольно богатый матеріалъ разрабатывается въ настоящее время по отдѣльнымъ губерніямъ. Опытъ разработки его по Казанской губерніи мы и имѣемъ въ виду предложить здѣсь читателю. Въ распредѣленіи данныхъ мы будемъ по возможности придерживаться того же порядка, который былъ принятъ комиссіей въ вопросныхъ листахъ.

Всего изъ Казанской губ. получено 204 отвѣта (27 изъ Казанскаго уѣзда, 24 изъ Спасскаго, 22 изъ Мамадышскаго, 19 изъ Чистопольскаго, 18 Царево-Кокшайскаго, 18 изъ Ядринскаго, 17 изъ Цивильскаго, 13 изъ Свѣяскаго, 9 изъ Лаишевскаго, въ 37 отвѣтахъ уѣзда не обозначено).

По происхожденію учащіе распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Крестьяне.	Мѣщане.	Купеческ.	Духовн.	Дворян.	Другіа.
Учителя . . .	57	15	—	18	5	2
Учительницы .	42	21	4	18	16	6
Помощницы . .	4	5	—	1	4	—
Всего	103	41	4	37	25	8
‰‰ отношеніе	47,25%	18,85%	1,8%	17%	11,5%	3,6%

Образовательный цензъ учащихся:

	Учительск. семинарій.	Гимназій.	Програмнаій.	Духовныхъ семинарій.	Городскихъ училищъ.	Уѣзанныхъ училищъ.	Духовныхъ училищъ.	Начальныхъ училищъ.	Домапное образованіе.
Учителя	45	1	—	6	16	13	4	10	2
Учительницы	51	23	6	—	—	—	9	6	12
Помощники	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Помощницы	5	4	4	—	—	—	1	—	—
Всего	102	28	10	6	16	13	14	16	14

Такимъ образомъ изъ 204 учащихся только 102 чел. получили специально-педагогическое образованіе, что составляетъ 48,4% общаго числа учащихся; процентъ этотъ въ отдѣльности для учителей и учительницъ нѣ-

сколько видоизмѣняется: такъ, для первыхъ онъ=47, а для вторыхъ 46,3. Если же въ категоріи учительницъ и помощницъ съ педагогическимъ образованіемъ присоединить и лицъ, окончившихъ женскую гимназію, то процентъ этотъ повысится до 68,6%; въ среднемъ, слѣдовательно, образовательный уровень учительницъ стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ учителей. Это положеніе подтверждается еще и тѣмъ, что учителя съ образованіемъ начального училища составляютъ 10,2%, между тѣмъ какъ учительницы только 5%. Семейное положеніе учащихся представляется въ такомъ видѣ:

У ч и т е л и.		У ч и т е л ь н и ц ы.	
Женатые . . .	67 69 проц.	Замужнія . . .	4 3,7 проц.
Холостые . . .	28 29 »	Дѣвицы . . .	96 89,8 »
Вдовцы . . .	2 2 »	Вдовы	7 6,5 »

Совершенно одинокими живутъ 20 учителей, съ семьями и родственниками—77; въ среднемъ на семью учителя приходится 4 человѣка (отъ 2 до 9 чел.). Учительницъ-одиночекъ 57 чел., остальные живутъ съ семьями и родственниками, въ среднемъ на одну такую семью приходится 3 чел. (отъ 2 до 5 чел.). Здѣсь уместно будетъ привести данныя о размѣрѣ содержанія, получаемого учащими. Среднее жалованье для всѣхъ вообще по губерніи равно 230 р. 89 к., причѣмъ учителя въ среднемъ получаютъ 234 руб. (отъ 156 до 312 р.), учительницы 228 р. (отъ 156 до 360 руб.), помощники 180 р. (1 случай) и помощницы 176 руб. (отъ 120 до 222 р.).

По отдѣльнымъ уѣздамъ среднее жалованье выражается въ слѣдующей таблицѣ:

У ѣ з Д ы.	Учителя.	Учительницы.	Помощник.	Помощницы.
Цивильскій	278 р. 40 к.	167 р. 50 к.	—	—
Ядринскій	247 » 75 »	240 » — »	180 р.	—
Свияжскій	247 » 20 »	237 » — »	—	—
Казанскій	241 » 50 »	247 » — »	—	178 р.
Царевokokшайскій .	231 » 50 »	230 » 40 »	—	150 »
Чистопольскій . . .	223 » 65 »	246 » 50 »	—	188 »
Мамадышскій . . .	223 » — »	237 » — »	—	—
Лямшевскій	212 » — »	174 » — »	—	—
Спасскій	200 » — »	200 » — »	—	180 »

Въ 119 случаяхъ (почти 60%) жалованье доставляется на мѣсто; въ 82 случаяхъ (40%) за жалованьемъ приходится ѣздить или посылать доверенное лицо. Разстояніе это колеблется отъ 2 до 60 верстъ.

Квартиры учащихся оставляютъ желать очень и очень многого. 44 случая отмѣчены, когда квартиры учащихся находятся отдѣльно отъ помещенія училища, причѣмъ въ 28 случаяхъ квартиры нанимаются учащими на свои скудные средства; наемная плата колеблется отъ 12 до 48 руб. въ годъ. Удобными квартиры признаются въ 104 случаяхъ и въ 100 — неудобными. Почти всегда квартира состоитъ изъ одной комнаты, и очень нерѣдки случаи, когда не имѣется даже отдѣльной кухни, такъ что рус-

ская печь помѣщается въ этой же единственной комнатѣ. Наиболье частыя неудобства, на которыя слышатся жалобы, это—холодъ, сырость, тѣснота, отсутствіе вентиляціи, пыль, такъ какъ нерѣдки случаи, когда перегородки, отдѣляющія классное помѣщеніе отъ жилой комнаты, не доходятъ до потолка. Одна учительница пишетъ, что комната ея помѣщается на чердакѣ. Учитель выселевскаго училища сообщаетъ, что онъ живетъ на задворкахъ у псаломщика, за что послѣдній платы не беретъ. Каковы удобства этого бесплатнаго помѣщенія, видно изъ слѣдующаго: все помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты, имѣющей 6½ арш. длины, 6 арш. ширины и 3½ арш. высоты; въ комнатѣ помѣщается и русская печь; семья учителя, обитающаго въ этой комнатѣ-кухнѣ, состоитъ изъ семи человѣкъ. Нужно ли что-либо прибавлять къ этому! Школьныя помѣщенія въ 97 случаяхъ (47,5%) страдаютъ тѣми же недостатками—тѣснота, сырость, холодъ и отсутствіе вентиляціи.

На одного учащаго въ среднемъ приходится 44 ученика. 145 учащихся (71%) занимаются съ тремя отдѣленіями, 54 (26%) — съ двумя и только 5 чел. (3%) занимаются съ однимъ отдѣленіемъ. Въ среднемъ въ недѣлю на одного учащаго приходится 30½ часовъ классныхъ занятій; наибольшее число часовъ занятій въ день 7—8, наименьшее 2—3 часа при 164 учебныхъ дняхъ въ году. Помимо предметовъ начальнаго обученія въ 85 школахъ учителями преподается пѣніе, въ 15—гимнастика; 34 случая отмѣчены, когда учительницы преподають рукодѣлье; въ 12 школахъ преподается огородничество, въ 11—садоводство, въ 4—пчеловодство, въ 1—столярное и въ 1—башмачное ремесло. Въ 25 школахъ учащими ведутся воскресно-повторительныя занятія съ окончившими курсъ, въ 4—воскресныя чтенія, въ 4 учителя по воскресеньямъ бывають заняты выдачей книгъ изъ школьной бібліотеки взрослому населенію; въ 1 школѣ учитель по воскресеньямъ занимается со слабыми и отстающими учениками; 9 случаевъ отмѣчено такихъ, когда учитель занимается со слабыми учениками по вечерамъ ежедневно.

Учительскія бібліотеки существуютъ при 155 школахъ. Судя по тому, что составъ этихъ бібліотекъ очень часто исчерпывается 10—15 названіями, съ увѣренностью можно сказать, что подъ «бібліотекою» здѣсь разумѣется присутствіе въ школьномъ шкафу нѣсколькихъ методическихъ руководствъ и учебныхъ пособій. Только въ 33 случаяхъ отмѣчено присутствіе въ училищѣ книгъ общеобразовательныхъ (научнаго и бѣллетристическаго содержанія); самая большая бібліотека послѣдняго типа занимаетъ въ себѣ 209 томовъ.

Снабженіе учащихся книгами для чтенія болѣе или менѣе правильно поставлено въ Чистопольскомъ уѣздѣ. Здѣсь земствомъ для учителей открыты 5 окружныхъ бібліотекъ, изъ которыхъ и пользуются книгами всѣ учителя уѣзда. Составъ окружныхъ бібліотекъ неизвѣстенъ, но можно предполагать, что онъ вообще недурень, по крайней мѣрѣ учителя этого уѣзда въ большинствѣ случаевъ заявляютъ, что въ книгахъ для чтенія недостатка

не чувствуется. Изъ періодическихъ изданій въ эти библіотеки выписываются всё педагогическіе и 2 общеобразовательныхъ журнала. Другая форма снабженія учащихся книгами для чтенія существуетъ въ Ланшевскомъ уѣздѣ: здѣсь учащіе пользуются книгами изъ городской библіотеки, за что земствомъ вносится въ пользу библіотеки 120 руб. въ годъ. Въ другихъ уѣздахъ болѣе или менѣе правильной системы въ дѣлѣ снабженія учащихся книгами не замѣчается, и удовлетвореніе этой наиболѣе важной потребности учителя предоставляется случаю. Въ 56 отвѣтахъ указано, что учащіе берутъ книги для чтенія у частныхъ лицъ, въ 36 — изъ городской библіотеки, причѣмъ 2—съ платой 20 коп. въ мѣсяць, одинъ—1 руб. въ годъ, одинъ—60 коп. въ годъ, одинъ—1 руб. 30 коп. въ годъ и одинъ—25 коп. въ мѣсяць; остальные—или бесплатно, или за счетъ земства. Въ 24 случаяхъ книгами приходится пользоваться изъ земской управы, въ 10—изъ образцовыхъ библіотекъ, въ 2—изъ ученическихъ библіотекъ; въ 34 случаяхъ книгами совершенно не пользуются по тѣмъ или другимъ причинамъ. Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находится и выписка періодическихъ изданій. Въ отдѣльныя школы земствомъ журналы почти не выписываются, если не считать 5 школь, куда выписывается журналъ *Плодоводство*, и одной школы, гдѣ получается *Ремесленная Газета*. Газетами учителя, повидному, совершенно не пользуются: только въ 3 случаяхъ учителя отмѣчаютъ, что они берутъ для прочтенія газеты изъ мѣстнаго волостного правленія. Очень рѣдко также приходится выписывать періодическія изданія и на свой счетъ: изъ 204 учащихся 4 выписываютъ *Родину*, 2 — *Ниву* и по одному — *Вятскую Газету*, *Русскій Листокъ*, *Русь*, *Вокругъ Сѣта*, *Новь* и *Живописное Обзорніе*. Вообще расходъ на приобрѣтеніе книгъ для чтенія и выписку журналовъ показанъ въ 73 (36%) отвѣтахъ; количество денегъ, расходуемыхъ на этотъ предметъ въ годъ, колеблется отъ 15 коп. (на приобрѣтеніе календаря) до 50 руб. Въ 9 случаяхъ учащіе пишутъ, что, при всеѣмъ желаніи приобрѣтать книги для чтенія, принуждены отказывать себѣ въ этомъ за недостаткомъ средствъ, которыхъ не хватаетъ даже на удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей въ пищѣ и одеждѣ. Наибольшая потребность ощущается въ книгахъ педагогическаго содержанія, наименьшая—въ сельско-хозяйственныхъ.

Стремленіе улучшить свое положеніе черезъ принадлежность къ тому или другому обществу, имѣющему своею цѣлью улучшеніе быта учащихся, развито далеко не въ достаточной степенн: изъ 204 учащихся только 42 (20%) состоятъ членами общества взаимопомощи учителей и учительницъ въ Казанской губ., внося отъ 1 до 2 рублей въ годъ, и 38 человекъ (18%)—членами ссудо-сберегательныхъ кассъ для земскихъ служащихъ, со взносомъ 3 коп. съ рубля получаемаго жалованья. Между тѣмъ, подобныя общественныя организаціи могли бы имѣть весьма важное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ въ жизни учителя, нельзя сказать, чтобы все обстояло благополучно. Въ двухъ случаяхъ учителя сообщаютъ, что они не въ состояніи дать своимъ

дѣтямъ образованіе выше начальнаго училища, въ 11 случаяхъ обученіе дѣтей производится или на субсидіи отъ земства, или на средства частныхъ лицъ и только въ 3 случаяхъ учащіе ухитряются тратить изъ своего жалованья нѣкоторую долю на содержаніе дѣтей, обучающихся въ городѣ; 10 случаевъ отмѣчено, когда дѣти обучаются въ той же школѣ, гдѣ учительствуеетъ отецъ или мать. Несмотря на тяжелое матеріальное положеніе, сильнаго стремленія среди учащихся къ перемѣнѣ рода занятій не замѣчается: число лицъ, не желающихъ оставить учительскихъ занятій, втрое превосходитъ тѣхъ, которыя стремятся перемѣнить родъ дѣятельности, вслѣдствіе недостаточнаго вознагражденія. На это же указываетъ и средняя продолжительность службы, которая для учителей равняется 9,75 года, для учительницъ—9 годамъ.

Съ мѣстнымъ населеніемъ учащіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ находятся въ хорошихъ отношеніяхъ; только въ 4 отвѣтахъ (2%) указывается на непріязненные отношенія. Почти всегда въ своихъ отвѣтахъ учащіе отмѣчаютъ тотъ фактъ, что взрослое населеніе деревни очень часто обращается къ нимъ за совѣтомъ по тому или другому вопросу; не малъ приводится и такихъ случаевъ, когда крестьяне, по просьбѣ учителя, производили разныя улучшенія въ школьномъ помѣщеніи. Несомнѣнно, что на прочныя отношенія учащихся къ населенію много вліяетъ продолжительность службы учителя на одномъ мѣстѣ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ видно, что средняя продолжительность службы на одномъ мѣстѣ (последнемъ) для учителей равняется 5 годамъ, для учительницъ—4 $\frac{1}{2}$ годамъ.

На педагогическихъ курсахъ участвовало 56 человекъ (27%), на сельско-хозяйственныхъ—16 человекъ (8%), причѣмъ нѣкоторые участвовали на курсахъ по нѣсколько разъ. Всѣ участвовавшіе на курсахъ признаютъ за ними несомнѣнную пользу и выражаютъ желаніе, чтобы курсы (педагогическіе) устраивались возможно чаще. Очевидно, что, помимо своего прямого назначенія—пополнить педагогическія знанія учащихся, курсы вносятъ еще и не мало оживленія въ однообразную трудовую жизнь учителя. Съ этой стороны они, конечно, не могутъ не цѣниться учащими. Въ 105 случаяхъ (51%) учителя свидѣтельствуютъ, что имъ очень рѣдко приходится бывать даже въ своемъ ближайшемъ городѣ; двое сообщаютъ, что въ городѣ имъ совсѣмъ не приходится бывать.

Въ вакаціонное время 68 человекъ (33%) занимаются огородничествомъ или садоводствомъ, 9 чел. (4%)—хлѣбопашествомъ, 4 чел. (2%)—письмоводствомъ. Занятія остальныхъ носятъ случайный характеръ и не представляютъ чего-либо постояннаго. Только въ 15 отвѣтахъ (7%) находимъ указаніе на то, что лѣтнее время посвящалось чтенію книгъ, какъ преобладающему занятію; въ 4 отвѣтахъ (2%) отмѣчается, что лѣто посвящалось самообразованію.

Въ заключеніе приведемъ мнѣнія, высказанныя учащими о положеніи учителя, объ условіяхъ, вліяющихъ на его дѣятельность, и о желательныхъ измѣненіяхъ въ нихъ. Въ большинствѣ отвѣтовъ положеніе учителя

признается незавиднымъ, въ нѣкоторыхъ—тяжелымъ, необезпеченнымъ, даже плачевнымъ. Учитель Верхне-Услонскаго училища пишетъ: «Возпагражденіе учителя скудно и старость его ничѣмъ не обезпечена. Между тѣмъ учитель тратитъ свои силы, свои лучшіе годы, несетъ свои познанія и трудъ на образованіе молодого поколѣнія. Что же остается бѣдняку-учителю подъ старость? Одна непокрытая бѣдность, нищенство!» «Трудъ сельскаго учителя,—читаемъ въ другомъ отвѣтѣ,—тяжелый, требующій значительныхъ усилій. Учитель страдаетъ каждый день отъ головной боли, вслѣдствіе духоты и другихъ недостатковъ школьнаго помѣщенія. Въ будущемъ—полная необезпеченность, а въ случаѣ болѣзни или старости — голодная смерть!» «Положеніе сельскаго учителя,—замѣчаетъ учитель Тихонравовъ,—по своимъ изнурительнымъ трудамъ и неблагоприятнымъ условіямъ нельзя сравнивать ни съ каемъ другимъ родомъ службы». «Я не вѣрю, чтобы сельскій учитель могъ достигнуть до старости, — пишетъ другой корреспондентъ,—преждевременная смерть почти всегда сводитъ его въ могилу, оставляя жену и дѣтей его на произволъ судьбы». «Всю жизнь находишься въ душной атмосферѣ,—читаемъ въ отвѣтѣ учителя Козлова,—всю жизнь окруженъ невѣжественной средой, которая съ годами все болѣе и болѣе тянетъ назадъ,—нужны книги, газеты! Матеріальная скудость мѣшаетъ общенію съ людьми болѣе образованными, мало того — даже съ своей братіей по профессіи!» Учительница Яковлева взываетъ къ обществу. «Еслибъ общество,—пишетъ она,—должнымъ образомъ сочувствовало и цѣнило трудъ народнаго учителя, еслибъ оно стремилось улучшить его положеніе, поднять его духъ, то онъ съ большимъ усиліемъ, съ болѣею энергіей отдавалъ бы свои силы на великое дѣло народнаго образованія!» «Обезпечить старость,—мечтаетъ учитель Степановъ,—увеличить жалованье, а главное—еслибы можно было на казенный счетъ воспитывать дѣтей!» И такъ далѣе—все въ томъ же родѣ! Приведенныя выписки въ достаточной степени, думается намъ, знакомятъ насъ съ тѣмъ взглядомъ, который усвоилъ себѣ сельскій учитель на свое положеніе. Намъ нисколько не удивляетъ поэтому то обстоятельство, что очень многіе (50%) учителя высказываютъ желаніе заниматься на каникулахъ садоводствомъ, огородничествомъ, даже ремеслами, чтобы такимъ путемъ хотя нѣсколько улучшить свое плачевное матеріальное положеніе. Было бы большою ошибкой видѣть въ этомъ фактѣ отсутствіе болѣе высшихъ стремленій со стороны учителя, тѣсно сопрягающихся съ его прямою дѣятельностью: среди этихъ жалобъ на свое положеніе почти всегда то тамъ, то здѣсь проглядываетъ и забота о школѣ, объ учебномъ дѣлѣ, о дѣтяхъ и т. п. Не мало находимъ указаній на необходимость введенія у насъ всеобщаго обязательнаго обученія, такъ какъ несправное посѣщеніе дѣтьми школъ сильно отражается на общемъ ходѣ школьнаго дѣла. Нѣкоторые высказываются за необходимость устройства при школахъ ночлежныхъ пріемовъ, за необходимость устройства повторительныхъ курсовъ для взрослыхъ, чтобы укрѣпить и пополнить тѣ свѣдѣнія, которыя получали ученики въ школѣ. Не мало встрѣчается жалобъ

на отсутствіе хорошихъ учительскихъ библиотекъ, на невозможность получать хорошіе журналы и газеты; есть указанія на необходимость болѣе частаго устройства педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ. Все это, вѣстѣ взятое, несомнѣнно, указываетъ на то, что, при наличности дѣйствительно невозможныхъ экономическихъ условій учительскаго существованія, онъ, учитель, все-таки не погрязъ въ заботы исключительно только о своемъ существованіи, онъ не опускаетъ безнадежно руки, а, наоборотъ, горячо принимаетъ къ сердцу многочисленныя школьныя недуги, болѣетъ о нихъ душой и всѣми силами стремится къ ихъ излѣченію. Въ этомъ еще большая заслуга его передъ обществомъ и вѣстѣ съ тѣмъ—залогъ того, что школьное дѣло будетъ неуклонно развиваться и совершенствоваться.

Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что громадное большинство учащихся мечтаютъ о пенсіи и эмеритурѣ.

Не нужно быть большимъ пессимистомъ, чтобы на основаніи этихъ данныхъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовать положеніе учащихся въ народныхъ школахъ: недостатокъ матеріальной и духовной пищи смолу, полная необеспеченность до голодной смерти включительно подъ старость; полная невозможность дать своимъ дѣтямъ, не прибѣгая къ благотворительности, хотя какое-нибудь образованіе; наконецъ, полное одиночество, — одиночество, которое не скрашивается даже присутствіемъ достаточнаго количества книгъ и журналовъ—этихъ, хотя и холодныхъ, но вѣрныхъ друзей. Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится жить и работать громадному большинству нашихъ народныхъ учителей, этихъ незамѣтныхъ героевъ, этихъ скромныхъ труженниковъ, беззавѣтно отдающихъ свои знанія, силы и здоровье на великое дѣло просвѣщенія народа, ведущихъ къ лучшему будущему темныя народныя массы, на благосостояніи и благополучіи которыхъ зиждется, вѣдь, благополучіе всей страны. Какими же средствами помочь учителю въ его положеніи?

Суммируя отвѣты учителей на этотъ вопросъ, мы приходимъ къ слѣдующему:

1. Необходимо, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, обезпечить учителя пенсіей.
2. Создать учительскую эмеритуру.
3. Предоставить учителю право бесплатно обучать и воспитывать своихъ дѣтей во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.
4. Помочь учащимъ организоваться въ общества взаимопомощи.
5. Облегчить доступъ къ учителю книгъ, періодическихъ изданій и газетъ.

Это послѣднее положеніе, какъ наиболѣе легко осуществимое, и долъ во на первое время составить предметъ нашихъ заботъ.

Н. Тулуновъ.

О положеніи учащихся въ народныхъ школахъ Костромской губерніи.

Получено 115 отвѣтовъ (33 изъ Костромского уѣзда, 7 — изъ Юрье-вцаго, 19—изъ Макарьевского, 14—изъ Бологривскаго, 3—изъ Солига-лическаго, 14—изъ Галическаго, 8—изъ Буйскаго, 17—изъ неизвѣстныхъ уѣздовъ).

Изъ 115 школъ, изъ которыхъ получены были отвѣты:

школъ земскихъ	112
казенно-приходская	1
министерскихъ	2
въ нихъ:	
учителей	41
учительницъ	74
помощниковъ	3
помощницъ	6

Составъ учителей по сословіямъ.

	Дворянскаго сословія.	Почетныхъ гражданъ.	Цивилнн.	Духовнаго.	Булгческаго.	Мѣшанскаго.	Разночипны.	Крестьянскаго сословія.
Учителей	2	1	—	18	1	10	—	9
Учительницъ	22	2	8	27	1	10	—	4
Помощниковъ	1	1	—	1	—	—	—	—
Помощницъ	1	—	1	2	—	—	1	1

Семейное положеніе.

Учителя:		Учительницы:	
Женатыхъ	26	Замужнихъ	5
Холостыхъ	14	Дѣвиць	65
Вдовыхъ	1	Вдовъ	4
Помощники:		Помощницы:	
Женатыхъ	1	Замужнихъ	3
Холостыхъ	2	Дѣвиць	3

Возрастъ учителей и учительницъ.

Средній возрастъ учителей 29 лѣтъ, младшій—19, старшій—47.

(Изъ 74 учительницъ 4 учительницамъ отъ 20 до 21 лѣтъ; 38 — отъ 21 до 30 лѣтъ; 32—отъ 30 до 45 лѣтъ.)

Помощники -19 и 22 лѣтъ.

Помощницы отъ 17 до 37 лѣтъ.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности въ земствѣ учителей 8 лѣтъ, самая меньшая—1 годъ, наибольшая—27 лѣтъ.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности учительницъ въ земствѣ 8½ лѣтъ, наименьшая—1 годъ, наибольшая—24 года.

Образовательный ценз учащихся.

	Учительская семинарія.	Гимназія.	Прогимназія.	Епархіальное училище.	Духовная семинарія.	Уѣздное училище.	Духовное училище.	Городское училище.	Свѣдѣлст. въ реальн.	Дѣт. коотроп- ской приютъ.	Монастырск. приютъ.	Сиротскій догъ.	Домашнее образованіе.
Учителя . . .	19	1	1	—	8	2	6	1	2	—	—	—	—
Учительницы	28	14	13	2	—	—	6	1	—	4	4	—	1
Помощники . .	1*)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Помощницы . .	1	2*)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Жалованье учащимъ по всѣмъ отвѣтамъ, среднее:

Учителямъ . . .	235 р. 25 к.	Учительницамъ . . .	220 р.
Помощникамъ . . .	150 » — »	Помощницамъ . . .	132 »

Въ Костромскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	228 руб. (отъ 200 до 380).
Помощникамъ	
Учительницамъ	200 руб. (200—200).
Помощницамъ	150 руб. (150—150).

Въ Юрьевскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	266 руб. (200—360).
Учительницамъ	240 руб. (240—240).

Въ Соликамскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	240 руб. (240—240).
---------------------	---------------------

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	336 руб. (200—350).
Учительницамъ	200 руб. (200—200).

Въ Галичскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	274 руб. (200—330).
Учительницамъ	288 руб. (200—330).

Въ Буйскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	200 руб. (200—200).
Учительницамъ	196 руб. (180—200).

Въ Кологривскомъ уѣздѣ:

Учителямъ	200 руб. (200—200).
Учительницамъ	200 руб. (200—200).
Помощникамъ	90 руб. (90—90).

Въ друиихъ уѣздахъ:

Учителямъ	213 руб. (200—240).
Учительницамъ	217 руб. (200—300).
Помощницамъ	150 руб. (150—150).

Большая часть квартиръ учителей находится при школахъ, но нѣкоторые учителя, за тѣснотою помѣщеній, живутъ на отдѣльныхъ квартирахъ, а

*) Свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ 1 помощника и 3 помощницъ не были даны.

которыя платять или сельскія общества, или земства отъ 15 до 30 руб. въ годъ; въ рѣдкихъ случаяхъ эта плата бываетъ больше или меньше (такъ, одна волость платитъ 5 руб. въ годъ за комнату учителя; другая 60 руб. за квартиру). Бываютъ случаи, когда учитель помѣщается въ волостномъ правленіи и при ночлежномъ пріютѣ. Изъ 115 отвѣтовъ видно, что удобныхъ помѣщеній оказывается 47, не совсѣмъ удобныхъ—25, неудовлетворительныхъ—37. Удовлетворительныя помѣщенія свѣтлы, теплы, но часто обладаютъ дурнымъ воздухомъ отъ близкаго сосѣдства съ классами или вслѣдствіе отсутствія вентиляціи. Дурныя помѣщенія представляютъ полную невозможность жить учителямъ. Они малы, холодны и темны, особенно зимой, когда окна замерзають сверху до низу.

Отвѣты о классныхъ помѣщеніяхъ больше чѣмъ на половину благоприятны. Часть отвѣтовъ показываетъ намъ неудовлетворительность власенныхъ помѣщеній,—они тѣсны, холодны, темны и отличаются недостаткомъ воздуха. Такъ, изъ одного отвѣта мы узнали, что старшее отдѣленіе учениковъ отдѣляется отъ младшаго холщевой перегородкой; въ другомъ — что въ классѣ такъ холодно, что мерзнуть чернила; въ третьемъ—отъ недостатка воздуха у учениковъ вызывается головокруженіе и тошнота.

Изъ полученныхъ 115 отвѣтовъ мы видимъ, что большая часть учительскихъ бібліотекъ имѣють чисто-педагогическій характеръ. Всѣ почти состоятъ изъ методикъ, учебниковъ и руководствъ. Число книгъ въ нихъ очень ограничено: такъ, мы встрѣчаемъ бібліотеки, состоящія изъ 5, 10, 11 и т. д. книгъ; двѣ бібліотеки имѣють по 30 книгъ. Другія имѣють отъ 30 до 75 книгъ. Всѣ эти бібліотеки состоятъ преимущественно изъ педагогическихъ и духовно-нравственныхъ книгъ, рѣже встрѣчаются книги историческаго и образовательнаго характера. Такъ, въ одной бібліотекѣ, состоящей изъ 75 томовъ, 62 тома педагогическаго характера, 10—духовнонравственнаго и 3—истор. характера. Въ 22-хъ томахъ другой бібліотеки—10 педагогическихъ и 12 книгъ образовательнаго характера. Изъ одной школы учитель сообщаетъ, что книгъ для учителя совсѣмъ нѣтъ, кромѣ «Здоровье» и «Берегите здоровье».

Только изъ 19 отвѣтовъ мы узнаемъ, что существуютъ бібліотеки для учителей чисто-образовательнаго и беллетристическаго характера. Такъ, имѣются, напримѣръ: 1) 7 небольшихъ бібліотекъ; затѣмъ 2) двѣ передвижныя бібліотеки (одна изъ нихъ имѣетъ 4 шкафа книгъ и снабжаетъ книгами въ настоящемъ году 4 училища); 3) изъ отвѣта одного учителя мы видимъ, что бібліотека при школѣ небольшая, но земство устраиваетъ передвижную бібліотеку; 4) при одномъ училищѣ имѣется бібліотека самого учителя, состоящая изъ педагогическихъ, историческихъ и беллетристическихъ книгъ и журнала «Русская Мысль» за нѣсколько лѣтъ; 5) есть бібліотека, которая состоитъ изъ 125 томовъ (45 педагогическихъ, 25 духовно-нравственныхъ, 30 историческихъ и 25 беллетристическихъ книгъ); 6) одна бібліотека состоитъ изъ 100 книгъ (духовно-нравственныхъ и историческихъ); 7) бібліотека изъ 57 томовъ (20 книгъ и брошюръ педагогическихъ).

ческаго характера, 10 книгъ и брошюрь духовно-нравственнаго, 5 историческихъ, 15 естественно-научныхъ, 15 географическихъ и 7 по отечествознанію); 8) одна имѣетъ духовно-нравственныхъ 25 названій, беллетристическаго отдѣла 20 названій (они скорѣе для учениковъ, чѣмъ для учителей) и историческаго 10. Встрѣчается только одна очень большая бібліотека, состоящая изъ 1,048 экземпляровъ. Она раздѣляется на 3 отдѣла: 1) учительскій состоитъ изъ 424 экземпляра (226 названій); 2) ученичскій — 374 экземпляра (168 названій); 3) учебныя пособия и учебники — 250 экземпляровъ. Книги въ этой бібліотекѣ духовно-нравственнаго, педагогическаго, историческаго, беллетристическаго и т. п. содержанія. Остальныя бібліотеки очень небольшія и отвѣты о нихъ чрезвычайно скудны.

Замѣчается большая нужда въ книгахъ среди учителей. Одиннадцать, напримѣръ, учителей нуждаются въ книгахъ по *ествмъ отдѣламъ*; 13 — по педагогическому отдѣлу (одинъ изъ нихъ и въ учебникахъ); 5 — по беллетристикѣ; по педагогикѣ, беллетристикѣ и исторіи нуждается 1 учитель; по педагогикѣ, исторіи и въ духовно-нравственныхъ книгахъ — 1 учитель; духовно-нравственныхъ и историческихъ — 1; по беллетристикѣ, исторіи и духовно-нравственныхъ книгахъ — 1; по педагогикѣ и въ общеобразовательныхъ и духовно-нравственныхъ книгахъ — 1; по педагогическому и историческому отдѣламъ — 1; по педагогикѣ, исторіи и философіи — 1; по педагогикѣ, садоводству и исторіи — 1; по сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству — 1; по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію, огородничеству, садоводству — 1; по исторіи, естествовѣдѣнію и географіи — 2; по беллетристикѣ, исторіи, естествовѣдѣнію и географіи — 1; по педагогикѣ и въ книгахъ общеобразовательнаго характера — 1; по беллетристикѣ и исторіи — 1, по исторіи, сельскому хозяйству — 3; по педагогикѣ и психологіи — 1; по педагогикѣ, исторіи, естествовѣдѣнію, техническому отдѣлу и сельскому хозяйству — 1; по общеобразовательному и медицинскому отдѣламъ — 1; по беллетристикѣ и землѣрству — 1; по беллетристикѣ и общеобразовательному отдѣлу — 1; по общеобразовательному отдѣлу — 6; по педагогикѣ и духовно-нравственному отдѣлу — 2; по духовно-нравственному отдѣлу — 1; по педагогикѣ и географіи — 1; по исторіи — 1; по сельскому хозяйству — 2; по закону Божьему и русскому языку — 1.

Въ одномъ изъ отвѣтовъ мы видимъ, что учитель желаетъ получать не какой-нибудь педагогическій журналъ, какъ, напримѣръ, «Русскій Начальный Учитель», а какую-нибудь газету. Изъ другого мы видимъ, что въ школахъ замѣчается нужда въ учебникахъ и въ сочиненіяхъ русскихъ писателей, за исключеніемъ Пушкина, сочиненія котораго прибрѣлъ учитель на свои деньги. Далѣе мы видимъ, что 3 учителя желаютъ книгъ для вышласснаго чтенія учениковъ.

Въ 4-хъ школахъ на земскій счетъ выписываются журналы и газеты «Пчеловодство», «Сельскій Вѣстникъ», «Дѣтскій Отдыхъ», «Русскій Начальный Учитель» (еженедѣльно), «Новъ».

За плату 3 рубля въ годъ изъ библиотеки учитель получаетъ: «Русскую Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русскую Старину», «Новь», «Ниву», «Родину», газеты: «Сынъ Отечества», «Свѣтъ», «Новое Время».

Безплатно отъ частныхъ лицъ журналами и газетами пользуются 25 учителей: «Сынъ Отечества», «Свѣтъ», «Нива», «Живописное Обзорѣніе», «Родина», «Православный Вѣстникъ», «Костромскія Губернскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «Новости», «Русь», «Сельскій Вѣстникъ», «Пчеловодство», «Русская Мысль», «Вокругъ Свѣта», «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Начальный Учитель», «Русская Старина», «Сѣверъ».

Выписываютъ на свой счетъ 7 учителей журналы и газеты: 1) «Недѣлю» съ приложеніемъ и «Образованіе», 2) «Русскую Мысль» и газету «Русь», 3) «Недѣлю», «Миръ Божій» и «Русское Богатство», 5) «Родину», 6) «Свѣтъ», 7) «Недѣлю».

Въ 15-ти школахъ выписываются журналы и газеты: 1) «Живописное Обзорѣніе» и «Сѣверъ» на счетъ попечителя школы; 2) «Нива» присылается отъ имени петербургскаго литературнаго кружка; 3) «Русскій Начальный Учитель» выписывается на средства министерства народнаго просвѣщенія; 4) «Нива» присылается попечителемъ школы; 5) «Нива»; 6) «Историческій Вѣстникъ» на средства волостного правленія, а также сочиненія Гоголя, въ прошломъ году выписывался «Миръ Божій», «Образованіе» на средства попечителя; 7) «Родникъ», «Воспитаніе и Обученіе» (листокъ); 8) «Русскій Паломникъ» и «Родину»; 9) получаютъ черезъ инспектора «Русскій Начальный Учитель» (въ прошломъ году); 10) «Русскій Начальный Учитель»; 11) «Русскій Начальный Учитель»; 12) «Русскій Начальный Учитель»; 13) «Русскій Начальный Учитель»; 14) «Русскій Начальный Учитель»; 15) «Родина», «Задушевное Слово», газеты и журналы выписываются на счетъ попечителя.

Для одной школы ничего не выписывается вслѣдствіе бѣдности волости. Въ двухъ отвѣтахъ мы находимъ жалобы учителей на то, что они въ продолженіе цѣлаго года остаются безъ книгъ для чтенія, такъ какъ не имѣють возможности выписывать газеты и журналы.

На педагогическихъ курсахъ было 8 учителей, причемъ 3 изъ нихъ были по три раза на курсахъ: въ 74, 75 и 76 годахъ; одинъ въ Костромѣ, одинъ въ 74—75 годахъ въ Макарьевѣ и Костромѣ; одинъ въ 73 г. у Водозова; одна учительница у Бунакова и Егорова въ 74 году.

Одинъ учитель былъ на курсахъ садоводства, огородничества и ручного труда; на курсахъ пчеловодства и садоводства, при Бурашевской школѣ, была одна учительница, на которыхъ она приобрѣла мало знаній вслѣдствіе краткости. На курсахъ одного огородничества были трое учителей. Въ одной школѣ земство ассигновало 50 руб. на устройство огорода при школѣ.

Всѣ учителя признають несомнѣнную пользу педагогическихъ и другихъ

курсовъ и учительскихъ съѣздовъ: «польза курсовъ заключается въ томъ, что знаніемъ, полученнымъ на нихъ, можно дѣлиться не только съ учениками, но и съ населеніемъ вообще и черезъ это сблизиться съ нимъ», находимъ мы въ одномъ отвѣтѣ; «учительскіе съѣзды очень полезны, потому что они даютъ возможность совершенствоваться въ знаніяхъ и педагогическихъ приѣмахъ черезъ общеніе между учащими», находимъ мы въ другомъ. Въ одномъ отвѣтѣ отзывъ такой о съѣздахъ и курсахъ: «польза отъ съѣздовъ и курсовъ очень большая: это — обновленіе утомленныхъ силъ и энергіи, не говоря уже о приобрѣтеніи новыхъ знаній».

Нѣсколько учителей состоятъ членами разныхъ обществъ. Такъ, 1 состоитъ членомъ въ обществѣ потребителей, 6—членами въ ссудо-сберегательной кассѣ, одинъ изъ нихъ, кромѣ того, состоитъ корреспондентомъ губернской земской управы по доставленію хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній и агентомъ добровольнаго земскаго страхованія скота.

Шесть учительницъ занимаютъ руководѣніемъ, двѣ уроками за плату, девять сельскимъ хозяйствомъ, огородничествомъ—1, домашнимъ хозяйствомъ—2, руководѣніемъ и чтеніемъ—1, руководѣніемъ, чтеніемъ и сельскимъ хозяйствомъ—1, чтеніемъ и уроками—1, занимается руководѣніемъ, желала бы заняться самообразованіемъ—1, занимается руководѣніемъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается руководѣніемъ и садоводствомъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается чтеніемъ, желала бы заняться огородничествомъ—1, занимается сельскимъ хозяйствомъ и шелководствомъ—1, занимается сельскимъ хозяйствомъ и домашнимъ—1, желать бы заниматься самообразованіемъ, огородничествомъ, садоводствомъ и сѣнокошеніемъ на собственномъ уголкѣ земли при собственномъ домѣ—1, занимается огородничествомъ, садоводствомъ, ягоdnичествомъ и пчеловодствомъ—1, занимается огородничествомъ, пчеловодствомъ, рыбной ловлей—1, желала бы давать уроки и заниматься пчеловодствомъ—1, занимается огородничествомъ, но желала бы заниматься еще пчеловодствомъ—1, занимается домашнимъ хозяйствомъ, желала бы заняться самообразованіемъ—1, занимается садоводствомъ, пчеловодствомъ—1, занимается домашнимъ хозяйствомъ, желала бы заниматься пѣніемъ—1, одинъ занимается тоже сѣнокошеніемъ; 7 человекъ желали бы заниматься уроками; желали бы заниматься огородничествомъ и садоводствомъ—4, желали бы заниматься огородничествомъ и пчеловодствомъ—2, желать бы заниматься огородничествомъ, садоводствомъ и пѣніемъ—1, желать бы заниматься садоводствомъ, сельскимъ хозяйствомъ, пчеловодствомъ—1, желали бы заниматься переплетнымъ мастерствомъ 1, 1 ремеслами, 1 ручнымъ трудомъ, 2 служить за плату, 1 заниматься самообразованіемъ. Трое учителей уѣзжаютъ отдыхать.

Одинъ учитель занимается сельскимъ хозяйствомъ на арендуемомъ имъ кускѣ земли, платя 15 руб. въ годъ; держитъ корову, овцу и телятъ. Одинъ состоитъ въ имѣніи управляющимъ. Одинъ два мѣсяца (май, июнь) занимается огородничествомъ и пчеловодствомъ на арендуемой имъ землѣ;

другой два мѣсяца (іюль и августъ) находится у нижегородскаго купца приказчикомъ. Одинъ желаетъ на лѣто мѣсто конторщика. Одинъ имѣетъ книги и журналы и читаетъ крестьянамъ обыкновенно въ праздничные дни; занимается также хозяйствомъ (посѣвомъ ржи и овса и огородныхъ овощей). Онъ желалъ бы заняться хозяйствомъ въ большомъ размѣрѣ и на своей землѣ. Одинъ желаетъ изучитъ мастерство для заработка; желаетъ изучитъ часовое мастерство и знакомилъ бы съ нимъ учениковъ. Другой желаетъ «увеличить денежный приходъ».

Въ 67 отвѣтахъ мы находимъ, что отношенія установлены хорошія, порой даже дружественныя, крестьяне обращаются съ просьбами во время болѣзни, просить писать письма, ходятъ за совѣтами, слушаютъ чтеніе учительницы. Въ одномъ мѣстѣ волость, несмотря на бѣдность, дала 55 р. на ремонтъ зданія; въ другомъ—помогаютъ всѣмъ, чѣмъ можно. Въ одномъ мѣстѣ ежегодно прибавляютъ на письменныя принадлежности и учительницу любятъ. Въ одномъ мѣстѣ очень любятъ учителя, такъ какъ онъ проводитъ почти весь день съ учениками и подаетъ медицинскую помощь до прибытія врача, пользуясь медикаментами. Одинъ учитель выходилъ нѣсколько разъ на сходы, гдѣ къ нему относились съ уваженіемъ и по его совѣту хотѣли выстроить школу въ 1,500 руб. Трое учителей въ отчужденіи съ народомъ (населеніе чуждается), въ его глазахъ учитель не высоко стоитъ, виноваты въ этомъ сами учителя (признается учитель), отцы и матери заходятъ иногда въ классъ, къ учителямъ не заходятъ, только молодежь приходитъ брать книги. Одна учительница ведетъ замѣнутый образъ жизни, такъ что ее никто не знаетъ въ лицо, и получила названіе «затворницы» (ей 21 годъ и она окончила въ VIII классѣ женской гимназіи). Другая тоже находится въ отчужденіи съ населеніемъ (ей 26 лѣтъ), она кончила епархіальное симбирское училище.

8 учителей не имѣютъ никакого отношенія къ народу.

12 учителей еще не выяснили отношеній, потому что недавно на своихъ мѣстахъ.

25 учителей совсѣмъ не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ.

Количество учащихся въ 112 школахъ (3 учителя не дали отвѣта)—8,431 чел.

Наименьшее число учениковъ въ школѣ съ однимъ учителемъ 20, наибольшее—93; съ двумя учителями наименьшее 57, наибольшее—137.

Церковному пѣнію обучаютъ въ 24 школахъ, просто пѣнію въ 4 школахъ, рукодѣлію въ 11 школахъ, гимнастикѣ въ 4 школахъ, огородничеству въ 1, садоводству въ 2, церковному пѣнію и гимнастикѣ въ 1, церковному пѣнію и рукодѣлію въ 1, просто пѣнію и гимнастикѣ въ 2 школахъ, огородничеству и садоводству въ 4. Въ одной школѣ священникъ преподаетъ церковное пѣніе, садоводство, огородничество и пчеловодство.

Вечернія дополнительныя занятія были въ 15 школахъ (въ одной изъ нихъ учитель занимался съ малоспособными), а въ нѣкоторыхъ уstra-

ивались не только чтенія, но и дѣтскія игры. Въ одной изъ школъ велись народныя чтенія по вечерамъ.

Учебный годъ въ 49 школахъ начинается 1 или 10 октября и кончается въ послѣднихъ числахъ апрѣля или мая 1 и 2 числа. Въ остальныхъ школахъ занятія начинаются въ 1-хъ или 20 числахъ сентября и кончаются въ концѣ апрѣля, или въ первыхъ числахъ (иногда въ серединѣ) мая. 1 сентября открываютъ свои занятія только 4 школы (продолжаются до первой половины мая). Всѣхъ учебныхъ дней въ 3 школахъ 180 и 190 дней. Въ 25 школахъ учебныхъ дней 130—140, въ 55 школахъ отъ 140 до 165 дней, въ 7 школахъ отъ 170 до 180 дней, въ 4 школахъ отъ 109 до 115 дней. Отъ 11 школъ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ.

О. Г.

Русскій ученый школы Тэна.

(А. Шаховъ: «Гёте и его время». Изданіе 2-е. 1897 г.).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась замѣчательная книга А. Шахова, и уже въ прошломъ году съ трудомъ можно было достать ее въ продажѣ. Одинъ этотъ успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю ученыхъ разсужденій, свидѣтельствуетъ о томъ, что трудъ покойнаго отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ серьезной книгѣ современная образованная публика. Вопросъ объ исторіи литературы, какъ наукѣ, объ ея методѣ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, и трудно встрѣтить среди ученыхъ два совершенно тождественныхъ мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Всякій новый историкъ литературы является съ своею собственною точкою зрѣнія.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году вышелъ русскій переводъ *Исторіи французской литературы* Лансона. Авторъ ея, въ предисловіи къ этому труду, договорился до того, что даже не призналъ за исторіей литературы права существованія въ видѣ отдѣльной науки. До чего несостоятеленъ такой взглядъ, видно изъ того, что книга Лансона является опроверженіемъ его собственнаго предисловія. Въ виду того сумбура, который господствуетъ во взглядахъ на исторію литературы, всякій трудъ, удовлетворяющій современнымъ требованіямъ науки, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Извѣстно, что начало новой стадіи въ исторіи интересующаго насъ вопроса положили знаменитый историческій методъ Тэна, сущность котораго изложена въ *Philosophie de l'art* и *Histoire de la litt. anglaise*. Первый изъ названныхъ трудовъ съ неотразимой послѣдовательностью показалъ, въ чемъ заключается сущность художественнаго произведенія; связь между художественнымъ произведеніемъ и породившей его исторической обстановкой раскрыта съ поразительною ясностью, и послѣ этого для историка литературы не остается никакого сомнѣнія, на что главнымъ образомъ онъ долженъ обратить свое вниманіе. Историческій методъ Тэна от-

личается отсутствием догматизма. Старая эстетика начинала съ опредѣленія прекраснаго и, вооружившись произвольно созданными правилами, измѣрала ими достоинство художественныхъ произведеній. Тѣмъ стремился объяснить ихъ, смотрѣлъ на нихъ какъ на «факты и явленія, которыхъ должно обозначить характеристическія черты и отыскать причины—и только». Для него не существуетъ произведеній, недостойныхъ вниманія; всѣ формы искусства, всѣ школы, даже тѣ, которыя кажутся наиболее противоположными, въ глазахъ послѣдователя историческаго метода являются различными проявленіями человѣческаго духа; онѣ одинаково подлежатъ его изслѣдованію, подобно тому какъ апельсинное дерево и лавръ, ель и береза равно цѣнны въ глазахъ ботаника.

Историческій методъ даетъ Тѣну возможность выяснитъ сущность художественныхъ произведеній и объясняетъ ихъ возникновеніе.

II.

Цѣль художественнаго произведенія—подражаніе осязательной внѣшности предмета, но искусство не стремится къ безусловно-точному подражанію: оно воспроизводитъ въ осязательной внѣшности предметовъ лишь соотношенія между частями, причемъ выдвигаетъ на первое мѣсто тѣ черты, которыя являются главными въ самомъ предметѣ. Отсюда вытекаетъ слѣдующее опредѣленіе художественнаго произведенія: оно «имѣетъ цѣлью обнаружить какой-либо существенный или наиболее выдающійся характеръ, стало-быть какую-нибудь преобладающую идею яснѣе и полнѣе, чѣмъ она проявляется въ дѣйствительныхъ предметахъ».

Опредѣливъ художественное произведеніе, Тѣнь обнаруживаетъ процессъ его возникновенія. Съ помощью тонкаго тщательнаго анализа онъ раскрываетъ безчисленные звенья той цѣпи, которая соединяетъ художника съ окружающей средой. Въ эпоху горести и унынія не можетъ явиться и существовать художникъ съ чувствами, потребностями и склонностями противоположнаго характера. Много зеренъ и сѣмянъ заносится вѣтромъ на извѣстную почву, но только тѣ изъ нихъ примутся и дадутъ богатые всходы, которымъ благоприятствуютъ и почва, и физическая температура, и совокупность массы другихъ условій, остальные погибнутъ въ чуждой атмосферѣ. Такъ и для развитія таланта необходимо благоприятное состояніе умовъ и нравовъ окружающей среды. Талантъ, не пришедшій ко времени, погибнетъ, не найдя сочувствія и поддержки; современники не замѣтятъ его созданія; они съ восторгомъ встрѣтятъ и поддержать только тѣ творенія, въ которыхъ воплотятся ихъ собственныя чувства, потребности и склонности.

Нравственное и умственное состояніе одно и то же для общества и художниковъ. «Только голосъ этихъ послѣднихъ,—говоритъ Тѣнь,—слышимъ мы на разстояніи вѣковъ, но въ звукахъ этого гремящаго голоса, дрожанія котораго достигаютъ нашего слуха, мы распознаемъ сложный

гулъ и какъ бы необъятное глухое жужжаніе, — распознаемъ великій, безконечный, сложный говоръ народа, вторившаго имъ вокругъ. Они и великими-то сдѣлались вслѣдствіе этой гармоніи».

Отсюда сама собою опредѣляется задача историка литературы; онъ долженъ уловить этотъ неясный гулъ, несущійся изъ глубины вѣковъ, указать намъ нити, связывающія общее мировоззрѣніе эпохи съ тѣми литературными произведеніями, которыя дошли до насъ; для этого онъ долженъ всесторонне разъяснить преобладающіе типы и идеи, господствовавшіе въ литературѣ каждой эпохи, такъ какъ въ нихъ воплотилось современное міросозерцаніе. Таково общее опредѣленіе его задачи. Но при ея выполненіи возникаетъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о выборѣ тѣхъ произведеній, которыя подлежатъ изученію историка литературы. Для правильнаго пониманія общихъ идей извѣстной эпохи недостаточно изучить одни художественныя произведенія. Для всесторонней оцѣнки этихъ послѣднихъ, стоящихъ въ центрѣ изученія, необходимо нерѣдко обращаться къ трудамъ философскимъ и научнымъ. Умѣлое и своевременное пользованіе ими составляетъ одно изъ главныхъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ историкамъ литературы. Далѣе вопросъ о характерѣ писателя. Творецъ художественнаго произведенія никогда не можетъ отрѣшиться отъ идей и взглядовъ своего времени, но его личныя склонности и идеалы, свойственные ему одному, какъ извѣстной индивидуальности, не могли не отразиться въ его произведеніяхъ. Если историкъ литературы стремится во всѣхъ деталяхъ постигнуть міросозерцаніе эпохи, онъ долженъ выдѣлать въ произведеніи личный, біографическій элементъ, а для этого — постоянно имѣть въ виду типическія черты художника. Наконецъ, изучая художественное произведеніе, необходимо остановиться на его значеніи для всѣхъ эпохъ и народовъ, указать въ немъ вѣчный элементъ, рассмотреть его источники, исторію сюжета, степень оригинальности и проч.

Только тогда, когда всѣ эти вопросы получаютъ надлежащее освѣщеніе, процессъ распространенія въ массѣ господствующихъ идей будетъ постигнутъ во всѣхъ деталяхъ, и задача историка литературы будетъ выполнена.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь разсматривать историко-литературныя труды самого Тэна. Знаменитому французскому философу и публицисту можно было бы сдѣлать нѣкоторыя упреки, когда онъ переходитъ изъ области философской теоріи къ ея примѣненію. Сосредоточивъ все свое вниманіе на главномъ центрѣ тяжести, онъ не всегда съ достаточной полнотой освѣщаетъ остальные, указанные выше стороны вопроса, но его великая заслуга состоитъ уже въ томъ, что онъ первый сумѣлъ указать этотъ центръ тяжести и своей стройной теоріей, исполненной неотразимой логики, объяснить первенствующее значеніе вопросовъ, до него остававшихся на заднемъ планѣ.

III.

Книга Шахова является блестящим применением исторического метода къ одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи литературы.

Авторъ начинаетъ со сжатой и яркой картины полного оскудѣнія литературы и научныхъ силъ въ Германіи XVII и первой половины XVIII вѣка. Сдѣлавъ затѣмъ краткую характеристику умственныхъ теченій во Франціи и Англіи XVIII в. и весьма тонко подмѣтивъ причины, помѣшавшія распространенію этихъ теченій въ Германіи, Шаховъ переходитъ къ литературѣ, предшествовавшей времени Гёте. На нѣсколькихъ страницахъ въ живомъ изложеніи обрисовываются три главныхъ факта: появленіе специальной буржуазной литературы параллельно съ развитіемъ буржуазіи и увеличеніемъ степени ея образованности; паденіе ложно-классическаго направленія и въ замѣнъ этого обращеніе къ германской старинѣ; возникновеніе національной литературы. Авторъ мастерски связываетъ сентиментализмъ буржуазной литературы съ будущей поэзіей *мировой скорби*, справедливо видя въ этомъ сентиментализмѣ первые ростки «мирового» скептицизма.

Благодаря этимъ интереснымъ страницамъ читатель сразу введенъ въ кругъ идей эпохи. Характеристика литературной дѣятельности Лессинга, Клопштокъ и Виланда раскрываетъ мысли и чувства, которыми жило современное общество; элементы, изъ которыхъ разовьются послѣдующія умственные теченія, уже указаны. *Гензъ*, *Вертеръ* и *Фаустъ* не будутъ одиноко стоящими литературными произведеніями; каждый изъ нихъ отиѣтитъ извѣстную стадію въ развитіи идей.

Указавъ, что однимъ изъ идеаловъ, завѣщанныхъ просвѣтительнымъ французскимъ движеніемъ, была борьба лица съ традиционными стѣсненіями, протестъ личности противъ общественныхъ отношеній, выработанныхъ преданіями и предрасудками, Шаховъ показываетъ, какое направленіе приняла эта борьба въ Германіи, какъ благодаря ей возникла знаменитая литература *бурныхъ ченесовъ*. Логика событій привела къ тому, что принципъ индивидуализма, господствомъ котораго отиѣчена вся новая исторія литературы, начиная съ эпохи Возрожденія, породилъ въ Германіи гениальныхъ или правильнѣе—гениальничаящихъ писателей, воплотившихъ этотъ принципъ въ странныя, часто комическія формы. Но, указавъ отрицательныя стороны литературы Sturm und Drang'a, Шаховъ, со свойственнымъ ему тонкимъ умѣньемъ связывать событія, уже разглядываетъ въ комическихъ позахъ мятежныхъ «геніевъ» новые ростки, изъ которыхъ выростутъ въ слѣдствіи два великихъ творенія новаго времени: «Критика чистаго разума» укажетъ границы гордому разуму человѣка, стремящемуся переступить предѣлы дозволеннаго, а Гёте—еще недавно самъ мятежный геній—въ своемъ «Фаустѣ» изобразитъ намъ безсиліе человѣка въ его стремленіи объять необъятное и расскажетъ муки этого стремленія.

Такова связь Sturm und Drang'a съ предшествующими и послѣдующими

литературными фактами. Какъ главная вершина этого движенія, во всѣхъ развѣтвленіяхъ ярко изображеннаго Шаховымъ, высится одно изъ лучшихъ произведеній Гёте: «Гецъ фонъ-Берлихингенъ». На этомъ произведеніи Шаховъ еще разъ выясняетъ во всѣхъ деталяхъ, какое направленіе приняла въ Германіи идея протеста личности противъ традиціонныхъ стѣсненій.

Переходя къ Вертеру, авторъ предварительно указываетъ на три комбинаціи, которыя получаютъ обыкновенно въ человѣкѣ изъ столкновенія его идеаловъ съ дѣйствительностью, и объясняетъ такимъ образомъ сущность и происхожденіе *мировой скорби*. Блестящій психологическій анализъ знаменитаго скорбника даетъ возможность глубоко заглянуть въ его душу и въ ужасныхъ страданіяхъ этой души прочесть великій разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью, начало «послѣдней схватки» между метафизикой и наукой. «Въ этотъ моментъ,—говоритъ авторъ,—мы застаемъ мировую скорбь, какъ знаменье какого-то страшнаго интеррегнума въ поватіяхъ».

Сдѣлавъ обзоръ другихъ литературныхъ направленій, явившихся результатомъ разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, Шаховъ переходитъ къ главному предмету своей работы, Гётевскому «Фаусту» и сопоставляетъ его съ «Критикой чистаго разума» Канта. Значеніе художественнаго произведенія, какъ посредника между философскими идеями эпохи и массой, никогда не раскрывалось такъ остроумно, такъ ярко, какъ въ этомъ блестящемъ сопоставленіи. Въ *Критикѣ чистаго разума* Кантъ опредѣлилъ границы нашей познавательной способности, призналъ полную несостоятельность чистаго разума въ вопросахъ о сверхчувственныхъ и безусловныхъ предметахъ, и, по словамъ Шахова, «прочелъ отходную всякой метафизикѣ». *Фаустъ* Гёте приводитъ къ тѣмъ же выводамъ: та же борьба между унаслѣдованными стремленіями къ абсолютному и критическою мыслью, тотъ же выводъ объ ограниченности человѣческаго разума. Своими сарказмами по адресу метафизическихъ измышленій Мефистофель въ сущности выражаетъ мысли Канта. Такъ проходитъ предъ нами процессъ освобожденія личности и ея освободительныхъ мученій въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Этотъ процессъ оканчивается сознаніемъ необходимости разумно ограничить личность. Въдъ Вертеръ потому и гибнетъ, что даетъ полную волю своему сердцу. На зарѣ новѣйшаго времени возникаетъ новый взглядъ на личность: человѣкъ—членъ союза; сословныя различія исчезаютъ и взаимный равный трудъ является принципомъ новаго общества. Шаховъ съ его обычной искусной манерой улавливаетъ первые признаки «новыхъ вѣяній» въ послѣднемъ изъ крупныхъ произведеній Гёте, въ его *Вильгельмъ Мейстеръ*. «Отъ старика-Гёте, принадлежавшаго своими лучшими идеалами другому столѣтію—гуманитарно-либеральному, нельзя было требовать систематическаго выясненія идей, которыя только начали всплывать на поверхность общественнаго сознанія. Онъ почуялъ новое вѣяніе и уже въ

этомъ обнаружилъ гениальность своей природы». Этимъ вступленіемъ литературы въ новый періодъ своего существованія оканчивается характеристика Гётевской эпохи.

IV.

Мы отиѣтили главные моменты въ этой характеристикѣ, но они не даютъ еще представленія о богатствѣ содержанія всей книги. Съ главнымъ процессомъ развитія идей авторъ сумѣлъ искусно связать побочныя умственные теченія, такъ что всё они сходятся у него въ общій источникъ, какъ многочисленные ручейки и притоки стекаются въ общую рѣку. Съ другой стороны избранная эпоха не является чѣмъ-то одинокимъ. Авторъ сумѣлъ расширить рамки своей задачи до крайнихъ предѣловъ: изучая по Шахову время Гёте, читатель мало-по-малу начинаетъ постигать общій духъ четырехъ послѣднихъ вѣковъ, исторію которыхъ принято называть новой исторіей. Авторъ умѣетъ вѣремя перенести его въ средніе вѣка, поднять предъ нимъ кончыкъ завѣсы, скрывающей античный міръ, кстати упомянуть о ложно-классическомъ направленіи. Остроумными сближеніями и сопоставленіями онъ переноситъ насъ и во Францію, и въ Англію, и въ Польшу, и даже въ Россію. Въ результатъ на заднемъ планѣ получается картина умственного и нравственного движенія Европы на протяженіи всего новаго времени, а впереди ярко вырисовывается избранная авторомъ эпоха.

Этотъ методъ требуетъ огромнаго таланта и великаго чутья: нужно выбирать изъ всемірной литературы только то, что служитъ къ болѣе яркому освѣщенію основной темы и разъясняетъ роль данной эпохи въ общей исторіи человѣческаго прогресса; иначе изслѣдователь рискуетъ увлечься и превратить науку въ фельетонную болтовню. Эта широта взгляда, дающая возможность расширить кругозоръ читателя до крайнихъ предѣловъ, а съ другой стороны чувство мѣры, придающее изслѣдованію строго-научный характеръ—вотъ два главныхъ свойства, отличающія нашего ученаго. Ими обусловливаются и другія достоинства его историко-литературнаго метода.

Тэнъ въ своихъ историко-литературныхъ трудахъ, на примѣръ, въ *Hist. de la litt. anglaise* или въ этюдѣ о Бальзагѣ, для характеристики среды и исторической обстановки, въ которой возникло то или другое художественное произведеніе, часто прибѣгаетъ почти къ беллетристической формѣ изложенія. Въ художественныхъ образахъ представить онъ вамъ эпикурейскую жизнь милетскаго гражданина, салонъ эпохи Ренессанса, или парижскую гостиную XIX вѣка. Воображеніе читателя легко переносится въ соответствующую эпоху. Но строгій ученый могъ бы указать порою невѣрные штрихи въ этихъ мастерскихъ по своей художественности картинкахъ; онъ могъ бы иногда упрекнуть Тэна въ отсутствіи историческихъ документовъ, оправдывающихъ его красивую, детально отдѣланную кар

тину, нередко созданную на основании тѣхъ самыхъ художественныхъ произведеній, которымъ она должна предшествовать.

Шаховъ для знакомства съ настроеніемъ и духомъ эпохи прибѣгаетъ къ другому, болѣе вѣрному методу. Еще не подвергнувъ анализу даннаго художественнаго произведенія, онъ выбираетъ характерный трудъ по какой-нибудь изъ научныхъ отраслей: по философіи или изъ области юридическихъ знаній, даже по естественнымъ наукамъ и богословію. На нихъ онъ старается показать, какъ тѣ или другія потребности и склонности эпохи вылились въ отвлеченныя положенія. Когда читатель такимъ образомъ познакомился съ воззрѣніями эпохи въ научной обработкѣ, Шаховъ разъясняетъ художественное произведеніе, отразившее тѣ же взгляды. Мы уже упоминали о замѣчательномъ сопоставленіи *Критики чистаго разума* и *Фауста*. Не менѣе талантливо сопоставляетъ авторъ трактатъ Юстуса Мёзера «О кулачномъ правѣ» съ «Гецомъ». Изложеніе основныхъ идей знаменитаго въ свое время нѣмецкаго юриста уже заранѣе указываетъ читателю, какое направленіе получила въ Германіи XVIII в. идея индивидуализма, и «Гецъ» служить художественнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ самыхъ взглядовъ, которыхъ ученымъ апологетомъ явился Мёзеръ.

Этотъ методъ съ научной точки зрѣнія имѣетъ огромное преимущество, такъ какъ основаніемъ его служить всеобщъ доступный историческій документъ.

У.

Разсмотримъ теперь отношеніе Шахова къ другимъ вопросамъ, поставленнымъ въ началѣ нашей статьи. Шаховъ очень внимательно изучаетъ источники, изъ которыхъ художникъ почерпнулъ сюжетъ для своего произведенія. Если даннымъ сюжетомъ пользовались и другіе писатели, нашъ ученый всегда даетъ сжатый и яркій обзоръ литературы, посвященной этому сюжету. Но и здѣсь сказывается общая тенденція, которой проникнута вся книга, именно—постоянное стремленіе во всехъ подробностяхъ разъяснить общее міросозерцаніе данной эпохи.

Разбирая «Автобіографію рыцаря Геца», которой воспользовался Гёте для своей драмы, онъ проводитъ параллель между средневѣковыми взглядами на личность и воззрѣніями на индивидуальность конца XVIII вѣка. Эти сравнительныя параллели позволяютъ лучше уразумѣть ту стадію, въ которой находится данная эпоха по отношенію, если можно такъ выразиться, къ вѣчнымъ вопросамъ, и убѣдиться въ непрерывномъ прогрессѣ добра и гуманности.

Занимаясь эпохой Гёте, авторъ не можетъ обойти вопроса о вѣротерпимости, разрѣшеніе котораго въ духѣ лучшихъ идеаловъ времени мы находимъ въ *Натанъ* Лессинга. Зорко всматривается авторъ въ далекое, темное прошлое и извлекаетъ оттуда типы «жидовъ». Литература увѣковѣчила фанатическій энтузіазмъ среднихъ вѣковъ, когда народная ненависть

экономическаго происхожденія подавала руку грубому суевѣрью и находила исходъ въ дикой рѣзнѣ и огульных сожженіяхъ евреевъ. Марло и Шекспиръ изобразили намъ воззрѣнія на евреевъ въ ту эпоху, когда уже чувствовалось вѣяніе новаго времени, но «душный запахъ міра католическаго и феодальнаго еще не выдохся». Изъ устъ Шейлока несутся исполненные неумолимой логики тирады противъ вѣковой несправедливости, униженій и гоненій, но «жду» не возвращены еще права человѣческой природы.

Но вотъ является Натанъ, и сынъ гонимой націи получаетъ наконецъ «возмездіе за прежнее горе-злосчастіе», получаетъ его въ столѣтіе свободы мысли, терпимости и гуманизма: «представитель еврейства—Натанъ—является представителемъ лучшихъ стремленій человѣчества, апостоломъ гуманности»...

Еще большею широтой отличается блестящій обзоръ литературы, посвященный *Фаусту*. Именно на развитіи этого сюжета удобно показать роль избранной авторомъ эпохи въ исторіи новѣйшей культуры. «Сага о докторѣ Фаустѣ,—говоритъ онъ,—какъ бы открываетъ и закрываетъ для насъ тотъ періодъ человѣческаго развитія, который простирается приблизительно съ конца XV до начала XIX вѣка. Фаустъ — герой всей новой исторіи, этихъ столѣтій усиленнаго умственнаго труда человѣчества и его тяжкихъ душевныхъ мученій».

Народная фантазія въ XVI вѣкѣ создала изъ этого героя типъ вольнодумца-колдуна. «Повѣсть о докторѣ Фаустѣ», изданная въ 1587 году Шписомъ, главный источникъ для всѣхъ послѣдующихъ литературныхъ редакцій фаустовской саги, имѣетъ поучительную цѣль — предостереженіе христіанъ отъ дьявольскихъ навожденій: первые взрывы человѣческаго вольномыслія получаютъ достойную кару въ столѣтіе, еще не избавившееся отъ старыхъ традицій. И въ драмѣ Марло стремленія пытливаго изслѣдователя еще трактуются какъ грѣховныя и безбожныя, хотя знаменитый докторъ уже начинаетъ приобретать сочувствіе зрителя,— не даромъ пуритане обличали его творца въ невѣрїи.

Писатели XVIII вѣка впервые рѣшились превратить Фауста изъ черно-книжника и грѣшника въ философа, неудовлетвореннаго міросозерпаніемъ своей эпохи. У Лессинга *Фаустъ* выходитъ побѣдителемъ въ борьбѣ со зломъ; ангелы провозглашаютъ будущее торжество науки. Фридрихъ Шюллеръ сдѣлалъ *Фауста* мятежнымъ гениемъ во вкусѣ Sturm und Drang'a. Елинггеръ создалъ изъ саги ѣдкую сатиру на цивилизацію и песимистическую апологию первобытнаго человѣка. Такимъ образомъ при помощи литературной исторіи *Фауста* Шаховъ искусно раскрываетъ путь, которымъ шло освобожденіе человѣческой личности, и «Фаустъ» Гёте замыкаетъ собою это грандіозное шествіе.

VI.

Перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніи Шахова къ характерамъ литературныхъ дѣятелей. Его характеристики по большей части кратки.

но личность, обрисованная имъ въ своихъ главныхъ особенностяхъ, навсегда запечатлѣвается въ памяти читателя. Въ его книгѣ нѣтъ формулярнаго списка писателей; фактическая біографія почти всегда отсутствуетъ. Но тѣ черты характера, которыя могутъ объяснить роль литературнаго дѣятеля въ томъ или другомъ умственномъ движеніи, подмѣчены имъ съ изумительнымъ чутьемъ. Связь между индивидуальными наклонностями и общимъ духомъ эпохи указана всегда такъ хорошо, что читатель заранее чувствуетъ, какое литературное направленіе должно получиться изъ воздѣйствія этихъ двухъ элементовъ, какое мѣсто данный писатель долженъ занять при данномъ направленіи умовъ и каково должно быть его влияние на общество.

Стоитъ прочесть мѣткую характеристику Якоби, чтобы заранее понять, что система Спинозы вызоветъ ужасъ въ нервномъ мистикѣ. Или вотъ строки, которыя лучше цѣлыхъ диссертаций объясняютъ роль Лафатера въ современной литературѣ: «Перейдемъ къ пророку того времени, къ Лафатеру, съ которымъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ находились въ близкихъ отношеніяхъ и Гёте и Гердеръ. Отрицаніе мертвящаго догматизма и культъ чувствительности—вотъ та общая почва, которая ихъ соединяла съ человѣкомъ, позже окончательно перешедшимъ на сторону самаго крайняго мистицизма. Къ Лафатеру можно приложить то же замѣчаніе, которое я высказалъ по поводу Ленца. Не талантъ, не личныя природныя дарованія и богатства доставили ему въ свое время значеніе и выдвинули его изъ толпы, а то обстоятельство, что его природныя данныя и наклонности отвѣчали тенденціямъ той эпохи. Всякій историческій періодъ благоприятствуетъ развитію извѣстныхъ специфическихъ натуръ и прядаетъ имъ интересъ. Въ наше время личность Лафатера промелькнула бы вѣроятно незамѣтно въ толпѣ магнетизеровъ, шарлатановъ-спиритовъ и фантастовъ; кругъ ея дѣятельности не вышелъ бы за предѣлы темныхъ общественныхъ закоулковъ. Но во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря обозначенной мною мистической тенденціи въ обществѣ, Лафатеръ съ компаніей всякихъ Калліостро и Месмеровъ одно время привлекалъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ общественныхъ кружковъ, имѣвшихъ извѣстное значеніе и извѣстное положеніе въ литературномъ мірѣ. Даже люди совершенно различные съ нимъ по направленію, интересовались имъ и вопросительно относились къ личности, которая въ наше время, въ нашихъ интеллигентныхъ кружкахъ, была бы интересна только съ точки зрѣнія физиолога или психіатра».

Льюисъ написалъ замѣчательную біографію Гёте. Всякій годъ жизни великаго поэта подвергся самому тщательному изученію, незначительнѣйшіе факты его біографіи вызвали со стороны біографа остроумныя догадки и нашли всестороннюю оцѣнку. Но едва ли книга Льюиса объяснила зависимость между личностью Гёте и его литературнымъ направленіемъ лучше, чѣмъ одна краткая лекція Шахова, озаглавленная: «Основные черты типа Гёте». Прочтите въ этой лекціи превосходную характеристику гётевской многосторонности, его конкретизма и пресловутаго «олимпійства»,—и его анти-

патія къ отвлеченной метафизикѣ и родство съ Спинозой объяснены заранее: самъ собой становится понятнымъ его быстрый разрывъ съ идеалами Sturm und Drang'a; мы заранее предвидимъ, что французская революція, потрясая всю Европу, вызоветъ на лицѣ *олимпійца* только презрительную улыбку; подъ громъ этой революціи онъ напишетъ *Германна и Доротею*, очаровательную эпопею филистерства.

VII.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о личности самого Шахова, присутствіе которой невидимо чувствуется въ его книгѣ. Авторъ ни на минуту не оставляетъ строго-научной, исторической точки зрѣнія. Но эта объективность не помѣшала ему согрѣть свою книгу идеалами добра и гуманности, горячею вѣрой въ торжество прогресса. Благородная цѣльная натура самого автора видна въ оцѣнкѣ каждого явленія, въ характеристикѣ каждого литературнаго дѣятеля.

Несмотря на объективный анализъ «Вертера», результатомъ его является отрицательное отношеніе читателя къ безплодному разочарованію и бодрое стремленіе къ разумной дѣятельности. Характеристика Вагнера по производимому ею впечатлѣнію равносильна самой ѣдкой сатирѣ на кабинетную науку, отрѣшенную отъ жизни. «Такихъ ученыхъ, — говоритъ Шаховъ, — много и доселѣ, но число ихъ убавляется по мѣрѣ сближенія науки съ жизнью, теоріи съ практикой». Анализъ «Натана Мудраго» есть въ сущности блестящая апологія вѣротерпимости, а разборъ «Фауста» не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно исхода, который приготовило само время борьбѣ между метафизикой и научнымъ знаніемъ.

Каждый читатель невольно чувствуетъ правду того вывода, къ которому привело Шахова изученіе гётевской эпохи.

«Положительное знаніе направитъ людей отъ тщетныхъ поисковъ абсолютнаго къ задачамъ для нихъ возможнымъ, доступнымъ ихъ личнымъ средствамъ. Бросивъ праздныя умствованія и несбыточныя надежды, человѣкъ тѣмъ внимательнѣе будетъ озираться кругомъ, тѣмъ тверже будетъ стоять на ногахъ и, покинувъ грѣзы объ абсолютномъ блаженствѣ, объ абсолютномъ успокоеніи, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ будетъ работать надъ устроеніемъ своего относительнаго, ограниченнаго земнаго счастья».

П. С. Коганъ.

Народное образованіе во Франціи и Англіи *).

I.

И во Франціи, и въ Англіи давно все сказано въ теоріи о необходимости пополнить первоначальное народное образованіе и основать цѣлый рядъ новыхъ учрежденій для взрослыхъ и для юношества. Моя цѣль указать на весьма вѣроятный въ этомъ дѣлѣ успѣхъ и несомнѣнныя неудачи. Я добровольно ограничиваюсь Франціей и Англіей: во-первыхъ, потому, что это двѣ свободныя страны, въ которыхъ вопросъ о народномъ образованіи—самый существенный и лучше всего поставленный; во-вторыхъ, мы имѣемъ объ этомъ двойномъ опытѣ достаточное количество документовъ**), на которые мы можемъ ссылаться; а въ-третьихъ, сравнивая два столь различныхъ типа демократіи, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ ясное понятіе объ англо-саксонскомъ, а другой о греко-латинскомъ духѣ, мы имѣемъ въ высшей степени удобный случай остановиться на вопросѣ, интересующемъ весь образованный міръ.

Когда на-ряду со многими другими Дантонъ восклицалъ въ національномъ конвентѣ: «Хлѣбъ и образованіе одинаково необходимы народу», онъ выражалъ эту фразу мысль всего XIX столѣтія; она была логическимъ выводомъ всей революціи. Кондорсе, Лаваналь и многіе другіе еще въ 1792 г. убѣждали національный конвентъ издать декретъ, по которому всякая коммуна (община) должна была имѣть народныхъ учителей; учителя обязаны были организовать курсы и чтенія для народа. Этотъ проектъ не могъ быть введенъ до 1815 г. благодаря вѣнскимъ и внутреннимъ войнамъ, къ тому же народное образованіе вовсе не входило въ планы Наполеона; онъ тре-

*) Статья Анри Беранже въ *La Revue de Paris*.

**) Вотъ списокъ книгъ для желающихъ подробно заняться этимъ вопросомъ: *Народное образованіе взрослыхъ въ Англіи*, Ферд. Бьюссонъ и А. Шевалъ; *Общественное образованіе въ Англіи*, Максъ Деклеркъ; *Вокругъ народнаго образованія*, Эдуарда Пети; *Докладъ министру народнаго просвѣщенія о курсахъ и чтеніяхъ для взрослыхъ*, Эд. Пети; *Нантскій и Бордосскій конгрессы* (напечатано лигой преподаванія); *Новая школа*, Поль Бурделъ; *Преподаваніе въ демократической средѣ*, Леонъ Вуржуа; *Католическія попечительства*, Максъ Тирманъ (въ журналѣ *Quinzaine*).

бывалъ отъ своего народа только подчиненности себѣ и военнымъ законамъ. Въ 1815 г., съ появленіемъ конституціоннаго режима, либеральное направленіе восторжествовало, и Лазарь Карно основалъ «общество первоначальнаго образованія». Цѣлью этого общества было дать нѣкоторое образованіе дѣтямъ парижскаго народонаселенія. Дѣло пошло вполне успѣшно. Въ 1830 г., въ періодъ сентъ-симонизма, политехники, принимавшіе среди рабочихъ самое дѣятельное участіе въ баррикадахъ, рѣшили основать для нихъ «союзъ политехниковъ» (Association politechnique); у нихъ были организованы вечерніе курсы, съ первоначальной программой общаго и профессиональнаго образованія.

Устройство этихъ двухъ учреждений имѣло несомнѣнное вліяніе на законъ Гизо, обнародованный въ 1833 г. и по которому народное первоначальное образованіе было признано необходимымъ и приведено въ извѣстную систему. Нѣкоторые крупные центры промышленности и торговли, какъ Бордо, Ліонъ, Марсель, Амьенъ и др., организовали у себя «филопатическія» общества профессиональнаго образованія, счетоводства и др. Это образовательное движеніе еще было ускорено республикой 1848 г. Учителя и профессора учредили, по программѣ политехническаго союза, «филотехническій союзъ», прибавивъ нѣсколько предметовъ практическаго изученія дѣла.

Возвращеніе къ наполеоновскимъ традиціямъ приостановило нѣсколько образовательное движеніе, но уже въ 1866 г. имперія стала на сторону этого движенія. Викторъ Дюрюи расширилъ программу первоначальнаго образованія и возстановилъ курсы для взрослыхъ или «вечернія школы», о которыхъ говорилъ еще Гизо въ 1833 г.

Около того же времени Жаномъ Масэ была основана «лига преподаванія» (Ligue de l'Enseignement). Разгромъ 1870 — 71 годовъ и водвореніе третьей республики ускорили реформы, задуманныя Дюрюи. Усиливающеся вліяніе лиги и твердое убѣжденіе, что «школьный учитель, нѣмецъ, побѣдилъ при Садовой и Седанѣ, помогли Гамбеттѣ и Ферри организовать цѣлую систему первоначальныхъ школъ—не духовныхъ, а свѣтскихъ безплатныхъ и обязательныхъ. Законъ 1882 г. упрочилъ за народомъ легальный минимумъ образованности. Реформаторы удовольствовались тѣмъ, что поддерживали въ каждой общинѣ возможность имѣть курсы для неграмотныхъ взрослыхъ. Эти курсы не могли остаться прочнымъ дополненіемъ первоначальной школы. Для воспитанія и образованія ребенка съ 7 и до 13-лѣтняго возраста удвоили матеріальныя средства, число учителей, причѣмъ расширили помѣщенія школъ; для образованія же юношества и взрослыхъ ничего не слѣдовало вводить, не ввели ничего новаго, какъ будто забыли, что въ 13 лѣтъ опасно всего бросать ребенка на произволъ судьбы, что въ томъ возрастѣ, когда и возбуждается возмужалость, индивидуальная и общественная совѣсть, а характеръ принимаетъ опредѣленные очертанія, нельзя предоставить ребенка личнотъ ответственности. Реформаторы того времени воображали, что стоить и распространить въ народѣ свое ученіе, и всѣ поймутъ и оцѣнятъ это у

ние; они думали, что 12-лѣтній ребенокъ немедленно постигнетъ всю суть ихъ уроковъ морали и исторіи, а разъ заученные, эти уроки, по мнѣнію реформаторовъ, должны были пустить глубокіе корни на всю жизнь въ юной душѣ ребенка. Они убѣдились на опытѣ въ своей глубокой ошибкѣ. Нѣкоторыя частныя общества попробовали сдѣлать то, чего не сдѣлало правительство. Общество первоначальнаго образования, политехнической союзъ и филотехнической старались удержать у себя не только прежніе курсы, но прибавить новые, увеличивая при этомъ требованія и высшаго, и технического образования. Образовалось еще два новыхъ союза: «союзъ французской молодежи» въ 1879 г. и «союзъ республиканской молодежи» въ 1880 г., при которыхъ устраивались каждую недѣлю вечернія бесѣды и пренія между студентами, профессорами, адвокатами и т. д. Муниципальный совѣтъ частью перекушилъ, а частью основалъ вновь первоначальныя образцовыя и профессиональныя школы по программѣ школы Елизъ Лемонье *).

Въ Лиможѣ, Гаврѣ, Руанѣ и др. большихъ городахъ усиленно заботились о развитіи профессиональнаго и обще-научнаго образования въ средѣ рабочихъ.

Только о деревняхъ какъ будто совершенно забыли и это начинало уже нѣсколько беспокоить самыхъ выдающихся дѣятелей того времени. Въ 1891 г. было учреждено новое общество, «общество народныхъ бесѣдъ и чтеній». Молодой президентъ этого общества, г. Геренъ Каталонъ, предлагалъ вмѣстѣ со своими добровольными сотрудниками издать рядъ бесѣдъ и чтеній по вопросу о гражданскомъ и социальномъ образованіи; онъ брался ихъ разослать даромъ во всѣ французскія общины, гдѣ учителя обязаны были прочесть ихъ съ объясненіями въ аудиторіяхъ передъ толпой рабочихъ и сельскихъ обывателей. Три года спустя, въ апрѣлѣ 1894 г., лига преподаванія, находя, что общественная миссія лиги не могла ограничиться однимъ устройствомъ школъ, собираетъ въ Парижѣ исполнительный комитетъ, уполномочиваетъ его издать манифестъ и собрать какъ можно больше голосовъ за устройство вечернихъ курсовъ для совершеннолѣтнихъ **). Лига раздѣлилась на отдѣльныя, мѣстныя, вліятельныя группы и предложила имъ всѣмъ новый планъ дѣйствія. Она въ общихъ чертахъ намѣтила новую программу преподаванія, составила планы чтеній и бесѣдъ, собрала необходимыхъ для этого лекторовъ. Въ началѣ, подъ предѣлательствомъ Жана Мазэ, а затѣмъ Леона Буржуа, лига имѣла громадное вліяніе на правительство. По инициативѣ лиги, въ августѣ 1894 г. въ Нантѣ былъ устроенъ конгрессъ публицистовъ и педагоговъ, на которомъ впервые былъ затронутъ вопросъ о совѣстномъ планѣ дѣйствій. Министръ народнаго просвѣщенія, Фердинандъ Бьюссонъ, признавая всю серьезность этой задачи, находилъ участіе государства необходимымъ. Въ декабрѣ 1894 г.

*) „Ел. Лемонье — учредительница общины женскаго профессиональнаго образованія“. Парижъ, 1893 г., маленькая книжечка, in 8°, 3-е изданіе.

**) Членами этого комитета были: гг. Жанъ Мазэ, Л. Буржуа, Едуардъ Петит-Рено Лебланъ, Геренъ Каталонъ, Генрихъ Беранже и др.

«главный совѣтъ народнаго просвѣщенія» (le conseil superieur de l'instruction publique) одобрилъ проектъ декрета, въ которомъ рѣшено было нѣсколько измѣнить прежніе курсы для взрослыхъ. Публицисты много писали объ этомъ педагогическомъ движеніи и, наконецъ, въ 1895 г. наступило время принятыя за дѣло. Въ маѣ 1895 г. «приморское гаврское общество нагляднаго преподаванія», воспользовавшись случаемъ, а именно 15-лѣтнимъ юбилеемъ своего существованія, собрало «общедоступный національный конгрессъ народнаго просвѣщенія». Г. Раймондъ Пуанкарэ, министръ народнаго просвѣщенія, тогда только что послалъ (въ іюль 1895 г.) уѣзнымъ делегаціямъ свое замѣчательное письмо по поводу школьнаго образованія. Онъ согласился быть предсѣдателемъ конгресса, открытаго въ Гаврѣ 29 августа 1895 года. Президентъ республики пробылъ нѣкоторое время въ залѣ засѣданія конгресса; прежніе министры и настоящіе, депутаты, сенаторы, академики, всѣ высшіе заправилы университета, масса учителей, откомандированныхъ первоначальными училищами и большими городскими учебными учрежденіями, всѣ смѣшались въ одной безчисленной массѣ. Послѣ продолжительныхъ преній между «индивидуалистами» и «государственниками» конгрессъ, наконецъ, постановилъ слѣдующее рѣшеніе, которое было прочтено г. Фердинандомъ Бьюссономъ и утверждено большинствомъ голосовъ: всѣ учебныя учрежденія, какъ вспомогательныя, такъ и дополнительныя, не могутъ быть организованы по однообразному и официальномъ плану. Требуется, наоборотъ, непрерывное, дѣятельное участіе всей націи, независимая мѣстная дѣятельность въ пользу народнаго просвѣщенія.

Конгрессъ рѣшилъ тогда же, что общія точныя программы не обязательны. Устроители курсовъ для совершеннолѣтнихъ должны были имѣть полную свободу при выборѣ одной изъ существующихъ программъ; или же, не придерживаясь никакой программы, ввести предметы преподаванія, по ихъ мнѣнію, болѣе другихъ подходящіе къ мѣстнымъ требованіямъ и нуждамъ слушателей.

Наконецъ, конгрессъ указалъ на главные статьи доходовъ для этихъ курсовъ: 1) плата, установленная по взаимному соглашенію учениковъ съ основателями курсовъ; 2) вспомошествованія отъ различныхъ обществъ, какъ торговыя или синдикальныя конторы и т. п., и кромѣ того частныя пожертвованія; 3) субсидіи по соглашенію общинъ съ департаментомъ и 4) помощь государства въ видѣ жалованья или наградъ. Судя по рѣшеніямъ, конгрессъ желалъ примѣнить къ дѣлу просвѣщенія главные принципы общественной дѣятельности, т.-е. добровольную дѣятельность всякой единичной личности, децентрализацію, примѣненіе къ самымъ разнообразнымъ общественнымъ требованіямъ.

Нѣсколько недѣль спустя въ сентябрѣ 1895 г. на бордосскомъ конгрессѣ, президентомъ котораго былъ Леонъ Буржуа, лига преподаванія, соглашаясь со всѣми постановленіями гаврскаго конгресса, коснулась болѣе подробно сложнаго вопроса объ общественномъ «попечительствѣ» ии

патронатѣ. Движеніе вызванное этими, слѣдующими одинъ за другимъ, конгрессами привело къ быстрымъ и очевиднымъ успѣхамъ. Въ 1896 г. всюду возникаютъ новые курсы для юношества и для совершеннолѣтнихъ, прежнія школьныя попечительства преобразованы или заново организованы, къ прежнимъ обществамъ народнаго просвѣщенія прибавили новыя.

Въ мартѣ 1896 г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ нужнымъ навести общія справки, что и было поручено Эдуарду Петти, извѣстному профессору и публицисту. Его сообщенія даютъ намъ ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Въ августѣ 1896 и 1897 гг. лига устроила въ Руанѣ и Реймсѣ два конгресса, на которыхъ она предложила серьезныя измѣненія въ гаврскихъ и бордоскихъ программахъ. Въ настоящее время дѣло среднего образованія какъ будто окончательно упрочено во Франціи. За послѣднее столѣтіе къ тому же стремится и общественное народное образованіе.

Параллельное движеніе въ Англіи меньше отличается отъ вышесказаннаго во Франціи, чѣмъ вообще принято думать, хотя несомнѣнно національность и накладываетъ извѣстный отпечатокъ на образъ дѣйствій каждой изъ этихъ двухъ націй. До 19 вѣка единственныя доступныя народу школы были воскресныя и церковно-приходскія, притомъ очень плохо устроенныя. Многіе не умѣли ни читать, ни писать. Журналы въ 4 пенса не могли расхотѣться въ большомъ количествѣ, а налогъ на бумагу 1771 года на долгое время затормазилъ распространеніе книгъ въ народѣ. Въ 1800 г. докторъ Бирбекъ, профессоръ естественной исторіи въ Глазговѣ, задумалъ подъ влияніемъ французскихъ идей того времени устроить курсы механики «Mechanic's class». Онъ не стремился превратить простого ремесленника въ ученаго недотрогу, который бы гнушался своего скромнаго дѣла: нѣтъ, онъ хотѣлъ только, чтобъ этотъ самый ремесленникъ выучился разсуждать, давать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ онъ занимается у себя въ мастерской, однимъ словомъ, вывести его изъ того состоянія безмысленной машины, въ которомъ онъ былъ до тѣхъ поръ. Бирбекъ не отчаивался въ успѣхѣ, несмотря на преслѣдованіе и презрительное отношеніе высшихъ аристократическихъ сферъ, и устроилъ курсы механики, набравъ 75 слушателей-рабочихъ. Мѣсяць спустя у него уже было до 5-ти сотъ слушателей. Эти развивающіе курсы были вполне въ духѣ рабочихъ и уже въ 1823 г. въ Глазговѣ основали, по желанію тѣхъ же рабочихъ, на ихъ личныя средства, такъ называемыя «Mechanic's Institute» институты механики. Подобные институты были основаны и въ Лондонѣ (въ 1824 г.), въ Ливерпулѣ (1825 г.), въ Манчестерѣ (1828 г.), въ Брадфордѣ (1828 года) и Бирмингамѣ (1834 г.) несмотря ни на недовольство аристократіи, ни на неприязнь духовенства и правительства. Движеніе это выразилось настолько сильно, что государство не могло не принять въ немъ участія и принуждено было организовать министерство народнаго образованія («Boord of Education»). Далекое еще было до того времени, когда въ каждой деревнѣ будетъ своя школа, но все-таки первый-то толчокъ былъ данъ,

и послѣ смерти Бирбека (41 г.) школь для рабочихъ дѣлалось все больше и больше, учреждались новые курсы, устраивались чтенія, на которыхъ въ 1883 г. общимъ числомъ перебывало до 500 т. слушателей; что-то вродѣ такихъ чтеній устраивалось даже въ деревняхъ.

Несмотря на всё эти учрежденія уровень первоначальнаго образованія въ Англіи до 1870 г. былъ еще очень низокъ, образованіе было очень неполно и подчасъ даже безнравственно (вспомните Николая Никлеби). Учителямъ и учительницамъ, служащимъ почти безъ всякаго боляе или менѣе необходимаго контроля, нельзя было довѣрять. «Education Act» законъ о воспитаніи, обнародованный въ 1870 г. положилъ всему этому конецъ; устройство народныхъ дневныхъ школь подняло элементарное преподаваніе; эти школы были обязательны для дѣтей простонародья и напоминаютъ нѣсколько французскія школы первоначальнаго образованія, хотя и стоятъ гораздо ниже ихъ по своему устройству. Главный недостатокъ ихъ заключается во внезапной приостановкѣ всякаго дальнѣйшаго образованія дѣтей послѣ десяти лѣтъ или, въ крайнемъ случаѣ 12 лѣтъ.

Вопросъ объ этомъ былъ затронутъ въ Англіи раньше, чѣмъ во Франціи. Около 1885 года справки, наведенныя по этому вопросу, показали, что изъ 400 сотъ т. дѣтей, ежегодно получающихъ образованіе въ первоначальныхъ школахъ, много—много 20 тыс. продолжаютъ такъ или иначе свое образованіе. Для дѣтей, треть которыхъ по крайней мѣрѣ готовилась зарабатывать себѣ хлѣбъ какимъ-нибудь ремесломъ, для этихъ дѣтей не было никакихъ учреждений, гдѣ бы они могли обучиться этому ремеслу. кромѣ впрочемъ, школы кройки и шитья для дѣвочекъ. Уже въ 1885 г., опасность лишать дѣтей такъ рано школы и подвергать ихъ уличнымъ соблазнамъ навела на мысль учредить частное общество «Recreative Evening school Association». Это общество преобразовало прежніе курсы для неграмотныхъ, утратившіе всякій смыслъ со времени Education Act.; теперь эти курсы обратились въ новые вечерніе классы, гдѣ предметы изучались практически и служили какъ бы отдыхомъ и увеселеніемъ для рабочихъ. Митинги, обзорѣнія, журналы и брошюры, все заговорило о новомъ дѣлѣ, въ которомъ уже былъ свой опредѣленный бюджетъ, своя программа преподаванія и персоналъ преподавателей. Recreative Evening School Association имѣло рѣшающее вліяніе на правительство, такъ что въ 1893 г., по постановленію палаты депутатовъ, департаментъ народнаго просвѣщенія издалъ «Evening Continuation School Code», который упрочивалъ участіе государства въ новомъ дѣлѣ. Англія не ограничилась этимъ, она организовала у себя «Extention University», т.-е. общество распространенія университетскихъ знаній въ народѣ.

Чтобы вполне ясно понять, что такое University Extention, при иде всего нужно вспомнить, что англійскіе университеты вообще были учрежденіями исключительно аристократическаго и религіознаго характера и зависимы отъ государства. До 1860 г. они не имѣли никакого отношенія къ низшимъ классамъ и заботились только объ образованіи и обновленіи

высшихъ классовъ. По мѣрѣ того, какъ демократія понемногу усиливалась и развивалась, университеты начинали тревожиться существующей между ними и демократіей рознью.

Въ 1855 г. было сдѣлано воззваніе къ университетамъ Кембриджа и Оксфорда съ предложеніемъ подѣлиться своими знаніями съ народомъ. Приняться за это они могли слѣдующимъ образомъ: 1) принявъ на себя руководство средними школами и обязанность экзаменовать учащихся; 2) посылать лекторовъ и учителей въ большіе промышленные центры. Послѣ нѣкотораго колебанія университеты согласились наконецъ въ 1857 г. на первое требованіе благодаря стараніямъ М. Акланда, а второе было приведено въ исполненіе ровно черезъ 10 лѣтъ, въ 1867 г., по настоянію Джамса Стюарта; и вотъ эта дѣятельность университетовъ и называется «University Extention». Дѣла общества распространенія университетскихъ знаній шли быстро и успѣшно до 1880 г., благодаря именно практической постановкѣ дѣла съ самаго начала.

Изъ университетовъ Кембриджа (1873 г.), Оксфорда (1877 г.), Лондона (1877 г.) и, наконецъ, Викторія и Дургамъ были разосланы по всей Англии нѣчто вродѣ «миссіонеровъ просвѣщенія». Въ 1895 г. насчитывали до 500 такихъ народныхъ университетскихъ курсовъ и отъ 50 до 60 тысячъ слушателей. Но профессора и студенты скоро замѣтили, что преподаваніе Extention, предназначенное въ сущности для рабочихъ, не достигало своей цѣли потому, что большинство слушателей были изъ буржуазіи. Только тѣ приходили на курсы, которые сами занимались самообразованіемъ. Нужно было какъ-нибудь повернуть такъ дѣло, чтобы привлечь, заинтересовать всѣ милліоны жителей, заповоляющихъ собой пригороды и предмѣстья городовъ. Имъ мало было однихъ курсовъ и бесѣдъ, имъ нужна была пропганда. Эта мысль преслѣдовала и Денисона, и Морриса, и Грива, и Тойнби, и наконецъ въ 1880 г. эти молодые студенты рѣшили переселиться въ кварталы East-End'a, чтобы раздѣлить тамъ долю бѣдняковъ. Въ память благороднѣйшаго изъ нихъ, Арнольда Тойнби, былъ основанъ въ 1884 г. Тойнби—залъ, «Toynbee-Hall». Арнольдъ Тойнби умеръ 28 лѣтъ. Toynbee-Hall что-то вродѣ квартала ремесленниковъ, куда пересѣлились нѣсколько студентовъ и ученыхъ; живя въ средѣ рабочихъ, они не забрасывали ни своихъ занятій, ни образованія. Toynbee Hall была первой университетской колоніей, а по ея примѣру и въ другихъ большихъ городахъ одна за другой организовались такіа University settlements. Писатели Вальтеръ Безонтъ и Гумфри Уордъ написали по этому поводу прекрасные романы. Основаніе «Народнаго дворца» въ Лондонѣ 1889 г. было слѣдствіемъ брошюры *All sorts and conditions of men*. Въ самыхъ глухихъ кварталахъ East-End'a среди тумановъ, трактировъ и питейныхъ домовъ возвышается громадное зданіе, окруженное просторнымъ зимнимъ садомъ; въ этомъ зданіи вы найдете бібліотеку, школу ремеслъ, залу для чтеній, и для концертовъ. Въ 1888 г. Гогъ, одинъ изъ очень извѣстныхъ лондонскихъ негоціантовъ, основалъ цѣлое политехническое учрежденіе «Insti-

tation polytechnique» на Regent street'ъ, на которое онъ пожертвовалъ около 8 милліоновъ и которое служить теперь центромъ образованія для 20 тыс. бѣдной молодежи. Съ 1889 г., благодаря «Charity commission», въ этомъ дѣлѣ заинтересовано само правительство. Въ Лондонѣ были учреждены еще три новыхъ политехническихъ института на средства частныхъ лицъ и правительства. Въ 1890 г. Гошенъ, министръ финансовъ, по ходатайству депутата Акконда, отдалъ распоряженіе, чтобы «Совѣтъ графствъ» употребилъ деньги, получаемыя съ налоговъ на алкоголь, на расширеніе и развитіе политехническаго и профессиональнаго образованія. Тогда же были основаны «University Halls не только въ городахъ, но и въ деревняхъ.

Мечта Роберта Ольсмера реализировалась и всего удивительнѣе то, что дѣйствительность оказалась лучше, чѣмъ была мечта. Наконецъ, въ 1892 г. появились «Free Public Libraries». Это были прекрасныя большія бібліотеки, устроенныя на самыхъ людныхъ улицахъ, всегда ярко освѣщенныя, безъ всякихъ формальностей при входѣ или выходѣ: входя въ нихъ, вы видѣли передъ собой просторныя залы, массу обзорнѣй, газетъ, рабочіе кабинеты, вы могли читать и брать книги даже на домъ. Теперь въ Лондонѣ до 30 такихъ бібліотекъ и болѣе 250 во всей Англій; открыты онѣ съ 9 часовъ утра и до 9 вечера, тысячи читателей непрерывно смѣняютъ другъ друга. Тѣ, которыхъ интересуется историческое развитіе этого вопроса, должны были несомнѣнно убѣдиться, что между Франціей и Англійей гюваздо больше общаго, чѣмъ кажется. Въ обѣихъ странахъ теорія предшествовала практическому примѣненію дѣла, и частная инициатива опередила участіе государства. И тутъ и тамъ развитіе вопроса шло равномѣрно и употреблялись почти одинаковыя мѣры для достиженія поставленныхъ цѣлей.

II.

Методы и результаты.

1. *Первыя вечерніе классы, дополняющіе первоначальную школу.*

Составляя программу для вечернихъ школъ, обѣ націи имѣли въ виду сохранить и увеличить знанія, полученныя въ обыкновенной школѣ, помочь бывшимъ ученикамъ приложить эти знанія къ жизни. Въ Англій этого достигли двоякимъ образомъ: во-первыхъ, выбирая наиболѣе интересный предметъ, пользуясь при этомъ наиболѣе привлекательными приѣмами преподаванія (волшебнымъ фонаремъ, нагляднымъ обученіемъ, экскурсіями, устройствомъ концертовъ); во-вторыхъ, вводя курсы, не обязательныя для слушателей, по предметамъ, которые можно было бы изучить практически (такъ, наприм., употребленіе инструментовъ, рисунки для ручныхъ работъ, стенографія и бухгалтерія).

При этомъ было уничтожено ограниченіе по отношенію къ возрасту (21 г.). Благопріятный результатъ этихъ нововведеній выразился уже въ томъ, что

въ 1893 г. было около 1,997 платныхъ и неплатныхъ курсовъ, которые посѣщались 115,580 слушателями; между тѣмъ какъ въ 1894 году платныхъ было 3,742, а неплатныхъ—266,683. Плата за посѣщеніе курсовъ доходила въ среднемъ до 10 сантимовъ въ недѣлю со слушателя. Эту незначительную сумму отдавали тѣмъ ученикамъ, которые аккуратнѣе другихъ посѣщали курсы: такимъ образомъ удавалось устранить лѣнивыхъ и пріохотить сомнительныхъ. Курсы устраивались, въ общемъ, учителями народныхъ школъ. Средства на нихъ получались, во-первыхъ, отъ «Департамента народнаго просвѣщенія», потомъ отъ «School Boards» и «County Councils». Размѣръ этихъ субсидій былъ очень разнообразенъ, находясь въ зависимости отъ школы и мѣстности. Устройство «Evening Schools» было принято народными массами съ радостью и самыя послѣднія свѣдѣнія заставляютъ вѣрять, что эти учрежденія пустили глубокіе корни.

Курсы взрослыхъ, предназначенные для неграмотныхъ, совершенно исчезли во Франціи и вмѣсто нихъ функционируютъ въ настоящее время новыя, на которыхъ безграмотные обучаются отдѣльно отъ окончившихъ первоначальную школу и получающихъ здѣсь же какъ дополнительное, такъ и начатки профессиональнаго образованія. Этой цѣли стараются достигнуть преимущественно публичными чтеніями, болѣе всего посвященными географіи, естественной исторіи и сравнительно менѣе исторіи (по рассказамъ Тьера, Мишлэ, Огюстена Тьерри), литературѣ (Жюльенъ, Мольеръ, Ла - Фонтенъ, Гюго, Коппэ, А. Додэ, Эркманъ - Шатрианъ); перечисленные авторы были всегда любимцами публики. Но особенно удачно были поставлены курсы, имѣющіе практическое значеніе: въ деревняхъ землѣдѣіе, лекціи о расцѣнкѣ имѣній, право, почвовѣдѣніе, садоводство; въ городахъ: рисованіе, счетоводство, химія, промышленное электричество, рѣзба, тканье; въ морскихъ портахъ: плотничество, изученіе географической карты, рыболовство. Въ общемъ преимущественно придерживались системы нагляднаго преподаванія. Какъ и въ Англии, здѣсь курсы не обязательны, а возрастъ никогда не былъ ограниченъ. Въ 1894 году курсовъ было 9,000; въ 1895 же году число ихъ доходило до 17,000, а учениковъ было до 400,000, изъ которыхъ 270,000 посѣщали курсы очень аккуратно. Въ 1896 г. на 24,000 курсахъ было уже 700,000 учениковъ, изъ которыхъ 420,000 были постоянными посѣтителями. Почти повсюду обученіе было бесплатное. Плата, взимаемая на нѣкоторыхъ изъ курсовъ, была очень незначительна. Для поощренія раздавались наградныя книги, книжка въ сберегательную кассу и т. п. Эти курсы устраивались исключительно преподавателями. Слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи люди, отдававшіе себя этому дѣлу, занимались добровольнѣе и безкорыстнѣе, чѣмъ въ Англии, какъ мы видимъ уже изъ одного того, что 33,000 воспитателей и воспитательницъ предложили свое свободное время и свои знанія, покупали приборы для опытовъ, фотографическіе виды и употребляли деньги, полученные со сборовъ и пожертвован-

ний, на покупку книгъ и инструментовъ. Воспомоществованіе, назначенное государствомъ и общинами, было гораздо ничтожнѣе того, что давалось правительствомъ въ Англіи. Общая цифра поднимается до 1.900,000 франковъ, изъ которыхъ 1.650,000 были пожертвованы общинами, 37,000 генеральными совѣтами, 120,000—министерствомъ народнаго просвѣщенія. Эта послѣдняя цифра смѣшна въ сравненіи съ 140 милліонами, которые составляютъ бюджетъ первоначальнаго образованія. Несмотря на скудные средства, вечерніе курсы были вполнѣ удачными; почти повсюду народъ встрѣчалъ ихъ съ сочувствіемъ и можно безъ излишняго оптимизма предсказать имъ прочное существованіе.

2. *Общедоступное высшее образованіе.*

Это образованіе распространяется въ Англіи главнымъ образомъ благодаря «University Extension» и «Free Public Libraries». Цѣль «Extension University» ввести преподаваніе высшихъ наукъ, приспособленное ко взрослымъ слушателямъ изъ рабочихъ. Каждый годъ всѣ 5 англійскихъ университетовъ посылаютъ нѣсколько профессоровъ-миссіонеровъ по просьбѣ ремесленныхъ и земледѣльческихъ обществъ. Каждый изъ нихъ устраиваетъ цѣлый рядъ чтеній по одному какому-нибудь опредѣленному отдѣлу высшихъ наукъ (исторіи, литературы) или социальныхъ вопросовъ. Лекціи бывають разъ въ недѣлю или 2 раза въ мѣсяцъ. Передъ каждой лекціей или же послѣ нея устраивають объясненія и пренія. Напечатанныя руководства (syllabus) заключаютъ въ себѣ конспекты такихъ чтеній и темы для письменныхъ упражненій. Ни одинъ изъ слушателей не допускается къ выпускному экзамену, если онъ не посѣщалъ аккуратно курсовъ и не исполнилъ данныхъ преподавателями упражненій.

Кромѣ удостовѣреній, выдаваемыхъ въ концѣ каждаго года, народные университеты выдаютъ еще другіе высшіе дипломы для того, чтобы поощрять тѣхъ, которые систематично прослушали курсы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ августѣ и сентябрѣ, во время вакацій студентовъ, университеты организовали «Summer Meetings», т.-е. родъ лѣтнихъ классовъ, предназначенныхъ для самыхъ достойныхъ учениковъ «Extension». Эти классы устраиваються выдающимися профессорами и систематически связаны съ работами въ лабораторіяхъ и посѣщеніемъ музеевъ. Рудокопы сѣвера, ткачи Ланкашира, сотни учителей народныхъ школъ, — всѣ вмѣстѣ они составляютъ одну общую аудиторію въ центрѣ самыхъ древнихъ университетовъ. Съ 1888 г. «Summer Meetings» съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялись. Болѣе 400 англійскихъ городовъ имѣють мѣстные отдѣленія «Extension», обладающія почти полной автономіей. Каждый мѣсяцъ генеральные секретари университетовъ Оксфорда, Кембриджа, Лондона и Викторіи, съѣзжаются въ Лондонъ для рѣшенія общихъ административныхъ вопросовъ и тѣхъ, которые касались редакціи журнала *University Extension*, который является органомъ этого учрежденія. 150 лекторовъ составляютъ главное управленіе «Extension»: большинство изъ нихъ и

лучаютъ отъ 300—400 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (отъ 8—10 тысячъ франковъ). Всего около 500 курсовъ съ 50-ю и 60-ю тысячами постоянныхъ слушателей, изъ которыхъ приблизительно 10% подвергаются испытаніямъ при университетѣ. Расходы на лекціи покрываются слушателями, или муниципальными общинами, частью же университетами, а за послѣднее время и департаментомъ народнаго просвѣщенія. Расходы эти доходятъ до 30,000 фунтовъ (750,000 франковъ), т.-е. около 10 шиллинговъ на человѣка. Темы выбираемыя для курсовъ очень разнообразны: такъ, напримѣръ, въ Шефилдѣ, въ самомъ центрѣ мануфактурной промышленности, читаютъ «Вѣкъ Перикла»; «Исторію Флоренціи»—въ Ольдгамѣ передъ 600 ткачами и прядильщиками; «Греческую трагедію»—въ Ньюкастлѣ, въ центрѣ каменноугольныхъ копей и т. д., но во всѣхъ курсахъ придерживались принципа, что лучше выучить одну вещь хорошо и основательно, чѣмъ много и поверхностно.

Изъ всѣхъ этихъ подробностей мы видимъ, что «Extension» стремится сдѣлаться обширной интеллектуальной федераціей, которая имѣетъ своею цѣлью распространеніе среди народныхъ массъ общаго, необходимаго для жизни образованія и развитіе вкуса и уваженіе въ высшей культурѣ.

Нежелательною чертой этихъ лекцій является то обстоятельство, что слушателей больше изъ буржуазіи, чѣмъ изъ рабочаго класса, и это противорѣчитъ существенному стремленію «Extension».

На-ряду съ послѣднимъ *Free Public Libraries*, обеспечивая богатый матеріалъ читателямъ, преслѣдуютъ тѣ же цѣли общаго образованія. Достаточно 10-ти голосамъ плательщиковъ податей попросить въ муниципальномъ совѣтѣ объ устройствѣ библіотеки, чтобъ этотъ вопросъ былъ пущенъ на общее голосованіе остальныхъ, и въ случаѣ благопріятнаго результата библіотека открывается въ скоромъ времени. Въ Англии въ настоящее время такихъ библіотекъ насчитываютъ около 300, составляющихъ, по выраженію Т. Гринвуда, «университетъ для рабочихъ».

Въ Ливерпулѣ въ 1894—95 году взяли на прочтеніе до 543,000 книгъ (изъ которыхъ 429,000—романы); въ Бристолѣ—385,000; въ Лайчестрѣ—390,000 и т. д. Наконецъ, по извѣстнымъ днямъ въ библіотекахъ бываютъ бесѣды, засѣданія и народныя чтенія.

Во Франціи нѣтъ учрежденія подобнаго «Extension» и причина тому весьма понятна. Во-первыхъ, здѣсь среднее образованіе не нуждается въ контролѣ потому, что оно официально контролируется бакалаврскимъ дипломомъ и специальными школами. Кромѣ того, французскіе университеты не аристократическое, закрытое для народа учрежденіе; публичные курсы могутъ слушаться самими бѣдными. Наконецъ, такъ какъ во Франціи не 5, а 18 университетовъ, то умственная децентрализація не является такой крайней необходимостью. Если мы къ этому прибавимъ еще, что профессора, которыхъ приглашаетъ официально государство, не принимаютъ никакого участія въ какихъ бы то ни было частныхъ предпріятіяхъ, что университеты только недавно приняли обликъ юридически-гражданской и нравственной

личности, легко понять, почему «Extension» не могла возникнуть на французской почвѣ. Конечно, нѣтъ закона, который бы запрещалъ рудокопамъ Лиля, ткачамъ Лиона, чиновникамъ Бордо и рабочимъ Парижа слушать курсы итальянской литературы, греческой поэзіи и исторіи Франціи, которые читаютъ гг. Геберъ, Краузе, Лависъ и друг., но можно сдѣлать одно маленькое возраженіе: вѣдь лекціи — то читаются въ тѣ часы, когда ни одинъ чиновникъ и ни одинъ рабочий не бываетъ свободенъ, и демократическіе принципы тутъ рѣшительно ни къ чему, какъ почти всегда и бываетъ во Франціи безсмертныхъ великихъ принциповъ и въ то же время безсмертной рутинѣ. Чтобы хоть сколько-нибудь исправить этотъ существующій пробѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были сдѣланы серьезныя попытки — если не государствомъ, то, по крайней мѣрѣ, частными дѣятелями. Прежде всего не нужно упускать изъ виду, что Парижъ уже какъ бы положилъ начало вечернему народному университету, своими вечерними курсами высшаго образованія, которые существуютъ съ 1889 г.; тамъ читаютъ цѣлыя серіи лекцій по исторіи Парижа, по отечественной исторіи, биологіи, исторіи религіи и племенъ. Эти курсы слушаются среднимъ числомъ 200 чиновниковъ, ремесленниковъ и мелкой буржуазіи.

Вторымъ учрежденіемъ въ этомъ направленіи можно назвать «союзъ французской молодежи» и «союзъ республиканской молодежи»; оба союза съ большимъ успѣхомъ устраиваютъ каждую недѣлю въ одномъ изъ кварталовъ Парижа бесѣды по поводу какого-нибудь общаго вопроса по высшей культурѣ. Эти чтенія посѣщаются больше мелкой буржуазіей, чѣмъ народомъ, и недостатокъ ихъ въ томъ, что они черезчуръ разбросаны, не систематизированы и не имѣютъ логической связи между собой. Въ провинціи уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ существуетъ національное «общество публичныхъ чтеній» (*Société nationale des conférences populaires*), которое пополняетъ первоначальное образованіе. Это общество издаетъ научныя, литературныя или нравственныя бесѣды, изложенныя компетентнымъ писателемъ въ тысячахъ экземплярахъ. Въ рукахъ учителей такія бесѣды служатъ предметомъ комментарій передъ цѣлой аудиторіей сельчанъ и рабочихъ; за комментаріями слѣдуетъ еще объяснительное преніе.

Въ 1896 г. общество имѣло 9,000 учителей-лекторовъ, а количество составленныхъ бесѣдъ превышало 22,000.

Официальный отчетъ констатируетъ, что общая цифра чтеній, устроенныхъ во Франціи въ продолженіе послѣдняго года, дошла болѣе чѣмъ до 97 тысячъ, изъ которыхъ 47 тысячъ происходили съ волшебнымъ фонаремъ. Большинство лекторовъ были педагоги, хотя между ними встрѣчаются часто и медики, и студенты, и адвокаты, и профессора. Особенно нравились чтеніе о путешествіяхъ, открытіяхъ, біографіяхъ великихъ людей о современныхъ событіяхъ *) и, наоборотъ, бесѣды чисто-литературныя религіозно-нравственныя какъ-то меньше интересовали слушателей.

*) Очѣтныя бесѣды по поводу колѣній и противъ алкоголизма.

Въ Парижѣ, въ Нанси, въ Клермонъ-Феранъ, въ Каннѣ, Пуатье и Монпелье были сдѣланы попытки, до сихъ поръ, правда, неудачныя, устроить во Франціи что-нибудь похожее на «Extension».

Нѣсколько профессоровъ лицеевъ и университетовъ пытались было устроить въ залахъ, префектурахъ и супрефектурахъ цѣлый рядъ бесѣдъ и лекцій безъ заранѣе опредѣленной программы. Эти попытки пока еще очень рѣдки и слабы. Правительство не дѣлаетъ почти ничего или очень мало для высшаго народнаго образованія страны, развѣ только за исключеніемъ Парижа.

Лекторы и профессора не получаютъ никакого вознагражденія, а что самое главное—ихъ публика непостоянна. Что касается городскихъ библиотекъ, онѣ нисколько не напоминаютъ «Free Public Libraries», о которыхъ сказано выше. Съ очень небольшимъ количествомъ книгъ, плохо освѣщенныя, открытыя только въ тѣ часы, когда ни одинъ ремесленникъ не бываетъ свободенъ, онѣ поручены лицамъ, которые какъ будто считали своей обязанностью не привлекать, а устранять публику; такія библиотеки ничѣмъ не могутъ быть полезными ни рабочему, ни другому какому-нибудь служащему. Ихъ необходимо окончательно передѣлать. Нѣсколько частныхъ обществъ, потерявшихъ всякую надежду добиться такихъ измѣненій, попробовали какъ-нибудь помочь горю и устроили народныя передвижныя библиотеки, всё безъ исключенія бесплатныя. Нужно созваться, что это учрежденіе только что начинаетъ развиваться.

3. *Техническое профессиональное образованіе.*

Выше уже было сказано, что первоначальное техническо-профессиональное образованіе уже было дано на вечернихъ курсахъ. Но вопросъ, могли ли бы продолжать и усовершенствоваться въ немъ юноши и взрослые рабочаго класса? Въ Англии была устроена цѣлая серія такихъ заведеній, вродѣ института механики, учрежденнаго, какъ было сказано, еще въ 1820 г. д. Бирбекомъ. Въ нихъ читались лекціи по высшему техническому образованію. Въ 1894 г. по официальному докладу было извѣстно, что уровень техническаго образованія нѣсколько ниже въ Англии, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тогда мѣстныя общества усиленно стали хлопотать о возможности какъ-нибудь измѣнить положеніе дѣлъ, и вотъ въ Лондонѣ «City and Guilds of London Institute» организовало «Central Institution», нѣсколько похожее на нашу центральную школу, и затѣмъ «Finsbury Technical Collège», гдѣ до 200 учениковъ, окончившихъ въ «grammar school», обучаются какому-нибудь ремеслу вдвое скорѣе, чѣмъ они это сдѣлали бы въ мастерской. Въ Бирмингамѣ «Birmingham and Midland institute» представляетъ изъ себя настоящій профессиональный народный университетъ съ вечерними курсами; здѣсь обширное помѣщеніе, бюджетъ доходитъ до 200,000 франковъ, 6,000 учениковъ посѣщаютъ лекціи. Въ 1835 году Чемберленъ, тогдашній мэръ Бирмингама, и друзья его основали технически-художественную школу, которая обошлась въ 2 милліона и насчитываетъ въ своихъ

ствѣнахъ до 2 т. учениковъ: они день работаютъ, а вечеромъ слушаютъ курсы; прежде всего имъ дается серьезное общее образованіе по рисованію и анатоміи, и уже послѣ они специализируются и дѣлаются, смотря по желанію, граверами, рѣзчиками, золотыхъ дѣлъ мастерами и т. д. Въ Манчестрѣ имѣется мѣстная техническая школа съ дневными курсами для дѣтей отъ 13—17 лѣтъ и вечерними курсами для взрослыхъ. Въ этой школѣ 400 учен. Иосифъ Хуайтуордъ и его наслѣдники основали въ 1891 году «Whitworth Institute»; на это дѣло они пожертвовали пять милліоновъ франковъ. Въ Брайтфордѣ есть техническая школа, основанная въ 1882 году довольно известными фабрикантами суконъ; въ ней теперь 1,500 учениковъ. Въ Шеффилдѣ техническая школа металлургіи, основанная въ 1888 году, имѣетъ теперь болѣе 600 учениковъ на дневныхъ и вечернихъ курсахъ. Всѣ эти учрежденія были организованы по частной инициативѣ.

Имъ официально благоприятствовалъ «Technical Education Act», который былъ изданъ парламентомъ, благодаря Генриху Раскоэ и Артуру Аклонду, учредившимъ «National Association for the Promotion of Technical Education». Этотъ законъ ни къ чему новому не обязываетъ, онъ только разрѣшаетъ графскимъ совѣтамъ употреблять часть своихъ доходовъ на развитіе народнаго профессиональнаго образованія. Въ 1890 году М. Аклондъ и г. Гошенъ добились того, чтобы новый налогъ на алкоголь былъ назначенъ графскими совѣтами въ пользу этого образованія. Вотъ почему въ 1895 году лондонскій «County Council» имѣлъ возможность отдать два милліона съ половиной въ пользу техническаго образованія. Опять-таки замѣтимъ, что большинство этихъ учрежденій служатъ гораздо больше для мелкой буржуазіи, чѣмъ для народа, за очень малымъ исключеніемъ.

«Народный Дворецъ» и политехническіе институты стремились охватить всю народную массу; добивались, главнымъ образомъ, социальнаго воспитанія народа; у нихъ мы находимъ библіотеки и ремесленные школы, прекрасно устроенныя. Въ политехническихъ институтахъ, — какъ, наприм., въ «Regent Street», — мы встрѣчаемъ массу техническихъ профессиональныхъ курсовъ. На каждую отдѣльную вечернюю лекцію допускаются только тѣ рабочіе, къ ремеслу которыхъ относится читаемая лекція (гравированіе по мѣди, работы изъ гипса, отдѣлка мебели, экипажное дѣло, кройка платья). Около 10 тысячъ рабочихъ вносятъ за слушаніе лекцій плату среднимъ числомъ отъ 5—12 франковъ въ семестръ. Въ политехническихъ институтахъ въ Боругродѣ, Нью-Кроссѣ и Батерсеѣ, устроенныхъ по одному и тому же образцу, насчитываютъ во всѣхъ трехъ вмѣстѣ до 12 тысячъ посѣщающихъ вечерніе курсы. Уже многіе города Англій слѣдуютъ примѣру Лондона. При этомъ старались по возможности не устраивать ничего блестящаго, бросающагося въ глаза, занимали помѣщенія уже давно всѣмъ известныя (школы, церкви, читальни и т. д.). Цѣлый рядъ профессиональныхъ курсовъ, которые могутъ намъ послужить типомъ средняго образованія, были устроены въ Буисловѣ, Твиксгамѣ и Иследорсѣ и въ маленькихъ городахъ Мидлсекскаго графства. На этихъ курсахъ десятки

профессоровъ учить молодежь и взрослыхъ, во-первыхъ, работѣ по дереву, потомъ стенографіи, рисованію, шитью, мастерству переплетчиковъ. Средняя плата для желающихъ поступить на курсы колеблется между 1—6 франками, смотря по предмету, который желаютъ изучить.

Что Франція опередила Англию въ профессионально-техническомъ образованіи, это—старая, давно извѣстная истина, о которой нечего говорить. «Центральная школа искусствъ и мануфактуръ», консерваторія искусствъ и ремеслъ, три такія же школы въ Эксѣ, Шалони и Анжерѣ, многочисленныя «профессиональныя школы»—всѣ они уже старыя учрежденія, служившія примѣромъ для многихъ англійскихъ техническихъ школъ. Замѣтимъ только, что еслибы рабочіе прослушали курсы во всѣхъ трехъ школахъ, т.-е. въ «профессиональной школѣ», «искусствъ и ремеслъ» и «центральной», то толковый рабочій достигнетъ очень прочныхъ техническихъ знаній. Громадные успѣхи мы замѣчаемъ за послѣднее время и въ коммерческомъ образованіи, (въ высшей «школѣ торговли» и «школѣ высшихъ коммерческихъ наукъ»).

Но необходимо замѣтить, что во Франціи эта школа даже больше, чѣмъ въ Англии, служитъ для мелкой буржуазіи, а не для народа. Несмотря на казенныя стипендіи, на вспомошествованія и т. д., большинство сыновей рабочихъ не могутъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщать эти школы или вслѣдствіе недостатка средствъ, или оттого, что слишкомъ рано становятся поддержкой семьи. Тогда возникаетъ вопросъ: не есть ли демократическій принципъ невольный обманъ? Возникли ли во Франціи хоть одни народные курсы съ техническимъ преподаваніемъ, которые были бы полезны народу? Напримѣръ, вечерніе курсы послѣ занятій въ мастерской? Вспомнимъ, во-первыхъ, о «Conservatoire des Arts et Metiers», при которомъ устроены подъ руководствомъ лучшихъ инженеровъ и профессоровъ прекрасныя общедоступныя вечерніе классы, вполне техническія и профессиональныя. Эти курсы посѣщаются весьма усердно. Съ другой стороны, за послѣднія 10 лѣтъ извѣстныя частныя учрежденія стремятся приурочить свои вечерніе курсы къ профессиональному и техническому образованію. Такъ, мы видимъ, что въ «Société pour l'Instruction élémentaire» насчитывается до 20 различныхъ курсовъ шитья, кройки, вышиванья, гравированія, типографіи; «политехнический союзъ» дѣлится на 21 секцію при 12,400 ученикахъ, и предметы преподаванія въ немъ слѣдующіе: курсъ ремесленного рисованія, архитектуры, зодчества, работы по дереву, искусственныхъ цвѣтовъ, пряденія и т. д.; филотехнический союзъ имѣетъ 30 секцій, 520 курсовъ и болѣе 10,300 учениковъ, предметы преподаванія: проценты, проценты и векселя, страховка, электрическое освѣщеніе, бухгалтерія etc... «Союзъ французской молодежи» съ 420 курсами и 12,000 слушателями занимается стенографіей, механикой, промышленнымъ электричествомъ, шитьемъ и золотыхъ дѣлъ мастерствомъ. Всѣ курсы этого общества читаются бесплатно. Въ большой части промышленныхъ торговыхъ городовъ Франціи были учрежденія для высшаго технического профессиональнаго образованія, до-

ступниа народнымъ массамъ. Въ Бордо, въ «филопатическомъ обществѣ», слушаются 91 курсъ тремя тысячами молодыхъ людей, изучающихъ химию винодѣлїа, столярную рѣзбу, кузнечное дѣло, управление и завѣдываніе морскими машинами и т. д. Въ Лионѣ «общество профессиональнаго образованїа» читаетъ пяти тысячамъ учениковъ лекціи о ткацкомъ ремеслѣ, рѣзбѣ на камнѣ, техническомъ рисованїи. Въ Амьенѣ въ «обществѣ промышленности» читаются курсы тканья, крашенїа и тисненїа по бархату etc... Въ Рубе, Сентъ - Кентивѣ, въ Лиллѣ и другихъ городахъ существуютъ подобныя же «общества технического образованїа». Много содѣйствовали этому образовательному движенію также синдикальныя палаты. Изъ многихъ тысячъ курсовъ выдаются «Fédération des chauffeurs mecaniciens» въ Парижѣ; «L'union des Chambres syndicales des ouvriers passementiers et tisseurs» въ Сентъ-Этьеннѣ и др. Наконецъ, въ мелкихъ промышленныхъ центрахъ курсы, читаемые въ городской думѣ и при торговыхъ палатахъ, правда, пока еще немногочисленные, замѣняютъ профессиональныя школы для большинства молодыхъ рабочихъ, вынужденныхъ зарабатывать себѣ хлѣбъ тотчасъ же по выходѣ изъ первоначальной школы.

Нравственно-общественное образованіе.

Духъ англїйскаго протестантизма или, если хотите, духъ вообще христіанства былъ главнымъ двигателемъ великаго дѣла общественнаго образованїа. Христіанство, способствовавшее устройству образовательныхъ учреждений, не наложило на нихъ узкихъ религіозныхъ рамокъ и всѣ они были чисто-свѣтскїа. Прототипомъ всѣхъ «University settlements» есть Тойнби Галль. По опредѣленію его директора, это—«клубъ общественной солидарности въ одномъ изъ промышленныхъ кварталовъ». Главное условїе для поступленїа въ него состоитъ въ исполненїи гражданскихъ обязанностей; это—жилище среди бѣдняковъ, обитатели котораго люди образованные, желающіе и способные предложить свою дружбу бѣдняку» (С. Барнетъ). Въ этомъ семейномъ кружкѣ, созданномъ въ самомъ круговоротѣ промышленности, каждый вечеръ въ 7 часовъ собирается толпа слушателей и слушательницъ изъ народа, которые приходятъ туда: одни прослушать лекцію или какое-нибудь чтенїе, другіе бесѣду или получить книгу, третьи за справкой или за совѣтомъ. Ихъ набирается до 25,000. Это все молодые рабочіе и работницы, которые приходятъ закончить трудовой день въ средѣ оксфордскихъ и кэмбриджскихъ профессоровъ и студентовъ. Насчитываютъ около 9 подобныхъ settlements, разросшихся и преуспѣвающихъ въ предмѣстьяхъ Лондона. Въ Глазговѣ, Бристолѣ, Манчестерѣ и Эдбургѣ съ одинаковымъ успѣхомъ замѣчается распространенїе такихъ университетовъ.

Политехническое учрежденїе Regents Street'a служитъ прототипомъ «Народнаго дворца». Этотъ центръ научнаго, нравственнаго и общественнаго образованїа для 18 тысячъ бѣдняковъ былъ созданъ коммерсантомъ Quentin Hoggs. На устройство его пошло 8 милліоновъ, и ему Q. H. посвятилъ

всю свою жизнь; въ молодости даже онъ передѣвался мастеровымъ, чтобы вербовать себѣ учениковъ и заманивать въ свою вечернюю школу. Для поступления въ число членовъ «Poly», независимо отъ прошлаго, рожденія, національности, религій и партій, требуется только два условія: быть не моложе 16 и не старше 25 лѣтъ и вносить въ общую кассу по шиллингу въ мѣсяць. За эту плату членъ имѣетъ въ обширномъ и удобномъ помѣщеніи школу, клубъ гимнастическихъ упражненій, общество для политическихъ споровъ, оркестръ, орфенъ, духовые инструменты, библиотеку изъ 6,000 томовъ, читальни со всѣми газетами и обзорными, дешевый ресторанъ, общество взаимной помощи, юридическую консулгацию и т. п., не считая курсовъ профессиональнаго образованія, о которыхъ сказано выше. И всѣмъ этимъ членъ «Poly» можетъ пользоваться по своему желанію и вкусу за 15 франковъ въ годъ. Онъ не стѣсненъ: ему не навязываютъ ни своихъ мнѣній, ни правилъ. Это мѣсто свободы и общности, *Théâtre* народнаго образованія, выше которой ничего не можетъ быть.

По примѣру «Poly», было основано еще три политехническихъ института въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона—Нью-Гросса, Беттерзенъ и Бругъ-Годи. На ихъ устройство было положено 4 милліона частныхъ пожертвованій и столько же изъ государственной казны, и на эти средства они существуютъ до сихъ поръ. Слѣдуетъ назвать еще: 1) *Cleveland Hall*, любопытный опытъ устроить «народный салонъ»; 2) социальныя институты, нѣчто вродѣ демократическихъ клубовъ, доступныя мужчинамъ и женщинамъ, гдѣ за 30 сантимовъ въ недѣлю, въ теплыхъ, освѣщенныхъ и хорошо провѣтренныхъ залахъ, встрѣчаются знакомые и сосѣди, могутъ бесѣдовать, веселиться или, если хотять, читать, образовываться, слушать курсы; 3) союзъ лигъ Надежды, который поставилъ себѣ цѣлью бороться противъ народнаго пьянства; 4) домъ вечернихъ собраній для молодыхъ дѣвушекъ, съ удобнымъ помѣщеніемъ, гдѣ бѣдныя молодыя мастерицы учатся шить и кроить; имъ предлагается чай съ хлѣбомъ, онѣ слушаютъ музыку и чтеніе, сюда же онѣ могутъ обратиться съ просьбой о работѣ и проч.

Но пока объ этомъ довольно. Во Франціи нѣтъ ни одного учрежденія ни публичнаго, ни частнаго, которое хоть въ чемъ-нибудь напоминало бы *Тоупвее-hall* или политехническій институтъ. Главная причина этого заключается въ розни нашей страны за послѣдніе три вѣка. Католики и протестанты, ультрамонтанцы и франкмасоны, роялисты, бонапартисты и республиканцы,—я чуть было не забылъ о социалистахъ и антисемитахъ,—оспариваютъ другъ у друга первенство во Франціи и дѣлаютъ невозможнымъ никакое великое дѣло, исключая развѣ порывовъ патриотизма въ минуту вѣднѣйшей опасности. До тѣхъ поръ, пока во Франціи не установятся терпимость и солидарность, великое дѣло народнаго образованія будетъ идти не удовлетворительно. Пока у насъ оставались учрежденія съ цѣлью народнаго образованія подѣ духовнымъ попечительствомъ и были только попытки

устроить свѣтскія. Разсмотримъ ихъ. Участіе гг. де-Мена и Гармеля въ устройствѣ попечительствъ о католическихъ рабочихъ не безызвѣстно. Этими учрежденіями завѣдывали большею частью священники; Максъ Турмавъ говорить, что ихъ къ 1897 г. было около трехъ тысячъ; въ нихъ собираются юноши и совершеннолѣтніе въ обширныхъ помѣщеніяхъ, примыкающихъ къ какой-нибудь часовнѣ или общинѣ. Въ будничные дни собранія бываютъ вечеромъ, а по воскреснымъ среди дня. Въ этихъ попечительствахъ мы находимъ: гимназіи, рекреационный залъ, духовную бібліотеку, справочное рекомендательное бюро, и все это въ перемѣшку съ церковною службой. Типомъ такихъ католическихъ попечительствъ служитъ попечительство г. Гармеля; оно устроено недалеко отъ Реймса, при заводѣ Val-des-Bois, директоромъ котораго состоитъ г. Гармель. У него 1,200 рабочихъ и работницъ, надъ которыми онъ считаетъ себя не только хозяиномъ, но и отцомъ. Раздѣливъ ихъ на четыре группы, онъ устраиваетъ 4 общины: 1) основную общину, 2) корпоративное и экономическое учрежденіе, 3) общество наблюденія за нравственностью и 4) общество благотворительности. Всѣ секціи этихъ группъ посятъ чисто-религіозный характеръ. Солидарность ихъ заключается въ общемъ вѣроисповѣданіи; у каждой изъ нихъ есть свой собственный праздникъ въ году; члены ихъ собираются каждое воскресенье послѣ обѣда. Мужская община, доступная всѣмъ достигшимъ 18 лѣтъ, не что иное, какъ кружокъ католическихъ работниковъ; тремъстамъ членамъ отданы въ распоряженіе большая зала, шесть бильярдныхъ, бібліотека для чтенія, буфетъ и разнообразныя игры. Для ремесленниковъ и рабочихъ устраиваются чтенія, пренія и ежемѣсячно на общемъ собраніи они могутъ поднимать социальныя и экономическія вопросы. Юноши отъ 13—17 лѣтъ принимаются въ «Кружокъ младшихъ», учащіеся дѣти—въ общество св. Людовика Гонзаго. Женщины и молодыя дѣвушки раздѣлены на нѣсколько секцій и находятся подъ вѣдѣніемъ монахинь изъ Sacré-Coeur'a, которыя также занимаются преподаваніемъ. Для матерей семействъ устроенъ кружокъ дамами патронессами, для юношества—«общество молодежи», въ которомъ по воскреснымъ днямъ устраиваются празднества, состоящія изъ драматическихъ представленій, спорта и хорового пѣнія. Вся промышленная колонія Val-des-Bois управляется центральнымъ комитетомъ изъ членовъ семьи Гармеля, мѣстныхъ священниковъ и нѣсколькихъ управляющихъ мастерскими; этотъ комитетъ является главнымъ посредникомъ во всѣхъ столкновеніяхъ. Таково устройство католическаго попечительства: работники, живущіе подъ наблюденіемъ г. Гармеля или другихъ, должны подчиняться ему. Но кто изъ молодыхъ работниковъ и французскихъ служащихъ, еслибъ они были только свободны выбирать желаемый образъ жизни, согласился бы на такой контроль, на такой клерикальный надзоръ?

«Союзъ христіанской молодежи» является примѣромъ немногочисленныхъ протестантскихъ общинъ. Въ большомъ домѣ, заново отдѣланномъ, благодаря щедрости одного богатаго американца, вспомнившего о Франціи, и

улицѣ Тревизъ помѣщаются: гимназія, баня, дешевый ресторанъ, библіотека, аудиторія для слушателей, зала для чтенія, хоровое общество и общество спорта. Около 600 молодыхъ слушателей посѣщаютъ его. Благодаря чрезчуръ религіозному характеру, эти учрежденія пользуются гораздо меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ англійскіе политехническіе институты, съ которыхъ оно, очевидно, взяло примѣръ.

Не можетъ быть полнаго общественнаго образованія безъ свободы личности. Въ основѣ всякаго «религіознаго попечительства» при самомъ лучшемъ отношеніи другъ къ другу все-таки есть доля извѣстнаго деспотизма для однихъ, подчиненія и рабства для другихъ. Англія прекрасно это поняла. Она придала своему народному образованію исключительно свѣтскій характеръ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, по обнародованіи школьныхъ законовъ 1882 г., вокругъ первоначальныхъ школъ образуется цѣлый рядъ учрежденій, которыя могли бы сдѣлаться въ будущемъ образцами для французскихъ попечительствъ. Эти многочисленныя и усиленныя попытки представляютъ въ высшей степени интересный матеріалъ для посторонняго наблюдателя. Первое «свѣтское попечительство» для подмастерьевъ и служащихъ было основано въ третьемъ округѣ Парижа, въ ноябрѣ 1885 г., г. Лувелемъ, директоромъ общественной школы. Цѣлью этого попечительства было продолжать первоначальное воспитаніе и образованіе дѣтей, предохранять молодыхъ слушателей отъ послѣдствій полнаго одиночества и опасностей уличной жизни, приучить молодое поколѣніе уважать свои гражданскія обязанности и приносить пользу отечеству. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ оно открыто для молодыхъ людей не старше 17 лѣтъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія и профессіи. Они находятъ здѣсь вмѣстѣ съ увеселеніями различныя средства къ образованію: упражненія въ стрѣльбѣ, гимнастику и фехтованіе, вокальную и инструментальную музыку, библіотеку, пренія по вопросамъ о промышленности и т. д. Административный комитетъ заботится о мѣстахъ для молодыхъ людей въ мастерскихъ и у негоціантовъ, которые съ этимъ обращаются въ комитетъ.

Попечительство посѣщаютъ аккуратно около 160 молодыхъ подмастерьевъ или вообще служащихъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ книжку отъ сберегательной кассы. Такія попечительства послужили примѣромъ цѣлой массѣ другихъ подобныхъ же попечительствъ и съ 1885 г. къ августу 1887 г. было организовано около 648; они встрѣчаются чаще всего въ департаментахъ Сены, Сѣвера (ихъ больше всего въ Рубэ), въ Э., въ Жироудѣ, Марпѣ, въ Луарѣ и Нижней Сенѣ. Въ Парижѣ попечительства, вродѣ «Ассоціаціи учителей для физическаго воспитанія и покровительства молодежи», нѣчто совсѣмъ другое. Попечительство это учреждено въ 1880 г.; во главѣ его стоитъ директоръ общественной школы; учителя школы стараются урвать свободную минуту, чтобы посвятить ее своимъ бывшимъ ученикамъ; въ попечительствѣ до 15 секцій, 2,400 членовъ, изъ которыхъ 1,500 совсѣмъ молодые люди; они выбираютъ себѣ

хорошее помещеніе въ какой-нибудь изъ городскихъ школъ для того, чтобы читать тамъ лекціи, устраивать чтенія и спектакли; тамъ же устраиваются гимнастическія упражненія и цѣлыя лекціи по гимнастикѣ, даютъ уроки бокса, фехтованія, стрѣльбы, ѣзды на велосипедѣ, плаванья и т. д.; не меньше любятъ и игру, пѣніе и декламацію; изрѣдка устраиваютъ экскурсіи и прогулки въ окрестностяхъ Парижа. Ассоціація заботится помѣстить молодыхъ людей къ хорошимъ хозяевамъ. Въ нынѣшнемъ году она устраиваетъ народный кабинетъ для чтенія, напоминающій Free Public Libraries, о которомъ мы писали выше.

Если мы перенесемъ въ провинцію, то увидимъ уже третій типъ «школьнаго свѣтскаго попечительства», какъ, напримѣръ, въ Орлеанѣ «Кружокъ Карно», дружеское общество бывшихъ учениковъ начальной школы; кружокъ былъ основанъ въ 1894 году по иниціативѣ директора школы г. Дюпона. Начало было самое скромное, а теперь этотъ кружокъ процвѣтаетъ. Въ члены его могутъ записываться молодые люди до 21 года. Это общество такъ говоритъ о себѣ: «кружокъ нашъ состоитъ изъ молодыхъ людей, желающихъ пополнить свое образованіе и воспользоваться преимуществами дружескаго сообщества; они обѣщаютъ посѣщать всякое общее собраніе и помогать другъ другу по мѣрѣ силъ и возможности».

Собранія этого кружка бывають въ школьныхъ помѣщеніяхъ черезъ каждыя двѣ недѣли по воскресеньямъ, дума освѣщаетъ и оплачиваетъ эти помѣщенія на свой счетъ; въ среднемъ такихъ засѣданій бываетъ до сорока. Въ теченіе двухъ лѣтъ тамъ были организованы: читальни и библиотеки, профессиональные курсы и гимназіи; устраивались физическія упражненія, декламація; чтеніе, руководимое профессорами лицеевъ, докторами и адвокатами; доставлялись мѣста молодымъ людямъ у разныхъ негоднатовъ и т. д.

Этотъ типъ «дружественнаго союза» прежнихъ учениковъ первоначальной школы вошелъ въ большую моду за послѣдніе годы. Теперь мы можемъ насчитать до 1,550 такихъ обществъ; чаще они встрѣчаются на сѣверѣ около Сены, въ Côte d'Or, въ Жирондѣ, по низу Сены. Эти три типа свѣтскаго школьнаго попечительства, о которыхъ я только что писалъ, принимаютъ въ свою среду молодежь только до 21 года и стремятся не только къ социальному, но и національному воспитанію молодежи. Во Франціи 21 годъ — эпоха, и въ этомъ мы сразу видимъ разницу Франціи съ Англіей. Франція—воспая нація; Англія—промышленная и торговая, гдѣ военная служба является ремесломъ, а не обязательствомъ для всѣхъ. Въ одной есть, а въ другой нѣтъ арміи. Но служить ли армія для француской молодежи школой энергіи? Я не позволю себѣ рѣшать такія трудныя задачи.

Если французская демократія и пыталась что-нибудь сдѣлать для роднаго образованія кромѣ школьныхъ попечительствъ, то во всякомъ случаѣ очень мало въ сравненіи съ тѣми англійскими учрежденіями о которыхъ я уже упомянулъ раньше; мы могли бы еще указать на

типа французскихъ учреждений, проникнутыхъ духомъ общественной солидарности: 1) типъ городской и 2) сельскій. «Клубъ взаимной братской помощи и социальныхъ наукъ» былъ основанъ г-мъ Фалло въ Парижѣ въ 1883 г., директоромъ котораго теперь г-нъ Рауль Алье. Учредителями клуба были профессора, литераторы и студенты, которые добровольно смѣшались съ народной массой съ искреннимъ желаніемъ и надеждой помочь и облегчить людскія страданія и сродиться съ низшими классами и поѣлиться своими болѣе полными и глубокими знаніями. Въ субботу вечеромъ, черезъ каждыя двѣ недѣли, въ клубъ (74 rue des Tournaux), происходятъ собранія въ большомъ помѣщеніи, гдѣ около 100 слушателей; нѣсколько студентовъ устраиваютъ тамъ музыкально - литературные вечера, которые съ удовольствіемъ посѣщаются рабочими. Помѣщеніе клуба открыто всю недѣлю и бѣдняки могутъ проводить тамъ всѣ вечера, читать въ библіотекѣ или разсуждать о интересующемъ ихъ вопросѣ, играть въ шашки, домино. Студенты организовали кромѣ того «Secretariat populaire», т. - е. бесплатное агентство для медицинскихъ и юридическихъ справокъ. Въ залахъ Secretariat дежурятъ въ извѣстное время по очереди студенты. Тѣ же студенты и профессора устраиваютъ и болѣе многолюдныя собранія въ просторномъ помѣщеніи на rue Allemande, гдѣ могутъ собраться отъ 250 до 300 человекъ. Въ аудиторіяхъ собираются большею частію взрослые рабочіе, и социалисты, даже анархисты; они съ большимъ вниманіемъ слушаютъ: Мольера, В. Гюго и др. и тутъ же музыку и пѣніе *).

«Клубъ братской помощи и социальныхъ наукъ» въ декабрѣ 1895 г. соединился съ союзомъ народнаго образованія, организованнаго нѣсколькими молодыми профессорами и студентами университета и вмѣстѣ эти два учрежденія дають намъ хотя и очень скромное но довольно яркое подражаніе «University Extension».

Не забудемъ еще о народномъ клубѣ студентовъ и рабочихъ въ Везѣ, около Ліона, преслѣдуемъ ту же цѣль.

Самымъ законченнымъ типомъ общественнаго социальнаго образованія въ деревнѣ служить кантональное «общество поощренія» въ Лонжюмо. Оно было основано въ 1884 году г-мъ Л. Робеленомъ и началось передвижнымъ, даровымъ кабинетомъ для чтенія. Теперь у него до 1,500 единомышленниковъ, бюджетъ въ 12,000 франковъ и 26,000 томовъ въ библіотекѣ. Оно же устроило въ окрестностяхъ 10 библіотекъ и со времени ихъ основанія книгъ уже было прочтено 600,000. Оно же учредило и попечительство для подмастерьевъ обоаго пола, земледѣльческіе курсы, гимнастическіе; это общество привлекло къ себѣ участниковъ съ ближай-

*) Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извѣстный поэтъ Морисъ Бюшоръ, увлеченный примѣромъ, устроилъ съ помощью Филоматическаго союза, народнаго чтенія о лирической и драматической поэзіи въ бѣднѣйшей части Парижа. Передъ многочисленными семействами рабочихъ были прочтены Корнель, Расинъ, Ла-Фонтэнъ, Мольеръ, де-Вяньи Ришелъи, В. Гюго. Попытка М. Бюшора и его друзей увѣнчалась помятымъ успѣхомъ (700 — 1200 слушателей на каждомъ засѣданіи).

шихъ трехъ округовъ; здѣсь чувствуется такая естественная, жизненная и демократическая забота о сельчанахъ, которой могла бы при случаѣ позавидовать и Англія.

Такимъ образомъ за послѣднія 10 лѣтъ провинціальныя общества народнаго образованія сильно размножились *) на французской почвѣ, сгруппировавъ вокругъ себя другіе учрежденія: «Mutualité scolaire», «Sou des Bibliothèques», «Sou des Adolescents», и т. д.

Можемъ еще назвать среди многихъ другихъ общества народнаго образованія: въ Бургъ (Энь), въ Шатиллонъ на Сенъ (Объ), въ Шилонъ (Индра и Луара), въ Питивье (Луаретъ) и т. д. Такимъ образомъ намъ приходится теперь наблюдать за развитіемъ цѣлаго ряда учрежденій, естественно вытекающихъ изъ школы и пополняющихъ школьное образованіе въ средѣ мѣстной молодежи. Рано еще судить объ этихъ учрежденіяхъ, мы будемъ пока ожидать ихъ полного расцвѣта, цвѣтовъ и плодовъ. Будемъ отъ всей души поощрять это процвѣтаніе, какъ слѣдствіе народнаго самосознанія. Кто знаетъ, можетъ быть, наши городскія и сельскія попечительства составятъ одинъ великій союзъ, какъ французская лига просвѣщенія, можетъ быть черезъ 20 лѣтъ они добьются тѣхъ же результатовъ, какъ и Extension или политехническіе институты въ Англіи, которыми она такъ гордится.

III.

З а к л ю ч е н і е.

Мы разсматривали вопросъ народнаго школьнаго образованія со всѣхъ сторонъ и въ обѣихъ демократіяхъ, какъ въ англійской, такъ и во французской. Мнѣ кажется еще нѣсколько рискованнымъ выводить какія-либо заключенія, поэтому я ограничусь лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

1. Съ перваго взгляда кажется очевиднымъ, что половина дѣла уже сдѣлана и достигнута почти одинаковымъ путемъ въ обѣихъ странахъ. Съ одной стороны были устроены курсы для юношества съ цѣлью пополнить образованіе первоначальной школы, а съ другой—профессиональное техническое образованіе; несомнѣнно, что обѣ задачи еще не закончены, что многое еще остается додѣлать, улучшить, измѣнить, но нововведенія будутъ заключаться въ томъ, какъ бы улучшить методы, измѣнить нѣкоторыя детали, а самое главное уже сдѣлано. Къ сожалѣнію, я не могу того же сказать объ умственномъ образованіи вообще и о нравственно-соціальномъ. Англія опередила въ этомъ Францію на много. Extension даетъ рабочимъ классамъ возможность принять участіе въ высшей интеллектуальной жизни; университетскія колоніи и народный дворецъ развиваютъ въ народѣ вкусъ и способность къ правильной общественной жизни.

2. Народное образованіе во Франціи находилось въ частныхъ рукахъ

*) Въ 1896—1897 гг. тамъ насчитывали болѣе 200.

болѣе, чѣмъ даже въ Англии. Эта истина, благодаря своей очевидности, будетъ, можетъ быть, не совсѣмъ пріятна для тѣхъ англомановъ, которые утверждаютъ, что Франція была жертвой якобинскаго государства. Участіе французскаго правительства въ послѣ-школьномъ образованіи заключалось только въ ежегодно выдаваемой суммѣ: 20 тысячъ франковъ до 1895 г. и 130 тысячъ до 1897 г. Въ Англии же правительство выдало по Charity Commission 7 милліоновъ, не считая ежегодныхъ 10 милліоновъ, получаемыхъ съ налога на алкоголь, и другихъ пособій, выдаваемыхъ университетамъ. Но вопросъ о народномъ образованіи затрогивался гораздо чаще въ Англии частными лицами, чѣмъ во Франціи; народный духъ, проявившійся самымъ разнообразнымъ образомъ, требовалъ разрѣшенія этого вопроса, и разрѣшилъ его наконецъ общими совмѣстными усиліями.

3. Въ Англии насъ поражаетъ то, что народъ платитъ за свое образованіе; во Франціи же оно дается бесплатно, а между тѣмъ результаты кажутся въ Англии благопріятнѣе: ученики усидчивѣе, а учителя лучше. Во Франціи воспитатель ничего не получаетъ и народъ ничего не платитъ, а работа идетъ гораздо менѣе добросовѣстно, чѣмъ въ Англии, гдѣ учитель получаетъ жалованье, а работникъ оплачиваетъ лекціи.

4. Замѣчательно то, что въ Англии всѣ принимали участіе и помогали въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ низшіе классы, такъ и аристократія, и торговое сословіе, промышленники, профессора университетовъ, отдѣльные рабочіе и цѣлыя корпораціи рабочихъ; во Франціи этого совсѣмъ нѣтъ: нѣсколько воспитателей, нѣсколько публицистовъ и самъ народъ— вотъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ. Не могу сказать, чтобъ это говорило въ пользу нашихъ богатыхъ классовъ и избранной интеллигенціи. Самые бѣдные учителя и рабочіе безъ всякихъ средствъ и свободнаго времени взяли на свой рискъ за просвѣщеніе народныхъ массъ; это не пришло въ голову ни студентамъ, ни профессорамъ, ни докторамъ, ни адвокатамъ, да вообще никому изъ интеллигенціи. Мы видимъ учителя, зарабатывающаго какихъ-нибудь 1,200 фр. въ годъ, занятаго по 10 часовъ въ день, и опъ находитъ возможность устраивать на свои личные средства курсы для взрослыхъ или попечительства для молодежи; тутъ же молодой рабочій, проработавши какъ волъ 12 часовъ въ день, получающій какихъ-то 30—40 сантимовъ въ часъ, сокращаетъ часы своего сна или отдыха, чтобъ пополнить свое образованіе—вотъ люди, у которыхъ больше любви къ Франціи, чѣмъ у милліонера или студента, оканчивающаго свой день въ театрѣ, клубѣ или кафѣ.

Въ 1897 году было 33 тысячи воспитателей, посвятившихъ себя, почти бесплатно, чтенію вечернихъ курсовъ и занятіямъ въ попечительствахъ; они дѣйствовали одни, что говорить много въ пользу образованія въ нормальныхъ первоначальныхъ школахъ и очень мало въ пользу университетовъ.

Учителя первоначальныхъ школъ, несмотря на всю свою бѣдность могутъ все-таки кое какъ справиться съ курсами для взрослыхъ, такъ какъ

для такихъ курсовъ требовалось много времени, энергіи, но не денегъ; дѣло же общественныхъ попечительствъ требуетъ и массы денегъ, и значительныхъ связей, — они не могутъ быть организованы мелкими бѣдными учителями народныхъ школъ; вотъ почему во Франціи сравнительно мало большихъ общественныхъ учрежденій для простого народа.

Въ то же время народные учителя не могутъ передать народу высшаго образованія, лично не имѣя необходимыхъ для этого знаній, и оттого во Франціи нѣтъ высшаго народнаго образованія. Въ Англіи все это есть, и Extention, и университетскія колоніи и политехническіе институты. Профессора и студенты распространяютъ высшія знанія въ народѣ и развиваютъ его. Высшая интеллигенція, финансисты Англіи поняли свои обязанности въ личныхъ же интересахъ. Не знаю, способны ли наши обезпеченные классы, наши университеты къ такому единодушному усилію. Если бы они воспользовались превосходнымъ случаемъ позабыть свою классовую рознь, всю свою партійность, разрозненность, литературную полемичку, то вмѣстѣ со своимъ народомъ составили бы самый лучший благородный союзъ, т.-е. будущую Францію, передъ которой цѣлый рядъ вѣковъ для гуманной дѣятельности.

Прогулка по Сициліи.

I.

Тирренское море съ незапамятныхъ временъ пользуется незавидною славою указывать всѣхъ плавающихъ въ немъ. Ёдете ли вы изъ Ниццы въ Кальви, на Корсику, или изъ Ливорно въ Бастію, или изъ Неаполя въ Палермо либо Мессину — явленіе одинаково, хотя въ это же самое время Средиземное море по пути изъ Марсели въ Алжиръ отличается тишиною и поверхностью столь гладкою и блестящею, какъ сафиръ. Особенно тревожны воды, окружающія Липарскіе острова, гдѣ потому древніе и водворили на жительство бога вѣтровъ — Эола. Отсюда многовѣковыя жалобы путешественниковъ, переѣзжавшихъ съ материка Италіи на сосѣдніе острова: Сицилію, Сардинію, Корсику; отсюда ихъ радость по случаю не очень давняго соединенія желѣзною дорогою Неаполя съ Реджіо, на югѣ Калабріи, у пролива Мессинскаго. Кто курить очень крѣпкія сигары и соответственно тому не страдаетъ морскою болѣзнію, тому, конечно, жаль парходнаго пути изъ Неаполя къ Мессинѣ, который проходитъ вблизи вѣчнодѣятельнаго волкана Стромболи; но большинство путешественниковъ предпочитаетъ нынѣ ѣхать сухимъ путемъ, хоть оно и дороже *). Дикое величіе Калабрійскихъ горъ и туннели, какъ въ генуезской Ривьерѣ, отчасти вознаграждаютъ за потерю Стромболи; а видъ на море почти тотъ же изъ вагоновъ, бѣгущихъ вдоль берега, что и съ палубы корабля, иногда даже лучше. Мнѣ, видавшему Стромболи съ парохода дважды, ночью и днемъ, жалѣть его, разумѣется, было нечего.

Въ Реджіо надо остановиться, вздохнуть послѣ 473 километровъ вагоннаго заключенія и передъ переправою съ материка на островъ. Жаль, что эту остановку неудобно замѣнять другою, въ Сициліѣ, двадцатью минутами ранѣе: тамъ можно бы познакомиться съ знаменитымъ водоворотомъ, тогда какъ теперь придется дѣлать для него особую поѣздку по морю, изъ Мес-

*) Во II классѣ *сухопутно*, безъ продовольствія, 37 ф. 45 с., *моремъ*, съ продовольствіемъ — 27 ф. 60 с. На сушѣ буфеты довольно дороги и дневное продовольствіе обходится около 10 франковъ или, по-итальянски, лиръ.

сины. Ну, да и через Реджіо дорога нескучна; на востокъ—высшая изъ Калабрійскихъ горъ, Аспромонте, близъ которой итальянцы разбили и ранили своего благодѣтеля, Гарибальди; на западъ—Мессинскій проливъ, съ красивымъ городомъ Мессиною на берегу и съ рядомъ садовъ и дачъ на югъ и сѣверъ отъ него. Переправа черезъ проливъ, на пароходѣ, дѣлается въ одинъ часъ, стоитъ 3—4 франка, и если погода хороша, то доставляетъ удовольствіе, не то что переѣздъ изъ Петербурга въ Бронштадтъ осенью, то-есть теперь, когда надъ Мессиною свѣтитъ такое привѣтливое, теплое солнце.

Красивый городъ Мессина и «смотреть лицомъ въ море», должно быть, чтобы проѣзжіе (а ихъ много) могли любоваться. Длинная набережная обставлена довольно высокими домами, почти подъ одну крышу и чисто выѣбленными. Официально, это—«корсо Виктора Эммануила», въ частныхъ бесѣдахъ—просто «марина», т.-е. набережная моря. Высадитесь на ней и проникнете въ ближайшій поперечный переулокъ: черезъ двадцать шаговъ вы на главной улицѣ города, «корсо Гарибальди», куда дома уже смотреть лицомъ, а не тыломъ. Прямая, какъ струна, «довольно широкая, улица эта тянется на нѣсколько верстъ и продолжается даже за городомъ, въ видѣ дороги къ Фаро, т.-е. къ маяку, освѣщающему входъ въ Мессинскій проливъ съ сѣвера. Улица вымощена плитами и хорошо освѣщена не только днемъ (какъ тянущаяся по меридіану), но и ночью. Напрасно было бы ожидать на ней грязи, хотя бы послѣ дождя: она опрятна, какъ *gare Royale* въ Брюсселѣ или площадь вокругъ кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ въ Москвѣ. Да и не одна она: улицы Бавурова, Монастырская, Бокчета и др. содержатся чисто, вопреки обычаю многихъ присредиземныхъ городовъ, не исключая Генуи и даже Неаполя. Особую прелесть представляетъ продолженіе корсо Гарибальди за городомъ, улица Помпейская: сами мессинцы зовутъ ее раемъ. По трамваю можно пробѣгать ее въ часъ времени и наслаждаться при этомъ ароматомъ померанцевыхъ и другихъ деревьевъ, когда они бываютъ въ цвѣту. Осенью и даже зимою эта прогулка лучше всего другого убѣдитъ васъ, какой *мягкій* климатъ имѣетъ Мессина, *рызкою* холода не бываетъ совсѣмъ. Лѣтомъ тутъ бываетъ въ среднемъ + 27°С., зимой + 13°, т.-е. столько, сколько мы держимъ въ топленныхъ комнатахъ. Можно, стало быть, зимою ходить въ лѣтнемъ пальто, а лѣтомъ въ легкой шерстяной или шелковой курткѣ и совсѣмъ безъ пальто.

Туристъ, прибывшій въ городъ, разумѣется, прежде всего, ищетъ осмотрѣть его «замѣчательности»: музеи, дворцы, памятники, да притомъ такіе, которые бы бросились въ глаза. Въ Мессинѣ онъ, пожалуй, обманется въ ожиданіяхъ, потому что такихъ вещей тамъ почти нѣтъ. Самая «артистическая» вещь въ этомъ городѣ есть фонтанъ на соборной площади; но въ этомъ сооруженіи мы видимъ лишь три яруса или этажа нагихъ классическихкихъ фигуръ людей, а никакого общаго смысла. Работа, пожалуй, искусная но вычурная, такъ что, взглянувъ на нее, проходишь мимо и даже спрашиваешь себя: зачѣмъ потрачены деньги, вѣроятно, не малыя!

Развѣ, чтобъ обезсмертить имя ваятеля, Монторсоли, который былъ ученикомъ Микель-Анджело; но до учителя ему далеко.

Въ соборѣ, очень богатомъ, по внутренности, зданіи, я почти увѣренъ, наиболѣе замѣчательнымъ предметомъ для обыкновеннаго туриста покажется щель въ сводѣ, пропускающая солнечные лучи въ полдень. Но такъ какъ это будетъ истинный полдень, а не средній, то для провѣрки часовъ этотъ солнечный кадранъ не годится. Въ Парижѣ долгое время роль солнечныхъ часовъ исполняла пушка *), поставленная въ Палерояльскомъ саду: она стрѣляла въ истинный полдень. Теперь ее сняли, чтобы не портить часовъ у наивныхъ парижанъ, которые ихъ повѣрили «по пушкѣ». Въ Мессинѣ до такого упраздненія ложно идущаго механизма еще не дошли, хотя образованные члены муниципалитета и знаютъ, въ чемъ дѣло. Другою замѣчательностью собора служатъ многочисленныя мозаики: ихъ стоить смотрѣть, особенно Иисуса и Дѣву. На главномъ алтарѣ четыре янписи — лазуревыя колонки поддерживаютъ ящичекъ съ письмомъ... кого бы вы думали? Самой Богородицы, о чемъ есть письменное удостовѣреніе римскаго папы Бенедикта XIII. И къ кому обращено письмо? Да къ мессинцамъ же, которые, видите ли, слушали проповѣдь христіанства отъ апостола Павла! По азіатскому обычаю, письмо начинается словами: «Дѣва Марія, дочь Іакима, раба Господня, Христа Иисуса мать; изъ колѣна Іудина, изъ рода Давида, мессинцамъ всякія почитанія и Бога Отца благословеніе».

Отъ собора идя на сѣверъ, то ли по корсо Кавура, то ли по корсо Гарibaldi, черезъ полверсты приходишь къ королевскому дворцу и лежащему передъ нимъ сѣверу, по-здѣшнему виаллѣ. Это — любимое, — да, пожалуй, и единственное, — мѣсто для городскихъ прогулокъ мессинцевъ, гдѣ они слушаютъ музыку. Затѣмъ, замѣчательностей въ городѣ нѣтъ, потому что нельзя же считать замѣчательнымъ университетъ съ 45 профессорами и 325 студентами. Въ Женевѣ, которая имѣетъ всего 50,000 жителей, тогда какъ Мессина 150,000, и профессоровъ, и студентовъ гораздо болѣе. И едва ли Мессинскій университетъ скоро разросется: мѣста въ городѣ мало, а студентамъ удобнѣе ѣхать учиться въ Неаполь или Палермо, гдѣ ученый персоналъ и учебныя средства гораздо многочисленнѣе и, пожалуй, совершеннѣе. Съ Палермо, конечно, мессинцевъ раздѣляетъ давнишняя антипатія; но затѣмъ-то теперь и проведена между ними желѣзная дорога, чтобы стереть остатки антипатіи. Скорѣе можно бы сказать, что палермское общество, и въ томъ числѣ студенты — аристократы, щеголи, а мессинцы — демократы; но и эта рознь не вѣчна же и мало-по-малу пройдетъ. Университетъ въ Катаньѣ, несмотря на близость его къ Мессинскому, не представляетъ соперника сколько-нибудь опаснаго, хотя онъ нѣсколько больше Мессинскаго и лежитъ въ самой густо населенной части Сициліи и вблизи

*) Точнѣе, мортара, у которой къ югу отъ запада было утверждено зажигательное стекло, которое въ полдень воспламеняло зарядъ пороку, находившагося въ мортирѣ.

Этны. Я бы думалъ, что въ Мессинѣ лучше всего быть хорошей коммерческой академіи, или такъ называемому, камеральному факультету, а въ Катань—естество-историческому. Три восточныя провинці Сициліи имѣли бы тогда два высшихъ учебныхъ заведенія, соответственныхъ характеру и потребностямъ мѣстнаго населенія и природѣ страны; четыре же прочія считали бы своимъ умственнымъ центромъ Палермо, и число студентовъ въ обѣихъ половинахъ острова было бы пропорціонально числу ея населенія.

Отъ собора и университета на югъ и особенно на юго-востокъ начинаются новыя части города, которыхъ экономическій,—да, вѣроятно, и нравственный,—быть больше всего обусловленъ близостью желѣзно-дорожной станціи, таможи и порта. Тутъ-то особенно замѣтно возрастаніе населенія. Надо замѣтить, что еще не очень давно изъ Мессины не было ни одной желѣзной дороги, а теперь ихъ двѣ: одна—на Катанью-Сиракузы и внутрь острова, другая—на сѣверное его побережье и въ Палермо. Обѣ дороги имѣютъ одну станцію, но раздѣляются тотчасъ по выходѣ изъ города. Одна идетъ на югъ, другая на западъ, притомъ первая по морскому берегу, а вторая сначала черезъ горы, туннелемъ и даже многими туннелями, потому что сѣверный берегъ Сициліи очень утесистъ и береговыхъ долинъ почти не имѣетъ. А южная дорога идетъ по болѣе ровной мѣстности.

Мессинскій портъ есть своего рода европейская знаменитость, да не только географическая, современная, а и историческая. Онъ-то и привлекалъ издревле завоевателей въ Сицилію. Фигура его извѣстна: это глубокая котловина, обставленная съ запада берегомъ острова, на коемъ стоитъ городъ, а съ юга, востока и частию съ сѣвера Полуостровомъ, имѣющимъ видъ довольно широкаго серпа. Бурбоны, во время ихъ господства въ Сициліи, устроили цитадель, будто бы для защиты Мессины отъ враговъ съ моря, на самомъ дѣлѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, обстрѣливать этотъ городъ, что и было дѣлано въ 1848—49 годахъ. Портъ, какъ мѣсто стоянки, какъ убѣжище отъ бурь, очень хорошъ; но довольно ли онъ великъ для теперешнихъ громадныхъ кораблей—сомнѣваюсь. Большимъ военнымъ судамъ тамъ должно быть тѣсно и имъ лучше стоять въ проливѣ. Впрочемъ, кажется, теперешнее итальянское правительство и не думаетъ дѣлать изъ Мессины военной гавани; на это у него есть Спеція, пожалуй, Генуя, Венеція и Тарентъ, на Сициліи—Палермо. А съ Мессины будетъ довольно, если на защиту ея, въ случаѣ войны, придутъ два-три броненосца береговой обороны: имѣли бы только прочные бока и хорошую артиллерию. Въ мирное же время мессинцы обойдутся гражданскими пароходами, да и парусными судами, потому что возить имъ нечего, кромѣ лимоновъ, апельсиновъ, фигъ, масла, пожалуй, вина и винограда, липарской сѣры и какихъ европейскихъ товаровъ для мѣстнаго употребленія. Въ Мессинѣ даже не дѣлаютъ своихъ кораблей, довольствуясь купленными или нанятыми у иностранцевъ или въ самой Италиі. Самые большіе изъ пароходовъ, посѣщающихъ Мессину, суть пакетботы итальянскіе, изъ Генуи и

Неаполя, и французскіе, изъ Марсели; для нихъ въ городѣ существуютъ агентства.

Само собою разумѣется, что кромѣ пароходныхъ агентовъ есть въ городѣ и чисто-торговые, т.-е. приказчики европейскихъ купцовъ, торгующихъ фруктами, оливковымъ масломъ и т. п., да есть всегда немалое число и туристовъ. Одни изъ нихъ тутъ проѣздомъ на два-три дня, другіе на болѣе продолжительное время, ради климата и возможности быть въ близкихъ сношеніяхъ съ родиной, благодаря пароходству и желѣзной дорогѣ чрезъ южную Италію. Пачки газетъ и писемъ приходятъ ежедневно два и три раза; столько же разъ можно и отвѣчать съ увѣренностью, что отвѣтъ немедленно отправится въ путь. Иностранцевъ, пользующихся этими услугами почты, въ Мессинѣ всегда не мало, особенно англичанъ, австрійцевъ и нѣмцевъ. Есть, кажется, и два-три русскихъ изъ Одессы и балтійскихъ портовъ; они, несомнѣнно, дѣятельные люди, потому что мессинскіе апельсины, при открытіи навигаціи, весной, всегда бываютъ однимъ изъ самыхъ раннихъ товаровъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Петербургѣ. Говорятъ, что теперь появляется по временамъ на мессинскомъ рынкѣ одесская пшеница; но мнѣ не случилось удостовѣриться въ этомъ... Какъ это? Сицилія, историческая житница Рима, покупаетъ хлѣбъ у скивовъ! Чтѣ бы сказали современники Августа и Тиверія? Французы, къ удивленію, провели свои вина и въ мессинскіе столовыя и буфеты, хотя тутъ и своихъ винъ довольно. Дѣло, кажется, въ томъ, что французскіе винодѣлы умѣютъ готовить напитки, способные выдержать перевозку, но не слишкомъ крѣпкіе, деликатные; не то что англичане, которые въ Марсалѣ, въ Сициліи, выдѣлываютъ пресловутое вино этого имени для «адмиральскаго часа» на корабляхъ, т.-е. очень «забористое», для дамъ неприличное. У меня одинъ знакомый морякъ всегда называлъ марсалу «сногшибательной жидкостью», а какой-нибудь лафитъ назначалъ «для барышень». Представьте, что это «вино для барышень» мнѣ удалось пить и въ Мессинѣ! Только дорого, а что всего любопытнѣе, оно доставляется туда нѣбцами, оптовыми виноторговцами въ самомъ Бордо!... Всего обиднѣе для французовъ должно быть то, что ихъ собственныя пакетботы, отходящія изъ Бордо же и Марсели, снабжаютъ свои буфеты изъ погребовъ этихъ нѣмцевъ: фактъ несомнѣнный и замѣчательный!

Туристу въ Мессинѣ подобаетъ не все же жить въ пресловутой гостиницѣ Тринакрии и слоняться по городу, между горами и моремъ, т.-е. въ узкой полосѣ земли, растянутой отъ сѣвера къ югу, но не превосходящей 350 сажень отъ запада на востокъ: надо прогуляться и по горамъ. Открывающіеся оттуда виды очень хороши, хотя программа пейзажа вездѣ одна и та же: городъ, проливъ и Калабрія. Обыкновенно прогулка начинается на юго-западѣ отъ Мессины, гдѣ-нибудь у форта Гонзаго или каковаго иного, устроеннаго Бурбонами для внушенія страха городу и въ 1860 г. служившаго исходною точкою бомбардированія самихъ Бурбоновъ (точнѣе, ихъ приверженцевъ) въ цитадели, причѣмъ Мессина и получила

свободу. Переходя съ горы на гору, черезъ отроги хребта Палоро, изучаешь постепенно всю мѣстность à vol d'oiseau,—мѣстность очень разнообразную и привлекательную; но за то и устаешь порядкомъ, такъ что многіе слабонгіе предпочитаютъ ѣздить на мулахъ, съ проводниками, чѣмъ портится впечатлѣніе прогулки. Противу сѣвернаго конца города обыкновенно спускаются въ береговую долину и садятся на конку (паровую), чтобы ѣхать на Фаро. Сверхъ живописныхъ видовъ на Калабрію, за приливомъ, тутъ отсѣрывается рядъ небольшихъ озеръ по сѣю сторону прилива; потомъ вы прибываете на Фаро и, буде можно, поднимаетесь на башню маяка, чтобы полюбоваться двумя морями и гористымъ сѣверо-восточнымъ концомъ Сициліи. Иногда внизу пробѣжитъ пароходъ, дѣлающій тутъ крутой поворотъ направо или налево, смотря по цѣли плаванія. Противъ Сциллы, въ Харибдѣ пароходы иногда вертятся около вертикальной оси, вслѣдствіе *периодическаго* водоворота, измѣняющаго направленіе черезъ каждые шесть часовъ. Теперь его никто не боится, и капитаны судовъ изловчились плавать по немъ безъ всякихъ непріятныхъ случаевъ.

Въ Мессинѣ хорошій театръ, лучшій изъ сицилійскихъ; но теперь не сезонъ и представленій нѣтъ. Такъ какъ время далеко за-полдень, а въ 5 ч. 10 м. вечера идетъ поѣздъ въ Катанью, то ѣдѣте на желѣзнодорожную станцію. Ночь, вѣроятно, будетъ безоблачна: вечеръ, какъ видите, ясенъ, а потому увидимъ и освѣщеніе Калабрійскихъ горъ лучами заходящаго солнца, и зарево Этны, которая, по слухамъ, «нагрѣвается». Вотъ и въѣдемъ въ Катанью съ иллюминаціей, а пожалуй—еще съ громомъ или грохотомъ горы.

II.

Предвидѣніе оправдалось лишь отчасти. Видъ на Реджіо и Аспронте, освѣщенные розовыми лучами заходящаго солнца, былъ дѣйствительно очень хорошъ, особенно отъ контраста темносиняго моря съ нѣжно-розоватыми домами города; но въ Катаньи геологической иллюминаціи или грозы ни не наши. Даже простое уличное освѣщеніе оставляло желать многого, потому что со станціи, лежащей за городомъ, мы ѣхали въ гостиницу довольно долго, въ полутемномъ дилижансѣ. На утро можно было осмотрѣться въ Катанью и увидѣть, что это городъ побольше Мессины, но менѣе ея живописный. Главное—онъ «не смотрится въ море», хотя юго-восточною своею стороною и прилегаетъ къ нему; да и то, какъ прилегаетъ?—Желѣзная дорога отрѣзываетъ городскія постройки отъ порта, а послѣдній состоитъ изъ ряда меляныхъ бассейновъ, либо пустыхъ, либо наполненныхъ небо-льшими судами. Внутри городъ имѣетъ довольно запутанный планъ, и если двѣ главныя его улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, то остальные составляютъ довольно сложную сѣть. Первая изъ большихъ улицъ, Стезньоро-Этнея, идетъ почти по меридіану, въ направленіи къ Этнѣ, вѣ-

рая тянется по параллели и зовется корсо Витторе-Эммануэле. Разумѣется, рядомъ съ ней, почти въ одноѣмъ направленіи, есть віа Гарибальди, съ площадью Маццини по срединѣ; но, къ удивленію, во всемъ городѣ нѣтъ ни улицы, ни площади въ честь Бавура. Должно быть, катанцы не любили его. У нихъ, впрочемъ, есть своя, домашняя знаменитость, которую они и выставили, гдѣ могли: это—музыкантъ Беллини, авторъ «Пуританъ», «Нормы», «Сомнамбулы» и другихъ оперъ. Есть памятникъ Беллини, театръ Беллини, вилла (гулянье) Беллини. Патриотическіе и благодушные люди! Ихъ бы слѣдовало награждать, въ примѣръ другимъ; но вотъ подите: даже дома ихъ патронессы, ибкой Агаэи, землетрясенія не пожалѣли, и его, на-ряду съ другими, приходилось чинить.

Туристамъ, конечно, мало дѣла до Агаэи и до Беллини, даже до Маццини и Гарибальди: имъ давай Этну, благо она видна изъ города во всю ея высоту. Вотъ почему всѣ заранѣе знаютъ наизусть улицу Стезикоро, деревню Николози, домикъ (казу) Боско и другія станціи на пути къ вершинѣ горы. И теперь иные готовы броситься въ путь по избитой дорогѣ, благо она хорошо описана у Бедекера. Но, позвольте, современность, прогрессъ тутъ ставить препятствія, точнѣе—возбуждаютъ сомнѣніе: стѣить ли дѣлать восхожденіе на гору? Поставленная *одиноко* надъ надутостью почвы, имѣющей до 35 верстъ въ поперечникѣ, и возвышающаяся надъ соседнимъ моремъ на 12,000 футовъ, она видна со всѣхъ сторонъ простыми глазами, а въ бинокль и съ большими подробностями; стѣить ли дѣлать расходъ силы въ 60,000 пудо-футовъ, чтобы постоять у кратера и, пожалуй еще, ничего не увидѣть, если этотъ кратеръ наполнится дымомъ? Вѣдь предсказать съ *уверенностью*, что этого не будетъ, вы не можете; такъ подумайте: не лучше ли вертикальный подъемъ замѣнить горизонтальною прогулкою вокругъ горы, по желѣзной дорогѣ, недавно устроенной въ видѣ кольца въ 109 километровъ (100 верстъ) длиною? При предпочтеніи вертикальности ступайте на Николози и дажѣ (по возможности втроемъ), заберите съ собой теплыя одѣяла, провязію на два дня, посуду и уголь, чтобы на кухнѣ обсерваторіи, на верху горы, утолить голодь. Въ обсерваторіи вы, вѣроятно, будете единственными обитателями, потому что ни директоръ, ни даже сторожа не живутъ тамъ постоянно, а наѣзжаютъ лишь періодически, для взятія записей съ самопишущихъ снарядовъ и установки ихъ на новый срокъ. Кухня и двѣ спальни для заѣзжихъ (остальныя комнаты заперты) позволяютъ вамъ согрѣться и отдохнуть не на морозѣ, подъ открытымъ небомъ; но вы даже и при этомъ не можете быть увѣренными, что увидите съ вершины Этны, завтрашнимъ утромъ, восходящее солнце, то-есть то, зачѣмъ восхожденіе дѣлается съ трудомъ и лишениями. А если пойдетъ снѣгъ или гора станетъ извергать горячую золу или даже просто подуетъ вѣтеръ-ураганъ (что нерѣдко на Этнѣ) такъ что вы станете дѣлать?

Эти скептическія соображенія, очевидно, приходятъ въ голову не мнѣ одному, 66-лѣтнему старику, но и многимъ другимъ, болѣе свѣжимъ лю-

дямъ. По крайней мѣрѣ, на желѣзной дорогѣ Катанья-Бранте-Джара-Катанья, мнѣ встрѣтилось много спутниковъ и изъ нихъ лишь немногіе заявляли желаніе пробираться потомъ наверхъ. Не спорю, что геологъ-ученикъ, желающій во-очію ознакомиться съ вершиной волкана и совершающимся тамъ явленіями, хорошо сдѣлаетъ, пробравшись до кратера; но и то лучше сдѣлать на Везувіи, т.-е. на горѣ втрое низшей, чѣмъ Этна. А тамъ самыя поучительныя наблюденія будутъ дѣлаться лишь по склонамъ волкана. Многія огнедышашія горы въ Европѣ, Америкѣ, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Японіи имѣютъ хорошія карты, и на нихъ вы можете отмѣчать потоки лавы, направленіе воздушныхъ изверженій (золы) и т. н., глядя не съ вершины горы, а сбоку. Если же, сверхъ того, ваша станція подвижная, какъ на катанской желѣзной дорогѣ, то вы единолично можете собрать больше данныхъ, чѣмъ многіе наблюдатели неподвижные, хотя бы они стояли на вершинѣ горы, гдѣ кругомъ нихъ адъ. Стоить прибавить, что для Везувія вопросъ о мѣстѣ наивыгоднѣйшихъ наблюденій рѣшенъ устройствомъ желѣзной дороги къ вершинѣ; на Этнѣ это было бы еще лучше, а пожалуй и легче, потому что общій скатъ горы, отъ вершины до подошвы не круче 17 градусовъ. Тамъ, гдѣ паденіе верхнихъ слоевъ почвы значительнѣе, можно дорогу повести извилинами. Вотъ только землетрясенія легко могутъ испортить подобную дорогу: тутъ вѣдь не спокойная почва Швейцаріи и не Риги или Пилать, а Этна.

Двѣ катанскія обсерваторіи, въ городѣ и на Этнѣ, самымъ своимъ существованіемъ представляютъ явленіе рѣдкое въ ученое мѣръ и очень полезное, потому что даютъ возможность дѣлать, наприм., метеорологическія наблюденія въ двухъ точкахъ, близкихъ горизонтально и сравнительно далекихъ вертикально, совершенно въ одни и тѣ же часы. Въ текущемъ году, для удобства сношеній между наблюдателями наверху и внизу, ихъ станціи соединяются телефономъ. Не мало дѣльныхъ предостереженій можетъ посылать верхній наблюдатель нижнему и обратно. Директоромъ обихъ учрежденій состоитъ г. Рикко, но у него есть нѣсколько помощниковъ, и въ нагорной обсерваторіи, сверхъ метеорологическихъ и сейсмическихъ инструментовъ установленъ рефракторъ въ пять съ половиною метровъ длины, что даетъ возможность работать надъ фотографическою картою неба, предпринятой астрономами. Ясность, прозрачность воздуха на Этнѣ не оставляетъ ничего желать, разумѣется, когда нѣтъ облаковъ и вулканическихъ изверженій. Стараніями наблюдателей на верхней обсерваторіи найдено, что тамъ на высотѣ 2,942 метровъ и подъ 37°44,3' широты, температура воздуха бываетъ: зимою—6,6°, весною—1,5°, лѣтомъ—7,3°, осенью—2,7° а за годъ—0,4°, что напоминаетъ климатъ Барнаула (53°20' ш.), но съ гораздо меньшими рѣзкостями въ переменахъ температуры. Снѣгу на этической обсерваторіи выпадаетъ столько, что иногда слой его бываетъ отъ 2 до 5 метровъ толщиною, чего въ сухомъ климатѣ Барнаула наблюдать невозможно, хотя и на Этнѣ число дождливо-снѣжныхъ дней въ году не превосходитъ 77. Любопытно, что удары электрической грозы

столь рѣдки на Этнѣ, что съ самаго основанія обсерваторіи (въ 1892 г.) не было ни одного случая, несмотря на то, что обсерваторія не имѣетъ громоствода.

Южныя части полуденнаго ската Этны, вмѣстѣ съ сосѣдними Катаньѣ равнинами по Симето и ея притокамъ, суть богатѣйшія по растительности части Сициліи, а можетъ быть и цѣлой Европы, не исключая Андалузій. Это страна апельсиновъ, гранатовъ, миндаля и множество другихъ плодовъ, общихъ у Европы съ передней Азіей и сѣвѣрною Африкой. Нерѣдки и пальмы. Та пшеница, которая въ древности доставила Сициліи славу житницы Рима, даетъ здѣсь такіе же урожаи, какъ въ нижнемъ Египтѣ, лежащемъ на 500 верстѣ южнѣе. Еслибы не *что-то* мѣшающее, обитатели этой земли должны бы благоденствовать, какъ никто изъ европейскихъ, особенно въ виду легкости сбыта природныхъ богатствъ по Средиземному морю. Но на дѣлѣ мы видимъ не совсѣмъ то. Масса народа бѣдна. Почему? Да потому, что земледѣлецъ нагло эксплуатируется землевладельцемъ передъ посѣвомъ, торговцемъ—послѣ жатвы. Капитала для борьбы съ этими врагами у него нѣтъ и не будетъ, пока не кончатся теперешніе аграрные порядки. М. Ковалевскій, съ присущею ему въ этихъ вопросахъ компетентностью, разобралъ этотъ вопросъ именно по отношенію къ сицилійцамъ. Бѣдности прикатанскаго деревенскаго населенія соотвѣтствуютъ зажиточность горожанъ. Паны часто чиняютъ и воздвигаютъ вновь пышные дома въ Катаньѣ и другихъ большихъ городахъ; а хлопья съ трудомъ питаются и приобрѣтаютъ одежду и другую движимость. О поземельной собственности имъ не позволяютъ мечтать; и исключенія очень рѣдки. Торговцы всегда въ барышахъ.

Оставимъ однако Катанью, Этну, ихъ обсерваторію и даже университетъ, да посмотримъ на одинъ сосѣдній городъ, нѣкогда бывшій поважнѣе и побогаче Катаньи, а теперь забытый, заброшенный и едва ли возстановимый, хотя приблизительно въ прежнемъ блескѣ. Разумѣю Сиракузы, до которыхъ отъ Катаньи 87 километровъ и три часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. На первомъ же переѣздѣ, до Лентинъ, вы пересѣкаете долины Симето и Горналунги, знаменитыя своимъ плодородіемъ, но гдѣ же жители? Они приходятъ туда лишь на время посѣвовъ и жатвъ, потому что жить тамъ опасно, благодаря болотнымъ лихорадкамъ. Отъ изобилія воды, зимою, образовалось даже озеро Лентинны, не существовавшее въ древности, когда устья Симето, вѣроятно, лежали западнѣе нынѣшняго ихъ мѣста, и вода уходила въ море. Лѣтомъ тутъ болѣзни, для иныхъ даже смерть, несмотря на хину, какъ у насъ на западномъ Кавказѣ, у Чернаго моря. Отъ Лентинны до Августы, портоваго городка, дорога вьется по уваламъ, прилегающимъ къ морю и довольно высокимъ, чтобы наводненій тутъ не было. Августа, должно быть, въ свое время имѣла торговую или политическую важность, потому что изъ-за нея бывало не мало войнъ, между прочимъ—пресловутая война Аѣинъ съ Сиракузами, въ близкое сосѣдство которыхъ (25—30 в.) мы тутъ вступаемъ. Дорога вьется

по берегу моря и на послѣднихъ шести верстахъ по краю того плоскогорья, на которомъ стояли древнія Сиракузы. Железно-дорожная станція теперешнихъ Сиракузъ стоитъ тоже въ предѣлахъ античнаго города; но для него эта мѣстность была внутреннею, а теперь она загородная. Впрочемъ, сиракузцы могутъ утѣшаться тѣмъ, что теперешнее ихъ мѣстопребываніе есть тотъ же островокъ Ортигія, на которомъ въ 734 г. до Р. Хр. ихъ греческіе предки основали городъ. Злые языки говорятъ только, что эта бывшая колыбель нынѣ служитъ могилою, что пожалуй и правда, потому что теперь въ Сиракузахъ есть 22,000 жителей, а въ цвѣтущія времена, напримѣръ, при Тимолеонѣ, ихъ было болѣе полумилліона.

Естати! Помните ли вы, читатель, Тимолеона?—Я почти увѣренъ, что забыли, если только знали когда-нибудь, несмотря на ваше *классическое* образованіе. Изъ сиракузцевъ у насъ принято знать тирана Діонисія, математика Архимеда, пожалуй еще Герона или Гелона (два разныхъ лица); ну, а Тимолеонъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ это былъ великій правитель. Подъ старость онъ ослѣпъ и долженъ былъ возвратиться на свою родину, въ Коринѣ. Узнавъ о кончинѣ его, сиракузяне явили рѣдкій примѣръ общественной благодарности къ бывшему ихъ государственному человѣку: они не только отпустили двѣсти минъ (2,500 р.) на его похороны (въ Сиракузахъ), но постановили, чтобы въ день его кончины ежегодно справлялись игры, музыкальныя и гимнастическія, конскія скачки и т. п., наконецъ, соорудили ему памятникъ на мѣстѣ разрушеннаго дворца прежнихъ влстителей-тиранновъ, вродѣ извѣстнаго Діонисія. Гдѣ онъ теперь этотъ памятникъ?—неизвѣстно; но оно, пожалуй, и къ лучшему, а то могли бы показывать заѣзжимъ какую-нибудь штуку сомнительной достовѣрности, вродѣ пресловутой могилы Архимеда. Многие вѣдь ходятъ смотрѣть эту послѣднюю, забывая, что уже Цицеронъ, черезъ 139 лѣтъ послѣ смерти Архимеда, съ трудомъ находилъ ее и упрекалъ сиракузянъ за эту заброшенность, за забвеніе памяти великаго человѣка и ихъ защитника.

Сиракузы, какъ извѣстно, въ наши дни есть вполне археологическій городъ, масса развалинъ, на которыхъ болшею частью распахиваются поля; но все же кое-что осталось и въ сохранности. Въ современной жилой части города вамъ, во-первыхъ, показываютъ храмъ Минервы, который обратился въ католическій соборъ, потомъ фонтанъ Аретузы. Съ Минервой католики распорядились *самъ façon*: забрали стѣнами промежутки между колоннами древняго храма и на западномъ концѣ его предѣлаи фасадъ въ стилѣ роково! Почти то же, что женевицы сотворили съ готическою церковью Петра, въ которой приставили фасадъ изъ коринтскихъ колоннъ. Фонтанъ Аретузы счастливѣе: онъ сохранился въ первоначальномъ видѣ, только вода въ немъ не прѣсная, а соленая, что впрочемъ приписывается землетрясенію. Какъ могъ прѣсный ключъ бить въ городѣ, построенномъ на островѣ, среди моря, объ этомъ обыкновенно умалчиваютъ; и преданіе утверждаетъ, что это было такъ: иначе де зачѣмъ бы и строити фонтанъ?... Предлагаю подумать надъ вопросомъ.

Это внутри города, где, разумеется, есть улица Виктора-Эммануэла, улица Гарибальди, площадь Мадзини, а вне его, вне острова Ортигия, что можно и стоять видеть? Ну, конечно, *латомии*. Что это за латомии? А бывшія каменоломни, глубокія ямы съ вертикальными стѣнами и съ разросшимися иногда среди нихъ садами и рощами. Мѣстами изъ нихъ входъ въ катакомбы, т.-е. въ подземныя кладбища. Ни въ одномъ европейскомъ городѣ такихъ ямъ нѣтъ и, кажется, не бывало. Латомии иногда такъ обширны, что въ одной изъ нихъ сиракузяне держали 7,000 плѣнныхъ военнявъ, которымъ уйти изъ ямы съ отвѣсными стѣнами въ десять сажень было нельзя. За латоміями, или еще прежде ихъ, вниманіе туриста въ старомъ городѣ привлекаетъ амфитеатръ, порядочно сохранившійся: онъ имѣлъ 27,000 мѣстъ. Затѣмъ стоитъ вниманія Евриель, старое укрѣпленіе въ сѣверо-западномъ углу древнихъ Сиракузъ, приспособленное къ производству вылазокъ не только пѣхоты, но и конницы. Я впрочемъ отказываюсь отъ изученія историческихъ Сиракузъ и даже музея ихъ древностей, помѣщенного въ новомъ городѣ, этой колыбели-могилѣ знаменитаго города. Идите сами и запаситесь временемъ, котораго у меня нѣтъ.

III.

Юговосточная Сицилія, между Сиракузами и Джирдженти, не создана для прогулокъ, по крайней мѣрѣ, сѣверянь: слишкомъ жарко и по временамъ дуетъ сирокко, къ которому даже туземцы не приспособились. Тутъ однако есть нѣсколько городковъ, какъ Модика, Рагуза, Палаццо, Терранова и проч. съ 20—25 тыс. жителей и со множествомъ хуторовъ, разбѣянныхъ въ промежуткахъ. Города связаны между собою желѣзною дорогой; но по ней ходятъ только поѣзды пассажиро-товарные, а скорыхъ нѣтъ. Для прибрежныхъ городковъ есть пароходная линія по морю; но тутъ движеніе еще медленнѣе. Видно, что это глухая часть острова,—надо вернуться въ Катанью и изъ нея уже ѣхать въ Джирдженти. «Нѣтъ, зачѣмъ же въ Катанью? — говоритъ мнѣ мой спутникъ, итальянецъ, котораго я зналъ еще въ Парижѣ и подъ руководствомъ котораго совершалъ набѣгъ въ Сиракузы:—доѣдете до станціи Бивокки, гдѣ раздвоеніе дорогъ; тамъ я васъ отпущу. Вы поѣдете налѣво, внутрь страны, а я направо, въ городъ. Изъ Бивокки слѣдуете безостановочно до Кастанисеты, а оттуда ужъ и рукой подать до Джирдженти или до Палермо, какъ вздумаете... Только въ Джирдженти теперь очень жарко». Я поблагодарилъ за совѣтъ и послѣдовалъ ему. А по дорогѣ до Бивокки мой спутникъ еще пояснилъ мнѣ, почему онъ рекомендовалъ мнѣ Кастанисету, а не какой другой пунктъ, наприм. Кастро-Джiovани, съ его горами и послѣднимъ видомъ на Этну: Кастанисета, молъ, есть центръ провинціи того же имени, самой внутренней изъ семи, составляющихъ Сицилію. Она же, по населенію, самая суевѣрная и невѣжественная. «Я вамъ совѣтую провести тамъ день-другой. Сходите къ обѣднѣ, благо тамошній соборъ устроенъ въ честь вашего патрона, архангела

Михаила, а потомъ, вечеромъ, около того же собора, на площади, будете слушать музыку и наблюдать собравшійся народъ». Сказано—сдѣлано. Отъ Бикоки я повернулъ на западъ, сначала по равнинѣ, потомъ по горамъ. Этна, въ самомъ дѣлѣ, исчезла изъ глазъ около Кастро-Джіовани, и въ Кастанисетѣ соборъ дѣйствительно во имя архангела Михаила, и на площади играетъ музыка. Тамъ мнѣ показали *джетаторе*, т.-е. колдуна, пожилого мужчину съ рѣзко-проницательными глазами, какихъ, говорятъ, встрѣчается не мало среди окрестныхъ горцевъ. Публика, особенно молодежь, ихъ боится, хотя никто мнѣ не могъ объяснить, почему. Кажется, считаютъ ихъ способными вредить тайно, дѣлать наговоры для наущенія болѣзни или потери имущества. Спросите разъясненій гдѣ-нибудь въ Ко-стромской или Тамбовской губерніи: мнѣ въ Кастанисетѣ не удалось узнать. По крайней мѣрѣ, на вопросъ мой одному образованному туземцу, хорошо говорившему по-французски: «какъ можетъ быть, что въ такой набожной странѣ, какъ средняя Сицилія, патеры не позаботились объ искорененіи ученія о колдунахъ?»—я получилъ въ отвѣтъ: «Да они-то, то-есть патеры, и заботятся больше всего о поддержаніи въ народѣ суевѣрія. Дружбы съ *джетаторе* они не водятъ, но чтобы преслѣдовать ихъ хотя бы проповѣдями въ церкви,—этого вы отъ нихъ не дождетесь». Вотъ вамъ и черта изъ средне-сицилійскихъ нравовъ, дающая притомъ хорошую мѣрку развитія націи. Говорятъ, въ Мессинѣ и Катанѣ этого встрѣтить нельзя: тамъ-де университеты, и духовенство образовано, а въ Кастанисетѣ и окрестностяхъ вѣра въ колдуновъ очень обычна.

Пробыть въ Кастанисетѣ двое сутокъ я не рѣшился: скучно! Но куда ѣхать? Въ Джирдженти или въ Палермо?—До перваго ближе и край менѣе извѣстенъ, но, по полученнымъ извѣстіямъ, тамъ ждутъ спрочно; стало быть, благоразумнѣе будетъ переѣхать на сѣверный берегъ острова. Итакъ, отдаю столицѣ центральной сицилійской провинціи двѣ ночи и только одинъ день. За ночи даже благодарю, потому что въ теченіе ихъ, на высотѣ 2,000 футовъ, не было такъ жарко, какъ въ Сиракузахъ и Катанѣ. Но во второе утро я все же на пути въ Катарину, Роккапалумбу и Термини. Можно бы проѣхать въ тотъ же день и до Палермо, но мнѣ хочется попробовать терминійскихъ вермишели и макаронъ. Итальянцы ими хвалятся, какъ мы тульскими пряниками или вяземскими коврижками. Останавливаюсь поэтому въ Термини, гдѣ и люблюсь живописнымъ мѣстоположеніемъ города на приморской скалѣ, восточнѣе устья горной рѣчки Леовардо, потомъ ѣмъ макаронъ и какую-то рыбу, по вкусу мнѣ неизвѣстную, но смачную. Видно, что терминійцы—и искусные рыбаки, и порядочные повара. Бухня въ трактирѣ итальянская, но ясно, что иностранцы тутъ не рѣдкость и что для нихъ дѣлаются приспособленія и уступки въ общевропейскомъ вкусѣ. На завтра поѣздъ въ Палермо идетъ въ 5 час. 45 минутъ утра; я съѣмъ имъ воспользоваться, чтобы видѣть утромъ Монте-Пеллегриво и лежащую предъ нимъ у моря столицу Сициліи. Въ 7 часовъ 25 минутъ мы на *Giardino Garibaldi*, въ *hôtel de France*, знакомомъ мнѣ съ 1879 года.

Какъ только я выпилъ мой кофе, такъ отправился осматривать городъ. Въ удовольствіи моему, онъ значительно расширился и улучшился за послѣднія 18 лѣтъ. Цѣлая площадь, въ одну пятую прежняго Палермо, присоединилась къ городу съ сѣвера, т.-е. со стороны порта. Она хорошо обстроилась, и уже лучшая изъ палермскихъ гостиницъ, Пальмовая, съ прекраснымъ садомъ, лежитъ среди новаго квартала. Портъ закончилъ свою ограду съ сѣверо-востока и теперь сталъ однимъ изъ лучшихъ на Средиземномъ морѣ. Желѣзная дорога вокругъ всего города связала гавань съ большою желѣзнодорожною станціей, изъ которой рельсовые пути расходятся по всей Сициліи. Улица Кавура, прежде шедшая по краю города, теперь тянется по самой срединѣ его и приводитъ съ прибрежій порта къ площади со вновь построеннымъ большимъ театромъ Виктора - Эммануила. Знаменитая улица Македа, одна изъ двухъ главныхъ въ Палермо, удлиннилась вдвое и теперь, подъ именемъ сначала Руджеро-Сеттамо, а потомъ улицы Свободы, теряется далеко на сѣверо-западъ города, въ новыхъ слободахъ или предмѣстьяхъ. Я думаю, что по длинѣ и ширинѣ это одна изъ главныхъ улицъ въ Италіи, длиннѣе и шире римскаго Борсо. Прибавлю, что на ней находится городское управленіе, университетъ, большой театръ, политеамъ Гарибальди, и что она проходитъ черезъ два главные въ Палермо перекрестка (*quatri-canti*—четыре руки), я готовъ думать, что она скоро станетъ первою улицей этого города взаимѣнъ традиціонной *Corso Vittore Emanuele*, на которой стоятъ королевскій дворецъ и соборъ. Движеніе по ней очень велико, такъ какъ она ведетъ съ одной стороны къ центральной станціи желѣзной дороги, а съ другой—къ порту и въ *Conca-de-Oro*, гдѣ находятся дачи богатыхъ палермцевъ и огороды ближайшихъ крестьянъ, снабдителей города зеленью.

Въ полудню надо было вернуться въ гостиницу ради завтрака. Судьба послала мнѣ за столомъ сосѣда болѣе пожилото, чѣмъ я, и кровнаго сицилійца, да еще бывшаго пажы или камеръ-юнкера при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій, въ Неаполѣ. Увидавъ у меня около столоваго прибора путевода, онъ спросилъ меня: «уѣзжаю ли я изъ Сициліи или въѣзжаю въ нее?» На это я отвѣчалъ, что лишь сегодня утромъ прибылъ въ Палермо изъ Сиракузъ и Кастанисеты. «А, такъ вы уже познакомились съ внутренностью нашей страны и Палермо сохранили для десерта». — Не совсѣмъ такъ, потому что думаю еще прокатиться въ Марсалу и Трапани, чтобы видѣть весь островъ съ востока до запада.—«Не стѣбитъ: теперь жарко.. Развѣ, если вы археологъ, желающій видѣть развалины Сегесты и Селинonte». — А вы полагаете, что археологи—самые страстные ученые, готовые пренебрегать всякими естественными невгодами путешествія, лишь бы достигнуть предназначенной заравѣ цѣли? — «Таково свойство *essenz* ученыхъ, любящихъ свое дѣло. У насъ по Сициліи ученые развѣзжали даже въ тѣ времена, когда были пресловутые дилижансы и нападашіе на нихъ разбойники». — А давно это было? — «Нѣтъ, недавно: передъ постройкой желѣзныхъ дорогъ». — Скажите: эта постройка увеличила ли число тури-

ство въ Сициліи?—«О! и очень. Прежде, кромѣ немногихъ ученыхъ, ѣздили лишь большіе господа, которымъ денегъ дѣвать некуда и которые рады были потомъ похвастаться: «когда я былъ въ Палермо или на Этнѣ»... Нынче ѣздить—и въ немаломъ числѣ—просто образованные люди вовсе не изъ богатыхъ». — Такъ что сицилійскіе трактирщики, пожалуй, потеряли отъ замѣны прежняго порядка новымъ, то-есть качества проѣзжихъ ихъ количествомъ?—«Ну, не думаю. Конечно, бывали прежде путешественники-богачи, которые сорили деньгами, чего теперь нѣтъ; но число ихъ никогда не было велико. У меня въ памяти сохранились два-три: напримѣръ, одна прусская баронесса, которая дѣйствительно бросала здѣсь, въ Палермо, деньги горстями нищимъ, собиравшимся внизу балкона ея палатцо. И это, видите ли, потому, что она вышла замужъ за богатаго славянскаго князя и хотѣла показать, что у этого «лѣснаго царя» въ подвалахъ много звонкой монеты, а тотъ не смѣлъ ей возражать, по связямъ ея при берлинскомъ дворѣ». — Скажите, давно это было? — «Да болѣе пятидесяти лѣтъ: я тогда еще былъ пажомъ и помню, какъ покойный король Фердинандъ II огорчился этимъ поведеніемъ знатной дамы. «Лучше бы, говорилъ, отдала деньги мнѣ, чѣмъ лаццарони, которые ее же обрызгаютъ грязью при первомъ удобномъ случаѣ. Я бы расширилъ раскопки въ Помпей». И, чтобы соблазнить тароватую аристократку, посылалъ ей кое-какіе помпейскіе черепки; но не знаю, успѣлъ ли соблазнить не барыню, а мужа. Тотъ вѣдь, узнавъ о безпутствахъ дражайшей половины, предписалъ ей вернуться въ свои прибалтійскія дѣбри... У насъ тогда надъ этимъ много смѣялись... Потомъ одинъ лордъ, собиратель древностей, ухлопалъ знатную сумму въ Сиракузахъ, но не могъ ничего вывезти, потому что мѣстные разбойники напали на его транспортъ... Полоумный членъ верхней палаты надѣялся даже получить денежное вознагражденіе отъ неаполитанскаго правительства, но получилъ въ отвѣтъ только угрозу быть высланнымъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій».

Пока эта бесѣда шла, завтракъ кончился. Мой собесѣдникъ взялъ портфель съ бумагами и направился въ сосѣдній съ гостинницей судъ, гдѣ у него были дѣла, а я нанялъ извозчика и отправился въ Монреале. Въ Сициліи нѣтъ зданія болѣе изящно отдѣланнаго внутри, какъ церковь бенедиктинскаго монастыря, находящагося въ этомъ городкѣ; поэтому туристы посѣщаютъ его во множествѣ. Здѣсь же кстати они узнаютъ многочисленность и навязчивость палермскихъ нищихъ, которые, впрочемъ, приходятъ, для отправленія своего ремесла, не изъ одного Палермо, а изъ сосѣднихъ деревень и мѣстечекъ. Было бы можно сравнить монастырь въ Монреале съ Троицкой лаврою подъ Москвою; но я сомнѣваюсь, чтобы католическіе монахи были такъ же гостепримны, какъ наши у Сергія. Боюсь даже, что они продаютъ нищимъ право попрошайничать у воротъ ихъ монастыря. Богатые посѣтители-владчики нынѣ рѣдки, а потому ихъ обираютъ при посредствѣ нищихъ: промыселъ небезвыгодный. Въ монастырѣ главныя замѣчательности суть: дворъ, съ колоннадою вокругъ,

для прогулок и собесѣдованій монаховъ, бронзовая рѣзная дверь, ведущая въ церковь, и наконецъ самая церковь съ превосходными гранитными колоннами по сторонамъ и великолѣпную, чисто- мозаичную, отдѣлкою стѣнъ. Любители старинной церковной живописи найдутъ здѣсь также не мало замѣчательныхъ образцовъ этого искусства, начиная съ образа Христа—судимъ, помѣщеннаго вверху зданія, лицомъ ко входящимъ въ него, чтобы производить на нихъ вѣщее впечатлѣнiе. Часа въ четыре вечеромъ надо начать подъемъ на сосѣднюю монастырскую гору и въ частности добраться до находящихся тамъ остатковъ форта Кастелляччо: видъ на Палермо и окрестности, особливо подъ вечеръ, вознаграждаетъ за усталость, причиненную подъемомъ.

Отъ Монреале до гостиницы въ городѣ около девяти верстъ; поэтому я едва успѣлъ вернуться къ обѣду. Публика уже усаживалась, когда я вошелъ въ столовую, не безъ нѣкоторой боязни за мѣсто. Но мой давнишній сосѣдъ сидѣлъ на своемъ и любезно указавъ рукою, что мое тоже не занято. Онъ мнѣ сказалъ, что окончилъ свои занятія въ судѣ и завтра рано утромъ возвращается въ деревню. «Можно бы и теперь; да отъ желѣзнодорожной станціи до меня восемь километровъ, и я боюсь, что экипажа на-встрѣчу мнѣ не выслали, а въ такомъ случаѣ пришлось бы имѣть дѣло съ грязной локандой». Сицилійскія локанды, какъ я уже имѣлъ случай не разъ замѣтить, опрятностью не отличаются, какъ жидовскія корчмы въ западной Россіи; а потому я шутя замѣтилъ, что долженъ благодарить деревенскаго трактирщика за доставленіе мнѣ вновь сосѣдства почтеннаго сеньора» Последній немедленно назвалъ свою фамилію, которая оказалась «маркизъ Д—и». Тогда мы обмѣнялись карточками, причемъ я съ удивленіемъ увидѣлъ, что маркизу извѣстны мои работы по географіи.—Скажите, если не сочтете моего вопроса невѣжливостью: Криспи не сосѣдъ вамъ?—«Криспи! да я его вовсе не знаю лично, хотя съ юности помню его похожденія подъ мадзиніевскимъ крыломъ, именно здѣсь, въ Сициліи, въ Лондонѣ и вообще на всемірномъ революціонномъ поприщѣ! Онъ вѣдь едва ли больше, какъ пятью годами старше меня».—Что вы скажете на счетъ его отношеній къ Сициліи въ то время, когда онъ былъ министромъ? Помогалъ ли онъ родинѣ?—«Ни мало. Ренегаты никогда не имѣютъ чувствъ привязанности къ своимъ прежнимъ друзьямъ, съ которыми даже отъ встрѣчъ уклоняются. Теперь Криспи—кавалеръ Аннунціады, а завтра можетъ быть и подсудимымъ за плутни». И маркизъ сдѣлалъ гримасу отвращенія.—Я это знаю изъ газетъ, но неужели правда, что въ его дѣлѣ съ болонскимъ банкомъ у него есть соучастники изъ, такъ называемыхъ, высшихъ особъ и что потому партизанамъ Рудини его не удастся утопить, какъ бы они хотѣли?—«Я слишкомъ старъ, чтобъ заниматься этими дрязгами. Онъ мнѣ былъ противенъ еще при неаполитанскомъ дворѣ. А только мнѣ кажется, что Криспи не могъ бы смотрѣть прямо въ глаза ни Мадзини, ни Гарибальди: тѣ были честные люди».

Послѣ такого рѣзкаго приговора о Криспи мнѣ было неудобно продол-

жать разговоръ о немъ съ моимъ сосѣдомъ, и я перемѣнилъ тему, спросивъ его: А не знавалъ ли онъ кого изъ русскихъ во времена дны, т.-е. при королѣ Фердинандѣ неаполитанскомъ? — «Помнится, видалъ князя Волконскаго, который сопровождалъ императрицу, супругу царя Николая. Это былъ консерваторъ самой чистой воды, и мы потомъ, лѣтъ черезъ двадцать, дивились, что въ Россіи, послѣ Волконскаго, могли явиться радикальные министры. У насъ, въ Италіи, даже либераль Кавуръ сильно порицалъ вашу крестьянскую эманципацию, сопровождавшуюся отдачей крестьянамъ земель». — Но какъ же было поступить? — нельзя же морить людей голодомъ, да и земля была крестьянскою исторически, потому что до 1594 года это были вольные люди и подчинялись помѣщикамъ лишь ради исполненія обязанностей передъ государствомъ. Преданіе объ этомъ было живо среди русскихъ крестьянъ; они говорили помѣщикамъ: «мы ваши, но земля наша» — и только со временъ Петра и Екатерины помѣщичьи теоріи сдѣлали крестьянъ рабами. Я еще въ дѣтствѣ помню, что у крестьянъ не было болѣе обиднаго ругательства для дворовыхъ, какъ *золотъ*, т.-е. *личный* слуга, *раба*: они же дескать были *люди*. — «Мы здѣсь, въ Сициліи, имѣемъ очень слабое понятіе о бывшемъ и нынѣшнемъ социальномъ устройствѣ Россіи, и въ итальянскихъ университетахъ русскую исторію преподаютъ плохо, а въ литературѣ объ ней ничего нѣтъ. Не можете ли вы сказать, вѣрно ли изображаетъ русское общество и русскій народъ г. Анатоля Леруа-Болье? Я иногда читаю его». «Анатоля Леруа-Болье я знаю лично: онъ изъ усердныхъ и знающихъ изслѣдователей Россіи. Онъ ушелъ немного дальше Кавура, и русской крестьянской реформы не бранить, но вѣрить всѣмъ его отзывамъ о Россіи не слѣдуетъ.

— Покорно благодарю: я такъ и думалъ.

На завтра, разумѣется, я съ утра уѣхалъ на Монте-Пеллегринно, а потомъ въ *Conca-de-Oro* и даже далѣе, къ предѣламъ владѣній покойнаго герцога Омальскаго. Вотъ былъ Орлеанъ самой чистой воды. Доставшіеся отъ отца, пріятеля Ротшильда, капиталы онъ вложилъ, по возможности, не во французскую, а въ итальянскую почву, и около Палермо владѣлъ двумя большими участками земли: однимъ подъ самымъ городомъ, недалеко отъ королевскаго дворца, гдѣ былъ замокъ и садъ, другимъ — верстахъ въ тридцати западнѣе Палермо, близъ моря, гдѣ разводился виноградъ и выдѣлывалось вино на продажу. Даже въ послѣднемъ рабочій людъ у него были французы, а итальянцы могли только облизываться, глядя, какъ ихъ земля эксплуатируется иностранцемъ безъ всякой для нихъ пользы. Впрочемъ, это нынче приемъ не исключительно орлеанскій. Я знаю одного русскаго, котораго и назову — Никиту Никитыча Кадушкина; онъ имѣетъ въ Россіи значительные доходы, тысячъ на двадцать рублей въ годъ; но въ ручаемый такимъ образомъ капиталъ переводить за границу, въ южную Францію, по собственнымъ словамъ — «на всякій случай». Таковъ же былъ и герцогъ Омальскій. Свое парадное наслѣдство, Шантилья, под-

Парижемъ, онъ не даромъ подарилъ французскому институту: доходовъ оно давало немного: а вотъ заграничные даютъ много и вѣрно, безъ опасенія ихъ потерять. И первый министръ Англии, маркизъ Солсбери, держится того же житейскаго правила: не совсѣмъ вѣря въ прочность майоратныхъ законовъ у себя дома, онъ покупаетъ крупныя недвижныя имущества во Франціи, на сѣверѣ и на югѣ. Да и многіе англичане слѣдуютъ тому же примѣру во Франціи, Итали и Испаніи. Образуется въ Европѣ разрядъ международныхъ помѣщиковъ, вродѣ Ротшильдовъ, Гогенлоевъ, Потоцкихъ и пр. Что-то изъ нихъ выйдетъ въ ХХ столѣтіи?

Вернувшись въ Палермо, я нашелъ тамъ письмо изъ Парижа: приглашаютъ на имѣющій вскорѣ быть съѣздъ восточниковъ (*congrès des orientalistes*).—Что жъ! надо быть; да чтобъ не хлопать тамъ глазами, надо и приготовиться немножко. Прощай, Сицилія! Досмотрю въ другой разъ.

Новая прогулка въ Сицилію.

Всякій разъ, когда мнѣ предстоитъ совершить поѣздку въ одну изъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, ищу я попутчика, уроженца данной страны или хоть иностранца, долго въ ней жившаго. Въ Парижѣ оно не трудно и значительно облегчаетъ дѣло изученія, позволяя не ограничиваться одними *Гидами* Бедекера, Мѣррея, Жоанне и проч., и не обременять себя чтеніемъ цѣлой бібліотеки книгъ, хотя бы писанныхъ извѣстными «авторитетами», по обыкновенію устарѣлыхъ. Если въ прошлый разъ я этого не сдѣлалъ, то это лишь потому, что думалъ сначала посѣтить мѣста знакомыя—Палермо, Мессину и проч.; да нашлись и спутники случайные. Нынче было не то, и я былъ радъ проѣхать черезъ Францію, Швейцарію и Италію въ одномъ вагонѣ съ г. Т—ни, сицилійцемъ по происхожденію, хоть и не по мѣсту жительства. Вѣхали мы вмѣстѣ и на пароходѣ изъ Неаполя. Но я долженъ оговориться, что вообще не люблю долго оставаться подъ эгидой такихъ менторовъ, особенно если они спеціалисты по какой-нибудь части: ихъ обычная односторонность меня тяготитъ. Вотъ почему, едва мы прибыли въ Палермо, какъ я поблагодарилъ г. Т. за его «любезность и драгоценныя указанія», но объявилъ ему, что теперь хочу все видѣть своими глазами. Онъ какъ будто немного обидѣлся, вѣроятно потому, что я ему вмѣстѣ намекнулъ на умолчаніе о «большомъ мѣстѣ» итальянцевъ, о липарійской каторгѣ, которая однако же интересна и могла бы быть предметомъ бесѣды, когда мы проѣзжали мимо Липарскихъ острововъ. Впрочемъ, мы разстались добрыми знакомыми, и онъ даже предлагалъ мнѣ рекомендацію въ Марсалу, гдѣ имѣетъ родственниковъ или друзей. А что до Липарскихъ острововъ, то я зналъ уже о нихъ кое-что изъ книги Вюлье, видѣвшаго не такъ давно каторжныя работы на островахъ. Онъ печатно рассказалъ о слабыхъ сторонахъ итальянской администраціи ссыльныхъ и особенно не пожалѣлъ католиче-

ских патеровъ, заботящихся «о спасеніи падшихъ душъ». Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, плѣнился изящною наружностью заключеннаго въ тюрьму юноши и дѣлалъ ему постыдное предложеніе; когда же получилъ отказъ, но-просто оклеветалъ молодого человѣка передъ начальствомъ и, въ силу послѣдовавшихъ затѣмъ притѣсненій, довелъ его до сумасшествія и самоубійства. Отсылаю любопытныхъ за подробностями къ книгѣ Вюлье, которой у меня теперь нѣтъ, но которая для приготовляющихся къ поѣздкѣ въ Сицилію почти-что необходима и по содержанію, и по богатству рисунковъ автора-художника.

Липарскимъ архипелагомъ, какъ извѣстно, называется группа изъ семи большихъ и десяти мелкихъ острововъ вулканическаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ, Волканелло, поднялся со дна моря съ небольшимъ лишь 2,000 лѣтъ назадъ, на памяти исторіи Европы (204 г. до Р. X.). Вулканическая дѣятельность въ тѣ времена была еще очень сильна въ окрестной части земной коры, и потому заселеніе Липарскихъ острововъ шло очень медленно. Однако, уже аеніане грабили липарійцевъ; потомъ ихъ заступили сиракузяне, карфагенцы, римляне, арабы, норманны, французы, испанцы, неаполитанцы. При Фердинандѣ-Католикѣ это былъ участокъ его неаполитанскихъ земель; но еще при Альфонсѣ Великодушномъ онъ причисленъ къ Сициліи, съ которою и нынѣ соединенъ административно, составляя часть провинціи Мессинской. Архипелагъ очень невеликъ, потому что даже самый обширный изъ его острововъ, Липари, вдвое меньше Петербурга, а населеніе его меньше, чѣмъ Охты (13,000 д.). Весь этотъ людъ есть помѣсь множества разнородныхъ предковъ, арийскихъ и семитическихъ, и теперь обитательнился; а занятія его—добыча сѣры, разведеніе лимоновъ и апельсинновъ, да рыболовство. Обращеніе острововъ въ мѣста ссылки преступниковъ сдѣлало ихъ территорію опальною, и лишь немногіе туристы ихъ посѣщаютъ, да и то на самое короткое время. Больше другихъ посѣщаются Липари и Стромболи; послѣдній ради непрерывно дѣйствующаго вулкана, который есть боковой рукавъ подземнаго огненнаго очага Этны, но не Везувія. Ѣхать на Липарскіе острова нужно не изъ Неаполя, даже не изъ Палермо, а изъ Милаццо, на сѣверо-востокѣ Сициліи: тутъ есть ежедневный пароходецъ. Изъ Мессины такой же, нѣсколько бѣльшій, ходитъ два раза въ недѣлю. Къ острову Устикѣ, наибѣлье западному изъ Липарскихъ, ходитъ по временамъ пароходъ изъ Палермо.

Добравшись до столицы Сициліи и имѣя въ виду дополнить обзоръ всего острова поѣздой по такимъ его частямъ, которыхъ еще не видалъ, я составилъ маршрутъ, который, сверхъ ожиданія, оказался удобнѣе того, который предполагалъ я даже при совѣтахъ г. Т., а не одного Бедокеръ. Дѣло въ томъ, что эти господа предполагали западную Сицилію почти лишшенную рельсовыхъ путей, кромѣ линіи Палермо-Маццара-Трапани; а на дѣлѣ оказалось, что есть и еще нѣсколько дополнительныхъ вѣтвей, построенныхъ въ недавнее время или даже только сооружаемыхъ, но уж

облегчающих движение. Можно обходиться без верховых лошадей и ослось и почти всюду без дилижансовъ, этихъ классическихъ экипажей Испаніи и Сициліи, облегчающихъ производство, разбоя, какъ всякая клетка, въ которую вы засажены, какъ въ курятникѣ, ѣдущемъ на базарь, неповоротливомъ, неуклюжемъ.

На первый разъ, впрочемъ, ѣдемъ по старой дорогѣ, на Термини и Роккалумбу, чтобъ у послѣдняго мѣстечка пересѣсть въ поѣздъ, направляющійся въ Джирдженти. Гористая страна, съ тѣсными горизонтами и очень слабымъ населеніемъ вдоль дороги, такъ что деревень и мѣстечекъ почти совсѣмъ не видно, а какія и есть, то построены въ оврагахъ, по склонамъ горъ. Сицилійцы, какъ извѣстно, обнажили почву своего, нѣкогда лѣсистаго, острова, и потому вода не держится на горныхъ скатахъ, а быстро стекаетъ въ овраги, въ рѣчки и въ море. Съ нею исчезаетъ и зелень, особливо древесная, такъ что теперь послѣдняя покрываетъ едва $\frac{1}{25}$ долю почвы. Разводить вновь лѣса, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, дѣло трудное, перѣдко невозможное и во всякомъ случаѣ требующее огромныхъ расходовъ. Вотъ осенью и зимою, т.-е. во влажный сезонъ, выпадетъ много дождя, и тогда, въ мартѣ и началѣ апрѣля, мы будемъ имѣть много зелени, только, разумѣется, недолговѣчной, потому что лѣто ее сожжетъ, говорятъ сицилійцы и, повидимому, не очень жалѣютъ объ этомъ. Сирокко ихъ пріучилъ къ засухамъ, и они не думаютъ, чтобы можно было радикально избавиться отъ его иссушающаго вліянія, особенно на южной сторонѣ острова, покатою къ югу, да еще африканскому. Вотъ развѣ англичане «внесутъ свои капиталы и разведутъ если не лѣса, то на первый разъ парки»; но ждите, когда это будетъ...

А Сицилія стоитъ англійскихъ капиталовъ и предприимчивости. Я, признаться, даже готовъ думать, что къ концу XX столѣтія эта древняя Тринакрія станетъ опять лѣистой, тѣмъ болѣе, что теперь рубить деревья на постройку кораблей нѣтъ надобности. Ихъ строить изъ желѣза, скоро, пожалуй, станутъ дѣлать изъ никеля или алюминія, а не изъ сосны. Пока же что, сицилійцы могутъ составить *свои* капиталы, отечественные, ну хоть на сѣрѣ и апельсинахъ. Подумайте: однѣхъ сѣрныхъ копей есть 611 и онѣ дадутъ ежегодно 45 милліоновъ лиръ дохода, въ томъ числѣ 29 милліоновъ съ заграничныхъ покупателей! А лимонныя и апельсиныя деревья, числомъ, въ цѣлой Италіи, до 3.150.000,000, изъ коихъ половина, если не болѣе, приходится на Сицилію,—развѣ это не богатство, съ которымъ надо только уметь обходиться? Когда же хозяева земли употребятъ часть своихъ доходовъ на облѣсеніе почвы, тогда растительная производительность послѣдней превзойдетъ инныя тропическія мѣстности, что будетъ тѣмъ болѣе выгодно, что сбывать свои продукты жителямъ острова, царствующаго надъ Средиземнымъ моремъ, очень легко. Не было бы только мегаломановъ-итальянцевъ, вродѣ Криспи, которые могутъ вовлекать сицилійцевъ въ разорительныя войны, отъ которыхъ Сицилія, кажется, вправѣ отдохнуть «по окончательномъ слитіи своемъ съ монархією Виктора Эммануила»,

какъ говорилось во времена Гарибальди и его марсальской высадки и побѣды надъ бурбонскими партизанами при Балатафини (1860 г.). Вотъ уже 37 лѣтъ прошло съ того времени, и будущность Сициліи, кажется, настраивается на ладъ.

По мѣрѣ того, какъ желѣзная дорога спускается внизъ, къ морскому уровню у Порты-Эмпедокла, т.-е. съ приближеніемъ къ Джирдженти и сказанному порту, страна становится болѣе населенною. Встрѣчаются природныя селенія, выходятъ справа и слѣва проселки изъ боковыхъ мѣстечекъ. Мы опять въ царствѣ сѣры, какъ на Липари; только нѣтъ огноташныхъ изверженій сѣрнистыхъ веществъ, а расплавленная сѣра давно охладѣла и добывается въ изобиліи, особенно около мѣстечка Комитаны. Среди этихъ же сѣрныхъ отложеній встаетъ грязный вулканъ Макалуби, высотой въ 20 сажень и съ кратернымъ конусомъ въ аршинъ. Изъ него выходитъ газъ, но не сѣрнистый, а углеводородный, такъ какъ и самая горка сложена не изъ вулканическихъ или сѣрныхъ породъ, а изъ глины и известняка. Желѣзная дорога, подходя къ Джирдженти, начинаетъ дѣлать изгибы, точно она спотыкается о гору, на которой стоитъ этотъ городъ, и потому сначала уходитъ на западъ, потомъ на югъ и востокъ и, наконецъ, вблизи моря, снова идетъ на юго-западъ. Желѣзнодорожная станція Джирдженти находится за городомъ, къ сѣверу отъ него, точно такъ же какъ главная гостиница, Храмовая, за городомъ же, но къ югу. Даже префектуру пришлось выстроить внѣ городской черты, у восточнаго конца города: такъ занимаемая имъ площадка, настоящее плоскогорье, тѣсна. Эта площадка очень напоминаетъ такую же подъ аѳинскимъ Акрополемъ, только побольше ея: природная цитадель, съ почти отвѣсными стѣнами. Южный, болѣе отлогій, скатъ плоскогорья занятъ развалинами древнихъ храмовъ, главною замѣчательностью Джирдженти; поэтому-то и гостиница для прїѣзжихъ расположена тамъ. Въ древности, по гребню высоты, окаймляющей старый Агригентумъ, шла стѣна, и, выслѣдивъ ея развалины, легко было убѣдиться, что античный городъ былъ, по крайней мѣрѣ, все-меро больше настоящаго. Восемь храмовъ стоятъ нынѣ между современнымъ Джирдженти и южною стѣною древняго; изъ нихъ нѣкоторые хорошо сохранились. Самый большой, въ 50 сажень длиною, былъ построенъ въ честь Юпитера; два, самые изящные, Юноны и Конкордіи (согласія), имѣли величину въ два съ половиной раза меньшую; храмъ же Цереры, покровительницы земледѣлія, занималъ всего 13 сажень въ длину и въ ширину: это былъ самый маленькій, хотя земледѣліе искони было главнымъ промысломъ сицилійцевъ. Внутри теперешнихъ городскихъ предѣловъ сохранились остатки греческаго храма Минервы; но католики среднихъ вѣковъ передѣлали его въ христіанскую церковь, забравъ стѣнами промѣжутъ между колоннами, какъ въ Сиракузахъ. Теперь эта церковь «греческой Богородицы.

Въ портѣ Эмпедокла, искусственно устроенномъ въ наше время, сосредоточивается торговля Джирдженти, едва ли способная возбудить зависть

сиракузцевъ и карфагенцевъ даже нашихъ дней. Однако, склады сѣры и фруктовъ, особливо сухихъ, значительны. Фисташки, миндаль, грецкіе орѣхи, винныя ягоды и другія лакомства сѣверныхъ народовъ тутъ въ изобиліи. Дома же они служатъ повседневною пищею бѣдняковъ, которые мяса вѣдь не вкушаютъ болѣе раза въ годъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать, насколько это вегетарианство имѣетъ вліяніе на темпераментъ сицилійцевъ; но никакого научнаго трактата по этой части мнѣ не случилось читать и на лекціяхъ физиологіи въ Петербургѣ, Женевѣ и Парижѣ слышать. Знаю, какъ всякій грамотный въ наше время, что вѣдшіе мясную пищу народы, напримѣръ, англичане, вообще сильнѣе физически, чѣмъ постники; но такъ ли это во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ климатахъ? Для возбужденія энергіи, даже только мускульной, а не мозговой, нужно ли много мясной пищи? Солнечные киргизы, монголы, якуты, сѣверо-американскіе краснокожіе и др., питающіеся исключительно произведеніями животнаго царства, сильнѣе ли, энергичнѣе ли многихъ вегетарианцевъ, какъ, наприм., итальянцы, большинство русскихъ или китайцевъ? Сомнѣваюсь. Сицилійцы всегда были людьми живыми, дѣятельными, хотя и не въ такой степени, какъ сосѣди ихъ, греки; а питаются они почти исключительно плодами деревьевъ и травъ. Умственный и нравственный уровень ихъ ужъ, конечно, не ниже сѣверо-европейскаго, скорѣе наоборотъ. Двѣ съ половиною тысячи лѣтъ исторіи свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя крупныя творческіе таланты, вродѣ Архимеда, Беллини, Діодора, Новелли, Цельза были довольно рѣдки.

Въ Джирдженти всякому путешественнику предстоитъ рѣшать вопросъ: ѣхать ли оттуда прямо на западъ или сначала сдѣлать «экскурсію» на востокъ, до Сиракузъ, 300 верстъ, а потомъ столько же назадъ, въ портъ Эмпедокла, моремъ, каковой путь и продолжать до Трапани? Въ послѣднемъ случаѣ получится переѣздъ въ 600 верстъ, изъ которыхъ половина — по желѣзной дорогѣ съ исключительно товаро-пассажирскими поѣздами, а другая — по водѣ, въ виду вовсе не живописныхъ береговъ провинціи Модики. Мнѣ эта двойная, т.-е. сугубо-скучная, прогулка по сицилійской глуши показалась лишнею, и потому я сѣлъ въ портъ Эмпедокла на пароходъ, отправлявшійся къ сѣверо-западу. Правда, при этомъ пришлось отказаться отъ посѣщенія пресловутаго Селинunte, съ его огромными развалинами древне-греческаго города; но вѣдь эти послѣднія можно было посѣтить потомъ, изъ Кастельветрано, стоящаго уже на желѣзной дорогѣ изъ Трапани въ Палермо. А что до городковъ Модикской области, безъ историческихъ зданій и съ плохими докандами вмѣсто гостиниць, то я объ нихъ совсѣмъ не жалѣлъ. Вотъ еслибъ на пути изъ Сиракузъ по морю заѣхать въ сосѣднюю Мальту, тогда бы другое дѣло; но Мальта была вѣдь предѣловъ моей прогулки, которая, благодаря поѣздкѣ въ Парижъ, на конгрессъ, и безъ того растянулась на слишкомъ долгое время. Изъ Сиракузъ есть, однако, пароходъ въ Лавалету чуть ли не каждый день.

Итальянскіе пароходы, даже большихъ линій, какъ, наприм., изъ Александріи въ Бриндизи не совсѣмъ удовлетворительны, какъ я знаю по

опыту 1870 года; мелкіе, каботажные, вдоль береговъ Сициліи, разумѣется, представляютъ еще менѣе комфорта. Но все же плаваютъ они исправно и скоро, особенно по сравненію съ сухопутными странствованіями на верховыхъ лошадяхъ. Недавно еще изъ порта Эмпедокла до Счіаки, 60 верстъ, требовали ѣзды верхомъ въ теченіе 12 часовъ; теперь на пароходѣ это дѣлается въ 4 часа. А за Счіакой до Трапани всего двѣ станціи, Маццаро и Марсала, и при небольшомъ переѣздѣ, такъ что изъ порта Эмпедокла все плаваніе требуетъ менѣе сутокъ, считая и остановки. Жаль только, что пароходство не ежедневное, что, впрочемъ, извинительно въ виду слабости прибрежнаго населенія. Главная пристань на линіи, конечно, въ Трапани: изъ него ходятъ срочные пароходы въ Палермо, на о. Сардинію, въ Тунисъ, на о. Пантелларію и въ Сиракузы. Отсюда оживленная дѣятельность въ Трапани, немногимъ лишь меньшая, чѣмъ въ самомъ Палермо. На пароходахъ сносный столъ,—конечно, въ итальянскомъ вкусѣ,—по тарифованной и недорогой цѣнѣ. Завтракаютъ за табль-д'отомъ въ 10 часовъ утра, обѣдаютъ въ 5 часовъ вечера и сытно, все свѣжее. Капитаны пароходовъ и береговые агенты довольно внимательны къ путешественникамъ. Не знаю только, много ли на судахъ балласта, т.-е. не рискуютъ ли они, ради экономіи на топливо, быть слишкомъ легкими, мелкосидящими и качающимися при первомъ вѣтеркѣ? Мое плаваніе совершилось въ совершенно тихую погоду, безъ качки.

Трапани, который мы обыкновенно произносимъ Трапани, есть опрятный провинціальный городъ, съ 45,000 жителей, значительнымъ торговымъ движеніемъ и безъ большихъ монументальныхъ затѣй, вроде соборовъ, дворцовъ, языческихъ храмовъ, генеральскихъ памятниковъ и т. п. А вѣдь онъ помнитъ не только кареагенскаго полководца Амилкара Барку, но самого Энея, т.-е. времена очень давнія. Теперь онъ передовой пунктъ Италіи къ сторонѣ Африки, по пути въ Тунисъ и Триполи. Мимо его проходятъ даже французскіе пакетботы изъ Туниса въ Палермо, Неаполь и Марсель; проходятъ, но не останавливаются, какъ я нигдѣ случай убѣдиться, кажется, въ 1891 г., возвращаясь изъ Туниса въ Европу. Для туристовъ самое привлекательное въ Трапани—гора св. Юліана, на сѣверо-востокъ отъ города, съ городкомъ на вершинѣ и красивыми женщинами тамъ и по дорогѣ туда. Кто создалъ эту породу, не знаю; а сами онѣ о томъ не говорятъ, вѣроятно, тоже не знаютъ. Стоило бы поручить комиссіи антропологовъ изучить вопросъ. Можетъ быть, тутъ окажется вліяніе свѣжести, сырости, даже туманности воздуха на вершинѣ горы, т.-е. на 350 сажняхъ надъ моремъ, а можетъ и что другое, напримѣръ, отдѣленность населенія городка отъ сосѣдняго города, торговаго, шумнаго и, конечно, не отличающагося строгостью въ дѣлѣ половыхъ отношеній и сопровождающихъ ихъ болѣзней.

Изъ Трапани въ Палермо желѣзная дорога идетъ сначала на югъ, къ Марсалѣ, городу прославленному въ XIX столѣтіи, во-первыхъ, освобождительною высадкою знаменитой «Тысячи», подъ предводительствомъ Гар-

бальди; во-вторыхъ, приготовленіемъ вина, особенно чтимаго моряками во время адмиральскаго часа на корабляхъ. О высадкѣ напоминаетъ бюстъ Гарибальди (даже не статуя!) у городскихъ воротъ, о марсалѣ, винѣ—обширныя зданія вино-водочнаго завода на берегу моря, южнѣе города; и его богатые владѣльцы, Инхэмъ, Вудхоузъ и Флоріо, едва ли менѣе славны въ извѣстной средѣ, чѣмъ бѣднякъ-герой Калатафими, Аспромонте и Джона. Живущее поколѣніе узнало о существованіи г. Марсала лишь съ 1860 года,—вѣроятно, пьяницы могли знать его немного раньше; что же касается до поколѣній вымершихъ, то ихъ представители населяютъ катакомбы у города, и это были финикіяне, а можетъ быть и другіе завоеватели Сициліи. Въ 397 году до Р. Х. тутъ была крупная рѣзня во время осады города Діонисіемъ Сиракузскимъ, который приводилъ 80,000 войскъ и 6,000 судовъ для изгнанія карфагенянъ; въ 240 и 241 гг. до Р. Х. тутъ рѣзались съ такою же цѣлью римляне; въ XVI столѣтіи отсюда отправился въ свои военныя экспедиціи Донъ-Жуанъ австрійскій; видите, что Марсала имѣетъ столь же блистательную военную исторію, какъ какой-нибудь Лейпцигъ,—крови около нея пролито много. Но для нашего времени гавань имѣетъ мало глубины, такъ что броненосцамъ въ ней мелко и неуютно, а потому о военной карьерѣ Марсалѣ можно болѣе и не думать.

Маццаро, Кантобедро, Кастельветрано... самая обширная въ Сициліи, послѣ Прикатанской, равнина, отличающаяся скудостью орошенія и потому меньшимъ плодородіемъ. На болотистомъ морскомъ прибрежьи даже вовсе нѣтъ культуры и самихъ жителей. Три названные городка, впрочемъ, живутъ какъ-нибудь и, вѣроятно, не даромъ же въ юго-восточномъ углу той же равнины стоялъ городъ Селинонте, основанный въ 628 году до Р. Х. греками и считающійся теперь самою крупною массою развалинъ въ Европѣ. Число и размѣры разрушенныхъ храмовъ свидѣтельствуютъ, что тутъ было многочисленное населеніе; и въ самомъ дѣлѣ, когда въ 409 г. до Р. Х. карфагеняне взяли и разорили этотъ городъ, бывшій имъ снпцей въ глазу, то они однихъ плѣнниковъ увели 5,000 человекъ, 16,000 были вырѣзаны и только 2,600 успѣли спастись въ Джирдженти. Развалины Селинонте были столько разъ описаны, нарисованы и фотографированы, что я рѣшился не дѣлать ради нихъ остановки въ Кастельветрано и поѣздки оттуда на лошадяхъ къ мѣстамъ древнихъ храмовъ. Въ Джирдженти я такихъ видѣлъ довольно, хотя селинонтскіе были побольше. Всего любопытнѣе было бы видѣть, какъ былъ построенъ приморскій торговый городъ безъ гавани, безъ бухты. Вѣроятно, впрочемъ, ее занесло въ теченіе 2700 лѣтъ.

Мое археологическое равнодушіе къ Селинонте я рѣшился исправить экспедиціей, тоже археологическою, въ Сегесте. Тутъ встало предстоило отдать послѣдній поклонъ финикійско-греко-римскимъ развалинамъ въ Сициліи, ибо дальше, по пути до самой Мессины, я не рассчитывалъ ихъ встрѣтить. Только позвольте! Сегесте первоначально былъ городъ не финикійскій, не греческій и не римскій, а троянскій, т.-е. по нынѣшнему пеласгійскій. Говорятъ, что его построили соотечественники Пріама и Гектора,

разбѣнные послѣ паденія Иліона по разнымъ присредиземнымъ мѣстностямъ. Можетъ быть, что строителемъ Сегесты былъ Эней, хотя на его творческую дѣятельность претендуютъ и разные города въ южной Италіи. Въ Сегесте меня влекло еще желаніе посѣтить по дорогѣ Калатафими, мѣсто битвы Гарибальди съ бурбонскими солдатами 15 мая 1860 года. Итакъ, съ желѣзно-дорожной станціи Калатафими, которая довольно далека отъ города, мы отправились, въ омнибусѣ, въ яму и на косогоръ, занимаемые этимъ городкомъ (21,000 жит.), а потомъ повернули на сѣверъ, къ горѣ Барваро, на которой и лежатъ руины Сегесте. Очевидно, что первые стрѣтели города плѣнились скалистыми обрывами, которые окружаютъ и до нынѣ избранную ими для поселенія мѣстность, и на самомъ труднодоступномъ холмѣ воздвигли свой акрополь, цитадель или кремль, т.-е. дѣтинецъ по-старорусски. Тамъ потомки спутниковъ Энея жили, плодились и множились до расоваго столкновения съ сиракузскими греками въ V вѣкѣ передъ Р. Х., когда ихъ городъ былъ почти сплона разрушенъ. Римляне потомъ помогли грекамъ, и теперь отъ древней Сегесте остается почти одинъ храмъ изъ 36 колоннъ, который и въ свое время былъ недостроенъ. Размѣры колоннъ значительны (около сажени въ діаметрѣ); пространство или огороженное равно 30 саженимъ въ длину и 13 въ ширину, и вообще храмъ производитъ впечатлѣніе величавое.

Это, впрочемъ, не мѣшаетъ тому, что въ наше время окрестная страна бѣдна, а значительныя группы населенія, кромѣ Калатафими, встрѣчаются лишь на сѣверѣ, въ 11 верстахъ, въ Кастелломаре, и на югѣ, въ 20 верстахъ, въ Кастельветрано. Обратите вниманіе на эти пастелы, т.-е. замки, ихъ въ Сициліи множество. Видно, что феодальные сеньоры жили въ Сициліи такъ же, какъ во Франціи и Германіи, по укрѣпленнымъ гнѣздамъ. А вилланамъ, т.-е. крестьянамъ, не позволяли они селиться деревнями, и вотъ жилища послѣднихъ доселѣ разбѣяны по полямъ, въ видѣ хуторковъ, во всей Сициліи, отъ Трапани до Мессины и Сиракузъ. Промышленные и торговые люди соединялись за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ, и вотъ вы имѣете кучу Кастроджовани, Кастрореале, Кастроццо и пр. Одни старинные города, особливо приморскіе, сохранили имена, не имѣющіе отношенія къ замкамъ и укрѣпленіямъ.

Заѣздъ въ Калатафими и Сегесте, т.-е. въ сторону отъ желѣзной дороги изъ Трапани въ Палермо, не мѣшаетъ продолжать путь къ послѣднему городу въ тотъ же день. Пріѣхали на станцію Калатафими-Алькамо въ 9 ч. 55 м. утра, посѣтили Сегесте и въ 4 ч. 48 м. вечера снова на станцію; а тутъ какъ разъ въ это время подходитъ новый поѣздъ; садитесь и въ путь! Скоро показывается море и въ *сторону* отъ дороги Кастелломаре. Это почти смѣшно, что желѣзная дорога, главная въ западной Сициліи, проведена *мимо* большихъ населенныхъ пунктовъ, точно будто инженеры-строители просили взятки съ горожанъ за устройство станцій на ихъ земляхъ, не получили таковыхъ и провели дорогу мимо. Это вѣдь бываетъ... Но въ данномъ случаѣ дѣло было, кажется, не такъ: Кастел-

лошаре, Альеано, Балатафии, Салеми остались въ сторонѣ отъ рельсоваго пути, благодаря своему высокому положенію въ горахъ, а дорога пошла внизу, по долинамъ. Какъ бы ни было, для горожанъ это невыгодно, да и для проезжающихъ тоже: извольте брать омнибусъ въ городъ, потому отсюда, а за аккуратность доставки имъ путешественника и кладѣ отвѣтственныхъ лицъ нѣтъ. Нашъ поѣздъ желѣзной дороги былъ, впрочемъ, аккуратенъ, да и подѣзжавшіе со стороны омнибусы тоже; а потому въ 8 ч. 24 м. вечера мы пріѣхали въ Палермо. Жаль было только, что послѣдніе два часа ѣхали въ темнотѣ и не видѣли красотъ *Conco-d'oro*, этого сада Сициліи, который лично я, впрочемъ, видѣлъ прежде, въ первую экскурсію, въ августѣ.

Должно быть, судьба хотѣла показать, что она покровительствовала доселѣ намъ, а теперь оставляетъ собственнымъ заботамъ и напоминаетъ, что на дверѣ уже осень, потому что на другой день по прибытіи нашемъ въ столицу Сициліи пошелъ дождикъ, одинъ изъ первыхъ и еще рѣдкихъ, которыми обозначается начало влажнаго сезона. Не говорю холоднаго или даже просто зимняго, а только влажнаго, потому что въ воздухѣ, вѣдь, тепло. *Volens-poleus*, надо не выходить изъ дому, а тѣмъ болѣе не ѣхать на желѣзнодорожный вокзалъ. Да оно и лучше! Мы теперь въ главномъ городѣ страны, и нужно отдохнуть и суммировать впечатлѣнія видѣннаго. Въ случаѣ ошибки, сдѣланной на бѣгу, есть отъ кого получить поправку; а собственно дороги, путешествія осталось немного: 232 километра до Мессины, то-есть восемь часовъ ѣзды, и тогда прощай Сицилія! За дождемъ неудобно ходить по городу и его окрестностямъ; но корсо Виктора-Эммануила недалеко, а на немъ есть книжныя лавки, гдѣ можно снабдиться всякими научными новостями, относящимися до страны. Самый естественный вопросъ: велика ли та земля, которую ты видѣлъ въ большей части ея уголковъ? Да не болѣе пяти седьмыхъ Московской губерніи, потому что площадь ея не превосходить 25,740 кв. километровъ, тогда какъ Московская губернія равна 33,304 кв. километрамъ. Кто же дѣлаетъ путешествіе по Московской губерніи? Это просто «прогулка». Далѣе, въ порядкѣ географическо-статистическомъ: сколько людей живетъ на этой землѣ? Да больше, чѣмъ въ Московской губерніи, въ отношеніи 5:3, то-есть цѣлыхъ три съ половиною милліона, такъ что густота населенія больше въ $2\frac{1}{2}$ раза. А если исключить изъ сравненія съ одной стороны Москву (950,000), а съ другой — Палермо, Мессину и Катанью (500,000), какъ города большіе, то получится, что на почвѣ Сициліи населенность много гуще чѣмъ въ центрѣ Россіи, по крайней мѣрѣ четверо. Стало-быть, сицилійцамъ жить тѣсно; и вотъ причина ихъ выселенія за границу, особливо въ Южную Америку. Читатель-натуралистъ на это замѣтитъ, что сицилійская почва много плодороднѣе московской, особенно благодаря теплomu климату; но читатель-географъ не упуститъ напомнить, что въ Сициліи много каменистыхъ пустынь, которыя не производятъ почти ничего. Прибавлю еще отъ себя, что возвращеніе этимъ пустынямъ плодородія помощью об-

лѣсенія есть — и, вѣроятно, надолго — мечта. Поглощенные интригами, крупные землевладельцы не дадутъ денегъ на предприятие; у крестьянъ ихъ нѣтъ, у государства... но вѣдь это государство — Италия, которая, благодаря Бисмарку, Криспи и другимъ игрокамъ въ величіе, вотъ уже много лѣтъ не выходитъ изъ дефицита. И потому эмиграція будетъ продолжаться, пожалуй, до тѣхъ поръ, когда населеніе уменьшится. А не то придутъ богатые иностранцы, настроютъ подъ теплымъ небомъ Сициліи много международныхъ виллъ и разведутъ парки, какъ теперь въ Ницце-Генуезской ривьерѣ; и тогда сициліяцы обратятся, болѣе или менѣе, въ рабочее быдло.

Мысли эти не мои лично: ихъ высказываютъ иногда сами итальянцы, иные еще прибавляютъ: «такъ и должно быть. Сицилійская порода людей истомилась въ многолѣтней борьбѣ за существованіе, а потому должна быть замѣнена другою, болѣе сильною. И такая замѣна не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго или вреднаго съ общечеловѣческой точки зрѣнія; напротивъ, она обезпечитъ антропологическое улучшеніе обитателей земель, исторически пришедшихъ въ упадокъ». Пусть такъ: но откуда придутъ новые завоеватели, хотя бы безкровные? Изъ Англіи, Бельгіи, Швейцаріи, Шемонта, Ломбардіи? Ну, это еще куда ни шло; а какъ изъ Африки, гдѣ исламизмъ начинаетъ «ворочаться» и, пожалуй, вспомнить, что Сицилія когда-то была однимъ изъ его лучшихъ владѣній и что для изгнанія мусульманъ нужно было пришествіе далекихъ норманновъ, какового въ наше время ожидать трудно.

Оставляю, впрочемъ, антропологическія мечтанія въ сторонѣ. Лучше взяться за статистическія таблицы и монографіи. Ихъ много, и видно, что статистическое бюро въ Римѣ не лѣниво; только изъ просмотрѣнныхъ мною томовъ трудно вывести заключеніе о дѣлахъ, относящихся до одной Сициліи, а нужно брать въ расчетъ всю Италію *). Если же продѣлывать всякаго рода вычитанія и дѣленія крупныхъ общихъ цифръ, то это потребуетъ много времени, котораго у меня нѣтъ. Кажется, притомъ, для русскихъ читателей изъ цифръ официальной статистики и другихъ авторитетныхъ источниковъ сдѣлалъ уже хорошій бытовой и экономическій очеркъ специалистъ по дѣлу, Макс. Ковалевскій: отсылаю въ нему читателей, а самъ занесу на эти страницы лишь то, что узналъ прямо отъ самихъ сицилійцевъ.

«Простой народъ бѣденъ; крупные землевладельцы, если они въ то же время не торговцы или промышленники, завалены долгами», — вотъ болѣе или менѣе общая формула для выраженія экономическаго состоянія края. «Лучше другихъ жилось, до послѣдняго времени, духовенству; но теперь, кажется, и его дѣла ухудшаются». — Кому же хорошо? — «А банкирамъ, ростовщикамъ, оптовымъ торговцамъ, особенно изъ иностранцевъ, какъ-то:

*) Собственно сицилійская статистика, Антанори, изданная въ 1877 году, порядкомъ устарѣла.

англичанъ, евреевъ и нѣмцевъ. Посмотрите списки нашихъ капиталистовъ: вы увидите тутъ разныхъ Кейзеровъ, Гаусмановъ, Ведекиндовъ, Клаузеновъ, Кекелей, Вудгоузовъ и пр.—ужь, конечно, не сицилийцевъ, даже не итальянцевъ вообще. Желѣзныя дороги построены на англійскія деньги и доходы съ нихъ уходятъ въ Лондонъ. Пароходныя компаніи хоть и извѣстны подъ итальянскими именами, но имѣютъ акціонерами и директорами иностранцевъ; да и пароходы выстроены 'по большей части въ Англии'.— Ну, на это сердиться нельзя: англичане снабжаютъ пароходами весь міръ.— «Пусть, да намъ-то не легче знать, что за все про все плати иностранцамъ». — А вы бы завели свои пароходныя и паровозныя заводы, свои фабрики всякаго рода.—«Фабрики! Да вы плохо знаете итальянскій народъ!»

А, однако-жь, думаю, что фабричная промышленность не чужда итальянцамъ; только сицилійцы въ ней не сильны. Они—природные земледѣльцы, садоводы, пожалуй, матросы (но не механики). Когда они вполне втянутся въ общеевропейскую промышленную колею,—извѣстно одному Аллаху. Вотъ по части строительства зданій, выдѣлки вещей не только изъ кирпича и тесаного камня, но изъ мрамора, бронзы и дорогихъ металловъ—они мастера, а въ другихъ отрасляхъ техники отстали отъ прочихъ европейцевъ. И техническое образованіе въ Сицилии слабо, почему сицилійцы не нуждаются въ массахъ минеральнаго топлива, не добываютъ его дома, а покупаютъ, ради желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, въ Англии. Нѣкоторые кустарныя производства достигли, однако, большого совершенства и безъ техническихъ школъ. Посмотрите, наприм., въ Палермо и окрестностяхъ на выдѣлку одноколокъ, этихъ обыкновенныхъ экипажей крестьянъ. Кузовъ такой одноколки, въ видѣ ящика, обыкновенно расписанъ красками съ большимъ вкусомъ и, что всего курьезнѣе, картинами историческаго содержанія! Сбруя для лошади, запрягаемой въ этотъ экипажъ, тоже очень оригинальна и доказываетъ существованіе вкуса у деревенскихъ шорниковъ, хотя вкуса, на нашъ взглядъ, страннаго. Въ дѣлѣ мозаики трудно найти мастеровъ болѣе искусныхъ, чѣмъ сицилійцы, и не только мозаики высшего разряда, воспроизводящей картины, но и простого приготовленія каменныхъ узорныхъ половъ, т.-е. дѣла чисто-ремесленнаго, гдѣ искусство передается отъ отца сыну безъ всякой школы.

Музей въ Палермо хранитъ много образцовъ сицилійскаго искусства съ самыхъ раннихъ ступеней его развитія, когда искусство и ремесло были тождественны. Въ этомъ смыслѣ музей можетъ быть очень полезенъ при преподаваніи исторіи цивилизаціи сицилійскаго народа, хотя при организаціи его все еще имѣлись въ виду образцы Ватикана, пожалуй, Лувра или Прадо, то-есть изученіе и собраніе образцовъ только трехъ высшихъ образныхъ искусствъ: живописи, ваянія и, отчасти, зодчества. У сицилійцевъ есть даже своя «школа» живописи, изъ-за чего еще недавно тягались и вели между собою споры разные итальянскіе и неитальянскіе города, провинціи и цѣлыя націи. Имѣтъ свою художественную школу, т.-е. рядъ артистовъ со сходственными приѣмами въ искусствѣ, было, точнѣе, бы-

вало цѣлью патриотовъ: теперь школы чуть ли не цѣлаго свѣта, по крайней мѣрѣ Европы и Америки, почти слились въ одно цѣлое, котораго центр, конечно, не въ Сициліи, даже не въ Италіи, а въ Парижѣ. Жители Палермо, однако, хвалятъ свой музей и своихъ артистовъ, вродѣ Брестенціо-Антонелло-ди-Мессина, Айнемоло и Новелли. У нихъ есть и отечественныя знаменитости по важнiю, какъ двое Гажини, Джакомо Серпотта и др. Но главная отрасль сицилійскаго искусства, которая процвѣтала въ странѣ издавна, это—зодчество. И какихъ только архитектурныхъ стилей образцы не встрѣчаются на почвѣ острова! Греческихъ и римскихъ храмовъ, арабскихъ дворцовъ, готическихъ церквей, зданій времени Возрожденія, византійскихъ и всякихъ другихъ, соответственно владычеству на островѣ разныхъ народовъ. Только я не знаю, какія изъ нихъ оставляютъ наиболѣе художественное впечатлѣніе. Чуть ли не древле-греческіе, хотя много хорошихъ зданій носятъ признаки вліянія Византии, особливо по мозаическимъ украшеніямъ, арабскаго стиля и норманскаго, но съ поправками, иногда романскими, иногда и другими, судя по безвкусію архитекторовъ.

Если образныя искусства, дѣйствующія на глазъ, представляютъ много хорошихъ произведеній, о которыхъ я мѣстами упомянулъ, то звуковыя, дѣйствующія на мозгъ черезъ ухо, должны быть пройдены мною молчаніемъ. Я не музыкантъ, кромѣ Беллини изъ сицилійскихъ виртуозовъ. Никого не знаю, стало-быть что же и говорить о нихъ. Объ ораторахъ тоже. Поэтовъ знаю лишь по курсамъ исторіи литературы и слѣдовательно ничто самостоятельнаго о нихъ сказать не могу, даже въ смыслѣ оцѣнки ихъ популярности въ странѣ и вліянія на духовное развитіе народа. Сицилійская беллетристика мнѣ совершенно чужда, хотя я и слышалъ, что есть талантливыя писатели романовъ, новеллъ и пр. Остается наука; но и тутъ я знаю лишь имена нѣсколькихъ сицилійскихъ ученыхъ, особенно натуралистовъ и физико-математиковъ, да важнѣйшіе изъ ихъ трудовъ и открытій; но это извѣстно цѣлому свѣту. Въ Палермо, гдѣ я пробылъ достаточно времени, чтобы схватить самыя выдающіяся, передовыя впечатлѣнія мѣстнаго ученаго міра, на меня наилучшее впечатлѣніе произвели студенты,—разумѣется, лишь тѣ, съ которыми сводилъ случай. Они не только любятъ науку, занимаются ею, умѣютъ цѣнить современныя факты изъ исторіи ея развитія (что приноситъ большую честь ихъ профессорамъ), но они, эти свѣжіе и часто изящные, юноши суть люди не только образованные, но и благовоспитанные, настоящіе джентльмены. Правда, говорятъ, что Палермскій университетъ есть «школа баричей, аристократовъ»; вустъ такъ, и въ этомъ я не вижу ничего дурнаго, если юноши притомъ усваиваютъ передовыя идеи вѣка, а это послѣднее нетрудно обнаружить при самыхъ кратковременныхъ бесѣдахъ съ молодыми людьми, честными и открытыми. Палермская молодежь оставляетъ во мнѣ самое лучшее впечатлѣніе, и я радъ, что сѣлъ въ вагонъ подъ ея впечатлѣніемъ.

Дорога до Термини была уже знакома; но Чефалу представило нѣчто

новое и оригинальное, именно соборъ, по Бедекеру, будто бы готическій, напоминающій церкви Кана, во Франціи; но на самомъ дѣлѣ зданіе неизвѣстнаго стиля, очень, впрочемъ, красиваго. Хорошъ и входный фасадъ, хорошъ и видъ со стороны алтаря, а главное—очень изящны внутреннія мозаичныя украшенія. Ради его-то туристы останавливаются въ Чефалу, да отчасти ради вида съ горъ на море. Меня еще заинтересовалъ небольшой липарскій музей,—частная, но общедоступная коллекція произведеній Липарскихъ острововъ, естественныхъ (сѣры, пензы и т. п.) и искусственныхъ (археологія). Благодаря этимъ осмотрамъ, я не могъ уже попасть на такой поѣздъ, который бы могъ доставить въ Мессину засвѣтло, и остановился на ночлегъ въ Сень-Стефано. Говорятъ, отсюда, поутру, можно будетъ имѣть хорошій видъ на Сицилію, къ востоку и къ западу; а затѣмъ днемъ я буду въ Мессинѣ, а вечеромъ въ Реджіо, гдѣ можно будетъ провести ночь, предъ началомъ длиннаго, безостановочнаго переѣзда чрезъ всю Италію

М. Венюковъ.

Наши государственные финансы.

I.

Несомненно, что переживаемый нами момент представляет собою одну из самых любопытных страниц в истории наших государственных финансовъ. Этотъ моментъ характеризуется наступленіемъ для нихъ такой эры благополучія, какой мы до сихъ поръ еще не знали. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: является ли подобное благополучіе простымъ отраженіемъ столь же небывалаго подъема экономическаго благосостоянія страны, или же такой зависимости въ данномъ случаѣ не имѣется. На этотъ вопросъ получаютъ самые противорѣчивые отвѣты. Съ своей стороны мы не имѣемъ въ виду касаться его по существу. Поставленная нами себѣ задача ограничивается анализомъ происшедшихъ за послѣдніе годы въ государственныхъ бюджетахъ измѣненій и ихъ ближайшихъ причинъ. Косвеннымъ же образомъ подобный анализъ можетъ способствовать если не разрѣшенію, то нѣкоторому выясненію даннаго вопроса.

Отмѣченное нами финансовое благополучіе выражается въ колоссальномъ, можно сказать, ростѣ государственныхъ бюджетовъ и въ весьма крупныхъ избыткахъ, которые даетъ ихъ выполнение. Это послѣднее явленіе какъ бы свидѣтельствуетъ, что населеніе нашего отечества въ послѣдніе годы получило способность платить государству больше, чѣмъ необходимо на удовлетвореніе его текущихъ потребностей. Если мы обратимся къ не очень отдаленному прошлому, то увидимъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1866 г., обыкновенные государственные доходы были исчислены въ скромной цифрѣ 362.500 т. р. Между тѣмъ въ 1896 г., по предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ, обыкновенныхъ доходовъ поступило 1.368 т. р. Такимъ образомъ за тридцать лѣтъ государственные доходы возросли почти въ четыре раза. Въ то же время бюджетъ 1866 г. былъ заключенъ съ дефицитомъ въ 21 милл. р., а бюджетъ 1896 г. съ избыткомъ въ 130.000 т. р. Съ чисто финансовой точки зрѣнія такіе достигнутые въ нашемъ государственно-финансовомъ хозяйствѣ успѣхи нельзя не признать блестящими и даже грандіозными. Подобнаго рода быстрого роста бюджетовъ и подобнаго рода крупныхъ остатковъ, составляющихъ около 10 проц. смѣты, не знаетъ ни одно другое государство Европы.

Обращаясь опять къ прошедшему, можно подмѣтить, что годы съ избытками и съ дефицитами обыкновенно чередовались сериями. Это свидѣтельствуешь, что въ основѣ такихъ измѣненій лежатъ болѣе или менѣе глубокія причины, представляющія собою результатъ либо государственно-экономическихъ условій, либо финансовой политики. Такъ, съ начала 60-хъ гг. наши бюджеты характеризуются дефицитами вплоть до 1872 г. *). Это, говорить официальный историкъ нашихъ государственныхъ финансовъ **), «годы, непосредственно слѣдовавшіе за крестьянскою реформой, совершенно измѣнившіе условия нашей экономической жизни,—годы военныхъ обстоятельствъ (польскій мятежъ), важнѣйшихъ внутреннихъ реформъ, требовавшихъ для своего осуществленія новыхъ расходовъ, ростъ которыхъ былъ быстрѣе естественнаго роста доходовъ,—годы, такъ сказать, обновленія государственной жизни, въ теченіе которыхъ принимались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и широкія мѣры по развитію производительныхъ силъ страны». Съ 1872 г. мы какъ бы начали пожинать плоды этихъ жертвъ. Бюджетъ нашъ возросъ приблизительно на 150 милл. р. (съ 400 милл. р. въ 60-хъ гг. до 550 милл. р. въ 70-хъ гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ дефициты смѣнились, хотя и незначительными избытками, минимумъ которыхъ въ 1875 г. составлялъ 8 милл. р. Война 1877 — 1878 гг. нарушила это бюджетное равновѣсіе, которое было твердо возстановлено лишь спустя 10 лѣтъ, именно съ 1888 г.

Естественно, что война внесла значительную пертурбацію какъ непосредственно въ финансовое, такъ и въ народное хозяйство. Но она явилась далеко не единственною причиной бюджетныхъ затрудненій, испытывавшихся въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія. Оно можетъ быть названо вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ довольно крупныхъ податныхъ реформъ. «На бюджеты этихъ лѣтъ,—говоритъ цитированный уже нами авторъ исторіи русскихъ финансовъ,—имѣли вліяніе принятыя правительствомъ мѣры къ облегченію податной тяжести бѣднѣйшихъ классовъ: отмена солянаго налога, пониженіе выкупныхъ платежей, отмена подушной подати и пониженная замѣна налогами на имущества—мѣры, благотвительное послѣдствіе которыхъ сказалось лишь нѣсколько лѣтъ спустя и вліяніе которыхъ на сведеніе ближайшихъ росписей должно было выразиться въ увеличеніи дефицитовъ». Дѣйствительно, наиболѣе крупные дефициты въ этотъ періодъ совпадаютъ съ наиболѣе же крупными реформами въ податномъ дѣлѣ. Такъ, самый значительный дефицитъ въ 50 милл. р. приходится на 1881 г., слѣдующій за отменою солянаго налога. Затѣмъ въ 1887 г. дефицитъ въ 36 милл. р. совпадаетъ съ завершеніемъ отмены подушной подати. Наконецъ къ реформамъ въ податномъ дѣлѣ, вызвавшимъ временныя затрудненія, присоединились еще увеличеніе платежей по государственнымъ зай-

*) Максимальный дефицитъ въ 22 милл. р. при доходномъ бюджетѣ въ 357 милл. р. приходится на 1863 г.

***) Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства въ послѣднее десятилѣтіе (1885 — 1894 г.) М. Кашкарова. Изд. министерства финансовъ. Спб., 1895 г.

мамъ, сдѣланнымъ для турецкой войны, и нѣсколько чрезвычайно неурожайныхъ лѣтъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести для всей Россіи 1889 г. и для отдѣльныхъ значительныхъ районовъ—1883—1886 гг.

Съ 1888 г., повторяемъ, для нашихъ государственныхъ финансовъ наступаетъ эра благополучія, продолжающаяся и понынѣ. Въ этотъ періодъ только печальной памяти 1891 г. явился причиной исчисленія бюджета на 1892 г. съ дефицитомъ въ 25 милл. р. Во всѣ остальные годы росписи исчислялись съ нѣкоторыми избытками, причемъ, выражаясь языкомъ официальныхъ отчетовъ, дѣйствительныя поступления доходовъ всегда болѣе или менѣе превосходили смѣтныя предположенія. «Осторожность» при исчисленіи доходовъ вошла въ традицію нашей финансовой практики, что значительно способствовало накопленію казной избытковъ. Въ общемъ исторія этихъ избытковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Къ 1892 г. ихъ накопилось на 205 милл. р. Но почти вся эта сумма была употреблена на оказаніе продовольственной помощи населенію въ 1891 и 1892 гг. Къ 1892 г. осталось только 25 милл. р. Къ 1 января 1896 г. свободная наличность, однако, вновь достигаетъ 274 милл. р. Если же сюда присоединить ожидаемый остатокъ отъ выполнения государственной росписи за 1896 г. въ 130 милл. р., то въ настоящее время государственное казначейство должно располагать свободною наличностью, превышающей 400 милл. р. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта сумма не представляетъ собою результата исключительно бюджетныхъ сбереженій. Съ одной стороны за ихъ счетъ производились нѣкоторые экстраординарные расходы—погашеніе займовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и т. д., а съ другой стороны къ нимъ присоединялись остатки отъ заключенныхъ въ разное время займовъ. Рядомъ съ этимъ нашъ смѣтный бюджетъ въ 1895 г. впервые перешагнулъ 1 миллиардъ рублей.

Такова въ краткихъ словахъ внѣшняя сторона исторіи нашихъ государственныхъ финансовъ за послѣднее тридцатилѣтіе.

II.

Изъ какихъ же данныхъ слагаются успѣхи въ нашемъ государственно-финансовомъ хозяйствѣ, сдѣланные въ послѣдніе годы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ сравнить составныя части бюджетовъ за одинъ изъ послѣднихъ несчастныхъ дефицитныхъ годовъ и за одинъ изъ послѣднихъ счастливыхъ годовъ. Если мы изъ первой группы остановимся е. 1887 г., то увидимъ, что роспись въ этомъ году была исполнена съ доходомъ по обыкновенной смѣтѣ въ 820 милл. р., расходомъ—въ 842 милл. р. и дефицитомъ въ 22 милл. р. Затѣмъ къ 1897 г. доходы по обыкновенному бюджету исчисляются уже въ 1.318 милл. р., а расходъ—въ 1.284 милл. р. т.-е. съ остаткомъ въ 33 милл. р. Но можно разсчитывать, что по примѣру прежнихъ лѣтъ дѣйствительный остатокъ болѣе или менѣе значительно превзойдетъ ожидаемый. Напомнимъ, что роспись на 1896 г. заключена-

по предварительнымъ даннымъ, съ превышеніемъ доходовъ противъ смѣты почти на 130 милл. р. Но даже и безъ такой поправки окажется, что за десять съ небольшимъ лѣтъ нашъ государственный бюджетъ проявилъ безпримѣрный ростъ доходовъ. Оказывается, что они возросли почти на 500 милл. р., т.-е. свыше чѣмъ на 60 проц.

Передъ такимъ по-истинѣ колоссальнымъ ростомъ государственныхъ доходовъ можно было бы дѣйствительно остановиться въ удивленіи, еслибы въ основѣ его не лежали въ значительной мѣрѣ чисто-бухгалтерскіе приемы, примѣненные при составленіи росписей. Дѣло въ томъ, что съ конца 80-хъ годовъ у насъ начинаютъ быстро расширяться казенныя предпріятія. Съ одной стороны въ руки казны перешла цѣлая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, а съ другой—на смѣну кабака идетъ казенная винная лавка. Веденіе подобныхъ предпріятій требуетъ весьма крупныхъ оборотныхъ средствъ, которыя и вносятся въ общую государственную роспись. Само собою разумѣется, что они не имѣютъ никакого отношенія къ тому бюджету, который поκειται преимущественно на обложеніи населенія. Между тѣмъ на счетъ этихъ оборотныхъ суммъ и возрастали главнымъ образомъ наши государственные бюджеты. Такъ, въ 1887 г. доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ составляетъ только 18 милл. р., а на 1897 г. онъ исчисленъ уже почти въ 260 милл. р. Но это не чистый доходъ, такъ какъ ему соотвѣтствуетъ увеличеніе расходовъ. Дѣйствительно, въ смѣтѣ министерства путей сообщенія мы видимъ расходъ въ 169 милл. р. на эксплуатацію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ графѣ «платежи по займамъ» имѣется новый расходъ въ 95 милл. р. на уплату по обязательствамъ этихъ дорогъ, переданнымъ казнѣ. Въ общемъ, слѣдовательно, доходы отъ казенныхъ дорогъ покрываются расходами съ нѣкоторымъ даже перевѣсомъ послѣднихъ—около 4 милл. р. Другую важную статью въ оборотныхъ средствахъ составляютъ доходы и расходы по казенной продажѣ вина. На 1897 г. первые исчислены въ размѣрѣ 63 милл. р., а вторые—въ 70 милл. р. Другими словами, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ превышеніемъ расходовъ въ 7 милл. р.

Очевидно, что при сравненіи бюджетовъ 1887 и 1897 гг. всѣ подобные оборотные доходы и расходы слѣдуетъ исключить. Мы думаемъ, что это безусловно слѣдовало бы дѣлать при самомъ составленіи росписей, т.-е. выдѣлять изъ нихъ бюджеты казенныхъ предпріятій. Принятый же теперь способъ составленія порождаетъ путаницу. Можно ожидать, на примѣръ, что съ увеличеніемъ сѣти казенныхъ дорогъ (послѣ сооруженія Сибирской дороги, группы сѣверныхъ дорогъ, дальнѣйшаго выкупа частныхъ линій и т. д.), а также съ распространеніемъ казенной продажи вина на всю Россію, собственно государственный бюджетъ совершенно потонетъ въ бюджетѣ казенныхъ предпріятій. Между тѣмъ уже и теперь, при желаніи получить надлежащее представленіе о томъ, что составляетъ собственно государственный бюджетъ, приходится дѣлать разныя ариметическія выкладки. Точно также настоящая форма росписей затрудняетъ, требуя производства разныхъ выкладокъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ, и желающихъ позна-

комиться съ предполагаемыми результатами эксплуатаціи того или другого казеннаго предпріятія. Главныя же достоинства росписа должны составить простота и наглядность. Съ этою цѣлью, напримѣръ, у насъ выдѣляются экстраординарные доходы и расходы отъ обыкновенныхъ. Точно также было бы вполне своевременно выдѣлить теперь третью рубрику въ видѣ смѣты по эксплуатаціи казенныхъ предпріятіи.

Если мы исключимъ изъ росписа 1897 г. доходы отъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и казенной продажи вина, то остальная ихъ сумма составитъ 995 милл. р. противъ 782 милл. р. доходовъ (со включеніемъ 18 милл. р. отъ эксплуатаціи казенныхъ дорогъ и 20 милл. р. превышенія по обязательнымъ платежамъ желѣзныхъ дорогъ). Другими словами, дѣйствительное увеличеніе доходовъ составило лишь 213 милл. р. Но и здѣсь не всѣ составныя части увеличенія дохода имѣютъ какое-либо близкое отношеніе къ платежнымъ силамъ населенія. Такъ, напримѣръ, за десять лѣтъ увеличился почти на 20 милл. р. доходъ отъ эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ, на 3 милл. р.—отъ оброчныхъ статей, на 4 милл. р.—отъ казенныхъ заводовъ, на 5 милл. р.—отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ. Въ общемъ это составило 32 милл. р. Въ концѣ же концовъ оказывается, что наши государственные доходы возросли не на 60 проц., а только на 25 проц.

III.

Если мы обратимся къ отдѣльнымъ группамъ государственныхъ доходовъ, кромѣ исключенныхъ нами въ качествѣ оборотныхъ или относящихся къ эксплуатаціи разныхъ казенныхъ имуществъ, то увидимъ, что наиболѣе крупное увеличеніе ихъ дала рубрика косвенныхъ налоговъ—153 мил. р. Увеличеніе остальныхъ доходовъ не имѣетъ существеннаго значенія. Такъ, прямые налоги дали увеличенія всего на 16 мил., пошлины—на 18 мил. р., правительственныя регалии—18 мил. р. А всего увеличеніе доходовъ доставило казнѣ около 205 миллионновъ рублей.

Такое возрастаніе доходовъ наше финансовое вѣдомство, повидному, ставитъ въ прямую связь съ ростомъ народнаго благосостоянія. «Если,—читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ къ росписи на 1896 г.,—населеніе въ такой серьезной степени и такъ регулярно усиливаетъ потребленіе облагаемыхъ продуктовъ, умножаетъ количество и обороты торгово-промышленныхъ заведеній, усиливаетъ пользованіе желѣзными дорогами, почтою и телеграфомъ, возвышаетъ доходность государственныхъ имуществъ и т. д., то можно ли при такихъ обстоятельствахъ говорить о хозяйственномъ его обѣднѣніи». Напротивъ, подобныя цифры, по мнѣнію г. министра финансовъ, должны убѣдить всякаго «въ параллельности, съ которою идетъ у насъ успѣшное развитіе государственнаго и народнаго хозяйства».

Такимъ образомъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. министра финансовъ

категорически утверждается, что ростъ государственныхъ доходовъ совершается, главнымъ образомъ, на счетъ регулярно усиливающагося потребления населеніемъ облагаемыхъ продуктовъ. Посмотримъ же, насколько и въ какой мѣрѣ подобное утвержденіе отвѣчаетъ дѣйствительности.

Какъ мы уже видѣли, главное увеличеніе нашихъ государственныхъ доходовъ произошло по рубрикѣ косвенныхъ налоговъ. Далѣе мы видимъ, что изъ общей суммы въ 153 мил., представляющей собой такое увеличеніе противъ 1887 г., 28 мил. р. дали новые налоги (21 мил. р. налогъ нефтяной и 7 мил. р. — спичечный). Изъ остальныхъ налоговъ питейный далъ повышеніе на 28 мил. р., таможенный—на 62 мил. р., табачный—на 10 мил. р., сахарный—на 24 мил. р. Такимъ образомъ, наиболѣе значительное увеличеніе дохода далъ таможенный налогъ. Но фактъ этотъ явился прямымъ результатомъ постепеннаго повышенія самаго налога. По официальнымъ даннымъ, за пятилѣтіе 1876—1880 гг. пошлины составляли около 15 проц. цѣнности привоза; въ пятилѣтіе 1886—1890 гг. отношеніе это возросло до 18 проц., а въ 1891—1895 гг.—до 32 проц. Другими словами, размѣръ обложенія привозныхъ продуктовъ почти удвоился, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, возросли и переплаты населенія, дѣлаемые при ихъ покупкѣ. Дѣйствительно, оказывается, что за десятилѣтіе съ начала 80-хъ годовъ по начало 90-хъ годовъ цѣнность привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ осталась почти безъ измѣненія: именно, въ 1881 г. она составляла 540 мил. р., а въ 1894 г.—559 мил. р.

Что касается питейнаго дохода, то увеличеніе его на 28 мил. р. соотвѣтствовало повышенію акциза съ 9 до 10 к. на градусъ. Въ результатѣ же повышеніе дохода и повышеніе налога въ обоихъ случаяхъ составляютъ около 10 проц. Затѣмъ сахарный доходъ съ 23 мил. р. возросъ до 47 мил. р., т.-е. болѣе чѣмъ удвоился. Но въ той же пропорціи усилилось и обложеніе этого продукта. Въ 1887 г. съ пуда сахара взималось 85 к. акциза, а въ 1896 г.—1 р. 75 к. Наконецъ, увеличеніе табачнаго дохода объясняется введеніемъ въ 1893 г. двухрублеваго дополнительнаго сбора съ табаку высшихъ сортовъ и повышеніемъ на 50 проц. патентнаго сбора съ табачной торговли.

Такимъ образомъ, по графѣ косвенныхъ налоговъ, давшей наиболѣе значительное увеличеніе дохода, государственный бюджетъ этимъ обязанъ исключительно установленію новыхъ налоговъ—съ нефтяныхъ продуктовъ и спичекъ—и увеличенію старыхъ—акциза на вино, сахаръ и табакъ. Естественнаго же роста этихъ доходовъ не наблюдается, хотя бы въ соотвѣтствіи съ ростомъ самого населенія.

То же отчасти можно связать и относительно другихъ рубрикъ, давшихъ увеличеніе дохода.

Такъ, по группѣ прямыхъ налоговъ послѣдовало повышеніе дохода отъ сборовъ съ торговли и промысловъ. Онъ повысился съ 29 мил. до 44 мил. р., или на 15 мил. р., что составить около 50 проц. Но повышеніе это объясняется увеличеніемъ процентнаго сбора съ 3 до 5 проц. Затѣмъ увеличе-

не дохода отъ пошлинъ объясняется повышеиіемъ гербового сбора, установленіемъ сбора съ имущества, переходящихъ по наслѣдству, и т. д.

Рядомъ съ установлеиіемъ цѣлаго ряда новыхъ налоговъ въ періодъ процвѣтаиія нашихъ финансовъ (налоги нефтяной, спичечный и квартирный) и повышеиіемъ старыхъ (акцизъ съ вина, табаку, шерстяныхъ издѣлій, сахара, таможенныхъ пошлинъ, гербового сбора, процентнаго сбора съ торгово-промышленныхъ предпріятій и т. д.) можно отиѣтитъ лишь пониженіе поземельнаго налога, послѣдовавшее въ 1896 г. *). Манифестомъ 14 мая этого года государственныи поземельныи налогъ пониженъ на десять лѣтъ на половину противъ существующихъ окладовъ. Это составитъ облегченіе въ размѣрѣ около 7 мил. р. въ годъ. Тѣмъ же манифестомъ понижены на половину и на тотъ же срокъ нѣкоторые спеціальныя сборы, взимаемыя съ крестьянъ Царства Польскаго. Всѣ остальные податныя льготы не имѣютъ общаго значенія, касаясь въ большинствѣ случаевъ отдѣльныхъ группъ населенія. Сюда нужно отнести пониженіе страховыхъ пошлинъ, сборовъ съ сельскихъ имуществъ, переходящихъ по наслѣдству или продаваемыхъ гипотечными кредитными учрежденіями, отиѣну судоходнаго сбора. Всѣ эти податныя льготы не могли оставить въ бюджетѣ столь рѣзкихъ слѣдовъ, какіе явились результатомъ установленія новыхъ и повышеиія многихъ прежнихъ налоговъ.

Что касается, наконецъ, льготъ по выкупнымъ платежамъ, то онѣ не имѣютъ характера собственно податныхъ облегченій. Льготы эти заключаются въ отдаленіи сроковъ погашенія выкупныхъ ссудъ. Такъ, закономъ 7 февраля 1894 г. предоставлено производить отсрочку и разсрочку недоимокъ по выкупнымъ платежамъ безъ ограниченія срока и суммы, причеиъ размѣръ ежегоднаго погашенія ихъ не долженъ превышать годового оклада. Затѣиъ закономъ 13 мая 1896 г. предоставлено производить пересрочку всего непогашеннаго еще долга, если существующій годовои окладъ будетъ признаиъ обременительнымъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ допускаются даже такіа отсрочки и пересрочки безъ начисленія процентовъ. Льготы эти имѣютъ, конечно, весьма крупное значеніе для крестьянскаго населенія. Но съ замѣной срочпо погашенныхъ облигаціи по соответствующей части государственнаго долга рентой, для которой никакихъ обязательныхъ сроковъ погашенія не установлено, подобныя льготы не влекутъ для государственнаго бюджета расходовъ, не покрываемыхъ доходами. Съ другой же стороны, государственное казначейство уплачиваетъ по рептному долгу 4 процента, само же взимаетъ съ крестьянъ по выкупному долгу 5 проц. (кроиъ пересроченныхъ долговъ). Этимъ путемъ, въ свою очередь, образуется особый фондъ для оказанія льготъ по выкупнымъ платежамъ для отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія безо всякихъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства.

* Мы не упоминаемъ объ отиѣнѣ паспортнаго сбора, такъ какъ эта отиѣна не оставила пока слѣда ни при составленіи, ни при выполненіи государственныхъ расходовъ.

IV.

Повышеніе цѣлаго ряда косвенныхъ налоговъ не могло, конечно, не вызвать и нѣкотораго повышенія цѣнъ на тѣ продукты, которые являются объектомъ такого обложенія. Но установленію полнаго соотвѣтствія между повышеніемъ налоговъ и рыночныхъ цѣнъ на эти продукты препятствовало наблюдающееся въ послѣднее время весьма значительное иногда пониженіе издержекъ ихъ производства. Въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣли какъ техническіе успѣхи при переработкѣ сырыхъ матеріаловъ, такъ и пониженіе цѣнъ на послѣдніе. На цѣны спирта, напримѣръ, не могло остаться безъ вліянія прогрессирующее съ каждымъ годомъ паденіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, изъ которыхъ онъ готовится. По той же причинѣ налогъ является все болѣе и болѣе значительной составною частью въ рыночныхъ цѣнахъ облагаемыхъ продуктовъ.

Изъ всѣхъ обращающихся на рынокъ продуктовъ наиболѣе высоко обложеннымъ является спиртъ. Въ отношеніи его также наблюдается прогрессивное пониженіе самой стоимости этого продукта и такое же прогрессивное повышеніе его обложенія. Въ официальномъ изслѣдованіи о «фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи», между прочимъ, указывается, что «усовершенствованная техника имѣетъ весьма существенное значеніе въ винокурениі, такъ какъ, благодаря ей, изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ получается больше спирта, притомъ скорѣе и лучшаго качества, чѣмъ при болѣе простой обстановкѣ завода». Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣли такіа усовершенствованія, какъ примѣненіе непрерывно-дѣйствующихъ брагонерегонныхъ аппаратовъ, паровыхъ двигателей, парниковъ Генце, замѣнившихъ прежніе деревянные чаны и т. д. Въ общемъ же, благодаря этимъ техническимъ усовершенствованіямъ и паденію цѣнъ на сырые матеріалы, стоимость производства ведра спирта понизилась съ 2 р. 60 к. (въ 70-хъ годахъ) до 1 р. въ настоящее время. Ведро же обыкновеннаго вина въ 1895 и 1896 гг. приобреталось для казны приблизительно по 60 к., такъ что съ очисткою и накладными расходами оно обходилось не дороже 70 к. Такимъ образомъ, покупная цѣна ведра вина понизилась за 20-лѣтіе съ 1 р. 40 к. до 70 к. или вдвое. Продажная же цѣна на вино колебалась въ началѣ 70-хъ годовъ около 4 р. за ведро (1 р. 40 к. стоимость производства и 2 р. 40 к. акциза, считая по 6 к. съ 40 град.). Въ 90-мъ годамъ продажная цѣна на вино, несмотря на понизившіяся вдвое издержки его производства, повысилась до 5 р., изъ которыхъ около 1 р. составляла стоимость самого продукта съ торговыми расходами, а 4 р. акцизъ. Другими словами, въ первомъ случаѣ акцизъ ложился на продажную цѣнѣ продукта въ размѣрѣ приблизительно 60 проц., а во второмъ—въ размѣрѣ 80 проц. Въ настоящее время налогъ уже въ четыре раза превышаетъ самую стоимость продукта.

То же наблюдается и въ отношеніи другого продукта, именно сахара, обложеніе котораго даетъ казнѣ, послѣ питейнаго, наиболѣе значительный

доходъ—47 мил. р. въ 1897 г. Улучшеніе качества сырого матеріала и усовершенствованіе техники его переработки здѣсь, въ свою очередь, имѣли весьма крупное влияніе на пониженіе издержекъ производства самаго продукта. Хотя въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ Германіи или Франціи, тѣмъ не менѣе и у насъ производство сахара обходится теперь чуть ли не втрое дешевле, чѣмъ обходилось, напримѣръ, двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ 70-хъ годахъ, когда большинство заводовъ перерабатывало свекловицу посредствомъ прессовъ, издержки производства пуда сахара составляли свыше 4 р. Въ настоящее время на лучшихъ заводахъ онѣ понизились до 1 р. 50 к. Но вообще издержки производства этого продукта на разныхъ заводахъ подвергаются у насъ весьма значительнымъ колебаніямъ въ предѣлахъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. Такое разнообразіе объясняется тѣми особыми условіями, въ которыхъ находится наша свеклосахарная промышленность. Благодаря нормировкѣ и установленію при помощи ея высокихъ продажныхъ цѣнъ на сахаръ, искусственно поддерживается и существованіе такихъ заводовъ, которые, при нормальномъ ходѣ дѣла, должны были бы закрыться. Во всякомъ случаѣ, оптовая цѣна на сахаръ колеблется теперь около 4 р. 50 к. за пудъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ она составляла не менѣе 6 р. Такимъ образомъ, продажная цѣна на сахаръ довольно значительно понизилась, несмотря на повышеніе акциза съ 65 к. до 1 р. 75 к. Въ соотвѣтствіи съ этимъ налогъ представлялъ собою около 10 проц. этой цѣны, въ настоящее же время это отношеніе повысилось почти до 40 проц.

Относительно привозныхъ товаровъ мы уже указывали на усилившееся за послѣдніе годы ихъ обложеніе. По вычисленію В. И. Покровскаго, это повышеніе для отдѣльныхъ группъ товаровъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. По группѣ сырыхъ и полуобработанныхъ товаровъ, цѣнность привоза которыхъ достигаетъ теперь 200 м. р., пошлины въ 1869 г. составляли 5 проц., а въ 1894 г.—24 проц. этой цѣнности. Для «жизненныхъ припасовъ» подобное отношеніе повысилось съ 31 до 73 проц., по группѣ издѣлій—съ 9 до 27 проц. Съ другой стороны здѣсь также повышеніе налога въ значительной мѣрѣ компенсируется пониженіемъ цѣнъ на самый товаръ. Такъ, наиболѣе значительнымъ предметомъ ввоза по цѣнности является у насъ хлопокъ. Въ 1881 г. его привезено было 8.500 т. пуд., на 86 мил. р. Такимъ образомъ пудъ хлопка обошелся въ 10 р. съ небольшимъ. Въ 1894 г. за 12 м. п. заплачено 96 м. р., т.-е. нѣсколько менѣе 8 р. за пудъ. Рядомъ съ этимъ, однако, за тотъ же періодъ времени пошлина на хлопокъ повысилась съ 60 к. (40 к. зол.) до 2 р. 10 к. (1 р. 40 к. зол.)^{*} Въ результатѣ же продажная цѣна на хлопокъ для русскаго потребителя осталась почти безъ измѣненія. Нѣсколько въ иномъ положеніи оказались потребители по отношенію къ чаю. Въ 1880—84 гг.

^{*} В. И. Покровскій: „Внѣшняя торговля Россіи“ (Производительныя силы Россіи). Слб., 1896 г.

налогъ составлялъ около 30 проц. его цѣнности (по таможенной оцѣнкѣ), въ 1885—89 гг.— 70 проц. и въ 1890—94 гг.— 101 проц. *). Между тѣмъ цѣны на высшіе сорта чая на мѣстѣ его производства соотвѣтствующаго пониженія не обнаружили. Результатомъ же явилось довольно значительное вздорожаніе этого продукта.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для нѣкоторыхъ продуктовъ даже весьма значительное повышеніе обложенія не повлекло за собою соотвѣтствующаго повышенія цѣнъ и онѣ остались на прежнемъ уровнѣ, будучи уравновѣшены пониженіемъ издержекъ производства (хлопокъ). Для другихъ товаровъ, несмотря на повышеніе налога, произошло даже нѣкоторое пониженіе ихъ цѣнъ (сахаръ). Наконецъ на третьи товары цѣны повысились, хотя и въ размѣрѣ нѣсколько низшемъ противъ повышенія налога (спиртъ). Повышеніе обложенія различныхъ продуктовъ выражается преимущественно въ томъ, что уплата налога является все болѣе и болѣе значительною составною частью въ продажной цѣнѣ ихъ. Въ настоящее время налогъ составляетъ для спирта 80 проц. продажной цѣны, для керосина около 50 проц. (оптовая цѣна въ Петербургѣ 1 р. 20 к. и налогъ 60 к. на пудъ), для чая—около 50 проц., для сахара—40 проц.

У.

Рядомъ съ усиленіемъ обложенія отдѣльныхъ продуктовъ этотъ источникъ дохода начинаетъ пріобрѣтать въ нашемъ государственномъ бюджетѣ все болѣе и болѣе важное значеніе сравнительно съ прямыми налогами. Такъ въ 1887 г. косвенные налоги и пошлины дали 433 м. р., а прямые налоги—124 м. р. На 1897 г. доходъ отъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ исчисленъ въ 626 м. р., а отъ прямыхъ налоговъ—въ 98 м. р. Въ первомъ случаѣ прямые налоги составляли около 23 проц. общей суммы, доставленной налогами. Во второмъ же случаѣ это обложеніе понизилось до 15 проц.

Мы не будемъ въ настоящее время касаться вопроса о преимуществахъ косвеннаго и прямого обложенія съ точки зрѣнія, такъ сказать, фискальной справедливости. Замѣтимъ лишь, что всѣ отиѣченные преимущества косвеннаго обложенія выжудутся на томъ предположеніи, что объекты его являются исключительно предметами непосредственнаго потребленія населенія въ его домашней жизни. Потребленіе этихъ продуктовъ, какъ предполагается, представляетъ собою личный расходъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. На самомъ дѣлѣ, однако, далеко не всѣ облагаемые продукты имѣютъ исключительно такое потребительное значеніе. Достаточно указать хотя бы на важное значеніе керосиновыхъ двигателей, которое они пріобрѣли въ послѣднее время въ особенности для мелкой промышленности. Между тѣмъ высокая цѣна на керосинъ, обуславливаемая усилившимся его обложеніемъ.

*) Главные результаты государства. денежнаго воз. Изд. мин. фин. Спб., 1895 г.

емъ, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ пользованіе этого рода техническими приспособленіями. Такое же важное промышленное значеніе имѣетъ и спиртъ. Въ настоящее время министерство финансовъ отыскиваетъ даже способъ дѣлать спиртъ негоднымъ къ внутреннему потребленію въ качествѣ напитка, съ тѣмъ, чтобы освободить подобный продуктъ отъ обложенія и удешевить стоимость его для промышленныхъ цѣлей. Последнее нижегородское земское собраніе, между прочимъ, указало на высокое обложеніе керосина, какъ на одну изъ причинъ, тормозящихъ развитіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Оказывается, что при дешевизнѣ кустарныхъ издѣлій продажная цѣна ихъ не окупаетъ рабочихъ по вечерамъ при освѣщеніи дорогимъ керосиномъ. Вслѣдствіе этого огромное большинство кустарей не можетъ съ нѣкоторой хотя бы выгодой для себя утилизировать длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Вообще же налогъ на керосинъ является налогомъ на трудъ, который въ нашемъ отечествѣ иногда долженъ пользоваться искусственнымъ освѣщеніемъ чуть ли не половину рабочаго дня.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что при повышеніи обложенія какого-либо продукта продажныя цѣны на него обязательно должны возрасти въ большей пропорціи, чѣмъ самый налогъ. Это вытекаетъ изъ условій уплаты косвенныхъ налоговъ. Прежде всего косвенные налоги поступаютъ въ пользу государства авансомъ, т.-е. ранѣе продажи продукта и оплаты налога потребителемъ. Само собою разумѣется, что торговецъ или заводчикъ, уплатившій налогъ на продуктъ ранѣе продажи его потребителю, взыскиваетъ съ послѣдняго не только самый налогъ, но и процентъ на затраченный имъ для этого капиталъ. Если, напримѣръ, виноторговецъ держитъ въ своемъ магазинѣ товара на 10 тыс. р., то изъ нихъ только 2 тыс. р. представляютъ собственно его стоимость, а восемь тыс. руб. затрачены имъ на предварительную уплату налога. Проценты же на эти излишнія чѣтыре пятыхъ оборотнаго капитала уплатить въ концѣ-концовъ тотъ же потребитель. Въ общемъ торговцы и производители уплачиваютъ теперь за счетъ потребителя въ казну до 550 мил. р. косвенныхъ налоговъ. На эту сумму они должны увеличить и свой оборотный капиталъ, перелagая проценты съ него на потребителя. Естественно, что вмѣстѣ съ ростомъ косвеннаго обложенія растутъ и этотъ добавочный налогъ, уплачиваемый потребителемъ.

Рядомъ съ этимъ искусственное увеличеніе оборотныхъ капиталовъ, которые необходимы какъ для производства обложенныхъ продуктовъ, такъ и для торговли ими, устраняетъ отъ этихъ отраслей мелкихъ капиталовъ. По мѣрѣ повышенія обложенія здѣсь опять-таки представители этихъ отраслей промышленности и торговли должны увеличивать свои оборотные капиталы. Для нашего народнаго хозяйства, вообще бѣднаго свободными капиталами, такое отвлеченіе ихъ отъ нуждъ производства и торговли уже само по себѣ имѣетъ невыгодное значеніе. Если посмотрѣть съ этой спеціальной точки зрѣнія на склады и магазины, торгующіе обложенными товарами, то окажется, что въ нихъ непроизводительно для торговли и про-

мышленности лежат огромные капиталы въ видѣ напередъ оплаченнаго государству налога. Въ частности же устраненіе отъ производства обложенныхъ продуктовъ и торговли ими мелкихъ капиталистовъ ослабляетъ конкуренцію въ этихъ областяхъ и еще болѣе способствуетъ повышенію цѣнъ на такіе продукты.

VI.

Такимъ образомъ, помимо спорныхъ и сомнительныхъ достоинствъ косвенныхъ налоговъ съ точки зрѣнія фискальной справедливости, установленіе и повышеніе ихъ влечетъ за собою неблагоприятныя послѣдствія для народно-хозяйственной жизни. Наличие подобнаго рода результатовъ косвеннаго обложенія неоднократно подтверждалась и официальными изслѣдованіями. Самыя формы взысканія налога, для устраненія этихъ результатовъ, непрерывно измѣняются. Недавно правительство было озабочено изысканіемъ мѣръ къ улучшенію условій сельско-хозяйственнаго винокуренія, уступившаго мѣсто крупному, капиталистическому производству подъ вліяніемъ дѣйствующей акцизной системы. Еще болѣе неприятная судьба постигла фруктовое и виноградное винокуреніе, послѣ того какъ продукты его были привлечены къ обложенію акцизомъ. Прежде переработкой винограда и фруктовъ въ спиртъ свободно занимались владѣльцы самыхъ мелкихъ садовъ и виноградниковъ, приобретаая перегонные кубы на общій счетъ. Но съ введеніемъ акциза на виноградный спиртъ это мелкое, кустарное винокуреніе совершенно исчезло, такъ какъ существованіе его сдѣлалось несовмѣстимымъ съ организаціей акцизнаго надзора, которому гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ нѣсколькими крупными заводами. Накопецъ, въ настоящее время при министерствѣ финансовъ образована особая коммиссія, которой поручено изыскать средства къ устраненію однородныхъ результатовъ для нашего табаководства, особенно пострадавшаго съ распространеніемъ обложенія на низшіе сорта табака, являющагося продуктомъ производства мелкихъ хозяйствъ.

Естественно, что повышеніе обложенія различныхъ продуктовъ, задерживая ростъ ихъ потребления, вмѣстѣ съ тѣмъ вредно отзывается на развитіи соответствующихъ отраслей промышленности. Несмотря на сокращеніе издержекъ производства, парализирующихъ повышеніе обложенія, потребление такихъ продуктовъ либо падаетъ, либо остается приблизительно на прежнемъ уровнѣ.

Если мы обратимся къ главному обложенному продукту—спирту, то увидимъ, что официальныя данныя представляютъ слѣдующую картину движенія его потребления. По свѣдѣніямъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, у насъ потреблялось на душу безводнаго спирта:

въ началѣ 60-хъ годовъ	4,5	литра (соотв.)	0,37	вед.
» » 70-хъ »	4,2	»	0,34	»
» трехлѣт. 1881—1883 гг.	4,0	»	0,33	»

въ трехлѣт.	1884—1886 гг.	3,7 литра (соотв.)	0,30 вед.
»	»	1887—1889 » 3,4 »	» 0,28 »
»	»	1890—1892 » 2,8 »	» 0,23 »
»	»	1891—1893 » 2,7 »	» 0,22 »
»	»	1894 » 2,8 »	» 0,23 »

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что потребление спирта обнаруживается у насъ регулярное пониженіе, а не повышеніе. За тридцатилѣтіе душевое потребление его сократилось почти вдвое. Исключеніе составляютъ лишь 1894 и, вѣроятно, 1895 гг., въ которые потребление незначительно усилилось сравнительно съ предшествовавшимъ трехлѣтіемъ. Но нельзя забывать, что въ это послѣднее трехлѣтіе входятъ бѣдственные 1891 и 1892 гг. Если же сравнить 1894 г. съ трехлѣтіемъ 1887—1889 гг., то потребление спирта въ этотъ періодъ сократилось съ 0,28 до 0,23 ведра на душу. Въ данномъ случаѣ сокращеніе потребления опередило даже повышеніе обложенія. Налогъ въ этотъ періодъ повышенъ на 10 проц. (съ 9 до 10 к. съ градуса), а потребление упало на 18 проц. Очевидно, что въ основаніи подобнаго явленія лежатъ причины чисто-экономическія, въ видѣ упадка покупательной способности населенія. Если судить по такому признаку, то особенно пострадавшими оказались чисто-земледѣльческіе работы. Здѣсь весьма значительно сократилась даже абсолютная цифра потребляемаго спирта. Такъ, для средне-черноземныхъ губерній она упала съ 5.200 т. ведеръ до 4 м., или на 22 проц.; въ малороссійскихъ — съ 2.203 т. до 1.653, или на 27 проц.; въ восточныхъ — съ 2.800 тыс. на 1.904 т., или на 30 проц.

Ту же картину даютъ официальные данныя о движеніи другого продукта національнаго потребления—чая. Въ 1887 г. въ Россію было ввезено 3 мил. пуд. чая. Въ 1891 г. размѣръ ввоза его упалъ до 1.900 тыс. пуд. и въ 1894 г. вновь оправился до 2.400 т. пуд. Такимъ образомъ и здѣсь даже абсолютный размѣръ обложеннаго продукта сократился на 20 проц. Затѣмъ табуку выработано на всѣхъ фабрикахъ въ 1888 г. 3.500 т. пуд. и въ 1894 г. столько же. Слѣдовательно, если принять во вниманіе ростъ населенія, то душевое потребление этого обложеннаго продукта также сократилось. Нѣкоторый же ростъ потребления наблюдается лишь въ отношеніи тѣхъ обложенныхъ продуктовъ, повышеніе обложенія которыхъ не вполне парализировало сокращеніе издержекъ производства. Такъ, душевое потребление сахара увеличилось съ 7,6 фунта въ 1888 г. до 9,4 ф. въ 1894 г.

VII.

Такимъ образомъ у насъ вовсе не наблюдается того натурального роста государственныхъ доходовъ, который долженъ былъ бы выражаться въ усиленіи потребления населеніемъ обложенныхъ продуктовъ. Официальныя цифры даютъ картину совершенно обратнаго, именно — сокращенія души-

вого потребленія ихъ. Государственные же доходы возросли либо на счетъ установленія новыхъ налоговъ, либо на счетъ повышенія старыхъ. Въ частности же болѣе рѣзкое сокращеніе потребленія обложенныхъ продуктовъ въ значительной мѣрѣ задержано было пониженіемъ издержекъ ихъ производства, вслѣдствіе чего повышеніе налоговъ не повело къ соответствующему повышенію рыночныхъ цѣнъ на нихъ.

Если мы обратимся затѣмъ къ государственнымъ расходамъ, то увидимъ, что они возрастали въ гораздо болѣе слабой пропорціи, чѣмъ государственные доходы. Въ своемъ отчетѣ объ исполненіи государственныхъ росписей за десятилѣтіе съ 1866 по 1895 г. государственный контроль по этому поводу замѣчаетъ, что «только въ послѣдніе годы, начиная съ 1893 г., обыкновенные расходы подверглись болѣе значительному увеличенію, въ первые же годы десятилѣтія наблюдалось даже сокращеніе ихъ». Въ общемъ за все десятилѣтіе государственные доходы возросли на 42% ихъ первоначальной цифры, а государственные расходы лишь на 19%.

Такими результатами мы обязаны отчасти счастливымъ случайностямъ, отчасти же той экономіи, которая соблюдается въ послѣднее десятилѣтіе въ отношеніи затратъ на удовлетвореніе различныхъ нуждъ народно-хозяйственной жизни. Къ числу счастливыхъ случайностей нужно отнести прежде всего происшедшее на денежныхъ рынкахъ пониженіе вознагражденія, взимаемаго за пользованіе капиталами. Такъ какъ въ нашемъ бюджетѣ платежи по займамъ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ статей расхода (въ 1897 г. онъ составлялъ почти 270 мил. р.), то обстоятельство это не могло не повести къ чрезвычайно благоприятнымъ послѣдствіямъ для нашего финансоваго хозяйства. За десятилѣтіе съ 1886 по 1895 годъ, если вычесть произведенныя погашенія прежнихъ долговъ, то окажется, что новыхъ займовъ на государственныя надобности заключено у насъ на 278 мил. руб. Между тѣмъ платежи по нимъ составляли въ 1886 г. около 200 мил. руб., а къ 1895 г. они понизились до 178 мил. р. Другими словами, размѣръ долга увеличился, тогда какъ ежегодные платежи не только не возросли соответственно, но даже подверглись нѣкоторымъ сокращеніямъ, доставивъ нашему бюджету экономію въ 20 мил. р.

Эта экономія въ платежахъ по долгамъ достигнута главнымъ образомъ при помощи конверсій ихъ съ превращеніемъ срочныхъ займовъ въ безсрочную ренту и съ пониженіемъ уплачиваемаго по нимъ процента. Надо сказать, однако, что конверсія же повела къ увеличенію государственнаго долга на 188 мил. р. вслѣдствіе выпуска новыхъ обязательствъ по болѣе низкому курсу противъ прежнихъ, подвергшихся выкупу. Платежи процентовъ по вновь образовавшемуся отсюда долгу значительно парализовали бы выгоды отъ конверсіи, еслибъ замѣна срочныхъ долговъ безсрочными почти вовсе не уничтожила расходъ на обязательное погашеніе ихъ. Такъ, въ 1895 г., сравнительно съ 1886 г., расходъ на погашеніе по государственному долгу уменьшился съ 35 мил. р. до 18 мил., несмотря на уве-

личеніе самаго долга. Въ настоящее время не погашаются даже такіе долги, по которымъ казна взимаетъ со своихъ кліентовъ погашеніе. Сюда нужно отнести, напримѣръ, займы, сдѣланные для совершенія выкупа земель, отошедшихъ къ крестьянамъ отъ помѣщиковъ послѣ упраздненія вѣрстнаго права. Такимъ образомъ значительное сокращеніе платежей по займамъ произошло преимущественно за счетъ упраздненія расхода на ихъ погашеніе путемъ превращенія срочныхъ долговъ въ безсрочную ренту.

Изъ остальныхъ расходовъ болѣе или менѣе крупному увеличенію подверглись только бюджеты военнаго и морскаго министерствъ. Изъ общей цифры въ 140 мил. руб., на которую увеличились обыкновенные государственные расходы (выключая оборотные), на долю этихъ вѣдомствъ приходится около 85 мил. р. Между тѣмъ расходъ на народное образованіе возросъ за десять лѣтъ лишь на 2 мил. р. съ небольшимъ. Почти въ такую же сумму обошлось преобразование министерства государственныхъ имуществъ въ министерство земледѣлія.

Наиболѣе наглядное представленіе о характерѣ нашего расходнаго бюджета можетъ дать сравненіе затратъ на распространеніе народнаго образованія, дѣлаемыхъ у насъ и въ другихъ государствахъ Европы. Такъ, въ Пруссіи бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ около 40 м. р., во Франціи—42 мил. р. *), въ Россіи—24 мил. р. Принимая же въ расчетъ численность населенія, мы получимъ слѣдующія цифры расхода на дѣло народнаго образованія въ этихъ трехъ государствахъ: въ Пруссіи—1 р. на человѣка, во Франціи—1 р. 30 к., въ Россіи—20 к.

Далѣе извѣстно, что непосредственныя нужды населенія удовлетворяются преимущественно на счетъ бюджетовъ мѣстныхъ учреждений. Между тѣмъ въ нашемъ отечествѣ государственный бюджетъ какъ бы поглощаетъ всю платѣжную способность населенія и на долю мѣстныхъ учреждений остаются самыя скудныя средства. Они ничтожны не только абсолютно, но и по сравненію съ государственнымъ бюджетомъ. Такъ, въ Пруссіи мѣстные налоги составляютъ 50 проц. государственныхъ, въ Великобританіи—54 пр., въ Австріи—25 пр., во Франціи—32 пр., въ Россіи—17 проц. **). Помимо того, въ другихъ странахъ въ пользу мѣстныхъ учреждений отчисляются нѣкоторыя доли изъ государственныхъ доходовъ, а также за счетъ государственныхъ бюджетовъ производятся иногда крупныя расходы на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, одинъ расходъ по выдачѣ общинамъ обязательныхъ субсидій на содержаніе элементарныхъ школъ достигаетъ 60 мил. марокъ въ годъ. Точно также еъ пользу мѣстныхъ учреждений поступаетъ часть общенперскаго таможеннаго дохода,—имъ уступленъ весь промысловой налогъ и т. д.

Рядомъ съ ничтожными размѣрами бюджетовъ нашихъ мѣстныхъ учреж

*) *Рисардъ фонъ-Кауфманъ*: „Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ“. Слб., 1895 г.

***) *Ibidem*.

деній поглощеніе платежно-податной способности населенія государственными фискомъ выражается въ постоянномъ ростѣ недоимокъ по мѣстнымъ налогамъ. Въ этомъ отношеніи состояніе государственныхъ и земскихъ финансовъ, можно сказать, представляетъ полный контрастъ. Въ то время, какъ при исполненіи государственныхъ бюджетовъ, выражаясь официальнымъ языкомъ, дѣйствительныя поступления доходовъ всегда болѣе или менѣе превышали смѣтныя предположенія, земствамъ приходится имѣть дѣло съ прогрессирующими недоборами. Въмѣсто образованія запасовъ на счетъ бюджетныхъ остатковъ мы здѣсь видимъ постепенное исчезновеніе разныхъ, принадлежащихъ земствамъ, капиталовъ и накопленіе долговъ. Въ періодъ съ 1887 по 1893 г. земскіе капиталы уменьшились почти на 20 мил. р., а долги казнѣ возросли до 40 мил. р. При этомъ поглощеніе платежной способности населенія въ пользу государственнаго бюджета происходитъ сплошь и рядомъ въ самомъ непосредственномъ видѣ, а именно изъ собранныхъ чинами полиціи съ населенія суммъ прежде вносятся государственные налоги, а на долю земскихъ бюджетовъ поступаютъ лишь остатки. Земства давно уже и безуспѣшно ходатайствуютъ объ измѣненіи этого порядка распределенія взыскиваемыхъ налоговъ.

Такое, все ухудшающееся, положеніе земскихъ финансовъ не можетъ быть, конечно, игнорируемо при установленіи связи между процвѣтаніемъ государственныхъ финансовъ и предполагаемымъ ростомъ платежной способности населенія.

УШ.

Такимъ образомъ анализъ данныхъ по исполненію государственныхъ росписей за рядъ послѣднихъ лѣтъ приводятъ насъ къ тому безспорному заключенію, что различныя признаки, характеризующіе положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, не имѣютъ непосредственнымъ своимъ источникомъ возрастающаго благосостоянія населенія и его платежныхъ силъ. Мы не можемъ признать правильнымъ и утвержденія, что наше отечество нужно считать страпой не столько земледѣлія, сколько обрабатывающей промышленности. «Все годичное производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи, по исчисленію составителей Всеподданнѣйшаго доклада на 1897 годъ, по цѣпности не превышаетъ *полутора миллиардовъ рублей*, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности *превосходитъ два миллиарда рублей*». Въ результатъ же «образованіе столь важной статьи народной производительности не могло не породить соотвѣтственнаго перераспределенія экономическихъ силъ страны».

Если для населенія Россіи производство земледѣльческихъ продуктовъ отошло на второй планъ, то такое же второстепенное значеніе получаетъ для него, конечно, и угнетающій теперь земледѣльческую промышленность кризисъ. Не трудно, однако, видѣть, что уже самый фактъ, что одиѣнъ

миллионъ фабрично - заводскаго населенія производить продуктовъ на два миллиарда руб., а сто миллионъ земледѣльческаго населенія — лишь на полтора миллиарда, представляется весьма мало вѣроятнымъ, какъ бы ни была значительна разница въ производительности обѣихъ видовъ труда вслѣдствіе неодинаковаго пользованія услугами машинъ. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что продукты нашей фабрично - заводской промышленности почти не имѣютъ внѣшнихъ рынковъ для своего сбыта и покупаются исключительно на внутреннихъ рынкахъ земледѣльческимъ классомъ. Въ результатъ же оказалось бы, что земледѣльческое населеніе Россіи производить продуктовъ на $1\frac{1}{2}$ миллиарда, изъ нихъ вывозить за границу на $\frac{1}{2}$ миллиарда, кормить себя, а на остатокъ еще умудряется купить на 2 миллиарда продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Приведенныя сопоставленія наглядно показываютъ несостоятельность цифръ, на основаніи которыхъ дѣлается заключеніе о болѣе важномъ значеніи для Россіи обрабатывающей промышленности, сравнительно съ земледѣльческою. На самомъ дѣлѣ цифра въ 2 миллиарда рублей представляетъ собою валовую, а не дѣйствительную чистую цѣнность производства нашей обрабатывающей промышленности. Это ясно видно изъ способовъ исчисленія, принятыхъ въ издаваемыхъ департаментомъ торговли и мануфактуръ «Матеріаловъ для торгово - промышленной статистики». Въ этихъ матеріалахъ, напримѣръ, общая цѣнность производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ оцѣнивается въ 620 мил. р. Но это конечная стоимость выработанныхъ продуктовъ, въ составъ которой входитъ прежде всего цѣнность сырыхъ матеріаловъ — хлопка, льна, шерсти и т. д., на фабрикахъ вовсе не производящихся, а покупаемыхъ на деньги. Точно также стоимость нѣкоторыхъ продуктовъ, переходящихъ на другія фабрики для дальнѣйшей переработки, подсчитывается въ сущности по нѣскольку разъ. Такъ, купленный хлопокъ, передѣланный въ пряжу, даетъ одно слабое, затѣмъ та же пряжа, передѣланная въ миткаль — другое, а тотъ же миткаль, превратившійся на набивной фабрикѣ въ ситецъ, — третье и т. д. Въ общемъ же и получается весьма почтенная сумма въ 620 м. р., яко бы представляющая собою цѣнность производства фабрикъ, перерабатывающихъ волокнистыя вещества. Для опредѣленія общей цѣнности производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ слѣдовало бы, по аналогіи, отдѣльно подсчитать стоимость зерна, затѣмъ присоединить сюда цѣнность продуктовъ, произведенныхъ на мельницахъ, въ булочныхъ и пр.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ взглядовъ на переживаемый нашимъ отечествомъ экономическій моментъ, финансовое вѣдомство отказывается даже признать и самое неблагоприятное значеніе для Россіи такого фактора, какъ паденіе цѣнъ на продукты земледѣльческой промышленности. Вопросъ этотъ породилъ цѣлую литературу, и мы въ настоящее время останавливаться на немъ не будемъ. Отмѣтимъ, однако, что, усвоивъ положеніе о невыгодномъ значеніи паденія хлѣбныхъ цѣнъ лишь для небольшой группы болѣе состоятельныхъ земледѣльцевъ, наше финансовое

вѣдомство тѣмъ не менѣе утверждаетъ фактъ роста національнаго богатства Россіи именно насчетъ этого класса населенія въ видѣ «выдѣленія болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія», которыя «пролагаютъ себѣ путь къ высшимъ ступенямъ зажиточности».

IX.

Предположеніе, что общее благосостояніе нашего населенія растетъ, прежде всего ставитъ вопросъ: на счетъ какого источника можетъ совершаться этотъ ростъ? Мы видимъ, что цѣнность главнаго продукта нашего производства—земледѣлія—постоянно падаетъ, значительно понижая тѣмъ и общую выручку отъ земледѣльческаго труда, которымъ занято около 100 милл. населенія. Что касается затѣмъ обрабатывающей промышленности, то быстрота ея развитія прямо пропорціональна размѣру жертвъ, на которыя ради этого обрекается потребитель въ лицѣ земледѣльческихъ классовъ. Такого взаимнаго отношенія ихъ другъ къ другу не отрицаетъ и само финансовое вѣдомство. «При покровительственной системѣ несомнѣнно, говорится во Всеподданнѣйшемъ докладѣ, первое время, пока промышленность не разовьется и не окрѣпнетъ, страдаютъ интересы непосредственнаго потребленія; орудія производства, подъ вліяніемъ пошлинъ, повышаются въ цѣнѣ, а привозимое изъ-за границы сырье, напримѣръ, хлопокъ, удорожается». Но, читаемъ мы далѣе, «общій законъ органическаго развитія—неизбѣжность жертвъ для достиженія великихъ цѣлей—вполнѣ примѣняется и въ области экономическаго роста государства». Пока же въ отношеніи обрабатывающей промышленности можно говорить только о жертвахъ, тогда какъ «достиженіе великихъ цѣлей» представляется еще дѣломъ болѣе или мѣнѣе отдаленнаго будущаго. По отношенію же къ настоящему времени покровительственная политика равносильна установленію особаго налога, взимаемаго съ населенія для достиженія этихъ «великихъ цѣлей».

Между тѣмъ экономическая политика, обрекающая населеніе на крупныя жертвы въ настоящемъ ради интересовъ отдаленнаго будущаго, ставитъ нашъ земледѣльческій трудъ въ чрезвычайно невогодныя условія. Несомнѣнно, что паденіе цѣнъ на продукты земледѣлія находится въ самой тѣсной связи съ удешевленіемъ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Дѣйствительно, при равномѣрномъ паденіи цѣнъ на всѣ продукты, отношеніе между ними остается прежнее и покупательная способность каждаго отдѣльнаго производителя нисколько не страдаетъ. Если за 150 р. получается возможность купить такое количество продуктовъ, какое прежде покупалось на 300 р., то пониженіе выручки земледѣльца до этой цифры не имѣетъ для него никакого значенія. Съ другой стороны, удешевленіе такихъ предметовъ, какъ желѣзо, машины, орудія транспорта, несомнѣнно повело къ пониженію издержекъ какъ при производствѣ, такъ и при сбы-

гѣ земледѣльческихъ продуктовъ. Отсюда новый поводъ для пониженія цѣнъ на нихъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся нашъ земледѣлецъ, который ощущаетъ общее пониженіе цѣнъ на товары только при продажѣ своего продукта, положеніе же его какъ покупателя и производителя даже ухудшилось вслѣдствіе необходимости покупать необходимые ему товары по цѣнамъ, постоянно повышающимся. Такъ, напримѣръ, пудъ чугуна, по оффиціальнымъ даннымъ, стоилъ въ Петербургѣ въ 1884 г. 54 к., а въ 1896 г. онъ продавался уже по 86 к., т.-е. повышение цѣны составило почти 60 проц.

При столь неблагоприятныхъ условіяхъ, въ которыя у насъ поставлена земледѣльская промышленность, служащая для населенія главнымъ источникомъ дохода, не можетъ зародиться увѣренности въ возрастающемъ его благосостояніи.

Вл. Бряковичъ.

Очерки провинціальной жизни.

Закономъ 1 іюня 1895 года земства освобождены отъ нѣкоторыхъ взносовъ въ государственное казначейство съ обязательствомъ употребить освободившіяся суммы на улучшение путей сообщенія. Изданіе этого закона вызвало въ земской средѣ живѣйшую радость. Особенно важное значеніе земство давало 7-й ст. закона, предоставляющей земствамъ право ходатайства объ обращеніи освободившихся суммъ и на другія, кромѣ дорогъ, потребности земскаго хозяйства. Статья эта устраняла бюрократическій шаблонъ и позволяла земству, на основаніи изслѣдованія мѣстныхъ условій, дѣлать классификацію нуждъ и рѣшать, какой нуждѣ дать въ данное время предпочтеніе. Но прошло уже болѣе двухъ лѣтъ со дня изданія закона, а расчеты земствъ на 7-ю ст. остаются пока напрасными. Ходатайства большого числа земскихъ собраній объ употребленіи освободившихся суммъ на народное образованіе, народную медицину и другія надобности получали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отказъ. Въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ,—пишутъ въ *Недѣлю* изъ Черниговской губерніи,—какъ и въ собраніяхъ прошлыхъ двухъ лѣтъ, самымъ выдающимся вопросомъ является вопросъ объ израсходованіи капитала, образованнаго закономъ 1 іюня 1895 г. Уже два года собранія разбираютъ этотъ вопросъ: говорили о немъ въ собраніяхъ очередныхъ, собирали по этому поводу собранія экстренныя. И это совершенно понятно. Земскій гласный прежде всего мѣстный плательщикъ, для котораго каждая копейка, затрачиваемая на общественныя нужды его уѣзда, отзывается на его же карманѣ, почему у него и является желаніе, чтобы эта копейка была расходована наиболѣе производительно. Здѣсь же приходится расходовать не копейки, а цѣлыя сотни тысячъ рублей; всего по губерніи въ годъ 220,572 руб. 62 коп., что въ среднемъ на уѣздъ составляетъ болѣе 14½ тысячъ, а это—одна пятая всей суммѣ большинства уѣздныхъ земствъ губерніи. *Всѣ пятнадцать* уѣздовъ губерніи постановили ходатайствовать объ обращеніи освободившихся суммъ на нужды просвѣщенія народа и сельской медицины. Въ ходатайствахъ этихъ земства заявили, что незначительныя въ ихъ суммахъ ассигновки на улучшение путей сообщенія сравнительно

съ другими статьями не являются результатомъ непониманія со стороны земскихъ собраній всей важности хорошихъ дорогъ, но они считаютъ, что народное невѣжество и полная безпомощность противъ болѣзней служатъ гораздо большею помѣхою въ дѣлѣ экономическаго развитія губерніи, чѣмъ отсутствіе улучшенныхъ путей сообщенія между отдѣльными ея поселеніями. Въ силу этихъ соображеній, уѣздныя земскія собранія ходатайствовали о разрѣшеніи имъ раздѣлить освободившіяся суммы между тремя потребностями уѣздовъ: народнымъ образованіемъ, медициною и улучшеніемъ путей сообщенія въ разныхъ частяхъ для разныхъ уѣздовъ, сообразно ощущаемой ими необходимости. Губернское собраніе согласилось съ постановленіями уѣздныхъ. Всѣ эти ходатайства не имѣли, однако, успѣха. Авторъ письма указываетъ на только-что отпечатанную книжку журналовъ городнянскихъ чрезвычайнаго и очереднаго уѣздныхъ земскихъ собраній за 1896 г. На 14 страницѣ этой книжки помѣщенъ докладъ управы «по вопросу объ обращеніи капитала, образованнаго по закону 1 іюня 1895 года на улучшение дорожныхъ сооружений». Въ докладѣ управа, рассказавъ собранію всю исторію этого капитала, въ концѣ-концовъ говоритъ, что въ настоящее время отъ уѣзднаго собранія требуется лишь только указать всѣ тѣ мѣста на дорогахъ уѣзда, которыя нуждаются въ немедленномъ исправленіи и должны быть поставлены на первую очередь, что, сообразуясь съ этимъ, она и представляетъ на разсмотрѣніе собранія 34 такихъ мѣста въ разныхъ концахъ уѣзда. Собраніе изъ этихъ 34 мѣстъ выбираетъ только *шесть*, какъ наимужнейшихъ, и поручаетъ управѣ, согласно съ законоположеніемъ, составить смѣту на исправленіе только этихъ шести мѣстъ, причѣмъ замощивать камнемъ рекомендуется *«только тамъ мѣста, гдѣ въ этомъ встрѣчается крайняя необходимость»*, въ остальныхъ же случаяхъ производить исправленія посредствомъ постройки плетней, дренажа и другихъ сравнительно дешевыхъ сооружений». Результатомъ этого постановленія является докладъ управы слѣдующему за смѣту собранію съ представленіемъ предварительныхъ смѣтъ, изъ коихъ собраніе усмотрѣло, что достодолжное исправленіе намѣченныхъ имъ шести мѣстъ обойдется ни болѣе, ни менѣе какъ въ 122,147 р. 58 к., не считая предварительныхъ расходовъ на выѣзды техника, составленіе смѣтъ, руководство и надзоръ за работами и т. д. Эта огромная цифра какъ громомъ поразила собраніе. Она привела собраніе въ смущеніе не только своимъ размахомъ, но и тѣмъ, что, несмотря на такую громадную затрату, результаты въ дѣлѣ улучшенія дорогъ получатся самыя мизерныя. Дѣло въ томъ, что замощеніе полосы дороги, длиною въ одну версту и шириною въ три сажени, тѣмъ варварскимъ способомъ, которымъ мостятся обыкновенно наши города, обходится въ здѣшной мѣстности въ пять съ половиною тысячъ рублей. Между тѣмъ, изъ указанныхъ земскимъ собраніемъ дорогъ, подлежащихъ немедленному исправленію, оказалось необходимымъ 18 верстъ каменнаго замощенія. Что же, — спрашиваетъ авторъ собою, — можно сдѣлать въ годъ на 14 1/2 тысячъ? Когда же будутъ исправ-

лены тѣ шесть мѣстъ, которыя указаны собраніемъ какъ самонужнѣйшія и требующія *немедленную* исправленія, и что значать эти 18 верстъ хорошаго пути для экономической жизни уѣзда? Какой капиталъ и какое время, наконецъ, нужно, чтобъ исправить въ уѣздѣ хотя бы только тѣ 34 мѣста, которыя признаны управою стоящими на первой очереди? Должна же быть, значить, и вторая, а можетъ быть и третья очередь. Что же, могутъ сказать,—не все разомъ. Быть можетъ пройдутъ вѣка, настанетъ же, наконецъ, время, когда не только 34 мѣста, указанные управою, но и всѣ дороги уѣзда будутъ замощены и приведены въ порядокъ, имѣлся бы только опредѣленный, нигуда на другое дѣло не отчужденный фондъ, а этииъ фондомъ и будутъ служить тѣ 14½ тысячъ, которыя вѣрно употребляютъ исключительно на дорожное благоустройство. Конечно, въ крайнемъ случаѣ можно было бы помириться и съ вѣковыми ожиданіями. Но не надо забывать, что разъ устроенная мостовая или плотина требуетъ постоянного ремонта, на который и придется отчислять изъ того же дорожнаго фонда ежегодно, по крайней мѣрѣ, десятую часть стоимости каждаго сооруженія. Не трудно разсчитать, что земство, устроивъ 20 съ небольшимъ верстъ хорошаго пути, должно будетъ на этомъ забастовать и весь свой получаемый ежегодно фондъ въ 14½ тысячъ тратить только на поддержаніе устроеннаго, оставивъ всѣ безконечныя сотни остальныхъ верстъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Отсюда ясно видно, насколько основательны были ходатайства уѣздныхъ земствъ Черниговской губерніи, просившихъ предоставить имъ право употребить хотя бы половину освобожденныхъ средствъ на дѣло народнаго образованія. Вѣдь эта половина, равняющаяся семи слишкомъ тысячамъ, дала бы возможность хотя бы тому же Городнянскому уѣзду открыть и содержать въ уѣздѣ еще 29 народныхъ училищъ, которыя, вмѣстѣ съ имѣющимися уже тридцатью, сильно двинули бы впередъ возможность общаго обученія, что въ свою очередь оказало бы на экономическое развитіе уѣзда болѣе сильное воздѣйствіе, чѣмъ 20 верстъ каменнаго пути. Не очевидна ли поэтому, — заявляетъ авторъ сообщенія, — необходимость пересмотрѣть этотъ уже рѣшенный вопросъ и поглубже вникнуть въ заявленія земствъ, близко знакомыхъ съ мѣстными нуждами?

Земство не въ состояніи поднять экономическое положеніе народа, такъ какъ всѣ важнѣйшія мѣропріятія для осуществленія такой задачи находятся внѣ его компетенціи; въ виду этого оно справедливо выдвинуло на первый планъ своей дѣятельности распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Но и для выполненія этого дѣла у него не хватаетъ средствъ. Для того только, чтобы дать народу одну лишь грамоту, требуется до 250 тысячъ народныхъ школъ, а ихъ имѣется лишь четвертая часть. Слѣдовательно, передъ тремя четвертями населенія въ школьномъ возрастѣ двери школы закрыты. Такова нужда въ отношеніи числа школъ; не меньше нужда и по отношенію къ качеству школъ.

Пятнадцать лѣтъ дѣйствуетъ томское общество попеченія о народ-

номъ образованіи. Не мало успѣло оно уже сдѣлать. Общество открыло и содержитъ нѣсколько начальныхъ школъ, бесплатную народную бібліотеку, руководѣльную школу, рисовальные классы; кромѣ того оно значительно улучшило воскресныя чтенія для народа и организовало общедоступныя литературно-музыкальныя утра и спектакли. Въ бесплатной народной бібліотекѣ насчитывается книгъ 3,114 названій, а подписчиковъ къ концу прошлаго года—1,043 человекъ, которымъ было выдано 15,586 книгъ. Наибольшій контингентъ читателей составляютъ мѣщане и крестьяне, 9% выпадаютъ на долю привилегированнаго сословія. При бібліотекѣ, помѣщающейся въ собственномъ зданіи общества, устроена читальня, которую охотно посѣщаютъ разночинцы, мелкіе торговцы, ремесленники. Воскресныя чтенія, провходящія въ 3-хъ аудиторіяхъ, привлекали въ послѣдній годъ свыше 7¹/₂ тысячъ человекъ, преимущественно простонародья. Музыкальныя утра и спектакли, недавно организованныя обществомъ, имѣютъ огромный успѣхъ. Нанявъ публики большой; дешовыя мѣста (въ 5 и 10 к.) берутся нарасхватъ. Чрезмѣрный наплывъ желающихъ бывать на утрахъ и спектакляхъ вызвалъ у общества мысль о расширеніи залы, къ осуществленію чего общество уже приступило. Вообще жизнь этого общества непрерывно прогрессировала; за все время своего 15-лѣтняго существованія оно съ каждымъ годомъ вѣршило и расширяло кругъ своей дѣятельности. И вотъ, общество это находится теперь наканунѣ «реформы». Недавно, по словамъ газеты *Сибирь*, совѣтъ общества получилъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предложеніе объ измѣненіи устава общества. Въ какомъ направленіи должно послѣдовать измѣненіе устава, можно судить по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя вызвали это предложеніе. Предложеніе министерства мотивировано тѣмъ, что общество, «расширивъ кругъ своей дѣятельности, вышло изъ предѣловъ своихъ основныхъ задачъ». Такъ, обществу поставлено на видъ, что оно организовало музей прикладныхъ знаній съ хранилищемъ книгъ научнаго содержанія, между тѣмъ какъ за нимъ признается право на учрежденіе музея, приспособленнаго исключительно къ нуждамъ школьнаго дѣла; затѣмъ, усматривающъ «превышеніе власти» со стороны общества также въ томъ, что оно открыло книжную торговлю. Но если общество при прежнемъ уставѣ дѣйствовало успѣшно, то не цѣлесообразнѣ ли, вмѣсто измѣненія устава, внести въ него тѣ вызванныя естественнымъ ходомъ развитія жизни общества дополненія, которыя вполне соответствуютъ задачамъ общества.

Тѣ же тормазы, тѣ же препятствія встрѣчаетъ общественная самодѣятельность и при учрежденіи народныхъ чтеній, сельскихъ бібліотекъ, книжныхъ складовъ для народа. Какія затрудненія надо преодолѣть для полученія разрѣшенія на устройство народныхъ чтеній, объ этомъ въ нашъ журналъ было рассказано съ большою подробностью бывшимъ инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Вахтеровымъ. Не меньшія затрудненія являются и при открытіи сельской бібліотеки, даже когда отвѣтственность за законное веденіе дѣла берутъ на себя официальные лица. Недавнѣ

Г. Поповкинъ, землевладѣлец Бурской губерніи, сообщилъ въ журналѣ *Образованіе*, что онъ задумалъ устроить у себя въ деревнѣ бібліотеку-читальню. Завѣдующими бібліотекой и отвѣтственными лицами являлись онъ, Поповкинъ, и земскій начальникъ мѣстнаго участка. Московскимъ обществомъ грамотности были уже присланы книги, земство дало субсидію въ 100 рублей, но дѣло стало за разрѣшеніемъ, которое ожидалось года полтора. Недавно стало извѣстно, что не разрѣшается бібліотека потому, что среди 2-хъ лицъ, на которыхъ земство указало, какъ на завѣдующихъ будущею бібліотекой, не оказалось лица изъ духовнаго или педагогическаго міра. А такъ какъ въ селѣ нѣтъ ни земской, ни министерской школы, то и педагогическаго міра тоже, значить, нѣтъ. Между тѣмъ бібліотека уже выслана обществомъ грамотности и лежитъ въ земской управѣ.

Въ виду такого недовѣрчиваго отношенія къ общественной самодѣятельности въ области просвѣщенія народа является, можно сказать, сюрпризомъ 25-лѣтній юбилей дѣятельности распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Мы вполне присоединяемся къ словамъ комиссіи, избранной для разработкы программы празднованія юбилія общества, что оно развило свою дѣятельность до такихъ размѣровъ, которые вызвали уваженіе къ нему во всѣхъ сферахъ, сочувствующихъ святому дѣлу народнаго образованія. Начавши свою просвѣтительную работу съ грошевыми средствами, испытавъ на себѣ всю трудность просвѣтительной работы въ провинціи, общество успѣвало, тѣмъ не менѣе, изъ года въ годъ расширять свою дѣятельность и совершеннѣе выполнять свою основную задачу — содѣйствовать развитію начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Въ предѣлахъ своего устава общество выполнило очень многое: оно упрочило свое матеріальное положеніе, открыло книжные склады, городскія, сельскія и школьныя бібліотеки-читальни, организовало учительскія бібліотеки, устроило народныя чтенія въ городахъ и уѣздахъ и литературно-музыкальныя утра. Всѣ стороны преимущественно внѣшкольнаго образованія народа захвачены просвѣтительною работой общества. Вызванное частною инициативой, общество, — говоритъ *Нижегородскій Листокъ*, — въ своихъ предпріятіяхъ опиралось на тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ оно отчасти работало — сельскихъ учителей и учительницъ. Эти первые пионеры культурной миссіи общества, на мѣстѣ, во всѣхъ уголкахъ Нижегородской губерніи, были лучшими работниками общества. Они являлись первыми посредниками между обществомъ и народомъ; и опытъ 25 лѣтъ показалъ, что это звено является прекраснымъ связующимъ цементомъ культурныхъ слоевъ общества съ многочисленной народной массой. Общество, имѣвшее въ 1886 году лишь 5 отдѣленій въ губерніи, въ прошломъ году имѣло ихъ уже 209, разбросанныхъ въ самыхъ глухихъ участкахъ губерніи. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, главнымъ образомъ при посредствѣ сельскихъ учителей, распространено книгъ до 400 тыс. экз., на сумму до 12 тыс. рублей. Эта цифра приобретаетъ особенное значеніе потому, что общество распространяетъ книги на мѣстѣ

спроса, удовлетворяя потребности глухих мѣстностей, совершенно лишены книги.

Расширяется также дѣятельность харьковскаго комитета по устройству сельскихъ библиотекъ, образовавшагося года четыре назадъ при Харьковскомъ обществѣ распространянія въ народѣ грамотности. Пользуясь отъ губернскаго земства ежегодною субсидіей въ размѣрѣ 4,300 руб., комитетъ успѣлъ уже открыть въ губерніи 54 бесплатныхъ народныхъ библиотекъ. Кромѣ того, комитетъ собралъ всѣ необходимыя справки и возбудилъ соотвѣтствующія ходатайства передъ губернской администраціей относительно устройства новыхъ библиотекъ въ 31 селеніи. Организованныя комитетомъ библиотеки вскорѣ вызвали къ себѣ сочувствіе мѣстнаго населенія. Библиотеки посѣщаются крестьянами не только изъ ближайшихъ селеній, но нерѣдко и изъ удаленныхъ за нѣсколько верстъ. Число подписчиковъ и читателей достигаетъ весьма значительныхъ цифръ. Такъ въ с. Баклѣй, какъ только открылась библиотека, число читателей немедленно же достигло 1,027 человекъ при населеніи въ 5,000 душъ. Корреспонденты комитета сообщаютъ, что среди абонентовъ библиотекъ распространено чтеніе группами: грамотный читаетъ, а неграмотные слушаютъ, что такое явленіе часто замѣчается на «посидѣлкахъ» и «вечерницахъ», что оно часто отвлекаетъ народъ отъ кабака и тѣмъ способствуетъ облагораживанію, въ нравственномъ смыслѣ, населенія. Библиотеки, открываемыя харьковскимъ комитетомъ, на первыхъ порахъ составляются изъ книгъ на сумму начиная съ 50 руб., а затѣмъ послѣдовательно пополняются новыми книгами, соотвѣтственно выяснившейся потребности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что комитетъ получаетъ книги непосредственно отъ издателей, съ значительною уступкой противъ проставленныхъ цѣнъ. А такъ какъ, кромѣ того, за составленіе библиотекъ комитетъ, благодаря бесплатному труду своихъ членовъ, особой платы не взимаетъ, то сформированныя имъ библиотеки обыкновенно бываютъ болѣе богатыми по числу книгъ, нежели библиотеки, заказываемыя на ту же цѣну въ частныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ этомъ, между прочимъ, кроется причина того, что съ заказами обращаются въ комитетъ и изъ-за предѣловъ Харьковской губерніи. Такъ, наприм., мелитопольское уѣздное земство одновременно сдѣлало заказъ комитету на 70 библиотекъ, стоимостью въ 4,000 руб. Комитетъ разсылаетъ и бесплатно книги. Такъ, въ 1896 году, за который имѣется у него отчетъ, имъ было послано 2,180 книгъ въ 39 мѣстъ, принадлежащихъ къ 19 губерніямъ. Учрежденія и составъ лицъ, съ которыми въ этомъ случаѣ имѣетъ дѣло харьковскій комитетъ, въ общемъ напоминаетъ кліентовъ бывшихъ столичныхъ комитетовъ грамотности. Это—земскія управы, учителя, попечители школъ, священники, врачи и т. п. Изъ другихъ работъ комитета особенно важно значеніе слѣдуетъ признать за составленнымъ имъ «Руководствомъ къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ». Первое изданіе этого лучшаго у насъ справочнаго изданія по библиотечному дѣлу вышло въ 1895 году и въ теченіе перваго же полугодя разошлось, такъ что

къ ноябрю слѣдующаго года его пришлось повторить. Это изданіе также быстро разошлось. Въ мартѣ текущаго года комитетъ приступилъ къ печатанію третьяго изданія, которое, несомнѣнно, будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и предыдущія.

Весьма симпатичнымъ и цѣлесообразнымъ является заволащивающее у насъ нововведеніе выражать благодарную память потомства великимъ отечественнымъ писателямъ открытіемъ школъ и библиотекъ ихъ имени и по мѣсту ихъ родины. Такихъ школъ и библиотекъ учреждено за послѣднее время уже нѣсколько. Къ нимъ присоединятся вскорѣ еще двѣ библиотеки имени Бѣлинскаго, которыя предположено открыть ко дню пятидесятилѣтней годовщины великаго писателя въ Чембарѣ и Пензѣ, какъ въ мѣстахъ его родины и первоначальнаго образованія. Учитель чембарскаго городского училища А. Д. Возменковъ произнесъ въ засѣданіи мѣстной думы рѣчь, въ которой, обрисовавъ публицистическую личность Бѣлинскаго, какъ писателя, сдѣлавшаго для пробужденія русской мысли и совѣсти едва ли не болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ писателей, онъ привелъ тѣ данныя изъ жизни покойнаго критика, которыя тѣсно связываютъ его славное имя съ скромнымъ уѣзднымъ городкомъ Пензенской губерніи. Внесенное имъ предложеніе объ открытіи библиотеки имени Бѣлинскаго было принято думой, причѣмъ на содержаніе библиотеки постановлено отпускать по 100 руб. въ годъ. Въ настоящее время это постановленіе думы губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ уже утверждено и проектъ устава библиотеки, съ ходатайствомъ именовать ее «городскою публичною библиотекою имени В. Г. Бѣлинскаго», представленъ на утвержденіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Люди сѣющіе на нивѣ просвѣщенія народа не забыли въ своей просвѣтительной дѣятельности и населенія тюремъ. Сообщенія объ устройствѣ ими въ тюрьмахъ школъ и чтеній учащаются. Интересные факты о ходѣ воскресныхъ чтеній въ угличской тюрьмѣ (Ярославской губ.) напечатаны въ *Сынъ Отечества* и *Орловскомъ Вѣстникѣ*. Инициаторомъ устройства этихъ чтеній былъ учитель мѣстнаго городского училища П. А. Бритскій. Благодаря тому, что для устройства чтеній въ тюрьмѣ не требовалось особыхъ формальностей, они по просьбѣ тюремнаго отдѣленія были немедленно разрѣшены губернаторомъ, и 27 октября прошлаго года послѣдовало первое чтеніе. Такимъ образомъ чтенія ведутся уже годъ и за все это время арестанты съ одинаково неослабнымъ интересомъ относились къ чтеніямъ. Интересъ къ нимъ до того великъ, что тюремная администрація воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и однимъ только предостереженіемъ—не допустить провинившагося къ чтеніямъ воздерживала многихъ отъ проступковъ. По отзыву зрителей, послѣ чтеній арестанты цѣлые вечера проводятъ въ бесѣдахъ о прочитанномъ, въ то время какъ ранѣе эти вечера употреблялись на пересказы дѣйствительныхъ и вымышленныхъ исторій о преступленіяхъ. Чтенія началъ вести инициаторъ дѣла съ тюремнымъ священникомъ, но послѣ перваго же чтенія болѣе двѣнадцати человѣкъ, пре-

инициативно учителей, выразили свое желаніе принять участіе въ нихъ. Чтенія состоятъ изъ двухъ отдѣленій: духовно-нравственнаго и литературно-историческаго. Программа чтенія составляется участвующими и утверждается предсѣдателемъ тюремнаго отдѣленія. Особымъ успѣхомъ изъ прочитаннаго въ прошломъ году пользовались: *Прохожій* Григоровича, *Богъ правду видитъ*, *Кавказскій плѣнникъ*, *Гдѣ любовь тамъ и Богъ*, *Упустишь огонь — не потушишь* Л. Н. Толстого, и живые пересказы, безъ помощи книги, историческихъ разсказовъ, біографій писателей, общественныхъ и научныхъ дѣятелей. Чтенія иллюстрировались туманными картинками, волшебный фонарь для которыхъ пожертвовалъ директоръ тюремнаго отдѣленія Н. А. Бычковъ. На пожертвованные однимъ благотворителемъ 25 руб. было положено основаніе небольшой библіотеки, для которой были выписаны, по преимуществу, брошюры историческаго и географическаго содержанія, всего до 150 №№, но вся эта библіотека мигомъ была прочитана въ будничные вечера и требуетъ обновленія. Открывшаяся въ юлѣ нынѣшняго года городская публичная библіотека приходитъ на помощь тюремной и передаетъ дубликаты книгъ, которыхъ оказалось очень много среди пожертвованныхъ ей книгъ. Хорошее дѣло устройства чтеній въ тюрьмѣ вызоветъ, вѣроятно, другое доброе дѣло: въ средѣ угличскаго населенія явилась мысль объ учрежденіи общества для помощи выходящимъ изъ тюрьмы.

Изъ другихъ видовъ общественной самодѣятельности, сообщенныхъ послѣдней почтой, отмѣтимъ, прежде всего, устройство первыхъ яслей въ Московскомъ уѣздѣ. Въ минувшее лѣто, — сообщаетъ д-ръ Д. И. Орловъ, въ *Русскія Вѣдомости*, — въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ дѣйствовали ясли въ деревнѣ Раево, Ростокинской волости, устроенныя московскимъ уезднымъ обществомъ попеченія о немущихъ дѣтяхъ. Онѣ были открыты 29 іюня, а закрыты 29 августа. Потребность устройства яслей въ деревнѣ сознавалась уже давно. Еще въ 1880 году д-ръ П. А. Песковъ на уѣздномъ земскомъ санитарномъ совѣтѣ поднималъ вопросъ объ учрежденіи земствомъ яслей въ деревняхъ на время лѣтнихъ работъ. И спеціальныя санитарныя изслѣдованія по Московскому уѣзду, и многочисленныя такія же изслѣдованія въ Московской и другихъ губерніяхъ, и наблюденія участковыхъ врачей въ амбулаторіяхъ лѣчебницъ постоянно указываютъ на плохія условія вскармливанія и воспитанія грудныхъ дѣтей въ деревняхъ, особенно въ страдную пору. Московское уѣздное общество попеченія о немущихъ дѣтяхъ въ первый же годъ своей работы сдѣлало постановленіе рекомендовать особенно вниманію благотворителей, предоставлять инициативныя и денежныя пожертвованія на устройство яслей для дѣтей населеній въ рабочую пору. Въ минувшее лѣто обществомъ открыты, какъ сказано, первыя ясли въ деревнѣ Раево. Въ Раевѣ есть земская школа на лѣто пустующая. Земство уступило обществу на лѣтніе мѣсяцы эту школу для устройства въ ней яслей. Зданіе школы предворительно было продезинфицировано, затѣмъ вычищено и выбѣлено. Обстановка яслей бы-

самая скромная: простые столы, табуреты, скамьи, 4 кровати для прислуги; всё эти вещи доставлены из земской мытищенской лѣчебницы. Для дѣтей были приобретены простые корзинки и 3 корзинки на колесикахъ для каганія. Только очень хорошъ былъ шкафъ для бѣлья и посуды, пожертвованный А. Л. Боль. Бѣлье было также замѣчательно хорошо; оно пожертвовано въ кускахъ и сшито стараніями Н. Н. Рихтеръ, которая ежедневно приходила въ ясли, чтобы слѣдить за ихъ нуждами и за состояніемъ дѣтей. Для постоянного наблюденія за яслями была приглашена г-жа Виноградова, которая раньше много лѣтъ служила акушеркой въ мытищепской лѣчебницѣ и которую населеніе Раева прекрасно знаетъ. Всего израсходовано было на ясли въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ около 200 рублей.

Всѣхъ дѣтей въ ясляхъ перебывало 22; изъ нихъ 21 были изъ Раева и 1 ребенокъ изъ сосѣдней деревни. Возрастъ ихъ былъ различный, отъ 6 дней и до 4 лѣтъ. Больше всего было по одному ребенку со двора; но было пять дворовъ, изъ которыхъ принесли въ ясли по два ребенка. Ясли дѣйствовали всѣ дни, за исключеніемъ праздниковъ. Порядокъ веденія яслей былъ такой. Рано утромъ матери приносили въ ясли своихъ дѣтей. Ихъ тотчасъ мыли въ ваннѣ и переодевали въ чистое бѣлье яслей. Весь день дѣти проводили въ ясляхъ, гдѣ ихъ кормили и забавляли. Груднымъ дѣтямъ давалось кипяченое молоко цѣльное или разбавленное кипяченою водою, а старшіе получали сверхъ того супъ, хлѣбъ и кашку. Не менѣе двухъ разъ въ день приходили матери покормить грудью своихъ дѣтей. Прислуги было четыре человека: кухарка, нянька и двѣ дѣвочки подростка въ помощь нянѣкѣ. Вечеромъ матери забирали своихъ дѣтей, причемъ дѣти переодевались въ свое бѣлье, а снятое съ нихъ поступало въ стирку. Изъ пользовавшихся услугами яслей умеръ только одинъ ребенокъ, который поступилъ въ ясли истощеннымъ и умирающимъ. Нѣкоторые дѣти были съ ясно выраженнымъ рахитизмомъ; они значительно поправились и окрѣпли. Самые маленькія дѣти развивались правильно и хорошо. Ясли завоевывали къ себѣ расположеніе женщинъ, которыя проводили надзирательницу съ выраженіемъ большого сочувствія и при прощаніи высказали сильное желаніе, чтобы ясли были открыты и въ будущее лѣто.

Изъ области другихъ видовъ общественной самодѣятельности слѣдуетъ указать на важное ходатайство о нормированіи и сокращеніи рабочаго дня ремесленныхъ учениковъ, возбужденное петербургскимъ обществомъ защиты дѣтей. Пользуясь предоставленнымъ министру финансовъ въ законѣ о нормированіи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ правомъ распространять законныя нормы и на рабочихъ ремесленныхъ мастерскихъ, общество защиты дѣтей препроводило въ департаментъ торговли и мануфактуръ ходатайство о сокращеніи рабочаго времени для малолѣтнихъ работниковъ ремесленныхъ заведеній. Не ограничиваясь этимъ ходатайствомъ, общество обратилось къ петербургскому градоначальнику съ просьбой о томъ, чтобы градоначальникомъ предписано было ремесленной управѣ установить надзоръ за продолжительностью рабочаго времени въ ремесленныхъ мастер-

скихъ. Оба эти ходатайства явились результатомъ обследованія быта ремесленныхъ учениковъ, производившагося минувшимъ лѣтомъ участковыми попечителями общества защиты дѣтей. Обследование показало, что дѣтямъ ремесленникамъ приходится работать не только не меньше, но даже больше, чѣмъ взрослымъ, и если недавно опубликованнымъ закономъ рабочее время взрослого рабочаго ограничено 11¹/₂ часами, то обычай, создавшійся среди ремесленниковъ, обратилъ во многихъ мастерскихъ почти въ норму 13, 14 и даже 15-часовую работу учениковъ.

Но не въ одномъ сокращеніи рабочаго дня нуждаются ремесленные ученики. Требуется радикальное измѣненіе всего ихъ положенія. На безотрадное и совершенно ненормальное положеніе учениковъ въ ремесленныхъ мастерскихъ давно указываетъ нашей прессой, какъ столичной, такъ и провинціальной. Ребенокъ, отдаваемый на выучку въ мастерскую, идетъ почти всегда на страданіе. Брань, брань на каждомъ шагѣ, безъ всякаго повода, пинокъ и побои по самому пустому поводу сыплются на несчастныхъ дѣтей. Всегда они голодныя, грязныя и въ лохмотьяхъ. Во все время ученія, то-есть въ теченіе пяти лѣтъ, ученики не видятъ передъ собою ничего хорошаго; нравственной грязи, пьянства, разврата видятъ много. Описывая положеніе ремесленныхъ учениковъ, газета *Жизнь и Искусство* справедливо замѣчаетъ, что, поступая въ мастерскую весьма часто невинными, тихими дѣтьми, они, прошедши «курсъ ученія» дѣлаются, уже въ юности пьяницами и дебоширами. Таковъ результатъ ученія:—мальчика выучили, кое-какъ, плохо ремеслу и за это убили въ немъ человѣческое достоинство. Для того, чтобы облегчить положеніе учениковъ въ мастерскихъ и поднять ихъ нравственный уровень, газета считаетъ необходимымъ введеніе законодательнымъ путемъ слѣдующихъ правилъ: 1) чтобы ученики, поступая въ мастерскую, отнюдь не исполняли работъ, не относящихся къ ремеслу, которому они должны обучаться; 2) воспрещеніе брани и побоевъ; 3) пища для учениковъ должна быть сытная и свѣжая; одежда и обувь чѣлая и крѣпкая и должна соответствовать временамъ года; помѣщаться ученики должны не въ мастерской, а въ особыхъ помѣщеніяхъ, теплыхъ, сухихъ и свѣтлыхъ; 4) продолжительность рабочаго дня должна быть сокращена сообразно возрасту; 5) въ воскресенье и праздничные дни мальчики-ученики должны отпускаться къ роднымъ, а не находиться въ мастерской для услугъ хозяину; 6) за исполненіемъ этихъ правилъ долженъ быть установленъ надлежащій контроль и нарушители ихъ, хозяева и подмастерья, должны подлежать ответственности.

Выше мы сказали, что общество защиты дѣтей представило министру финансовъ ходатайство о сокращеніи рабочаго времени для учениковъ ремесленныхъ заведеній. Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе постановленіе симбирскаго окружнаго суда, коимъ онъ проситъ своего предсѣдателя войти съ представленіемъ къ министру юстиціи о необходимости измѣненія въ законодательномъ порядкѣ заключенія договоровъ объ отдачѣ дѣтей ремесленнымъ мастерамъ въ обученіе. Поводомъ къ такому постановленію

послужило,—как сообщает *Самарская Газета*,—слѣдующее дѣло, разбиравшееся въ симбирскомъ судѣ. Въ Симбирскѣ содержится столярную мастерскую нѣкій Митрофанъ Петровъ, не имѣющій установленнаго свидѣтельства на званіе мастера. Петровъ взялъ къ себѣ въ обученіе троицъ мальчиковъ, съ родителями которыхъ заключилъ у нотаріуса нотаріальный договоръ, по которому дѣти оказались какъ бы закрѣпощенными Петрову, проданными ему на извѣстное число лѣтъ. Петровъ въ обращеніи съ дѣтьми оказался человѣкомъ грубымъ, жестокимъ, онъ билъ и колотилъ дѣтей похода, какъ говорится, когда и тѣмъ только попало; кромѣ того, онъ заставлялъ ихъ и дрова колотить, и воду носить, и кушанья готовить, словомъ—исполнять всѣ домашнія работы, такъ что собственно на обученіе ремеслу не оставалось ни минуты свободной. Была дѣтей и жена Петрова. Родители не могли избавить несчастныхъ отъ побой и истязаній Петрова,—въ рукахъ послѣдняго былъ нотаріальный договоръ извѣстнаго содержанія, нарушить который нельзя подѣ угрозой неустойки. Они обратились, наконецъ, съ жалобой на Петрова въ ремесленную управу. Послѣдняя немедленно распорядилась отобрать учениковъ отъ Петрова, какъ лица, не имѣющаго свидѣтельства на званіе мастера, привлечь его къ законной отвѣтственности за безчеловѣчное обращеніе съ дѣтьми и понужденіе ихъ къ исполненію домашнихъ работъ и, кромѣ того, управа обратилась къ предсѣдателю окружнаго суда съ просьбою сдѣлать распоряженіе о запрещеніи нотаріусамъ совершать условія на пріемъ въ обученіе мастерами учениковъ безъ представленія извѣстныхъ документовъ. Симбирскій судъ не только исполнилъ просьбу ремесленной управы, но и обратился къ министру юстиціи съ ходатайствомъ объ измѣненіи въ законодальномъ порядкѣ договоры объ отдачѣ дѣтей ремесленнымъ мастерамъ въ обученіе.

Едва ли существуетъ у насъ государственное установленіе, относительно несостоятельности котораго сформировалось бы такое общее убѣжденіе, какъ относительно дѣйствующей системы взиманія податей. Всѣ согласны, что дѣйствующая система взиманія податей разорительна для народа и убыточна для казны; сознаніе это выработалось не вчера, не за послѣднее время, а существуетъ давно, не менѣе четверти вѣка, а тѣмъ не менѣе система эта продолжаетъ жить и угнетать народное хозяйство. Уже учрежденная правительствомъ въ 1873 году Валуевская коммиссія, въ докладѣ своемъ комитету министровъ заявляла, что она «обратила вниманіе на принятый способъ взысканія податей и недоимокъ, сопровождающійся большею частью продажей скота и инвентаря. Мѣра эта, примѣняемая безъ всякаго разбора, окончательно останавливаетъ производство и лишаетъ казну, ради исправно поступающаго одновременнаго платежа, плательщика въ будущемъ, не мало содѣйствуя упадку сельской производительности». Поэтому коммиссія полагала, что «реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей Россіи». Съ такимъ выводомъ коммиссія вполне согласилась тогда и комитетъ министровъ; затѣмъ явилось нѣсколько

проектовъ измѣненія системы взиманія прямыхъ податей, но все дѣло ограничилось обмѣномъ вполне согласныхъ взглядовъ и многотомными журналами, въ которыхъ занесены эти взгляды.

Нынѣшній министръ земледѣлія, на обязанности котораго лежитъ забота о поднятіи производительныхъ силъ сельскаго населенія, въ книгѣ своей *Неурожай и народное бѣдствіе*, ярко и подробно обрисовалъ угнетающій образъ дѣйствія на благосостояніе крестьянскаго населенія дѣйствующей системы взиманія податей. Авторъ названной книги, какъ и всѣ другіе изслѣдователи практикующихся у насъ способовъ взысканія податей, видитъ ихъ вредъ прежде всего въ томъ, что слишкомъ большая часть этихъ сборовъ приурочена къ неудобному для земледѣльческаго населенія времени, именно къ осени. Въ губерніяхъ исключительно земледѣльческихъ осенью «выколачиваются» отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{5}$ всѣхъ платежей. Платежи эти здѣсь покрываются почти всецѣло путемъ продажи хлѣба,—продажи вынужденной, такъ какъ хлѣбъ вывозится на рынокъ въ самое неудобное для его продажи время, когда предложеніе превышаетъ спросъ, когда невольною нуждою крестьянина въ деньгахъ пользуются разные спекуляторы, когда эти вынужденныя одновременныя продажи роняютъ на рынокъ и безъ того низкія цѣны продуктовъ земледѣлія. Вотъ почему,—продолжаетъ г. министръ земледѣлія,—даже и въ годы самаго высокаго, можно сказать, баснословнаго урожая, населеніе это не было въ состояніи поправить свое благосостояніе, потому что эти годы все унесли на покрытіе старыхъ долговъ и ничего не оставили для будущаго времени. Вся тяжесть взиманія податей здѣсь ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало и тогда накапливаются недонки, или много, но онъ такъ дешевъ, что даже за продажей его не всегда удается крестьянину выполнить свои обязательства передъ казною». Такая разорительная для рядового земледѣльца система взиманія податей усугубляетъ свое вредоносное дѣйствіе еще тѣмъ, что сборъ податей отъ давнѣ всецѣло въ руки мѣстной полиціи, тогда какъ органы министерства финансовъ, податные инспектора отъ этого дѣла вполне устранены. При такихъ условіяхъ,—утверждаетъ г. министръ земледѣлія,—«является почти полная безконтрольность въ дѣйствіяхъ мѣстной полиціи, которая, въ особенности въ лицахъ своихъ низшихъ органовъ, стремится осознательно выказать передъ начальствомъ свое усердіе именно исправнымъ взысканіемъ податей, нерѣдко даже въ ущербъ всѣмъ прочимъ, чисто-полицейскимъ своимъ обязанностямъ и при этомъ, пользуясь полною безконтрольностью своихъ дѣйствій, нерѣдко далеко выходитъ за предѣлы указанныхъ закономъ порядковъ такого взысканія». Законъ, напримѣръ, обставляетъ прудительное взысканіе податей извѣстными ограниченіями, направленными къ недопущенію полнаго разоренія земледѣльца, но ограниченія эти слишкомъ часто не соблюдаются. Законъ не допускаетъ продажи крестьянскія избы, надѣла, лошади и всего того, что считается неотъемлемою принадлежностью крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ надѣлы отбираются неисправныхъ плательщиковъ и сдаются въ постороннія руки, скотъ при

дается массами — и все это разрушает самостоятельное крестьянское хозяйство и плодит безземельных и безлошадных крестьян. Последние суть кандидаты въ безземельные. Такъ растетъ сельскій пролетаріатъ. Слѣдствительно, существующая система взысканія податей и чрезмѣрная ретивость полиціи при взысканіи ихъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами даже самой казны, такъ какъ истощаютъ платежныя силы населенія и, создавая сельскій пролетаріатъ, уменьшаютъ относительное число плательщиковъ.

Продажею скота и разнаго другого инвентаря крестьянъ при взысканіи съ нихъ податей и недоимокъ дѣло не ограничивается; понуждаемые начальствомъ низшіе полицейскіе органы прибѣгаютъ нерѣдко и къ насилію. Вотъ свѣжій фактъ изъ этой печальной области, разбиравшійся недавно въ казанскомъ окружномъ судѣ и напечатанный въ газетѣ *Казанскій Телеграфъ*. Староста села Абызова Андреевъ и сборщикъ податей Ивановъ привлечены были къ суду по обвиненію ихъ въ причиненіи насилія неаккуратнымъ плательщикамъ податей. Произведя взысканіе податей въ своемъ селеніи, Андреевъ и Ивановъ собрали всѣхъ неаккуратныхъ плательщиковъ передъ вѣзжей избой и стали вызывать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности къ себѣ.

— Уплатишь?... — лаконически спрашивали они явившагося и, по выслушаніи отрицательнаго отвѣта со стороны недоимщика, схватывали его за бороду или за волосы и бросали на полъ.

Когда недоимщикъ пытался что-либо говорить по поводу производимаго надъ нимъ насилія, ретивые взыскатели недоимокъ, со словами: «а, тебѣ еще мало!» толкали несправнаго плательщика ногами, били кулаками и т. п. Хотя эти насильственные дѣйствія и не улучшили тугое поступленіе недоимокъ съ населенія с. Абызова, но описанному выше насилію было подвергнуто болѣе 20-ти абызовскихъ домохозяевъ, которые, перенося безропотно незаконное насиліе надъ собою, довели, однако, объ этомъ до свѣдѣнія губернскаго правленія. Такъ какъ произведенное затѣмъ по поводу жалобы потерпѣвшихъ разслѣдованіе подтвердило указанные въ жалобѣ факты, то противъ Андреева и Иванова было возбуждено настоящее дѣло. Не отрицая причиненія насилія абызовскимъ недоимщикамъ, они оправдывались тѣмъ, что имѣли *строгое предписаніе отъ начальства* взыскать какъ можно больше недоимокъ.

— Но били вы ихъ затѣмъ? — спрашивали ретивыхъ взыскателей.

— А что же съ ними дѣлать, когда они не платятъ?... — отвѣчали Андреевъ и Ивановъ.

Окружный судъ приговорилъ обоихъ обвиняемыхъ къ аресту при полиціи на пять дней каждаго.

Система взиманія податей требуетъ реформы тѣмъ болѣе, что самыя размѣры крестьянскихъ податей громадны. Нижегородской казенной палатой произведено изслѣдованіе объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія губерніи. Матеріаломъ для этого изслѣдованія послужили различныя данныя, имѣвшіяся у податныхъ инспекторовъ, земствъ и т. п.

Это исследование между прочимъ заключаетъ въ себѣ данныя о доходахъ крестьянъ и взимаемыхъ съ нихъ окладныхъ сборовъ. Изъ сообщенія *Волжскаго*, откуда мы заимствуемъ это извѣстiе, видно, что общiй бюджетъ крестьянскаго населенiя, слагающiйся изъ доходовъ какъ съ землепользованиа, такъ и отъ внѣ-земледѣльческихъ промысловъ, выражается въ суммѣ 6.779,000 рублей. Изъ этой суммы уплачивается сборовъ казенныхъ, земскихъ, мирскихъ и страховыхъ 4.670,000 рублей. Такимъ образомъ, обязательные платежи поглощаютъ двѣ трети крестьянскаго бюджета. Какъ почувствовали бы себя и что сказали бы прочiе классы населенiя Россiи, еслибъ имъ пришлось платить съ ихъ доходовъ 70% налоговъ!

Дѣйствующая у насъ финансовая система оставляетъ такъ мало средствъ крестьянскому населенiю, что всякое, даже самое незначительное требованiе съ него платы за пользованiе благами культуры заставляетъ народъ отказываться отъ этихъ благъ. Уржумское земство съ цѣлью увеличитъ свои денежные средства ввело пятачковый сборъ за рецепты. Результатомъ этого было сильное уменьшенiе числа обращенiй къ врачебной помощи. До введенiя пятачковаго числа приходившихъ больныхъ здѣсь, по сообщенiю *Вятскаго Края*, выражалось: въ 1887 г.—76 т., въ 1888 г.—94,8 т., въ 1889 г.—99,6 т. чел.; съ 1890 г. вводятся пятачки и число приходившихъ больныхъ сразу убавилось болѣе чѣмъ на половину и было 45,250 ч.; даже въ холерный 1892 годъ число лицъ обратившихся къ врачебной помощи не превысило цифры 55 тысячъ. Опытъ введенiя пятачковаго въ 1890 г. пробовало сдѣлать и саратовское земство, но, получивъ подобныя уржумскимъ результаты, оно на другой же годъ, по предложенiю управы, отменило этотъ неправильный налогъ. Такой налогъ, какъ вѣрно замѣчаетъ названная газета, не только несправедливъ, но и вреденъ. При несвоевременномъ обращенiи къ врачамъ за совѣтомъ, при запущенiи болѣзни является больше шансовъ къ распространенiю эпидемiй. Между тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ земства заключается въ улучшенiи условiй народнаго здравiя.

Мы обращаемъ особенное вниманiе земскихъ дѣятелей на результаты сдѣланныхъ опытовъ введенiя платы за лѣченiе. Ради улучшенiя земскихъ финансовъ, предложенiя установить сборъ съ больныхъ, обращающихся къ врачамъ, возникаютъ то въ томъ, то въ другомъ земскомъ собранiи. Опытъ уржумскаго и саратовскаго земствъ, очевидно, свидѣтельствуетъ, что подобныя предложенiя идутъ въ разрѣзъ съ задачами земства.

И. Иванововъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австро-венгерскій министр иностранныхъ дѣлъ далъ въ делегаціяхъ интересные объясненія. Графъ Голуховскій заявилъ, что между габсбургскою монархіей и нашимъ отечествомъ существуетъ точное соглашеніе по восточному вопросу, что обѣ державы отказываются отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ на Балканскомъ полуостровѣ и отъ стремленія пріобрѣсти исключительное вліяніе на какое-либо изъ государствъ полуострова. Это ясное утвержденіе звучитъ въ высшей степени успокоительно для европейскаго мира. Быть можетъ такая политика объясняется преимущественно тяжелымъ внутреннимъ положеніемъ Австро-Венгрии, и тогда придется признать, что иногда зло сопровождается и добромъ.

Указавши на то, что усиліями европейскаго концерта локализована и прекращена война между Турціей и Греціей, графъ Голуховскій склоненъ приписывать львиную долю этой заслуги австро-венгерскому правительству. Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ болѣе значительную роль сыграла Россія, но не можемъ признать результаты миролюбивыхъ усилій великихъ державъ достаточно удовлетворительными. Критъ по-прежнему находится въ состояніи анархіи и участницы концерта никакъ не могутъ сговориться, кого назначить генераль-губернаторомъ этого несчастливаго острова.

Австро-венгерскій министр иностранныхъ дѣлъ въ своихъ объясненіяхъ передъ делегаціями подымается въ болѣе высокую сферу: онъ не только даетъ отчетъ въ современномъ состояніи международныхъ отношеній, но и дѣлаетъ попытку охарактеризовать современный историческій моментъ и указать на ближайшее будущее европейскаго человѣчества. Мы стоимъ, по мнѣнію графа Голуховскаго, на поворотномъ пунктѣ: ХХ-е столѣтіе будетъ эпохою борьбы на торгово-политической основѣ. Для того, чтобы народы могли успѣшно достигать благоприятныхъ условій существованія, долженъ быть обезпеченъ всеобщій миръ.

Рѣчь графа Голуховскаго была встрѣчена сочувственно и австро-нѣмецкими, и австро-славянскими, и мадьярскими газетами *). Делегациі вы-

*) *Ройль* признаетъ заслуживающимъ наибольшаго вниманія то мѣсто въ рѣчи, въ которомъ говорится о дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи.

разили министру единодушное одобрение. Но, на нашъ взглядъ, рѣчь грѣшить односторонностью и оптимизмомъ: XX вѣку перейдутъ въ наследство и эльзась-лотарингскій, и балканскій, и многіе тяжелые «вопросы», удовлетворительнаго отвѣта на которые не могло дать истекающее столѣтіе. Особенно острую форму національная борьба приняла къ концу нашего вѣка именно въ Австро-Венгріи. Безобразныя сцены въ парламентѣ, которыми опозорили себя австрійскіе нѣмцы, въ связи съ агитаціей внѣ рейхсрата, повели къ уличнымъ демонстраціямъ въ Вѣнѣ и къ серьезнымъ столкновениямъ съ полиціей и войсками. Рокowymъ эхомъ отозвались эти происшествія въ Прагѣ, гдѣ толпа нападала на нѣмецкіе и еврейскіе дома. Министрство графа Бадени вынуждено было подать въ отставку, къ величайшему ликоваію нѣмцевъ. Новый кабинетъ, съ Гаучемъ во главѣ, приостановилъ засѣданія парламента и началъ переговоры и съ нѣмецкою оппозиціей, и съ славяно-клерикальнымъ большинствомъ, но неудачно. И та, и другая сторона крѣпко стоять на своихъ требованіяхъ, и примирить желаніе нѣмцевъ господствовать съ стремленіемъ славянъ къ равноправности нѣтъ никакой возможности.

Экономическіе вопросы—это не подлежитъ сомнѣнію,—и торгово-политическія отношенія пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе въ международной жизни. Европейскія державы захватили въ свою власть, или подчинили своему вліянію множество земель въ другихъ частяхъ свѣта, и этотъ процессъ все развивается. Графъ Голуховскій правъ, но бѣда въ томъ, что въ самой Европѣ нѣтъ достаточной солидарности между государствами и народами, а во многихъ случаяхъ дѣло доходитъ до непримиримой и злой ненависти. Борьба между нѣмцами и славянами въ Австро-Венгріи и положеніе христіанъ вообще и армянъ въ особенности въ Турецкой имперіи представляютъ такое грустное зрѣлище, за которое исторія пронесетъ, конечно, суровый приговоръ виновнымъ, но которое требуетъ прежде того настойчивыхъ усилій современниковъ для устраненія зла. Приходится признать, что грубое и упрямое національное высокомеріе является еще очень крупнымъ историческимъ факторомъ даже у таковаго высококультурнаго племени, каково германское.

Итальянскія газеты, враждебныя тройственному союзу, указываютъ съ негодованіемъ на образъ дѣйствій австро-нѣмецкихъ централистовъ. Наполеонъ Колаинни говоритъ въ *Secolo* о разложеніи Австріи *). Печальныя сцены, которыя происходили въ итальянскомъ и французскомъ парламентахъ,—зашѣкаетъ Колаинни,—давно уже возбуждали жестокія насмѣшки со стороны нѣмецкой печати, которая заявляла, что латинскія расы вырождаются, что онѣ становятся неспособными къ правильной парламентской жизни. Что же значать всѣ эти прискорбныя сцены съ тѣми вопиющими безобразіями, которыя систематически производились австро-нѣмецкими централистами? На сторонѣ австрійскихъ славянъ (и итальянцевъ)

*) В *Secolo*, 16 novembre.

стоять и право, и справедливость, и свобода, и цивилизація,—пишетъ Коляяни,—и только федерализмъ будетъ разумнымъ исходомъ изъ нынѣшней расовой борьбы въ Австро-Венгріи.

Чехи рѣшили всѣми силами продолжать борьбу и союзъ ихъ съ поляками, повидимому, къ счастью для славянства, проченъ. Въ *Politik* появилось знаменательное воззваніе исполнительнаго комитета національной партіи (его подписалъ Ригеръ). Оно признаетъ всю серьезность историческаго момента и призываетъ къ мужественной защитѣ національныхъ правъ. «Мы опять находимся,—говоритъ воззваніе,—на поворотномъ пунктѣ двухъ эпохъ въ политическомъ развитіи нашей монархіи, и современный кризисъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что честнаго желанія и неутомимаго стремленія представителей нашего народа еще недостаточно для достиженія желаемой цѣли, но, какъ и всегда, необходимо считаться съ особенными условиями монархіи и непредвидѣнными случайностями. Событія послѣднихъ дней, прежде всего, ясно доказали, что для такого сложнаго организма, какъ наша монархія, центральный парламентъ съ существующей организаціей и столь обширной компетенціей не можетъ дѣйствовать и потому расширеніе автономіи ландтаговъ, при одновременномъ расширеніи избирательнаго права въ нихъ, сдѣлалось настоятельной необходимостью. Въ такое серьезное время мы приглашаемъ нашихъ единомышленниковъ, отказавшись на минуту отъ особенныхъ оттѣнковъ въ собственной программѣ, содѣйствовать тому, чтобы всѣ чехи въ земляхъ нашей короны, любящіе свой народъ и свое отечество, сомкнулись въ одну несокрушимую фалангу и съ бодрой и мужественной рѣшимостью выжидали, что принесутъ намъ грядущіе дни. Мы надѣемся, что вопіющія къ небу насилія, учиненныя надъ нашимъ меньшинствомъ, побудятъ людей, обязанныхъ охранять здоровье и имущество гражданъ государства, какъ подобаетъ въ благоустроенномъ государствѣ, оказывать эту охрану; мы убѣждены, что наше меньшинство никоимъ образомъ не подастъ повода къ надеждамъ на него, но въ то же время мы рѣшительно желаемъ, чтобы тамъ, гдѣ мы сами находимся въ большинствѣ, особенно въ нашей столицѣ Прагѣ, не раздражало и не оскорбляло нашего національнаго и патриотическаго чувства надменное меньшинство и чтобы опасныхъ вызововъ не допускали лица, обязанныя дѣлать это. Отъ своихъ правъ мы не отступимся ни подъ какимъ видомъ,—напротивъ, мы будемъ отстаивать ихъ съ чешскимъ упорствомъ и всякое нападеніе на нихъ будемъ отражать съ напряженіемъ всѣхъ силъ».

Крайняя національная партія въ Транслейтаніи постарается воспользоваться внутренними затрудненіями Цислейтаніи, приостановившими правильныи ходъ парламентской жизни, для того, чтобы добиваться полной государственной самостоятельности Венгріи, личной только униіа ея съ другою половиною имперіи. Но мадьярамъ грозитъ, быть можетъ въ меньшей степени, такая же опасность, какъ и австро-нѣмецкимъ централистамъ: среди славянъ и румынъ, живущихъ въ предѣлахъ Транслейтаніи, разви-

вается национальное самосознание. Братья не удовлетворяются своим полуавтономией, румыны стремятся къ равноправности и многіе изъ нихъ мечтаютъ о соединеніи съ румынами независимаго королевства. Правда, король Карлъ втянулъ Румынію въ сферу тройственнаго союза и отношенія между австро-венгерскимъ и румынскимъ правительствами самыя дружественныя. Но официальныя старанія не въ состояніи заглушить національныхъ румынскихъ стремленій.

Венгерское правительство неустанно ведетъ борьбу съ румынскими газетами, въ последнее время настойчиво стремится къ захвѣту по всей странѣ румынскихъ и славянскихъ названій мадьярскими, и т. д.

Какъ сообщаетъ бухарештскій корреспондентъ въ *Journal des Débats*, слѣдующій случай произвелъ сильное возбужденіе въ румынскомъ общественномъ мнѣніи *). Король Карлъ во время своего недавняго пребыванія въ Буда-Пештѣ пожаловалъ орденъ румынской короны начальнику бюро національностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (корреспондентъ французской газеты называетъ его *Jeszenszki*), на орденѣ девизъ: *Самиими нами (Par nous-mêmes)*. Этотъ чиновникъ былъ въ 1890—94 гг. прокуроромъ въ Клуѣ, въ Трансильваніи, и свирѣпствовалъ тамъ въ политическихъ процессахъ противъ румынскихъ націоналистовъ. Такимъ же духомъ проникнута и его послѣдующая административная дѣятельность. Негодованіе румынскаго общественнаго мнѣнія раздѣляютъ, конечно, трансильванскіе румыны.

Такъ какъ мы заговорили о Румыніи, то упомянемъ о томъ, что военное министерство внесло проектъ значительнаго увеличенія арміи. Иностранцы освобождаются, конечно, отъ воинской повинности, но въ Румыніи по закону считаются иностранцами и евреи, живущіе въ странѣ длинный рядъ поколѣній и не пользующіеся въ ней равноправностью. Со всѣхъ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ Румыніи и не отбывающихъ воинской повинности въ другомъ государствѣ, предполагается, взаимѣтъ воинской повинности, взимать налогъ (прогрессивный, съ дохода, до пятидесятилѣтняго возраста). Румынскіе евреи имѣютъ въ виду энергично протестовать противъ исключенія ихъ изъ воинской службы и добиваться вообще установленія равноправности съ румынами. Ихъ стремленія признаютъ вполне справедливыми многіе члены палаты депутатовъ. Предполагаются въ этомъ смыслѣ митинги и петиціи въ парламентѣ **).

Читатели знаютъ изъ газетъ о дѣлѣ Дрейфуса-Эстергази. Оно сильно волновало и французскую печать, и парламентъ. Теперь наступило отъ сительное успокоеніе: правительство Мелина обѣщало дать ходъ праводію, не стѣсняя его партійными соображеніями. Результатовъ его ждать недолго. Замѣтимъ только, что отсутствіе гласности въ французскомъ

*) *Journal des Débats*, 19 novembre.

**) *Frankfurter Zeitung*, 14 november.

енномъ судопроизводствѣ, какъ это было въ дѣлѣ Дрейфуса, не можетъ не давать повода къ нападеніямъ и подозрѣніямъ. Невольно возникаетъ и такая мысль: военное (и даже организованное) шпионство является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того страшнаго развитія милитаризма, отъ котораго тяжело страдаетъ современная Европа...

Кажется, что ничего болѣе утѣшительнаго современная Франція не представляетъ. Даже въ дѣлѣ народнаго образованія, для котораго такъ много сдѣлала третья республика, наступило затишье. Въ статьѣ, напечатанной въ этой книгѣ нашего журнала, читателя увидятъ однако, что частная инициатива во Франціи развивается, что въ странѣ «великой рутины» и административной цивилизаціи усиливается мѣстная общественная самостоятельность. Въ дополненіе къ свѣдѣніяхъ, сообщеннымъ въ названной статьѣ, приведемъ нѣсколько иныхъ данныхъ.

Издательская фирма Поль Дюпонъ (Paul Dupont) печатаетъ уже сорокъ одинъ годъ журналъ для учителей (*Journal des Instituteurs*). Въ немъ сосредоточиваются свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ, о материнскихъ школахъ, объ общеобразовательныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Журналъ печатаетъ много разнообразныхъ педагогическихъ статей. Къ нему прилагаются брошюры подъ общимъ заглавіемъ: *Современная школа*. Общественная роль учителя, — говорила газета *Justice*, — такъ благородна и такъ важна, что необходимо не жалѣть всевозможныхъ усилій, чтобы поддержать его въ трудномъ дѣлѣ. Во Франціи начинаютъ очень серьезно относиться и къ вѣтшкольному или послѣвшкольному образованію. Очень выдающуюся роль въ этомъ движеніи играетъ г. Эдуардъ Пти (Edouard Petit). По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, во Франціи происходило до 30,000 курсовъ, распределеніе которыхъ по департаментамъ становится все болѣе и болѣе пропорціональнымъ. Повсюду развивается любовь къ чтенію, число слушателей на курсахъ и бесѣдахъ постоянно увеличивается. Эдуардъ Пти требуетъ уничтоженія еще остающихся во Франціи формальностей для открытія разнообразныхъ курсовъ и чтеній и всевозможнаго содѣйствія учителямъ, которые ихъ устраиваютъ. Онъ не находитъ достаточно словъ въ похвалу самоотверженному и безкорыстному труду учителей, учительницъ и инспекторовъ народныхъ школъ, которые дѣйствуютъ неустанно и дружно. (Эти свѣдѣнія помѣщены въ докладъ Эдуарда Пти министру народнаго просвѣщенія о курсахъ взрослыхъ и юношей въ 1896—97 учебномъ году).

Въ отчетномъ году во Франціи было 24,578 курсовъ при общественныхъ школахъ, около 5,000 организовано обществами для распространенія народнаго образованія, синдикатными палатами и т. д. Теперь дѣйствуютъ 110 обществъ (школьныхъ) взаимной помощи, 1,575 ассоціацій бывшихъ учениковъ и ученицъ. Попечительствъ по школьнымъ дѣламъ существуетъ 648, обществъ народнаго образованія—1,200, въ курсахъ и чтеніяхъ принимаютъ участіе 33,000 учителей и учительницъ. 417,421 молодыхъ людей прилежно посѣщали эти курсы.

Заговоривъ о народномъ образованіи во Франціи, мы съ особеннымъ

удовольствием сообщимъ здѣсь читателямъ о выдающемся успѣхѣ нашего соотечественника, М. М. Ковалевскаго, который читаетъ теперь лекціи въ Парижѣ въ *Collège libre des Sciences Sociales*. Предметомъ чтенія служить Россія, социальная и экономическая. *Міровые Отголоски* *) приводятъ объ этихъ лекціяхъ отзывъ извѣстнаго критика Сарсэ. «Онъ присутствовалъ на первой лекціи профессора Ковалевскаго и передаетъ свои впечатлѣнія въ послѣднемъ номерѣ журнала *Les Annales politiques et littéraires*, причемъ приходитъ прежде всего въ удивленіе по поводу беззорыстія нашего соотечественника, который безъ всякаго вознагражденія, изъ одной лишь любви къ наукѣ, взялъ на себя трудъ чтенія лекцій.

«Аудитория,—пишетъ Сарсэ,—была биткомъ набита; много молодыхъ женщинъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали краснорѣчиваго лектора и записывали въ тетрадяхъ выдающіяся мѣста.

«Я былъ изумленъ. Мнѣ показалось вдругъ, что какая-то таинственная сила перенесла меня далеко, далеко отъ парижскаго шума, въ какую-то уединенную пустыню.

«Слушатели буквально упивались словами лектора («on la buvait»), а по окончаніи лекціи многіе изъ нихъ приблизились къ оратору и попросили дать имъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній. Я вышелъ изъ аудиторіи положительно восхищенный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ и что слышалъ».

Германскій императоръ лично, при торжественной обстановкѣ, которую онъ очень любитъ, открылъ новую сессію рейхстага. Вильгельмъ II обратился къ парламенту въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ и выразилъ надежду, что народные представители окажутъ ему содѣйствіе въ планахъ, имѣющихъ цѣлю величіе Германіи. Въ сожалѣнію, величіе это понимается нынѣ царствующимъ императоромъ почти исключительно въ военномъ смыслѣ. Какъ извѣстно читателямъ, онъ отличается особымъ пристрастіемъ къ флоту и желаетъ сдѣлать Германію первоклассною морскою державой. Когда пишутся эти строки, въ парламентѣ происходятъ пренія о *морскомъ сентенатѣ*, правительство требуетъ утвержденія плана усиленія флота, планъ рассчитанъ на семь лѣтъ и на осуществленіе его понадобятся громадныя деньги (до 165 милліоновъ марокъ). Исходъ преній, несмотря на угрозу распушенія парламента, былъ бы несомнѣнно отрицательный для правительства, еслибы можно было полагаться на католическій центръ. Но такое предположеніе было бы неосторожно: если центру удастся достигнуть отъ правительства уступокъ въ вѣриканскомъ смыслѣ (напримѣръ, возвращенія іезуитовъ), то онъ въ послѣдній часъ можетъ предать своихъ свободомыслящихъ союзниковъ.

А покуда германское правительство пользуется своимъ военнымъ флотомъ и для того, чтобы вытребовать вознагражденіе отъ Гаити за неправомерный арестъ германскаго подданнаго, и для того, чтобы, въ отищеніи

*) *Міровые Отголоски*, 27 ноября.

за избіеніе нѣмецкихъ католическихъ миссіонеровъ, завладѣть однимъ изъ китайскихъ портовъ. Нужно замѣтить, что миссіонеры водворились близко отъ одного изъ наиболѣе фанатическихъ городовъ Китая, въ Іентшу, гдѣ находится гробница Конфуція. Въ подтвержденіе нѣмецкимъ силамъ на дальнемъ Востоку выслана эскадра подъ командою брата императора, принца Генриха.

Если Германія не очиститъ занятаго ею порта, то могутъ возникнуть международныя осложненія, потому что ни для Россіи и Франціи, ни для Японіи и Соединенныхъ Штатовъ не можетъ доставить удовольствія утвержденіе нѣмцевъ на китайскомъ побережьѣ. Еще менѣе благосклонно можетъ отнестись къ этому Англія, съ торговлею которой Германія вступаетъ во все болѣе и болѣе опасное соперничество.

Возстаніе въ Индіи далеко еще не подавлено англичанами, хотя они стаяли къ пограничнымъ областямъ значительныя военныя силы. Читатели знаютъ наше мнѣніе объ англійскомъ владычествѣ въ Индіи. Даже одинъ изъ самыхъ глубомысленныхъ у насъ враговъ Великобританіи, газета *Гражданинъ*, не можетъ не признать благородныхъ цивилизаторскихъ стремленій англичанъ на полуостровѣ. Такъ, указывая на отвратительный варварскій предрасудокъ, по которому индусы убиваютъ новорожденныхъ дѣвочекъ, *Гражданинъ* говоритъ: «Англійское правительство въ теченіе цѣлаго столѣтія испробовало всевозможныя средства для искорененія этого зла. Оно учредило строгій полицейскій надзоръ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число дѣвочекъ составляло не болѣе 40 на сто мальчиковъ, но всѣ эти мѣры имѣли мало успѣха. Туземныя полицейскіе чиновники и надзиратели по большей части одобряли избіеніе дѣвочекъ, считая это добрымъ старымъ обычаемъ. *Calcutta Review* по этому поводу сообщаетъ очень поучительный разсказъ. Полицейскій чиновникъ, на обязанности котораго лежало также наблюденіе за однимъ участкомъ, гдѣ часто бывали случаи убіенія дѣвочекъ, на вопросъ пріятели, велика ли его семья, отвѣтилъ: «Да, у меня, къ несчастію, родились двѣ дочери, но я отъ нихъ отдѣлся, да благословитъ меня богъ теперь сыномъ». Комиссаръ Юлунджара объявляетъ, что, несмотря на введеніе спеціальнаго закона, воспреещающаго убіеніе дѣвочекъ, зло это и теперь все еще почти такъ же распространено, какъ и прежде. Новорожденныхъ дѣвочекъ лишаютъ жизни посредствомъ удушенія, опія или капли молочнаго сока *Asclepias gigantea*. Кто, вслѣдствіе введеннаго теперь наблюденія, опасается прибѣгнуть къ одному изъ означенныхъ средствъ, тотъ добивается смерти ребенка тѣмъ, что совсѣмъ не заботится о немъ».

По оффиціальнымъ англійскимъ даннымъ только въ Ботшѣ и Гуджераѣ убивается ежегодно до 30,000 дѣвочекъ *).

*. Ср. о положеніи индійской женщины статью въ октябрьской книжкѣ *Русской Листки*.

Англіи приходится напрягать свои военныя силы и въ Индіи, и въ верхнемъ Египтѣ, и на Нигерѣ. Ея положеніе затрудняется тѣмъ, что британскій народъ не жаждетъ общей обязательной воинской повинности. Нельзя не подивиться энергіи новаго Кароагена, противъ котораго не находится новаго Рима. Читатель при этомъ, разумѣется, не заподозритъ насъ въ сочувствіи шовинизму и имперализму, которыми такъ много послужилъ Дизраэли-Биконсфильдъ, а теперь служить Чемберленъ.

Обсуждая ростъ британскаго шовинизма и милитаризма, *Revue Politique et Parlementaire* указываетъ на то, что бывшій радикаль и республиканецъ, Чемберленъ, возбуждаетъ энтузіазмъ даже среди университетской молодежи, даже въ Глазго, взывая къ миродержавному патриотизму (*Revue Pol. et Parl.* замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что надо вспомнить старую поговорку: «Le patriotisme est la dernière ressource, le dernier métier d'un coquin») *). Способный и смѣлый, Чемберленъ является самымъ типическимъ представителемъ современной капиталистической англійской буржуазіи. *Revue* замѣчаетъ, что вмѣшательство Чемберлена, его стремленія обезпечить за Англійей господствующее положеніе во всѣхъ частяхъ свѣта являются серьезною помѣхой дружественнымъ отношеніямъ между Франціей и Великобританіей.

Авторъ статьи въ *Revue Pol. et Parl.*, о которой мы говоримъ (*La politique extérieure du mois*), де-Прессансъ, рѣшительно возстаетъ противъ враждебнаго отношенія къ Англійи, которое могло бы послужить на пользу Россіи или Германіи, но отнюдь не Франціи. Мы къ этому можемъ прибавить то, что уже много разъ высказывали: было бы великимъ благодѣніемъ для міра, еслибъ Франція, сблизившаяся съ нашимъ отечествомъ, помогла дружественному соглашенію и Россіи съ Великобританіей.

В. Г.

*) „Патріотизмъ — послѣднее средство, послѣднее ремесло мошенника“ (*Revue Pol. et Parl.* 10 novembre).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ «СМОЛЕНСКОМУ ВѢСТНИКУ».

Мнѣ доставили №№ *Смоленскаго Вѣстника*, въ которыхъ напечатаны грубыя нападенія на правленіе Московскаго Общества грамотности, въ особенноти на меня, какъ на одного изъ его членовъ. Личными нападками я могу спокойно пренебречь, но опровергнуть обвиненіе противъ правленія Общества считаю своею обязанностью.

Смоленскій Вѣстникъ въ статьѣ, озаглавленной *По адресу правленія московскаго общества грамотности*, утверждаетъ, что правленіе этого Общества «неоднократно жаловалось на прессу и хлопотало о репрессивныхъ мѣрахъ по отношенію гласности».

Съ разрѣшенія правленія Общества грамотности, привожу *единственное* ходатайство правленія, которое касается обсужденія въ печати дѣйствій общества: «Правленіе Общества въ засѣданіи своемъ 9 іюля сего года, выслушавъ послѣднее увѣдомленіе г. министра и признавая, что приведенное распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ повести къ нежелательному стѣсненію обсужденія дѣйствій Общества, что въ свою очередь вызоветъ вредныя для дѣятельности Общества послѣдствія, постановило ходатайствовать передъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы періодическая печать не была стѣсняема въ обсужденіяхъ о дѣйствіяхъ Общества, тѣмъ болѣе, что и теперь, по изданіи этого распоряженія, среди Общества распространяется подозрѣніе, что дѣйствія московскаго Общества грамотности почему-то должны быть скрываемы; это предположеніе оскорбительно для Общества и крайне вредно для его дальнѣйшей дѣятельности».

Такимъ образомъ утвержденіе *Смоленскаго Вѣстника* есть постыдная ложь и клевета.

Газета говоритъ, что «на голову правленія падаетъ отвѣтственность за то, что самое Общество грамотности все болѣе и болѣе утрачиваетъ симпатіи лучшихъ и дѣйствительно полезныхъ людей». Эта лестная аттестація, которую выдаютъ себѣ «лучшіе и дѣйствительно полезные люди» изъ *Смол. Вѣстн.*, была бы, конечно, только забавна, еслибы провинціальный донъ Базиліо, злоупотребляя печатнымъ словомъ, не могъ вводить въ за-

блужденіе людей, съ дѣломъ не знакомыхъ. Посмотримъ, кто составляетъ въ Обществѣ грамотности *незначительную кучку либераловъ*, по терминологіи *Смол. Вѣстн.*

Членами правленія состоятъ: Н. Н. Хмѣлевъ (товарищъ предсѣдателя), членъ московской губернской земской управы, С. Г. Смирновъ, В. П. Вахтеровъ, профессора А. И. Кирпичниковъ и М. С. Борелинъ, Л. Л. Любеновъ, московскій мировой судья. Всѣ почетные члены бывшаго комитета грамотности пожелади остаться таковыми въ Обществѣ грамотности (П. М. Преображенскій, А. И. Чупровъ, Д. В. Григоровичъ, Х. Д. Алчевская). Въ числѣ пожизненныхъ членовъ Общества находятся: редакторъ-издатель *Русскихъ Вѣдомостей* В. М. Соболевскій, редакторъ *Дѣтскаго Чтенія и Педагогическаго Листка* Д. И. Тихомировъ, редакторъ-издатель *Русской Мысли* В. М. Лавровъ, профессора И. М. Сѣченовъ, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевскій, графъ Л. А. Камаровскій, П. Г. Виноградовъ и т. д.

Всѣхъ членовъ было къ 15 января нынѣшняго года 220, изъ нихъ 14 ушли вслѣдствіе того, что большинство отклонило ходатайство о немедленномъ измѣненіи новаго устава. Въ теченіе года вновь поступило 41 членъ, среди которыхъ мы можемъ отмѣтить профессора А. А. Остроумова, орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича, инспектора Еватерининскаго института В. А. Вагнера и др.

По предложенію правленія, для членовъ-сотрудниковъ, пріемъ которыхъ производится безъ какихъ-либо вѣроисповѣдныхъ ограниченій, установленъ ежегодный взносъ только въ полтинникъ. Теперь членовъ-сотрудниковъ поступило уже 32.

«Кучка» недурная, и едва ли кто-либо изъ нея захочетъ перейти въ кучу *Смол. Вѣстн.*

Можетъ приводить въ недоумѣніе вопросъ, почему такая злоба противъ Московскаго Общества грамотности сосредоточилась именно въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*? Недоумѣніе усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ. На листахъ *Смоленскаго Вѣстника* красуется подпись: *Редакторъ В. В. Гулевичъ*. Дѣлаемъ справку: 26 апрѣля 1897 г. въ инородніе действительные члены Общества поступилъ... г. В. В. Гулевичъ. Стояло ли поступать въ Общество, чтобы клеветать на него?

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗРѢНІЕ.

Женскій медицинскій институтъ. — Женскіе фармацевтическіе курсы. — Новая мѣра по народному образованію. — Продовольственный вопросъ. — Отголоски юбілея Н. Н. Златовратскаго. — Студенческія общежитія въ Москвѣ.

Телеграфъ принесть слѣдующее извѣстіе: по Высочайшему повелѣнію ассигновано сто тысячъ рублей изъ суммъ государственнаго казначейства на окончаніе постройки зданій для женскаго медицинскаго института. Такимъ образомъ Императоръ Николай II возстановилъ и упрочилъ у насъ высшее женское медицинское образованіе. Съ искреннимъ утѣшеніемъ мы должны отмѣтить, что въ этомъ отношеніи благія стремленія правительства слились съ долгими и энергическими усиліями образованнаго русскаго общества, которое съ такою любовью отстаивало необходимость открыть женщинамъ дорогу къ врачебной дѣятельности.

Теперь постройка зданій петербургскаго женскаго медицинскаго института обезпечена. Но нужды этого учрежденія еще далеко не удовлетворены и было бы присорбно, еслибъ оскудѣлъ притокъ пожертвованій на пользу женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Директоръ института, профессоръ Анрепъ, въ благодарственномъ письмѣ, адресованномъ устроителямъ въ пользу института спектакля въ Тарѣ, говоритъ слѣдующее: «Отъ правительства институтъ не получаетъ ни одной копейки, а нужды у насъ большія и, конечно, съ каждымъ годомъ будутъ появляться все новыя потребности. Таково ужъ свойство медицинскихъ факультетовъ. Постоянно нарастаютъ потребности въ новыхъ приборахъ, пособіяхъ, а часто и въ новыхъ каеэдрахъ, остаются же безъ движенія—значитъ идти назадъ. Если къ этому прибавить, что нашъ институтъ почти не имѣетъ стипендій, что лишь очень немногія земства прислали своихъ стипендіатовъ, а нуждающихся слушательницъ уже въ этомъ полугодіи много, то является еще одна потребность и, притомъ, неотложная—нужно располагать извѣстною суммой на пособія. Существуетъ общество для усиленія средствъ института, но общество это только что образовалось и всѣ свои деньги затрачиваетъ на постройку дома общежитія, который обойдется около 200 т. руб. (на 100 человекъ), а денегъ въ

настоящее время имѣется всего не болѣе 70 тыс. Общежитіе окажетъ, конечно, большую пользу, но не для нуждающихся, а для болѣе или менѣе обеспеченныхъ, такъ какъ жизнь въ немъ не можетъ обойтись дешево, чѣмъ на частныхъ квартирахъ. Такимъ образомъ, съ каковаго конца ни начать, вездѣ нужна дружная помощь; много еще лѣтъ пройдетъ, пока институтъ станетъ прочно на ноги и перестанетъ бояться завтрашняго дня. Теперь же приходится жить изо дня въ день, то радоваться, то падать духомъ, но твердой увѣренности на хорошее будущее я ни на минуту не теряю, такъ какъ знаю, что въ Россіи хорошее дѣло не можетъ погибнуть, всегда найдутся добрые люди и помогутъ, нужно только почаще напоминать. Я твердо увѣренъ, что еслибъ нашлось сотни двѣ людей, которые, каждый на своемъ мѣстѣ, пожелали бы сдѣлать что-нибудь на пользу института, то даже при небольшой затратѣ силъ и времени имъ удалось бы заинтересовать тысячи и нужная помощь явилась бы. Крупныя пожертвованія—дѣло счастья, а счастье, вообще, рѣдко, маленькія же, но многочисленныя пожертвованія всегда, при желаніи и нѣкоторомъ умѣньи, собрать можно, но, конечно, одному это не подъ силу, нужны дружныя усилія многихъ».

Въ Москвѣ организовалось отдѣленіе общества для доставленія средствъ на единственное покуда у насъ высшее женское учебное заведеніе *). Отъ души желая ему полнаго успѣха, обращаемъ вниманіе читателей на новое общественное предпріятіе. До настоящаго времени женщины допускались для фармацевтическихъ занятій только въ аптекахъ. Для полученія степени аптекарскаго помощника, послѣ трехлѣтнихъ практическихъ упражненій онѣ должны держать экзаменъ въ университетѣ. Дальше женщины двигаться не могли: чтобы держать экзаменъ на званіе провизора, необходимо прослушать предварительно два курса на медицинскомъ факультетѣ, куда женщины не допускаются. Годъ тому назадъ профессоръ В. С. Богословскій предложилъ обществу русскихъ врачей открыть для женщинъ фармацевтическіе курсы. Спеціальная коммиссія разсмотрѣла это предложеніе и вопросъ о курсахъ въ принципѣ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Теперь будутъ вырабатываться подробности новаго учрежденія, которому общество врачей даетъ помѣщеніе. Есть надежда, что женскіе фармацевтическіе курсы откроются съ сентября будущаго года.

Въ началѣ декабря въ *Собраніи Узаконеній* опубликовано Высочайше утвержденное 26 марта истекающаго года Положеніе о стипендіяхъ военнаго министерства въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи. Въ видахъ предоставленія класснымъ чинамъ военнаго вѣдомства недостаточнаго состоянія болѣе возможности къ образованію дочерей учреждаются 391 стипендія военнаго министерства въ институтахъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи. Эта мѣра выведетъ изъ безвыходнаго положенія много семей, не имѣющихъ возмож-

*) Пожертвованія могутъ быть выслаемы черезъ редакцію *Русской Мысли*.

ности дать удовлетворительное образованіе своимъ дѣтямъ. Государь Императоръ много разъ выражалъ удовольствіе по поводу успѣховъ начальнаго народнаго образованія, на которое, въ сожалѣнію, государство до сихъ поръ давало такъ мало денегъ. Какъ сообщаютъ *Петербургскія Ведомости*, «помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что въ означенный комитетъ внесенъ, по Высочайшему повелѣнію, всеподданнѣйшій отчетъ г. харьковскаго губернатора за 1895 г. о состояніи Харьковской губерніи. Въ отчетѣ этомъ, гдѣ говорится, что успѣхи народнаго образованія въ отчетномъ году обнаруживаются какъ въ умноженіи учебныхъ заведеній (на 154), обучающихся (на 13,500 чел.) и общаго расхода на просвѣщеніе (на 250,000 р.), такъ и въ организаціи учреждений, имѣющихъ задачей укрѣплять приобрѣтенную въ школахъ грамоту, для чего въ 1895 г. открыто 20 бесплатныхъ читаленъ, послѣдовала Высочайшая Его Величества отиѣтка: «*Утѣшительно*», причемъ слова: «*укрѣплять приобрѣтенную въ школахъ грамоту*» — подчеркнуты Собственною Его Величества рукою» *).

Соображая отношеніе къ просвѣщенію высшаго правительства и то сильное общественное движеніе, которое старается внести свѣтъ въ темныя массы, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что говорилъ М. М. Стасюлевичъ въ отвѣтъ на юбилейныя поздравленія: «*народное просвѣщеніе, этотъ единственно-солидный устой образованности въ каждой странѣ, дождался своей очереди и даже, какъ будто, тѣснится на ближайшую очередь, находясь у всѣхъ не только на языкѣ, но у весьма многихъ и на умѣ*» **).

Официальныя свѣдѣнія констатировали сильный недородъ хлѣба, яровыхъ, картофеля и кормовыхъ средствъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Хоть недородъ и не достигаетъ въ общемъ размѣровъ печальной памяти 1891 года, но во всякомъ случаѣ онъ требуетъ самыхъ заботливыхъ мѣръ со стороны правительства и земства. Переживемъ этотъ неурожай и будемъ дожидаться слѣдующаго. Но прискорбно было бы время ожиданія стихійнаго бѣдствія проводить въ стихійномъ бездѣйствіи. Намъ кажется, что министерство земледѣлія могло бы уже выступить съ большимъ починомъ въ длинномъ рядѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній и при содѣйствіи земства поднять нашу сельско-хозяйственную культуру. Какъ только въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества земледѣльческое населеніе увеличивается настолько, что при трехпольномъ хозяйствѣ не можетъ прокормиться, — оно вынуждено «брести розно», переселяться.

Охранительная печать даже неурожая пользуется для того, чтобы взводить обвиненія на земство, которое будто раздуваетъ размѣры недорода и обращается къ государству съ крайне преувеличенными просьбами о ссудахъ и пособіяхъ. *Вѣстникъ Европы* ***) справедливо замѣчаетъ, что

*) *Петербургскія Ведомости*, № 308.

**) *Вѣстникъ Европы*, декабрь.

***) *Вѣстникъ Европы*, декабрь, *Внутреннее обозрѣніе*.

опытъ 1891 года доказалъ, что земскія свѣдѣнія были основательными, предположенія земствъ вполне соответствующими дѣйствительнымъ условіямъ, въ которыхъ находилось населеніе. Естественно, что теперь расчеты земства могутъ быть только точнѣе и правительство вполне можетъ полагаться на нихъ.

Неурожаемъ оживилъ вопросъ о пересмотрѣ продовольственнаго устава. Онъ попутно задѣваетъ и вопросъ о томъ покровительствѣ, которымъ пользуется крупная фабрично-заводская промышленность въ ущербъ земледѣлію. Читатели обратили, вѣроятно, вниманіе на характерный фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какіе аппетиты развиваются отечественнымъ протекціонизмомъ. Желѣзные заводы брали за пудъ рельсовъ по 1 р. 60 к. и по 1 р. 65 к. И рельсы, и подвижной составъ желѣзныхъ дороги должны были приобретать исключительно въ Россіи. Какъ только правительство дало заводчикамъ почувствовать, что не намѣрено допускать впредь такой эксплуатаціи, такъ цѣна понизилась до 1 р. 32 к. Но и эта цѣна не была утверждена. Тогда два завода предложили рельсы по 1 р. 10 к. и по 1 р. 18 к. за пудъ. *Неделя* говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Стало быть одно появленіе призрака иностранной конкуренціи, даже со взятіемъ покровительственныхъ пошлинъ, привело къ сбавкѣ до 50 коп. на пудъ, т.-е. на 35%. Но и новая цѣна въ 1 р. 10 к., конечно, выгодна заводкамъ, если они ее предлагаютъ, и явился на дѣлѣ хоть для примѣра заграничныя покупки,—сбавка пошлинъ бы дальше. Разумѣется, эта цѣна оплачиваетъ и затраты, и достаточную прибыль предпринимателей. За что же прежде брали съ казны такъ немилосердно? Единственно за ея излишнее долготерпѣніе, за ея безоглядную снисходительность къ этимъ балованнымъ дѣтямъ—заводчикамъ. Что можетъ быть поучительнѣе такихъ примѣровъ въ области нашей экономической политики, и какою грубою фальсификаціей отзываются извѣстные возгласы о необходимости увеличенія покровительства и о невозможности безъ него развивать русскую промышленность!» *).

Въ этой же статьѣ, озаглавленной *Чрезмѣрное покровительство*, газета приводитъ такой краснорѣчивый фактъ: «Въ общемъ собраніи акціонеровъ *Южно-русскаго днѣпровскаго завода* заявлено, что въ послѣдній операціонный годъ на акціонерный капиталъ въ 5 милліоновъ получено чистаго дохода 4.214,146 рублей или 85%! Это значитъ въ одинъ годъ возвращенъ почти весь затраченный капиталъ, послѣ чего остается забрать крупныя суммы, приходящія даромъ».

Русская Мысль многократно указывала на вредъ покровительственныхъ и даже почти запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ и на односторонній характеръ такого покровительства, которымъ не ограждаются интересы народнаго труда.

* *Неделя*, № 47.

Въ то время, когда наши народники въ *Отечественныхъ Запискахъ* *) и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и въ отдѣльно выходившихъ книгахъ доказывали, что капитализмъ у насъ развиваться не можетъ, онъ уже сильно «работалъ». Теперь, кажется, этого не отрицаютъ и въ народническомъ лагерѣ. Дѣлаются попытки объяснить ростъ капитализма на русской почвѣ исключительно вліяніемъ покровительственной системы, но такое объясненіе явно не состоятельно. Нѣкоторые писатели высказываютъ даже прямо противоположное мнѣніе. «Промышленный капитализмъ,—говоритъ, напримѣръ, г. Слонимскій,—растетъ и крѣпнеть у насъ не потому, что его искусственно насаждаетъ и поддерживаетъ ошибочная экономическая политика, онъ развивается, несмотря на эту политику, и развивался бы еще свободнѣе и шире, еслибъ его не вела на помочахъ односторонняя покровительственная система, поощряющая самодовольную рутину, неподвижность и стремленіе къ монополіямъ. Неправильная покровительственная система чрезмѣрно увеличиваетъ доходность капиталистическихъ предпріятій на счетъ населенія, но не создаетъ условій для развитія капитализма тамъ, гдѣ нѣтъ для него почвы **).

Мы не согласны съ оптимистическимъ утвержденіемъ г. Слонимскаго, что «промышленный капитализмъ самъ по себѣ нисколько не задѣваетъ интересовъ крестьянскаго землевладѣнія и скорѣе облегчаетъ, чѣмъ ухудшаетъ условія народнаго сельско-хозяйственнаго быта». Сравнительно болѣе выгодный заработокъ верѣдко отрываетъ крестьянина отъ земледѣлія, а условія фабричной жизни зачастую развращаютъ его. Въ данную минуту мы на этомъ вопросѣ останавливаться не будемъ и только повторимъ, что народники наши ошибались, утверждая, что въ Россіи нѣтъ почвы для развитія капитализма. А напоминаемъ мы объ этомъ вотъ по какому поводу.

16 ноября въ Москвѣ чествовали тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго. Чествованіе приняло очень широкіе размѣры. Адресы и привѣтствія въ большомъ числѣ присланы были со всѣхъ концовъ Россіи. На обѣдъ въ честь юбиляра пришлось многимъ отказываться, потому что обширная зала была переполнена. Поздравить и сердечно поблагодарить Н. Н. Златовратскаго за его безупречную литературную дѣятельность, за его никогда не охладѣвавшую любовь къ народу собрались и народники, и либералы, и марксисты. Это былъ общій праздникъ, но и на немъ, въ одной изъ рѣчей, и затѣмъ въ печати сдѣлана попытка истолкованія его, какъ апогея или возрожденія народничества. Это—большое заблужденіе.

Въ *Сынѣ Отечества*, который считается органомъ современнаго народничества, появилась статья г. Глазова: *На юбилей Н. Н. Златоврат-*

*) Мы имѣемъ въ виду статьи В. В., вышедшія потомъ книгой (*Судьбы капитализма въ Россіи*).

***) Г. Слонимскій: «Капитализмъ въ Россіи» (*Вѣстникъ Европы*, декабрь).

скаю *). Это, действительно, нечто вроде оды *На взятіе Очакова*. «В рѣчахъ проф. Н. А. Карышева и А. Н. Веселовскаго,—пишетъ г. Глазовъ,—была высказана приблизительно одна и та же мысль, что юбиляра собрались чествовать почти всѣ направленія прогрессивной русской мысли (за исключеніемъ реакціонныхъ) (?), несмотря на нѣкоторыя существенныя взаимныя разногласія, и это есть фактъ весьма отрадный, такъ какъ показываетъ, что между всѣми этими направленіями есть нечто общее, что заставляетъ ихъ, въ извѣстные моменты, подобные настоящему, совершенно откидывать въ сторону всѣ взаимныя разногласія и соединяться воедино. И вотъ это-то и сказалось теперь въ выраженіи сочувствія и уваженія представителю одного изъ этихъ направленій».

Это совершенно справедливо. Именно такая мысль руководила группою устроителей юбилея. Но дальше начинается *Ода*. Одинъ ораторъ (Н. А. Баблюковъ) «затронулъ»,—говоритъ г. Глазовъ,—очень чувствительный пунктъ, какъ для самого юбиляра, которому и прежде ставилось въ упрекъ, что онъ слишкомъ идеализируетъ русскій народъ и изображаетъ его только съ положительной стороны, такъ и относительно современности, когда мужикъ въ литературѣ и въ жизни сталъ опять не въ фаворѣ и опять начинаетъ трактываться какъ виѣстилище непроходимой грубости, невежества, глупости и всякихъ пороковъ. Ни Н. Н. Златовратскій, ни другіе писатели того же направленія никогда не отрицали огромнѣйшей потребности народа въ просвѣщеніи и необходимости поднятія культурнаго его уровня, личнаго достоинства и правосознанія; но Златовратскій силою художественнаго чутья чувствовалъ, что за разговорами на эту тему скрывается вовсе не дѣятельная любовь, а нечто совсѣмъ другое. Это былъ поворотный пунктъ, когда большинство культурнаго общества стало желать эмансипироваться отъ заботъ о мужикѣ и начать жить своею жизнью. Указаніе на темныя стороны народнаго быта вызывало часто вовсе не скорбь, не горячее желаніе направить всѣ усилія въ эту сторону, а скорѣе даже какое-то непонятное удовольствіе. Сходное удовольствіе доставляло указаніе на недостатки личной писательской жизни. Златовратскому, выросшему при крѣпостномъ правѣ и видѣвшему всѣ его ужасы, ему, видѣвшему ясный день освобожденія крестьянъ и затѣмъ скорую сѣнь его сумерками, все время приходилось защищать мужика отъ самыхъ разнообразныхъ поползновеній на его самостоятельность и самоуправленіе. А при такихъ условіяхъ обыкновенно недостатки забываются, какъ и недостатки какого-нибудь отдѣльнаго любимаго лица, которое приходится защищать. Скоро получилъ распространеніе взглядъ на мужика, какъ низшій культурный организмъ, которому, кромѣ прокорма и элементарныхъ школъ ничего не нужно, да и о школахъ-то заботились далеко не всѣ, а лишь сравнительно небольшая часть земскихъ людей да безсильныхъ разночинцевъ. Иначе Россія давно бы ужъ была грамотной. Въ концѣ-концовъ,

*) *Сынъ Отечества*, 20 ноября.

какъ продуетъ этого общественнаго броженія, явилось, съ одной стороны, множество всевозможныхъ опекуновъ и людей ежовой рукавицы, во вкусѣ кн. Мещерскаго, а съ другой,—появились символисты и декаденты (въ искусствѣ и наукѣ), представители самаго узенькаго буржуазнаго либерализма и сторонники цѣлесообразности буржуазнаго экономическаго процесса, которые стали увѣрять, что направленіе, къ которому принадлежитъ Златовратскій, будто бы, отрицаетъ нѣчто очень важное. То, что оно дѣлало, то, къ чему оно приходило, путемъ изученія и умственной работы, и къ чему стремилось съ такою самоотверженностью, стало сплошь и рядомъ ему же преподносятся, какъ нѣчто невѣдомое и совершенно новое. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ нѣкоторые признаки, сказавшіяся на юбилей Златовратскаго, которые указываютъ, что этому «скомотированію» чужихъ заслугъ и этой вредной идейной розни придать, повидимому, конецъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что мы ошибаемся, такъ какъ на томъ же юбилей (за ужиномъ) опять продѣлывались двумя ораторами тѣ же манипуляціи и произносились тѣ же слова».

Г. Глазовъ замѣчаетъ, что рѣчь Н. А. Баблукова не всѣмъ понравилась, но непосредственно на нее не возражали. Само собою разумѣется, иначе праздникъ мира превратился бы въ непріятный и тягостный и для юбиляра, и для всѣхъ споръ, самое возбужденіе котораго было неумѣстно.

Разберемся однако въ дѣлѣ по существу. Кто это «скомотировалъ» народническія идеи и какія именно? Что это за «манипуляціи», которымъ подвергалось умственное достоинствіе народничества?

Мы указали выше на важную ошибку народничества, отрицавшаго возможность развитія у насъ капитализма. Въ связи съ этою ошибкой находятся и другія: для народа необходимо только сохраненіе его устоевъ, никакихъ «надстроекъ» надъ ними, по европейскому образцу, не нужно,—они послужили бы только на пользу буржуазіи. Предполагалось, что народъ «отсидится» отъ капитализма въ общинахъ и артелях. Суровая дѣйствительность доказала, что въ народничествѣ недоставало политическаго такта. Оно повинно и въ томъ, что несправедливо относилось къ *интеллигенціи*, утверждая, что она должна учиться у народа. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ раньше указанномъ, народническія возрѣнія сходились съ мнѣніями, которыя до сихъ поръ проповѣдываетъ реакціонная печать. Эта ошибка имѣла, по нашему мнѣнію, неблагоприятныя послѣдствія для нашего общественнаго развитія.

Судь исторіи еще не наступилъ для народничества, а въ полемику съ его нынѣшними представителями у насъ не было бы основаній вступать, еслибъ не нѣсколько вызывающій тонъ, усвоенный ихъ газетою. Спѣшимъ прибавить, что отнюдь не отрицаемъ ни искренности и великодушія въ народническихъ идеяхъ и стремленіяхъ, ни того, что они составляли полезный противовѣсъ барски-бюрократическимъ взглядамъ и вождѣлнностямъ, но, повторяемъ, политическаго такта народники не обнаружали.

Великій народъ всегда, въ мѣру своего самосознанія, чтитъ своихъ вели-

ких людей. А великіе люди—вершина интеллигенціи. Не только, разумѣется, чтить, но и учиться у нихъ черезъ посредниковъ, которыми являются, напримѣръ, въ деревнѣ учитель и врачъ. Народничество все это признаеть? Тогда въ чемъ же его особенность отъ либеральной программы, ведущей свое начало отъ Радищева и Новикова? Не признаеть ли народничество и того, что капитализмъ у насъ развивается и что намъ, кромѣ національныхъ особенностей, необходимы и обще-европейскіе основы культурной и общественной жизни?

Говоря о народничествѣ и объ отношеніи интеллигенціи и народа, мы должны сказать нѣсколько словъ *pro domo sua* въ отвѣтъ на нападеніи Н. Б. Михайловскаго на рассказъ А. П. Чехова *Мужики*, напечатанный въ нашемъ журналѣ. Редакція, печатающая этотъ рассказъ (въ задуманной авторомъ серіи ихъ) не видѣла и не видитъ въ немъ того презрѣнія къ виду-мужику, о которомъ говоритъ Н. Б. Михайловскій. Что не вся деревня, не всѣ «мужики» таковы, какъ ихъ изобразилъ Чеховъ, объ этомъ и поднимать вопроса нѣтъ возможности; но ужасъ заключается въ томъ, что подобныя деревни существуютъ. Надо спѣшить имъ на помощь, надо пустить въ ходъ всѣ усилія, чтобъ освободить ихъ отъ гнета подавляющей нужды и тяжкаго невѣжества. И ничего другого, никакого иного чувства рассказъ Чехова не вызываетъ.

Въ виду неотложнаго вопроса объ удовлетвореніи продовольственныхъ нуждъ населенія весьма кстати напечатана въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства* статья г. Пѣшеконова: *Много ли мужику хлѣба нужно?* Въ рукахъ автора были матеріалы земско-статистическаго изслѣдованія Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи въ 1896 году. Подробному описанію подвергнуто было 1,313 крестьянскихъ хозяйствъ. На основаніи этихъ данныхъ г. Пѣшеконовъ выясняетъ, что хлѣба въ пищу одному ѣдоку идетъ въ годъ двадцать пудовъ, тогда какъ административно принятая норма опредѣляется только въ девять пудовъ. При этомъ въ калужскихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, при благопріятномъ урожаѣ, потребляется значительное количество мяса. Это потребление, конечно, сокращается или совсѣмъ отсутствуетъ въ неурожайный годъ, почему количество хлѣба, необходимаго для нормальнаго питанія, должно быть еще увеличено. Г. Пѣшеконовъ приходитъ къ печальному заключенію: «И при обычныхъ условіяхъ громадная часть крестьянскаго населенія недоѣдаетъ и, благодаря этому, болѣетъ и умираетъ».

Базалось бы, что по данному вопросу не можетъ быть разныхъ мнѣній, что сытый мужикъ—лучшій гражданинъ государства, тѣмъ полугодный, и что лучше «рискнуть» ссудить ему лишній пудъ хлѣба, чѣмъ недодать нѣсколькихъ фунтовъ. Между тѣмъ мы видимъ, что высказываются стремленія обрѣзать ѣдока и раздаются опасенія, что не слѣдуетъ даже выдавать продовольственныхъ ссудъ, потому что онѣ «развращаютъ деревню», приучая ее ждать въ бѣдѣ непремѣнной помощи с

стороны, отъ государства. Истинную цѣну такихъ опасеній читатели знаютъ. Въ этой или другой формѣ государство всегда можетъ вернуть тѣ деньги, которыми оно спасетъ сельское населеніе въ недобрый годъ неурожая. Но въ виду того, что земледѣліе у насъ стоитъ на невысокой степени развитія, что *запасовъ* средній крестьянинъ не въ состояніи дѣлать и при среднемъ урожаѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія мысль, которую въ последнее время поддерживаеъ *Вѣстникъ Европы*. «Чрезвычайно важно,—говоритъ журналъ,—чтобы къ бремени, лежащему на крестьянѣ при нормальныхъ условіяхъ бремени, увеличившемуся неизбѣжно въ неурожайный годъ податной недоимкой, не присоединялась еще обязанность срочнаго возврата продовольственной ссуды». «Народъ не составляетъ, въ настоящее время, той неразумной, темной массы, какую все еще видятъ въ немъ почтенные защитники опеки и произвола. Въ организаціи безвозвратныхъ продовольственныхъ пособій, основанной на участіи всѣхъ сословій въ образованіи продовольственнаго капитала, крестьяне не усмотрѣли бы *права на хлѣбъ*, какъ на даровую подачку, обязательную для болѣе достаточныхъ классовъ населенія. Они поняли бы какъ нельзя лучше, что хлѣбъ, получаемый ими въ минуту невзгоды, купленъ отчасти на ихъ же деньги, уплаченные въ благополучные годы, и что нельзя считать безусловнымъ такое право, пользованіе которымъ поставлено въ зависимость отъ признанія, въ опредѣленномъ порядкѣ и по отношенію къ каждому отдѣльному домохозяину, дѣйствительной и неотложной нужды въ помощи. *)

Само собою разумѣется, что опредѣлить размѣръ нужды всего лучше можетъ міръ при содѣйствіи и подѣ контролемъ земства. Между тѣмъ въ реакціонной печати теперь высказываются стремленія именно земство-то и удалить отъ продовольственнаго дѣла. Какъ странно и быстро мѣняются взгляды у руководителей нашей охранительной печати! Еще въ 1869 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* Каткова появлялись статьи, изъ которыхъ нынѣшнія, напримѣръ, *Московскія Вѣдомости* могли бы извлечь полезныя для себя указанія. Такъ покойный академикъ В. П. Безобразовъ въ обширной статьѣ *Наши охранители и наши прогрессисты* **) утверждалъ достоинство такихъ положеній, какъ полную равноправность и благо государства, основанное на возможно болѣе свободномъ и самостоятельномъ развитіи каждой человѣческой личности. Подобныя понятія уже побѣдоносно входятъ въ общественное сознаніе. «Мы надѣемся,—говорилъ Безобразовъ,—что эти побѣды будутъ съ каждымъ днемъ возрастать, какой бы гвалтъ ни поднимали сочувствователи и охранители стараго порядка». Органъ Каткова съ негодованіемъ относился къ вождѣмъ нашихъ установивъ въ сельскомъ мірѣ специальную и дворянскую диктаторскую власть. Безобразовъ говоритъ, что нельзя не страшиться проектовъ учрежденія такой власти, т.-е. замаскированной вотчинной полиціи: «Очевидно, что подобная власть была бы однимъ изъ самыхъ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ всей

*) *Вѣстникъ Европы*, декабрь, „Внутреннее Обозрѣніе“.

**) *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., октябрь.

системъ нашего мѣстнаго самоуправленія, какъ оно до сихъ поръ было заду-мано въ благихъ намѣреніяхъ правительства».

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ той же статьи слѣдующую выдержку: «Эти зачатки (самоуправленія), какъ они еще и слабы, особенно дороги всей современной Россіи, пріавшей ихъ съ единодушною признательностью къ правительству».

Кромѣ подозрительной во многихъ случаяхъ зыбкости почвы въ охрентельныхъ разсужденіяхъ, непріятно (по меньшей степени) поражаетъ въ нихъ и крайняя нетерпимость. Публицистамъ, «эволюціа» которыхъ проишла у насъ на глазахъ, слѣдовало бы оказывать побольше уваженія къ собственному человѣческому достоинству, которое недавно еще было заполнено иными идеями. *Моск. Вѣдом.*, — назовемъ прямо эту газету, — безъ церемоніи объявляютъ, что всѣ несогласные съ мнѣніями, какія ею отстаиваются, — либо наивные глупцы, либо хитрые лицемеры. При такомъ отношеніи къ противникамъ было бы именно глупостью или лицемеріемъ требовать къ себѣ отъ нихъ уваженія, необходимаго для серьезнаго и плодотворнаго спора.

Вопросъ о студенческихъ землячествахъ и общежитіяхъ, которыми въ нынѣшнемъ году такъ сильно занималась печать, переходитъ въ осуществленіе. Обнародовано Высочайше утвержденное Положеніе о студенческихъ общежитіяхъ и о комитетѣ для содѣйствія устройству сихъ общежитій. 7 декабря въ актовомъ залѣ университета состоялось первое собраніе членовъ этого комитета, въ предсѣдательствѣ попечителя округа, Н. П. Боголѣпова, въ присутствіи ректора университета, П. А. Некрасова, помощника ректора, Н. А. Звѣрева, многихъ профессоровъ и представителей общественныхъ и правительственныхъ учреждений. Профессоръ Н. А. Звѣревъ сообщилъ объ устройствѣ перваго общежитія Московскаго университета. Капиталь въ 300,000 р., предоставленный для этой цѣли правительствомъ, увеличился пожертвованіями засл. проф. И. Н. Новацкаго — 50,000 р., проф. В. Ф. Снегирева — 8,000 р. и поступившими по духовному завѣщанію вдовы полковника Е. П. Степановой — 9,000 р., а всего возросъ до 367,000 р. На сумму этого капитала въ текущемъ году былъ приобрѣтенъ у гг. Перфильевыхъ на Большой Грузинской улицѣ участокъ земли, за который было заплачено 62,500 р. На этомъ участкѣ предполагается выстроить съ теченіемъ времени три общежитія примѣрно на 450 чел. Зданіе перваго общежитія уже окончено кирпичною кладкою и покрыто; можно надѣяться, что въ октябрѣ или ноябрѣ будущаго года оно будетъ вполне отдѣлано и готово. Вмѣстѣ со стоимостью обзаведенія и земли оно обойдется до 221,000 р. Разсчитано оно на 152 жилья и будетъ заключать въ своихъ четырехъ этажахъ 101 комнату, изъ которыхъ 53 предназначаются каждая для одного студента, 45 — каждая для двухъ студентовъ и 3 — каждая для трехъ. Кромѣ того, въ томъ же зданіи будутъ устроены: столовая на 150 чел., обширная библиотечная зала, особая пріемная для гостей, квартира для завѣдующаго общежитіемъ и другія служебныя помѣщенія.

Квартира каждаго отдѣльнаго жильца въ общежитіи обходится въ постройкѣ и оборудованіи около 1,500 р.; оплата такой квартиры потребуетъ приблизительно 60 р. въ годъ (% съ 1,500 р.). Содержаніе жильца опредѣляется приблизительно въ 240 р. въ годъ, причемъ остатки отъ этого содержанія, еслибы таковыя оказались, могутъ быть выдаваемы жильцу на его личные расходы. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что для превращенія платной квартиры въ *удешевленную*, въ которой студентъ получаетъ только даровое помѣщеніе безъ содержанія, нуженъ капиталъ въ 1,500 р., поступающій цѣлкомъ въ возвратъ строительнаго капитала. Если же кѣмъ-либо будетъ пожертвована большая сумма, то она не только избавитъ жильца отъ платы за квартиру, но и отъ извѣстной доли платы за его содержаніе. Пожертвованіе капитала въ 8,000 р. (1,500+6,500 р.) превращаетъ квартиру одного жильца въ *бесплатную*, въ которой студентъ получаетъ не только даровое помѣщеніе, но и полное содержаніе. Всѣмъ такимъ бесплатнымъ и удешевленнымъ квартирамъ могутъ быть присвоены имена жертвователей или близкихъ и дорогихъ имъ лицъ.

Въ рѣчи профессора А. И. Чупрова было ярко обрисовано положеніе студентовъ Московскаго университета, изъ которыхъ пять шестыхъ являются изъ провинціи, не имѣя въ столицѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, и, въ большинствѣ случаевъ, почти безъ всякихъ средствъ. Найти при такихъ условіяхъ сколько-нибудь порядочную комнату и прожить, не голодая, — дѣло въ высшей степени трудное. Понятно поэтому, какъ сочувственно должно отнестись къ дѣлу устройства студенческихъ общежитій. Профессоръ П. Г. Виноградовъ обратилъ особенное вниманіе на то значеніе, которое должны имѣть общежитія въ качествѣ учреждений, способствующихъ научнымъ успѣхамъ и духовному развитію учащейся молодежи, укрѣпленію въ нихъ духа здороваго товарищескаго общенія и бодрой самодѣтельности. Въ общежитіяхъ могутъ быть устраиваемы литературно-научныя чтенія и бесѣды, музыкальныя собранія, практическія занятія и репетиторы, — конечно, при добровольномъ участіи въ нихъ желающихъ. Профессоръ указалъ при этомъ на важное значеніе, которое имѣли въ жизни англійскаго студенчества колледжи, хотя и созданные для болѣе состоятельной молодежи, а также «община» при университетѣ въ Копенгагенѣ, основанная еще въ XVI вѣкѣ для менѣе состоятельныхъ студентовъ изъ провинціи.

Къ этой мысли мы относимся съ особеннымъ сочувствіемъ. Мало этого, — безъ ея осуществленія студенческія общежитія, по нашему мнѣнію, утратятъ свой университетскій характеръ и превратятся въ даровыя квартиры подъ надзоромъ инспекціи. Въ статьѣ князя С. Н. Трубецкаго, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала за нынѣшній годъ, подробно развиты мысли о правильной постановкѣ университетской жизни. Мы отъ души желаемъ и твердо надѣемся, что комитетъ для содѣйствія устройству общежитій окажется на высотѣ своей благородной задачи.

На первомъ собраніи, какъ сообщаютъ *Моск. Вѣд.*, было собрано до 50,000 новыхъ пожертвованій.

Лебединыя пѣсни Шекспира *).

I.

Бенефисные спектакли на сценѣ Малаго театра всегда вызываютъ у московской публики исключительный интересъ. Въ этомъ интересѣ играютъ, конечно, существенную роль имена популярныхъ артистовъ и артистокъ, но большимъ вопросомъ является также и пьеса, выбранная для бенефиса.

Всѣмъ извѣстно, какіе дѣятельные поиски предшествуютъ выбору, сколько приходится бенефицианту потратить усердія и изобрѣтательности, и нерѣдко мучительныхъ надеждъ на счастливую случайность, чтобъ, наконецъ, благополучно разрѣшить задачу.

И она, дѣйствительно, весьма часто разрѣшалась не только благополучно для бенефицианта, — это само собой разумѣется, но и къ истинному удовольствію литературно-развитой московской публики. Благодаря бенефисамъ мы видимъ на русской сценѣ *Гамлета*, *Макбета*, *Ричарда III*, и благія намѣренія простерлись даже было на *Короля Лира*. Но это только одна сторона бенефисовъ — лицевая, въ полномъ смыслѣ праздничная и исторически-заслуженная.

Существуетъ другая, далеко не столь почтенная и отнюдь не лестная для исторіи Малаго театра. Это скорѣе «скандальная хроника» нашей «классической» сцены, созданная, къ сожалѣнію, все тѣми же торжественными «именнами» любимыхъ артистовъ.

На тѣхъ самыхъ подмосткахъ, гдѣ Гамлетъ изнывалъ въ тоскѣ во самымъ выпрепнимъ идеаламъ, а Маркизь Поза готовъ былъ своей жизнью запечатлѣть не менѣе возвышенныя чувства, — московская публика могла любоваться первосортной балаганщиной самаго отпѣтаго бульварнаго промышленника современнаго Парижа — Сарду, могла перенестись даже еще дальше, прямо на арену римскаго цирка ради *Рагенскаго бойца* и, упоенная уличнымъ трескомъ и бенгальскимъ блескомъ водевильнаго патриотизма, замлѣть въ ужасѣ предъ гладіаторомъ въ трико.

*) По поводу *Зимней сказки*, поставленной на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ г. Садовскаго.

И, несомнѣнно, находилась публика, стоявшая на высотѣ всѣхъ этихъ ролей, способная искренне переиспытать нѣгу «тайныхъ ощущений» предъ сценами чисто-физиологическаго содержанія. Подобныхъ инстинктовъ не истребить никакими проповѣдями, не просвѣтить никакими зрѣлищами,—но изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ законно поощрять, притомъ еще совершенно независимому художественному учрежденію.

Не всегда удачно разрѣшались бенефисные поиски и въ другомъ отношеніи. Положимъ, *Графъ Ризооръ* и *Равенскій боецъ* могли быть воздвигнуты на нашей сценѣ крайнимъ отчаяніемъ бенефициантовъ, тщетно искавшихъ болѣе достойнаго матеріала. Но даже когда поиски артистовъ направляются по совершенно резонному адресу, нѣкая юмористическая сила вдругъ натолкнетъ ихъ на совершенно неожиданный объектъ, прямо недопустимый ни съ точки зрѣнія здраваго смысла, ни въ расчетахъ на сценическій успѣхъ бенефицианта.

У Шекспира, кажется, выборъ богатый. Правда, драматургъ требуетъ многихъ жертвъ, усиленнаго труда и особенно—таланта. Но за то и награда великая! Шекспировская пьеса—будто золотая руда, скрытая на громадной глубинѣ. Добраться до металла тяжело, но за то каждая капля пота будетъ возмѣщена сторицей.

Таковы великія трагедіи Шекспира. Но пусть не всѣмъ подѣ силу и не всѣмъ охота забираться въ глубь,—существуютъ комедіи и драмы. Они не требуютъ особеннаго рвенія и поддаются обыкновеннымъ артистическимъ дарованіямъ. Конечно, сравнительная легкость здѣсь влечетъ и нѣкоторыя неудобства. Остроуміе комедій далеко не всегда забавно, для насъ, публики XIX вѣва, шуты часто просто дѣтская, въ сильной степени надоедливая игра, а безконечныя неувинно-тонкія препирательства влюбленныхъ джентльменовъ и милыхъ жеманницъ могутъ совсѣмъ быть сданы въ архивъ.

Но все это не мѣшаетъ комедіямъ быть живыми сценическими шутками, обвѣянными специально-шекспировскимъ гениемъ вдохновенной веселости, юношеской любви къ свѣту, свободѣ, ко всему жизненному и непосредственному.

Комедіи всѣ безъ исключенія—поэмы любви и увлеченія, и какъ бы странна или навивна ни была старая романтическая интрига,—въ пьесѣ всегда останется достаточно мотивовъ сердечности, лирической, трогательной страсти, вообще—простой человѣческой души. И за это зритель проститъ словесные турниры героевъ и усиленные гримасы клоуновъ.

Но что тому же зрителю дѣлать, напримѣръ, съ *Цимбелиномъ*, съ *Зимней сказкой*? Это—бенефисныя зрѣлища Малаго театра будто нарочито рассчитанныя на подрывъ шекспировской репутаціи. Да, вполне серьезно,—потому что показывать нашей публикѣ какъ разъ тѣневую сторону шекспировской литературной дѣятельности,—можно съчесть своего рода злымъ умысломъ. *Цимбелина* и *Сказку* можно безнаказанно поѣдать людямъ прямо усвоившимъ подлинную красоту и силу шекспировскаго гения, составившимъ сознательный и вполне опредѣленный взглядъ на поэта.

А у насъ? Что ни театральнѣй, особенно бенефиснѣй зритель, то ходячее недоразумѣніе и младенческое невѣдѣніе или вопіющій кривотолкъ по части, такъ называемой, «классической» литературы. Шекспиръ вѣдь это—фетишъ ученыхъ и экзотическихъ любителей, а для насъ, современниковъ Сарду и Мейляка, онъ просто «антигъ». И вотъ предъ подобными философами поэтъ является въ полномъ «неглиже». Пьеса, лишенная драматическаго интереса, совершенно не сценичная, безъ характеровъ и осмысленной интриги, съ разнаго рода сюрпризами и чудесами. Самые смутные намеки на психологію и полное пренебреженіе къ логикѣ дѣйствительности.

Для дѣтей, можетъ быть, это и любопытно, когда Юпитеръ спускается съ неба на сцену,—но мы, взрослые люди, за такими зрѣлищами пойдѣмъ лучше въ балетъ или феерію. То и другое будетъ просто наборомъ бессмыслицъ, машинистъ исполнить первую роль, и намъ не стануть въ промежуткахъ между бутафорскими фокусами надобдаться жестокими сценами и неумѣстно-трагическими рѣчами. Это будетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно.

А здѣсь,—кричатъ,—Шекспиръ!—и въ результатѣ цѣлаго вечера—никакой пищи ни уму, ни сердцу. Одна физическая усталость и нервное безпокойство.

Какъ бы ни были смѣлы эти жалобы,—зритель правъ. Шекспира—нѣтъ въ Цимбелинѣ, *того* Шекспира! Онъ самъ не желаетъ быть самимъ собой. Онъ будто владыка, утомленный дѣлами правленія, торжественными аудиенціями, властительными рѣчами,—удаляется во «внутренніе покои» и сбрасываетъ съ себя весь блескъ, всю мощь повелителя. Онъ—теперь слабый смертный, жаждущій покоя своей брэнной природѣ.

Его орлиный взоръ будто потускнѣлъ и могучій голосъ упалъ, и если онъ поведетъ бесѣду,—это будетъ сцена идиллическаго жанра.

Добродушный патриархъ, окруженный юнымъ поколѣвіемъ. Онъ много пережилъ, перевидалъ, и теперь, въ кругу близкихъ людей, тѣшитъ себя воспоминаніями о всякой бывальщинѣ. Рѣчь плавно льется съ его отцвѣтающихъ устъ, ясная, безмятежная улыбка не покидаетъ его лица, онъ весь—любовь, миръ, благоволеніе.

Его утомили житейскія и душевныя бури. Онъ тщательно избѣгаетъ глубокаго анализа человѣческихъ страстей, умалчиваетъ о неизбывномъ горѣ нашего міра и преднамѣренно закрываетъ глаза на пропасть, зияющую предъ смертными въ ихъ самыя свѣтлыя минуты.

Онъ будто чувствуетъ оторопь взглядѣться въ море волненій, столь когда то ему близкихъ, и онъ готовъ цѣной какой угодно жизненной правды потѣшиться летучимъ вымысломъ фантазіи.

Онъ станеть сочинять сказки будто для того, чтобъ обончательно убавить свою мысль и обольстить наивный слухъ публики. Въ этихъ исторіяхъ будетъ разсыяно много искръ поэзіи, время отъ времени она можетъ вспыхнуть ослѣпительнымъ огнемъ и будто неволью съ устъ рассказчицы

слетить мощное, правдивое слово высокой мудрости. Но это—случайности, минутная забывчивость и все это не въ намѣреніяхъ повѣствователя. Онъ немедленно возмѣститъ мимолетную оговорку новой поразительнѣйшей невѣроятностью и однимъ взмахомъ пера броситъ насъ въ туманную даль призраковъ и волшебства.

Таковъ Шекспиръ *Зимней сказки*, только - что смѣнявшей *Цимбелина* на московской сценѣ.

II.

Публика переполнила театръ ради бенефиса и старалась привѣтствовать бенефицианта. Недешево стоило ей это самоотверженіе! Для многихъ *Сказка* осталась недосказанной, не хватило терпѣнія досмотрѣть до конца многочисленныхъ смѣны декораций на сценѣ и дослушать дикийвинную повѣсть о чудесахъ за сеной.

Мы понимаемъ душевную истому, овладѣвавшую публикой постепенно съ ходомъ спектакля. Но мы желали бы поставить и рѣшить вопросъ: *Зимняя сказка*—едва допустима на сценѣ. Но вѣдь она сочинена авторомъ *Лира* и *Гамлета*. Есть же въ ней какой-нибудь интересъ? Не вычеркнуть же ее совершенно изъ произведеній Шекспира. Тѣмъ болѣе, что той же участи пришлось бы подвергнуть и *Цимбелина* и, пожалуй, *Бурю*. Вездѣ чудеса и мало складу! Но почему именно они увѣнчали дѣятельность Шекспира?

Мы сказали: великаго поэта нѣтъ въ этихъ пьесахъ,—нѣтъ не столько по таланту, сколько по основнымъ принципамъ его міросозерцанія, по его понятіямъ о человѣкѣ и мірѣ.

Раньше какой трезвый и ясный взглядъ! Никакой идилліей, никакими юношескими иллюзіями нельзя было подкупить поэта. За освѣщенной авансеной онъ неизмѣнно видѣлъ сумракъ задняго плана и неизмѣнно ждалъ тѣней на самомъ блестящемъ фонѣ. Не потому, чтобы онъ былъ пессимистомъ и, слѣдовательно, готовымъ помириться на человѣческой немощи и бесплодности человѣческихъ усилій—покорить темныя и злыя силы, нѣтъ, тѣмъ больше зла, тѣмъ больше чести тому, кто идетъ съ нами на борьбу.

Все свѣтлое такъ быстро гаснетъ!

Это несомнѣнно, но только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ «слабъ и преданъ грусти» или когда его ослѣпляетъ эгонистическая страсть. Тогда не помогутъ ни высокое положеніе героя, ни его идеальнѣйшія стремленія, ни трогательнѣйшая поэзія молодости.

Короли Генрихъ и Ричардъ расплатятся за несоответствіе личныхъ нравственныхъ силъ и королевскаго сана, Гамлетъ погибнетъ вмѣстѣ съ Ромео, потому что одинаково и для ученаго философа, и для пламеннаго рыцаря отъ начала до конца будетъ скрытъ истинный смыслъ человѣческаго назначенія, тайна взаимодействія разумной человѣческой воли и стихійной, трудно преодолимой дѣятельности.

Она не щадитъ ни идеаловъ, ни поэзи, если у идеалистовъ и поэтовъ нѣтъ искусства идеѣ подчинить фактъ,—подчинить собственной волей, въ процессѣ сознательной борьбы.

И пессимистовъ Шекспиръ откроетъ именно среди немощныхъ идеалистовъ. Мрачный взглядъ на жизнь, безнадежная тоска о небытіи — результатъ не мировой логики, а неприспособленности человѣческой личности къ мужественнымъ расчетамъ со зломъ.

Есть еще источникъ отчаянія. О немъ мы узнаемъ изъ предсмертныхъ проклятій Макбета на жизнь и весь міръ. Но здѣсь опять вина въ самомъ героѣ. Зломъ начатое должно и окончиться зломъ, — такова неизмѣнная вѣра поэта и всѣ его драмы — ея непреложное оправданіе.

Такой философій жилъ Шекспиръ въ расцвѣтъ своего генія. Теперь, на закатѣ дней, у него будто опустились руки и пропала воля видѣть и осмысливать.

Какую роль играетъ человѣкъ во всѣхъ предсмертныхъ драмахъ поэта? Съ первой сцены до послѣдней предъ нами безпомощные рабы мгновенной страсти. Они изъ-за этой страсти, изъ-за слѣплого каприза способны навсегда разбить свою жизнь. Почему они любятъ, ненавидятъ, ревнуютъ, убиваютъ, создаютъ бѣдствія и становятся счастливыми,—поэтъ не хочетъ знать и, повидимому, даже не считаетъ достойнымъ размышленія. Онъ не вѣритъ въ серьезность мотивовъ человѣческихъ дѣйствій и страстей.

Раньше онъ объяснялъ всякое слово своихъ героевъ; теперь эти люди — букулы, жертвы во славу предустановленной мировой гармоніи. Пьесы начинаются какимъ-то молниеноснымъ помѣшательствомъ дѣйствующихъ лицъ и непременно завершаются экстреннымъ апофеозомъ счастья и чисто-сказочнаго торжества.

Обезумѣвшіе герои въ началѣ, въ концѣ изливаютъ благословія, приглашаютъ всѣхъ: «будьте счастливы!» Даже сами боги являются на сцену заявить такую истину: «испытанія—удѣлъ людей, особенно любимыхъ богами; въ будущемъ награды возрастаютъ пропорціонально испытаніямъ».

Какой глубокомысленный эффектъ и какая мудрая мораль, безконечно далекая отъ чистой правды лучшихъ произведеній поэта!

Мы иногда едва вѣримъ своимъ глазамъ и ушамъ: до такой степени новыя сентенціи—вопьющее противорѣчіе основному шекспировскому духу, не только какъ гениальнаго драматурга, но какъ подлиннаго сына энергичнѣйшей въ мірѣ націи. Кто бы могъ ожидать, что творецъ и соотечественникъ Ричардовъ и Норфольковъ снизойдетъ до смиренномудрія русскаго отшельника старыхъ временъ?

Да, сходство достигаетъ полной иллюзіи. Сцена между изгнанникомъ, бывшимъ придворнымъ, и его юными воспитанниками до послѣдней черты напоминаетъ бесѣду пушкинскаго Пимена съ Самозванцемъ. Назначеніе монастыря выполняютъ пещера и гѣсъ. Ради нихъ подвергается жестокой критикѣ шумная жизнь, восхваляется уединеніе, заугольное прозябаніе, «скорлупной покрытый жукъ» признается *счастливымъ* «парящаго орла».

Жизнь хороша только издали и благо тому, кого не коснулось ея жестокое дыханіе! Это—старческий отвѣтъ на страстный запросъ молодости.

И онъ у Шекспира не случайность.

«Умилительная кротость и совершенное отсутствіе суетности»—главные добродѣтели монаха-бытописателя—господствуютъ во всѣхъ трехъ пьесахъ. Поэтъ больше не хочетъ знать смысла живой человѣческой дѣятельности. Она представляется ему омутомъ гибельныхъ, безцѣльныхъ страстей. Его сочувствія покоятся на сладостныхъ, невинныхъ сценахъ полей и лѣсовъ, на сіяніи голубого неба, на младенческомъ блаженствѣ обитателей пещеръ. Это—чудный феерическій міръ, не подозревающийъ, что на свѣтѣ существуютъ мысль и желанія. Въ заключеніе патриархальныя добродѣтели попадаютъ въ порочные и мятежные города, страсти утихаютъ и поэтъ опускаетъ занавѣсь, озаренный все той же отеческой улыбкой безграничнаго благоволенія.

Ни драмы, ни дѣйствія, ни героевъ.

Великій талантъ усталъ и улаживаетъ себя послѣдними отблесками вечерняго заката. Жизнь миновала,—и не этому сердцу загорѣться жаждой новыхъ дѣлъ и испытаній. Поэтъ ни къ чему не стремится. Любимый герой его старости благословляетъ на счастливый путь свою дочь и говорить о себѣ:

А самъ я удалюсь въ Миланѣ,
Гдѣ буду только думать о могилѣ.

Шекспиръ жилъ въ это время въ своемъ Миланѣ, окруженный полнымъ матеріальнымъ довольствомъ, пожинавшій плоды многообразныхъ искусныхъ трудовъ своей дѣятельной молодости. И въ минуты хорошаго настроенія онъ могъ рассказывать назидательныя исторіи, повторяя на тысячу ладовъ исконное утѣшеніе убоготоренныхъ борцовъ за существованіе: «Повѣрьте мнѣ, все будетъ хорошо!» Въ этомъ весьма личномъ и ненадежномъ обѣщаніи все дѣло, и поэту безразлично, какимъ путемъ дойти до него.

Содержаніе драмы будетъ составлено изъ самаго пестраго матеріала. Поэтъ воспользуется всѣми литературными жанрами, извѣстными его времени. Здѣсь будетъ и мифологія, и исторія, и легенда, и идиллія, и своеобразнѣйшій личный вымыселъ. Но этого мало. Каждый изъ этихъ источниковъ дастъ сюжетъ для отдѣльныхъ, рѣзко разграниченныхъ частей пьесы, и эти части такъ и останутся самостоятельными пьесами и спитыми на живую нитку эпизодами. Читатель подчасъ останавливается въ недоумѣніи, гдѣ же здѣсь нить главнаго дѣйствія и къ чему сводится роль центральныхъ дѣйствующихъ лицъ?

Нечего и говорить, — элементарнѣйшіе факты географіи и исторіи пропускаются черезъ самую сложную призму прихотливой фантазіи и попадаютъ на сцену совершенно неузнаваемыми. Цимбелинъ, напримѣръ, будетъ взятъ изъ подлинныхъ лѣтописныхъ преданій, но поэтъ ему навязаетъ дѣла по собственному усмотрѣнію, окружитъ его лицами личнаго выдѣлія.

Такъ онъ поступалъ и раньше, вымышлялъ, напримѣръ, Гораціо, Полонія для трагедіи Гамлета. Но тамъ это имѣло гениальный психологическій смыслъ: поэтъ создавалъ *среду* для *героя* и съ неподражаемымъ тактомъ именно этой вымышленной средой оттънялъ центральный характеръ и обрамлялъ драматическую исторію. Фонъ дѣлалъ картину и рамка заставляла выступать фигуры съ поразительной яркостью.

Ничего подобнаго теперь.

Предъ нами просто маріонеточный театръ, гдѣ каждая кукла выращена въ свой особый цвѣтъ: *сладкая* или *добрая* королева, *мудрый* сынъ, *деспотъ*-король, *невинная* дочь, *рыцарственный* любовникъ. Стоять ли съ такими созданіями много хлопотать о самомъ дѣйствиі? Подробности можно просто заимствовать гдѣ угодно, даже изъ собственныхъ драмъ.

Цимбелина можно нарядить въ трагическій костюмъ Лира, Постума и Иоахимо уподобить Отелло и Яго, для Имогены и Герміоны припомнить Дездемону. Даже вещи пойдутъ въ ходъ: тамъ платокъ игралъ роковую роль улики,—его замѣнить браслетъ.

Но все это собственно не будетъ плагиатъ, — скорѣе скоропалительное подражаніе, небрежное копированіе великаго образца совершенно равнодушнымъ диллетантомъ.

Надъ ревностью Отелло пришлось когда-то поработать много и тщательно и поставить множество поучительнѣйшихъ вопросовъ психологамъ. Теперь вмѣсто всякаго анализа и вдумчивости сойдетъ ссылка на злокозненную комету, не встаетъ замѣшавшуюся звѣзду: онъ вполне удовлетворительно объясняетъ ревность Леонта и злополучную судьбу его жертвы.

Наконецъ, у насъ даже возникаетъ вопросъ: какъ писались эти пьесы? Мы хотимъ сказать,—помнилъ ли поэтъ, положимъ, первые два акта, приступая къ третьему, или довольствовался смутнымъ представленіемъ о своей уже исполненной работѣ и сплеталъ хитрыя нити интриги все дальше и дальше, въ надеждѣ, авось выйдетъ что-нибудь въ результатѣ.

Въ *Зимней сказкѣ* онъ даже косвенно и сознается въ этомъ оригинальномъ процессѣ творчества. Не рассчитывая на крайнюю снисходительность и наивность зрителей, онъ прибѣгаетъ къ самому незамысловатому способу самооправданія: приходилось же публикѣ видѣть на сценѣ кое-что и похуже, отчего же не поскучать еще разъ?

Вѣдь вамъ донынѣ

Случалось, конечно, убивать

Скучивѣ вдвое время,—такъ занять

Позвольте насегодня васъ хоть этимъ,

А если не случалось, то мы встрѣтимъ

Такой отвѣтъ желаньемъ, чтобъ терпѣть

Вамъ не пришлось бѣды подобной впредь...

Очень предупредительно, но только эта любезность нисколько не отражается на намѣреніяхъ поэта. Въ *Цимбелинѣ*, напримѣръ, онъ долженъ быть самаго высокаго мнѣнія не только о способности публики развѣ

каться чѣмъ ни пошло, но и объ ея короткой и безъ конца благосклонной памяти.

Мы присутствуемъ при длинной и весьма важной сценѣ заклада Постума съ Іоахимомъ. Мы, слѣдовательно, знаемъ всѣ подробности этого капитальнѣйшаго момента. Но самъ авторъ или совсѣмъ забылъ о нихъ немедленно послѣ того, какъ написалъ сцену, или пренебрегъ своею собственною работою. Въ концѣ пьесы Іоахимъ приноситъ раскаяніе и рассказываетъ Цимбелину исторію своего злодѣяства.

Въ разсказѣ сцена заклада передана совершенно иначе, чѣмъ она происходила на самомъ дѣлѣ. Іоахимъ повѣствуетъ о пирѣ, гдѣ гости наперерывъ восхваляли своихъ возлюбленныхъ, а Постумъ «задумчиво сидѣлъ и молча слушалъ». Наконецъ, со всею скромностью влюбленного представилъ образъ своей милой въ такихъ живыхъ и яркихъ краскахъ, что всѣ другія описанія утратили всякую привлекательность. Тогда зашла рѣчь о закладѣ.

Въ дѣйствительности никакого конкурса красавицъ по описаніямъ ихъ рыцарей не происходило.

Сколько же послѣ этого могъ допустить поэтъ въ своихъ драмахъ пробѣловъ, противорѣчій, ничѣмъ необъяснимыхъ происшествій! И вся эта смута не смущала столь когда-то пронизательнаго властно-творческаго взора автора. Шекспиръ заранѣе рѣшилъ не утруждать своей мысли и даже не напрягать особенно своей памяти. Онъ, подобно герою *Бури—Просперо*—порвалъ всѣ нравственныя связи съ міромъ реальныхъ нуждъ и страданій, вознесся надъ землею въ недосягаемую высь геніевъ и духовъ, чистаго искусства, чудодѣйственнаго волшебства и идилическаго блаженства. И онъ избересть самое простое и дешевое средство—унизить міръ желаній и страстей сравнительно съ вѣчно цвѣтущею долиною сказочнаго Эдема. Тамъ—роскошь, ложь и эгоизмъ двора, здѣсь—простота, искренность и младенческое незлобіе *полей*. Вельможи и пастухи—вотъ общественные мотивы послѣднихъ пьесъ Шекспира. У какого самаго зауряднаго сонетиста Возрожденія не хватило бы искусства воспѣть лѣсъ и полевые цвѣты ради вящаго униженія фальшиваго свѣта и душнаго салона!

III.

Шекспиръ, конечно, не заурядный ремесленникъ, и его пьесы часто облачаютъ орлиный полетъ геніальнаго вдохновенія. Въ *Бурѣ* образъ Миранды, несомнѣнно, трогателенъ и естественно-поэтиченъ. Его создавалъ поэтъ, всю молодость отдавшій наукѣ страсти нѣжной—и въ жизни и въ поэзіи. Ему на старости лѣтъ оставалось только кое-что припомнить, себя же повторить—и картина непремѣнно должна была получиться увлекательная и живая. Но *не жизненная*: это непремѣнное условіе! Иначе выйдетъ все та же исторія гибели свѣта—поэтичнѣйшаго, но нравственно-беспомощнаго свѣта. Миранда явится будто лучомъ солнца, принявшимъ форму женщины и

повѣсть ея сердца прозвучить намъ будто отрывокъ нѣкоей таинственной музыки сферъ.

Какъ чисты и дѣвственно-граціозны всё эти сцены на сказочномъ островѣ, предъ глазами всемогущаго мудреца-отшельника, среди тончайшихъ наслажденій мыслью и искусствомъ,—но сколько заключено здѣсь красивой жи и преднамѣреннаго кокетства съ фантастическою красотой и несбыточнымъ человѣческимъ счастьемъ!

Въ *Зимней сказкѣ*, напримѣръ, вы неоднократно, среди безпорядочной смѣны эпизодовъ и лицъ, невольно прислушиваетесь къ обольстительнымъ рѣчамъ—особенно героинѣ. Вы, пожалуй, съ интересомъ прослушаете поэтическую лекцію Пердита о цвѣтахъ. Трудно искусить и чувствительнѣе вести разговоръ о ногаткахъ, о рутѣ, о розмаринѣ,—и притомъ устами невиннѣйшей въ мірѣ пастушки! Впослѣдствіи эта сцена подаетъ ученымъ поводъ къ глубокомысленнымъ соображеніямъ на счетъ обширной шекспировской учености,—и пастушка разыгрываетъ роль своего рода профессора естествознанія.

Это, конечно, комментаторскій фанатизмъ,—но не безосновательный. При всей первобытной прелести у нашей пастушки имѣется малая толика педантизма. Таковъ ужъ порядокъ! Идиллическая дама на сценѣ непременно должна быть отчасти жеманницей и «щеголихой». Потому что дама—все-таки *сочинена* авторомъ для извѣстной цѣли. Ея хижина—контрастъ дворцу, естественная свѣжесть ея лица—укоризна румянамъ и бѣлымъ придворныхъ кокетокъ, ея наивная рѣчь—недосягаемый идеалъ для манернаго и изысканнаго острословія свѣтскихъ франтовъ. Пердита въ результатѣ все-таки воплощенная публицистика,—въ элементарной формѣ, ходячая мораль въ уровень съ самымъ невыскаательнымъ вкусомъ и разсудкомъ. Естественно, ея монологи могутъ доставить немалую поживу настоящимъ ученымъ: вѣдь они и сочинены затѣмъ, чтобы въ нихъ зрители отыскиали нѣчто болѣе важное и замысловатое, чѣмъ простодушный лепетъ дочери природы.

Послѣ этого пусть сколько угодно завѣряетъ насъ интересная пастушка, будто она «не умѣетъ красиво говорить и не можетъ придумать лучшихъ словъ». Это—опять жеманство и тонъ. На самомъ дѣлѣ, Пердита достойная состязательница по части словесныхъ фигуръ рядомъ съ причеиъ и какииъ угодно придворнымъ. И иначе не мыслимо.

Какая же въ дѣйствительности можетъ быть прелесть и поэзія въ жалкой пастушеской хижинѣ, долженствующая выдержать конкуренцію съ привольной жизнью вельможъ и богачей! Еслибъ въ палатѣ на самомъ дѣлѣ былъ рай,—тѣ же пастушки не набрасывались бы на золото съ такимъ безумнымъ азартомъ, какого не скрываетъ поэтъ у своихъ будто вседовольныхъ и всеблаженныхъ обитателей земного рая. Очевидно, поэтъ бросалъ на свою картину штрихъ за штрихомъ, не забывая о гармоніи красокъ, а лишь объ общемъ впечатлѣніи: такъ всегда и рисуютъ сценическія декорации.

Единственно гдѣ предъ нами расправляетъ крылья просыпающийся орелъ—это не въ идилліи и не въ сатиры, не въ лѣсу и не во дворцѣ,— а въ женскомъ сердцѣ. Это—исконное царство могучаго истинно-шекспировскаго лиризма. Правъ ли поэтъ, или нѣтъ,—но онъ еще съ періода комедій твердо усвоилъ самое рыцарское представленіе о женской любви. Еще тогда онъ избѣгалъ выводить на свою сцену кокетокъ и измѣнницъ, и пѣлъ восторженные гимны женской вѣрности и женскому героизму. Конечно, не ради какихъ-либо идеаловъ,—нѣтъ, этотъ героизмъ чуждъ всякихъ отвлеченностей и широкихъ альтруистическихъ стремленій. Онъ весь сосредоточенъ на одномъ человѣкѣ, воплотившемъ и жизнь и счастье героини.

Но за то нѣтъ ей равнаго по силѣ воли, по самоотверженію на этотъ пути! И поэтъ будто нарочно заставитъ Джульетту, только что вышедшую изъ дѣтскаго возраста,—глубиной и простотой своего чувства сконфузить краснорѣчиваго и эффектнаго юношу, уже испытаннаго въ наукѣ любви.

Такъ до конца.

Пердита хотя и пастушка, но гораздо меньше естественная и наивная, чѣмъ Джульетта,—не забываетъ все-таки основного символа любви шекспировскихъ героинь: не разливаться въ пышныхъ фразахъ о чувствѣ, а жить и дѣйствовать подъ властью этого чувства. Герміона, которой нѣтъ необходимости свою фигуру иллюстрировать какую-либо мораль,—можетъ невозбранно оставаться типично-шекспировской героиней. И она—единственный дѣйствительно живой человѣкъ во всей пьесѣ, захватывающій насъ своею судьбой и вносящій дыханіе правды въ искусственную атмосферу дикихъ страстей двора и неправдоподобныхъ добродѣтелей деревни.

Сцена Герміоны съ Леонтою могла бы украсить какую угодно драму, еслибъ мы только могли помириться съ несказаннымъ моментальнымъ умопомѣшательствомъ виновника этой сцены. Надо забыть обо всѣхъ кометахъ и звѣздахъ,—тогда рѣчи Герміоны создадутъ настроеніе и тронуть сердце

Мнѣ остается

Терпѣть и ждать, покажѣтъ небо взглянуть

На насъ опять правѣй-лѣвѣй...

Это — обычная логика шекспировской героини: *терпѣть и ждать*, отнюдь не мстить и не карать. Въ женскомъ сердцѣ, рядомъ съ любовью, не можетъ *физически*—не можетъ быть мѣста даже малѣйшему желанію—злу противопоставить зло.

Прощайте, государи!

Ни разу не желала я увидѣть

Васъ льющимъ слезы горести,—теперь же

Увижу это скоро...

И только! Вы видите, остается неистребимой не только любовь, но и вѣра въ любимаго человѣка. Онъ не можетъ быть сознательно жестокъ и преступенъ, онъ ошибается и эта ошибка для него не меньшее несчастье,

тѣмъ и для его жертвы... Выше этого не можетъ подняться никакое чувство человѣка къ человѣку: органическое отрипаніе злой стихіи въ самой природѣ дорогого существа—это совершенное торжество любви, ея апогеозъ.

И Шекспиръ считаетъ его *закономъ* женской природы, Герміона съ истинно-мученической отвагой выполняетъ его. Леонть ей грозитъ смертью, она отвѣчаетъ:

Оставьте вамъ

Угрозы, государи! Того, чѣмъ вы
Хотите запугать меня, желаю
Душевно я сама. Мнѣ жизнь—не радость.
До сей поры вѣнцомъ ея и счастьемъ
Была любовь мнѣ ваша, но она
Погибла навсегда...

Герміона теперь одинока и невольно вспоминаетъ объ отцѣ, и въ этомъ воспоминаніи столько живой человѣческой души, что за эти нѣсколько словъ можно и на самомъ дѣлѣ простить, если не забыть—жестокій анекдотъ, вызвавшій такой перлъ реальной поэзій:

Отецъ мой

Былъ русскій императоръ... О, когда бы
Онъ дожилъ до постыднаго суда
Надъ дочерью! Когда бы онъ видѣлъ ужась
Моей бѣды! Не съ тѣмъ, чтобъ мстить,—вѣтъ, нѣтъ
Но съ тѣмъ, чтобъ пожалѣть меня!

И въ устахъ Герміоны даже рѣчь о «гибельномъ созвѣздіи» находятъ у насъ сочувственный откликъ,—вѣдь это ея единственное утѣшеніе, единственное для нея объясненіе страшной переменѣ въ ея судьбѣ.

Можно сколько угодно возражать поэту и истинами психологій и фактами жизни, можно сослаться даже на его же личныя признанія въ сонетахъ: ему пришлось испытать далеко не одну искренность и не одно подвижничество самоотверженіе женщины. Онъ могъ, по собственному опыту, до послѣдней черты рисовать Клеопатру и по воспоминаніямъ своей молодости рассказывать многообразныя продѣлки не женщины-ангела, а сирены-змѣи. И онъ такъ именно и поступалъ: Клеопатра вышла не мѣтѣ яркой и гораздо болѣе интересной и драматической фигурой, чѣмъ всѣ Герміоны, Елены, Сильвіи—эти прямолинейныя мученицы своего чувства.

Но пусть поэтическая идеализація останется послѣднимъ отголоскомъ мечтательной рыцарственности средних вѣковъ, пусть слава Шекспира сама расчитывается съ его, можетъ быть, не совсѣмъ основательнымъ прирѣзомомъ во славу женскаго сердца,—все это не разрушаетъ прелесть сцен и самихъ героинь. Онѣ даже спасаютъ цѣлыя драмы, — спасаютъ силой искренности и правдой—хотя бы и смѣло идеализированной, но все-таки по существу реальной—жизни. Миранда, Имогена, Герміона—единственныя *шекспировскіе* удары кисти на смутномъ, негармоничномъ фонѣ.

Но откуда же взялся этотъ послѣдній фонъ? Онъ созданъ не вдохновеніемъ, онъ слишкомъ искусственъ; онъ, повидному, чуждъ даже личнымъ

интересамъ поэта; онъ слишкомъ пестръ, разорванъ, чтобъ его могли любовно взлѣтать поэтическія мечты.

Онъ—плодъ равнодушной, небрежной изобрѣтательности. Онъ каждымъ штрихомъ говоритъ намъ не о свѣтлой сказкѣ, не о солнечной идилліи: и то, и другое обманъ нашего зрѣнія,—а о глубокой драмѣ—только не среди героевъ, а въ творческомъ духѣ автора.

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь въ смыслъ всѣхъ этихъ *Бурь* и *Сказокъ*. Человѣкъ, необыкновенно одаренный отъ природы, исполненный въ высшей степени энергической воли—жить и вдохновляться жизнью, кончаетъ жизнь и вдохновеніе побасенками, скрывающими за собой равнодушіе къ человѣческой природѣ, пренебреженіе къ ней, недоувѣріе къ человѣческой волѣ и правдѣ. Безпощадный анализъ страстей и могучіе отклики на мировое зло смѣняются затишемъ безмолвнаго смиренія и неизлѣчимой усталости.

Пронизывающая горечь охватываетъ сердце передъ этими усладительными небыллицами съ непремѣннымъ счастливымъ концомъ. Здѣсь люди не только не способны создать своего счастья, а даже понять его. Богъ вѣсть когда и откуда налетитъ благодѣтельная волна и приберетъ шлюпцовъ къ желанному берегу. *Человѣческая воля отрицаетъ себя.*

Здѣсь Шопенгауэръ видѣлъ предѣлъ пессимизма и начало мировой смерти. Откуда же это отрицаніе? Не забавляется же поэтъ, создавая такіе ужасы по своевольному капризу и претворяя ихъ,—будто волшебнымъ заклинаніемъ,—въ безоблачное счастье? Его могутъ забавлять отдѣльные вымыслы его сочинительства, но ничего не можетъ быть забавнаго, напримѣръ, въ первыхъ актахъ *Цимбелина* и *Зимней сказки*. Зритель не знаетъ о дѣйствительной судьбѣ жертвъ обезумѣвшаго короля и не можетъ ожидать, чтобы Герміона явилась въ прежней красотѣ и молодости послѣ шестнадцати лѣтъ «безвѣстнаго отсутствія». Поэтъ до конца хранитъ про себя свою тайну, и мы ниѣмъ дѣло съ слишкомъ большимъ талантомъ и умомъ, чтобы раздирательный эпизодъ кровожадной ревности счесть за простую прихоть поэта. Нѣтъ, *здѣсь* онъ не забавляется, а искренне хочетъ намъ показать, какія безсмыслицы часто торжествуютъ надъ людьми и ихъ судьбой; какимъ стихійнымъ безумствомъ подчиняется человѣческая воля и человѣческій разумъ, и какое, дѣйствительно, «жалкое двуногое созданіе», этотъ мнимый царь природы! Одинъ взрывъ страсти, ничѣмъ не оправдаемый и необъяснимый, совершаетъ полный разгромъ и годами приобретенной опытности, и врожденной мудрости, и неограниченной матеріальной власти.

Но это вѣдь даже не пессимизмъ, а холодное, разсудочно-мотивированное отчаяніе въ смыслѣ нашей жизни и въ силахъ нашей природы. И это настроеніе стоитъ въ концѣ жизни, плодovitѣйшей идейно и практически. Шекспиръ достигъ славы и богатства. Оставалось собирать обильные плоды и доживать вечеръ съ яснымъ сознаніемъ исполннаго долга. И,

на первый взгляд, такъ и выходило: между дѣломъ сочинялись *сказки*... Но онѣ только на поверхности переливаютъ волшебными красками и блещутъ пестрою игрой фантазіи: въ глубинѣ таится горькое разочарованіе въ той самой правдѣ, которая теперь устраняется со сцены ради безсвязной небывлицы. Улыбка на устахъ не просвѣтляетъ глубоко-задумчивыхъ печальныхъ глазъ.

И въ результатѣ предъ нами вѣчная драма гонія, осужденнаго своею избранною природою мирить со «скучными пѣснями земли». Талантъ—вовсе не неоспоримое право на свободный жизненный путь. Это — элементъ, по общему строю нашего міра, явленіе необычное, слѣдовательно—безпокойное и неприятное. Одинъ нѣмецкій поэтъ утверждалъ, что большинству людей въ глубинѣ души гораздо ненавистнѣе умный, даровитый человекъ, чѣмъ отъявленный мошенникъ. И біографіи поэтовъ и мыслителей краснорѣчиво доказываютъ основательность этого взгляда.

Драма весьма часто переживается въ самой жестокой формѣ,—той самой, о какой именно Шекспиръ долженъ былъ хранить живѣйшія воспоминанія. Она превосходно изображена въ его сонетахъ, въ знаменитомъ монолוגѣ его любимаго героя. Другимъ безпрестанно приходилось повторять тѣ же мотивы, и вы помните одно изъ самыхъ сильныхъ повтореній у Шевченко:

Изъ-за куска засушной пшени
Глухцу могучему годить—
И мыслить, чувствовать и жить—
Вотъ драма страшная, святая.

Шекспиръ подъ темною силою могъ разумѣть одно, Шевченко—другое; формы свѣта и тьмы мѣняются до безконечности, но «могучій глушецъ» столь же по существу безсмертенъ, какъ и свободный талантъ—его естественный врагъ. «Драма» мѣняется по сюжету и подробностямъ, но непоколебима въ своихъ основахъ.

Можетъ быть, съ теченіемъ времени и сущность смягчается и изъ-за засушнаго хлѣба талантамъ больше не приходится занимать мѣста паразитовъ, и ихъ не всякій «могучій глушецъ» владѣетъ правомъ въ буквальномъ смыслѣ избить палками. Это—вопросъ *общественнаго* прогресса. Но остается *естественный*. Онъ если и совершается, то безъ всякой пользы для таланта. Толпа безсмертна. Ея духовный уровень можетъ возвышаться, но этотъ прогрессъ никогда не устранитъ возможности являться *особеннымъ* людямъ. И именно эта исключительность всегда останется неистощимымъ источникомъ для многообразныхъ мотивовъ драмы. Именно она заставитъ одного поэта горько сѣтовать на свое ничтожество среди дѣтой ничтожныхъ міра, другого—насиловать свою личность и разыгрывать роль шута, лишь бы скрыть свои тайныя думы отъ кощунственныхъ взоровъ пошляковъ и глушцовъ, третьяго — броситься въ ветерпимую, вызывающую иззавантропію. И вы знаете, это все подлинныя исторіи исключительныхъ людей.

Естественно, чѣмъ глубже, жизненнѣе и благороднѣе талантъ, тѣмъ тѣснѣе его нравственная связь съ пессимистическими настроеніями. Свѣтлое вдохновеніе—удѣлъ особыхъ счастливицевъ, своего рода музыкальныхъ инструментовъ, безвольны и бессознательно подающихъ свой откликъ на всякій ви́шній звукъ. Высшее проявленіе талантливости — гармонія воспринимающаго чувства и осмысливающаго разума—не можетъ выражаться въ беззаботныхъ треляхъ лирической пѣсни и въ сладкихъ декламаціяхъ младенческой вѣры. Она будетъ точнымъ отраженіемъ самой міровой правды. А «міръ во злѣ лежитъ», и именно поэтому велико и по-истинѣ царственно призваніе человѣка, одареннаго способностью различать добро отъ зла и силою подчинять одно другому. Такова именно философія Шекспира и таково ея основаніе: признаніе великой тьмы, разлитой въ нашѣмъ мірѣ и въ собственной природѣ человѣка, и проповѣдь неустанной дѣятельности не во имя какихъ-либо безусловно-очевидныхъ видовъ на побѣду, а во имя только человѣческаго достоинства.

Поэтъ безпрестанно подчеркиваетъ это понятіе *о званіи чело́вѣка*, и на его языкѣ слово *чело́вѣка*—высшая похвала, какую только могутъ придумать его герои или для мужественнаго, великаго короля Гамлета, или для благороднѣйшаго идеалиста и гражданина Брута. Достаточно быть — достойно быть — чело́вѣкомъ, чтобы противостать и губительнымъ созвѣздіямъ, и страстямъ. Здѣсь пессимизмъ становится возвышеннѣйшимъ миро-созерцаніемъ: источникомъ праведной чело́вѣческой гордости и побужденіемъ къ неустанной работѣ во имя этого сознанія.

И тѣ же предсмертныя драмы Шекспира, таящія въ себѣ менѣе всего оптимистическій взглядъ на юдолю земную, именно этотъ взглядъ ставятъ исходною философскою истиною. Ея практически-нравственный выводъ основная національная стихія британскаго прогресса. Она яркой, нетускнѣющей чертой проходитъ по идеямъ и творчеству великихъ поэтовъ и мыслителей Англии и съ неподражаемой силой и простотой выражена позднѣйшимъ соотечественникомъ нашего поэта, —самымъ свободнымъ гениемъ свободной страны:

Ты—чело́вѣкъ, вѣнецъ созданья!...

Ив. Ивановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Борцы*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, Модеста Чайковскаго).

Комедія М. И. Чайковскаго имѣла не меньшій успѣхъ, чѣмъ *Джентльменъ* князя Сумбатова. Это тоже комедія бытовая и современная, только изъ другого круга, пребывающаго главнымъ образомъ въ Петербургѣ. Мы слышали, что г. Чайковскій вначалѣ назвалъ свою пьесу *Ванька-встанька*, но потомъ далъ ей заглавіе *Борцы*, менѣе удачное и не совсѣмъ подходящее къ содержанію пьесы. «Ваньку-встаньку» изображаетъ Иванъ Федоровичъ Галтинъ (г. Южинъ), онъ же и первый «борецъ», совершенная противоположность Сумбатовскаго «джентльмена» Рыдлова, безобразничавшаго при родительскихъ милліонахъ. Галтинъ началъ съ очень маленькаго, быть можетъ—съ ничего, своимъ умомъ и досужествомъ дошелъ до всего: онъ нажилъ большое состояніе, почти богатство, чинъ «превосходительный», добился пожалованія въ потомственные дворяне, составилъ себѣ репутацію, можно сказать даже славу, необыкновенно умнаго и честнаго дѣльца, способнаго занять очень высокій административный постъ и чуть ли не облагодѣтельствовать всю Россію. Въ высшихъ сферахъ онъ пользуется огромнымъ довѣріемъ, завѣдуетъ въ качествѣ главноуправляющаго дѣлами и имѣніями баронессы Торнъ (г-жа Никулина) и княгини Натальи Борисовны (г-жа Яблочкина). Разстроенныя дѣла этихъ дамъ Галтинъ привелъ въ блестящее положеніе, поразительно приумножилъ доходы сіятельныхъ довѣрительницъ. Черезъ нихъ онъ добился чиновъ и дворянства и, при ихъ помощи, лѣзетъ еще выше. Баронесса чуть Богу не молится на него, изъ силъ выбивается—хлопочетъ о назначеніи Галтина на высокій административный постъ, при содѣйствіи важнаго князя (г. Федотовъ) могущаго повліять на еще болѣе важнаго и сильнаго князя Сумеона, который на сценѣ не показывается и котораго всѣ не иначе называютъ какъ просто—князь Сумеонъ, безъ отчества и фамиліи. Со всѣми этими господами Галтинъ держитъ себя довольно независимо, «спроста по-престежкѣ», по его собственному выраженію, приводящему въ восторгъ сіятельныхъ покровительницъ. Онъ держитъ себя не только «по-престежкѣ»

ки», но даже слегка грубовато, рассчитанно и умѣренно, оправдываясь тѣмъ, что онъ человекъ «простой, чисто-русскій», безъ хитрости и лести,—«что на умѣ, то и на языкѣ», «правда-матка всего дороже». Да ему,—по его же объясненію,—и надобности нѣтъ вести себя иначе: у него все есть, ни въ комъ онъ не нуждается, ничего онъ для себя не ищетъ, ни о чемъ не просить. Его надо убѣждать, уговаривать; даже просить, чтобы согласился занять высокій постъ, ибо «такіе люди намъ теперь нужны,—истинно-русскіе люди», способные облагодѣтельствовать отечество. И Галтинъ, подталкиваемый титулованными пріятельницами «попростецки», пожимаетъ плечами и добродушно соглашается пробираться выше и расширить кругъ своей благодѣтельной дѣятельности. Съ этой стороны Галтинъ—весьма типичный и ярко изображенный авторомъ проходецъ нашего времени,—только онъ не «боецъ», а «пролаза».

Все сказанное нами выясняется въ первомъ актѣ на балѣ у Галтина. За кулисами идетъ домашній спектакль, въ которомъ участвуютъ: дочь хозяйина дома, Соня (г-жа Лешковская) и его воспитанница Настя (г-жа Музиль). На этомъ вечерѣ, рядомъ съ молодыми людьми: княземъ Ветлужскимъ (г. Ильинскій), барономъ Торнъ (г. Тольскій), рядомъ съ гвардейцами и великосвѣтскими франтами,—присутствуютъ: Павленко (г. Рыжовъ), студентъ медицинской академіи, воспитанникъ Галтина изъ крестьянъ, способный мальчикъ, взятый изъ бѣдной семьи еще покойною женой Галтина, и старикъ Дилigentовъ (г. Садовскій), личный секретарь Галтина, принадлежащій къ разряду «униженныхъ и оскорбленныхъ». Этого Дилigentовъ въ чемъ-то проштрафился, попалъ подъ судъ, былъ исключенъ изъ службы и окончательно погибалъ, когда Галтинъ взялъ его къ себѣ на службу, пожалуй, вѣрнѣе—въ услуженіе. Обоихъ облагодѣтельствованныхъ бѣдняковъ, юношу и старика, его превосходительство не только безцеремонно третируетъ, но порою и maltretируетъ. Студентъ возмущается этимъ по-юношески, порою несдержанно и рѣзко, не зарываясь, однако, изъ благодарности и самаго искренняго уваженія къ памяти своей истинной благодѣтельницы. Старикъ Дилigentовъ возмущается по-своему, по-приниженному, вспоминая постоянно наставленіе своей маменьки:

„Ниже тоненькой былинки
Надо голову влонять,
Чтобъ на свѣтъ спротыкѣ
Безпечально вѣкъ прожить“.

Правило это не мѣшаетъ, однако, Дилigentову возмущаться, конечно въ отсутствіе Галтина, и отъ всей души ненавидѣть этого «благодѣтеля» за его успѣхи и за тѣ продѣлки, которыми обусловлены такіе успѣхи. У Дилigentова въ карманѣ памятная книжка, въ которой онъ на одной сторонѣ записываетъ «свинства» и явныя «подлости» Галтина, а на другой—то, что онъ сдѣлалъ добраго и хорошаго. Страницы первой категоріи испещрены достаточно, страницы второй—всѣ чистенькія. Дилigentовъ не-

навидитъ и презираетъ Галтина, исподтишка готовъ подстроитъ ему всякій подкохъ и пресмыкается передъ нимъ: «Ниже тоненькой былинки надо голову склонить»... Студентъ Павленко и воспитанница Настя влюблены другъ въ друга и условились обвѣнчаться, какъ только молодой человѣкъ сдастъ послѣдніе экзамены и получитъ мѣсто. Отношенія между юношей и Соней, дочерью Галтина, представляются намъ неясными и нѣсколько странными. Соня видимо поддразниваетъ его не безъ кокетства, зоветъ его танцовать. Онъ отказывается, раздраженно укоряетъ ее за легкомысліе и безсердечіе, за вѣчное желаніе «играть комедіи» и говоритъ между прочимъ: «Довольно, будетъ съ меня, не дамъ я вамъ себя въ шуты ядять»... Мы отмѣчаемъ это особенно потому, что къ концу это намъ понадобится. За Соней усердно ухаживаетъ князь Ветлужскій.

Во второмъ дѣйствіи разъясняется, отчасти, какими способами Галтинъ «удесетеряетъ» доходы своихъ довѣрительницъ. Онъ выпродаетъ изъ ихъ имѣній лѣса и прямо разоряетъ наивныхъ дамъ, а въ огражденіе себя подсовываетъ имъ для подписи распоряженія о такихъ сдѣлкахъ, причѣмъ настаиваетъ, чтобы барыни тщательно провѣряли его, чтобы сами ѣздили для этого въ свои помѣстья. Это немного слишкомъ «спроста по-простеки», но ведетъ лишь къ тому, что укрѣпляется вѣра барынь въ Галтина, на самомъ же дѣлѣ провѣрять его, ѣздить по деревнямъ, имъ некогда и скучно. Къ довершенію благополучій блестящій офицеръ князь Ветлужскій, наследникъ огромнаго майората, дѣлаетъ предложеніе дочери Галтина. Вѣрный своей обычной тактикѣ, Галтинъ слегка ломается, представляетъ рѣшить этотъ вопросъ самой Сонѣ. Дѣвушка соглашается, заявивши, однако, князю, что она его не любитъ и никого не любитъ. За то князекъ такъ влюбленъ въ нее, такъ она вскружила ему голову, что онъ себя не помнитъ и идетъ лишь на одну уступку, чтобы свадьба была отложена на три мѣсяца. — «Ну, и преть же нн!» — восклицаетъ про себя восхищенный Галтинъ. Тѣмъ временемъ Дилигентовъ, аккуратно ведущій счетъ «свинствамъ» и «подлостямъ» своего патрона, получаетъ возможность внести въ свои замѣтки еще одну мерзость: ухаживаніе Галтина за воспитанницей Настей. Письмо Павленка, въ которомъ тотъ проситъ руки Насти, приводитъ Галтина въ неистовство. — «Никогда этому не бывать!» — кричитъ онъ. — Выкиньте это изъ головы».

Въ третьемъ актѣ — мѣсяца черезъ два, кажется, — женихъ-князекъ до того надоѣлъ Сонѣ, что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. А бѣдная Настя такъ и не отверглась, сдѣлалась жертвой мерзкаго каприза Галтина, который теперь хочетъ спровадить ее замужъ за Павленку, сдѣлавшагося врачомъ. Съ этою цѣлью, не говоря никому ни слова, онъ вызвалъ Павленка письмомъ. За время разлуки молодыхъ людей Галтинъ перехватывалъ ихъ письма. Всѣ они, какими-то судьбами, очутились въ карманѣ Дилигентова. И вотъ онъ, при первой встрѣчѣ съ Павленкомъ, отдаетъ молодому человѣку какъ его нераспечатанныя посланія, такъ и распечатанныя письма его невѣсты, въ послѣднемъ изъ которыхъ она со

общаетъ ему о постигшей ее горькой участи. Въ присутствіи обѣихъ дѣвушекъ, Дилигентова и князя Ветлужскаго, молодой врачъ кидается на Галтина съ крикомъ:—«Подлецъ!»—Ветлужскій и Дилигентовъ удерживаютъ Павленка и тѣмъ спасаютъ Галтина отъ еще болѣе тяжкаго оскорбленія. Галтинъ запирается въ своемъ кабинетѣ. Соня, послѣ такого скандала, считаетъ невозможнымъ выйти замужъ за Ветлужскаго и отказывается ему. Почему, именно, отказывается,—это выясняется въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія, въ комнатѣ Насти, заболѣвшей отъ нравственнаго потрясенія. Соня ухаживаетъ за больною подругой, о несчастіи которой она только-что узнала. Изъ обоюдныхъ признаній дѣвушекъ мы узнаемъ, что Соня давно любитъ Павленка. Настя догадывается, что и Павленко любитъ Соню, а ее, Настю, только жалѣетъ и изъ жалости не отказывается и теперь жениться на ней. А потому Настя не можетъ быть его женой, уступить его Сонѣ, сама же идетъ въ сестры милосердія. Разговоръ съ приходившимъ въ это время Павленкомъ подтверждаетъ догадку Насти, и сцена кончается ея обморокомъ. Въ послѣдней картинѣ передъ нами Галтинъ въ своемъ кабинетѣ. Призванный Галтинымъ Дилигентовъ пересталъ стѣсняться съ патрономъ, не жагаетъ быть «ниже тоненькой былинки», не величаетъ его «превосходительствомъ», развязно усаживается на стулъ, закидываетъ ногу на ногу и ехидно спрашиваетъ: «Ну-съ, какъ вы себя теперь чувствуете, Иванъ Федоровичъ?»—Дилигентовъ убѣжденъ, что при его усердномъ содѣйствіи Галтинъ окончательно сломилъ себѣ шею. Дилигентовъ раскрылъ всѣ его продѣлки и послалъ его довѣрительницамъ обстоятельные доносы, отъ чего и не считаетъ нужнымъ отпираться.—«Да-съ,—говоритъ онъ,—донесъ, я донесъ потому, что ненавижу васъ за всѣ ваши гадости, за то, что вы зазнались»... и т. д. въ злобно обличительномъ тонѣ. Только на Галтина-то все это производитъ не большее дѣйствіе, чѣмъ горохъ объ стѣну.—«Промажнулись вы, г. Дилигентовъ,—начинаетъ онъ глумиться надъ собесѣдникомъ,—не такой я человекъ, котораго можно было бы опрокинуть. Знаете, куклы такія есть, называются «Ванька-встанька». Вы ее повалите, а она поднимется, покачается - покачается и опять станетъ прямо, какъ ни въ чемъ не бывало. Вотъ и я такой-то «Ванька-встанька». Всѣ ваши доносы пропали даромъ, всѣ ихъ я сумѣлъ опровергнуть и пользуюсь теперь бѣльшимъ довѣріемъ, чѣмъ когда-либо». И это онъ документами доказываетъ Дилигентову.—«А нельзя меня опрокинуть,—продолжаетъ Галтинъ,—потому, что на такихъ, какъ я, теперь спросъ, а на такихъ, какъ вы, нѣтъ спроса. Я—въ модѣ, я имъ нуженъ, а не они мнѣ, и безъ меня они обойтись не могутъ».—Разбиваетъ онъ Дилигентова на всѣхъ пунктахъ и въ грязь затаптываетъ. Но приходитъ дочь, Соня, и заявляетъ отцу, что князю она отказала, въ его домѣ оставаться не хочетъ и уѣзжаетъ съ Павленкомъ и съ Настей. На гнѣвный окрикъ отца и на угрозу оставить ее безъ денегъ, она отвѣчаетъ, что ничего ей не нужно, ничего она и сама отъ него не возьметъ, и съ этимъ уходитъ.—«Какъ вы себя теперь чувствуете, Иванъ Федоровичъ?»—ехидничаетъ Дили-

гентовъ.—Вы говорили, суда на васъ нѣтъ. Анъ судъ-то есть: вотъ онъ судъ-то на васъ».—Галтинъ сраженъ, его не радуетъ, не подбадриваетъ даже телеграмма, поданная въ эту минуту и извѣщающая о томъ, что онъ получилъ то высокое назначеніе, котораго онъ такъ добивался.—«На что мнѣ это теперь?»—тихо говоритъ онъ, комкая и бросая телеграмму. Занавѣсъ падаетъ, пьеса кончена, но мы остаемся при увѣренности, что «Ванька-встанька», несмотря ни на что, опять поднимется, станетъ прямо и примется «благодѣтельствовать» Россію, какъ облагодѣтельствовалъ своихъ сіятельныхъ поклонницъ. И это отнюдь не портитъ впечатлѣнія,—наоборотъ, усиливаетъ его, подкрѣпляетъ. И это чувствуется въ настроеніи всей залы, въ дружныхъ аплодисментахъ и въ вызовахъ автора. Какъ видитъ читатель, пьеса умная, съ большимъ смысломъ, за что и пользуется она полнымъ успѣхомъ, несмотря на всѣ промахи автора. Изъ нихъ самымъ крупнымъ мы считаемъ ввлеченный, почти втиснутый, въ пьесу эпизодъ съ Настей, придуманный авторомъ для вящаго опозориванія Галтина. Мы думаемъ, что для полной его характеристики было достаточно его гадкаго ухаживанія за воспитанницей, и совершенно достаточно было для того, чтобы ея женихъ сказалъ ему «полеца», а затѣмъ—увелъ бы отъ него дѣвушку и благополучно сочетался бы съ нею бракомъ. Второй промахъ мы видимъ въ ненужной ни на что и путающей дѣло обоюдной любви Павленка и Соня. Необъяснимымъ, при такой любви, представляется его объясненіе въ любви съ Настей въ первомъ актѣ и ихъ рѣшеніе вступить въ бракъ, при первой возможности. Затѣмъ въ концѣ пьесы оказывается, что Соня уходитъ отъ отца, главнымъ образомъ, для того, чтобы выйти замужъ за Павленка. Мы полагаемъ, что было бы лучше и внушительнѣе, если бы передъ Соней, такъ или иначе, раскрылись пройдошества и мошенничества ея отца и что это побудило дѣвушку уйти отъ него и отказаться отъ наворованныхъ имъ денегъ. Тогда былъ бы настоящій «судъ» надъ всѣми его дѣяніями, а не порывъ влюбленной дѣвушки, и кара постигла бы Галтина за все, что онъ дѣлалъ, а не за одно его любовное приключеніе, не совсѣмъ правдоподобное, даже съ перехватываніемъ писемъ и въ присутствіи Соня и Диллентова, который видѣлъ все съ самаго начала и не задумался бы, сумѣлъ бы во время, ничѣмъ не рискуя, подставить и съ этой стороны ножку ненавистному патрону. Эти два промаха вынудили автора вставить въ пьесу первую картину четвертаго акта, довольно скучную, прерывающую естественный ходъ комедіи и нисколько не объясняющую того, чѣмъ удалось Галтину соблазнить Настю, искренно любящую Павленка. Эти двѣ любви кажутся намъ неудачно выдуманными и плохо объясненными. Но все это выкупается большою типичностью двухъ главныхъ лицъ, Галтина и Диллентова. Повторяемъ, это не *борьба*, и никакой борьбы въ пьесѣ нѣтъ: Галтину все удается, все идетъ у него, какъ по маслу,—ему «претъ», по его собственному выраженію. По-настоящему, онъ даже и не «Ванька-встанька», такъ какъ никто его не опрокидываетъ и не валаетъ на бокъ. Попытка Диллентова сдѣлать это рѣшительно не

удается съ самого начала. Да и самъ Дилigentовъ ничуть не «борецъ», и пытается онъ «подвзунить» патрона не ради борьбы за что-нибудь, а просто изъ ненависти «униженнаго и оскорбленнаго» къ торжествующему и зазнающемуся удачнику. Такая ненависть весьма понятна со стороны гаденькой и пресмыкающейся натуры Дилigentова, которому, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла ни до пороковъ патрона, ни до того, сколько онъ дѣлаетъ зла и сколько еще можетъ надѣлать въ случаѣ дальнѣйшихъ удачъ. Злобствуетъ Дилigentовъ просто изъ зависти. Названіе къ пьесѣ не подходитъ, но это не такъ уже особенно важно. Много важнѣе то обстоятельство, что въ дѣйствительности на такихъ господъ, какъ Галтинъ, «естъ спросъ» и что на самомъ дѣлѣ на нихъ «нѣтъ суда», они—«въ модѣ» съ своимъ «спроста по-простецки» и потому считаютъ возможнымъ всячески нахальничать и заѣзжать на такія высокія мѣста, на которыхъ ихъ амчности и «хамской» наглости не предвидится никакихъ предѣловъ. Все, данное авторомъ, превосходно изобразилъ г. Южинъ. Г. Садовскій былъ идеальнымъ Дилigentовымъ. Въ его интерпретаціи это не только вполне живая фигура, это—настоящій типъ, олицетворенный такъ, какъ нынче уже почти разучились это дѣлать и отдѣлывать до послѣднихъ мелочей съ непоколебимою естественностью самаго ничтожнаго движенія. Смотрѣть такую игру—истинное и высокое наслажденіе. Вотъ гдѣ старая школа для молодыхъ артистовъ, такихъ талантливыхъ и работающихъ, какъ г. Рыжовъ, напримѣръ, отлично исполнившій весьма нелегкую роль Павленка. Въ нашему большому удовольствію, мы можемъ отиѣтить, что г. Ильинскій такъ же хорошо, мѣстами восхитительно, сыгралъ роль князя Ветлужскаго. Г-жа Музиль была очень мила въ трудной роли воспитанницы Насти. Для такой роли она еще не достаточно сильна, но видны большая искренность, правильное пониманіе положеній и обдуманное стараніе передать все въ надлежащемъ тонѣ. Отъ души желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ молодой артисткѣ. Г-жа Лешковская, по обыкновенію, извлекла изъ неважной роли Сони все, что можетъ извлечь изъ нея очень большой талантъ. При всемъ уваженіи нашемъ къ г-жѣ Никулиной, мы вынуждены сказать, что напрасно взяла она на себя изображать баронессу, *grande dame* самаго высшаго круга. На провинціальнѣхъ сценахъ эта комедія будетъ имѣть, вѣроятно, такой же большой успѣхъ, какъ имѣла она въ Москвѣ.

Ан.

Путешествія К. К. Случевского.

(«По сѣверо-западу Россіи», два тома съ 2 картами и 305 рисунками, изданіе А. Ф. Маркса.)

Про русскихъ говорятъ, будто они большіе домохозяды и путешествовать не любятъ. Я думаю, что это не совсѣмъ вѣрно, и было бы справедливѣе сказать, что они не умѣютъ путешествовать. Нашъ простой народъ очень любитъ отправляться на богомолья, и даже въ очень далекія страны, не боясь никакихъ неудобствъ и лишеній. Доводительствомъ тому служатъ многія тысячи поклонниковъ, ежегодно являющихся въ Соловки, на Валдаи, въ Кіевъ, въ Троицкую лавру, въ Святогорскій монастырь, въ Ново-Аеонскій монастырь (близъ Сухума), въ Палестину. Нынѣшнюю весною я встрѣтилъ группу русскихъ богомольцевъ въ храмѣ св. Петра въ Римѣ, куда они явились со св. горы Аэона съ тѣмъ, чтобы направиться въ Бари (извѣстный русскому народу подъ именемъ «Баръ-градъ») на поклоненіе мощамъ Чудотворца Николая и перебраться затѣмъ въ Палестину. Всѣ эти паломники не знали никакого языка, кромѣ русскаго, и, тѣмъ не менѣе, странствовали прѣблагополучно. Такихъ ведетъ, конечно, религиозное чувство. Идущихъ на отходные промыслы, ходоковъ и переселенцевъ крайняя нужда гонитъ въ далекія мѣста. Наши торговые люди изъ-за выгоды и барышей часто ѣздятъ въ Англію, Францію, Бельгію, Германію, въ далекую Сибирь и въ еще болѣе далекій Китай; русскихъ купцовъ я встрѣчалъ въ Египтѣ; нѣкоторые мои пріятеля, наши коммерсанты, бывали въ Индіи, на Цейлонѣ, въ Сіамѣ и въ Японіи. Въ лѣтніе сезоны заграничныя курорты кишмя-кишатъ русскими. Про Ниццу и Парижъ и говорить нечего. Русскіе вовсе не прочь постранствовать, только изъ ихъ странствованій почти никогда ничего не выходитъ добраго, кромѣ траты денегъ, болѣе или менѣе безтолковой и бесполезной.

За то русскіе грамотные люди—большіе охотники почитать рассказы о путешествіяхъ, далеко немногочисленные въ нашей литературѣ, въ большинствѣ случаевъ сухіе и не занимательные, а иногда и прямо «переворотельные». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ отчаяннаго вранья, первенство принадлежитъ, несомнѣнно, французамъ, не стѣсняя-

щима разсказывать сущія небылицы, какъ Пьеръ Лоти, на примѣръ, въ своей книгѣ *Иерусалимъ*. Всего же менѣе у насъ дѣльныхъ и обстоятельныхъ путешествій по Россіи, почему мы объ отечествѣ своемъ знаемъ менѣе, чѣмъ о какой-либо иной странѣ, и лишь о нѣкоторыхъ мѣстахъ, — каковы Волга, Кавказъ и Крымъ, — можемъ почерпнуть кое-какія свѣдѣнія изъ путеводителей.

Два очень большихъ тома Е. К. Случевского (всего 70 крупныхъ листовъ убористой печати) представляютъ собою въ нашей литературѣ путешествій совершенно исключительное явленіе какъ по огромной массѣ свѣдѣній, такъ и по ихъ точности, что соединено съ живостью и увлекательностью повѣствованія. Въ этой книгѣ авторъ разсказываетъ о своихъ шести путешествіяхъ, изъ коихъ три совершены были по сѣверу Россіи и три по ея западу въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 гг. Это своего рода дневникъ, въ которомъ авторъ не пропускаетъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного, хотя бы самаго ничтожнаго, городка или поселка, или урочища, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя г. Случевскій посѣтилъ, сопутствуя Великому Князю Владиміру Александровичу въ его объѣздѣ далекихъ странъ нашего сѣвера и нашихъ западныхъ губерній. Описывая каждую мѣстность, авторъ даетъ весьма ясный очеркъ ея, — такъ сказать, ея пейзажъ, — затѣмъ ея исторію, достовѣрную, по документамъ, и болѣе или менѣе легендарную, по преданіямъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе церквей, монастырей и иныхъ достопримѣчательныхъ зданій, остатковъ старины, музеевъ, школъ, библиотекъ, промышленныхъ заведеній и теперешнихъ занятій обывателей, что даетъ автору поводъ коснуться экономического положенія страны, причинъ, способствующихъ благосостоянію или обѣднѣнію обывателей и тѣхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію автора, могли бы послужить къ развитію нравственныхъ силъ и къ увеличенію матеріальныхъ средствъ края. Все, что касается этихъ сторонъ быта населенія, подтверждено официальными статистическими данными, указаніями хорошо освѣдомленныхъ людей и всестороннимъ обсужденіемъ вопроса, занимающаго путешественниковъ.

Въ первомъ томѣ (*По сѣверу Россіи*) наибольшій интересъ представляетъ путешествіе второе (1885 года) черезъ Рыбинскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Вологду, Устюгъ, Сольвычегодскъ къ Архангельску, по Бѣлому морю къ Соловецкому монастырю и далѣе Ледовитымъ океаномъ въ Колу и на Мурманскій берегъ съ его рыбными и китобойными промыслами, а потомъ обратно въ Петербургъ отъ Сумскаго посада у Бѣлаго моря на Новѣнецъ у Онежскаго озера, такъ называемою «государевою дорогою», по которой Петръ I совершилъ свой Нюхацкій походъ, вѣроятно, мало извѣстный большинству читателей, несмотря на то, что этотъ необычайный «походъ» имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашего отечества.

Царь Петръ съ царевичемъ Алексѣемъ и свитой выѣхалъ изъ Соловецкаго монастыря 15 августа 1702 г. на тринадцати корабляхъ съ 4,000 войска и прибылъ въ Нюхчу 16 августа. Отсюда онъ велѣлъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, оставивши при себѣ два фрегата. Эти два воен-

ные корабли были вытасены на берегъ, и «потянулъ ихъ царь за собой волокомъ на Повѣнецъ на разстояніи 160 верстъ». Въ Нюхчѣ на Бѣломъ морѣ царя встрѣтило 5,000 народа, согнаннаго для работъ отовсюду. Часть ихъ пошла рубить дѣвственные тогда лѣса, закладывать тони, строить мосты; часть тащила фрегаты—гдѣ волокомъ, гдѣ водою, гдѣ на каткахъ. Самъ Петръ рубилъ лѣсъ и подставлялъ катки, — выпьетъ, бывало, анисовки и снова за работу. На одной рѣкѣ, очень бурной, нельзя было, говорятъ, свайку вбить; царь самъ поѣхалъ, а за нимъ, конечно, и другіе. «Лиха бѣда, — сказалъ Петръ, — первому оленю въ гарь кинуться, остальные всё тамъ же будутъ». И дѣйствительно, всё были тамъ! Первую мостовину царь клалъ всегда самъ и при этомъ и боярина, и нѣмца, и всѣхъ, имѣвшихся на-лицо, работать заставлялъ... Преданіе говоритъ, что въ Выгозерской волости царь крестилъ сына у крестьянина Никиты, не «нашедшаго себѣ кума, по бѣдности». Далѣе авторъ передаетъ слѣдующее: «На полпути могучаго царскаго похода выгорѣцкіе раскольники поднесли царю хлѣбъ-соль. «Что за люди?» — спросилъ Петръ. «Это раскольники, — отвѣтили ему, — властей духовныхъ не признаютъ и за тебя, царь, не молятся». — «Ну, а подати платятъ исправно?» — спросилъ Петръ. «Народъ трудолюбивый, безъ недоимокъ». — «Живите же, братцы, — промолвилъ царь раскольникамъ, — на доброе здоровье, о царѣ Петрѣ, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте, — тутъ грѣха нѣтъ!» Конечно, — заключаетъ авторъ, — весь этотъ рассказъ носитъ на себѣ характеръ раскольничьяго апокрифа, но какъ онъ хорошъ!» 26 августа войска вступили въ Повѣнецъ, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Слѣдствіемъ этого днековиннаго похода было взятіе Шлиссельбурга, давшее царю Петру возможность укрѣпиться на Невѣ и основать Петербургъ.

Отъ «Выгорѣцки», изъ которой приходили раскольники къ царю Петру, теперь «слѣдовъ не имѣется». Расколъ этотъ зачался въ Соловецкѣ мятужомъ монаховъ. Послѣ «соловецкаго сидѣнія» и взятія монастыря (въ 1677 г.) царскими войсками, «началось расселеніе раскольниковъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, до Сири, до центральной Азіи». «Знаменитое Даниловское пустынножителство возникло въ 1694 г. на рѣкѣ Выгѣ, и «самымъ замѣчательнымъ изъ дѣятелей выгорѣцкаго раскола» былъ Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ, ходившій для изученія логики, философіи и богословія въ Кіевъ къ Теофану Прокоповичу. «Андрей Денисовъ пришелъ въ пустыню въ 1692 г., семнадцатилѣтнимъ юношей, и не только сумѣлъ соединить разрозненныхъ выговскихъ поселенцевъ и создать Даниловское общеніе, но и превратилъ это ничтожное вначѣ поселеніе въ большой торговый и промышленный городъ-монастырь и сделалъ его центромъ безпоповщинской половины раскольничьяго міра». «Никто не повѣритъ теперь, — говоритъ г. Случевскій, — когда отъ Данилова (Левсы не осталось болѣе и тѣни, что пустынный край этотъ былъ когда-то по всѣмъ направленіямъ прорѣзанъ дорогами, на которыхъ стояли красивые дворы, что у даниловцевъ имѣлись и процвѣтали мастерства, кони

и коровьи дворы, обширная литература, школы, различныя древлехранилища, книжныя и живописныя лавки, имѣлись большіе капиталы, существовали свои суда, ходившія до Петербурга и Вытегры. Самъ монастырь Даниловъ занималъ въ цвѣтущее время около восьми квадратныхъ верстъ...» Монастырскими скитами не было счета и они были разсыяны повсюду... «И всего этого нѣтъ теперь!»—говоритъ авторъ. И еслибъ все это не было истреблено, то «дворянъ Олонецкой и Архангельской губерній не пришлось бы ожидать вторичнаго оживленія...» Последнія мѣропріятія, доканавшія и опустошившія Выгортцію, были направлены противъ раскольниковъ около пятидесяти лѣтъ назадъ. Теперь ихъ осталось во всемъ краѣ немного болѣе 500 человекъ...

Описаніе Соловецкаго монастыря, какъ и Валаамскаго и многихъ другихъ полно историческаго и бытового интереса и любопытныхъ археологическихъ указаній. Для людей, желающихъ посѣтить святыя мѣста нашего Сѣвера, книга г. Случевского будетъ всегда необходимымъ и очень дорогимъ спутникомъ.

Очень картинныя и, въ особенности, очень обстоятельныя описанія сѣвернаго поморья, съ его необъятными богатствами и самымъ прискорбнымъ неумѣньемъ пользоваться ими, производятъ тяжелое впечатлѣніе. Въ шестидесятихъ годахъ мы владѣли нѣсколькими хорошими незамерзающими гаванями на Мурманѣ, близъ границы Норвегіи. Затѣмъ гавани эти были уступлены Норвегіи, и норвежцы, пользуясь ими, безпрепятственно хозяйничаютъ въ нашихъ водахъ и на нашихъ островахъ, ловятъ рыбу, избиваютъ китовъ, моржей и тюленей раннею весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда *нашъ* Мурманъ погруженъ еще въ свою зимнюю спячку. Г. Случевскій называетъ «чудомъ земли русской» норвежскій ромъ, который онъ такъ описываетъ: «Ромъ этотъ, цвѣта крѣпкаго кофе, разитъ какимъ-то невозможнымъ запахомъ и даетъ осадокъ; это—подслащенный, подкрашенный сандаломъ спиртъ, которому приданы всѣ свойства опиума примѣсью кукольвана, стручковаго перца и, можетъ быть, чего-либо еще худшаго». По положенію 14 мая 1876 г., питьевая торговля на Мурманскомъ берегу объявлена безакцизною, безпатентною и свободною, и норвежцы безпошлинно и совершенно свободно спавиваютъ и на-смерть опаиваютъ свою мерзкою отравой нашихъ поморовъ и несчастныхъ лопарей. Съ тѣхъ поръ, какъ это было писано и напечатано въ газетахъ, прошло двѣнадцать лѣтъ, но авторъ, пересматривая свою книгу для изданія 1897 г., нигдѣ не говоритъ объ изгнаніи злого напитка изъ нашей сѣверной окраины. Изъ этого мы заключаемъ, что спавиваніе и опаиваніе норвежцами рабочихъ на Мурманѣ продолжается и теперь.

По расцѣнкѣ, приводимой г. Случевскимъ, вѣтъ средней величины даетъ продуктовъ на 1,600 рублей. Норвежецъ Фойнъ нажилъ огромное состояніе на китобойствѣ главнымъ образомъ въ нашихъ водахъ. У Фойна три китобойныхъ парохода. Въ настоящее время въ Норвегіи 17 китобойныхъ компаній съ 34 пароходами. У насъ имѣется всего два китобойныхъ за

вода съ 4 пароходами. Сколько - нибудь организованной охоты на акулъ совсѣмъ не существуетъ, несмотря на ихъ неисчислимое множество и на очень большія выгоды, которыя могъ бы доставить этотъ промыселъ при обработкѣ всѣхъ продуктовъ, доставляемыхъ акулой. Наши промышленники, оставаясь вѣрными преданіямъ, берутъ отъ акулъ только «максу» — печень, иногда кожу, всю же остальную довольно цѣнную тушу бросаютъ въ море такъ же точно, какъ летать обратно въ море десятки тысячъ пудовъ внутренностей трески, изъ которыхъ можно получать гуано, превосходнѣйшее удобреніе. Отъ кита средней величины получается гуано на 200 руб. Мы не думаемъ, чтобы можно было объяснить безполезное уничтоженіе акулъ и тресковыхъ внутренностей одною «вѣрностью преданіямъ». Правильнѣе будетъ, кажется, приписать это отсутствію знаній у мѣстныхъ промышленниковъ и предпринимателей.

Мы полагаемъ, что такимъ же недостаткомъ свѣдѣній о собственныхъ владѣніяхъ обуславливаются и жалобы поморевъ (по существу весьма справедливыя) на уступку незамерзающихъ гаваней Норвегіи и хищническіе набѣги норвежцевъ на наши далекіе острова. Выводимъ мы это изъ очень положительныхъ указаній г. Случевского на то, что нашею собственностью остаются еще превосходныя незамерзающія и замерзающія на очень короткое время бухты, совершенно пустующія, нами не эксплуатируемыя. Таковы: носящая и теперь названіе Екатерининской гавани, въ которой нѣсколько разъ зимовали наши военные корабли; Арская губа, которая никогда не замерзаетъ; Териберка — замерзаетъ не совсѣмъ, Кретикъ — всего на двѣ недѣли. «Кромѣ перечисленныхъ удобныхъ для промысловъ мѣстностей, имѣется цѣлый рядъ другихъ, не менѣе, если не болѣе, удобныхъ», и авторъ перечисляетъ еще пять бухтъ, изъ которыхъ такъ же, какъ изъ прежде названныхъ, промысловые пароходы могутъ уходить къ Новой Землѣ въ мартѣ мѣсяцѣ и «помѣшать норвежцамъ снимать богатые сливки съ нашихъ моржевыхъ промысловъ».

На-дняхъ совершившееся открытіе желѣзной дороги до Архангельска оживить, конечно, наше Сѣверное Поморье и привлечь людей предпринимчивыхъ и капиталы въ этотъ едва початый край, неисчерпаемо-богатый рыбой, звѣремъ и всякою птицей. Но сдѣлаться это можетъ только при самомъ энергическомъ содѣйствіи правительства, если оно возьметъ подъ свою защиту сѣверные промыслы отъ иноземныхъ и доморощенныхъ хищниковъ, отъ иностранныхъ капиталовъ, отъ всякихъ монополюстовъ и отравителей, спавивающихъ рабочій людъ. Г. Случевскій раскрываетъ въ своемъ книгѣ большую часть нуждъ Сѣвернаго края, и мы думаемъ, что его занятіями могли бы воспользоваться съ огромною выгодой для дѣла всѣхъ и дороги интересы Россіи.

Въ числѣ такихъ наиболѣе существенныхъ нуждъ авторъ указываетъ одну, устранить которую можетъ только правительство: это — дороговизна, а иногда и совершенный недостатокъ соли. «Въ 1884 г., въ Кандалакскіхъ губѣхъ миллионы сельдей были выкинуты на побережье вслѣдствіе нед-

статка и дороговизны соли». Ненасчитлимыя массы рыбы гибнуть отъ этого «и отъ неумѣнья солить». Улучшеніе рыболовныхъ снастей и правильная посолка «произвели бы переворотъ въ бѣломорскомъ промыслѣ, но переворотъ этотъ немыслимъ, пока нудь соли стоить 1 р. 60 к., да и то не всегда она имѣется въ потребномъ количествѣ. Въ настоящее время откармливаютъ сельдью свиней». То же самое, т.-е. дороговизна соли и неумѣнье заготавливать рыбу, въ равной мѣрѣ относится и къ торговлѣ семгой, камбалой, палтусомъ, треской, бѣлугой и друг. рыбами, вылавливаемыми въ сѣверныхъ рѣкахъ и моряхъ въ баснословномъ количествѣ. Авторъ совершенно вѣрно говоритъ, что, при правильной постановкѣ дѣла, русскимъ не было бы никакой надобности выписывать рыбу изъ-за границы. И наоборотъ, со словъ автора мы убѣждаемся въ томъ, что нашъ сѣверъ могъ бы снабжать иностранные рынки рыбой, жиромъ, гуано и другими продуктами своихъ промысловъ. Но осуществиться это можетъ только при содѣйствіи правительства, которое можетъ и должно установить минимальные тарифы на соль, принять самое дѣятельное участіе въ ея распределеніи и въ урегулированіи цѣнъ на нее по Мурману и Бѣломорью, въ развитіи промысловъ посылкою на мѣста инструкторовъ - техниковъ, увеличеніемъ числа школъ, установленіемъ дешеваго кредита, казенной продажи вина и серьезнаго надзора за промыслами, которые нельзя отдавать на расхищеніе норвежцамъ, иностраннымъ капиталистамъ и своимъ «сукшуйникамъ». На первое время все это можетъ сдѣлать правительство и никто, кромѣ правительства, и сдѣлать это необходимо и неотложно, хотя бы даже съ нѣкоторыми жертвами вначалѣ, дабы не погубить въ концѣ и не упустить изъ русскихъ рукъ великихъ богатствъ нашего сѣвера. Все это съ отличною ясностью и неотразимою доказательностью раскрываетъ намъ первый томъ превосходнаго произведенія К. К. Случевского.

Три послѣдующія путешествія его, при такихъ же точно условіяхъ (въ 1886, 1887 и 1888 гг.), обнимаютъ собою часть Финляндіи, три прибалтійскія губерніи, Псковско-Новгородскій край съ великими русскими озерами и, наконецъ, значительныя части Литвы, бывшаго Царства Польскаго и чисто-русскихъ мѣстъ, смоленскихъ, калужскихъ, тульскихъ и московскихъ, со включеніемъ Троицко-Сергіевой лавры. Общій планъ повѣствованія остается тотъ же самый: авторъ говоритъ исключительно лишь о томъ, что онъ видѣлъ своими глазами, что лично наблюдалъ и изслѣдовалъ, и это придаетъ особенную цѣнность и живость его рассказамъ. Сказать по правдѣ,—какъ ни странно это сказать,—нашъ Прибалтійскій край, губерніи Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, представляютъ собою для большинства русской читающей публики страны почти настолько же мало извѣстныя, какъ наше Закавказье. А между тѣмъ это земли издавна русскія, не завоеванныя, ни у кого - либо отвоєванныя и отнятыя, а только возвращенныя Россіи цѣною крови и большихъ усилій отъ иноземцевъ, насильственно ихъ захватившихъ въ тяжелыя времена удѣльныхъ неурядицъ, татарскихъ погромовъ и «лихолѣтья» самозванщины. На исконно-

русской почвѣ этого края густыми пластами осѣли наслоенія, внесенныя рыцарями Тевтонскаго ордена и меченосцами, нѣмцами, датчанами и шведами, католицизмомъ и реформаціей, изъ-подъ гнета которыхъ все-таки живыми остаются народности латышей и эстовъ, коренныхъ обывателей края.

Г. Случевскимъ отгѣчены въ яркихъ картинахъ всѣ эти переходы страны изъ рукъ въ руки, изъ-подъ господства то одной религіи, то другой, то однихъ властителей, то другихъ, оставившихъ въ высшей степени интересные слѣды, историческіе и археологическіе, своего главенства и своей борьбы въ край, до сихъ поръ полнымъ развалинами замковъ, монастырей, храмовъ и любопытнѣйшими остатками и пережитками разнообразныхъ, стародавнихъ учреждений. Въ ряду такихъ пережитковъ мы отгѣтимъ, примѣра ради, такъ называемыхъ, «Черноголовыхъ» въ Ревелѣ (шварцгауптеры) и въ Ригѣ, бывшихъ чѣмъ-то, «совершенно противоположнымъ рыцарскимъ союзамъ»,—чѣмъ-то вродѣ своеобразной купеческой гильдіи, члены которой не разъ бились и проливали кровь въ защиту своего очага,—и «вотъ причина того глубокаго уваженія» которымъ пользовались Черноголовые, остающіеся и до нынѣ какою-то обособленною корпораціей. Они выбираютъ своихъ старшинъ и изъ ихъ числа—ротмистра, считающагося «главою братства», которому, въ силу грамоты императрицы Евкатерины II, присвоенъ чинъ ротмистра русской арміи. По традиціи, они надѣваются въ парады форменный, полувоенный костюмъ, въ качествѣ корпораціи представляются высочайшимъ особамъ, удостоивающимъ посѣщать ихъ въ старинныхъ домахъ, принадлежащихъ этому странному учрежденію. Въ ревельскомъ домѣ Черноголовыхъ наверху первой страницы книги для записи посѣтителей «красуется всѣмъ знакомое по почерку: Петръ», и хранится подаренный царемъ кубокъ. Въ двухъ домахъ Черноголовыхъ, въ Ревелѣ и въ Ригѣ, имѣются портреты и очень цѣнныя собранія средневѣковыхъ кубковъ, блюдъ, канделябровъ и проч. Въ Ревелѣ Черноголовые надѣваютъ парадную форму, похожую на мундиръ преобразенцевъ начала царствованія императора Александра II. Въ Ригѣ они являются въ черныхъ фракахъ и такихъ же штіблетахъ, со съладною треугольной подмышкой и шпагой въ стальной оправѣ при бедрѣ. Но что такое «Черноголовые»?—«Это,—говоритъ г. Случевскій,—не клубъ, не ученое учрежденіе, скорѣе всего благотворительное, но во всякомъ случаѣ какой-то центръ. Ихъ въ настоящее время двадцать пять человѣкъ (въ Ригѣ), обязательно холостыхъ и не дворянъ. Они имѣютъ капиталъ около 250,000 руб., платятъ пенсіи, достигающія,—какъ говорятъ,—до 3,000 руб., взносы при поступленіи мѣняются отъ 600 до 800 р. Но что такое Черноголовые—не постижимо...» Въ Ревелѣ ихъ,—по словамъ автора,—126 человѣкъ.

Въ былыя, давно минувшія, средневѣковыя времена, въ Прибалтійскомъ крайѣ шла непрерывная, ожесточенная и часто кровопролитная борьба между собою трехъ главенствовавшихъ элементовъ: рыцарства, духовенства и бюргеровъ. Этою борьбой обусловилось, вѣроятно, возникновеніе

«городского войска» и «гвардіи», существующихъ до сихъ поръ въ Митавѣ, въ Либавѣ и въ Ригѣ.

Бъ числу особенностей Риги слѣдуетъ отнести цѣлый классъ городского сословія—членовъ большой гильдіи, называемыхъ «литератами». Мѣстные юристы объясняютъ, что «литератъ» долженъ обозначать человѣка образованнаго», что, по дѣйствующимъ въ Прибалтійскомъ крайъ законамъ, это «тѣ образованные люди, которые могутъ участвовать въ выборной дѣятельности городского самоуправления, внѣ общихъ условій ценза, внося отъ 3 до 6 руб. въ годъ». А по «мѣстнымъ обычаямъ», имѣющимъ силу закона, литератами признаются всѣ лица, «имѣющія какое-либо ученое званіе»,—что, по тѣмъ же «обычаямъ», вовсе не равносильно ученой степени. Думы признаютъ литератами всѣхъ, «посѣщавшихъ высшія учебныя заведенія» въ Россіи или за границей, «съ окончаніемъ или безъ окончанія курса—безразлично». На практикѣ думы легко могутъ злоупотреблять своимъ правомъ возводить въ званіе «литерата».

«Мѣстные законы» даютъ еще большій и значительно вреднѣйшій просторъ разнаго рода злоупотребленіямъ со стороны дворянъ-помѣщиковъ Прибалтійскихъ губерній, на что авторъ неоднократно указываетъ и приводитъ тому весьма убѣдительныя доказательства.

Въ путешествіе 1887 г. (по счету—пятое) произведенъ объѣздъ чисторусскихъ городовъ, лежащихъ главнымъ образомъ по системѣ нашихъ каналовъ, ладожскихъ и маріинскихъ, и по озерамъ. Наиболѣе интересныя страницы посвящены древнимъ русскимъ святынямъ: Валааму, Тихвинскимъ монастырямъ, Александру-Свирскому и др., городу Старой Руссы и промысламъ Обонежья, гдѣ мы встрѣчаемся почти съ такою же неупорядоченностью рыбаго дѣла, какъ и на Сѣверѣ, но въ меньшей степени, разумѣется. Вообще, авторъ не перестаетъ призывать вниманіе тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, на охраненіе остатковъ старины, на развитіе промысловъ и разумное пользованіе природными богатствами страны, на важнѣйшее для того подспорье—пути сообщенія и спеціальныя школы. Очеркамъ историческаго характера, преданіямъ и легендамъ отведено такое же видное мѣсто, какъ и въ повѣствованіяхъ о четырехъ предшествовавшихъ путешествіяхъ. Картины озеръ и водныхъ путей, ведущихъ къ нимъ и соединяющихъ ихъ съ бассейномъ Волги, написаны такъ же колоритно и ярко, какъ и картины сѣвернаго Поморья.

Въ шестое и послѣднее путешествіе (1888 г.) захвачены мѣста, для насъ менѣе интересныя, быть можетъ, потому, что они намъ болѣе извѣстны, болѣе близки, чѣмъ описанныя прежде. Путешественники прослѣдовали черезъ Ковну, Гродну въ Варшаву, осмотрѣли крѣпости Новогеоргиевскъ, Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ, черезъ Минскъ, Смоленскъ, Калугу и Тулу прибыли въ Москву и закончили свое путешествіе Троице-Сергіевой лаврой.

Всѣ рассказы Б. Б. Случевского иллюстрированы прекрасно исполненными рисунками, дающими ясное представленіе о всемъ, видѣнномъ авто-

ромъ въ дѣйствительности, о ландшафтахъ и зданіяхъ съ ихъ архитектурой и внутреннемъ убранствѣ, о типахъ, бытѣ и промыслахъ нашихъ сѣверянъ. Рисунковъ этихъ въ первомъ томѣ 146, во второмъ—159, при 1,064 страницахъ текста, такъ что приходится одинъ рисунокъ почти на три страницы текста. Къ каждому тому приложено по одной картѣ, отчетливо сдѣланной, съ нанесеніемъ путей, пройденныхъ во время каждаго путешествія. Внешность изданія—положительно роскошная, и цѣну, назначенную за него (7 руб., съ пересылкой 8 р. за оба тома), мы считаемъ дешевою.

М. Р

ПО П Р А В К А.

Авторъ статьи „Расширеніе городского представительства“ (октябрь, 1897 г.) проситъ исправить слѣдующую неточность:

На стр. 63, 10-я строка снизу у автора
было сказано:

гдѣ говорится о правѣ ходатайства городскихъ думъ по введенію квартирнаго городского налога

Слѣдовало бы сказать:

гдѣ говорится о правѣ ходатайства городскихъ думъ *не только* по введенію квартирнаго городского налога, *но, можно думать, и по дарованію избирательныхъ правъ квартирникамъ и т. д.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь

1897 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство. Учебники. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», сентябрь—октябрь. «Вѣстникъ Европы», ноябрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь.—«Народное Образованіе», ноябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1897 года. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1897 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Разбитые кумиры“. Вл. А. Тихонова.—„Дерева нашего времени“. Очерки Сергія Ромаса.

Разбитые кумиры. Повѣсти и рассказы Вл. А. Тихонова. Спб., 1898 г. Цѣна 1 руб. Первый „кумиръ“, въ повѣсти *Блестящая партія*, довольно оригиналенъ, хотя не особенно новъ,—это барышня, рѣшившая сдѣлать не только „блестящую“, но и совсѣмъ необыкновенную партію, что ей и удается съ полнымъ успѣхомъ. Барышня эта, Лидія Павловна Масловская, дочь богатыхъ родителей, по семейнымъ связямъ, принадлежащихъ къ аристократическому кругу, со дня рожденія была возведена на пьедесталъ семейнаго „кумира“. Ее всѣ обожали, родители, родные и знакомые, всѣ восхищались ею, звали ее не иначе, какъ „принцессой“, тогда какъ младшую ея сестру звали просто Наташей и *mademoiselle*. Для Лидіи дѣлалось все, ею гордились, ее вывозили, не щадя ни силъ, ни средствъ, и напорочили ей сдѣлаться настоящею „принцессой“. Ради нея переѣхали жить въ Петербургъ и прожились въ пухъ, но за то въ нее влюбился какой-то принцъ крови, одинъ изъ безчисленныхъ принцевъ Германіи. На поддержаніе великолѣпія, необходимаго въ виду открывшихся черезъ это дивныхъ перспективъ, ушло все состояніе Масловскихъ. Но, какъ бы ни было, принца женили на Лидіи, она стала вправду принцессой, хотя только мorganатическою, съ титуломъ графини и съ выдуманною мудреною фамиліей. За эту „блестящую партію“ Масловскіе заплатили тѣмъ, что, во-первыхъ, сдѣлались нищими; во-вторыхъ, старика отпа разбилъ первый ударъ; въ-третьихъ, больному отцу, постарѣвшей матери и Наташѣ пришлось искать пріютъ въ домѣ добрыхъ родственниковъ, а затѣмъ пришлось всѣмъ разочароваться въ прелести такой партіи и самого „кумира“, предпочесть въ женихи для Наташи скромнаго и дѣльнаго студента. Фигура перебалованной и эгоистичной Лидіи написана блѣдно, очарованный ею принцъ остается все время за кулисами. Хорошо изо-

бражены только терзанія старика Павла Арсеньевича Масловскаго, сознающаго, что онъ губить семью и себя и не имѣющаго силъ отказаться отъ блестящей партіи для своей любимицы. Повѣсть обрывается какъ-то вдругъ, и это производитъ такое впечатлѣніе, будто она прескучила автору или авторъ залутался и не зналъ, какъ свести концы съ концами. Такую же недоудѣланность мы видимъ въ двухъ слѣдующихъ повѣстяхъ: *Забитыя письма* и *Солома*, въ которыхъ спутывается даже рѣшеніе вопроса, кто „кумиръ“ и кто поклонникъ. Но въ обѣихъ повѣстяхъ выведены очень жизненные фигуры женщины, пустившейся въ погоню за роскошью и весельемъ (*Забитыя письма*) и получившей въ результатъ удручающую душевную пустоту, и лишенаго типичности стараго холостика (*Солома*), забитаго собственнымъ эгоизмомъ. Много лучше вполне законченный рассказъ *Утрача*, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица—настоящіе живые люди, страдающіе отъ причинъ чисто-жизнейскихъ и заурядныхъ, созданныхъ отчасти ихъ собственной фантазіей, отчасти обусловленныхъ ихъ личнымъ характеромъ и воспитаніемъ. Въ повѣсти поставленъ серьезный вопросъ: что дѣлать женщинамъ, неожиданно узнавшей объ измѣнѣ мужа? Вопросъ усложняется тѣмъ, что у супруговъ есть ребенокъ, одинаково любимый обоими, а равно и тѣмъ, что мужъ, измѣняя женѣ „по темпераменту“, все-таки искренно и горячо ее любитъ. Авторъ настаиваетъ на томъ, что это бываетъ часто. Насколько это бываетъ часто, мы судить не беремся, но что такіе казусы возможны, въ томъ едва ли можетъ быть сомнѣніе,—въ рассказѣ автора это выходитъ вполне правдоподобнымъ. И вотъ мужъ—„кумиръ“, созданный фантазіей жены, сразу летитъ съ своего пьедестала и разбивается въ грязные куки. Въ этомъ рассказѣ хорошо „выдуманы“ всѣ лица, умно сгруппированы въ одной картинѣ и ни въ чемъ не грѣшатъ противъ дѣйствительности. Тутъ довольно ловко скомбинированы элементы драмы и комедии, переходящей, немножко излишне, въ фарсъ. По старой традиціи, въ театрахъ послѣ болѣе или менѣе тяжелыхъ и раздражительныхъ драмъ ставятся обыкновенно забавныя, небольшія комедійки,—въ старые годы ставились смѣшныя водевили. Чѣмъ-то вродѣ такого водевиля заканчивается и г. Тихоновъ помѣщенный въ книгѣ четыре повѣсти драматическаго характера. Въ рассказѣ *Попутчикъ* авторъ передаетъ „кое-что“ изъ слышаннаго имъ въ вагонѣ отъ словоохотливаго спутника, обязаннаго по службѣ выслѣживать и раскрывать всякаго рода дѣянія, предусмотренныя *Уложеніемъ о наказаніяхъ*. Это отрывки и пустяки, но они написаны бойко и вызываютъ порою улыбку. Вся книжка написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, за исключеніемъ двухъ фразъ, совсѣмъ никуда негодныхъ, а именно: „Егоръ Егоровичъ одѣлъ теплое пальто...“ и она „высматривала утомленную...“ Вѣдь это же двѣ „ложки дегтя“. Пальто можно „надѣть“, а „одѣть“ можно только кого-нибудь „въ пальто“. „Выглядѣть“ большимъ, „высматривать“ здоровымъ—это не по-русски, а по-петербургски.

Деревня нашего времени. Очерки Сергія Роміаса. Москва, 1897 г. Цѣна 1 рубль. На заглавной страницѣ напечатано: „Посвящается всѣмъ начинающимъ писателямъ“. Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ настойчиво рекомендовать „всѣмъ начинающимъ писателямъ“ отнюдь не брать въ образецъ писательства г. Роміаса, вообразившаго, кажется, что въ своихъ „очеркахъ“ онъ описываетъ „настоящую“ современную деревню и дѣлаетъ это „настоящимъ“ способомъ. Повидимому, г. Роміасъ—самъ „начинающій писатель“ и притомъ очень

молодой человекъ, въ писаніи совѣтъ не искусный. Побывавъ онъ въ какой-то захолустной деревушкѣ промышленнаго района, пожилъ тамъ „на дачѣ“ въ крестьянской избѣ, кое-что записалъ и запомнилъ, и возмнилъ, что постигъ самую суть жизни „деревни нашего времени“. Огромная это ошибка: онъ просто сфотографировалъ нѣсколько грязныхъ картинокъ, случайно попадавшихъ ему на глаза, и стенографически записалъ нѣсколько, болѣе или менѣе, гаденькихъ сценъ, съ соблюденіемъ всей неприкосновенности мужичьяго и бабьяго говора, и изъ этого ничтожнаго и мало пригоднаго сырого матеріала склеилъ довольно длинное и до крайности скучное, тягуче однообразное повѣствованіе. Авторъ думаетъ, вѣроятно, что для сочиненія беллетристическаго произведенія достаточно уметь фотографировать и стенографировать, а потомъ шить набранные клочки, пересыпавши ихъ ради связи нѣсколькими страничками собственного издѣлія, вся оригинальность котораго заключается въ писаніи на какомъ-то исковерканномъ языкѣ, ни на что не похожемъ. Вотъ образчикъ: „По лѣсу злобѣщій срежетъ пилы. По лѣсу гуль. Десять топоровъ дружно взмахиваютъ надъ ранеными уже, подпиленными корнями, добывая стонущее беззащитное дерево, а эхо лѣснымъ его сотоварищамъ разноситъ трудовое уханье мужиковъ и веселый ихъ, радостный крикъ, лишь только побѣжденъ еще одинъ великанъ, что, навсегда жизни лишенный, къ ихъ ногамъ распростерся, раздрающе въ агоніи заскрипѣвъ, затрещавъ, затрепетавъ листвою своею, зашурша всѣми вѣтвями. Мужикъ со своею мужичкою, обрубивъ со всѣхъ сторонъ вѣтви, приволокъ по лѣсной травѣ мертвое тѣло, лишенное членовъ своихъ, къ козламъ своимъ и, размѣривъ его мѣркою, уже пилою впивается въ остовъ, что плачетъ слезами своими послѣдними“. „На столѣ, кромѣ съ водкою штофа, два—три стаканчика“. Неужели авторъ самъ-то не понимаетъ и не чувствуетъ, что все это—одно манерничанье? И вотъ такими-то вычурными, да вычуртасами написана вся книжка, за исклѣченіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя стенографически воспроизводятъ мужичьи и бабьи рѣчи во всей ихъ первобытной безцеремонности и простотѣ, допускающей называть все простонародными словами, повтореніе которыхъ въ разсказахъ и въ „очеркахъ“ является уже простымъ безстыдствомъ, никому и ни на что не нужнымъ. Вся суть „очерковъ“ г. Роміаса вѣртится на половыхъ отношеніяхъ между мужиками, болѣе или менѣе пьяными, и ихъ „законными бабами“, имѣющими вполне достаточныя основанія ревновать мужей къ замуженнымъ и не замуженнымъ сосѣдкамъ. Тутъ авторъ вдается въ такія подробности и съ такою безпардонною точностью, что мы, изъ уваженія къ читателямъ, не рѣшаемся приводить выдержки изъ „очерковъ“ г. Роміаса. На что и для кого понадобилось автору столь усердно расписывать со всею реальностью эту сторону быта крестьянъ фабрично-промысловыхъ мѣстъ? Этимъ нѣсколько не характеризуется „деревня нашего времени“. Такъ было всегда тамъ, гдѣ большая часть мужиковъ уходитъ на заработки, по городамъ и фабрикамъ. Это очень давно всѣмъ извѣстно, размазывать всю эту грязь, да еще такъ грубо размазывать, совѣтъ не нужно и непристойно, и доказать этимъ ничего нельзя. Авторъ какъ будто не знаетъ, какое различіе существуетъ между правдою реальною и правдою художественною, которая одна только и допустима въ беллетристикѣ. И авторъ, очевидно, не сознаетъ того, что его стенографія, какъ онъ ни усердствовалъ, не передаетъ ни подлинной крестьянской рѣчи, ни истинныхъ понятій деревни, и производитъ на читателя та-

кое же впечатлѣніе ломанья и манерничанья, какое получается отъ его: „на столъ, кромѣ съ водкою штофа“. Пастойчиво совѣтуемъ „начинающимъ писателямъ“ воздерживаться отъ подобнаго сочинительства, а г. Роміасу очень желаемъ поскорѣе бросить столъ плохіе приемы писательства.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Сочиненія Поль-Луи Курье“. Ч. I.— „Сельскія и городскія общества потребителей и общественныя лавки“. Сост. *Ө. Дессль*.— „Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшенныхъ первымъ четырехъ сѣдловъ представителей русскихъ неправительственныхъ заведеній для малолѣтнихъ“. *К. В. Рупельшикова*.— „Арсенатскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ“. *С. К. Гисел*.

Сочиненія Поль-Луи Курье. Часть I. Спб., 1897 г. Въ свое время блестящіе памфлеты Поль-Луи Курье пользовались большой популярностью какъ на Западѣ, такъ и у насъ на Руси. Ихъ тонкое, чистоголлское остроуміе, искреннее презрѣніе къ терявшей всякій кредитъ и престижъ реакціи, паеосъ свободолюбивыхъ увлеченій, ореолъ мученичества и пикантность опасной политической борьбы—все это сдѣлало Курье любимѣйшимъ и типичнѣйшимъ представителемъ литературы 10-хъ и 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Борьба съ реакціей придавала тогда буржуазіи силу и вызывала общія симпатіи. Во всеоружіи идеала и сознанія собственнаго превосходства, матеріальнаго и духовнаго, шла она противъ врага. Пѣсня и легкій памфлетъ были растерявшееся среди сложныхъ жизненныхъ условій правительстве въ самыя слабыя мѣста. Вѣра въ свѣтлое будущее, въ жизнеспособность народа, въ единство общественныхъ интересовъ удесятерила силы въ этой борьбѣ. Были еще очень далеки тагостныя впечатлѣнія 1848 г., рѣзкій разладъ капитала и труда, которыхъ раньше связывали ненависть къ общему врагу,—та пошлость буржуазіи, которую такъ художественно изобразилъ позднѣе Мопассанъ.

Курье—представитель мелкой буржуазіи въ героическій моментъ ея существованія, въ моментъ послѣдней атаки противъ реставраціи. Умственное и нравственное превосходство даетъ ему право съ презрительной насмѣшкой смотрѣть на разлагавшуюся аристократію и бюрократію; сознаніе правоты и силы даетъ ему тотъ священный жаръ убѣжденія, которому невольно подчиняется даже читатель, принцапially не согласный съ авторомъ. Каково было слышать, положимъ, такія фразы: „Нужно вамъ сказать, м. г., что между обвинителями и тѣми, которые должны были судить ихъ, какъ бонапартистовъ, кажется, одни только обвиняемые не клялись въ вѣрности Бонапарту, не добивались его милости и не увѣряли въ преданности къ его священной особѣ?“ (стр. 7).

„Скажу откровенно: настоящіе мятежники тѣ, которые всюду па ходятъ ихъ,—тѣ люди, облеченные властью, которые видятъ всегдъ въ своихъ личныхъ врагахъ враговъ короля и стараются сдѣлать ихъ таковыми, въ силу преслѣдованій“ (стр. 8). „Всякій собственникъ желаетъ порядка, мира, правосудія, если только онъ не должностнолицо и не намѣренъ сдѣлаться имъ“ (стр. 27).

„Безъ заговоровъ какъ спасти государство, французскій престолъ и нашу монархію? Куда дѣнутся агенты охранной полиціи и надсмотрщики? Подобно тому, какъ соблазнь для вящей славы Божіей, такъ

заговоры нужны для существованія высшей полиціи. Создавать заговоры и подавлять ихъ, придумывать и открывать злые умыслы—это великое искусство, которымъ обладаетъ министерство; въ этомъ сила и цѣль науки государственныхъ людей“ (стр. 61).

Эти отрывки до нѣкоторой степени могутъ познакомить съ тономъ и настроеніемъ Курье. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 100) онъ самъ даетъ свою собственную характеристику: „онъ не якобинецъ, но противъ того, чтобы вѣшали въ тюрьму бонапартистовъ... онъ всегда придерживался угнетенной партіи. Онъ былъ аристократомъ при Робеспьерѣ, либераломъ въ 1815 году; онъ будетъ принадлежать къ вашей (лѣвой) партіи и отречется отъ васъ только въ томъ случаѣ, если вы станете силой, т.-е. будете считать себя выше всѣхъ“.

Къ сожалѣнію, этотъ очень интересный для характеристики общественнаго настроенія начала вѣка матеріалъ, имѣющій и большое самостоятельное значеніе, переведенъ мѣстами очень плохо, мѣстами лишень необходимыхъ объясненій и примѣчаній. Пѣтъ также и вступительной статьи, которая должна была бы ввести читателя in medias res. Это сильно вредитъ счастливо-задуманному изданію.

Сельскія и городскія Общества потребителей и общественныя лавки, или какъ устриваются покупатели, чтобы не терпѣть отъ обмановъ и покупать все необходимое для себя по дешевой цѣнѣ и хорошаго качества. Сост. Э. Девель. Изд. редакціи „Русскаго Сельскаго Календаря“ № Б. М., 1897 г. Цѣна 15 коп. Появленіе въ свѣтъ настоящей брошюры слѣдуетъ признать какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Мысль о возможности сбереженія тѣхъ копеекъ, которыя переплачиваются различнымъ посредникамъ при покупкѣ предметовъ первой необходимости, начинается въ настоящее время распространяться все болѣе и болѣе среди населенія не только городовъ, но и селъ и деревень. Для осуществленія этой мысли необходима организація въ той или иной формѣ Обществъ (кооперативныхъ, потребительныхъ, оптовыхъ закупокъ). Простое само по себѣ дѣло это находить неодолимыя препятствія только въ той темнотѣ и невѣжествѣ, которыя являються злѣйшими врагами русскаго народа на пути ко всякаго рода усовершенствованіямъ его жизни. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ еще разъ и извѣстный поклонникъ артельного начала г. Н. Левитскій, рекомендующій организацію среди сельскаго населенія такъ называемыхъ оптовыхъ закупокъ, не требующихъ, по его мнѣнію, никакихъ формальностей вродѣ „уставовъ“, „правъ“, отчетовъ и т. д., составляющихъ препятствіе въ виду полного отсутствія въ деревняхъ какой-либо интеллигенціи. Дѣло, однако, въ томъ, что если во многихъ деревняхъ и отсутствуетъ интеллигенція, за то уже имѣются въ немаломъ числѣ люди грамотные и кое-что читавшіе. Для этихъ послѣднихъ брошюра г. Девеля можетъ принести существенную пользу, указавъ имъ не только цѣлесообразность устройства Общества потребителей и организаціи продажи необходимыхъ товаровъ изъ потребительной лавки, но всѣ тѣ практическіе пути и приемы, которыхъ въ этомъ случаѣ необходимо держаться. Этой послѣдней цѣли авторъ прекрасно достигаетъ ясностью языка и толковостью изложенія, причемъ онъ не забываетъ ни одной даже мелкой подробности практическаго характера, знакома простого читателя съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ написать уставъ, куда обратиться за его утвержденіемъ и касаясь вопроса о выборѣ товара, о продажныхъ цѣнахъ,

о кредитѣ и о распредѣленіи прибыли, о законахъ торговли, о торговыхъ документахъ и ихъ стоимости, объ отчетности, съ объясненіемъ какъ ее вести. Въ приложеніи сообщаются способы обнаруженія подѣлокъ и примѣсей въ различныхъ товарахъ, а въ концѣ книги напечатанъ вышедшій уже послѣ написанія книги полный текстъ нормальнаго устава потребительныхъ Обществъ. Такимъ образомъ, эта небольшая книжка (кстати доступная и по цѣнѣ) даетъ все, что необходимо для знакомства съ практикой потребительнаго дѣла. Важность же потребительной организаціи для деревни видна уже изъ того, что, по словамъ г. Левицкаго, каждый крестьянинъ переплачиваетъ ежегодно, при всей скромности своихъ потребностей, не менѣе 10-ти рублей тѣмъ посредникамъ, которые его снабжаютъ предметами первой необходимости. Обращаемъ особенное вниманіе на книгу г. Девеля сельскихъ учителей и всѣхъ лицъ, стоящихъ близко къ жизни сельскаго населенія.

Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшенныхъ первыхъ четырехъ сѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. К. В. Руквишниковъ. М., 1897 г. Ц. 50 к. Какъ извѣстно, состоявшіеся по инициативѣ и подѣ предѣдательствомъ почетнаго попечителя московскаго городского Руквишниковскаго исправительнаго пріюта К. В. Руквишникова въ 1881, 1884, 1890 и 1895 годахъ (второй въ Кіевѣ, остальные—въ Москвѣ) четыре сѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ явились у насъ единственными истолкователями разнообразныхъ нуждъ и потребностей этого рода заведеній, какъ въ отношеніи законодательныхъ положеній, на основаніи которыхъ они существуютъ, такъ и въ отношеніи усвоенныхъ ими учебныхъ и воспитательныхъ порядковъ, не говоря уже о финансовой сторонѣ дѣла. По всѣмъ указаннымъ вопросамъ на сѣздахъ были внесены доклады, подвергавшіеся неоднократно обсужденію и вызывавшіе извѣстныя постановленія о возбужденіи соотвѣтствующаго ходатайствъ передъ правительствомъ. Многія изъ этихъ ходатайствъ, имѣвшихъ огромное значеніе для болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго достиженія пріютами и колоніями воспитательно-исправительныхъ задачъ, были правительствомъ уважены и вошли затѣмъ въ новое законодательство о малолѣтнихъ преступникахъ. Подобными результатами своихъ занятій, къ сожалѣнію, могутъ похвастаться у насъ лишь очень немногіе сѣзды. Отсюда же видно, что матеріалы, заключающіеся въ изданныхъ четырехъ томахъ *Трудовъ* сѣздовъ имѣютъ большой интересъ какъ для лицъ, непосредственно заинтересованныхъ жизнью исправительныхъ заведеній, такъ и для всѣхъ, изучающихъ вопросъ о малолѣтнихъ преступникахъ съ научной стороны. Для всѣхъ этихъ лицъ вышеупомянутый *Систематическій указатель* является крайне полезнымъ справочнымъ пособіемъ. По числу главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ работами сѣздовъ, указатель раздѣленъ на 23 главы въ которыхъ перечислены постановленія и доклады, относившіеся къ каждому отдѣльному вопросу, со ссылками на страницы *Трудовъ*. Такимъ образомъ является возможность прослѣдить хронологически судьбу избраннаго вопроса и познакомиться изъ стенографически записанныхъ преній съ ходомъ его обсужденія и разработки на засѣданіяхъ сѣздовъ. Слѣдующій пятый сѣздъ созывается въ Москвѣ въ 1900 г. и нельзя не пожелать, чтобы къ участію въ немъ были привлечены до сего времени отсутствовавшіе на бывшихъ сѣздахъ *воспитатели* исправи-

тельныхъ пріютовъ и колоній. Эти педагоги, стоя непосредственно у дѣла, весьма нелегкаго и въ то же время крайне интереснаго, несомнѣнно могли бы внести на сѣзды много общинтересныхъ наблюдений и фактовъ, почерпнутыхъ изъ своей практики, и такимъ образомъ восполнить тотъ пробѣлъ, который до сихъ поръ ощущался на сѣздахъ, занятыхъ, можетъ быть въ силу такъ сказать исторической необходимости, главнымъ образомъ законодательной и внѣшней разработкой дѣла исправительныхъ заведеній. Теперь можетъ быть настало уже время перейти къ внутренней воспитательной практикѣ этихъ заведеній, столь мало извѣстной публикѣ.

Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. С. К. Гогеля. Спб., 1897 г. Помѣщенный г. Гогелемъ въ его книгѣ въ качествѣ эпиграфа глубоко вѣрные слова Говарда: „сдѣлайте людей трудолюбивыми и они будутъ честными“, не должны забываться особенно въ тюрьмахъ, главной или, вѣрнѣе, единственной цѣлью которыхъ является исправленіе преступника, возвращеніе его, по возможности, въ среду честныхъ людей. Для достиженія этой цѣли могучимъ орудіемъ должна служить правильная постановка работы въ тюрьмахъ. При отсутствіи работъ, у заключенныхъ теряется всякая привычка къ труду, и они выходятъ изъ тюрьмы еще менѣе способными къ жизненной борьбѣ, чѣмъ были раньше. Бездѣліе вообще несовмѣстимо ни съ духовнымъ, ни съ физическимъ здоровьемъ, и говорить объ исправленіи тюрьмой преступника, отлученнаго тюрьмой же отъ работы, немислимо. Помимо того, работа является чрезвычайно важной для соблюденія порядка и дисциплины въ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ общаго заключенія. Наконецъ, арестантскій трудъ даетъ возможность хоть отчасти покрывать огромные расходы государства на мѣста заключенія; это послѣднее соображеніе весьма важно, такъ какъ несомнѣнно слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы содержаніе преступниковъ не падало бременемъ на честныхъ людей и чтобы тюрьмы, по возможности, оккупали сами себя.

Правильное устройство работъ въ тюрьмахъ вещь весьма сложная. Прежде всего необходимо, чтобы было занято работой какъ можно большее число арестантовъ; необходимо, чтобы арестантскій трудъ былъ производителенъ, но не вступалъ бы въ конкуренцію съ свободнымъ трудомъ и не причинялъ бы ему тѣмъ ущерба, чтобы контроль и руководство арестантами и при работѣ оставались въ рукахъ тюремной администраціи. Самое правильное примѣнять арестантскій трудъ къ производству предметовъ по заказу государства, а также къ выполненію крупныхъ общественныхъ работъ.

Г. Гогель въ своей книгѣ подробно рассматриваетъ положеніе на Западѣ и у насъ вопроса о постановкѣ работъ въ тюрьмахъ; вопросъ этотъ почти вездѣ, кромѣ Россіи, рѣшенъ вполне успѣшно и даже блестяще въ отношеніи центральныхъ тюремъ; что же касается до мѣстныхъ тюремъ, то въ нихъ только въ Англии и Бельгій работы ведутся такъ же хорошо, какъ и въ центральныхъ. Россія очень отстала отъ Запада. Это особенно ясно видно въ количествѣ занятыхъ работой арестантовъ: въ арестантскихъ отдѣленіяхъ и каторжныхъ тюрьмахъ заняты работой 50%, въ губернскихъ тюрьмахъ 28%, а въ уѣздныхъ всего 20%; между тѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ, въ Англии, даже въ мѣстныхъ тюрьмахъ, заняты работой 75% арестантовъ.

Авторъ находитъ, что никакихъ особенностей, которыя бы препят-

ствовавши развитію арестантскаго труда, въ нашихъ тюрьмахъ не имѣется. Помѣщеніе для мастерскихъ въ тюрьмахъ всегда найдется; еслибъ наша администрація, имѣющая такое широкое развитіе, обращалась бы со своими заказами въ тюрьмы, то послѣднія получили бы неистощимое поле для примѣненія арестантскаго труда. Главная причина, по мнѣнію автора, крайне неудовлетворительнаго положенія арестантскихъ работъ въ Россіи—отсутствіе средствъ на заведеніе и поддержаніе работъ.

Составлена книга г. Гогеля подробно и толково и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ о постановкѣ работъ въ русскихъ тюрьмахъ.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

„Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаци“. *И. Янсена.*—„Исторія французской литературы“. *Густавъ Лансонъ.*—„Великіе люди въ литературѣ“. *Ж. Дюринга.*—„Воспоминанія и др. статьи“. *Н. А. Бялковаго.*

Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаци. *И. Янсень.* Пер. съ 16 нѣм. изданія. Спб., 1898 г. Изд. О. Н. Половой. На первый взглядъ книжка можетъ удовлетворить давно ощущаемой потребности. Дѣло въ томъ, что пока, т. е. до появленія давно обѣщаннаго перевода книги Бецольда о реформаци, лучшимъ пособіемъ для ознакомленія съ этимъ переломомъ продолжаетъ, пожалуй, оставаться курсъ Гейссера, начинающаго свое изложженіе прямо съ Лютера и не останавливающагося на положеніи нѣмецкаго (конечно не *германскаго*) народа въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Но при вниканіи въ дѣло оказывается, что расчетъ на пополненіе этого существеннаго пробѣла названною выше книжкою Янсена не правиленъ. Какъ видно изъ словъ издательницы, основаніемъ для перевода этого отдѣла восьмитомнаго труда послужилъ усиліемъ послѣдняго въ Германіи; но, конечно, это еще далеко не значитъ, чтобы для нашей публики представлялъ такой же интересъ отрывокъ, содержащій „характерное описаніе *экономическаго права* (?) и *соціального состоянія Германіи наканунѣ реформаци*“. Сочиненіе Янсена, конечно, явленіе характерное, но едва ли оно удобно для переноса къ намъ. Авторъ—ревностный католикъ; тамъ, гдѣ иные протестантскіе историки видятъ односторонне одно гнѣніе и разложеніе, онъ не менѣе, если не болѣе, односторонне находитъ почти безболѣзненное состояніе, отягченное случайными и внѣшними причинами. Разсматривая народное хозяйство, онъ находитъ вполне нормальные поземельные порядки на чисто-нѣмецкой основѣ, а положеніе сельскаго населенія выставляетъ блестящимъ; въ сферѣ промышленности цехи и союзы подмастерьевъ обезпечивали ихъ членамъ прочное благосостояніе, изрѣдка омрачаемое стачками. Это блаженное равновѣсіе народнаго хозяйства было нарушено чрезмѣрнымъ развитіемъ торговли и денежныхъ оборотовъ. То же было съ политическимъ строемъ и правомъ. Пока имперія ставила передъ народомъ широкія задачи, все было хорошо; но потомъ вдругъ начался упадокъ, появилось раздробленіе, усилились князья, сдерживаемые городами. Право до XV вѣка сохраняло свои народныя основы, но тутъ явились крѣпководцы-юристы, ограбили крестьянъ въ пользу помѣщиковъ и усилили власть князей. Далѣе, треть книжки занята

скучнымъ разсказомъ о неудачныхъ попыткахъ Максимилиана возстановить величіе имперіи, чему постоянно мѣшали своекорыстныя стремленія князей. Въ „общемъ обзорѣ“ вдругъ являются замѣчанія о состояніи просвѣщенія и церкви, равьше не затрогивавшихся. Уже въ XV в. „освѣжающее реформаторское вѣніе прошло по нѣмецкой церкви“, но это не помѣшало, признаваемому самимъ авторомъ, упадку бѣлаго и чернаго духовенства. Сюда присоединились нападки на церковь младшаго поколѣнія гуманистовъ, широкое распространеніе и неправильное толкованіе Библіи, и въ результатѣ получилось общее броженіе. Выходитъ такъ: не внеси въ чинную нѣмецкую жизнь торговля корыстолюбія, юристы крючкотворства, а гуманисты свѣтскаго образованія, не произошло бы въ Германіи XVI вѣка переворота, котораго, замѣтитъ кстати, авторъ никогда не называетъ реформаціей. Такое пониманіе дѣла сильно сближаетъ Янсена со столь любезными ему моралистами XV—XVI вв., объяснявшими недостатки современности такимъ же нехитрымъ способомъ, что едва ли можетъ быть особенно назидательно для читателя нашего времени. Кромѣ юристовъ и гуманистовъ авторъ особенно сердитъ на дѣятелей подготовлявшагося переворота—Зиконгена, Гуттена и, конечно,—Гогенцоллерновъ. Въ итогѣ изо всей книжки нѣкоторый интересъ для читателя можетъ представлять только первый отдѣлъ ея, нѣсколько идеализованное описаніе нѣмецкаго хозяйства на исходѣ среднихъ вѣковъ, и то больше для пониманія предыдущаго, чѣмъ послѣдующаго. Странно, отчего вмѣсто скучнаго разсказа о Максимилианѣ не переведены отдѣлы о просвѣщеніи и церковной жизни XV вѣка. Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ; напрасно только въ немъ оставлены такіа выраженія, какъ фудеръ вина (38), клафтеръ дровъ (46), шеферы, шультгейссе (163), а привычное имя Сигизмунда замѣнено необычнымъ Зигмундомъ (170).

Исторія французской литературы. Густава Лансона. Переводъ со второго французскаго изданія, просмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. I. М., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к. Въ предисловіи къ своей книгѣ Лансонъ отрицаетъ возможность научной литературной критики. Литературу можно изучать, но нельзя ее знать. Критику литературы приходится имѣть дѣло съ индивидуальными впечатлѣніями и интуиціями, а не съ видами и категоріями. Многія литературныя произведенія вызываютъ безконечно разнообразныя впечатлѣнія, и содержаніе ихъ нельзя подвести подъ неизмѣнную формулу. Литература — предметъ *умственныхъ упражненій, вкуса, наслажденій*. Но, переходя къ изложенію Лансона, мы видимъ, что онъ не вполне исполнилъ свою программу и находится подъ сильнымъ влияніемъ Тэна и Брюнетьера. Первому онъ обязанъ обиліемъ историческаго аппарата, рассѣяннаго въ его книгѣ. Второй заставилъ его произвести тонкій анализъ развитія литературныхъ видовъ и категорій. Историческая концепція Лансона сводится къ двумъ основнымъ точкамъ зрѣнія. Съ одной стороны онъ слѣдитъ за эволюціей французскаго ума и характера. Французы, по его убѣжденію, нація, обладающая интеллектуальными свойствами: ея умъ доминируетъ надъ чувствомъ и волей. XVII столѣтіе, классическій расцвѣтъ французской литературы, знаменуется собой торжество разума, породившаго натурализмъ въ искусствѣ. Интеллектуальнымъ началомъ объясняются у Лансона отсутствіе высокихъ образцовъ во французской лирикѣ и ея исчезновеніе въ періодъ классицизма. Другого рода историческую эволюцію Лансонъ признаетъ въ смѣнѣ соціальныхъ и политическихъ формъ. Въ его гла-

захъ, онѣ налагають тиранническую печать на ходъ литературнаго развитія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, можно отмѣтить, напримѣръ, его дѣленіе средневѣковой литературы на рыцарскую и городскую. На протяжении всей книги онъ старательно указываетъ, что такая-то черта или такое-то свойство данного произведенія носятъ дворянскій или буржуазный характеръ. Но эти указанія не выдѣлены съ достаточной ясностью изъ пестраго калейдоскопа писателей и произведеній. Помимо двухъ историческихъ методовъ, критика Лансона располагаетъ третьимъ, неисторическимъ методомъ. Это — методъ общечеловѣческой морали, общечеловѣческой эстетики. Лансонъ вѣрять въ нѣкоторыя *элевотія положенія морали* (стр. 184). Сущность его нравственнаго мировоззрѣнія сводится къ правиламъ *честнаго и мирнаго буржуа*, какъ онъ самъ себя называетъ (стр. 235). Требованіе истины, добра и красоты является его высшимъ научнымъ критеріумомъ. Очевидно, Лансонъ не знакомъ съ трудомъ по эволюціи нравственности, написаннымъ его соотечественникомъ Летурно. Не знакомъ онъ также съ другими поступательными шагами европейской науки. Въ настоящую минуту мы вправе требовать отъ историка литературы болѣе трезвыхъ историческихъ и социальныхъ взглядовъ. Отсутствие послѣднихъ у Лансона часто приводитъ его къ печальнымъ недоразумѣніямъ.

Лансонъ разбираетъ поэму о Ренаръ - лисѣ. Русская публика знакома съ ея сюжетомъ и характеромъ по передѣлкѣ Гёте: это — буржуазная сатира среднихъ вѣковъ, осмѣивающая феодализмъ и папство. Лансонъ не находитъ въ ней „ничего похожаго на демократическое направленіе“ (стр. 138). Сатира, по его мнѣнію, внушена однимъ безобиднымъ весельемъ. Подобное заключеніе Лансонъ выводитъ на основаніи того, что въ ней глубоко презирается и осмѣивается крестьянинъ, наряду съ барономъ и патеромъ. Заключеніе ошибочно, такъ какъ антагонизмъ крестьянъ и горожанъ составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей средневѣковой культуры, а французскій демократизмъ выросъ преимущественно на буржуазной почвѣ. Извѣстный фарсъ о хитромъ Патлэнѣ подвергается со стороны Лансона суровому нравственному приговору (стр. 288). Сюжетъ этого произведенія состоитъ въ томъ, что купца надуваютъ адвокаты, а послѣдняго крестьянинъ. Возвышенная мораль въ глазахъ Лансона поругана, такъ какъ симпатія автора на сторонѣ мошенника Патлана. Французскій критикъ оцѣнилъ народный протестъ противъ эксплуатаціи съ *общечеловѣческой*, нравственной точки зрѣнія. Вообще честный и мирный буржуа не выноситъ, когда талантъ замѣняется силой ненависти (стр. 195); поэтому онъ черезчуръ односторонне относится къ фаблію, народнымъ мистеріямъ, фарсамъ, порицая ихъ нехудожественность. Забывая ихъ классовое происхожденіе, онъ считаетъ ихъ „низшимъ проявленіемъ французскаго ума!“ Говоря о Рабле, онъ совершенно не касается построенія аббатства Телемы. Телема представляетъ изъ себя идеальный эскизъ гуманистическаго общежитія и служить типичнымъ отраженіемъ эпохи Возрожденія. Для Лансона эта эпоха опредѣляется только какъ „открытіе челоуѣка и культура древности“ (стр. 345). Не забудьте, что Лансонъ интересуется личностью и личными интуиціями, а не эпохой и культурой эпохъ. Любовь онъ считаетъ вѣчно однороднымъ чувствомъ, упуская совершенно изъ виду формы семейныхъ отношеній, среди которыхъ разыгрывались различные сердечныя катастрофы. Различіе между любовью пролетарія Виллона, любовью рыцарскихъ или бретонскихъ эпопей, любовью салонной, любовью трагедій Расина и Корнеля заключается для Лансона

исключительно въ степеняхъ преобладанія того или другого психологическаго элемента — ума, чувства и воли. Благодаря подобной уаости взгляда, Лансонъ просмотрѣлъ реформаціонную попытку на поприщѣ брачныхъ отношеній, сдѣланную m-me Лафайетъ. Обзорѣвая картину соціальной жизни, проходящую въ „Характерахъ“ Лабрюйера, Лансонъ дѣлаетъ упрекъ писателю за то, что тотъ не обратилъ вниманія на типъ городского пролетарія. Этотъ упрекъ съ извѣстной долей справедливости можетъ быть направленъ по адресу самого Лансона. Правда, типъ пролетарія слегка намѣченъ имъ въ фигурахъ литературной богемы, Виллона и Рютбефа, но онъ не выдвинутъ съ достаточной рельефностью и спутывается съ толпой буржуазныхъ типовъ. При разборѣ фаблю и фарсовъ, въ которыхъ этотъ типъ играетъ большую роль и которые въ массѣ случаевъ обязаны ему своимъ происхожденіемъ, его постигаетъ такая же участь. Приведенные примѣры культурнаго и экономическаго свойства дополнимъ еще однимъ примѣромъ другого порядка. Лансонъ не придаетъ должнаго значенія иноземному вліянію, имѣвшему мѣсто во французской литературѣ. Въ данномъ отношеніи онъ признаетъ, что Италия и античный міръ доставили много матеріала для перевода и подражанія, но заслуги Испанія онъ умалняетъ до минимальныхъ размѣровъ, а объ Англіи и Германіи вовсе не упоминаетъ. Между тѣмъ, напримѣръ, народная книга о Тиллѣ Эйленшпигелѣ, нѣмецкомъ подмастерьѣ, выдержала на французской почвѣ множество изданій и несомнѣнно вліяла на развитіе французской сатирической литературы. Лансонъ вообще нисколько не интересуется вопросомъ о законахъ подражанія. Онъ даже позволилъ себѣ исключить изъ предѣловъ изслѣдованія всю латинскую литературу, вышедшую изъ - подъ пера французскихъ писателей, и игнорируетъ ея вліяніе.

Таковы недостатки сочиненія Лансона, но они въ значительной степени искупаются его достоинствами. Выше мы отмѣтили, что Лансонъ не вполне выполнилъ программу своего предисловія. Личныя интуиціи, вопреки волѣ автора, вдвинуты въ рамки исторіи. Прочтите его обрисовку такихъ характеровъ, какъ Фруассаръ, Корнель или Расинъ, и вы увидите, на какую научную высоту можетъ подняться талантъ Лансона, разъ онъ отрѣшится отъ предвзятой односторонности. Характеристики духовнаго развитія французскаго народа въ различные эпохи сдѣланы имъ неоднократно съ большимъ мастерствомъ, остроуміемъ и изяществомъ. Влестящее изложеніе натурализма XVII ст. — лучшее, по нашему мнѣнію, мѣсто его книги. Безспорно, она можетъ считаться лучшимъ руководствомъ исторіи французской литературы, существующимъ на русскомъ языкѣ.

Переводъ очень хорошъ, но онъ сдѣланъ со второго французскаго изданія, тогда какъ Лансонъ значительно дополнилъ свою книгу въ четвертомъ и пятомъ изданіи. Нельзя не выразить также сожалѣнія по поводу чересчуръ высокой цѣны русскаго изданія: переводъ доведенъ до конца XVII ст. и составляетъ половину французскаго оригинала, отличающагося своей дешевизной.

Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новѣйшихъ точекъ зрѣнія. Е. Дюринга. Пер. съ нѣмец. Ю. М. Антоновскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 3 р. 50 к. Съ шестидесятихъ годовъ текущаго столѣтія имя Дюринга пользуется самой широкой популярностью въ различныхъ слояхъ нѣмецкой націи. Философъ, математикъ, политико - экономъ, литературный критикъ, Дюрингъ старался всегда отвѣчать на жгучіе вопросы современ-

ности. Его философія дѣйствительности имѣла своей цѣлью очистить умственную атмосферу отъ всевозможныхъ трансцендентальныхъ фантазій и предоставить разуму неограниченную свободу проникновенія во всѣ таинственныя области мірозданія. Поэтому критика Дюринга съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаетъ на Канта, наложившаго оковы на познавательную силу разума. Другимъ врагомъ для Дюринга является теорія пессимизма, умаляющая цѣнность жизни и дѣйствительности, уничтожающая активныя задатки человѣческой природы и не видящая лучшихъ перспективъ будущаго. Въ качествѣ политико-эконома Дюрингъ причисляетъ себя къ школѣ социалистовъ, но его нравственно-экономическій социализмъ имѣетъ очень мало общаго со школой Маркса и Энгельса. Извѣстна его полемика и столкновение съ послѣднимъ, увѣковѣченная на страницахъ социалдемократическихъ изданій. Кромѣ того, въ сферѣ политическихъ отношеній Дюрингъ заявилъ себя однимъ изъ вождей антисемитизма. Историческія концепціи Дюринга оригинальны тѣмъ, что отводятъ первенствующее мѣсто развитію расовыхъ и національныхъ особенностей. Освобожденіе національнаго духа отъ постороннихъ вліяній составляетъ постепенный переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Этотъ процессъ раздражается французской революціей. XIX ст.—эпоха по преимуществу реакціонная, но великая социальная теорія и броженіе въ низшихъ народныхъ слояхъ даютъ надежду на свѣтлую будущность.

Въ книгѣ *Великіе люди въ литературѣ* основные взгляды Дюринга стремятся произвести настоящую литературную революцію. Общезнаваемые корифеи литературы низвергаются безперемонно со своихъ пьедесталовъ. Погромъ начинается съ Данте, котораго смѣсь воскресшаго національнаго духа и остатки средневѣковаго мистицизма привели къ какичь-то любовнымъ судорогамъ и благочестивымъ галлюцинаціямъ. За Данте слѣдуетъ Тассо съ его мнимо-небесной музой, наряженной въ туалетъ древнихъ. Къ Сервантесу и Шекспиру критикъ относится милостивѣе, называя ихъ предшественниками и провозвѣстниками новѣйшаго народнаго характера. Но Сервантесъ провинился тѣмъ, что въ погонѣ за юморомъ подвергъ легкомысленному осмѣянію чувство справедливости и защиту слябыхъ. Шекспиръ великъ преимущественно тѣмъ, что въ образѣ Юліи впервые представилъ міру нормальный типъ любви. Но онъ отталкиваетъ современнаго зрителя кроваваго содержаніемъ своихъ трагедій. Трагедія, вообще, отжила свой вѣкъ. Мильтонъ—религиозно-помраченное существо, Мольеръ—комикъ съ легкомысленнымъ остроуміемъ, съ подстриженными по придворному произведеніями, Гёте—волокита, безнравственный лирикъ, мистическій творецъ Фауста, способнаго морочить только *взрослыхъ дураковъ*, Шиллеръ—туманный идеалистъ, опьяненный эстетикъ, большой страшный филинь, Гейне—еврей афферистъ, Ленау—поэтъ съ разстроеннымъ мозгомъ, — такова портретная галлерей великихъ умовъ, предлагаемая Дюрингомъ. Болѣе посчастливилось Вольтеру, въ здоровой насмѣшкѣ котораго Дюрингъ видитъ первое ясное выраженіе духа новаго времени; Руссо, фантазеру, политику, погрязшему въ дебряхъ мистическаго, но обладающему непосредственнымъ чувствомъ природы; Шелли, жевоподобному метафизику, но сознательному протестанту противъ нравственныхъ, социальныхъ и политическихъ традицій; Ропфору, художественному политическому фельетонисту, написавшему антиеврейскій романъ, и Ибсену, воспѣвающему горе безъ слезъ, безъ сознательному анархисту, но ожесточенному критику мелколиберал-

наго общества и стороннику высокой нравственности. Надъ всей этой толпой литературныхъ знаменитостей Дюрингъ высоко возноситъ Бюргера и Байрона. Бюргеръ, значение котораго такъ упорно умаляла до сихъ поръ литературная традиція, ведущая свое начало отъ злобной зависти Гёте и Шиллера, обнаруживаетъ, по мнѣнію, Дюринга, всѣ качества великаго писателя: здоровое пониманіе дѣйствительности, красоту художественныхъ образовъ, непосредственность чувства. Онъ великъ, какъ любовный лирикъ, поставившій условіемъ любви взаимное довѣріе и искренность.

Цѣль книги Дюринга, выраженная имъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы дать современному читателю возможность избавиться отъ многихъ традиціонныхъ авторитетовъ. „Перѣдко дурное, тѣсно сросшия съ хорошимъ, проникаетъ, какъ нѣчто образцовое, въ умы, пропитанные авторитетомъ“. Намѣреніе безусловно симпатичное, такъ какъ ходячія руководства по исторіи литературы отличаются рутинной раболѣпностью мысли; но въ исполненіи задуманнаго Дюрингомъ плана встрѣчается много существенныхъ недочетовъ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ его основныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, антисемитизмъ заставляеть Дюринга сдѣлать въ высшей степени одностороннюю оцѣнку Гейне или незаслуженно выдвинуть забытый всѣми романъ Рошфора. Нравственная точка зрѣнія (замѣтимъ, кстати, что она не обоснована удовлетворительно въ его философскихъ сочиненіяхъ) внушаетъ ему чересчуръ суровый приговоръ надъ Гёте, въ то время, какъ эта точка зрѣнія изъ особыхъ видовъ старательно устраняется имъ при оцѣнкѣ Байрона. Затѣмъ націонализмъ, народный духъ, проходящіе красною нитью черезъ все произведеніе, являются туманными понятіями, несмотря на неоднократную попытку къ ихъ выясненію. Кромѣ того, изъ вражды къ экономическому матеріализму, онъ не признаетъ за производительными отношеніями сколько-нибудь значительнаго вліянія на ходъ историческаго развитія. Поэтому характеристики эпохи среднихъ вѣковъ новаго времени сдѣланы имъ чрезвычайно односторонне.

Помимо сбивчивости историческаго метода, критика Дюринга страдаетъ важнымъ субъективнымъ недостаткомъ. Философъ дѣйствительности въ пылу полемической страстности забываетъ главный принципъ своей теоріи и доходитъ до фантастическихъ преувеличеній. Слостолюбивый извергъ Гёте и рыцарь безъ страха и упрека Байронъ служатъ тому нагляднымъ примѣромъ. Та же полемическая страстность окружила Бюргера ореоломъ величія.

Но отиѣчанные недостатки не мѣшаютъ книгѣ Дюринга быть полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу. Обиліе оригинальныхъ мыслей, животрепещущая современность затронутыхъ вопросовъ, остроуміе и сила, съ которою написаны многія страницы и отдѣлы, касающіеся мистицизма, кассицизма и эротизма—все это говоритъ въ пользу книги.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно, хотя мѣстами чувствуется шероховатость.

Воспоминанія и другія статьи. Н. А. Бѣлоголоваго. М., 1897 г. Ц. 2 р. 25 к. Очень рекомендуемъ эту хорошую, отлично изданную книгу, доходъ съ которой назначается на благотворительное дѣло. Бѣлоголовый близко зналъ въ Сибири декабристовъ, онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ С. П. Боткинымъ, Салтыковымъ, Некрасовымъ, графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ и со многими другими значительными людьми. Отъ воспоминаній Николая Андреевича всегда вѣетъ большимъ умомъ, наблюдательностью и удивительнымъ благо-

родствомъ души. Свѣтло становится на сердцѣ, когда знакомишься съ такимъ человѣкомъ, съ такою чистою дѣятельностью. Въ книгѣ приложены портреты самого Н. А. Бѣлоголоваго, декабристовъ Борисова, Юшневскаго и Поджіо, графа Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова, видѣ могилы Бѣлоголоваго и біографическіе о немъ очерки Г. А. Джаншіева и В. А. Крылова. Сборникъ статей и воспоминаній знаменитаго врача, вышедшій теперь, свидѣтельствуетъ и о томъ, что покойный былъ выдающимся писателемъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“. А. Г. Тимофеева. — „Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка“. Я. Комторовича. — „Усадьбныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданского права“. С. П. Никонова. — „Обычное право крестьянъ Харьковской губ.“. Вып. I. — „Популярно-юридическая библиотека“. Приобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. Я. В. Абрамова. — „Аренда и наемъ имущества“. Ю. Мс.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. А. Г. Тимофеева. Спб., 1897 г. Тѣлесныя наказанія, лишь въ небольшомъ объемѣ сохранившіяся въ настоящее время въ Россіи, занимали нѣкогда главное мѣсто въ нашей карательной системѣ. Они примѣнялись или какъ дополненіе къ смертной казни, или какъ самостоятельная карательная мѣра, или какъ предупредительная полицейская мѣра, дававшая возможность распознавать наказанныхъ людей. Отличаясь крайнимъ разнообразіемъ, тѣлесныя наказанія примѣнялись на каждомъ шагѣ: били взрослыхъ и малолѣтнихъ, знатныхъ и незнатныхъ, за самыя важныя и за самыя пустыя преступленія—за убійство и за продажу 5 ф. соли на $\frac{3}{8}$ к. дорожке установленной цѣны (стр. 75); били кнутомъ, плетями, батогами, шпипрутенами, розгами; били такъ много, что не безъ нѣкотораго основанія въ былое время у иностранцевъ понятіе о Россійскомъ государствѣ связывалось съ понятіемъ о кнутѣ. Это обширное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, объясняемое главнымъ образомъ грубостью и низкимъ нравственнымъ развитіемъ нашего общества, укрѣплялось подѣ влияніемъ того мнѣнія, что тѣлесное наказаніе является наиболѣе устрашающимъ и наиболѣе простымъ для примѣненія, а слѣдовательно и разумнымъ наказаніемъ. Съ конца 18 вѣка этотъ взглядъ, царившій во всей Европѣ, началъ мѣняться; изъ наказаніе тѣлесною болью стали смотрѣть какъ на несогласное съ человѣческимъ достоинствомъ, безцѣльное и вредное, и уже въ началѣ 19 вѣка тѣлесныя наказанія понемногу исчезли изъ всѣхъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ. Въ Россіи тѣлесныя наказанія сохранились дольше, и еще теперь въ уложеніи въ трехъ статьяхъ 952, 1261 и 1377 говорится о тѣлесныхъ наказаніяхъ; впрочемъ эти печальные остатки старины доживаютъ свои послѣдніе дни, такъ какъ новый проектъ уложенія не знаетъ тѣлесныхъ наказаній.

Однако, говорить о тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ объ отошедши въ область исторіи, къ сожалѣнію, еще рано; законъ 12 іюля 1889 возстановилъ у насъ розги для крестьянъ; тѣлесныя наказанія сохранились какъ мѣра тюремно-дисциплинарная, хотя въ качествѣ таковой они столь же вредны и безцѣльны, какъ и въ качествѣ мѣры карательной; наконецъ за послѣднее время появились и принципіальныя защитники тѣлеснаго наказанія, вродѣ Маттельштедта, проповѣдывающаго въ Германіи замѣну розгами краткосрочнаго лишенія свободъ.

Но надо надѣяться, что это есть послѣдняя вспышка доживающаго свой вѣкъ наказанія; г. Тимофеевъ вполне вѣрно говоритъ, что „и общество и печать единодушно выступили какъ бы въ крестовый походъ противъ розги, символа исчезнушаго варварства и безправія, и есть основаніе предполагать, что недалеко тотъ день, въ который въ Россіи закончится исторія тѣлесныхъ наказаній такъ же прочно, какъ во Франціи, исчезнетъ раздѣленіе русскихъ людей на тѣхъ, кого бить и кого бить нельзя“ (стр. 129).

Исторія тѣлесныхъ наказаній и посвящена книга г. Тимофеева. Въ первомъ отдѣлѣ онъ излагаетъ общія условія развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній и даетъ очеркъ ихъ исторіи въ Западной Европѣ; это наиболѣе слабая часть труда г. Тимофеева, она составлена весьма неполно и безъ всякой системы, наприм., начавъ излагать исторію тѣлесныхъ наказаній въ Германіи, авторъ безъ всякаго основанія переходитъ къ исторіи тѣлесныхъ наказаній во Франціи, а затѣмъ опять возвращается къ Германіи. Остальные отдѣлы труда г. Тимофеева посвящены исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, а затѣмъ исторіи ихъ отдѣльныхъ видовъ, замѣтимъ относительно общей исторіи, что здѣсь авторъ не вполне справился съ размѣщеніемъ собраннаго имъ матеріала; замѣчается какая-то туманность, повторенія. Въ общемъ, благодаря богатству собранныхъ г. Тимофеевымъ любопытныхъ данныхъ, разсматриваемая книга представляетъ значительный интересъ.

Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка. Я. Канторовича. Спб., 1897 г. Одно изъ основныхъ положеній современнаго уголовного права, устанавливающее, что субъектомъ преступнаго дѣянія можетъ быть лишь человѣкъ, какъ существо разумное и отвѣтственное за свои поступки, было совершенно чуждо средневѣковымъ юристамъ; они считали, что всякое вредоносное или преступное дѣяніе, кѣмъ бы оно ни было совершено—человѣкомъ или животнымъ, должно влечь за собой наказаніе; а потому и животное передъ закономъ должно быть точно такъ же отвѣтственнымъ за содѣянное имъ, какъ и человѣкъ. Благодаря этому взгляду, въ средніе вѣка возникалъ цѣлый рядъ процессовъ противъ животныхъ.

Всѣ эти процессы можно раздѣлить на двѣ группы: одни вѣдались свѣтскими судами, а другіе духовными. Въ процессахъ перваго рода животныя являлись подсудимыми или въ качествѣ соучастниковъ людей, или, особенно часто, какъ самостоятельно совершившіе преступленіе, причинивъ смерть или раны людямъ. Въ такихъ процессахъ, главнымъ образомъ, встрѣчаются свиньи. Процессуальная формы, соблюдавшіяся въ подобныхъ дѣлахъ, ничѣмъ не отличались отъ общаго порядка судопроизводства. Животному предъявляли обвиненіе и заключали его въ общую для всѣхъ преступниковъ тюрьму, выдавая, иногда, на его содержаніе столько же, сколько на содержаніе человѣка; затѣмъ его приводили на судъ, подвергали допросамъ и пыткамъ, давали ему защитника и соблюдали всѣ тѣ же формальности, какъ при слѣдствіяхъ надъ людьми. Оканчивались обыкновенно подобные процессы присужденіемъ животныхъ къ смертной казни, исполнявшейся съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какія соблюдались при казни преступниковъ людей. Къ другой группѣ дѣлъ, вѣдавшихся судомъ духовнымъ, относятся процессы противъ цѣлыхъ массъ насѣкомыхъ и животныхъ, являющихся источникомъ общественныхъ бѣдствій, опустошая поля и виноградники. Въ подобныхъ процессахъ животныя являлись разпо-

правной стороной и выступали как отвѣтчики. Обвинителями въ искахъ являлись владѣльцы опустошаемой земли, обыкновенно представители общины. Животныя получали своего защитника; если его доводы оказывались недѣйствительными, судъ присуждалъ животныхъ къ изгнанію; назначался опредѣленный срокъ для ухода; иногда община отводила особое мѣсто, гдѣ бы изгоняемая животныя могли поселиться, подъ условіемъ не опустошать остальной земли общины; подобныя соглашенія съ животными закрѣплялись въ видѣ формальныхъ договоровъ. Если животныя отказывались исполнить приговоръ суда и удалиться изъ страны, то они предавались отлученію или проклятію.

Этому интересному и оригинальному явленію изъ средне-вѣковой жизни и посвящена небольшая книжка г. Канторовича. Мы находимъ въ ней изложеніе всего хода процессовъ противъ животныхъ, образцы рѣчей обвинителей и защитниковъ животныхъ и, наконецъ, цѣлый рядъ любопытныхъ примѣровъ подобныхъ процессовъ.

Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданского права. С. П. Никонова. Ярославль, 1896 г. Вся обширная область крестьянскаго быта и крестьянскаго землевладѣнія, разработанная довольно подробно съ точки зрѣнія бытовой, почти вовсе не изслѣдована въ нашей научной литературѣ съ точки зрѣнія права, и юридическая природа тѣхъ особенныхъ крестьянскихъ правъ, которыя возникли послѣ реформы 1861 года, осталась до сихъ поръ совершенно не выясненной. Между тѣмъ пополненіе этого пробѣла, особенно при неясности и невыдержанности нашего законодательства о крестьянахъ, должно имѣть весьма существенное практическое значеніе. За послѣднее время появилось значительное количество сенатскихъ рѣшеній, посвященныхъ разъясненію юридическихъ сторонъ крестьянскаго быта, но и эти рѣшенія, вмѣстѣ съ законодательнымъ матеріаломъ, ждутъ до сихъ поръ научной обработки.

Авторъ разсматриваемой брошюры, стремясь къ пополненію указаннаго пробѣла, разсматриваетъ съ юридической точки зрѣнія одинъ изъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія—вопросъ объ усадебныхъ земляхъ крестьянъ-общинниковъ. Нельзя сказать, чтобы г. Никоновъ справился со своей задачей вполне удовлетворительно. Придерживаясь исключительно законодательнаго матеріала и сенатскихъ рѣшеній, онъ посматривалъ на свою работу слишкомъ узко и формально, и благодаря этому тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ, не всегда правильны. Исходя изъ того положенія, что крестьянская община, какъ юридическое лицо, владѣетъ на правѣ собственности надѣльными землями, предоставляя ихъ въ пользованіе по частямъ семьямъ своихъ членовъ, авторъ заключаетъ, что и участки усадебныхъ земель находятся у общинниковъ не въ собственности, а лишь въ наследственномъ пользованіи; при этомъ субъектомъ подобнаго права пользованія является не домохозяинъ, а вся семья. Какъ рѣшительный сторонникъ общиннаго землевладѣнія, авторъ усиленно возстаетъ противъ права общинниковъ выкупать дворовые участки, находя, что выкупъ явился бы вопіющимъ нарушеніемъ правъ общины, „имѣющимъ характеръ грабежа, только на законномъ основаніи“.

Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. Вып. 1-й. Подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ, 1896 г. Юридическія обычаи нашихъ крестьянъ до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Каждое новое изслѣдованіе въ этой области, каждая новая попытка собрать крестьянскія юридическія обычаи являются

особенно цѣнными. Поэтому мы съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе настоящаго изданія. Какъ видно изъ предисловія, харьковскій губернскій статистическій комитетъ предпринялъ опытъ сплошнаго систематическаго изученія юридическихъ обычаевъ крестьянъ Харьковской губерніи. Съ этою цѣлью комитетъ составилъ для собранія свѣдѣній по обычному праву особую программу, образецъ которой приложенъ къ разсматриваемой книгѣ; программа эта, охватывающая всѣ отдѣлы гражданскаго права и процесса, была разслана отдѣльными лицамъ и учрежденіямъ, отвѣты которыхъ и дали матеріалъ для настоящаго изданія. Многіе изъ полученныхъ отвѣтовъ составлены очень подробно и дѣльно. Вышедшій нынѣ первый выпускъ изданія заключаетъ въ себѣ отвѣты волостныхъ судовъ и записи уѣздныхъ сѣздовъ: первые по двумъ уѣздамъ—Старобѣльскому и Волчанскому, а послѣднія—по Харьковскому.

Обильный и любопытный матеріалъ, заключающійся въ разбираемомъ изданіи, и то существенное значеніе, которое оно имѣетъ для ознакомленія съ крестьянскимъ обычнымъ правомъ, заставляеть надѣяться, что и остальные выпуски не замедлятъ появиться въ свѣтъ.

Популярно-юридическая бібліотека. № 3. Приобрѣтеніе и отчужденіе имущества. Сост. Я. В. Абрамовъ. Спб., 1897 г. № 4. Аренда и наемъ имущества. Сост. Я. В. Абрамовъ. Спб., 1897 г. Третій и четвертый выпуски издаваемой Павленковымъ популярно-юридической бібліотеки значительно уступаютъ двумъ первымъ и далеко не достигаютъ той цѣли, къ которой направлено все изданіе. Г. Абрамовъ указывалъ въ первомъ выпускѣ, что онъ стремится дать общедоступное и систематичное изложеніе законовъ, чтобъ ознакомить публику съ дѣйствующими у насъ законами. Но ни систематичности, ни общедоступности въ разсматриваемыхъ книжкахъ г. Абрамова мы не находимъ. Матеріалъ расположенъ безо всякой системы, такъ что разобраться въ немъ весьма не легко: такъ, наприм., въ выпускѣ четвертомъ авторъ сперва разбираетъ вопросъ о томъ, кто можетъ брать и отдавать въ наемъ имущества, и вопросъ о срокахъ найма, и лишь затѣмъ разсматриваетъ самую сущность договоровъ найма или аренды, причемъ ему невольно приходится вторично говорить о срокахъ; въ выпускѣ третьемъ авторъ, излагая способы приобрѣтенія имущества, безо всякаго основанія разсматриваетъ договоръ запродажи, по которому, по словамъ самого же автора, никакого права на имущество не устанавливается. Кромѣ несистематичности надо указать и на неполноту изложенія. Такъ среди лицъ, означенныхъ въ правѣ приобрѣтенія и отчужденія имущества, вовсе не указаны монашествоующіе; говоря о способахъ приобрѣтенія имущества, авторъ перечисляетъ лишь случаи, предусмотрѣнные 699 ст. X т., вовсе не упоминая о другихъ способахъ, наприм., находкѣ, кладѣ и т. д.

Общедоступности въ изложеніи законовъ мы также не находимъ. Г. Абрамовъ приводитъ лишь содержаніе статей закона, не давая иногда самыхъ необходимыхъ объясненій; такъ не выяснено, что такое есть имущество, въ чемъ состоитъ договоръ найма или аренды, не указано даже, есть ли договоръ найма и договоръ аренды одинъ и тотъ же или два разныхъ договора. На стр. 14 третьяго выпуска г. Абрамовъ говоритъ, что „способы приобрѣтенія имущества бывають безмездные и обоюдные“, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій; подобное противоположеніе безмездности и обоюдности можетъ поставить втупицъ не только читателя неюриста.

Стремясь передать постановленія закона общепонятнымъ способомъ, г. Абрамовъ излагаетъ статьи закона своими словами, но не всегда отъ этого постановленія закона становятся яснѣе: наприм., въ выпускѣ третьемъ на стр. 22 мы читаемъ: „выпись изъ этой книги на актовомъ бумагѣ выдается тому изъ совершающихъ актъ, кому они по взаимному согласію рѣшили получить этотъ актъ“.

Въ результатѣ приходится сказать, что книги г. Абрамова составлены не вполне удовлетворительно и не достигаютъ своей цѣли дать популярное изложеніе законовъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Дружба съ природою“. Разказы Элизы Брайтвинъ, въ изложеніи Дм. Кайгородова. — „Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch während der Vorlesungen und praktischen Uebungen“. Emil Selenka.

Дружба съ природою. Разказы Элизы Брайтвинъ въ изложеніи Дм. Кайгородова. Спб., 1897 г. 8°. Стр. 189. Со многими рисунками въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 коп. Книга эта содержитъ въ себѣ двадцать одинъ разказъ изъ жизни животныхъ на основаніи личныхъ наблюденій автора. Г-жа Элиза Брайтвинъ въ теченіе многихъ лѣтъ содержала въ неволѣ и приручала самыхъ разнообразныхъ животныхъ и въ предисловіи своемъ пишетъ, что эти близкія отношенія къ міру животныхъ служили для нея источникомъ радости, утѣшенія и успокоенія. Содержаніе разказовъ чрезвычайно разнообразно: наряду съ наблюденіями надъ птицами, содержаніе которыхъ въ неволѣ является обычнымъ, мы находимъ у Элизы Брайтвинъ наблюденія надъ водяными куторами, священными египетскими жуками, пауками, уховертками, муравьиными львами и другими животными, вовсе не обычными въ клѣткахъ и терраріумахъ, что придаетъ книжкѣ особый интересъ, такъ какъ показываетъ юнымъ читателямъ, для которыхъ книга предназначена, что любое животное, мимо котораго мы часто проходимъ безъ вниманія, можетъ быть источникомъ живого интереса. Всѣ разказы написаны чрезвычайно простымъ языкомъ, именно такъ, какъ нужно писать для дѣтей, т.-е. безъ всякаго старанія создать какой-то особый „дѣтскій слогъ“, и проникнуты теплою любовью къ природѣ, что дѣлаетъ книгу особенно цѣнной для дѣтскаго чтенія, и мы можемъ ее рекомендовать какъ прекрасное приобретеніе для дѣтской бібліотеки.

Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch während der Vorlesungen und praktischen Uebungen. Emil Selenka. Vierte Auflage. Leipzig., 1897. Цѣна 2 р. 50 к. Книжка эта, изданная въ двухъ частяхъ (безпозвоночныя и позвоночныя), принадлежитъ къ типу довольно распространенныхъ въ Германіи краткихъ повторительныхъ университетскихъ курсовъ, но своеобразный характеръ ея заключается въ томъ, что текстъ сведенъ до minimum'a, но за то і сунковъ избытіе, около восьми сотъ. Учебникомъ служить эта книжонка образомъ не можетъ, но она можетъ оказать большую помощь при просмотрѣ учебныхъ коллекцій, а также при повтореніи главныхъ основъ предмета передъ экзаменами, когда часто приходится въ двѣ три дня освѣжить въ памяти курсъ цѣлаго года. Рисунки подобраны весьма умѣло и выполнены очень отчетливо, несмотря на мелкій размѣръ ихъ, позволяющій умѣстить до двадцати пяти рисунковъ на стр

ницѣ. Повсюду на страницахъ оставлены бѣлыя мѣста для рукописныхъ дополненій, а въ концѣ каждой части прибавлено нѣсколько страницъ бѣлой бумаги для той же цѣли.

МЕДИЦИНА.

„Хирургія“. Ежемѣсячное изд. подъ ред. проф. П. И. Дьяконова. — „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ“. Проф. И. А. Сикорскаго.

Хирургія. Ежемѣсячное изданіе подъ редакціей проф. П. И. Дьяконова. 1897 г. Приступая къ изданію и выясняя въ предисловіи къ январьской книжкѣ цѣль и задачи новаго журнала, проф. Дьяконовъ задается такимъ вопросомъ: „нужно ли это изданіе? Не достаточно ли существующаго въ Россіи количества врачебныхъ журналовъ? Не лучше ли было бы, еслибъ врачи-писатели не думали объ основаніи новыхъ изданій, а присоединялись бы къ одному изъ существующихъ?“ Вопросъ этотъ рѣшается имъ „въ пользу новаго изданія“. Сравнивая развитіе медицинской журналистики у насъ и за границею, проф. Дьяконовъ указываетъ на нашу отсталость въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ научная жизнь нашего врачебнаго сословія едва ли ниже жизни западной. Нельзя не пожелать журналу проф. Дьяконова дальнѣйшаго успѣха и большого количества читателей. Въ вышедшихъ книжкахъ не мало весьма обстоятельныхъ и интересныхъ не только для хирурга, но и для всякаго врача вообще, статей; таковы ст. Померанцева — „Характеристика бромъ-этила съ точки зрѣнія опасности примѣненія его въ качествѣ анестезирующаго“, Руднева — „Объ актиномикозѣ“, проф. Дьяконова — „Къ хирургіи почекъ“ и друг. Отдѣлъ рефератовъ поставленъ прекрасно. Что касается внѣшности изданія, то она безупречна.

Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Проф. И. А. Сикорскаго. Отд. отт. изъ журнала „Вопросы нервно-психической медицины“. Т. 2. 59 стр. Авторъ, „желая поближе ознакомиться съ событіями“ на Терновскихъ хуторахъ, „взявъ на себя трудъ отправиться на мѣсто и ознакомиться съ внѣшней обстановкой, съ населеніемъ, среди котораго произошли убійственныя событія“. Описавъ весьма обстоятельно и достаточно объективно обстоятельства разыгравшейся здѣсь драмы, проф. Сикорскій переходитъ затѣмъ къ заключительнымъ замѣчаніямъ, гдѣ и высказываетъ свои взгляды на причины и условія ея развитія. По аналогіи съ „Малеваншиной“, описанной имъ въ 1894 г., авторъ и здѣсь видитъ „психопатическую эпидемію“; на страницахъ *Русской Мысли* и *Медицинскаго Обозрѣнія* намъ приходилось тогда же высказывать свои соображенія, свои взгляды, далеко не согласные съ воззрѣніями автора на условія развитія такихъ „психопатическихъ эпидемій“. Въ настоящей своей статьѣ проф. Сикорскій проводитъ тотъ же взглядъ, т. е. что явленія эти патологическаго свойства, что событія на Терновскихъ хуторахъ — одна изъ „психопатическихъ эпидемій“, поводомъ къ развитію которыхъ авторъ считаетъ „политическіе перевороты“ и „религиозныя событія“ вообще, въ частности же, въ примѣненіи къ данному случаю, — „открытіе мощей святаго Феодосія Углицкаго; что касается всеобщей народной переписи, на вліяніе которой указывалось въ прессѣ, то „Терновскія событія связаны съ нею лишь внѣшнимъ образомъ“. „Открытіе же мощей“, вызвавъ въ одной части населенія „возбужде-

не“, „подъемъ духа“, въ другой части населенія—въ раскольничьей— „произвело противоположныя дѣйствія, напомнивъ ей объ ея обособленіи, о мучительномъ религіозномъ отщепеніи и отдѣленіи отъ великаго народнаго организма“, вслѣдствіе чего развился „пессимизмъ“, „утрата чувства жизни“, образовалось „патологическое ядро“ и „психическая зараза“, которая и повела къ „эпидемическимъ вольнымъ смертямъ и смертоубійствамъ на Терновскихъ хуторахъ“. Приводя мнѣнія Пыпина, видящаго причину самоистребленія раскольниковъ въ „преслѣдованіяхъ, какимъ подвергался расколъ со стороны правительства“, и почти такой же взглядъ автора „Исторіи Выговской пустыни“, проф. Сикорскій находитъ ихъ неправильными: по его мнѣнію, оба автора „обобщили частные случаи“. Мѣрами къ устраненію такихъ патологическихъ явленій авторъ считаетъ „большее развитіе дѣла пріоріи умалишенныхъ“ и „истинную заботу о раскольникахъ“; въ чемъ должна состоять послѣдняя, не выясняется; можно однако, на основаніи 54 стр. статьи, догадываться. „Уже въ прошломъ столѣтіи, въ видахъ предупрежденія самоубійствъ, святѣйшій синодъ постановилъ: сообщить сенату вѣдніемъ о самоохотно сгорѣвшихъ раскольникахъ, требовать распоряженій его о разсылкѣ крѣпкихъ указовъ ко всѣмъ вотчинникамъ, или ихъ управителямъ о томъ, чтобъ они нигдѣ въ помѣстьяхъ своихъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяли раскольникамъ строить скитовъ себѣ и пустыней, а чтобъ жили подобныя люди съ прочими крестьянами въ селахъ и деревняхъ неотложно“.

Не раздѣляя совершенно взглядовъ автора на прискорбныя явленія на Терновскихъ хуторахъ какъ на „психопатическую эпидемію по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, какія были высказаны нами по поводу „Малеващицы“ и повторять которыя здѣсь было бы неумѣстно, — мы также не раздѣляемъ и выясненій причинъ и поводовъ къ развитію этихъ явленій и мѣропріятій, предлагаемыхъ авторомъ, къ предупрежденію ихъ; по нашему мнѣнію, ближайшимъ поводомъ служила только всеобщая народная перепись, причина же кроется не въ „пессимизмъ и утратѣ чувства жизни“, а въ глубокомъ невѣжествѣ народныхъ массъ; мѣропріятія, способныя устранить, уменьшить это невѣжество, устранять и грустныя явленія.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Производство сѣрной кислоты“. Инж.-технол. П. П. Оедотьева.

Производство сѣрной кислоты. Инженеръ-технолога П. П. Оедотьева. Съ 155 рѣзанными на деревѣ рисунками въ текстѣ. Изданіе Щепанскаго. Ц. 5 р. Среди различныхъ отраслей химической промышленности производство сѣрной кислоты по своему значенію занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ и количество производимаго страню купороснаго масла можетъ даже служить болѣе или менѣе вѣрнымъ показателемъ ея промышленнаго развитія вообще. Въ Россіи химическая промышленность никогда особенно не процвѣтала; но тамъ же самый тарифъ 1891 г. далъ ей сильный толчокъ и съ тѣхъ поръ производство сѣрной кислоты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивается, въ особенности со времени возникновенія у насъ обширныхъ пироксилиновыхъ заводовъ. Впрочемъ, за послѣднее время дѣятельности нашихъ химическихъ заводовъ произошла заминка, и прічине крайне низкихъ цѣнахъ на купоросное масло нѣкоторые изъ нихъ с

всѣмъ пріостановили работу. Замѣтимъ, что на русскомъ языкѣ по этому производству до сихъ поръ совсѣмъ не было сочиненій, а потому трудъ г. Ѳедотьева, основанный на многолѣтней практикѣ и тщательномъ изученіи теоріи предмета, представляетъ особенный интересъ. Книгѣ приданъ характеръ практическаго руководства. Всѣ цифровыя данныя тщательно провѣрены, рисунки выполнены въ масштабѣ и могутъ служить конструктивными чертежами. Въ началѣ книги сгруппированы свѣдѣнія о мѣсторожденіяхъ сѣры и колчедановъ въ Россіи, въ концѣ помѣщенъ краткій очеркъ современнаго состоянія у насъ производства сѣрной кислоты. Авторъ, повидимому, хорошо знакомъ, какъ съ теоріей, такъ и съ практикой предмета. Всѣ стороны дѣла освѣщены имъ правильно и толково. При составленіи этого руководства, помимо личнаго опыта, онъ пользовался лучшими литературными источниками. Можно было бы пожелать болѣшихъ подробностей относительно проектированія и устройства заводовъ. Такого рода данныя встрѣчаются въ книгѣ Ѳедотьева, но они относятся главнымъ образомъ къ иностраннымъ заводамъ. Что же касается стоимости заводовъ русскихъ, то этого авторъ почти не касается. Это, по нашему мнѣнію, единственно слабая сторона книги. Во всемъ остальномъ слѣдуетъ отдать автору полную справедливость, книга составлена прекрасно и по своей полнотѣ, ясности и научности изложенія представляетъ прекрасно обработанный трудъ. Съ внѣшней стороны изданіе заслуживаетъ полнѣйшей похвалы. Печать прекрасная, рисунки безукоризненны и дѣла, принимая во вниманіе малый спросъ въ Россіи на техническія сочиненія, очень не высока. Вообще сочиненіе Ѳедотьева представляетъ серьезный вкладъ въ русскую техническую литературу.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, разведеніе и дѣятельность“. Сост. кн. В. Масальскій. — „Основные приемы повышенія урожаявъ при помощи рациональной культуры полей“. Сост. И. Широкиль.

Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. Сост. кн. В. Масальскій. Спб., 1897 г. Прочитанный на VIII съѣздѣ натуралистовъ, докладъ А. А. Гинкена обратилъ вниманіе министерства земледѣлія на наблюдательное изслѣдованіе овражнаго вопроса въ Россіи; при помощи своихъ добровольныхъ корреспондентовъ, департаментъ земледѣлія собралъ по довольно подробной программѣ свѣдѣнія объ оврагахъ, которыя вмѣстѣ съ отвѣтами земскихъ управъ и съ обширною литературою легли въ основу настоящей работы князя В. И. Масальскаго; работа издана отдѣломъ сельской экономіи въ объемистомъ, изящномъ томѣ съ приложеніемъ десяти фототипій.

Овраги образуются въ черноземной полосѣ какъ отъ естественныхъ условій, такъ въ особенности отъ истребленія лѣсовъ и усиленной распашки земель. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ овраги могутъ оказывать пользу, обнажая ключи и полезныя ископаемыя, но вообще говоря, особенно въ началѣ развитія овраги приносятъ значительный хозяйственный вредъ и потому признается желательною борьба съ ними при помощи укрѣпленія и обращенія укрѣпленнаго оврага въ производительную площадь.

Основные приемы повышения урожаяевъ при помощи рациональной культуры полей. Состав. И. Широкихъ. Изд. Девриена. Спб., 1897 г. Ц. 75 коп. Слово „рациональный“, пущенное въ ходъ въ русской сельско-хозяйственной литературѣ С. А. Масловымъ въ тридцатыхъ годахъ и часто употребляемое, до сихъ поръ не остановилось на опредѣленномъ значеніи. Одна и та же хозяйственная единица, по-видимому, должна была бы держаться единого понятія о рациональности (по преимуществу *хозяйственной* понятія, объясняющаго цѣли существованія этой единицы), и однако у насъ постоянно говорятъ о двоякаго рода рациональности—экономической и технической. Авторъ названной книги разумѣетъ (хотя и не опредѣляя) рациональность техническую, т.-е. стремленіе получить возможно-большее количество продуктовъ возможно-высшаго качества.

Выясняя отношеніе почвъ къ влагѣ и значеніе чернаго неудобреннаго пара, авторъ воспользовался (по желанію издателя) обширными выдержками изъ книги покойнаго П. А. Костычева. Остальныя главы, разработанныя авторомъ самостоятельно, относятся къ значенію заятаго пара и зеленого удобрения, ранняго зеленого пара и навознаго удобрения, къ вліянію глубины вспашки, къ способамъ посѣва и къ орошенію.

Обильный матеріалъ почерпнуть авторомъ въ семилѣтнихъ опытахъ полтавскаго поля (результаты этихъ опытовъ разработаны уже были авторомъ прежде по порученію полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества). Почти все содержаніе книги относится къ выясненію русскихъ условій и къ изложенію техническихъ приемовъ, предпринимавшихся въ Россіи. Съ этой стороны новая книга заслуживаетъ большого вниманія, какъ одна изъ немногочисленныхъ попытокъ сводки русскихъ опытовъ и наблюденій по вліянію важнѣйшихъ культурныхъ приемовъ на высоту урожаяевъ.

УЧЕБНИКИ.

„Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому“ В. П. Вахтерова. — „Сборникъ ариметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ“. Курсъ средній и старшій. Составл. подъ ред. А. Гатлиха. — „Учебникъ математической географіи“. Состав. Н. Степанов.

Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. В. П. Вахтерова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 15 коп. Искусство обученія грамотѣ по звуковому способу въ настоящее время доведено до высокой степени совершенства: въ воскресныхъ и вечернихъ школахъ для взрослыхъ теперь нерѣдки случаи, когда учащіеся научаются читать и проходить весь алфавитъ въ 5—6 уроковъ; въ школахъ для дѣтей того же достигаютъ въ мѣсяцъ, много въ шесть, семь недѣль. Но, какъ бы ни былъ крашенъ періодъ прохожденія алфавита, обученіе грамотѣ не буди нормальнымъ, если процессъ письма не идетъ параллельно съ чтеніемъ и если элементъ сознательности не имѣетъ мѣста при обученіи письму въ той же мѣрѣ, какъ и при обученіи чтенію. Очень часто ребенокъ съ самыхъ первыхъ шаговъ обученія привыкаетъ относиться къ слову, которое пишетъ, часто съ формальной, внѣшней стороны, не имѣя никакого представленія о томъ понятіи, выраженіемъ котораго служитъ данное слово. Авторъ разбираемаго букваря, г. Вахтеровъ, много гдѣ

наблюдавшій дѣло обученія грамотѣ въ школахъ различныхъ типовъ и наименованій, очевидно, хорошо знакомъ съ этой слабой стороной первоначальнаго обученія; въ своемъ букварѣ онъ и обращаетъ поэтому особенное вниманіе именно на эту сторону дѣла. Главная часть упражненій здѣсь состоитъ въ названіи предметовъ, изображенныхъ на картинкахъ, и въ письмѣ этихъ названій. Не говоря уже о томъ, какое важное значеніе могутъ имѣть эти картинки въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, онъ, — по словамъ автора, — является лучшимъ средствомъ, чтобы неразрывно связать слова, которыя будутъ писать ученикъ съ соотвѣтствующими имъ предметами. Такихъ упражненій-картинокъ мы насчитали въ букварѣ болѣе двухсотъ. Нельзя не признать методъ г. Вахтерова весьма оригинальнымъ, и, насколько намъ извѣстно, ничего подобнаго не было еще примѣнено ни въ одномъ изъ существующихъ у насъ букварей.

Отводя въ дѣлѣ правописанія первое мѣсто навыку авторъ всегда старается *предупредить* ошибки и ставитъ дѣло такъ, чтобы „ученики мимоходомъ, между дѣломъ, такъ сказать, и притомъ безъ особыхъ усилій приобрѣтали навыкъ въ пользу грамотнаго письма, а не наоборотъ“. Съ этою цѣлью въ букварѣ „подъ каждой картинкой, названіе которой представляетъ сомнѣніе въ дѣлѣ орфографіи, поставлено столько точекъ, сколько буквъ въ данномъ словѣ. Всѣ сомнительныя буквы напечатаны каждая на своемъ мѣстѣ. Только тѣ буквы, которыя не представляютъ для дѣтей никакой трудности, ученикъ долженъ будетъ написать безъ помощи букваря“. Такимъ образомъ, всѣ ошибки будутъ предупреждены, и вредныхъ навыковъ образоваться не можетъ, напротивъ, ученики съ самыхъ первыхъ шаговъ приучатся правильно писать всѣ тѣ слова, какія встрѣчаются въ ихъ письменныхъ упражненіяхъ.

Что касается расположенія звуковъ при ихъ прохожденіи, то здѣсь соблюдена строгая послѣдовательность и постепенность. Трудные для сліянія звуки отнесены на конецъ, наприм., буква *я* занимаетъ 27-е мѣсто, а буква *ю*—29-е. Знаку *э* отведено шестое мѣсто, благодаря чему учащіяся съ самаго начала привыкаютъ къ правильному употребленію этого знака въ концѣ словъ. Отдѣльныя слова при упражненіи въ чтеніи новыхъ звуковъ расположены авторомъ съ такимъ расчетомъ, что новый звукъ почти всегда выступаетъ рельефно, чѣмъ значительно облегчается его запоминаніе и рѣзче выдѣляется его отличие отъ сходныхъ съ нимъ звуковъ, наприм.: *лугъ, лучъ, туча, туши* и т. д.

Вообще, въ составителѣ виденъ опытный педагогъ, много поработавшій въ области начальнаго обученія и на практикѣ изучившій всѣ стороны этого дѣла. Въ концѣ книжки приложенъ хорошо подобранный матеріалъ для класснаго чтенія послѣ букваря. Внѣшность изданія находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ содержаниемъ, а множество рисунковъ дѣлаютъ букварь г. Вахтерова любимую дѣтскою книжкой. Цѣна ея болѣе чѣмъ скромная.

Сборникъ ариметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Курсъ ередній и старшій. Составленъ подѣ редакціей Ал. Гатлиха. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М., 1897 г. Ц. 20 к. За послѣднее время все чаще и чаще приходится слышать объ открытіи то тамъ, то здѣсь школъ, курсовъ и классовъ для рабочихъ. Очевидно, вопросъ объ образованіи взрослыхъ сдѣлался насущною потребностью русской жизни и, несмотря на многія неблагопріятныя условія, неуклонно продолжаетъ развиваться и получать практическое осуществленіе. Одновременно съ этимъ на

сцену выдвигается и много других вопросов, тѣсно связанныхъ съ дѣломъ обученія взрослыхъ. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести вопросъ о школьной литературѣ, приуроченной къ потребностямъ этихъ, еще новыхъ у насъ, школъ. Несомнѣнно, что всевозможные учебники и руководства, которые ежегодно въ такомъ обиліи выпускаются на книжный рынокъ нашими присяжными педагогами-составителями, будучи предназначены для потребностей дѣтской школы, не могутъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ учебнику школою для взрослыхъ. Экономія во времени, о которой въ особенности должны помнить школы этого типа, иные приемы и методы преподаванія и, наконецъ, иные умственные интересы взрослого ученика—все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на крайнюю необходимость изданія особыхъ, приспособленныхъ для взрослыхъ, учебниковъ и руководствъ.

Коммиссія по воскреснымъ школамъ бывшаго московскаго комитета грамотности три года тому назадъ сдѣлала первую попытку въ этомъ направленіи, выпустивъ подъ редакціей одного изъ своихъ членовъ, С. И. Лапшина, методическій задачникъ, предназначенный для перваго года обученія въ воскресной школѣ. Разбираемый нами задачникъ является продолженіемъ этой работы. Онъ также представляетъ собою коллективный трудъ членовъ воскресной коммиссіи и предназначается для 2-го и 3-го годовъ обученія взрослыхъ. „Цѣль его, — говорятъ составители въ предисловіи, — научить пользоваться письменнымъ счисленіемъ въ его простѣйшихъ формахъ, въ предѣлахъ, требуемыхъ повседневною жизнью и доступныхъ для усвоенія въ то короткое время, какое можетъ удѣлять взрослый человекъ на свое запоздалое образованіе“. Характерною особенностью новаго задачника является слѣдующее. Именованныя числа не составляютъ въ немъ особаго отдѣла; при случаѣ указываются лишь тѣ способы записи чиселъ и расположенія дѣйствій, которыя дѣйствительно могутъ быть полезны въ смыслѣ сокращенія времени и мѣста. Задачи на простыя дроби составлены съ такимъ расчетомъ, чтобъ учащіеся могли усвоить этотъ отдѣлъ ариметики на самыхъ задачахъ, не нуждаясь въ особыхъ теоретическихъ объясненіяхъ. То же нужно замѣтить и про отдѣлы задачъ на десятичныя дроби, тройныя правила, правила процентовъ, учета векселей и смѣшенія. Значительное мѣсто отведено въ книгѣ задачамъ на метрическую систему мѣръ; послѣдняя, какъ извѣстно, съ каждымъ годомъ все больше и больше находитъ примѣненіе въ повседневной жизни, не говоря уже про то, что знакомство съ этою системою такъ необходимо при чтеніи книгъ научнаго и техническаго содержанія. Въ заключеніе не можемъ не указать еще на одну особенность задачника, выгодно отличающую его отъ другихъ подобныхъ изданій: большинство задачъ въ немъ, помимо своего арифметическаго значенія, даютъ еще не мало и другихъ общеобразовательныхъ свѣдѣній изъ разныхъ областей знанія: физики, географіи и т. п.

Книжка, несомнѣнно, будетъ имѣть успѣхъ, какъ и ранѣе выпущенный сборникъ подъ редакціей г. Лапшина. Внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, особенно если принять вниманіе незначительную цѣну книжки, назначенную за нее издателями; мы, вѣдь, далеко не избалованы дешевыми учебниками.

Учебникъ математической географіи (космографіи). Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Степановъ преподаватель математики и физики въ 1-й московской и Кн

заветинской женскихъ гимназіяхъ и въ мужской гимназіи Ф. И. Креймана въ Москвѣ. Ц. 75 к. Космографія—это такъ сказать младшая сестра астрономіи. Если астрономію опредѣляютъ какъ науку о вселенной и о землѣ, какъ части этой вселенной, то космографію считаютъ лишь учебнымъ предметомъ, излагающимъ въ самой элементарной формѣ главнѣйшія астрономическія свѣдѣнія. Въ нашей средней школѣ космографіи отведено болѣе чѣмъ скромное мѣсто—всего одинъ годовой часъ въ старшемъ классѣ. Хотя это и очень мало, но, во всякомъ случаѣ, лучше полнаго невѣжества.

Сознавая, какъ трудно сдѣлать что-нибудь въ столь ограниченное время, авторъ задался цѣлью изложить все наиболѣе существенное въ краткомъ учебникѣ. Въ очень сжатомъ, но ясномъ изложеніи онъ даетъ, однако, очень много свѣдѣній и въ такой легкой, удобопонятной формѣ, что они безъ труда могутъ быть усвоены учениками старшихъ классовъ. Въ учебникѣ Степанова изложеніе вполне догматическое, читать этотъ учебникъ, какъ книгу, очень трудно (въ ней совсѣмъ нѣтъ разсказа), но учиться по ней очень легко, такъ какъ всѣ опредѣленія кратки, точны и ясны, а всѣ понятія изложены толково и безъ всякаго многословія. Математическихъ выводовъ и формулъ авторъ избѣгаетъ, что въ еще большей степени облегчаетъ пользованіе его учебникомъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что учебникъ написанъ совершенно популярно,—нѣтъ, авторъ предполагаетъ въ ученикахъ извѣстную степень развитія, онъ бесѣдуетъ уже со взрослыми людьми, стоящими у дверей университета. Вообще учебникъ г. Степанова, несмотря на свою краткость, обладаетъ многими серьезными достоинствами и заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ предметъ этотъ преподается. Наша средняя школа на пути къ коренному преобразованію и нѣтъ сомнѣнія въ будущемъ науки о природѣ займутъ въ ней приличное имъ положеніе. А тогда и на космографію будетъ побольше времени и вниманія.

Мы не знаемъ, чѣмъ собственно слѣдуетъ объяснить пренебрежительное отношеніе средней школы къ столь интересной и поучительной наукѣ, какъ космографія. Будемъ ли мы называть предметъ этотъ космографіей или астрономіей сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится, но къ астрономіи, мы, во всякомъ случаѣ, относимся съ большимъ вниманіемъ, а космографію даже и не почитаемъ за науку, а просто за „учебный предметъ“, котораго и не разыщешь въ программахъ. Но это, конечно, не больше, какъ простое недоразумѣніе. Химію, физику, ботанику, минералогію, физиологію и т. п. вездѣ называютъ своими именами безъ различія, проходится ли наука въ средней школѣ, или въ высшей, въ сокращенномъ, или полномъ объемѣ. Не то съ астрономіей. Пока она въ университетѣ, она—астрономія, а какъ только ее посократили и перевели въ гимназію для элементарнаго преподаванія, она тотчасъ же преобразилась въ учебный предметъ, называемый космографіей,—предметъ, которымъ никто, никогда и нигдѣ серьезно не занимался, такъ какъ, повидимому, онъ допущенъ къ преподаванію только въ видѣ какой-то кому-то уступки, какъ бы изъ приличія. Нѣтъ другого предмета въ курсѣ средней школы, для котораго считался бы достаточнымъ одинъ годовой часъ.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, сентябрь и октябрь.—„Вѣстникъ Европы“, ноябрь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь.—„Народное Образование“, ноябрь.

Г. Мельшинъ своими очерками: *Изъ міра отверженныхъ*—сразу занялъ почетное мѣсто въ нашей небогатой талантами литературѣ. Понятно, что всякое новое произведеніе автора „міра отверженныхъ“, а тѣмъ болѣе продолженіе очерковъ ожидалось критиками и читателями съ большимъ интересомъ. Г. Мельшинъ теперь удовлетворилъ невысказаннымъ ожиданіямъ читателя и далъ продолженіе своихъ очерковъ. Критикъ приходится дать отчетъ о нихъ, приходится дать нелегкій отвѣтъ на вопросъ: прибавляютъ ли новыя очерки г. Мельшина что-нибудь новое къ тѣмъ чертамъ его писательской фізіономіи, которыя такъ подкупили читателя въ его пользу при первомъ же знакомствѣ съ нимъ, и даже сохраняете ли онъ сразу занятую имъ позицію? Отвѣтъ на эти вопросы мы называли труднымъ, потому что при встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ, котораго, повидимому, хорошо изучилъ, человѣкъ всегда бываетъ склоненъ видѣть въ немъ только то, что ему хорошо знакомо и мило. Въ этихъ случаяхъ почти всегда имѣется предрасположеніе при оцѣнкѣ идти въ направленіи, уже хорошо извѣстномъ. Съ такимъ предрасположеніемъ приступили и мы къ чтенію очерковъ г. Мельшина. И странно: несмотря на такое предрасположеніе, сразу же, при прочтеніи первыхъ же главъ, получилось такое впечатлѣніе, какъ будто наши ожиданія не осуществились, какъ будто мы чего-то недосмотрѣли въ очеркахъ г. Мельшина, какъ будто какая-то новая струна звучала. Можетъ быть, эта струна звучала и раньше, да мы не замѣтили ея звука, а можетъ быть, она и дѣйствительно новая. Однимъ словомъ, первое впечатлѣніе отъ очерковъ—это недоумѣніе нѣкоторое и не будемъ скрывать этого ни отъ автора, ни отъ читателей, нѣкоторое недовольство. Именно недоумѣніе возбудили въ насъ эти очерки; именно это-то новое послышалось намъ въ нихъ. Тутъ, очевидно, дѣло не въ томъ только, что продолженіе очерковъ кажется намъ слабѣе, чѣмъ прежніе очерки. Это бы не большая бѣда была. Только могучіе таланты обладаютъ способностью волшебниковъ превращать въ золото все, до чего они ни коснутся, могучимъ же талантомъ г. Мельшина—ни мы, да и никто другой, полагаемъ, не считали. Дѣло въ томъ, что авторъ въ продолженіе своихъ очерковъ не удержался на уже достигнутой имъ высотѣ настроенія, что онъ какъ бы утратилъ тѣ черты, которыя дѣлали для читателя его очерки такъ дорогими и такъ приятными, что эти черты какъ будто замѣняются какими-то новыми и гораздо менѣе опредѣленными, какъ будто мѣняется даже та точка зрѣнія, тотъ художественный „шгандъ-пунктъ“, съ высоты котораго авторъ и самъ разсматривалъ правду жизни міра отверженныхъ, и заставлялъ другихъ разсматривать ее.

Мы говоримъ пока только о смутномъ и не вполне выяснившемъ для насъ самихъ впечатлѣніи. И, однако, это впечатлѣніе было такъ сильно, что мы не рѣшались дать отзыва о первыхъ главахъ продолженія очерковъ, мы ждали слѣдующихъ главъ. Но вотъ появились и слѣдующія главы, а впечатлѣніе остается тѣмъ же. Приходится уясня себѣ и другимъ основныя причины такого впечатлѣнія. Пусть глубокіи уважаемый нами авторъ не посѣтуетъ на эти уясненія, *amicus* г. Мельшинъ, *sed magis amia veritas*.

Дѣло намъ представляется такимъ образомъ, что художественный „штандъ-пунктъ“, какъ мы выразились выше, дѣйствительно измѣненъ авторомъ во второй серіи его очерковъ. Раньше авторъ, несмотря на кажущійся субъективизмъ, почти совершенно устранялъ въ своихъ рассказахъ о мѣрѣ отверженныхъ собственную личность, свое настроеніе, свои душевныя волненія и бури; теперь въ новыхъ его рассказахъ мѣрѣ отверженныхъ отступаетъ чуть ли не на второй планъ и на первомъ планѣ фигурируетъ личность рассказчика, его настроеніе, переживаемыя имъ чувства, его мировоззрѣніе, наконецъ. Это, разумѣется, всего меньше можетъ быть поставлено ему въ упрекъ. Напротивъ, говоря вообще, это можетъ быть высоко интересно, интересно для полнаго захвата читателя во власть автора. Но для этого необходимо, чтобы личность автора—мы, конечно, говоримъ о художественной личности,—его темпераментъ, какъ писателя, были могучими, властными и способными чаровать и захватить въ свою власть читателя. Говоря о первыхъ очеркахъ г. Мельшина, мы замѣтили, что именно этой-то силы и недостаетъ автору. Онъ мягокъ, колоритенъ и симпатиченъ, но и только. Уже самое отсутствіе твердаго рисунка,—о чемъ мы тоже говорили раньше,—доказываетъ, для насъ по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ художественномъ темпераментѣ г. Мельшина мощи. Для того, чтобъ уяснить нашу мысль о параллельности мощи художественнаго темперамента съ умѣньемъ давать твердо очерченныя абрисы описываемыхъ явленій и въ особенности фигуръ, намъ не зачѣмъ приводить въ примѣръ величайшихъ художниковъ слова, вродѣ Толстого или Достоевскаго; достаточно будетъ указать на г. Чехова (въ его *Мужикахъ*, наприм., одна головка седетки *описываетъ* цѣлый мѣрѣ явленій, довольно сложныхъ и запутанныхъ), на г. Мамина. Вотъ эти писатели обладаютъ той мощью, которая сдѣлаетъ субъективизмъ изображенія, и ихъ собственное настроеніе, чрезвычайно интереснымъ и даже чарующимъ — еслибъ они и рѣшились стать на тотъ художественный „штандъ-пунктъ“, на который сталъ г. Мельшинъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда художникъ не обладаетъ такою мощью художественнаго темперамента, всегда возможно уклоненіе въ сторону ходульности или слащавости — и вообще въ сторону несоотвѣтствія настроенія съ изображаемыми явленіями. Тогда получается нѣкоторое отступленіе, — разумѣется, невольное и даже безсознательное,—отъ правды жизни... Какъ-то невольно и съ тихою грустью останавливаешься въ такихъ случаяхъ на словахъ умнаго и энергичнаго мужика Юхорева. „Иванъ Николаевичъ,—не въ обиду ему будь сказано,—десять лѣтъ проживетъ въ тюрьмѣ и все-таки ничего не пойметъ въ нашей сволочной жизни. Умъ ихъ не тѣмъ вовсе занятъ“.

Разумѣется, такой приговоръ арестанта, пробоистаго, энергичнаго и по своему сильнаго, даже могучаго, одного изъ тѣхъ самородковъ-вождей вольницы, какими и теперь еще достаточно богата русская мужицкая дѣйствительность, относительно Ивана Николаевича мы не имѣли бы основанія переносить на самого автора, еслибы при дальнѣйшемъ разсказѣ самого Ивана Николаевича не встрѣтили нѣкоторыхъ указаній, какъ будто доказывающихъ, хотя бы и частичную справедливость этого приговора. Къ этимъ указаніямъ мы сейчасъ и перейдемъ. А пока отмѣтимъ то любопытное обстоятельство, что г. Мельшинъ въ своихъ очеркахъ не даетъ намъ изображенія фигуръ вотъ эдакихъ Юхоревыхъ—людей силы и инициативы, людей незауряд-

ной воли и незаурядных умственных способностей, тѣх бродягъ, Ивановъ—и какъ бы они тамъ ни назывались,—которые являются главарями міра отверженныхъ и давали такую яркую окраску не только *Мертвому дому*, Достоевскаго, но и очеркамъ, напримѣръ, В. Г. Короленка, *Черкесу*, *Соколину* и *Убивцу*. Это черта, какъ хотите, характерная и, по нашему мнѣнію, доказывающая именно отсутствіе мощи въ художественномъ темпераментѣ г. Мельшина. А можетъ быть, доказывающая и еще что-нибудь, какую-нибудь особую черту въ его настроеніи.

Отмѣтимъ, однако, тѣ немногія указанія, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ дать ключъ для уясненія впечатлѣнія неудовлетворенности и недоумѣнія, возбуждаемаго продолженіемъ очерковъ г. Мельшина... Когда товарищъ Ивана Николаевича, только что прибывшій въ каторгу, только что погружившійся въ міръ отверженныхъ, говорить ему—говорить молодого и восторженно: „Просто забываешь, что имѣешь дѣло съ каторгой, а не съ обыкновеннымъ русскимъ народомъ. На самомъ дѣлѣ большинство, нашихъ по крайней мѣрѣ, преступниковъ точь-въ-точь такіе же, какъ и всѣ русскіе люди, и только случайное какое-нибудь стеченіе обстоятельствъ толкаетъ ихъ на путь преступленія“,—Иванъ Николаевичъ отвѣчаетъ ему: „Не торопитесь съ обобщеніями. Я живу здѣсь вотъ уже два съ половиной года и, ей-Богу же, и до сихъ поръ не знаю, что сказать и что думать на этотъ счетъ. Наука, конечно, рѣшитъ когда-нибудь этотъ вопросъ; но пока можно только собирать факты для будущихъ точныхъ выводовъ“. И далѣе: на замѣчаніе Валерьяна относительно Юхорева, что при другихъ условіяхъ, въ другой странѣ, развѣ онъ не могъ бы быть вожакомъ какой-нибудь гарибальдійской банды, борющейся за возвышенный принципъ?—Иванъ Николаевичъ, сознаваясь, что Юхоревъ выдающийся человѣкъ и что онъ (разсказчикъ) любитъ его энергіей, замѣчаетъ: „Все-таки трудно сказать, что было бы, еслибы было... пока онъ только разбойникъ“.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ Иванъ Николаевичъ свое настроеніе до и послѣ прибытія товарищей: „Вообще я замѣчалъ нѣкоторую разницу между теперешнимъ настроеніемъ товарищей и тѣмъ, что когда-то переживалъ и испытывалъ самъ. Помню, я чувствовалъ себя въ первое время точно затравленнымъ звѣремъ... Новички, подобно мнѣ, въ первыя минуты имѣли подавленный и запуганный видъ; но это длилось не долго... въ настоящую минуту они держались такъ, какъ будто прожали въ Шелайскомъ рудникѣ цѣлые годы, были развязны, непринужденны, говорили свободно и громко не только съ арестантами, но и съ надзирателями, которые въ свою очередь, запуганные моимъ сдержаннымъ обращеніемъ, отвѣчали имъ охотно, съ видимою даже радостью. Точно чары какія-то мрачныя разсыпались, долго державшійся ледъ растаялъ и прорвался въ окружающей атмосферѣ... *Моя одичавшая, обледенѣлая душа оттаивала и расправляла свои крылья*“.

Читатель не винить за эти длинныя цитаты; онѣ представляютъ намъ значительными для уясненія впечатлѣнія, производимаго очерками г. Мельшина. Не въ томъ, разумѣется, дѣло, что настроеніе отличалось отъ настроенія его товарищей. Никто, вѣдь, не обязывался быть непрѣменно жизнерадостнымъ, при условіяхъ, наименѣе жизнерадостности располагающихъ. Точно также никто не обязанъ разсматривать міръ отверженныхъ съ точки зрѣнія Валерьяна. I

это такъ. Но тутъ сразу изъясняютъ свои неумолимые требованія законы художественнаго творчества. *Одичалая и обледѣнная* душа или неспособна къ воспріятію впечатлѣній отъ окружающаго ее міра, или воспринимаетъ эти впечатлѣнія не такъ, какъ они даются ей этимъ міромъ, отражаетъ ихъ, такъ сказать, въ искривленномъ и потому невѣрномъ видѣ. Для ученаго сказать: „ей-Богу, не знаю“—очень похвально; это доказываетъ и его объективность, и его безпристрастіе. Но не совсѣмъ такъ для художника. Онъ тоже, конечно, можетъ *не знать*; но если онъ художникъ, то недостатокъ знанія у него долженъ замѣняться *вѣрой или любовью* и вообще глубокой и страстной *заинтересованностью*. Эти вѣра, любовь и заинтересованность, конечно, могутъ, такъ сказать, двигаться въ различныхъ, часто противоположныхъ направленіяхъ. Не одинаковы онѣ были у Достоевскаго, г. Короленка, Максимова, Ядрищева и другихъ, изъ которыхъ многие были не художниками и даже не беллетристами, а просто наблюдателями. Но важно то, что онѣ были и что онѣ, какъ мы выразились, двигались и двигали какъ писателемъ, такъ и читателемъ. Не было холода, не было обледѣнной души; было, однимъ словомъ, страстное отношеніе,—какое, это все равно, но страстное—къ своему предмету. Не было, стало быть, чуждости. А у г. Мельшина, по его собственному признанію, имѣется эта чуждость предмету. Его обледѣнная душа была обледѣнѣлой во всѣ два года его наблюденій и оттаяла и расправилась свои крылья только въ родной, не чуждой и страстно интересующей его средѣ... И вотъ эта-то чуждость, несмотря на весь его гуманизмъ, несмотря на всю мягкость колорита, и не позволила ему быть страстнымъ, а стало-быть и художественно-правдивымъ бытописателемъ міра отверженныхъ, по крайней мѣрѣ во второй серіи его рассказовъ.

Чтобы не ограничиваться однимъ только впечатлѣніемъ и усиленнымъ уясненіемъ возможныхъ причинъ такого впечатлѣнія, приведемъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ ошибокъ противъ художественной правды, въ которыя можетъ впасть,—и, по нашему мнѣнію, неизбежно впадетъ,—художникъ, когда его обледѣнѣлою душой владѣетъ хладное: „не знаю“. Когда товарищи Ивана Николаевича въ первый разъ запѣли, онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Бодряція ноты молодого, звучнаго тенора огласили каменные стѣны, столько лѣтъ не слыхавшія ничего, кромѣ унылаго бряцанья кандаловъ, монотонныхъ постукиваній молотка, да тяжелыхъ вздоховъ измученныхъ, несчастныхъ людей“... Эффектная картинка—и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ бросающаяся въ глаза своею невѣрностью, своимъ несоотвѣтствіемъ съ правдой. Авторъ и самъ знаетъ, что русская каторга поетъ въ рудникахъ, какъ она поетъ всегда и вездѣ, гдѣ можно; что она создала массу своихъ пѣсень, острожныхъ, сибирскихъ, каторжныхъ, да кромѣ того усвоила и приспособила къ своей жизни, къ своему настроенію, массу пѣсень, и народныхъ и сочиненныхъ, что она порождаетъ великолѣпныхъ, хотя и своеобразныхъ, пѣвцовъ, которыхъ не только пѣнить, но которыми любитъ... Все это авторъ знаетъ и обо всемъ этомъ онъ и говорить дальше самъ. А вотъ тутъ, когда его обледѣнная для міра отверженныхъ душа расправила крылья въ средѣ истинно-близкихъ ему людей, онъ все это забылъ. Это, конечно, мелочь, просто досадный lapsus, но онъ характеренъ.

Къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ и болѣе важныя ошибки наблюденій и объясненія этихъ наблюденій. Интеллигенты рѣшаютъ покупать каторгъ мясо и табакъ, и бытописатель міра отверженныхъ съ нѣко-

торымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ на эгоистичность арестантовъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что при раздѣлѣ табаку берутъ свои доли и некурящіе. „Возможно,—замѣчаетъ онъ,—что нѣкоторыми руководило опасеніе своимъ отказомъ обидѣть меня съ товарищами“. „Чужой“ авторъ просто забываетъ тутъ, что тюрьма—это русская община съ ея почтеннымъ, но при реальныхъ жизненныхъ условіяхъ часто бывающимъ нелѣпнымъ, принципомъ равенія. Арестанты дѣлятъ табакъ на основаніи того же принципа, на основаніи котораго крестьяне дѣлятъ отпущаемый имъ въ ссуду хлѣбъ не между тѣми, кому онъ дѣйствительно нуженъ, а равняя его между всѣми. Авторъ и самъ замѣчаетъ даѣе, что послѣ, при ухудшеніи положенія, принципъ равенія былъ проведенъ дальше и табакъ дѣлили между нуждающимися... Вообще авторъ съ недоумѣніемъ видѣлъ то отношеніе арестантовъ, которое они проявили къ получаемой ими отъ „баръ“ (хотя бы и каторжныхъ) помощи... Крайне удивилъ меня,—разсказываетъ авторъ,—одинъ арестантъ, спросивъ меня послѣ нѣсколькихъ постыныхъ дней (т.-е. безъ улучшенія пищи): „Развѣ вся ужъ марка-то у васъ вышла... та марка, по которой *полагается вамъ* мясо и табакъ намъ покупать“... А ужъ, кажется, намъ-то, такъ долго бывшимъ чужими имъ, т.-е. не арестантамъ, а просто мужикамъ,—тутъ удивляться бы и нечему. Голодный годъ слишкомъ ясно эту чуждость доказалъ, и если въ ней мы не виноваты, то еще меньше виноваты мужики. И не такъ, не съ удивленіемъ, а съ болью въ душѣ—и въ словѣ, конечно—къ этому относиться приходится, если, конечно, мы сами-то не чужіе и не хотимъ быть чужими.

Иванъ Николаевичъ ведетъ шутовскую бесѣду о побѣгѣ съ однимъ изъ арестантовъ, Сохатымъ, извѣстнымъ своими смѣлыми побѣгами. Сохатый тоже шутовски замѣчаетъ ему, что онъ при побѣгѣ взялъ бы въ товарищи интеллигентовъ, потому у нихъ и деньги есть и одежду могли бы вольную изъ чихауза достать. На такія слова Сохатый выслушиваетъ слѣдующее *шутливое* замѣчаніе: „Вотъ чего вамъ отъ насъ надо. А потомъ возьмете съ насъ то, что вамъ нужно, да при случаѣ и пришьете (убьете), пожалуй“... Чтобы понять всю соль такой безпозднбной шутки, приведемъ свидѣтельство одного изъ недавнихъ посѣтителей каторги: „Убіеніе каторжаниномъ *товарища* каторга всегда и обязательно наказываетъ смертію. Товарищъ не всякій. Товарищъ на каторгѣ великое слово; въ словѣ товарищъ заключается договоръ на жизнь и на смерть. Товарища берутъ для бѣговъ. Товарищъ становится какъ бы роднымъ, самымъ близкимъ и дорогимъ существомъ въ мірѣ. Я знаю массу случаевъ, когда товарищъ къ товарищу, раненому во время бѣговъ, относился съ трогательною нѣжностью... *Убить товарища съ цѣлью грабежа во время бѣговъ величайшее преступленіе, какое только знаетъ каторга* (Сахалинъ—Дорошевича, Одесск. Лист.). Мы не рѣшились бы противопоставлять г. Мельшину свидѣтельство фельетониста, извѣстнаго своею несуразностью и печатающаго свои произведенія въ уличной газетѣ. Не рѣшились б, еслибъ утвержденія этого фельетониста не подтверждались цѣлою литературой наблюденій надъ каторгой, литературой, которую никакъ нельзя назвать маленькой или не заслуживающей вниманія; тогда какъ „шутка“ Ивана Николаевича является въ нѣкоторомъ родѣ единственною въ этой литературѣ.

Изъ четырехъ до сихъ поръ напечатанныхъ главъ второй серии очерковъ г. Мельшина наиболее любопытны двѣ: разсказъ Штейнъ

та и „украденный“ манифестъ. Въ особенности хорошо написана глава объ украденномъ манифестѣ. Пронесли въ арестантской массѣ слухи о большомъ манифестѣ—и для каторги настала минута пробужденія, пробужденія духовнаго, чисто-человѣческаго. „Не забывайте,—говорить своимъ товарищамъ-интеллигентамъ энтузіастъ Валерьянъ,—что душа преступная, а все же человѣческая. Вѣдь, подобная милость несомнѣнно вызвала бы въ людяхъ такой взрывъ энтузіазма, такой высокой подъемъ духа, что, быть можетъ, эти люди могли бы переродиться нравственно. Надо только не упустить момента; надо позаботиться посѣять доброе сѣмя въ этой размягченной почвѣ. Подобнымъ сѣменемъ могло бы явиться, прежде всего, довѣріе къ несчастному, отверженному человѣку“... И, дѣйствительно, при чтеніи этого „большого“ манифеста, оказавшагося впоследствии „украденнымъ“, по мнѣнію каторги, почва размягчилась. Благоговѣйная тишина... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, шумно перекрестились широкимъ крестомъ... Было ли это искреннее умиленіе, серьезная готовность возродиться?... Еслибъ муха въ это время пролетѣла, то, вѣроятно, и этотъ шелестъ былъ бы услышанъ... У всѣхъ точно тяжелый камень свалился съ плечъ. Кобылка глубоко завздыхала, закрестилась, радостно заколыхалась. Видимо, бравый капитанъ самъ искренно ликовалъ, багрово-красное лицо съ длинными желтыми усами казалось не грознымъ, а сіяло умиленіемъ... Дьяконъ, зараженный общимъ энтузіазмомъ, просто надрывался... когда могучій бась его загремѣлъ: „многая лѣта“ плѣннымъ, заключеннымъ, то арестантскій хоръ рывкнулъ въ отвѣтъ ему такъ искренно, такъ громоподобно, что, вѣроятно, на самыхъ дальнихъ сопкахъ было слышно его... Это, какъ говорится у поэта, „улыбнулась добрая крестьянская душа“. Конечно, не одна только крестьянская душа, а просто русская душа, всегда такъ склонная къ умиленію и къ энтузіазму. Придавать какое-либо значеніе улыбкѣ доброй души при реальныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности было бы, разумѣется, непростительной дѣтской наивностью. Но портить это умиленное настроеніе, не сумѣть съ благоговѣйной скромностью отвернуться отъ него, чтобы не смущать умиленныхъ, можетъ только или жесткій, или чужой человѣкъ. Мы не повѣрили бы, чтобы кто-нибудь могъ рѣшиться смутить такое настроеніе, прогнать улыбку доброй крестьянской души, еслибъ не прочли, какъ Иванъ Николаевичъ въ ту минуту, когда волна настроенія поднималась все выше и заливала своими радостными струями изоблѣвшую душу каторги, занимался... подшучиваемъ надъ совершенными этой каторгой преступленіями (130 стр). Тяжелая это сцена. Пусть она мимо пройдетъ. Но чужой, чужой человѣкъ этотъ гуманистъ Иванъ Николаевичъ.

Не чужой онъ въ рассказѣ Штейнгарта, тутъ онъ близкій и родной. И однако тутъ если не сказалась чуждость, то сказалось то отсутствие силы и энергіи темперамента, на которыя мы указывали выше. Дѣло въ томъ, что въ рассказѣ Штейнгарта имѣются всѣ элементы высшаго трагизма. Штейнгартъ — еврей, невѣста его — православная. Уже однимъ этимъ все сказано; легко понять, что должны переживать люди при такомъ условіи и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся Штейнгартъ и его невѣста. Для того, чтобы изобразить душевную ихъ трагедію, нужно „музу мести и печали“. Да и того, пожалуй, мало,—нужно, чтобы слова горѣли и жгли бумагу. Только тогда они испепелятъ сердца читателей. А отъ рассказа г. Мельшина вѣтъ, какъ это ни странно, какимъ-то холодомъ; его изображеніе не то про-

токольно, не то слащаво. И не въ томъ дѣло, чтобы та сцена, когда Елена цѣлуетъ бритую голову и колѣнопреклоненная прикладывается къ кандаламъ своего жениха, находилась въ яркомъ противорѣчїи съ трезвенностью, доходящей до цѣломудрїя, съ отсутствїемъ паэсса, вообще свойственными нашей интеллигенціи. Нѣтъ, конечно, не въ томъ дѣло. Некрасовъ могъ рискнуть на такую сцену. Дѣло въ томъ, что тутъ слова иныя нужны, и именно такія, чтобы бумага отъ нихъ горѣла, чтобы сердце самаго холоднаго человѣка залило горячей кровью, чтобы глаза, потухавшіе уже отъ жизненныхъ бурь и невзгодъ, загорѣлись яркимъ пламенемъ любви... А если нѣтъ... Ну, тогда лучше отвернуться отъ этой картины... и молча страдать или молча негодовать. Это уже какъ кому угодно будетъ... Несомнѣнно одно, что вѣдь, не „жгущее“ сердца людей слово тутъ не годится. Потому-то рассказъ Штейнгарта и представляется такимъ неудачнымъ и оставляетъ читателя такимъ холоднымъ, что у автора, въ высшей степени на сей разъ заинтересованнаго своимъ предметомъ (помните, что для Штейнгарта оттаяла его обледенѣлая душа), нѣтъ такихъ жгучихъ сердца словъ, нѣтъ надлежащихъ красокъ для изображенія трагедїи, нѣтъ силы художественнаго темперамента, необходимой для изображенія истинно-трагическаго.

Всѣ эти замѣчанія мы рѣшились сдѣлать, чтобы на такомъ яркомъ, какъ всѣ рассказы г. Мельшина, примѣрѣ показать, насколько для художника важно умѣнье выбирать при изображеніи предмета позицію наиболѣе соотвѣтствующую его силамъ и особенностямъ его таланта. Они, т.-е. замѣчанія-то эти, отнюдь не направлены на то, чтобы отрицать достоинства и въ особенности интересъ самыхъ очерковъ. Напротивъ, мы также, какъ и читатели, сильно заинтересованы ими, и еще ждемъ отъ нихъ многого.

Изображаемый г. Мельшинымъ міръ отверженныхъ—это міръ протухшихъ русскихъ людей, невѣжественныхъ, некультурныхъ, заморенныхъ и загнанныхъ. Все въ немъ до принципа равенія при дѣлежкѣ табаку знакомое и родное намъ. Это—печальная и запущенная нива, требующая глубокой вспашки плугомъ широкаго, общечеловѣческаго образованія. И если мы вмѣстѣ съ г. Мельшинымъ „не знаемъ, что было бы, еслибъ было“, то все же мы имѣемъ достаточно основаній для того, чтобы считать этотъ міръ роднымъ намъ, чтобы вѣрить, что при глубокой вспашкѣ этой нивы Чирки перестанутъ дѣйствовать удавочкой, а Юхоревы если и не превратятся изъ разбойниковъ въ вождей гарибальдїйскихъ бандъ, то все же ихъ энергія найдетъ для себя надлежащее и полезное примѣненіе въ общественной дѣятельности. У людей этого міра душа преступная, но она истинно человѣческая, и это доказываетъ намъ между прочимъ и самъ г. Мельшинъ въ первой серїи своихъ очерковъ. Совсѣмъ иное дѣло другіе отверженные, тѣ „экзотики“, которыхъ изображаетъ г. Сальясъ въ своемъ большомъ романѣ. Это люди, у которыхъ нѣтъ ни долга, ни религіи, ни родины. Экзотиковъ и космополитовъ изображали Бурже и Сенкевичъ. Сравнить съ ихъ произведеніями романъ г. Сальяса было бы неразумно, совершенно неумѣстнымъ. Г. Сальясъ не Бурже и тѣмъ менѣе Сенкевичъ, онъ просто ловкій и умѣлый беллетристъ, произведенія котораго читаются съ интересомъ и могутъ иногда производить известную сенсацію. Говорить о его произведеніяхъ, какъ о художественныхъ, не приходится. Но въ данномъ случаѣ заслуга г. Сальяса

та, что этотъ міръ отверженныхъ онъ рисуетъ безъ поэтическихъ прикрасъ, не набрасывая на него флера изящества, яко бы глубины духовныхъ запросовъ, отличающей современнаго мятущагося человѣка, какъ продуктъ сложной и дошедшей до какого-то кризиса европейской цивилизаціи,—однимъ словомъ, безъ всѣхъ тѣхъ ужимокъ и манерностей, въ которыхъ повиненъ Бурже и не совсѣмъ безъ вины Сенневичъ. У г. Сальяса этотъ міръ отверженныхъ или экзотиковъ является передъ читателемъ въ совершенно оголенномъ видѣ, безъ тысячи прикрывающихъ его ризокъ. Это міръ грубыхъ вождѣвнй, животного эгонизма, скучнаго, потому что совершенно первобытнаго, неутонченнаго распутства, почти идиотической глупости и самаго первобытнаго невѣжества, прикрываемаго милліонами, принадлежащими самцамъ, и изящными нарядами, надѣтыми на самокъ. Сами по себѣ, абстрагируемые отъ того общества, продуктами коего они являются, такіе „экзотики“ настолько же могутъ быть предметомъ художественнаго изображенія, какъ какіе-нибудь антропиды. Это просто продукты дегенераціи, безъ человѣческихъ мыслей, безъ человѣческихъ чувствованій, даже безъ человѣческихъ инстинктовъ... Мы не знаемъ, могутъ ли вообще существовать такіе люди—слишкомъ ужъ первобытными изобразила ихъ грубая кисть бойкаго беллетриста... Можетъ быть о произведеніи г. Сальяса и говорить бы не стоило, еслибы ему не пришла счастливая идея бросить въ этотъ міръ получеловѣковъ, состоящихъ изъ проходимцевъ и бандитовъ всѣхъ націй, кучку русскихъ экзотиковъ, отличающихся, при всей ихъ пакостности, тѣми же свойствами, какими отличаются и всѣ русскіе люди барскаго типа, не экзотики: расплывчатостью, безшабашемъ и кисельностью натуры. Всѣ эти графы Загурскіе, Дубовскіе, идиоты Черниговскіе, вольныя бабенки графини Нордъ - Оотъ, баронесы Вергеймъ, „щепочки“ Кисъ-Кисъ и Эми — вся эта милая коллекція такіе же въ сущности прохвосты, какъ и ихъ иностранные собратья; но что-то отличаетъ, однако, ихъ отъ послѣднихъ. И отличаетъ ихъ то, что русскіе экзотики всегда являются жертвами европейскихъ, эксплуатируются и вмѣстѣ съ тѣмъ презираются ими. И это понятно. И европейскіе экзотики, и русскіе суть продукты разложенія культуры, но культуры разной. Первые — продукты разложенія буржуазной культуры, а вторые — культуры старорусской барской. Даже и тутъ, въ этомъ мірѣ разложенія, въ мірѣ экзотиковъ, высшая культура проглатываетъ низшую, убиваетъ ее. Какой нибудь французскій виконтъ, не брезгующій обществомъ экзотиковъ, однако, брезгуетъ быть секундантомъ графа Загурскаго, чуть ли не Гедиминовича... „Стану я,—говоритъ онъ,—компрометировать себя, защищая ихъ яко бы поруганную честь. Довольно и того, что я позволяю имъ у себя пить, ѣсть и танцовать... Изъ всѣхъ честныхъ дѣлъ у вашего брата только дѣла чести и остались“.

Шатушихъ русскихъ баръ за рубежомъ изображали и Тургеневъ, и г. Боборыкинъ, и нашъ незабвенный сатирикъ. Но тѣ бары были просто чухломскіе утробистые, перевалившіе за рубежъ со всѣмъ своимъ чухломскимъ нутромъ и обрадовавшіеся возможности распустить себя во всю. Они каждую минуту помнили, что они чухломпы, что у нихъ въ Чухломѣ остались свои, родные имъ, даже о чухломскихъ мужикахъ они никогда забыть не могли. Корни у нихъ вырваны не были. Совсѣмъ иное дѣло экзотики г. Сальяса. Они представляютъ уже окончательную стадію разложенія, конецъ барской культуры, какъ тотъ предводитель, который въ метръ - д'отеля въ заграничномъ ресторанѣ пре-

вратился. У русских экзотиковъ, по словамъ Правдолюба романа, доктора Рудоколова, ничего своего нѣтъ; нѣтъ своего крова, своихъ мыслей и желаній, своего дѣла, своей вѣры въ отечество и людей своей религiи—ничего, ничего... „Случится, — говоритъ онъ „щепочкѣ“ Эми, — въ кафе на Итальянскомъ бульварѣ бросили бомбу анархисты, — вы охаете и волнуетесь. А случись самая отчаянная бѣда въ Россiи, — вы узнаете это черезъ три дня на балѣ и передаете, спокойно прибавляя: *figurez vous, on pretend que Moscou...* Ну, провалилась, что ли сквозь землю. И вамъ на это наплевать“.

Экзотики заражены, — какъ говоритъ авторъ о самомъ докторѣ Рудоколовѣ. — Да, они заражены. Но чѣмъ? Не духомъ разлагающейся европейской буржуазной цивилизаціи, какъ, повидимому, полагаетъ самъ авторъ. Они сами заразные люди, какъ говоритъ о себѣ одинъ изъ босяковъ г. Горькаго, — отъ нихъ самихъ вредный духъ идетъ. Заражены они духомъ разложенія своей собственной культуры, барско-бюрократической. И эту заразу они несутъ въ зараженный мiръ европейскихъ экзотиковъ, гдѣ, какъ продукты разложенія низшаго организма, играютъ подчиненную и жалкую роль жертвъ, дохода или до идиотизма, кнѣзь князь Черниговской, или до альфонсизма, какъ графъ Загурскій, или до банкротства кармана и души, какъ церемоніймейстеръ Дубовскій. Дубовскій — еще не экзотикъ, но онъ уже зараженъ. А онъ честный будто бы человѣкъ, членъ петербургскаго высшаго общества, съ большой родней и большими связями. Чтобы понять, какимъ образомъ такіе люди, какъ Дубовскій, такъ легко могутъ очутиться въ средѣ экзотиковъ, достаточно привести тѣ данныя его биографіи, которые сообщаетъ намъ авторъ.

Лѣтъ десять назадъ онъ достигъ было мѣста губернатора, но былъ уволенъ за излишнее усердіе, — вмѣсто разыскиваемаго политическаго преступника произвелъ обыскъ въ... институтъ благородныхъ дѣвицъ. А между тѣмъ Дубовскій, — прибавляетъ авторъ, — былъ не глупый человѣкъ. Но онъ былъ изъ породы тѣхъ людей, которые не должны быть самостоятельны, должны зависѣть, быть исполнителями воли другихъ. Имъ нуженъ прямой начальникъ и по службѣ, и по существованію... Какъ только Дубовскій и ему подобные начинаютъ дѣйствовать самостоятельно, они вертятся какъ флюгера или упорно идутъ прямо къ голому, нелѣпому или опасному. Такому продукту барско-бюрократической культуры не трудно доверѣться и до экзотизма.

Надъ всѣмъ этимъ міромъ отверженныхъ возвышается отверженный изъ отверженныхъ, продуктъ самой послѣдней формаціи, фигура внушительная, какъ указатель послѣдней стадіи разложенія стараго міра, типъ, еще не бывалый въ нашей литературѣ, — это нѣкто Гастингсъ Машоновъ, статскій совѣтникъ, котораго одни называютъ просто: „чортъ его душу знаетъ“, а другіе — *omnipotentia*. И дѣйствительно, онъ и „чортъ его душу знаетъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ *omnipotentia*. Онъ можетъ все во многихъ и многихъ дѣлахъ. Этотъ человѣкъ можетъ замѣнить цѣлую массу сношеній и связей. „Лучше знать его одного, чѣмъ знать въ какой-нибудь столицѣ двадцать высокопоставленныхъ дей“, — такъ характеризуетъ его авторъ. Этотъ господинъ кружить всей Европѣ и ему случалось иногда застрять въ какомъ-нибудь момѣ нелюбопытномъ мѣстѣ и прожить весь сезонъ. Въ числѣ дру. Гастингса Машонова первую роль играли посольства всѣхъ странъ У него было серьезное дѣло, ему порученное, которое онъ исполн. усердно; и оно давало ему довольно большія средства къ жизни. Р:

путаться, понять что-либо и опредѣлить Машонова не было никакой возможности. У него были постоянныя сношенія съ довольно значительными личностями политическаго міра и письма отъ очень высокопоставленныхъ лицъ четырехъ или пяти главнѣйшихъ государствъ. Разговариваетъ онъ по телефону не только чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, но и на какомъ-то нарѣчій, которое извѣстно кромѣ него двумъ или тремъ лицамъ, и, наконецъ, Дубовскій находитъ на его столѣ гербовую официальную бумагу—донесеніе очень высокопоставленному лицу съ подписью крупнаго политическаго дѣятеля. Стоить эта бумажка Машонову пять тысячъ, а въ Берлинѣ цѣна ей двадцать, да еще съ прибавкой почетной награды. Однимъ словомъ, Гастингсъ-Машоновъ политическій шуллеръ высшаго калибра и оберъ-шпіонъ.

Трудно понять, повидимому, какимъ образомъ въ среду экзотиковъ попалъ догторъ Рудокоповъ, сынъ мужика и подлинный разночинецъ, какъ и чѣмъ онъ заразился. Несомнѣнно одно, что не лучшія стороны европейской цивилизаціи заразили его, не блескъ умственной, научной и общественной жизни міроваго города привлекъ его и удерживаетъ въ средѣ экзотиковъ. Какъ прошла его жизнь,—говоритъ авторъ,— есть явленіе почти исключительно русское, отчасти новое, невѣдомое на Западѣ. Это нѣчто вродѣ чернорабочаго съ юношескихъ лѣтъ до зрѣлости. Никакая фабричная работа не можетъ сравниться съ этой своего рода страдой. Путь, который прошелъ Рудокоповъ, Данте не зналъ, иначе включилъ бы его въ свою „Божественную комедію“. На этомъ пути восемьдесятъ процентовъ не достигаютъ цѣли, десять прогибаютъ достигнутую цѣль, десять процентовъ достигаютъ и пожинаютъ дорогіе плоды, про которые можно сказать, что они достались себѣ дороже и что врядъ ли этотъ свѣтъ стоитъ игры, истомившей и истерзавшей душу и тѣло. Жизнь Рудокоповыхъ—отчаянная борьба не за кусокъ хлѣба, а за книгу... Въ немъ ярко сказывался мужикъ асностью и свѣжестью мысли, и рѣзкостью движеній и теплотой сердечныхъ всплескъ—и, однако, онъ былъ уже человѣкъ зараженный, онъ уже пропитался чѣмъ-то, слоняясь по Европѣ. Онъ все собирался ѣхать въ Россію, но продолжалъ оставаться кочевникомъ и экзотикомъ.

Г. Салгасъ рѣшительно не даетъ ключа для отгадки того, въ чемъ же, наконецъ, состоитъ эта зараза, захватывающая даже мужика и разночинца Рудокопова. И понятно, что онъ не можетъ дать этого ключа, потому что ищеть-то его онъ не тамъ, гдѣ этотъ ключъ находится,—не въ условіяхъ русской дѣйствительности и не въ данныхъ нашей старой барско-бюрократической культуры, создающей общую кисельность и воспримчивость ко всякимъ чуждымъ вліяніямъ, склонность, нѣтъ даже не склонность, а единственную возможность для благополучныхъ россіянъ жить по указкѣ, а во вліяніи европейской культуры и европейской жизни. Это значитъ, собственно говоря, валить съ больной головы на здоровую. Тамъ, въ Европѣ, правда, извѣстные общественные классы разлагаются; но европейское общество, какъ цѣлое, справится съ продуктами разложенія и безъ нашей помощи; а вотъ мы-то справимся ли сами, безъ помощи европейскихъ идей, съ нашими продуктами разложенія,—это еще бабушка на двое сказала. Разночинецъ, вступивъ на арену общественной дѣятельности лѣтъ этакъ съ тридцать или сорокъ тому назадъ, совершилъ за это время много; онъ, собственно говоря, создалъ ту новую Россію, которую мы знаемъ. Но нельзя забывать и того, что онъ вышелъ на вы-

шеупомянутую арену почти невооруженнымъ или, лучше сказать, съ единственнымъ оружіемъ: съ книгой, съ европейскою мыслью, да еще съ накопившимися въ теченіе многихъ поколѣній любовью и ненавистью. Что и говорить—оружіе это достаточно внушительное и благодаря ему разночинецъ и могъ совершить то, что онъ совершилъ. Но не мало-вато ли такого оружія въ той экономической и культурной борьбѣ, которую пришлось и приходится выносить разночинцу? Орудій экономическихъ и социальныхъ интересовъ у разночинца не было и нѣтъ; онъ окруженъ средой уже готовой культуры, барско-бюрократической и въ особенности бюрократической. Культурная роль разночинца громадная; своей книгой, своей идеей онъ не только извѣстное дѣло дѣлаетъ, извѣстную психологическую атмосферу создаетъ, но онъ, какъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй, можетъ и, вѣроятно, долженъ вводить въ эту атмосферу и новые, появляющіеся и вмѣющіе появиться, общественные классы, такъ сказать—заражать ихъ своими настроеніями. Но такова только культурная роль разночинца. Иное приходится сказать о роли экономической и социальной. Въ этихъ сферахъ у разночинца своего ничего нѣтъ, потому что нѣтъ какихъ-либо особыхъ интересовъ, кромѣ общечеловѣческихъ, и потому въ этихъ сферахъ его роль служебная. Онъ непремѣнно кому-нибудь и чему-нибудь долженъ служить. До сихъ поръ онъ служилъ и служитъ преимущественно народу и главнымъ образомъ—мужику, рабочему. Но въ его социальномъ положеніи и въ его, такъ сказать, социальномъ происхожденіи, въ его генезисѣ, нѣтъ никакихъ препятствій и для того, чтобъ онъ не служилъ и капитализму, наприм., и въ особенности бюрократическому укладу жизни. Если, конечно, книга, идея не помѣшаетъ ему въ этомъ. Но въ психологія общественныхъ слоевъ книга и идея—силы бесспорно важныя, но далеко не единственныя. Тѣмъ болѣе, что тутъ всегда возможны ошибки. Легко представить себѣ, что разночинецъ можетъ заблуждаться относительно вопроса, поскольку та или иная изъ реально-дѣйствующихъ, активныхъ общественныхъ силъ,—ну, хоть бюрократія или капитализмъ,—содѣйствуетъ, или, наоборотъ, находится въ непреодолимомъ противорѣчій съ тѣми единственными интересами, которые разночинецъ можетъ назвать своими,—съ интересами общечеловѣческими. Такихъ ошибокъ наша новая исторія можетъ представить не мало. А потомъ существующее уже всегда обладаетъ способностью втягивать въ себя вновь появляющееся, нарождающееся. Потому-то не удивительно, что Рудкоповы иной разъ вмѣсто того, чтобы служить,—а не служить они, повторяемъ, пока не могутъ,—народу, служатъ иной разъ даже экзотикамъ. Только появленіе новыхъ общественныхъ слоевъ, интеллигенціи народной, можетъ устранить всѣ подобныя явленія и вернуть разночинца къ его истинной миссіи.

Собственно говоря, русское не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня вертится въ этомъ заколдованномъ кругу втягиванія лучшихъ и новыхъ силъ порами старой барско-бюрократической культуры. Самому выходу изъ такого заколдованнаго круга до значительной степени препятствуютъ та легкость, съ которой „лучшіе люди“ втискиваются въ рамки этой культуры. Мы рекомендуемъ читателю именно такой точки зрѣнія взглянуть на очень любопытную статью: „Тобоская губернія въ пятидесятыхъ годахъ. Матеріалы для біографіи Цимовича“. Личность Арцимовича, вѣроятно, знакома нашимъ читателямъ, и распространяться о ней мы не станемъ. Припомнимъ только что даже Герценъ писалъ, что Россія можетъ показать Европѣ двѣ

губернаторовъ, Арцимовича и Грота. Что такое представляла до недавняго времени, да и теперь отчасти представляетъ, Сибирь, эта безсудная и безправная страна, это читателю тоже извѣстно. В. М. Жемчужниковъ, родственникъ и чиновникъ Арцимовича, писалъ отцу: „Россія вообще, а Сибирь въ особенности, на каждомъ шагѣ шевелятъ умъ и сердце, вызываютъ къ дѣятельности, рождаютъ мысли, предположенія, желанія,—словомъ, не даютъ покоя; всюду хотѣлось бы поспѣть, все бы сдѣлать; короче, Россія, богатая добрыми свойствами и народа, и природы, есть такой изобильный рудникъ, на разработку котораго можно съ удовольствіемъ посвятить всѣ силы и нѣсколько жизней. Богатство добрыхъ началъ ея такъ велико, что оно увлекаетъ всякаго мыслящаго въ любовь къ ней и въ такую дѣятельность, для которой нѣтъ ни границъ, ни удовлетворенія“... Именно такое настроеніе владѣло и Арцимовичемъ, и владѣло имъ не годъ и не два, а въ теченіе всей его,—не рѣшимся сказать: общественной, а служебной,—дѣятельности, какъ извѣстно, очень продолжительной и очень плодотворной. И какое же, однако, средство онъ считалъ единственнымъ для борьбы со зломъ всякаго рода, со всѣхъ сторонъ обступавшимъ его въ Тобольскѣ пятидесятихъ годовъ? Усиленіе губернаторской власти и меньшую зависимость отъ генераль-губернатора. Сенаторъ Жемчужниковъ (отецъ вышеупомянутаго) по этому поводу писалъ Арцимовичу: „напрасно было бы мечтать, что въ другихъ губерніяхъ менѣе злоупотребленій, чѣмъ въ Сибири“. Приводя нѣсколько фактовъ, онъ продолжаетъ: „изъ этого ты можешь судить, какъ должно быть сильно злоупотребленіе въ великороссійскихъ губерніяхъ, хотя здѣсь начальники губерній и не связаны дѣйствіями генераль-губернаторовъ“... И средствомъ для исправленія зла сенаторъ считаетъ сенаторскія ревизіи. Вотъ оно что рамки-то уклада значать, и какъ онѣ связываютъ мышленіе даже лучшихъ и самыхъ благонамѣренныхъ людей.

Хроникеръ *Русскаго Богатства* посвящаетъ свою хронику вопросу о взысканіи податей. „Вотъ уже десятки лѣтъ,—замѣчаетъ онъ,—въ Петербургѣ не переводятся коммиссіи, озабоченныя вопросомъ, какъ обложить народу падающую на него податною тягостью, и въ подлежащихъ департаментахъ идетъ непрерывная работа“... а „по селамъ и деревнямъ уже стучить въ оконницы избъ батожекъ сборщика податей“... Спрашивается, много легче будетъ населенію,—продолжаетъ хроникеръ,—когда взысканіе недоимокъ останется по-прежнему въ рукахъ полиціи, а взысканіе оклада перейдетъ въ вѣдѣніе земскаго начальника? Приводя дальше циркуляръ вятскаго губернатора о томъ, что „земскіе начальники мало обращаютъ вниманія на запущеніе крестьянскихъ платежей“, хроникеръ замѣчаетъ: при такихъ условіяхъ предстательство земскихъ начальниковъ за населеніе врядъ ли можетъ имѣть особую силу. Сомнительно, чтобы болѣе удачнымъ оказалось и поставленіе податныхъ инспекторовъ во главу угла по взиманію податей... Такова критика. А вотъ вамъ и положительная часть хроники: „безъ сомнѣнія, наиболѣе удачно могло бы выполнить эту функцію то учрежденіе, которое, и т. д., т.-е. земство“.

Хроникеръ *Сѣвернаго Вѣстника* по тому же податному вопросу довольно основательно замѣчаетъ слѣдующее: прежде всего, необходимо помнить, что въ нашемъ бюджетѣ прямыя сборы сведены къ послѣднему минимуму и замѣнены косвенными налогами... Что же касается оставшихся прямыхъ сборовъ, то они взыскиваются на такихъ льготныхъ условіяхъ, о которыхъ раньше и мечтать трудно

было. Однако, несмотря на всё эти облегченія, дѣла не поправляются. Населеніе тащить на рынокъ все большую и большую массу необходимыхъ ему средствъ пропитанія, а недоимки по примымъ сборамъ все-таки не уменьшаются. Очевидно, какимъ-либо облегченіемъ мѣръ взимскія податей дѣлу помочь трудно. Населеніе давать не прямые сборы, а весь колоссальный ростъ нашего государственнаго бюджета, изъ котораго на пользу главныхъ плательщиковъ едва ли выдѣляются даже самыя скромныя дозы. Развивая далѣе это положеніе о колоссальномъ ростѣ бюджета, хроникеръ замѣчаетъ, между прочимъ: „всѣ надежды на средства для техническаго образованія, повидимому, возлагаются на частную благотворительность. Было бы интересно знать, куда же казна должна помѣщать свои средства, если и высшія техническія училища должны строиться на счетъ благотворительности? Развитие техническаго образованія можно бы было ставить въ зависимость отъ благотворительности въ томъ случаѣ, еслибы казна ссылалась на то, что она должна идти прежде всего навстрѣчу нуждамъ просвѣщенія деревенскаго населенія. Но вѣдь казна эти нужды русскаго народа не считаетъ для себя дѣломъ первостепенной важности“. Эти соображенія ни привели не для того, чтобы вдаваться въ обсужденіе ихъ по существу, а только для указанія на разницу между литературой, заботящейся о соответствіи своихъ пожеланій и проектовъ съ той или другою входящей или исходящей бумагой, и литературой, этимъ со-всѣмъ не занятой. И думается намъ, что настоящая-то литература вторая, а не первая. Мы не устанемъ повторять, что у литературы имѣется своя, отдѣльная отъ всякихъ департаментовъ, миссія и своя аудиторія, независимая отъ бумагъ всяческихъ комиссій и департаментской работы.

Г. Дружининъ въ своей интересной статьѣ: „Основные вопросы крестьянскаго самоуправленія“ (яко бы самоуправленія, слѣдовало бы сказать),—послѣ детальнаго изложенія отзывомъ губернскихъ совѣщаній по этому вопросу даетъ такое заключеніе: реформа существенно необходима. Она должна совершиться не въ томъ направленіи, въ какомъ проектируется,—не въ направленіи усиленія вліянія администраціи, сокращенія самостоятельности сходовъ, превращенія сельскихъ сходовъ въ сходы выборныхъ. Крестьянское самоуправленіе должно быть сдѣлано самостоятельнымъ и самостоятельность его должна быть обезпечена надлежащими органическими мѣрами: поднятіемъ уровня самоуправляющагося населенія путемъ внесенія въ его составъ лицъ всѣхъ сословій, устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія и точнымъ опредѣленіемъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями и съ полнымъ примѣненіемъ законности... Упомянувъ о „чиновничьемъ и дворянскомъ составѣ“ комиссій и совѣщаній, г. Дружининъ рекомендуетъ: призвать къ обсужденію и составленію проекта крестьянской реформы общественныя силы, непристрастный, истинно доброжелательный къ народу общественный элементъ. Однимъ и способомъ обращенія къ общественному элементу,—заключаетъ онъ, должна быть передача проектовъ преобразованій на обсужденіе сельскихъ и волостныхъ сходовъ. При этомъ желательно, чтобы къ участи въ сходахъ, созданныхъ для этой цѣли, были допущены лица всѣхъ сословій. Не имѣя возможности на этихъ страницахъ обсуждать планъ преобразованія крестьянскихъ учреждений, не можемъ, однако, не сдать двухъ-трехъ замѣчаній. Прежде всего, опредѣленіе юридическа

положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями уже само по себѣ исключаетъ возможность специально-крестьянскаго самоуправления, тѣмъ болѣе, если въ составъ самоуправляющагося населенія войдутъ лица всѣхъ сословій. Тогда самоуправленіе (за исключениемъ, конечно, деревенскаго, земельного и хозяйственнаго) будетъ уже не крестьянскимъ, а безусловнымъ самоуправленіемъ населенія той или иной части территоріи, наприм. волости, — что, конечно, и желательно. Далѣе: обращеніе къ общественнымъ силамъ, истинно-доброжелательнымъ къ крестьянству, наврядъ ли осуществимо, просто потому, что этотъ элементъ неуловимъ, органовъ своихъ онъ нигдѣ, кромѣ одной литературы, не имѣетъ и спрашивать его, пожалуй, что и невозможно. Обсужденіе проекта крестьянскаго положенія сельскими и волостными сходами, если участіе на нихъ лицъ всѣхъ сословій будетъ признано только желательнымъ, а не необходимымъ и обязательнымъ условіемъ законности самихъ сходовъ, для сей цѣли собранныхъ, наврядъ ли приведетъ къ какимъ-либо результатамъ, а тѣмъ болѣе къ желательнымъ. Совсѣмъ иное дѣло, еслибъ отъ вопроса о пересмотрѣ крестьянскаго положенія былъ отдѣленъ и поставленъ на первую очередь вопросъ объ образованіи мелкой земской единицы или безусловной волости. Такая мелкая земская единица, помимо другихъ цѣлей и функцій, потомъ сослужила бы добрую службу и при обсужденіи общаго положенія о крестьянахъ. Думается намъ, впрочемъ, что г. Дружининъ своими предложеніями именно имѣлъ въ виду образованіе такой безусловной волости и только не выполнивъ опредѣленно формулировалъ свою мысль.

Вопросъ о земской мелкой единицѣ, иначе говоря о безусловной волости—есть вопросъ, по нашему мнѣнію, окончательно назрѣвшій въ общественномъ сознаніи и могущій даже служить объединяющимъ лозунгомъ для тѣхъ благорасположенныхъ къ крестьянству общественныхъ элементовъ, о которыхъ говоритъ г. Дружининъ. И это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что къ какому бы изъ главнѣйшихъ вопросовъ крестьянской жизни мы ни обращались — будетъ ли это вопросъ о судѣ, близкомъ къ населенію, о хозяйственномъ распоряженіи крестьянствомъ своими средствами, собираемыми на разныя нужды, о мѣстной полиціи, о мѣстной администраціи, о призрѣніи бѣдныхъ, о народной медицинѣ, о народныхъ школахъ, о мѣстныхъ путяхъ сообщенія и, наконецъ, объ истинномъ представительствѣ крестьянства и общества въ органахъ мѣстнаго, губернскаго и уѣзднаго, самоуправления, — однимъ словомъ, къ любому вопросу нашей деревни, — мы, волей-неволей, приводимся къ идеѣ о безусловной волости. Сама жизнь, сама наша русская дѣйствительность, съ ея безусловнымъ укладомъ, съ умственнымъ и нравственнымъ преобладаніемъ въ ней идей и идейныхъ запросовъ разночинца, требуетъ этого. Противиться требованіямъ жизни, конечно, можно; но, во-первыхъ, не особенно продолжительное время, а во-вторыхъ, наврядъ ли это и благоразумно и политично. Въ этой схемѣ, — потому что проектъ безусловной волости пока можетъ быть названъ только схемой, — сливаются интересы двухъ наиболѣе крупныхъ общественныхъ силъ — крестьянства и разночинства или, если угодно такъ называть его, интеллигенціи.

Хроникеръ *Вѣстника Европы*, обсуждая на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ губернскими совѣщаніями, вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ въ деревнѣ, подходит тоже къ вопросу о безусловной или всесословной, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, волости. Указавъ,

между прочимъ, на то, что, наприм., въ Смоленской губерніи 5,500 чело-
вѣкъ нуждаются въ призрѣніи и имѣютъ на него право по закону,
а на самомъ дѣлѣ призрѣвались только двѣ тысячи, и изъ нихъ только
10% общаго числа нуждающихся призрѣвались крестьянами, а три съ
половиной тысячи существуютъ исключительно нищенствомъ, хроник-
еръ замѣчаетъ, что большинствомъ совѣщаній, допускающихъ необ-
ходимость серьезнаго преобразования въ этой сферѣ деревенской жизни,
замѣтна сельскаго общества другою, болѣе крупною единицей разсмат-
ривается какъ *conditio sine qua* по рациональной организаціи обще-
ственного призрѣнія. Разумѣется, при извѣстномъ бюрократически-со-
словномъ составѣ совѣщаній было бы трудно ожидать, чтобъ они
временникомъ сельскаго общества въ дѣлѣ призрѣнія признавали все-
сословную волость. Одни изъ нихъ ограничиваются предложеніемъ за-
мѣнить сельское общество волостью; другіе высказываются за учреж-
деніе особыхъ волостныхъ попечительствъ или попечительныхъ совѣ-
товъ; нѣкоторые совѣщанія допускаютъ въ составъ такихъ попочи-
тельствъ и лицъ иныхъ, кромѣ крестьянскаго, сословій: наконецъ; три
совѣщанія—херсонское, орловское и смоленское—стоятъ особнякомъ:
первое возлагаетъ всѣ обязанности по призрѣнію на уѣздныя земства,
второе находитъ, что благотворительныя учрежденія должны быть от-
несены или къ частной инициативѣ, или на счетъ государства, и, на-
конецъ, третье, смоленское, считаетъ общественное призрѣніе дѣломъ
безусловно общегосударственнымъ. Какъ ни скудны фактическія дан-
ныя, сообщаемыя совѣщаніями, какъ ни различны ихъ взгляды на по-
ложеніе сельскаго призрѣнія, общіе выводы вытекаютъ сами собой,—за-
мѣчаетъ хроникеръ. Явно цѣлесообразнымъ представляется прежде все-
го приуроченіе дѣла призрѣнія къ сельскому обществу. Массовое ни-
щенство въ деревняхъ служитъ постояннымъ упрекомъ обществу и го-
сударству, постояннымъ напоминаніемъ о неисполненномъ ими долгѣ;
изъ сорока четырехъ совѣщаній двадцать четыре стоятъ за возложеніе
призрѣнія на единицу, болѣе крупную, чѣмъ сельское общество. Всего
дальше въ этомъ отношеніи идетъ, какъ мы видѣли, смоленское совѣ-
щаніе, провозглашая общественное призрѣніе дѣломъ общегосудар-
ственнымъ. Но оно касается только финансовой стороны дѣла, упуская
изъ виду органы призрѣнія. Возложить это дѣло на чиновниковъ зна-
чило бы обратить живое дѣло въ канцелярскую работу. Государство
слишкомъ далеко отъ нуждающихся; необходимы посредствующія звенья,
изъ которыхъ послѣднее, низшее, соприкасалось бы съ населеніемъ.
Такимъ низшимъ звеномъ не можетъ служить даже уѣздное земство
(и, прибавимъ, не только въ дѣлѣ призрѣнія, но и ни въ одномъ изъ
деревенскихъ живыхъ дѣлъ). Вообще же это дѣло возможно только
для территоріальной самоуправляющейся единицы, болѣе обширной,
чѣмъ сельское общество, но значительно меньшей, чѣмъ уѣздъ. Такой
единицей является волость. Но живымъ дѣломъ общественное призрѣ-
ніе можетъ стать только въ рукахъ *живой* волости. А живой нель-
завать нынѣшнюю крестьянскую волость, имѣющую почти исклю-
чительно административное значеніе. Возложить общественное призрѣ-
ніе на волость, ничего не измѣняя въ ея устройствѣ, значило бы сдѣ-
лать шагъ не впередъ, а назадъ; патриархальная рутинная сельскаго ск-
замѣнилась бы канцелярской рутинной и бюрократическими вoadѣст-
ями. Вообще говоря,—заключаетъ хроникеръ,—если разсматривать
проблему бввъ предвзятой точки зрѣнія и не въ тѣхъ узкихъ рамкахъ
и въ какихъ онъ поставленъ программой министерства, то онъ може

и долженъ дать множество аргументовъ въ пользу всесословной волости. И прежде всего потому, что безъ большого обремененія для крестьянъ мѣстные сборы на призрѣніе могутъ быть доведены до надлежащей высоты только въ такомъ случаѣ, если къ обложенію ими будутъ привлечены всѣ имущества (почему же не всѣ доходы?), находящіяся въ предѣлахъ волости, къ какому бы сословию ни принадлежалъ владѣлецъ. вмѣстѣ съ матеріальными средствами всесословная волость, и только она одна, можетъ дать дѣлу общественнаго призрѣнія необходимыя личныя силы.

Далѣе хроникеръ дѣлаетъ одно весьма важное замѣчаніе, которымъ мы и закончимъ наше настоящее обзорѣніе: „хозяйственная всесословная волость могла бы существовать и рядомъ съ теперешнею, крестьянскою, разъ что эта послѣдняя, какъ чисто-административная единица, будетъ признана необходимою составной частью администраціи, созданной закономъ 12 іюля 1889 года. Пока институтъ земскихъ начальниковъ сохраняетъ свой настоящій характеръ, замѣна крестьянской волости всесословною не представляется желательною“. Замѣчаніе и важное, и вполне вѣрное. Но законъ 12 іюля не есть одинъ изъ основныхъ законовъ имперіи, какъ извѣстно, намѣненію не подлежащихъ.

Народное образованіе. Книга XI, ноябрь. Въ названной книжкѣ журнала, издаваемого, какъ извѣстно, на средства святѣйшаго синода, помѣщена любопытная статья: *Мысли К. Д. Ушинскаго о значеніи религіи въ дѣлѣ воспитанія*. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе этой статьи, необходимо припомнить недавнія восклицанія: „Нѣтъ школы—кромѣ церковной школы!“ — „Да расточатся школы земскія!“ Общія задачи и характеръ современной народной школы, съ точки зрѣнія „церковниковъ“, откровеннѣе всѣхъ, не мудрствуя лукаво, суммировалъ свящ. І. Фудель въ своей книгѣ *Народное образованіе и школа*, заключающей въ себѣ статьи, напечатанныя въ разное время (1895—97 гг.) въ *Русскомъ Обзорѣніи* и *Русскомъ Словѣ*; откровенными „канонами“ І. Фуделя мы здѣсь и воспользуемся, такъ какъ они и сами по себѣ имѣютъ въ настоящее время важное общественное значеніе. Основы для созиданія современной народной школы св. Фудель ищетъ прежде всего въ самомъ русскомъ народѣ, но для того, чтобы найти рѣшеніе вопроса, нужно подойти къ народу умѣючи: „Нужно съ народомъ жить безъ всякой гордой мысли о просвѣщеніи его“ (стр. 37). „Мировоззрѣніе народа опредѣляется въ нѣсколькихъ словахъ: все на небѣ и все земное для неба“. Св. Фуделя не смущаетъ мысль, что наши просвѣщенные западные сосѣди не отказываютъ своимъ народнымъ школамъ въ достиженіи и *земныхъ* цѣлей, — Западная Европа намъ въ этомъ случаѣ не указъ: „Русскій народъ имѣетъ всѣ задатки для развитія самобытной культуры на началахъ иныхъ, чѣмъ какія положены въ основу западно-европейской культуры“ (стр. 48). Интеллигенція наша, стремящаяся просвѣтить народъ на основахъ европейской культуры, совершаетъ государственное преступленіе: „Современное просвѣтительное движеніе интеллигенціи преслѣдуетъ цѣли разрушенія“ (стр. 50). Да и дѣйствуетъ она, какъ хорошо извѣстно о. Фуделю, съ корыстными цѣлями: „Интеллигенція хочетъ имѣть влияние на ходъ общественныхъ дѣлъ и реформъ, иначе сказать, — распоряжаться въ государственномъ дѣлѣ. Но для этого необходимо, чтобы народъ поддерживалъ эти вождѣлнія интеллигенціи. Поэтому — давайте развивать народъ“. (Здѣсь, очевидно, о. Фудель, отстаивая самобытное невѣжество

народа, защищает свои собственные вождельнія, чтобы распорядиться въ государственномъ дѣлѣ только ему съ своими присными.) „И вотъ мы видимъ, что по всей линіи двинувшейся въ походъ интеллигенціи идетъ дружная работа съ цѣлью разрушить народныя „предрассудки“, воспитать мысль народную на реальномъ знаніи. Мы (кто это? о. Фудель съ присными?) переживаемъ, несомнѣнно, роковое время“ (стр. 52—53). „Роковое“ и заключается въ томъ именно, что интеллигенція желаетъ просвѣтить народъ, а этого-то и не хочетъ допустить о. Фудель: „Интеллигенція не въ состояніи уразумѣть, что мужикъ, несмотря на все свое невѣжество и темноту (народнаго невѣжества, какъ видите, не отрицаетъ о. Фудель,— онъ, напротивъ, свидѣтельствуетъ о немъ, оберегаетъ его) давно просвѣщенъ (и темень, и свѣтель— въ одно время... Дѣйствительно, темна вода во облацѣхъ!) тѣмъ свѣтомъ, который утерянъ интеллигенціей, и никакія знанія, никакія свѣдѣнія не въ состояніи замѣнить тотъ смыслъ жизни, котораго въ интеллигенціи нѣтъ и который съ молокомъ матери всасывается православнымъ крестьяниномъ“ (стр. 73).

Поразивъ Европу и русскую интеллигенцію, авторъ выясняетъ дѣле, какая школа лучше для невѣжественнаго и темнаго народа, не нуждающагося въ европейскомъ просвѣщеніи. „Если надо распатать мировоззрѣніе народа и его вѣрованія, если надо создать въ деревнѣ классъ полунинтеллигенціи, то эту цѣль легко достигнетъ *свѣтская* школа, въ которой распорядается интеллигенція“. Очевидно, нужно нѣчто другое. „Если же надо поддержать и укрѣпить религиозное сознаніе народа (у католиковъ и лютеранъ оно, безъ сомнѣнія, распатано, а у насъ, видите ли, надо поддерживать и укрѣплять то, что и безъ того твердо стоит!), то этого мы *не добьемся* (зачѣмъ же такъ много усилій?) до тѣхъ поръ, пока школу не сдѣлаемъ школой церковной, въ которой *хозяйникомъ* является священникъ“ (*слуюю*— слѣдовало бы, кажется, сказать, по ученію Христа!). А вотъ и средство, чтобы хозяйничанье было прочно: „Задача церковной школы—не умственное развитіе ученика, а развитіе *духовное* (?), не приобрѣтеніе возможно-большаго количества свѣдѣній, а приобрѣтеніе *благочестивыхъ* навыковъ, укрѣпляющихъ его мировоззрѣніе“ (стр. 76). Замѣйте, о Христѣ и христіанскихъ идеалахъ для христіанскаго народа и помину нѣтъ! Чѣмъ же оправдываетъ о. Фудель свои вождельнія на хозяйничанье въ мужицкой школѣ?—Исторіей народнои темноты и невѣжества. „Русскій народъ со дня своего крещенія (т.-е. тогда, когда онъ остарался грубымъ язычникомъ) зналъ только школу церковную. Она удовлетворяла всѣ его умственные потребности и его религиозное чувство“ (стр. 83). И, несмотря на все это, народъ, по свидѣтельству того же о. Фуделя, остался во тьмѣ и въ невѣжествѣ! „Церковная школа въ допетровской Руси была *единою* для всѣхъ, т.-е. *общедоступною* для дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ. Она была школою народною въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ *никѣмъ* и была навязываема народу, а давала ему все то, что онъ отъ школы требовалъ“ (это темный-то и невѣжественный народъ?). „Но, къ сожалѣнію, цѣлостность жизни русской нарушена была преобразователями эпохи Петра Великаго“ (стр. 93). „Духовная рознь между образованными классами и народомъ съ конца прошлаго столѣтія прогрессивно росла; но (*слушайте!*) пока существовало крѣпостное право, эта рознь оказывала мало вліянія на духовную жизнь народа, сохранявшаго такъ сказать, *подъ колпакомъ крѣпостной зависимости*“ (стр. 93—

Слѣдовательно, вся суть въ колпакѣ: и нынѣ, ради утверженія церковной школы, очевидно, необходимо поставить народъ подъ колпакъ, такъ какъ о. Фудель знать не хочетъ исторіи и сейчасъ настаиваетъ, что „задачи современной церковной школы тѣ же, что и задачи народной школы при Владимірѣ Святомъ, Ярославѣ Мудромъ и московскихъ царяхъ“ (стр. 101). Итакъ, народная школа должна быть церковною, чтобы хозяйничать въ ней о. Фудель... Но какъ же намъ, въ случаѣ согласія, поступить съ реформами—отъ Петра до Александра II включительно?

Но почему же хозяйничанье въ народной школѣ должно быть предоставлено и теперь исключительно духовенству? О. Фудель на это откровенно отвѣчаетъ: „въ наше время духовенство осталось единственнымъ классомъ, который близокъ къ народу по жизни, идеаламъ, мировоззрѣнію“ (выше о. Фудель называлъ народъ темнымъ и невѣжественнымъ). „Быть можетъ, такіе учителя, каковы духовныя лица, сами не всѣ многоучены“, соглашается и о. Фудель, „но и въ народѣ не требуется, чтобы всѣ были учены, а нужно, чтобы всѣхъ коснулось свѣтъ истиннаго просвѣщенія. Въ семъ отношеніи учителя духовныя надежныѣ другихъ. Не будутъ они усиливаться въ объясненіяхъ, какъ это земля образовалась и въ настоящій видъ пришла послѣ многихъ превращеній, а начнутъ съ того, что Богъ создалъ міръ изъ ничего. Не изложатъ они, какія каждый великій мудрецъ прибавилъ отъ себя новости въ области человѣческихъ мудрованій и заблужденій... не укажутъ они, какой стихотворецъ какой поклонялся языческой богинѣ, и какую воспѣлъ безумную страсть... не похвалятся никакими изобрѣтеніями къ удобству жизни гражданской, но будутъ учить благочестію“ (109—110). Теперь совершенно стало понятно, почему о. Фуделю принадлежитъ исключительное право хозяйничать въ народной школѣ: такіе учителя не многоучены, а потому и надежныѣ другихъ. „Черезъ земскую школу открыть совершенно свободный доступъ въ народъ всевозможнымъ интеллигентнымъ вліяніямъ; черезъ школу церковную этотъ доступъ чрезвычайно затрудненъ, если пока нельзя сказать невозможнымъ. Церковная школа ставитъ извѣстныя препятствія полной свободѣ просвѣщенія,—въ этомъ вся суть!“ (138 стр.). Но довольно! Исторія давно произнесла свой правый судъ надъ поборниками тьмы и невѣжества, въ духѣ до Петровской Руси, устами одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго: „Духовному правительству подобаетъ искоренять въ народѣ суевѣріе и всякое зло, ко спасенію непотребное, для выгоды своей лицемѣрами вымышленное, простой народъ прельщающее, и аки снѣжные заметы правымъ путямъ истины идти возбраняющее. Когда нѣтъ свѣта ученія, невозможно быть и доброму дѣлу церкви, тогда будетъ настроеніе и многія достойныя смѣха суевѣрія“ (см. Регламентъ св. синоду).

Но тѣмъ-то и дѣбно откровеніе о. Фуделя, что онъ, ничтоже сумняшеся, говоритъ, что думаетъ и самъ, и его единомышленники, между тѣмъ какъ послѣдніе начинаютъ уже понимать, что такая защита церковной школы все болѣе и болѣе отталкиваетъ отъ нея сторонниковъ, почему и начинаютъ перемѣнять свою тактику. Вотъ, напримѣръ, г. Н. М. Горбовъ, старается возвысить свою излюбленную школу надъ земскою только тѣмъ, что порицаетъ новыя программы школъ министерскихъ (къ удивленію—въ *Вѣстникѣ Европы*); онъ даже утверждаетъ теперь слѣдующее: „Я думаю, что сами защитники церковно-приходской школы не вѣрятъ болѣе въ мнѣнческое сказаніе о какомъ-

то особомъ направленіи ея, о какихъ-то воспитательныхъ ея преимуществахъ* *)

Еще знаменательнѣе въ томъ же направленіи названная нами статья, напечатанная въ органѣ св. синода. Указавъ въ началѣ на извѣстную книжку: „Памяти К. Д. Ушинскаго—по случаю двадцатипятилѣтія со дня кончины“,—и выразивъ одобреніе ея содержанію, авторъ статьи обстоятельно и подробно доказываетъ, сколь несправедливы были всѣ тѣ обвиненія и клеветы на эту свѣтлую личность и на его выдающіяся педагогическія произведенія. Прежде всего авторъ обращаетъ вниманіе читателя „на одинъ интересный фактъ въ педагогической дѣятельности Ушинскаго“: „Составленная имъ книга *Дѣтскій Миръ* въ 1866 году была изъята изъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, хотя раньше, назадъ пять лѣтъ, составителю книги въ особую заслугу была вѣнана прагматичность ея, богатство и разнообразіе статей по естествознанію и разумный подборъ ихъ. Причиной изъятія послужили именно статьи по естествознанію, которыя, будто бы, могли способствовать развитію у дѣтей матеріализма, нигилизма и другихъ вредныхъ направленій. И только уже въ началѣ 80-хъ годовъ, десять лѣтъ спустя послѣ смерти Ушинскаго, *Дѣтскій Миръ* вновь рекомендованъ уч. ком. мин. нар. просвѣщенія“. А мы прибавимъ къ этому, что намъ извѣстенъ и не одинъ только этотъ фактъ: изгнанію подвергнуто до сихъ поръ и *Родное Слово* Ушинскаго. Авторъ статьи и доказываетъ далѣе словами самого Ушинскаго всю несправедливость обвиненія. „По мнѣнію Ушинскаго, самымъ характернымъ явленіемъ въ области науки было въ его время (50-е и 60-е годы) необычайное усиленіе и распространеніе естествознанія. Воспитатель не долженъ оставаться глухъ и вѣмъ къ законнымъ требованіямъ времени, иначе онъ самъ лишитъ свою школу жизненной силы, самъ добровольно откажется отъ того законнаго вліянія на жизнь, которое принадлежитъ ему, — т. е. онъ долженъ ввести естествознаніе въ школу. Многие боятся естествознанія, какъ проводника матеріалистическихъ убѣжденій; но это только слабодушное недоверіе къ истинѣ. Истина не можетъ быть вредна. Христосъ Богъ—сама истина. И при воспитаніи нужно сообщать одну истину и избѣгать всякой лжи и обмана. Если школа будетъ отрекаться отъ естествознанія, то этимъ самымъ она будетъ содѣйствовать распространенію матеріализма“ (стр. 18—19). Перечисливъ рядъ общелитературныхъ и нѣкоторыхъ другихъ статей изъ книгъ Ушинскаго, авторъ приходитъ къ такому общему заключенію: „Общее впечатлѣніе, которое создается при чтеніи *Дѣтскаго Мира* и *Родного Слова*, рѣшительно опровергаетъ обвиненіе Ушинскаго въ матеріализмъ и въ отсутствіи религіозности“ (стр. 21). Все это, конечно, давно извѣстно всѣмъ школьнымъ дѣтелямъ, не ослѣпленнымъ пристрастіемъ и невѣжествомъ, однако же и до сихъ поръ на Ушинскаго продолжаютъ нападать съ страстной враждебностью.

Доказавъ съ полною основательностью педагогическія достоинства учебныхъ книгъ Ушинскаго, неизвѣстный авторъ статьи съ полнаю сочувствіемъ излагаетъ и его педагогическія теоріи. „*Современная педагогика*, по мнѣнію Ушинскаго, выросла исключительно на христіанской почвѣ. При взглядѣ на педагогическія системы *разныхъ государствъ Европы*, мы видимъ въ нихъ значительное сходство; это можно о

*) См. *Вѣстникъ Европы*, ноябрь, стр. 863.

яснить тѣмъ, что всѣ онѣ—вѣтви одного и того же могучаго растенія“.

„Поэтому въ основу развитія человѣка воспитаніе должно положить вѣчныя истины христіанства. Школа постоянно должна внушать воспитаннику: *служи идеѣ истины и добра, идеѣ цивилизаціи, идеѣ государства и народа*“ (стр. 22). Наши школы въ особенности не хороши тѣмъ, что воспитываютъ дѣтей не для борьбы съ неправдою и мракомъ, царящими въ жизни, а для того только, чтобъ имъ было удобно плыть по ея теченію“ (стр. 23). Не правда ли, какъ все это не похоже на задачи школы съ точки зрѣнія гг. Фуделей! Ушинскій даетъ и историческую справку о развитіи на Руси христіанства. „Христіанскіе подвижники проповѣдывали полудикимъ славянамъ великія христіанскія истины, пробуждали истинно-христіанскія чувства, своимъ словомъ и примѣромъ освящали ихъ жизнь и поддерживали ихъ. Но проходили времена подвижничества; образовательное вліяніе религіи постепенно слабѣло... Въ настоящее время христіанскія правила жизни всего менѣе возраждаются и подкрѣпляются изъ ихъ непосредственнаго источника; они просто переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому путемъ преданія... Истинный смыслъ и значеніе христіанскихъ истинъ забывались, потому что *не было уже передъ глазами великихъ подвижниковъ благодѣствія*. Патриархальная религіозность и нравственность, какъ и всякое преданіе, мало сознательное, переходящее въ привычку и не очищаемое огнемъ сознанія, несутъ изъ поколѣнія въ поколѣнія и предразсудки, и суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты, выражающіеся въ двусмысленныхъ пословицахъ. Такъ, наша русская рѣка, выходя изъ непроглядной глубины лѣсовъ и болотъ, выноситъ оттуда илъ и песокъ, которые гдѣ-нибудь ниже скажутся мелями. Съ теченіемъ времени постепенно уменьшается вліяніе истинно-христіанскихъ патриархальныхъ преданій на жизнь русскаго народа“ (стр. 24).

„Что же за причина этого? Причина та, что патриархальныя условія быта народа уже не удовлетворяютъ жизненнымъ потребностямъ. Въстѣ съ тѣмъ какъ въ бытъ народа проникаетъ начало гражданственности, появляются новыя требованія, новая мѣрка для нравственной оцѣнки дѣйствій. Нравственность должна воспринять элементы гражданскіе, государственныя. Ушинскій выражаетъ далѣе желаніе, чтобы церковь и школа вывели нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патриархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства, человѣчества“ (стр. 25).

А о. Фудель съ присними все еще вождѣютъ оставить народъ подъ колякомъ, а еще лучше—вернуть его къ понятіямъ и нравамъ до-Петровской Руси! Все наше будущее, такимъ образомъ, по вождѣнію этихъ господъ,—назади, въ невозвратномъ прошломъ.

Выясняя свой взглядъ на воспитаніе христіанской идеи и чувства, Ушинскій горячо обличаетъ тотъ формализмъ и лицемеріе, которые часто лишь прикрываются именемъ религіозности. „Въ одной и той же личности у насъ часто соединяется самое искреннее благочестіе и самая дурная наклонность; наши крестьяне сопровождаютъ разгуломъ всѣ праздники, наши торговые люди (да и не одни они), при всей своей приверженности къ церковному благолѣпію, не упустятъ случая обмануть покупателя, и проч., и проч. Лицемеріе Ушинскій называетъ самымъ низкимъ, преднамѣреннымъ торгашествомъ святыней:—лицемеръ хуже всякаго атеиста“ (стр. 27).

Мы уже видѣли, какъ горячо о. Фудель отстаиваетъ свое право быть исключительно ему одному хозяиномъ народнои школы. Ушинскій

смотреть на это не такъ. „Въ устройствѣ школъ народныхъ должны приняты участіе представители свѣтскаго образованія и представители церкви — духовенство“ (стр. 29). Но чтобъ исполнить свою высокую миссію, наши духовные пастыри должны вводить народъ въ нравственный храмъ христіанства. Духовный пастырь долженъ готовить не только членовъ церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства. Ушинскій замѣчаетъ при этомъ, что общее образованіе и педагогическая подготовка нашихъ пастырей недостаточны для всесторонней педагогической дѣятельности“ (стр. 30). А о. Фудель, тоже признающій въ нашемъ духовенствѣ недостатокъ просвѣщенія, откровенно заявляетъ, что и безъ этого можно легко обойтись, и не только безъ просвѣщенія вообще, но и безъ самыхъ элементарныхъ знаній, — все это *для неба лишнее*. Отрѣшая крестьянина отъ земли, отказывая ему во всемъ мірскомъ, о. Фудель исключаетъ изъ школьной программы всякія знанія, всякія свѣдѣнія (кромя церковныхъ), исключаетъ и всякія заботы объ умственномъ развитіи ученика. Ушинскій смотритъ на дѣло иначе: „Только религія—съ одной стороны, сердцемъ человѣка рѣшающая міровые вопросы, и наука—съ другой, могутъ открыть и на землѣ пищу безсмертному духу“ (стр. 31). О. Фудель все это отрицаетъ, находя, что у крестьянина земныхъ помысловъ нѣтъ, а чтобъ дойти до неба совершенно достаточно двухъ книгъ—Часослова и Псалтиря: такъ, могъ, это было и во времена Владиміра и Ярослава, и въ Московской Руси.

Заканчивая свою статью объ Ушинскомъ, авторъ замѣчаетъ: „Только полное незнакомство съ сочиненіями Ушинскаго, или *заблудомая ложь и злонамѣренность* могли быть причиною обвиненія его въ безрелигіозности, матеріализмъ и проч.“. „По нашему мнѣнію, въ сочиненіяхъ Ушинскаго заключается высокое, *доступное далеко не всемъ христіанамъ*, понятіе о христіанствѣ и нравственности. Въ виду этого мы рекомендуемъ чтеніе статей Ушинскаго всякому педагогу и, конечно, учителямъ церковно-приходскихъ школъ (слышите, о. Фудель?), нисколько не опасаясь за дѣлность ихъ нравственныхъ убѣжденій“. „Нужно, чтобъ духовенство всецѣло прониклось мыслью о высотѣ своей миссіи и значеніи задачи своей дѣятельности; нужно, чтобъ оно поняло, что простой народъ ждетъ отъ него свѣта и вмѣстѣ съ нимъ добра. И если сознаніе это будетъ усвоено имъ, то оно пойметъ также, какъ много надо учиться и работать надъ собою, чтобъ хорошо учить. И тогда-то оно заглянетъ въ сочиненія Ушинскаго, чтобъ поучиться у него. Средства, которыми располагаетъ теперь духовенство для церковно-приходскихъ школъ, очень велики; многіе вопросы педагогики разработаны очень подробно. Остается только приготовить себя къ дѣлу учительства. Правъ былъ Ушинскій, когда говорилъ: „васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ“ (стр. 31—32).

Идеи и взгляды К. Д. Ушинскаго легли въ основу современнаго земской народной школы, ими проникнуто все ея существо, и она стремится идти впередъ и впередъ по намѣченному пути, стремясь воспитать ученика, какъ гражданина и человѣка, приобщить его къ современной европейской культурѣ, цивилизаціи. Школа, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, всеми зависящими отъ нея средствами, (ролась и не устанетъ бороться съ заблудомой ложью и злонамѣренностью, съ фарисейскимъ лицемеріемъ людей, всѣ вожделѣніи сводятся къ тому, чтобъ оставить народъ въ невѣжест

людей, полагающихъ себя въ заслугу, что они „ставятъ извѣстныя препятствія полной свободѣ просвѣщенія“, — людей, оберегающихъ народъ и школу отъ „всевозможныхъ вліаній интеллигенціи“, чтобъ имъ повадно было *хозяйничать* по своему въ темной народной средѣ и при помощи школы держать русскій народъ *подъ колпакомъ*. Русская интеллигенція дѣйствовала и дѣйствуетъ безкорыстно: на пользу народа она отдаетъ и время, и трудъ, и духовныя и матеріальныя свои силы. Русская интеллигенція искренно порадуется, если и всѣ другіе служители и слуги народа проникнутся такими же честными убѣжденіями. Появленіе цитированной нами статьи въ органѣ св. синода знаменательно: въ послѣднее время что-то ужъ очень часто стали говорить о томъ, что между церковной и свѣтской школой нѣтъ никакой разницы по существу, что весь споръ идетъ лишь *о власти*. Мы видѣли, что, по справедливому взгляду о. Фуделя, между названными двумя типами школъ лежитъ непроходимая пропасть. Не скрывается ли въ этомъ новомъ—примирительномъ, будто бы—теченіи коварная и опасная мысль, для объясненія которой воспользуемся, съ нѣкоторыми измѣненіями, словами того же о. Фуделя, обращенными, понятно, по другому адресу: „Сознательные противники школы употребляютъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать незамѣтною разницу въ задачахъ школъ церковной и свѣтской. Это чрезвычайно для нихъ важно, потому что разъ затушена разница задачъ, то не трудно тогда передвинуть центръ тяжести вопроса въ иную сторону... Это ихъ обычная тактика и, надо сознаться, очень удачная“ (стр. III).

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журна-
ла „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря
1897 г.**

- Абрамовъ, Я. В.** Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще. Спб., 1897 г.
- Авенариусъ, В. П.** Гоголь-студентъ. Вторая повѣсть изъ биографической трилогіи „Ученые годы Гоголя“. Спб., 1898 г. Изд. кн. магаз. Думкина. Ц. 1 р. 50 к.
- Архиновъ, С.** Наставленія къ искусственному разведенію лѣса, преимущественно хвойныхъ породъ. М., 1898 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 20 к.
- Вилыловскій, К. А.** Склады. Альманахъ. Спб., 1897 г.
- Варгинъ, В. Н.** Элементарный курсъ общаго земледѣлія. I. Питаніе и размноженіе растений. II. Почвовѣдѣніе. III. Удобреніе. IV. Орудія для обработки почвы. V. Отдѣльные приемы обработки почвы. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. I—20 к., II—20 к., III—35 к., IV—40 к., V—30 к.
- Еоберъ, Максъ.** Биржа и биржевыя сдѣлки. Перев. съ нѣм. Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.
- Вернеръ, Гуго.** Техника современнаго сельскаго хозяйства. Пер. съ нѣм. С. Розенблата. Одесса, 1897 г.
- Весновскій, В. А.** Рабочій вопросъ на Уралѣ. Екатеринбургъ, 1897 г.
- Виноградовъ, В. И.** Начальная хмія для школъ и самообразованія. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 65 к.
- Вихляевъ, П. А.** Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Т. XIII, вып. 2-й. Тверь, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Власовъ, И. Ф.** Краткій учебникъ общаго земледѣлія. Съ 81 рисункомъ въ текстѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девриена. Ц. 65 к.
- Гельмгольцъ, Г.** Популярная рѣчь. Переводъ слушателей Сиб. высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакц. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешкина. Ч. I. Спб., 1898 г. Изданіе К. Я. Риккера. Ц. 1 р.
- Гиппиусъ, Э. Н.** (Мережковская). Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб., 1898 г. Изд. Н. М. Терешкевича. Ц. 1 р. 50 к.
- Гирнъ, Густавъ-Адольфъ.** Англия вселенной въ ея элементахъ. Пер. съ франц. М., 1898 г. Изд. Московск. Психологическ. Общ.
- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусства. Т. III, вып. II-й. Съ 2 отдѣльными рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 247 рис. въ текстѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. за 12 вып. 12 р., съ перес. 14 р.
- Граверси, А.** Тина ди-Лоренцо. Театральныя и биографическія замѣтки. Пер. съ итальянскаго. В. I. Спб., 1897 г.
- Грибовскій, В. М.** (Гриденъ). Студенческіе разсказы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Движеніе на торговлята на България съ чуждѣтъ държави.** Пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣвъ мѣсець Юлій 1897 година. София, 1897 г. Издава Статистическото Бюро.
- Движеніе на торговлята на България съ чуждѣтъ държави.** Движеніе на корабитѣ по пристанищата. Пазарни цѣни въ по-главнитѣ градове прѣвъ мѣсець Августъ 1897 година. София, 1897 г.
- Delbrück, A.** Гамлетъ и его душевное состояніе. Пер. съ нѣм. Ал. Цацкиня. Харьковъ, 1897 г.
- Дигамма.** Маньчурія и китайская восточная желѣзная дорога (съ картотъ Маньчурія). Томскъ, 1898 г. Издаваніе Ф. П. Романова. Ц. 80 к.

Догановичъ, А. Ошибка дуракъ. Съ рисунками. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Доказъ вятской губернскаго земск. управл. о „Вятской Газетѣ“. Вятка, 1896 г. Изд. вятской губ. земск. управы.

Зибекъ, проф. О сущности и цѣли научнаго образованія. Рѣчь, произнесенная въ годовщину Базельскаго университета. Пер. съ нѣм. Слб., 1897 г. Ц. 20 к.

Зографъ, Н. Курсъ зоологій для студентовъ - естествоиспытателей, медиковъ и сельскихъ хозяевъ. Вып. I, съ 224 рис. въ текствѣ. М., 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ивановичъ. Собрание сочиненій въ трехъ томахъ. Т. I. М., 1898 г. Изд. А. И. Попова. Ц. 2 р.

Ивинъ, А. Въ городѣ и въ деревнѣ. Сборникъ рассказовъ для дѣтей, съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Булгакова съ пр. статьи Ф. Кнаппа: Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Слб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кардуччи, Джозуэ. Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи (5 лекцій). Переводъ съ итальянскаго Павла Риттера. Харьковъ, 1897 г. Ц. 70 к.

Калымовъ, В. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. М., 1898 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Кожевникова, В. А. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII в. и къ критической философій. Ч. I. М., 1897 г. Ц. 2 р.

Крепелинъ, Эмиль. Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Три очерка. Пер. съ нѣм. Изданіе Поковой. Слб., 1898 г. Ц. 30 к.

Крепелинъ, К. Изученіе природы дома. Для юношества. Перев. съ нѣм. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Съ портрет. Канта. Слб., 1898 г. Ц. 40 к. Изд. Поковой.

Кругловъ, А. В. Три рассказа: Звѣдочка.—Дѣдъ и внучка.—Передъ камнемъ. Съ рисун. Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

— Геніальный поморъ. Съ 10 рисун. художника Н. Н. Ольшанскаго. М., 1897 г. Изд. 2-е В. С. Спиридонова. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

Куно-Фишеръ. Философъ песенника (характеристика Шопенгауера). Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.

Куньи, Гастонъ. Античное искусство. Греція. — Римъ. Пер. съ франц. В. Смирнова. М., 1898 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 75 к.

Лавровъ, Ф. О различныхъ болязняхъ. Общественное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 6 к.

Ланкестеръ, Эввинъ. Полчаса съ микроскопомъ. Пер. съ англ. (съ 18-го изд.). М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 75 к.

Леоновъ, Макс. Стихотворенія. М., 1898 г. Ц. 75 к.

Летурно, III. Соціологія, основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдн. франц. изд. Вып. III (послѣдній), съ 39 рисун. Слб., 1898 г. Изд. Поковой. Ц. 90 к.

Линдеманъ, К. Э. Основы общей зоологій. Съ 175 рисун. Слб., 1897 г. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Лудаскій, М. П. Паровыя и ручныя прачешныя по системѣ О. Шиммеля. 2-е изд. съ 46 рис. въ текствѣ. Слб., 1897 г. Изд. К. И. Риккера. Ц. 80 к.

Le comte de Chambrun. Wagner à Munich, Francfort, Nice. Paris, 1898. Edit. Calmann Lévy. Prix 5 francs.

Meuer, K. F. Bearbeiter von E. Mittelsteiner. Das Amulett. М., 1897 г. Цѣна въ папкѣ 60 к.

Mercier, A. Сръзы изъ центральной нервной системы. Пер. Н. Вырубова съ предисловіемъ проф. В. М. Бехтерева. Слб., 1897 г. Изд. К. И. Риккера. Ц. 1 р. 40 к.

Müller, Rudolf. Sonderabdruck aus der Entstehungsgeschichte des Roten Kreuzes. und der Genfer Konvention. Stuttgart, 1897.

Мюнцъ, А. Культура и удобреніе виноградинокъ и экономическія условія винодѣлія во Франціи. Пер. съ франц. подъ редакц. А. А. Вычкина. Одесса, 1897 г.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Съ 232 политичками въ текствѣ. М., 1897 г. Изданіе К. И. Тихомирова.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1896 г. Харьковъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній въ г. Кишиневѣ за 1895 и 1896 гг. Кишиневъ, 1897 г.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1896 г. Омскъ, 1897 г.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, за 1896 г. М., 1897 г.

Отчетъ Кіевского литературно-артистиче-

- скаго общества за 1896—7 г. 1-й отчетный годъ. Киевъ, 1897 г.
- Отчетъ о дѣятельности Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія приамурскаго отдѣла Импер. русск. географич. общ. за 1896 г. Иркутскъ, 1897 г.**
- Отчетъ перваго Московскаго Общества трезвости за 1896 г. М., 1897 г.**
- Отчетъ господину министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ о дѣятельности кавказскаго филлоксернаго комитета въ 1896 г. Тифлисъ, 1897 г.**
- Отчетъ о постройкѣ открытой сцены на верхнемъ гуляньѣ въ г. Пензѣ и объ устройствѣ на ней спектаклей за 1896 и 1897 гг. Пенза, 1897 г.**
- Отчетъ по выкупной операци за 1895 г. Спб., 1897 г.**
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1895 г. Спб., 1897 г.**
- Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ г. Саратова въ учебно-воспитательн. отношеніи за 1895—97 г. Саратовъ, 1897 г.**
- Отчетъ общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовск. губ. за 1896—97 г. Тамбовъ, 1897 г.**
- Очерки Сибири для народнаго чтенія. Очеркъ первый. Иркутская губернія, съ картой губерніи. Иркутскъ, 1897 г. Изд. кн. маг. П. И. Макушина. Ц. 20 к.**
- Павловъ-Сильванскій, Н. Заключенчество-патронатъ. Спб., 1897 г.**
- Петровъ, К. Ф. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимология въ образцахъ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.**
- Penzoldt, F., и Stintzing, R. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 23. Лѣченіе болѣзней обильна вѣществъ, крови и лимфатической системы. Вып. 24. Заболѣванія дыхательныхъ органовъ. Вып. 25. Заболѣванія двигательнаго аппарата. Спб., 1897 г. Изд. К. Л. Риккера.**
- Покровскій, К. Путеводитель по небу. Спб. Изд. А. Ф. Маркова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.**
- Пржепюрскій, В. Орошеніе луговъ, въ связи съ ихъ осушеніемъ по системѣ Петерсена. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 10 к.**
- Придорогинъ, проф. Воспитаніе телятъ молочной породы. М., 1897 г. Изд. К. И. Тихомирова. Ц. 5 к.**
- Порфировъ, П. Кв. Гораций Флаккъ. Оды. Книга первая. Пер. въ стихахъ. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.**
- Протоколы общихъ собраній троицко-савско-кахтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Импер. русск. геогр. общества. №№ 1 и 2, 1896 г. М., 1897 г.**
- Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность. Спб., 1898 г. Ц. 3 р.**
- Риль, А. Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель. Перев. съ нѣм.**
- З. Венгеровой. Съ портр. Нитцше. Спб. 1898 г. Изд. журнала „Образованіе“. Ц. 50 к.**
- РОВИНСКІЙ, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. 1. Спб., 1897 г.**
- Ротъ, Отто. Клиническая терминологія. Спб., 1898 г. Изд. К. Л. Риккера.**
- Руссо, Ж.-Ж. Исповѣдь. Пер. Ф. Н. Устралова. Спб., 1898 г. Изд. А. С. Суворяна. Ц. 3 р.**
- Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VI. М., 1897 г.**
- Сборникъ матеріаловъ для статистики Смиръ-Дарьянскаго округа. Т. VI. Тамбовъ, 1897 г. Изд. сміръ-дарьянск. областного статист. комитета.**
- Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи за 1890—1896 годы. Спб., 1897 г.**
- Сводъ свѣдѣній объ умершихъ въ г. Москвѣ за 1895 г. М., 1897 г.**
- Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губ. Т. XIII, вып. 1. Тверь, 1897 г. Изд. тв. губ. земства.**
- СОЛОВЬЕВЪ, П. М., при участіи В. А. Корсакова, И. И. Мамонтова, Р. П. Сварро, Г. И. Танфильева и др. Торфяное дѣло. Обзоръ выдающихся новостей по культурѣ болотъ и торфолобыванію за послѣднее время. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.**
- Сорель, А. Монтескьѣ. Пер. М. Г. Василевскаго подъ ред. и съ предисл. Н. И. Карѣева. Спб., 1897 г. Изд. е.-петерб. акц. общ. печатнаго дѣла „Издатель“. Ц. 75 к.**
- СОСНОВСКІЙ, МИХ. Очеркъ дѣятельности полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества въ связи съ общими условіями экономической жизни Россіи. Полтава, 1897 г.**
- Спенсеръ, Гербертъ. Происхожденіе науки. Пер. съ англ. Спб., 1893 г. Ц. 80 к. Изд. Половой.**
- Старковъ, И. Финансовое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1897 г.**
- Статистика за училищата въ княжество България прѣвъ учебнага 1894—95 година. Ч. III. Основна училища.—Учителли и учителя. София, 1897 г.**
- Страбургеръ, Э., и Нолль, Ф. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Пер. съ 2-го переработаннаго изданія подъ ред. д-ра Хр. Н. Гоби. Съ 232 рисунк. въ текстѣ. С. I., 1898 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 2 р. 8 к.**
- СТУПИНЪ, А. Д. Современный календарь на 1898 г. М., 1898 г. Ц. 15 к.**
- Сундукіанецъ, Габріэль. Сунъ уга. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Пер. съ армянскаго. Тифлисъ, 1897 г. Изд. автора. Ц. 75 к.**
- Талько-Грынцевичъ, Ю. К. и**

- мать Троицкосавска-Кяхты въ гигиеническомъ отношеніи. Иркутскъ, 1897 г.
- Тихомировъ, П. В.** Художественное творчество и религиозное познание. Философско-богословскій очеркъ. Сергіевъ Посадъ, 1897 г. Ц. 35 к.
- Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцева 3 апрѣля 1897 г. М., 1897 г.**
- Трайль, I. Д.** Общественная жизнь Англіи. Т. III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елизаветы. Пер. съ англ. П. Николаева. 1897 г. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 2 р. 50 к.
- Трачевскій, А.** Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Сиб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. Половой.
- Тревортъ-Ветти.** Во льдахъ и снѣгахъ (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Пер. съ англ. А. Филиппова (съ 13 рис. и картою). Спб., 1897 г. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 50 к.
- Грухановскій, М. И.** Основы ученія объ удобреніи почвъ. Руководство для среднихъ сельско-хозяйствен. учебныхъ заведеній и хозяевъ-практиковъ. Саратовъ, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Труды совѣщанія (VI губернскаго съѣзда) гг. земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Воронежск. губ. Т. I. Воронежъ, 1897 г. Изд. воронежск. губернскаго земства.**
- Фаерманъ, Л. А.** Писчебумажное производство. Проклейка бумаги. М., 1898 г.
- Ф—тъ, Гр.** Завоеваніе воздуха (Очерки изъ истор. воздухоплаванія). Съ прилож. статьи А. Эвальда о наилучшемъ типѣ летательныхъ машинъ (съ 44 рис., 5 портретами и 11 чертеж.). Спб., 1897 г. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 50 к.
- Жлуденевъ, Н.** Духовая зерносушилка, приспособленная для постройки домашними средствами, въ деревнѣ. Съ 23 рис. на отдѣльной таблицѣ. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Жодскій, Л. В.** По поводу книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣвъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“, съ прилож. отвѣта проф. А. И. Чупрова. Сиб., 1897 г. Ц. 75 к.
- Цитлеръ, Т.** Нѣмецкій студентъ конца XIX в. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1898 г. Изд. Половой. Ц. 50 к.
- Чиколевъ, В. Н.** Электротехническія изобрѣтенія и повѣрки. Вып. I. Спб., 1897 г. Ц. 2 р.
- Шейминъ, П.** Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Вып. VIII, ц. 40 к.; вып. IX, ц. 30 к. Одесса, 1897 г.
- Шатиловъ, И. I.** Руководство къ разведенію гѣсовъ на черноземѣ. Спб., 1897 г. Изд. А. Ф. Девриана. Ц. 30 к.
- Шопенгауеръ, Артуръ.** Новые афоризмы. Пер. съ нѣм. Р. Кресина. Харьковъ, 1898 г. Изд. В. Н. Попова.
- Шостаковъ, П. А.** Хлѣбные тарифы (съ 43 рис.). Спб., 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Шуфъ, Владиміръ (Борей).** На Востокѣ. Записки корреспондента о греко-турецкой войнѣ. Спб., 1897 г.
- Эсменъ, А.** Общія основанія конституціоннаго права. Пер. съ франц. подъ ред. проф. В. Дерюжинскаго. Спб., 1898 г. Изд. Половой. Ц. 1 р. 75 к.
- Южаковъ, С. Н.** Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб., 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“

I Книжки.

Стр.

- Веллетристика: „Разбитые кумиры“. *Вл. Тихонова*.— „Деревня нашего времени“. Очерки *Сергия Роліаса* 527
- Публицистика: „Сочиненія Поль-Луи Курье“. Ч. I.— „Сельскія и городскія общества потребителей и общественныя лавки“. Сост. *Ө. Девель*.— „Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшенныхъ первымъ четырехъ съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ“. *К. К. Рукавишниковъ*.— „Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ“. *С. К. Гюелъ* 530
- Исторія, исторія литературы, мемуары: „Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаци“. *І. Яссна*.— „Исторія французской литературы“. *Густава Лансона*.— „Великіе люди въ литературѣ“. *Е. Дюринъ*.— „Воспоминанія и друг. статьи“. *Н. А. Билочоловца* . 534
- Юридическія книги: „Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ“. *А. Г. Тимощева*.— „Процессы противъ животныхъ въ среднѣмъ вѣкѣ“. *Я. Конквортсма*.— „Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права“. *С. Л. Никонова*.— „Обычное право крестьянъ Харьковской губ.“. Вып. I.— „Популярно-юридическая библіотека“. Приобрѣтеніе и отчужденіе имущества. *Я. В. Абрамова*.— „Аренда и наемъ имущества“. *Ею же* 540
- Естествознаніе: „Дружба съ природой“. Разказы *Элизы Брайтенитъ*, въ изложеніи *Дж. Кайлородова*.— „Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch während der Vorlesungen und praktischen Uebungen“. *Emil Selenska* . . 544
- Медицина: „Хирургія“. Ежемѣсячное изд. подъ редакц. проф. *П. И. Дьяконова*.— „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ терновскихъ хуторахъ“. *Проф. И. А. Сикорскіа* 545
- Техническія книги: „Производство сѣрной кислоты“. Инжен.-технолога *П. П. Федотьева* 548
- Сельское хозяйство: „Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, разведеніе и дѣятельность“. Сост. кн. *В. Масальскій*.— „Основные приемы повышенія урожаевъ при помощи рациональной культуры полей“. Сост. *И. Широкитъ* 547
- Учебники: „Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому“. *В. П. Вахтерова*.— „Сборникъ арифметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ“. Курсы средній и старшій. Составл. подъ ред. *Ал. Гатлига*.— „Учебникъ математической географіи“. Состав. *Н. Степановъ* 549

II. Периодическія изданія.

- „Русское Богатство“, сентябрь и октябрь.— „Вѣстникъ Европы“, ноябрь.— „Сѣверный Вѣстникъ“, ноябрь.— „Народное Образование“, ноябрь 551

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1897 г.

IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1897 г.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1897 годъ.

РЕЛИГИЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

- Айзлеръ, Р.** Психологія. Очеркъ основныхъ законовъ душевной дѣятельности. Кн. VI, стр. 252.
- Аргамановъ, А.** Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Кн. II, стр. 60.
- Борисовъ, Н.** Волшебный фонарь въ народной школѣ. Кн. II, стр. 62.
- Вагнеръ, К.** Молодое поколѣніе. Кн. VII, стр. 302.
- Вахтеровъ, В.** Всеобщее обученіе. Кн. VI, стр. 253.
— Народная чтенія. Кн. X, стр. 443.
- Вопросъ Философіи и Психологіи.** Кн. I, стр. 7; кн. IV, стр. 155; кн. VII, стр. 301.
- Вундтъ, В.** Очеркъ психологіи. Кн. II, стр. 58.
- Заболотный, В.** Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма, или опытъ къ рациональному разрѣшенію вопроса: что такое счастье? Кн. IX, стр. 404.
- Кодубовскій, Я.** Философскій Ежегодникъ. Кн. I, стр. 8.
- Кудше, Н.** Елабужское городское 3-хъ-классное училище. Кн. VIII, стр. 347.
- Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ школъ. Отчетъ 1896 г.** Кн. I, стр. 10.
- Любомудровъ, И.** Введеніе въ философію Герберта Спенсера. Краткое изложеніе. Кн. VI, стр. 252.
- Минто, В.** Дедуктивная и индуктивная логика. Кн. II, стр. 59.
- „Народный театръ“.** Сборникъ, изд. Е. Лавровой и Н. Поповымъ. Кн. II, стр. 64.
- Новочеркасская женская воскресная школа.** Кн. III, стр. 111.
- Орловъ, Е.** Платонъ, его жизнь и философская дѣятельность. Изд. Павлова: Жизнь замѣчательныхъ людей. Кн. VI, стр. 251.
- Сократъ, его жизнь и философская дѣятельность. Изд. Павленкова: Жизнь замѣчательныхъ людей. Кн. VI, стр. 251.
- Отчетъ Сибирской бесплатной народной библиотеки-читальни въ память И. А. Говчарова.** Кн. II, стр. 63.
- Примѣры программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія.** Кн. IX, стр. 486.
- Радецкій, И.** За дѣтей. Смирные труды въ дѣлѣ возрожденія. Кн. VIII, стр. 348.
- Рибо, Т.** Психологія чувствъ. Кн. IX, стр. 403.
- Психологія вниманія. Кн. XI, стр. 403.
- Сагарадзе, М.** Краткій очеркъ исторіи греческой философіи. Кн. VI, стр. 253.
- Сборникъ, издакъ къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана, подъ редакціи А. Степовича.** Кн. I, стр. 8.
- Сениговъ, Н.** Народное возрѣніе на ученіе и воспитаніе. Кн. III, стр. 111.
- Соловьевъ, В.** Оправданіе добра. Нравственная философія. Кн. V, стр. 205.
- Спенсеръ, Г.** Основныя начала. Кн. IX, стр. 404.
- Тихомировъ, Д.** Вѣсныя восходы. Кн. II, стр. 61.
- Записки о губернскихъ краткорочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери 1896 года. Кн. IV, стр. 158.
- Фенелонъ, О.** Воспитаніи дѣвѣцъ. Кн. II, стр. 59.
- Шереметевскій, В.** Сочиненія. Кн. IV, стр. 156.
- Якушевичъ, П.** Путь школьнаго классицизма и мѣры для борьбы съ нимъ. Кн. IV, стр. 161.

ВЕЛЕТРИСТИКА.

- Баранцевичъ, К. Борцы. Ром. Кн. III, стр. 106.
- Бартъ, гр. (де-ла). Письмо о Роландъ. Пер. Кн. III, стр. 109.
- Вудищевъ, А. Стенные вошки. Рассказы. Кн. III, стр. 107.
- Вунинъ, И. На край свѣта и другіе рассказы. Кн. V, стр. 195.
- Введенская, Е. Радъ дѣтей. Кн. V, стр. 196.
- Вяземскій, П., кн. Полное собраніе сочиненій. Кн. I, стр. 4.
- Г., Арсеній. Особый мѣръ. Пов. Кн. VII, стр. 299.
- К—а, М. Очерки и рассказы. Кн. VII, стр. 297.
- Козловъ, П. Полное собраніе сочиненій. Кн. III, стр. 108.
- Козыревъ, М. День и ночь. Очерки и рассказы. Кн. V, стр. 195.
- Коринескій, А. Вольная птица и др. рассказы. Кн. IX, стр. 401.
- Крушеванъ, П. Дѣло Артабанова. Ром. Кн. VI, стр. 245.
- Призраки. Кн. IX, стр. 399.
- Кугушевъ, А., кн. Стихотворенія. Кн. I, стр. 7.
- Кугушевъ, Г., кн. Корнеть Отлеатовъ. Пов. Кн. XI, стр. 481.
- Лейкинъ, Н. Среди причта. Ром. Кн. VII, стр. 298.
- Лессингъ, Г. Натанъ Мудрый. Перев. В. Крылова. Кн. XI, стр. 485.
- Литвинъ, К. Среди евреевъ. Кн. VIII, стр. 348.
- Лѣсковъ, Н. Полное собраніе сочиненій. Кн. I, стр. 1.
- Мельшинъ, Л. Въ мѣрѣ отверженныхъ. Кн. II, стр. 56.
- Навроцкій, А. Сказанія мнущаго. Кн. III, стр. 108.
- Невѣжинъ, П. Жестокая воля. Пов. Кн. VIII, стр. 341.
- Немировичъ-Данченко, В. Волчья смѣль. Ром. Кн. II, стр. 53.
- Просвѣтъ. Рассказы. Кн. III, стр. 105.
- Осиновичъ, А. (Новодворскій, А.). Собраніе сочиненій. Кн. XI, стр. 483.
- Плещеевъ, А. Повѣсти и рассказы. Кн. II, стр. 56.
- Потапенко, И. Счастье поневолѣ. Кн. IX, стр. 897.
- „Примытъ“. Литературный сборникъ въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Кн. V, стр. 197.
- Пружанскій, К. Новыи Моисей. Ром. Кн. VI, стр. 248.
- Отверженный. — Въ царствѣ тѣней. — Милліоны. Кн. IX, стр. 402.
- Роміасъ, С. Деревня нашего времени. Очерки. Кн. XI, стр. 523.

- Смирновъ, С. Повѣсти и рассказы. Кн. VII, стр. 295.
- Тихоновъ, Вл. Разбитые кумиры. Рассказы. Кн. XII, стр. 527.
- Фирсовъ, В. Двѣ сестры. Ром. Кн. VI, стр. 247.
- Щепкина, А. Болре Стародубскіе. Истор. ром. Кн. I, стр. 5.
- Юрьинъ, Н. Искатель новыхъ впечатлѣній. Пов. Кн. VI, стр. 249.
- Энгельманъ, С. Въ штормѣ. Кн. VIII, стр. 345.

БРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

- Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Кн. X, стр. 446.
- Быльцевъ, Н. Опытъ художественной критики. Герой русской новеллы XIX вѣка. Кн. VII, стр. 304.
- Гогель, С. К. Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Кн. XII, стр. 533.
- Девель, Э. Сельскія и городскія Общества потребителей и общественными явленія. Кн. XII, стр. 531.
- Зелинскій, В. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. 2) Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. 3) Критическіе комментаріи къ сочин. А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. 4) Прибавленіе ко второму изданію двухъ выпусковъ книги: Собраніе критич. матер. для изученія произведеній И. О. Тургенева. Кн. XI, стр. 491.
- Казы-Векъ, Ю. Современная Турція. Кн. VIII, стр. 351.
- Курье, Поль-Луи. Часть I. Кн. XII, стр. 530.
- Линевъ, Д. Вторая книга „Не сказокъ“. Кн. XI, стр. 493.
- Рукавишниковъ, К. В. Систематическій указатель къ трудамъ Высочайше разрѣшеннымъ первымъ четыремъ съѣздамъ представителей русскихъ неправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ. Кн. XII, стр. 532.
- Сагарадзе, М. Значеніе А. С. Грибоедова въ умственномъ развитіи русскаго общества и влияніе монгольскаго ша на Россію. (Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ гор. Кутаисѣ въ 1895 г.) Кн. X, стр. 446.
- Штраусъ, Д. Ульрихъ фонъ-Гутенъ. Кн. V, стр. 199.
- ИСТОРИЯ.—АРХЕОЛОГИЯ.—БИОГРАФИЯ.—МЕМОАРЫ.
- Александренко, В. Къ биографіи князя Кантемира. Кн. IV, стр. 169.
- Алфавитъ на именныя книги пехотнаго азовскаго полку званія и иметъ съ от

- честны и съ прозвища нижепоказанныхъ разныхъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ положено въ окладъ мужскаго пола душъ, за помѣщики и за разночинцы. Кн. VII, стр. 309.
- Архивъ князя Ѡ. А. Курякина.** Кн. VII, стр. 308.
- Аванасъевъ, А.** Народныя русскія сказки. Кн. XI, стр. 495.
- Белохъ, Ю.** Исторія Греціи. Кн. VI, стр. 255.
- Борзакowski, П.** Императрица Екатерина II Великая. Кн. II, стр. 71.
- Вориневичъ, А.** Императрица Екатерина II. Кн. II, стр. 70.
- Врандтъ, Р.** Лелора, Людмила и Нерина. Кн. IV, стр. 170.
- Бузескулъ, В.** Генрихъ Зибель какъ историкъ и политикъ. Кн. XI, стр. 500.
- Вѣлголовый, Н. А.** Воспоминанія и другія статьи. Кн. XII, стр. 539.
- Вутми.** Развитие конституціи и политическаго общества въ Англіи. Кн. IX, стр. 405.
- Василевъ и Кирпичниковъ.** Псковская судная грамота. Кн. III, стр. 116.
- Васильевъ, А.** Историческій очеркъ русскаго образованія въ Тургайской области и современное его состояніе. Кн. III, стр. 114.
- Гардинеръ, С.** Пуритане и Стюарты. Кн. VI, стр. 256.
- Гейслеръ, Л.** Исторія французской революціи. Кн. XI, стр. 500.
- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусствъ. Кн. II, стр. 72.
- Дюрингъ, Е.** Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новѣйшихъ точекъ зрѣнія. Кн. XII, стр. 537.
- Ивановъ, И.** Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Кн. I, стр. 16.
- Кавелинъ, К.** Собраніе сочиненій. Кн. X, стр. 447.
- Калдашъ, В.** Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. Кн. II, стр. 70.
- Карцевъ, Н.** Избранныя сочиненія Екатерины II. Кн. II, стр. 71.
- Лависсъ, Ѡ.** Очерки по исторіи Пруссіи. Кн. XI, стр. 499.
- Лебедевъ.** Надписи на старинныхъ кнѣгахъ. Кн. IV, стр. 168.
- Легувъ, Ѡ.** Исторія духовной жизни женщинъ. Кн. I, стр. 14.
- Лансонъ, Густавъ.** Исторія французской литературы. Кн. XII, стр. 535.
- Лященко.** О молеліи Давида Заточника. Кн. VI, стр. 168.
- Марковъ, Н.** „Горь-власчашье“. Древнее русское стихотвореніе, перел. на соврем. языкъ. Кн. IX, стр. 410.
- Материалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ 1696—1727 гг.** Кн. III, стр. 117.
- Материалы по археологіи Кавказа.** Кн. VI, стр. 258.
- Миллеръ, В.** Очерки русской народной словесности. Быльми I—XVI. Кн. IX, стр. 408.
- Милль, Д.** Автобіографія. Кн. I, стр. 14.
- Миллюковъ, П.** Главныя теченія русской исторической мысли. Кн. IV, стр. 162.
- Очерки по исторіи русской культуры. Кн. V, стр. 212.
- Могря, Г.** Послѣдніе дни одного общества. Герцогъ Лосенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи Антуанетты. Кн. VIII, стр. 352.
- Мрочекъ-Дроздовскій.** О древнерусской дружнѣ по былиннамъ. Кн. IX, стр. 407.
- Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ минист. юстиціи.** Кн. IV, стр. 166.
- Петерсонъ, П. и Балабанова, Ю.** Западно-европейскій эпосъ и средне-вѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ. Кн. III, стр. 119.
- Пѣтуховъ.** Объ отношеніи Императора Николая I и А. С. Пушкина. Кн. VIII, стр. 353.
- Романовскій, В.** Императрица Екатерина II. Кн. VI, стр. 260.
- Самоквасовъ, Д.** Исслѣдованія по исторіи русскаго права. Кн. I, стр. 12.
- Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества.** Сп. 96—97 г. Кн. VII, стр. 307.
- Смирнова, А.** Залпски. Кн. X, стр. 447.
- Соколовъ, М.** Быльми, историческія, военныя, разбойничья и воровскія пѣсни, запис. въ Саратов. губ. Кн. IX, стр. 410.
- Стороженко, Н.** Вольнодумецъ эпохи Возрожденія. Кн. XI, стр. 407.
- Харузинъ, Н.** Исторія развитія жилищъ у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей Россіи. Кн. III, стр. 113.
- Жахановъ, А.** Очерки по исторіи грузинской литературы. Кн. IV, стр. 261.
- Чудиновъ.** Русская классная бібліотека. Кн. II, стр. 71.
- Шаккъ (Фонъ).** Исторія норманновъ въ Сициліи. Кн. III, стр. 118.
- Шерръ, І.** Всеобщая исторія литературы. Кн. XI, стр. 496.
- Шефферъ, П.** Забѣги о сборникѣ Кирши Давилова. Кн. VIII, стр. 354.
- Янковскій.** Личность Императора Николая I и его эпоха. Кн. VIII, стр. 353.
- Янсенъ, І.** Экономическое, правовое и политическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи. Кн. XII, стр. 534.
- Эварницкій, Д.** Исторія запорожскихъ казаковъ. Кн. VII, стр. 304.

Эйри, П. Реставрация Стюартовъ и Людовика XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Кн. VI, стр. 256.
Эминъ, Н. Исслѣдованія и статьи по армянской миеологiи, археологiи, исторiи и исторiи литературъ. Кн. VIII, стр. 354.

Brückner, A. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Кн. II, стр. 67.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Джорджъ, Г. Прогрессъ и бѣдность. Исслѣдованіе причинъ промышленннхъ застоевъ и бѣдности растущей вмѣстѣ съ ростомъ богатства. Средство избавленія. Перев. съ англ. О. Николаева, провѣренный М. Туганъ-Барановскимъ. Кн. VIII, стр. 355.

Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи. Кн. III, стр. 125.

Отчетъ по берегательнымъ кассамъ государствен. банка. Кн. III, стр. 120.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ и дѣятельности кустарно-промышленнаго банка перскаго губернскаго земства. Кн. III, стр. 122.

Петровъ, В. Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Кн. IX, стр. 416.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1895 г. Кн. III, стр. 128.

Heiligenstadt, C. Die preussische Central-Genossenschaftskasse. Кн. IX, стр. 414.

Kampffmeyer, P. Geschichte der modernen Gesellschaftsklassen in Deutschland. Кн. V, стр. 216.

Meerens, L. Etude pratique sur les habitations ouvrières en Belgique. Кн. IV, стр. 174.

de Rocquigny (Comte). L'organisation administrative des assurances et du crédit agricole. Кн. IV, стр. 174.

Harper, W. Money and social problems. Кн. V, стр. 216.

Taussing, F. Wages and capital. An examination of the wages fund doctrine. Кн. I, стр. 17.

Smith, Adam. Lectures on justice, police, revenue and arms, delivered in the University of Glasgow by Adam Smith, reported by a student in 1763 and edited with an introduction and notes by E. Cannan. Кн. V, стр. 215.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Абрамовъ, Я. Наслѣдство и раздѣлъ. Кн. II, стр. 76.

— Приобрѣтеніе и отчужденіе имущества. Кн. XII, стр. 543.

— Аренда и наемъ имущества. Кн. XII, стр. 543.

Вараць, С. Задача вексельной реформы въ Россіи. Кн. VII, стр. 310.

Вардскій, А. Невѣщеніе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ приобщеннхъ засѣдателей. Кн. X, стр. 450.

Будкевичъ, Ф. Новая теорія владѣнія. Кн. I, стр. 20.

Громачевскій, С. Охранительное Судопроизводство. Кн. II, стр. 76.

Гусевъ, А. Уставъ о гербовомъ оборѣ. Кн. IV, стр. 176.

Долбинъ, В. Курсъ законовѣдѣнія. Кн. IV, стр. 176.

Егіазаровъ С. О водовладѣніи въ Закавказскомъ краѣ. Кн. IV, стр. 175.

Закревскій, И. Уголовная антропология на женевскомъ международномъ конгрессѣ. Кн. X, стр. 451.

— Отчетъ о ваятіяхъ 4-го международного уголовно-антропологическаго конгресса. Кн. X, стр. 451.

Канторовичъ, Я. Процессы противъ животныхъ въ среднѣ вѣка. Кн. XII, стр. 541.

Никоновъ, С. П. Усадьбныя земли крестьянъ общинниковъ съ точки зрѣнія гражданскаго права. Кн. XII, стр. 542.

Обычное право крестьянъ Харьковской губ. Вып. I. Кн. XII, стр. 542.

Пржевальскій, В. Проектъ уголовного уложенія. Кн. VI, стр. 285.

Сальмановичъ, В. и Громовъ, Н. Судебные уставы Императора Александра II въ Сибіри. Кн. X, стр. 450.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественннхъ знаній. Т. VII. Кн. IV, стр. 174.

Скрябинъ, М. Систематическій сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по поземельному устройству крестьянъ Царства Польскаго. Кн. VII, стр. 311.

Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленннхъ и земледѣльческихъ артелей. Кн. II, стр. 75.

Тимофеевъ, А. Г. Исторія тѣлесннхъ наказаній въ русскомъ краѣ. Кн. XII, стр. 540.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Волгинъ, Ф. Амуръ. Природа и дѣ Амурскаго края. Кн. VI, стр. 2

Ивановъ, И. Путеводитель по Во Кн. II, стр. 74.

Корженевскій, Б. По Вос Путевые очерки и картины. Кн. стр. 172.

Отоцкій, П. Гидрологическая зк сія. Кн. VI, стр. 264.

Сапожниковъ, В. По Алтаю.)

- никъ путешествія 1896 г. Кн. VI, стр. 262.
- Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXI. Кн. IX, стр. 412.
- Святловскій, В. Родные курорты. Очерки и картинки. Кн. IX, стр. 413.
- Телешовъ, Н. Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. Кн. V, стр. 214.
- Шаховская, Л., кн. Два похода за Балканы. Кн. V, стр. 215.
- Шмелевъ, И. На скалахъ Валама. Путевые очерки. Кн. II, стр. 73.
- Щербатова, О., кн. Въ странахъ вулкановъ. Путевые записки на Явъ 1898 г. Кн. V, стр. 214.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

- Акинѣевъ, И. Опредѣлитель семействъ двѣтковыхъ растений Европейской Россіи. Кн. VII, стр. 312.
- Брайтвинъ, Элиза. Дружба съ природой. Рассказы въ изложеніи Дм. Кайгородова. Кн. XII, стр. 544.
- Буанъ, Ф. Исторія водъ. Кн. XI, стр. 500.
- Выставки пчеловодства: 2-я передвижная, сѣрпуховская, 3-я передвижная. Труды И. Р. О. А. Ж. и Р. Кн. VIII, стр. 360.
- Вюльменъ, В. Біологія растений. Кн. VII, стр. 812.
- Гельмгольтцъ. Популярныя рѣчи. Переводъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, подъ ред. О. Хвольсона и С. Терешана. Кн. VII, стр. 313.
- Гетчинсонъ, Г. Автобіографія земл. Кн. VIII, стр. 360.
- Естествознаніе и Географія. Научно-популярный и педагогическій журналъ. Кн. X, стр. 452.
- Заленскій, В. Основныя начала общей зоологіи. Принципы строенія и развитія животныя. Кн. II, стр. 77.
- Selenka, Emil. Zoologisches Taschenbuch für Studierende zum Gebrauch während der Vorlesungen und praktischen Uebungen. Vierte Auflage. Кн. XII, стр. 544.
- Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи. Кн. II, стр. 78.
- Извѣстія южно-русского общества акклиматизаціи. № 1. Кн. IX, стр. 418.
- Ильинскій, М. Народы земного шара. Кн. VIII, стр. 369.
- Кольбе, В. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ. Кн. VIII, стр. 362.
- Кукъ, Д. Новая химія. Пер. Алексина, подъ редакціей М. Коновалова. Кн. I, стр. 21.
- Лаккестеръ, Ф. Полчаса съ микроскопомъ. Кн. X, стр. 457.
- Ландау. Учебникъ физиологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ приложеніи къ

- практической медицинѣ. Пер. подъ ред. В. Данилевскаго. Кн. X, стр. 457.
- Ланстротъ, Л. Пчела и улей. Кн. VI, стр. 272.
- Лассаръ-Конъ. Химія въ обыденной жизни. Кн. X, стр. 456.
- Лункевичъ, В. Популярная біологія. Кн. VIII, стр. 367.
- Майльсъ, А. Естественная исторія въ рассказахъ, живописующихъ природу, нравы и обычай животныя. Кн. IX, стр. 419.
- Мильнсъ-Маршалль, А. Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію. Кн. I, стр. 22.
- Плохинскій, А. Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Кн. I, стр. 22.
- Программы и наставленія для наблюденій и собранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Кн. II, стр. 77.
- Рихтеръ, В. Учебникъ педагогической химіи по новейшимъ воззрѣніямъ. Кн. X, стр. 458.
- Святскій, И. Полезная бібліотека. Драгоценныя камни. Кн. VIII, стр. 362.
- Стольцовъ, А. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Кн. VIII, стр. 357.
- Тихомировъ, А. Атласъ по шелководству. Кн. VIII, стр. 361.
- Федченко, В., и Флеровъ, А. Водяныя растения средней Россіи. Кн. VII, стр. 311.
- Фишеръ, Ф. Руководство къ приготовленію органическихъ препаратовъ. Кн. X, стр. 455.
- Фрейбергъ, П. Растенія—друзья человѣка (Культурно-ботаническіе очерки). I) Финиковая и кокосовая пальма. II) Бамбукъ. Кн. VI, стр. 271.
- Циммерманъ, А. Микроскопъ. Руководство для научной микроскопіи. Кн. III, стр. 126.
- Ширяевъ, Н. Руководство къ собранію и сохраненію насѣкомыхъ. Сост. по К. В. Рейли. Кн. X, стр. 456.
- Явейнъ, Л. Руководство къ качественному и количественному химическому анализу. Кн. IV, стр. 178.
- Guide des excursions du VII Congrès Géologique International. Кн. X, стр. 457.
- Naumann. Naturgeschichte der Vögel Mitteleuropas. Кн. XI, стр. 501.

МЕДИЦИНА.

- Боде, В. Берегите дѣтей отъ вина, пива и волики. Кн. V, стр. 219.
- Булатовъ, П. Книга здоровья. Общедоступное руководство здравоохраненія. Кн. I, стр. 25.

Дитрихъ, Е. Новое manuale pharmaceuticum. Кн. X, стр. 461.

Жбанковъ, Д. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. Кн. VIII, стр. 364.

Зодотаревъ, Л. Что говоритъ наука о половой потребности. Кн. VIII, стр. 365.

Историческій очеркъ дѣятельности російскаго общества Краснаго Креста. Кн. VI, стр. 267.

Коваленко, Г. Какъ лѣчить раны. Кн. IV, стр. 182.

Козинцевъ, М. Сѣрно - спичечное производство въ санитарномъ отношеніи. Кн. III, стр. 128.

Коппе, Р. Алкогольная хилость и недолговѣчность современнаго человѣчества. Кн. V, стр. 219.

Коровинъ, А. Послѣдствія алкоголизма. Кн. VI, стр. 268.

Крафтъ - Эбингъ. Учебникъ психіатріи. Кн. X, стр. 459.

Лавровъ, С. Очеркъ земской медицины Нижегородскаго уѣзда. Кн. VIII, стр. 365.

Легренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Кн. VI, стр. 268.

Маркъ, С. О народныхъ санаторіяхъ для слабогрудыхъ. Кн. V, стр. 219.

Павлова, С. Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Кн. IV, стр. 181.

Пенцольтъ и Штинцингъ. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Кн. I, стр. 26, и кн. X, стр. 460.

Покровская, М. О вліяніи жилищъ на здоровье, нравственность, счастье и матеріальное благосостояніе людей. Кн. VIII, стр. 365.

Самборскій, С. Общедоступный лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Кн. IV, стр. 182.

Сикорскій, И. А. Эпидемическія воляныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ. Кн. XII, стр. 545.

Смитъ, К. Терапія внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней. Кн. I, стр. 25.

СМИТЬ. Какое положеніе должны мы, врачи, занимать въ вопросѣ объ алкоголизмѣ. Кн. V, стр. 219.

Тезяковъ, Н. Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора. Кн. VIII, стр. 365.

Толстой, К. Алкоголизмъ въ Россіи. Кн. VI, стр. 268.

Филипповичъ, Козловскій и Чаушанскій. Одесса, какъ лѣчебный центръ. Кн. IV, стр. 182.

Хирургія. Ежемѣсячное изданіе подъ редакціей проф. П. И. Дьякова. Кн. XII, стр. 545.

Цвѣтаевъ, Д. Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ. Кн. II, стр. 80.

Чудновскій, Ю. Лекція по общей терапіи. Кн. VI, стр. 267.

Шапиро, В. Учебникъ фармакологіи. Кн. X, стр. 460.

Штрюмпель. По вопросу объ алкоголѣ съ врачебной точки зрѣнія. Кн. V, стр. 219.

Языковъ, К. Популяризація медицины въ деревнѣ. Кн. X, стр. 459.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Боровичъ, А. Индукціонная катушка или спираль Румкорфа и ея изготовленіе.

Гайсбергъ, С. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Кн. I, стр. 23.

Головъ, Д. Добавленія къ справочной книгѣ для электротехниковъ К. Гравинкеля и К. Штреккера. Кн. VIII, стр. 363.

Даниловъ, Ф. Самовоогараніе угля, хлопка и пр. Кн. VII, стр. 315.

Де-Вилли. Производство чугуна. Краткое руководство доменной плавки. Кн. VI, стр. 269.

Ледесбургъ, А. Металлургія чугуна, желѣза и стали. Кн. VI, стр. 268.

Оглоблинъ, В. Колористическій сборникъ. Кн. VI, стр. 269.

Поддерегинъ, Д. Названія строительныя школы въ Германіи. Кн. IV, стр. 179.

Прюдомъ. Крашеніе и печатаніе. Кн. V, стр. 217.

Тулуновъ, Н. Воскресныя чтенія для рабочихъ на заводѣ К. Тиль и К°. Кн. VII, стр. 313.

Чиколовъ, В. Справочникъ для электротехниковъ. Кн. V, стр. 217.

Шпигель, М. Технический прогрессъ въ современной промышленности. Кн. I стр. 23.

Федотьевъ, П. П. Инж.-технол. Производство сѣрной кислоты. Кн. XII, стр. 546.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Алтуховъ, П. Лошадь. Руководство для крестьянъ коневодовъ. Кн. VIII, стр. 368.

— Корова. Руководство для крестьянъ. Кн. VIII, стр. 368.

Барнардъ, Ч. Богатство отъ земли. Вліяніе погоды и климата на растенія. Значеніе почвы для растеній. Кн. I стр. 25.

Бевадъ, И. Краткое руководство къ сельско - хозяйственному химическому анализу. Кн. III, стр. 127.

Бертенсонъ, В. По югу Россіи Кн. VII, стр. 316.

— Виноградство на песчаныхъ почвахъ Кн. VII, стр. 318.

Вильдермингъ, П. Бесѣды по земледѣлю. Кн. VIII, стр. 367.

Бритчиковъ, И. Опрежденіе возраста у лошади. — Какъ осматривать лошадей при покупке. Кн. VIII, стр. 367.

Веберъ, К. Земледѣльческія машины и орудія. Кн. VIII, стр. 369.

Гриммъ, А. Каспійско-Волжское рыболовство. Кн. X, стр. 459.

Езерская, Л. Молочное дѣло и молочныя школы въ Финляндіи. Кн. VIII, стр. 368.

Елинъ, И. О разведеніи годныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и поутепленныхъ парникахъ. Кн. II, стр. 79.

Заваринъ, В. Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству, читанныя въ Едимоновской школѣ. Кн. III, стр. 128.

Золотаревъ, Л. Разведеніе подсолнечника. Кн. VIII, стр. 367.

Зусманъ, А. Утилизация нечистотъ съ сельско-хозяйственнымъ цѣлью. Кн. VIII, стр. 370.

Кукъ, В. Практическій хозяйнъ-птицеводъ или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ. Кн. X, стр. 458.

Масальскій, В. Кн. Оврага черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. Кн. XII, стр. 547.

Мещерскій, А. Письма деревенскаго хозяина. Кн. VI, стр. 270.

Мусинъ-Пушкинъ, О. Какъ вести челядь въ ульѣ Дадана. Кн. IV, стр. 180.

Орелкинъ, П. Изъ жезая пчелъ. Кн. IV, стр. 180.

Перепелкинъ, А. Историческая записка объ учрежденіи Имп. общ. сельскаго хозяйства. Кн. VII, стр. 317.

Поповъ, А. Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ. Кн. I, стр. 24.

Самборскій, С. Корова. Кн. V, стр. 218.

Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винограднѣю на Кавказѣ. Кн. I, стр. 24.

Селивановъ, А. Историческій очеркъ развитія пчеловодства въ Россіи. Кн. IV, стр. 181.

Справочный указатель земскихъ сельскохозяйственныхъ учрежденій. Кн. VIII, стр. 369.

Строевъ, П. Филлоксера и борьба съ нею. Кн. VIII, стр. 368.

Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ Тульской губ. Кн. V, стр. 218.

Указатель сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній подвѣд. департаменту земледѣлія. Кн. VIII, стр. 369.

Утѣхинъ, Н. Сельско-хозяйственное счетоводство. Кн. VI, стр. 270.

Филипченко, М. Мошнородищенское мѣстѣ Е. А. Балашевой. Кн. II, стр. 79.

Шигулевичъ, Я. Общедоступный гдѣ-

чебникъ домашнихъ животныхъ. Кн. VIII, стр. 370.

Широкихъ, И. Основные приемы повышения урожаевъ при помощи рациональной культуры полей. Книга XII, стр.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Алексѣевъ, В. Избранныя эпиграмы греческой антологіи. Кн. X, стр. 452.

Charisteria. Сборникъ статей по филологіи и лингвистикѣ въ честь Федора Евгеньевича Корша, заслужен. проф. Моск. ун-вер. Кн. IV, стр. 170.

Schuchardt, H. Georgisches „ge“. Кн. IV, стр. 171.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Адольфъ, А., и Любомудровъ, С. Orbis Romania pictus. Кн. VI, стр. 273.

Азбукинъ, М. Учебникъ по русской грамматикѣ. Кн. VIII, стр. 371.

Балобанова, Е. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Кн. II, стр. 84.

Баронъ, А. Учебникъ этимологіи нѣмецкаго языка. Кн. VI, стр. 273.

Бобрецкій, Н. Учебникъ зоологіи для студентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Кн. IX, стр. 420.

Бородинъ, С. Краткій учебникъ русской грамматикѣ для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Кн. IX, стр. 423.

Бруттанъ, А. Элементарный курсъ естественной исторіи. I. Зоологія. Кн. VIII, стр. 378.

Вахтеровъ, В. П. Русскій букварь для обученія письму и чтенію, русскому и церковно-славянскому. Кн. XII, стр. 544.

Вучетичъ, Н. Божьи дѣти. Кн. IV, стр. 184.

— Куза. Кн. IV, стр. 184.

Гебель, В. Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Кн. II, стр. 81.

Глинка, Звуковой букварь и предисловіе къ звуковому букварю. Кн. VIII, стр. 371.

Гофманъ, А. Начальная хрестоматія нѣмецкаго языка. Кн. VII, стр. 320.

Грековъ, Ѳ. Руководство къ первоначальному обученію письму. Кн. VII, стр. 319.

Гусевъ, А. Справочный церковно-славянскій словарь. Кн. IX, стр. 423.

Де-Амичисъ. Дневникъ школьника. Кн. V, стр. 224.

Дмитріевъ, П. Сборникъ образцовъ русской словестности для выразитель-

- наго чтенія и заучиванія наизусть. Кн. IX, стр. 422.
- Житецкій, П.** Теорія сочиненія съ хрестоматіей. Кн. VI, стр. 274.
- Журавская, Е.** Сто рассказовъ изъ жизни животныхъ. Кн. VI, стр. 275.
- Закъ, Н.** Гигіена обученія письму. Кн. V, стр. 221.
- Ильинскій, А.** Конспектъ географіи. Кн. VII, стр. 320.
- Киплингъ, В.** Рассказы для дѣтей. Кн. V, стр. 223.
- Крижъ, В.** Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II. Кн. I, стр. 27.
- Лукашевичъ, К.** Восоногая команда. Пов. изъ недавняго прошлаго. Кн. V, стр. 222.
- Лунскій, Н.** Вычисленіе процентовъ, интересовъ и дисконтовъ. Кн. IV, стр. 187.
- Курсовыя вычисленія. Кн. IV, стр. 187.
- Ляпина, М.** Русскіе путешественники-ислѣдователи. Кн. IV, стр. 186.
- Малиссъ, Я.** Сборникъ правилъ русскаго правописанія. Кн. V, стр. 220.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Зарницы. Сборн. рассказовъ для старшаго возраста. Кн. II, стр. 83.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Алѣбушкины сказки. Кн. III, стр. 130.
- Незвановъ, Дѣтскіе** рассказы. Кн. V, стр. 223.
- Песковский, М.** Прочитайшь—жизнь узнаешь. Кн. VIII, стр. 375.
- Играйте и читайте. Кн. VIII, стр. 376.
- Персональный, С.** Учебникъ зоологіи, состав. преимущественно къ програм. реальн. училищъ. Кн. VIII, стр. 373.
- Петровъ, К.** Русскій языкъ. Этимологія и синтаксисъ въ образцахъ. Кн. V, стр. 222.
- Потъхинъ, Л.** Учебникъ пчеловодства. Кн. IX, стр. 421.
- Раевскій, Н.** Краткая зоологія. Кн. VI, стр. 274.
- Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемъ курса средн. учебн. заведеній. Кн. II, стр. 81.
- Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читателей.** Кн. VII, стр. 322.
- Сборникъ арифметическихъ задачъ для воскресныхъ школъ, вечернихъ и повторительныхъ классовъ. Курсъ средній и старшій.** Составл. подъ ред. Ал. Галляха. Кн. XII, стр. 549.
- Сиротъ, И.** Практическіе курсы русскаго правописанія. Кн. V, стр. 220.
- Соловьевъ, А.** Искусство выразительнаго чтенія. Кн. VIII, стр. 374.
- Сборникъ образцовъ русской литературы для выразительнаго чтенія и заучиванія наизусть. Кн. IX, стр. 425.
- Станюковичъ, К.** Среди моряковъ. Рассказы. Кн. IV, стр. 184.
- Вокругъ свѣта на „Кормунѣ“. Сцен. изъ морской жизни. Кн. VIII, стр. 377.
- Степановъ, Н.** Учебникъ математической географіи (космографіи). Кн. XII, стр. 550.
- Уордъ, Г.** Давидъ Гривъ. Рассказъ о томъ, какъ человекъ нашелъ дорогу въ жизни. Кн. X, стр. 461.
- Фюмель, Л.** Практическій курсъ французскаго языка. Кн. VII, стр. 321.
- Цицеронъ, Рѣчь за Л. Мурена.** Кн. VI, стр. 272.
- Рѣчи противъ Катилины. Кн. VI, стр. 272.
- De suppliciis (о казняхъ). Кн. VII, стр. 320.
- Чудиновъ, В.** Русская школьная библиотека. Вып. XX—XXV. Кн. IV, стр. 185.
- Шакинъ, Л.** Практическая русская грамматика. Кн. IX, стр. 421.
- Штейнгауэръ, И.** Первые уроки географіи, примененные къ потребностямъ школъ съ иногородскими элементами. Кн. IX, стр. 424.
- Щ. В.** Джюкка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Кн. I, стр. 28.
- Ястребовъ, А.** Упрощенныя правила русскаго правописанія, малозначныя въ видѣ разбора. Кн. VII, стр. 318.
- Яхонтовъ, И.** Руководство къ церковно-славянскому чтенію. Кн. VIII, стр. 372.

Schölzel, K. Deutsche Fibel oder erstes Lesebuch für die Kirchenschulen der ehemaligen deutschen Kolonien in Russland. Кн. IX, стр. 424.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

- Быкова, А.** Сѣверо-Американскіе Соединен. Штаты. Кн. I, стр. 33.
- Бьерсонъ, Славный царь.** Кн. V, стр. 228.
- Вересаевъ, В.** Страшная смерть великаго человека. Вып. Кн. V, стр. 224.
- Водозовъ, Е.** Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турец. Англичане. Нѣмцы. Итальянцы. Испанцы. Кн. I, стр. 33.
- Г. Р.** Рассказы о Литвѣ и литовцахъ. Кн. I, стр. 29.
- Девель, Ф.** О Восточной Сибири. Кн. I, стр. 32.
- Деревенскіе рассказы.** Сборникъ, изд. Сытинъ. Кн. XI, стр. 505.
- Желиховская, Е.** Княжна Цзен. — Кавказскій легіонъ. Кн. XI, стр. 505.
- Жатейскія непагоды.** Сборникъ. Кн. XI, стр. 505.
- Кайданова, О.** Школа. Кн. V, стр. 228.
- Коваленская, А.** Крутяковъ. Кн. XI, стр. 505.
- Конопницкая, М.** Мендель Г. и сн. Кн. XI, стр. 505.

- Краснова, А.** Какъ живутъ китайцы. Кн. V, стр. 228.
Къ великому Святлому дню. Сборникъ. Кн. XI, стр. 505.
Магометъ. Изд. общ. распространенія въ народѣ грамотности. Кн. V, стр. 228.
Миллеръ, Д. Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ. Кн. V, стр. 228.
На недѣлнѣ. Сборн. изд. Сытинскъ. Кн. XI, стр. 505.
Новицкая, А. Южно-Уссурийскій край и переселенцы. Кн. V, стр. 228.
 — На краю свѣта. Кн. V, стр. 228.
Р. С. Г. С. Сковорода. Биограф. очер. Кн. V, стр. 228.
 — Карлъ Великій. Кн. V, стр. 228.
 — Братства въ Юго-Зап. Руси. Кн. V, стр. 228.
Радакова, Е. Голландія. Очеркъ. Кн. V, стр. 227.
Разказы о Финляндіи. Кн. I, стр. 31.
Рождественскіе разказы. Кн. XI, стр. 505.
Средняя Азія. Научно-литерат. сборникъ по Средней Азіи. Кн. IV, стр. 187.

- Ставровскій, А.** Кавказъ. Кн. I стр. 32.
Черняевъ, М. Разказы объ Австраліи и австралійцахъ. Кн. I, стр. 32.
Чижовъ, Е. Новый Свѣтъ. О томъ, какъ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Кн. I, стр. 33.
Читальня народной школы. Ежемѣсячный журналъ для грамот. крестьянъ и для ученик. народа. школы, Кн. III, стр. 131.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.—
КАЛЕНДАРИ.

- Долгоруковъ, В.** Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Кн. V, стр. 230.
Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1895—96 гг. Кн. III, стр. 137; кн. V, стр. 228.
Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 г. Кн. III, стр. 139.
Харьковскій календарь на 1897 г. Кн. V, стр. 230.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Бол. Никитская ул., Брюссовскій пер., д. Вельтищевой) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1886, 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling
(510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing
books to NRLF
- Renewals and recharges may be made
4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

SEP 30 2002

DD20 15M 4-02

LEY

Ps